ВТОРОИ ГОДЪ ИЗ ДАНІЯ.

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 14 1-го ЯНВАРЯ 1902 ГОДА. № 14

О ДЕМОНСТРАЦІЯХЪ.

Дни идутъ за днями, но не походятъ одинъ на другой. Давно-ли люди, мнившіе себя опытными „практиками“, старались убѣдить „теоретиковъ“ въ томъ, что „толковать рабочей массѣ въ Россіи объ уничтоженіи капитализма, о соціализмѣ, наконецъ, объ уничтоженіи самодержавія вообще нелѣпость“, и рѣзко порицали группу „Осв. Труда“ за то, что она будто бы хотѣла „взять самодержавіе на уру“. Теперь голоса такихъ „критиковъ“ окончательно смолкли, теперь даже неисправимые „экономисты“ стараются придать своимъ рѣчамъ политическій оттѣнокъ, и теперь, повидимому, въ самомъ дѣлѣ появились люди, думающіе, что самодержавіе можетъ быть взято „на уру“ однимъ энергичнымъ усиліемъ. Кто напоминаетъ этимъ людямъ, что наша побѣда надъ царизмомъ еще не близка, того они упрекаютъ въ „расхолаживаніи“ революціонеровъ. Это, конечно, необдуманные упреки: серьезныхъ революціонеровъ не расхолодишь никакими напоминаніями о продолжительности предстоящей имъ борьбы, а на кого такія напоминанія могутъ подѣйствовать угнетающимъ образомъ, тотъ горячъ лишь на поверхности. Побѣдятъ врага не тѣ, которые ежедневно твердятъ, что мы переживаемъ „канунъ революціи“, а тѣ, которые готовы неустанно исполнять всю, — какъ праздничную, такъ и будничную работу, необходимую для скорѣйшаго наступленія кануна революціи. Тѣ крестоносцы, которые, едва выступивъ изъ своихъ деревень, при видѣ каждой колокольни спрашивали: „не это-ли Іерусалимъ?“, не попали въ Палестину. Іерусалимъ былъ взятъ тѣми опытными воинами, которые знали дальность ожидавшаго ихъ пути и приняли мѣры для преодолѣнія его трудностей. Въ нашемъ дѣлѣ самообманъ опаснѣе для насъ, чѣмъ всѣ военныя хитрости нашего коварнаго непріятеля.

Демонстраціи, ознаменовавшія собою начало 1901 г., повторились въ его концѣ. Все заставляетъ думать, что и новый, 1902 годъ, будетъ такимъ же, если не болѣе, бурнымъ, какъ и его предшественникъ. Рабочій классъ принимаетъ самое дѣятельное участіе въ демонстраціяхъ; по большей части онъ составляетъ главную ихъ силу. Но не будемъ обманывать себя словами. Рабочій классъ оказывается представленнымъ въ демонстраціяхъ лишь нѣкоторыми своими слоями. Онъ еще не двинулся всей своей массой. Исключеніе изъ этого правила составляютъ развѣ лишь извѣстныя московскія волненія. И именно тѣмъ, что не вся рабочая масса участвуетъ въ демонстраціяхъ, объясняется то, что полиція пока еще очень легко справляется съ „нарушителями порядка“. Она еще нигдѣ не встрѣтила отпора. А отпоръ психологически необходимъ, потому что, если его еще долго не будетъ, то демонстраціи станутъ утрачивать свое воспитательное вліяніе на массу и пріобрѣтать въ ея глазахъ значеніе опыта, доказывающаго полную невозможность открытаго сопротивленія власти. И тогда неизбѣжно и естественно возникнутъ такія формы борьбы, которыя отдалятъ революціонеровъ отъ рабочей массы и чрезвычайно сильно затруднятъ имъ рѣшеніе ихъ важнѣйшей задачи, о которой они не должны забывать нигдѣ и никогда, — задачи систематическаго и неуклоннаго содѣйствія всестороннему развитію классового самосознанія пролетаріата. Кто умѣетъ цѣнить воспитательное значеніе демонстрацій и кто желаетъ сохранить это ихъ значеніе, тотъ долженъ всѣми силами стремиться къ тому, чтобы онѣ все болѣе и болѣе пріобрѣтали массовой характеръ. Тамъ, гдѣ массовыя демонстраціи еще невозможны, лучше до поры до времени не выходить на улицу. Но за то тамъ надо съ тѣмъ большей энергіей и немедленно же взяться за подготовленіе массовыхъ демонстрацій.

До сихъ поръ на эту сторону дѣла не было обращено достаточнаго вниманія. Передъ нами лежитъ письмо, полученное редакціей „Искры“ нѣсколько недѣль тому назадъ изъ одного университетскаго русскаго города и прекрасно подтверждающее справедливость нашихъ словъ. „Вотъ теперь — говоритъ авторъ письма — опять начались студенческія волненія, грозящія разрости въ новые „безпорядки“. Кажется, давно бы пора выпустить къ рабочимъ прокламацію, излагающую ходъ событій въ студенческой средѣ, объясняющую причины волненій и т. д., но ничего подобнаго не дѣлается. Не знаю, чѣмъ это объяснить... Почему не сообщить рабочимъ о томъ, какъ борются за свои права студенты, почему не выяснить значенія ихъ борьбы съ министерствомъ народнаго просвѣщенія въ общей борьбѣ всѣхъ оппозиціонныхъ элементовъ съ правительствомъ, не указать на стойкость и взаимную поддержку учащихся разныхъ городовъ?... интеллигенція какъ будто довольствуется тѣмъ, что двѣ-три сотни рабочихъ, сконцентрированные въ ея кружкахъ, знаютъ обо всемъ, что творится кругомъ ея... до той же массы, которая скрывается за этими избранниками, ей никакого дѣла нѣтъ“...

Мы не хотимъ ручаться за то, что въ этой картинѣ нѣтъ никакихъ преувеличеній. Отнюдь не хотимъ! Мы прекрасно знаемъ, что преувеличенія вполнѣ возможны въ устахъ и подъ перомъ того, кто, близко и внимательно наблюдая ходъ дорогого ему дѣла, особенно поражается замѣченными имъ упущеніями и недостатками. Но что указанные авторомъ письма недостатки и упущенія дѣйствительно существуютъ, это для насъ не подлежитъ сомнѣнію. Политическая агитація въ массѣ еще недостаточно обдуманна, широка и систематична. Рабочая масса, взятая въ ея цѣломъ, еще мало знаетъ о томъ, что дѣлается въ тѣхъ — рабочихъ и „интеллигентныхъ“, — слояхъ населенія, которые уже вполнѣ проникліись духомъ „безпорядка“. Поэтому она и не оказываетъ этимъ слоямъ всей той поддержки, которую она могла бы и должна была бы оказывать. Если бы демонстраціямъ предшествовала обдуманная, систематическая и широкая агитація въ рабочей массѣ, подобная той, которая имѣетъ мѣсто въ студенческой средѣ — гдѣ передъ каждой большой демонстраціей происходитъ множество подготовительныхъ совѣщаній и собраній, — то на нашъ призывъ откликались бы не тысячи, а десятки тысячъ рабочихъ, и тогда мы повели бы съ нашими „усмирителями“ совсѣмъ другой разговоръ.

Вѣрно, конечно, и то, что обдуманная, дѣятельная и широкая агитація въ массѣ для подготовки цѣлесообразныхъ демонстрацій сама предполагаетъ существованіе стройной и прочной организаціи силъ революціонной соц.-демократіи. Но безъ такой организаціи намъ теперь вообще невозможно обходиться.

Скажемъ еще разъ: Демонстраціи должны теперь пріобрѣтать все болѣе и болѣе массовой характеръ. Но этого мало. На каждой демонстраціи надо умѣть противопоставить полицейскимъ безчинствамъ организованное сопротивленіе. Какъ организовать сопротивленіе? Лучшій отвѣтъ на этотъ вопросъ будетъ данъ, разумѣется, опытомъ. Но за опытъ придется платить страшно дорого. Поэтому намъ слѣдуетъ заранѣе прислушиваться ко всѣмъ практическимъ указаніямъ, идущимъ изъ лагеря противниковъ нашего нынѣшняго политическаго строя.

Не такъ давно вышедшая заграницей брошюра „Объ уличныхъ безпорядкахъ (мысли военнаго)“ даетъ намъ нѣсколько совѣтовъ на счетъ того, какъ сопротивляться организованной и вооруженной силѣ царскаго правительства. Правда, авторъ брошюры пріурочиваетъ свои совѣты къ такому моменту, который еще не насталъ и пока еще неизвѣстно, когда настанетъ. Онъ совѣтуетъ въ самомъ началѣ борьбы народа съ войскомъ какъ можно скорѣе „изъять изъ обращенія“ гражданское, полицейское и военное начальство. Этотъ совѣтъ самъ по себѣ очень не дуренъ. Револ. соц.-демократія, вѣроятно, и сдѣлаетъ рекомендуемый авторомъ смѣлый шагъ въ то время, когда она, крѣпко организовавъ свои силы и пріобрѣтя рѣшительное вліяніе на народную массу, а, слѣдовательно, и на весь ходъ общественныхъ событій, окажется въ состояніи взять на себя починъ вооруженнаго возстанія для нанесенія послѣдняго, смертельнаго удара издыхающему царизму. Это будетъ счастливое время. Но теперь мы вынуждены ставить себѣ тѣ болѣе скромныя практическія задачи, безъ предварительнаго рѣшенія которыхъ указанное счастливое время никогда не станетъ для насъ настоящимъ временемъ. А въ числѣ этихъ задачъ одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ занимаетъ, по нашему мнѣнію, организація такого сопротивленія предержащимъ властямъ, которое, не будучи — пока еще преждевременнымъ — открытымъ возстаніемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечило бы участникамъ демонстрацій возможность давать хорошую сдачу полицейско-казацкой ордѣ. Но и въ этомъ смыслѣ совѣты автора названной выше брошюры представляются намъ далеко не безполезными. Онъ пишетъ, напр.: „Въ современной народной толпѣ есть элементъ очень цѣнный съ точки зрѣнія силы, могущей быть противопоставленной силѣ войска... Среди рабочихъ имѣется не мало запасныхъ воинскихъ чиновъ всѣхъ родовъ оружія. Есть пѣхотинцы, есть кавалеристы, есть артиллеристы... Сгруппировавшись по родамъ оружія, раздѣлившись на десятки, съ выбраннымъ начальникомъ во главѣ, рабочіе изъ запасныхъ воинскихъ чиновъ во время волненія будутъ центрами, около которыхъ сами собой сгруппируются разрозненные элементы толпы.

„Организованные въ мирное время „десятки“, — во время волненій явятся кадрами народнаго войска.

„Люди „десятка“ должны хорошо знать другъ друга, должны быть въ состояніи довѣрять другъ другу и вполнѣ полагаться другъ на друга... Во время боя люди десятка должны во что бы то ни стало держаться вмѣстѣ“...

Въ другомъ мѣстѣ брошюры авторъ обращаетъ вниманіе своихъ читателей на ту пользу, которую можетъ принести протянутая поперекъ улицы (на аршинъ отъ земли) проволока. По его замѣчанію, такая проволока можетъ остановить движеніе конницы и артиллеріи и породить очень полезную для революціонеровъ сумятицу.

Наконецъ, отмѣтимъ еще вотъ какіе совѣты нашего автора: „Пѣхоту слѣдуетъ окружать со всѣхъ сторонъ, стѣснять, разобщать солдатъ другъ отъ друга и отъ ихъ офицеровъ“.

„Солдатамъ же слѣдуетъ заранѣе внушать, что не противъ нихъ бьется народъ“...

Все это очень похоже на полную и чрезвычайно полезную правду, и мы отъ всей души благодаримъ г. „военнаго“ за его „мысли“.

Конечно, дѣло не въ частностяхъ. Запасные рядовые могутъ быть организованы не въ „десятки“, а какъ-нибудь иначе. Рядомъ съ ними могутъ возникнуть и, вѣроятно, возникнутъ другія боевыя единицы изъ рабочихъ и студентовъ. Очень возможно, что боевыя дружины этого послѣдняго рода окажутся даже болѣе соотвѣтствующими свойствамъ нашей революціонной среды. Но вѣрно то, что мы уже теперь можемъ приступить къ организаціи сопротивленія во время демонстрацій. Когда мы организуемъ его, тогда полицейскіе кулаки и казацкія нагайки перестанутъ безнаказанно гулять по головамъ и по спинамъ студентовъ, рабочихъ и „постороннихъ лицъ“.

Эти соображенія о пользѣ, которую могло бы принести намъ созданіе подвижныхъ боевыхъ дружинъ, снова приводятъ насъ къ мысли о необходимости общей, централизованной организаціи силъ революціонной соціалдемократіи. Высказать эту мысль — значитъ повторяться. Но повторенія въ этомъ случаѣ неизбѣжны, и мы не боимся ихъ. Съ терпѣніемъ перса, поневолѣ каждый день повторявшаго своему господину: „царь, помни объ аѳинянахъ“, мы добровольно будемъ твердить нашимъ товарищамъ: помните, что намъ надо съорганизоваться!

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Демонстрація въ Екатеринославѣ. Демонстрація была назначена на субботу 15 декабря въ 5-6 час. веч. Сборнымъ пунктомъ былъ назначенъ уголъ Караимской и Екатерининскаго проспекта. Полиція знала объ этомъ. Въ городѣ по цѣлымъ днямъ до демонстраціи разгуливали солдаты и разъѣзжали съ нагайками казаки. Всюду на столбахъ были развѣшаны объявленія за подписью губернатора, въ которыхъ запрещались всякія сборища на улицахъ. Но не смотря на полицію, въ назначенное время всѣ начали собираться. Въ демонстраціи принимали участіе студенты и рабочіе, — главнымъ образомъ, рабочіе: ихъ участвовало около 300 чел. Были выброшены красные флаги пѣли „Дубинушку“ и другія революціонныя пѣсни. Но сейчасъ же появился батальонъ солдатъ и казаковъ и началось обычное избіеніе. Били прикладами ружей, били нагайками. Одного студента до того избили нагайками, что, по слухамъ, онъ уже умеръ (за достовѣрность не ручаюсь), другому нанесли серьезное пораненіе черепа, но онъ, по всей вѣроятности, останется живъ. Словомъ, на улицахъ творилось нѣчто ужасное, нельзя было выйти изъ дому, не рискуя быть избитымъ нагайками. Арестовано много студентовъ, между прочимъ: Шахновичъ, Корбе, Носовъ, Островскій, и, кажется, Каргинъ и Паршинъ. Было арестовано и избито также много барышенъ. Говорятъ, что одна барышня шла впереди толпы съ краснымъ знаменемъ. Нѣкоторые гимназисты, находившіеся въ толпѣ, были арестованы. Въ городѣ теперь очень неспокойно. Рабочіе волнуются, по городу разъѣзжаютъ казаки.

P. S. Только-что получена нами печатная прокламація Екатеринославскаго Комитета Р. С. Д. Раб. Партіи по поводу демонстраціи 15 дек. Приводимъ изъ нея описаніе демонстраціи.

„15 декабря Проспектъ представлялъ невиданное зрѣлище. Громадная толпа въ нѣсколько тысячъ человѣкъ покрыла весь Просп. на протяженіи 2 кварталовъ съ обѣихъ сторонъ пересадки на Іорданскую; на всѣхъ лицахъ была написана особенная торжественность и нетерпѣніе; всѣ глаза обращались на бульваръ, гдѣ густою толпою гуляли рабочіе и студенты, пришедшіе устроить демонстрацію. Мысль о демонстраціи подали студенты, они рѣшили выразить свое негодованіе по поводу избіенія студентовъ и рабочихъ въ Харьковѣ 2 декабря и противъ Мин. Нар. Прос. Ванновскаго, который въ прошломъ году обѣщалъ студентамъ цѣлый рядъ реформъ и улучшеній и до сихъ поръ не исполнилъ своихъ обѣщаній. Рабочіе съ восторгомъ встрѣтили это предложеніе: наконецъ-то имъ удастся открыто выразить свое негодованіе противъ царя и его опричниковъ, дать исходъ накопившейся злобѣ и возмущенію. Нѣсколько часовъ толпа провела въ томительномъ ожиданіи; наконецъ, въ началѣ шестого, не смотря на дождь, толпа демонстрантовъ съ криками „ура!“ со всѣхъ сторонъ бросилась на бульваръ, и изъ устъ вырвался и прогремѣлъ могучій возгласъ: „Долой самодержавіе! Да здравствуетъ политическая свобода! Да здравствуетъ соціалдемократія!“ Въ этихъ возгласахъ вылились всѣ завѣтныя мечты нашихъ рабочихъ; здѣсь Екатеринославскіе рабочіе, въ лицѣ демонстрантовъ, заявили свою политическую зрѣлость, свое глубокое сознаніе, что только при политической свободѣ, т. е. только тогда, когда власть будетъ въ рукахъ представителей народа, когда онъ будетъ имѣть право свободно говорить и писать о своихъ нуждахъ, собираться, открыто бороться, — только тогда ему удастся улучшить свою жизнь, расширить свое образованіе. Стройною, дружною толпою прошли демонстранты два раза по бульвару, оглашая воздухъ своими боевыми пѣснями и возгласами. Два раза полиція пыталась остановить шествіе, но была отброшена, и вѣрные холопы царя въ ужасѣ бѣжали отъ рабочихъ, вооруженныхъ палками. Но вотъ появились солдаты и казаки и съ остервененіемъ бросились на демонстрантовъ; били женщинъ, подростковъ, били прикладами, нагайками, обнаженными шашками, топтали лошадьми. Демонстранты защищались. отбивали товарищей, и только благодаря темной ночи и дождю, царскимъ опричникамъ удалось арестовать 53 чел. (много постороннихъ), изъ нихъ 5 раненыхъ. Въ воскресенье 16-го рабочіе устроили демонстрацію на Чечелевкѣ, въ рабочемъ кварталѣ“.

Кіевъ, 7 дек. 1901 г. Ну, Рождество приближается, и на сценѣ начинаютъ разыгрываться обычныя для этого времени комедіи и драмы.

Студенчество опять заволновалось. Вы уже знаете, навѣрное, по легальнымъ газетамъ, что произошло въ Харьковѣ, а потому я сообщу лишь о кіевскихъ событіяхъ.

Начиная съ октября, здѣсь волненія въ университетѣ и политехническомъ институтѣ, выразившіяся въ сходкахъ и принятіи различныхъ резолюцій, не прекращались до самаго послѣдняго времени. Затихнувъ-было послѣ бури, вызванной докладомъ „русскаго галичанина“, г. Вергуна, когда „націоналисты“ столкнулись съ „свистунами“ (выраженіе газ. „Кіевлянинъ“), они снова разгорѣлись послѣ харьковскихъ происшествій и министерскихъ приказовъ, уволившихъ весь первый курсъ ветеринаровъ и предписавшихъ администраціи высшихъ учебныхъ заведеній Харькова, не стѣсняясь девизомъ „сердечнаго попеченія“, расправляться безъ всякаго снисхожденія съ неспокойными элементами студенчества.

Когда здѣсь получено было извѣстіе о назначеніи въ Харьковѣ студенческой демонстраціи, Кіевскій „Союзный Совѣтъ“ и комитетъ политехническаго института выпустили прокламацію, излагавшую вкратцѣ ходъ событій въ Харьковѣ и приглашавшую студентовъ протестовать противъ мѣропріятій Ванновскаго. Когда же въ Харьковѣ прозвенѣли разбитыя стекла ред. „Юж. Края“ и отъ примѣненія химической обструкціи профессоръ и науколюбивые юноши попадали въ аудиторіи въ обморокъ, кіевляне рѣшили устроить сходку и обсудить положеніе дѣлъ. Универсанты назначили сходку на 7 декабря, но попечительная администрація поспѣшила ихъ распустить на рожд. каникулы 5 дек

Совѣтъ старшинъ политехническаго института созвалъ сходку на 5 дек. Поводовъ для ея созыва было нѣсколько, а именно: докладъ спеціальной коммиссіи по дѣлу студ. Никитина*), вопросъ

*) У студ. Никитина около года назадъ былъ произведенъ обыскъ, при чемъ нашли очень подробныя записки, скомпрометировавшія въ глазахъ полиціи нѣсколько лицъ. Арестованный, Никитинъ, желая выпутаться, такъ удачно отвѣчалъ, что запуталъ нѣсколько новыхъ лицъ. Потомъ, однако, онъ былъ выпущенъ и снова поступилъ въ политехническій институтъ. Студенты избрали спеціальную коммиссію для изслѣдованія его поведенія. Эта коммиссія нѣсколько разъ уже пыталась на предыдущихъ сходкахъ изложить результаты своихъ изысканій, но каждый разъ это не удавалось, такъ какъ у сходокъ не оставалось свободнаго времени послѣ рѣшенія болѣе неотложныхъ дѣлъ. На этотъ разъ ей удалось, наконецъ, высказаться, и она

о принятіи семинаристовъ въ высшія учебныя заведенія и выясненіе своего отношенія къ харьковскимъ событіямъ. Сходка по поводу вопроса о принятіи семинаристовъ въ высшія учебныя заведенія рѣшила подтвердить постановленія предыдущей сходки (24 ноября), когда была принята резолюція, протестующая противъ мѣропріятій Ванновскаго и требовавшая отмѣны прикрѣпленія студентовъ къ округамъ, открытія свободнаго доступа въ высшія учебныя заведенія для женщинъ, евреевъ и всѣхъ желающихъ вообще и т. д.

Относительно харьковскихъ событій рѣшено было выразить протестъ Ванновскому (противъ всякаго протеста высказалось только 16 голосовъ изъ 700) и поддержать харьковцевъ забастовкой. За забастовку высказалось 446 гол., противъ нея — 133, а не голосовало 63 чел.*) До сихъ поръ все шло гладко и прилично. Но вотъ всплылъ на сцену вопросъ: когда же начать забастовку, и что-же? порѣшили начать ее только послѣ рождественскихъ каникулъ! Но — дальше въ лѣсъ, больше дровъ! — вспомнили, что нѣкоторые коллеги еще не сдали весенніе экзамены, отложенные ими на январь, и вотъ, чтобы дать имъ возможность выдержать эти экзамены, постановили не начинать забастовку ранѣе 15 января. Кто-то догадался еще прикинуть къ этому числу 5 дней про запасъ, на всякій случай, и въ результатѣ харьковскіе товарищи могутъ разсчитывать на активную поддержку кіевлянъ ровно черезъ $1^1/_2$ мѣсяца, т. е. не ранѣе 20 января 1902 года! Надо полагать, что даже Ванновскій останется доволенъ такимъ основательнымъ и осмотрительнымъ рѣшеніемъ политехниковъ: вѣдь при его генеральской скоропалительности, этихъ полутора мѣсяцевъ ему совершенно достаточно, чтобы до основанія уничтожить не только ветеринаровъ перваго курса, но и всѣ курсы всѣхъ учебныхъ заведеній Харькова.

Ректоръ, призванный на сходку, опять счелъ своимъ долгомъ предупредить студентовъ о томъ, что новыя волненія могутъ принести имъ много непріятностей и т. д. Сходка тянулось съ $^1/_2$2 до 8 час. веч. Выходили изъ нея, конечно, большими толпами, и одна толпа, чел. въ 200, проходя по Шулявкѣ, запѣла пѣсни. Около тріумфальныхъ воротъ повстрѣчался какой-то офицеръ. Увидавъ студенческую процессію, онъ сейчасъ же смекнулъ, что отечество въ опасности, вскочилъ на извощика и поскакалъ куда-то во мглу вечера. Неподалеку находятся какія-то солдатскія казармы. Не желая дефилировать мимо нихъ, студенты свернули на другой путь, но увы! въ казармахъ уже поднялась тревога, и скоро вся толпа безъ вины виноватыхъ была встрѣчена городовыми и солдатами, часть, конечно, попала въ плѣнъ и 42 чел. были отведены въ участокъ, переписаны и затѣмъ всѣхъ роспустили по домамъ.

* * *

Въ Кіевѣ распространился слухъ, что на 6 дек. назначена демонстрація. И вотъ, вся наша охрана пришла въ движеніе. Весь Кіевъ, не смотря на туманъ, засіялъ и засверкалъ отъ множества бляхъ и значковъ на груди и шапкахъ какихъ-то чиновъ, высыпавшихъ на улицу вмѣстѣ съ толпами шпіоновъ. Эта контръ-демонстрація очень заинтересовала публику, но оказалась выстрѣломъ въ пустое пространство.

Къ настроенію сознательныхъ рабочихъ въ СПБ

Съ удовольствіемъ помѣщаемъ выдержки изъ весьма интереснаго письма одного петербургскаго рабочаго къ нашему товарищу. Въ письмѣ весьма характерно отражается отношеніе извѣстной части рабочихъ къ спорамъ между „экономистами“ и „политиками“:

...„Вижу, что правы-то были (въ прошломъ году) вы, да и не вы одни, а всѣ, кого мы „бунтарями“ называли. Вы тогда ничего не говорили про „Искру“, но я думаю, что она вамъ должна нравиться и что вы съ нею заодно, поэтому-то я и хочу говорить съ вами про нее и про то, что меня мучаетъ. Ходитъ къ намъ одинъ паренекъ... ничего онъ, только куцый какой-то и съ нимъ душевнаго разговора быть не можетъ... Видѣлъ я всего два номера „Искры“ — 4-ый и 7-ой, и мнѣ показалось, что я ее понимаю, а паренекъ увѣряетъ, что нѣтъ. (Просимъ не забывать, что „паренекъ“-то „куцый“. Ред.) Хотѣлъ бы и другіе нумерки ,почитать, да паренекъ не даетъ, говоритъ, будто нѣтъ у нихъ да я думаю... просто давать не хочетъ, такъ какъ они ее за вредную почитаютъ (Это „куцые“-то! Ред.). Много я думалъ про организацію, и мнѣ кажется, тамъ про это вѣрно сказано; не все только я понялъ, — смыслъ-то я уразумѣлъ, а какъвзяться за нее, не знаю. Паренекъ говоритъ, будто „Искра“ плюетъ на рабочихъ, и будто хочетъ не рабочихъ, а революціонеровъ организовать. На счетъ плеванія, я думаю, пустяки, а на счетъ революціонеровъ, мнѣ кажется, правильно. Вѣдь не всякій рабочій — революціонеръ, это разъ; а второе — это товсе глупо дѣлить на „рабочихъ“ и „интеллигентовъ“. Не въ вомъ сила. Иной рабочій годится и въ кружокъ, и въ кассу, и книжку можетъ прочитать, и на демонстрацію пойдетъ, а все-таки въ партію не годится! Конечно, безъ массового рабочаго революціи не сдѣлаешь, а все же на немъ одномъ далеко не уѣдешь. Массу и на баррикаду повести можно, и фабрику громить: какая минута подойдетъ! Вотъ и выходитъ, что такая партія нужна, чтобы не фабрику громить учила, а что другое. Трудное теперь время! Кабы знать, что дѣлать, многое бы сдѣлать можно, а по мнѣ, никто не знаетъ, что дѣлать нужно. Вотъ паренекъ говоритъ, что теперь дѣло къ концу приходитъ, начало, говоритъ, конца, и всякаго-де человѣка ребромъ ставить нужно. Если это такъ, конечно, скупиться нечего — нужно раскошеливаться. А ну какъ это только начало, и не конца начало, а просто начало? Что тогда? Тутъ всѣхъ ребромъ поставишь, а къ настоящему-то концу безъ людей и останешься? Вѣдь это не дѣло! И потомъ, знаете, нѣтъ у меня вѣры къ нимъ! Вѣдь еще съ годъ назадъ все говорили, что выше себя не перескочишь, что на все время есть, что иначе, какъ отъ печки, нельзя начинать, а печкой былъ либо мастеръ, либо расцѣнки, рѣдко, рѣдко Пирамидовъ. Раньше все увѣряли, что наше дѣло сторона (авторъ имѣетъ, очевидно, въ виду отношеніе къ студенческому движенію. Ред.), а сейчасъ увѣряютъ, что въ насъ самый центръ и есть. Помните, вы тогда говорили, что жизнь не повторяется, по мнѣ, это не совсѣмъ правильно. Посудите сами: развѣ не одно и то же повторяется вотъ ужъ четыре раза? Сперва только и свѣта, что въ кружкахъ: рабочіе мариновались на „культурѣ“ и „стоимости“, потомъ кружки ничего стоить не стали, а весь смыслъ дѣла въ массовомъ рабочемъ, въ агитаціи. Кружка больше не допросишься, не стало больше понимающихъ интеллигентовъ(!); тутъ время стачкамъ пришло — нѣтъ стачки, нѣтъ и жизни; теперь стачки свой вкусъ потеряли, нужны демонстраціи, только про нихъ и есть разговоръ. Ну, а дальше что? Такъ развѣ жизнь въ этомъ не повторяется?... Раньше — чѣмъ больше зналъ рабочій, тѣмъ лучше; съ каждымъ носились, какъ съ писанной торбой, ему и журналы, и книжки: читай, голубчикъ! а сейчасъ, какъ рабочій больше понимаетъ, такъ и за рабочаго не почитаютъ: имъ, видите-ли, „массового“ нужно: все они отъ массы оторваться боятся... Вы не подумайте, что я думаю только о себѣ, не забочусь о массѣ или отъ интеллигенціи требую науки. Ужъ куда мнѣ съ суконнымъ рыломъ! Вотъ пониманія надо бы больше — время-то трудное, прямо страшное: кругомъ все бродитъ, всѣ ходятъ озвѣрѣлые, никто выхода не знаетъ, не у кого спросить, не у кого поучиться. Я вотъ сколько времени въ кружкахъ терся, а и то голову потерялъ, а другіе годъ вообще съ дѣломъ знакомы были, да какое годъ! съ осени когда еще наладится, а къ веснѣ либо заберутъ, либо господа на дачу выбираются... Вотъ нашъ паренекъ товарища приводилъ, и оба толковали, почему за годъ все такъ перемѣнилось. Причина-де въ безработицѣ. Ну, а если она пройдетъ, опять по старому все будетъ, опять отъ печки? Эхма!... Нѣтъ у нихъ, по моему, большого пониманія, а такъ, кусочки понабрали. Раньше думали, что коли рабочій, такъ нѣтъ, кромѣ гроша, у него другого интереса; сейчасъ говорятъ, будто у рабочаго другой думушки нѣтъ, какъ бы на улицѣ костьми лечь. Вѣрно: коли время подойдетъ, отъ этого отказываться не приходится, только зачѣмъ же рабочаго (прежде) въ загородку ставили? Мнѣ „Искра“ потому и понравилась, что она рабочаго за гражданина считаетъ, а это ахъ какъ важно!... Говорятъ они еще, будто „Искра“ заговора хочетъ, а имъ сейчасъ страшно стало, вѣдь массовика въ заговоръ не упрячешь, а ну, какъ онъ озлится и плюнетъ на нихъ; вояки тоже!“.

Признаемся, мы давно не встрѣчали болѣе мѣткой критики прошлыхъ и настоящихъ прегрѣшеній нашихъ дѣятелей-интеллигентовъ. Форма письма можетъ показаться кое-кому обидной, но это обстоятельство не должно мѣшать тому, чтобы заставить товарищей призадуматься надъ вопросами, выдвинутыми авторомъ, который, очевидно, достигъ гораздо бо́льшей степени революціонной зрѣлости, чѣмъ члены многихъ нашихъ организацій.

Полицейскій провокаторъ среди сектантовъ. Оффиціальное сообщеніе о безпорядкахъ въ Павловкахъ, Харьк. г., (столкновеніе между сектант. и православ. крестьянами), частью умолчало, частью извратило причины происшествія. Этого и слѣдовало, конечно, ожидать: было бы смѣшно и недальновидно, еслибы поджигатель, спаливши въ цѣляхъ полученія страховой преміи домъ, объяснялъ бы потомъ слѣдователю, сколько фунтовъ керосину для этого потребовалось. Царское правительство и дальновидно и не любитъ насмѣшекъ. Доведя ту или другую группу населенія рядомъ „спасительныхъ мѣропріятій“, основанныхъ на излюбленномъ и „истинно-русскомъ“ принципѣ — не мытьемъ, такъ катаньемъ — до открытаго возмущенія (будетъ ли то разгромъ фабрики, тюремная голодовка, или крестьянскій бунтъ и студенческія волненія), правительство, пользуясь монополіей лживыхъ „сообщеній“, спѣшитъ напустить туману въ глаза простосердечнымъ обывателямъ и тѣмъ охранить „общественное спокойствіе.“

Ниже приводимые факты помогутъ нѣсколько разсѣять пелену правительственнаго тумана, сгустившуюся надъ павловскими толстовцами.

Достовѣрно извѣстно, что сектантамъ пришлось много претерпѣть притѣсненій отъ „православнаго“ начальства, прежде чѣмъ рѣшились они на разгромъ опостылѣвшей церкви-школы, выстроенной ради возвращенія заблудшихъ овецъ въ лоно „истинной“ церкви. Казалось, и духовныя, и свѣтскія власти, въ ярости „на отца лжи“, „антихриста“ Л. Н. Толстого, всячески стремились испытать терпѣніе и силу непротивленія злу въ его послѣдователяхъ. Дѣло доходило до того что сектантовъ преслѣдовали за нарушеніе запрещенія ходить по улицамъ двумъ-тремъ человѣкамъ вмѣстѣ.

Еще болѣе любопытнымъ представляется личность агитатора, убѣдившаго, наконецъ, сектантовъ, что въ ихъ положеніи непротивленіе злому надо отставить и слѣдуетъ употребить силу. Правительственныя газеты этого агитатора называли агентомъ толстовца — кн. Хилкова, который, какъ извѣстно, слѣдуя заповѣди Христа, отдалъ имѣніе крестьянамъ, за что по повелѣнію покойнаго „Миротворца“, для вящаго охраненія семейныхъ началъ, былъ лишенъ отцовскихъ правъ — у него отняли дѣтей, чтобы спасти ихъ отъ заразы отца и сохранить для престола, воспитавъ изъ нихъ такихъ же истинно русскихъ мерзавцевъ, какимъ былъ самъ „Миротворецъ“. Оказывается, однако, что „агентъ кн. Хилкова“ былъ самымъ доподлиннымъ и обыкновеннымъ полицейскимъ агентомъ-провокаторомъ*).

Этотъ агентъ, подъ именемъ странника Моисея, шатался между павловскими сектантами и говорилъ, что онъ не боится ареста, что ему не страшны тюремные запоры. „Силою Христовой падутъ замки, разорвутся оковы и я явлюсь къ вамъ на слободу на другой же день, какъ возьмутъ меня въострогъ слуги дьявола.“- И дѣйствительно явился. Но освободилъ посланника Христова изъ темницы никто иной, какъ сами-же „слуги дьявола“. На запросъ губернатора о причинахъ освобожденія странника Моисея мѣстный исправникъ отвѣтилъ, что странникъ, дѣйствительно, освобожденъ, о причинахъ же онаго освобожденія будетъ доложено губернатору особою бумагой.

Пусть исправникъ сумской объясняетъ губернатору о случившемся съ странникомъ Моисеемъ чудѣ. Мы, товарищи, не нуждаемся въ особой бумагѣ, для того, что бы понять, что сей сонъ означаетъ:

И много понтійскихъ Пилатовъ,
И много лукавыхъ іудъ
Христа своего распинаютъ
Творца своего продаютъ . . . .

Словно черви по разлагающемуся трупу, расползлись іуды-агенты правительства по всему пространству самодержавной Россіи. Много ихъ и въ нашей рабочей средѣ. Чутко прислушиваются они къ свободному, честному, выстраданному рабочему слову, зорко приглядываются къ проблескамъ пробуждающагося рабочаго самосознанія. Но горе вамъ, порожденье абсолютизма, горе вамъ, дѣти Зубатовыхъ, Васильевыхъ, Пирамидовыхъ! Заря политическаго освобожденія рабочаго класса не за горами. Настанетъ день народнаго суда и помянутся вамъ — и слезы Павловскихъ мужиковъ, и муки первыхъ борцовъ за великое рабочее дѣло, за народное счастье! . . .

Пермь. Намъ пишутъ: „У насъ двѣ газеты: одна оффиціальная („Пермскія Вѣд.“), другая частная („Пермскій Край“). Вотъ послѣдняя-то по недальновидности устроила очень некрасивую выходку. Часть пермской интеллигенціи, узнавши о выходкѣ „Гражданина“, рѣшила послать ему протестъ. Интеллигенціи удалось поговорить по этому поводу на собраніи въ безплатной библіотекѣ 26 октября. Только 28 октября въ хроникѣ „Пермскаго Края“ (№ 234) появилась замѣтка, въ которой кратко передается, что на собраніи рѣшили написать письмо въ „Гражд.“ и собрали уже 80 подписей и затѣмъ выбрали коммиссію изъ пяти (поименованныхъ) лицъ для выработки формы петиціи о допущеніи женщинъ въ университеты.

„Съ этого и началась исторія. Къ отвѣтственному лицу безплатной библіотеки является полицмейстеръ, спрашиваетъ о собраніи въ библіотекѣ 26 октября, ссылаясь на жандармскій запросъ и замѣтку „Пермскаго Края“. Отвѣтственное лицо о собраніи ничего не знало, но обѣщало полицмейстеру навести справки. Губернаторъ же сталъ поговаривать о закрытіи библіотеки.

„Собрался Совѣтъ библіотеки. Онъ далъ слѣдующій отвѣтъ на запросъ полиціи: въ библіотекѣ было собраніе не спеціально по поводу статьи „Гражданина“, а собраніе сотрудниковъ (что полагается по уставу) и на этомъ-то собраніи кѣмъ-то случайно былъ поднятъ вопросъ о статьѣ „Гражданина“, Былъ представленъ даже протоколъ собранія сотрудниковъ, помѣченный 26 числомъ. Дѣло какъ будто уладилось. Администрація просила только впредь на подобныхъ собраніяхъ не поднимать постороннихъ вопросовъ и сообщать полиціи о времени собраній.

„Только вдругъ на дняхъ (слѣд., почти черезъ мѣсяцъ отъ собранія въ безплатной библіотекѣ) губернаторъ получаетъ отъ департамента полиціи запросъ (съ ссылкой на „Пермскій Край“), кто разрѣшилъ собраніе въ безплатной библіотекѣ и кто былъ

*) Изъ другого источника намъ тоже сообщаютъ объ этомъ провокаторѣ и прибавляютъ, что онъ подосланъ профессоромъ Скворцовымъ, чиновникомъ Святѣйшаго Синода, извѣстнымъ преслѣдователемъ сектантовъ. Вотъ каковы наши пастыри христова стада!! Ред.

заявила, что пришла къ тому заключенію, что Никитина нельзя заподозрить ни въ шпіонствѣ, ни въ провокаторствѣ, а его выдачи объясняются неумѣніемъ держать себя на допросахъ.

*) Всего въ кіевскомъ политехническомъ институтѣ около 1050 студ. Въ моментъ голосованія было на сходкѣ 642 чел., т. е. почти $^2/_3$ всѣхъ студентовъ. Многіе уже разъѣхались на каникулы.

БЕСѢДА ПО ПОВОДУ ПИСЕМЪ ЧИТАТЕЛЕЙ.

Имѣющіяся у насъ письма читателей рабочихъ съ разныхъ концовъ Россіи показываютъ, что мы не ошибались, когда, предпринимая свое дѣло въ періодъ господства „экономизма“, разсчитывали, что выдвигаемыя нами задачи обратятъ на себя вниманіе нашей рабочей интеллигенціи. Здѣсь мы познакомимъ читателя съ нѣкоторыми отзывами, позволяющими судить, что́ цѣнятъ сознательные рабочіе въ соціалдемократической литературѣ и какъ они начинаютъ ставить партійныя задачи.

Первое письмо, подписанное „Рабочій юга“, наполнено самыми горячими привѣтствіями „Искрѣ“. Опуская ихъ, по скольку это можно сдѣлать, не искажая мысли автора, приведемъ тѣ мѣста изъ письма, въ которыхъ авторъ указываетъ на причины успѣха политической газеты среди рабочихъ.

„Каждая статья „Искры“ — передовая, изъ общественной жизни или хроники, или, что еще очень важно, изъ заграничной жизни, — каждая изъ такихъ статей, повторяю, является выраженіемъ теперешняго духа времени и . . . разрѣшаетъ то, что такъ волнуетъ насъ, рабочихъ, и очень насъ удовлетворяетъ во всѣхъ отношеніяхъ. „Искра“ первая указала намъ, рабочимъ, что мы должны интересоваться не только однимъ рабочимъ движеніемъ, но и жизнью и движеніемъ всего народа и общества. „Искра“ первая высказала вслухъ, что въ революціи въ Россіи примутъ участіе, кромѣ рабочихъ, и крестьяне и общество. Мы, рабочіе, не можемъ не высказать редакціи нашу сердечную благодарность за то, что она вывела изъ узкаго круга мыслей и понятій насъ, которые не могли не сомнѣваться въ возможности совершенія революціи одними рабочими, и обратила наше вниманіе на всѣ слои общества, которые частью также заинтересованы въ радикальномъ измѣненіи существующаго строя. Этимъ указаніемъ „Искра“ разрѣшила сомнѣнія въ возможности революціи и ободрила рабочихъ, которые почувствовали себя и сильнѣе, и не одинокими.“

Мы здѣсь должны замѣтить, что въ этомъ отношеніи „Искра“ только популяризировала ту идею, которую всегда отстаивала „Группа Освоб. Труда“ (Плехановъ, Аксельродъ, Засуличъ). Русскіе рабочіе, понявшіе всю необходимость широкой политической агитаціи во всѣхъ классахъ общества и привѣтствующіе насъ за постоянное подчеркиваніе этой необходимости, осудятъ тѣхъ недальновидныхъ „интеллигентовъ“, которые долго боролись съ „Гр. Осв. Труда“, между прочимъ, и по этому вопросу, и сильно тормозили переходъ нашего движенія на этотъ широкій путь.

„Читаемъ — продолжаетъ авторъ — „Искру“ всю съ интересомъ, но интересъ, который охватываетъ насъ при чтеніи статей „изъ общественной жизни“, невозможно описать. Чѣмъ объяснить это?... Читая статьи „изъ общ. жизни“, узнаешь, что и общество живетъ и имѣетъ свои причины быть недовольнымъ и многіе изъ этого общества стоятъ въ явной оппозиціи къ нынѣшнимъ порядкамъ; что и оно ведетъ нѣкоторую борьбу, но заглушенную и неувѣренную изъ-за того, что не имѣетъ твердой почвы подъ ногами. „Искра“ же указала имъ опору въ рабочихъ, а послѣднимъ — подспорье. И читая эти статьи, нельзя не заинтересоваться всѣмъ существомъ, такъ какъ слишкомъ ужъ убѣждаешься, что такой строй не можетъ долго устоять подъ напоромъ такого всеобъемлющаго недовольства“.

Надѣемся, что эти слова послужатъ отвѣтомъ тѣмъ недальновиднымъ „интеллигентамъ“, которые въ недоумѣніи спрашиваютъ, „какое дѣло рабочимъ до тѣхъ статистиковъ, земцевъ и т. п., которыми ихъ угощаетъ „Искра“? (См., между прочимъ, и неудовольствіе Надеждина въ сборникѣ „Канунъ революціи“ № 1). Этимъ недальновиднымъ людямъ давно пора понять то, что такъ хорошо чувствуетъ авторъ письма: что рабочій классъ не сможетъ сыграть должной роли въ русской революціи, если не будетъ отдавать себѣ яснаго отчета въ томъ соотношеніи общественныхъ силъ, при которомъ онъ ведетъ свою борьбу. Болѣе того: пролетаріатъ не сможетъ не только отстоять, но и отчетливо сознать свои спеціально классовые интересы и отдѣлить ихъ отъ интересовъ другихъ борющихся съ царизмомъ силъ, если не привыкнетъ сознательно участвовать въ общенародномъ движеніи противъ современнаго строя. Человѣкъ, который провелъ бы свое дѣтство и юность съ повязкой на глазахъ, не съумѣлъ бы увѣренно двигаться въ пространствѣ послѣ того, какъ съ него снимутъ эту повязку. А не такую-ли повязку, въ сущности, надѣваютъ нашимъ рабочимъ тѣ, кто требуетъ, чтобы рабочихъ пичкали одними „чисто рабочими“ вопросами?

Та же мысль, что́ и въ этомъ письмѣ, развивается и въ письмѣ петербургскаго рабочаго, приводимомъ выше. „Зачѣмъ рабочаго въ загородку ставили“? спрашиваетъ онъ, говоря о томъ недавнемъ времени, когда „думали, что коли рабочій, такъ нѣтъ, кромѣ гроша, у него другого интереса“. „Мнѣ „Искра“ потому такъ и понравилась, что она рабочаго за гражданина считаетъ, а это ахъ какъ важно!“

Это петербургское письмо важно для насъ еще и во многихъ другихъ отношеніяхъ. Мы узнаемъ изъ него, что наши „практики“ изъ бывшихъ „экономистовъ“ не перестаютъ обвинять наше направленіе въ „бунтарствѣ“, въ „склонности къ заговорамъ“, въ томъ, что мы „плюемъ на рабочихъ“, т. е. на массу. Но мы узнаемъ изъ нея также, что эти „жупелы“ не дѣйствуютъ на сознательныхъ рабочихъ и что они не питаютъ довѣрія къ тѣмъ, которые „Искру“ за вредную почитаютъ“ и у которыхъ „нѣтъ большого пониманія, а такъ, кусочки понабрали“ и мы видимъ, почему наши интеллигенты извѣстнаго толка потеряли къ себѣ довѣріе сознательныхъ рабочихъ. „Вѣдь еще съ годъ назадъ все говорили, что выше себя не перескочишь, что на все время есть, что иначе, какъ отъ печки, нельзя начинать, а печкой былъ либо мастеръ, либо разцѣнки, рѣдко, рѣдко Пирамидовъ“. А „сейчасъ говорятъ, будто у рабочаго другой думушки нѣтъ, какъ бы на улицѣ костьми лечь“. Этотъ „историческій поворотъ“ въ направленіи нашихъ „экономистовъ“ не могъ, очевидно, не подорвать довѣріе къ нимъ со стороны болѣе сознательныхъ рабочихъ, которые, къ чести ихъ будь сказано, не поддались пассивно общему увлеченію интеллигенціи въ сторону демонстрацій, а начинаютъ ставить весьма серьезный вопросъ: „а ну какъ это только начало, и не конца начало, а просто начало? что тогда?“ „Ну, а если она (безработица) пройдетъ, опять по старому все будетъ, опять отъ печки?“ Предлагаемъ отвѣтить на этотъ вопросъ „Раб. Дѣлу“ и „Своб“., которыя всю свою политику строятъ на предположеніи, что мы стоимъ „въ началѣ конца“ и что теперешній политическій и экономическій кризисъ есть непосредственное введеніе къ революціи, почему и „всякаго человѣка ребромъ ставить нужно“. Если прежде вся тактика приноровлялась къ условіямъ, созданнымъ быстрымъ развитіемъ промышленности и политическимъ затишьемъ въ обществѣ, и лозунгъ гласилъ „медленнымъ шагомъ“ посредствомъ стачекъ, то теперь опять тактика узко приспособляется къ условіямъ даннаго момента, оторваннаго отъ прошлаго и будущаго, къ условіямъ кризиса и общественныхъ волненій, и нынѣшній лозунгъ гласитъ: „съ мѣста въ карьеръ“ — демонстраціи, и только онѣ! Правъ нашъ авторъ, когда говоритъ, что „жизнь повторяется“ въ этихъ стремительныхъ увлеченіяхъ одной формой дѣятельности.

Что понялъ авторъ письма и чего не могли усвоить его „куцые“ оппоненты, это то, что теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, на очереди сталъ вопросъ о созданіи боевой революціонной организаціи, безъ которой наши силы по прежнему будутъ расточительно тратиться въ увлеченіяхъ то одной, то другой формой борьбы, смотря по тому, куда подулъ вѣтеръ общественныхъ настроеній. Нашъ авторъ понялъ, что именно теперь-то, когда ошибочность прежняго односторонняго увлеченія „массовикомъ“, т. е. стихійнымъ движеніемъ, стала очевидной, что теперь-то пора, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, начать работать надъ „организаціей революціонеровъ“, а не просто рабочихъ. Что необходима организація профессіональныхъ революціонеровъ, безъ которой мы по прежнему будемъ переживать то невозможное положеніе, что революція пріобрѣтается на лѣто потому, что „господа на дачу

на этомъ собраніи. Цензоръ же отъ главнаго управленія по дѣламъ печати получилъ выговоръ за пропускъ замѣтки о подобныхъ собраніяхъ.

„Началось разслѣдованіе. Полиція и жандармы забѣгали въ библіотеку. Начались допросы библіотекарши и сотрудниковъ. Въ уставъ библіотеки былъ внесенъ особый параграфъ, по которому сотрудникамъ разрѣшается собираться только въ колич. 5.

„Библіотекарша, какъ человѣкъ неопытный въ подобныхъ дѣлахъ, на вопросъ: „кто поднялъ вопросъ о статьѣ „Гражданина“, почему-то сочла нужнымъ взять на себя эту вину.

„Полиція ведетъ себя нахально. Для допросовъ является прямо въ библіотеку, ведетъ тамъ вслухъ различныя разсужденія, чѣмъ очень смущаетъ посѣтителей. Библіотекаршѣ прямо читается списокъ сотрудниковъ и про каждаго спрашиваютъ, былъ-ли онъ. Библіотекарша отвѣчаетъ уклончиво: „не видѣла“, „не знаю“, „не былъ“. Тогда полиція заявляетъ, что такъ какъ она говоритъ почти о каждомъ, что „не былъ“, то она считаетъ поименованныхъ лицъ бывшими и отмѣчаетъ крестомъ.

„Чѣмъ дѣло кончится, неизвѣстно. Разслѣдованіе продолжается. Не мѣшало бы хотя частнымъ газетамъ не дѣлать безсознательныхъ (сознательнаго мы отнюдь не предполагаемъ) доносовъ по глупости нѣкоторыхъ корреспондентовъ“.

Мы, съ своей стороны, замѣтимъ, что выговоръ нашего корреспондента было бы едва-ли не правильнѣе адресовать участникамъ собранія. Очевидно, они не видѣли въ своемъ собраніи ничего незаконнаго, и они были правы. Почему же имъ и не заявить открыто, что они были на собраніи? Неужели они боялись за это потерять мѣста на службѣ и т. п.? Неужели нельзя „рискнуть“ выговоромъ или непріятнымъ замѣчаніемъ въ такое время, когда студенты идутъ на улицу, не боясь казаковъ и войска?

Но всего интереснѣе, это — вмѣшательство изъ Петербурга! Лучше всякихъ разсужденій доказываетъ оно, что правительство вполнѣ солидарно съ „Гражданиномъ“. И мы совѣтуемъ всѣмъ и каждому усвоить себѣ хорошенько этотъ нехитрый выводъ! Ред.

КЪ СВѢДѢНІЮ ГИМНАЗИСТОВЪ И ИХЪ РОДИТЕЛЕЙ.

Учителя въ роли провокаторовъ. Во второй половинѣ октября 1901 г. по гимназіямъ и реальнымъ училищамъ разосланъ секретный циркуляръ слѣдующаго содержанія:

Предписывается какъ можно строже слѣдить за развитіемъ и выработкой убѣжденій у воспитанниковъ старшихъ классовъ, убѣжденій, касающихся сферы политическихъ отношеній государства къ обществу. Обязанность эта возлагается по преимуществу на преподавателей русскаго языка. Въ качествѣ средства ознакомленія со взглядами воспитанниковъ, которые они часто усваиваютъ внѣ школы, въ семьѣ или частномъ кружкѣ знакомыхъ (ибо студенческая среда готови ь себѣ адептовъ еще на гимназической скамьѣ), предлагается преподавателямъ задавать темы для сочиненій такого сорта, изъ которыхъ можно было бы видѣть направленіе гимназиста, и если таковое окажется въ духѣ соціалистическомъ и вообще вредномъ, принять это во вниманіе и имѣть это въ виду при пріемѣ въ высшее учебное заведеніе.

Итакъ, „сердечное попеченіе“ ген. Ванновскаго оказывается ни болѣе ни менѣе, какъ попеченіемъ о сердцахъ гимназистовъ на предметъ разысканія сѣмянъ крамолы.

Опять голодовка въ тюрьмѣ! (письмо изъ Бутырской тюрьмы). Прежде въ теченіе многихъ лѣтъ больные политическіе тодержались въ главномъ корпусѣ московской губернской тюремной больницы, находящейся при пересыльной тюрьмѣ. Этотъ главный корпусъ предназначенъ исключительно для сумасшедшихъ. Внизу въ общихъ камерахъ находятся уголовные психическіе тихо помѣшанные.

Въ большомъ среднемъ перелетѣ на уровнѣ второго этажа тянется вдоль одной стороны большая площадка и здѣсь находится 11 камеръ; сюда сажаютъ буйныхъ помѣшанныхъ. Здѣсь же въ этой камерѣ содержатся больные политическіе. Среди шума, гама и дикихъ криковъ помѣшанныхъ можно себѣ представить, какъ должно дѣйствовать пребываніе съ психическими больными на человѣка, истомленнаго одиночествомъ. Заключенный, запертый въ четырехъ стѣнахъ, привыкшій ловить всякій звукъ, какъ можетъ онъ знать, почему его сосѣдъ такъ неистово кричитъ и мечется и почему онъ, такъ внезапно захрипѣвъ, — умолкаетъ! Ужъ не истязали-ли его? Ужъ не поколотилъ-ли его озвѣрѣвшій тюремный стражъ? Въ теченіе многихъ лѣтъ указывалось на невозможность такого порядка содержанія политическихъ больныхъ.

Сравнительно не такъ давно къ больницѣ была присоединена сбоку задняя башня пересыльной тюрьмы, носящая названіе „Пугачева башня“. Въ этой башнѣ, въ одной изъ камеръ помѣстили служителя, въ другой ванную, одинъ изъ большихъ нижнихъ нумеровъ отведенъ для фельдшерицы. Въ тюремной больницѣ подъ именемъ фельдшерицы фигурируютъ лица безъ всякаго медицинскаго образованія (настоящихъ боятся, очевидно, брать въ виду ихъ неблагонадежности). Въ остальныхъ пяти нумерахъ помѣщаются больные политическіе. Два верхнихъ и два среднихъ избавлены отъ парашъ. Изъ нихъ больныхъ по стуку въ дверь выпускаютъ въ клозеты. Въ нижнемъ же первомъ номерѣ стоитъ параша. Изъ него почему-то не считаютъ возможнымъ выпускать больныхъ въ клозеты второго этажа.

Въ виду этого, а также въ виду того, что въ этомъ номерѣ сильно дуетъ изъ входной двери, онъ начинаетъ играть роль больничнаго карцера.

Повидимому, жизнь съ внѣшней стороны обстоитъ сносно: постоянно подъ рукой есть служитель, есть и представительница современной медицины. Но какъ всегда у насъ бываетъ — начнутъ дѣлать что и не додѣлаютъ: такъ, напр., внутри башня прикрыта, а крыша оставлена старой, она при сильномъ дождѣ протекаетъ, и всѣ верхнія помѣщенія разукрашены мрачными сѣрыми пятнами. Въ верхней камерѣ пахнетъ плѣсенью и сыростью. Отопленіе въ башнѣ духовое, въ подвалѣ устроена громадная печь, и грѣтый воздухъ расходится во всѣ камеры. Я сказалъ: во всѣ! Въ двѣ нижнія тепло совсѣмъ не идетъ. Вы гребная яма устроена у входа въ башню; она не глубока и почему-то таинственнымъ образомъ соединена съ подваломъ. Жидкость изъ нея просачивается въ послѣдній, и вотъ стоитъ отходникамъ потревожить сіе мѣсто, какъ вся башня втеченіе 3-5 дней наполняется зловоніемъ. Въ отдушины вмѣстѣ съ тепломъ идетъ вонь.

Но все бы это ничего. Но бѣда въ томъ, насколько администрація небрежна къ внутреннимъ, духовнымъ сторонамъ политическихъ. Смотритель по существу человѣкъ не злой, но одержимъ маніей величія и почему-то считаетъ нужнымъ на каждомъ шагу указывать на то, что, если онъ захочетъ, то удовлетворитъ требованіе, а нѣтъ, такъ и такъ оставитъ; и когда его зовутъ къ себѣ вновь прибывшіе, онъ по нѣсколько дней не является. Одному, напр., разрѣшаетъ покупать себѣ мяса каждый день, другому — нѣтъ; нѣкоторымъ разрѣшаетъ выдавать свѣчи, другимъ — нѣтъ. Свѣчи же болѣе чѣмъ необходимы заключеннымъ, такъ какъ тюремныя лампы висятъ высоко и закрываются частой желѣзной рѣшеткой, для того чтобы больные не могли облить себя керосиномъ и сжечь. Зимой темно становится съ 3 час. и читать нѣтъ никакой возможности. Нѣкоторые ставятъ на кровать табуретъ и читаютъ балансируя, рискуя каждую минуту загремѣть на каменный полъ; другіе умудряются открыть рѣшетку, рискуя навлечь гнѣвъ начальства. Предметы необходимости заставляютъ покупать въ одной опредѣленной лавкѣ. Перестукиваніе, пѣніе запрещается. Среди мертвой тишины гаснутъ силы больного. Большую часть сутокъ царитъ гнетущая тишина. Условія жизни таковы, что сами стражи на свой страхъ и рискъ нарушаютъ правила. Одинъ терпитъ перестукиваніе, другой еще что-нибудь разрѣшаетъ. За это ихъ немилосердно распекаютъ и всячески подтягиваютъ.

Такъ текла жизнь въ больницѣ до самаго послѣдняго времени.

Въ ноябрѣ въ больницѣ сидѣли: П. Покровскій, Вячеславъ Адольфъ, Мойсей Борисовскій, Пинкуль (приказчикъ) и Исаакъ Шуръ изъ Вильно, — люди, ожидающіе приговора.

Въ серединѣ ноября въ первый номеръ привезли изъ Таганки Высоцкаго; онъ устроилъ тамъ голодовку, такъ какъ его не хотѣли перевезти изъ темной камеры, окно которой закрыли желѣзнымъ листомъ, уничтожая, такимъ образомъ, доступъ воздуха и свѣта, въ свѣтлую безъ листа комнату.

Онъ голодалъ 8 дней. Начальство не хотѣло уступить и перевело его въ больницу. Изъ послѣдней Высоцкаго скоро выписали, но онъ рѣшилъ довести борьбу до конца.

Шуръ, идя на прогулку, крикнулъ: „Здравствуй, товарищъ!“ За это онъ былъ лишенъ на время прогулокъ. Тогда выведенные изъ себя небрежнымъ отношеніемъ смотрителя и мелкими придирками, политическіе нарушили гробовое молчаніе.

Утромъ и вечеромъ больница начала оглашаться веселыми криками: „Здравствуй, товарищъ! Добраго утра! Доброй ночи!“ и т. д.

А когда Высоцкій уѣзжалъ и крикнулъ: „прощайте, товарищи!“, какъ громъ удара потрясъ башню единодушный крикъ всѣхъ остальныхъ четырехъ: „прощайте! прощайте!“ Администрація всполошилась. Начались увѣщеванія, угрозы. Эпилептика Исаака Шуръ перевели въ первый номеръ и совершенно лишили прогулокъ. Отъ возбужденія у него участились припадки эпилепсіи. Но онъ рѣшилъ не сдаваться и объявилъ смотрителю, что будетъ голодать, пока его не переведутъ наверхъ и не разрѣшатъ прогулокъ. Остальные трое рѣшили тоже голодать, пока не удовлетворятъ требованія Шура, а также присоединили еще такія требованія: покупать свѣчи, чтобы на прогулку водили не въ загончикъ около выгребной ямы, а въ большой садъ. Такъ началась и идетъ борьба съ произволомъ администраціи въ тюремной больницѣ. Чѣмъ она кончится, не знаю. Смотритель грозитъ Шуру, что зашьетъ его въ мѣшокъ и привѣситъ къ потолку, если онъ будетъ кричать: „Добрый день, доброй ночи! Прощайте!“ — 6-го декабря получено извѣстіе, что голодовка продолжается седьмой день.

Примѣръ заразителенъ. На засѣдавшемъ въ первыхъ числахъ октября въ г. Полтавѣ съѣздѣ дѣятелей по кустарной промышленности была, между прочимъ, принята слѣдующая резолюція: „Съѣздъ признаетъ, что тѣлесныя наказанія не только противорѣчатъ началамъ христіанскаго ученія, но и являются тормазомъ культурнымъ начинаніямъ правительства и общества въ цѣляхъ духовнаго развитія и улучшенія быта его“. Если Побѣдоносцевъ и послушные ему „смиренные“ пастыри, засѣдающіе въ синодѣ, отлучили отъ церкви графа Толстого, то почему бы нашимъ почтеннымъ „дѣятелямъ“ не отлучить отъ церкви самого Побѣдоносцева, какъ извѣстно, ревниво охраняющаго розгу, какъ одинъ изъ устоевъ царскаго самодержавія? Примѣръ заразителенъ! Но смѣемъ увѣрить гг. Левитскихъ, Каблуковыхъ и прочихъ, что начала христіанскаго ученія споконъ вѣку нарушались всѣми тѣми, у кого въ рукахъ была власть. „Начала христіанскаго ученія“ не остановили ни одного убійства, ни одного разбоя, когда это было въ интересахъ правящихъ. Напротивъ, никто не пролилъ столько невинной человѣческой крови, какъ христіаннѣйшіе и смиреннѣйшіе отцы церкви во имя проповѣди „началъ христіанскаго ученія“.

Да и сами „дѣятели“ по кустарной промышленности не очень церемонятся съ этими „началами“: они хотятъ увѣрить царское правительство, что оно служитъ какимъ-то культурнымъ начинаніямъ, что оно заботится о духовномъ развитіи и объ улучшеніи матеріальнаго быта населенія. Это русское-то правительство! Правительство, ведущее борьбу съ голодающими! Правительство, насаждающее культуру при посредствѣ кабака! Къ чему комедія? Къ чему фарисейство? Вѣдь фарисеевъ-то Христосъ прогналъ изъ храма!

Кіевъ. Волна артельнаго движенія.

Стараясь отвлечь рабочій классъ отъ соціализма, царское правительство, въ страхѣ за свое благополучіе, по рецепту „Новаго Времени“ (см. ст. о раб. безпорядкахъ), лицемѣрно проявляетъ „отеческую“ заботливость о рабочихъ. Таково объясненіе той поддержки, какую встрѣчаютъ со стороны властей артели, быстро возникающія въ Кіевѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ (за короткій срокъ ихъ образовалось у насъ — восемь). Среди жандармовъ вездѣ появляются послѣдователи Зубатова. Нѣкоторые изъ нихъ, напр.. жандармскій полковникъ Васильевъ въ Минскѣ (см. № 5 „Искры“), дѣйствуютъ довольно умѣло; нельзя сказать, чтобы умнѣе, но, во всякомъ случаѣ усерднѣе дѣйствуетъ кіевскій жандармъ Новицкій. Рѣчь, произнесенная имъ на открытіи первой „русской“ артели портныхъ, основанной на началахъ „православія, народности и самодержавія“, (см. „Кіевлянинъ“ № 278) является своего рода шедевромъ. „Въ неустанныхъ заботахъ о васъ министръ финансовъ удешевилъ водку, сказалъ Новицкій; благодаря учрежденію винной монополіи, вы можете теперь пить дешевую и хорошую водку“; рекламируя казенную водку и выказавъ, такимъ образомъ, тонкое пониманіе смысла винной монополіи, Новицкій указалъ далѣе на то, что утвержденіе министромъ финансовъ артельнаго устава есть второе проявленіе той же заботливости, и воспользовался тутъ удобнымъ случаемъ, чтобы обрушиться на соціалдемократовъ, пустивъ въ ходъ обычное свое оружіе — клевету и ложь. „Предупреждаю васъ больше всего: не ведите знакомства съ подозрительными людьми, продолжалъ онъ, избѣгайте ихъ старательно, потому что они хитрые, очень хитрые! Я хорошо ихъ знаю, потому что самъ пресѣкаю!... Не заводите кассъ. Я самъ недавно изобличилъ одного рабочаго, — невозмутимо продолжалъ врать Новицкій передъ развѣсившими уши артельщиками — не было кассы, онъ былъ бѣденъ, а какъ завелась касса, онъ пріобрѣлъ золотые часы и пальто въ 80 руб.“. По окончаніи этой рѣчи, г. Суровцовъ, пом. прис. пов. и, можно ожидать, человѣкъ интеллигентный, имѣлъ безстыдство произнести тостъ за здоровье Новицкаго. Директоръ Госуд. банка, г. Афанасьевъ, также принимавшій участіе въ этомъ „торжествѣ“, указалъ на то, что онъ переживаетъ вторую волну артельнаго движенія, и правильно замѣтилъ, что теперешнія артели, въ отличіе отъ прежнихъ, народническихъ, имѣютъ цѣлью лишь практическія выгоды участниковъ, не представляя изъ себя идейнаго дѣла. Хотя г. Афанасьевъ выразилъ увѣренность въ ихъ жизнеспособности, а ген. Новицкій, исхлопотавъ артели 1000 руб. у мѣстнаго богача Терещенки, подарилъ ей портреты „Его“ и „Ея“, писанные маслянными красками, и икону Богоматери, призвалъ ей на помощь своею жандармскою властью всѣ силы земныя и небесныя, — однако, въ ихъ дальнѣйшемъ процвѣтаніи можно сомнѣваться. Ремесленная промышленность, неспособная выдержать конкурренціи крупнаго капитала, ищетъ спасенія въ единеніи мелкихъ предпринимателей иа артельномъ началѣ; но не въ такомъ единеніи могутъ найти себѣ выходъ русскіе рабочіе! Лишь соединившись для сверженія самодержавія, они получатъ необходимыя условія для свободной и счастливой жизни, для осуществленія соціалистическаго идеала!

Кіевъ. Въ поискахъ за „Искрой“.

Заботливость „передовыхъ“ жандармовъ объ артеляхъ ремесленниковъ да и вообще вся „Зубатовская“ политика объясняется желаніемъ не только легализировать рабочее движеніе и направить его въ мирное русло, но и установить надъ нимъ свой жандармскій надзоръ и шпіонскую опеку. Для этой цѣли жандармы стараются имѣть среди артельныхъ попечителей своихъ ставленниковъ — Френкеля-отца, неожиданно выступившаго въ роли покровителя артели переплетчиковъ. Въ артели этого карточнаго друга Новицкаго сыскъ поставленъ образцово: недавно работавшіе тамъ переплетчики были осчастливлены появленіемъ жандармскаго ротмистра Васильева, адъютанта Новицкаго. Войдя въ мастерскую, онъ направился прямо къ тому мѣсту прилавка, гдѣ подъ переплетными матеріалами одинъ изъ артельщиковъ полодыѣхали“. Что, ставя задачу такой организаціи, будетъ „глупо вѣлить на рабочихъ и интеллигентовъ“ и что „не въ томъ сила“, а въ томъ, чтобы образовать изъ рабочихъ интеллигентныхъ революціонеровъ, безъ которыхъ „на одномъ массовомъ рабочемъ далеко не уѣдешь“. Что пора нашимъ „интеллигентамъ“ отказаться отъ взгляда, что „если рабочій больше понимаетъ, такъ его уже и за рабочаго не почитаютъ: имъ, видите-ли, массового нужно“ и что не слѣдуетъ изъ-за боязни „оторваться отъ массы“ за задачей агитаціи забывать столь важныя задачи пропаганды и организаціи — организаціи партійной.

Замѣтимъ, что письмо петербургскаго рабочаго написано по поводу, между прочимъ, № 4 нашей газеты, въ которомъ мы развивали нашъ планъ организаціи, возбудившій противъ себя очень многихъ изъ нашихъ интеллигентовъ. Мы имѣли уже не одинъ случай убѣдиться въ томъ, что этотъ планъ былъ гораздо болѣе серьезно оцѣненъ сознательными рабочими. Пользуемся случаемъ, чтобы поблагодарить „кружокъ сормовскихъ рабочихъ“ за привѣтствіе, посланное имъ намъ по поводу этого организаціоннаго плана.

Выдвигаемыя теперешнимъ кризисомъ въ нашемъ движеніи задачи организаціи составляютъ тему еще одного письма въ редакцію за подписью „работница“. Приводимъ его почти цѣликомъ

Письмо въ редакцію.

„Безконечные провалы одинъ за другимъ, то бѣшенство, съ какимъ эти хищники, въ лицѣ жандармеріи и полиціи набрасываются на тѣ мѣста, гдѣ хоть сколько-нибудь существуетъ рабочее движеніе, ихъ сильное желаніе вырвать все съ корнемъ, заставляетъ меня обратиться съ письмомъ въ редакцію, чтобы такимъ образомъ подѣлиться съ товарищами нѣкоторыми своими мыслями.

„Около четырехъ лѣтъ тому назадъ, а именно въ началѣ 1898 г., я была арестована съ еще кучей товарищей (арестъ тогда былъ очень крупный, одновременно въ нѣсколькихъ городахъ); попали тогда многіе и менѣе моего „грѣшные“, но увѣряю васъ, что устраненіе меня больше, чѣмъ на четыре года отъ жизни, — слишкомъ много чести для меня, если даже стать на точку зрѣнія нашего самодержавнаго правительства.

„Но фактъ остался фактомъ, и къ великому сожалѣнію, не единственнымъ, а почти всеобщимъ, въ чемъ меня убѣдили встрѣчи съ товарищами по тюрьмѣ и за Ураломъ. Такъ или иначе, я пробыла въ „русскомъ университетѣ для рабочихъ“ съ сознаніемъ того, что если я и не совсѣмъ ничего не дѣлала, то во всякомъ случаѣ далеко была отъ того, что можно было бы назвать „дѣломъ“. Естественно, что у меня возникъ вопросъ о томъ, какъ дорого мы платимся за каждую крупицу самосознанія, внесенную въ рабочую массу. Этотъ вопросъ меня мучилъ долго, но всетаки я думала, что онъ ужъ отчасти разрѣшенъ. Теперь же, когда я вернулась, то убѣдилась, что мы еще въ этомъ отношеніи не очень далеко ушли. Хоть за послѣдніе годы рабочее движеніе безусловно выросло, но надо признаться, что выросло оно гораздо больше въ ширь, чѣмъ въ глубь. Конечно, хорошо и первое, но этого все таки мало и теперь эти хищники, какъ и прежде, вырываютъ все съ корнемъ и этимъ самымъ тормозятъ или останавливаютъ — иногда на довольно продолжительное время — все движеніе; словомъ, они и теперь на долгое время отрываютъ людей отъ „дѣла“. Но хуже всего то, что другіе сразу замѣнить ихъ не могутъ, что пришедшіе имъ на смѣну товарищи не могутъ сразу приступить къ разъ уже начатой работѣ; словомъ, не могутъ, за рѣдкими исключеніями, стать продолжателями своихъ предшественниковъ, не могутъ пользоваться ни ихъ ошибками, ни ихъ успѣхами. Нѣтъ еще ничего такого, что бы служило связующимъ звеномъ между выбывшими товарищами и пришедшими имъ на смѣну. И такъ самое большое зло, которое я вижу въ нашей работѣ, это то, что мы еще не съорганизованы, что мы работаемъ, такъ сказать, каждый за свой страхъ и рискъ, у насъ совсѣмъ нѣтъ традиціи.

„Послѣ провала работа непремѣнно должна не прекращаться, а пойти возможно живѣе. Это имѣетъ двойное значеніе: съ одной стороны, провалы не наводили бы панику на менѣе сознательныхъ рабочихъ и не убивали бы вѣру въ провалившихся, и это увеличило бы энергію тѣхъ лицъ, которые выступятъ провалившимся на смѣну. Съ другой стороны, правительство увидѣло бы, что какъ бы оно ни увеличивало штаты всякаго рода полицейскихъ крысъ, въ Россіи „крамолу“ вывести уже нельзя, что даже нельзя произвести и временнаго затишья... Но, товарищи, все это возможно будетъ, когда мы съорганизуемся, когда у насъ будетъ центральная организація, которая будетъ руководить всѣмъ движеніемъ Россіи. Этимъ было бы достигнуто не только уменьшеніе, если не полное исчезновеніе проваловъ, исправность въ работѣ, но и правильное веденіе дѣла, способность отзываться на извѣстныя требованія жизни. Никакія волненія или столкновенія, какъ напримѣръ, студенческіе безпорядки, поступки Карповичей, Лаговскихъ не застали бы врасплохъ, если бы мы могли заранѣе знать все — и воспользоваться всѣмъ. Но самое главное, — чтобы разъ начавшееся гдѣ-нибудь движеніе среди рабочихъ уже обязательно поддерживалось, чтобы оно не могло прекратиться, чтобы центръ уже могъ всегда туда направлять силы. Тогда и только тогда наша работа пойдетъ болѣе быстрымъ шагомъ впередъ.

„Чтобы постоянно быть въ курсѣ дѣла, центръ долженъ будетъ вездѣ имѣть своихъ агентовъ, а тѣ, въ свою очередь, устроить такъ, чтобы въ случаѣ ихъ ареста у центра все таки осталась связь съ данной мѣстностью (детали, какъ это устроить, не трудно будетъ выработать, когда за это возьмутся и хорошенько подумаютъ). Тогда только, когда мы хорошо съорганизуемся, провалы наши не будутъ имѣть такихъ пагубныхъ послѣдствій, какіе есть теперь. Пока мы не будемъ организованы, пока мы не будемъ имѣть полной возможности подойти прямо послѣ арестовъ къ начатой уже работѣ, пока всѣ группы, работающія или желающія работать, не будутъ строго организованы и соотвѣтственно нуждамъ распредѣлены, — мы, какъ и до сихъ поръ, будемъ тратить массу времени непроизводительно. Мы безсильны противъ врага не такъ количественно, какъ разрозненностью. Сила врага безусловно велика, но еще усиливается сплоченностью, возможностью дѣйствовать одновременно во всѣхъ концахъ Россіи, а послѣднее не зависитъ только онъ того, что ихъ такъ много, а отъ того, что они соединены и могутъ дѣйствовать по разъ задуманному плану. Мы именно этого лишены, у насъ самые преданные и выдающіеся дѣятели не могутъ работать успѣшно именно потому, что разрознены, что не могутъ выработать плана дѣйствій, что лишены возможности сговориться съ руководителями другихъ, группъ, чтобы рѣшить, какъ поступить въ томъ или въ другомъ случаѣ, словомъ, чтобы выработать какой-нибудь планъ дѣйствій. Я думаю, что мы много, много отъ этого теряемъ. Только тогда, когда мы съорганизуемся, мы сможемъ выставить противъ количественной силы врага силу качественную...

„Не претендую на то, чтобы мое письмо доказало и убѣдило въ достаточной мѣрѣ товарищей въ томъ, сколько мы теряемъ отъ того, что не организованы. Я буду очень довольна, если мое письмо напомнитъ другимъ, болѣе умѣлымъ лицамъ, взяться за эту работу.

Работница.“

Расширеніе политической агитаціи — распространеніе ея на всѣ недовольные слои, выработка сознательной рабочей интеллигенціи и созданіе боевой партійной организаціи, способной справиться съ правительственными преслѣдованіями и вести свою работу при всякихъ условіяхъ общественнаго настроенія — вотъ тѣ главныя задачи, которыя намѣчаются въ приведенныхъ нами письмахъ.

жилъ купленную имъ московскую газету „Русское Слово“ вмѣстѣ съ еженедѣльнымъ приложеніемъ ея, „Искрой“. Можно себѣ представить разочарованіе усерднаго жандарма, когда онъ извлекъ на свѣтъ Божій, вмѣсто ожидаемаго имъ „запрещеннаго листка возмутительнаго содержанія“ — его московскую легальную тезку!

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ
и
ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Москва. О рабочихъ собраніяхъ. (Письмо 1-е.)

Для того, чтобы болѣе подробно ознакомиться съ рабочими собраніями механическаго производства, мы считаемъ нужнымъ ознакомленіе начать съ верху этой незаурядно задуманной махинаціи для отвлеченія рабочихъ отъ правильно намѣченнаго пути къ освобожденію рабочаго класса изъ подъ ига капитализма, объединяющагося съ гнуснѣйшимъ самодержавіемъ Романова. Направить по ложному пути рабочее движеніе, дабы оно попало въ трясину, откуда ему не такъ то легко выбраться опять на твердую почву; вырвать изъ рабочаго движенія ту могучую силу, которой боится начинающее дряхлѣть русское самодержавіе, прочную и опасную революціонную силу стачекъ — такова главная цѣль этой махинаціи. На всякомъ порайонномъ собраніи красной нитью проходитъ эта трудно скрываемая пѣль отвлеченія рабочихъ отъ стачекъ. Но объ этомъ мы поговоримъ въ слѣдующихъ письмахъ.

Что Зубатовъ держитъ въ своихъ рукахъ всякое собраніе-это несомнѣнно, что онъ извлекаетъ ту пользу, ради которой разрѣшены эти собранія, это тоже несомнѣнно, что многое другое достигаетъ Зубатовъ благодаря этимъ собраніямъ, понятно, конечно, само собою, что это все сильно усугубляется инертностью дѣйствующихъ здѣсь товарищей, что рано или поздно они принуждены будутъ сознать сами, — мы въ этомъ увѣрены вполнѣ. А Зубатовъ не дремлетъ: во всей организаціи главную роль играетъ „совѣтъ“. Сіе учрежденіе состояло до 20-го Ноября изъ 17 человѣкъ, въ число которыхъ входятъ два провокатора Слѣповъ и Афанасьевъ, ихъ то, главнымъ образомъ, вліяніе и отражается какъ на характерѣ порайонныхъ собраній, такъ и на остальныхъ членахъ „совѣта“. Всѣ вопросы, подлежащіе обсужденію районныхъ собраній, исходятъ изъ „совѣта“, предварительно просмотрѣнные агентурой Охраннаго Отдѣленія. Дальше на районныхъ собраніяхъ дѣло ведется не по желанію присутствующихъ, а по желанію члена „совѣта“, который является по порученію „совѣта“ въ качествѣ контролера „дабы не зарвался далеко кто либо изъ враговъ.“ Врагами же „совѣтъ“ считаетъ рабочихъ, вращающихся среди „мелкой“ интеллигенціи*) т. е. революціонеровъ. . . . . Совѣтъ нашелъ необходимымъ выработать даже „инструкцію“ такъ что въ дальнѣйшемъ „совѣтъ“ долженъ являться бюрократическимъ учрежденіемъ. Соколовъ, одинъ изъ главныхъ враговъ революціонеровъ заявлялъ, при прочтеніи этой „инструкціи“, что мы (т. е. „совѣтъ“) съ господами профессорами выработали инструкцію, такъ что господа профессора принимаютъ участіе не только въ просвѣщеніи рабочихъ, но несутъ съ собою и пріемы бюрократіи. Совѣтъ „имѣетъ право назначить въ районное собраніе предсѣдателя, а если собраніе почему либо пожелаетъ выбрать само себѣ предсѣдателя, то въ такомъ случаѣ представляютъ выбраннаго на утвержденіе, какового могутъ, однако, и не утвердить“. . . . Порайонныя собранія не могутъ происходить въ тѣ дни, когда собирается Совѣтъ или въ воскресные дни, когда читаются лекціи. По „инструкціи“ члены Совѣта „на районныхъ собраніяхъ слѣдятъ за нравственностью присутствующихъ“ и т. д. Возможно, что инструкція передана нами не совсѣмъ точно, ибо у насъ нѣтъ копіи, но смыслъ вѣренъ.

Самымъ дѣятельнымъ и пользующимся популярностью рабочихъ является г. Красивскій; онъ хорошо можетъ дѣйствовать на рабочихъ своей рѣчью и не мудрено: онъ когда-то самъ былъ революціонеромъ, его и теперь не принимаютъ на фабрики, благодаря тому, что онъ принималъ нѣсколько разъ участіе въ стачкахъ. По профессіи онъ папиросникъ и послѣднее время работалъ на фабрикѣ „Дукатъ“. Шпіономъ его назвать нельзя, ибо нѣтъ для сего фактовъ, но его близкая дружба со Слѣповымъ и Афанасьевымъ, та солидарность, съ которой они поддерживаютъ другъ друга, очень подозрительна. Бывали случаи, что по просьбѣ г. Красивскаго позволяли жить въ Москвѣ политическимъ, да и то, какъ онъ иногда говоритъ на собраніяхъ, позволяетъ дѣлать заключенія для него не очень лестныя. Г. Афанасьевъ не можетъ пользоваться популярностью, какъ г. Красивскій, онъ не можетъ хорошо говорить, не можетъ завладѣть собраніемъ и говоритъ точно о покойникѣ звонитъ и все же, какъ главное лицо въ собраніяхъ, не роняетъ свой престижъ и ловко защищаетъ правительство, выставляя его заботливой матерью для рабочихъ. И съ улыбочкой постарается опровергнуть того, у кого неловко проскользнетъ какое-либо сомнѣніе въ правительственномъ доброжелательствѣ. О г. Слѣповѣ можно сказать, что онъ ходитъ съ докладомъ въ Охранное и, хотя рабочіе этого не знаютъ, но все же его не любятъ и онъ не пользуется популярностью.

Недавно было приступлено къ пополненію „Совѣта“, для чего каждое порайонное собраніе выбрало кандидатовъ и прежде чѣмъ ввести ихъ въ „Совѣтъ“, „Совѣтъ“ узналъ о ихъ направленіи и неблагонадежныхъ проваливалъ. Этотъ „Совѣтъ“ принимаетъ жалобы во время своего собранія разъ въ недѣлю. Былъ такой случай: за расклеиванье объявленій о потребительномъ Обществѣ разочли 10 ч. раб. заводовъ Винтеръ. Одинъ изъ потерпѣвшихъ сдѣлалъ заявленіе въ „Совѣтъ“, послѣдній довелъ до свѣдѣнія обер-полицмейстера. Въ результатѣ г. Слѣповъ заявилъ собранію, что Треповъ не можетъ удовлетворить жалобы. Нѣтъ, молъ, такого закона, чтобы полиція приказала не разсчитывать тѣхъ изъ рабочихъ, которыхъ находитъ нужнымъ уволить заводская администрація.

Разрѣшено Потребительное Общество, записалось около 2000 и капиталу на лицо свыше 5000. Откроютъ ли потребительную лавку или чайную, еще не было по этому поводу Общаго Собранія и вопросъ не рѣшенъ. Что же касается Общества Взаимопомощи, то такового уставъ не разрѣшенъ и въ № 8 „Искры“ вкралась ошибка. Въ Февралѣ будетъ уже годъ, какъ онъ посланъ на утвержденіе и о судьбѣ ни слуху ни духу.

Рабочій.

Городищенская отбѣльная фабр. С. Морозова (возлѣ Орѣхова-Зуева). Въ „Искрѣ“ была помѣщена корреспонденція изъ Шуи съ описаніемъ отвратительнаго и гнуснаго пріема эксплоатаціи не только женской физической силы, но и женскаго тѣла. На нашей городищенской фабрикѣ эти гнусныя, отвратительныя условія обязательны для каждой женщины съ тѣхъ поръ, какъ завѣдываніе этой фабрикой было поручено французу Жозефу Герману, другу извѣстнаго намъ Назарова; это ставленикъ его и, очевидно, его ученикъ по части гнусной системы эксплоатаціи.

Лѣтъ восемь тому назадъ директоръ этой фабрики былъ Вейсъ и тогда преимущественно работали одни мужчины, около 400 чел., исключая сшивалокъ при отбѣльномъ и крахмальномъ отдѣленіи, да подметалокъ половъ. Въ то время, можно сказать, женщины жили припѣваючи за своими мужьями, т. к. заработокъ послѣднихъ стоялъ около 27 руб. въ мѣсяцъ (320 р. въ годъ). Но вотъ поступаетъ распорядителемъ фабрики Германъ въ 1893 г. и начинается выбрасываніе мужчинъ за стѣну фабрики, взамѣнъ которыхъ являются дѣвушки и женщины съ болѣе дешевой платой за свои рабочія руки, съ болѣе смиреннымъ покорнымъ видомъ глуповатой овцы и несущія съ собою возможность сверхъ эксплоатаціи и кражи рабочей силы, эксплоатацію и кражу женскаго тѣла, женской стыдливости, женской чести. Глумленіе и надругательство надъ семейной женщиной русскаго крестьянина и рабочаго подъ покровительствомъ русскихъ законовъ и съ вѣдома царя-батюшки, который старается покрывать своею властью эти гнусности и безстыдные пріемы и въ то же время заставляетъ высылать и сажать въ тюрьмы тѣхъ изъ непокорныхъ рабочихъ, которые возмутились противъ такихъ низкихъ и деспотическихъ личностей, какъ Назаровы, Свѣшниковы, Жезефы Германы и т. п? Втеченіи 4-5 лѣтъ французъ Германъ выкинулъ за фабричную стѣну чуть не всѣхъ мужчинъ, исключая колотильщиковъ. Но это объясняется тѣмъ, что колотильщикомъ можетъ быть лишь физически сильный человѣкъ. Такъ при Вейсѣ было больше 20 чел. складальщиковъ, а теперь только 2 чел. и то для тасканья роликовъ; галандировщиковъ замѣнилъ женскимъ поломъ; въ крахмально-отбѣльномъ отдѣленіи мужчины очень рѣдки.

Дѣйствуетъ этотъ нахалъ очень открыто: такъ приглашаетъ дѣвушку или женщину къ себѣ въ кабинетъ и объясняется очень откровенно въ своихъ желаніяхъ. Если послѣдняя сдается, то дѣлается его жертвой, если нѣтъ, то спустя короткое время выкидываетъ ей паспортъ со словами: „ты мнѣ не нужна“, да тутъ же разсчитываетъ и семейство, т. е. если есть родственники. Вновь принимаетъ также изъ близь лежащихъ деревень и повторяется та же исторія.

До чего дошла эта волна гадости, видно изъ того, что взрослыя дѣти ругаютъ своихъ сверстниковъ часто: „твой отецъ баринъ, иди къ нему.“ (Бариномъ называютъ у насъ Германа.) Во время одной деревенской сходки за вышивкой мірского вина крестьянинъ Ипполитовъ говорилъ своему товарищу Лазареву: „Знаешь ли, Лазаревъ, за что мы съ тобой получили хорошія мѣста? Вѣдь наши жены послѣ работы ходятъ въ кабинетъ къ барину.“ Лазаревъ отвѣтилъ: „я скажу объ этомъ барину, и онъ за это тебя прогонитъ къ чорту“, на что Ипполитовъ обѣщалъ свести къ барину обоихъ своихъ дѣтей, чтобы онъ ихъ кормилъ, такъ какъ они его, барина. Спустя два или три дня послѣ описанной сходки Ипполитовъ былъ выброшенъ изъ фабрики. Лазаревъ же и его братья были поставлены въ прикащики. И вотъ существуютъ такіе порядки на фабрикѣ, отъ которой въ 10 верст. живетъ фабричный инспекторъ, жандармскій ротмистръ, приставъ по одну сторону, а по другую сторону исправникъ, судебный слѣдователь, но они отлично знаютъ, что министръ Сипягинъ получилъ отъ Морозова на хорошія брюки, фабричный же инспекторъ часто приглашается лизать тарелки, сами же рабочіе молчатъ, какъ холопы и не могутъ проучить до смерти этого отвратительнаго француза.

Рабочій.

Москва. У насъ на заводѣ Гагенталь въ пятницу 14 дек. послѣ окончанія работы былъ хорошо побитъ новый расцѣнщикъ нѣмецъ, только два мѣсяца пріѣхавшій къ намъ на заводъ изъ СПБ., за то, что убавилъ расцѣнокъ почти на половину. Били всѣ чѣмъ попало, и виноватыхъ никого пока не нашли. На утро на заводъ нагнали по обыкновенію городовыхъ, боясь осложненій, но пока все тихо.

Одесса. Въ концѣ октября на табачной фабрикѣ Попова, гдѣ работаетъ 600 чел., подручницы — 12-лѣтнія дѣвочки отказались работать за 30 коп. въ день, требуя съ мастерицъ прибавки. Послѣднія получаютъ по 1 рублю и прибавить подручницамъ не могутъ, поэтому обратились къ управляющему въ контору. „Посидятъ дома день-другой, да и снова прибѣгутъ“, отвѣтилъ имъ управляющій на слова, что безъ подручницъ работать нельзя. Дѣти ушли. Половина фабрики стала. Дѣти не приходили на работу впродолженіе нѣсколькихъ дней. Хозяинъ, видя, что не такъ-то легко ожидать, когда все само собою уляжется, обратился къ администраціи. Та тотчасъ поспѣшила на помощь. Городовые бѣгали по квартирамъ мастерицъ, которыя послѣ отказа прибавить 10 коп., тоже забастовали и выставили еще и другія требованія, — между прочимъ, чтобы имъ дали отдѣльную комнату для обѣда (раньше онѣ обѣдали и лѣтомъ и зимою „на чистомъ воздухѣ“) и открыли другой выходъ, такъ какъ по прежнему ходить опасно — лѣстница полусгнила. Итакъ мастерицъ тащили на работу, полураздѣтыхъ дѣтей буквально хватали на улицѣ. Но дѣло не шло: досидѣвъ до обѣда, работницы разбѣгались. Тогда подумали о „зачинщикахъ“ и арестовали 40 чел., на что работницы отвѣтили прибавленіемъ требованія выпустить арестованныхъ. Хозяинъ, видя, что дѣло не клеится, обратился къ администраціи уже съ просьбой выпустить работницъ, онъ думалъ удовлетворить ихъ требованія. Но каково было его горе, когда администрація отвѣтила: „пока насъ не звали, могли сами поступать какъ угодно; теперь же дѣло наше, не мѣшайтесь“. Новое постановленіе (о штрафованіи хозяевъ) вошло въ силу: съ хозяина этой фабрики за то, что онъ поздно заявилъ о стачкѣ, взятъ штрафъ въ 500 руб.

Съ Урала. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1901 г. въ Добрянскомъ зав. (Пермской губ.) была забастовка рабочихъ въ катальномъ цехѣ. Рабочіе, въ количествѣ 150 чел., прекратили работу и потребовали повышенія расцѣнка на первый и второй сортъ листового желѣза на 25%. Начальство согласилось на это требованіе не сразу, а лишь послѣ двухнедѣльной забастовки, да и то повысило расцѣнку только на 10% и только лишь на желѣзо перваго сорта, которое выдѣлывается въ очень небольшомъ количествѣ. Расцѣнка же на желѣзо второго сорта осталась прежняя, хотя оно и идетъ въ продажу за первый сортъ и выдѣлывается въ большомъ количествѣ. Такимъ образомъ, заработная плата повысилась очень незначительно, но рабочіе были вынуждены согласиться и начать работу на этихъ условіяхъ, — вести забастовку дольше они были не въ силахъ, потому что стачечной кассы тамъ не существуетъ — и поддержки ждать было не откуда. Бастовали рабочіе дружно, нарушителей стачки не было ни одного, но это явленіе нельзя приписать развитому чувству солидарности, а скорѣе боязни кулачной расправы со стороны забастовщиковъ. Начальство во время стачки въ отношеніи отдѣльныхъ личностей никакихъ мѣръ не предпринимало, не отказывало отъ работы, не обращалось за помощью къ полиціи, только чтобы ослабить забастовщиковъ, прекратило выдачу муки изъ заводскаго запаса (въ обыкновенное время рабочіе могутъ получать муку изъ запаса по заготовочной цѣнѣ, коп. 50-70 за пудъ, какая бы ни была ея цѣна на рынкѣ; выдается по два пуда въ мѣсяцъ на взрослаго и по 10-20 фунтовъ на ребенка).

Арестовъ и обысковъ не было.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ въ Добрянкѣ грозила вспыхнуть вторая забастовка. Рабочіе механическаго цеха, въ количествѣ 200 чел., стали требовать повышенія заработной платы на 25% на страдный мѣсяцъ. Дѣйствовали рабочіе тоже мирно. Написали просьбу о повышеніи платы и отнесли ее въ волостное, чтобы уже оттуда передали заводоуправленію. Въ данномъ случаѣ бастовать рабочимъ не пришлось. Требованіе ихъ было удовлетворено, хотя и не вполнѣ, на другой же день. Заводоуправленіе повысило плату лишь на 10%, и рабочіе были принуждены помириться и на этомъ, такъ какъ ни денегъ, ни хлѣба въ запасѣ у нихъ не было. Послѣ этого случая въ Добрянкѣ появились жандармы. У трехъ рабочихъ произведены были обыски; лица эти находятся подъ надзоромъ. Жандармы жили въ Добрянкѣ цѣлыхъ двѣ недѣли. Причина пріѣзда жандармовъ и обысковъ не сама стачка, а появившіяся уже послѣ нея прокламаціи. Прокламаціи, какъ потомъ оказалось, были расклеены и разбросаны по дворамъ въ ночь на 1 сентября; онѣ выясняли значеніе стачки. Одного рабочаго послѣ этого разсчитали якобы за порчу матеріала.

Въ концѣ сентября въ механическомъ цехѣ рабочіе снова стали поговаривать о забастовкѣ съ цѣлью сократить работу ночной смѣны съ 10 час. до 8. До сихъ поръ ночная смѣна работала съ 6 час. веч. до 6 утра съ отдыхомъ втеченіе двухъ час. (отъ 12 до 2 час. ночи). Поводомъ къ разговорамъ послужило недоразумѣніе съ однимъ изъ мастеровъ, который на одной ночной смѣнѣ началъ требовать, чтобы рабочіе не прекращали работы въ часы отдыха. Рабочіе были возмущены этимъ и по предложенію одного рѣшили всѣ уйти домой. Мастеръ струсилъ и кое-какъ уговорилъ ихъ остаться. На другой же день онъ доложилъ начальству, что ночью былъ чуть не бунтъ, и начальство распорядилось назначать въ каждую ночную смѣну стражниковъ для наблюденія за порядкомъ, такъ что ночью рабочіе работаютъ подъ конвоемъ, какъ арестанты. По всей вѣроятности рабочіе потребуютъ отмѣны такого возмутительнаго распоряженія начальства.

*) Исторію этого выраженія („мелкая“ интеллигенція) намъ передаютъ такъ: на одномъ изъ собраній Сазоновъ (помощникъ Зубатова) заявилъ рабочимъ, что у насъ имѣется двоякая интеллигенція: одна — солидная интеллигенція: профессора, помогающіе правительству въ заботахъ о рабочемъ классѣ, другая же — „мелкая интеллигенція“, состоящая изъ людей недовольныхъ и старающихся волновать рабочихъ, чтобы съ ихъ помощью добиться для себя улучшенія своего собственнаго положенія.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ.

Въ Петербургѣ 3 декабря, кромѣ упомянутыхъ (въ № 13) арестованы: врачъ Соболевъ. инженеръ Ратченко, Клавдія Селюкъ (дом. учит.), Яковъ Селюкъ (бывш. студ.), Минская (мед.), Долголенко, Бѣляевъ (студ.) и друг. Изъ Ковно привезенъ Ступель и изъ Вильны Аронъ Сольцъ (быв. студ.).

Въ Н.-Новгородѣ въ декабрѣ арестованы студ. Розовъ и курс. Добролюбская. Въ Сормовѣ рядъ обысковъ.

Изъ Москвы 1 дек. выслана служащая въ Губ. Упр. С. И. Муралова. Елиз. Заславская (служ. въ статистикѣ) арестована для отбыванія наказанія, а сестра ея Розалія — взята на границѣ при пріѣздѣ въ Россію и привезена въ Москву.

Сарапуль (Вятской губ.). Въ началѣ декабря обыскъ у бывшей курсистки Аделаиды Орловой (поднадз.).

Одесса. Въ началѣ декабря взята вернувшаяся изъ ссылки К. Захарова и еще нѣсколько лицъ. Обыски у Лившица (лит.) и другихъ.

Кіевъ. Въ началѣ декабря нѣсколько десятковъ арестовъ.

Смоленскъ. Здѣсь въ концѣ декабря аресты и обыски.

Умерли: Афанасьевъ, рабочій-слесарь. Въ 1895 г. по дѣлу о рабочей организаціи въ Екатеринославѣ былъ арестованъ и сосланъ въ Сибирь на три года. Умеръ въ Сибири, гдѣ работалъ по окончаніи ссылки.

Григ. Ник. Мандельштаммъ, одинъ изъ основателей соц.-дем. движенія въ Екатеринославѣ (1895 г.). Арестованный по екатеринославскому и московскому дѣламъ, онъ былъ приговоренъ въ Сибирь на 5 лѣтъ, сошелъ съ ума. Умеръ осенью 1901 г.

Григ. Мих. Марморштейнъ, въ концѣ 80 гг. сосланъ въ Якутскую обл. на 10 лѣтъ. Вернулся нѣсколько лѣтъ тому назадъ и отбывалъ еще надзоръ въ Кишиневѣ. Не смотря на настоянія врачей, посылавшихъ его въ Крымъ, Деп. Пол. отказалъ ему въ разрѣшеніи поѣхать лечиться. Умеръ 18 дек. 1901 г. въ Кишин.

Лянгъ, польскій рабочій, умеръ въ Ковельской тюрьмѣ (Вол. губ.). Лѣтомъ былъ арестованъ на границѣ съ транспортомъ. Умеръ отъ тяжелыхъ условій тюрьмы.

Швецовъ, ссыльный въ Верхоянскѣ (Якутской области), застрѣлился. Былъ сосланъ въ 1900 г. Покойный былъ еще очень молодымъ человѣкомъ. Сынъ желѣзнодорожнаго мастера, онъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ поѣхалъ въ СПБ. и былъ арестованъ въ дворцовомъ паркѣ, внушивъ кому-то подозрѣніе. При немъ нашли револьверъ. На допросѣ заявилъ, что пріѣхалъ убить царя. Держали въ психіатрической больницѣ, а потомъ сослали.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Побѣгъ Л. Дейча изъ Сибири. Изъ Амурской области бѣжалъ и прибылъ заграницу Л. Г. Дейчъ, одинъ изъ извѣстныхъ русскихъ революціонеровъ и одинъ изъ основателей группы „Освобожденіе Труда“. Имя Дейча связано съ „бунтарскимъ“ періодомъ движенія 70-хъ гг., въ которомъ ему принадлежитъ участіе въ организаціи знаменитаго заговора Чигиринскихъ крестьянъ. Арестованный по этому дѣлу осенью 1877 г., Дейчъ бѣжалъ весной 1878 г. изъ Кіевской тюрьмы вмѣстѣ съ Як. Стефановичемъ и Бохановскимъ и въ слѣдующіе годы боролся въ первыхъ рядахъ революціонной партіи. Вмѣстѣ съ Плехановымъ, Аксельродомъ, Стефановичемъ и другими, онъ въ 1879 г. основалъ партію „Чернаго передѣла“, изъ которой въ 1883 г. возникла первая русская соц.-демократическая группа „Осв. Труда“. Отправившись въ 1884 г. изъ Швейцаріи въ Германію для того, чтобы устроить организаціонныя дѣла этой группы, Дейчъ былъ арестованъ нѣмецкими властями во Фрейбургѣ (Баденъ) по обвиненію въ перевозкѣ запрещеннаго тогда нѣмецкаго „Соц.-Демократа“. Попытка освободить Дейча изъ нѣмецкой тюрьмы не удалась. Германское правительство снеслось съ русскимъ и послѣ того, какъ послѣднее убѣдилось, что арестованный Булыгинъ есть Дейчъ, оно ему его выдало подъ условіемъ, что его будутъ судить за „уголовное“ преступленіе — участіе въ покушеніи на убійство ренегата Гориновича (въ Одессѣ въ 1876 г.). Осенью 1884 г. военный судъ приговорилъ Дейча, который совершилъ преступленіе въ несовершеннолѣтнемъ возрастѣ, къ 13 г. и 4 м. каторги. Отбывъ срокъ, Дейчъ былъ водворенъ на поселеніи.

Въ лицѣ Л. Г. Дейча въ нашу среду возвращается одинъ изъ первыхъ піонеровъ русской соціалдемократіи, надолго вырванный изъ рядовъ дѣйствующей арміи, но сохранив шій на каторгѣ и въ ссылкѣ вѣрность своимъ революціонно-соціалдемократическимъ убѣжденіямъ.

Привѣтствуемъ вернувшагося „на волю“ товарища, исторія жизни котораго такъ тѣсно сплелась съ исторіей нашего революціонаго движенія.

Кіевскій Комитетъ Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи рѣшилъ отчислять ежемѣсячно 25 руб. въ пользу „Искры“.

30(17) дек. 1901 г. состоялось въ Брюсселѣ конференція членовъ международнаго бюро, избраннаго на парижскомъ конгрессѣ 1900 г. За недостаткомъ мѣста откладываемъ письмо Плеханова о засѣданіяхъ бюро.

Г. В. Плехановъ, проситъ насъ помѣстить слѣдующее письмо:

Женева, 28 (15) декабря 1901 г.

Девятнадцатаго декабря 1901 г., въ день 25-лѣтія Казанской демонстраціи, исполнилось 25 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я сдѣлался „нелегальнымъ“, т. е. съ того времени, какъ царское правительство оффиціально занесло меня въ списокъ своихъ враговъ. По этому поводу многіе товарищи почтили меня выраженіемъ своего сочувствія. Я приношу имъ за это свою искреннюю благодарность. Сочувствіе со стороны нашихъ ближнихъ есть единственная награда, на которую можемъ разсчитывать мы, русскіе революціонеры. Но этой драгоцѣнной награды мы не промѣняемъ ни на какую другую.

Г. Плехановъ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Л. Л. получено изъ А 100 р. Отъ Тигрова на изд. Эрфуртской программы 300 руб. Парижской группой собрано 50 фр. Изъ этихъ суммъ въ кассу редакціи поступило 300 руб., остальныя израсходованы на мѣстныя и организаціонныя нужды. Въ пользу Обуховцевъ въ Берлинѣ собрано 100 мар.

Въ типографіи „Искры“ вышло „Десятилѣтіе Морозовской стачки“, изд. 2-ое, съ предисловіемъ В. Засуличъ.

Въ типографіи „Лиги“ (Женева) вышли: 1) Кто чѣмъ живетъ? Дикштейна, изд. 3-е. 2) Двѣ рѣчи (Варлена и Алексѣева), изд. 2-ое. 3) Документы „объединительнаго“ съѣзда.

Печатаются и скоро выйдутъ въ свѣтъ:

1) Русскій рабочій въ революціонномъ движеніи (изд. 2-ое). Г. Плеханова. 2) Развитіе научнаго соціализма (изд. 3-ье). Ф. Энгельса. 3) Программа работниковъ (изд. 2-ое). Ф. Лассаля.

Типографія „Искры“.

ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 15 — 15-го ЯНВАРЯ 1902 ГОДА. — № 15

ПО ПОВОДУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РОСПИСИ.

Какъ и всегда, наши газеты опубликовали всеподданѣйшій докладъ министра финансовъ по поводу росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ на 1902 годъ. Какъ и всегда, оказывается, — по увѣреніямъ министра, — что все обстоитъ благополучно: „финансы въ совершенно благопріятномъ состояніи“, въ бюджетѣ „неуклонно соблюдено равновѣсіе“, „жел.-дорожное дѣло продолжаетъ успѣшно развиваться“ и даже „происходитъ постоянное наростаніе народнаго благосостоянія“! Неудивительно, что у насъ такъ мало интересуются вопросами государственнаго хозяйства, не смотря на всю ихъ важность: интересъ притупленъ обязательнымъ казеннымъ славословіемъ, каждый знаетъ, что бумага все терпитъ, что публику „все равно“ „не велѣно пущать“ за кулисы оффиціальнаго финансового фокусничества.

На этотъ разъ однако особенно бросается въ глаза слѣдующее обстоятельство. Фокусникъ съ обычной ловкостью показываетъ публикѣ пустыя руки и, взмахивая ими, предъявляетъ одну за другой золотыя монеты. Публика апплодируетъ. Но фокусникъ тѣмъ не менѣе начинаетъ самъ преусерднѣйшимъ образомъ защищаться и, чуть не со слезами на глазахъ, увѣряетъ, что онъ не мошенничаетъ, что дефицита нѣтъ, что долговъ у него меньше, чѣмъ имущества. Русская публика такъ вышколена по части благопристойнаго поведенія въ присутственныхъ мѣстахъ, что ей становится вчужѣ какъ-то неловко, и только немногіе бормочутъ про себя французскую пословицу: „кто извиняется, тотъ самъ себя обвиняетъ“.

Посмотримъ, какъ „извиняется“ нашъ Витте. Гигантскій расходъ почти въ два милліарда рублей (1.946 мил.) покрытъ полностью только благодаря тому, что 144 мил. взяты изъ знаменитой „свободной наличности“ государственнаго казначейства, а свободная наличность пополнена прошлогоднимъ 4% займомъ въ 127 мил. руб. (весь заемъ былъ въ 148 мил. руб., но 21 мил. еще не дополученъ). Значитъ, дефицитъ, покрытый займомъ? — Ничуть не бывало, увѣряетъ насъ магъ, „заключеніе займа вызвано было отнюдь не необходимостью покрыть не предусмотрѣнные смѣтами расходы“, такъ какъ за покрытіемъ ихъ оставалось „вполнѣ свободныхъ“ 114 м. р., а желаніемъ строить новыя желѣзныя дороги. — Очень хорошо, г. Витте! Но, во-первыхъ, дефицита вы этимъ не опровергаете, ибо даже „вполнѣ свободными“ 114 м. р. не покрыть расхода въ 144 м. р. Во-вторыхъ, въ свободную наличность (114 м. р.) вошли 63 м. р. превышенія поступленія обыкновенныхъ доходовъ въ 1901 г. противъ предположеній росписи, а наша печать давно уже указываетъ, что вы **искусственно уменьшаете** предположенія росписи доходовъ, дабы фиктивно вздувать „свободную наличность“ и неуклонно повышать налоги. Такъ, въ прошломъ году повышены гербовыя пошлины (новый гербовый уставъ), повышена цѣна казенной водки: съ 7 р. до 7 р. 60 к. за ведро, продолжено повышеніе таможенныхъ пошлинъ (произведенное въ 1900 г. якобы „временно“ въ виду Китайской войны), и пр. Въ третьихъ, воспѣвая „культурную роль“ желѣзныхъ дорогъ, вы скромно умалчиваете о чисто-русскомъ и совсѣмъ некультурномъ обычаѣ **грабить казну** при постройкѣ желѣзныхъ дорогъ (не говоря уже о безобразной эксплуатаціи жел.-дор. подрядчиками рабочихъ и голодающихъ крестьянъ!). Напр., одна русская газета недавно сообщала, что стоимость постройки сибирской жел. дороги сначала была опредѣлена въ 350 м. р., а на дѣлѣ израсходовано **780** м. р., всего же перевалитъ, вѣроятно, и **за милліардъ** (какой грабежъ шелъ на сибирской дорогѣ, объ этомъ „Искра“ уже кое-что сообщала: см. № 2). Доходы-то вы правильно подсчитываете, г. Витте, безъ пропусковъ, а вотъ на счетъ **дѣйствительной величины расходовъ** попробовали бы дать отчетъ!

Затѣмъ не слѣдуетъ также упускать изъ виду, что постройка жел. дорогъ въ 1902 г. вызвана отчасти военными цѣлями нашего „миролюбиваго“ правительства (громадная Бологое-Сѣдлецкая линія, протяженіемъ болѣе 1000 верстъ), отчасти безусловной необходимостью хоть чѣмъ-нибудь „помочь“ угнетенной промышленности, въ дѣлахъ которой Государственный Банкъ заинтересованъ непосредственно. Гос. Банкъ не только щедро ссужалъ разныя пошатнувшіяся предпріятія, но и принялъ многія изъ нихъ фактически въ свое полное завѣдываніе. Банкротство промышленныхъ предпріятій грозило привести къ государственному банкротству! Наконецъ, не забудемъ и того, что постоянное повышеніе суммы займовъ и размѣра налоговъ происходитъ, подъ управленіемъ „геніальнаго“ Витте, не смотря на то, что всѣ капиталы сберегательныхъ кассъ обращаются всецѣло на поддержку государственнаго кредита. А капиталы эти превысили уже 800 м. р. Примите все это во вниманіе, — и вы поймете, что Витте ведетъ хищническое хозяйство, что самодержавіе медленно, но вѣрно идетъ къ банкротству, ибо нельзя же безъ конца повышать налоги, и не всегда же будетъ русскаго царя выручать французская буржуазія.

Витте защищается отъ обвиненія въ увеличеніи государственной задолженности такими доводами, надъ которыми стоитъ посмѣяться. Онъ сравниваетъ долги и „имущество“, сопоставляетъ сумму госуд. займовъ въ 1892 и 1902 гг. со стоимостью казенныхъ жел. дорогъ за тѣ же годы и выводитъ уменьшеніе „чистой“ задолженности. А вѣдь у насъ и еще есть имущество: „крѣпости и военныя суда“ (ей-богу, такъ и сказано въ докладѣ!) порты и казенные заводы, оброчныя статьи и лѣса. — Великолѣпно, г. Витте! Но не замѣчаете-ли вы, что вы уподобляетесь тому купцу, который уже вызванъ въ судъ по обвиненію въ банкротствѣ и который начинаетъ оправдываться передъ людьми, собирающимися описывать его имущество? Вѣдь покуда предпріятіе стоитъ дѣйствительно непоколебимо прочно, — никому и въ голову не придетъ требовать спеціальнаго обезпеченія займовъ. Вѣдь никто не сомнѣвается, что „имущества“ у русскаго народа имѣется много, но чѣмъ больше этого имущества, тѣмъ сильнѣе вина людей, которые несмотря на обиліе имущества ведутъ хозяйство только при помощи увеличенія займовъ и повышенія налоговъ. Вѣдь вы доказываете только то, что народу слѣдуетъ какъ можно скорѣе прогнать распоряжающихся его имуществомъ хищниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, ссылки на спеціальныя государственныя имущества въ обезпеченіе государственныхъ займовъ дѣлала до сихъ поръ изъ всѣхъ европейскихъ странъ одна только Турція. И эти ссылки вели естественно къ тому, что **иностранные кредиторы налагали свой контроль** на распоряженіе тѣмъ имуществомъ, которое должно обезпечить возвратъ данныхъ ими взаймы денегъ. Хозяйство „великой русской державы“ подъ контролемъ прикащиковъ Ротшильда и Блейхредера: какую блестящую перспективу открываете вы намъ, г. Витте!*)

Мы не говоримъ уже о томъ, что крѣпости и военныя суда ни одинъ банкиръ въ залогъ не возьметъ, что это не плюсъ, а минусъ въ нашемъ народномъ хозяйствѣ. Но и жел. дороги могутъ служить обезпеченіемъ только тогда, когда онѣ приносятъ доходъ. А изъ того же доклада Витте мы узнаемъ, что до самаго послѣдняго времени всѣ русскія жел. дороги вообще приносили убытокъ. Только въ 1900 г. покрытъ былъ дефицитъ по сибирскимъ дорогамъ и получилась „небольшая чистая прибыль“, настолько небольшая, что о величинѣ ея Витте скромно молчитъ. Молчитъ онъ и о томъ, что за первыя двѣ трети 1901 г. выручка желѣзныхъ дорогъ въ Евр. Россіи понизилась, по случаю кризиса. Каковъ-то былъ бы балансъ нашего жел.-дор. хозяйства, еслибы сосчитать не только казенныя цифры выданныхъ на постройку денегъ, но и дѣйствительныя суммы расхищенныхъ при постройкѣ денегъ? Не пора-ли въ самомъ дѣлѣ передать это дѣйствительно цѣнное имущество въ болѣе надежныя руки?

О промышленномъ кризисѣ Витте говоритъ, разумѣется, въ самомъ успокоительномъ тонѣ: „заминка“, „несомнѣнно общихъ промышленныхъ успѣховъ не коснется и, по истеченіи нѣкотораго промежутка времени, вѣроятно (!!), наступитъ новый періодъ промышленнаго оживленія“. Хорошо утѣшеніе для милліоновъ рабочаго класса, страдающихъ отъ безработицы и уменьшенія заработка! Въ перечнѣ государственныхъ расходовъ вы напрасно стали бы искать хоть какого-либо указанія на то, сколько милліоновъ и десятковъ милліоновъ бросила казна на прямую и косвенную поддержку „страдающихъ“ отъ кризиса промышленныхъ предпріятій. А что при этомъ не останавливались и передъ гигантскими суммами, видно изъ того, сообщеннаго въ газетахъ, факта, что общій размѣръ ссудъ, выданныхъ Гос. Банкомъ съ 1 января 1899 г. по 1 янв. 1901 г. увеличился съ 250 м. руб. до 449 м. р., а размѣръ промышленныхъ ссудъ съ 8,7 м. до 38,8 м. р. Даже убытокъ въ 4 м. р. по промышленнымъ ссудамъ нисколько не затруднилъ казны. Рабочимъ же, которые приносили на алтарь „промышленныхъ успѣховъ“ не содержимое своего кошелька, а свою жизнь и жизнь милліоновъ, существующихъ на ихъ заработокъ, — рабочимъ казна помогала тѣмъ, что „даромъ“ высылала ихъ тысячами изъ промышленныхъ городовъ въ голодающія деревни!

Слова „голодъ“ Витте совсѣмъ избѣгаетъ, увѣряя въ своемъ докладѣ, что „тяжелое вліяніе неурожая... будетъ смягчено щедрой помощью нуждающимся“. Эта щедрая помощь, по его же словамъ, равняется **20** м. р., тогда какъ недоборъ хлѣба оцѣнивается въ **250** м. р. (считая по очень низкой цѣнѣ, по 50 коп. за пудъ, но за то сравнивая съ годами благопріятныхъ жатвъ). Неправда-ли, какъ это въ самомъ дѣлѣ „щедро“? Допустите даже, что только половина недобора падаетъ на крестьянскую бѣдноту, и все-таки окажется, что мы еще недостаточно оцѣнивали скаредность русскаго правительства, когда писали (по поводу циркуляра Сипягина, см. № 9 „Искры“), что правительство урѣзываетъ ссуды **впятеро**. Щедръ русскій царь не на помощь мужику, а на полицейскія мѣры противъ тѣхъ, кто дѣйствительно хотѣлъ помочь голодающимъ. Щедръ онъ также и на милліоны, выбрасываемые для того, чтобы урвать пожирнѣй кусокъ у Китая. За два года — сообщаетъ Витте — на китайскую войну изъ чрезвычайныхъ расходовъ пошло **80** мил. руб., да „**сверхъ того** весьма значительныя суммы были издержаны **за счетъ обыкновеннаго бюджета**“. Всего, значитъ, вѣроятно до **сотни милліоновъ рублей**, если не свыше! Безработный рабочій и голодающій мужикъ могутъ утѣшиться тѣмъ, что Манчжурія за то навѣрное будетъ наша...

Недостатокъ мѣста заставляетъ насъ лишь вкратцѣ коснуться остальныхъ частей доклада. Витте защищается также отъ обвиненія въ скудости расходовъ на народное просвѣщеніе: къ 36 м. р. по смѣтѣ этого министерства онъ прибавляетъ расходы на учебное дѣло всѣхъ другихъ вѣдомствъ и „нагоняетъ“ цифру до 75 м. р. Но даже и эта (сомнительной вѣрности) цифра совершенно мизерна на всю Россію, и по отношенію ко всему бюджету не составляетъ и пяти процентовъ. — То обстоятельство, что „нашъ государственный бюджетъ построенъ по преимуществу на системѣ косвеннаго обложенія“ Витте считаетъ преимуществомъ, повторяя избитые буржуазные доводы о возможности „соразмѣрять потребленіе обложенныхъ предметовъ со степенью благосостоянія“. На самомъ же дѣлѣ, какъ извѣстно, косвенное обложеніе, падая на предметы потребленія массъ, отличается величайшей несправедливостью. Всей своей тяжестью ложится оно на бѣдноту, создавая привилегію для богатыхъ. Чѣмъ бѣднѣе человѣкъ, тѣмъ большую долю своего дохода отдаетъ онъ государству въ видѣ косвенныхъ налоговъ. Мало имущая и неимущая масса составляетъ $^9/_{10}$ всего народонаселенія, потребляетъ $^9/_{10}$ всѣхъ обложенныхъ продуктовъ и платитъ $^9/_{10}$ всей суммы косвенныхъ налоговъ, а между тѣмъ изъ всего народнаго дохода она получаетъ какихъ нибудь двѣ-три десятыхъ.

Въ заключенье — интересная „мелочь“. По какимъ статьямъ всего болѣе увеличились расходы съ 1901 по 1902 годъ? Вся сумма расхода увеличилась съ 1788 м. р. до 1946 м. р., т. е. менѣе, чѣмъ на одну десятую. Между тѣмъ **почти на четверть** возросли расходы по **двумъ** статьямъ: „на содержаніе особъ Императорской фамиліи“ — съ 9,8 м. р. до 12,8 м. р. и... „на содержаніе отдѣльнаго корпуса жандармовъ“ съ 3,96 м. р. до 4,94 м. р. Вотъ отвѣтъ на вопросъ: какія „нужды русскаго народа“ наиболѣе настоятельны? И какое трогательное „единеніе“ царя съ жандармами!

*) Витте самъ замѣтилъ неловкость своихъ разсужденій объ „имуществѣ“ и поэтому въ другой части своего доклада онъ старается „поправиться“, заявляя, что возрастаніе стоимости государственнаго имущества „въ примѣненіи къ обязательствамъ русской казны не имѣетъ особаго значенія, такъ какъ кредитъ Россіи не нуждается въ спеціальныхъ обезпеченіяхъ“. Ну, конечно! А подробный разсчетецъ съ перечнемъ этихъ спеціальныхъ обезпеченій всетаки оставленъ — на всякій случай!

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Еще о демонстраціяхъ въ Екатеринославѣ.

„15 декабря въ 5 час. толпа на проспектѣ достигла 5000 чел. Въ 5 час. 20 мин., въ тотъ моментъ, когда хлынулъ дождь, толпа душъ въ 300-400, преимущественно ремесленниковъ, съ криками: „Да здравствуетъ политическая свобода!“ быстро двинулась по бульвару. Было поднято красное знамя съ надписями. Пѣхота въ это время была далеко. Говорятъ, что съ балконовъ и тротуаровъ слышались апплодисменты въ отвѣтъ на крики: „Да здравствуетъ политическая свобода! Долой самодержавіе!“

За главной массой манифестантовъ бѣжали кругомъ городовые. Хватали кой-кого, но толпа отбивала, она же отбросила и избила городовыхъ, загораждавшихъ ей путь. Вообще, полиціи досталось, защищалась она трусливо и не разъ бѣжала. Вдругъ налетѣла сотня казаковъ, и началось избіеніе. Демонстрантовъ старались не разогнать, а избить. Казаки въѣзжали на бульваръ, набрасывались на отдѣльныя группы и личностей и избивали плетьми и даже обнаженными шашками. Толпа дѣйствовала стойко, защищалась палками и камнями, разобрала мостовую: говорятъ, одинъ студентъ выстрѣлилъ изъ револьвера въ казака, ударившаго его жену. Среди отбитыхъ толпой арестованныхъ оказалось много раненыхъ. Вся битва длилась 15-20 мин. Манифестанты кинулись въ перпендикулярныя къ проспекту улицы, и тамъ ихъ настигали и избивали казаки. Казаки били и топтали даже публику, дожидавшуюся пересадки на трамвай.

Система ареста практиковалась такая: выхватятъ изъ толпы, изобьютъ и безъ чувствъ бросаютъ въ фуру и увозятъ. Подъ конецъ самъ губернаторъ на лошади, окруженный штабомъ, распоряжался избіеніемъ. При появленіи на проспектѣ онъ былъ освистанъ.

Часамъ къ шести манифестанты были разсѣяны. По болѣе достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, арестовано 63 чел., изъ нихъ 30 рабочихъ и 18 студентовъ. 16-го съ утра казаки скакали по бульварамъ, не позволяя останавливаться даже двумъ человѣкамъ. Къ 4 часамъ толпа въ нѣсколько сотъ человѣкъ гуляла по бульвару и въ Яковлевскомъ скверѣ, но не могла соединиться. Всюду, даже въ церкви противъ сквера, были спрятаны казаки и солдаты. Тогда въ толпѣ стали передавать шопотомъ: „на Чечелевку!“ (рабочій кварталъ). Въ то время, какъ въ субботу демонстранты состояли, главнымъ образомъ, изъ ремесленниковъ, въ воскресенье пришли и заводскіе, но преобладали все же ремесленники.

Полиція, очевидно, не сообразила, куда удаляется толпа. На первой Чечелевкѣ сошлось душъ 150-200 раб., изъ всѣхъ дворовъ повысыпали обыватели, раздавались возгласы: „идемъ на рабочую демонстрацію!“ И демонстрація состоялась: пѣли революціонныя пѣсни, раздавались революціонные возгласы, было два знамени. Рабочіе прошлись по улицамъ и разошлись съ криками: „До 1-го мая!“ и т. п.

Казаки пріѣхали, когда все уже кончилось, и могли побить только постороннюю публику,

Возбужденіе, повидимому, сильное. Въ научномъ обществѣ, открытомъ въ домѣ губернатора и подъ его предсѣдательствомъ, въ субботу вечеромъ собраніе было сорвано большинствомъ. Заявляли, что послѣ того, что сейчасъ было на улицѣ, нельзя спокойно засѣдать, выбирать членовъ. Изъ 80 членовъ только 15 высказалось противъ закрытія засѣданія.

Арестуютъ гимназистовъ, подростковъ, такъ что возмущеніе проникаетъ всюду.

Всѣ арестованные сильно избиты, есть тяжело раненные. Одному студенту просѣкли шашкой шапку, и рана на головѣ въ $^1/_4$ д. длины, другому тоже повредили надкостницу“.

Изъ **Нижняго-Новгорода**. Нашъ Нижній началъ подавать нѣкоторые признаки жизни приблизительно съ весны 1901 года. До этого времени гдѣ-то, въ нѣдрахъ его копошились люди, велась пропаганда среди рабочихъ, но все это настолько слабо, что результатовъ, видимыхъ простымъ глазомъ, не замѣчалось. Весной понаѣхало много молодежи, высланной изъ различныхъ университетовъ, и жизнь „общества“ какъ-будто немного оживилась. Въ апрѣлѣ проектировалось даже этой молодежью устроить демонстрацію съ девизомъ: „За отмѣну временныхъ правилъ“, но мѣстная либеральная интеллигенція клятвеннымъ обѣщаніемъ ходатайствовать передъ правительствомъ петиціей за отмѣну временныхъ правилъ убѣдила молодежь отказаться отъ своего намѣренія. Какъ уже сообщалось въ № 4 „Искры“, вопросъ о демонстраціи обсуждался публично въ клубѣ съ разрѣшенія губернатора. Разрѣшеніе это было весьма ловкимъ пріемомъ. Всѣ благонамѣренные люди чуть не со слезами на глазахъ убѣждали не устраивать демонстраціи. „Подождите, не портите и не мѣшайте правительству, оно само идетъ къ кореннымъ реформамъ. Вотъ оно уже разрѣшило намъ собраться и обсуждать такой „нелегальный“ вопросъ, какъ демонстрація, — это громадная побѣда, теперь, значитъ, мы всегда можемъ публично обсуждать всѣ подобные вопросы“. Большинство пошло на эту приманку, было на собраніи весьма умѣренно, и большая часть высказалась противъ демонстраціи, когда „столпы общества“, въ родѣ предсѣдателей уѣздной и губернской земскихъ управъ, управляющихъ казенной палатой и проч., обѣщали составить петицію объ отмѣнѣ временныхъ правилъ. Однако, не смотря на публичное заявленіе о рѣшеніи послать петицію, „либеральная“ интеллигенція такъ и не исполнила его, — чего и должно было ожидать. Петиція гдѣ-то застряла, и врядъ-ли на ней собралось какихъ-нибудь 20 подписей. Молодежь только лишній разъ убѣдилась, что невозможно ждать чего-нибудь путнаго въ смыслѣ активнаго проявленія своего сочувствія отъ нашихъ либеральныхъ болтуновъ, любящихъ отдѣлываться только словами и платоническимъ сочувствіемъ. Съ какимъ жаромъ говорили они противъ демонстраціи 8-го апрѣля и съ какой великолѣпной осторожностью критиковали каждое слово составляемой петиціи, „чтобы излишней рѣзкостью не повредить дѣлу“. Мы знаемъ, откуда исходитъ боязнь этой **излишней** рѣзкости.

До ноября нашъ городъ, видимо, отдыхалъ отъ своей весенней „дѣятельности“ и не проявлялъ особыхъ признаковъ жизни. 7-го

ноября изъ Нижняго уѣзжалъ въ Крымъ М. Горькій, и его отъѣздъ взбаламутилъ наше мирное болотище, и, видимо уже на долго. Мѣстная либеральная интеллигенція, присяжные повѣренные, доктора и проч., рѣшили устроить Горькому прощальный обѣдъ и поднести ему адресъ. Молодежь, съ своей стороны, тоже рѣшила участвовать въ этомъ „банкетѣ“ и воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы разъ навсегда указать этой буржуазной интеллигенціи, что между ней (буржуазной интеллигенціей) и людьми, хоть сколько нибудь желающими активно проявить свой протестъ противъ существующаго строя — нѣтъ ничего общаго. На „банкетѣ“ присутствовало человѣкъ 150. Адресъ интеллигенціи, написанный на изящномъ свиткѣ, въ пышныхъ и туманныхъ фразахъ восхвалялъ Горькаго, воспѣвшаго „безумство храбрыхъ.“ Отъ молодежи былъ прочитанъ адресъ слѣдующаго содержанія:

„Дорогой Алексѣй Максимовичъ! Я буду говорить отъ лица моихъ товарищей, — высланныхъ студентовъ и курсистокъ и нѣкоторой части мѣстной интеллигенціи. Не имѣя времени, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, вылить свои чувства въ красиво отдѣланную форму, мы выскажемся, можетъ быть, не особенно краснорѣчиво, но за то не скрывая своихъ мыслей, которыя, мы привыкли соединять съ Вашей личностью и настроеніемъ, проникающимъ всѣ Ваши произведенія.

„Вынужденное разставаніе съ Вами побуждаетъ насъ начать выраженіе своего сочувствія къ Вамъ — идейному борцу за свободу личности — съ выраженія своего крайняго негодованія. Мы возмущены совершеннымъ и совершаемымъ надъ Вами насиліемъ и считаемъ его проявленіемъ тѣхъ безобразныхъ условій русской жизни, которыя давятъ всякаго честно мыслящаго и чувствующаго человѣка, и такъ нуждаются въ освѣжающей бурѣ.

„Историческія условія и недавніе свѣжіе факты рѣзко и опредѣленно выставили задачей нашего времени: — борьбу за свободу, и мы, высоко ставя Вашъ огромный художественный талантъ, больше всего цѣнимъ Васъ за идеи, красной нитью проходящія черезъ всѣ Ваши произведенія: мощное прославленіе свободной, смѣлой личности, отрицающей всѣ условности, стѣсняющія ея развитіе, могучій призывъ къ открытой и смѣлой борьбѣ за свободу. Но и это прославленіе и этотъ призывъ привлекаютъ насъ не столько красотой формы, сколько ясностью и опредѣленностью, которыя не допускаютъ никакихъ колебаній и которыя кажутся намъ такъ необходимыми. Ваше могучее слово особенно нужно теперь, когда человѣческая личность все болѣе и болѣе подавляется растущей наглостью темныхъ силъ, когда реакція все усиливается, когда открытая борьба и смѣлость становятся необходимыми. Да! въ наше время странно восхищаться Вашими идеями и проповѣдывать „благоразуміе и постепенность“, непослѣдовательно отзываться на Вашъ призывъ „къ свободѣ и къ свѣту“ и оставаться въ бездѣйствіи тогда, когда сажаютъ по тюрьмамъ всѣхъ, кто не мирится съ гнетомъ и протестуетъ противъ тьмы. Мы благодарны Вамъ за Вашу пѣснь „безумству храбрыхъ“, такъ какъ въ ней мы черпаемъ силы, въ ней мы видимъ оружіе противъ тѣхъ, кто называетъ смѣлость безумной.

„Дорогой Ал. Макс.! Наступаетъ новая эпоха въ русской жизни: — смѣлость и откровенность становятся необходимыми, и мы считаемъ Васъ самымъ яркимъ ея представителемъ, самымъ талантливымъ ея провозвѣстникомъ. Мы не забудемъ, что Вы дали лозунгъ, который помогъ и поможетъ намъ бороться съ нашими врагами и разобраться въ нашихъ друзьяхъ“.

Предполагалось, что послѣ прочтенія возникнутъ споры, что либералы не согласятся съ адресомъ, но, — къ величайшему удивленію, — они были „со всѣмъ согласны“. Горькій, съ своей стороны, высказалъ свое отношеніе къ либеральной интеллигенціи, а отчасти и къ радикальной молодежи, прочтя свое произведеніе: „О писателѣ, который зазнался“, гдѣ клеймилъ холопство, трусость, полнѣйшее отсутствіе активности, господствующее въ современномъ обществѣ.

На этомъ же „банкетѣ“ молодежью было рѣшено устроить по поводу отъѣзда Горькаго демонстрацію (о ней см. корресп. въ № 13 „Искры“). Демонстрація произвела довольно сильное впечатлѣніе. О ней долго говорили въ разныхъ слояхъ общества, и сказанная однимъ изъ участниковъ рѣчь произвела сильное впечатлѣніе на толпу слушателей, состоявшую изъ извощиковъ приказчиковъ, мастеровыхъ.

Беспорядки въ среднетехническомъ училищѣ изъ-за введенія новыхъ правилъ окончились исключеніемъ трехъ человѣкъ безъ права поступленія. По поводу исторіи въ техническомъ училищѣ было выпущено „Открытое письмо къ обществу“, приглашавшее общество отозваться на событія.

Дворянство въ роли шпіона. Г. Попечитель Харьковскаго учебнаго округа въ своихъ „Циркулярахъ“ (№ 7 за 1901 г.) любезно опубликовалъ во всеобщее свѣдѣніе любопытный документъ, недурно характеризующій отношеніе самодержавнаго чиновничества къ „первенствующему сословію“ страны — благородному россійскому дворянству. Документъ этотъ — циркуляръ Министра Вн. Д. г. Сипягина отъ 30 апр. 1901 г. за № 5, конфиденціально разосланный всѣмъ губернаторамъ. Циркуляръ касается недавно вышедшихъ новыхъ правилъ о чтеніяхъ для народа. Какъ извѣстно, царское правительство, заботливо оберегая всѣхъ вообще вѣрноподданныхъ отъ всякаго рода „вредныхъ ученій“ и „самопроизвольныхъ толкованій“, особливо блюдетъ чистоту помысловъ такъ называемаго „простонародья“, всячески изощряясь сохранить въ „простолюдинахъ“ холопскую преданность Царю и слѣпую покорность вьючнаго животнаго тяжелой, безпросвѣтной трудовой долѣ. Народныя чтенія, обставленныя массою формальностей и тройной цензурой, мало имѣютъ значенія для полуграмотныхъ и даже для безграмотныхъ слоевъ рабочаго класса и крестьянства и зачастую не удовлетворяютъ стремленіямъ внести знаніе и свѣтъ въ народную среду со стороны лучшихъ представителей буржуазнаго общества. Считаясь съ недовольствомъ послѣднихъ и правильно разсчитавъ, что излишнія препоны могутъ оттолкнуть либераловъ отъ невинныхъ просвѣтительныхъ упражненій и, чего добраго, часть силъ и средствъ отвлечь къ просвѣтительному движенію, несчитающемуся съ правительственною указкой, т. е. къ революціонному движенію, — Комитетъ министровъ выработалъ новыя правила, которыя нѣсколько облегчаютъ какъ открытіе, такъ и самое веденіе народныхъ чтеній.

Бросивъ подачку мирнымъ культуртрегерамъ, гг. министры однако спохватились, какъ бы чего не вышло. И вотъ Сипягинъ, надѣвъ привычные доспѣхи умудреннаго житейскимъ опытомъ государственнаго мужа, обращается къ губернаторамъ, какъ къ „главнымъ отвѣтственнымъ блюстителямъ общественнаго порядка и спокойствія въ губерніи“, съ предложеніемъ принять всѣ мѣры къ тому, чтобы къ народнымъ чтеніямъ не были бы допущены „люди неблагомѣренные“, которые могли бы способствовать „обращенію чтеній въ орудіе противоправительственной пропаганды.“ Прежде чѣмъ допустить какое-либо лицо къ участію въ чтеніяхъ, Сипягинъ предлагаетъ губернаторамъ наводить о немъ справки, „независимо данныхъ, имѣющихся у жандармскихъ управленій и у полиціи,“ также и „отъ предводителей дворянства, земскихъ начальниковъ и пользующихся авторитетнымъ положеніемъ въ уѣздахъ землевладѣльцевъ“. Этого, однако, мало. Мало получить о личности чтеца, о его образѣ мыслей авторитетный отзывъ отъ излюбленныхъ людей благороднаго дворянства. Г. Сипягинъ изобрѣлъ отличный способъ слѣдить и за веденіемъ самыхъ чтеній. Способъ этотъ по своей дешевизнѣ и практичности, по глубокому знакомству съ бытовыми условіями провинціи изобличаетъ въ г. Сипягинѣ недюжинный умъ и заслуживаетъ поощренія покрайней мѣрѣ въ формѣ высочайшаго рескрипта. Плохо надѣясь на способности становыхъ приставовъ, жандармовъ, урядниковъ и шпіоновъ, умственное убожество которыхъ можетъ сравниться только съ низостью ихъ во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ, г. Сипягинъ придумалъ образовать нѣчто въ родѣ добровольныхъ шпіонскихъ кадровъ изъ представителей россійскаго дворянства — дворянско-шпіонское ополченіе.

Губернаторамъ предлагается приглашать все тѣхъ же „предводителей дворянства, земскихъ начальниковъ и пользующихся авторитетнымъ положеніемъ землевладѣльцевъ“ „присутствовать на чтеніяхъ и доводить до свѣдѣнія губернаторовъ о необходимости принятія тѣхъ или другихъ мѣръ для обезпеченія“... государственнаго спокойствія. Знаемъ мы это „принятіе мѣръ“!

Но понимаетъ ли это благородное дворянство? Понимаетъ ли оно, „служилое сословіе“, на какой подвигъ призываетъ его „исполнитель высочайшей воли“ Николая II-го?

О земскихъ начальникахъ нечего говорить. Промотавшіеся офицеры и дворянскіе недоросли сдѣлаютъ все, что прикажетъ начальство, и съ такимъ же легкимъ сердцемъ станутъ „принимать мѣры“ „нравственнаго оздоровленія“ мужиковъ путемъ выслѣживанія „злонамѣренныхъ“ лицъ изъ среды народныхъ учителей и прочей сельской интеллигенціи, съ какимъ въ настоящее время примѣняютъ на тѣлѣ того же мужика позорящее, но не вызывающее краски стыда на лицахъ ихъ, гнусное наказаніе. О! Они будутъ „принимать мѣры“, лишь бы платили имъ жалованье!

Но что сказать о „предводителяхъ дворянства и пользующихся авторитетнымъ положеніемъ землевладѣльцахъ?“ На сколько совмѣстима съ ихъ пресловутою дворянскою честью „служба“ въ рядахъ шпіоновъ?

Или отдавъ дворянамъ Сибирь, г. Сипягинъ окончательно полонилъ сердца признательнаго первенствующаго сословія и нѣтъ такой „службы“, нѣтъ такой гадости, на которую отнынѣ съ готовностью не пойдетъ „не щадя живота“ вѣрное россійское дворянство?

Будемъ ждать, какой отвѣтъ на эти вопросы дадутъ предстоящіе въ январѣ 1902 г. очередныя дворянскія собранія: учредятъ ли они „въ память оказательства новаго довѣрія возлюбленнаго монарха“ дворянскіе пансіоны для спеціальнаго подготовленія своихъ сыновей къ отвѣтственной „службѣ“ въ шпіонахъ (по типу курсовъ для городовыхъ генерала Клейгельса), или, вспомнивъ не о дворянской, а объ гражданской чести, вспомнивъ свѣтлые образы дворянъ-декабристовъ, Волконскихъ и Трубецкихъ, дадутъ достойный отпоръ зазнавшемуся холопу царственнаго недоумка!

Замятое дѣло о шайкѣ воровъ, состоявшей изъ поповъ и полиціи.

Проѣздомъ черезъ Орелъ я слышалъ отъ людей глубоко религіозныхъ и узко-консервативныхъ, что въ этомъ городѣ въ началѣ 1901 года обнаружена шайка воровъ и разбойниковъ, въ которой участвовали представители духовенства и полиціи. Первымъ дѣломъ ея было убійство богатой ростовщицы въ Орлѣ и разграбленіе ея денегъ и имущества. Самые „тщательные“ розыски виновныхъ ничего не обнаружили, кромѣ клока бороды въ рукахъ убитой. Далѣе послѣдовалъ рядъ дерзкихъ кражъ въ магазинахъ преимущественно мануфактурныхъ. Не смотря на дерзость этихъ кражъ, полиція ничего „не могла“ обнаружить. Наконецъ шайка перенесла свою дѣятельность и за границы городаОрла, предпринявъ убійство недалеко отъ села Малоархангельска богатыхъ владѣльцевъ хутора, — мужа и жены. Шайка не была бы обнаружена, еслибы члены ея не обдѣлили въ дѣлежѣ добычи возлюбленную одного изъ участниковъ ея. Обиженная дама, пылая жаждой мести, отправилась къ прокурору, минуя полицію, и разсказала ему все, что знала. Прокуроръ пришелъ въ ужасъ, когда женщина стала называть самыхъ видныхъ представителей духовенства и полиціи вплоть до полиціймейстера включительно, заметавшаго слѣды. Ближе всѣхъ къ дѣлу стояли: священникъ о. Мих. Козьмодемьянскій, занимавшій мѣсто губернскаго наблюдателя за церковноприходскими школами Орловской губерніи съ окладомъ жалованья въ 3000 р. въ годъ, и приставъ первой части гор. Орла Филишъ Цвѣтаевъ. При обыскѣ у о. Козмодемьянскаго нашли массу краденныхъ вещей. Слѣдствіе выяснило, что его жена, вскорѣ послѣ убійства ростовщицы, ѣздила въ г. Харьковъ мѣнять банковскіе билеты, одинъ изъ которыхъ былъ окровавленъ. Далѣе шустрая матушка ходила къ своимъ многочисленнымъ знакомымъ (жена ректора дух. семинаріи, матушка казначея женскаго монастыря и мн. друг.) и неоднократно предлагала имъ купить принесенную ею матерію, говоря, что ей съ одной изъ Московскихъ фабрикъ прислали бракъ, который очень дешево продается. Незадолго до обыска о. Козьмодемьянскій купилъ себѣ домъ за 60 тыс. руб., хотя все время жилъ на широкую ногу. Шайка имѣла связи съ московскими ворами, черезъ которыхъ сбывала краденое.

Мѣстная газета „Орловскій Вѣстникъ“ пыталась было огласить фактъ, но ей это было запрещено.

Въ самый разгаръ слѣдствія къ прокурору пріѣхалъ мѣстный архіерей и просилъ замять дѣло, но получилъ отказъ. Говорятъ, что о. Козмодемьянскій выдалъ вексель на имя сына архіерея на 25 тыс. руб. Дѣло все-таки было замято по приказанію свыше, такъ какъ уже очень оно было скандально и марало ужъ очень многихъ видныхъ представителей администраціи и духовенства. Чтобы успокоить взволнованное скандаломъ общество, жену Козьмодемьянскаго судили за „покушку“ краденаго и присудили къ штрафу, да Козьмодемьянскаго перевели въ Ставрополь.

Къ вопросу о легальныхъ обществахъ. Намъ доставлено слѣдующее письмо въ редакцію:

„М. Г. Г-нъ редакторъ! Позвольте на столбцахъ Вашей уважаемой газеты высказать нѣсколько мыслей по поводу помѣщенной въ № 10 статьи: „Еще о политическомъ развратѣ нашихъ дней“.

„Для насъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что вспомогательныя кассы и потребилки находятъ поддержку въ г. Зубатовѣ только потому, что онъ видитъ въ нихъ прекрасное средство, борьбы съ наростающимъ революціоннымъ настроеніемъ

БОРЬБА СЪ КРАМОЛОЙ И „СЕРДЕЧНОЕ ПОПЕЧЕНІЕ“ О РАБОЧИХЪ.*)

Надо отдать честь нашему правительству — оно напрягаетъ всѣ свои силы, чтобы противодѣйствовать росту революціоннаго настроенія въ русскомъ обществѣ. Бьетъ оно съ двухъ концовъ; съ одного оно, по возможности, затыкаетъ всѣ щели, черезъ которыя могутъ проникать въ болѣе или менѣе широкіе общественные слои оппозиціонныя идеи или возбуждающіе смуту факты, съ другой, ведетъ нужную ему пропаганду и словомъ и дѣйствіемъ.

Цензурныя стѣсненія то и дѣло сыпятся на нашу печать; особымъ цензурнымъ вѣдомствомъ становится даже Деп. полиціи, а цензурныхъ каръ не избѣгаютъ даже такія бульварныя газеты, какъ „Петерб. листокъ“, такіе продажные органы, какъ „Новое Время“, такія сомнительныя изданія, какъ „Русское Слово“, „Россія“. Культурныя общества прикрываются одно за другимъ. Не такъ давно умерло „Московское общество взаимопомощи лицъ интеллигентныхъ профессій“; позже умерло такое же общество въ Ростовѣ-на-Дону; еще раньше погибло общество по доставленію чтенія больнымъ и бѣднымъ въ СПБ. А тѣмъ обществамъ и учрежденіямъ, которыя еще влачатъ свое жалкое существованіе, строго запрещается излишнее усердіе въ культурной работѣ. Попробовало, напр., Иваново-Вознесенское общество трезвости „ходатайствовать“ о разрѣшеніи ему торговли всѣми книгами, разрѣшенными цензурой, и „удовлетворенія не получило“. Попробовало Московское педагогическое общество просить о разрѣшеніи устроить съѣздъ дѣятелей по народному образованію въ память Ушинскаго, и тоже „осталось безъ удовлетворенія“. Попробовало Новгородское земство просить о внесеніи въ число книгъ, разрѣшенныхъ для народныхъ читаленъ, нѣсколькихъ книжекъ, и изъ его списка, въ которомъ числились. Мельшинъ, Некрасовъ и кое-что изъ Глѣба Успенскаго, ему милостиво разрѣшили всего лишь двѣ книжицы. Запѣло наше правительство о реформѣ въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія, сдѣлало видъ, что оно „готово принять къ свѣдѣнію“ голосъ общества по этой части, и въ лицѣ г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ особымъ циркуляромъ по адресу губернаторовъ. . запретило допускать въ городскихъ думахъ разговоры о реформѣ средней школы.

Искореняя „вредныя идеи“, правительство ищетъ и видитъ ихъ повсюду; поэтому, ничуть не удивительно, если оно увидѣло возможность распространенія этихъ идей даже въ подобныхъ думскихъ разговорахъ. Наше чахлое самоуправленіе — вообще для правительства бѣльмо на глазу. Въ немъ чудится гг. министрамъ вѣчный источникъ крамолы, и вотъ они неустанно обрѣзываютъ и безъ того короткія крылья нашему земству, нашимъ городскимъ думамъ и управамъ. Въ каждые земскіе выборы правительство цѣлыми десятками не утверждаетъ избранныхъ предсѣдателей земскихъ управъ и ставитъ своихъ казенныхъ, въ родѣ гг. Родзянко, которые успѣшно проводятъ въ безгласныхъ земствахъ правительственные интересы. Все самоуправленіе — и земское и городское — рѣшительно хотятъ превратить въ простой придатокъ къ Мин. Внут. Дѣлъ, въ чиновничье учрежденіе. Земство стоитъ на полдорогѣ къ этому идеалу, а по отношенію къ городу уже практикуется первый рѣшительный шагъ: недавніе номера газетъ принесли намъ извѣстіе, что петербургскую городскую управу хотятъ обратить въ „особое по городскимъ дѣламъ присутствіе“ съ „казеннымъ“ городскимъ головой и тремя „гласными“ по назначенію отъ правительства, и отдать это столичное „самоуправленіе“ подъ непосредственное вѣдѣніе Мин. Вн. Дѣлъ. За столицей той же судьбѣ подвергнутся. конечно, и прочіе россійскіе города. Хвала и честь усердію правительства! Наше городское самоуправленіе слишкомъ мало или даже ничего не даетъ ни неимущимъ вообще, ни рабочимъ въ частности: оно служило и служитъ буржуазіи по преимуществу, и не намъ, конечно, особенно печаловаться по поводу урѣзыванія его правъ. Нѣтъ, мы даже рады этому! Быть можетъ, хоть послѣ этой пощечины толстокожая русская буржуазія почувствуетъ тиски самодержавія!

Боясь смуты и отъ газетъ и отъ культурныхъ обществъ, и отъ земствъ и отъ городскихъ думъ, правительство вездѣ усматриваетъ эту смуту прежде всего въ головахъ интеллигенціи, и больше всего интеллигенціи разночинской, не титулованной, не патентованной учеными патентами; вотъ почему въ сферѣ легальной жизни нашего общества — правительство такъ усердно слѣдитъ прежде всего за печатью, дѣятелемъ которой является разночинецъ, и за работой всякаго рода частныхъ, не оффиціальныхъ культурныхъ учрежденій. Вотъ почему также оно ставитъ всевозможныя препятствія разночинской интеллигенціи въ ея общеніи съ народными массами. Извѣстный циркуляръ Мин. Внут. Дѣлъ по продовольственной кампаніи нынѣшняго года какъ нельзя болѣе проявляетъ боязнь нашего правительства передъ „смутой“, которую способна внести въ народныя массы эта интеллигенція. „Къ сожалѣнію — жалуется г. министръ — ...начиная съ недорода(!!!) 1891-1892 гг. . иные благотворители, на ряду съ оказаніемъ матеріальной помощи жителямъ неблагополучныхъ мѣстностей, стараются возбудить въ ихъ средѣ недовольство существующимъ порядкомъ... При этомъ не въ полной мѣрѣ удовлетворенная нужда... болѣзни и разстройство хозяйства создаютъ весьма благопріятную почву для противоправительственной агитаціи, и такой почвой охотно пользуются неблагонадежные въ политическомъ отношеніи лица для преступныхъ цѣлей подъ личиной помощи ближнему“ На этомъ основаніи г. министръ предписывалъ слѣдить за частной, не правительственной помощью, а дѣло продовольствія отдаетъ въ руки истинныхъ отцовъ и благодѣтелей крестьянъ — земскихъ начальниковъ.

Такъ правительство затыкаетъ щели, сквозь которыя могутъ проникнуть въ общество оппозиціонныя идеи. Оно дѣлаетъ это властно, не считаясь ни съ чѣмъ, кромѣ своихъ аппетитовъ. А почему? Потому что оно не надѣется встрѣтить сопротивленія. Что такое для него русскій интеллигентъ-разночинецъ, что такое русскій земецъ, русскій городской „общественный дѣятель“? Для него это существа, неспособныя противостоять насилію, а надъ такими существами оно можетъ свободно производить свои операціи. Не такъ ведетъ себя правительство съ тѣми общественными элементами, которые способны къ активному сопротивленію, къ активному созданію — выражаемся словами г. Мин. Вн. Дѣлъ „немаловажныхъ затрудненій интересамъ порядка и управленія“. И ихъ оно бьетъ, и ихъ оно давитъ, но оно не можетъ задавить, забить ихъ и принуждено поэтому успокаивать ихъ, заигрывать съ ними, бросать имъ подачки и даже обращаться къ нимъ съ правительственной пропагандой. На что небольшая сила наше радикальное студенчество, но оно усѣлотаки за послѣдніе годы доставить правительству не мало непріятностей, и вотъ правительство очень озабочено умиротвореніемъ умовъ въ средѣ этого непокорнаго общественнаго элемента; оно рекомендуетъ „сердечное попеченіе“ объ учащейся молодежи, оно великодушно обѣщаетъ реформу университетскаго строя, оно разрѣшаетъ устройство „самообразовательныхъ кружковъ“; оно заботится даже о жилищахъ студентовъ, открывая общежитія, даже о питаніи ихъ, отпуская деньги на студенческія столовыя (въ Кіевѣ 20 тысячъ). На почвѣ этихъ подачекъ и обѣщаній оно надѣется посѣять расколъ въ рядахъ студенчества: оно знаетъ, что наиболѣе робкая и наименѣе требовательная часть учащейся молодежи будетъ способна помириться на маломъ и составитъ оплотъ противъ смуты.

Еще больше и еще болѣе серьезныхъ опасеній внушаетъ правительству рабочій классъ. Проявившееся въ немъ революціонное настроеніе заставляетъ правительство и здѣсь выступать съ политикой „сердечнаго попеченія“. Бросая рабочимъ различныя мелкія подачки въ родѣ заботъ г. Витте о здоровьи желѣзнорожныхъ чернорабочихъ, эксплуатируемыхъ будто бы только подрядчиками, и желѣзнодорожныхъ „служащихъ“, пострадавшихъ отъ несчастныхъ случаевъ, оно рядомъ съ этимъ систематически „сердечно печется“ о разумномъ проведеніи русскимъ рабочимъ часовъ досуга, о поднятіи умственнаго, нравственнаго и матеріальнаго уровня рабочихъ при помощи кассъ взаимополощи, потребилокъ, артелей, „рабочихъ клубовъ“ и... попечительствъ о народной трезвости. .

Среди трудящихся идея легальной взаимопомощи и легальныхъ „клубовъ“ пользуется, повидимому, нѣкоторымъ престижемъ. Если порыться въ газетахъ за послѣдніе мѣсяцы, то можно наткнуться на цѣлый рядъ соотвѣтствующихъ фактовъ. Въ Перми организуется совѣщаніе служащихъ п. ж. д. по устройству семейныхъ вечеровъ для служащихъ и рабочихъ этой дороги, а потомъ устраиваются и самые „семейные вечера“. Въ той же Перми проектируется общество взаимопомощи рабочихъ механическаго производства и уже выработанъ и опубликованъ проектъ его устава. Въ Петербургѣ „среди подмастерьевъ трубочистнаго цеха“ возникла мысль учредить “общество взаимнаго вспоможенія на случай неспособности къ труду и инвалидности“. Въ Николаевѣ возникаетъ „единственный на югѣ Россіи“ „рабочій клубъ“. Въ Минскѣ происходятъ собранія еврейскихъ рабочихъ-столяровъ, на которыхъ дебатируются вопросы ихъ экономическаго быта; было уже 5 собраній, и на первомъ изъ нихъ избрана коммиссія для составленія устава „клуба“. Въ томъ же Минскѣ образовалась кооперативная артель подмастерьевъ портняжнаго цеха; тамъ же существуетъ артель и касса взаимопомощи подмастерьевъ-щетинниковъ. Въ Одессѣ возникаетъ артель среди рабочихъ каменноломенъ, причемъ проектируется пріобрѣтеніе собственной каменоломни. Въ Москвѣ среди членовъ кассы типографщиковъ „возникла мысль устроить кружокъ или клубъ съ кабинетомъ для чтенія“. Въ Москвѣ же получилъ утвержденіе уставъ потребительнаго общ. механическаго произ-

*) Запоздало по недостатку мѣста. Ред.

массъ. Если бы Зубатовъ думалъ иначе, то, конечно, онъ имъ бы не покровительствовалъ или не б. бы тѣмъ „умнымъ“ Зубатовымъ, о высокихъ спеціальныхъ дарованіяхъ котораго мы такъ часто слышимъ. Понятно также и то, что „мирные штопатели дырявыхъ штановъ“ мало пригодны для революціоннаго политическаго движенія. Намокшія, прѣлыя и гнилыя дрова для костра не годятся. Это ясно.

„Но слѣдуетъ-ли изъ всего этого, что революціонная партія (въ лицѣ своихъ членовъ) должна была бы относиться рѣзко отрицательно къ вспомогательнымъ кассамъ и потребилкамъ? Намъ этого не кажется.

„Идти рука объ руку съ Охраннымъ отдѣленіемъ революціонеры не могутъ, но надо подумать и рѣшить вопросъ о томъ, не будетъ-ли такое рѣзко отрицательное отношеніе къ вспомогательнымъ кассамъ и потребилкамъ, — именно то отношеніе, которое для Зубатова самое пріятное и выгодное? Не даетъ-ли такое отношеніе г. Зубатову возможность увѣрять темную массу рабочихъ въ томъ, что революціонеры противъ всякаго фактическаго расширенія правъ рабочихъ, противъ всякаго фактическаго улучшенія ихъ матеріальнаго положенія! И темная масса рабочихъ можетъ ему повѣрить по той простой причинѣ, что она темна. Выгодно-ли для революціонной партіи давать г. Зубатову возможность лишній разъ проявить свои спеціальныя дарованія?

„Политика г. Зубатова тонка, не споримъ, но часто бываетъ, что гдѣ тонко, тамъ и рвется. Кромѣ того, всѣ его измышленія, хотя и остроумны, но, къ счастью, обоюдоостры, — надо лишь съумѣть найти и воспользоваться этой обратной стороной.

„Въ данномъ случаѣ намъ кажется, что разумная политика обязываетъ революціонеровъ не только не отрекаться передъ „мирными штопателями дырявыхъ штановъ“ отъ вспомогательныхъ кассъ и потребилокъ, а напротивъ того, — обязываетъ ихъ объяснить этимъ легальнымъ труженникамъ, что получили они эти пріюты любезной имъ работы лишь вслѣдствіе революціонной агитаціи революціонеровъ. Это во первыхъ. Во вторыхъ: зная, что никакая самодѣятельность, при нынѣшнемъ политическомъ строѣ, на практикѣ невозможна, мы убѣждены въ томъ, что дѣло съ „вспомогательными кассами и потребилками“ можетъ идти гладко лишь до тѣхъ поръ, пока обо всемъ этомъ только разговоры разговариваютъ. Съ того же момента, когда „самодѣятельность“ начнетъ проявляться не на однихъ словахъ, а захочетъ проявиться и въ дѣлахъ, то силой обстоятельствъ должны появиться такіе вопросы и такія положенія, при которыхъ станетъ яснымъ даже и для „мирныхъ штопателей дырявыхъ штановъ“, что дѣлать имъ, подъ правительственной опекой, — нечего. Да и въ самомъ дѣлѣ: не вѣчно же они будутъ свои дырявые штаны только штопать! Настанетъ время, когда штаны эти будутъ заштопаны, и „мирные труженники“ захотятъ ихъ надѣть. Не надо быть пророкомъ, чтобы предсказать, что такое превращеніе „мальчика безъ штановъ“ въ „мальчика въ штанахъ“ никакого сочувствія въ г. Зубатовѣ не встрѣтитъ и произведетъ разрывъ между друзьями.

„Безусловное отрицаніе кассъ и потребилокъ выгодно для Зубатова, а потому дѣлать этого не слѣдуетъ. Разумная, боевая тактика требуетъ сбереженія силъ, а потому она велитъ пользоваться всякимъ учрежденіемъ противника, какъ будто сами революціонеры вызвали его къ бытію, и направить это новое орудіе врага противъ него-же.

„Г. Зубатову хочется изъ кассъ и потребилокъ сдѣлать „усыпальницы“, куда онъ предполагаетъ загнать и окончательно усыпить въ нихъ тѣхъ рабочихъ, которые выказываютъ поползновеніе проснуться.

„Г. Зубатовъ изъ кассъ и потребилокъ предполагаетъ сдѣлать „гробы“, въ которыхъ думаетъ похоронить то революціонное броженіе, которое существуетъ среди рабочихъ.

„Надо внести въ эти „гробы“ жизнь. Надо заставить ихъ, подъ напоромъ жизненныхъ, практическихъ вопросовъ и дѣлъ, разлетѣться въ пухъ и прахъ, и если бы это удалось сдѣлать, то несомнѣнно, что „умный“ г. Зубатовъ остался бы въ дуракахъ.

Доброжелатель“.

Авторъ письма ошибается, думая, что мы относимся съ „безусловнымъ отрицаніемъ“ къ кассамъ и потребилкамъ вообще. Это не такъ. Во всѣхъ нашихъ статьяхъ по данному вопросу рѣзкость отрицанія была обусловлена именно тѣмъ, что Зубатовъ уже внесъ ядъ политическаго разврата въ опредѣленныя легальныя общества въ Москвѣ. Это съ одной стороны. А съ другой стороны, и „буржуазная наука“ уже внесла ядъ своихъ примирительныхъ, „гармоническихъ“ ученій въ легальныя лекціи. „Безусловность“ нашего отрицанія относилась къ этому двоякому яду и только къ нему (въ томъ числѣ, разумѣется, и къ ошибкамъ тѣхъ „новѣйшихъ соціалистовъ“, которые активно проповѣдуютъ свое: „вѣрую въ мощь вспомогательныхъ кассъ“). Зубатовскія общества не только гробы для будущихъ мертвецовъ, а также и ловушки для живыхъ людей. И мы обязаны предостерегать рабочихъ, чтобы они не попадали въ ловушки.

Если Зубатовъ скажетъ рабочимъ, что революціонеры противъ всякаго фактическаго улучшенія ихъ быта, — то мы будемъ опровергать Зубатова. Мы скажемъ (и говоримъ уже) рабочимъ, что мы вовсе не противъ кассъ и потребилокъ вообще (см. брошюру о потребительныхъ обществахъ, изданную въ Женевѣ), а только противъ всякаго полицейскаго вліянія на кассы или посредствомъ кассъ, противъ всякаго развращенія рабочихъ.

„Надо внести въ гробы жизнь“ — пишетъ авторъ. Нѣтъ, это не наше дѣло, не дѣло революціонеровъ. Наше дѣло — укладывать въ гробы враговъ пролетаріата, проповѣдывать и приготовлять такую „укладку“. А оживленіемъ гробовъ пусть занимаются легальные дѣятели, мирные штопатели штановъ. И мы вовсе не отрицали безусловно пользы отъ ихъ работы. Ничуть не бывало. Мы знаемъ, что въ Россіи имѣются полезныя и честныя легальныя общества. Мы не сомнѣваемся нисколько, что если правительство дѣйствительно предоставитъ рабочимъ хоть крошечку самодѣятельности, т. е. возможности дѣйствовать самимъ, а не по указкѣ Зубатовыхъ, — то это неминуемо поведетъ къ новому столкновенію еще болѣе широкихъ рабочихъ массъ съ правительствомъ, къ „разрыву между друзьями“. Умный Зубатовъ несомнѣнно въ концѣ концовъ останется въ дуракахъ. Но именно для того, чтобы приблизить этотъ „конецъ концовъ“, мы и должны разоблачать Зубатова, подталкивая его тѣмъ самымъ на предоставленіе рабочимъ хоть маленькой, но настоящей самодѣятельности. Своей непримиримой борьбой съ ядовитыми ростками Зубатовской проповѣди, буржуазной науки и „экономической“ близорукости мы какъ разъ и очищаемъ почву для прорастанія тѣхъ полезныхъ сѣмянъ, которыя удается изрѣдка бросить и въ русскую землю честнымъ „мирнымъ труженикамъ“.

Съ Урала. 10 ноября 1901 г. въ Горнозаводскомъ Отдѣленіи Красноуфимскаго Промышленнаго училища при Пермскомъ реальномъ училищѣ было вывѣшено „Извлеченіе изъ новыхъ правилъ для среднихъ техническихъ училищъ“.

Правила эти совершенно стѣсняли свободу горняковъ, приравнивая ихъ къ малолѣтнимъ школьникамъ.

10-го же числа вечеромъ у горняковъ состоялась сходка, на которой первымъ вопросомъ былъ: „Всѣ ли присутствующіе возмущены узостью тѣхъ рамокъ, въ которыя эти правила ставятъ всю нашу жизнь, весь нашъ общественный строй, всѣ наши благія молодыя начинанія?“ Отвѣтъ, конечно, получился утвердительный, и всѣ единодушно рѣшили заявить свой протестъ противъ этихъ правилъ, какъ противъ гнуснаго насилія надъ свободой личности и поруганія человѣческаго достоинства.

Въ понедѣльникъ 12-го ноября, въ 9 час. утра, горники потребовали къ себѣ директора и заявили, что подчиняться имъ новымъ правиламъ не будутъ, а потому требуютъ ихъ отмѣны.

Какъ и слѣдовало ожидать, со стороны директора были возраженія, и изъ нихъ выяснилось, что эти правила утверждены для 8-миклассныхъ (новаго типа) техническихъ училищъ, значитъ, горняки вправѣ требовать ихъ отмѣны. Конечнымъ отвѣтомъ г. директора былъ тотъ, что онъ донесетъ объ этомъ требованіи и вообще о данномъ событіи въ округъ. Послѣ этого объясненія горняки порѣшили не посѣщать занятій впредь до благопріятнаго исхода, т. е. до оставленія стараго порядка академической жизни.

Попытка начальства оказать давленіе на родителей угрозой увольненія не имѣла успѣха. 24 ноября пріѣхалъ окружной инспекторъ, получилъ отъ учащихся протестъ за подписью всѣхъ ихъ и имѣлъ съ ними личное объясненіе.

Дружной борьбой и стойкостью горняки добились того, что вывѣшенныя правила были убраны и примѣняться къ нимъ не будутъ до тѣхъ поръ, пока не придетъ окончательное рѣшеніе этого вопроса изъ высшихъ сферъ, передъ которыми взялъ на себя ходатайствовать окружной инспекторъ.

На сколько учащіеся были солидарны между собою, видно еще и изъ того, что дали другъ другу письменное обѣщаніе, скрѣпленное ихъ подписями, что если получится въ будущемъ неблагопріятный отвѣтъ, то также дружно они будутъ продолжать забастовку и добиваться окончательной отмѣны этихъ наглыхъ правилъ.

Кишиневъ. Въ началѣ декабря у насъ забастовало училище винодѣлія. Ученики этого училища направили свой протестъ, главнымъ образомъ, противъ учителя исторіи. Наше время вообще очень богато „теченіями“ различнаго качества. Въ педагогической сферѣ, напр., замѣтно, такъ сказать, полицейское теченіе. Преподаватель исторіи у винодѣловъ, очевидно, одинъ изъ поборниковъ этого теченія. Учитель завелъ шпіоновъ среди учениковъ. Вотъ это-то и особенно возмущало послѣднихъ. Протестъ рѣшено было выразить въ видѣ отказа отвѣчать этому благородному наставнику. Свое рѣшеніе ученики привели въ исполненіе; за симъ, само собою разумѣется, послѣдовали „мѣры пресѣченія“. Явился директоръ, ученики уволены и высланы (за исключеніемъ небольшого количества своекоштныхъ, которымъ разрѣшено остаться на жительство въ окраинахъ города).

Крамола въ Череповцѣ (Новгородской г.). На имя семинаристовъ 3-го класса было послано (пока неизвѣстно, кѣмъ) письмо (содержаніе его тоже неизвѣстно). Письмо, какъ имѣющее необыкновенный адресъ, было вручено директору семинаріи. Узнавъ отъ почтальона о принятіи директоромъ этого письма, семинаристы 3-го класса выбираютъ изъ своей среды четырехъ депутатовъ, какъ училъ ихъ дѣлать самъ директоръ, когда имъ нужно было съ нимъ говорить, и отправили къ директору просить выдачи адресованнаго на ихъ имя письма. Директоръ категорически отвѣтилъ, что такого письма нѣтъ. На слѣдующій день отправляется новая депутація уже въ сопровожденіи почтальона, приносившаго письмо. Уличенный въ обманѣ, директоръ долженъ былъ сознаться, что письмо у него есть, но все же его не отдалъ. Послѣ того, какъ директоръ уклонился отъ пріема третьей депутаціи, семинаристы 3-го класса 12 сентября утромъ принесли въ классъ книги, а сами ушли съ занятій домой. Перепуганное начальство приглашаетъ ихъ въ семинарію, разсаживаетъ по одиночкѣ и отбираетъ отъ каждаго подписку, требующую безпрекословнаго исполненія всѣхъ требованій начальства. Двое не дали такой подписки, полагая, что и остальные тоже такъ поступили, а двое другихъ подписались съ оговоркой, прочіе же всѣ исполнили требованіе. Первыхъ четырехъ исключили на слѣдующій же день, остальныхъ же лишили стипендіи за настойчивое требованіе у директора письма.

Наканунѣ „безпорядковъ“, т. е. 11 сентября на Верхней ул. произошелъ пожаръ, вызвавшій полицейскій осмотръ трубъ. И вотъ въ трубѣ бани Полозова на Верхней ул. нашли запрятанную туда библіотеку семинаристовъ, въ которой было не мало нелегальныхъ книгъ, въ томъ числѣ экз. гектографированнаго журнала семинаристовъ „Слово“. Эта находка послужила поводомъ для цѣлаго ряда обысковъ. Первымъ обысканъ семинаристъ Ивановъ, обвинявшійся въ завѣдываніи библіотекой. Оправдываясь отъ обвиненій, Ивановъ запуталъ многихъ семинаристовъ и даже учителей. Дальнѣйшіе обыски еще болѣе расширили „дѣло“, и теперь подъ подозрѣніемъ состоитъ, какъ слышно, 35 (!!) учителей. Корреспонденція, адресуемая на имя этихъ учителей, перехватывается. Обысканы учителя Виноградовъ и Капустинъ (у послѣдняго, кажется, что-то нашли). Его обвиняютъ въ изданіи „Слова“, и онъ, хотя и на свободѣ, но, вѣроятно, сильно пострадаетъ. Вотъ все, что извѣстно о нашихъ событіяхъ, но это только начало!

Кострома. Травля поднадзорныхъ. Если наша полиція и жандармерія и не отличается умѣніемъ въ искорененіи крамолы, за то энергіи у нея не занимать стать. За послѣднее время то и дѣло судятъ поднадзорныхъ. Рабочаго Бѣлова привлекли „за нарушеніе тишины и порядка“, хотя никакого нарушенія въ его поступкѣ не было (оправданъ). Высланный сюда петербургскій рабочій Кулаковъ былъ привлеченъ жандармами къ суду за богохульство (7 дней ареста). Наконецъ, малолѣтняго сына быв. петербургскаго рабочаго Буянова обвинили въ кражѣ. Мальчика защищалъ отецъ, сказавшій: „Тутъ все дѣло въ политической неблагонадежности; если ты неблагонадеженъ, — то мы твоего сына въ тюрьму упечемъ“. Судъ оправдалъ мальчика. Наконецъ, былъ привлеченъ къ суду бывшій студентъ Лѣсного Института Н. П. Богдановъ за дерзость, сказанную помощнику пристава. Несмотря на все усердіе полиціи и прокурора, удалось присудить Богданова только къ десяти рублямъ штрафа. — Не любятъ господа театральные антрепенеры, когда ихъ въ газетахъ не по шерсти гладятъ, и всякими способами борятся противъ этого: тотъ своимъ судомъ чинитъ кулачную расправу надъ черезчуръ строгимъ рецензентомъ, этотъ во всеуслышаніе заявляетъ, что онъ отказывается печатать объявленія

водства. Все это газетныя сообщенія за послѣдніе мѣсяцы. Факты эти не безъинтересные, и любопытно въ нихъ именно то, что правительство всѣмъ этимъ „начинаніямъ“ не только не препятствуетъ, но — повторяемъ — ихъ, по всѣмъ видимостямъ, поощряетъ. Иначе не было бы понятно, почему оно съ такимъ легкимъ сердцемъ разрѣшаетъ ихъ, почему оно такъ любовно смотритъ хотя бы на московскія рабочія собранія и даже открываетъ для отчета объ нихъ столбцы органа Мин. Финансовъ — „Торгово-Промышленную Газету“, а въ лицѣ г. Зубатова въ Москвѣ и его достойнаго ученика г. Васильева въ Минскѣ усиленно рекомендуетъ „самодѣятельность“. Мы подозрѣваемъ, что имѣется тайный циркулярчикъ, предписывающій чинамъ полиціи, жандармеріи и прочихъ полицейскихъ учрежденій усиленно заботиться о насажденіи клубовъ и всякаго рода ассоціацій. Почему бы иначе, напр., г. одесскому полицмейстеру рекомендовать одесскимъ извощикамъ-хозяевамъ устройство своего промысла на кооперативныхъ началахъ? Правда, г. полицмейстеръ не попалъ въ цѣль, но вѣдь всякое бываетъ усердіе у чиновъ полиціи. Какъ бы то ни было, но нельзя уже сомнѣваться, что къ развитію мирной самодѣятельности въ рабочей средѣ правительство относится теперь болѣе, чѣмъ благосклонно. Урѣзывая печать, препятствуя всевозможнымъ просвѣтительнымъ предпріятіямъ разночинской интеллигенціи, всяческими средствами ограждая своихъ подданныхъ отъ революціонной пропаганды, оно не можетъ считать эту, такъ сказать, отрицательную, разрушительную программу искорененія смуты — достаточной. Оно дополняетъ ее программой созидательной. Оно стремится сосредоточить неспокойную мысль рабочихъ на мирной взаимопомощи и этимъ отвлечь ихъ отъ борьбы и съ буржуазіей и съ нимъ самимъ; оно хочетъ играть передъ рабочими роль отца родного и этимъ затемнять сознаніе противоположности интересовъ его и интересовъ рабочихъ, такъ какъ оно знаетъ, что сознаніе этой противоположности — первый шагъ къ революціонной борьбѣ; оно, наконецъ, стремится дать какъ консервативной части самой рабочей массы, такъ и всевозможнымъ охранителямъ „интересовъ порядка и управленія“ и кармановъ имущихъ — факты, на которые они могли бы опереться въ своемъ противодѣйствіи боевому настроенію. Симпатія правительства всѣмъ клубнымъ и кооперативнымъ начинаніямъ, поэтому, вполнѣ понятна.

Объ эти стороны современной „внутренней политики“ русскаго правительства — и отрицательная и созидательная — какъ нельзя лучше отразились на организаціи „николевскаго собранія техниковъ и мастеровыхъ“, того самаго собранія, которое именуется газетами „рабочимъ клубомъ“. По недавно утвержденному уставу этого новорожденнаго клуба, членами его могутъ быть только „мастеровые и техники“, проживающіе въ г. Николаевѣ; при чемъ подъ „мастеровыми“ разумѣются, очевидно, не только рабочіе, но и фабриканты, ибо, по газетнымъ извѣстіямъ, „почти всѣ мѣстные фабриканты“ записались въ члены; а подъ техниками разумѣются между прочими инженерами и директора заводовъ съ женами, ибо на вечера „клуба“ они вхожи, а по уставу „гостями“ могутъ быть только лица, имѣющіе право быть членами. Интеллигентъ просто, по уставу, не можетъ быть ни членомъ, ни гостемъ клуба по той причинѣ, что интеллигентъ на Руси главный смутьянъ. Текущими дѣлами этого пріятнаго собранія вѣдаетъ „совѣтъ старшинъ“ подъ обязательнымъ предсѣдательствомъ фабричнаго инспектора или его замѣстителя, а для вящшаго единенія клуба съ полиціей всѣ его должностныя лица утверждаются николаевскимъ градоначальникомъ, и затѣмъ списки кандидатовъ въ члены за мѣсяцъ до избранія вывѣшиваются въ особыхъ объявленіяхъ, чтобы шпіоны могли собрать о кандидатахъ надлежащія свѣдѣнія. Что же касается занятій самого „собранія“, то оно можетъ и въ шахматы играть, и водку пить, и „полезныя“ лекціи слушать, и маскарады устраивать, и плясать, и литературные вечера организовывать, при чемъ, конечно, лекціи, спектакли и литературные вечера подчиняются всѣмъ цензурно-полицейскимъ правиламъ, а частныя бесѣды — цензурѣ гг. шпіоновъ. Можетъ собраніе и библіотеку имѣть; она подчиняется правиламъ безплатныхъ народныхъ читаленъ, т. е. будетъ наполнена душеспасительными и дѣтскими книжками. Разрѣшается собранію выписка журналовъ и газетъ, а руководство г. фабричнаго инспектора обезпечиваетъ выписку изданій наиболѣе благонамѣренныхъ и патріотическихъ.

Не правда-ли, въ этомъ „собраніи“ дѣйствительно есть все, что нужно правительству и ненужно рабочимъ? Фабриканты и инженеры въ качествѣ членовъ и гостей, а г. фабричный инспекторъ въ качествѣ царька „клуба“ своими заботами о „мастеровыхъ“ должны будутъ внѣдрять въ нихъ сознаніе, что хозяева и правительство истинные радѣтели о рабочемъ благѣ; тотъ же инспекторъ, г. градоначальникъ и шпіоны будутъ оберегать собраніе отъ вторженія смутьяновъ, лекціи, спектакли, журналы, газеты и библіотека будутъ снабжать рабочихъ полезными знаніями, разумными развлеченіями и благонамѣреннымъ образомъ мыслей. Мы льстимъ себя надеждой, что скоро такими клубами, столь полезными для сплоченія рабочихъ съ ихъ эксплуататорами, покроется вся Россія, а пока съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ ждемъ появленія устава минскаго „клуба“ еврейскихъ рабочихъ столяровъ, благополучно эрѣющаго подъ покровительствомъ жандармскаго управленія.

Единеніе хозяевъ, мастеровъ и инженеровъ съ рабочими на „клубной“ почвѣ еще не такъ легко можетъ показаться подозрительнымъ. Но единеніе рабочихъ съ ихъ эксплуататорами на почвѣ экономическихъ интересовъ, кажется, окончательно потеряло свой престижъ въ рабочей средѣ. Еще въ 1899 г. среди петербургскихъ рабочихъ пробуждалось недовольство потребилками, состоявшими подъ эгидой фабрикантовъ и заводчиковъ.

Въ недавнее время то же сознаніе несоотвѣтствія интересамъ рабочаго потребилокъ со смѣшаннымъ составомъ членовъ проявилось и на дебатахъ московскаго рабочаго парламента (14 собраніе). При такомъ взглядѣ рабочихъ на потребилки, взглядѣ, который легко можетъ быть перенесенъ и, вѣроятно, переносится ими на кассы взаимопомощи, правительству нѣтъ разсчета, бросая рабочимъ подачку въ видѣ покровительства „самодѣятельности“, поощрять общества со смѣшаннымъ составомъ. Напротивъ, ему выгоднѣй созданіе чисто рабочихъ обществъ, тѣмъ болѣе, что русскій шпіонъ вездѣсущъ, а такой либерализмъ со стороны правительства внушитъ къ нему признательность рабочихъ*). А такъ какъ путь „мирнаго развитія“, на который вступаютъ рабочіе съ разрѣшенія и поощренія правительства, ему очень нравится, то „самодѣятельность“ рабочихъ достойна въ его глазахъ даже широкой пропаганды. И по истинѣ слѣдуетъ предавать широкой гласности московскія пренія! На нихъ выливается столько восторговъ передъ потребилками, клубами, кассами взаимопомощи! На нихъ благодарятъ даже г. Витте!

Особенно торжественно было 21-е собраніе московскихъ рабочихъ. Происходило оно послѣ утвержденія властями предержащими устава московскаго потребительнаго общества рабочихъ механическаго производства, и было посвящено пріятнымъ мечтаніямъ о будущемъ этого общества. Послѣ хвалебной пѣсни новому предпріятію, пропѣтой руководителемъ собранія, г. Афанасьевымъ, „одинъ изъ рабочихъ произноситъ глубоко прочувствованную и безукоризненную со стороны изложенія рѣчь, посвященную руководителямъ бесѣдъ и совѣтникамъ рабочихъ — людямъ науки“. „Эти командиры въ борьбѣ съ невѣжествомъ — говоритъ онъ — повели насъ на бой съ нашимъ злѣйшимъ врагомъ — некультурностью и незнаніемъ. Они связали насъ въ одну братскую семью, въ одно дружеское общество. По мѣткому замѣчанію одного рабочаго, мы — кирпичи, а ученые — строители, которые складываютъ зданіе, связывая его, какъ цементомъ, своими познаніями и хорошимъ отношеніемъ къ намъ“. Затѣмъ всѣ „командиры“ были переименованы и „заслуги ихъ были почтены вставаніемъ, громомъ рукоплесканій и сердечными пожеланіями“. „Поистинѣ — повѣствуетъ корреспондентъ „Рус. Вѣд.“ — это была трогательная минута. Представители труда горячо и искренно благодарили людей науки, пришедшихъ имъ на помощь; знаніе и трудъ вступили въ единеніе, въ тѣсный союзъ, отнынѣ, будемъ надѣяться, неразрывный“. Да, „поистинѣ трогательно!“ Особенно, если помнить, что за этимъ „союзомъ знанія и труда“ кроется союзъ труда и политическаго гнета. Ликуйте же, господа, ликуйте! А подъ шумъ вашего ликованія ваши новые друзья — Зубатовы и К°, съ министрами во главѣ — будутъ окружать и васъ и вашихъ братьевъ сѣтью шпіонства и провокаторства, будутъ, опираясь на вашу миролюбивую пропаганду и на силу кнута, давить среди вашихъ братьевъ всякое проявленіе истинно свободной мысли и свободнаго чувства, всякій боевой порывъ къ свободѣ отъ гнета буржуазіи и правительства, какъ давили они раньше тюрьмой, ссылкой, пулей, нагайкой. Ликуйте же, господа, ликуйте! Васъ не затронутъ ни пули, ни нагайки! Вы — нищіе духомъ, вы премудрые пискари. На вашей улицѣ праздникъ: ваша пропаганда идетъ рука объ руку съ пропагандой жандармскихъ управленій и охранныхъ отдѣленій. А что ждетъ васъ впереди, какія „трогательныя картины“ могутъ предстать передъ глазами наблюдателя, можно видѣть хотя бы изъ примѣра вашихъ почтенныхъ сотрудниковъ по части „самодѣятельности“ — членовъ харьковской рабочей кассы взаимо-

---

*) Мы не говоримъ уже о либеральной интеллигенціи. Въ газетѣ „Пермскій Край“ намъ пришлось уже прочитать привѣтствіе администраціи по поводу минскихъ рабочихъ собраній и минскихъ артелей. Привѣтствовалось тамъ именно пробужденіе въ администраціи сознанія противоположности интересовъ хозяевъ и рабочихъ. Не помнимъ, принадлежала-ли эта замѣтка самому „Пермскому Краю“ или была перепечатана безъ оговорокъ.

о спектакляхъ въ непокладистой газетѣ. Болѣе утонченный способъ борьбы придумалъ костромской антрепренеръ. Воспользовавшись тѣмъ, что авторъ непонравившейся ему рецензіи въ мѣстной газетѣ — лицо поднадзорное, онъ прибѣгъ къ содѣйствію властей предержащихъ. И вотъ рецензентъ былъ приглашенъ въ полицію и тамъ ему отъ имени жандармскаго управленія было воспрещено дальнѣйшее сотрудничество въ газетѣ. Чтобы придать этому запрещенію видъ законнаго, была сдѣлана ссылка на 24 ст. Полож. о политическихъ поднадзорныхъ, воспрещающую поднадзорнымъ содержаніе типографій, литографій, фотографій, библіотекъ для чтенія и службу при нихъ въ качествѣ приказчиковъ, конторщиковъ, смотрителей и рабочихъ.

(Жаль, что не сообщено также имя этого антрепенера-„добровольца“. Ред.)

Одинъ изъ многихъ (Некрологъ). Генералъ инженеръ путей сообщенія, начальникъ закавказскихъ жел. дорогъ, г. Веденѣевъ, умеръ отъ пули въ легкихъ въ январѣ 1902 г. Онъ замѣчателенъ тѣмъ, что всегда былъ ярымъ противникомъ рабочаго движенія и однимъ изъ умныхъ бичей соціалдемократіи на Кавказѣ. Въ 1898 г. его распоряженіе, лишившее рабочихъ исконныхъ правъ на безплатные (разовые) билеты и т. п., вызвало грандіозную стачку, въ которой рабочіе одержали побѣду. Послѣ этого министерство думало изъять Веденѣева изъ обращенія на закавказскихъ желѣзныхъ дорогахъ, но его связи въ Питерѣ принудили министерство забыть про него. Послѣ стачки 1900 года въ августѣ Веденѣевъ лично ревизовалъ библіотеку для рабочихъ при мастерскихъ ж. д. и, найдя добрую половину книгъ ненужной для рабочихъ, особымъ циркуляромъ велѣлъ ее сжечь, затѣмъ опять по циркуляру правленіе библіотеки было распущено и онъ самъ назначилъ новый комитетъ изъ лицъ благонадежныхъ, навсегда лишивъ рабочихъ права выбора правленія и возможности самимъ заботиться о своей библіотекѣ. Теперь эта библіотека, лишенная читателей-рабочихъ, еле-еле влачитъ свое существованіе.

Попеченія Веденѣева дѣлались съ каждымъ днемъ все нахальнѣе. Маломальски въ чемъ-либо замѣченные рабочіе и тѣ, которымъ приходилось сидѣть въ тюрьмахъ, послѣ оправданія увольнялись изъ мастерскихъ. Веденѣевымъ совмѣстно съ жандармеріей было постановлено: съ 1901 г. вести всѣмъ рабочимъ, просидѣвшимъ хоть недѣлю въ тюрьмѣ, особые списки, которые разсылаются по всѣмъ частнымъ заводамъ со строгимъ наказомъ при пріемѣ рабочихъ руководствоваться этими списками, при чемъ и частнымъ заводчикамъ ставится въ обязанность вести такія же тетрадки, которыми они ежемѣсячно обмѣниваются между собою для руководства. На этотъ наказъ выхлопотали подпись Главноначальствующаго краемъ, при чемъ нарушившіе сіе повелѣніе подвергались денежнымъ взысканіямъ. Затѣмъ онъ выпустилъ циркуляръ къ начальнику мастерскихъ и смотрителю бюро, въ которомъ строго-на-строго повелѣвалось начальникамъ — направить теченіе Куры обратно съ востока на западъ (какъ они сами выражались), — т. е. сократить число рабочихъ грузинъ и армянъ и на мѣсто ихъ принимать татаръ и персіанъ, какъ болѣе покорныхъ, воздерживаться отъ пріема русскихъ рабочихъ, но въ крайнемъ случаѣ русскихъ предпочитать армянамъ и грузинамъ; дѣтей грузинъ и армянъ не принимать въ качествѣ учениковъ въ мастерскія, а по мѣрѣ возможности вербовать ихъ изъ татаръ и персіанъ, изъ депо мастерскихъ слесарей грузинъ и армянъ уволить и вакантныя мѣста замѣщать рабочими другихъ національностей. Несчастные начальники этимъ распоряженіемъ были поставлены между двухъ огней — уволить грузинъ и армянъ, которыхъ замѣнить нельзя, за неимѣніемъ татаръ и персіанъ, значило пріостановить работу въ мастерскихъ и въ депо; съ другой стороны, ихъ мучило — какъ же отвѣтить увлекшемуся репрессіями Веденѣеву? сейчасъ же послѣдуетъ его гнѣвъ; хорошо, если все это кончится однимъ выговоромъ. Послѣ двухнедѣльныхъ такихъ колебаній, несчастные холопы доложили „Бабѣ-ягѣ“,*) что послѣдній циркуляръ отъ пункта до пункта невыполнимъ. Вотъ къ какимъ мѣрамъ прибѣгалъ Веденѣевъ для искорененія крамолы среди рабочихъ. Вѣрный всегда своей задачѣ, Веденѣевъ въ августовской стачкѣ 1900 г. ни за что не уступалъ, предпочитая громадные убытки (въ день триста тысячъ руб.), какіе дорога несла по поводу стачки. Вызванному имъ саперному батальону платилось за работу въ мастерскихъ вдвое больше обыкновенной платы рабочаго. Въ дни управленія Веденѣева дорога выгоняла большую экономію на счетъ мелкихъ служащихъ и рабочихъ. Машинисты, зарабатывавшіе до него въ мѣсяцъ 170-190 руб., стали выгонять едва 100 руб., помощники вмѣсто 60-70 руб. — по 40-45 руб., а о кочегарахъ и говорить нечего. Премію за смазку и топливо вначалѣ выдавалъ въ 6-8 мѣсяцевъ разъ, а потомъ раза два отказалъ въ виду убытковъ, понесенныхъ дорогой, а потомъ и вовсе пересталъ ее выдавать.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Веденѣевъ былъ вѣрный служака, умѣлъ воровать*), — казна бывала довольна и его карманъ вѣчно полонъ. Кто бы ни былъ неизвѣстный убійца, — сознательный-ли рабочій, или вышвырнутый имъ изъ управленія дороги приниженный чиновникъ, онъ вѣрно подхватилъ настроеніе рабочихъ, и тысячи устъ матерей, женъ и сестеръ рабочихъ, оставшихся безъ заработка, будутъ благословлять стрѣлка и мѣткую пулю.

Тифлисскій рабочій.

*) Такъ здѣсь называли Веденѣева.

помощи, удостоившихъ выборомъ въ почетные члены харьковскаго губернатора.

Впрочемъ, и теперь можно поздравить васъ съ вступленіемъ одного изъ вашихъ руководителей на этотъ путь признательности передъ правительствомъ. „Большое спасибо — говорилъ вашъ ученый „строитель“, г. Озеровъ, на вашемъ 13-мъ засѣданіи — ..большое спасибо винной монополіи, что она положила въ основу борьбы съ алкоголизмомъ, устройство чайныхъ, имѣющихъ характеръ клубовъ“, и спасибо это мотивировалось именно тѣмъ, что Мин. Финансовъ сознало потребность рабочихъ въ клубахъ и милостиво пошло ей навстрѣчу*). Г Озеровъ старается увѣрить васъ, что г. Витте спитъ и во снѣ видитъ, какъ бы угодить рабочимъ, и васъ не смутили эти похвалы по адресу государственнаго плута, вы покрыли рѣчь г. Озерова рукоплесканіями... „Большое спасибо“ г. Озерова заслужено г. Витте, очевидно, созданіемъ попечительствъ о народной трезвости. Эти попечительства, какъ извѣстно, радѣютъ о народномъ просвѣщеніи, о предоставленіи рабочему люду пріятныхъ развлеченій и возможности насквозь пропитаться вѣрноподданническимъ духомъ. Вотъ хотя бы московское попечительство. Оно выстроило въ Москвѣ „народный домъ“ со всякими прелестями: читальней, аудиторіей и строго трезвеннымъ буфетомъ. Въ Харьковской губ. попечительства тоже хлопочутъ объ устройствѣ „народныхъ домовъ“, и въ Волчанскомъ уѣздѣ одинъ уже открытъ. Въ прочихъ мѣстахъ Россійской Имперіи попечительства тоже открываютъ и будутъ открывать повсюду, рядомъ съ царскими кабаками, чайныя, читальни, библіотеки, „народныя чтенія“. И вездѣ будутъ они своими книжками, лекціями и туманными картинами затуманивать сознаніе трудящихся, учить ихъ терпѣнію, посту и молитвѣ, покорности и благодарности начальству. Мин. Финансовъ предполагаетъ отпустить для этой цѣли попечительствамъ „особыя средства“, а такъ какъ нынѣшній каталогъ книгъ, разрѣшенныхъ для безплатныхъ читаленъ, очевидно, не удовлетворяетъ потребностямъ нужнаго правительству „просвѣщенія“, то, съ одной стороны, предполагается расширить этотъ каталогъ, а съ другой — тотъ же г. Витте „въ случаѣ надобности“ хочетъ издать серію народныхъ книгъ“ для своихъ попечительныхъ клубовъ. То-то будутъ книжечки! Надо полагать, наиболѣе цѣнныя изъ этихъ будущихъ произведеній столоначальниковъ Департамента Полиціи будутъ, по примѣру недавняго прошлаго, „рекомендовать“ для обязательнаго распространенія среди рабочихъ фабрикъ и заводовъ. Ну, г. Озеровъ, расшаркивайтесь! А мы замѣтимъ вотъ что: дѣятельность попечительствъ и издательскій проектъ Витте подчеркиваетъ другую сторону созидательной части правительственной политики: правительство, ради большаго успѣха искорененія смуты, беретъ въ свои руки устную и литературную пропаганду духа „смиренномудрія, терпѣнія и любви“ къ рабству.

*) Это спасибо г. Озерова какъ нельзя болѣе подходитъ къ духу того либеральнаго журнала, въ которомъ онъ сотрудничаетъ, — „Русской Мысли“. Въ августовской книжкѣ этого органа редакція публично благодаритъ правительство за снятіе съ журнала предостереженія. Эта благодарность преподносится Мин. Внут. Дѣлъ послѣ мартовской и майскихъ боенъ, произносится надъ свѣжимъ трупомъ „Жизни“! Какъ мало нужно иному либералу, чтобы онъ сподличалъ...

*) Во время ревизіи, назначенной въ 1898 г., воровство Веденѣева было обнаружено до такой степени, что онъ сталъ притчей во языцѣхъ во всемъ Тифлисѣ.

Въ № 8 нашей газеты мы помѣстили сообщеніе о столкновеніи ссыльнаго Гуревича съ врачемъ Марчевскимъ (въ Енисейскомъ уѣздѣ). По этому поводу мы получили слѣдующее письмо:

„Въ 8 № „Искры“ имѣвшій мѣсто въ Енисейской губ. случай съ негодяемъ врачемъ Марчевскимъ переданъ неточно. Когда больной съ приставомъ и „понятыми“ въ сопровожденіи товарища Даргольца, приглашеннаго приставомъ для снятія допроса, пришли въ больницу, то, когда этотъ врачъ поднялъ руку на больного, Г. Даргольцъ далъ ему пощечину, за что М. привлекаетъ его къ отвѣтственности по 285 ст. Улож. о нак., какъ за оскорбленіе дѣйствіемъ чиновника при исполненіи имъ своихъ обязанностей. Чиновникомъ врачъ считается какъ состоящій на государственной службѣ. Теперь тов. Д. грозитъ наказаніе, какъ гласитъ эта глава — отъ 8 мѣс. до 2½ лѣтъ тюремнаго заключенія. Конечно, есть смягчающія вину обстоятельства, какъ защита больного товарища, но еще вопросъ, какъ отнесется судъ. Даргольцъ еще привлекается тѣмъ же врачемъ за клевету въ печати, потому что Даргольцъ обо всемъ случившемся написалъ въ „Сибирской жизни“. — Вообще теперь за Ураломъ сильно обострены отношенія между ссыльными и администраціей. Чаша переполнена, и терпѣніе у многихъ лопается. Недавно одного товарища „за дерзкое обращеніе“ съ администраціей (онъ выгналъ сотскаго послѣ того, какъ тотъ ему успѣлъ порядкамъ надоѣсть) выслали къ чорту на кулички, гдѣ 10 домовъ и 35 чел. населенія, а почта, конечно, никогда не приходитъ“.

О той же исторіи другой товарищъ пишетъ:

„Гуревичъ жаловался прокурору Красноярскаго Окружнаго Суда; прокуроръ отвѣтилъ, что на основаніи 1085 ст. Устава угол. суд. жалоба Гуревича передана губернатору. Марчевскій въ объясненіи, отосланномъ губернатору, сдѣлалъ доносъ на своего предшественника: тотъ-де находился подъ вліяніемъ административныхъ „жидковъ“ и избаловалъ ихъ, выдавая безпрепятственно медицинскія свидѣтельства о мнимыхъ болѣзняхъ. Когда онъ (Марчевскій) сталъ относиться „добросовѣстно“ къ своимъ обязанностямъ, то его стали всячески травить и, наконецъ, побили при исполненіи служебныхъ обязанностей.

„Второй доносъ Марчевскій сдѣлалъ на политическаго ссыльнаго въ Пинчугѣ Зива (студ. мед. изъ Одес. унив.), который будто бы занялся недозволенной медицинской практикой.

„Когда въ Богучанахъ заболѣлъ полит.-ссыльный Левинъ, то по необходимости обратились къ Марчевскому. Тотъ сталъ ругаться и отказался идти. Пришлось вызвать его черезъ станового. На больного, бывшаго въ состояніи, близкомъ къ обмороку, онъ тоже кричалъ.

„Наконецъ, послѣдовала генералъ-губернаторская резолюція. Всѣ богучанцы, кромѣ Левина и Рачковскаго, были разселены по притокамъ Ангары въ деревушкахъ, верстахъ въ 100-150 отъ Богучанъ, куда нѣтъ тѣлежнаго пути, и почта поэтому ходитъ рѣдко и неаккуратно: Даргольцъ въ дер. Бѣдобу, Нудельмана (сильнѣйшее нервное разстройство) въ Петропавловское на Чунѣ, Гуревичей въ Петропавловское на Мурѣ, а Свѣтицкаго (съ больной женой и двумя дѣтьми), не принимавшаго абсолютно никакого участія, въ Чернявское на Мурѣ, Корнюховъ высланъ на границу Кежемьской волости.

„Поведеніе Марчевскаго разсматривалось красноярскимъ общ. врачей. Доносъ на предшественника нашли несовмѣстимымъ съ достоинствомъ не только врача, но и всякаго порядочнаго человѣка. По поводу Богучанской исторіи предложили ему привлечь автора корреспонденціи въ „Сибир. Жизни“ къ суду за клевету“.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ
и
ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

О петербургской рабочей организаціи. Какъ пишутъ изъ Петербурга, къ началу минувшаго года число членовъ мѣстной рабочей организаціи доходило до 300. Массовыми арестами и высылками въ первой половинѣ 1901 г. полиціи не удалось вырвать съ корнемъ молодое, но живучее дерево. Система провокаторства примѣнялась широко. Въ концѣ 1900 г. образовалъ свой кружокъ и предложилъ свою квартиру для собраній провокаторъ Андроновъ, ткачъ отъ Максвеля (чел. семейный, лѣтъ 35-40, средняго роста, брюнетъ, онъ нанималъ собственныхъ рабочихъ-портныхъ). Ему не удалось проникнуть на собраніе представителей кружковъ Невскаго района, а потому вредъ, причиненный имъ организаціи, не былъ слишкомъ большой. Это удалось провокаторамъ на Выборгской сторонѣ и на Путиловскомъ заводѣ. Имъ удалось присутствовать на праздникѣ, устроенномъ рабочими Нарвскаго района при встрѣчѣ новаго 1901 г., и вредъ, причиненный ими, былъ очень значительнымъ.

Рабочіе слишкомъ стремительно расширяютъ свою организацію; — они при этомъ не достаточно строго соблюдаютъ тотъ пунктъ устава организаціи, который требуетъ, чтобы въ собранія представителей вновь избранные рабочими члены допускались тогда, когда они съумѣютъ вполнѣ доказать свою искреннюю преданность дѣлу рабочихъ и достаточную степень конспиративности. Обращаемъ на это вниманіе петербургскихъ товарищей. Въ нашемъ дѣлѣ должно исчезнуть русское „авось“; каждый шагъ впередъ долженъ быть смѣлымъ, но глубоко обдуманнымъ. Одна маленькая ошибка можетъ погубить цѣлый рядъ товарищей, можетъ сдѣлать много вреда всему дѣлу.

Орѣхово-Зуево.

Насколько наши хозяева Морозовы особенно боятся всякаго протестующаго элемента среди рабочихъ, можно будетъ видѣть изъ нижеслѣдующаго.

Часто бываетъ, ч. какой либо рабочій, ищущій мѣста, является къ фабрикѣ съ желаніемъ получить работу, но это не всегда удается, если даже требуется на работу именно такой рабочій, какимъ является ищущій мѣста. Посмотритъ его паспортъ одинъ прохвостъ мастеръ, посмотритъ другой прохвостъ и возвращаютъ обратно съ неизмѣннымъ „не нужно“. Иной рабочій замѣчаетъ, что это не спроста, а есть какая то чертовщина, но какая? Вѣдь вотъ же онъ видитъ который разъ, какъ принимаютъ людей послѣ его пришедшихъ или только что предложившихъ свои услуги. Ходитъ, ходитъ такъ онъ къ фабрикѣ, пока не убѣдится что это безполезно и свалитъ всю неудачу на свою якобы непонравившуюся физіономію. И онъ правъ. Русскій рабочій обязанъ имѣть двѣ физіономіи: т. е. одну естественную, которой его надѣлила родительница или вообще природа, а другую полицейскую въ интересахъ огражденья разнаго беззаконья. Это — паспортъ и потому въ Орѣховѣ обращаютъ главное вниманіе на физіономію полицейскаго характера и если эта физіономія совершенно чиста, тогда есть шансы на поступленье. Но бѣда, если на паспортѣ окажется штемпель Петербурга, Москвы или другого большого города. Напрасно бѣдняга, владѣлецъ такого паспорта, будетъ просить работы, просить о принятіи его на фабрику, не удастся ему поступить по той причинѣ, что въ Морозовскія фабрики не принимаютъ рабочихъ изъ столицъ или тѣхъ городовъ, гдѣ существуетъ рабочее движеніе. А гдѣ оно теперь не сушествуетъ? У насъ же на Морозовскихъ фабрикахъ не все темная деревня и много есть товарищей, у которыхъ голова не совсѣмъ забита поповской околесиной и Назаровскимъ фарисействомъ. И все же администрація отдаетъ предпочтенье синимъ портамъ только что явившимся изъ деревни для скудныхъ заработковъ. Потому мы совѣтуемъ товарищамъ, пріѣзжающимъ изъ столицъ для поступленья, брать чистый паспортъ и не признаваться въ томъ тяжеломъ преступленьи (съ точки зрѣнія Морозовыхъ), что работали въ мѣстахъ, гдѣ существуетъ рабочее движеніе.

На Морозовской фаб. существуетъ книга „порочныхъ“, и это не просто такъ себѣ, а на самомъ дѣлѣ фундаментально поставлено, какъ будто въ департаментѣ полиціи, и если разъ попалъ въ нее, то пиши пропало, поступить на фабрику больше не удастся; если попалъ подъ слѣдствіе въ государственномъ преступленіи и обвиненъ, то тоже въ Орѣхово ѣздить незачѣмъ, ибо Министерство Внутрен. Дѣлъ ежемѣсячно присылаетъ исписанные листы съ сотнями лицъ, осужденныхъ за стачки и др. государственныя преступленія, на имя здѣшняго пристава и уже отъ послѣдняго поступаютъ въ контору съ помѣткой „секретно“ и вносятся въ книгу „порочныхъ“. Подумаешь, какіе „порочные“ люди эти рабочіе! если они вздумали повысить свою заработную плату или не согласились на пониженіе расцѣнковъ. Мало этого, Мин—во считаетъ своимъ долгомъ сообщать объ осужденныхъ въ Сибирь на разные сроки. Тутъ уже списокъ пестритъ: Художникъ, Докторъ, Учительница, Студентъ, и т. п. выслать туда то въ Забайкалье, на столько лѣтъ и по распоряженію Е. В. П. М. В. Д. жительство во Владимірской губерніи воспрещено, „на фабрику не принимать“.

Какіе же пороки фабричная администрація находитъ за своими рабочими? и какая для нихъ корысть изъ всего этого? Случаевъ для этого не занимать стать: получилъ рабочій грошовое единовременное пособіе за какое либо увѣчье — туда его т. е. въ книгу порочныхъ, доработался рабочій на фабрикѣ до неспособности къ труду — туда его; назвала рабочаго администрація неблагонадежнымъ — туда его, за предосудительное поведеніе — туда его, за подпояску шнурка (если на фабрикѣ рабочій подпоясется хозяйскимъ шнуркомъ) — туда его, и многое другое, ему же нѣтъ конца.

Очевидно, мало и этого оказалось, и для дополненія беззаконія устроили постоянную „комиссію“, нѣчто вродѣ тайнаго судилища, въ него вошли фабр. механики и техники подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго читателямъ эскулапа Базилевича. Эта комиссія признала нужнымъ записывать всякій грѣшокъ (вольный и невольный) рабочаго, дабы при всякомъ случаѣ можно было навести справки обо всякомъ рабочемъ, какъ онъ себя велъ въ теченіи тѣхъ лѣтъ, которые проработалъ на фабрикѣ. Для большей наглядности приводимъ справку, которая показываетъ, на сколько отвратительна та тина которая обвилась вокругъ насъ, Орѣхово-Зуевскихъ рабочихъ.

Подлинникъ.

Справка о живущемъ на фабрикѣ Т—ва Никольской М—ры.

Имя	Иванъ.
Отечество	Васильевъ.
Фамилія	Смирновъ.
Губерніи	Тульской.
Уѣзда	Веневскаго.
Волости	Узуновской.
Деревни	Глубокой.
Лѣта	56.
Сколько лѣтъ раб. на фаб.	23.
Увѣчье	Имѣетъ.
Должность	Рабочій при подъемной машинѣ.
Гдѣ раб.	на Б. Ф.

Свѣдѣнья квартир. отдѣла:

1) На его боченкѣ съ квасомъ загорѣлась тряпка. Штр. . . . . 1 р.

2) Пьяный на коридорѣ громко говорилъ, что старшіе всѣ подлецы и грабители. Обходные просили его замолчать, но онъ не слушался, за что взятъ въ сторожку штр. . . . . 2 р.

3) На улицѣ пѣлъ громко пѣсни, за непослушаніе посадили въ сторожку, о чемъ до ложено завѣдующему хоз. частью.

Помѣтка Г. Егорова.

За непослушаніе выселить на вольную квартиру.

Подписано Г. Егоровъ.

Свѣдѣнья фабрики.

1) За поздній выходъ на работу . . . . . 50 к.
За поздній выходъ . . 50 к.
За грубость мастеру штр. 1 р.
Одѣлся за 5 минутъ до окончанія . . . . . 50 к.
За непослушаніе . . . 40 к.
За многоглаголанье . . 50 к.
Жаловался Инспектору, что ему выдали плохую говядину . . . . . 1 р.

Подписано И. Гаранинъ.

(старшій конт. бумагопр. фабр.)

Проситъ вознагражденья за увѣчье (помѣт. квар. отдѣла).

(атестація либерала завѣдующаго фабрикой):

Человѣкъ неблагонадежный, грубьянъ, работникъ такъ себѣ. Просимаго не заслуживаетъ. Подписано: Александръ Федотовъ.

Замѣчанія больницы объ увѣчьяхъ:

1) Какъ передано съ фабрики, онъ находился въ нетрезвомъ видѣ, по своей неосторожности попалъ въ кожанный блокъ, при чемъ ему отрѣзало два пальца правой руки и помяло конецъ 3-го. Особыхъ увѣчій не было. Подписано: врачъ Базилевичъ.

2) При разборкѣ ящиковъ по своей неосторожности получилъ ушибъ въ спину. Находился на излеченіи въ больницѣ 28 дней. Подписано: врачъ Базилевичъ.

Резолюція Саввы Морозова:

Дать 50 руб. на дорогу. На фабрику вновь не принимать. Подписано: С. Морозовъ.

Вотъ и конецъ этой грустной исторіи: ломалъ, ломалъ человѣкъ свою жизнь, изувѣчился и ни одного добраго слова, потерялъ свою жизнь, оставилъ пальцы Морозову и за все это 50 р. на дорогу, дабы онъ не вздумалъ вести дѣло судебнымъ порядкомъ.

Рабочій.

Ст. Брянскъ. (М.-К.-В. ж. д.) Въ половинѣ октября начальникъ 5-го участка службы пути г. Виницкій (къ слову сказать, скотъ, какихъ мало) сбавилъ поденнымъ рабочимъ, получающимъ и безъ того не богъ вѣсть сколько, — 50 коп. въ день, — по 5 коп. Рабочіе, въ числѣ 40 человѣкъ, рѣшили забастовать. 17 октября рабочіе съ утра на работу не пошли, а когда смотритель зданія и кладовщикъ пришли и стали ихъ звать на работу, то рабочіе сказали, что на работу не пойдутъ до тѣхъ поръ, пока имъ не прибавятъ жалованье. До обѣда больше ихъ не тревожили. Рабочіе послѣ обѣда собрались возлѣ конторы 5-го участка и, вызвавъ г. Виницкаго, повторили свое требованіе о прибавкѣ. Виницкій отказалъ. Тогда рабочіе потребовали разсчетъ и проѣздные билеты. — Не знаю, что побудило г. Виницкаго, спѣшка-ли (ожидался проѣздъ коммиссіи) или боязнь за цѣлость своей шкуры, но только г. Виницкій уступилъ, прибавивъ по 10 коп. въ день, такъ что теперь рабочіе получаютъ 55 коп., вмѣсто прежнихъ 50 коп.

Изъ Брянскаго завода (Орловской губ.). Нельзя не отмѣтить халатнаго отношенія нашей заводской администраціи къ своимъ обязанностямъ, благодаря чему у насъ чуть-ли не каждый день несчастные случаи съ человѣческими жертвами. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ:

1) 26 октября въ мостовомъ корпусѣ во время обѣденнаго перерыва, упершись въ приводной валъ (такъ какъ онъ былъ на разстояніи $^3/_4$ арш. отъ стѣны), плотникъ Власъ Балабинъ, 21 года, прорубалъ стѣну. Увлекшись работой, онъ и не замѣтилъ, какъ прошло обѣденное время. Машинистъ, не давши сигнальнаго свистка (котораго, вопреки уставу промышленности объ уходѣ за паровыми машинами, уже нѣсколько лѣтъ не было) пустилъ машину въ ходъ. Балабина накрутило на валъ и начало бить о стѣну и о желѣзные кронштейны. Онъ лишился обѣихъ ногъ. Администрація, желая избавить себя объ отвѣтственности, распорядилась о постановкѣ свистка, который къ вечеру и былъ поставленъ.

2) 3 дек. въ чугунно-литейномъ цехѣ при отливкѣ изложницъ прорвавшаяся расплавленная масса облила двухъ литейщиковъ, изъ которыхъ одинъ умеръ черезъ сутки, а другой, хотя и остался живъ, но раньше полугода не вылечится. Какъ этотъ случай, такъ и рядъ другихъ являются послѣдствіемъ чрезмѣрной скупости нашей заводской администраціи. Такимъ образомъ, благодаря тому, что начальство не хочетъ дѣлать расходовъ для того, чтобы орудія производства были въ исправности, намъ, рабочимъ приходится платить за это своею жизнью.

3) Многія изъ заводскихъ зданій пришли въ ветхость и грозятъ обрушиться. 11 ноября одно изъ такихъ разлѣзающихся по всѣмъ швамъ зданій обрушилось, при слѣд. обстоятельствахъ: зданіе это, не смотря на то, что и стѣны и крыша его желѣзныя, сильно обветшало, стѣны расползались въ разныя стороны и ихъ только и удерживали толстые желѣзные пруты да желѣзныя балки, стягивающія стѣны. Въ этотъ день директоръ и пріемщикъ должны были принимать желѣзные листы. Листы эти надо перевозить черезъ это злополучное зданіе, но желѣзныя связи и балки препятствовали проходу подъемнаго парового крана. Тогда одно изъ начальствующихъ лицъ, П. Е. Маркинъ, велѣлъ перерубить связи, а также прорубить въ балкахъ мѣста для прохода крана. Лишившись послѣдней своей опоры, зданіе обрушилось, похоронивъ въ своихъ развалинахъ 7 человѣкъ.

Час. къ 8 веч. пострадавшіе были отрыты; изъ нихъ четверо убиты наповалъ, трое раненыхъ, изъ нихъ Филиппъ Бабковъ тяжело: у него переломлены обѣ ноги и пробита въ нѣсколькихъ мѣстахъ голова. Бабковъ женатъ, имѣетъ двоихъ дѣтей.

Брянскій рабочій.

Наши потребительныя общества. Въ обществѣ потребителей при Коломенскомъ машиностроительномъ зав. (Московъ губ.) обнаружены большія хищенія и злоупотребленія администраціи. На дняхъ въ лавкѣ найдена масса протухшей солонины и ветчины, какъ говорятъ, до 1000 пуд. Разборъ дѣла показалъ, что это мясо закупилъ уже испорченнымъ бухгалтеръ лавки, — человѣкъ наемный отъ потреб. общества. Члены правленія лавки, инженеры Коломенскаго завода Отцке, Афанасьевъ и другіе, принудили ревизіонную коммиссію, состоящую изъ мастеровыхъ и мелкихъ служащихъ, принять это мясо. Залежи тухлаго мяса были опечатаны полиціей по заявленію рабочаго, состоящаго при лавкѣ, — онъ не въ состояніи былъ продолжать перетаскивать тухлое мясо изъ подваловъ на возы для отправки его коломенскому кущу. Была отправлена депутація отъ рабочихъ къ администраціи завода съ заявленіемъ о желаніи созвать экстренное собраніе потребителей. Инженеръ Отцке увѣрялъ, что собраніе излишне, онъ обѣщалъ покрыть убытки лавки надбавкой 5 коп. на пудъ муки и выдать въ концѣ года тѣ же 10% дивиденда; при чемъ усиленно настаивалъ на томъ, что, смѣщая его изъ членовъ правленія, они этимъ ничего не выиграютъ, такъ какъ не получатъ никакого дивиденда; онъ просилъ, чтобы „не марали его чести“. Вызванный директоръ-хозяинъ сталъ на сторону инженеровъ, назвалъ депутатовъ „бунтовщиками“, осмѣливающимися его безпокоить изъ-за какихъ-то пустяковъ.

По заводу въ настоящее время ходятъ опросные листы: желаютъ рабочіе собранія потребителей или нѣтъ. На голосованіе оказываютъ сильное вліяніе мастера. Администрація постарается обставить дѣло такъ, чтобы его провалить.

Нижній-Новгородъ. Въ ночь на 21 дек. по всему городу были расклеены и разбросаны прокламаціи по поводу усиленной охраны. Онѣ читались многими и вызвали великое смятеніе среди полиціи. Въ ночь на 22 декабря были распространены прокламаціи Нижегородскаго Комитета на фабрикахъ и заводахъ по тому же поводу. Теперь каждую ночь разъѣзжаютъ по улицамъ усиленные конные патрули.

Вамъ писали уже о прокламаціяхъ на Добровскомъ зав. (одна прокламація) и на Калашкинскомъ (три прокламаціи). На сормовскихъ заводахъ были выпущены въ октябрѣ и ноябрѣ двѣ прокламаціи, одна къ рессорщикамъ, другая къ кузнецамъ. Дѣло въ томъ, что въ Сормовѣ систематически, хотя незамѣтно и постепенно, понижаютъ расцѣнки. Когда понизили расцѣнки рессорщикамъ, они, почти всѣ, бросили работу. На ихъ мѣсто поставили кузнецовъ и выписали рабочихъ изъ Москвы. Имъ же предложили разсчетъ. Нѣкоторые опять встали на работу, но многіе ушли съ завода. Въ ноябрѣ понизили расцѣнки кузнецамъ. Они ходили къ фабричному инспектору, тотъ обѣщалъ вступиться, но, конечно, ничего изъ этого не вышло. Наконецъ, недавно понизили расцѣнокъ въ мѣдно-литейной. По этому поводу была выпущена прокламація ко всѣмъ сормовскимъ рабочимъ въ довольно большомъ количествѣ. Она была всюду распространена, даже наклеена во многихъ мѣстахъ и вызвала много разговоровъ. Въ мѣстахъ, гдѣ были наклеены листки, собирались толпы народа и читали ихъ. Начали ходить слухи, что будетъ „бунтъ“. На администрацію они тоже произвели впечатлѣніе. Для предупрежденія и устраненія безпорядковъ заблаговременно были посланы въ Сормово войска, хотя никакихъ безпорядковъ тамъ не было. Они устроили маневры передъ заводомъ, пострѣляли въ цѣль и потомъ возвратились назадъ. По этому поводу Комитетъ обратился съ письмомъ „Ко всѣмъ офицерамъ Н.-Новгорода“. Кромѣ этихъ изданій, Комитетъ выпустилъ „Нижегородскую Раб. Газету“.

Кромѣ Комитета, здѣсь образовалась еще одна соц.-демократическая группа, которая выпустила № 1 „Раб. Летуч. Листка“, и еще одна революціонная группа безъ названія, которая издала листки: „Къ народу“, „Къ крестьянамъ“, „О Добролюбовѣ“ и „Объ усиленной охранѣ“.

Правила объ усиленной охранѣ, раскленныя на столбахъ, всюду вызываютъ разговоры — рабочіе очень озлоблены, о нихъ идетъ разговоръ даже среди пригородныхъ крестьянъ, пріѣзжающихъ въ Нижній въ базарные дни. „Скоро возстаніе будетъ, плохо живется народу“, разъясняютъ имъ ихъ „политики“.

Оренбургъ. Постройка Оренб.-ташкентской ж. д., начавшаяся этимъ лѣтомъ, вызвала массу „недоразумѣній“ между подрядчиками и рабочими. Рабочихъ обирали самымъ беззастѣнчивымъ образомъ. Не говоря уже о томъ, что условія работы очень неудовлетворительны, система штрафовъ, ничѣмъ не сдерживаемая,*) практиковалась въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, рабочихъ просто обманывали при разсчетахъ. Управленіе жел. дор. передало постройку подрядчику, тотъ, въ свою очередь, передалъ другимъ подрядчикамъ и т. д., такъ что рабочіе получали часто работу изъ третьихъ, даже четвертыхъ рукъ. Обезпеченіе въ уплатѣ денегъ съ подрядчиковъ не бралось, и вотъ при разчетахъ поздней осенью почти по всей линіи подрядчики не доплатили рабочимъ денегъ. „У насъ нѣтъ — намъ самимъ тоже не заплатили“. Начались судбища (для чего нужны средства — платить пошлины, адвокатамъ и т. д.), но и выигравъ дѣло, рабочіе не могли получить своихъ заработанныхъ грошей. Подрядчикъ объявлялъ себя несостоятельнымъ или начиналъ новое дѣло съ другимъ подрядчикомъ. Въ тоже время подрядчики предлагаютъ рабочимъ идти на мировую — вмѣсто рубля получить 60-80 коп., и рабочіе шли на эту сдѣлку: не на что было жить, наступала къ тому же зима. Большинство рабочихъ — крестьяне изъ голодающихъ губерній. Озлобленіе сильное и противъ подрядчиковъ, и противъ администраціи, которая держитъ ихъ сторону. Стачки были мелкія у отдѣльныхъ подрядчиковъ.

Изъ Оренбурга высылаютъ евреевъ за неимѣніемъ „права жительства“, начали съ осени, примѣняютъ мѣры безцѣльной жестокости: разоряютъ ремесленниковъ, даютъ на сборы 24 часа, о грубости администраціи не говоримъ.... Попадаются случаи и незаконной (!) — какъ будто законъ о чертѣ еврейской осѣдлости „законенъ“—высылки. Подано нѣсколько жалобъ въ сенатъ. Высылками возмущаются, да только про себя.

Сарапуль (Вятской губ.). Три четверти населенія нашего города занято въ производствѣ обуви. Во главѣ производства стоятъ заводы: Барабанщикова, Михѣева, Дедюхина, Смагина и Пѣшехонова, изъ которыхъ на каждомъ работаетъ отъ 200 до 500 чел. На заводахъ происходитъ, главнымъ образомъ, заготовка обуви, т. е. кройка, строчка и т. п.; большая же часть работы производится ручнымъ трудомъ, на дому, мелкими ремесленниками-сапожниками. Эта домашняя работа имѣетъ всѣ темныя стороны кустарнаго производства: безконечный рабочій день, который передъ сдачею обуви хозяевамъ захватываетъ нерѣдко нѣсколько ночей подрядъ, низкая (поштучная) заработная плата и т. п. Разъ въ недѣлю являются ремесленники на заводы съ готовою обувью для сдачи и получаютъ плату за работу. Сдача нерѣдко сопровождается значительными прижимками сдачечниковъ хозяйскими пріемщиками, при чемъ иногда слышатся въ толпѣ безсильныя проклятія по адресу эксплуататоровъ (сцена изъ „Ткачей“ Гауптмана). Раздѣленіе труда развито довольно сильно, такъ что рѣдко можно встрѣтить сапожника, который могъ бы сшить пару сапогъ, начиная съ кройки ея, безъ посторонней помощи. Это обстоятельство, вмѣстѣ съ неимѣніемъ собственнаго сырого матеріала, ставитъ ремесленниковъ въ кабальное положеніе по отношенію къ хозяину. Бѣдныя жилища, которыя служатъ и мастерскими, недостатокъ воздуха, свѣта и одежды, скудное питаніе, худыя, блѣдныя лица членовъ семьи — вотъ обстановка нашего ремесленника-сапожника. Дѣти его въ большинствѣ случаевъ не оканчиваютъ школы и рано засаживаются за работу, пріобрѣтая всевозможныя болѣзни, до чахотки включительно, которая находитъ себѣ благопріятную почву. Мнѣ вспоминается страдальческая смерть Поли Вар., 16 лѣтъ, умершей отъ чахотки и водянки; трудно описать отчаяніе матери, посадившей ее съ 10 лѣтъ за строчку паръ.

На заводахъ часть рабочихъ является приходящею, другая живетъ тутъ же на хозяйскихъ харчахъ. Обстановка труда на заводахъ немногимъ лучше домашней работы: грязныя, тѣсныя, безъ свѣта и безъ воздуха, мастерскія, господство всѣхъ видовъ внѣ-законной эксплуатаціи рабочихъ, царство мастеровъ и приказчиковъ, грубость въ обращеніи — являются характерными ея признаками. Женскій и дѣтскій трудъ примѣняется въ изобиліи, при чемъ сплошь и рядомъ встрѣчается обходъ закона о предѣльномъ возрастѣ занятыхъ на работѣ дѣтей, такъ что нерѣдко 10-11 лѣтнія дѣти значатся въ конторскихъ книгахъ 13-14 лѣтними; фабричный инспекторъ этого, конечно, не видитъ. Въ хозяйскихъ казармахъ господствуетъ невылазная грязь; харчи — постная пища, съ преобладаніемъ воды и хлѣба, такъ какъ благочестивые хозяева больше всего заботятся о спасеніи душъ нечестивыхъ рабочихъ. Заработная плата низка, рабочій день на однихъ заводахъ, согласно закону, — $11^1/_2$ час., а на другихъ, гдѣ хозяева побойчѣе, и рабочіе посмирнѣе, — 12 и 13 час. Тяжесть положенія чувствуется заводскими и ремесленниками давно. Они вздыхаютъ, жалуются на свое положеніе, придумываютъ разныя палліативныя средства, но радикальнаго выхода изъ него не видятъ. Ремесленники мечтаютъ объ открытіи общихъ мастерскихъ для нихъ, о потребительныхъ и производительныхъ товариществахъ, но дальше не идутъ. Только изрѣдка то на одномъ, то на другомъ заводѣ являются попытки рабочихъ улучшить свое положеніе. О нѣкоторыхъ изъ нихъ, извѣстныхъ мнѣ, я разскажу дальше...

Въ январѣ 1900 года всѣ живущіе на хозяйскихъ харчахъ рабочіе завода Дедюхиныхъ забастовали, выставивъ слѣдующія требованія: очистка казармъ и содержаніе ихъ въ чистотѣ, еженедѣльная баня для рабочихъ; вмѣсто чугуновъ для чая — самовары; вмѣсто голыхъ досокъ для спанья — войлоки съ подушками, ежедневно мясные щи съ $^1/_4$ ф. мяса на чел. и. т. п. Хозяева сразу сдались, пораженные неожиданностью этого явленія. Началась чистка казармъ, изъ кухни понесся запахъ мясныхъ щей, потянулись возы съ войлоками и самоварами... Это былъ настоящій свѣтлый праздникъ для рабочихъ. Они ходили повеселѣвшіе, съ сознаніемъ собственнаго достоинства. Настроеніе сильно повысилось; шли разговоры безъ конца. Но радость не могла долго продолжаться, такъ какъ кромѣ уничтоженныхъ золъ, въ ихъ трудовой жизни оставалась цѣлая бездна еще болѣе важныхъ, съ которыми предстояла продолжительная борьба. Ровно черезъ двѣ недѣли забастовалъ вторично уже весь заводъ, выставивъ требованія о сокращеніи рабочаго времени на полчаса, а въ субботу на одинъ часъ, о расширеніи помѣщенія мастерской, о вентиляціи, освѣщеніи и т. п. На сей разъ гг. хозяева бросились искать защиты у начальства: увѣдомили городскую полицію, вызвали фабричнаго инспектора и дали знать въ вятское жандармское управленіе. Прискакавшій инспекторъ предварительно позавтракалъ у хозяевъ, и явившись на заводъ, отказался говорить со всѣми рабочими, требуя отъ нихъ выборныхъ для переговоровъ. Рабочіе наотрѣзъ отказались исполнить это, и онъ принужденъ былъ выслушать ихъ требованія. Послѣ продолжительныхъ увѣщаній рабочихъ, онъ, наконецъ, согласился и сталъ мягко уговаривать ихъ начать завтра работу, обѣщая немедленно вывѣсить новыя правила о сокращеніи рабочаго дня (до 11 час., кажется) и приступить къ исполненію другихъ ихъ требованій. Затѣмъ отправился въ контору закусить. Работы начались, но новыя правила не появлялись, и черезъ нѣсколько дней рабочіе опять бросили работу, не смотря на обѣщанія управляющаго. Тогда хозяева поспѣшили вывѣсить новыя правила.... Новая побѣда, — новая радость для рабочихъ! Черезъ мѣсяцъ предстояла, кажется, полугодовая „ряда“ рабочихъ съ хозяевами, и рабочіе готовились уже предъявить новое требованіе — повышеніе заработной платы. А между тѣмъ, вѣрные царскіе слуги приступили къ дѣлу обнаруженія вредныхъ вліяній: начались обыски у рабочихъ, началось тасканіе ихъ на допросы къ жандармскому полковнику. На помощь мѣстнымъ изъ Вятки было командировано сюда еще нѣсколько жандармовъ. Началось выворачиваніе души и квартиръ рабочихъ, осмѣлившихся требовать улучшенія своего горькаго положенія. При обыскѣ у Николая Злыгостева, перерывъ весь домъ, всѣ сараи и амбары, перекопавъ весь снѣгъ во дворѣ, энергичные опричники отправились въ баню, отстоящую чуть не на версту отъ дома, среди пустыря, и нашли тамъ двѣ нелегальныя книжки: „Что нужно знать и помнить каждому рабочему“ и „Какъ англійскіе рабочіе боролись за свободу“. Крамола найдена. Н. Злыгостева берутъ въ тюрьму. Но всѣ дальнѣйшіе поиски и допросы остаются тщетными. Только одинъ мастеръ съ завода (къ сожалѣнію, не помню его фамиліи), вначалѣ очень сочувствовавшій рабочимъ, при первомъ же допросѣ принесъ жандармамъ слезное покаяніе съ попыткою оговорить Злыгостева и другихъ рабочихъ. Но онъ ничего важнаго не далъ имъ, кромѣ пріятнаго сознанія, что этотъ мастеръ подлый предатель, — значитъ, ихъ слуга. Продержавъ Злыгостева три мѣсяца въ тюрьмѣ, не имѣя никакихъ фактовъ противъ него, его выпустили, отдавъ подъ гласный надзоръ. Другою жертвою явился рабочій Жуковскій, сосланный въ нашъ городъ на три года. Ему прибавили еще годъ наказанія и выслали въ Яранскъ. Между тѣмъ хозяева, пользуясь общимъ смятеніемъ, провели „ряду“ безъ ущерба для своего кармана. Позднѣе рабочіе добились сокращенія рабочаго дня въ субботу для дѣтей еще на полчаса.

Во время всѣхъ этихъ событій на другихъ заводахъ господствовало возбужденное состояніе среди рабочихъ, шли безконечные разговоры, происходили частичныя столкновенія рабочихъ съ начальствомъ, но до общаго движенія дѣло не дошло. Лѣтомъ того же года на заводѣ городского головы Пѣшехонова произошло слѣдующее событіе: хозяинъ удлинилъ рабочій день на полчаса безъ согласія рабочихъ, приказавъ кончать работу вмѣсто 11 час. въ $11^1/_2$ час. Рабочіе не повиновались и уходили обѣдать по обыкновенію въ 11 час. Тогда Пѣшехоновъ устроилъ свистокъ и отдалъ строгій приказъ кончать работу по свистку. Въ день перваго дебюта новаго свистка онъ пріѣхалъ на заводъ со своимъ сыномъ-инженеромъ, Леонидомъ. Подъ горячими лучами солнца стояли они среди заводского двора, предвкушая удовольствіе побѣды. Но вдругъ... о ужасъ! ровно въ 11 час. растворились одновременно двери всѣхъ мастерскихъ, и плотная рабочая масса хлынула на дворъ, обходя метавшихъ громъ и молніи Юпитеровъ. Образованный сынокъ покраснѣлъ, и изъ устъ его полились на головы ослушниковъ угрозы тюрьмою, Сибирью и т. д. Новый свистокъ не помогъ, и хозяинъ принужденъ былъ уступить рабочимъ. Не безинтересно замѣтить, что этотъ же городской голова г. Пѣшехоновъ, имѣя въ своихъ мастерскихъ ламповое освѣщеніе, ставилъ въ счетъ рабочимъ керосинъ и разбитыя ламповыя стекла. Возмущенные этимъ, рабочіе забастовали. Тогда хозяинъ обратился къ полиціи, и на мѣсто дѣйствія немедленно явился храбрый исправникъ съ приставами и полицейскими. Но въ отвѣтъ на ругань исправника мускулистые кулаки рабочихъ сжались крѣпко и со злобою направились въ сторону гнѣвнаго начальства. Исправникъ со своею свитою бросился бѣжать, а во слѣдъ храброму воинству полетѣли камни, палки, посыпались остроты.

Одновременно съ вышеописанною стачкою на заводѣ Дедюхиныхъ, въ воткинскомъ желѣзодѣлательномъ казенномъ заводѣ, въ 60 верстахъ отъ Сарапула, происходило слѣдующее: рабочіе механическаго цеха забастовали, потребовавъ сокращенія рабочаго дня на одинъ часъ въ субботу. Громадной толпой они отправились къ квартирѣ начальника. Увидавъ рабочихъ, начальникъ струсилъ и заперся въ своей квартирѣ. Но вынужденный настойчивыми требованіями рабочихъ выйти, онъ съ перваго же слова объявилъ свое согласіе, и, дѣйствительно, выполнилъ требованія стачечниковъ. Получилось слѣдующее явленіе: механическій цехъ въ субботу кончаетъ работу и расходится, а другіе цехи работаютъ еще часъ. Тогда же сразу обнаружилось сильное недовольство въ рабочихъ остальныхъ цеховъ, но до открытой борьбы не дошло еще.

Нужно замѣтить, что еще зимою 1899 года въ воткинскомъ заводѣ была распространена нелегальная литература. Рабочіе съ большимъ интересомъ набросились на нее, читая за работой, во время отдыха и на улицахъ. Началось броженіе среди рабочихъ, острыя столкновенія съ мастерами и начальствомъ. Жандармерія тотчасъ была пущена въ ходъ. Благодаря неосторожному обращенію съ литературою, недостаточной конспираціи, жандармы быстро сдѣлали свое дѣло. Прежде всего они оцѣпили во время работъ механическій цехъ и произвели повальный обыскъ у всѣхъ рабочихъ. Масса литературы полетѣла тогда въ горны. Затѣмъ пошли домашніе обыски и 15 чел. рабочихъ были арестованы. Но ихъ продержали двѣ недѣли и выпустили. Настроеніе среди всего населенія въ то время было страшно напряженное. Мнѣ съ ужасомъ разсказывала потомъ одна купчиха, какъ она и все ея родное и знакомое купечество складывало тогда свои богатства въ дубовые сундуки и собиралось выѣхать съ ними въ Сарапулъ, потому что рабочіе-де грозили перерѣзать телеграфныя проволоки, перебить начальство и раздѣлить между собою всѣ богатства крупныхъ собственниковъ. Съ тѣхъ поръ на этомъ заводѣ не было никакихъ крупныхъ волненій, но глубокое недовольство живетъ въ рабочей средѣ, не находя пока выхода въ свѣтъ. Почва въ вышеописанныхъ мѣстностяхъ богатая, но, къ сожалѣнію, сѣятелей нѣтъ. Не разъ приходилось слышать отъ самихъ рабочихъ: „дайте намъ человѣка, съ которымъ мы могли бы посовѣтоваться, который научилъ бы насъ, тогда у насъ быстро пойдетъ дѣло“.

---

*) Для работъ по постройкѣ жел. дорогъ дѣйствуетъ „уставъ о подрядахъ и поставкахъ“, въ которомъ нѣтъ и намека на обезпеченіе интересовъ рабочихъ, общее же фабричное законодательство на нихъ не распространяется.

ИЗЪ БРЮССЕЛЯ.

Письмо въ редакцію „Искры“.

Брюссель, 31 дек. 1901 года.

Пишу вамъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ только-что состоявшейся международной соціалистической конференціи. На ней присутствовали делегаты: отъ Франціи Вальянъ и Жеро-Ришаръ; отъ Германіи Каутскій и Зингеръ; отъ Голландіи Фанъ-Коль и Трульстра; отъ Соединенныхъ Штатовъ Герронъ; отъ Англіи Гайдмэнъ и Куэльчъ: отъ Польши Войнаровская; отъ Россіи Кричевскій и вашъ покорный слуга; отъ Бельгіи Ансель и Вандервельдъ, а также секретарь международнаго бюро Викторъ Серви.

Въ числѣ очередныхъ вопросовъ не было ни одного изъ тѣхъ, отъ рѣшенія которыхъ въ ту или въ другую сторону зависятъ судьбы движенія и при обсужденіи которыхъ неизбѣжно загораются страсти. Впрочемъ, международное бюро не имѣетъ и право рѣшать эти великіе вопросы. Его задачи гораздо скромнѣе: оно должно проложить путь для сближенія и для единодушнаго дѣйствія соціалистовъ всѣхъ странъ на почвѣ тѣхъ рѣшеній, которыя приняты другими, болѣе компетентными инстанціями національными и интернаціональными съѣздами). Не удивительно-поэтому, что международному соціалистическому бюро приходится исполнять много необходимой, но мелкой и будничной работы.

Такъ, въ первомъ же засѣданіи его перваго съѣзда ему пришлось обсуждать споръ, давно ведущійся между англійской Независимой Рабочей Партіей (Independent Labour Party) и соціалдемократической Федераціей (Social-Demokratic Federation) по вопросу о представительствѣ въ Бюро. Конференція рѣшила, что въ январѣ будущаго года должно быть созвано въ Лондонѣ собраніе изъ представителей обѣихъ англійскихъ соціалистическихъ фракцій для улаженія этого спора.

Изъ другихъ практическихъ рѣшеній укажу на слѣдующее: каждой изъ представленныхъ въ Международномъ Бюро націй, кромѣ двухъ делегатовъ, предложено выбрать еще секретаря или — въ тѣхъ странахъ, гдѣ существуютъ двѣ соціалистическія фракціи — двухъ секретарей, для сношеній съ Международнымъ Бюро.

Далѣе рѣшено печатать на французскомъ, англійскомъ, нѣмецкомъ и голландскомъ языкахъ бюллетень международнаго движенія. Но этотъ бюллетень будетъ выходить не въ видѣ особаго изданія, а на страницахъ уже существующихъ органовъ: „Neue Zeit“ въ Германіи; „Mouvement Socialiste“ въ Франціи; „Social-Democrat“ въ Англіи: „De Nieuwe Tijed“ въ Голландіи. Само собою разумѣется, что періодическимъ изданіямъ другихъ странъ ничто не препятствуетъ воспроизводить этотъ бюллетень на своихъ страницахъ. Думаю, что „Искра“ и „Заря“ съумѣютъ извлечь изъ него все, что можетъ быть интереснаго для русскаго читателя-соціалиста.

Парижскій международный соціалистическій конгрессъ 1900 г., какъ извѣстно, постановилъ, что слѣдующій конгрессъ состоится въ 1903 г. въ Амстердамѣ. Теперь наша конференція точнѣе обозначила время созванія этого конгресса: онъ состоится въ половинѣ августа. Въ январѣ 1903 г. секретарь Международнаго

Бюро обратится съ воззваніемъ къ рабочимъ партіямъ и соціалистическимъ организаціямъ всѣхъ странъ, приглашая ихъ прислать на конгресъ своихъ представителей и заранѣе обозначить тѣ вопросы, которые они желали бы подвергнуть обсужденію.

Укажу, наконецъ, на то постановленіе конференціи, согласно которому при Международномъ Бюро въ Брюсселѣ должна быть организована международная соціалистическая библіотека. Соціалисты всѣхъ странъ настоятельно приглашаются посылать въ нее всѣ свои изданія.

Перехожу теперь къ тѣмъ рѣшеніямъ конференціи, практическое значеніе которыхъ опредѣляется ихъ политическимъ содержаніемъ.

По почину Каутскаго и Зингера, конференція единогласно рѣшила сдѣлать слѣдующее заявленіе: „Международное Соціалистическое Бюро, собравшись на конференцію въ Брюсселѣ 30 дек. 1901 г., самымъ энергичнымъ образомъ протестуетъ во имя соціалистическаго пролетаріата всѣхъ странъ противъ политики германизаціи въ прусской Польшѣ, гдѣ прусское правительство не отступаетъ передъ самыми варварскими мѣрами для того, чтобы силой принудить польское населеніе отказаться отъ роднаго языка.

„Бюро клеймитъ также лицемѣріе и двоедушіе господствующихъ классовъ, которые не находятъ достаточно словъ для выраженія своего негодованія противъ англійскаго варварства въ Трансвалѣ и которые, съ другой стороны, одобряютъ и поддерживаютъ самый позорный гнетъ, налагаемый правительствомъ на поляковъ въ Германіи. Бюро приглашаетъ польскій рабочій народъ искать защиты противъ подавленія его духовной и національной культуры, равно какъ и противъ его экономической эксплуатаціи, подъ знаменемъ международной соціалдемократіи и всѣми силами содѣйствовать ускоренію ея побѣды, которая одна только можетъ принести полную духовную и матеріальную свободу и равенство".

По поводу „имперіализма" конференція, по предложенію Гайдмэна, единогласно высказалась такъ:

„Международное соціалистическое бюро снова обращаетъ вниманіе рабочихъ всего свѣта, какъ соціалистовъ, такъ и не соціалистовъ, на имперіалистскую политику, которой держатся всѣ страны Европы и Соединенные Штаты Америки ради служенія экономическимъ интересамъ класса капиталистовъ.

„Несмотря на непріязнь, которая возникаетъ по временамъ между отдѣльными націями, этотъ классъ, взятый въ цѣломъ, вездѣ дѣйствуетъ одинаковомъ образомъ для поддержанія своего всемірнаго господства.

„Если въ послѣднее время Англіей совершено было много преступленій въ Южной Африкѣ, а Соединенными Штатами на Филиппинскихъ островахъ, то съ другой стороны вся Европа, въ союзѣ съ Соединенными Штатами и съ Японіей, совершила въ Китаѣ цѣлый рядъ несправедливостей и жестокостей, кладущихъ отвратительное пятно на исторію нашего времени.

„Тѣ страшныя послѣдствія, которыя несетъ съ собою для порабощенныхъ народовъ капиталистическая эксплуатація и которыя мы видимъ въ англійской Индіи, — гдѣ 230 милліоновъ людей были совершенно разорены англійскими вымогательствами, въ Ирландіи, въ Польшѣ, въ Африкѣ и въ Азіи, ведутъ эти народы къ нравственному униженію и къ матеріальному обѣдненію.

„Господствующіе классы пользуются имперіализмомъ и шовинизмомъ для того, чтобы противодѣйствовать вредному вліянію капиталистической конкурренціи, и для того, чтобы ослабить возрастающее вліяніе соціализма въ такое время, когда опустошительный промышленный кризисъ господствуетъ во всѣхъ странахъ.

„Международное Бюро горячо взываетъ къ рабочимъ всего міра, убѣждая ихъ не поддаваться интригамъ буржуазныхъ государственныхъ людей, не вѣрить лжи, распространяемой капиталистической прессой, и съ возрастающей энергіей стремиться къ полному сплоченію въ особую партію рабочаго класса, которая объединится на международной почвѣ для уничтоженія привилегій буржуазіи".

Наконецъ, въ двухъ заявленіяхъ, предложенныхъ русскими делегатами, и поддержанныхъ польской делегаткой, В. Войнаровской, конференція заклеймила реакціонныя и жестокія дѣйствія нашего правительства. Вотъ эти заявленія:

1) „Международное Соціалистическое Бюро единодушно протестуетъ противъ русскаго правительства, которое, ради своихъ реакціонныхъ цѣлей, нарушило конституцію финляндскаго народа и, недавнимъ циркуляромъ министра народнаго просвѣщенія, почти совершенно закрыло евреямъ доступъ въ среднія и высшія учебныя заведенія.

„Международное Соціалистическое Бюро тѣмъ болѣе считаетъ себя обязаннымъ протестовать противъ этой послѣдней мѣры, продиктованной антисемитами, что еврейскіе рабочіе-соціалдемократы, своей неутомимой дѣятельностью, оказали большую услугу международному пролетаріату".

Подписано:

Плехановъ. Кричевскій. В. Войнаровская.

„Международное Соціалистическое Бюро клеймитъ ненавистный русскій деспотизмъ, который еще разъ покрылъ себя кровью, произведя 7 мая 1901 г. бойню среди рабочихъ Обуховскаго зав. въ Петербургѣ во время манифестаціи, происшедшей въ связи съ празднованіемъ перваго мая и заставивъ затѣмъ свой холопствующій судъ приговорить (въ концѣ сентября 1901 г.) къ каторжнымъ работамъ и тюремному заключенію 29 жертвъ, произвольно выхваченныхъ изъ числа обуховскихъ манифестантовъ.

„Бюро посылаетъ свое братское привѣтствіе героямъ борцамъ, русскимъ рабочимъ, свидѣтельствуя о горячемъ сочувствіи, которое международный соціализмъ питаетъ къ ихъ освободительной борьбы противъ царизма, „этого врага соціализма и демократіи".

Подписано:

Кричевскій. Плехановъ. Войнаровская.

Около 6 час. вечера окончилось послѣобѣденное, — второе и послѣднее — засѣданіе конференціи, и делегаты, разбившись на группы, разошлись по ресторанамъ съ тѣмъ, чтобы, подкрѣпивъ свои силы, снова сойтись въ 8 часовъ на большой международный митингъ, о которомъ заранѣе возвѣщено было въ центральномъ органѣ бельгійской партіи „Le Peuple" и въ особыхъ афишахъ. Я не стану передавать содержанія тѣхъ рѣчей, которыя были произнесены на этомъ митингѣ делегатами всѣхъ странъ: говорилось то, что обыкновенно говорится въ такихъ случаяхъ. Прибавлю только, что какъ вашъ покорный слуга, такъ и другой русскій делегатъ сочли своимъ долгомъ указать западноевропейскимъ товарищамъ на могучій и непрерывный ростъ русскаго рабочаго движенія и на постоянно обостряющіяся столкновенія русскаго пролетаріата съ царизмомъ. Такія указанія не безполезны, такъ какъ на Западѣ даже соціалисты очень плохо освѣдомлены о томъ, что дѣлается въ Россіи. Но для русскихъ читателей въ нихъ новаго ничего нѣтъ, и потому я не распространяюсь о нихъ, предпочитая отмѣтить то поднятое настроеніе, которое господствовало между слушателями, наполнившими огромную „Праздничную залу" („Salle de Fêtes") брюссельскаго „Народнаго Дома". Бельгійскій пролетаріатъ ведетъ теперь чрезвычайно энергичную борьбу съ реакціонной частью буржуазіи за всеобщее избирательное право. Духъ борьбы наполняетъ сердца бельгійскихъ рабочихъ, и потому каждое энергичное слово иностранныхъ делегатовъ встрѣчало восторженный откликъ со стороны ихъ слушателей. Я не разъ присутствовалъ на большихъ политическихъ собраніяхъ бельгійскихъ рабочихъ, но еще никогда они не производили на меня такого сильнаго впечатлѣнія.

Но пріятнѣе и сильнѣе всего поражало участіе въ митингѣ дѣтей и продростковъ рабочаго класса. Эти малолѣтніе и несовершеннолѣтніе пролетаріи стройно и торжественно прошли цѣлый рядъ пѣсенъ въ честь иностранныхъ делегатовъ. Когда смолкла послѣдняя пѣсня, я взглянулъ на своего сосѣда Валльяна: „Quelle belle Soirée"! (какой пріятный вечеръ!), воскликнулъ до глубины души тронутый борецъ коммуны. И дѣйствительно, мы прекрасно провели этотъ вечеръ.

Повторяю, бельгійскій пролетаріатъ находится теперь въ періодѣ ожесточенной борьбы. Наши бельгійскіе товарищи-соціалисты твердо убѣждены, что ихъ реакціонное правительство уступитъ только силѣ, и надо видѣть, какъ систематично и обдуманно ведутъ они дѣло революціонной агитаціи!*) Они не вступятъ въ открытый бой раньше времени; но когда они вступятъ въ него, ихъ врагъ будетъ побѣжденъ, — въ этомъ невозможно сомнѣваться. По всему видно, что бельгійскіе соціалисты придерживаются „тактики-плана".

Бельгійскій пролетаріатъ завоюетъ всеобщее избирательное право. Это будетъ новымъ, огромнымъ шагомъ впередъ въ рабочемъ движеніи Бельгіи. Но этотъ новый шагъ будетъ въ этой странѣ началомъ такого же „кризиса въ соціализмѣ", какой переживаетъ теперь Франція. Я думаю, бельгійскій соціализмъ вынесетъ этотъ кризисъ, какъ вынесъ его и французскій, но я не могу не находить, что „цѣна прогресса" бываетъ по временамъ довольно высока.

Г. Плехановъ.

Г. Плехановымъ внесено въ Бюро за русскую соціалдемократію 100 фр — половина падающаго на Россію взноса.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Харьковскіе товарищи просятъ насъ сообщить слѣдующій фактъ:

„Харьковскій октябрскій провалъ 1900 г., какъ многіе изъ массовыхъ проваловъ послѣднихъ лѣтъ, ознаменовался нѣкоторыми печальными событіями, требующими непремѣнно самой широкой огласки. Первое мѣсто между ними занимаетъ, конечно, поведеніе Воейкова. Воейковъ, рабочій желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, человѣкъ сравнительно уже немолодой, достаточно развитый и интеллигентный, занималъ выдающееся положеніе среди харьковскихъ рабочихъ. Помимо своей весьма успѣшной пропагандистской и агитаторской дѣятельности, онъ особенно важную роль сыгралъ во время извѣстной харьковской маевки 1900 г., когда онъ открыто выступилъ во главѣ тысячной толпы, руководилъ ею, и отъ ея имени обратился съ рѣчью къ губернатору, которая произвела сильное впечатлѣніе не только на рабочихъ, но и на представителей администраціи. Арестованный 16 мая вмѣстѣ въ другими рабочими, онъ черезъ три мѣсяца былъ отправленъ на три года въ Вятскую губернію. Въ ноябрѣ, послѣ провала, онъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими сосланными рабочими былъ привезенъ изъ Малмыжа (Вятской губ.) въ Харьковъ, гдѣ послѣ недѣльнаго тюремнаго заключенія открылъ передъ жандармами всю душу и принесъ повинную. Въ настоящее время онъ возвращенъ изъ ссылки и живетъ въ томъ же Харьковѣ, гдѣ произошло его возвышеніе и гнусное паденіе!

„Поступокъ Воейкова ввергъ въ большое уныніе всѣхъ сидѣвшихъ. И вотъ одинъ изъ интеллигентовъ, назовемъ его N., довольно солидный уже человѣкъ, не первый годъ вращающійся въ революціонной средѣ, рѣшаетъ, что при такихъ обстоятельствахъ, когда жандармамъ все уже извѣстно, когда имѣются такія вѣскія улики, какъ показанія Воейкова, самое лучшее покончить съ дѣломъ, дать показанія, взять нѣсколькимъ лицамъ вину на себя и выгородить „молодыхъ". Не говоря уже о томъ, что выгораживать никого нельзя было, что если кое-кто изъ молодыхъ и былъ нѣсколько причастенъ къ дѣлу, то относительно него были въ свою очередь предательскія показанія, не говоря о томъ, что выгораживаніе въ такихъ случаяхъ возможно лишь при разрѣшеніи выгораживаемымъ давать показанія противъ товарищей и чистосердечно раскаяться, что, слѣдуетъ думать, не входило въ планы г. N., не говоря, слѣдовательно, о безсмысленности самаго рѣшенія, оно ни въ коемъ случаѣ не могло быть допустимо съ принципіальной стороны, и поэтому товарищъ, которому N. сдѣлалъ это предложеніе, отвергъ его съ негодованіемъ. Несмотря на это, N. рѣшаетъ все-таки на собственный страхъ и рискъ признать показаніе Воейкова. Полагая, что своимъ поступкомъ онъ никому вреда не принесетъ, а только ускоритъ развязку, онъ даетъ показанія, руководствуясь показаніями Воейкова, при этомъ, конечно, старается одурачить жандармовъ, но, какъ всегда въ такихъ случаяхъ бываетъ, оказывается самъ въ дуракахъ. Поступокъ этотъ возмутительный и требуетъ самаго строгаго порицанія. Но какъ строго къ нему ни относиться, харьковскіе товарищи справедливо думаютъ, что квалифицировать его одинаково съ поступкомъ Воейкова и Ко. ни въ коемъ случаѣ нельзя. N. никого не выдавалъ (названныя имъ лица уже были давно оговорены) и никакими корыстными цѣлями не руководствовался. А если это такъ, то вполнѣ понятно, почему харьковскіе товарищи не считаютъ нужнымъ опубликовать имя даннаго лица. Здѣсь суть не въ томъ или иномъ лицѣ, а въ ложномъ пониманіи роли и задачи обвиняемаго на жандармскомъ слѣдствіи, если хотите, въ недомысліи и отсутствіи принципіальности, и поэтому здѣсь необходимо порицать поступокъ, чтобы предотвратить повтореніе подобныхъ нелѣпостей. Между тѣмъ предатель, какъ Іуда Искаріотъ, долженъ быть отмѣченъ общимъ презрѣніемъ, на вѣчныя времена, и потому мы и выставляемъ его къ позорному столбу".

Присылая это заявленіе, товарищи желаютъ снять съ г. N. тѣнь, которую могло набросить на него сдѣланное нами въ почтовомъ ящикѣ № 8 приглашеніи харьковскимъ товарищамъ назвать его имя, чтобы опубликовать одновременно съ Воейковымъ. Наше приглашеніе было вызвано слишкомъ неопредѣленной характеристикой, данной поступкамъ г. N въ первомъ заявленіи харьковскихъ товарищей, и заставлявшей думать, что эти поступки относятся къ одной категоріи съ поступкомъ Воейкова. Изъ настоящаго заявленія мы видимъ, что мы ошибались, и вполнѣ соглашаемся съ мнѣніемъ харьковцевъ, что г. N. ставить на одну доску въ Воейковыми не слѣдуетъ.

*) Насколько трудно бельгійскому правительству бороться съ пролетаріатомъ, видно, между прочимъ, изъ такого факта: во время демонстрацій казармы нѣкоторыхъ полковъ въ Брюсселѣ приходится запирать, а къ дверямъ ихъ приставляютъ жандармовъ. Иначе солдаты присоединятся къ демонстрантамъ.

РАЗВРАТЪ ВЪ РЕВОЛЮЦІОННОЙ СРЕДѢ.

Намъ доставленъ слѣдующій листокъ: „Аграрно-Соціалистическая Лига считаетъ своимъ долгомъ довести до всеобщаго свѣдѣнія о нижеслѣдующемъ: Въ іюнѣ этого года Н. К. Паули, высланный изъ Парижа Французскимъ правительствомъ и спрошенный его товарищами по Лигѣ о причинахъ распространившихся по этому поводу слуховъ, сообщилъ, что въ апрѣлѣ 1900 г. онъ сдѣлалъ попытку на свой личный страхъ и рискъ, безъ вѣдома товарищей, для осуществленія задуманнаго имъ революціоннаго плана, вступить въ сношенія съ русской политической полиціей и велъ съ этою цѣлью письменные и устные переговоры, которые однако скоро прекратились и не были связаны, по его плану, ни съ какимъ предательствомъ или выдачей. Лига назначила коммиссію для разсмотрѣнія этого дѣла. Послѣ разслѣдованія, настолько тщательнаго, насколько это было возможно для коммиссіи при данныхъ обстоятельствахъ, Лига пришла къ заключенію, основанному на сопоставленіи всѣхъ результатовъ детальнаго опроса Паули со всѣми извѣстными ей до сихъ поръ объективными фактами, касающимися какъ самого дѣла, такъ и личности Н. К. Паули, что эта попытка была съ его стороны лишь плодомъ крайне ложнаго и безусловно вреднаго взгляда на способы революціонной борьбы, а не чего-либо иного. Доводя объ этомъ до всеобщаго свѣдѣнія, Аграрно-Соціалистическая Лига заявляетъ, что Н. К. Паули больше членомъ ея не состоитъ. Настоящимъ заявленіемъ Лига считаетъ исчерпаннымъ лишь вопросъ объ ея отношеніи къ своему бывшему члену Н. К. Паули. Лига не можетъ, конечно, считать себя компетентною въ рѣшеніи вопроса о Паули въ его полномъ объемѣ, такъ какъ это является не только внутреннимъ вопросомъ Лиги, но одинаково затрогиваетъ интересы всѣхъ революціонныхъ организацій; поэтому, если другія организаціи сочтутъ нужнымъ и найдутъ возможнымъ освѣтить вопросъ полнѣе, то Лига готова оказать имъ свое товарищеское содѣйствіе.

18 ноября 1901 г. Подписали:

Ф. Волховскій, Х. Житловскій, В. Житловская, С. Краснопольскій, Б. Оленинъ, Е. Лазаревъ, И. Рубановичъ, Е. Серебряковъ, Д. Соскисъ, К. Терешковичъ, Н. Чайковскій, Л. Шишко.*

Мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ никакой возможности помочь Аграрной Лигѣ „освѣтить вопросъ полнѣе". Но мы думаемъ, что разъ Аграрная Лига считала г. Н. К. Паули своимъ членомъ и назначала особую коммиссію для разбора этого дѣла, то ей слѣдовало бы опубликовать какъ можно больше подробностей и документальныхъ данныхъ о „письменныхъ и устныхъ переговорахъ" г. Паули съ парижскими агентами русскаго правительства. Пусть пріемы этого общаго нашего врага будутъ во всѣхъ деталяхъ извѣстны всѣмъ и каждому.

Съ своей стороны, мы обращаемъ вниманіе всѣхъ товарищей на этотъ возмутительный и позорный случай: революціонеръ вступаетъ въ сношенія съ политической полиціей! „Крайне ложный и безусловно вредный взглядъ" на допустимость такихъ сношеній вообще — особенно вреденъ въ настоящее время, когда полиція такъ усердно старается не только силой подавить поднимающееся все выше революціонное движеніе, но и внести развратъ въ его среду, и когда громадный ростъ движенія привлекъ въ его ряды массу неопытной молодежи. Полицейскій развратъ для насъ гораздо опаснѣе полицейскаго насилія. Воспользуемся этимъ случаемъ, чтобы предостеречь начинающихъ практиковъ и прочнѣе запечатлѣть въ ихъ умахъ правильное понятіе о высокихъ обязанностяхъ и высокой отвѣтственности всякаго, кто берется за революціонную дѣятельность

„Общееврейскій рабочій союзъ" („Бундъ") праздновалъ выпускъ 25 номера своей газеты „Arbeiterstimme" (Голосъ рабочихъ), издающейся тайно въ Россіи на еврейскомъ жаргонѣ. Возникши въ 1896 г. по иниціативѣ кружка рабочихъ, взявшихся поставить тайную типографію, „Голосъ Рабочихъ" издается съ успѣхомъ вотъ уже пять лѣтъ и много сдѣлалъ для сплоченія сознательныхъ еврейскихъ рабочихъ Литвы и Польши въ партійную организацію. Лѣтомъ 1898 г. типографія „Голоса рабочихъ" была арестована агентами Зубатова въ Бобруйскѣ, но послѣ нѣкотораго перерыва газета снова стала выходить въ свѣтъ. Послѣ польскаго „Работника", издавшаго уже свыше 40 номеровъ, „Голосъ рабочихъ" является старѣйшимъ изъ числа издающихся въ Россіи нелегальныхъ соц.-демократическихъ органовъ, которому удается выходить довольно регулярно, не смотря на чрезвычайныя усилія, прилагаемыя Зубатовымъ и его командой для разгрома еврейской рабочей организаціи. Еврейскіе товарищи вправѣ гордиться этимъ успѣхомъ, котораго имъ удалось достичь только благодаря своему самоотверженію, энергіи и организаціонной настойчивости. Нашимъ организаціямъ приходится еще поучиться организаціонному умѣнію у дѣятелей „Бунда". Привѣтствуя еврейскихъ товарищей съ выпускомъ 25 номера ихъ центральнаго органа, мы выражаемъ „Бунду" пожеланіе дальнѣйшихъ успѣховъ въ дѣлѣ организаціи и развитія классового самосознанія еврейскаго пролетаріата.

Юбилейный номеръ „Arbeiterstimme" (изданный, кромѣ еврейскаго, еще и на польскомъ языкѣ) содержитъ, между прочимъ привѣтствія, полученныя газетой отъ дѣятелей международнаго соціализма: Каутскаго, Бебеля, Зингера, Ж. Гэда и Валльяна.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ.

Въ Ростовѣ-на-Дону 30 октября на вокзалѣ Екатер. дор. пытались задержать человѣка, явившагося получить грузъ, въ которомъ жандармы открыли нелегальную литературу. Получатель успѣлъ скрыться. 2 декабря арестованъ Воскресенскій, въ которомъ артельщики признаютъ скрывшееся лицо. Отвезенъ въ Москву. 18 дек. арестованы по предписанію изъ Харькова С. Мелетко и Исаакъ Бродскій. Обыски у Локермана и мн. раб.

Въ Н.-Новгородѣ въ ночь на 17 ноября, кромѣ уже упомянутыхъ въ № 14, обысканы Лисовская, закройщикъ Орловъ, всѣ квартиранты того дома, гдѣ жилъ арестованный студ. Розовъ. Добролюбская выпущена.

Въ СПБ. 3-4 дек. взяты еще (см. №№ 13 и 14): ст. Ун. Китаевъ, ст. мед. В. Ковалевскій, ст. ун. Сиритонинъ, Маклашевскій, Ал. Малгенко, В. Рудницкій, техн. В. Немира, мѣщ. В. Антокольскій, ст. мос. унив. Михѣевъ, техн. Н. Клышко, техн. С. Сачеперъ, мѣщ. Тим. Батрашкинъ, пот. гр. Александровъ, врачъ Тумашевскій, С. Самгинъ, студ. унив. В. Литовъ, курс. Бархатова и г-жа Эпштейнъ. Изъ Вильны привезенъ З. Франкфуртъ. Въ Обуховскомъ заводѣ былъ обыскъ у завѣдующаго мастерской капитана Берсеньева.

Въ Вильнѣ арестованъ адвокатъ Козловскій.

Въ Томскѣ 25-26 ноября взяты врачъ на перес. пунктѣ Павловъ, его жена и фельдшерица. Кромѣ нихъ, фельдшерица Мутныхъ и еще 10 чел. У Павлова взята типографія. У него въ качествѣ кучера три мѣсяца проживалъ шпіонъ. Арестованные содержатся въ мѣстномъ острогѣ весьма плохо.

Въ Варшавѣ раб. Фел. Держинскій, бѣжавшій изъ ссылки изъ Вятской губ. и арестованный въ 1900 г. на собраніи въ Варшавѣ, приговоренъ къ 5 г. Вост. Сибири.

Въ Орѣховѣ-Зуевѣ 26 дек. арестовано нѣсколько десятковъ рабочихъ, человѣкъ 65 увезено въ Москву.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

За декабрь московскимъ представителемъ получено: отъ умирающаго 100 р.; за литературу: изъ Нижняго 44 р., изъ Курска 10 р., изъ Вятки 65 р., изъ Воронежа 50 р.; въ Москвѣ выручено за литературу 140 р. 04 к., изъ Тамбова 5 р., въ Москвѣ черезъ З-ъ 6 р. 35 к., отъ NN 50 р., отъ предпріятія 50 р. 40 к. Всего: 520 р. 79 к. (Израсходованы на мѣстныя и организаціонныя нужды). — Отъ московской группы „Три звѣздочки" получено 15 р. (Поступило въ кассу редакціи.)

Загр. Лигою рев. соц.-дем. получено: изъ Дармштадта 25 м., изъ Парижа 200 ф. (изъ нихъ отъ D. D L. 34 ф.), изъ Цюриха 52 м., изъ Болгаріи за „Зарю" 4.50 ф., изъ Лозанны за литер. 75,75 фр., въ Б. получено: изъ Бродъ 13 м., за лит. 84,05 м., съ реферата и взносы 25,35 м., изъ Сибири на литер. 140 м., изъ Лондона 30 шил., отъ Русскаго Соц.-Демок. Общ. въ Нью-Іоркѣ 400 доллар., изъ Берна 161,75 фр. (въ томъ числѣ изъ Монпелье 4,15 фр. и отъ Б. К. Ф. 21,70 фр.).

Въ пользу обуховцевъ: изъ Дармштадта 150 м., изъ Лондона 35 шил., отъ жен. отд. „Кр. Кр." 25 руб., по листку 15 фр., сборъ въ Б. 10 мар.

Кружокъ NN проситъ насъ напечатать слѣдующій отчетъ: Съ 1 сент. по 31 дек. 1901 г. получено: отъ пріятеля 20 р., отъ „созерцателей 2 октября" 28 р., отъ инженера 5 р., за литературу 73 р. 50 к., черезъ Худого 183 р. 50 к. Всего 320 р. — Расходъ: на доставку лит. 165 р., выслано въ „Искру" 125 р., уплачено СПБ. Союзу за лит. 20 р. Всего 310 р.

Въ типографіи „Искры" напечатано: „Начало демонстраціи" (листокъ). Вышелъ вторымъ изд. № 11 „Искры".

Въ тип. „Зари" вышло: „Бомбардировка Благовѣщенска китайцами" (оттискъ изъ № 4 „Зари").

Типографія „Искры".

ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 16 1-го ФЕВРАЛЯ 1902 ГОДА. № 16

ПОЛИТИЧЕСКАЯ АГИТАЦІЯ И „КЛАССОВАЯ ТОЧКА ЗРѢНІЯ“.

Начнемъ съ примѣра.

Читатели помнятъ, вѣроятно, какой шумъ вызвалъ докладъ орловскаго губернскаго предводителя дворянства, М. А. Стаховича, на миссіонерскомъ съѣздѣ о необходимости признанія закономъ свободы совѣсти. Консервативная печать, съ „Моск. Вѣд.“ во главѣ, рветъ и мечетъ противъ г. Стаховича, не зная, какъ и обругать его, обвиняя чуть-ли не въ государственной измѣнѣ всѣхъ орловскихъ дворянъ за то, что они снова выбрали г. Стаховича въ предводители. А этотъ выборъ — дѣйствительно поучительное явленіе, пріобрѣтающее до извѣстной степени характеръ дворянской демонстраціи противъ полицейскаго произвола и безобразія.

Стаховичъ — увѣряютъ „Моск. Вѣд.“ — „не столько предводитель дворянства, сколько Миша Стаховичъ, весельчакъ, душа общества, краснобай...“ (1901 г., № 348.) Тѣмъ хуже для васъ, господа защитники дубины. Если уже даже весельчаки-помѣщики заговорили о свободѣ совѣсти, значитъ нѣсть по истинѣ числа тѣмъ гнусностямъ, которыя чинятъ наши попы съ нашей полиціей. — ...„Какое дѣло нашей „интеллигентной“ легкомысленной толпѣ, порождающей и рукоплещущей гг. Стаховичамъ, до нашей святыни, православной вѣры и до нашихъ завѣтныхъ къ ней отношеній?“... Опять-таки: тѣмъ хуже для васъ, господа защитники самодержавія, православія, народности. Хороши же должны быть порядки нашего полицейскаго самодержавія, если оно даже религію настолько пропитало духомъ кутузки, что „Стаховичи“ (не имѣющіе никакихъ твердыхъ убѣжденій въ религіозныхъ вопросахъ, но заинтересованные, какъ увидимъ ниже, въ прочности религіи) проникаются полнымъ равнодушіемъ (если не ненавистью) къ этой пресловутой „народной“ святынѣ! — ...„Они нашу вѣру называютъ заблужденіемъ!! Они издѣваются надъ нами за то, что мы, благодаря этому „заблужденію“, боимся и бѣжимъ грѣха, исполняемъ безропотно наши обязанности, какъ бы тяжелы онѣ ни были, за то, что мы находимъ силы и бодрость переносить горе, лишенія и чуждаемся гордости при удачахъ и въ счастіи“... Вотъ въ чемъ суть-то! Святыня православія тѣмъ дорога, что учитъ „безропотно“ переносить горе! Какая же это выгодная, въ самомъ дѣлѣ, для господствующихъ классовъ святыня! Когда общество устроено такъ, что ничтожное меньшинство пользуется богатствомъ и властью, а масса постоянно терпитъ „лишенія“ и несетъ „тяжелыя обязанности“, то вполнѣ естественно сочувствіе эксплуататоровъ къ религіи, учащей „безропотно“ переносить земной адъ ради небеснаго, будто бы, рая. Въ пылу усердія, „Моск. Вѣд.“ начинаютъ проговариваться. И онѣ проговорились до такой степени, что *нечаянно правду сказали*. Слушайте дальше: ..„Они и не подозрѣваютъ, что, благодаря тому же „заблужденію“, они, гг. Стаховичи, ѣдятъ сытно, спятъ спокойно и живутъ весело“.

Святая истина! Именно такъ, именно благодаря громадному распространенію въ народныхъ массахъ религіозныхъ „заблужденій“ „спятъ спокойно“ и Стаховичи и Обломовы и всѣ наши капиталисты, живущіе трудомъ этихъ массъ, да и сами „Моск. Вѣд.“ И чѣмъ больше будетъ распространяться просвѣщеніе въ народѣ, чѣмъ болѣе религіозные предразсудки будутъ вытѣсняться соціалистическимъ сознаніемъ, тѣмъ ближе будетъ день побѣды пролетаріата, избавляющей всѣ угнетенные классы отъ ихъ порабощенія въ современномъ обществѣ.

Но, проговорившись въ одномъ пунктѣ, „Моск. Вѣд.“ слишкомъ дешево отдѣлались отъ другого интереснаго вопроса. Онѣ явно заблуждаются, думая, что Стаховичи „не подозрѣваютъ“ указаннаго значенія религіи и требуютъ либеральныхъ реформъ просто по „легкомыслію“. Такое объясненіе враждебнаго политическаго направленія уже очень ребячески-наивно! А что г. Стаховичъ въ данномъ случаѣ явился именно глашатаемъ цѣлаго либеральнаго направленія, — это лучше всего доказали сами „Моск. Вѣд.“: иначе къ чему было поднимать цѣлый походъ противъ одного доклада? къ чему было говорить не о Стаховичѣ, а о *Стаховичахъ*, объ „интеллигентной толпѣ“?

Это заблужденіе „М. Вѣд.“ есть, конечно, корыстное заблужденіе. „М. Вѣд.“ разумѣется, больше не желаютъ, чѣмъ не умѣютъ примѣнить классовую точку зрѣнія къ анализу ненавистнаго имъ либерализма. О нежеланіи нечего и говорить. А вотъ неумѣніе представляетъ для насъ большой общій интересъ, ибо этимъ грѣхомъ страдаютъ весьма многіе революціонеры и соціалисты. Страдаютъ имъ и авторы письма въ № 12 „Искры“, обвиняющіе насъ въ отступленіи отъ „классовой точки зрѣнія“ за то, что мы въ своей газетѣ стараемся слѣдить за всѣми проявленіями недовольства и протеста либераловъ; — и авторы „Пролетарской борьбы“ и нѣкоторыхъ брошюръ „Соціалдемократической Библіотеки“, воображающіе, что наше самодержавіе есть самодержавное господство буржуазіи: — и Мартыновы, зовущіе насъ отъ всесторонней обличительной кампаніи (т. е. отъ самой широкой политической агитаціи) противъ самодержавія къ преимущественной борьбѣ за экономическія реформы (давать „положительное“ рабочему классу, выставлять отъ его имени „конкретныя требованія“ законодательныхъ и административныхъ мѣропріятій, „сулящія извѣстные осязательные результаты“); — и Надеждины, съ недоумѣніемъ спрашивающіе по поводу нашихъ корреспонденцій о статистическихъ конфликтахъ: „господи, да не для земцевъ-ли этотъ органъ?“

Всѣ эти соціалисты забываютъ, что интересы самодержавія совпадаютъ только при извѣстныхъ обстоятельствахъ и только съ извѣстными интересами имущихъ классовъ, и притомъ часто не съ интересами всѣхъ этихъ классовъ вообще, а съ интересами отдѣльныхъ слоевъ ихъ. Интересы другихъ слоевъ буржуазіи, а также болѣе широко понятые интересы *всей* буржуазіи, всего развитія капитализма вообще необходимо порождаютъ либеральную оппозицію самодержавію. Если, напр., самодержавіе гарантируетъ буржуазіи возможность примѣнять самыя грубыя формы эксплуатаціи, то, съ другой стороны, оно ставитъ тысячи препятствій широкому развитію производительныхъ силъ и распространенію просвѣщенія, возбуждая этимъ противъ себя не только мелкую, но иногда и крупную буржуазію; если самодержавіе гарантируетъ (?) буржуазіи охрану отъ соціализма, то, съ другой стороны, эта охрана необходимо превращается, при безправіи населенія, въ такое полицейское безчинство, которое возмущаетъ всѣхъ и каждаго. Каковъ результатъ этихъ противоположныхъ тенденцій, каково соотношеніе консервативнаго и либеральнаго настроенія или направленія въ буржуазіи въ данный моментъ, — этого нельзя вывести изъ пары общихъ положеній; это зависитъ отъ всѣхъ особенностей общественно-политической обстановки въ данный моментъ. Для опредѣленія этого необходимо детально знать эту обстановку, внимательно слѣдить за всѣми и всякими столкновеніями съ правительствомъ какого бы то ни было общественнаго слоя. Именно въ силу „классовой точки зрѣнія“ *непозволительно* соціалдемократу оставаться безучастнымъ къ недовольству и протестамъ „Стаховичей“.

Названные же соціалисты и своими разсужденіями и своей дѣятельностью доказываютъ свое безучастіе къ либерализму, обнаруживая этимъ непониманіе основныхъ положеній Коммунистическаго Манифеста, этого „евангелія“ международной соц.-демократіи. Вспомните, напр., слова о томъ, что буржуазія сама даетъ матеріалъ для политическаго воспитанія пролетаріата своей борьбой за власть, столкновеніемъ отдѣльныхъ своихъ слоевъ и группъ и пр. Только въ свободныхъ политически странахъ этотъ матеріалъ достается пролетаріату самъ собою (да и то только отчасти). Въ рабской же Россіи мы, соціалдемократы, должны активно работать надъ доставленіемъ рабочему классу этого „матеріала“, т. е. должны *взять на себя* задачу всесторонней политической агитаціи, всенародной обличительной кампаніи противъ самодержавія. И эта задача особенно настоятельна въ періоды политическаго броженія. Надо помнить, что за годъ политическаго оживленія пролетаріатъ можетъ научиться, въ смыслѣ революціоннаго воспитанія, большему, чѣмъ за нѣсколько лѣтъ затишья. Вотъ почему особенно вредна тенденція указанныхъ соціалистовъ сознательно или безсознательно *съуживать* размахъ и содержаніе политической агитаціи.

Далѣе, вспомните слова о поддержкѣ коммунистами *всякаго* революціоннаго движенія противъ существующаго строя. Эти слова часто понимаютъ слишкомъ узко, не распространяя ихъ на поддержку либеральной оппозиціи. Не слѣдуетъ, однако, забывать, что бываютъ эпохи, когда всякое столкновеніе съ правительствомъ на почвѣ прогрессивныхъ общественныхъ интересовъ, какъ бы мелко оно само по себѣ ни было, можетъ при извѣстныхъ условіяхъ (а *наша поддержка есть одно изъ этихъ условій*) разгорѣться въ общій пожаръ. Достаточно напомнить, въ какое общественное движеніе разрослось въ Россіи столкновеніе студентовъ съ правительствомъ на почвѣ академическихъ требованій или во Франціи столкновеніе всѣхъ прогрессивныхъ элементовъ съ военщиной на почвѣ одного, рѣшеннаго путемъ подлоговъ, судебнаго дѣла. Вотъ почему нашъ прямой долгъ разъяснять пролетаріату, расширять и, путемъ активнаго участія рабочихъ, поддерживать всякій либеральный и демократическій протестъ, будетъ-ли онъ проистекать изъ столкновенія земцевъ съ м—вомъ вн. дѣлъ, или дворянъ съ вѣдомствомъ полицейскаго православія, или статистиковъ съ помадурами, крестьянъ съ „земскими“, сектантовъ съ урядниками и проч. и проч. Кто морщитъ презрительно носъ по поводу мизерности нѣкоторыхъ изъ этихъ столкновеній или „безнадежности“ попытки раздуть ихъ въ общій пожаръ, тотъ не понимаетъ, что всесторонняя политическая агитація есть именно фокусъ, въ которомъ совпадаютъ насущные интересы политическаго воспитанія пролетаріата съ насущными интересами всего общественнаго развитія и всего народа въ смыслѣ всѣхъ демократическихъ элементовъ его. Нашъ прямой долгъ — вмѣшиваться во всякій либеральный вопросъ, опредѣлять свое, соціалдемократическое отношеніе къ нему, принимать мѣры къ тому, чтобы пролетаріатъ активно участвовалъ въ рѣшеніи этого вопроса и заставлялъ рѣшать его по своему. Кто сторонится отъ такого вмѣшательства, тотъ на дѣлѣ (каковы бы ни были его намѣренья) пасуетъ передъ либерализмомъ, отдавая въ его руки дѣло политическаго воспитанія рабочихъ, уступая гегемонію политической борьбы такимъ элементамъ, которые въ конечномъ счетѣ являются вожаками буржуазной демократіи.

Классовый характеръ соц.-демократическаго движенія долженъ выражаться не въ съуженіи нашихъ задачъ до непосредственныхъ и ближайшихъ нуждъ „чисто-рабочаго“ движенія, а въ руководствѣ всѣми сторонами и всѣми проявленіями великой освободительной борьбой пролетаріата, этого единственнаго дѣйствительно революціоннаго класса современнаго общества. Соціалдемократія должна всегда и неуклонно расширять воздѣйствіе рабочаго движенія на всѣ сферы общественной и политической жизни современнаго общества. Она должна руководить не только экономической борьбой рабочихъ, но также и политической борьбой пролетаріата, она должна ни на минуту не упускать изъ виду нашей конечной цѣли, всегда пропагандировать, охранять отъ искаженій и развивать дальше пролетарскую идеологію — ученіе научнаго соціализма, т. е. марксизмъ. Мы должны неустанно бороться противъ всякой буржуазной идеологіи, въ какіе бы модные и блестящіе мундиры она ни рядилась. Названные нами выше соціалисты отступаютъ отъ „классовой“ точки зрѣнія также потому и постольку, поскольку они безучастны къ задачѣ борьбы съ „критикой марксизма“. Только слѣпые люди могутъ не видѣть, что эта „критика“ всего быстрѣе привилась въ Россіи и всего торжественнѣе подхвачена русской либеральной публицистикой именно потому, что она является однимъ изъ элементовъ складывающейся буржуазной (теперь уже сознательно буржуазной) демократіи въ Россіи.

Что касается политической борьбы въ особенности, то именно „классовая точка зрѣнія“ требуетъ, чтобы пролетаріатъ *подталкивалъ* впередъ всякое демократическое движеніе. Рабочая демократія своими политическими требованіями не принципіально, а только по степени отличается отъ буржуазной демократіи. Въ борьбѣ за экономическое освобожденіе, за соціалистическую революцію, пролетаріатъ стоитъ на принципіально иномъ базисѣ и стоитъ одиноко (мелкій производитель лишь постольку, поскольку онъ переходитъ или готовится перейти въ ряды пролетаріата, придетъ ему на помощь). Въ борьбѣ же за политическое освобожденіе у насъ много союзниковъ, безучастно относиться къ которымъ непозволительно. Но въ то время, какъ наши союзники изъ буржуазной демократіи, борясь за либеральныя реформы, всегда будутъ оглядываться назадъ, стараясь устроить дѣло такъ, чтобы имъ можно было по прежнему „ѣсть сытно, спать спокойно и жить весело“ на чужой счетъ, пролетаріатъ пойдетъ впередъ безъ оглядки до самаго конца Когда какіе-нибудь гг. Р. Н. С. (авторъ предисловія къ запискѣ Витте) будутъ торговаться съ правительствомъ о правахъ властнаго земства или о конституціи, мы будемъ бороться за демократическую республику. Не забудемъ только, что для того, чтобы подталкивать другого, надо всегда держать руку на плечѣ этого другого. Партія пролетаріата должна умѣть ловить всякаго либерала какъ разъ въ тотъ моментъ, когда онъ собрался подвинуться на вершокъ и заставлять его двинуться на аршинъ. А упрется, — такъ мы пойдемъ впередъ безъ него и черезъ него.

БЕЗРАБОТИЦА ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Нигдѣ въ Россіи не скучено въ одномъ мѣстѣ столько фабр.-заводскихъ рабочихъ, какъ въ Петербургѣ, нигдѣ не проявляются характерныя черты пролетаріатской среды (чувство солидарности, чувство собственнаго достоинства, стремленіе къ знанію и къ свободѣ) такъ ярко, какъ среди массы петербургскихъ рабочихъ, и въ то же время, нигдѣ политическій гнетъ не опуталъ всю жизнь рабочихъ такою густою сѣтью шпіонства и предательства.

День за днемъ тяжелой работы въ той угнетающей и разрушающей силы и здоровье обстановкѣ, которою характеризуются всѣ фабрики и заводы въ Россіи; громадное число сверхъ-урочныхъ часовъ, отъ которыхъ отказываться не полагается, — все это высасываетъ послѣднія силы. Рабочіе жмутся другъ къ другу, чувствуя, что только общими усиліями могутъ они отстаивать свои интересы. Эта тяжелая жизнь разнообразится картинами пьянаго разгула. Ни книжки хорошей, ни честной газеты... Иногда только освѣтитъ на время эту жизнь попавшая въ руки прокламація или номеръ нелегальной газеты, который напомнитъ, что есть гдѣ-то другая жизнь, полная борьбы за свободу*). иногда на томъ или другомъ заводѣ всколыхнется ма са подъ впечатлѣніемъ какого-либо слишкомъ возмутительнаго насилія надъ товарищемъ или слишкомъ ужаснаго „несчастнаго случая“ на заводѣ. Подымутся рабочіе, потребуютъ у администраціи отчета, заставятъ выслушать себя, заставятъ, быть можетъ, уступить, — а потомъ опять та же гнетущая работа, тѣ же сѣрые будни, тѣ же униженія...

Глухое недовольство бродитъ гдѣ-то внутри. Хочется понять жизнь свою, столковаться съ товарищами, поговорить о томъ, что просыпается въ душѣ. Въ бога сколько-нибудь сознательный рабочій не вѣруетъ, — онъ слышалъ кое-что про науку, но связать въ одно цѣлое то, что ему удалось прочитать или услышать, онъ не въ силахъ. Страстно цѣпляется онъ за каждую новую мысль и сейчасъ же старается передать ее другимъ. На этой почвѣ и создаются кружки въ рабочей средѣ.

Во многихъ кружкахъ устраиваются библіотеки, выписываются легальныя газеты и журналы. Въ одномъ мѣстѣ увлекаются такими романами, какъ „Оводъ“ Войнича и зачитываютъ „Ткачей“ Гауптмана, „Дурныхъ пастырей“ Октава Мирбо, стараются достать „Подпольную Россію“, Лассаля или „Что дѣлать?“ Чернышевскаго, — въ другомъ читаютъ Богданова, Липнерта, „Эрфуртскую программу“, но вездѣ и всегда на первомъ планѣ нелегальныя брошюры и книги. Иногда кружки требуютъ интеллигента для руководства, иногда предпочитаютъ разбираться самостоятельно, иногда кто-нибудь изъ рабочихъ берется руководить занятіями. Я зналъ рабочаго, которому удалось достать свидѣтельство отъ доктора и такимъ образомъ освободиться отъ вечернихъ и ночныхъ работъ; онъ ночи просиживалъ надъ книгами и излагалъ затѣмъ содержаніе прочитаннаго въ двухъ кружкахъ.

Иногда кружки сознательно, „страха ради полицейска“ уклоняются отъ „рабочей организаціи“, хотя и хватаютъ, гдѣ только могутъ, нелегальную литературу. Есть даже такіе кружки, которые примыкаютъ къ легальной петербургской кассѣ взаимопомощи, въ которую, по уставу, могутъ поступать не одни только рабочіе, какъ въ харьковской кассѣ, но и всѣ желающіе. Касса эта не удовлетворяетъ рабочихъ, они ругаютъ ее нещадно, влачитъ она самое жалкое существованіе, — но все же „Союзу Борьбы“ слѣдовало бы обратить на нее вниманіе: это предпріятіе отвлекаетъ иногда, хотя и не надолго, довольно цѣнныя силы.

Остальные кружки или примыкаютъ къ рабочей организаціи или находятся подъ вліяніемъ ея членовъ. Черезъ эти кружки проходитъ вся нелегальная литература, ими распространяются и расклеиваются прокламаціи. Здѣсь вырабатываются серьезные агитаторы, организующіе новые кружки и пользующіеся въ своей средѣ большимъ вліяніемъ. Изъ нихъ выбираются представители въ центральную организацію.

Въ легальныя школы и библіотеки идетъ сравнительно немного рабочихъ, такъ какъ правительство вымело отсюда все, что можетъ увлекать ихъ. Петербургскіе рабочіе уже привыкли съ насмѣшкой относиться ко всему, что дѣлается „съ дозволенія начальства“: лживыми словами и ласковой улыбкой ихъ никуда не заманишь. Напрасно гг. Торнтоны думаютъ смягчить „неблагодарныхъ рабочихъ“ елками и гуляньями, а слащавые попы составляютъ свои холуйскія лекціи и проповѣди, способныя только вызывать среди рабочихъ смѣхъ или негодованіе.

Нѣтъ ни минуты, когда бы петербургскій рабочій не чувствовалъ надъ собой заботливой опеки попечительнаго начальства. У воротъ завода „фараонъ“, на дворѣ нарядъ жандармовъ, въ мастерскихъ сторожа и мастера, въ каждомъ углу по Іудѣ-предателю, шпіоны на улицахъ, въ школахъ, въ библіотекахъ. Даже дома выстроены будто бы по плану жандармскаго управленія: всюду тонкія перегородки, часто даже не доходящія до потолка; даже на „вольныхъ“ квартирахъ рабочіе не могутъ себя чувствовать „какъ дома“, опасаясь хозяевъ, дворниковъ и сосѣдей. Но все это кажется раемъ въ сравненіи съ тѣмъ, какъ приходится жить фабричнымъ въ казармахъ. Здѣсь нельзя даже читать вслухъ, здѣсь подозрительнымъ кажется всякій, имѣющій книги, сюда трудно пронести что-нибудь: и при входѣ, и при выходѣ дворникъ можетъ васъ обыскать**).

И зарождается самъ собою вопросъ: неужели конца этому не будетъ? Неужели всегда будетъ продолжаться эта тягота?

Но эту тяготу смѣняетъ другая, еще болѣе тяжелая: на плечи рабочихъ опускается *промышленный кризисъ*. Картина ихъ жизни быстро мѣняется. До сихъ поръ они чувствовали свою силу и знали, что въ нихъ нуждаются, что, забастовавъ, они могутъ дать отпоръ хозяйскимъ претензіямъ или проучить слишкомъ зарвавшагося мастера. Можно было рисковать мѣстомъ и на оскорбленіе отвѣчать оскорбленіемъ. Спѣшная работа, наполняя весь день, отвлекала вниманіе, день быстро смѣнялся другимъ днемъ и, казалось, конца не будетъ этой суетѣ.

Теперь сама почва заколебалась подъ ихъ ногами. Мучительно долго тянутся часы, когда приходится стоять передъ пустыми тисками. Отойти нельзя, присѣсть невозможно: мастеръ пользуется всякимъ предлогомъ, чтобы потянуть къ разсчету. Рабочій чувствуетъ себя такъ, какъ будто онъ провинился въ чемъ-либо передъ мастеромъ. Онъ не смотритъ въ глаза мастеру, онъ знаетъ, что онъ не нуженъ болѣе, что онъ безсиленъ, что мастеръ можетъ какъ ему угодно издѣваться надъ нимъ. Расцѣнки понижаются: не выработаешь и половины прежней получки; протесты и стачки не ведутъ ни къ чему. Всякій знаетъ, что работы нигдѣ найти нельзя, что за воротами стоятъ десятки безработныхъ, что полиція сотнями высылаетъ ихъ на родину.

---

*) Въ среднемъ среди рабочихъ въ Петербургѣ распространяется 4-5 пудовъ литературы въ мѣсяцъ. Она распространяется далеко не равномѣрно, и попадаетъ не на всѣ заводы и фабрики.

**) Все это приводитъ къ тому, что даже для простыхъ кружковыхъ собраній рабочей организаціи приходится устраивать „конспиративныя квартиры“. Квартирный вопросъ является самымъ жгучимъ вопросомъ петербургской организаціи.

Онъ знаетъ все это, и невыносимымъ кажется ему его положеніе. ненавистными дѣлаются ему эти закопченныя стѣны, которыхъ онъ раньше не замѣчалъ, эти грязныя окна, въ которыя онъ смотритъ будто бы въ первый разъ. Онъ вспоминаетъ, что въ этихъ условіяхъ протекла вся жизнь его, полная рабскихъ униженій, безтолковая, безпросвѣтная. А что ждетъ впереди? „Нѣтъ лучше совсѣмъ не жить, чѣмъ жить такъ“!

Жизнь въ кружкахъ также рѣзко измѣнилась: рабочіе уже не занимаются изученіемъ „формъ заработной платы“, не читаютъ любимой брошюры „О штрафахъ“ — не тѣмъ занята голова. Собранія дѣлаются чаще и многолюднѣе. Раздаются горячія рѣчи о рабочемъ движеніи, о соціализмѣ, насмѣшки и ругательства по адресу правительства. Выдвигаются новыя лица, сознательность которыхъ раньше никто и не подозрѣвалъ. Возникаютъ новые кружки. Старые кружки, стоявшіе до сихъ поръ въ сторонѣ, стараются примкнуть къ общему движенію и къ организаціи.

Кружки смѣшиваются другъ съ другомъ, расплываются въ общей массѣ. Настроеніе охватываетъ и стараго и малаго. Прокламаціи дерзко разбрасываются и расклеиваются чуть не подъ носомъ у растерявшихся дворниковъ. Наиболѣе энергичные рабочіе, которыхъ въ Петербургѣ называютъ „орлами“, пріобрѣтаютъ все большее вліяніе на массу.

Въ сознаніи рабочихъ возникаетъ громадная картина торжествующаго зла и насилія, и страшная жажда борьбы и мести прорывается наружу. Передъ всѣми возникаетъ вопросъ: „что дѣлать?“, всѣ требуютъ немедленнаго рѣшенія его, требуютъ и отъ „орловъ“, и отъ интеллигентовъ.

Расцѣнки, между тѣмъ, продолжаютъ понижаться: выработка понижается съ двадцати-тридцати рублей до пятнадцати, до десяти въ двѣ недѣли. „Не нравится, — смѣется мастеръ, — иди на другой заводъ, тамъ больше даютъ“. Рабочихъ разсчитываютъ, отъѣзжающимъ на родину устраиваютъ проводы, по мастерскимъ открыто собираютъ деньги въ ихъ пользу.

А фабричнымъ еще труднѣе: рвется гнилая нитка, ноетъ грудь отъ вонючей пыли, а выработаешь въ мѣсяцъ восемь-шесть рублей, иногда четыре, иногда еще меньше. Питаются однимъ „постнымъ“ чаемъ съ чернымъ хлѣбомъ, — хорошо, если можно лукомъ скрасить эту, не идущую въ ротъ, пищу. Но и здѣсь за воротами стоятъ кучами оборванныя ткачихи, ожидая мастера, чтобы просить у него, какъ милости, хоть какой-нибудь работы. Исхудалыя дѣвушки просятъ у своихъ прежнихъ товарищей „ради Христа“, съ завистью провожая ихъ глазами до воротъ фабрики.

Блѣдные, нервные, съ блестящими глазами идутъ рабочіе изъ вонючихъ казармъ на пыльную фабрику и обратно. Тысячи мыслей сверлятъ мозгъ, и нѣтъ имъ отвѣта. Въ казармахъ уже не обращаютъ вниманія на сторожей и шпіоновъ: сбиваются въ кучи, громко разговариваютъ, прорываются дикія ругательства. „Что же теперь? Неужели такъ здѣсь и околѣвать придется?“ И глухая злоба скопляется въ груди, гнететъ и мучаетъ. Эти люди на все пойдутъ, все могутъ, потому что все смѣютъ...

Хорошо, если рабочій хоть одинъ разъ слышалъ слово пропагандиста, если онъ читать умѣетъ и имѣлъ въ рукахъ хоть пару хорошихъ, не „экономическихъ“ листковъ, — мысль его тогда имѣетъ уже точку опоры, онъ увѣреннѣе смотритъ впередъ и умѣетъ назвать врага своего, — онъ знаетъ тогда, почему царская полиція на тракту дежуритъ.

Съ какою радостью хватаетъ теперь рабочій листки и брошюры! И чѣмъ горячѣе написаны они, чѣмъ шире захватываютъ вопросъ о томъ, что дѣлать, чѣмъ опредѣленнѣе и радикальнѣе отношеніе ихъ къ столпамъ существующаго безпорядка (къ капиталу и царю), тѣмъ большее получитъ онъ удовлетвореніе. Точно открываютъ настежь окно въ темной камерѣ узника, — видно небо, слышенъ шумъ жизни. И онъ, дѣйствительно, родился для новой жизни, онъ готовъ идти на борьбу, ему, дѣйствительно, ненавистенъ старый строй. Дайте ему опредѣленный планъ дѣйствій, и онъ безъ страха и сомнѣній пойдетъ за вами и подъ нагайки казацкія и въ тюрьму: ему терять нечего.

Заводскіе рабочіе лучше понимаютъ, съ кѣмъ и для чего придется имъ имѣть дѣло, они знаютъ даже, чего они могутъ ожидать теперь и чего должны добиваться послѣ. Они знаютъ, что теперь необходимо избавиться отъ полиціи и царя, чтобы послѣ освободиться и отъ гнета капитала. Они способны двинуться сами на улицу, но не могутъ, безъ указанія центральной организаціи, двинуться одновременно

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Оскорбленіе величества. Нашимъ читателямъ извѣстно, что гроза, разразившаяся надъ газетой „Россія“, вызвана была фельетономъ, озаглавленнымъ „Господа Обмановы“ и изображающимъ глупую помѣщичью семью, какъ огня боящуюся всякихъ новшествъ и стремящуюся къ поддержанію старо-дворянскихъ, крѣпостническихъ идеаловъ. Русская и заграничная публика поняла это дѣло въ томъ смыслѣ, что Николай II узналъ себя въ барченкѣ Никѣ-Милушѣ и „Высочайше“ повелѣлъ строго наказать виновныхъ. Выходило, что нашъ самодержецъ и самъ находитъ, что портретъ его удачно написанъ. И это заставляло вспоминать извѣстную эпиграмму Пушкина, заканчивающуся словами:

Въ полученьи оплеухи
Росписался мой дуракъ...

Наши оффиціозы почувствовали обидный для царя комизмъ этого положенія, и вотъ въ „Journal de Genève“ отъ 9 февраля появилась замѣтка, идущая, очевидно, изъ русскаго источника и поясняющая, что не царю, а „полиціи“ принадлежитъ починъ въ наказаніи газеты „Россія“, а что самъ царь былъ даже „смущенъ“ (peiné), когда узналъ объ этомъ дѣлѣ.

Это, можетъ быть, и такъ. Но неужели авторъ замѣтки воображаетъ, что положеніе Николая II перестаетъ быть комичнымъ? Подумайте только! Въ газетѣ появляется фельетонъ, осмѣивающій глупыхъ дворянъ Обмановыхъ и издѣвающійся надъ глупымъ дворянскимъ сынкомъ Никой-Милушей, а „полиція“ кричитъ во всеуслышаніе: „Обмановы, это — Романовы, а Ника-Милуша, это — Его Величество Императоръ и Самодержецъ всея Россіи Николай II“. Очень хорошо. По истинѣ безподобно: точь въ точь какъ въ анекдотѣ, разсказанномъ когда-то, если не ошибаемся, въ одномъ изъ „Листковъ Народной Воли“: Два человѣка проходятъ мимо городового, при чемъ одинъ изъ нихъ, продолжая ранѣе начатый разговоръ, восклицаетъ: „да онъ набитый дуракъ“. — Городовой немедленно схватываетъ его за шиворотъ и тащитъ въ участокъ. — „За что?“ — За оскорбленіе Величества. Вы говорите — онъ дуракъ! — „Да развѣ же я про царя это?“ — Толкуйте! Знаемъ мы, кто у насъ дуракъ-то набитый!

Полиція хочетъ защищать честь своего повелителя и сама самымъ недвусмысленнымъ образомъ оскорбляетъ „Величество“. Вотъ оно, усердіе не по разуму!

P. S. Для читателей, которымъ неизвѣстно содержаніе пресловутаго фельетона въ „Россіи“, будетъ не безъинтересно узнать, что́ вызвало гнѣвъ начальства.

Авторъ (Амфитеатровъ) разсказываетъ родословную дворянской семьи гг. Обмановыхъ. Прадѣдъ Никандръ Парфимовичъ (Николай Павловичъ?) „бравый маіоръ въ отставкѣ, съ громовымъ голосомъ, съ страшными усищами и глазами на выкатѣ, съ зубодробительнымъ кулакомъ“. Сынъ его, Алексѣй Никандровичъ (Александръ Николаевичъ?) — „явившись въ Большія Головотяпы какъ разъ въ эпоху эмансипаціи, оказался однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ и либеральныхъ мировыхъ посредниковъ. Имѣлъ грустные голубые глаза, говорилъ мужикамъ „вы“ и развивалъ уѣздныхъ львицъ, читая имъ вслухъ „Что дѣлать?“ Считался краснымъ и даже чуть-ли не корреспондировалъ въ „Колоколѣ“... Умеръ двоеженцемъ, и не подъ судомъ только потому, что умеръ“. Сынъ его Алексѣй Алексѣевичъ (Александръ Александровичъ?), женатый на Маринѣ Филипповнѣ (Маріи Федоровнѣ?), признавалъ только одинъ органъ печати — „Гражданинъ“ и, по свидѣтельству мѣстныхъ дворянъ, „дворянство наше только при немъ и свѣтъ увидало. Высоко знамя держалъ-съ!“ Сына своего Никанора или въ просторѣчіи „Нику-Милушу“ держалъ въ строгости. Просился Ника, по окончаніи гимназіи, въ университетъ, — „родитель посмотрѣлъ на него холодными, тяжелыми глазами на выкатѣ:

— Зачѣмъ? Крамолъ набираться? и пустилъ сына по военной службѣ.“

Ника, тайкомъ отъ отца, почитывалъ „Русскія Вѣдомости“, но читать ему приходилось урывками, такъ какъ при входѣ отца онъ закрывалъ газету „Гражданиномъ“. Въ результатѣ такого чтенія у молодого дворянина въ головѣ получилась каша, и онъ часто путался, приписывая кн. Мещерскому либеральные взгляды, а „Русскимъ Вѣдомостямъ“ реакціонные.

На этомъ заканчивается „преступный“ фельетонъ. Вмѣсто обѣщаннаго продолженія подписчики „Россіи“ узнали, что ихъ газета „сама собой“ закрылась. Оффиціальнаго прекращенія не послѣдовало. Авторъ и издатель (г. Сазоновъ) высланы; первый, по слухамъ, въ одну изъ сѣверныхъ губерній. Этой расправой съ умѣренно-либеральной газетой нашъ „Ника-Милуша“, вѣроятно, хотѣлъ показать, что ему не чужды повадки царственнаго прародителя Никандра Парфимовича Обманова.

Университетскіе сотоварищи приватъ-доцента Дэна просятъ напечатать слѣдующую замѣтку:

„Намъ достовѣрно извѣстно, что приватъ-доцентъ Дэнъ участвовалъ въ устройствѣ бесѣдъ съ механическими рабочими только до начала октября. Когда же въ концѣ ноября былъ поднятъ вопросъ о возможности продолженія бесѣдъ, пр.-доцентъ Дэнъ отказался участвовать въ этомъ дѣлѣ, въ виду того оборота, которое оно къ этому времени уже очевидно приняло“.

От редакціи. Настоящимъ заявленіемъ политическая репутація проф. Дэна совершенно обѣляется. Посмотримъ, хватитъ-ли мужества у другихъ профессоровъ продолжать послѣ этого свое сотрудничество съ Зубатовымъ. Только отстраняясь отъ всякаго соприкосновенія съ полицейской шайкой, люди, желающіе легально работать для рабочаго класса, и смогутъ заставить правительство дать хоть какой-нибудь просторъ честной легальной самодѣятельности.

Намъ сообщаютъ, что Зубатовъ явился на одно изъ собраній московскаго общества рабочихъ и роздалъ присутствующимъ 150 экз. № 8 „Искры“, въ которомъ была статья объ этомъ обществѣ. При этомъ Зубатовъ говорилъ рабочимъ, что они сами могутъ убѣдиться, какъ мнимые друзья рабочихъ — соціалдемократы относятся къ такимъ учрежденіямъ, пользу которыхъ признаютъ московскіе рабочіе. Какъ говорятъ, Зубатовъ достигъ на этотъ разъ своей цѣли — сильно возстановилъ членовъ общества противъ „Искры“.

Что Зубатовъ такимъ образомъ содѣйствуетъ распространенію нашей газеты, — за это мы ему очень благодарны. Еще болѣе благодарны мы ему за то, что онъ при этомъ случаѣ назвалъ публикѣ предполагаемыхъ имъ редакторовъ нашей газеты. Революціонерамъ всегда важно знать, въ какую сторону направлены подозрѣнія жандарма. Но кто бы могъ подумать, что „великій“ московскій сыщикъ такъ болтливъ и неконспиративенъ, чтобы разсказывать въ публикѣ о своихъ подозрѣніяхъ?

Одесса. 5 декабря въ залѣ думы состоялось собраніе участниковъ артелей подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго г. Левитскаго. Собралось 300-400 чел. изъ 32 артелей. Мѣстное начальство, повидимому, не безъ опасенія разрѣшило собраніе: конечно, опасаться чего-нибудь со стороны нашего Шульце-Делича ему было нечего, но, можетъ быть, оно побаивалось мѣстнаго Комитета или Южной Группы. Какъ ни какъ, но когда я подошелъ къ думѣ, меня поразило обиліе блюстителей порядка: на подъѣздѣ околодочный и двое городовыхъ, въ швейцарской еще околодочный и двое городовыхъ, у дверей зала городовой; вхожу въ залу — тамъ приставъ, два околодочныхъ и два городовыхъ.

Послѣ томительнаго ожиданія, во время котораго собравшіеся члены артелей не рѣшались даже громко разговаривать, собраніе было, наконецъ, открыто г. Левитскимъ. Онъ началъ съ напоминанія о томъ, что собравшіеся должны вести себя тихо, смирно, „не выходить изъ предѣловъ законности“. „Мы должны оправдать довѣріе г. градоначальника“, говорилъ онъ. „Законъ — основа нашей дѣятельности“... „мы сильны закономъ“... и т. д. и т. д. На этотъ мотивъ онъ переливалъ изъ пустого въ порожнее минутъ десять. Наконецъ, переходя къ программѣ засѣданія, объявилъ, что изъ намѣченныхъ артельщиками вопросовъ (свыше 30) выбралъ три, и правду сказать, выбралъ далеко не самые интересные. Только первый вопросъ (о способѣ распредѣленія заработка) вызвалъ оживленные дебаты. Оба другіе — о кредитѣ и о работѣ внѣ артели — прошли довольно вяло. Но разскажемъ по порядку.

Г. Левитскій начинаетъ съ того, что ставитъ вопросъ и разъясняетъ собравшимся его значеніе въ жизни артелей. Формулируетъ вопросы онъ чрезвычайно неуклюже и неясно. Такъ, первый вопросъ онъ ставитъ такимъ образомъ: „поштучная или совмѣстная работа?“, а въ дальнѣйшемъ объясненіи говоритъ о распредѣленіи заработка: дѣлить-ли заработокъ поровну или по качеству и количеству работы (плата со штуки, назначеніе добавочныхъ процентовъ и пр.). Самъ г. Левитскій ничего интереснаго по этому вопросу не сказалъ, но нѣкоторыя рѣчи представителей артелей были очень интересны. Ораторовъ вообще можно раздѣлить на два разряда: одни обсуждали вопросъ съ точки зрѣнія организаціонной, говорили о тѣхъ затрудненіяхъ, которыя встрѣчаются при распредѣленіи заработка, приводили безчисленные примѣры, каждый изъ практики своей артели. Такихъ было большинство. Другіе, очень немногіе впрочемъ, обсуждали вопросъ съ точки зрѣнія принципіальной. Тутъ было два направленія, представленныхъ двумя лучшими ораторами. Молодой интеллигентный рабочій говорилъ противъ равномѣрнаго распредѣленія заработка. Его аргументація сводилась къ слѣдующему. При равномѣрномъ распредѣленіи заработка лучшіе и квалифицированные рабочіе будутъ эксплуатироваться худшими и неквалифицированными. Рабочіе ушли въ артели отъ хозяйской эксплуатаціи не для того, чтобы быть эксплуатируемыми артелями. Рабочему все равно, кто сидитъ у него на шеѣ, артель или хозяинъ: то и другое одинаково несправедливо, Онъ, поэтому, высказывается за распредѣленіе заработанныхъ денегъ сообразно стоимости труда каждаго. Ему горячо возражаетъ староста бондарей, почти простой русскій мужикъ, пришедшій издалека, съ сѣвера. Рабочихъ недостаточно обученныхъ, говоритъ онъ, надо обучить, лѣнивыхъ — увѣщевать, а мало способныхъ несправедливо наказывать уменьшеніемъ заработка за то, въ чемъ они не виновны. „Нужно человѣчество чувствовать“ — такъ формулируетъ онъ свою основную мысль.

Объявляется небольшой перерывъ, и затѣмъ г. Левитскій начинаетъ обсужденіе вопроса о кредитѣ сравнительно длинной рѣчью, очень характерной. Онъ говоритъ о значеніи кредита, разсказываетъ случаи, когда артель эксплуатировалась ростовщиками хуже, чѣмъ рабочіе въ мастерскихъ хозяевами, и артели, однако, не распадались: для него подобные случаи служатъ лучшимъ доказательствомъ жизненности идеи артели. Затѣмъ онъ говоритъ о томъ значеніи, которое можетъ имѣть „самодѣятельность артелей“ въ разрѣшеніи вопроса о кредитѣ. Здѣсь начинается отвратительная смѣсь изъ двухъ теорій: теоріи „воздержанія“ и теоріи „малыхъ дѣлъ“. „Сто копѣекъ — рубль“, „курочка по зернышку клюетъ“, „изъ зерна выростаетъ тѣнистое дерево“ и т. д. Послѣ рѣчи бондаря, который страстно убѣждалъ „человѣчество чувствовать“, г. Левитскій производилъ особенно непріятное впечатлѣніе. Въ мысляхъ какъ-то промелькнули Зубатовъ, Озеровъ съ К°, жандармскій полковникъ Васильевъ, одесскій полицмейстеръ, устраивающій артели извозчиковъ, словомъ, вся картина „новаго курса“. Я залюбовался затѣмъ сидѣвшимъ неподалеку отъ меня бравымъ приставомъ. Во время предыдущихъ рѣчей артельщиковъ онъ иногда волновался. Слова: „эксплуатація“, „братство“, „капиталисты“ — повидимому, раздражали его. Теперь онъ слушалъ г. Левитскаго совершенно спокойно и съ видимымъ одобреніемъ. А г. Левитскій, забывшись въ экстазѣ, восхвалялъ уже и наше правительство: оно, вѣдь, такъ заботится о благѣ трудящихся, оно идетъ навстрѣчу ихъ нуждамъ, разрѣшая устраивать артели, кредитныя товарищества и поддерживая артели деньгами. Какое-то усыпляющее дѣйствіе произвела его рѣчь на аудиторію. Ораторовъ записалось немного, да и записавшіеся всѣ говорили въ двухъ-трехъ словахъ на тему: кому не нужны деньги? Были иногда и характерныя замѣчанія вродѣ того, что мы-де ушли отъ хозяевъ, чтобъ самимъ сдѣлаться хозяевами, а для этого нуженъ капиталъ: „капиталъ основа всякаго дѣла“. Одинъ изъ старостъ съ большимъ паѳосомъ произнесъ цѣлый панегирикъ капиталу и артели (если она съ капиталомъ). Рѣчь эта вызвала нѣсколько криковъ: „довольно! кончать!“ Но большинство наградило оратора шумными аплодисментами.

Третій вопросъ почти совсѣмъ не обсуждался. Всѣ согласились съ мнѣніемъ перваго оратора, который формулировалъ отношеніе къ работамъ внѣ артели приблизительно такъ: такая работа нежелательна, но она дозволительна въ случаѣ необходимости съ разрѣшенія артелей.

Наконецъ, говоря словами Щедрина, „снова открылись двери дома терпимости“, и мы опять услыхали увѣщанія г. Левитскаго всегда стоять на почвѣ закона. Затѣмъ послѣдовали предложенія благодарить голову за помѣщеніе, г. Левитскаго за предсѣдательство, г. Витте за „матеріальную поддержку и законодательную охрану артелей“. Мгновенно кѣмъ-то изъ интеллигентовъ-попечителей была составлена соотвѣтствующая телеграмма, собраны деньги. Очевидно, г. Левитскій уже достаточно успѣлъ развить въ артельщикахъ духъ вѣрноподданическаго холопства.

Москва. Намъ пишутъ, что среди московскихъ рабочихъ распространено слѣдующее воззваніе:

Письмо рабочимъ.

Въ мартѣ мѣсяцѣ на Казанской площади въ СПБ. толпились тысячи студентовъ, писателей, разночинцевъ... Зачѣмъ пришли они сюда? Чего хотятъ эти люди? Спросите ихъ, и они отвѣтятъ вамъ: „Мы хотимъ, чтобы каждый русскій человѣкъ имѣлъ право говорить громко то, что онъ думаетъ, чтобы можно было безнаказанно защищать права нашй и бороться печатью и словомъ съ тѣми, которые губятъ родину нашу и, какъ хищники, нагло терзаютъ ее, и поэтому требуемъ мы свободы слова и печати. Мы хотимъ, чтобы никто не мѣшалъ намъ собираться вмѣстѣ, обсуждать дѣла наши, дѣйствовать сообща, и поэтому требуемъ мы свободы собраній. Мы хотимъ, чтобы ни полицейскіе, ни жандармы, ни казаки не смѣли награждать ударами плетей нашихъ братьевъ и сестеръ, чтобы министры и губернаторы не смѣли приказывать солдатамъ проливать нашу кровь, и потому мы требуемъ неприкосновенности личности“. Вотъ зачѣмъ пришли эти люди. Вотъ чего они хотятъ. Но правительство думаетъ о своей выгодѣ, а не о благѣ народа. И вотъ явились на площадь казаки и полицейскіе и стали истязать и избивать безоружныхъ и мирныхъ людей. Это было въ мартѣ, а весною заволновались рабочіе. Замученные хозяевами, голодные, угнетенные, они поняли, что для нихъ одно спасеніе — потребовать отъ правительства, чтобы оно заставило фабрикантовъ грабителей сдѣлать рабочимъ уступки. Но правительство не позволяетъ народу открыто говорить о своихъ нуждахъ. И вотъ началась забастовка, и пошли рабочіе на улицу требовать себѣ то же, чего требовали 4 марта студенты — свободы слова, свободы собраній, неприкосновенности личности. И опять, какъ 4 марта, явились, по приказанію министровъ, царевы войска и полиція и опять пролили народную кровь. Не то было въ Москвѣ. Здѣсь рабочіе и студенты пошли на улицу вмѣстѣ, въ одно время, и вмѣстѣ открыто потребовали правъ и свободы. И устрашились министры, испугался губернаторъ, не посмѣли казаки совершить насилія.

Товарищи! Станемъ и теперь дружно плотной и грозной стѣной и дадимъ отпоръ врагамъ нашимъ. Не вѣрьте тѣмъ, которые устраиваютъ вамъ „совѣщанія“ заодно съ охранкой и жандармами и сулятъ вамъ золотыя горы. Это волки въ овечьей шкурѣ. Они говорятъ вамъ: „слушайтесь полиціи и правительства: они о васъ позаботятся“. Лгутъ они вамъ: пока не будетъ свободы въ русской землѣ, не одолѣть вамъ тѣхъ, кто пьетъ вашу кровь и отнимаетъ у васъ дѣтей вашихъ. Товарищи! Соединяйтесь съ нами, и тогда мы, сильные, объединенные, развернемъ знамя съ надписью: „Да здравствуетъ свобода!“

Московскій Исполн. Комит. объедин. земляч. и организацій.

Какъ царское правительство печется о народномъ трудолюбіи? Отчего голодаютъ въ Россіи милліоны крестьянъ? Отчего не находятъ себѣ работы десятки и сотни тысячъ рабочихъ? Все отъ лѣности, отъ недостатка трудолюбія. И наше доброе, человѣколюбивое правительство спѣшитъ придти народу на помощь въ этой большой бѣдѣ. Оно строитъ „дома трудолюбія“ и „работные дома“, въ которыхъ лѣнивыхъ бездѣльниковъ-рабочихъ даромъ обучаютъ трудолюбію. Оно учредило даже особое „попечительство о домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ“, состоящее подъ августѣйшимъ покровительствомъ самой государыни императрицы и располагающее теперь капиталомъ въ милліонъ рублей, употребляемый на великое дѣло исправленія лѣнтяевъ.

Полицейско-буржуазная Россія перенимаетъ у свободно-буржуазной Англіи ея самыя гнусныя учрежденія. Англійскій рабочій всего болѣе на свѣтѣ ненавидитъ „рабочіе дома“, эти каторжныя тюрьмы для нищихъ и голодныхъ, тюрьмы, въ которыхъ презирающая бѣдняка буржуазія заставляетъ его за кусокъ хлѣба исполнять самыя тяжелыя работы (хотя бы и безполезныя работы въ родѣ расщепливанія канатовъ), подвергаетъ его унизительному надзору, отравляетъ ему, по всѣмъ правиламъ утонченнаго мучительства, получаемое имъ подаяніе-милостыню. Россія не хочетъ отстать отъ Англіи, й нашъ „прогрессъ“ особенно ярко выражается въ усиленной постройкѣ двоякаго рода тюремъ: тюремъ для политическихъ преступниковъ и тюремъ для тѣхъ, кто смѣетъ своимъ голоданіемъ безпокоить „чистую публику“.

Но кромѣ обученія трудолюбію учатъ еще кое-чему въ этихъ новыхъ тюрьмахъ. Вотъ какое постановленіе 62 го засѣданія комитета попечительства о домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ опубликовалъ недавно „Правит. Вѣстникъ“, опубликовалъ съ добавленіемъ, что сама царица изволила на журналѣ комитета собственноручно начертать: „согласна“.

„По вопросу объ открытіи дома трудолюбія въ городѣ Ченстоховѣ управляющимъ дѣлами комитета доведено до свѣдѣнія комитета, что въ городѣ Ченстоховѣ Петроковской губерніи предполагается къ открытію домъ трудолюбія, потребность въ которомъ объясняется значительнымъ скопленіемъ въ названномъ городѣ рабочаго люда, мужчинъ и женщинъ, изъ которыхъ многіе, не попадая по разнымъ причинамъ на мѣстные фабрики и заводы, положительно остаются безъ куска хлѣба и принуждены снискивать себѣ пропитаніе нищенствомъ и другими предосудительными

средствами. Самая потребность въ домѣ трудолюбія мотивирована указаніемъ учредителей на то, что таковой домъ въ названномъ городѣ можетъ служить къ предотвращенію всякаго рода соціалъ-демократическихъ ученій, которыя распространяются рабочими, приходящими изъ Пруссіи и Австріи (Пруссія отстоитъ отъ Ченстохова въ 17 верстахъ, Австрія въ 70). Къ крайностямъ сказанныхъ ученій особенно сочувственно относится пролетаріатъ, въ средѣ котораго и создается элементъ, въ политическомъ отношеніи неблагонадежный. Домъ трудолюбія въ данной мѣстности, доставляя пріютъ и пропитаніе неимущимъ и уменьшая тѣмъ самымъ число пролетаріевъ, явится такимъ образомъ учрежденіемъ, способствующимъ пресѣченію распространяющихся помянутыхъ вредныхъ ученій, не прибѣгая при томъ къ какимъ-либо мѣрамъ репрессивнымъ. Сообщеніе это комитетъ полагалъ принять къ свѣдѣнію".

Отъ всей души благодаримъ „Правительственный Вѣстникъ" за опубликованіе этого поучительнаго документа. Благодарите и вы всѣ, русскіе и польскіе рабочіе! Въ новыхъ тюрьмахъ обѣщаютъ давать „пріютъ и пропитаніе". Въ новыхъ работныхъ домахъ васъ будутъ даромъ обучать не только трудолюбію, но и „здравой" наукѣ о вредѣ соціализма, о „настоящей политической благонадежности". Кланяйтесь же низко и цѣлуйте заочно ручку у матушки-царицы за эту двойную науку!

Варшавскій архіепископъ Попелъ въ борьбѣ съ польскими соціалистами. Варшавскій архіепископъ Попелъ обратился 12 ноября къ римско-католическому духовенству съ такимъ циркуляромъ (переводъ изъ № 43 „Rabotnik", органа Польской Соціалистической Партіи):

„Суетное и ложное въ самой своей основѣ стремленіе выводить правила жизни откуда-либо, кромѣ правды Откровенія, многихъ уклонившихся съ пути вѣры христіанской слѣпыхъ почитателей чистаго разума и самоувѣренныхъ гордецовъ довело до того, что они дерзаютъ посягать на самыя основы, на которыхъ почіетъ общество, или же стараются исторгнуть ихъ изъ людскихъ умовъ. Они отрицаютъ промыселъ божественный, пренебрегаютъ евангельскимъ ученіемъ, этой единственной основой истиннаго благосостоянія и счастья, а на мѣсто ихъ ставятъ свои суетныя и праздныя измышленія о наилучшемъ устройствѣ человѣческаго общества. Все сводя къ житейскому разсчету и страстямъ, они стремятся какъ можно больше воспользоваться благами міра сего, чтó обѣщаютъ всѣмъ тѣмъ, кто пренебрегши ученіемъ религіи, пристанетъ къ нимъ. Очевидно, это обѣщаніе дѣлается скорѣе изъ хитрости, чѣмъ искренно, какъ показываетъ и опытъ. Борясь со всякой властью, какъ церковной, такъ и свѣтской, они нападаютъ сами и возбуждаютъ другихъ противъ богатыхъ, отрицаютъ собственность, вводятъ на ея мѣсто коммунизмъ, проповѣдуютъ вольные нравы, которые, будь они приняты, водворили бы на мѣсто гуманности варварство, отрицаютъ святость брака, все честное и благородное изгоняютъ изъ жизни. Подъ разными именами, облекшись блескомъ ложной науки, они дѣйствуютъ на неопытныхъ; въ иныхъ странахъ уже многихъ увлекли и пропитали своимъ ученіемъ. Какія отсюда происходятъ бѣдствія и смуты въ разныхъ странахъ, враждебныя истинной свободѣ и прогрессу, — говорить незачѣмъ. Лжеученія сѣются уже и въ нашемъ краѣ и имѣютъ много глашатаевъ, особенно среди фабричныхъ рабочихъ. Простые и необразованные люди легко поддаются пышнымъ обѣщаніямъ — такова ужъ природа человѣческая — и не могутъ устоять противъ обольстителей, начинаютъ мало-по-малу гнушаться своего сословія и обращаться къ ложнымъ божествамъ бóльшаго благосостоянія и болѣе привольной жизни. Положеніе ихъ, само по себѣ удовлетворительное или же терпѣливо переносимое усиліями духа, разъ въ немъ разгорѣлась жажда богатства, становится тяжелымъ и невыносимымъ, за чѣмъ нерѣдко слѣдуетъ упадокъ не только нравственности, но и самой вѣры.

„Въ виду этого приглашаемъ духовенство, чтобы оно, помня о своемъ призваніи, старалось отвратить опасность, для чего надлежитъ старательно излагать и внѣдрять въ умы вѣрныхъ здравое ученіе церкви о властяхъ, о собственности, о бракѣ, о подражаніи Христу и святымъ, о согласіи и любви между вѣрными, о необходимости зарабатывать хлѣбъ въ потѣ лица. Гдѣ совѣты злоумышленниковъ пользуются наибольшимъ успѣхомъ, т. е. въ большихъ городахъ и фабричныхъ центрахъ, духовенство должно противодѣйствовать злу съ особеннымъ рвеніемъ, но осмотрительно, стараясь, по крайней мѣрѣ, уберечь тѣхъ, кто еще не подвергся заразѣ".

Старайтесь, господа, старайтесь! Ваши старанія противъ вашей воли служатъ пропагандѣ нашихъ идей.

Польскій пролетаріатъ вынесъ и выстрѣлы царскихъ башибузуковъ и приговоры военныхъ судовъ. Вынесетъ онъ и крестовый походъ католическихъ поповъ.

Смиренные служители церкви. Намъ пишутъ изъ Сарапула (Вятской губ.): „Нашъ архіерей ѣздилъ недавно по епархіи и заѣхалъ въ одну чувашскую деревню. Чуваши, какъ извѣстно, считаются идолопоклонниками. Послѣ непродолжительнаго поученія архіерей приказалъ вырубить ихъ священную рощу. И она была вырублена. Его чуваши не тронули; но когда послѣ него попы вздумали продолжать его дѣло и, собравъ мужиковъ-понятыхъ, пошли рубить вторую рощу, то чуваши возстали. Вооруженные топорами, дубинами и кольями, они напали на понятыхъ, избили ихъ и даже нѣсколькихъ убили. Теперь началось дѣло; идетъ судебное слѣдствіе; много чувашъ арестовано. Итакъ, чуваши, подобно духоборамъ позволили себѣ выражать свое религіозное чувство по своему, иначе, чѣмъ предписано нашимъ самодержавнымъ правительствомъ, и вотъ его вѣрные слуги — архіерей съ попами — способные, очевидно, держаться тоже только одной тактики насилія, уничтожаютъ ихъ своеобразный храмъ — священную рощу. Но когда и у этихъ темныхъ, невѣжественныхъ людей проявляется чувство человѣческаго достоинства, и онн протестуютъ противъ подлаго насилія надъ ихъ личностью, защищая свою святыню, тогда за эту самозащиту и протестъ надъ ними учиняютъ уже цѣлую бездну насилія въ формѣ арестовъ, слѣдствія и суда".

О чемъ тужитъ духовенство. Управляющій кіевскимъ епархіальнымъ заводомъ скорбитъ (въ № 269 „Кіевлянина") объ отсталости кіевской епархіи сравнительно съ великорусскими: епархіальное духовенство мало доставляетъ на свѣчной заводъ огарковъ, мало беретъ съ него свѣчей. Священникъ Руденко въ отвѣтъ на это плачется (см. № 272 „Кіевлянина") о пагубномъ вліяніи штунды на доходы завода: „Расколъ, какъ стояніе за обрядность, нисколько не охлаждаетъ православныхъ людей къ обильному возженію свѣтильниковъ, чего уже никакъ нельзя сказать о штундѣ, отъ которой, къ сожалѣнію, даже истинно православные заражаются иногда холодностью къ обрядовой сторонѣ церковнаго благочестія. Многіе священники могутъ подтвердить, какъ сильно падаетъ не только свѣчной церковный доходъ, но и вообще забота о церковномъ благолѣпіи со стороны прихожанъ въ селахъ, гдѣ появится хоть нѣсколько сектантовъ". Борьба за сохраненіе обрядности есть, поэтому, въ то же время борьба за поповскіе доходы: „духовенство, продолжаетъ Руденко, если можно такъ выразиться, есть лишь акціонеры завода", а акціонеры, конечно, гдѣ представится случай, помогаютъ предпріятію. Итакъ, народная темнота и безправіе — вотъ капиталъ, изъ котораго попы извлекаютъ огромные проценты. Похвальная откровенность!

Борьба семинаристовъ со шпіонствомъ. Бичъ пермской духовной семинаріи инспекторъ Потоцкій завелъ среди семинаристовъ цѣлый штатъ шпіоновъ, которыхъ вербовалъ путемъ запугиванія. Недавно семинаристамъ удалось уличить нѣсколькихъ шпіоновъ. Пойманные сами сознались въ своемъ поступкѣ. 1 декабря въ залѣ семинаріи состоялась сходка въ присутствіи инспектора, при которомъ шпіоны, боясь его мести, отрицали свою вину. Но на слѣдующій день, уже въ присутствіи ректора, шпіоны прямо заявили, что инспекторъ призвалъ ихъ къ себѣ и обѣщалъ имъ милости и покровительство, если они будутъ доносить ему на товарищей. Начальство рѣшило ждать пріѣзда архіерея, а шпіоновъ, по просьбѣ учениковъ, уволило.

9 декабря архіерей вытребовалъ изъ семинаріи депутацію въ числѣ 20 семинаристовъ, которую, не разбирая дѣла, обругалъ, называя „анархистами, проходимцами". За одно, по словамъ семинаристской прокламаціи, „онъ оскорбилъ и всю учащуюся молодежь, назвавъ курсистокъ „погаными дѣвками". И въ концѣ концовъ самъ призналъ шпіонство вполнѣ законнымъ и въ заключеніе сказалъ: „правды вы не найдете на землѣ, ищите на небеси". Возмущенные такимъ поведеніемъ архіерея, семинаристы 10 декабря прекратили занятія, требуя удаленія инспектора изъ семинаріи. По распоряженію синода семинарія закрыта. „Шестой классъ, вначалѣ сочувствовавшій удаленію инспектора, позорно измѣнилъ своимъ товарищамъ".

Архіерей сталъ призывать отцовъ стачечниковъ и требовать отъ нихъ подписки, что они заставятъ своихъ дѣтей прекратить забастовку. Но это не дѣйствуетъ. Въ заключеніе — слѣдующій документъ:

Письмо архіерея къ ректору.

„Я имѣю вѣрныя свѣдѣнія, что абсолютное большинство Духовной Семинаріи вовлечено въ смутную настоящую исторію, позорящую Семинарію, частью соблазнами коварными и угрозами товарищей, зараженныхъ легкомысленными безобразными и лжелиберальными отравами современной литературы и бродячими идеями въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Мнѣ пришлось убѣдиться, что многіе воспитанники не только не сочувствуютъ, но прямо съ болью въ сердцѣ осуждаютъ настоящее нелегальное состояніе Семинаріи. Поэтому считаю нужнымъ дать имъ право и полную возможность заявить письменно на особой бумагѣ свою невинность и совершенное безучастіе въ этой смутной исторіи, въ которой они фигурируютъ какъ бы невольно изъ страха мести и, какъ замѣчено, крайне тяготятся своимъ положеніемъ, теряя свое доброе имя въ понятіяхъ своихъ родителей и общества. Петръ, епископъ Пермскій
„11 декабря 1901 г. и Соликамскій."

„Все это наглая ложь!", заявляютъ по поводу этого кляузнаго и безграмотнаго письма семинаристы въ своей прокламаціи.

Намъ доставлено изъ Харькова нижеслѣдующее „дополненіе" къ статьѣ ректора харьковскаго университета о студенческихъ организаціяхъ. Намъ не сообщаютъ, должна-ли была печататься эта статья для публики или только въ видѣ „конфиденціальнаго документа"; извѣстно только, что пока она не появилась.

„Статья о студенческихъ организаціяхъ написана въ августѣ мѣсяцѣ. Пока она печаталась вслѣдствіе нѣкоторыхъ случайныхъ задержекъ въ ноябрѣ, событія въ университетской жизни, происходившія съ конца октября и до первыхъ чиселъ декабря, съ совершенною ясностью выяснили, что такъ называемое студенческое движеніе есть движеніе чисто политическое и при этомъ, по крайней мѣрѣ въ Харьковѣ, не конституціонное, а анархическое и соціалистическое. Большинство студентовъ (9/10 студентовъ, — всѣхъ студентовъ 1450) терроризируется организованной партіей революціонеровъ отъ 120-150 человѣкъ.

„Въ виду этихъ фактовъ является серьезное сомнѣніе, не поведутъ-ли даже курсовыя организаціи, предложенныя въ этой брошюрѣ, къ тому, что здѣсь явятся только различныя политическія партіи, и что борьба между не останавливающимися ни передъ какими крайними средствами и большинствомъ умѣренныхъ будетъ продолжаться и обостряться. Является серьезное сомнѣніе, не увѣковѣчится-ли этимъ въ университетѣ вмѣсто „занятій" „политика". Вмѣсто того, чтобы имѣть мѣсто въ какихъ-либо другихъ общественныхъ органахъ, гдѣ разсуждаютъ и дѣйствуютъ люди зрѣлые, политика будетъ вестись единственно незрѣлой и неопытной молодежью. Можетъ быть, кто-нибудь и порадуется этому, но я, въ качествѣ профессора и ректора университета, этому не порадуюсь и въ виду событій настоящаго мѣсяца считаю необходимымъ даже выразить свое сомнѣніе въ благовременности организаціи, мною самимъ предложенной, но предполагавшей болѣе нормальное состояніе общества. Пусть меня упрекнетъ кто-нибудь въ перемѣнчивости мнѣній, но въ виду новыхъ фактовъ долгъ добросовѣстнаго человѣка, ищущаго истины и блага родины, измѣнять соотвѣтственно новымъ фактамъ и свои выводы. Сомнѣніе не есть рѣшеніе, но это сомнѣніе серьезное, и оно должно быть обсуждено при разсмотрѣніи университетскихъ правилъ на основаніи фактовъ недавняго прошлаго, происходившихъ во всѣхъ университетахъ. Можетъ быть, движеніе въ другихъ университетахъ имѣетъ иной характеръ, нежели въ харьковскомъ университетѣ.

„Выпускъ въ свѣтъ этой статьи я не пріостанавливаю, такъ какъ въ ней, я надѣюсь, всетаки можно найти много къ искорененію неправильныхъ взглядовъ по вопросу о студенческихъ организаціяхъ.

„Харьковъ, 8 декабря 1901 года."

Одно очевидно: самодержавіе не можетъ дать студентамъ никакой дѣйствительной (а не каррикатурной) организаціи до тѣхъ поръ, пока отсутствіе свободы для людей „зрѣлыхъ" грозитъ сдѣлать эти организаціи „отдушиной политическаго недовольства". А изъ этого слѣдуетъ, что студенческое движеніе имѣетъ большое политическое значеніе, являясь „элементомъ разложенія современнаго строя", какъ гласитъ резолюція петербургскихъ студентовъ на сходкѣ 13 ноября.

Два земскихъ начальника. Земскій начальникъ Лукьяновскаго уѣзда, Левъ Пушкинъ, (родственникъ знаменитаго поэта) вызвалъ къ себѣ старосту села Кельдюшева — Ермошкина по дѣлу о засыпкѣ мірскихъ амбаровъ. У господина „земскаго" были въ это время гости, потому „они не принимали". Гости пили, ѣли, веселились, а староста, между тѣмъ, пока „они откушаютъ", ждалъ пріема въ передней, голодный и усталый. Наконецъ, уже вечеромъ, „его высокоблагородіе" „изволили выйти", сильно подкрѣпивъ себя за обѣдомъ съ гостями живительной влагой. Подъ вліяніемъ вышивки, еле ворочая языкомъ, онъ началъ безтолково орать на несчастнаго старосту. Затѣмъ, раздраженный какимъ-то возраженіемъ послѣдняго, разсвирѣпѣлъ, какъ бѣшенный быкъ, и ударомъ кулака сшибъ съ ногъ крестьянина. Желая выпихнуть упавшаго изъ своей прихожей, онъ такъ ткнулъ въ лицо старосты, что выбилъ ему два зуба. Староста послалъ жалобу министру вн. дѣлъ. На запросъ черезъ губернское присутствіе о всемъ происшедшемъ, Пушкинъ отвѣтилъ, что староста былъ пьянъ и „дерзокъ", самъ упалъ отъ опъяненія на полъ и „самъ выбилъ себѣ зубы". Судъ ограничился спросомъ только Пушкина, свидѣтели потерпѣвшаго старосты не были даже спрошены. Корреспонденція о происшедшемъ не была напечатана ни въ одной газетѣ, такъ какъ по цензурнымъ законамъ запрещено писать о какихъ бы то ни было злоупотребленіяхъ полиціи и земскихъ начальниковъ.

А вотъ что пишутъ о недавно уволенномъ земскомъ начальникѣ Суздальскаго уѣзда (Влад. губ.), С. С. Рагозинѣ:

„Вотъ что я знаю про „Сережу". Это типъ крѣпостника стараго закала, могущій служить живой иллюстраціей къ эпохѣ 40-50 гг. При этомъ онъ соединилъ въ себѣ почти всѣ качества гоголевскихъ героевъ: плюшкинская жадность изрѣдка смѣняется добродушіемъ Пѣтуха, беззастѣнчивость и наглость Ноздрева иногда уступаетъ мѣсто чичиковской деликатности и т. д., и все это, конечно, не безъ выгоды для его препрославленной особы.

„Какъ администраторъ, онъ очень хорошій человѣкъ и настолько хорошій, что его именемъ крестьяне пугаютъ дѣтей: „никшни, вотъ ужо „земскій" пріѣдетъ.... задастъ онъ тебѣ". Это фактъ.

„Не стану цѣнить его какъ судью и какъ администратора; приведу только нѣкоторые случаи, гдѣ выразился его характеръ и отношеніе къ крестьянамъ.

„Приходитъ мужикъ и, не входя еще въ камеру, снимаетъ шапку и прячетъ за пазуху. Затѣмъ является передъ его грозные очи и благоговѣйно подаетъ какое-то прошеніе. С. С. стоялъ въ прихожей камеры. Молча принимаетъ онъ это челобитье и только изрѣдка черезъ край бумаги бросаетъ на мужика свирѣпый, зловѣщій взглядъ; мужика пронимаетъ дрожь. С. С. молча дочитываетъ прошеніе, молча разрываетъ его въ дребезги и молча же со всего размаху даетъ просителю затрещину „по мордѣ"; мужикъ покачивается, а удары градомъ сыплются на загорѣлую физіономію, и широкія скулы, развитыя жеваніемъ жесткаго чернаго хлѣба, такъ и потрескиваютъ подъ могучими ударами Сережи. Добившись того, что физіономія мужика обратилась въ сплошной кровоподтекъ, С. С. выталкиваетъ его вонъ и пускаетъ ему въ слѣдъ разъяренное „мерзавецъ". Уставъ отъ усерднаго исполненія возложенной на него священной обязанности, онъ потянулся и съ тоской произнесъ, обращаясь къ письмоводителю: „покою не даютъ". Послѣ этого онъ катитъ обѣдать и, вѣроятно, кушаетъ въ аппетитомъ...

„Присутственная комната полицейскаго управленія. Сидитъ исправникъ и Сережа. Входитъ молодой мужикъ и обращается къ исправнику съ какой-то просьбой. Сережа его прерываетъ.

— Ты Степка?

— Да-съ.

— Не изъ такой-ли деревни?

— Такъ точно, ваше в—діе.

— Пошелъ вонъ, сукинъ сынъ, разражается С. С. и выталкиваетъ его буквально въ шею; возвращаясь въ комнату, торжественно заявляетъ: „понимаете-ли, такой сволочи во всей Н—ской волости не найдешь".

„Дѣлъ въ камерѣ онъ не плодилъ, памятуя, что „во многописаніи нѣсть спасенія" (его собственное выраженіе) и почти всѣ дѣла разбиралъ словесно и весьма скоро. Во время разбирательства слышались его ругательства: это онъ громитъ обвиняемыхъ; слышно, какъ трещитъ столъ (не особенно крѣпкій) подъ его привычными кулаками. Никогда С. С. такъ не волнуется, какъ въ это время, даже голосъ его мѣняется: то заговоритъ басомъ, октавой, то вдругъ оглушительно завережжитъ высочайшимъ фальцетомъ....

„Сельскіе должностные лица, какъ-то старосты сельскій и магазинный, сотскій, десятскій, старшина и даже писарь при С. С. обращаются въ энциклопедистовъ; по его порученію они очень успѣшно исполняютъ роль разсыльныхъ, горничныхъ, швейцаровъ, а иногда и курьеровъ въ особенно важныхъ случаяхъ, какъ напр., при пріисканіи кухарокъ; за неудачу при исполненіи этихъ порученій полагается арестъ или другое наказаніе; одинъ изъ старшинъ стоялъ въ углу нѣсколько часовъ, какъ школьникъ. Прочіе сельскіе обыватели его участка должны были прямо таки трепетать передъ нимъ невольно и бояться... „какъ отца". Отецъ же милостиво называлъ ихъ „дѣтьми" „дураками" и при первомъ удобномъ случаѣ дѣлалъ строгія отеческія внушенія. Когда С. С. проѣзжалъ по какому-либо селу, то крестьяне, старый и малый, мужчины и женщины, должны были вставать, если они сидятъ, и быть безъ шапокъ, въ противномъ случаѣ шапка срывалась самимъ С. С. и топталась, а мужику попадало даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда шапки снять не могъ, потому что стоялъ или сидѣлъ къ нему спиной.

„Имѣніе С. С., подъ названіемъ „Экономія С. С. Рагозина" прославилась своей излишней экономностью по отношенію къ рабочимъ. Эта экономія проглядываетъ, во-первыхъ, въ пищѣ, во-вторыхъ, въ отдыхѣ, котораго полагается очень мало. Вслѣдствіе тяжкихъ, непосильныхъ даже для мужика условій, крестьяне избѣгаютъ наниматься къ этому примѣрному хозяину, и энергичный С. С. выписалъ изъ Нижегородской губ. татаръ и изъ Рязанской — рязанцевъ; наняты они были копать пруды и работать въ полѣ. Но такъ какъ работа начиналась съ восходомъ солнца и кончалась лишь въ 11 час. вечера, то даже татары призадумались, а рязанцы и говорить нечего. Солоно имъ пришлось, а штрафы и ревъ неугомоннаго хозяина въ конецъ убили въ нихъ всякое желаніе работать (отдыхъ полагался только послѣ обѣда). И вотъ въ жаркій іюньскій день потянулась маленькая орда татаръ на поклонъ къ исправнику съ просьбой объ отобраніи отъ С. С. паспортовъ, которые онъ имъ не выдавалъ. У исправника ничего не добились. Толкнулись къ губернатору, и тутъ дѣло уладилось; паспорта (и только паспорта) рабочіе получили и отправились во свояси, проклиная новаго осѣдлаго баскака".

Г. Дмитріевъ (Курской губ). Древній, тихій Дмитрославъ, какъ называютъ свой городъ по старой привычкѣ обросшіе мохомъ обыватели, находится, повидимому, наканунѣ революціи. По селамъ и деревнямъ дмитріевскаго уѣзда, встрѣчаемое лаемъ собакъ, и сопровождаемое воемъ бабъ и ребятишекъ, совершается странное путешествіе.

Впереди офицеръ изъ губерніи, за нимъ становой и свита изъ жандармовъ, урядниковъ, сотскихъ и десятскихъ. Ѣздятъ по деревнямъ и что-то ищутъ. „Пріѣдутъ на село, разсказывала баба, посмотятъ въ книжку, и давай шарить, то у одного, то у другого." — Что же ищутъ-то? „А песъ ихъ знаетъ." Объяснилъ дѣло самъ ротмистръ. Обыскъ производится у корреспондентовъ земской текущей сельско-хозяйственной статистики. Изстари извѣстно, что статистика опасная дама. Не даромъ же еще царь Давидъ за статистическіе опыты по переписи населенія былъ наказанъ Господомъ Богомъ гладомъ и моромъ, обрушившимися на еврейскій народъ, неповинный впрочемъ въ затѣѣ своего миропомазаннаго статистика. Живи Давидъ въ наше время и имѣй счастье состоять вѣрноподданнымъ нашего маленькаго полковника Николая. онъ навѣрно такъ бы легко не отдѣлался и [самъ бы угодилъ по меньшей мѣрѣ подъ гласный надзоръ дмитріевскаго исправника.

Зачѣмъ же однако обыскиваютъ несчастныхъ корреспондентовъ? На это, пока, приходится отвѣтить словами бабы: „А песъ ихъ знаетъ." Будемъ надѣяться, что г. ротмистръ не откажется подѣлиться результатами поисковъ.

Изъ Кіева сообщаютъ о чрезвычайно напряженномъ настроеніи рабочихъ. Ждутъ только сигнала, чтобы выйти на улицу. Полиція дѣятельно готовится къ демонстраціи. Одно должностное лицо сообщало, что въ высшихъ сферахъ рѣшено сразу положить конецъ всѣмъ демонстраціямъ — стрѣлять въ толпу. Начальство учебныхъ заведеній, какъ намъ передавали, уполномочено, при началѣ занятій предупредить студентовъ, чтобы по возможности избѣгали кровопролитія. Конечно, эти предупрежденія никого не остановятъ.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ
и
ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Заводскіе самодержцы. Южнорусскій машиностроительный заводъ въ Кіевѣ. (Письмо рабочаго).

Дорогіе товарищи! Въ этой небольшой корресподенціи я постараюсь хоть отчасти выставить безобразныя вакханаліи нашихъ непосредственныхъ начальниковъ, которые подъ защитой закона на каждомъ шагу не только желаютъ разстроить нашу солидарность, но еще къ тому же деморализующимъ образомъ вліяютъ на несознательныхъ рабочихъ. Начну по старшинству.

Г. Дейчманъ занимаетъ у насъ мѣсто механика, токарнаго и слесарнаго мастера и проч., однимъ словомъ, директоръ завода далъ ему право распоряжаться по его усмотрѣнію. Въ механической мастерской работа производится сдѣльно, обыкновенно никто изъ рабочихъ не знаетъ до конца работы, какую ему назначатъ цѣну, но за то г. Дейчманъ, сколько желаетъ, столько и посчитаетъ, если же кто-нибудь изъ рабочихъ осмѣлится возражать, то Дейчманъ бросается во всѣ стороны, какъ бѣшеный, и кричитъ: „не желаете брать, что я вамъ даю, такъ получайте разсчетъ“. 14 ноября съ вертельщикомъ Яницкимъ произошелъ такой случай: по расцѣночному листу, подписанному директоромъ, ему слѣдовало получить по 25 коп. за болтъ, но Дейчманъ разсчиталъ его по 15 коп. За указаніе на то, что въ расцѣнкѣ назначено по 25 коп., онъ удаленъ съ завода. Имѣйте въ виду, что такихъ Яницкихъ черезъ руки Дейчмана проходятъ сотни, и эти сотни должны страдать такъ же незаслуженно, какъ и Яницкій.

Есть еще у насъ г. Пилиповскій, вагонный мастеръ — большой либералъ и іезуитъ. Въ 1898 г. слесарь Миллеръ побилъ ему физіономію, но изъ всего видно, что этого было мало. Пилиповскій обращается съ рабочими чисто по-Николаевски: если рабочій жалуется на то, что за сдѣльную работу ему заплатили мало, то Пилиповскій на него напускается съ цѣлымъ потокомъ базарнаго краснорѣчія. „Ты мнѣ людей бунтуешь, я тебя велю арестовать, убирайся вонъ безъ разсчету“ и т. д.

Захаръ Ивановичъ Яковлевъ, смотритель завода, бывшій кабатчикъ и содержатель пивной съ живымъ товаромъ, однимъ словомъ, кулакъ и жуликъ. И эта-то персона была принята на нашъ заводъ въ качествѣ старшаго-чернорабочаго, но затѣмъ произведенъ въ смотрители заводскаго двора, т. е. по части уборки мусора и... прокламацій (послѣднее его любимое занятіе). Доходной статьей для Яковлева служитъ устраиваемая имъ лотерея, которая стала хроническимъ явленіемъ. Въ лотерею пускаются старыя грошевыя вещи, а билеты разбираются быстро, потому что, если кто не захочетъ брать билетовъ, то Яковлевъ находитъ какую-нибудь причину, и рабочаго выкидываютъ. Эти билеты раздаются даже чернорабочимъ, которые получаютъ по 60 коп. въ день и лишаются, такимъ образомъ, поденнаго заработка. А между тѣмъ, у насъ въ правилахъ сказано, что за лотерею, карточную игру и т. п. виновникъ моментально удаляется съ завода.

Товарищи! Такое отношеніе къ намъ позоритъ нашу личность, и намъ необходимо подумать всѣмъ скорѣе о томъ, чтобы воспрепятствовать такому поведенію нашего ближайшаго начальства. Пусть что хочетъ говоритъ фабричная инспекція, высшее начальство и полиція, пусть, какъ хочетъ, насъ запугиваетъ, а мы все же постараемся отстоять свою личность. Соберемся дружнѣе, и тогда вся псарня, насъ осаждающая, разбѣжится во всѣ стороны въ смятеніи и страхѣ.

Кременчугъ. Въ декабрѣ мѣстный комитетъ партіи распространилъ на табачной фабрикѣ Дурунчи прокламацію, выставлявшую рядъ требованій къ хозяевамъ. Прокламація подѣйствовала и фабрикантъ немедленно удалилъ подрядчика, увеличилъ заработную плату, поставилъ три кровати для рабочихъ.

Съ Урала. На одномъ изъ заводовъ Уфимской губ. были недавно безпорядки, вызванные переходомъ завода изъ рукъ поссессіонныхъ владѣльцевъ въ руки бельгійцевъ, которые ввели систему обысковъ при выходѣ съ завода и снабжали всѣхъ рабочихъ номерами для штрафовки тѣхъ, кто не сдалъ при входѣ своего номера. Для „усмиренія“ была выслана изъ Уфы рота, но не дошла, такъ какъ безпорядки, длившіеся дня три, успѣли прекратиться.

По слухамъ, поссессіонныхъ мастеровыхъ лишаютъ земельныхъ участковъ, но уфимскій губернаторъ отказался приводить въ исполненіе эту мѣру, пока не пришлютъ новыхъ войскъ въ Уфу.

Въ Монастырской волости, близь Алапаевскаго завода, Верхотурскаго уѣзда лѣтомъ нынѣшняго года имѣло мѣсто слѣдующее столкновеніе населенія съ администраціей.

Жители Монастырской волости издавна владѣли землей, считая ее принадлежащей имъ, согласно имѣющейся у нихъ грамотѣ („отъ самого царя Петра I“). Когда, по размежеваніи ихъ земель съ заводскими, имъ былъ предложенъ надѣлъ, составляющій часть обрабатываемой ими земли, то они отказались принять этотъ надѣлъ, продолжая пользоваться тѣмъ, чѣмъ пользовались раньше. — Получился судебный процессъ. Нѣсколько человѣкъ вызывались въ судъ, но они сговорились не являться. Тогда въ деревню пріѣхалъ становой приставъ съ нѣсколькими стражниками, чтобы арестовать вызываемыхъ. Но населеніе рѣшило не выдавать своихъ. Полиціи было оказано сопротивленіе, когда она попыталась силою взять присужденныхъ. Произошла схватка, — и полиція съ поврежденіями отступила. Сообщаютъ, что было сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ съ той и другой стороны, при чемъ первой начала стрѣлять полиція (послѣднее, впрочемъ, еще не вполнѣ достовѣрно).

Полиція немедленно донесла губернатору, что въ Монастырской волости „бунтъ“. Были посланы изъ Перми солдаты подъ предводительствомъ офицера для усмиренія „бунта“. Приближаясь къ деревнѣ Бучиной, войско насторожилось, ожидая засады или нападенія изъ деревни. Нѣкоторые солдаты съ ужасомъ представляли себѣ, какъ имъ прикажутъ стрѣлять въ своихъ же земляковъ. Но каково было удивленіе войска, когда жители встѣтили его радушно съ хлѣбомъ-солью, выражая надежду, что офицеръ, какъ „царевъ слуга“, разберетъ ихъ дѣло по сущей правдѣ, защититъ ихъ отъ заводовладѣльцевъ и подкупленныхъ ими полиціи и судей. Офицеру была показана грамота и изложено подробно все дѣло. Но офицеръ не замедлилъ разрушить ихъ надежды, заявивъ, что если судъ рѣшилъ, значитъ, такъ и должно быть; что, „вѣроятно, крестьяне какъ-нибудь неправильно понимаютъ грамоту, отчего и произошло все недоразумѣніе.“ Крестьяне разошлись, а солдаты мирно стали готовить себѣ обѣдъ, составивъ ружья въ козлы. Въ это время къ офицеру подошелъ одинъ крестьянинъ и, желая предупревить кровопролитное столкновеніе крестьянъ съ солдатами, въ которомъ пострадали бы, конечно, крестьяне, — тихо сказалъ офицеру, чтобы солдаты берегли ружья... Но десяти ружей уже не досчитались. Офицеръ потребовалъ возвращенія, и крестьяне, видя, что сила не на ихъ сторонѣ, возвратили захваченныя ружья. Въ результатѣ всѣхъ этихъ столкновеній много крестьянъ арестовано (болѣе 30 чел.). Многіе изъ нихъ понесутъ, вѣроятно, строгое наказаніе, но всѣ они теперь убѣдятся въ томъ, что не защититъ ихъ отъ владѣльцевъ ни судъ, ни полиція, ни чиновники, ни даже „слуги царя“ — солдаты и офицеры.

Изъ Шемахинскаго завода сообщаютъ слѣдующій фактъ. Въ Шемахинскій заводъ ведетъ нѣсколько дорогъ. Три или четыре изъ нихъ снабжены кордонами, другія — нѣтъ. Чтобы населеніе не провозило ворованнаго лѣса по дорогамъ, не снабженнымъ кордонами, управляющій велѣлъ засыпать эти дороги. Шемахинцы поголовно отказались это сдѣлать. Для засыпки дорогъ были наняты жители сосѣдняго селенія. Шемахинцы, узнавши объ этомъ, вооружились палками, вилами и двинулись на мѣсто работъ. Произошло столкновеніе. Говорятъ, что управляющій съ нѣсколькими человѣками заперся въ одномъ изъ кордоновъ. Кордонъ былъ подожженъ. Всѣ спаслись, хотя нѣкоторые пострадали какъ отъ пожара, такъ и отъ рукопашнаго столкновенія. Арестовано 12 чел. За поджогъ ихъ судить, вѣроятно, не будутъ, потому что показали, что на кордонѣ загорѣлось внутри отъ желѣзной печки.

Батумъ. Положеніе рабочихъ на Кавказѣ. (Письмо рабочаго.) Въ нашемъ городѣ около двадцати заводовъ, изъ которыхъ одиннадцать нефтяные, приспособленные къ разливкѣ керосина, отправляемаго за границу. Изъ заводовъ самыми большими по числу рабочихъ являются нефтяные заводы Ротшильда и Манташева. Рабочихъ въ городѣ болѣе 8 тысячъ.

У насъ, какъ и на всѣхъ заводахъ Кавказа, кромѣ Баку, нѣтъ фабричной инспекціи*). Вслѣдствіе этого, здѣсь нѣтъ никакого надзора надъ фабриками. Произволу хозяевъ здѣсь предоставленъ полный просторъ: они дѣлаютъ, что хотятъ, не боясь никого и ничего, и являются полными господами жизни и здоровья рабочихъ, а рабочіе — ихъ рабами.

При столкновеніяхъ между отдѣльными хозяевами и рабочими дѣло разбираетъ обыкновенно околодочный надзиратель, и всегда, конечно, въ пользу хозяина. Если же рабочій перенесетъ дѣло въ судъ, то и тутъ хозяинъ выходитъ правымъ, ибо обыкновенно задавленные нуждой и зависящіе отъ хозяина свидѣтели-рабочіе боятся показывать противъ хозяевъ. Рабочіе всегда бываютъ виноваты! Кромѣ того, ни одно безобразное дѣяніе хозяевъ не было напечатано въ мѣстныхъ газетахъ, потому что цензура позволяетъ только хвалить хозяевъ за ихъ, будто бы, отеческое, хорошее отношеніе къ рабочимъ.

Въ другихъ городахъ и мѣстахъ нашего обширнаго отечества все-таки существуютъ праздники, во время которыхъ замолкаетъ шумъ машинъ и рабочіе пользуются хоть краткимъ отдыхомъ. У насъ не то! Не говоря уже о воскресныхъ дняхъ и двунадесятыхъ праздникахъ, здѣсь даже въ первые дни Пасхи и Рождества не перестаютъ гудѣть фабричные гудки и не прекращаются работы. Хозяева наши хотятъ, вѣроятно, показать, что для нихъ нѣтъ ничего святого, что они поклоняются лишь золотому тельцу и чтутъ голый чистоганъ.

Въ нашемъ городѣ особенно развитъ трудъ малолѣтнихъ. На заводѣ Манташева работаютъ 7-8-лѣтнія дѣти. Дѣти работаютъ столько же часовъ, какъ и взрослые, а такъ какъ здѣсь производство отличается страшнымъ непостоянствомъ и во время заказовъ на заводѣ Манташева число рабочихъ часовъ доходитъ до 105 въ недѣлю, то дѣтямъ приходится простаивать за станкомъ по 15-16 час. въ сутки. Съ прекращеніемъ заказа, обыкновенно разсчитывается половина рабочихъ.

На нашихъ заводахъ господствуетъ по отношенію къ рабочимъ кулачная расправа. Рабочихъ бьютъ надсмотрщики, завѣдующіе, механики и сами директора. Особеннымъ постоянствомъ въ этомъ отношеніи отличается управляющій завода Манташева, Теръ-Акоповъ, а на заводѣ Ротшильда — механикъ Штубнеръ и приказчикъ Файнштейнъ. Бьютъ и ребятишекъ, чтобы они усерднѣе работали. Особенно жестоко поступаетъ съ ними приказчикъ Файнштейнъ.

На заводахъ у насъ очень часты несчастные случаи. Это происходитъ оттого, что хозяева нисколько не заботятся о безопасности рабочихъ при исполненіи ими работъ, а также и оттого, что пользуются дешевыми необученными рабочими. Въ жестяночныхъ и лѣсопильныхъ отдѣленіяхъ нефтяныхъ заводовъ рѣдкій день проходитъ безъ несчастнаго случая. Если случится несчастье съ рабочими при исполненіи работъ, протоколы пишутъ, какъ ни странно это, управляющіе заводовъ. Если рабочему отрѣжетъ станкомъ палецъ, пишутъ, что „пораненіе несерьезное“; если рабочему отрѣжетъ кисть руки внезапно опустившимся ножомъ штампы, когда онъ выковыривалъ застрявшую жесть, которая должна была бы выбрасываться автоматически, — пишутъ, что пораненіе произошло по собственной неосторожности рабочаго. Если же рабочій, чтобы предупредить паденіе ножа, подложитъ подъ него кусокъ дерева, и если ножъ опустится на это дерево, ему пишутъ штрафъ въ размѣрѣ 3-5 руб. Точно также рабочихъ, которые попадаютъ въ станокъ четвертый и пятый разъ, попросту выгоняютъ, придравшись къ какому-нибудь пустяку, чтобы не выплачивать ему вознагражденіе какъ неспособному къ труду.

Въ паяльныхъ отдѣленіяхъ нефтяныхъ заводовъ рабочіе хвораютъ горловыми и грудными болѣзнями, такъ какъ воздухъ въ этихъ мастерскихъ насыщенъ парами разныхъ кислотъ. Въ разливочныхъ отдѣленіяхъ этихъ заводовъ у рабочихъ отъ керосина пухнутъ ноги и покрываются язвами. Климатъ здѣсь очень нездоровый, лихорадочный, сырой; здѣсь трудно найти рабочаго, который не хворалъ бы лихорадкой и ревматизмомъ. Несмотря на страшную жару лѣтомъ, когда рабочіе буквально обливаются потомъ, здѣсь ни на одномъ заводѣ нѣтъ кубовъ съ кипяченной водой, и рабочіе принуждены пить сырую, застоявшуюся въ трубахъ воду. Вслѣдствіе этого здѣсь часты заболѣванія, а медицинская помощь поставлена очень плохо; ни на одномъ заволѣ нѣтъ больницы, и фельдшера обращаются съ рабочими очень грубо.

На заводахъ здѣсь практикуется скрадываніе рабочаго времени и вычеты. Часто рабочіе получаютъ лишь половину заработанныхъ денегъ: остальную половину вычитаютъ за бракъ, хотя рабочіе не виноваты, т. к. причиною плохого исполненія работы являются старыя испорченныя машины. А у Манташева на заводѣ машины пускаются въ ходъ на полчаса, на часъ раньше гудка. — Заработная плата за послѣдніе годы здѣсь сильно понизилась. Десять лѣтъ назадъ на заводѣ Ротшильда работало 4000 чел. Рабочіе получали по 2-3 р. въ день. Теперь же, послѣ улучшенія механизмовъ ту-же работу, даже въ большихъ размѣрахъ, исполняютъ 1500 чел. За эти 10 лѣтъ 2500 чел. было выброшено на улицу, а заработная плата понижена до 60 коп. въ день. Теперь мы зарабатываемъ лишь на хлѣбъ и на воду, чтобы только не умереть съ голоду, чтобы быть въ состояніи создавать не для себя — для другихъ богатства:... Тяжело такъ жить и невольно является вопросъ: зачѣмъ мы такъ страдаемъ? Жизнь наша лишена всякой радости, она лишь сплошной путь къ могилѣ. Такъ не лучше-ли намъ умереть не за станками и не рабами, а умереть, борясь за свободу, за лучшее будущее!..

Нижній-Новгородъ. На механическомъ зав. Константинова была стачка 160 чел. изъ-за неаккуратной выдачи платы. Рабочіе, забастовавъ, вызвали фабричнаго инспектора, и послѣдній заставилъ хозяина удовлетворить ихъ требованія. По этому поводу распространены на заводѣ листки, въ которыхъ, по выраженію рабочихъ, „всѣмъ досталось: — и механику, и инспектору, и до самаго царя добрались“. Рабочіе на этомъ заводѣ народъ сѣрый, малограмотный, изъ окрестныхъ деревень. Тѣмъ не менѣе, онъ съ жадностью набросился на листки. Всѣ ихъ одобряли и ждали новыхъ. Появились и новые — тамъ говорилось вообще о способахъ борьбы и о майской демонстраціи. Послѣ того еще разъ были распространены прокламаціи. Листки попадаютъ и къ крестьянамъ, и тѣ говорятъ: „все вѣрно“.

Въ Нижнемъ масса безработныхъ. На Сормовскомъ заводѣ постепенно понижаютъ расцѣнки.

*) Только-что появилось сообщеніе о введеніи фабричной инспекціи въ Тифлисской губерніи, причемъ правительство признало открыто, что къ введенію инспекціи его побудили стачки тифлисскихъ рабочихъ. Ред.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Мы получили слѣдующее письмо въ редакцію:

„Касаясь вопроса объ агитаціи (если не ошибаюсь, въ № 13), „Искра“ высказывается противъ летучей, агитаціонной литературы (брошюрки въ два-три листика) на политическія темы. Такая литература, по мнѣнію редакціи, съ успѣхомъ замѣняется газетами. Газеты, конечно, — дѣло хорошее. Противъ этого никто и спорить не будетъ. Но могутъ-ли онѣ замѣнить такіе летучіе листки, спеціальное предназначеніе которыхъ — широкое распространеніе среди массъ? Въ редакціи уже имѣется одно письмо изъ Россіи, въ которомъ группа рабочихъ-агитаторовъ высказывается по этому вопросу. Отвѣтъ „Искры“ на это письмо — очевидное недоразумѣніе. Вопросъ объ агитаціи такъ же теперь важенъ, какъ и вопросъ о демонстраціяхъ. Поэтому желательно, чтобы редакція сызнова подняла-бы его, и на этотъ этотъ разъ отнеслась бы къ нему болѣе внимательно.

Читатель“.

Кто дастъ себѣ трудъ внимательно перечитать, наряду съ этимъ письмомъ, нашъ отвѣтъ „рабочимъ съ юга“ въ № 13 „Искры“, тотъ легко убѣдится, что въ очевидное недоразумѣніе впалъ именно авторъ письма. О томъ, чтобы „Искра“ высказалась „противъ летучей агитаціонной литературы“, не было и рѣчи; „замѣна“ газетою „летучихъ листковъ“ никому и въ голову не приходила. Авторъ письма не замѣтилъ, что летучіе листки — это и есть прокламаціи. Что такой родъ литературы, какъ прокламаціи, ничѣмъ незамѣнимъ и всегда будетъ безусловно нуженъ, — въ этомъ и „рабочіе съ юга“ и „Искра“ были вполнѣ согласны. Но они были согласны и въ томъ, что этого рода литературы недостаточно. Если мы говоримъ о хорошемъ жилищѣ для рабочихъ, соглашаясь, что хорошей пищи имъ недостаточно, то это навѣрное не значитъ, чтобы мы были „противъ“ хорошей пищи. Спрашивается, каковъ же болѣе высокій видъ агитаціонной литературы? „Рабочіе съ юга“, поставивъ этотъ вопросъ, ни словомъ не упомянули о газетѣ. Это умолчаніе могло, конечно, зависѣть отъ мѣстныхъ условій и, нисколько не думая „спорить“ съ нашими корреспондентами, мы не могли, естественно, не напомнить имъ, что пролетаріатъ тоже долженъ поставить свою газету, какъ сдѣлали уже другіе классы населенія; — что недостаточно одной раздробленной работы, а необходимо регулярная, активная, общая работа всѣхъ мѣстностей надъ революціоннымъ органомъ.

Что же касается „брошюръ въ 3-4 стр.“, то мы и „противъ“ нихъ отнюдь не высказались, а только усумнились въ практичности плана создать изъ нихъ регулярную литературу, распространяемую „одновременно по всей Россіи“. При объемѣ въ 3-4 страницы это будутъ, въ сущности, тѣ же прокламаціи. Мы имѣемъ со всѣхъ концовъ Россіи много очень хорошихъ и нисколько не тяжеловѣсныхъ прокламацій, и студенческихъ, и рабочихъ, которыя равняются даже 6-8 стран. малаго формата. А дѣйствительно популярная брошюра, способная разъяснить даже совсѣмъ не подготовленному рабочему хоть какой-нибудь отдѣльный вопросъ, будетъ, навѣрное, гораздо больше объемомъ, и распространять ее „одновременно по всей Россіи“ не будетъ ни возможности, ни надобности (въ виду ея не-временнаго значенія). Вполнѣ признавая всѣ и всякіе, старые и новые, виды политической литературы, будь это только дѣйствительно хорошая политическая литература, мы бы, съ своей стороны, совѣтовали работать не надъ выдумкой средняго типа между летучими листками и популярной брошюрой, а надъ революціоннымъ органомъ, заслуживающимъ на дѣлѣ названіе періодическаго (т. е. выходящаго не разъ въ мѣсяцъ, а по меньшей мѣрѣ, два-четыре раза въ мѣсяцъ) и общерусскаго.

Намъ пишутъ:

„Идя на встрѣчу нуждамъ революціонной партіи, „Искра“ въ № 14 помѣстила статью „О демонстраціяхъ“. Одно мѣсто этой статьи, однако, можетъ подать поводъ, вслѣдствіе своей неопредѣленности, къ очень печальнымъ недоразумѣніямъ. Я имѣю въ виду ту часть, которая говоритъ о необходимости „отпора“. Что понимаетъ редакція подъ этимъ словомъ? Среди революціонеровъ рождаются теперь голоса, что демонстраціи должны быть вооруженными. То-ли разумѣетъ редакція подъ словомъ „отпоръ“? Если редакція думаетъ, что на демонстраціи не слѣдуетъ являться съ голыми руками, а съ палками и кистенями, такъ это само собою понятно и до сихъ поръ такъ и дѣлалось. Разъясненія тѣмъ болѣе необходимы, что сторонники вооруженнаго отпора мотивируютъ свое мнѣніе приблизительно такъ же, какъ и авторъ статьи „О демонстраціяхъ“. — Просимъ поэтому редакцію обратить вниманіе на настоящее письмо и отвѣтить. Читатель“.

Въ статьѣ, о которой говоритъ авторъ письма, прежде всего настоятельно подчеркивается необходимость придать демонстраціямъ массовой характеръ, и всѣ совѣты относительно организаціи сопротивленія имѣли въ виду наличность массы демонстрантовъ. Участникамъ демонстраціи, если ихъ соберется, скажемъ, всего нѣсколько сотъ человѣкъ, мы не можемъ преподать никакихъ совѣтовъ объ организаціи сопротивленія: послѣднее, вообще, будетъ безплодно, и при желаніи властей демонстрація превратится въ зрѣлище избіенія демонстрантовъ.

Другое дѣло — демонстрація, въ которой приняли участіе массы. Въ этомъ случаѣ хорошая организація и подготовка демонстраціи можетъ содѣйствовать тому, чтобы отпоръ демонстрантовъ насиліямъ полиціи и солдатъ, безъ котораго никогда не обходится дѣло, былъ не безпорядочнымъ и не безуспѣшнымъ. Но организація отпора полицейскому насилію не означаетъ вовсе провоцированія солдатъ на стрѣльбу. Подготовить отпоръ — это значитъ: организовать извѣстную часть демонстрантовъ такъ, чтобы она могла во время столкновенія съ полиціей вліять на всю толпу, удерживая ее какъ отъ безпорядочнаго бѣгства, такъ и отъ отчаянныхъ вспышекъ, могущихъ сдѣлать неизбѣжнымъ кровопролитіе, и тѣмъ самымъ удесятеряя значеніе кистеней, палокъ и т. п., какъ оборонительнаго оружія. Задача организаторовъ и руководителей демонстраціи — не дать торжествовать усмирителямъ, т. е. не допустить, чтобы правительственная расправа съ демонстрантами вызвала въ массахъ панику. Этотъ нежелательный результатъ можетъ быть достигнутъ точно также неорганизованностью отпора со стороны демонстрантовъ, какъ и несвоевременнымъ употребленіемъ съ ихъ стороны такого сильнаго средства самозащиты, какимъ является вооруженное сопротивленіе. Къ послѣднему мы могли бы призывать только въ томъ случаѣ, если бы были увѣрены, что находимся непосредственно „наканунѣ революціи“, что организованное сраженіе народа съ войсками должно превратиться въ народное возстаніе. Какъ показываетъ ясно наша статья въ № 14, мы не считаемъ раціональной тактику, основанную цѣликомъ на такой надеждѣ. Мы думаемъ, напротивъ, что намъ надо еще много и много поработать для того, чтобы имѣть право на такую надежду. Между прочимъ, намъ надо еще воспитать массу демонстраціями, подготовить ее къ дѣйствіямъ на улицѣ, и ставить на карту будущность демонстраціоннаго движенія, рискуя своей опрометчивостью вызвать бойню, которой можно избѣжать, намъ во всякомъ случаѣ не приходится.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ.

Въ Петербургѣ у одного кадета морского корпуса нашли „Искру“ и исключили изъ училища.

Въ Николаевѣ 21 января были аресты; взято три рабочихъ и одинъ интеллигентъ.

Въ с. Васильевскомъ близь Ив.-Вознесенска на Рождествѣ были аресты и обыски.

Въ Н.-Новгородѣ аресты продолжаются. Взяты: портной Орловъ, студентъ и вольноопредѣляющійся Мойсеевы и чертежникъ Матвѣевъ. У вольноопредѣляющихся производятся обыски. Имъ воспрещено жить на частныхъ квартирахъ.

Помѣщикъ Бончъ-Осмоловскій сосланъ въ Вост. Сиб. на 4 г.

Ссррр. Просимъ сообщить новый адресъ для писемъ.

307н. Не имѣли отъ васъ ни писемъ, ни корреспонденцій; почти всѣ листки (кромѣ чайныхъ) не получены: усердно просимъ прислать все, что имѣете. Просимъ вашему сочувствію придать болѣе реальное выраженіе. Неправильность перепески приноситъ ущербъ намъ и вамъ. Не можетъ-ли чего сообщить о своемъ родномъ городѣ вашъ новый товарищъ. Получили отъ Л. Х. Ч. краткое сообщеніе о васъ; желаемъ вамъ успѣха. Не забывайте же насъ!

Изъ Волжской столицы — 60 р., оттуда же „отъ иностранца“ 100 р., „съ Волги“ 140 руб.

Изъ Цюриха 28 франка, изъ Льежа 106 фр. 30 сант.

Типографія „Искры“.

ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 17 — 15-го ФЕВРАЛЯ 1902 ГОДА. — № 17

ПРИЗНАКИ БАНКРОТСТВА.

Всего только годъ прошелъ съ того времени, какъ пуля Карповича, уложивъ Боголѣпова, очистила мѣсто „новому курсу“ въ области университетской политики правительства. Въ теченіе этого года мы послѣдовательно наблюдали необыкновенный подъемъ общественнаго возмущенія, необыкновенную ласковость тона въ рѣчахъ нашихъ правителей, слишкомъ обыкновенное, къ сожалѣнію, увлеченіе общества этими новыми рѣчами, увлеченіе, охватившее и извѣстную часть студенчества, и, наконецъ, вслѣдъ за осуществленіемъ пышныхъ обѣщаній Ванновскаго — новый взрывъ студенческаго протеста. Для тѣхъ, кто прошлой весной ожидалъ „новой эры“ и серьезно вѣрилъ, что царскій фельдфебель осуществитъ хотя бы въ малой дозѣ упованія студентовъ и общества, — словомъ, для русскихъ либераловъ должно быть теперь ясно, какъ неправы они были, лишній разъ даровавъ правительству кредитъ, какъ мало было основанія пріостанавливать весной начавшее принимать внушительныя формы движеніе въ пользу реформы и дать себя убаюкать сладкими пѣснями правительственныхъ сиренъ. Послѣ того, какъ нарушено было обѣщаніе вернуть въ университеты всѣхъ пострадавшихъ въ прошломъ году, послѣ того, какъ рядомъ новыхъ реакціонныхъ мѣръ брошенъ вызовъ всѣмъ тѣмъ, кто требовалъ дѣйствительной реформы учебныхъ порядковъ, послѣ ряда новыхъ кулачныхъ расправъ надъ демонстрантами, требовавшими отъ злостнаго банкрота исполненія данныхъ имъ обязательствъ, — послѣ всего этого правительство „сердечнаго попеченія“ опубликовываетъ задуманныя въ видахъ „умиротворенія“ „временныя правила“ о студенческихъ организаціяхъ и... вмѣсто „умиротворенія“ получаетъ картину общаго пожара „безпорядковъ“, охватившаго снова всѣ учебныя заведенія.

Мы, революціонеры, ни на минуту не повѣрили въ серьезность обѣщанныхъ Ванновскимъ реформъ. Мы не переставали твердить либераламъ, что циркуляры „сердечнаго“ генерала и рескрипты Николая Обманова представляютъ лишь новое проявленіе все той же либеральной политики, въ которой самодержавіе успѣло искуситься за 40-лѣтній періодъ борьбы съ „внутреннимъ врагомъ“, т. е. со всѣми прогрессивными элементами Россіи. Мы предостерегали либераловъ отъ тѣхъ „безсмысленныхъ мечтаній“, которымъ они начали поддаваться послѣ первыхъ же шаговъ правительства въ духѣ „новаго курса“, мы разоблачали всю завѣдомую лживость правительственныхъ посуловъ и говорили обществу: если твой противникъ ошеломленъ первымъ серьезнымъ натискомъ, не уставай наносить ему новые удары, удваивай ихъ силу и ихъ частоту... Та каррикатура на право организацій, которая нынѣ преподнесена студентамъ „временными правилами“, предсказывалась революціонерами съ самаго начала разговоровъ объ этомъ новомъ подаркѣ правительства. Мы знали, чего можно и должно ждать отъ самодержавія и его реформаторскихъ потугъ. Мы знали, что никого и ничего не „умиротворитъ“ Ванновскій, что никакихъ прогрессивныхъ надеждъ онъ не удовлетворитъ и что „безпорядки“ неизбѣжно возобновятся въ той или другой формѣ.

Годъ прошелъ, и общество стоитъ у той же мертвой точки. Полагающіяся въ благоустроенномъ государствѣ высшія учебныя заведенія снова отказываются функціонировать. Снова десятки тысячъ молодежи выбито изъ обычной колеи, и снова передъ обществомъ поставленъ тотъ же вопросъ: „что же дальше?“

Значительное большинство студентовъ отказывается принимать „временныя правила“ и разрѣшенныя ими организаціи. Профессора съ большей, чѣмъ у нихъ принято, опредѣленностью выражаютъ явное недовольство этимъ даромъ правительства. И, право, не нужно быть революціонеромъ, не нужно быть радикаломъ, чтобы признать, что такая, съ позволенія сказать, „реформа“ не только не даетъ студентамъ чего-либо, похожаго на свободу, но и никуда не годна съ точки зрѣнія введенія въ университетскую жизнь какого-нибудь спокойствія. Да развѣ не ясно съ перваго взгляда на эти „временныя правила“, что ими заранѣе создается цѣлый рядъ поводовъ къ столкновеніямъ между студентами и властями? Развѣ не очевидно, что введеніе въ жизнь этихъ правилъ грозитъ изъ каждой сходки, легально созванной по самому мирному поводу, сдѣлать исходный пунктъ новыхъ „безпорядковъ“? Можно-ли сомнѣваться, напр., что исполняющая полицейскія функціи инспекція своимъ предсѣдательствомъ на сходкахъ должна вѣчно раздражать однихъ, провоцировать на протестъ другихъ, нагонять трепетъ и сковывать уста третьимъ? И развѣ не ясно, что русское студенчество не станетъ терпѣть, чтобы содержаніе преній на этихъ сходкахъ грубо опредѣлялось „усмотрѣніемъ“ начальства?

А, между тѣмъ, дарованное правительствомъ „право“ сходокъ и организацій въ томъ нелѣпомъ видѣ, въ какомъ оно создано „временными правилами“, есть максимумъ того, что самодержавіе можетъ дать студентамъ, оставаясь самодержавіемъ. Всякій дальнѣйшій шагъ въ этомъ направленіи означалъ бы самоубійственное нарушеніе того равновѣсія, на которомъ покоятся отношенія власти къ „подданнымъ“. Или примириться съ этимъ возможнымъ для правительства максимумомъ или усилить политическій, революціонный характеръ своего протеста, — вотъ дилема, которую приходится рѣшать студентамъ. И большинство ихъ принимаетъ второе рѣшеніе. Рѣзче, чѣмъ когда-либо прежде, звучитъ въ студенческихъ воззваніяхъ и резолюціяхъ революціонная нота. Политика чередованія звѣрскихъ расправъ и іудиныхъ поцѣлуевъ дѣлаетъ свое дѣло и революціонизируетъ студенческую массу.

Да, студенты такъ или иначе порѣшили поставленный передъ ними вопросъ и заявили, что отложенное въ сторону (подъ вліяніемъ убаюкивающихъ пѣсенъ) оружіе они снова готовы взять въ руки. Но что же намѣрено дѣлать общество, которое успѣло, поди, вздремнуть подъ звуки этихъ предательскихъ пѣсенъ? Отчего оно продолжаетъ молчать и „втихомолку сочувствовать“? Отчего ничего не слышно объ его протестахъ, объ его активной поддержкѣ возобновившихся волненій? Неужели оно готово „спокойно“ ждать наступленія тѣхъ неизбѣжныхъ трагическихъ явленій, которыми до сихъ поръ сопровождалось всякое студенческое движеніе? Неужели оно думаетъ ограничиться жалкою ролью счетчика жертвъ борьбы и пассивнаго зрителя ея потрясающихъ картинъ? Отчего не слышно голоса „отцовъ“ въ то время, когда „дѣти“ недвусмысленно заявили свое намѣреніе принести новыя жертвы на алтарь русской свободы? Отчего наше общество не поддерживаетъ студентовъ хотя бы такъ, какъ ихъ уже поддержали рабочіе? Вѣдь не ихъ, не пролетаріевъ сыновья и братья обучаются въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, а между тѣмъ рабочіе и въ Кіевѣ, и въ Харьковѣ, и въ Екатеринославѣ уже заявили открыто свое сочувствіе протестантамъ, не взирая на рядъ „предупредительныхъ мѣръ“ полицейскихъ властей, не смотря на ихъ угрозы пустить въ ходъ противъ демонстрантовъ вооруженную силу. Неужели это проявленіе революціоннаго идеализма русскаго пролетаріата не повліяетъ на поведеніе общества, кровно и непосредственно заинтересованнаго въ судьбѣ студентовъ, и не подвинетъ его на энергичный протестъ?

Студенческіе „безпорядки“ этого года начинаются при довольно благопріятныхъ предзнаменованіяхъ. Сочувствіе „толпы“, „улицы“ имъ обезпечено. Было бы преступной ошибкой со стороны либеральнаго общества, еслибъ оно не приложило всѣхъ усилій для того, чтобы своевременно оказанной студентамъ поддержкой деморализовать окончательно правительство и вынудить у него дѣйствительныя уступки.

Ближайшее будущее покажетъ, насколько наше либеральное общество способно къ такой роли. Отъ рѣшенія этого вопроса зависитъ въ значительной степени исходъ нынѣшняго студенческаго движенія. Но каковъ бы ни былъ этотъ исходъ, одно остается несомнѣннымъ: возобновленіе общестуденческихъ безпорядковъ послѣ столь короткаго періода спокойствія является признакомъ политическаго банкротства современнаго строя. Въ теченіе трехъ лѣтъ университетская жизнь не можетъ войти въ колею, учебныя занятія ведутся урывками, одно изъ колесъ государственнаго механизма перестаетъ дѣйствовать и, безпомощно повертѣвшись нѣкоторое время, снова на долго останавливается. И не можетъ быть теперь никакого сомнѣнія въ томъ, что въ предѣлахъ современнаго политическаго режима нѣтъ средствъ для радикальнаго исцѣленія этого недуга. Покойникъ Боголѣповъ попытался спасти отечество „героическимъ“ средствомъ, заимствованнымъ изъ арсенала допотопной, Николаевской, медицины. Извѣстно, что вышло изъ примѣненія этого средства. Очевидно, что въ этомъ направленіи дальше идти нельзя. Теперь потерпѣла фіаско политика заигрыванія со студентами. А, вѣдь, кромѣ насилія и заигрыванія третьяго пути нѣтъ. И каждое новое проявленіе этого несомнѣннаго банкротства современнаго режима будетъ все глубже и глубже подтачивать его основы, лишая правительство въ глазахъ индифферентныхъ обывателей всякаго авторитета, умножая число лицъ, сознающихъ необходимость борьбы съ нимъ.

Да, банкротство самодержавія несомнѣнно и оно спѣшитъ сообщить о немъ всему міру. Развѣ не объявленіемъ о банкротствѣ является провозглашеніе „усиленной охраны“ въ доброй трети имперіи и одновременное выступленіе мѣстныхъ властей во всѣхъ концахъ Россіи съ „обязательными постановленіями“, воспрещающими подъ угрозой усиленныхъ наказаній поступки, и безъ того не разрѣшенные русскими законами? По самому существу своему всякія исключительныя правила, отмѣняющія дѣйствіе общихъ законовъ, предполагаются дѣйствующими въ ограниченныхъ предѣлахъ времени и мѣста. Предполагается, что чрезвычайныя условія требуютъ временнаго примѣненія въ опредѣленной мѣстности чрезвычайныхъ мѣръ для того, чтобы водворить то нарушенное равновѣсіе, при которомъ возможно безпрепятственное дѣйствіе общихъ законовъ. Таково разсужденіе представителей современнаго режима. Вотъ уже 20 слишкомъ лѣтъ, какъ введено положеніе объ усиленной охранѣ. 20 лѣтъ дѣйствія его въ главныхъ центрахъ имперіи не повели къ „умиротворенію“ страны, къ возстановленію общественнаго порядка. Послѣ 20 лѣтъ примѣненія этого сильно дѣйствующаго средства оказывается, что болѣзнь „неблагонадежности“, для борьбы съ которой создано оно, распространилась такъ далеко и пустила такіе глубокіе корни, что примѣненіе его необходимо распространить на всѣ сколько-нибудь значительные города и фабричные центры! Это-ли не банкротство, открыто заявляемое самимъ банкротомъ? Убѣжденные защитники современнаго строя (такіе, несомнѣнно, имѣются) должны съ ужасомъ думать о томъ, какъ населеніе понемногу привыкаетъ къ этому сильно дѣйствующему средству и становится нечувствительнымъ къ вспрыскиваніямъ новыхъ дозъ его.

А въ то же время, уже помимо воли правительства, выясняется банкротство его экономической политики. Хищническое хозяйство самодержавія покоилось на чудовищной эксплуатаціи крестьянства. Это хозяйство предполагало, какъ неизбѣжное послѣдствіе, повторяющіяся отъ времени до времени голодовки крестьянъ той или иной мѣстности. Въ эти моменты хищникъ-государство пробовало парадировать передъ населеніемъ въ свѣтлой роли заботливаго кормильца имъ же обобраннаго народа. Съ 1891 года голодовки стали гигантскими по количеству жертвъ, а съ 1897 г. почти непрерывно слѣдующими одна за другой. Въ 1892 г. Толстой съ ядовитой насмѣшкой говорилъ о томъ, что „паразитъ собирается накормить то растеніе, соками котораго онъ питается“. Это была, дѣйствительно, нелѣпая идея. Нынче времена перемѣнились и съ превращеніемъ голодовки въ нормальное состояніе деревни нашъ паразитъ не столько носится съ утопической мыслью накормить ограбленное крестьянство, сколько объявляетъ самую эту мысль государственнымъ преступленіемъ. Цѣль достигнута — нынѣшній грандіозный голодъ проходитъ при необычайной даже у насъ обстановкѣ гробового молчанія. Не слышно стоновъ голодающихъ крестьянъ, нѣтъ попытки общественной иниціативы въ борьбѣ съ голодомъ, газеты молчатъ о томъ, что дѣлается въ деревнѣ. Завидное молчаніе, но не чувствуютъ-ли гг. Сипягины, что это спокойствіе чрезвычайно напоминаетъ затишье передъ грозой?

Государственный строй, искони державшійся на пассивной поддержкѣ милліоновъ крестьянства, привелъ послѣднее къ такому состоянію, при которомъ оно изъ года въ годъ оказывается не въ состояніи прокормиться. Это соціальное банкротство монархіи гг. Обмановыхъ не менѣе поучительно, чѣмъ ея политическое банкротство.

Когда же наступитъ ликвидація дѣлъ нашего злостнаго банкрота? Долго-ли еще ему удастся жить изо дня въ день, заплатывая дыры въ своемъ политическомъ и финансовомъ бюджетѣ кожей съ живого тѣла народнаго организма? Отъ многихъ факторовъ будетъ зависѣть большая или меньшая продолжительность отсрочки, которую дастъ исторія нашему банкроту; но однимъ изъ важнѣйшихъ будетъ та степень революціонной активности, которую проявятъ люди, сознавшіе полное банкротство современнаго режима. Его разложеніе подвинулось очень далеко, оно значительно опередило политическую мобилизацію тѣхъ общественныхъ элементовъ, которымъ приходится быть его могильщиками. Эта политическая мобилизація всего вѣрнѣе будетъ совершена революціонной соціальдемократіей, которая одна будетъ въ силахъ нанести самодержавію смертельный ударъ. Новая схватка студентовъ съ правительствомъ даетъ всѣмъ намъ возможность и возлагаетъ на насъ обязанность ускорить это дѣло мобилизаціи всѣхъ общественныхъ силъ, враждебныхъ самодержавію. Въ политической жизни мѣсяцы военнаго времени зачисляются исторіей за годы. А время, переживаемое нами, дѣйствительно — военное время.

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

МАРТИРОЛОГЪ „СЕРДЕЧНАГО ПОПЕЧЕНІЯ“.

„Нижегородское землячество постановило опубликовать во всеобщее свѣдѣніе списокъ студентовъ и курсистокъ нижегородцевъ, до сихъ поръ не возвращенныхъ въ учебныя заведенія. Общее число арестованныхъ и не возвращенныхъ въ учебныя заведенія 52. Изъ нихъ въ самомъ Н.-Новгородѣ находится теперь 40 чел.

Московскій университетъ: Б. и В. Морковины и С. Корсакъ — подъ слѣдствіемъ; Затинщиковъ, Моисеевъ Б. — 2 г. высылки, въ настоящее время арестованы); Моисеевъ С. (арест.), Сыпинъ — 2 г. выс.; Пятакинъ — 1 г. выс.; Граціановъ — подъ слѣдствіемъ; Галоненъ — 1 г. выс.

Томскій универс. Знаменскій и Виноградовъ — исключены; Старокотлицкій, Паршинъ, Александровъ, Малиновскій и Агаревъ — уволены безъ права поступленія въ Томскій ун. и до сихъ поръ не приняты.

Юрьевскій ун. Лепорскій. Успенскій, Мякишевъ, Лепорскій 2-ой — уволены до 20 янв. 1902 г.

Моск. Технол. учил. Ветчинкинъ — 2 г. высылки.

Кіев. Политех. Коварскій — подъ слѣдствіемъ.

Томскій Технич. Инст. Колосовъ (арест.) — 2 г. высылки.

Казанск. Ветер. Инст. Рюриковъ — подъ слѣдствіемъ.

СПБ. Технол. Инст. Чарушинъ — 2 г. выс.

Яросл. Лицей. Смирновъ — 2 г. выс.

Моск. акуш. курсы. Подсосова, Пиничевская, Ярошевская и Краснова — 2 г. гл. надз.; Кислова, Рюрикова, Лѣнивова — 1 г. выс.; Владимірская — подъ слѣдствіемъ.

СПБ. курсы Лесгафта. Комарова — 1 г. гл. надзора; Добролюбская и Косарева — 1 г. выс.; Малиновская — п. слѣдствіемъ; М. и В. Гайковичъ — 1 г. выс.

Бестужевск. курсы. С. Малиновская, Доброхотовы, А и С. и Кольбергъ — 1 г. гл. надзора.

Медичка Богушевская — 1 г. выс.

Гигіен. курсы. Симонова — 1 г. выс.

Ф. Гусева (Бест., выслана осенью 1900 г.) — 3 г. выс.

Ел. Граціанова, Игнатичева и Румянцева — 1 г. высылки.

За движеніе 1899 г. до сихъ поръ не возвращены:

СПБ. унив. Елпатьевскій — 3 г. выс.

Моск. унив. Яровицкій 3 г. выс.

Предлагаемъ другимъ землячествамъ также опубликовать списокъ извѣстныхъ имъ невозвращенныхъ товарищей.

10 января 1902 г. Нижегородское землячество.“

Что скажетъ г. Ванновскій въ отвѣтъ на это разоблаченіе лживости обѣщаній, данныхъ правительствомъ?

СТУДЕНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНІЕ.

„Временныя правила“ о студенческихъ организаціяхъ, какъ и слѣдовало ожидать, никого не могли удовлетворить. Вмѣсто свободы организоваться хотя бы только на почвѣ студенческихъ дѣлъ, студенты получили жалкое „право“ устраивать сходки подъ наблюденіемъ и предсѣдательствомъ лица, назначеннаго Правленіемъ Университета (при чемъ это лицо не должно быть непремѣнно профессоромъ, а можетъ принадлежать и къ ненавистной инспекціи), сходки, которыя могутъ обсуждать только вопросы, разрѣшенные правленіемъ, и могутъ распускаться предсѣдательствующимъ полицейскимъ... то-бишь, наблюдателемъ. Курсовые старосты не выбираются студентами, а назначаются начальствомъ изъ числа кандидатовъ, выбранныхъ студентами. Значительная часть студентовъ (первый семестръ) вовсе лишены права организацій и сходокъ. Если къ этому прибавить, что выставленныя студентами требованія свободнаго доступа въ университетъ всѣхъ, безъ различія національности, вовсе не были удовлетворены и что побоища въ Харьковѣ и Екатеринославѣ слишкомъ явно говорили объ общемъ духѣ „попеченія“, то не будетъ удивительнымъ, что послѣ Рождественскихъ каникулъ такъ-наз. „студенческіе безпорядки“ возобновились.

Приводимъ сообщеніе изъ Кіева:

21 января въ Политехническомъ институтѣ была сходка. Было признано дѣйствительнымъ постановленіе сходки 5 декабря. Директоръ Кирпичевъ сообщилъ, что дѣйствіе „временныхъ правилъ“ распространяется и на Институтъ, т. е. что имъ получены отъ Витте соотвѣтствующія „временныя правила“. Онъ сообщилъ объявленіе, которое на слѣдующій день раздавалось студентамъ университета. Это „предварительное объявленіе студентамъ“ говоритъ, что попечитель имѣетъ право закрыть въ случаѣ безпорядковъ высшее учебное заведеніе, и если занятій въ общей сложности не будетъ впродолженіе 4-хъ недѣль (а въ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ трехъ), то всѣ студенты высшихъ, начиная со второго курса, оставляются на второй годъ, а студенты перваго курса увольняются и принимаются вновь наравнѣ съ вновь поступающими, стало быть, въ спеціальныхъ учебн. завед. подвергаются испытаніямъ; въ университетѣ же, на многолюдныхъ курсахъ, гдѣ было бы недостаточно мѣста для пріема всѣхъ (и новичковъ, и старыхъ), — по конкурсу аттестатовъ. Второй параграфъ „предварительнаго объявленія“ разрѣшаетъ, когда занятія прекращены во всемъ учебномъ заведеніи, отдѣльнымъ курсамъ подавать прошенія о разрѣшеніи имъ заниматься. Нечего говорить, что это объявленіе вызвало негодованіе студентовъ. Слѣдуетъ еще замѣтить, что согласно „временнымъ правиламъ“, выданнымъ студентамъ Института, имъ не разрѣшаются общія сходки, которыя раньше разрѣшались.

По желанію студентовъ, Кирпичевъ телеграммой просилъ Витте закрыть Институтъ. Получилась въ отвѣтъ телеграмма, въ которой Витте выражаетъ сожалѣніе, что студенты Института подали примѣръ безпорядковъ, надѣется, что они еще „поддержатъ честь“ Института, и даетъ имъ трехнедѣльный срокъ. Всю эту недѣлю занятій въ Институтѣ не было. Огромное большинство профессоровъ не читало лекцій. Къ тѣмъ немногимъ, которые пробовали читать (въ ихъ числѣ Коноваловъ) была примѣнена обструкція.

Въ кіевскомъ университетѣ была созвана Союзнымъ Совѣтомъ общая сходка на 24. Прошла она довольно плохо. Оппозиція была сильная. Въ серединѣ обсужденій человѣкъ 30 покинуло аудиторію и устроило вторую сходку въ сосѣдней аудиторіи. Но, кромѣ нихъ, было и въ числѣ оставшихся много противъ забастовки. Въ результатѣ почти пятичасового обсужденія были приняты слѣдующія двѣ резолюціи:

„Мы, студенты Кіевскаго Университета, собравшись на сходку 24 января, постановили:

„1) Выразить свое презрѣніе министру нар. просвѣщенія, бросившему студенчеству гнусную подачку въ формѣ „Временныхъ правилъ“ отъ 22-го ноября 1901 г. Мы признаемъ, что „временныя правила“ не только не вносятъ въ студенческую жизнь никакихъ улучшеній, но отнимаютъ и опутываютъ цѣлой сѣтью все то, чего студенчеству удалось уже добиться путемъ долгой и упорной борьбы. Мы остаемся при прежней увѣренности, что правильное теченіе университетской жизни возможно только при широкой автономіи университетовъ и устраненіи изъ сферы университетской жизни жандармско-полицейскихъ тенденцій. Поэтому мы отказываемся принять „временныя правила“, удовлетворяющія скорѣе требованіямъ усовершенствованнаго сыска, чѣмъ нашимъ насущнѣйшимъ потребностямъ, нашимъ требованіямъ. 2) Послѣ того какъ сама жизнь указала единственный возможный путь для достиженія нашихъ завѣтныхъ цѣлей — путь борьбы; послѣ того какъ министерство и правительство окончательно дискредитировали себя своими невыполненными обѣщаніями или лицемѣрной политикой; послѣ рѣчей генерала Ванновскаго въ Москвѣ, послѣ массоваго увольненія и избіенія нашихъ Харьковскихъ товарищей, послѣ Екатеринославской бойни, послѣ опубликованія позорной „конституціи“ Ванновскаго, окончательно игнорирующей наши долголѣтнія требованія намъ остается только начать борьбу. Съ сегодняшняго дня объявляемъ Кіевскій университетъ закрытымъ; съ завтрашняго — 25-го января — начинаемъ забастовку, которая будетъ продолжаться, пока всѣ наши требованія не будутъ удовлетворены.

„Мы требуемъ: 1) Широкой автономіи университетовъ; 2) Пріема въ университеты всѣхъ лицъ, окончившихъ среднія учебныя заведенія безъ различія пола и національности; 3) Пріема въ университеты всѣхъ, пострадавшихъ товарищей, какъ нашего университета, такъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній“.

Между тѣмъ, раньше было объявлено, что 25, 26, 28, 29-го будутъ происходить курсовыя собранія въ присутствіи выбранной Совѣтомъ коммиссіи, въ которую входятъ по три профессора на каждый курсъ. Наканунѣ сходки членъ коммиссіи, проф. Морозовъ, объявлялъ на всѣхъ курсахъ медицинскаго факультета, а нѣкоторые другіе профессора на другихъ курсахъ, что ни Совѣтъ, ни коммиссія не принимаютъ и не могутъ принять „временныхъ правилъ“ въ ихъ теперешнемъ видѣ; особенно не могутъ они примириться съ §§ 6 и 8, приказывающими профессорамъ, назначеннымъ начальствомъ, присутствовать на курсовыхъ собраніяхъ и доносить начальнику заведенія о нарушеніяхъ порядка, уклоненіи отъ утвержденныхъ начальникомъ вопросовъ, подлежащихъ обсужденію. Совѣтъ, по словамъ членовъ коммиссіи, уже рѣшилъ ходатайствовать объ измѣненіи этихъ пунктовъ и коммиссія будетъ являться на курсы не для того, чтобы вводить „временныя правила“, а для того, чтобы студенты тоже могли ихъ обсудить, и такимъ образомъ къ голосу профессоровъ присоединится голосъ студентовъ. Не смотря на это, въ тотъ же день, медики 4 и 5 курсовъ значительнымъ абсолютнымъ большинствомъ приняли резолюцію, вполнѣ отвергающую „временныя правила“. Въ ней они высказываются противъ собраній при коммиссіи и перевыбора или только утвержденія старостъ.

Въ день сходки было вывѣшено объявленіе о томъ, что постановлено ходатайствовать объ измѣненіи §§ 6 и 8. По просьбѣ проф. Трубецкого (членъ коммиссіи), ему было разрѣшено говорить на сходкѣ. Въ длинной рѣчи онъ сказалъ, какъ смотритъ на свою задачу. Онъ указалъ опять-таки на то, что нѣтъ и рѣчи о принятіи „временныхъ правилъ“ во всемъ ихъ объемѣ; что ректоръ рѣшилъ утверждать старостой только того, кто получитъ наибольшее число голосовъ; что отъ полицейскихъ обязанностей профессора отказываются; что студенты не должны считать коммиссію своимъ врагомъ; что онъ хотѣлъ бы вмѣстѣ со студентами работать, чтобы сообща ходатайствовать объ измѣненіяхъ; что онъ будетъ оставаться профессоромъ лишь до тѣхъ поръ, пока будетъ надѣяться, что ему удастся хоть что-нибудь въ пользу студентовъ, и проч. Рѣчь профессора была встрѣчена рукоплесканіями, но затѣмъ одинъ ораторъ его основательно разбилъ.

25-го не было лекцій. Какъ и въ Институтѣ, оппозиція довольно сильна. На каждомъ курсѣ есть нѣкоторое число студентовъ, желающихъ слушать лекціи и принять коммиссію. Лишь путемъ упорной борьбы былъ проведенъ рядъ рѣшеній по курсамъ: бастовать, не производить выборовъ старостъ и не представлять на утвержденіе старыхъ.

Филологи составили исключеніе: на факультетскомъ собраніи они постановили принять „временныя правила“.

Большинство профессоровъ при первомъ требованіи прекратило лекціи. Флоринскаго, которому не могутъ иростить его участія въ коммиссіи, сдававшей въ прошломъ году въ солдаты, обструкціонисты прогнали свистками и ругательствами. Эйхельманъ заперся въ аудиторіи съ 8-ю слушателями. Взломали дверь и выгнали его. Забастовка врядъ-ли долго продержится. Самое лучшее, если закроютъ университетъ.

Послѣ сходки группа студентовъ чел. 100 или больше сожгли съ пѣніемъ передъ университетомъ экземпляры „временныхъ правилъ“. Проф. кн. Трубецкой въ знакъ протеста противъ „временныхъ правилъ“ вышелъ въ отставку.

Въ Петербургѣ отношеніе студентовъ къ „Временнымъ правиламъ“ столь же опредѣленное. Избранные студентами СПБ. университета еще въ ноябрѣ курсовые старосты должны были демонстративно сложить съ себя должность, такъ какъ получили отказъ на свое предложеніе созвать общую сходку для обсужденія новыхъ правилъ. Изъ 43 староств 33 подписали мотивированную резолюцію о своемъ отказѣ. Такимъ образомъ само начальство постаралось тотчасъ же показать сомнѣвающимся еще студентамъ, какъ „свободны“ дарованныя имъ организаціи.

Отъ выборовъ новыхъ старостъ почти всѣ курсы отказались. 5 февраля состоялась („незаконная“) общая сходка, на которой 1063 голосами противъ 5 при 26 воздержавшихся принята резолюція, требующая „свободы слова, гарантируемой личной неприкосновенностью“ и полной свободы студенческихъ организацій. 668 голосами противъ 118 при 72 воздержавшихся принято рѣшеніе объявить забастовку. Въ Технологическомъ Институтѣ студенты отказались принять „временныя правила“. На выборы по приглашенію начальства изъ 1200 студентовъ явилось только 200. Въ Лѣсномъ институтѣ на сходкѣ 330 чел. (изъ 500 общаго числа) отказъ отъ „временныхъ правилъ“ рѣшенъ единогласно. Въ Электротехническомъ институтѣ проведено то же рѣшеніе. Въ Военно-медицинской академіи сходка въ числѣ 255 чел. протестовала противъ учрежденныхъ недавно „лагерныхъ сборовъ“ для студентовъ — мѣра, расхваленная „Нов. Врем.“ и продиктованная стремленіемъ дать будущимъ врачамъ „военную выправку“. Медики рѣшили въ случаѣ, если требованіе объ отмѣнѣ этихъ сборовъ не будетъ уважено, начать забастовку. 15 участниковъ сходки исключены изъ Академіи, другіе отдѣлались выговоромъ и арестомъ.

1 февраля въ Институтѣ путей сообщенія большинствомъ 196 голосовъ противъ 19 принята слѣдующая резолюція:

„1) Событія на югѣ Россіи представляютъ собою новый актъ насилія надъ студенчествомъ; 2) „временныя правила“ не выдерживаютъ критики, какъ проектъ студенческихъ организацій, и представляютъ изъ себя попытку увлечь студенчество на путь позорныхъ компромисовъ; 3) обѣщанія возвратить пострадавшихъ товарищей не выполнены; 4) изъ этого слѣдуетъ, что не только не устранены причины прежнихъ движеній, но есть поводы, достаточные для возобновленія движенія въ СПБ.; 5) въ виду этого группа студентовъ Института путей сообщенія призываетъ петербургское студенчество къ борьбѣ за общественные принципы прежнихъ движеній: I. неприкосновеность личности и II. свобода слова и организаціи, требуя при этомъ возвращенія всѣхъ пострадавшихъ товарищей“.

6-го февраля студенты Горнаго Института приняли рядъ аналогичныхъ требованій большинствомъ 237 противъ 87 гол.

Въ Ригѣ въ январѣ за участіе въ безпорядкахъ исключено изъ Политехникума 16 студентовъ, изъ нихъ 5 безъ права поступленія въ какія-либо учебныя заведенія. 7 января сходка постановила отвергнуть „временныя правила“ и начать забастовку съ примѣненіемъ обструкціи. Вскорѣ въ одной аудиторіи примѣнили „химическую обструкцію“: разбили о потолокъ склянки съ сѣроводородомъ; лекціи прекратились.

Въ Харьковѣ бастуетъ Ветеринарный институтъ.

Томскіе студенты отказались отъ „временныхъ правилъ“ большинствомъ 222 голосовъ противъ 52. Здѣсь во главѣ движенія стоитъ „Студенческій центральный революціонный кружокъ“. Въ его прокламаціяхъ энергично проводится необходимость слить студенческое движеніе съ общей борьбой за политическую свободу и указывается на пролетаріатъ, какъ на главнаго борца за нее. Комитетъ сибирскаго соц.-дем. союза обратился съ воззваніемъ къ студентамъ, и центральный студенческій кружокъ въ отвѣтной прокламаціи выразилъ солидарность передового студенчества съ пролетаріатомъ.

Вообще, политическое и революціонное настроеніе замѣтно беретъ верхъ въ студенческомъ движеніи надъ умѣренно-академическомъ. Въ СПБ. во главѣ движенія стоитъ „касса радикаловъ“, объявляющая себя соц.-дем. группой. Политика обмановъ, проводимая министерствомъ Ванновскаго, замѣтно революціонизировала „лѣвую“ часть студенчества. Соотвѣтственно этому, „правая“ сторона пытается болѣе рѣзко, чѣмъ всегда, проявить свою вражду къ движенію. Извѣстно, что въ Харьковѣ она дошла до ходатайства передъ ректоромъ объ удаленіи студентовъ-евреевъ, какъ виновниковъ безпорядковъ. На одномъ изъ курсовъ харьковскаго университета старостой былъ избранъ еврей. Реакціонное меньшинство отказалось признать его старостой и бойкотомъ добилось того, что онъ отказался отъ должности. Эти реакціонныя замашки опираются, главнымъ образомъ, на студентовъ 1-го курса, — печальное свидѣтельство разврата, который сѣетъ наша средняя школа. Въ СПБ. „правая“ сторона составляла списокъ всѣхъ „неблагонамѣренныхъ“ студентовъ, чтобы представить его начальству и просить удалить ихъ для огражденія спокойствія въ университетѣ. Начальство, конечно, благосклонно отнеслось къ этой попыткѣ. Въ проскрипціонный списокъ было занесено 120 именъ, но что съ нимъ сталось, — неизвѣстно.

Въ заключеніе отмѣтимъ, что профессора повсюду выражаютъ недовольство тѣми правилами объ организаціяхъ, которыми Ванновскій думалъ „успокоить“ студентовъ.

ДЕМОНСТРАЦІЯ ВЪ КІЕВѢ.

3 февраля.

Пишу подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ видѣннаго. Это было только вчера, и уличная картина ярко рисуется у меня передъ глазами.

Дня за три до второго февраля по городу распространялись листки отъ Комитета соц.-дем. рабочей партіи и отъ Комитета соціалистовъ-революціонеровъ. Листки призывали къ демонстраціи на Крещатикѣ въ 12 час. 2 февраля. Я явился на Крещатикъ ранѣе 12 час. Вся правая сторона Крещатика (обычное мѣсто прогулки кіевлянъ) отъ Прорѣзной до Фундуклеевской была покрыта тѣсной толпой публики. Значительно рѣже

ФЕЛЬЕТОНЪ

ИЗЪ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ РОССІИ.

Подъ этимъ общимъ заглавіемъ мы намѣрены періодически помѣщать, по мѣрѣ накопленія матеріала, статьи и замѣтки, посвященныя характеристикѣ, съ марксистской точки зрѣнія, всѣхъ сторонъ экономической жизни и экономическаго развитія Россіи. Теперь, когда „Искра“ начала выходить два раза въ мѣсяцъ, недостатокъ такого отдѣла чувствуется особенно сильно. Но мы должны при этомъ обратить серьезнѣйшее вниманіе всѣхъ товарищей и сочувствующихъ нашимъ изданіямъ лицъ на то, что веденіе (сколько-нибудь правильное) этого отдѣла требуетъ особенно богатаго матеріала, а редакція наша поставлена въ этомъ отношеніи въ исключительно-неблагопріятныя условія. Легальный писатель и представить себѣ не можетъ, о какія иногда элементарнѣйшія препятствія разбиваются намѣренія и стремленія писателя „подпольнаго“. Не забывайте же, господа, что мы не можемъ отправиться въ Императорскую Публичную Библіотеку, гдѣ къ услугамъ журналиста имѣются десятки и сотни спеціальныхъ изданій и мѣстныхъ газетъ. А вѣдь матеріалъ для экономическаго отдѣла, сколько-нибудь приличествующаго „газетѣ“, т, е. сколько-нибудь живого, злободневнаго, интересующаго и читателя и писателя, — такой матеріалъ разбросанъ именно по мелкимъ мѣстнымъ газеткамъ и спеціальнымъ изданіямъ, изъ корыхъ большая часть либо недоступна по цѣнѣ, либо вовсе не поступаетъ въ продажу (изданія правительственныя, земскія, медицинскія и т. п.). Поэтому сколько-нибудь правильная постановка экономическаго отдѣла возможно исключительно при томъ условіи, если всѣ читатели нелегальной газеты будутъ поступать сообразно правилу: „съ міру по ниткѣ — голому рубашка“. И, преодолѣвая ложный стыдъ, редакція „Искры“ должна сознаться, что она въ этомъ отношеніи ходитъ почитай-что совсѣмъ голая. Мы увѣрены, что масса нашихъ читателей имѣетъ возможность слѣдить и на самомъ дѣлѣ слѣдитъ „для себя“ за самыми разнообразными спеціальными и мѣстными изданіями. Только тогда, когда каждый такой читатель каждый разъ, когда онъ встрѣтитъ интересный матеріалъ, будетъ задавать себѣ вопросъ: а есть-ли этотъ матеріалъ въ редакціи нашей газеты? что я сдѣлалъ для того, чтобы ознакомить ее съ этимъ матеріаломъ? — только тогда мы добьемся того, чтобы всѣ выдающіяся явленія въ экономической жизни Россіи оцѣнивались не только съ точки зрѣнія казеннаго, ново-временскаго, виттевскаго славословія, не только ради традиціоннаго либерально-народническаго нытья, а и съ точки зрѣнія революціонной соціалдемократіи.

Ну, а теперь, — послѣ этого нелиберальнаго нытья, — теперь перейдемъ къ дѣлу.

I. Сберегательныя кассы.

Сберегательныя кассы — одинъ изъ самыхъ излюбленныхъ въ послѣднее время поводовъ для славословія. Только этимъ пользуется не одно виттевское, а также и „критическое“ славословіе. Давиды и Герцы, Черновы и Булгаковы, Прокоповичи и Тотоміанцы, однимъ словомъ, всѣ сторонники модной „критики марксизма“ (не говоря уже о солидныхъ профессорахъ, Каблуковыхъ и Карышевыхъ) на разные лады и голоса взываютъ: „толкуютъ эти ортодоксы о концентраціи капитала! — Да вотъ однѣ уже сберегательныя кассы показываютъ намъ децентрализацію капитала. Толкуютъ о ростѣ нищеты! А на самомъ дѣлѣ мы видимъ ростъ мелкихъ народныхъ сбереженій“.

Возьмемъ присланныя намъ однимъ добрымъ человѣкомъ оффиціальныя данныя о русскихъ сберегательныхъ кассахъ въ 1899 году и присмотримся къ нимъ поближе. Всего въ Россіи было въ 1899 г. 4781 государственная сберегательная касса, въ томъ числѣ 3718 почтово-телеграфныхъ и 84 фабрично-заводскихъ кассы. За пять лѣтъ (съ 1895 по 1899 г.) число кассъ возросло на 1189, т. е. на треть. Число вкладчиковъ за то же время поднялось съ 1664 тыс. до 3145 т., т. е. на полтора почти мил. (на 89%), сумма денежныхъ вкладовъ съ 330 мил. р. до 608 м. р., т. е. на 278 м. р. или на 84%. Итакъ, повидимому, гигантскій ростъ „народныхъ сбереженій“?

Но вотъ какое обстоятельство бросается при этомъ въ глаза. Изъ литературы о сберегательныхъ кассахъ извѣстно, что за 80-ые годы и начало 90-хъ всего быстрѣе шло возрастаніе суммы вкладовъ въ голодные годы, 1891 и 1892. Это съ одной стороны. А съ другой, — мы знаемъ, что за весь этотъ періодъ вообще, за 80-ые и 90-ые годы вмѣстѣ взятые, наряду съ ростомъ „народныхъ сбереженій“ шелъ поразительно-быстрый и острый процессъ обнищанія, разоренія и голоданія крестьянства. Чтобы понять, какъ могутъ совмѣщаться эти противорѣчивыя явленія, надо только припомнить, что самую главную особенность экономической жизни Россіи за указанный періодъ представляетъ ростъ денежнаго хозяйства. Увеличеніе же вкладовъ въ сберегательныя кассы указываетъ само по себѣ вовсе не на ростъ „народныхъ“ сбереженій вообще, а лишь на ростъ (иногда даже только на стягиванье въ центральныя учрежденія) денежныхъ „сбереженій“. Въ крестьянствѣ, напр, при переходѣ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному, вполнѣ возможно увеличеніе денежныхъ сбереженій при уменьшеніи всей суммы „народныхъ“ сбереженій. Крестьянинъ стараго закала держалъ свои сбереженія въ кубышкѣ, когда это были сбереженія денежныя, а большей частью эти сбереженія состояли изъ хлѣба, кормовъ, холста, дровъ и т. п. предметовъ „въ натурѣ“. Теперь у разореннаго и разоряемаго крестьянина нѣтъ ни натуральныхъ, ни денежныхъ сбереженій, а у ничтожнаго меньшинства богатѣющихъ крестьянъ скапливаются денежныя сбереженія и начинаютъ попадать въ государственныя сберегательныя кассы. Такимъ образомъ, вполнѣ объяснимъ на ряду съ ростомъ голодовокъ ростъ вкладовъ, знаменующій не повышеніе народнаго благосостоянія, а вытѣсненіе стараго, самостоятельнаго, крестьянина новой сельской буржуазіей, т. е. зажиточными мужичками, которые не могутъ вести хозяйство безъ найма батраковъ или поденщиковъ.

Интереснымъ косвеннымъ подтвержденіемъ сказаннаго являются данныя о распредѣленіи вкладчиковъ по роду занятій. Данныя эти относятся къ владѣльцамъ почти 3-хъ мил. (2942 тыс.) книжекъ съ суммой вкладовъ въ 545 мил. руб. Средній вкладъ оказывается равнымъ 185 руб. — какъ видите, сумма, ясно указывающая на преобладаніе среди вкладчиковъ тѣхъ, составляющихъ ничтожное меньшинство русскаго народа, „счастливцевъ“, которые имѣютъ родовое или благопріобрѣтенное имущество. Самые крупные вкладчики — духовенство: 46 м. р. по 137 т книжекъ, т. е. по 333 р. на книжку. Попеченіе о спасеніи души паствы — дѣло, должно быть, небезвыгодное... Затѣмъ землевладѣльцы: 9 м. р. на 36 т. кн., т. е. по 268 р. на кн.; далѣе — торговцы: 59 м. р. на 268 т. кн., т. е. по 222 р. на кн.; потомъ офицера — по 219 р. на кн., гражданскіе чиновники — по 202 р. Лишь на шестомъ мѣстѣ стоитъ „земледѣліе и сельскіе промыслы“: 640 т. кн. на сумму 126 м. р., т. е. по 197 р. на кн.; затѣмъ „занятія на частной службѣ“ — по 196 р.; „прочія занятія“ — по 186 р.; городскіе промыслы — по 159 р.; „услуженіе“ — по 143 р.; работа на фабрикахъ и заводахъ — по 136 р., и на послѣднемъ мѣстѣ „нижніе воинскіе чины“ — по 86 р.

Итакъ, фабрично-заводскіе рабочіе занимаютъ, въ сущности, послѣднее мѣсто по размѣру сбереженій (не считая солдатъ, содержимыхъ казной)! Даже прислуга имѣетъ болѣе высокій въ среднемъ размѣръ сбереженій (143 р. на кн. противъ 136 р.) и даетъ гораздо большее число вкладчиковъ. Именно: у прислуги 333 тыс. кн. на сумму 48 м. р., а у фабрично-заводскихъ рабочихъ — 157 т. кн. на сумму 21 мил. руб. Пролетаріатъ, создающій всѣ богатства нашей знати и нашихъ тузовъ, поставленъ въ худшія условія, чѣмъ ихъ личная прислуга! Изъ всего числа русскихъ фабрично-заводскихъ рабочихъ (не менѣе двухъ мил. чел.) только шестая приблизительно часть имѣетъ возможность дѣлать хотя бы самые ничтожные вклады въ сберегательныя кассы, — и это несмотря на то, что у рабочихъ весь доходъ исключительно денежный и имъ приходится часто содержать семью въ деревнѣ, вслѣдствіе чего ихъ вклады означаютъ большей частью вовсе не „сбереженія“ въ собственномъ смыслѣ слова, а просто суммы, отложенныя до слѣдующей посылки домой и т. п. Мы уже не говоримъ о томъ, что въ рубрику „работа на фабрикахъ и заводахъ“ попадали, вѣроятно, конторщики, мастера, надсмотрщики, однимъ словомъ, вовсе не настоящіе рабочіе.

Что касается до крестьянства, — если считать, что оно главнымъ образомъ объемлется рубрикой „земледѣліе и сельскіе промыслы“, — то у него средній размѣръ сбереженій оказывается, какъ мы видѣли, болѣе высокимъ, чѣмъ даже у состоящихъ на частной службѣ, и значительно превышаетъ средніе сбереженія „городского промышленника“ (т. е., вѣроятно, лавочника, ремесленника, дворника и т. п.). Очевидно, эти 640 тыс. крестьянъ (на все число около 10 мил. дворовъ или семей) съ 126 м. руб. въ сберегательныхъ кассахъ принадлежатъ исключительно къ крестьянской буржуазіи. Къ этимъ и еще развѣ къ ближайше соприкасающимся съ ними крестьянамъ только и относятся тѣ данныя о прогрессѣ сельскаго хозяйства, о распространеніи машинъ, о повышеніи культуры земли и уровня жизни и т. п., — данныя, которыя выдвигаютъ противъ соціалистовъ гг. Витте, чтобы доказать „ростъ народнаго благосостоянія“, гг. либералы (и „критики“) — чтобы опровергнуть „марксистскую догму“ о гибели и упадкѣ мелкаго производства въ земледѣліи. Эти господа не замѣчаютъ (или притворяются не замѣчающими) того, что упадокъ мелкаго производства какъ разъ и выражается въ томъ, что изъ мелкихъ производителей выдвигается ничтожное число богатѣющихъ на счетъ разоренія массы.

Еще болѣе интересны данныя о распредѣленіи общаго числа вкладчиковъ по величинѣ ихъ вкладовъ. Въ круглыхъ цифрахъ, это распредѣленіе таково: изъ трехъ милліоновъ вкладчиковъ

двигалась толпа отъ Прорѣзной до Думы и отъ Фундуклеевской до Бибикова бульвара. На противоположной сторонѣ Крещатика, какъ и обыкновенно, народу было гораздо меньше. Вдоль края тротуара, съ обѣихъ сторонъ Крещатика, вытянулась цѣпь городовыхъ, каждый шаговъ на 30 другъ отъ друга, въ перемежку съ квартальными. Главныя силы полицейскихъ чиновъ сосредоточились около гостинницы Бель-Вю и за почтой около двора № 22, гдѣ, какъ послѣ я узналъ, былъ скрытъ отрядъ казаковъ съ полсотни и пѣхоты не болѣе роты. Гулявшая публика, повидимому, чего-то поджидала. Лѣвая сторона Крещатика все гуще и гуще покрывалась самой разнообразной публикой, хотя вообще преобладала молодежь разныхъ званій и состояній. Приблизительно въ часъ дня съ правой стороны Крещатика почти противъ Лютеранской улицы и недалеко отъ гостинницы Бель-Вю отдѣлилась кучка въ нѣсколько человѣкъ и выступила на улицу. Къ очутившимся внѣ тротуара присоединилось еще нѣсколько чел., въ общемъ всего было чел. 25-30. Кто-то изъ нихъ развернулъ красное знамя съ надписью серебрянными буквами: „Долой самодержавіе!“ и крикнулъ: „Долой самодержавіе!“ Толпа, бывшая на тротуарѣ, громко закричала ура. На кучку демонстрантовъ почти моментально налетѣли квартальные и конные городовые. Приставъ, кажется извѣстный мерзавецъ Закусиловъ, схватилъ знамя. На него посыпались удары палками, а демонстрантовъ стали хлестать нагайками конные городовые. Приставу здорово досталось, послѣ онъ и не показывался, а знамя все-таки у него осталось. Утратили одно знамя демонстранты, развернули другое такое же и съ надписью. Кое-кто говоритъ, что на другомъ была надпись „Восьмичасовый рабочій день!“ Второе знамя также быстро было отнято. Силы демонстрантовъ не подкрѣплялись. На тротуарахъ только кричали ура и какъ будто напирали, чтобы вытѣснить публику за тротуаръ на улицу. Это мало помогало. Демонстрантовъ скоро смяли и окружили и загнали въ ближайшія ворота. Думаю, что было не болѣе 15-30 чел. А потомъ принялись преслѣдовать близь стоявшую публику. Били нагайками, палками (квартальные), шашками въ ножнахъ. Я видѣлъ, какъ ножны разлетались на части. Вся борьба съ демонстрантами у знамени продолжалась очень недолго, минуты двѣ, много три. Неподалеку отъ этого мѣста у такъ называемаго пассажа полиція тоже набросилась на толпу. Самой расправы я не видѣлъ, но видѣлъ, какъ съ того приблизительно пункта студенты политехники несли избитаго до потери сознанія своего товарища Вячеслава (?) Вольскаго. Впереди шелъ квартальный. Несшіе говорили, что Вольскій убитъ. Потомъ мнѣ пришлось слышать, что онъ пришелъ въ себя, но останется-ли онъ живъ, не знаю. Полицейскіе разошлись. Публика продолжала оставаться на Крещатикѣ. Черезъ нѣкоторое время появился отрядъ пѣхоты и остановился на углу Крещатика и Фундуклеевской. Вскорѣ показался фургонъ военнаго лазарета: видно, власти разсчитывали, что бойня будетъ изрядная. Прискакали казаки, а потомъ подъѣхалъ и генералъ Треповъ. На средину улицы старались никого не пропускать, а съ Крещатика на Фундуклеевскую преградили путь солдаты. Казаки маленькими кучками выѣзжали на троттуаръ и сообщали публикѣ движеніе въ ту или другую сторону. Останавливаться воспрещалось. Молчаливо-выжидательное настроеніе продолжалось съ полчаса. Пѣхоту почему-то передвинули съ угла Крещатика и Бибиковскаго бульвара. Казаки стали гарцовать по Крещатику. Большое количество публики потянулось вверхъ по Фундуклеевской. Говорятъ, около этого времени была большая свалка на Прорѣзной и на Ново-Елизаветинской. Я проѣхалъ по всему Крещатику, и вездѣ видѣлъ только массы двигавшейся публики. Пропасть народу виднѣлось на Прорѣзной, Фундуклеевской и Бибик. бульв. Часа въ два, стоя на углу Бибик. бульвара и Крещатика, я слышалъ отдаленые звуки ура и пошелъ по Бибиковкому бульвару. Громадныя толпы публики стояли съ обѣихъ сторонъ собственно бульвара, вытянувшись, главнымъ образомъ, по Владимірской. По Владимірской же ул. вдоль стѣны университета и почти до зданія военнаго окружного суда двигалась группа демонстрантовъ чел. въ 200. Тутъ были, главнымъ образомъ, рабочіе, но много и студентовъ. Кое-то изъ демонстрантовъ выкрикивалъ: „Долой самодержавіе!“ или „Да здравствуетъ свобода!“, а окружающіе подхватывали громко криками ура. Начинали пѣть, но довольно нескладно: „Смѣло друзья!“ Разъ только удалось услышать пропѣтыми два куплета подрядъ. Демонстранты и публика появились тутъ часа въ два и начали движеніе отъ угла Шулявской и Владимирской. Властей не было никакихъ: говорить и пѣть никто не мѣшалъ. Только часамъ къ тремъ появились казаки, потомъ Треповъ, а потомъ пѣхота. Производились аресты отдѣльныхъ личностей. Тутъ же въ присутствіи Трепова казакъ, сидя на лошади, схватилъ за воротникъ рабочаго, приподнялъ его и отъѣхалъ съ тротуара, нанося удары нагайкой, и другіе казаки стали его лупить. Другой рабочій почему-то не понравился Трепову, и тотъ крикнулъ „взять его!“; рабочій пытался было убѣжать, но его поймали и принялись бить нагайками. Въ это же почти время избили студента. Толпу стали оттѣснять на Владимірскую по направленію къ городскому театру. Было между 3 и 4. Масса публики стояла справа и слѣва по Влад. и возлѣ театра. Тутъ демонстрація приняла характеръ спорадическій. Въ собравшейся толпѣ кто-нибудь крикнетъ: „Долой самодержавіе!“, толпа отвѣтитъ громкимъ ура. Казаки пускаютъ своихъ лошадей въ аттаку и хлещутъ нагайками, кого попало. Побьютъ, иногда попутно поволокутъ кого-нибудь и разъѣдутся. Разсѣявшаяся толпа опять соединится, опять гдѣ-нибудь послышится ура или звуки „Смѣло друзья!“, и казаки съ верховыми городовыми снова приступаютъ къ исполненію своихъ обязанностей. Пока двери театра не были заперты, убѣгавшіе отъ казацкихъ нагаекъ могли прятаться въ театръ, но по окончаніи спектакля вскорѣ всѣ двери были заперты, и пришлось лишиться такого хорошаго убѣжища. Я ушелъ въ половинѣ пятаго, вернулся послѣ половины шестого. Демонстрація носила все тотъ же характеръ. Казаки и верховые городовые то налетали, то отступали. Главная масса публики и разсыпанные между ней демонстранты отодвинулись отъ театра по Фундуклеевской до Нестеровской. Около театра ходили власти, полицмейстеръ, нѣсколько приставовъ и казачій офицеръ въ высокой шапкѣ и отъ поры до времени давали приказанія то нападать, то отступать. Между 6 и $6^1/_2$ час. я былъ на Крещатикѣ. Тамъ народу было много, но тревожнаго элемента не было замѣтно. Въ 11 час. ночи Фундуклеевская носила обычный характеръ, и даже болѣе: движеніе было значительно меньше, чѣмъ обыкновенно. Число всѣхъ присутствовавшихъ около театра можно опредѣлить тыс. въ десять.

Демонстрацію врядъ-ли можно считать удачной. Замѣтна было недостаточность предварительной организаціонной подготовки. Въ противномъ случаѣ, принимая громадные размѣры публики и сравнительно ничтожные полиціи, едва-ли такъ скоро были бы уничтожены знамена и смяты выступившіе демонстранты. Рѣдко случается такое счастливое совпаденіе внѣшнихъ условій: хорошая погода и масса публики. — Къ счастью, у властей тоже не было, повидимому, опредѣленнаго плана дѣйствій. Массовыхъ арестовъ не видалъ, хотя по слухамъ они были. Я постарался записать все то, что мнѣ лично пришлось видѣть“.

Въ другомъ письмѣ о демонстраціи сообщается:

„Сегодня 2 февраля на Крещатикѣ, около часу дня, по данному сигналу (на углу Прорѣзной и Крещатика) образовалась посреди улицы толпа студентовъ университета и политехниковъ чел. въ 200, къ которымъ съ обѣихъ сторонъ улицы быстро сбѣгались рабочіе. Черезъ секунду надъ толпой взвилось красное знамя съ надписью „Свобода“; затѣмъ второе и третье знамя... Первое, обшитое золотой бахромой, величественно и плавно заколыхалось надъ толпой. Толпа зашумѣла, закричала что-то. Мгновенно прискакали конные полицейскіе, и началось избіеніе младенцевъ царемъ Иродомъ. Многіе получили серьезные ушибы, а студенту Вольскому нанесены тяжелыя раны. Раненъ также одинъ приставъ. Демонстранты были разсѣяны. Нѣкоторыхъ арестовали. Студентъ Вольскій замертво упалъ, пораженный палкой и ударомъ по головѣ шашкой. Нѣсколько студентовъ спаслось отъ нагаекъ въ ресторанѣ. Черезъ нѣсколько времени на углу Крещатика и Фундуклеевской образовалась группа демонстрантовъ. Демонстранты пошли вверхъ по Фундуклеевской съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ. Пѣли нестройно, но за то отчетливо кричали: „Долой самодержавіе!“ Съ Фундуклеевской свернули на Владимірскую и около Прорѣзной были избиты нагайками. На Фундуклеевской улицѣ снова образовалась толпа демонстрантовъ, которые съ пѣніемъ, свистомъ и криками поднялись вверхъ, пошли по Владимірской, мимо университета на Нижне-Владимірскую. Тутъ ихъ догнали казаки и войско. Часть ихъ жестоко избили, такъ что нѣкоторыя дамы, наблюдавшія бойню, падали въ обморокъ, а часть въ 40-60 чел. арестовали и отвели въ ближайшій участокъ. Послѣ сего казаки принялись разгонять толпу, но безуспѣшно. Любопытныхъ зрителей было чел. до 15.000; разогнать такую толпу трудно одной сотней казаковъ. Около университета на пересѣченіи Бибиковскаго бульвара и Владимірской улицы стояли плотныя толпы зрителей, среди которыхъ то тамъ, то сямъ образовывались группы рабочихъ и работницъ, пѣвшихъ, свистѣвшихъ и кричавшихъ: „Долой самодержавіе!“ Получалось такое впечатлѣніе, что протестуетъ вся эта огромная масса скопившагося народа. Тщетно метались казаки и полицейскіе, дефилировали по каждому слѣду солдаты, — толпа, разбитая въ одномъ углу, собиралась на другомъ, на третьемъ, четвертомъ, въ проулкахъ — и пѣла, кричала и свистала неудержимо. Среди зрителей сочувствіе на сторонѣ демонстрантовъ. Когда разнесся слухъ, что на углу Бибиковскаго бульвара и университета убили прикладами рабочаго, толпа глухо заволновалась и выразила сожалѣніе, что на демонстраціи идутъ безоружными, а одинъ извозецъ, увидѣвъ студентовъ, крикнулъ имъ: „Спасибо вамъ, панычи!“ Я ушелъ въ $3^1/_2$ ч. дня, а толпа демонстрантовъ и публики нисколько не убывала. Особенное впечатлѣніе производило не столько демонстрація на Крещатикѣ, сколько безпрерывная демонстрація на нѣсколькихъ улицахъ сразу, такъ что казаки и прочая сволочь не знали, что имъ дѣлать — бить-ли публику или только разгонять и оттѣснять.“

Третій очевидецъ сообщаетъ:

Кіевъ, 5-го февраля 1902 г.

Двухдневный „бунтъ“ въ Кіевѣ. Еще съ утра, за долго до начала демонстраціи, на улицахъ Кіева можно было замѣтить необычайное оживленіе: простолюдины говорили о готовящемся „бунтѣ“, а лица изъ „общества“ съ иронією распрашивали о предстоящей „революціи“. Издали доносился глухой звукъ барабана, — это маршируютъ по городу солдаты для устрашенія обывателей. Наканунѣ демонстраціи была распространена масса пригласительныхъ воззваній по городу, по фабрикамъ, заводамъ и мастерскимъ, въ учебныхъ заведеніяхъ; въ театрѣ онѣ тучами летѣли вмѣстѣ съ разноцвѣтными листками на бенефисѣ артистки Пасхаловой. Воззванія были выпущены: Росс. соц.-дем. раб. партіей, недавно образовавшимся комитетомъ „Рабочаго Знамени“, соц.-революц. и студенческимъ „Союзнымъ Совѣтомъ“. Прокламаціи первыхъ двухъ организацій были печатныя. Во всѣхъ прокламаціяхъ выставлялись требованія политической свободы, сверженія самодержавія. Такимъ образомъ, демонстрація этого года, какъ и прошлогодняя, носила общій антиправительственный характеръ и опиралась на союзъ учащейся молодежи съ пролетаріатомъ. Студенческая прокламація заканчивалась стихами, въ которыхъ подчеркивалась эта связь:

Пойдемъ къ рабочему народу:
Въ союзѣ съ нимъ насъ ждетъ успѣхъ;
Пойдемъ за братство, за свободу,
Пойдемъ за равенство для всѣхъ!“

Прокламація соц.-дем. комитета въ яркихъ выраженіяхъ обрисовала наше правительство: „оно всѣми средствами охраняетъ тотъ строй, при которомъ голодъ обездоленныхъ кормитъ богатыхъ, холодъ, отъ котораго дрожатъ рабочіе, грѣетъ эксплуататоровъ, слезы дѣтей пролетаріевъ драгоцѣнными камнями сіяютъ на одеждахъ тунеядцевъ“.... Далѣе цитируются слова государя, произнесенныя имъ въ этомъ году на съѣздѣ жандармовъ: „Надѣюсь, что связь, установившаяся между мной и корпусомъ жандармовъ, сказалъ „Ника-милуша“, будетъ крѣпнуть съ каждымъ годомъ“. Такимъ образомъ, разъясняетъ прокламація, „прежде русскіе цари лицемѣрно утверждали, что власть ихъ опирается на любовь народа, который тащилъ на своихъ утомленныхъ плечахъ раззолоченный тронъ тирана-самодержца. Но сознаніе проникаетъ въ массы рабочаго народа, и живой фундаментъ, на которомъ стоитъ тронъ самодержца, начинаетъ колебаться. Теперь царь не можетъ говорить, что онъ силенъ народной любовью, и всенародно признаетъ, что правитъ страной при помощи жандармовъ, правитъ кнутомъ и штыкомъ“. Изъ числа остальныхъ прокламацій слѣдуетъ отмѣтить еще прокламацію соц.-револ. къ офицерамъ, казакамъ и солдатамъ, которая была распространена въ большомъ количествѣ среди военныхъ. Наканунѣ демонстраціи жандармами были произведены обыски во всѣхъ казармахъ, при чемъ прокламаціи, какъ говорятъ, были найдены только у пѣхотинцевъ.

Демонстрація началась въ 12 час. Съ криками: „Долой самодержавіе!“ толпа, заполнившая тротуары Крещатика и состоявшая преимущественно изъ молодыхъ рабочихъ и студентовъ, бросилась на середину Крещатика и запрудила небольшой участокъ его, между Лютеранской ул. и Прорѣзной. Надъ этой толпой взвилось три красныхъ флага съ надписями: „Долой самодержавіе!“, „Свобода слова, печати, собраній!“ „Политическая свобода!“ Въ ту же минуту разсѣянные по всему Крещатику околодочные, городовые и конные стражники бросились на толпу и стали осыпать демонстрантовъ ударами нагаекъ и шашекъ. Знамена продержались не долго. Приставъ Закусиловъ первый устремился на конѣ къ знамени, нанося удары направо и налѣво, но черезъ мгновеніе у него осталось лишь кнутовище въ рукахъ, подъ ударомъ онъ свалился съ лошади и былъ отвезенъ

одинъ милліонъ имѣетъ вклады до **25** руб. У нихъ всего 7 м. р. (изъ 545 м. р., т. е. всего 12 коп. изъ каждыхъ 10 р. общей суммы вкладовъ!). Средній размѣръ ихъ вкладовъ — семь рублей. Значитъ, дѣйствительно мелкіе вкладчики, составляя треть общаго числа, обладаетъ лишь $^1/_{83}$ долей всѣхъ вкладовъ. Далѣе, вкладчики, имѣющіе отъ 25 до 100 руб., составляютъ пятую часть общаго числа (600 тыс.) и имѣютъ всего 36 м. руб., — въ среднемъ по 55 руб. Соединяя оба эти разряда, получаемъ, что больше половины вкладчиковъ ($1_{,6}$ мил. изъ 3 мил.) имѣютъ лишь 42 мил. руб. изъ 545, т. е. $^1/_{12}$. Изъ остальныхъ, состоятельныхъ вкладчиковъ, одинъ милліонъ имѣетъ отъ 100 до 500 р. — у нихъ всего 209 мил. руб., по 223 руб. на вкладчика. 400 т. вкладчиковъ имѣютъ каждый свыше 500 р.; всего у нихъ 293 м. р. — по 762 руб. на вкладчика. Слѣд., эти, очевидно уже богатые, люди, составляя менѣе $^1/_7$ всего числа вкладчиковъ, обладаютъ больше чѣмъ половиной (54%) всего капитала.

Такимъ образомъ, концентрація капитала въ современномъ обществѣ, обездоленіе массы населенія, сказывается съ громадной силой даже на такомъ учрежденіи, которое спеціально приспособлено для „меньшого брата“, для мало-зажиточнаго населенія, ибо предѣльный размѣръ вкладовъ по закону ограниченъ 1000 рублей. И замѣтимъ, что эта концентрація имущества, свойственная всякому капиталистическому обществу, еще сильнѣе въ передовыхъ странахъ, несмотря на большую „демократизацію“ въ нихъ сберегательныхъ кассъ. Напр., во Франціи къ 31 дек. 1899 г. было $10^1/_2$ м. кн. въ сберегательныхъ кассахъ на сумму 4337 мил. франковъ (франкъ немного менѣе 40 коп.). Въ среднемъ на одну книжку это даетъ 412 франковъ или около 160 р., т, е. менѣе средняго вклада въ русскія сберегательныя кассы. Число мелкихъ вкладчиковъ во Франціи тоже сравнительно больше, чѣмъ въ Россіи: почти треть вкладчиковъ ($3^1/_3$ мил.) имѣетъ вклады величиной до 20 фр. (8 руб.), въ среднемъ по 13 фр. (5 руб.). Всего у этихъ вкладчиковъ только 35 мил. фр. изъ общей суммы 4337 мил., т. е. $^1/_{125}$. Вкладчики, имѣющіе до 100 фр., составляютъ немного болѣе половины общаго числа ($5_{,3}$ мил.) а имѣютъ они всего 143 м. фр., т. е. $^1/_{33}$ общей суммы вкладовъ. Наоборотъ, вкладчики съ 1000 и болѣе франк. (400 и болѣе рублей), составляя менѣе пятой доли ($18_{,5}$%) общаго числа вкадчиковъ, сосредоточиваютъ болѣе двухъ третей ($68_{,7}$%) общей суммы вкладовъ, именно 2979 м. фр. изъ 4337 мил.

Такимъ образомъ читатель имѣетъ теперь передъ собой нѣкоторый матеріалъ для оцѣнки разсужденія нашихъ „критиковъ“. Одинъ и тотъ же фактъ: громадное возрастаніе вкладовъ въ сберегательныя кассы и увеличеніе въ особенности числа мелкихъ вкладчиковъ толкуютъ различнымъ образомъ. „Критикъ марксизма“ говоритъ: ростетъ народное благосостояніе, ростетъ децентрализація капитала. Соціалистъ говоритъ: происходитъ превращеніе „натуральныхъ“ сбереженій въ денежныя, ростетъ число зажиточныхъ крестьянъ, превращающихся въ буржуазію и превращающихъ свои сбереженія въ капиталъ. Еще неизмѣримо быстрѣе растетъ число крестьянъ, выталкиваемыхъ въ пролетаріатъ, живущій продажей своей рабочей силы и отдающій (хотя бы временно) частички своихъ крохотныхъ доходовъ на сбереженіе въ кассы. Многочисленность мелкихъ вкладчиковъ доказываетъ именно многочисленность бѣдноты въ капиталистическомъ обществѣ, ибо доля этихъ мелкихъ вкладчиковъ въ общей суммѣ вкладовъ ничтожна.

Спрашивается, чѣмъ отличается „критикъ“ отъ самаго дюжиннаго буржуа?

Пойдемъ далѣе. Посмотримъ, на какое употребленіе обращаются и какъ именно обращаются капиталы сберегательныхъ кассъ. Въ Россіи эти капиталы прежде всего усиливаютъ могущество военнаго и полицейско-буржуазнаго государства. Царское правительство (какъ мы уже указывали въ передовой статьѣ № 15 „Искры“) распоряжается этими капиталами такъ же безконтрольно, какъ и всѣмъ остальнымъ, попадающимъ въ его руки имуществомъ народа. Оно преспокойно „занимаетъ“ изъ этихъ капиталовъ сотни милліоновъ на оплату своихъ китайскихъ экспедицій, на подачки капиталистамъ и землевладѣльцамъ, на перевооруженіе войска, расширеніе флота и проч. Такъ, напр., въ 1899 г. изъ всей суммы 679 мил. руб. въ сберегательныхъ кассахъ 613 мил. руб. находились въ процентныхъ бумагахъ, а именно: **230** мил. въ государственныхъ займахъ, 215 мил. въ закладныхъ листахъ земельныхъ банковъ и 168 мил. въ желѣзнодорожныхъ займахъ.

Казна дѣлаетъ очень выгодный „гешефтъ“: во-первыхъ, она покрываетъ всѣ расходы по сберегательнымъ кассамъ и получаетъ чистую прибыль (до сихъ поръ обращавшуюся въ запасный капиталъ сберегательныхъ кассъ); во-вторыхъ, она заставляетъ вкладчиковъ покрывать недочеты нашего государственнаго хозяйства (заставляетъ ихъ давать казнѣ деньги взаймы). Среднимъ числомъ съ 1894 по 1899 гг. взносы денегъ въ сберегательныя кассы составляли по 250 м. р. въ годъ, а выдачи по 200 м. р. По пятидесяти милліоновъ получается, слѣд., ежегодно на заштопываньe путемъ займовъ дыръ въ мошнѣ государственной казны, которой только развѣ лѣнивый не расхищаетъ. Чего тутъ бояться дефицита отъ разбрасыванья денегъ на войны да на подачки придворнымъ прихвостнямъ, помѣщикамъ да фабрикантамъ! Изъ „народныхъ сбереженій“ можно покрыть всегда порядочную сумму!

Въ скобкахъ замѣтимъ, что выгодный гешефтъ казна дѣлаетъ отчасти потому, что процентъ по денежнымъ вкладамъ она неуклонно понижаетъ, и этотъ процентъ стоитъ ниже процентз по бумагамъ. Напр., въ 1894 году процентъ по денежнымъ вкладамъ равнялся $4_{,12}$%, по бумагамъ — $4_{,34}$%; въ 1899 г. $3_{,92}$% и $4_{,02}$%. Пониженіе процента есть, какъ извѣстно, явленіе общее всѣмъ капиталистическимъ странамъ и доказывающее наиболѣе нагляднымъ и рельефнымъ образомъ ростъ крупнаго капитала и крупнаго производства на счетъ мелкаго, ибо размѣръ процента опредѣляется въ послѣднемъ счетѣ отношеніемъ между всей суммой прибыли и всей суммой вносимаго въ производство капитала. Точно также нельзя обойти молчаніемъ и того, что казна все сильнѣе эксплуатируетъ трудъ почтово-телеграфныхъ чиновниковъ: прежде они вѣдали только почту, потомъ прибавили телеграфъ, теперь взвалили на нихъ же и операціи по пріему и выдачѣ сбереженій (вспомнимъ, что изъ 4781 кассы — 3718 почтово-телеграфныхъ). Страшное усиленіе напряженности работы, удлиненіе рабочаго дня — вотъ что означаетъ это для массы мелкихъ почтово-телеграфныхъ служащихъ. А на счетъ платы имъ казна скаредничаетъ, какъ самый прижимистый кулакъ: самымъ низшимъ начинающимъ служащимъ платятся буквально голодныя платы, и затѣмъ установлена безконечная градація степеней съ надбавкой по четвертачку или полтинничку, причемъ перспектива грошовой пенсіи послѣ сорока-пятидесяти лѣтъ лямки должна еще по крѣпче закабалить этотъ настоящій „чиновническій пролетаріатъ“

Но вернемся къ употребленію капиталовъ кассъ. Мы видѣли, что 215 м. р. кассы вкладываютъ (по волѣ россійскаго правительства) въ закладные листы земельныхъ банковъ и 168 м. р. въ жел.-дорожные займы. Этотъ фактъ подалъ поводъ еще къ одному, весьма распространенному въ послѣднее время, проявленію буржуазнаго... то-бишь „критическаго“ глубокомыслія. Въ сущности, вѣдь — говорятъ намъ Бернштейны, Герцы, Черновы, Булгаковы и имъ подобные — этотъ фактъ означаетъ, что мелкіе вкладчики въ сберегательныя кассы становятся собственниками желѣзныхъ дорогъ, владѣльцами закладныхъ на землю. На самомъ дѣлѣ, дескать, даже такія чисто капиталистическія и колоссально-крупныя предпріятія, какъ желѣзныя дороги и банки, все болѣе децентрализуются, раздробляются, переходятъ въ руки мелкихъ собственниковъ посредствомъ покупки ими акцій, облигацій. закладныхъ листовъ и т. п., на самомъ дѣлѣ растетъ число имущихъ, число собственниковъ, — а эти узкіе марксисты носятся съ устарѣлой теоріей концентраціи и теоріей обнищанія. Если, напр., русскіе фабрично-заводскіе рабочіе имѣютъ, по статистикѣ, 157 тыс. книжекъ въ сберегательныхъ кассахъ на сумму 21 мил. руб., то около 5 мил. руб. изъ этой суммы вложено въ желѣзно-дорожные займы, около 8 м. р. въ закладные листы земельныхъ банковъ. Значитъ, русскіе фабрично-заводскіе рабочіе оказываются на цѣлыхъ пять мил. рублей собственниками жел. дорогъ и на цѣлыхъ восемь милліоновъ землевладѣльцами. Вотъ и толкуйте тутъ о пролетаріатѣ! Значитъ, рабочіе эксплуатируютъ землевладѣльцевъ, ибо въ видѣ процентовъ по закладнымъ листамъ они получаютъ частичку ренты, т. е. частичку прибавочной стоимости.

Да, именно таковъ ходъ разсужденія у новѣйшихъ критиковъ марксизма... И — знаете-ли что? — я готовъ, пожалуй, согласиться съ тѣмъ широко распространеннымъ мнѣніемъ, что „критику“ надо привѣтствовать, ибо она внесла движеніе въ застоявшееся, якобы, ученіе, — готовъ вотъ на какомъ условіи. Французскіе соціалисты изощряли въ свое время свои пропагандистскія и агитаторскія способности на разборѣ софизмовъ Бастіа, нѣмецкіе — на распутываніи софизмовъ Шульце-Делича, намъ же, русскимъ, досталась, очевидно, на долю пока только компанія „критиковъ“. Такъ вотъ, я готовъ кричать: „да здравствуетъ критика!“ — подъ условіемъ, чтобы мы, соціалисты, какъ можно шире вносили въ свою пропаганду и агитацію среди массъ разборъ всѣхъ буржуазныхъ софизмовъ модной „критики“. Согласны на это условіе? — такъ по рукамъ! Кстати, буржуазія наша все больше отмалчивается, предпочитая защиту царскихъ архангеловъ защитѣ буржуазныхъ теоретиковъ, и намъ очень удобно будетъ брать „критиковъ“ въ качествѣ „адвокатовъ дьявола“.

Черезъ посредство сберегательныхъ кассъ все большее число рабочихъ и мелкихъ производителей становится участникомъ крупныхъ предпріятій. Это фактъ несомнѣнный. Но доказываетъ этотъ фактъ не возрастаніе числа собственниковъ, а 1) ростъ обобществленія труда въ капиталистическомъ обществѣ и 2) ростущее подчиненіе мелкаго производства крупному. Возьмите малоимущаго русскаго вкладчика. Имѣющихъ до 100 руб. больше половины, какъ мы видѣли, именно 1618 тыс. съ капиталомъ въ 42 мил. руб., т. е. по 26 руб. на вкладчика. Этотъ

въ Александровскую больницу. Самое большое знамя было захвачено коннымъ городовымъ, который долго еще ѣздилъ съ нимъ по Крещатику взадъ и впередъ, высоко держа его надъ головой. Демонстранты были оттѣснены на тротуары. Нѣсколько человѣкъ, избитыхъ до крови, были отправлены на извощикахъ въ участокъ. Значительная часть демонстрантовъ, преимущественно студенты, оттѣсненные съ Крещатика на Прорѣзную, захвативъ съ собой уцѣлѣвшее знамя, съ пѣснями поднялись на Б.-Владимірскую и по этой улицѣ безпрепятственно дошли до университета. На Крещатикѣ въ это время конные городовые, „очистивъ“ улицу, стали „очищать“ и тротуары. Для этой цѣли они во весь опоръ стали скакать по тротуарамъ, переполненнымъ народомъ, сталкивая съ ногъ и нанося удары всѣмъ встрѣчнымъ. На подмогу городовымъ вскорѣ появилась сотня казаковъ. Избіеніе было безчеловѣчное и производилось самымъ безсмысленнымъ образомъ. Трехъ студентовъ, упавшихъ подъ ударами безъ чувствъ, отнесли въ ближайшія аптеки.

Не успѣли замолкнуть послѣдніе крики на Крещатикѣ, какъ со стороны университета донесся ревъ десятитысячной толпы. Благодаря тому, что вниманіе властей было сосредоточено на Крещатикѣ, демонстрантамъ удалось безпрепятственно достигнуть университета; здѣсь они пѣли всевозможныя пѣсни приблизительно въ теченіе получаса. Вскорѣ прибыли казаки и стали разгонять толпу, заполнявшую Б.-Бульваръ и Б.-Владимірскую на большомъ протяженіи. Опять засвистали нагайки. Появилась пѣхота, маршировавшая развернутымъ строемъ и передвигавшая такимъ образомъ толпу съ одной улицы на другую. Подъ ударами прикладовъ упалъ одинъ рабочій; его положили въ лазаретную повозку Краснаго Креста, предусмотрительно заготовленную и слѣдовавшую за войсками. Туда же скоро положили и казацкаго офицера, упавшаго съ лошади отъ удара долота, мѣтко брошеннаго ему въ голову какимъ-то слесаремъ. Слесарь скрылся, а по указанію полицмейстера Циховскаго былъ арестованъ гимназистъ, находившійся въ толпѣ. Около трехъ часовъ дня центръ демонстраціи перемѣстился къ городскому театру; здѣсь безпорядки съ перерывами тянулись до 7 час. вечера, и здѣсь имѣли мѣсто самыя возмутительныя сцены дикаго неистовства казацко-полицейской орды. Размѣры корреспонденціи не позволяютъ перечислить хотя бы нѣкоторые изъ случаевъ этой звѣрской расправы. Особенно возмущаетъ всѣхъ поголовное избіеніе публики, въ томъ числѣ и массы маленькихъ гимназистиковъ, выходившихъ какъ разъ въ это время изъ театра послѣ дневного представленія. Гимназистики, осыпаемые ударами нагаекъ, спасались, поднявъ полы пальто, спотыкались, падали, но всюду, со всѣхъ сторонъ ихъ настигали удары... Гоняясь за своими жертвами казаки на-половину вскакивали въ двери театра. Одинъ казакъ, преслѣдуя студента, въѣхалъ до середины высокой лѣстницы, выходящей на Театральную ул., но упалъ вмѣстѣ съ лошадью... Все это происходило на глазахъ и по приказу губерн. Трепова и полицмейстера Цихоцкаго. При видѣ такого зрѣлища слѣдователь 3-го участка г. Кіева обратился къ Трепову: „Ваше превосходительство, вы имѣете право арестовать, но къ чему избивать дамъ?!“ — „Арестовать его!“... было отвѣтомъ. Черезъ нѣсколько минутъ подбѣгаетъ франтикъ-студентъ. „Ваше превосходительство, отдайте приказаніе: — женщинъ, дѣтей бьютъ!“... Слѣдуетъ тотъ же приказъ: „Арестовать его!“

Одновременно демонстраціи и отдѣльныя столкновенія съ полиціей и казаками происходили и въ другихъ частяхъ города; по всей Фундуклеевской, вплоть до анатомическаго театра, на площади около Владимірскаго собора, на Еврейскомъ базарѣ, на Крещатикѣ, на Софійской площади, около городской полиціи и т. д. Грозный ревъ толпы, злобный и отчаянный, доносился въ этотъ день изъ разныхъ концовъ города.

На слѣдующій день, въ воскресенье 3 февраля большая демонстрація произошла у городского театра въ два часа дня по предварительному соглашенію демонстрантовъ-рабочихъ. Затѣмъ ок. 7 час. веч. толпа демонстрантовъ чел. въ 200-300, исключительно рабочихъ, съ криками: „Долой полицію!“, „Долой нагайки“ и съ неизмѣннымъ „ура!“ прошла по всему Крещатику отъ Думы до Фундуклеевской, но здѣсь была временно разсѣяна казаками. Послѣ этого частичныя демонстраціи по Фундуклеевской и около театра не прекращались до часу ночи. По окончаніи вечерняго спектакля вся Фундуклеевская до Крещатика и площадь передъ театромъ были заполнены густой толпой, которая отдѣлялась отъ тротуаровъ цѣпью городовыхъ и солдатъ и не переставала пѣть революціонныя пѣсни и „хоронить самодержавіе“. Войска были отозваны лишь въ два часа ночи.

Во время всѣхъ этихъ демонстрацій было произведено очень много арестовъ; при чемъ арестовывали отдѣльныхъ лицъ, а не группы демонстрантовъ, какъ это дѣлалось въ прежнія времена. Многихъ отбивала толпа, многіе сами освобождались. Аресты производились совершенно случайно и часто на совершенно отдаленныхъ отъ демонстраціи улицахъ. Всего за эти два дня было арестовано чел. около 200. Большую часть изъ нихъ немедленно отпускали, нѣкоторыхъ даже не записывали. Въ настоящее время, 5 февраля, въ разныхъ мѣстахъ заключенія содержится около 100 чел. Интересно, что значительная часть арестовъ была произведена брантъ-маіоромъ Козловскимъ, котораго пригласили для возстановленія порядка, предполагая, очевидно, что онъ легко справится съ пожаромъ народнаго возмущенія. Но его вмѣшательство не принесло ожидаемыхъ результатовъ. Рабочіе встрѣчали его грозные окрики смѣхомъ или ироническими восклицаніями: „молчи, пожарная кишка!“

Убитыхъ во время демонстраціи, кажется, не было. По крайней мѣрѣ разнообразные слухи объ убитомъ студентѣ, ходившіе по городу, до сихъ поръ еще не подтвердились. Раненныхъ же очень много. Жандармскій генералъ Новицкій разослалъ во всѣ больницы предписаніе сообщить фамиліи обращавшихся въ день демонстраціи за медицинской помощью. Но раненные демонстранты избѣгали больницы, боясь встрѣчи съ лѣчившимися тамъ полицейскими. Изъ чиновъ полиціи болѣе тяжелые ушибы получилъ Закусиловъ — самый грубый и наглый изъ всѣхъ приставовъ, хорошо памятный участникамъ „Вѣтровской исторіи“; но и его „рана“ оказалась лишь простымъ поврежденіемъ кожи головы, совершенно не требующимъ больничнаго ухода. Тѣмъ не менѣе, Закусиловъ хотѣлъ остаться въ больницѣ... и не напрасно: въ тотъ же день къ нему пріѣхалъ губернаторъ Треповъ благодарить за проявленное имъ усердіе.

Въ числѣ избитыхъ не мало самыхъ благонамѣренныхъ: намъ лично извѣстно три военныхъ врача и одинъ офицеръ, которые сильно пострадали отъ нагаекъ, у одного глазного врача сильно поврежденъ глазъ, дамы уходили съ разбитыми въ кровь лицами, въ синякахъ, съ разсѣченными отъ удара нагайки ротондами, одному студенту обнаженной шашкой разсѣкли рукавъ пальто, тужурку и повредили руку.

Еще задолго до демонстраціи вице-губ. баронъ Штакельбергъ, спеціалистъ по части „усмиренія“ крестьянскихъ „бунтовъ“ и притомъ „дремучій дуракъ“, — во всеуслышаніе заявлялъ, что отъ Сипягина полученъ секретный циркуляръ, коимъ предписывается подвергать тѣлесному наказанію всѣхъ арестованныхъ демонстрантовъ, принадлежащихъ къ податнымъ сословіямъ. Его угроза почти осуществилась, съ той лишь разницей, что были всѣхъ безъ изъятія, не справляясь о званіи. Не довольствуясь избіеніемъ на улицахъ, полиція продолжала избивать нѣкоторыхъ арестованныхъ еще во дворѣ полицейскаго участка. Такъ, одного ученика коммерческаго училища провели въ участкѣ сквозь строй двѣнадцати казаковъ, безжалостно избивавшихъ его нагайками. Вся спина у бѣдняги оказалась исполосованной. Изъ Лыбедскаго училища до вечера доносились крики арестованныхъ. Интересно, что мѣстная администрація, губ. Треповъ и генералъ Драгомировъ были на предварительномъ совѣщаніи противъ избіенія, но подчинились предписанію департамента полиціи. На послѣднемъ совѣщаніи у ген.-губернатора (4 февраля) по вопросу о предупрежденіи дальнѣйшихъ демонстрацій жандармскій ген. Новицкій рекомендовалъ ставить на мѣстѣ, назначенномъ для демонстраціи, казаковъ, которые провожали бы до самого дома каждаго оказывающагося тамъ студента и не выпускали бы его больше на улицу. Но планъ этотъ показался участникамъ совѣщанія неудобовыполнимымъ.

Возмущеніе безобразной расправой царитъ повсюду: демонстранты на дѣлѣ проявляли свое возмущеніе, давая сильный отпоръ „царевымъ собакамъ“, — такъ во всеуслышаніе рабочіе ругаютъ казаковъ; „постороняя“ публика проявляла свое возмущеніе, защищая демонстрантовъ, вступаясь за нихъ и укрывая отъ преслѣдованій. Самые благонамѣренныя лица осуждаютъ такой способъ „умиротворенія“, находя, что онъ достигаетъ лишь обратной цѣли, и при существованіи широкихъ полномочій администраціи, является ничѣмъ не оправдываемымъ произволомъ. Паденіе престижа самодержавія въ широкихъ слояхъ народа — вотъ цѣнный результатъ послѣднихъ демонстрацій. „Ну же и здорово освистали самодержавіе“, радостно говорили другъ другу рабочіе, расходясь вечеромъ по домамъ.

Только-что получено извѣстіе о демонстраціяхъ и массовыхъ арестахъ въ Москвѣ и Петербургѣ. Подробности — въ слѣдующемъ номерѣ.

Военный министръ и рабочіе. Приводимъ полученный нами документъ, интересный не только съ исторической точки зрѣнія.

Резолюція военнаго министра на докладѣ (докладъ по главному инженерному управленію, отд. II, столъ второй, 15 іюля 1898 г.) Начальника Главнаго Инженернаго Управленія Генералъ-лейтенанта Вернердера объ объѣздѣ и осмотрѣ кронштадской крѣпости.

„Прошу доложить мнѣ, какія принимаются мѣры, дабы улучшить положеніе рабочихъ на производимыхъ въ Кронштадтѣ работахъ, и этимъ удешевить и улучшить самыя работы. Въ особенности меня занимаетъ вопросъ о рабочихъ на новыхъ фортахъ, отрѣзанныхъ отъ сообщенія съ городомъ. Прежде всего прошу доложить, что дѣлается для удовлетворенія религіозныхъ нуждъ сихъ рабочихъ. Прошу справку, когда именно для сихъ рабочихъ совершалась церковная служба. Есть-ли забота о правильномъ отдыхѣ, о духовномъ и правильно выбранномъ чтеніи. Есть-ли забота, дабы отвлечь рабочихъ отъ кабака устройствомъ чтеній съ волшебнымъ фонаремъ. Обезпечена-ли рабочимъ своевременная получка присылаемыхъ имъ писемъ. Обезпечена-ли посылка писемъ на родину или въ Петербургъ. Не знаю, обезпечена-ли медицинская помощь, но я не видѣлъ заботъ о чистотѣ помѣщеній и одежды. Не знаю, часто-ли осматриваетъ рабочихъ докторъ. Заботы о правильномъ снѣ не видѣлъ: спятъ на голыхъ доскахъ. Пищею, кажется, обезпечены достаточно, но въ мой пріѣздъ щи оказались слишкомъ тощими. Видъ осмотрѣнныхъ мною рабочихъ, къ сожалѣнію, не веселый и недостаточно бодрый. Внутренней связи, благодѣтельной для дѣла, между строителями и рабочими не видѣлъ. При моемъ приближеніи нѣкоторые рабочіе не поднимались, не кланялись, не снимали шапокъ. Надо имѣть въ виду близость столицы и возможность пагубныхъ вліяній на рабочихъ разныхъ отщепенцевъ русской земли на политической подкладкѣ. Достаточенъ-ли надзоръ. Хороша-ли провѣрка документовъ. Не видѣлъ я въ баракахъ достаточнаго числа иконъ, не видѣлъ царскихъ, хотя бы самыхъ дешевыхъ, портретовъ. Прошу доложить мнѣ, какъ именно обезпечивается положеніе рабочихъ контрактами. Какое назначено на поденной работѣ число часовъ работы. Предлагаю неотступно помнить, что нравственными отвѣтчиками за рабочихъ являемся передъ государемъ и родиной мы, а не подрядчики, поэтому и прятаться за подрядчиковъ, если въ чемъ окажется неустойка, намъ не приходится. Надо помнить, что, къ сожалѣнію, рабочій вопросъ зрѣетъ и въ Россіи, что число случаевъ командированія войскъ для подавленія безпорядковъ все увеличивается. Нельзя, чтобы военное вѣдомство относилось бездушно и безразлично къ сему тяжелому и важному вопросу, мы черпаемъ изъ народа нашу главную силу, мы справедливо до сихъ поръ гордились своимъ солдатомъ. Не слѣдуетъ, поэтому, относиться равнодушно, если матеріалъ, изъ коего черпается сила нашей арміи, а за нимъ и солдатъ, ухудшается. Надо, чтобы въ рабочемъ, въ какомъ бы отдѣлѣ военнаго вѣдомства онъ ни служилъ, мы по мѣрѣ возможности поддерживали религіозное чувство, преданность государю, довольство своимъ положеніемъ, сознаніе, что на казенной работѣ, даже черезъ подрядчиковъ, его никто не обидитъ. Напротивъ, что ему дадутъ защиту, если онъ будетъ обиженъ, что объ немъ отечески позаботятся, но и суровымъ образомъ поступятъ, если онъ того заслужитъ*). Этимъ путемъ каждый рабочій, получивъ свой хлѣбъ за счетъ военнаго вѣдомства, будетъ съ хорошимъ чувствомъ вспоминать время работы на военное вѣдомство, будетъ крѣпко уважать начальство, которое его охраняло, вѣрить въ законъ. Во многихъ случаяхъ такой рабочій послужитъ оплотомъ своей деревни противъ зловредныхъ идей и, быть можетъ, остановитъ своихъ родичей отъ пагубныхъ без-

*) Все это надо дѣлать серьезно, не заигрывая съ рабочими, особенно не популярничая, не дѣлая имъ послабленій. Рабочій чутокъ, онъ пойметъ фальшь и строгость, — если она справедлива, уважитъ.

порядковъ, направленныхъ противъ собственности или противъ власти. Кромѣ сихъ важныхъ общихъ цѣлей, ласки и вниманіе, оказываемые рабочему, забота о его душѣ, поддержаніе въ немъ соотвѣтственнымъ чтеніемъ и разсказами преданности престолу послужитъ къ образованію надежныхъ кадровъ рабочихъ на нашихъ продолжительныхъ работахъ всѣхъ отдѣловъ Управленія. Эти взгляды я проводилъ въ жизнь 30 л. и всегда съ успѣхомъ. Нельзя любить офицера и солдата, и въ то же время не любить рабочаго. Я люблю тѣхъ и другихъ. Надо, главное, охранять рабочихъ, чтобы ихъ не обижали подрядчики и особенно рядчики. Нельзя давать рабочимъ потачки. Гдѣ требуется, — оказывать помощь и подрядчикамъ противъ рабочихъ, но чаще дѣлать обратное. Смотрѣть, чтобы расплата происходила правильно, чтобы договоры съ рабочими происходили правильно, чтобы счетъ прогульнымъ днямъ не преувеличивался, чтобы у рабочихъ, работающихъ, напр., земляныя работы съ куба, находились въ достаточномъ количествѣ тачки, катальныя доски и пр. Надо наблюдать, чтобы въ глухихъ мѣстахъ въ лавкахъ подрядчиковъ продавались нужные предметы рабочимъ по таксѣ, чтобы въ общемъ на этихъ лавочкахъ подрядчики не наживались. Надо организовать отсылку денегъ рабочихъ на родину, чтобы они ихъ не пропивали. Надо заботиться, чтобы работа не шла слишкомъ форсированно при дурномъ помѣщеніи и пищѣ. Зимою помѣщенія должны быть достаточно теплыя и свѣтлыя, даже землянки. Надо непремѣнно дать возможность рабочимъ мыться. Предлагаю все изложенное принять къ непремѣнному руководству. Настоящую резолюцію предлагаю сообщить во всѣ строительства и окружныя Управленія.

Подлинную подписалъ Куропаткинъ. 19 іюня 1898 г.“

Современный помпадуръ.

По отношенію къ взяткѣ русскій чиновникъ занимаетъ обыкновенно выжидательное положеніе. Сидитъ онъ въ своей канцеляріи, вооружившись статьями да циркулярами и ждетъ, пока взятка сама къ нему придетъ. Если взятка недогадлива, онъ тонкимъ намекомъ направитъ ее, куда слѣдуетъ. Если она черезчуръ скромна, онъ ее поощритъ одобрительнымъ словомъ. Это чиновники осѣдлые. Есть еще т.-наз. чиновники-охотники, которые не ограничиваются выжидательнымъ положеніемъ и идутъ взяткѣ на встрѣчу. Они рыщутъ по мутному болоту обывательской жизни и выслѣживаютъ и вымѣриваютъ, гдѣ эта жизнь не доросла до циркуляра или переросла его. Тамъ и взятка зимуетъ. — Но есть еще чиновники, которые что увидятъ, то берутъ, безъ всякихъ циркуляровъ. Къ такимъ витязямъ принадлежитъ севастопольскій градоначальникъ, адмиралъ Е. Ѳеодосьевъ. Ѳеодосьевъ офицеръ черноморскаго флота. Онъ „патріотъ“, и казенное добро отъ своего не отдѣляетъ, поскольку это позволяютъ другіе сослуживцы, между которыми тоже не мало „патріотовъ“ и которымъ тоже „все человѣческое не чуждо“. И во флотѣ есть чѣмъ поживиться. На обмундированіе и на продовольствіе матросовъ и на содерженіе и ремонтъ судовъ отпускаются громадныя суммы. Выколоченные съ народа рублики стекаются въ казну и оттуда широкимъ золотымъ потокомъ льются на потребности флота. Но пока золотой потокъ достигнетъ своей цѣли, добрая часть его разливается во всѣ стороны по карманамъ различныхъ „патріотовъ“. Въ этомъ отношеніи много возмутительныхъ фактовъ выяснилось во время такъ-наз. „угольнаго процесса“ въ Севастополѣ въ 1900 г. Оказалось, что нѣтъ такого предмета во флотѣ, при пріобрѣтеньи котораго не брались бы взятки. При пріемѣ угля, одежды, масла, муки и т. д. и т. д. совершаются непрерывныя казнокрадства. За взятки негодные матеріалы принимаются за хорошіе и квитанціи выдаются на большее количество товаровъ, чѣмъ на самомъ дѣлѣ поставлено. Но этимъ дѣло еще не кончается: пріобрѣтенные матеріалы крадутся изъ складовъ и продаются обратно частнымъ лицамъ и потомъ опять покупаются для казны. Изъ севастопольскихъ казенныхъ складовъ увозили краденный уголь даже на казенныхъ катерахъ, т. е. по порученію высшаго мѣстнаго начальства.

Такъ какъ такое казнокрадство совершается непрерывно, изъ года въ годъ, то для него выработались опредѣленные обычаи и формы, своего рода обычное право, по которому каждый участвующій получаетъ свою долю. Понятно, что высшіе чины, имѣющіе въ этихъ дѣлахъ опредѣленный голосъ, получаютъ львиную долю, другіе дѣлятся остатками. Такъ, для техниковъ флота правильно взималось съ каждаго пуда принятаго угля по ½ коп.

Установившійся порядокъ усердно охраняется. Если въ пріемныя коммиссіи случайно попадали честные офицеры, не согласные на темныя дѣла, то начальство удаляло ихъ изъ коммиссій, и назначало другихъ членовъ. Это происходило неоднократно. Точно также устранялись честные купцы, не дающіе взятокъ. Отъ нихъ легко ограждаться цѣлою сѣтью формальныхъ придирокъ. Какъ въ севастопольскомъ, такъ и въ батумскомъ „угольномъ процессѣ“ (1901 г.) купцы многократно заявляли, что съ морскимъ вѣдомствомъ честно торговать совсѣмъ нельзя.

Такимъ образомъ получается спѣвшаяся компанія, которая вершитъ всѣми коммерческими дѣлами къ взаимному удовольствію, члены которой богатѣютъ, строютъ дома, одѣваютъ въ шелкъ своихъ метрессъ и получаютъ ордена.

Насколько взятка явленіе обыденное для чиновника, видно изъ того, что одинъ изъ нихъ взялъ въ видѣ взятки даже гробъ для своего умершаго сына (обвин. актъ по севастоп. угольному дѣлу).

Упомянутый „угольный процессъ“ съ его 44 обвиняемыми не могъ раскрыть всѣ злоупотребленія, такъ какъ цѣлью процесса было обвиненіемъ мелкихъ алтынныхъ воришекъ очистить отъ подозрѣній самыхъ главныхъ виновниковъ казнокрадства — высшихъ чиновниковъ. Слѣдствіе велось по инструкціямъ изъ СПБ. крайне односторонне и тѣмъ не менѣе на судѣ предсѣдателю неоднократно приходилось прерывать нити преступленій, когда онѣ тянулись выше капитанскаго чина.

Насколько эта комедія велась безпристрастно, можно судить по слѣдующему факту. Какой-то свидѣтель простякъ началъ разсказывать о злоупотребленіяхъ при пріемѣ какой-то партіи масла. Ему задали вопросъ: „А кто же принималъ масло?“ — „А вотъ этотъ!“, показалъ свидѣтель пальцемъ на одного изъ судей (въ числѣ судей были два офицера).

Ѳеодосьевъ былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ компаніи казнокрадовъ. Его рыло было сильно „въ углѣ“, но углемъ онъ не довольствовался: будучи командиромъ брононосца „Двѣнадцать апостоловъ“, онъ тянулъ оттуда всякую утварь, матеріалы, — словомъ все, что могъ. Не даромъ матросы острятъ, чтъ изъ царскихъ „12 апостоловъ“ онъ укралъ одиннадцать.

Но по чину своему Ѳеодосьевъ наказанію не подлежалъ, напротивъ, его пожаловали даже въ градоначальники. Какъ таковой, онъ считался и командиромъ порта. Теперь онъ почувствовалъ въ своихъ рукахъ казенные склады, массу матеріаловъ и всякаго добра. Руки у него зачесались, глаза разбѣжались. Прежде всего въ портовомъ пакгаузѣ его глаза остановились на двухъ дорогихъ зеркалахъ, и онъ тутъ же приказалъ матросу снести ихъ на толкучку, продать и половину выручки принести ему, а другую половину оставить себѣ. Матросъ исполнилъ порученіе и выручилъ 6 руб. Объ этомъ началѣ дѣятельности узнало высшее начальство и испугалось, что Ѳеодосьевъ для нихъ ничего не оставитъ. Поэтому его устранили отъ должности ком ндира порта и, оставляя его градоначальникомъ, ограничили сферу его дѣятельности обывательскимъ добромъ. Но тѣмъ усерднѣе онъ работаетъ въ этой отрасли, проявляя необыкновенный для такого чина „демократизмъ“ и сближеніе съ народомъ. „Онъ все самъ“, говоритъ обыватель. И дѣйствительно. „онъ все самъ“, самъ даже ѣздитъ на базаръ, закупаетъ для себя зелень, мясо и т. п. При этомъ онъ, стараясь поднять въ народѣ нравственность, внушаетъ купцамъ, что съ начальства не слѣдуетъ требовать денегъ за каждый пустякъ. Но народъ испорченный, и нашему благодѣтелю нерѣдко приходится прибѣгать къ мѣрамъ строгости. Но пусть говорятъ факты.

Ѣдетъ разъ Его Превосходительство по базару. Вдругъ взоръ его привлекается кругленькимъ поросенкомъ, лежащемъ на при-

---

вкладчикъ, значитъ, руб. на 6 „владѣетъ“ желѣзными дорогами рублей на 9 — „земельнымъ имуществомъ“. Становится-ли онъ отъ этого „имущимъ“ или „собственникомъ“? Нѣтъ, онъ остается пролетаріемъ, вынужденнымъ продавать свою рабочую силу, т. е. идти въ рабство къ собственникамъ средствъ производства. „Участіе“ же его въ „желѣзнодорожномъ и банковомъ“ дѣлѣ доказываетъ только, что капитализмъ все тѣснѣе переплетаетъ между собой отдѣльныхъ членовъ общества и отдѣльные классы. Взаимозависимость между отдѣльными производителями была совершенно ничтожна при патріархальномъ хозяйствѣ; теперь она становится все больше. Трудъ становится все болѣе общественнымъ, предпріятія все менѣе „частными“, оставаясь все же почти всецѣло въ рукахъ частныхъ лицъ.

Своимъ участіемъ въ крупномъ предпріятіи мелкій вкладчикъ несомнѣнно сплетается съ этимъ предпріятіемъ. Кто извлекаетъ пользу отъ этого сплетенія? — Крупный капиталъ, который расширяетъ свои операціи, платя мелкому вкадчику не болѣе (а часто менѣе), чѣмъ всякому заимодавцу, и будучи тѣмъ болѣе независимъ отъ мелкаго вкладчика, чѣмъ эти вкладчики мельче и раздробленнѣе. Мы видѣли, что доля мелкихъ вкладчиковъ даже въ капиталѣ сберегательныхъ кассъ крайне мала. Насколько же ничтожна она въ капиталѣ жалѣзнорожныхъ и банковыхъ воротилъ? Отдавая этимъ воротиламъ свои крохи, мелкій вкладчикъ тѣмъ самымъ попадаетъ въ новую зависимость отъ крупнаго капитала. О распоряженіи этимъ крупнымъ капиталомъ ему нечего и думать; „прибыль“ его до смѣшного мала (на 26 руб. по $4\% = 1$ рубль въ годъ!). А вотъ за то въ случаѣ краха онъ теряетъ цѣликомъ даже и жалкія крохи. Не раздробленіе крупнаго капитала означаетъ обиліе этихъ мелкихъ вкладчиковъ, а усиленіе могущества крупнаго капитала, получающаго въ свое распоряженіе даже мельчайшія крохи „народныхъ“ сбереженій. Не болѣе самостоятельнымъ хозяиномъ становится мелкій вкладчикъ отъ участія въ крупномъ предпріятіи, а болѣе зависимымъ лицомъ отъ крупнаго хозяина.

Не успокоительный филистерскій выводъ о ростѣ числа имущихъ вытекаетъ изъ увеличенія числа мелкихъ вкладчиковъ, а революціонный выводъ объ усиленіи зависимости мелкихъ отъ крупныхъ, объ обостреніи противорѣчія между все болѣе обобществляющимся характеромъ предпріятій и сохраненіемъ частной собственности на средства производства. Чѣмъ больше развиваются сберегательныя кассы, тѣмъ больше становится заинтересованность мелкихъ вкладчиковъ въ соціалистической побѣдѣ пролетаріата, которая одна только сдѣлаетъ ихъ не фиктивными, а настоящими „участниками“ и распорядителями общественнаго богатства.

лавкѣ какой-то торговки. Не долго думая, онъ велѣлъ уложить поросенка къ кучеру и, не уплативши, продолжаетъ свой путь. Торговка начала кричать о деньгахъ, но подоспѣвшій городовой ее скоро успокоилъ: „Не слѣдуетъ быть жадной! А то —“.

Вскорѣ послѣ исторіи съ поросенкомъ его на томъ же мѣстѣ соблазнилъ барашекъ, привезенный для продажи деревенскимъ татариномъ. Его П—ство остановился, полюбовался барашкомъ и, выразительно посмотрѣвши на сопровождавшаго его городового, двинулся дальше. Городовой же немедленно забралъ соблазнителя и утѣшилъ удивленнаго татарина, что заплатитъ ему Аллахъ.

И точность любитъ Его П—ство. Разъ онъ указываетъ мяснику на телятину и спрашиваетъ: „сколько стоитъ?“ — „15 коп., Ваше П—во“. Забравши цѣлую ляжку, Его П—во даетъ 15 к. „Виноватъ, Ваше П—во, 15 коп. за фунтъ, а вѣдь —“. „Такъ бы сначала и сказалъ“, отвѣчаетъ Его П—во и идетъ спокойно своей дорогой.

Другой разъ въ магазинѣ Его П—ву понравилась икра. Онъ потребовалъ два фунта и, уходя, заплатилъ 40 коп. Приказчикъ заикнулся, что слѣдуетъ ему не 40 коп., а 5 руб. Но Его П—во величественно указываетъ на свои двугривенники и спрашиваетъ: „А это развѣ не деньги?“ Посрамленный приказчикъ развелъ только руками.

Разъ супруга нашаго помпадура закупила въ магазинѣ различныхъ матерій рублей на 100 и, уѣзжая, утѣшила купца, что мужъ заплатитъ. На другой день „мужъ“, дѣйствительно, подъѣхалъ къ магазину и, не вылѣзая изъ экипажа, потребовалъ, чтобы ему дали на 20 коп. такого коленкору, какого его супруга вчера купила. Получивъ желанное, онъ уплатилъ 20 коп. и объяснилъ: „Теперь мы квиты. Я, знаете, не люблю, когда за мной счеты водятся. До свиданья“.

Въ другихъ областяхъ своей административной дѣятельности помпадуръ проявляетъ не меньшее усердіе. Онъ не любитъ, напр., ссоръ между своими подчиненными, и когда онъ узналъ, что младшій городской врачъ споритъ со старшимъ по поводу распредѣленія тѣхъ суммъ, которыя получаются съ публичныхъ домовъ за медицинскій осмотръ, онъ приказалъ: „Деньги принести сюда, а я раздѣлю!“ Теперь деньги каждый мѣсяцъ приносятся градоначальнику, за трудъ распредѣленія онъ беретъ себѣ ровно половину, а другую раздѣляетъ поровну между врачами. И ссоръ между врачами совсѣмъ ужъ не бываетъ.

Не стану въ подробностяхъ описывать, какъ помпадуръ съ руганью прогоняетъ приказчиковъ, явившихся къ нему со счетами за забранные имъ товары, какъ торгуетъ зависящими отъ него чиновничьими должностями (онъ устроилъ чуть-ли не публичные торги на мѣсто полиціймейстера), какъ онъ беретъ взятки за все, къ чему имѣетъ отношеніе (съ кого-то онъ содралъ три рубля за подпись иностраннаго паспорта). Любой севастопольскій житель могъ бы разсказать много подобныхъ фактовъ, доказывающихъ все одно и тоже — самое безстыдное и нахальное нарушеніе царскимъ намѣстникомъ того закона, во имя котораго онъ правитъ. Онъ все можетъ, осуществленію его прихотей нѣтъ никакихъ границъ. Что значитъ нѣсколько рублей для человѣка, получающаго огромный окладъ и въ видѣ взятокъ собирающаго еще гораздо большія суммы. И если онъ все-таки совершаетъ такой безстыдный грабежъ, иногда изъ-за 2-3 руб., то это не только изъ жадности, а скорѣе изъ сознанія своего всемогущества. Онъ настоящій намѣстникъ всемогущаго царя и вѣрный и откровенный выразитель практической политики нашего правительства. И если вы его спросите о границахъ его власти, онъ, быть можетъ, откровенно вамъ скажетъ: „Прежніе правители всея Россіи, напр., блаженной памяти Игорь, сами ходили по домамъ и собирали поросятъ и все, что имъ слѣдовало и не слѣдовало. А теперь Россія такъ велика, что Его Имп. Вел. одному не справиться, и онъ назначилъ себѣ намѣстниковъ, осуществляющихъ царскую неограниченную власть“. И что бы ни говорили книги, въ дѣйствительной жизни такая философія неопровержима. Обыватель совершенно безсиленъ противъ грабежа, совершаемаго представителями царя. Кому онъ будетъ жаловаться, какъ не тѣмъ же чиновникамъ, которые при первой попыткѣ протеста объявятъ его государственнымъ преступникомъ, сгноятъ въ тюрьмѣ или размелятъ въ мельницѣ полицейскихъ придирокъ. Жаловался же на нашего градоначальника полицмейстеръ Матвѣевъ, прогнанный имъ изъ Севастополя, и выкладывалъ петербургскимъ властямъ всякія дѣянія его. Но такъ какъ градоначальникъ имѣетъ въ СПБ. „руку“, то всѣ жалобы не имѣли никакихъ послѣдствій, и Ѳеодосьевъ продолжаетъ править, какъ правилъ до сихъ поръ, и будетъ благополучно отнимать у торговцевъ поросятъ и барашковъ до тѣхъ поръ, пока не умретъ или по старости не выйдетъ въ отставку, осыпанный царскими милостями, чинами и пенсіями.

А обыватель, видя все это, только вздохнетъ и покачаетъ головой. Но, спохватившись, онъ пугливо озирается, не услышалъ-ли кто его антиправительственнаго вздоха.

Подвиги новой „партіи“. Новоиспеченная въ Минскѣ „Еврейская независимая рабочая партія“ стала выпускать „Летучій Листокъ“, въ которомъ пропагандируетъ свои идеи. Въ № 1 она горячо плачется на преслѣдованія со стороны соціалистовъ.

„Независимая Рабочая Партія не захотѣла считаться съ тѣмъ, что не всѣ люди способны воспринять новое слово (еще бы! особенно, когда это новое слово Зубатовскаго происхожденія! Ред.) и критику стараго.

„...Какъ только Независимая Партія приступила къ работѣ, сейчасъ же начались со всѣхъ сторонъ гоненія. Вмѣсто того, чтобы выслушать новое слово, задуматься надъ нимъ, начались преслѣдованія ея агитаторовъ, преслѣдованія не только словами, но и побоями.

„Ея приверженцы стали извѣстны подъ именемъ „Зубатовцевъ“ и „легализаторовъ“ еще за долго до того времени, когда ихъ выслушали. Какъ и во всякой сутулокѣ, такъ и здѣсь выступило на сцену множество „крикуновъ“ съ безмозглыми головами, но за то съ сильными глотками и на всѣхъ рабочихъ праздникахъ и собраніяхъ кричали съ скрежетомъ зубовнымъ: „долой, долой!“

„При такихъ-то ужасныхъ условіяхъ приступила къ работѣ Независимая Рабочая Партія. Но все таки она не упала духомъ, ибо чувствовала, что правда (и Зубатовъ! Ред.) на ея сторонѣ. Она агитировала еще съ бо́льшимъ жаромъ, силой почти (!) заставила понять свою программу, и она, дѣйствительно, сдѣлала большіе успѣхи... Товарищи! не для разрушенія, а для созиданія явились мы; мы хотимъ создать могучее и широкое движеніе, которое защитило бы рабочаго отъ эксплуатаціи капиталистовъ и отъ всѣхъ несчастныхъ случаевъ въ его жизни. Мы намѣтили себѣ цѣль — самую святую цѣль, которая и быть только можетъ, а именно: поднять матеріальное и культурное состояніе рабочаго класса, доказать ему, какимъ путемъ добиться хлѣба и знаній... Мы употребимъ всѣ средства, какъ легальныя, такъ и нелегальныя, — лишь бы они принесли пользу рабочему классу при его современномъ ужасномъ положеніи“.

Въ „Письмѣ къ объединеннымъ еврейскимъ рабочимъ“ новая партія изслѣдуетъ положеніе еврейскаго пролетаріата и находитъ, что онъ терпитъ отъ трехъ золъ: отъ эксплуатаціи хозяевъ, отъ необезпеченности работы и отъ собственной тьмы. (Отъ русскаго правительства, отъ собственнаго политическаго и гражданскаго безправія еврейскій рабочій, конечно, не страдаетъ, это выдумка тѣхъ „безмозглыхъ крикуновъ“, противъ которыхъ борется новая партія).

Констатируя малую успѣшность той экономической борьбы, которую до сихъ поръ вели минскіе рабочіе, партія задаетъ вопросъ: „Въ чемъ же причина слабости нашихъ организацій? Вина падаетъ на насъ самихъ! Такъ какъ наши учрежденія считаются не только экономическими, но и соціалдемократическими, т. е. политическими, то мы не принимаемъ въ нихъ такихъ рабочихъ, которые еще не выработались въ соціалдемократовъ, если не смогутъ стать таковыми... Что же касается рабочей массы, то мы ее прямо пугаемъ тѣмъ, что мы политики... Отсюда ясно, что мы сами себѣ вредимъ въ своей экономической борьбѣ тѣмъ, что наши организаціи ставятъ себѣ политическія цѣли“.

Рекомендуя устройство кассъ взаимопомощи и артелей, партія ставитъ вопросъ, почему эти „мирныя“ средства не практиковались еврейскимъ пролетаріатомъ, и ищетъ причинъ этого факта не въ отсутствіи свободы союзовъ, а въ вредномъ вліяніи соціалдемократіи.

„Какъ партія политическая, она стремится къ тому, чтобы пользоваться исключительно тѣми средствами, которыя способствуютъ революціонизированію рабочаго класса; такими средствами являются стачки, но ни въ коемъ случаѣ не касса взаимопомощи или артель. Кромѣ того, партія старается, чтобы движеніе шло конспиративно: она никакихъ легальныхъ средствъ не допускаетъ (Вотъ какъ! А мы думали, что „легальн. средствъ“ не допускаютъ гнусные законы Россіи. Ред.) и все это съ той цѣлью, чтобы рабоч. классу еще болѣе ненавистно было самодержавное правительство. А такъ какъ устройство кассъ взаимопомощи, артелей и проч. нелегальнымъ образомъ не имѣетъ смысла, ибо ихъ можно устроить легально, то партія совершенно не допускаетъ ихъ. По своимъ разсчетамъ она, быть можетъ, и права. Но рабочая масса не желаетъ, да и не должна она желать того, чтобы ея матеріальные интересы приносились въ жертву какимъ-то политическимъ цѣлямъ. (Прежде всего матеріальные интересы рабочихъ массъ приносятся въ жертву политическимъ цѣлямъ царскаго самодержавія, которое, напр., до сихъ поръ объявляетъ стачку уголовнымъ преступленіемъ!! Этого давно нѣтъ ни въ одной европейской странѣ. Ред.) Жизнь доказала, что рабочій классъ тогда только въ состояніи улучшить свое матеріальное положеніе, когда борьба его идетъ рука объ руку съ кассами взаимопомощи и другими полезными учрежденіями, что касса борьбы имѣетъ значеніе только въ томъ случаѣ, когда существуютъ кассы взаимопомощи, артели и т. д.; что кассу взаимопомощи гораздо удобнѣе и легче устроить легальнымъ образомъ, чѣмъ нелегальнымъ. Теперь является вопросъ, почему еврейскому пролетаріату не создать всего того, что для него является насущной необходимостью? Съ какой стати ему считаться съ тѣмъ, что для политической партіи невыгодно!“.

Итакъ — для поднятія матеріальнаго положенія рабочихъ нужны легальныя учрежденія, т. е. союзъ съ правительствомъ. А для поднятія культурнаго уровня нужно, по мнѣнію Независимой Рабочей Партіи, войти въ союзъ съ буржуазной интеллигенціей. Соціалдемократы, видите-ли, преподаютъ въ рабочихъ кружкахъ „исключительно соціалдемократическую программу“. Напротивъ того, „рабочая партія должна стремиться къ организаціи клубовъ, читаленъ, лекцій, какъ разрѣшенныхъ полиціей, такъ и неразрѣшенныхъ ею; она должна привлекать интеллигентовъ какихъ бы то ни было политическихъ убѣжденій и даже безъ оныхъ и организовать для нихъ кружки“.

Изъ всего этого дѣлается такой выводъ:

„Культурныя и экономическія работы настолько многочисленны и обширны, что является необходимость отдѣлить ихъ отъ политической работы и создать вполнѣ самостоятельную экономическую рабочую партію, для которой культурная и экономическая работа служила бы цѣлью, а не средствомъ политической борьбы и которая не находилась бы въ зависимости отъ какой-либо политической партіи, а, напротивъ, объединила бы рабочихъ всѣхъ партій, но только не политиковъ, на почвѣ экономической и культурной работы“.

Мы слышали, что еврейскіе сіонисты, т. е. представители еврейской буржуазіи очень благосклонно отнеслись на своемъ конгрессѣ къ новой „рабочей“ партіи. О благосклонномъ отношеніи къ этой партіи Зубатова и полковника Васильева наши читатели уже знаютъ. Такъ и должно быть по самой сути вещей, ибо „экономическая рабочая партія“ есть не что иное и не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ орудіемъ буржуазіи и правительства противъ освободительнаго движенія пролетаріата.

Нижній-Новгородъ. На Рождествѣ Нижегородскимъ Комитетомъ Партіи было распространено слѣдующее воззваніе:

Ко всѣмъ офицерамъ Нижняго-Новгорода.

Никогда еще русскому самодержавію не грозила такая опасность, какая грозитъ въ настоящее время. Никогда еще духъ недовольства и протеста не захватывалъ столь широкіе слои русскаго общества и никогда такъ ясно и отчетливо не чувствовалось всѣми, что главный виновникъ всѣхъ настоящихъ неустройствъ и бѣдствій — самодержавное правительство.

Самый опасный и самый непримиримый врагъ его — промышленный пролетаріатъ никогда еще въ своемъ движеніи не достигалъ той степени организованности и революціоннаго воодушевленія и пыла, какіе присущи ему въ настоящее время. Современное русское рабочее движеніе вышло уже изъ стадіи мелкой борьбы за отдѣльныя уступки со стороны капиталистовъ и выступило на широкую арену борьбы политической. Соц.-дем. организаціи отдѣльныхъ городовъ все крѣпче сплачиваются между собой въ одну общерусскую революціонную партію для совмѣстной революціонной борьбы съ русскимъ правительствомъ, и русскій пролетаріатъ, подъ руководствомъ его передовыхъ сознательныхъ борцовъ понялъ, что интересы фабрикантовъ и заводчиковъ старательно оберегаются царской полиціей и царскими штыками. Повторяемъ, теперь дѣло идетъ уже не объ одной борьбѣ за повышеніе заработной платы, за сокращеніе рабочаго дня и т. п. но о борьбѣ за политическую свободу. И эта борьба ведется не разрозненными силами рабочихъ отдѣльныхъ заводовъ, мастерскихъ и фабрикъ или отдѣльныхъ городовъ, но объединенной соц.-дем. рабочей партіей.

Но не одинъ рабочій классъ враждебенъ правительству. Деревня, забитая и запуганная вѣковымъ рабствомъ, теперь тоже глухо волнуется. Истощенные непосильнымъ бременемъ налоговъ, вѣчно голодающіе, лишенные самыхъ примитивныхъ человѣческихъ правъ, крестьяне протестуютъ и стараются сознательными глазами взглянуть на окружающую ихъ дѣйствительность. Симптомами пробужденія деревни служатъ все чаще повторяющіеся аграрные бунты и все болѣе широкое и быстрое распространеніе сектантскихъ ученій, не смотря на жестокія преслѣдованія и гоненія со стороны правительства. Современное сектантское движеніе не есть продуктъ религіознаго чувства, оно — результатъ политической мысли и недовольства своимъ соціальнымъ положеніемъ. Упомянемъ еще, что въ Россіи существуютъ, хотя и немногочисленные, крестьянскіе союзы, которые ставятъ своей цѣлью — борьбу съ царскимъ правительствомъ.

Такъ обстоитъ дѣло съ „низами“, съ фундаментомъ русскаго общества. Но оппозиціоннымъ настроеніемъ полны также „верхи“ — буржуазные классы общества. Мы не станемъ говорить здѣсь о настроеніи интеллигенціи: факты, которые мы имѣемъ въ виду, слишкомъ общеизвѣстны, чтобы ихъ стоило напоминать. Мы хотимъ указать на ростъ оппозиціи въ средѣ либеральнаго дворянства. Дѣло въ томъ, что въ современной Россіи господиномъ положенія является промышленная буржуазія, и всякій разъ, когда экономическіе интересы дворянства сталкиваются съ ея интересами, правительство становится на ея сторону. Мы не имѣемъ возможности входить здѣсь въ подробности и поэтому для примѣра напомнимъ хотя бы о высокихъ пошлинахъ на иностранныя сельскохозяйственныя машины ради охраненія кармановъ русскихъ фабрикантовъ и о неудачныхъ ходатайствахъ земствъ о пониженіи этихъ пошлинъ. Оппозиція либеральнаго дворянства за послѣднее время не только не идетъ на убыль, но даже, напротивъ, обостряется. Прошлымъ лѣтомъ въ одномъ изъ губернскихъ городовъ состоялся тайный съѣздъ земскихъ дѣятелей — фактъ небывалый въ русской общественной жизни. А прошлой весной съѣхавшіеся въ Москвѣ на совѣщаніе по народному образованію дворянскіе-предводители подняли вопросъ о правильныхъ сношеніяхъ между либеральными дворянами отдѣльныхъ губерній въ цѣляхъ совмѣстнаго противодѣйствія антиземской политикѣ правительства. Напомнимъ еще о рѣчи орловскаго предводителя дворянства Стаховича о свободѣ совѣсти, произнесенной на съѣздѣ миссіонеровъ. Всѣ эти симптомы свидѣтельствуютъ о повышеніи оппозиціоннаго настроенія либеральнаго дворянства. И вотъ правительство, сознавая это, все энергичнѣе ведетъ наступленіе на либеральныя земскія учрежденія, разжигая тѣмъ еще болѣе оппозиціонный духъ земцевъ.

А въ это время передъ нимъ встаетъ уже новый вопросъ, вопросъ о недовольствѣ среди самой промышленной буржуазіи. Дѣло въ томъ, что русское правительство не только не заботится о томъ, чтобы поддержать свой престижъ въ глазахъ того класса, который является опорой его, но, привыкнувъ считать себя непобѣдимымъ, все нахальнѣе игнорируетъ желанія цѣлыхъ группъ населенія, входя въ стачку съ отдѣльными лицами. Въ сущности, въ настоящее время вся страна находится во власти небольшой шайки. Министры-взяточники, въ рукахъ которыхъ царь является простой игрушкой, въ своей дѣятельности руководятся своими собственными интересами и интересами своихъ родственниковъ, друзей и прихвостней. Взятка, неблаговидная услуга, посѣщеніе министерскихъ пріемныхъ съ задняго крыльца, — вотъ что создаетъ благополучіе отдѣльныхъ лицъ, ради которыхъ приносится въ жертву интересы — не говоримъ уже всего народа, ибо его интересы всегда приносились въ жертву, — но даже интересы цѣлыхъ группъ промышленной буржуазіи и дворянства. Въ настоящее время, кажется, трудно встрѣтить въ Россіи человѣка, который былъ бы доволенъ правительствомъ: недовольство, быть можетъ, не всегда ясно сознанное, проникаетъ во всякомъ случаѣ буквально всѣ слои и классы русскаго общества. И что весьма важно — исходъ изъ настоящаго положенія дѣлъ большинство видитъ лишь въ одномъ: въ ограниченіи царскаго самодержавія. Это ограниченіе въ глазахъ большинства дастъ возможность отдѣльнымъ классамъ, группамъ и слоямъ населенія столковаться между собой и установить извѣстный modus vivendi.

Недовольство русскаго общества изъ скрытаго уже переходитъ въ явное, общество начинаетъ протестовать. Все чаще повторяющіяся уличныя демонстраціи, въ которыхъ принимаютъ участіе представители самыхъ различныхъ общественныхъ группъ, разнообразныя петиціи и адреса, настойчивыя ходатайства и жалобы земцевъ, студенческіе безпорядки, заявленія всевозможныхъ просвѣтительныхъ и другихъ обществъ — все это свидѣтельствуетъ, что волна недовольства встаетъ все выше. Въ тому же движеніе изъ спорадическаго дѣлается почти безпрерывнымъ. Правительство, конечно, видитъ это и готовится къ борьбѣ, пуская, пока-что, въ ходъ нагайки, казаковъ и кулаки городовыхъ, оно приберегаетъ на конецъ ваши штыки. Оно разсчитываетъ пойти съ вами, офицерами русскихъ войскъ, на кровавый бой со всѣмъ русскимъ народомъ, русскимъ обществомъ. Оно надѣется, что военная дисциплина и страхъ кары заставятъ васъ стрѣлять картечью въ собственныхъ отцовъ, братьевъ, знакомыхъ. Оно спокойно, ибо вѣритъ въ васъ.

И мы, обращаясь къ вамъ съ этимъ посланіемъ, приглашаемъ васъ задуматься самымъ серьезнымъ образомъ надъ всѣмъ, сказаннымъ въ немъ. Мы приглашаемъ васъ подумать о вашей роли въ предстоящихъ событіяхъ, которымъ мы дадимъ здѣсь настоящее имя — революціи, и рекомендуемъ уже заранѣе опредѣлить въ нихъ свое мѣсто. При этомъ мы напомнимъ вамъ, что въ З. Е. въ эпоху революціи войска часто дѣйствовали противъ правительства заодно съ народомъ. Мы напоминаемъ вамъ, что на одной сторонѣ стоитъ шайка воровъ и грабителей, на другой — все русское общество. Мы напоминаемъ вамъ, что 4 марта текущаго года нѣкоторые изъ вашихъ товарищей обнажили свои шашки въ защиту беззащитныхъ гражданъ, избивавшихся жандармами и казаками.

Мы могли бы кончить этимъ, но мы хотимъ сказать еще нѣсколько словъ о мѣстныхъ дѣлахъ. Уже не разъ русское правительство посылало русскихъ офицеровъ противъ рабочихъ, чтобы защитить отъ нихъ карманы фабрикантовъ, и уже не разъ, благодаря вмѣшательству войскъ, рабочіе проигрывали стачки и вновь становились за станки голодные, изнуренные и больные. Уже не разъ, благодаря вашему содѣйствію, фабрикантамъ удавалось отказывать рабочимъ въ увеличеніи ихъ заработка на нѣсколько коп., чего они требовали. Въ настоящее время, когда промышленный кризисъ выбрасываетъ на улицы тысячи работниковъ, предприниматели спѣшатъ воспользоваться удобнымъ моментомъ для пониженія заработковъ рабочаго. Тоже происходитъ въ Нижнемъ и Сормовѣ. Рабочее населеніе послѣдняго волнуется, и вотъ уже заранѣе васъ предусмотрительно держатъ на готовѣ, чтобы повести на бой съ голодными и безоружными людьми. Рабочіе Сормова требуютъ, чтобы были сохранены прежніе расцѣнки, которые позволяли имъ сравнительно сносное существованіе. Они требуютъ, чтобы во всѣхъ цехахъ были вывѣшены табели расцѣнковъ, такъ какъ отсутствіе ихъ ведетъ къ тому, что въ началѣ работы обѣщаютъ одинъ расцѣнокъ, а по окончаніи ея расплачиваются значительно ниже: они требуютъ, чтобы заводская администрація не дѣлала безъ ихъ согласія незаконнаго вычета копейки съ каждаго заработаннаго ими рубля въ кассу церковно-приходского попечительства, тѣмъ болѣе, что расходованіе образовавшихся такимъ путемъ суммъ происходитъ совершенно безконтрольно. Вы видите, что справедливость и право на сторонѣ рабочихъ, на сторонѣ же предпринимателей — обманъ и насиліе. И мы спрашиваемъ васъ, неужели вы не замѣчаете той позорной роли, которую васъ заставляютъ играть?

Когда усилій полиціи, жандармовъ и шпіоновъ оказывается недостаточно, тогда они черезъ губернатора обращаются за вашей помощью и вы поступаете въ ихъ распоряженіе, чтобы сберечь какому-нибудь фабриканту или заводчику нѣсколько тысячъ рублей, которые онъ затѣмъ броситъ на проститутокъ и пьянство. Силой вашихъ штыковъ прикрываются хозяйскія мошенничества, и за вашей спиной въ трогательномъ единеніи прячутся сытые буржуа и шпіоны. Мы не знаемъ ничего болѣе позорнаго, болѣе способнаго уронить достоинство человѣка. И мы приглашаемъ васъ задуматься надъ вашей печальной ролью слугъ полиціи и шпіоновъ. — 24 октября 1901 г.

Нижегородскій Комитетъ Р. С. Д. Р. П.

Изъ прошлаго. Приводимъ документальный разсказъ о событіи, имѣвшемъ мѣсто 20 лѣтъ тому назадъ. Этотъ разсказъ очень поучителенъ и, быть можетъ, послужитъ маленькимъ предостереженіемъ для тѣхъ сибирскихъ палачей, которые доводятъ политическихъ ссыльныхъ до ихъ отчаянныхъ геройскихъ поступковъ.

„Копія съ протокола.

„1882 года сентября 16 дня въ квартирѣ военнаго губернатора Забайкальской области Генерала Ильяшевича была допрошена читинскимъ полицмейстеромъ при бытности заобластнаго прокурора старшаго совѣтника забайкальскаго областного правленія Семенова, задержанная по обвиненію въ нанесеніи раны выстрѣломъ изъ револьвера въ Его Превосходительство Государственная преступница Кутитонская, которая показала:

Зовутъ меня Марья Игнатьева Кутитонская, 26 лѣтъ, вѣроисповѣданія православнаго, дѣвица, происхожу изъ дворянскаго званія, имѣю въ живыхъ отца, проживающаго въ г. Одессѣ, Херсонской губ., состоящаго на службѣ секретаремъ коммерческаго суда, состояла подъ судомъ въ 1879 году по дѣлу 28, по принадлежности къ тайному преступному сообществу, и по приговору одесскаго военнаго окружнаго суда сослана въ Восточную Сибирь въ каторжныя работы, срокомъ на 4 года. 15 января 1880 года, прибывъ на Кару, была помѣщена въ особую для государственныхъ преступниковъ тюрьму; отъ работъ уволена 23 іюня 1882 года и затѣмъ отправлена на поселеніе въ городъ Акшу, куда прибыла 1-го іюля (?). Въ Акшѣ проживала на квартирѣ у мѣщанина Ивана Хохла, фамиліи котораго не знаю, уплачивала за квартиру съ содержаніемъ 12 руб. въ мѣсяцъ. Деньги были собственныя, полученныя въ разное время

отъ моего отца, которыя высылались по 10 руб. въ мѣсяцъ на имя завѣдующаго нерчинскими ссыльно-каторжными, и затѣмъ въ г. Акшѣ, черезъ окружнаго исправника — 40 руб. Проживая въ городѣ, никакихъ опредѣленныхъ занятій не имѣла, была знакома съ проживающими въ г. Акшѣ мѣстными жителями, которыхъ по фамиліи назвать отказываюсь; у нихъ бывала, и они — у меня, но какъ часто — объяснять не желаю; кромѣ мѣстныхъ жителей, имѣла знакомство съ проживающими въ Акшѣ уволенными отъ работъ государственными преступниками Михаиломъ Терентьевымъ и Эсэирью Геллисъ. Изъ Акши выѣхала самовольно въ ночь на 14 число сентября въ г. Читу съ цѣлью, которую и привела въ исполненіе, по ранѣе задуманному мною намѣренію, безъ всякаго посторонняго участія. Въ г. Читу прибыла 16 числа сентября, въ которомъ часу, — не помню; какимъ порядкомъ ѣхала, гдѣ перемѣняла лошадей, кто былъ ямщикомъ — на всѣ эти вопросы отвѣчать не желаю, а узнайте сами. Прибывъ въ Читу, была привезена въ окружное полицейское правленіе и сдана ямщикомъ помощнику исправника, откуда съ казакомъ была отправлена на квартиру къ окружному исправнику Письменнову, которому и заявила о своемъ желаніи видѣть губернатора для объясненія по своему личному дѣлу. Исправникъ Письменновъ, взявъ меня съ собою, доставилъ въ домъ губернатора, гдѣ оставилъ въ передней, а самъ пошелъ для доклада Его Превосходительству. Черезъ нѣкоторое время, опредѣлить въ точности не могу, исправникъ, отворивъ дверь изъ пріемной въ переднюю комнату, сказалъ, что войти можно. Войдя въ пріемную комнату, губернаторъ стоялъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ двери, въ которую я вошла, и въ то время когда онъ ко мнѣ приблизился, то я тотчасъ же выстрѣлила изъ имѣющагося у меня шестиствольнаго револьвера, того самаго, который былъ поднятъ съ полу и предъявленъ мнѣ при настоящемъ допросѣ. Гдѣ сохранялся у меня револьверъ по прибытіи въ домъ губернатора и откуда я таковой пріобрѣла, отвѣчать не желаю. Мотивы совершеннаго преступленія желаю написать сама.

„Всѣ мѣры, примѣнявшіяся въ послѣднее время сибирской администраціей по отношенію къ государственнымъ заключеннымъ, не достигали желаемыхъ вами результатовъ. Вы уничтожили переписку даже съ близкими родными и порвали рѣшительно всякую связь съ внѣшнимъ міромъ, упразднили вольныя команды и обрекли заключенныхъ на пожизненное тюремное сидѣніе, желая обратить ихъ въ живыхъ мертвецовъ. Но это не подорвало глубокой вѣры революціонеровъ въ правоту ихъ дѣла. На всѣ мѣры строгости они отвѣчали побѣгомъ изъ тюремъ, въ то время, когда компетентный во всѣхъ отношеніяхъ г. Галкинъ ревизовалъ тюрьму и вводилъ инструкцію, цѣлью которой было обращеніе революціонеровъ въ стадо мирныхъ барановъ. Пораженные фактомъ побѣга, государственные мужи, посѣдѣвшіе въ дѣлахъ правленія, вы обратились къ позорнымъ, унизительнымъ мѣрамъ — единственнымъ, достойнымъ вашего умственнаго и нравственнаго міровоззрѣнія. Вы рѣшились посягнуть на человѣческое достоинство и личную неприкосновенность людей принципа и чести, — людей, понимающихъ права человѣка и гражданина и строго проводящихъ ихъ въ жизнь. По отношенію къ этимъ людямъ вы примѣнили дикую мѣру бритья головы и повальнаго избіенія безоружныхъ и беззащитныхъ заключенныхъ при помощи штыковъ и прикладовъ вооруженныхъ разсвирѣпѣвшихъ казаковъ. Этой отвратительною расправою правительство вызвало терроръ въ Сибири, и сибирская администрація является отвѣтственнымъ за него лицомъ. Всѣ мѣры грубаго насилія вы можете обратить въ систему, но не забывайте, что вы боретесь не съ отдѣльными людьми, а съ идеей, съ неумолимыми законами развитія національной жизни. Не забывайте, что революціонная идея все болѣе и болѣе становится достояніемъ массы и что столкновеніе штыка съ идеею вызываетъ страшную грозу.

„Подписала поселенка Марія Кутитонская.

„Съ подлиннымъ вѣрно:

„Оберъ-аудиторъ окружнаго штаба статскій совѣтникъ Гладковъ.“

За это покушеніе Кутитонская была приговорена къ каторгѣ. Въ 1886 году она умерла въ каторжной тюрьмѣ.

Встрѣча новаго года въ Орловской тюрьмѣ. До послѣдняго времени въ орловской тюрьмѣ существовалъ такой порядокъ дѣленія предпраздничныхъ пожертвованій, при которомъ со стороны заключенныхъ присутствовали ихъ выборные — старосты. Въ нынѣшнемъ году этотъ порядокъ былъ измѣненъ и всѣ пожертвованія были раздѣлены самой администраціей тюрьмы. По словамъ смотрителя тюрьмы, эта перемѣна была вызвана тѣмъ, что будто бы выборные заключенные входили въ сдѣлку съ надзирателемъ и брали себѣ львиную долю добычи. По другой версіи, наоборотъ, именно на этотъ разъ надзиратели, безконтрольно производившіе раздѣлъ пожертвованій, использовали новый порядокъ далеко не въ пользу арестантовъ. Какъ бы то ни было, но новый порядокъ раздѣла пожертвованій вызвалъ крупныя недоразумѣнія между арестантами, завершившіяся всеобщей свалкой. Прибѣжавшаго для водворенія порядка смотрителя кто-то изъ арестантовъ окатилъ щами (все это происходило въ обѣденное время), въ надзирателей полетѣли чашки, ковши и все, что попадалось подъ руку расходившейся толпѣ. Не будучи въ состояніи справиться съ „бунтовщиками“ своими средствами, смотритель вызвалъ по телефону полицмейстера, который и явился въ сопровожденіи приставовъ, околодочныхъ и городовыхъ. Пріѣхали въ тюрьму также губернаторъ Г. И. Кристи и прокуроръ П. С. Пороховщиковъ. По командѣ полицмейстера, городовые кинулись на арестантовъ и разогнали ихъ по камерамъ, при чемъ не обошлось безъ побоевъ. Казалось бы, бунтъ усмиренъ и власти могли бы спокойно разъѣхаться по домамъ. Но губернатору и прокурору показалось, что они слишкомъ мало приняли участія въ усмиреніи „бунта“, а, кромѣ того, русскія административныя традиціи требуютъ отъ администратора, услышавшаго слово: „бунтъ“, отвѣчать словомъ: „пороть!“ Такъ поступили и въ данномъ случаѣ гг. Кристи и Пороховщиковъ. И вотъ орловская тюрьма, болѣе 15 лѣтъ не видѣвшая (къ чести ея сказать) въ своихъ стѣнахъ тѣлесныхъ наказаній, наканунѣ 1 янв. 1902 г. сдѣлалась свидѣтельницей возмутительной расправы. Сѣченію подверглись нѣсколько человѣкъ арестантовъ, остальные же были „помилованы“. Губернаторъ и прокуроръ, все время присутствовавшіе при экзекуціи, непосредственно изъ тюрьмы явились въ Дворянское Собраніе, гдѣ орловское общество собирается въ Новый Годъ для принесенія взаимныхъ поздравленій. Тамъ имъ пришлось выслушать очень язвительное, довольно громко произнесенное поздравленіе: „съ побѣдой и одолѣніемъ!“ отъ одного изъ собравшихся. Вообще же, къ чести Орла, нужно сказать, что такія мѣры „усмиренія“ не находятъ сочувствія даже въ консервативныхъ кругахъ.

Письмо изъ Ярославля. Было бы не совсѣмъ правильно связыать происхожденіе той политики, которая теперь общеизвѣстна подъ именемъ Зубатовщины съ именемъ бывшаго провокатора-предателя, а нынѣ начальника московской охраны — пресловутаго Зубатова. Исторія дѣятельности одного помпадура, которую мы собираемся сейчасъ разсказать, можетъ послужить свидѣтельствомъ того, что честь изобрѣтенія у насъ этой системы принадлежитъ, пожалуй, не Зубатову, а нѣкоторымъ его геніальнымъ предшественникамъ, ну хотя бы, напр., камергеру Е. В. двора Б. Штюрмеру — нынѣшнему ярославскому губернатору. Объ этомъ именно господинѣ мы и собираемся повести рѣчь. Началъ Штюрмеръ свою карьеру въ Твери, сначала въ качествѣ слегка окрашеннаго въ либеральный колеръ гласнаго, а затѣмъ предсѣдателя тверской губернской управы „по назначенію“. Но и на этомъ послѣднемъ посту онъ не растерялъ свой, съ позволенія сказать, „либерализмъ“, а сохранилъ и пріумножилъ, ибо безъ такого рода бутафорской принадлежности въ столь „неблагонадежномъ“ земствѣ, какъ тверское, трудно съ успѣхомъ парадировать въ роли дирижера, особливо при наличности такого несмываемаго пятнышка, какъ „по назначенію“. Нужно полагать, что усвоенная Штюрмеромъ при такихъ условіяхъ тактика „заигрыванія“ не шла въ разрѣзъ съ видами и намѣреніями высшаго начальства, ибо доблестный камергеръ довольно быстро шагнулъ изъ предводителей въ губернаторы (кажется, въ 1899 году). Въ этой новой роли онъ неуклонно продолжаетъ вести свою линію и успѣлъ уже ознаменовать свое губернаторство блестящей дѣятельностью на поприщѣ ярославскаго просвѣщенія и общественности.

Началъ Штюрмеръ съ организаціи общества взаимопомощи и клуба, подъ заманчивымъ названіемъ „Парусъ“. Во главѣ сталъ самъ губернаторъ, а ближайшее сотрудничество съ нимъ по этому дѣлу раздѣлили его приближенные — чиновники его канцеляріи и т п. лица. Само собой разумѣется, что для нечиновничьей интеллигенціи тамъ мѣста не нашлось. Если просмотрѣть нумера мѣстной газеты „Сѣверный Край“ за то время, то даже изъ нея легко будетъ усмотрѣть между строкъ, какъ, уже въ самомъ началѣ жизнедѣятельности „Паруса“, властной рукой помпадура душилась всякая здоровая инициатива, всякая хорошая попытка, не входившая въ полицейскіе разсчеты просвѣщеннаго администратора. (Особую услугу при этомъ ярославскому Зубатову сослужилъ извѣстный россійскій жупелъ, именуемый „неблагонадежность“). Понятно, что въ концѣ концовъ не нашлось желающихъ подвергать себя всѣмъ возможнымъ опасностямъ плаванья подъ Штюрмеровскимъ „Парусомъ“, и этотъ парусъ пришлось снять. Нѣсколько, однако, ранѣе краха „Паруса“ предусмотрительный камергеръ спустилъ на озеро ярославскаго прогресса новую ладью подъ другими парусами. На выкинутомъ флагѣ широковѣщательно красовалось; „Общество для содѣйствія народному образованію и распространенію полезныхъ знаній въ народѣ“. Исторія этого общества очень похожа на первую исторію. На предсѣдательскомъ креслѣ въ Совѣтѣ общества поспѣшилъ усѣсться, какъ это и нужно было ожидать, все тотъ же Штюрмеръ; онъ же по § 26 устава является непремѣннымъ предсѣдателемъ и „общихъ собраній“. Въ результатѣ — „общество“ оказалось мифомъ: „Совѣтъ“ для-ради нѣкоторой видимости что-то такое затѣвалъ, устроилъ, напр., нѣсколько грошовыхъ народныхъ библіотекъ; что же касается общаго собранія, то оно вотъ уже два года, какъ ни разу не созывалось, ибо сіе не благоугодно было г-ну губернатору. Въ отвѣтъ на это никто не смѣетъ и пикнуть. Въ послѣднемъ эпизодѣ характерно между прочимъ, то, что первоначальная инициатива въ этомъ начинаніи принадлежала мѣстной интеллигенціи, и лишь любезное, хотя и непрошенное „содѣйствіе“ высокопоставленнаго прогрессиста и подхалимоватая покладистость мѣстнаго общества превратили начатое дѣло въ мерзость запустѣнія.

Исторія возникновенія и первыхъ шаговъ третьяго общества — „взаимомощи учителей и учительницъ“ носила уже нѣсколько иной характеръ. Здѣсь интеллигенція пробовала было отстоять свою самостоятельность и свое дѣло отъ мертвящаго проникновенія въ него штюрмовскаго элемента*), но въ концѣ концовъ „жизнь взяла свое“ — руль утлаго суденышка попалъ въ крѣпкія лапы Штюрмеру, и общество поплыло подъ его испытаннымъ парусомъ.

Наконецъ, нашъ ярославскій Гарунъ-аль-Рашидъ облюбовываетъ своимъ хищнымъ взоромъ юридическое общество при мѣстномъ юридическомъ лицеѣ, пользуясь благосклонной, — вѣрнѣе, раболѣпной поддержкой со стороны извѣстнаго своимъ „сердечнымъ попеченіемъ“ о студентахъ директора лицея Шпилевскаго и прочей профессорской братіи изъ класса пресмыкающихся. Здѣсь онъ всегда возсѣдаетъ одесную предсѣдателя и благосклонно пользуется любезно предоставляемымъ ему правомъ перваго голоса.

Въ заключеніе намъ остается сказать еще нѣсколько словъ объ отношеніи Штюрмера къ мѣстной газетѣ. Нужно замѣтить, что московскій Зубатовъ еще не додумался до созданія своего собственнаго органа печати, между тѣмъ какъ Штюрмеру эта мысль была не чужда. Давая свое разрѣшеніе на возникновеніе „Сѣв. Края“, дальновидный ярославскій Зубатовъ разсчитывалъ имѣть, въ лицѣ этой газеты, свой собственный, такъ-сказать, полуоффиціозъ, долженствующій заняться дѣломъ созданія прочной популярности его славному имени. Но тутъ разсчетъ его оказался недостаточно тонокъ: скромная подцензурная провинціальная газетка оказалась на столько все-таки приличной, что отъ роли трубадура, воспѣвающаго гнусливымъ голосомъ доблести своего покровителя, уклонилась, государственной мудростью Штюрмера не восхищалась и вообще губернаторскихъ надеждъ и ожиданій не оправдала. Все, чего успѣлъ достигнуть по отношенію къ ней превосходительный хищникъ, это — просто придушить и обезцвѣтить ее: всякая, самая даже невинная, критика мѣропріятій или дѣйствій мѣстной администраціи, а отчасти и дѣлъ, касающихся городского или земскаго самоуправленія, выходитъ за предѣлы для нея дозволеннаго (по этому поводу редакція получила даже особый циркуляръ отъ губернатора). Чѣмъ кончится эта неравносильная борьба — неизвѣстно. Можетъ быть, если бы Штюрмеръ повелъ дѣло нѣсколько политичнѣе, если бы онъ попробовалъ объявить себя близкимъ пріятелемъ прогресса, надежнымъ другомъ свободнаго слова или кѣмъ-ниб. въ этомъ родѣ, если бы онъ не очень ужъ свирѣпо тискалъ несчастную газетку въ цензурныхъ клещахъ, то — почемъ знать — не достигъ-ли бы онъ по отношенію къ ней искомой цѣли? Вѣдь наша великомученица-интеллигенція до того изстрадалась отъ неласкового обращенія, что однимъ ласковымъ словомъ можно вызвать изъ ея глазъ цѣлый потокъ благодарныхъ слезъ и купить, пожалуй, все ея нутро... Впрочемъ, не будемъ гадать, а то, чего добраго, г. Штюрмеръ подслушаетъ наши откровенныя признанія и намотаетъ ихъ себѣ на усъ...

Теперь наше ярославское общество какъ будто немножко раскусило своего интереснаго губернатора-либерала. Даже такой мало интересный элементъ, какъ мѣстные земцы, — и тѣ обнаруживаютъ свою непріязнь къ новому фокуснику. Такъ, напр., во время послѣдней сессіи блестящій камергеръ, противъ всякаго обыкновенія, былъ обойденъ приглашеніемъ пообѣдать вмѣстѣ съ господами земцами.

Южнорусской Группой Соціалдемократовъ изданы два нижеслѣдующихъ воззванія:

I.

Россійская Соціалдемократическая Рабочая Партія.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

КО ВСѢМЪ.

20 января часовъ въ 11, когда представленія въ Русскомъ и Городскомъ театрахъ близились къ концу и публика все свое вниманіе сосредоточила на сценѣ, съ галлереи посыпались внизъ и разлетѣлись по всѣмъ направленіямъ прокламаціи, вышущенныя по поводу позорнаго братанія царя съ жандармами. Одновременно съ этимъ раздались громко твердые голоса:

Долой русское самодержавіе! Да здравствуетъ политическая свобода! Да здравствуетъ соціализмъ!

Это было сдѣлано двумя нашими товарищами (рабочими), совершенно ясно понимавшими всю важность и значеніе этого акта.

Въ исторіи русскаго соц.-дем. движенія это первый случай открытаго заявленія протеста, которое русское общество услыхало при подобной обстановкѣ, протеста противъ гнета и насилія, противъ зла и неправды.

---

*) Такъ напр., на первомъ собраніи членовъ Штюрмеръ взобрался было по привычкѣ на предсѣдательскую трибуну, хотя никто его предсѣдателемъ не выбиралъ и никто изъ мѣстныхъ Гостомысловъ передъ нимъ въ поясъ не раскланивался съ просьбой оказать собранію такую честь. Это обстоятельство вызвало „интерпелляцію“ со стороны одного изъ членовъ и въ результатѣ произошло небольшое „недоразумѣніе“.

Если это не говоритъ русскому царизму о количествѣ его враговъ, то говоритъ о томъ, что сознательные враги безстрашны, что ихъ не пугаетъ ожидающая ихъ дикая расправа, что они всегда готовы отдать всѣ свои силы, свою свободу, всю свою жизнь на борьбу съ царящимъ у насъ безправіемъ, произволомъ и гнетомъ.

Это покажетъ силу не только личностей, идущихъ на открытую борьбу, но и силу партіи, выдвигающей эти личности, силу идеи, которая одушевляетъ всѣхъ насъ въ этомъ неравномъ бою.

Пусть этотъ открытый протестъ нашихъ товарищей будетъ одной изъ тѣхъ искръ, изъ которыхъ возгорится могучее пламя, разольется по всѣмъ уголкамъ Россіи и сожжетъ чудовищный русскій царизмъ.

Пошлемъ же нашъ братскій привѣтъ нашимъ отважнымъ товарищамъ и всѣмъ борцамъ за свободу.

Повторимъ же за ними:

Долой самодержавіе! Да здравствуетъ политическая свобода! Да здравствуетъ соціализмъ!

Прочитавъ, — передайте товарищамъ.

Южная Революц. Группа Соц.-Демократовъ.

II.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ ЧИНАМЪ АДМИНИСТРАЦІИ.

Дошедшія до насъ свѣдѣнія о крайне грубомъ обращеніи полиціи и жандармовъ при обыскахъ, а также во время допросовъ заставляютъ насъ обратиться къ чинамъ администраціи съ напоминаніемъ, что рабочіе — люди съ весьма развитымъ чувствомъ человѣческаго достоинства и не желаютъ безнаказанно сносить незаслуженныя оскорбленія, которымъ они подвергаются всякій разъ, какъ имъ приходится имѣть дѣло съ полиціей. При этомъ приходится констатировать тотъ фактъ, что подобное обращеніе позволяютъ себѣ не только низшіе полицейскіе чины, къ которымъ подчасъ нельзя предъявлять въ этомъ отношеніи слишкомъ строгихъ требованій, но и высшіе чины администраціи, которые должны были бы подавать своимъ подчиненнымъ примѣръ сдержаннаго и вѣжливаго обращенія съ попадающими въ ихъ руки лицами. Кромѣ того, намъ извѣстно, что заключенные въ одесской тюрьмѣ должны не рѣдко прибѣгать къ голодовкамъ, чтобы избавиться отъ тѣхъ подчасъ безцѣльныхъ стѣсненій и ограниченій, которыя налагаютъ на нихъ не въ мѣру усердныя тюремныя власти.

Поэтому мы считаемъ себя вынужденными рекомендовать чинамъ администраціи, чтобы они усвоили себѣ болѣе вѣжливое обращеніе съ привлекающимися по политическимъ дѣламъ лицами, внушили это своимъ подчиненнымъ, позволяющимъ себѣ нерѣдко наносить побои арестованнымъ рабочимъ и не доводили заключенныхъ въ тюрьмѣ до голодовокъ, крайне вредныхъ для людей, и безъ того обезсиленныхъ болѣе или менѣе продолжительнымъ сидѣніемъ въ одиночномъ заключеніи.

Въ противномъ же случаѣ мы ни за что не ручаемся, такъ какъ рабочіе, озлобленные дошедшими до нихъ фактами кулачной расправы полиціи съ рабочими, готовы, въ случаѣ повторенія подобныхъ фактовъ, на протестъ, могущій принять совершенно нежелательныя формы.

Южная Революц. Группа Соц.-Демократовъ.

Одесса. За послѣдніе три года движеніе въ Одессѣ сильно развилось. До этого у насъ втеченіе 90-хъ гг. не разъ вспыхивали отдѣльные огоньки, но жандармамъ скоро удавалось выхватывать главарей, и огни эти замирали. Уцѣлѣвшіе сознательные рабочіе оставались одинокими и не въ силахъ бывали продолжать начатаго. Но время шло, сознаніе рабочихъ развивалось, и вотъ, наконецъ, нѣсколькимъ лицамъ удалось положить основаніе настоящей организаціи съ Одесскимъ Комитетомъ во главѣ. Работа пошла, какъ это, къ сожалѣнію, часто бываетъ, по линіи наименьшаго сопротивленія. Наиболѣе легкой почвой оказались ремесленники, которыхъ въ Одессѣ насчитывается очень много, а самымъ легкимъ способомъ пробужденія сознанія оказалось развитіе стачечнаго движенія. Сперва портные, дамскіе и мужскіе, потомъ одно ремесло за другимъ были охвачены этимъ движеніемъ. Стачка слѣдовала за стачкой, многіе изъ нихъ имѣли успѣхъ. Агитація и пропаганда велись на почвѣ насущныхъ экономическихъ интересовъ и дальше этихъ интересовъ не шла. Од. Ком. выпускалъ прокламаціи къ стачечникамъ чисто экономическаго характера. Ни слова не было ни о политической борьбѣ, ни о соціализмѣ, если не считать соціализмомъ призыва въ заголовкѣ: „Пролетаріи и т. д.“ Матеріальное положеніе ремесленныхъ рабочихъ стало замѣтно улучшаться, но, дойдя до извѣстной ступени, оно дальше, конечно, пойти не могло. Въ тѣхъ отрасляхъ, гдѣ улучшеніе дошло до предѣловъ возможнаго при стачечной борьбѣ и вообще современныхъ условіяхъ, — движеніе остановилось. Надо прибавить, что большинство ремеслъ носитъ сезонный характеръ. Съ окончаніемъ сезона многія завоеванія сводятся къ нулю, такъ какъ рабочіе почти всѣ распускаются. Съ началомъ новаго сезона надо чуть не сызнова начинать борьбу. Отмѣтимъ еще одну черту, характерную для описываемаго движенія, именно, — развить движеніе вширь, а не вглубь. „Глубь“ рѣшительно отдавалась въ жертву „шири“. Отъ этого движеніе теряетъ въ своей прочности, люди захватываются въ него слегка, развитіе большинства остается элементарнымъ. — Жизнь, однако, шла своимъ чередомъ и все громче заявляла о своихъ правахъ. Событія 1901 г. не прошли безслѣдно: они произвели и въ Одессѣ сильнѣйшее впечатлѣніе на сознательныхъ рабочихъ. Рабочіе глухо волновались, и многіе рвались къ демонстраціи. Не смотря на тормозящую тактику одесскаго Комитета, политическое сознаніе рабочихъ все росло и росло. Образовавшаяся въ началѣ октября минувшаго года новая „Южная Революціонная Группа Соц.-Дсемократовъ“ отвѣчала вполнѣ назрѣвшей потребности, и успѣхъ ея превзошелъ всѣ ожиданія. И среди рабочихъ Одесскаго Комитета оказалось и развилось подъ вліяніемъ новой группы такое броженіе, что Од. Комитетъ повернулъ въ сторону политической агитаціи.

Скоро послѣ того произошла стачка на табачной фабрикѣ Попова. Од. Комитетъ сначала выпустилъ воззваніе съ экономическими требованіями. Рабочіе (почти всѣ подростки) держались стойко. Въ стачку вмѣшалась полиція и пустила въ ходъ всѣ мѣры: арестовывала на дому и на улицахъ, насильно тащила къ станку; арестованныхъ продержали недѣли три и выслали по глухимъ мѣстамъ „на родину“; высылали и малолѣтнихъ, безъ средствъ, — словомъ, всѣ обычные пріемы. Од. Комитетъ выпустилъ вторую прокламацію къ рабочимъ Попова, гдѣ разъяснялось, что „правительство тоже нашъ врагъ“ (послѣ капиталистовъ) и заканчивалъ призывомъ: будемъ требовать отъ правительства свободы стачекъ, собраній и т. д. Это было уже вполнѣ въ духѣ прежней дѣятельности Од. Комитета, хотя ново было здѣсь, какъ и въ ціонистской прокламаціи, открытое выступленіе съ политическими требованіями. Стачка у Поповыхъ ничѣмъ не кончилась, такъ какъ рабочіе частью были высланы, частью разошлись по другимъ фабрикамъ. Полицейское же вмѣшательство даже на самыхъ несознательныхъ подѣйствовало удивительнымъ образомъ. Многія дѣвушки говорили: мы ничего не дѣлали, и съ нами полиція такъ подло обошлась, такъ ужъ лучше „дѣлать“, чтобы знать, за что насъ мучаютъ. Въ ноябрѣ одес. Комитетъ распространилъ № 2 „Летучаго Листка Рабочаго Слова“, гдѣ выяснялась роль правительства, только какъ защитника капиталистовъ и землевладѣльцевъ. Наконецъ, въ декабрѣ былъ распространенъ № 3 „Летучаго Листка Раб. Слова“ о милитаризмѣ, гдѣ доказывалась выгода милитаризма опять-таки исключительно для капиталистовъ. Появленіе всѣхъ перечисленныхъ изданій, начиная съ ціонистской прокламаціи, знаменуетъ сильный поворотъ въ направленіи дѣятельности Од. Ком.: переходъ къ открытой письменной политической агитаціи. Правда, послѣ перваго колебанія вдѣво, Од. Комит. сталъ снова проводить свой взглядъ, что наше самодержавіе не есть самостоятельная сила, съ собственными интересами господства, а лишь простая равнодѣй-

ствующая господствующихъ классовыхъ силъ. Такое доктринерство заставляетъ объяснять всѣ жестокости нашего азіатскаго деспотизма просто какъ... усердіе правительства не по разуму... для пользы капиталистовъ. Такъ, въ ціонистскомъ воззваніи ставится вопросъ: кому нужны эти звѣрства? Нѣтъ отвѣта, ибо они, право, никому не нужны. Точно также въ политическомъ воззваніи къ рабочимъ Попова говорится приблизительно такъ: мы сидѣли себѣ смирно, никого не трогали, мирно отказались работать, а правительство... и т. д. Извѣстно, что фабриканты не всегда хотятъ доводить репрессаліи по отношенію къ рабочимъ до ихъ „логическаго“ конца: имъ слишкомъ опасно имѣть дѣло съ озлобленными рабочими. Но имъ уже не удается остановить расходившуюся въ защиту „престолъ-отечества“ полицію. Такъ было и съ Поповымъ: ему Шуваловъ (градоначальникъ) отказалъ въ освобожденіи рабочихъ, которые ему были необходимы на фабрикѣ. И выходитъ по Од. Комитету, что въ дѣлѣ Попова всѣ жестокости полиціи — простое переусердствованіе полиціи въ дѣлѣ защиты интересовъ капиталистовъ.

Южная Р. Г. С.-Д. устроивши свой внутреннія дѣла, принялась въ ноябрѣ выполнять свою программу, — развивать агитацію среди широкой массы, развивать ея политическое сознаніе, не дожидаясь какихъ-либо особыхъ событій, вродѣ ціонистскихъ избіеній или безобразій у Попова. Первымъ дѣломъ было вышущено общее воззваніе къ рабочимъ и особое — къ оппозиціонной интеллигенціи. Не ограничиваясь обычнымъ разбрасываніемъ по рабочимъ кварталамъ и раздачей по рукамъ, Ю. Р. Г. Соц.-Дем. рѣшила распространить воззванія и въ публичныхъ мѣстахъ, на виду многочисленной публики. И вотъ, сначала въ аудиторіи на чтеніи лекцій для народа, а затѣмъ одновременно въ двухъ главныхъ театрахъ, въ Русскомъ и Городскомъ, были разбросаны листки съ блестящимъ успѣхомъ во время игры. Жертвъ изъ Группы не было, но нѣкоторыя постороннія лица временно пострадали. Это была своего рода открытая мирная демонстрація: бѣлыя бумажки съ ярко-красными ленточками летѣли по всему театру. Въ первую минуту публика не поняла, въ чемъ дѣло, но, скоро сообразивъ, стала прятать бумажки по карманамъ. Кромѣ того, было разослано еще по домамъ почтой много этихъ же прокламацій.

Заговорили вездѣ и повсюду о соціализмѣ, политической борьбѣ, въ то время, какъ прежде, кромѣ нѣкоторыхъ слуховъ о стачкахъ и арестахъ, ничего не слышно было въ области „нелегальнаго“. Дальнѣйшая дѣятельность Ю. Р. Г. С.-Д., такъ сказать, оффиціальная, состояла въ выпускѣ листка въ память 14 декабря. Затѣмъ въ декабрѣ же были выпущены листки къ каменоломщикамъ, къ желѣзнодорожнымъ рабочимъ, къ рабочимъ пробочныхъ заводовъ. Къ новому году былъ выпущенъ № 1 „Летучаго Листка Ю. Р. Г. С.-Д.“

Такова внѣшняя дѣятельность Ю. Р. Г. С.-Д. Внутренняя же ея дѣятельность неизвѣстна и обнаружится только по истеченіи немалаго времени. Если Ю. Р. Г. С.-Д. употребитъ всѣ усилія, чтобы поставить движеніе въ Одессѣ прочно, закрѣпить глубоко его корни, содѣйствовать всестороннему развитію рабочихъ, втягиваемыхъ въ борьбу, то за нею останется огромная заслуга въ развитіи сознательнаго соц.-демократ. движенія въ Одессѣ.

Отъ редакціи. Помѣщая эту корреспонденцію, принадлежащую, очевидно, стороннику одной изъ двухъ одесскихъ соц.-демократическихъ организацій, мы, разумѣется, оставляемъ на отвѣтственности автора объективность данной имъ характеристики Одесскаго Комитета. Съ своей стороны, привѣтствуя энергичный починъ „Южнорусской Группы соц.-демократовъ“ въ дѣлѣ внесенія въ одесское движеніе новой струи, мы выражаемъ надежду, что піонерамъ политической агитаціи въ Одессѣ удастся убѣдить несогласныхъ съ ихъ тактикой товарищей успѣхомъ своей дѣятельности и тѣмъ сдѣлать возможнымъ возстановленіе организаціоннаго единства въ рядахъ одесскихъ соц.-демократовъ.

Екатер. Ком. Росс. Соц.-Дем. Рабочей Партіи обратился съ слѣдующей прокламаціей:

Ко всѣмъ рабочимъ г. Екатеринослава.

„Царскіе опричники никакъ не могутъ успокоиться. Имъ мало показалось крови, пролитой 15-го декабря. Они не удовлетворились тѣмъ, что цѣлый мѣсяцъ гноили въ тюрьмѣ 53 человѣка, между которыми попались 15 лѣтніе мальчики и старые набожные евреи. Они мечутся теперь, какъ угорѣлые, тщетно стараясь отыскать постоянно ускользающихъ изъ ихъ рукъ революціонеровъ.

„Въ ночь подъ 16 января они напали на мирно спящій Екатеринославъ, обыскали школы, библіотеки и частныя квартиры. Арестовали всѣхъ, кто имъ показался почему либо подозрительнымъ. Великъ страхъ парскаго правительства передъ рабочимъ движеніемъ, товарищи! Оно видитъ теперь, что всѣ, кто ненавидитъ его самодержавный произволъ, кто борется съ бандой хищниковъ, всѣ стекаются подъ знамя соціаль-демократической партіи. Оно знаетъ, какъ много у него враговъ, потому съ ожесточеніемъ и набрасывается на всякаго, кто кажется имъ крамольникомъ. Чего-же хотимъ мы, сознательные враги царскаго правительства?

„Мы добиваемся сверженія самодержавія, этого стараго покровителя крѣпостного права, мы требуемъ законовъ, которые сняли-бы съ насъ тяжесть налоговъ и повинностей, мы стоимъ за уничтоженіе солдатчины, такъ какъ не хотимъ убивать такихъ же, какъ мы, людей ради выгоды капиталистовъ, мы добиваемся права защищать свои интересы отъ наглости эксплуататоровъ и отказываемся отъ полицейской опеки правительства. Мы хотимъ сами управлять своими дѣлами, говорить на собраніяхъ и писать въ газетахъ все, что полезно намъ. Десятки лѣтъ ужъ длится наша борьба съ насиліемъ и хищничествомъ. И эта борьба не проходитъ безслѣдно Мы вынудили правительство считаться съ нашими требованіями, больше — оно насъ боится. Правительство понимаетъ, что передъ краснымъ знаменемъ рабочей революціи неминуемо должно пасть царское самодержавіе и все, чѣмъ оно держится: капиталисты, чиновничество и полиція... А самое главное — мы выучились бороться, товарищи! Мы ясно теперь сознаемъ свое политическое безправіе и экономическое угнетеніе. Мы знаемъ, кто наши враги, въ чемъ смыслъ нашей упорной, по побѣдоносной борьбы. Опытъ прежнихъ лѣтъ не пропалъ для насъ.

„Вы видите всѣ, что послѣ набѣга жандармской сволочи, какъ и передъ набѣгомъ мы сильны своей организаціей, своей сплоченностью. И еще не разъ мы будемъ ужасать правительство и капиталистовъ своею несокрушимой силой до тѣхъ поръ, пока не рушится царскій тронъ отъ ударовъ многомилліонной мускулистой руки рабочаго, пока не восторжествуетъ новый соціалистическій строй жизни, основанный на всеобщемъ равномъ для всѣхъ трудящихся правѣ на счастье. Итакъ, товарищи, дружно впередъ на новую борьбу! Да здравствуетъ соц.-демократія, долой капиталистовъ, долой самодержавіе!“

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ
и
ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Николаевъ. Въ ночь на 21 января произошли въ Николаевѣ аресты въ связи съ массовымъ разбросомъ прокламацій. Не задолго передъ тѣмъ въ мѣстномъ адмиралтействѣ Юрьевъ разрѣшилъ на праздникахъ рабочимъ не приходить на третій день Рождества, а потомъ, по приказанію высшаго начальства, ихъ оштрафовали. Когда рабочіе выразили протестъ, онъ четырехъ уволилъ. По этому поводу были разбросаны прокламаціи 13 января. — Изъ Николаева переведенъ въ Тамбовъ старшимъ фабричнымъ инспекторомъ Влад. Влад. Рюминъ. Онъ разыгрывалъ въ Николаевѣ изъ себя либерала и даже краснаго, на дѣлѣ былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ жандармеріей, и многіе мѣстные провокаторы обязаны своей карьерой Рюмину. Рюминъ — усердный послѣдователь зубатовской политики. Газета „Южная Россія“ отъ 25 января сообщаетъ, что Рюминъ проектируетъ уже открыть въ Тамбовѣ „общество потребителей-рабочихъ“, очевидно, подобное тому, какое существуетъ въ Николаевѣ. Этому господину поднесли при отъѣздѣ прочувствованный адресъ съ подписями, которыя собрали провокаторы.

На дняхъ рабочіе судостроительнаго завода вывели изъ мастерскихъ мастера, надѣвши ему мѣшокъ на голову, что вообще практикуется съ подобными господами. Изъ-за этого „мѣшка“ нѣсколько человѣкъ было уволено.

Воронежъ. Имѣется у насъ казенный винный складъ, работающихъ на немъ чел. 200, преимущественно дѣвушекъ. Заработокъ очень и очень невысокій, самый высшій 12 руб. Обращеніе со стороны завѣдующихъ, хотя лицъ и съ высшимъ образованіемъ, далеко не безукоризненно. Допускаются всякія шуточки, выходки. Требуется въ складѣ безусловная чистота, отъ работницъ требуется, чтобы онѣ являлись чисто одѣтыми. При маломъ заработкѣ это является не легкой обузой. Каждое отдѣленіе должно за день очистить не менѣе опредѣленной нормы числа бутылокъ. Но въ наймѣ работницъ казна такъ экономна, что существующаго комплекта еле-еле хватаетъ для выработки нормы въ 10-час. раб. день; на обязанности же работницъ лежитъ подмываніе пола. Для этого работницъ, не платя имъ лишней платы, каждый день задерживали на полчаса. На ихъ заявленія, что онѣ не обязаны этого дѣлать, слѣдовала площадная брань, болѣе заносчивыхъ увольняли. Наконецъ, терпѣніе работницъ не выдержало, и онѣ въ обѣдъ, вмѣсто того, чтобы разойтись, собрались на дворѣ для выбора депутаціи къ управляющему. Управляющій, помнящій разгромъ харьковскаго виннаго склада, моментально уступилъ. Послѣ этого со стороны завѣдующаго начались безконечныя мелочныя придирки, ругань же онъ не считалъ нужнымъ прекратить. Слесаря страшно довольны дѣвицами. Слѣдуетъ имъ теперь подумать о дальнѣйшемъ улучшеніи своего состава съ боевыми патронами. А мѣстнымъ соціалдемократамъ пора бы обратить вниманіе на положеніе рабочихъ казеннаго склада.

Заводъ Понизовнина, Костромской губ.

На паточный заводъ Понизовнина мѣстные крестьяне подрядились возить картофель. Добрый хозяинъ, радѣя о нуждахъ крестьянъ и не желая заставлять далеко ѣздить за покупками, устроилъ у околицы лавку. При пріемѣ картофеля происходило самое безсовѣстное обмѣриваніе. Заводъ остроумно завелъ „нормальный“ четверикъ, въ который обыкновенныхъ входитъ $1^1/_2$. Когда же приходится получать деньги, то удивленному крестьянину даютъ какую-то мелочь — остальное пошло на уплату долга въ лавочку. Нѣкоторые падаютъ на колѣни, просятъ пощадить; другіе же рѣшили возить на другой заводъ или въ городъ. Но лавка такъ успѣла запутать крестьянъ, что они все не могутъ расплатиться... Приказчикъ лавки, какъ хищная птица, выслѣживаетъ проѣзжающихъ крестьянъ, и разъ замѣтилъ — все кончено! — возъ сваливаютъ и объявляютъ, что заводъ принялъ картофель, даютъ денегъ по прежней, „нормальной“ цѣнѣ и затѣмъ объявляютъ, что осталось за крестьяниномъ столько-то. „Доколѣ, Господи?“ шепчутъ крестьяне. Дотолѣ, отвѣтимъ, пока будете терпѣливо сносить всякое издѣвательство.

Въ Костромѣ и Ивановѣ были выпущены прокламаціи по поводу усиленной охраны.

Нижній-Новгородъ. Начальникъ „электрички“ пустилъ въ ходъ угрозы и подкупъ, чтобы добиться отъ служащихъ, кто давалъ имъ „Рабочую Газету“. Напрасно тревожился: между этими служащими, получающими гроши за свой трудъ, не нашлось ни одного, который согласился бы опозорить свое честное имя за деньги, обѣщанныя Левестамомъ. За выдачу обѣщался гонораръ въ 100 руб. Этотъ фактъ показываетъ добровольному сыщику Левестаму, что такихъ преданныхъ негодяевъ, какъ онъ, среди привыкшихъ къ честному труду — немного.

Въ Сормово наканунѣ Николина дня нагрянули жандармы, произвели нѣсколько обысковъ и ничего не нашли. Черезъ нѣсколько дней, 12 декабря, по поводу пониженія расцѣнка, въ мѣднолитейномъ цехѣ, было расклеено и распространено по заводу и поселку 800 прокламацій. Вслѣдъ за тѣмъ вышущено было 1200 прокламацій по поводу введенія усиленной охраны. Прокламаціи читались съ интересомъ; лишь весьма малое число ихъ попало въ заводскую контору и полицію. У расклеенныхъ на столбахъ прокламацій собирались прохожіе; кто-нибудь читалъ вслухъ, а всѣ прочіе внимательно слушали, прерывая чтеніе возгласами, вродѣ: „батюшки, что пишутъ и вѣдь съ разрѣшенія комитета“. Начался усиленный сыскъ, установлены непрерывныя ночныя и дневныя дежурства цѣлыхъ отрядовъ шпіоновъ, какъ въ заводѣ, такъ и на улицахъ. Обыскивали при входѣ въ заводъ каждаго опоздавшаго къ началу работъ. Покуда никакого толку изъ всѣхъ этихъ стѣсненій для жандармеріи не получается. Наконецъ, 17 дек. двинуты были въ Сормово войска: 6 ротъ усиленнаго состава съ боевыми патронами. Къ чему потребовалась такая необычайно энергичная мѣра, — понять невозможно, такъ какъ въ Сормовѣ никакихъ волненій, никакой стачки еще не начиналось. Пройдя разокъ по Сормову церемоніальнымъ маршемъ, войска расположились близь Варь, и открыли пальбу, словно на маневрахъ. Черезъ день, впрочемъ, они были отозваны, хотя, говорятъ, 100 чел. долго чего-то ждали на пожарномъ дворѣ.

Вышелъ въ свѣтъ № 2 „Летучаго Рабочаго Листка“. Содержаніе: 1) усиленная „охранка“, 2) хроника нижегородскихъ арестовъ, 3) В. С. Арефьевъ и нижегородская охрана, 4) палка о двухъ концахъ, 5) какъ я сдѣлался соціалдемократомъ, 6) настроеніе нижегородской учащейся молодежи, 7) Харьковское побоище, 8) о нижегородскихъ ремесленникахъ.

Пошехонскій уѣздъ Ярославской губ.

Пошехонскій уѣздъ славится развитымъ маслодѣліемъ, такъ же какъ и сосѣдняя съ нимъ Вологодская губ. Вдали отъ желѣзныхъ дорогъ „затерялося небогатое наше село“; земледѣліе почти совсѣмъ не кормитъ, приходится или искать подсобныхъ промысловъ, или уходить куда глаза глядятъ... Уйти при существующихъ деревенскихъ отношеніяхъ не такъ-то легко: паспортъ въ наиболѣе захудалыхъ деревняхъ достать трудно; упорно держатся правила — помирать, такъ всѣмъ помирать... И тихо, незамѣтно помираютъ. На этой почвѣ нищеты и земельнаго утѣсненія (отсутствіе пахотной земли) пышно расцвѣтаетъ наше маслодѣліе. Заводъ самъ по себѣ очень небольшой, количество работающихъ на немъ рѣдко достигаетъ десяти чел.: ручной двигатель, нѣсколько сепараторовъ, пріемная изба — вотъ и весь „заводъ“. За то около этого маленькаго гнѣзда вьются часто цѣлыя деревни, для которыхъ онъ является единственнымъ „поильцемъ-кормильцемъ“. Прежде, чѣмъ откроется такой „заводъ“, происходитъ „скупка деревень“, т. е. заключеніе съ крестьянами ближайшихъ деревень условія, по которому они обѣщаются доставлять молоко заводу и только ему. Сначала даютъ задатки, хорошо платятъ за молоко, разрѣшаютъ оставлять немного молока дома. Разъ произошло „пріученіе“ или, какъ говорятъ нѣкоторые заводчики, „прирученіе“ крестьянъ, картина мѣняется. Начинается браковка молока, задерживается разсчетъ; съ развитіемъ производства (а дѣло это наживное) требуютъ доставки полнаго удоя, иначе грозятъ совсѣмъ не принимать; нѣкоторыя семьи и сами начинаютъ тянуться за большимъ заработкомъ. Въ результатѣ семья начинаетъ питаться однимъ хлѣбомъ да „отдѣленнымъ“ молокомъ, сипороткой; этой сипороткой кормятъ и дѣтей; быстро начинаетъ развиваться дизентерія: дѣтская смертность повышается, и любимой пѣснью деревни становится:

Сипоратъ — плоха машина,
Съ молока болитъ брюшина и т. д.

Разоренный собственно дворъ, и на немъ три коровы служащія часто доказательствомъ для народниковъ, что развитіе маслодѣлія (особенно артельнаго) повышаетъ благосостояніе... Любопытно здѣсь отношеніе маслодѣловъ къ артелямъ. Когда-то Верещагинъ насаждалъ здѣсь артели, быстро распавшіяся; ихъ мѣсто заняли деревенскія артели; я уже указывалъ, что особенно трудно поставить дѣло сначала, „пріучить“ крестьянъ. Много денегъ зря выходитъ, много хлопотъ, неувѣренность, что наладилось дѣло. Эту первоначальную, организаціонную работу для капиталистическихъ маслодѣленъ съ успѣхомъ выполнили Верещагинскія артели. Маслодѣлы не забыли этой выгодной операціи; не рѣдки случаи, когда желающій поставить заводъ подбиваетъ крестьянъ устроить артельное предпріятіе, даетъ даже ссуды и когда артельное начинаніе въ силу задержки кредита начинаетъ хирѣть (а въ такой будущности каждый умный кулакъ увѣренъ), заимодавецъ „спасаетъ“ артельщиковъ и беретъ ихъ подъ свое отеческое попеченіе „со всѣми кишками и потрохами“, какъ говорятъ крестьяне. Таковъ смыслъ всѣхъ артельныхъ начинаній, ту же роль сыграетъ и народничествующее ярославское земство. Самымъ же вѣрнымъ средствомъ закабалить крестьянъ служатъ лавочки. Заводовъ безъ лавочекъ почти нѣтъ; расплата товарами (truck system) примѣняется самымъ широкимъ образомъ. Въ деревнѣ, въ которой носятъ молоко, обыкновенно уже другой лавки нѣтъ. Цѣны въ заводской лавкѣ раза въ 2-3 дороже обычныхъ; за то отпускаютъ и въ долгъ и за счетъ принесеннаго молока. Обязательства къ заводу крѣпко опутываютъ крестьянина; когда же онъ думаетъ вздохнуть, поспѣваетъ правительство со своими податями, недоимками и окончательно придушиваетъ крестьянина. Попробуйте найти выходъ. Что касается рабочихъ, то ихъ положеніе такъ скверно, что обыкновенно идутъ совсѣмъ разорившіеся... Картина этой эксплуатаціи, совершающейся гдѣ-то въ тиши и дали, могла бы вскрыть много интереснаго; я лишь случайно попалъ въ эти мѣста и потому не могъ достаточно подробно вникнуть въ эти отношенія; прошу товарищей, стоящихъ ближе, поработать надъ собираніемъ этого матеріала.

Приказчики въ Минскѣ. Въ № 4 издающейся на еврейскомъ языкѣ газеты „Минскій рабочій“ (органъ „Бунда“) находимъ слѣдующія подробности о положеніи мѣстныхъ приказчиковъ:

„Неприглядна жизнь приказчика у насъ въ Минскѣ. Поступивъ 12-13 лѣтъ въ лавку, онъ въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ работаетъ на правахъ „мальчика“ и получаетъ за все это время всего-на-все 80 руб., подвергаясь такимъ мучительствамъ, которыя ставятъ его на одну доску съ запроданнымъ рабомъ; онъ мететъ лавку, топитъ печи, моетъ посуду, бѣгаетъ на побѣгушкахъ, вообще исполняетъ роль прислуги и часто ее замѣняетъ. По истеченіи трехъ лѣтъ онъ становится заправскимъ приказчикомъ и начинаетъ получать отъ 1 р. 50 к. до 2 руб. въ недѣлю. Это значитъ, что послѣ трехъ лѣтъ каторжнаго труда онъ добивается такого положенія, которое его вынуждаетъ постоянно обращаться за помощью къ родителямъ и родственникамъ и кормиться на ихъ счетъ, а если онъ иногородній и не имѣетъ другихъ ресурсовъ къ жизни, кромѣ своего заработка, то онъ обреченъ на голодъ, холодъ и всякія лишенія. Съ теченіемъ времени заработокъ приказчика повышается и можетъ дойти до 4 руб. въ недѣлю. Рабочій день непомѣрно длиненъ, въ среднемъ 15 час. Положеніе приказчицъ еще хуже, плата ихъ въ среднемъ не больше 1 р. 50 к. въ недѣлю. Приказчиковъ и приказчицъ насчитывается въ Минскѣ до 1800, изъ которыхъ значительная часть ходитъ безъ работы“.

Съ мая 1900 г. приказчики организовались въ кассу борьбы и начали рядъ стачекъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.
АВСТРІЯ.

Бойня въ Трієстѣ. 3 февраля 200 истопниковъ на пароходахъ общества Лойда прекратили работы, требуя сокращенія рабочаго дня и другихъ мелкихъ улучшеній. Стачка была вызвана новымъ распоряженіемъ общества, которое удлиняло и безъ того длинный рабочій день истопниковъ. Австрійское правительство тотчасъ же вмѣшалось въ стачку. Преслѣдовать стачечниковъ законнымъ путемъ оно не могло — австрійская конституція признаетъ свободу стачекъ; но оно могло командировать на суда общества истопниковъ съ казенныхъ пароходовъ, и оно это сдѣлало. Такимъ образомъ, на сторонѣ и безъ того сильнѣйшихъ капиталистовъ оказалось все могущество государства, и государственная власть лишній разъ заставила своихъ собственныхъ рабочихъ играть роль предателей по отношенію къ своимъ стакнувшимся братьямъ. Австрійская конституціонная монархія въ этомъ отношеніи такъ же „угождаетъ“ крупнымъ капиталистамъ, какъ и самодержавіе „господъ Обмановыхъ“ и республиканское правительство Франціи, въ которомъ засѣдаетъ якобы соціалистъ Милльеранъ.

Разумѣется, услуга со стороны государственной власти ободрила надменныхъ капиталистовъ, и они упорно отказывались отъ всякихъ переговоровъ съ стачечниками. Но та же грязная услуга вызвала сильное возмущеніе во всѣхъ рабочихъ города Трієста. Не смотря на разноплеменность своего состава (нѣмцы, итальянцы, славяне), всѣ рабочіе Трієста рѣшили поддержать стачечниковъ всеобщей стачкой. 8 февраля 10,000 рабочихъ во всѣхъ отрасляхъ производства прекратили работу.

Всеобщая стачка вынудила общество Лойда отказаться отъ своей высокомѣрной тактики. Оно согласилось представить свой споръ съ рабочими третейскому суду. Казалось бы, дѣло должно было направиться къ мирному разрѣшенію. Но не тутъ-то было.

Тамъ, гдѣ данная группа капиталистовъ пассуетъ передъ организованнымъ сопротивленіемъ рабочихъ, на помощь ей прибѣгаетъ организованная сила всей буржуазіи, всѣхъ имущихъ классовъ. Этой организованной силой является государственная власть съ ея пушками и штыками, съ ея судьями, полицейскими и палачами.

Намѣстникъ Трієстской провинціи, графъ Гессъ, одинъ изъ представителей той кичливой аристократіи, которая не прочь пококетничать съ рабочимъ классомъ изъ зависти къ растущему могуществу денежныхъ тузовъ, но въ то же время, занимая выдающіяся мѣста по управленію государствомъ, при случаѣ оказывается вѣрнымъ лакеемъ этихъ самыхъ рыцарей капитала, — этотъ графъ Гессъ почувствовалъ необходимость „спасать отечество“. Стачечники толпами ходили по улицамъ Трієста, выражая свое негодованіе противъ пароходной кампаніи, но не производя никакихъ нарушеній порядка. Графъ Гессъ немедленно послалъ значительную военную силу, чтобы „разсѣивать скопища“. 14 февраля шумная толпа рабочихъ натолкнулась на отрядъ солдатъ. На отказъ рабочихъ разойтись, войско отвѣчаетъ, ударивъ въ штыки. Рабочіе обороняются камнями, и одинъ изъ нихъ ранитъ командира въ голову. Раздается приказъ „пли!“, и солдаты стрѣляютъ. На мѣстѣ убито 5 чел.; масса раненныхъ. Въ то же время въ другомъ концѣ города солдаты убиваютъ еще двоихъ. Изъ многочисленныхъ раненныхъ за ночь умираютъ четверо. Всѣхъ этихъ жертвъ оказалось мало „охранителямъ порядка“.

Убійство безоружныхъ рабочихъ возмутило все населеніе города. Въ знакъ своей печали, оно убрало дома черными флагами. Неудовлетворенныя вчерашними убійствами, власти еще „задираютъ“ рабочихъ, отдавъ приказъ сорвать эти флаги. По этому поводу, конечно, произошли новыя столкновенія солдатъ съ рабочими, снова усовершенствованныя ружья стрѣляли въ толпу, снова четверо пало убитыми. Изъ общей массы убитыхъ—одинъ мальчикъ, одна дѣвочка и нѣсколько женщинъ. На сторонѣ „побѣдителей“ — ранено нѣсколько солдатъ и уже послѣ третьей бойни на улицѣ убитъ выстрѣломъ полицейскій. Неизвѣстный убійца скрылся. Этого убійства было достаточно, чтобы правительство ввело осадное, а затѣмъ и военное положеніе, отмѣняя, такимъ образомъ, на время всѣ права, которыя даны австрійскимъ гражданамъ конституціей, и угрожая

„преступникамъ“ смертной казнью. Безсмысленная и ненужная бойня возмутила даже мѣстную буржуазную публику. Городская дума города Тріеста постановила похоронить всѣхъ убитыхъ на счетъ города и обезпечить осиротѣлыя семьи. Къ этому времени третейскій судъ, разобравшій споръ рабочихъ съ пароходной компаніей, вынесъ приговоръ, признававшій требованія стачечниковъ справедливыми. Компанія должна была подчиниться приговору и уступить рабочимъ. Очевидно, и всеобщей стачки и кровавыхъ столкновеній съ войсками можно было бы избѣгнуть, если бы компанія съ самаго начала приняла предложеніе о третейскомъ судѣ.

Стачка прекратилась, а правительство стало готовиться къ другой битвѣ — къ отвѣту соціалистическимъ депутатамъ въ парламентѣ. Пользуясь провозглашеннымъ въ Тріестѣ осаднымъ положеніемъ, стали арестовывать разныхъ „зачинщиковъ“ и подъ шумокъ пускали въ газеты слухи о томъ, что все, что случилось, — дѣло рукъ анархистовъ. Едва-ли кто-нибудь вѣритъ въ серьезъ этой побасенкѣ и считаетъ поведеніе тріестскихъ властей законнымъ, но, тѣмъ не менѣе, буржуазное лицемѣріе радостно схватилось за этотъ поводъ, чтобы уклониться отъ обязанности наказать дѣйствительныхъ „зачинщиковъ“ — графа Гесса и его помощниковъ.

Въ засѣданіи парламента соціалистическіе депутаты рѣзко нападали на гнусное поведеніе властей и требовали отъ правительства отчета въ пролитой имъ крови. Они требовали отмѣны военнаго положенія и смѣщенія графа Гесса. Послѣ объясненій министра Кербера, свалившаго всю вину на анархистовъ, буржуазныя партіи поспѣшили похоронить дѣло въ коммиссіи, отвергнувъ требованіе соціалистовъ.

Этого и надо было ожидать. Имущіе классы въ сколько-нибудь свободныхъ странахъ только и могутъ надѣяться проядить свое господство, по скольку имъ обезпечена помощь государственной власти противъ растущаго рабочаго движенія. Поэтому, буржуазныя партіи не могутъ рѣшиться на такой шагъ (какъ бы онѣ сами ни признавали его справедливымъ), который можетъ подорвать уваженіе къ государственной власти въ темныхъ народныхъ массахъ; онѣ вынуждены освящать всякое преступленіе солдатчины и полиціи, лишь бы не сыграть въ руку соціализму. Классовый интересъ всегда торжествуетъ надъ чувствомъ справедливости.

„Но какая же польза для австрійскихъ рабочихъ отъ конституціи, отъ политической свободы, если такая бойня, какъ Тріестская, не только возможна, но и должна остаться безнаказанной?“ спроситъ, быть можетъ, читатель.

Политическая свобода, отвѣчаемъ мы, не уничтожаетъ классоваго характера современнаго государства, но она даетъ пролетаріату возможность разоблачать этотъ классовый характеръ. Она не позволяетъ затушить самый разговоръ о происшедшей бойнѣ какими-нибудь „временными правилами“ и тѣмъ самымъ ослабить вліяніе происшедшихъ событій на развитіе сознанія пролетаріата. Благодаря политической свободѣ, расправа, произведенная надъ рабочими въ Тріестѣ, не только не внесетъ въ ихъ ряды уныніе и разочарованіе, но непремѣнно послужитъ могучимъ толчкомъ развитію классового самосознанія всего австрійскаго пролетаріата. Политическая агитація, свободно ведущаяся въ собраніяхъ, въ печати и въ парламентѣ, воспользуется этимъ проявленіемъ классового гнета, чтобы закрѣпить въ рабочихъ массахъ сознаніе необходимости устраненія всякаго классового господства.

При раздѣленіи общества на классы, всякія мечты о „мирномъ прогрессѣ“ являются „безсмысленными мечтаніями“. Политическая свобода никогда не въ состояніи оградить рабочій классъ отъ жестокости современнаго строя и его представителей. Но политическая свобода можетъ помочь тому, чтобы „ни одна капля человѣческой крови не пропала даромъ“, чтобы происшествія, подобныя Тріестскимъ, не прошли безслѣдно для дѣла развитія пролетаріата.

Австрійскіе рабочіе давно уже отказались отъ анархистскихъ предразсудковъ относительно политической свободы и дѣятельно ведутъ борьбу за завоеваніе всеобщаго, равнаго и прямого избирательнаго права.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Приводимъ полностью прокламацію, зовущую къ демонстраціи 19 февраля и изданную (печатно) нашей организаціей:

Товарищи-рабочіе!

Снова широкой волной разливается по Русской землѣ движеніе протеста противъ царскаго правительства; снова тысячи и десятки тысячъ рабочихъ, студентовъ, городского простонародья, наконецъ, просто образованнаго и зажиточнаго общества идутъ на улицу, не боясь ни казацкихъ нагаекъ, ни полицейскихъ шашекъ и дубинъ, ни даже солдатскихъ пуль и штыковъ, чтобы заявить во всеуслышаніе о своей глубокой враждѣ ко всему существующему строю, о своей непримиримой ненависти къ царству произвола, кнута и нагайки. Нѣтъ больше силъ таить про себя эту горячую ненависть, эту накипѣвшую вражду. Десятки лѣтъ она тихо разгоралась въ насъ, наполняя наши сердца тайнымъ огнемъ, и наконецъ вылилась широкимъ огненнымъ потокомъ, ярко освѣтившимъ темное царство произвола и насилія. И широкія народныя массы впервые почувствовали себя свободными людьми, открыто заявляющими свою волю, свои желанія. Но это — свобода лишь на минуту: стоны и муки избиваемыхъ, окровавленныя лица, дикій топотъ копытъ надъ нашими тѣлами слишкомъ скоро напоминаютъ намъ о торжествѣ насилія надъ правдой. Не смириться-ли намъ передъ этимъ торжествующимъ насиліемъ? Проклятіе и вѣчное презрѣніе тому, кто не найдетъ въ своемъ заячьемъ сердцѣ другого отвѣта! Смириться, передъ кѣмъ-же? Передъ правительствомъ, которое на всѣ народныя нужды, на всѣ стоны милліоновъ голодающихъ имѣетъ только одинъ отвѣтъ: кнутъ да тюремные застѣнки! Въ годину кризиса, въ годину промышленнаго застоя, когда сотни тысячъ промышленныхъ рабочихъ безжалостно выброшены на улицу безъ куска хлѣба, безъ пріюта и пристанища, оно заботится только объ одномъ: чтобы удалить съ глазъ этотъ опасный для него элементъ, запрятать его подальше въ глушь деревень. Что ему до того, что въ обнищалой деревнѣ высланный рабочій найдетъ еще худшія страданія, еще горшій голодъ? За то оно будетъ спокойнѣе за себя, за свое собственное господство; за то будетъ спокоенъ за свою собственность господинъ капиталъ, этотъ другъ и опора самодержавія. Оно нашло десятки милліоновъ для поддержки зарвавшихся капиталистовъ, для спасанія проигравшихся биржевиковъ; не нашло лишь ни копѣйки для того, чтобы помочь промышленнымъ рабочимъ пережить тяжелое время. Въ годъ народнаго голода, когда по свѣдѣніямъ самого правительства изъ 79 губ. и областей Россіи въ шестидесяти крестьяне переживаютъ тяжелое испытаніе, когда они принуждены сбывать за безцѣнокъ „самый необходимый въ хозяйствѣ скотъ“, „чуть-ли не послѣднюю лошадь“, а въ 29 губ. прямо голодаютъ и мруъ, оно объявило борьбу не съ голодомъ, а съ голодающими. Оно вырвало дѣло народнаго продовольствія изъ рукъ земства, которое дѣлало съ своей стороны все, что могло, для уменьшенія нужды, и теперь занято лишь однимъ — чтобы уменьшить до крайности ссуду голодающимъ и не допустить до голодныхъ ртовъ кусокъ хлѣба, который ему хотятъ подать люди, сочувствующіе народной нуждѣ. Оно боится, что среди людей, готовыхъ отдать свои силы дѣлу помощи голодающимъ, найдутся такіе, которые пожелаютъ открыть глаза крестьянину на истинныя причины его страданій, указать ему, кто его истинный врагъ, и поэтому допускаетъ помощь голодающимъ только черезъ полковниковъ и генераловъ своего Краснаго Креста. Удивительно-ли, что Красный Крестъ, къ которому никто не питаетъ довѣрія, могъ собрать на помощь голодающимъ 29 губ. лишь 317 тыс. руб., т. е. по копѣйкѣ на голодную душу?.. На все, на все у него одинъ отвѣтъ: насиліе. „Тащить и не пущать“ — вотъ его девизъ. Оно подвергаетъ жестокимъ гоненіямъ десятки милліоновъ русскихъ крестьянъ-сектантовъ за то только, что по своему понимаютъ они простыя слова евангельскихъ истинъ, что они ищутъ своей правды и признаютъ за ложь то, что выдаютъ за правду продажные православные попы; за то, что не хотятъ они видѣть въ этихъ попахъ представителей Христа на землѣ и за ними слѣпо слѣдовать. Оно гонитъ и травитъ десятки милліоновъ русскихъ гражданъ другихъ вѣръ и національностей — поляковъ, финляндцевъ, евреевъ, грузинъ и т. д. и лишаетъ ихъ даже тѣхъ желкихъ правъ, которыми пользуется всякій русскій рабъ-вѣрноподданный, права говорить и учиться на своемъ родномъ языкѣ, даже права жить тамъ, гдѣ можно найти заработокъ, даже права работать въ казенныхъ мастерскихъ и заводахъ. Нужно-ли еще перечислять всѣ преступленія и звѣрства русскаго правительства? Нужно-ли говорить о годахъ тюремнаго заключенія, о ссылкѣ въ далекую Сибирь всѣхъ, кто осмѣливается заговорить о народной нуждѣ, кто пытается пробудить въ народѣ сознаніе его попранныхъ правъ? Нужно-ли говорить о подавленіи военной силой всякой стачки рабочихъ, всякой попытки помочь себѣ и своимъ товарищамъ своими собственными усиліями? Все это слишкомъ хорошо намъ знакомо; вспомнимъ хотя-бы о дикой расправѣ правительства съ рабочими Обуховскаго завода, о десяткахъ раненныхъ, о трупахъ нашихъ борцовъ, усѣявшихъ поле битвы съ царскими баши-бузуками, о десяткахъ мучениковъ, отправленныхъ на каторгу послѣ пустой комедіи суда.

Товарищи! Этотъ гнетъ давитъ не только насъ, но и всю Россію. И вотъ всѣ, въ комъ есть еще искра живая, въ комъ вѣка рабства не могли совсѣмъ заглушить голоса свободы, вступаютъ въ открытую борьбу съ правительствомъ. Послѣ жестокаго избіенія демонстрантовъ въ Петербургѣ и другихъ городахъ въ мартѣ-апрѣлѣ 1901 г., казалось, все должно было заглохнуть. Но не прошло и года, какъ движеніе проявилось съ новой силой. Въ Харьковѣ правительство цѣлую недѣлю (27 ноября—3 декабря) не могло справиться съ многотысячной толпой рабочихъ, студентовъ и просто городского люда, не могло помѣшать ей двигаться по улицамъ съ красными знаменами, съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ, съ криками: „Долой самодержавіе! Да здравствуетъ свобода!“ Происходятъ небольшія демонстраціи въ Кишиневѣ, въ Москвѣ, въ Ниж.-Новгородѣ, въ Ригѣ. Правительство заволновалось: въ лицѣ Екатеринославскаго губернатора фон-Келлера оно объявило, что не остановится передъ самыми крайними мѣрами для предотвращенія демонстраціи, которая готовилась 16 декабря. Въ этихъ словахъ была угроза стрѣлять по демонстрантамъ; но и это не помогло, и улицы Екатеринослава впервые увидѣли открытыхъ борцовъ за политическую свободу, впервые огласились революціонными криками. Не смотря на пораженія, которыя наноситъ правительство народу, истиннымъ побѣдителемъ изъ уличной борьбы выходитъ не оно, а народъ. И правительство хорошо сознаетъ это, сознаетъ, что не задавить ему уже народныхъ требованій въ потокахъ крови. Тамъ, гдѣ народъ выросъ, гдѣ онъ созналъ свои права, одной силы кулака уже мало. И оно пробуетъ взять хитростью. Убѣдившись, что студенты стойко стоятъ за свои требованія — свободы ученія въ университетѣ и свободы внутренней университетской жизни, — что солдатчина и нагайки не только не усмирили ихъ, а только подвинули ихъ къ революціонной борьбѣ, правительство съ неслыханной для него быстротой принимается за „реформы“. Оно обѣщаетъ ввести новый уставъ въ университеты; оно разрѣшаетъ студентамъ союзы, сходки, кружки, библіотеки и пр., но подъ тѣмъ условіемъ, чтобы на всѣхъ этихъ собраніяхъ и во всѣхъ студенческихъ союзахъ участвовалъ въ качествѣ предсѣдателя его чиновникъ; вопросы на нихъ могутъ подниматься только тѣ, которые одобрены этимъ чиновникомъ, и онъ можетъ во всякую минуту распустить сходку или союзъ. Ясно, что отъ такой „свободы“ студенты не только ничего не выиграютъ, но еще теряютъ ту свободу сходокъ и союзовъ, которую они завоевали уже своей смѣлостью: вѣдь студенты и раньше устраивали сходки и союзы, не спрашиваясь правительства. Конечно, такая „свобода“ не прельститъ студентовъ; они уже поняли теперь, что настоящая академическая свобода нераздѣльна съ свободой всего народа, съ политической свободой, и потому ихъ борьба, ихъ дѣло стало и нашимъ дѣломъ.

Товарищи-рабочіе! Разъясняйте это всѣмъ и каждому и будьте готовы во всякую минуту поддержать студентовъ въ ихъ борьбѣ за свободу!

Ту-же хитрость правительство пустило и по отношенію къ намъ, рабочимъ. Убѣдившись въ безсиліи кнута подавить рабочее движеніе, пустившее уже глубокіе корни въ странѣ, оно рѣшило поманить насъ сладкими рѣчами. Въ Москвѣ, въ Минскѣ, Перми и др. городахъ оно разрѣшаетъ рабочія собранія. На нихъ оно старается всѣми силами убѣдить насъ, что оно — нашъ другъ, что оно все для насъ сдѣлаетъ, лишь-бы мы отказались отъ требованія политической свободы. Но позволяетъ-ли оно говорить на этихъ собраніяхъ о борьбѣ съ капиталомъ, объ устройствѣ стачечныхъ кассъ, этихъ важныхъ орудій въ рукахъ рабочихъ для завоеванія лучшей доли? О, конечно, нѣтъ: вѣдь это — политика! Позволяетъ-ли оно устраивать кружки самообразованія, рабочіе клубы? О да, идите въ чайныя общества трезвости, тамъ вы въ обществѣ оборванцевъ, чуждыхъ сознанія своего человѣческаго достоинства, найдете — полныя лжи и грязи газеты „Свѣтъ“, „Московскія Вѣдомости“, „Новое Время“ да въ приправу — грубое обращеніе завѣдующихъ. За то вы можете свободно устраивать потребительныя лавочки, копилки да... хоры для пѣнія: „Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ“, и еще... что-же еще? — да больше ничего! Товарищи! Вотъ за какія блага разные измѣнники рабочаго дѣла вродѣ Афанасьева, Красицкаго и др. предлагаютъ вамъ отказаться отъ борьбы за соціализмъ и политическую свободу! Нѣтъ, эти Афанасьевы — не наши братья; они — наши худшіе враги, ибо помогаютъ правительству дурачить рабочихъ, водить ихъ за носъ; имъ мѣсто — въ охранномъ отдѣленіи, съ которымъ они уже близко знакомы, или въ рядахъ мелкихъ хозяйчиковъ. Мы найдемъ себѣ другихъ вождей, которыхъ не испугаетъ кнутъ и не прельститъ Зубатовскій пряникъ. Товарищи! намъ предстоитъ еще длинный путь борьбы; не разъ еще правительство будетъ переходить отъ строгости къ сладкимъ рѣчамъ; оно будетъ сильнѣе стегать насъ кнутомъ, а когда это не поможетъ, оно будетъ прельщать насъ все новыми и новыми пряниками. Запомнимъ-же урокъ, который оно дало намъ сейчасъ; поклянемся, что ни за какія блага въ мірѣ мы не продадимъ нашего права первородства въ разыгравшейся борьбѣ за политическое освобожденіе Россіи. Организуйтесь, товарищи, будьте готовы во всякую минуту поддержать всѣхъ борцовъ за политическую свободу! Но не забывайте, что намъ по праву принадлежитъ первое мѣсто въ этой борьбѣ.

Готовьтесь-же, къ общей по всей Россіи демонстраціи въ день 19 февраля.

Долой самодержавіе!

Да здравствуетъ политическая свобода! Да здравствуетъ демократическая конституція!

Мѣстная Организація „Искры“.

СПБ. Комитетъ издалъ брошюру „Процессъ Обуховскихъ рабочихъ“. Въ брошюрѣ не мало интересныхъ данныхъ о ходѣ процесса. Вотъ что, между прочимъ, говорится объ обвиняемыхъ:

„По разсказамъ очевидцевъ рабочіе поражали своимъ спокойствіемъ, бодростью и выдержкой... Глубокое, потрясающее впечатлѣніе производила Марфа Яковлева, съ своимъ мыслящимъ сильнымъ лбомъ и сосредоточеннымъ, горящимъ взглядомъ. Это та героическая натура, тотъ фанатическій, мощный типъ революціонерки, который такъ знакомъ Россіи. Ея интеллигентная рѣчь удивляла и волновала. Не вѣрилось, чтобы въ нечеловѣческой обстановкѣ, въ которой приходится жить русскому рабочему, люди успѣвали, вопреки всѣмъ препятствіямъ, достигать такого развитія... Марфа Яковлева единственная, которая признала себя виновной. Она заявила и на предварительномъ слѣдствіи, и передъ судомъ, что послѣ залповъ, сдѣланныхъ полиціей въ упоръ по толпѣ рабочихъ, она подавала рабочимъ камни, которыми они изъ-за заборовъ сыпали на нападающихъ изъ дома картонной фабрики“.

Къ этому разсказу авторъ брошюры прибавляетъ слѣдующую „философію“:

„Яковлева повиновалась своей прямолинейной, честной натурѣ. Ея сознаніе — такое душевное движеніе, которое легко понять и можно только уважать. Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что сознаніе въ своемъ поступкѣ въ рабочихъ процессахъ неправильная тактика. Весь этотъ вицъ-мундирный судебный сбродъ не стоитъ искренности такихъ людей, какъ Марфа Яковлева... Единственнымъ моральнымъ принципомъ здѣсь должны быть интересы общаго дѣла. Въ неравной борьбѣ защиты обвиняемыхъ съ судомъ должны быть употреблены всѣ средства, чтобы соблюсти какъ можно больше людей и вернуть рабочему классу наиболѣе значительныхъ его членовъ“. „Рабочій процессъ — схватка, и стратегія его та же, что и всего великаго боя: дѣлать то, что цѣлесообразно и практично и не поддаваться обманчивому чувству“.

Все это звучитъ чрезвычайно трезвенно, но вовсе не умно. Не представляется-ли вамъ, читатель, что мы снова присутствуемъ при томъ прискорбномъ зрѣлищѣ, когда интеллигентъ изъ всѣхъ силъ старается задержать революціонное развитіе того самаго пролетаріата, въ дружбѣ къ которому онъ распинается? Намъ представляется, что именно такъ обстоитъ здѣсь дѣло, и что тактика Марфы Яковлевой была безконечно выше, шире, революціоннѣе и цѣлесообразнѣе той тактики, во имя которой нашъ авторъ такъ снисходительно журитъ смѣлую дѣвушку.

Прежде всего, что это за особая тактика для „рабочихъ процессовъ“? Рѣчь должна идти о поведеніи соціалиста вообще въ политическомъ процессѣ или въ такомъ процессѣ, который принялъ политическое значеніе. Попробуемъ же примѣнить точку зрѣнія нашего автора къ такимъ процессамъ въ прошломъ, и мы найдемъ, что въ поведеніи Желябова и Перовской, а въ недавнее время П. Карповича и Езіоровскаго (дѣло объ убійствѣ шпіона въ варшавскомъ военномъ судѣ 1900 г.) проявилась неправильная тактика, что ихъ признаніе передъ судомъ было только прекраснымъ „душевнымъ движеніемъ“, которое слѣдуетъ „понять и уважать“, но не мѣшаетъ осудить, какъ нецѣлесообразное. А мы-то до сихъ думали, что поведеніе Желябова или Перовской на судѣ является логическимъ продолженіемъ ихъ политической дѣятельности на волѣ, является послѣднимъ служеніемъ дѣлу. Поведеніе соціалиста на судѣ можетъ служить новой демонстраціей, и по истинѣ „куцой“ приходится признать ту точку зрѣнія, которая игнорируетъ такое значеніе тактики, принятой М. Яковлевой. Да и какъ не замѣчаетъ самъ авторъ, что одно сообщеніе въ его брошюрѣ о геройскомъ поведеніи М. Яковлевой будетъ имѣть большое агитаціонное значеніе, и это не смотря на то, что это сообщеніе сдобрено вышеприведенными образцами мѣщанской „практичности“. Нельзя требовать отъ всѣхъ жертвъ царскаго „правосудія“, чтобы они обращали скамью подсудимыхъ въ поле для новой идейной битвы съ врагомъ. Но если среди этихъ жертвъ находится личность, способная на такую роль, то требовать отъ нея, чтобы она поступала „какъ всѣ“, болѣе, чѣмъ странно. Та самая тактика, которая въ тайномъ жандармскомъ слѣдствіи была бы простымъ донкихотствомъ, въ условіяхъ какого бы то ни было судебнаго процесса можетъ пріобрѣсти крупное политическое значеніе.

Другими словами: 18-лѣтняя Марфа Яковлева своимъ поведеніемъ на судѣ оказала рабочему движенію большую услугу, а нашъ „интеллигентъ“, усмотрѣвшій въ этомъ поведеніи только красивое „душевное движеніе“, проявилъ изрядную близорукость, которая только компрометируетъ насъ, соціалдемократовъ, въ глазахъ постороннихъ.

Считаемъ нужнымъ отмѣтить, что СПБ. Комитетъ въ особомъ примѣчаніи оставляетъ за собой право высказаться впослѣдствіи по поднятому авторомъ вопросу, отказываясь, тѣмъ самымъ, отъ солидарности съ странными взглядами автора брошюры.

Л. Г. Дейчъ проситъ насъ передать его благодарность всѣмъ тѣмъ, кто послалъ ему привѣтствія по поводу удачнаго побѣга.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

„Клэру“. Дайте поскорѣе еще одинъ адресъ. Кажется, не всѣ письма получаете. Ваши получены. Большое спасибо.

„Л. Л.“ Дайте новый адресъ.

Представителями „Искры“ получено: отъ Харьк. Ком. 45 р., въ Харьковѣ чер. АВС отъ читателей и за литературу 71 р., черезъ Наталку за ноябрь-январь: 200 р. отъ путешественника, черезъ 3-го отъ П. С. 48 р., отъ 3-го и 6-го 57 р., отъ архаровца 10 р. и 30 р.; отъ Елены получено Наташей 25 р., отъ инженера черезъ Наташу 140 р., въ СПБ. отъ своихъ 105 р., отъ подписчиковъ 30 р., издалека 150 р., (отъ В. И. 50 р., отъ Б. изъ Н. 25 р., отъ Я. М. 25 р., изъ Н. чер. Г. 33 р., отъ Ф. 10 р., отъ А. П. 5 р., отъ С. 2 р.), къ Москвѣ 9 р. отъ Е. Я., 15 р. отъ Л. В. и 25 р. изъ кассы „издалека“; отъ П. С. изъ Б. 50 р.

„Въ кассу группы друзей-читателей въ пользу „Искры“ поступило съ весны прошлаго года по февраль 1902 г. 195 руб., въ томъ числѣ 50 р., пожертвованныя Шамино“.

„Получено изъ М. и употреблено по назначенію 855 фр.“

Отъ М. У. 200 марокъ. Изъ М—а за лит. 11,75 мар.

Отъ Вяч. 50 р. на спец. цѣль. Черезъ Г. В. Плеханова отъ Х 500 р. на спеціальную цѣль.

Изъ Брюсселя 27 фр.; изъ Дармштадта: въ пользу обуховцевъ 16 мар., въ пользу Лиги 91,05 мар.

Въ кассу редакціи поступило за февраль 824 р., остальное истрачено на мѣстныя и организаціонныя нужды.

Въ тип. „Лиги революціонной русской соціалдемократіи“ вышло: 1) А. Б. Обуховская оборона. 2) Очерки изъ исторіи французской революціи: а) Взятіе Бастиліи; б) Національное собраніе и ночь 4 августа. 3) Лассаль. Программа работниковъ (2 изд.). 4) Письмо къ товарищамъ-пропагандистамъ, съ пред. Л. Мартова.

Въ тип. „Искры“: Изъ тифлисскаго рабочаго движенія (разсказъ рабочаго), съ предисловіемъ Л. М.

По поводу многократныхъ обращеній къ намъ съ вопросомъ о томъ, какъ сноситься съ „Искрой“ людямъ, попадающимъ заграницу, мы повторяемъ, что изъ за границы слѣдуетъ посылать всѣ и всякія письма, матеріалы и деньги на адресъ Дитца въ Штуттгартѣ:

Verl. J. H. W. DIETZ Nachfolger, STUTTGART

для редакціи „Зари“.

Редакція „Зари“ будетъ всегда немедленно пересылать намъ все, получаемое ею для „Искры“.

Убѣдительно просимъ всѣхъ, пользующихся этимъ адресомъ, на внѣшнемъ конвертѣ писать только адресъ Дитца; указаніе же о передачѣ (для ред. „Зари“) должно дѣлаться на внутреннемъ конвертѣ.

Типографія „Искры“.

ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 18 — 10-го МАРТА 1902 ГОДА. — № 18

СЛАВЯНЕ И РЕВОЛЮЦІЯ*).

Со времени революціонной борьбы мартовскихъ дней прошло немногимъ болѣе полустолѣтія. Небольшой это промежутокъ въ жизни общества. — а между тѣмъ цѣлый міръ отдѣляетъ насъ отъ той эпохи. Могучій переворотъ, совершившійся съ тѣхъ поръ, иллюстрируется всего рельефнѣе, можетъ быть, отношеніемъ славянъ къ революціи.

Въ 1848 г. славяне, за очень немногими исключеніями, составляли еще „одну реакціонную массу“. Если оставить въ сторонѣ мелкую шляхту и интеллигенцію Польши, то можно сказать, что одна часть славянъ съ тупымъ равнодушіемъ смотрѣла на великую борьбу за свободу народовъ, а другая — бросилась въ эту борьбу, чтобы нанести пораженіе дѣлу свободы. И славяне достигли этого съ слишкомъ большимъ успѣхомъ. Судьба революціи была уже рѣшена въ Парижѣ во время іюньскихъ дней. Но если революція въ Германіи и Венгріи была до такой степени разбита на голову и уничтожена, если абсолютизмъ въ Австріи съумѣлъ такъ полно возстановить свое господство, то виною тому было вмѣшательство чеховъ, кроатовъ и русскихъ войскъ. Паденіе Вѣны въ октябрьскіе дни 1848 г. и капитуляція венгерской арміи передъ русскимъ генераломъ Паскевичемъ при Вилагосѣ (13 августа 1849 г.) означала для революціи на Востокѣ такое же рѣшительное пораженіе, какъ іюньская бойня на Западѣ.

Неудивительно, что германскихъ революціонеровъ, какъ бы сильно ни было въ нихъ сознаніе международной солидарности, охватывала своего рода ярая ненависть къ австрійскимъ славянамъ, что они начали смотрѣть на нихъ, какъ на выродковъ среди народовъ; революція — казалось имъ — должна перешагнуть черезъ этихъ выродковъ. Славяне казались націями рабовъ, народами, рожденными для прозябанія въ рабствѣ.

Однако причина антиреволюціоннаго поведенія славянъ лежала не въ таинственной предрасположенности къ рабству, а въ экономическихъ условіяхъ, въ которыхъ они жили. За исключеніемъ чеховъ, это были чисто крестьянскіе народы, совершенно неспособные понять политическія и соціальныя потребности буржуазнаго общества. Въ Богеміи, правда, имѣлась уже на лицо развитая городская жизнь и капиталистическая крупная промышленность, но чешскій народъ состоялъ изъ крестьянъ, мѣщанъ да пролетаріевъ, не имѣвшихъ классового самосознанія и по всему кругу идей своихъ шедшихъ въ хвостѣ мѣщанства. Правда, въ 1848 г. мелкая буржуазія была еще революціоннымъ классомъ, но уже въ то время она повсюду оказывалась ненадежной. Полубуржуа, полупролетарій, мелкій буржуа чувствуетъ себя то тѣмъ, то другимъ,, кидается то въ революцію, то въ реакцію, впадаетъ то въ революціонную ярость, то въ униженную покорность, не имѣя никакихъ прочныхъ устоевъ. Такъ же вело себя и чешское мелкое мѣщанство, обнаружившее сначала свою революціонную, а потомъ свою реакціонную сторону, возставшее въ іюлѣ противъ Виндишгрэца, который за это бомбардировалъ Прагу, а въ октябрѣ выражавшее свое сочувствіе этому же самому Виндишгрецу, когда онъ шелъ противъ ненавистной Вѣны.

Конечно, кромѣ ненадежности мелкой буржуазіи, такой исходъ зависѣлъ еще и отъ національнаго антагонизма. Для чешскаго крестьянина, мѣщанина, пролетарія нѣмецъ былъ врагомъ, эксплуататоромъ и угнетателемъ. Нѣмецкимъ былъ въ Богеміи не только капиталъ, нѣмецкими были и верхніе слои бюрократіи, духовенства, арміи, большая часть дворянства. Между тѣмъ въ Богеміи революція явилась нѣмецкимъ продуктомъ, носителями ея были нѣмцы, и цѣлью ея было объединеніе и укрѣпленіе нѣмецкой націи! Не удивительно, что послѣ короткаго періода революціоннаго опьяненія чешскій народъ бросился въ объятія контръ-революціи.

Какъ измѣнилось все это теперь! Съ 1848 года капитализмъ проложилъ себѣ путь въ Германію, проложилъ путь и къ славянамъ. Онъ уже вполнѣ подчинилъ себѣ значительную часть славянскаго міра и быстро шествуетъ впередъ не только въ Германіи и Польшѣ, но и въ Россіи, и у словеновъ, кроатовъ и сербовъ. Повсюду создаетъ онъ пролетаріевъ, порождаетъ антагонизмъ между капиталомъ и трудомъ, антагонизмъ, изъ котораго рано или поздно выростаетъ пролетарское классовое сознаніе и самостоятельная пролетарская политика. А эта послѣдняя необходимо является революціонной политикой.

Т о. давно уже миновало то время, когда славяне считались олицетвореніемъ рабской покорности: они встали въ ряды народовъ, обладающихъ революціонными классами; и въ ихъ нѣдрахъ ведется нынѣ великая культурная борьба за освобожденіе рабочаго класса, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всего человѣчества.

Но это еще не все; указанное нами преобразованіе славянства признано всѣми уже давно, почти четверть вѣка тому назадъ. Въ настоящее же время можно думать, что не только славяне вступили въ ряды революціонныхъ народовъ, но что и центръ тяжести революціонной мысли и революціоннаго дѣла все болѣе и болѣе передвигается къ славянамъ.

Революціонный центръ передвигается съ запада на востокъ. Въ первой половинѣ XIX вѣка онъ лежалъ во Франціи, временами въ Англіи. Въ 1848 г. и Германія вступила въ ряды революціонныхъ націй, тогда какъ Англія на ближайшее будущее вышла изъ ряда ихъ. Съ 1870 г. у буржуазіи всѣхъ странъ начинаютъ исчезать послѣдніе остатки ея революціонныхъ стремленій. Быть революціонеромъ и быть соціалистомъ — съ этихъ поръ становится равнозначущимъ. Какъ разъ въ эту эпоху событія, послѣдовавшія за франко-прусской войной, перенесли центръ тяжести соціализма, а вмѣстѣ съ тѣмъ и революціоннаго движенія въ Европѣ, изъ Франціи въ Германію.

Новое столѣтіе начинается такими событіями, которыя наводятъ на мысль, что мы идемъ на встрѣчу дальнѣйшему передвиженію революціоннаго центра, именно: передвиженію его въ Россію.

Уже однажды, въ концѣ семидесятыхъ и началѣ восьмидесятыхъ годовъ, геройская борьба русскихъ революціонеровъ повергла въ изумленіе всю Европу и оказала самое глубокое вліяніе на соціалистическое движеніе всѣхъ культурныхъ странъ. Наряду съ возстаніемъ и геройскою смертью парижской коммуны, наряду со сказочнымъ ростомъ германской соціалдемократіи въ ея борьбѣ противъ „великаго“ Бисмарка, ничто не повліяло такъ плодотворно на соціалистическое движеніе семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ, ничто не придало ему столько воодушевленія и самоотверженности, какъ отчаянная борьба, которую безстрашно и подчасъ съ величайшимъ успѣхомъ вела горсть русскихъ революціонеровъ противъ страшной силы самодержавія.

Эта отчаянная борьба завершилась въ концѣ концовъ истощеніемъ борцовъ, за которыми не стояло еще революціоннаго класса.

Но съ тѣхъ поръ выросло въ русскомъ народѣ новое поколѣніе героевъ, и теперь они уже не одиноки. И въ царской имперіи ростетъ могучій пролетаріатъ, который самъ рождаетъ героевъ и даетъ опору героямъ-революціонерамъ изъ другихъ слоевъ народа, опору, которой они до сихъ поръ были лишены. Такимъ образомъ мы идемъ на встрѣчу новой эпохѣ революціонной борьбы въ Россіи, — борьбы, которая разыгрывается на болѣе широкой основѣ, чѣмъ четверть вѣка тому назадъ, но по ожесточенію борцовъ, по звѣрской жестокости и низости угнетателей, по героизму и беззавѣтной самоотверженности революціонеровъ ни въ чемъ не уступитъ борьбѣ прежнихъ періодовъ русскаго движенія.

Но мы присутствуемъ при началѣ не только физической борьбы силы противъ силы въ Россіи. Нѣтъ; рука объ руку съ революціей кулаковъ идетъ революціонизированіе головъ. Пробуждающіеся слои народа охватываетъ горячая жажда знанія, стремленіе уяснить себѣ свои историческія задачи и тѣмъ самымъ подойти къ рѣшенію самыхъ сложныхъ и смѣлыхъ проблемъ, возвыситься надъ мелочностью повседневной борьбы, окинуть взоромъ великія историческія цѣли, которымъ эта борьба служитъ.

И отъ этого подъема умовъ мы можемъ ждать великихъ дѣяній, которыя не останутся безъ вліянія и на Западную Европу. Россія, воспринявшая столько революціонной инціативы съ Запада, теперь, быть можетъ, сама готова послужить для него источникомъ революціонной энергіи. Разгорающееся русское революціонное движеніе окажется, быть можетъ, самымъ могучимъ средствомъ для того, чтобы вытравить тотъ духъ дряблаго филистерства и трезвеннаго политиканства, который начинаетъ распространяться въ нашихъ рядахъ, и заставить снова вспыхнуть яркимъ пламенемъ жажду борьбы и страстную преданность нашимъ великимъ идеаламъ.

Россія давно уже перестала быть для Западной Европы простымъ оплотомъ реакціи и абсолютизма. Дѣло обстоитъ теперь, пожалуй, какъ разъ наоборотъ. Западная Европа становится оплотомъ реакціи и абсолютизма въ Россіи. Гнилой царскій тронъ трещитъ по всѣмъ швамъ и, быть можетъ, онъ давно уже развалился бы, если бы западно-европейская буржуазія постоянно не скрѣпляла его заново своими милліонами. Въ 1848 г. царь послалъ опору своего могущества въ Европу, чтобы задавить возстаніе европейской буржуазіи; теперь эта самая буржуазія шлетъ опору своего могущества въ Россію, чтобы дать царю силу задавить всѣ свободолюбивыя движенія въ его собственной странѣ. Съ царемъ русскіе революціонеры, быть можетъ, давно уже справились бы, если бы имъ не приходилось одновременно вести борьбу и противъ его союзника, — европейскаго капитала.

Будемъ надѣяться, что на этотъ разъ имъ удастся справиться съ обоими врагами, и что новый „священный союзъ“ рухнетъ скорѣе, нежели его предшественники. Но, какъ бы ни окончилась теперешняя борьба въ Россіи, кровь и счастье мучениковъ, которыхъ она породитъ, къ сожалѣнію, болѣе чѣмъ достаточно, не пропадутъ даромъ. Они оплодотворятъ всходы соціальнаго переворота во всемъ цивилизованномъ мірѣ, заставятъ ихъ расти пышнѣе и быстрѣе.

Въ 1848 г. славяне были трескучимъ морозомъ, который побилъ цвѣты народной весны. Быть можетъ, теперь имъ суждено быть той бурей, которая взломаетъ ледъ реакціи и неудержимо принесетъ съ собою новую, счастливую весну для народовъ.

К. Каутскій.

* * *

Многаго ждетъ отъ русской революціонной соціалдемократіи К. Каутскій. Но — кому многое дано, съ того многое и спросится! Стать во главѣ всемірной революціи, быть передовымъ застрѣльщикомъ въ борьбѣ всемірнаго пролетаріата — можетъ-ли быть доля болѣе почетная, болѣе завидная для революціонной пролетарской партіи, проникнутой идеей международнаго характера своей борьбы? Но близоруко было бы думать, что революціонная гегемонія — это только почетная роль, налагающая тяжелыя обязанности, но не дающая никакихъ реальныхъ выгодъ тому, на плечи котораго она ложится. Нѣтъ и тысячу разъ нѣтъ! Если русской соціалдемократіи дѣйствительно удастся отвоевать себѣ роль передового борца за освобожденіе пролетаріата всего міра, то по истинѣ неизмѣрима будетъ та мощь, которую эта гегемонія придастъ нашей собственной борьбѣ за достиженіе нашихъ ближайшихъ, самыхъ насущныхъ задачъ. Потому что стоять во главѣ значитъ пользоваться всею тою силою, которая идетъ позади. Это значитъ, что каждый шагъ нашъ къ побѣдѣ надъ нашими домашними врагами будетъ ощущаться соціалдемократіей всего міра, какъ ея собственное приближеніе къ побѣдѣ надъ ея національными и международными врагами. Это значитъ, что на всѣхъ этапахъ нашей борьбы насъ будетъ поддерживать, поддерживать активно, а не пассивнымъ только сочувствіемъ, грозная сила всемірнаго пролетаріата. Это значитъ, что парламенты, соціалдемократическая пресса всего міра станутъ трибуной, съ которой неумолчно будетъ раздаваться слово обличенія нашихъ варварскихъ порядковъ, нашей азіатской эксплуатаціи, нашего грубаго деспотизма; трибуной, которая съ удесятеренной силою пробудитъ въ сердцахъ нашихъ братьевъ, рабочихъ всего міра, взрывъ сочувствія къ нашей борьбѣ, бурю негодованія и ненависти къ нашимъ врагамъ, которые станутъ и ихъ врагами. Это значитъ, что рабочія организаціи всего міра, ихъ боевыя кассы будутъ поддерживать всякій шагъ нашей борьбы, какъ свою собственную борьбу, и въ критическую минуту придутъ намъ на помощь всею силою своей организованности и своего вліянія, помѣшаютъ своимъ угнетателямъ оказать поддержку нашимъ, потому что наша побѣда будетъ ихъ побѣдою, наше пораженіе ихъ пораженіемъ. И въ такомъ союзѣ, съ такою поддержкою мы будемъ дѣйствительно непобѣдимы!

Но чтобы добиться такой гегемоніи, недостаточно говорить о ней. Революціонныя слова здѣсь менѣе всего имѣютъ значенія. Революціонная мысль и революціонное дѣло — вотъ области, въ которыхъ русская соціалдемократія дѣйствительно, а не по названію только, должна стать первою, чтобы оказаться на высотѣ той исторической роли, которая ей выпадаетъ. Мы должны выйти изъ узкихъ рамокъ мѣстныхъ, приходскихъ интересовъ, должны окинуть своимъ умственнымъ взоромъ весь широкій кругъ вопросовъ и задачъ, волнующихъ человѣчество, и всюду должны стать хозяевами. Мы должны выдвинуть своихъ теоретиковъ, своихъ публицистовъ, своихъ политическихъ дѣятелей въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Мы должны развить революціонную мысль и революціонное дѣло до послѣднихъ предѣловъ и должны объявить непримиримую борьбу всему, что подтачиваетъ нашу революціонность, внося въ нее элементы дряблости, узости, пошлости. Мы должны взять въ свои руки руководство борьбой всѣхъ революціонныхъ и оппозиціонныхъ слоевъ русскаго народа, потому что, какъ можемъ мы мечтать о томъ, чтобы встать во главѣ всемірной революціи, если мы не съумѣемъ встать во главѣ русской? Война всѣмъ фальсификаторамъ революціонной марксистской теоріи въ области мысли, и война всѣмъ фальсификаторамъ революціонной соціалдемократической борьбы въ области дѣла — таковъ долженъ быть нашъ девизъ!

*) Переводъ съ корректурнаго оттиска.

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ БЕЗЧИНСТВА ВЪ МОСКВѢ.

Въ газетахъ опубликованъ сбивчиво и явно-лживо написанный приказъ Ванновскаго объ исключеніи 400 слишкомъ студентовъ за „буйство“, а затѣмъ и приказъ оберъ-полицеймейстера о наказаніи арестомъ 250 лицъ за неповиновеніе полиціи. Изъ нижеслѣдующихъ прокламацій читатели увидятъ, какъ происходили дѣла въ Москвѣ:

Приказомъ 14 февраля 1902 г. Ванновскій исключилъ болѣе 400 чел. Московскихъ студентовъ за порочное поведеніе, передавъ ихъ во власть М. В. Д. для соотвѣтственнаго наказанія. Ихъ разсматриваютъ теперь какъ политическихъ преступниковъ, стремившихся вооруженной силой ниспровергнуть существующій строй. Лицъ, чѣмъ нибудь выдѣлившихся изъ общей массы, держатъ въ одиночномъ заключеніи. Остальныхъ, за недостаткомъ мѣста въ тюрьмахъ, раздѣляютъ на нѣсколько категорій, наказаніе имъ намѣчено: ссылка въ Якутскую область и Сѣверо-Восточн. Сибирск. губерніи отъ 2-8 лѣтъ; кромѣ того 247 чел. приговорены къ аресту при московск. полиціи срокомъ до 3-хъ мѣс. за праздное любопытство. Въ чемъ же дѣло? Всякому, прочитавшему приказъ Ванновскаго, ясно, что это наглая и подлая мѣра, но что произошло, все же остается непонятнымъ. Постараемся же, насколько возможно, выяснить. Послѣ изданія Временныхъ Правилъ, отвергнутыхъ не только всѣми группами студентовъ, но даже профессорами, возбужденіе мысли въ Москвѣ стало крайне напряженнымъ, готовилась демонстрація. Съ 30 янв. по 9 февраля каждую ночь производились полиціей массовые обыски, общимъ числомъ больше 1000. Опасаясь быть переловленными на квартирахъ, студенты, оставшіеся на свободѣ, рѣшили не отмѣнять сходки, назначенной на 9-ое февраля еще за мѣсяцъ раньше для обсужденія демонстраціи. Они рѣшились устроить уличную демонстрацію съ участіемъ народа, помня, какъ въ прошломъ году, толпа разбивала двери съ цѣлью освободить студентовъ. Крайніе элементы предлагали явиться съ оружіемъ въ рукахъ. Сходка была назначена на 12 час. Съ утра начали собираться студенты и курсистки разныхъ учебныхъ заведеній. Ворота и двери университета были отперты для всѣхъ. Усиленнаго наряда полиціи не было. Когда набралось болѣе 500 чел., ворота университетск. двора были закрыты; изъ засады выступили войска и полиція, которыя оцѣпили весь университетскій кварталъ и прилегающія къ нему улицы. „Любопытствующую публику“ начали оттѣснять, находящихся же на дворѣ студентовъ стали загонять въ самый университетъ. Актовый залъ оказался открытымъ — тутъ сейчасъ же была устроена сходка. На сходкѣ тотчасъ же образовались 2 партіи (академистовъ и политическихъ). Немногочисленная группа академистовъ пожелала уйти, при выходѣ была избита, частью забрана въ манежъ, частью вернулась назадъ, — отдѣльнымъ лицамъ задними ходами удалось выбраться на волю изъ оцѣпленія. Оставшаяся часть отправилась въ инспекторскую комнату, взломала конторку и уничтожила всѣ тайныя характеристики студентовъ и секретные документы инспекціи. Такъ какъ въ стѣнахъ университета оказалась заранѣе спрятанная военная команда и университетск. зданіе начало наводняться ею, оставшіеся студенты поспѣшили собраться въ актовомъ залѣ, заколотили гвоздями всѣ двери, устроили баррикады изъ мебели, разбили стекла и выкинули красныя знамена съ надписью „свобода“. 7 человѣкъ, спасавшіеся отъ преслѣдованій полиціи, позвонили въ квартиру Чистякова и войдя закрыли за собою двери. Въ такомъ положеніи дѣло оставалось до полуночи. Полиція, боясь вооруженнаго столкновенія, устранила, предварительно, всѣхъ свидѣтелей, очистивъ улицы и увезя въ Бутырки всѣхъ забранныхъ въ манежѣ. Тогда около часу ночи, двери актовой залы взломаны полиціей и введены были солдаты со штыками на перевѣсъ и пожарные съ пылающими факелами. Осажденнымъ предложено было сдаться и дано 1/4 часа на разсужденіе. Послѣ горячаго обсужденія осажденные въ количествѣ 517 сдались, выкинувъ предварительно черезъ разбитыя стекла бывшія у нихъ прокламаціи и бросивъ въ одну кучу имѣвшееся у нихъ оружіе. Такимъ же образомъ черезъ взломъ двери извлечены были 7 студентовъ, спасавшіеся въ квартирѣ Чистякова. Толпу забранныхъ вывели на улицу, построили въ колонны, окружили конвоемъ вооруженнаго войска и отправили въ Бутырки въ сопровожденіи эскадрона сумскихъ драгунъ. Полиція, боясь, чтобы толпы народа не стали отбивать студентовъ, требовала, что бы драгуны ѣхали рысью. Эскадронный командиръ князь Трубецкой заявилъ, что „для пѣшихъ нѣтъ команды рысью“ и сдѣлалъ 2 роздыха по дорогѣ въ Бутырки. — Въ этомъ году улица не выручила студентовъ; полиція приняла для этого соотвѣтствующія мѣры. Часть фабрикъ была оцѣплена войсками. На многихъ на 9 и 10 февр. была примѣнена **новая** полицейская мѣра: **двойная заработная плата**. Общество было уже раньше терроризовано массовыми арестами и обязательными постановленіями. Появлявшіеся близъ оцѣпленія толпы терроризовались самымъ произвольнымъ и безсмысленнымъ выхватываніемъ изъ толпы отдѣльныхъ лицъ и сажаніемъ ихъ въ манежъ. Характеръ выхватыванія видѣнъ отчасти и изъ ниже приведенныхъ примѣровъ: 1) Студентовъ Межеваго Института хватали на всѣхъ улицахъ, ловили всякій зеленый кантъ, — такъ какъ полиція была зла на директора Межеваго Института за недопущеніе обыска въ интернатѣ; 2) Студентъ X, уговаривавшій еще утромъ своихъ товарищей не ходить на сходку, пропалъ къ вечеру. Оказалось, что когда онъ въ 3 часа дня проходилъ мимо манежа, къ нему подскочилъ городовой съ крикомъ: „Куда“? Студентъ отвѣтилъ: „Видите, иду впередъ.“ — „А, разсуждать.... въ манежъ его!“ 3) На Тверской хотѣли пройти два студента съ провизоромъ, ихъ остановила полиція. Оказалось, что они жили въ аптекѣ черезъ дорогу. Стоявшій тутъ приставъ закричалъ: „Теперь всѣ тамъ живутъ!“ Студентовъ забрали въ манежъ, провизора отпустили; 4) Старушка просила пропустить ее въ черту оцѣпленія, такъ какъ тамъ служила прислугой ея дочь — и ее забрали въ манежъ; 5) Мастерового, просившаго дать поглядѣть на эмира бухарскаго; 6) Шелъ мимо манежа студентъ въ шинели съ бобровымъ воротникомъ и бѣлыхъ перчаткахъ съ двумя катковскими лицеистами, приставъ приказалъ ихъ взять. Подлетѣвшій городовой отдалъ подъ козырекъ, сказавъ: „Ваше Благородіе, пожалуйте въ манежъ“ — „За что — же?“ — „Тамъ послѣ начальство разберетъ, теперь же пожалуйте въ манежъ“ (лицеистовъ взялъ на поруки директоръ — студентъ еще 12 чи сла сидѣлъ въ Бутыркахъ); 7) Одинъ господинъ былъ въ магазинѣ Карбасникова, когда ставили оцѣпленіе, когда же вышелъ отту да, былъ взятъ въ манежъ; 8) Одному гимназисту надо было купить учебникъ, и такъ какъ онъ смиренно отдалъ приставу подъ козырекъ, прося пропустить его для указанной цѣли, то приставъ исполнилъ его просьбу. При выходѣ изъ магазина онъ нечаянно попался на глаза Трепову, который приказалъ забрать въ манежъ: „этого, къ чему то болтающагося гимназистишку“. — Такимъ образомъ, изловили человѣкъ около 300,

держали въ манежѣ все время стоя, безъ ѣды, при чемъ полиція позволяла себѣ грубыя издѣвательства, доходя до того, что передъ голодными, стоящими заключенными разставляла столы и пиршествовала. Солдаты же, бывшіе въ манежѣ, по показаніямъ заключенныхъ относились добродушно, нѣкоторые даже сочувственно выражали желаніе „успѣха и счастья студентамъ въ ихъ дѣлѣ“. Въ 11 час. вечера они были посажены, въ заранѣе приготовленныя каретки и въ карьеръ были отвезены въ Бутырки, при крикахъ возмущенія съумѣвшей всетаки собраться толпы. Въ 3 часа ночи изъ освѣщеннаго факелами университета вышли 2 батальона Литовскаго пѣхотнаго полка. На другой день ловъ любопытствующихъ у Университета продолжался. 11 и 12-го по особымъ протекціямъ человѣкъ 30 взятыхъ на улицѣ по ошибкѣ выпущены. Треповъ говорилъ: „чистенько мы обдѣлали дѣльцо“.

11-го числа состоялась сходка студентовъ медиковъ 3-хъ старшихъ курсовъ, единодушно постановившихъ забастовать. Подано начальству оффиціально заявленіе о забастовкѣ, занятій въ клиникахъ нѣтъ. Университетъ не закрытъ. Посѣщаютъ лекціи только нѣсколько лицъ, происходятъ мелкія обструкціи. Ректоръ призываетъ отдѣльныхъ „смирныхъ“ студентовъ, запугивая ихъ исключеніемъ, въ случаѣ если они не будутъ посѣщать лекціи. Не смотря на это, большинство приглашаемыхъ отказывается. Назначенная на 14 число организаціоннымъ комитетомъ Союза академиковъ сходка не состоялась вслѣдствіе усиленнаго наряда полиціи. Дѣятельность Исполнительнаго Комитета временно замерла, чтобы хорошенько обдумать, какъ устроить демонстрацію при наличныхъ силахъ студентовъ. 19 февраля генералъ губернаторъ разрѣшилъ рабочимъ, сколько бы ихъ ни оказалось, возложить вѣнокъ на памятникъ Александра II въ Кремлѣ, при чемъ предупредилъ, что будутъ присутствовать войска, какъ такіеже представители народа. Настроеніе въ Москвѣ крайне напряженное, — въ интеллигентныхъ сферахъ нѣсколько угнетенное. —

Въ листкѣ С. Петербургскихъ Горныхъ студентовъ сообщается о той-же сходкѣ: Москва. Къ 12 час. студенты стали собираться во дворѣ университета, — собралось болѣе 900 чел., кромѣ того явилось до 80-и изъ посторонней публики и 65 курсистокъ. Послѣ часу уже никого не впускали и университетъ былъ кругомъ оцѣпленъ полиціей и войсками. Всѣ собравшіеся были скоро впущены въ актовой залъ, гдѣ и открылась сходка. Послѣ продолжительныхъ преній, въ концѣ которыхъ часть „академистовъ“ вышла и расположилась во дворѣ, присутствующими была принята программа политическаго протеста и вынесена слѣдующая резолюція:

„Мы, учащіеся въ высшихъ учебныхъ завед. Москвы на общемъ собраніи 9-го февраля 1902 г., послѣ всесторонняго обсужденія, единогласно постановили: Считая ненормальность существующаго академическаго строя лишь отголоскомъ общаго русскаго безправія, мы откладываемъ навсегда иллюзіи академической борьбы и выставляемъ знамя общеполитическихъ требованій, глубоко убѣжденные, что для правильнаго хода общественной жизни необходимо пересозданіе всего соціальнаго и политическаго строя на началахъ признанія за личностью правъ. Мы увѣрены, что безъ этого русская жизнь не двинется ни на шагъ впередъ, что лучшія силы будутъ періодически вырываться изъ среды общества, что позорное топтаніе на одномъ мѣстѣ не прекратится, мы требуемъ: 1) Неприкосновенности личности, 2) Свободы печати, 3) Свободы совѣсти, 4) Свободы собраній и организацій, 5) Непосредственной отвѣтственности административныхъ лицъ, 6) Общедоступности образованія, 7) Допущенія женщинъ въ университетъ, 8) Уравненія правъ національностей. — Вмѣстѣ съ рабочими мы требуемъ: 9) 8-ми часоваго рабочаго дня и 10) Права стачекъ. Не признавая настоящаго правительства способнымъ къ преобразованію общественнаго строя на этихъ началахъ, мы обращаемся ко всей мыслящей Россіи, считающей себя политически зрѣлой, съ указаніемъ о своевременности созванія „Учредительнаго Собранія“. Общеполитическая программа заставляетъ насъ вынести протестъ на улицу, гдѣ мы вмѣстѣ съ кадрами рабочихъ и общества готовы силой поддерживать наши требованія. Согласно постановленію сходки, настоящая резолюція будетъ представлена Совѣту Министровъ съ подробной мотивировкой“. — Всѣ собравшіеся рѣшили остаться въ Университетѣ до утра съ тѣмъ, чтобы на другой день присоединиться къ предполагавшейся рабочей манифестаціи. Отъ ректора дано было обѣщаніе, что войска внутрь университета допущены не будутъ. Тѣмъ не менѣе въ 3емъ часу ночи въ университетъ ворвались городовые, жандармы и солдаты съ ружьями и факелами. Были тотчасъ-же пущены въ ходъ нагайки и шашки. Многіе сильно избиты, двое весьма серьезно. Послѣ этого всѣ присутствовавшіе были арестованы и препровождены сначала въ манежъ, а потомъ развезены по тюрьмамъ, — главнымъ образомъ въ Бутырку, куда раньше доставлены были академисты, арестованные во дворѣ университета. Въ Бутырской тюрьмѣ находится въ данный моментъ до 600 студ., арестованныхъ 9-го, около 300 чел. захваченныхъ нѣсколько ранѣе и 100 чел. интеллигенціи. Отъ прокурора имъ было заявлено, что никакого слѣдствія и суда надъ ними производиться не будетъ, а наказанія всѣмъ имъ уже назначены заранѣе. Многіе посажены въ одиночное заключеніе. Режимъ заключенныхъ самый стѣснительный: запрещена передача писемъ, денегъ и провизіи, свиданія никому не разрѣшаются. Университетъ закрытъ по прежнему.“ —

Такимъ образомъ, въ первый разъ собраніе нѣсколькихъ сотъ студентовъ вынесло резолюцію, совершенно опредѣленно выражающую солидарность студенчества съ политическими требованіями пролетаріата.

Интересныя сообщенія о событіяхъ 9 и 10 февраля находимъ въ одной корреспонденціи англійской газеты „Standard“, которая отражаетъ настроеніе нѣкоторыхъ „солидныхъ“ русскихъ сферъ:

„Москва снова въ настоящемъ осадномъ положеніи. Предыдущіе дни полиція дѣятельно „чистила“ городъ, захватывая подозрительныхъ лицъ изъ всѣхъ слоевъ общества. Главными страдальцами были, конечно, студенты, но въ этомъ году новую черту составляютъ многочисленные аресты среди рабочихъ“...

„Несмотря на всѣ мѣры, по суровости превосходящія даже тѣ, которыя были приняты вслѣдъ за убійствомъ Александра II, прокламаціи потокомъ распространяются въ населеніи, притомъ печатныя, а не гектографированныя, какъ обычныя студенческія. Въ примѣръ того, какими способами онѣ распространяются, упомяну о случаѣ въ Орѣховѣ-Зуевѣ, крупномъ мануфактурномъ центрѣ съ 40,000 рабочихъ. Тутъ было основано общество трезвости съ народной читальней и чайной. Читальня посѣщалась рабочими съ большимъ усердіемъ, которымъ учредители были очень довольны, пока не открылось, что въ каждую книжку вложены прокламаціи. Сегодня утромъ прокламаціи были расклеены на одной изъ московскихъ улицъ, несмотря на то, что каждый домъ имѣетъ дворника, обязаннаго слѣдить за всѣмъ и имѣющаго право арестовывать подозрительныхъ лицъ.“

О неудачѣ демонстраціи 9-го февраля корреспондентъ разсказываетъ:

„Рабочіе окрестныхъ фабрикъ не могли проникнуть въ центральныя части Москвы въ виду того, что вся площадь фабрикъ и заводовъ за городскими воротами двое сутокъ охранялась сильной цѣпью войскъ. Поэтому демонстрація пока потерпѣла неудачу. Далѣе, набѣги полиціи оставили массы безъ вожаковъ или лицъ, въ которыхъ онѣ видѣли вожаковъ. Фактически весь московскій гарнизонъ теперь стоитъ подъ ружьемъ, за исключеніемъ артиллеріи и саперовъ. Тревога, поданная изъ Орѣхова-Зуева, гдѣ начались безпорядки, заставила поспѣшно отправить туда войска въ спеціальномъ поѣздѣ, но если такіе вызовы не станутъ болѣе частыми, московскій гарнизонъ, состоящій изъ 25-30,000 солдатъ всѣхъ родовъ оружія, будетъ достаточенъ для устрашенія черни.

Храмъ Спасителя также оберегался двумя батальонами пѣхоты, скрытыми въ его подвалахъ, съ цѣлью помѣшать студентамъ собраться на обширной площади предъ соборомъ. До настоящаго времени улицы обнаруживаютъ лишь обычное праздничное оживленіе, но гуляющіе принадлежатъ къ менѣе фешенебельному классу, чѣмъ въ обычное время, и толпы народа возлѣ университета, безпрестанно разгоняемыя полиціей, показываютъ, что всѣ живо интересуются происходящимъ“.

Прибавимъ, что о волненіяхъ въ Орѣховѣ сообщаютъ также наши корреспонденты. Былъ слухъ, что Орѣховцы двинулись на Москву и войска были отправлены имъ на встрѣчу. — Въ замѣчаніяхъ практичнаго англичанина слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что одновременное движеніе въ главнѣйшихъ фабричныхъ пунктахъ, кольцомъ окружающихъ Москву, должно совершенно парализовать „боевую готовность“ московскихъ властей и тѣмъ дать возможность московской „улицѣ“ выполнить свою задачу.

Событія въ Петербургѣ. (Изъ частнаго письма). Разрѣшенныя въ среду градоначальникомъ, по распоряженію М-ства Вн. Д., въ четвергъ вечеринки были запрещены. Студенты рѣшили провести вечеръ 8-го февраля въ народномъ домѣ Николая II, при чемъ всячески стараться избѣгать столкновеній съ полиціей. Во время спектакля сверху въ публику были брошены листки, а по окончаніи его было предложено прокричать „ура“ въ честь студенческаго праздника. Послѣ этого и началась исторія, которая, по словамъ очевидцевъ, во сто кратъ превосходитъ исторію 4-го марта. Заготовленные заранѣе полиція и дворники бросились въ толпу и били направо и налѣво кого ни попало, причемъ вся эта картина носила видъ дикой, нелѣпой и притомъ безстыдной кулачной расправы. Раззудись плечо, размахнись рука — и летитъ на полъ тщедушная женская фигурка; раззудись плечо... и кубаремъ катится по землѣ студентъ — горнякъ; въ теченіи 2 часовъ размахивались руки — и въ результатѣ кровь... Разбитыя лица, изуродованныя физіономіи, съ кѣмъ то случай умопомѣшательства, кого то совсѣмъ не досчитываются, нѣсколько человѣкъ тяжело изувѣченныхъ... А башибузуки, тѣмъ временемъ, ликуютъ, получивъ отъ его превосходительства вицегубернатора по 3 гривеника на чай и личную благодарность за то, что такъ постарались на пользу царя и отечества.... Около сотни или полутораста человѣкъ (а можетъ быть больше; довольствуюсь пока что одними лишь слухами, ибо точныхъ свѣдѣній нѣтъ) тотчасъ же было разсажено въ кареты и развезено куда слѣдуетъ.

Изъ другого сообщенія:

Въ народномъ домѣ около I часа ночи было страшное избіеніе кучки студентовъ значительно превосходящимъ числомъ полиціи Домъ съ самаго начала былъ биткомъ набитъ полиціей съ барономъ Нолькеномъ во главѣ (полиціймейстеръ). Полиція, казалось, ждала только повода. Но студенты держали себя безукоризненно весь вечеръ. Въ концѣ, когда публика начала уже расходиться, полиція вздумала арестовать 2-хъ студентовъ. За товарищей вступились остальные, требуя въ такомъ случаѣ и ихъ арестовать. Въ это время раздалось: „Да здравствуетъ Петербургскій университетъ!“ „Долой Временныя Правила!“ „Реформаторамъ нашимъ анафема!“ Возгласы эти покрывались каждый разъ крикомъ „Ура!“ (Возможно, что это были провокаторскіе возгласы). Въ то же время въ выходѣ на студентовъ набросилась полиція, въ боковыя двери ворвались еще городовые и началось безпощадное избіеніе! Многіе сильно побиты, между прочимъ проф. Медицинск. курсовъ Гинцбургъ. Арестовано 27 студентовъ и 2 курсистки, многихъ переписали. 9-го февраля, около 4 ч. дня, по Васильевск. Острову проскакала цѣлая сотня (а можетъ и больше) конныхъ городовыхъ по направленію къ Гавани. Говорятъ что „бунтъ“ на какомъ-то Бельгійскомъ заводѣ.

Демонстрація въ Одессѣ. По почину группы „соціалистовъ-революціонеровъ“ 23-го февраля произошла въ Одессѣ демонстрація. На Ришельевской улицѣ появилась небольшая кучка молодежи съ красными флагами. Вокругъ нея собралась толпа изъ учащихся, рабочихъ (ремесленныхъ) и прочей публики. Толпа вступилась за арестуемыхъ знаменоносцевъ. Демонстранты разсѣены эскадрономъ казаковъ, сотней конныхъ жандармовъ и полицейскимъ отрядомъ. Арестовано 160 человѣкъ. Немедленно по возникновеніи „безпорядковъ“ полиціймейстеръ приказалъ закрыть на Дерибасовской улицѣ всѣ магазины и рестораны.

Всю слѣдующую недѣлю войска стояли на готовѣ.

О демонстраціи въ Петербургѣ 3 марта, какъ и о событіяхъ въ Юрьевѣ и Ростовѣ, мы сообщимъ въ слѣд. номерѣ.

Полтава. 5-го февраля въ мѣстномъ театрѣ состоялась манифестація въ честь Толстого. Шла „Власть тьмы“. Передъ третьимъ актомъ, прежде чѣмъ подняли занавѣсъ, съ различныхъ концовъ галлереи въ публику посыпался дождь разноцвѣтныхъ листковъ съ портретомъ Толстого и надписью „да здравствуетъ отлученный отъ церкви Л. Н. Толстой, борецъ за свободу“. Среди полумрака и мгновенно воцарившейся торжественной тишины, нарушаемой только легкимъ шелестомъ падающихъ листковъ, раздался вдругъ громкій возгласъ: „да здравствуетъ отлученный отъ церкви Толстой, борецъ за свободу.“ На этотъ возгласъ откликнулся весь театръ, публика встала и въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ въ театрѣ стоялъ несмолкаемый гулъ голосовъ; „да здравствуетъ Толстой!“ „да здравствуетъ свобода!“ Моментъ былъ чрезвычайно торжественный. Воодушевленіе охватило весь театръ. Когда растерявшаяся театральная администрація распорядилась, наконецъ, поднять занавѣсъ, никто уже не обращалъ вниманія на сцену: изъ рукъ въ руки переходили привѣтственные листки и тутъ же пущенныя прокламаціи политическаго характера (къ слову сказать, чрезвычайно неудачныя). Возбужденіе усиливалось бѣготней полиціи, бросившейся отнимать листки, которые публика отдавала очень неохотно. Встревоженные пристава сообщали въ телефонъ: театръ полонъ прокламаціями! возбужденіе страшное! Пришлите сыщиковъ! .. Эта демонстрація чрезвычайно взбудоражила мѣстную сонную жизнь. Обыватель проснулся и заговорилъ. Спросонья говорилось, конечно, много нелѣпостей (въ родѣ того,

---

ФЕЛЬЕТОНЪ

ПИСЬМО КЪ ЗЕМЦАМЪ.

Приводимъ полностью гектографированное письмо къ земскимъ дѣятелямъ, которое ходило по рукамъ во время послѣдней сессіи земскихъ собраній (въ наши руки оно попало, къ сожалѣнію, только въ самое послѣднее время):

„Милостивый Государь!

„Тяжкія условія, въ которыя поставлена въ настоящее время Россія, русскій народъ и русское земство, побуждаютъ обратиться къ Вамъ, милостивый Государь, съ настоящимъ письмомъ въ предположеніи встрѣтить съ Вашей стороны сочувствіе высказаннымъ здѣсь мыслямъ и намѣреніямъ.

Длинный рядъ печальныхъ и возмутительныхъ фактовъ, молчаливыми свидѣтелями которыхъ мы были за послѣднее время, мрачной тучей тяготѣетъ надъ общественной совѣстью, и передъ каждымъ интеллигентнымъ человѣкомъ ребромъ ставится роковой вопросъ: возможно-ли далѣе политически бездѣйствовать и пассивно участвовать въ прогрессирующемъ обнищаніи и развращеніи родины?

Хроническіе неурожаи и непосильное податное бремя въ видѣ выкупныхъ платежей и неокладныхъ сборовъ буквально разорили народъ, вырождая его физически.

Фактическое же лишеніе крестьянства всякаго признака самоуправленія, мелочная опека оффиціальныхъ и добровольныхъ представителей „твердой власти“ и искусственная умственная голодовка, въ которой держатъ народъ непрошенные блюстители „самобытныхъ и законныхъ началъ“, ослабляютъ его духовную мощь, его самодѣятельность и энергію.

Производительныя силы страны нагло расхищаются отечественными и иноземными дѣятелями при милостивомъ содѣйствіи играющихъ судьбами родины авантюристовъ. Тщетно, „благодѣтельное правительство“ рядомъ одно другому противорѣчащихъ и наскоро придуманныхъ мѣропріятій силится замѣнить живую и планомѣрную борьбу экономическихъ группъ страны Попечительное „содѣйствіе“ и „усмотрѣніе“ безсильны передъ зловѣщими предтечами хозяйственнаго и финансового банкротства Россіи: земледѣльческимъ, промышленнымъ и денежнымъ кризисами — блестящими результатами политики случая и авантюры Печать задушена и лишена возможности пролить свѣтъ хотя бы на часть преступленій, ежечасно совершаемыхъ защитниками порядка надъ свободой и честью русскихъ гражданъ Одинъ произволъ, безсмысленный и жестокій, властно возвышаетъ свой голосъ и царитъ на всемъ необъятномъ пространствѣ разоренной, униженной и оскорбленной родной земли, не встрѣчая нигдѣ должнаго отпора.

При такомъ положеніи вещей вполнѣ естественно систематическое недовѣріе правительства къ малѣйшимъ проявленіямъ частной и общественной иниціативы, къ дѣятельности всякаго рода общественныхъ союзовъ и въ частности къ земскимъ учрежденіямъ, — этому камню, на которомъ Россія 60-хъ гг. чаяла видѣть утвержденіе новаго царства. Торжествующей бюрократіей земскія учрежденія осуждены на медленную смерть, и каждый годъ несетъ новый ударъ ихъ жизнедѣятельности, ихъ значенію и авторитету въ глазахъ общества и народа, который почти не отличаетъ земства отъ чиновной администраціи. Земскія собранія превращены въ сословно-бюрократическія совѣщанія, вопреки ясно выраженному протесту всѣхъ прогрессивныхъ группъ страны, и потеряли всякую связь съ массою русскаго народа. Земскія Управы становятся придатками губернаторскихъ канцелярій и, теряя въ самостоятельности, постепенно пріобрѣтаютъ всѣ недостатки присутственнаго мѣста. Земскія избирательныя собранія низведены до какой-то комедіи. Малочисленность избирателей и дѣленіе послѣднихъ на сословныя группы, не давая собраніямъ возможности служить средствомъ для выраженія, въ лицѣ избранныхъ гласныхъ, различныхъ общественныхъ интересовъ, превращаютъ ихъ въ арену борьбы мелкихъ и личныхъ самолюбій.

Предѣлы вѣдѣнія земскихъ учрежденій ограничиваются постепенно, но неуклонно. Продовольственное дѣло изъ компетенціи земства изъято. Въ дѣлѣ оцѣнки земство превращено въ исполнителя чиновныхъ распоряженій. Въ области народнаго образованія роль земства сведена почти къ нулю. Выработанный министерствомъ Горемыкина врачебный уставъ формально не отмѣненъ и, словно Дамокловъ мечъ, виситъ надъ земской медициной. Черный призракъ наказа училищнымъ совѣтамъ, повидимому, разсѣялся. Но земство ничѣмъ не гарантировано отъ новаго появленія этого призрака, но уже воплощеннаго въ форму закона и связанной съ нимъ окончательной гибели земской народной школы. Взаимныя сношенія земскихъ учрежденій разныхъ губерній, необходимость которыхъ стала избитымъ общимъ мѣстомъ, встрѣчаютъ новыя затрудненія въ послѣднемъ циркулярѣ М. Вн. Дѣлъ по этому предмету. Каждый шагъ земства, какъ общественнаго учрежденія, связанъ сложной паутиной многочисленныхъ циркуляровъ различныхъ министровъ, и земскому дѣятелю при проведеніи въ жизнь той или другой мѣры приходится затрачивать не мало времени, энергіи и остроумія на неблагодарный трудъ распутыванія этой паутины. Пресловутая 87 ст. Земск. Полож., и особенно ея второй пунктъ, отдаетъ всю дѣятельность земства на усмотрѣніе губернатора Губернаторскія ревизіи земскихъ управъ все учащаются; въ лицѣ непремѣнныхъ членовъ губернскаго по земскимъ дѣламъ присутствія правительство безцеремонно учреждаетъ гласный надзоръ за земствомъ. Изданіемъ закона о предѣльности земскаго обложенія правительство открыто признается въ своемъ крайнемъ недовѣріи къ основному праву земства — праву самообложенія. Благодаря вмѣшательству Деп. Полиціи, отъ земской дѣятельности насильно отрываются лучшіе земскіе работники, выборные и наемные. Въ недалекомъ будущемъ, вѣроятно, получатъ силу законопроекты министерскіе проекты о контролированіи денежныхъ операцій земства чинами Государственнаго Контроля и объ упорядоченіи дѣятельности земскихъ совѣщательныхъ коммиссій.

Земскія ходатайства не только не удовлетворяются, но даже не разсматриваются установленнымъ для того порядкомъ и небрежно отклоняются единоличною властью министровъ Работать при такихъ условіяхъ въ земствѣ съ серьезной вѣрой въ плодотворность этой работы представляется невозможнымъ. И на нашихъ глазахъ происходитъ процессъ все увеличивающагося оскудѣнія земской среды и въ особенности земскихъ исполнительныхъ органовъ — Управъ. Уходятъ изъ земства люди горячо преданные земскому дѣлу, но утратившіе вѣру въ плодотворность работы при нынѣшнихъ условіяхъ. И на смѣну имъ идетъ земецъ новой формаціи, идетъ оппортюнистъ, трусливо дрожащій за имя, за форму земскихъ учрежденій и окончательно унижающій ихъ достоинство уродливымъ пресмыканіемъ передъ администраціей. Въ результатѣ получается то внутреннее разложеніе земства, которое гораздо хуже формальнаго уничтоженія самоуправленія. Открытый походъ правительства противъ самой идеи земства могъ бы привести къ широкому общественному возбужденію, котораго такъ боится бюрократія. Но на нашихъ глазахъ происходитъ замаскированное умерщвленіе принципа самоуправленія и, къ несчастью, не находитъ организованнаго отпора.

При такомъ положеніи вещей сравнительная ничтожность матеріальныхъ итоговъ земской дѣятельности нисколько не восполняется ея воспитательнымъ значеніемъ, и почти сорокалѣтняя работа земскихъ учрежденій въ смыслѣ развитія гражданственности, общественнаго самосознанія и самодѣятельности можетъ пропасть безслѣдно для ближайшаго будущаго. Съ этой точки зрѣнія, спокойное покорное ожиданіе опортюнистовъ-земцевъ только содѣйствуетъ безславной и безполезной смерти великой идеи земскихъ учрежденій. Вывести земства изъ того тупика, куда привела ихъ система опеки, возможно лишь энергично борясь противъ нелѣпой мысли, что обсужденіе вопросовъ, выходящихъ за предѣлы мелочей мѣстной жизни, грозитъ народными бѣдствіями. Бороться съ этимъ жупеломъ, страшнымъ, конечно, не для народа и государственной безопасности, съ этой мыслью, нелѣпость которой цинично признается самими ея защитниками (см. конфиденціальную записку Витте „Самодержавіе и Земство“) — земству надлежитъ путемъ открытаго и смѣлаго обсужденія въ земскихъ собраніяхъ вопросовъ общегосударственнаго значенія, тѣсно связанныхъ съ нуждами и пользами мѣстнаго населенія. И чѣмъ разностороннѣе, полнѣе и энергичнѣе будутъ земскія собранія обсуждать подобнаго рода вопросы, тѣмъ съ большей ясностью обнаружится, что публичное обсужденіе народныхъ золъ не грозитъ народными бѣдствіями, а, наоборотъ, предупреждаетъ ихъ, что тотъ гнетъ, подъ которымъ находится въ настоящее время печать, полезенъ лишь врагамъ народа, что господствующей полиціей мысли и слова нельзя создать честныхъ гражданъ, что законность и свобода не находятся въ противорѣчіи другъ съ другомъ. Публичное выясненіе всѣхъ подобныхъ вопросовъ одновременно въ нѣсколькихъ губернскихъ земскихъ собраніяхъ встрѣтитъ несомнѣнно сильнѣйшее сочувствіе всѣхъ слоевъ народа и вызоветъ энергичную работу общественной совѣсти. Если же земство ничѣмъ не реагируетъ на современное критическое состояніе Россіи, то, конечно, гг. Сипягины и Витте, отнявъ у него роль представителя интересовъ труда, не задумаются привести его въ окончательное „соотвѣтствіе“ съ общимъ строемъ учрежденій Имперіи. Какія формы приметъ это „соотвѣтствіе“, мы, принимая во вниманіе глубокомысліе и изобрѣтательность теперешнихъ правителей страны, положительно затрудняемся себѣ представить. Вѣдь хватило же наглости у г. Мин. Вн. Дѣлъ и удивительнаго презрѣнія къ „первенствующему“ сословію имперіи, чтобы возложить на его избранниковъ, — предводителей дворянства гнусную роль шпіоновъ по надзору за чтецами и существомъ народныхъ чтеній.

По изложеннымъ соображеніямъ мы полагаемъ, что наше бездѣйствіе и дальнѣйшее смиренное подчиненіе всѣмъ экспериментамъ, которымъ бюрократія подвергаетъ земство и всю Россію, представляется не только своего рода самоубійствомъ, но и тяжелымъ преступленіемъ передъ родной страной. Неосновательность, безуміе тактики оппортюнизма — эта продажа „первородства“ за „чечевичную похлебку“ — достаточно доказаны намъ жизнью: самодержавная бюрократія, присвоивъ сначала право первородства, отняла теперь у насъ и „чечевичную похлебку“. Шагъ за

напр., что на 18-е назначено избіеніе офицеровъ, а на 19-е общій (!!) бунтъ), но важно, что обыватель узналъ о существованіи рядомъ съ нимъ какой-то другой жизни, какихъ-то другихъ интересовъ. Узналъ, что эти интересы — не только праздничное украшеніе жизни, а что-то болѣе важное, что-то зовущее къ дѣятельности, къ борьбѣ, требующее внѣшняго проявленія. Черезъ нѣсколько дней его познанія обогатились: онъ узналъ, что эта борьба, хотя бы въ скромной формѣ привѣтственной манифестаціи, достается недаромъ: въ ночь съ 8 на 9-е мѣстная жандармерія пустилась въ походъ, въ результатѣ котораго оказалось 45 человѣкъ военной добычи (обысковъ произведено около 70). Для обысковъ и арестовъ была вызвана вся уѣздная полиція. По словамъ лавочниковъ „интеллигенцію“ возили съ 6 ч. утра до 11-12 дня. Хватали направо и налѣво, преимущественно поднадзорныхъ. И сами по себѣ массовые аресты вызвали страшный переполохъ въ городѣ, но переусердствовавшая полиція постаралась усилить возбужденіе: нѣкоторыхъ арестованныхъ везли съ шашками на голо, а такъ какъ арестантскія роты, куда свозили арестованныхъ, находятся почти на концѣ города, то къ 12 часамъ дня весь городъ былъ оповѣщенъ о необычайномъ происшествіи. Съ утра передъ арестантскими ротами начала собираться толпа, привлекаемая сенсаціонными слухами и пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ, раздававшимся изъ оконъ исправительнаго отдѣленія. Арестованные, возмущенные произвольностью дѣйствій жандармеріи, немедленно требовали жандармскаго генерала, но получили въ отвѣтъ генеральское: „подождутъ“. Это подлило масла въ огонь. Арестованные (распредѣленные по тремъ камерамъ — мужчины въ одной, а женщины въ 2-хъ) сейчасъ же начали обсуждать, что дѣлать. Трое вызванныхъ на допросъ отказались пойти. Одинъ изъ заключенныхъ, Васильевскій, объявилъ голодовку еще съ утра, требуя, чтобы ему представили достаточныя основанія для его ареста. Его пытались разубѣдить, но напрасно. Онъ потребовалъ перевода въ одиночку, т. к. разсчитывалъ голодать одинъ. Остальные немедленно составили и подписали слѣдующій протестъ: не видя достаточнаго основанія для нашего ареста, мы протестуемъ противъ этого насилія и требуемъ немедленнаго освобожденія. Протестъ этотъ составленъ былъ еще утромъ, но отдать его въ этотъ же день не удалось. Вечеромъ, когда Васильевскій былъ перевезенъ въ одиночку, одна изъ женскихъ камеръ заявила голодовку впредь до выполненія требованій Васильевскаго. Это заявленіе вызвало страшное возбужденіе. Пока вопросъ не выясненъ ни въ ту ни въ другую сторону, рѣшили не ѣсть (съ 8 ч. вечера), а утромъ въ воскресенье потребовали отъ начальника разрѣшенія общей сходки для обсужденія этого вопроса. Сходка состоялась въ присутствіи начальника ар. р. Мнѣнія раздѣлились, большинство было противъ голодовки, но въ виду категорическаго заявленія женской камеры рѣшено было примкнуть къ голодающимъ и оффиціально объявить голодовку съ 2 ч. дня воскресенья. Къ 2 ч. явился прокуроръ, которому подали протестъ для передачи жандармеріи и заявили о голодовкѣ. Въ этотъ день въ виду собравшейся на площади толпы, при пѣніи „Марсельезы“, „Дубинушки“, и пр. изъ окна верхняго этажа арестованными было выброшено красное знамя съ надписью: „свобода“. Толпы народа со всѣхъ концовъ города собирались къ ар. ротамъ, толкуя о необычайномъ событіи, прислушиваясь къ пѣнію боевыхъ пѣсенъ. Въ виду сильнаго возбужденія, вызваннаго всѣмъ этимъ, съ 4 час. дня ар. роты и прилежащія улицы были оцѣплены войсками. Въ самыя роты была введена „команда для подавленія безпорядка“. Полиція забирала въ участокъ всякаго, вступавшаго въ пререканія. Весь городъ былъ взволнованъ слухами о происходящемъ въ тюрьмѣ. Вѣсть о голодовкѣ встревожила общество. Люди самыхъ разныхъ слоевъ и положеній негодовали и возмущались дѣйствіями жандармеріи и администраціи. Но наивысшей точки достигло волненіе въ понедѣльникъ утромъ. Сначала въ ар. роты былъ взятъ съ улицы врачъ, затѣмъ вытребованъ батальонъ солдатъ, затѣмъ поскакало начальство: инспекторъ, прокуроръ, вицегубернаторъ, затѣмъ пронесли связки розогъ. Эта лихорадочная суматоха, дикіе крики внутри тюрьмы, звонъ разбиваемыхъ стеколъ, тревожная бѣготня тюремнаго начальства, все это заставляло думать, что тамъ за стѣнами, среди больныхъ истощенныхъ, изнервничавшихся людей разыгрывается какая-то страшная драма. Нервы напряглись до послѣдней возможности. Никто не зналъ, что происходитъ въ тюрьмѣ. Пѣніе смолкло, а солдаты, отрядъ за отрядомъ входили въ ворота и исчезали въ огромномъ зданіи ар. ротъ. Неизвѣстно откуда взявшееся слово „бунтъ“ облетѣло толпу, наполняя ужасомъ и безъ того истерзанную душу. Къ 3 часамъ все, повидимому, успокоилось. Встревоженные за участь близкихъ людей, родственники арестованныхъ подняли на ноги весь городъ, требуя прекращенія этихъ ужасовъ, настаивая, чтобы требованія В. были удовлетворены. Къ вечеру въ городѣ уже циркулировалъ разсказъ о происшедшемъ въ тюрьмѣ, волнуя и безъ того взволнованные умы. Вотъ этотъ разсказъ со словъ заключенныхъ. Опасаясь возбужденія толпы, собравшейся передъ арестантскими ротами, в.-губернаторъ черезъ инспектора потребовалъ перевода заключенныхъ въ нижній этажъ (окнами во дворъ), обѣщая, что камеры тамъ нехуже. Мы, послав двухъ лицъ для осмотра камеръ, рѣшили уступить, но когда начали перебираться, то оказалось, что камеры полны насѣкомыхъ. Оставшаяся наверху часть отказалась перейти. Тогда въ корридоры были введены солдаты, офицеръ, командовавшій ими, заявилъ намъ, что власть надъ заключенными передана ему. Трудно сказать, что могло бы произойти, еслибы въ эту минуту женщины не прислали депутацію съ просьбой не сопротивляться и перейти внизъ. Уступая ихъ просьбамъ, начали переходить. Одинъ изъ товарищей въ это время истощенный голодовкой, потерялъ сознаніе. Его пришлось переносить на рукахъ. Когда процессія съ пѣньемъ „Марсельезы“ двинулась внизъ, среди женщинъ раздались истерическіе крики. Въ этотъ моментъ произошло что-то ужасное: раздался какой-то гулъ, грохотъ, какой-то крикъ сотни людей. Желѣзная дверь изъ отдѣленія уголовныхъ съ трескомъ вылетѣла, и толпа уголовныхъ арестантовъ около 300 человѣкъ, съ молотами, топорами въ рукахъ, бросилась къ намъ съ крикомъ: васъ бьютъ? скажите, васъ били? Мы защитимъ васъ! Стража и солдаты мгновенно бѣжали, успѣвъ втолкнуть насъ въ камеры, уголовные бросились къ нашимъ дверямъ, пожимая намъруки черезъ рѣшетки, обѣщая намъ свою поддержку. Взволнованные всѣмъ происшедшимъ, мы съ трудомъ успокоили ихъ, объяснивъ, что насъ не били, что среди насъ есть больные и т. д. Они въ свою очередь сообщили намъ, что растерявшееся начальство, занявшись усмиреніемъ нашего „бунта“, заперло ихъ на чердакѣ и забыло накормить. Пока шли эти переговоры, корридоры снова наполнились солдатами. Явился полиціймейстеръ, инспекторъ, прокуроръ, вицегубернаторъ. Въ камеру въ качествѣ парламентера прислали одного изъ офицеровъ. Къ чести его нужно сказать, что явившись въ камеру, онъ снялъ оружіе (и вообще офицеры держались очень корректно). Убѣждая насъ подчиниться требованію начальства, онъ былъ не мало удивленъ, когда узналъ, что мы уже исполнили это требованіе и притомъ добровольно. Вслѣдъ за нимъ въ сопровожденіи свиты офицеровъ явился вице-губернаторъ, которому начальникъ ар. ротъ поспѣшилъ сообщить о нашемъ „сопротивленіи“. Но мы тутъ же разсказали, какъ было на самомъ дѣлѣ. Вице-губернаторъ выслушавъ наши объясненія, обѣщалъ приложить всѣ старанія, чтобы ускорить окончанье дѣла. — Во вторникъ утромъ Васильевскій былъ освобожденъ. Инспекторъ немедленно объявилъ намъ объ этомъ и голодовка была прекращена. Въ тотъ же день начали выпускать. Теперь въ ар. рот. и въ тюремномъ замкѣ осталось 24 человѣка, но и ихъ обѣщаютъ выпустить на дняхъ. Во всемъ городѣ только и разговоровъ, что о тюремныхъ событіяхъ. Въ послѣдніе 3 дня непрерывно появляются прокламаціи: часть (на малорусскомъ языкѣ) пущена въ окрестныхъ деревняхъ, часть расклеена по городу (за подписью украинцевъ — соц.-революціонеровъ), часть разослана по домамъ. Со дня на день ждутъ какихъ нибудь событій. Настроеніе тревожное. Администрація вытребовала 2 сотни казаковъ и раздѣлила городъ на двѣ части: одна предоставлена Елецкому, другая Орловскому полку. Къ 20 февраля всѣ арестованные, за исключеніемъ 5-ти человѣкъ, освобождены.

Манифестъ всероссійскаго студенческаго съѣзда.

„Мысль о съѣздѣ представителей высшихъ учебн. заведеній Россіи, который могъ бы объединить студенчество и выработать общій планъ дѣйствій, не является новостью. Попытки къ ея осуществленію мы видимъ въ Одесскомъ и Московскомъ съѣздахъ, къ сожалѣнію, неудавшихся. Только теперь, несмотря на всѣ препятствія, удалось удовлетворить назрѣвшую потребность. — Съѣздъ послѣ всесторонняго разсмотрѣнія настоящаго положенія вещей пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ. — 1) Студенческое движеніе есть движеніе политическое. Этимъ положеніемъ съѣздъ хочетъ сказать, что студенческое движеніе своими корнями лежитъ глубоко въ современномъ общественномъ строѣ Россіи. Осуществленіе университетской автономіи шло бы въ разрѣзъ съ правительственной тенденціей, заглушающей всякое стремленіе къ самодѣятельности. Поэтому борьба за права студенчества неизбѣжно является борьбой противъ правительства. Противодѣйствіе такой постановкѣ вопроса неразумно и рано или поздно будетъ смыто волнами жизни. Студенческія движенія будутъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока народное представительство не дастъ гарантіи свободы личности, совершенно отсутствующей при монархическомъ строѣ. 2) Необходимость высказать это положеніе вызвана у съѣзда грустнымъ сознаніемъ, что не вся масса студенчества вполнѣ ясно представляетъ себѣ роковую неизбѣжность эволюціи. Съѣздъ находитъ, что выясненіе вопроса можетъ и должно вестись въ формѣ пропаганды среди студенчества. Констатируя фактъ совмѣстныхъ дѣйствіи за послѣднее время студентовъ и рабочихъ, привѣтствуя отъ души это явленіе и выражая желаніе большаго единенія учащейся молодежи и пролетаріата, идущихъ нога въ ногу по пути требованія политической свободы, являющагося первымъ пунктомъ соціалистической программы, съѣздъ находитъ желательнымъ возможно широкую пропаганду соціалистическихъ идей среди студентовъ. Послѣднее необходимо для яснаго пониманія роли и степени участія пролетаріата въ нашемъ движеніи. Для лучшаго достиженія этой цѣли съѣздъ находитъ желательнымъ учрежденіе при всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ постоянныхъ организаціонныхъ комитетовъ, состоящихъ въ сношеніяхъ съ мѣстными комитетами Россійской Соціаль-демократической партіи, къ которымъ съѣздъ обращается съ предложеніемъ оказать содѣйствіе проэктируемымъ организаціямъ. Что касается вопроса о тактикѣ движенія, съѣздъ, оставляя въ силѣ примѣненіе забастовки и обструкціи во всѣхъ ея видахъ, выдвигаетъ на первый планъ демонстрацію, какъ наиболѣе дѣйствительное средство обратить вниманіе общества на ненормальное положеніе дѣлъ. Кромѣ того съѣздъ предлагаетъ всѣмъ студенческимъ организаціямъ заняться изысканіемъ новыхъ формъ протеста. Считая единство дѣйствій залогомъ успѣха, съѣздъ высказывается за желательность учрежденія обще-студенческаго секретаріата (центральнаго бюро), который установилъ бы правильныя сношенія между отдѣльными организаціями. Съѣздъ находитъ возможнымъ, чтобы печатный органъ издавался при центральномъ бюро. Для той же цѣли желательны періодическіе съѣзды представителей студенческихъ организацій Россіи. Созывъ съѣзда съ указаніемъ времени и мѣста предоставляется секретаріату. Заканчивая работу, съѣздъ полагаетъ, что онъ исполнилъ въ предѣлахъ возможнаго свой долгъ передъ студенчествомъ. Онъ не хочетъ убаюкивать учащуюся молодежь увѣреніемъ въ легкихъ побѣдахъ. Онъ не хочетъ закрывать глаза передъ суровою дѣйствительностью. Конечная цѣль движенія, политическая свобода, вопросъ неопредѣленнаго будущаго, но мы идемъ къ ней твердыми и вѣрными шагами. Правда, нашъ путь усѣянъ жертвами, и можетъ быть, еще много придется потерять на этомъ пути: не одно еще движеніе вспыхнетъ и снова погаснетъ, но какія бы мѣры ни принимало правительство, оно не можетъ задавить протеста, созданнаго самою жизнью. Изъ этого сознанія мы должны черпать новыя силы. Съѣздъ убѣждаетъ товарищей не падать духомъ отъ временныхъ неудачъ и, объединившись, правильно организовавшись, смѣло встать противъ гнета самодержавнаго режима.

Приводя полностью этотъ, недавно доставленный намъ документъ, привѣтствуемъ, съ своей стороны, рѣшеніе студенчества примкнуть возможно тѣснѣе къ комитетамъ нашей партіи.

Воры повздорили. Телеграфное агентсво возвѣстило 6-го февраля о назначеніи директора департамента общихъ дѣлъ въ Министерсвѣ Вн. Дѣлъ Трепова таврическимъ губернаторомъ.

Многими, читавшими объ этомъ перемѣщеніи, осталось, конечно, не понято, что это — ссылка, опала за участіе съ г. г. министрами въ казнокрадствѣ.

На отдѣлку квартиры министра внутреннихъ дѣлъ г. Сипягина ассигновано было 300.000. Этихъ денегъ оказалось мало въ виду безумной роскоши, въ которой утопаютъ царь и его придворные. Гнѣздышко, которое свилъ себѣ министръ внутреннихъ дѣлъ въ казенномъ домѣ, все было обито самымъ дорогимъ штофомъ, одна люстра въ столовой обошлась въ 18.000 рублей.... Вся отдѣлка обошлась не болѣе не менѣе какъ въ 700.000 р., то есть превысила смѣту на сумму въ полмиллiона....

Послѣ дружескаго разговора царскаго шута, собутыльника, повара, сводника и вмѣстѣ съ тѣмъ шефа жандармовъ — г. Сипягина съ царскимъ казначеемъ г. Витте, у котораго всѣ министры находятся на содержаніи, рѣшено было пополнить перерасходъ изъ „свободной наличности“...

Г. Треповъ, въ вѣдѣніи коего находились суммы по ремонту, подчинился волѣ повелителей бѣдной Россіи.

Между тѣмъ дядя царя, велик. князь Сергѣй Александровичъ

шагомъ у насъ отняты почти всѣ наши гражданскія права, и сорокалѣтіе, протекшее со времени начала „великихъ реформъ“, привело насъ къ тому же пункту, изъ котораго мы вышли 40 лѣтъ тому назадъ, приступая къ этимъ реформамъ. Много-ли осталось намъ терять и чѣмъ можетъ быть оправдано наше дальнѣйшее молчаніе, чѣмъ можетъ быть объяснено оно, кромѣ позорной трусости и полнаго отсутствія сознанія своихъ гражданскихъ обязанностей?

Какъ русскіе граждане, и при томъ „на верху“ стоящіе, мы обязаны отстаивать права русскаго народа, обязаны дать надлежащій отвѣтъ самодержавной бюрократіи, стремящейся задавить малѣйшее проявленіе свободы и самостоятельности въ народной жизни и обратить весь русскій народъ въ покорнаго раба. Какъ земцы, мы въ особенности обязаны отстаивать права земскихъ учрежденій, защищать ихъ отъ произвола и гнета бюрократіи, отстаивать ихъ право на самостоятельность и широкое удовлетвореніе потребностей всѣхъ слоевъ народа.

Перестанемъ же молчать, подобно провинившемуся школьнику; докажемъ, наконецъ, что мы взрослые граждане и будемъ требовать того, что намъ принадлежитъ по праву — нашего права „первородства“, нашихъ гражданскихъ правъ.

Самодержавная бюрократія никогда ничего не даетъ добровольно, а даетъ только то, что у нея вынудятъ, хотя и старается при томъ сдѣлать такой видъ, будто она поступается своими „правами“ единственно изъ великодушія. Если же и случится ей дать болѣе того, что у ней было вынуждено, то она немедленно отнимаетъ всѣ излишнія уступки, какъ и случилось съ нашими „великими реформами“. Правительство не позаботилось о рабочихъ до тѣхъ поръ, пока передъ нимъ не встало серьезное „рабочее движеніе“ въ формѣ демонстрацій многотысячныхъ рабочихъ массъ, тогда оно спѣшно приступило къ „рабочему законодательству“, хотя и достаточно лицемѣрному, но все-таки разсчитанному на то, чтобы удовлетворить хотя кое-какія требованія рабочихъ и успокоить эти грозныя массы. Правительство въ теченіе десятковъ лѣтъ калѣчило нашу учащуюся молодежь, нашихъ сестеръ, братьевъ и дѣтей, не допуская ни малѣйшей критики придуманной имъ „учебной системы“ и свирѣпо подавляя студенческіе „безпорядки“.

Но вотъ эти „безпорядки“ превратились въ массовую забастовку, академическая машина остановилась, и бюрократія прониклась вдругъ горячимъ чувствомъ „сердечнаго попеченія“ объ учащейся молодежи, и тѣ самыя требованія, на которыя вчера еще единственнымъ отвѣтомъ былъ свистъ казацкой нагайки, сегодня провозглашаются правительственной программой „реформы учебнаго дѣла“.

Конечно, и въ этой метаморфозѣ есть не малая доля лицемѣрія, а все-таки... Все-таки не подлежитъ сомнѣнію тотъ фактъ, что „бюрократія“ вынуждена открыто признать и сдѣлать довольно существенную уступку общественному мнѣнію. И мы, какъ и все русское общество, весь русскій народъ, мы можемъ разсчитывать на признаніе и осуществленіе нашихъ правъ только въ томъ случаѣ, если будемъ смѣло, открыто, дружно и настойчиво требовать этихъ правъ.

Въ виду всѣхъ этихъ соображеній мы рѣшили обратиться съ настоящимъ письмомъ къ Вамъ, Мил. Гос., и ко многимъ другимъ земскимъ дѣятелямъ всѣхъ губернскихъ земствъ — съ просьбой оказать содѣйствіе въ настоящую сессію Губернскихъ Земскихъ Собраній возбужденію, обсужденію и принятію соотвѣтственныхъ постановленій по нижеслѣдующимъ вопросамъ.

I. О пересмотрѣ Положенія о земскихъ учрежденіяхъ и объ измѣненіи его въ смыслѣ:

а) предоставленія одинаковыхъ избирательныхъ правъ всѣмъ группамъ населенія безъ всякихъ сословныхъ различій при условіи значительнаго пониженія имущественнаго избирательнаго ценза; б) устраненія изъ состава земства сословныхъ представителей, какъ таковыхъ; в) освобожденія земства во всѣхъ его дѣйствіяхъ отъ опеки администраціи, предоставленія земству полной самостоятельности во всѣхъ мѣстныхъ дѣлахъ, при условіи подчиненія его законамъ страны на общихъ основаніяхъ со всѣми прочими лицами и учрежденіями; г) расширенія компетенціи земства предоставленіемъ ему полной самостоятельности въ заботахъ о всѣхъ мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ, поскольку онѣ не нарушаютъ интересовъ всего государства; д) отмѣны закона о предѣльности земскаго обложенія; предоставленія земству самыхъ широкихъ правъ въ дѣлѣ распространенія всѣми способами народнаго образованія, при чемъ, кромѣ хозяйственныхъ заботъ, земству должно быть предоставлено и право наблюденія и улучшенія учебной части; ж) отмѣны вышеупомянутаго врачебнаго устава, угрожающаго земской медицинѣ; з) возвращенія въ руки земства продовольственнаго дѣла, а равно и предоставленія ему полной самостоятельности въ организаціи и веденіи земско-статистическаго оцѣночнаго дѣла; и) веденія всего земскаго дѣла исключительно черезъ выборныхъ земскихъ людей, которые не должны подлежать утвержденію администраціи, а тѣмъ болѣе не должны быть назначаемы помимо воли земскихъ собраній; і) предоставленія права земству приглашать земскихъ служащихъ исключительно по своему усмотрѣнію безъ утвержденія администраціи; к) предоставленія земству права свободно обсуждать всѣ обще-государственные вопросы, имѣющіе отношеніе къ мѣстнымъ пользамъ и нуждамъ, при чемъ возбуждаемыя земствомъ ходатайства обязательно должны быть разсматриваемы высшими правительственными учрежденіями въ теченіе опредѣленнаго срока; л) предоставленія всѣмъ земствамъ права сноситься между собой, а равно устраивать съѣзды земскихъ представителей для обсужденія вопросовъ, касающихся всѣхъ или нѣсколькихъ земствъ.

II. О пересмотрѣ и измѣненіи Пол. о крестьянахъ въ смыслѣ полнаго уравненія ихъ правъ съ правами прочихъ сословій.

III. Объ измѣненіи податной системы въ смыслѣ уравненія податного бремени посредствомъ прогрессивнаго обложенія доходности имуществъ и при условіи освобожденія отъ обложенія извѣстныхъ минимальныхъ доходовъ.

Крайне желательно также, чтобы въ земскихъ собраніяхъ были подняты и обсуждены вопросы:

IV. О возстановленіи повсемѣстно мировыхъ судебныхъ учрежденій, а равно и объ отмѣнѣ всѣхъ законовъ, ограничивающихъ компетенцію суда присяжныхъ.

V. О предоставленіи большей свободы печати, о необходимости уничтоженія предварительной цензуры, объ измѣненіи цензурнаго устава въ смыслѣ опредѣленнаго и точнаго указанія того, что дозволено и чего нельзя печатать, объ уничтоженіи административнаго произвола въ цензурной практикѣ и о передачѣ всѣхъ дѣлъ о преступленіяхъ въ печати исключительно вѣдѣнію гласнаго суда общихъ судебныхъ установленій.

VI. О пересмотрѣ существующихъ законовъ и министерскихъ распоряженій относительно мѣръ охраненія государственной безопасности, объ устраненіи въ этой области тайнаго административнаго „усмотрѣнія“ и о гласномъ разсмотрѣніи всѣхъ дѣлъ подобнаго рода въ общихъ судебныхъ учрежденіяхъ.

Полагая, что Вы не откажетесь содѣйствовать въ Вашемъ Губернскомъ собраніи возбужденію указанныхъ общихъ вопросовъ, мы имѣемъ честь выразить Вамъ нашу просьбу о сообщеніи могущаго быть постановленія земскаго собранія по возможности во всѣ земства черезъ знакомыхъ или извѣстныхъ Вамъ гласныхъ. Мы надѣемся также, что въ большей части земствъ найдется достаточное количество смѣлыхъ и энергичныхъ людей, которые съумѣютъ провести эти требованія черезъ земскія собранія. И если мы всѣ единодушно, открыто и въ категорической формѣ предъявимъ наши справедливыя требованія, то бюрократія вынуждена будетъ уступить, какъ уступаетъ она всегда, когда встрѣчается со сплоченною сознательною силою.

Старые земцы“.

Это очень поучительное письмо. Оно показываетъ, какъ даже людей, мало способныхъ къ борьбѣ и всего болѣе поглощенныхъ мелкой практической работой, сама жизнь заставляетъ выступать противъ самодержнаго правительства. И, если сравнить это письмо съ такимъ, напр., произведеніемъ, какъ предисловіе г. Р. Н. С. къ запискѣ Витте, то первое, на мой взглядъ, производитъ лучшее впечатлѣніе.

Въ письмѣ нѣтъ, правда, сколько-нибудь „широкихъ“ политическихъ обобщеній, — но вѣдь авторы его и выступаютъ не съ „программными“ заявленіями, а съ скромнымъ совѣтомъ, какъ практически начать агитацію. Нѣтъ у нихъ „полета мысли“ даже настолько, чтобы прямо сказать о политической свободѣ, но за то нѣтъ и фразъ о близкихъ къ престолу лицахъ, которыя могли бы, пожалуй, повліять на царя. За то нѣтъ у нихъ и фальшиваго превознесенія „дѣяній“ Александра II, а, напротивъ, сквозитъ насмѣшка надъ „великими реформами“ (въ кавычкахъ). За то они находятъ въ себѣ прямоту и мужество, чтобы рѣшительно возстать противъ „земцевъ-оппортюнистовъ“, не боясь объявить войну „позорной трусости“, не поддѣлываясь къ особенно отсталымъ либераламъ.

Мы не знаемъ пока, какой успѣхъ имѣло воззваніе старыхъ земцевъ, но починъ ихъ кажется намъ во всякомъ случаѣ заслуживающимъ полной поддержки. Оживленіе земскаго движенія въ послѣднее время представляетъ изъ себя вообще чрезвычайно интересное явленіе. Авторы письма сами указываютъ, какъ расширялось движеніе, начатое рабочими, распространившееся на студентовъ, подхватываемое теперь земцами. Всѣ эти три общественные элементы располагаются такимъ образомъ въ правильномъ порядкѣ по мѣрѣ уменьшенія ихъ численной силы, ихъ общественной подвижности, ихъ соціально-политическаго радикализма, ихъ революціонной рѣшимости.

Тѣмъ хуже для нашего врага. Чѣмъ менѣе революціонные элементы возстаютъ противъ него, — тѣмъ лучше для насъ, безусловныхъ противниковъ самодержавія и всего современнаго экономическаго строя.

Пошлемъ же привѣтъ новымъ протестантамъ, — а слѣд., и новымъ нашимъ союзникамъ. Поможемъ имъ.

Вы видите: они бѣдны; они выступаютъ только съ маленькимъ листкомъ, изданнымъ хуже рабочихъ и студенческихъ листковъ. Мы богаты. Опубликуемъ его печатно. Огласимъ новую

изъ личныхъ счетовъ доложилъ царю объ этой министерской продѣлкѣ.

Г. Сипягинъ все свалилъ на г. Трепова (проигравшаго къ тому же не такъ давно въ карты 50.000 р. казенныхъ денегъ). Послѣдній былъ разжалованъ въ губернаторы и, не смотря на усиленныя просьбы объ аудіенціи для возстановленія истины, не былъ допущенъ предъ ясныя очи „Ники-Милуши“.

Сколько еще худшихъ кражъ совершается ежечасно, безгласно и безнаказанно въ непроглядной темнотѣ царизма?

Голодовка на шпалерной. Петербургскій Домъ Предварительнаго Заключенія послѣ многихъ лѣтъ снова увидѣлъ въ своихъ стѣнахъ „голодный бунтъ“. 31-го Января нѣсколько человѣкъ, сидящихъ уже болѣе года, объявили голодную забастовку, потребовавъ своего освобожденія. Женское отдѣленіе присоединилось къ голодовкѣ. Всего (по оффиціальнымъ источникамъ) голодало 68 чел. Въ субботу 7 февраля власти обѣщали удовлетворить требованія голодавшихъ. Одного пришлось перевести въ больницу съ малой надеждой на выздоровленіе.

Обѣщаніе свое власти нарушили. Подлежащія освобожденію лица были переведеы въ пересыльную тюрьму, но изъ нихъ 6 человѣкъ оставлены въ заключеніи. Эти 6 человѣкъ возобновили 15-го февраля снова „голодную забастовку“ и въ отвѣтъ на угрозу искусственнаго кормленія заявили, что въ случаѣ приведенія ея въ исполненіе покончатъ съ собой.

Цифровыя данныя о количествѣ и составѣ „политическихъ“ въ Кіевѣ за 1901 годъ.

Ежемѣсячные отчеты „Кіевскаго Краснаго Креста помощи политическимъ ссыльнымъ и заключеннымъ“, очень аккуратно издаваемые и снабженные списками всѣхъ „политическихъ“, содержавшихся подъ стражей въ отчетномъ мѣсяцѣ, не говоря уже о той пользѣ, какую они приносятъ увеличенію средствъ „Креста“, представляютъ изъ себя интересный матеріалъ, дающій нѣкоторое представленіе о степени развитія оппозиціоннаго движенія. Истекшій годъ далъ сравнительно небольшое число арестованныхъ, потому что массовые аресты по „студенческому дѣлу“, практиковавшіеся раньше, были, какъ извѣстно, замѣнены отдачей студентовъ въ солдаты.

Тѣмъ не менѣе общая сумма „политическихъ“ г. Кіева въ 1901 г. достигаетъ довольно крупной цифры — 285 человѣкъ, просидѣвшихъ въ тюрьмѣ въ общей сложности — 14335 дней.

Изъ этого числа — „интеллигентовъ“ было 131 человѣкъ (46% общаго числа арестованныхъ), пробывшихъ въ тюрьмѣ 11216 дней (78,84% общаго числа дней). Здѣсь бросается въ глаза значительно болѣе строгое отношеніе правительства къ интеллигентамъ, чѣмъ къ рабочимъ: процентное отношеніе времени ихъ заключенія значительно выше процентнаго отношенія ихъ численности. Другими словами говоря, на каждаго „интеллигента“ приходится съ среднемъ непомѣрно большое количество дней „сидѣнія“.

Видимо, по прежнему еще правительство считаетъ виновникомъ всѣхъ золъ „революціонную бацилу“ — интеллигента и нѣсколько мягче относится къ рабочимъ, введеннымъ въ заблужденіе „злонамѣренными людьми“. (Это несоотвѣтствіе можетъ также вызываться той особой безцеремонностью, которая проявляется при арестахъ рабочихъ, когда сплошь и рядомъ забираютъ совершенно непричастныхъ лицъ. Ред.) Интеллигенты распредѣляются слѣдующимъ образомъ: мущинъ — 103 чел. (36,84 % общ. числа), пробывшихъ въ тюрьмѣ 10247 дней (71,47 % общ. врем.), а женщинъ — 28 чел. (9,47 % общ. числа), пробывшихъ въ тюрьмѣ 969 дней (6,76 % общ. врем.); нельзя не отмѣтить болѣе снисходительнаго отношенія къ „женской политикѣ“.

По роду заключенія „интеллигенты“ распредѣляются слѣдующимъ образомъ: въ предварительномъ заключеніи находилось 97 мущинъ (34,03%), пробывшихъ въ тюрьмѣ 10147 дн. (71,47%), и 25 женщинъ (9,47%), пробывшихъ въ тюрьмѣ 945 дн. (6,58%); отбывали наказаніе — 6 мущинъ (2,1%), пробывшихъ въ тюрьмѣ 100 дней (0,69%), и 3 женщины (1,05%), пробывшихъ въ тюрьмѣ 24 дня (0,18%). Впервые въ прошломъ году наша тюрьма стала служить не только для предварительнаго заключенія, но и для отбытія наказанія „политическихъ“.

Заключенныхъ по политическимъ дѣламъ рабочихъ въ 1901 году было — 154 чел. (54% общ. числа), пробывшихъ въ тюрьмѣ 3019 дней (21,16% общ. врем.). Мущинъ изъ числа рабочихъ было — 138 чел. (48,08%), пробывшихъ въ тюрьмѣ 2707 дней (14,91% общ. числа) а женщинъ 16 чел. (5,61%), пробывшихъ въ тюрьмѣ 312 дней (2,18%) изъ нихъ въ предварительномъ заключеніи находились: 93 мущ. (32,63%), пробывшихъ въ тюрьмѣ 1778 дней (12,47%) и 9 женщинъ (3,15%), просидѣвшихъ въ тюрьмѣ 171 дн. (1,22%); отбывали наказаніе: 45 мущинъ (15,79%), пробывшихъ въ тюрьмѣ 929 дней (5,45%), и 7 женщинъ (2,39%), пробывшихъ въ тюрьмѣ 141 дн. (0,96%). При чтеніи этихъ цифръ нельзя не обратить вниманіе на большой по сравненіи съ „интеллигентами“ процентъ рабочихъ, отбывающихъ заключеніе въ качествѣ наказанія.

Итоги. 285 политическихъ распредѣляются слѣдующимъ образомъ: мущины — 241 ч. (84,92%) пробыли въ тюрьмѣ 13054 дня (91,06%), женщины — 44 ч. (15,08%) пробыли въ тюрьмѣ 1281 д. (8,94%).

Время, проведенное всѣми 285 „политическими“ въ Кіевскихъ тюрьмахъ въ теченіе 1901 г. — выраженное въ годахъ, — составляетъ въ общей сложности 39,27 лѣтъ!

Нельзя не пожелать, чтобы Кіевскій „Красный Крестъ“ продолжалъ выпускать мѣсячные отчеты и чтобы другіе „Кресты“ послѣдовали-бы его примѣру.

Желательно также, чтобы въ отчетахъ этихъ помѣщались-бы болѣе подробныя свѣдѣнія о „политическихъ“: по какому дѣлу привлекается? родъ занятій? рецидивистъ? и. т. д. Регулярное изданіе такихъ отчетовъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ могло-бы представить точныя данныя о движеніи политической „преступности“ въ Россіи.

Къ національному безправію поляковъ.

Врешенская исторія въ Германіи,*) возмутившая культурное населеніе всего міра, естественно должна бы вызвать въ нашей несчастной русской Польшѣ взрывъ самаго остраго негодованія. Самодержавная политика порабощенія и подавленія національности встрѣтила на этотъ разъ отпоръ въ совсѣмъ еще юныхъ честныхъ сердцахъ польской молодежи. „Отеческое попеченіе“ самодержца въ отношеніи польской молодежи выражается въ томъ, что гимназистамъ-полякамъ запрещено между собою говорить по польски, учебники польскаго закона Божія составлены по русски, ксендзъ долженъ вести преподаваніе на русскомъ языкѣ. Такъ поставлено дѣло не только во всѣхъ вообще русскихъ гимназіяхъ, гдѣ имѣются ученики-поляки, но и въ коренныхъ польскихъ областяхъ. Вслѣдъ за Врешенскими событіями, наболѣвшее національное чувство Польши выразило свой протестъ противъ того порядка вещей, естественнымъ слѣдствіемъ котораго являются подобныя событія. Приведу вамъ здѣсь дословно письмо одного гимназиста Сѣдлецкой гимназіи. „19 января я отправился въ гимназію въ $8^3/_4$ час. Не доходя гимназіи, я замѣтилъ, что окна въ седьмомъ классѣ выбиты, а возлѣ гимназіи толпа и гимназическіе сторожа собираютъ книги, какъ оказалось, вылетѣвшія изъ седьмого класса. Я быстро вбѣжалъ въ гимназію и тутъ узналъ слѣдующее: въ седьмомъ классѣ шелъ урокъ польскаго закона Божія. Передъ концомъ урока всѣ ученики-поляки этого класса встали и потребовали у ксендза, чтобы законъ Божій формально преподавался на польскомъ. Ксендзъ заявилъ, что ему не предоставлено издавать новыя законоположенія и, не желая терять мѣсто, онъ долженъ подчиниться власть имущимъ. Тогда раздались крики vivat, полетѣли стекла, посыпались книги и галоши въ ксендза. Директоръ, инспекторъ и классный наставникъ Соловьевъ побѣжали въ седьмой классъ. Ксендзъ, блѣдный какъ полотно, дрожа отъ страха, выбѣжалъ изъ класса. Тогда къ ученикамъ 7 класса присоединились ученики-поляки 5, 6 и 8 классовъ и сообща настаивали на своихъ требованіяхъ. Директора, вбѣжавшаго въ классъ, засыпали калошами; катехизисы рвались, кафедру поломали. Говорятъ, что до 200 учениковъ будетъ исключено. Былъ здѣсь окружной инспекторъ и производилъ слѣдствіе. Въ зданіи гимназіи постоянно шныряютъ сыщики, въ числѣ 8, спеціально присланные изъ Варшавы и слѣдящіе за каждымъ шагомъ гимназистовъ.

Старая исторія. (Разсказъ со словъ крестьянъ-очевидцевъ.) По Варшавской ж. д. недавно везли въ СПБ. арестованнаго въ Минскѣ молодого человѣка, кажется, сына какого-то фабриканта (была арестована типографія). Поѣздъ прошелъ ст. Псковъ и приближался ко второй станціи Новоселье. Арестованный улучилъ моментъ и выскочилъ изъ вагона. Жандармы, сопровождавшіе свою добычу, остановили поѣздъ и пытались поймать его своими силами, но этого имъ не удалось. Поѣздъ двинулся дальше, и со станціи Новоселье дана была телеграмма въ Жуковское волостное правленіе съ приказаніемъ устроить облаву и изловить бѣжавшаго. Исполнительныя деревенскія власти поспѣшили произвести требуемую отъ нихъ операцію, учиненная облава никакихъ результатовъ не дала, и крестьяне разбрелись по домамъ. Замѣшкался какъ-то одинъ лишь участникъ облавы, присѣлъ на лѣсной опушкѣ и приготовился закурить. Но не успѣлъ онъ свернуть себѣ „цыгарку“, какъ прямо на него набѣжалъ изъ лѣсу предметъ тщетныхъ поисковъ. Воля начальства была исполнена, и бѣглецъ доставленъ въ волостное правленіе, куда собрался весь деревенскій міръ, посмотрѣть, какого такого злодѣя поймали. Все почтенное общество было очень удивлено совсѣмъ не злодѣйскимъ видомъ „злодѣя“, и любопытство собравшихся еще болѣе возросло. Стали разспрашивать, какъ это такъ баринъ попалъ въ столь непріятное положеніе и за что его преслѣдуютъ. Въ волостномъ правленіи раздалась никогда не слыханная его промозглыми стѣнами страстная революціонная рѣчь. „Баринъ“ разсказалъ міру все: откуда идетъ всяческое зло и неправда, какъ онъ хотѣлъ бороться съ этой неправдой, какъ начальство выслѣживало его, какъ, наконецъ, схватили и повезли въ Питеръ судить шемякинымъ судомъ. Долго говорилъ „баринъ“ и, должно быть, говорилъ хорошо, потому что „прошибъ слезу“ у окружающихъ. На столѣ появились нехитрыя деревенскія угощенія: несли кто что могъ. Міръ жалѣлъ „барина“, не забылъ и себя пожалѣть: начали горячо толковать, что такого хорошаго человѣка не въ тюрьму бы садить, а имъ бы, горемычнымъ мужикамъ, въ земскіе начальники... Затѣмъ послѣдовалъ финалъ: со слезами на глазахъ „барину“ скрутили руки назадъ и, громко сѣтуя на жестокое начальство, передали его въ руки полиціи.

Нижній Новгородъ. 15-го вечеромъ въ театрѣ состоялось чествованіе Гоголя. Народу была масса. Публика самая разнообразная, много учащихся, есть и рабочіе. Съ самаго начала можно было замѣтить, что публика, главнымъ образомъ, учащіеся, неспокойна — всѣ волнуются, всѣ напряженно ожидаютъ чего то. Полиціи и жандармовъ было еще больше обыкновеннаго, много переодѣтыхъ шпіоновъ сидѣло въ публикѣ. Начался апофеозъ — вниманіе всѣхъ было обращено на сцену. Къ бюсту Гоголя подходили артисты, изображавшіе разные типы и становились вокругъ. Электрическія лампочки изображали „50 лѣтіе Н. В. Гоголя“. Въ тотъ моментъ, когда лампочки вспыхнули, заиграла музыка и хоръ запѣлъ „славу“ — вдругъ съ разныхъ сторонъ взвились листки — прокламаціи. Кто то крикнулъ: „Да здравствуетъ политическая свобода“, въ отвѣтъ раздалось „браво“, „ура“, но все это заглушалось музыкой и пѣніемъ славы. Прокламаціи въ большомъ количествѣ падали на верху, летѣли внизъ, много попало въ ложи. Публика тотчасъ бросилась ихъ поднимать, ловила, хватала, читала. Нѣкоторые отнесли ихъ къ чествованію Гоголя, но большинство понимало въ чемъ дѣло. Какая то гимназистка, засовывая листокъ въ карманъ, говоритъ: „Ахъ, это о Гоголѣ, прочту дома“. Не обошлось безъ курьезовъ. Полиція велѣла театральному лакею подбирать листки, не объяснивъ зачѣмъ это нужно. Онъ набралъ сколько могъ и, вставъ въ дверяхъ, началъ раздавать публикѣ, думая тоже, что это входитъ въ программу чествованія.

---

*) Въ Врешенѣ ученики школы были подвергнуты тѣлеснымъ наказаніямъ за предъявленное ими требованіе обученія Закона Божьяго на польскомъ, а не нѣмецкомъ языкѣ. Въ отвѣтъ на эту расправу родители учениковъ произвели демонстрацію, за которую судъ ихъ приговорилъ къ долгому тюремному заключенію.

Мнѣ бросилась въ глаза маленькая, но характерная сценка.

Какой то человѣкъ, по виду рабочій, старается наложить въ карманъ какъ можно больше листковъ, чтобы потомъ, можетъ быть, раздать ихъ товарищамъ. Неподалеку одна весьма либеральная дама. Осторожно оглядываясь кругомъ, она незамѣтно наступаетъ ногой на листокъ и выждавъ нѣкоторое время, поднимаетъ и прячетъ его, вполнѣ довольная своей изобрѣтательностью.

Полиція, разумѣется, суетилась страшно. Тотчасъ бросилась „узнавать“ — но ничего не могла подѣлать, такъ какъ было слишкомъ тѣсно. Публика разошлась съ листочками въ карманахъ, одобряя „ловкую штуку“.

Въ эту же ночь (съ 15 на 16) были произведены повальные обыски и много арестовъ. Предписаніе объ этомъ было, говорятъ, дано еще раньше изъ Питера, вѣроятно въ виду могущихъ быть волненій. Число всѣхъ обысковъ еще не приведено въ извѣстность, во всякомъ случаѣ ихъ больше 30, считая въ томъ числѣ аресты. —

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ
и
ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Ярославль. Кромѣ Мануфактуры, на которую обращено исключительное вниманіе, у насъ много еще всякихъ небольшихъ заводовъ отъ 50-200 раб. Это валяльный заводъ наслѣдн. Свѣшникова, химическіе заводы Дунаева, Сорокина, нѣсколько табачныхъ фабрикъ, мельницъ и водочный заводъ. Положеніе труда на этихъ заводахъ самое печальное. На бѣлильный заводъ Сорокина идутъ только люди, которымъ приходится умирать съ голоду; теперь же такихъ людей очень и очень много. За вѣрную смерть (мѣсяца черезъ два уже происходитъ отравленіе свинцовыми бѣлилами; городская больница регулярно получаетъ умирающихъ съ этого завода) рабочіе этого завода получаютъ сущіе гроши; хозяева цѣнятъ человѣческую жизнь дешевле издержекъ на необходимыя гигіеническія приспособленія. Это маленькое, низенькое зданіе является прямо капиталистическимъ застѣнкомъ. Невозможныя санитарныя условія — язва этихъ маленькихъ заводовъ. Рабочіе табачныхъ фабрикъ послѣ работы выглядятъ какими то ненормальными. Табачная пыль разъѣдаетъ глаза, спираетъ грудь, вызывая постоянный кашель; длинный рабочій день, который приходится весь простоять на ногахъ совершенно изнуряетъ рабочаго. „Э, гдѣ ужь намъ читать!“ отвѣчаютъ рабочіе на предложеніе почитать, и тѣмъ не менѣе пропаганда соціалъ-демократическихъ идей прививается и тамъ. Одинъ изъ фабрикантовъ Вахрамѣевъ закрылъ школу послѣ того, какъ нашелъ нелегальную книжонку на дворѣ. „Вотъ оно для чего я строилъ!“ говорилъ обиженный въ лучшихъ своихъ чувствахъ капиталистъ. На валеномъ заводѣ Свѣшникова царствуютъ нравы по Домострою. Въ 9 ч. веч. рабочихъ запираютъ и никто уже не смѣетъ проникнуть за ворота; хозяинъ не рѣдко „ласкаетъ“ рабочихъ, какъ можетъ только „ласкать“ хозяинъ. Раньше на Свѣшникова работали кустари — валяльщики, теперь на смѣну имъ пришелъ заводъ, взялъ ихъ властью машины, и побѣжденные кустари смиренно переносятъ хозяйскій гнѣвъ, хозяйскую любовь.

По поводу введенія усиленной охраны здѣсь распространена прокламація ко всѣмъ рабочимъ.

Послѣ этого было арестовано 20 рабочихъ.

Ярославль. Въ январѣ 1902 г. на табачной фабрикѣ Вахромѣева была небольшая забастовка. Большинство рабочихъ работаетъ сдѣльно. Заработная плата крайне низкая: колеблется между 3 и 8 рублями, но при этомъ рабочіе получаютъ хозяйскій обѣдъ. Забастовали женщины, которыя развѣшиваютъ табакъ. До Рождества онѣ получали по $2^1/_2$ коп. съ ящика, въ который уходитъ 400 осьмушекъ; въ январѣ же ихъ заставили развѣшивать пачками въ $^1/_{16}$ финта и такихъ пачекъ въ ящикъ уходило 800, а съ ящика стали платить только по 4 коп. Работницы же требовали, чтобы плата была увеличена до 5 коп. съ ящика. Требованіе ихъ было удовлетворено.

19-го февраля Ярославскій Комитетъ выпустилъ листокъ къ ярославскимъ рабочимъ, въ которомъ послѣ изображенія условій освобожденія крестьянъ въ 1861 г. сказано:

„Теперь мы знаемъ правду и теперь мы, рабочіе, борющіеся за лучшую жизнь, не дадимъ обмануть себя попамъ и прочимъ царскимъ прихвостнямъ. Мы хорошо знаемъ, что та свобода, которой добились наши отцы и дѣды, еще не вся та свобода, которая нужна намъ рабочимъ. Намъ нужна политическая свобода, намъ нужна свобода сходокъ и стачекъ, слова и печати. За эту свободу мы поведемъ жаркую борьбу. Этой свободы мы добьемся, когда будетъ созванъ всероссійскій земскій соборъ, въ которомъ будутъ выбранные отъ насъ рабочихъ и отъ крестьянъ. Этотъ земскій соборъ возвратитъ крестьянамъ отрѣзки, отмѣнитъ выкупные платежи, уничтожитъ тѣлесное наказаніе. Этотъ земскій соборъ издастъ законы, сокращающіе рабочій день и дающіе намъ, рабочимъ, свободу стачекъ и собраній, слова, союзовъ и печати. Только тогда мы сможемъ успѣшно бороться за лучшее будущее. Организуйтесь же, товарищи, къ предстоящей борьбѣ за земскій соборъ. Всюду несите вѣсть о грядущемъ освобожденіи русскаго народа отъ ярма самодержавія, зовите къ этой борьбѣ и обманутыхъ, ограбленныхъ царемъ крестьянъ. Борясь не только за свои рабочіе интересы, но и за интересы всего русскаго народа, мы сломимъ наконецъ самодержавное правительство — и праздникъ, который мы будемъ праздновать тогда, будетъ не 19 февраля, день одураченія народа самодержавіемъ, а день освобожденія народа отъ самодержавія“. —

Романовъ, Ярославской губ.

При льно-прядильной фабрикѣ Классена (до 900 чел. рабоч.) существуетъ фабричная лавка, которая, повидимому, предназначается для пополненія прибылей хозяевъ, потому что цѣны въ ней сравнительно съ рыночными непомѣрно высокія, напримѣръ, въ вольной лавкѣ — пудъ муки 90 коп., а въ фабричной 95 к., масло скоромное 32 к., а въ фабричной 35 к., масло постное 18 к. и $18^1/_2$ к., а въ фабричн. 20 коп., фунтъ мяса 8-9 коп., въ фабричн. 10-12 коп. При этомъ рабочіе должны брать тотъ товаръ, который имъ предлагаютъ, нѣкоторая же разборчивость при выборѣ продуктовъ считается вздорными претензіями. При фабрикѣ существуютъ казармы, которыя раздѣляются на артельныя и каморки, длиною $2^1/_2$ сажени и 5 аршинъ шириною; въ каждую каморку назначаютъ по двѣ семьи, кромѣ того еще холостяковъ и подростковъ, такъ что всего набирается въ каморкѣ не менѣе 8 человѣкъ. Каждая семья платитъ по 1 р. 50 коп., холостые рабочіе по 50 коп., а подростки по 25 коп. Удушливый воздухъ и страшная грязь — вотъ чѣмъ отличается внутренность казармъ.

Изъ Нижняго. Летучіе листки выходятъ здѣсь чуть не ежедневно, въ нихъ обыкновенно доводятся до свѣдѣнія событія въ другихъ городахъ, иногда они пишутся на общія темы. Издаетъ ихъ не соціалъ-демократическая, но дружественная организація. „Рабочій Летучій Листокъ“ издается соціалъ-демократической группой, не входящей въ Комитетъ. Направленіе ея довольно неопредѣленное, отчасти окрашенное экономизмомъ. Объ ея настроеніи можно отчасти судить по тому листку, въ которомъ она приглашала заграничныя организаціи „прекратить братоубійственную рознь“.

Рабочіе относятся къ листкамъ въ высшей степени сочувственно, сами требуютъ листковъ. Листки попадали даже въ сосѣднія деревни и на такіе заводы, гдѣ еще не было связей. Настроеніе особенно повысилось въ Сормовѣ. Стали поговаривать, что будетъ „бунтъ“. Въ городѣ уже образовалась атмосфера тревожныхъ слуховъ, постоянно приходится слышать: „а въ Сормовѣ бунтъ, потребительную лавку разнесли“ и. т. д. п.

пощечину царямъ-Обмановымъ. Эта пощечина тѣмъ интереснѣе, чѣмъ „солиднѣе“ люди, ее дающіе.

Вы видите: они слабы; у нихъ такъ мало связей въ народѣ, что ихъ письмо ходитъ по рукамъ, точно и въ самомъ дѣлѣ копія съ частнаго письма. Мы — сильны, мы можемъ и должны пустить это письмо „въ народъ“ и прежде всего въ среду пролетаріата, готоваго къ борьбѣ и начавшаго уже борьбу за свободу всего народа.

Вы видите: они робки, они только еще начинаютъ расширять свою профессіонально-земскую агитацію. Мы смѣлѣе ихъ, наши рабочіе уже пережили „стадію“ (навязанную имъ стадію) одной только профессіонально-экономической агитаціи. Покажемъ же имъ примѣръ борьбы. Вѣдь если рабочіе боролись за такое требованіе, какъ отмѣна „Временныхъ правилъ“, — чтобы выразить протестъ противъ самодержавія, — то не менѣе значительнымъ поводомъ можетъ явиться и надругательство администраціи надъ какимъ-ни-на-есть, а все же: „самоуправленіемъ“!

Но тутъ останавливаютъ насъ всякіе, явные и тайные, сознательные и безсознательные, сторонники „экономизма“. — Для кого нужна поддержка рабочими земцевъ? спрашиваютъ они насъ. Не для земцевъ-ли только? Не для людей-ли, которые недовольны, быть можетъ, лишь тѣмъ, что правительство больше ласкаетъ промышленныхъ, чѣмъ сельскихъ предпринимателей? Не для одной-ли буржуазіи, пожеланія которой не идутъ дальше „живой борьбы экономическихъ группъ страны“?

Для кого? Да прежде всего и больше всего для самого рабочаго класса. Этотъ „единственный дѣйствительно революціонный классъ“ современнаго общества не былъ бы на дѣлѣ революціоннымъ, если бы онъ не пользовался всякимъ поводомъ для нанесенія новаго удара своему злѣйшему врагу. И слова о политической агитаціи и политической борьбѣ въ нашихъ заявленіяхъ и программахъ были бы пустымъ звукомъ, если бы мы упускали тѣ благопріятные случали для борьбы, когда съ этимъ врагомъ начинаютъ ссориться даже его вчерашніе (60-е годы), а отчасти и нынѣшніе (оппортюнисты-земцы и крѣпостники-помѣщики) союзники.

Давайте же внимательно слѣдить за земской жизнью, за ростомъ и расширеніемъ (или упадкомъ и съуженіемъ) новой волны протеста. Постараемся давать рабочему классу побольше знакомства съ исторіей земства, съ уступкой правительства обществу въ 60-хъ годахъ, съ лживыми рѣчами царей и ихъ тактикой: сначала давать „похлебку“ вмѣсто „права первородства“, — а потомъ (опираясь на это сохраненное ими „право первородства“) отнимать и самоё похлебку. Пусть рабочіе учатся распознавать эту исконную полицейскую тактику во всѣхъ ея проявленіяхъ. Это распознаваніе необходимо и для нашей борьбы за наше „право первородства“, за свободу для борьбы пролетаріата противъ всякаго экономическаго и соціальнаго угнетанія. Будемте читать рабочимъ на кружковыхъ собраніяхъ о земствѣ и его отношеніяхъ къ правительству, будемте пускать листки по поводу земскихъ протестовъ, будемъ готовиться къ тому, чтобы на всякое поруганіе сколько-нибудь честной земщины царскимъ правительствомъ пролетаріатъ могъ отвѣтить демонстраціями противъ помпадуровъ-губернаторовъ, башибузуковъ-жандармовъ и іезуитовъ-цензоровъ. Партія пролетаріата должна научиться преслѣдовать и травить всякаго слугу самодержавія за всякое насиліе и безчинство противъ какого-бы-то-ни было общественнаго слоя, какой-бы-то-ни было націи или расы.

Севастополь. Послѣ новаго года между севастопольскими рабочими разошлась прокламація, призывающая къ борьбѣ противъ царскаго самовластія. Послѣ этого арестовали одного рабочаго, у котораго при обыскѣ нашли много литературы. Въ концѣ января по городу и особенно между матросами военнаго флота было распространено „Письмо къ фельдфебелю“ Л. Толстого. У матросовъ въ экипажахъ и на военныхъ судахъ эту зиму стали производить поголовные обыски Вызываютъ команду, приказываютъ выстроиться въ рядъ и тогда по порядку ощупываютъ матросовъ и обыскиваютъ ихъ скудные пожитки Такіе обыски производятся за послѣднее время часто, но безуспѣшно — вещественныхъ доказательствъ крамолы не находится.

Но въ первыхъ числахъ февраля нашли крамолу и нашли ее тамъ, гдѣ совсѣмъ не ожидали — въ канцеляріи штаба черноморскаго флота. Тамъ у матросовъ-писарей открыли не только антиправительственную литературу, но и не разрѣшенный гектографъ. Кромѣ того, нашли литературу на одномъ изъ военныхъ судовъ и въ канцеляріи 34-го экипажа, гдѣ офицеръ засталъ врасплохъ писаря, перепечатывающаго прокламацію.

Офицеры флота хотятъ подать, куда слѣдуетъ, ходатайство, чтобы въ Севастополь впредь не пускали политическихъ поднадзорныхъ. Нѣкоторые изъ нихъ хотятъ даже предложить деньги, чтобы выслали отсюда проживающихъ здѣсь политическихъ.

Батумъ. На заводахъ Манташева, Ротшильда, Акопова и др съ 5-го по 18-ое февр. продолжалась стачка 600-700 рабочихъ. Требовали улучшенія условій труда, отмѣны штрафовъ, сокращенія рабочаго времени, пріема уволенныхъ товарищей. На заводѣ Манташева избили и поранили управляющаго. Была стычка съ полиціей. Арестовали до 150 чел., но черезъ нѣсколько дней выпустили ихъ по требованію рабочихъ. Стачка кончилась для рабочихъ побѣдой.

Сулинъ, донской области. 18 и 19 Февраля на большомъ мателлургическомъ заводѣ Пастухова въ Сулинѣ произошли крупные безпорядки, которые заключались въ слѣдующемъ: въ виду общей безработицы на заводѣ были понижены расцѣнки; недовольные этимъ рабочіе одного изъ цеховъ 18 февраля обратились къ дирекціи съ требованіемъ сохранить старую расцѣнку, угрожая, въ противномъ случаѣ, прекратить работу. Мирныя намѣренія рабочихъ были обращены, однако, въ другую сторону, благодаря слѣдующему случаю: во время объясненія съ инженеромъ, фамилія котораго, къ сожалѣнію, еще неизвѣстна, одинъ изъ рабочихъ обратился къ нему съ вопросомъ; инженеръ грубо оборвалъ рабочаго и приказалъ ему удалиться; рабочій бросился тогда на инженера, который въ свою очередь, вынулъ револьверъ и направилъ его на рабочаго, послѣдній отскочилъ въ сторону, но инженеръ не смотря на это, выстрѣлилъ въ толпу, къ счастью шальной выстрѣлъ никому не причинилъ вреда, кромѣ, впрочемъ самого инженера: возмущенные дикимъ поступкомъ, рабочіе бросились на инженера и только благодаря энергіи нѣкоторыхъ рабочихъ дипломированный эксплоататоръ избѣгъ вѣрной смерти. На слѣдующій день, 19 февраля, давно накопившееся недовольство рабочихъ вылилось въ формѣ разгрома завода и квартиръ высшей заводской администраціи: въ машинномъ отдѣленіи была разбита машина, разнесена контора завода, уничтожены вещи въ квартирахъ нѣсколькихъ инженеровъ; разгрому подверглись только квартиры тѣхъ лицъ, которыя не пользовались уваженіемъ рабочихъ: во время безпорядковъ изъ толпы не рѣдко раздавались голоса: „этого не трогай! Проходи дальше!“ Между прочимъ разнесена квартира инженера Шелгунова, сына покойнаго публициста Н. В. Шелгунова. Немногочисленная полиція была безсильна прекратить безпорядки и потому, говорятъ, обратилась за помощью къ рабочимъ, стоявшимъ въ сторонѣ отъ движенія; нѣкоторые изъ рабочихъ помогли полиціи выхватить изъ толпы „зачинщиковъ“ и вообще подавить безпорядки. Когда на слѣдующій день изъ Александровска-Грушевскаго прибыла сотня казаковъ, ей нечего было дѣлать: безпорядки прекратились. Нѣсколько человѣкъ арестовано. Работы теперь возобновились.

Таганрогъ. Общая безработица отразилась, разумѣется, и въ Таганрогѣ и, съ наступленіемъ зимы, Касперовка — предмѣстье населенное рабочими металлургическаго завода — имѣла видъ голодающей русской деревни. Между тѣмъ администрація завода рѣшила еще болѣе урѣзать и безъ того ничтожный заработокъ рабочихъ. Передъ новымъ годомъ появилось объявленіе, что съ половины января расцѣнки будутъ понижены на 25 % и что часть рабочихъ — около 200 чел. — будетъ совершенно разсчитана. Рабочіе рѣшили сопротивляться: 29 декабря доменный цехъ — въ количествѣ 300 челов. — объявилъ забастовку. Главнымъ требованіемъ ихъ было: не понижать расцѣнокъ и не увольнять товарищей. Къ нимъ вскорѣ присоединились рабочіе листопрокатнаго цеха въ количествѣ 350 чел., которые со своей стороны добавили требованіе сократить рабочій день на 1 часъ. На заводѣ были распространены гектографированныя прокламаціи, приглашавшія поддержать забастовавшихъ товарищей, и стачка угрожала принять огромные размѣры. Домны были потушены, работы прекратились. Перепуганная администрація вытребовала по телефону изъ города полицію и артиллеристовъ. Отрядъ полицейскихъ застрялъ въ непролазной грязи и принужденъ былъ ретироваться. Полиціймейстеръ распорядился было отвезти городовыхъ на пожарныхъ дрогахъ, но и эта попытка была безуспѣшна. Кончилось тѣмъ, что городовые стали выпрягать лошадей у всѣхъ попадавшихся по пути извозчиковъ и двинулись въ Касперовку верхомъ; всѣ улицы Таганрога, къ изумленію мѣстныхъ обывателей, покрылись распряженными пролетками.

Между тѣмъ рабочіе успѣли уже разойтись по домамъ и усмирять было некого. Тогда начались аресты и около 30 чел. было выхвачено изъ среды забастовщиковъ. Сосвоей стороны заводское начальство принялось запугивать рабочихъ и добилось того, что около 30 челов. приступило къ растопкѣ доменныхъ печей. Лишенные руководителей, подъ сильнымъ давленіемъ мастеровъ и полиціи, и остальные стали понемногу сдаваться: къ новому году всѣ работы возобновились. Помимо этого администрація сдѣлала рабочимъ нѣкоторыя уступки: напр. требованіе не увольнять товарищей было исполнено.

„Патріотическая“ Манифестація въ Москвѣ (изъ письма рабочаго).

„За нѣсколько дней до 19 февраля агенты г-на Зубатова начали агитировать среди фабричныхъ рабочихъ, чтобы устроить подписку на пріобрѣтеніе вѣнка для возложенія на памятникъ Александру II, на что многіе изъ рабочихъ подписывали, кто 20 коп., а кто и рубль. Денегъ собрали столько, что могли пріобрѣсти серебряный вѣнокъ. 19-го февраля около памятника собралось тысячъ 50 народа. Къ народу вышелъ московскій богдыханъ Сергій и сказалъ подходящую къ случаю рѣчь, послѣ чего народъ упалъ на колѣни и кричалъ или ревѣлъ подходящіе случаю звуки. А на слѣдующій день всѣ рабочіе, подписавшіеся на вѣнокъ, получили отъ своихъ хозяевъ каждый въ 5 разъ больше того, сколько подписалъ. По слухамъ, на эту затѣю охранное отдѣленіе израсходовало 100.000 руб“.

Московскія Вѣдомости“ съ умиленіемъ разсказываютъ объ этой манифестаціи, иниціатива которой, какъ сообщаютъ газеты, исходила отъ „Общества рабочихъ механическаго производства“, т. е. отъ „партіи“ гг. Озерова и Ко. Мы не совсѣмъ понимаемъ восторговъ почтенной газеты: правда, москвичи чествовали память царя, но вѣдь они дѣлали это только потому, что этотъ царь рисуется въ ихъ представленіи, какъ освободитель крѣпостныхъ. И хотя это представленіе исторически невѣрно, но самая идея чествовать царя за такой несвойственный царскимъ нравамъ поступокъ, такъ сама по себѣ „соблазнительна“, что до сихъ поръ празднованіе дня 19 февраля считалось преступленіемъ. Вѣдь еще въ прошломъ году харьковскіе студенты были избиты за панихиду по Александрѣ II.

Очевидно, дѣло съ „основами“ обстоитъ плохо, если нельзя вызвать народной манифестаціи въ пользу царизма по иному поводу.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Событія въ Барцелонѣ.

„Соціальная революція въ Испаніи“,*) „Коммуна въ Барцелонѣ“ **) — таковы заглавія статей, помѣщенныхъ въ органахъ Европы, не скованныхъ цензурой Мадрида. Естественно, что при такомъ шумѣ въ Европѣ, событія, которыя его вызвали, должны были быть — первостепенной важности. Постараемся, при всемъ сумбурѣ имѣющихся противорѣчивыхъ извѣстій выяснить причины и прослѣдить ходъ событій въ Барцелонѣ, разъяснить роль, съигранную тутъ испанскимъ правительствомъ и манеру его защищать буржуазный строй. . .

Прежде всего нужно сдѣлать оговорку относительно помѣщенныхъ въ различныхъ органахъ, даже соціалистическихъ („Vorwärts“), замѣтокъ и сообщеній о томъ, что въ движеніи барцелонскомъ — его ядро, такъ сказать — составляли анархистскія массы. . . . Намъ кажется, совершенно правильнымъ мнѣніе высказанное корреспондентомъ „Journal“: „ядро движенія составляли рабочія организаціи, участвовавшія въ стачкѣ и тѣмъ парализовавшія совершенно коммерческую и общественную жизнь въ Барцелонѣ, а анархистскіе элементы принимали участіе лишь въ стычкахъ съ полиціей и въ сраженіяхъ съ арміей. . .“

Уже нѣсколько разъ была рѣчь въ барцелонскомъ рабочемъ людѣ о генеральной стачкѣ***) разъ въ 1900 г. во время пріостановки работы въ ткацкихъ и прядильныхъ мастерскихъ, разъ въ 1901 г. во время стачки служащихъ конокъ. Тогда была пущена прокламація въ которой обращались съ призывомъ†) какимъ-бы то ни-было актомъ солидарности, выраженіемъ ли симпатіи по отношенію къ стачечникамъ, митингами или манифестаціями увеличить моральную силу праваго дѣла.

„Такъ какъ обстоятельства могутъ пойти ускоренымъ шагомъ, мы васъ предупреждаемъ, что мы готовы на все и что сигналъ данъ будетъ изъ Барцелоны.“ Подписано: „Мѣстный Комитетъ“. . .

Обстоятельства дѣйствительно пошли быстро. . .

Ужасное положеніе пролетаріата въ Испаніи вообще, постепенное вздорожаніе предметовъ первой необходимости, оставшіяся безъ результатовъ усилія рабочихъ повысить хоть немного заработную плату и уменьшить рабочій день — это первыя причины настоящаго движенія. Кромѣ того, утомленный полнымъ бездѣйствіемъ правительства, которое ничего не сдѣлало для разрѣшенія экономическаго кризиса, которое не предприняло ни одной мало-мальски важной соціальной реформы, пролетаріатъ рѣшилъ косвенно генеральной стачкой произвести давленіе на правительство.

17-го февраля состоялось до 45 митинговъ въ Барцелонѣ, была постановлена генеральная стачка и была выпущена, распространенная въ громадномъ количествѣ, прокламація приблизительно слѣдующаго содержанія:

„Прошла масляница! . . ††) Въ то время какъ буржуазія тратила свой деньги на конфетти, на маскарадные костюмы, на балахъ и въ ресторанахъ, — тысячи рабочихъ голодали! . . .

Теперь начался постъ. . . . Намъ нечего ѣсть. Наше терпѣніе исчезло. Въ виду такого отношенія къ намъ буржуазіи, примемся рѣшительно за дѣло.

Впередъ, товарищи! . . Бросимъ работу! Пусть всѣ прекращаютъ трудъ. . . . Пусть чувствуютъ вампиры-капиталисты. . . . Будемъ всѣ безъ пищи, безъ питья, въ темнотѣ. . . .

Наши враги сдадутся. . . Покажемъ капиталистическимъ классамъ, что безъ рабочаго общественная жизнь невозможна“.

Генеральная стачка 17-го февраля началась. Не только рабочіе всѣхъ крупныхъ фабрикъ, заводовъ, но всѣ прикащики,†††) ремесленники, служащіе въ аптекахъ, носильщики, служащіе конокъ,†*) извозчики, кучера, швейцары, дворники, слесаря, ламповщики, столяры, булочники, скульпторы, граверы, типографы, рабочіе въ портахъ, каменщики приняли участіе въ этомъ колоссальномъ движеніи. Особенно интересно заявленіе типографовъ, которыхъ экономическое положеніе превосходно и къ которымъ патроны относятся безукоризненно: „Мы довольны нашими патронами — но изъ чувства рабочей солидарности мы участвуемъ въ стачкѣ!“ †**)

„L'imparciela“ (Испанія) признаетъ, что рабочая солидарность достигла громадныхъ размѣровъ, а посланный французскимъ соціалистическимъ комитетомъ привѣтъ испанскому пролетаріату буржуазные органы называютъ съ ужасомъ „революціонной солидарностью“. . .*†)

Въ первый же день генеральной барцелонской стачки, войска, хоть и видѣли только беззащитныхъ женщинъ съ красными знаменами — все таки не удержались, имѣя въ рукахъ оружіе, отъ стрѣльбы. Послѣдовало столкновеніе съ рабочими и три дня спустя — послѣ кровопролитія въ Тріестѣ — снова полилась рабочая кровь въ Барцелонѣ. . . 3 на смерть убитыхъ, 9 смертельно раненыхъ и 35 тяжело раненыхъ — результатъ первой бойни. . . На улицахъ воздвигаются баррикады. . . Кое гдѣ еще открытыя лавки, кіоски закрываются. . Наступаетъ полная тишина, прерываемая выстрѣлами солдатъ, да топотомъ конныхъ патрулей. . . Въ палатѣ буржуазныя партіи упрекаютъ правительство въ недостаткѣ энергіи. . . Правительство обѣщаетъ быть на высотѣ своего полицейскаго призванія — обѣщаетъ точно выполнять требованія деспотическаго капитализма и объявляетъ Барцелону на военномъ положеніи. Одинъ только Леру заявилъ въ палатѣ, что порицаетъ правительство за строгости противъ пролетаріата, въ то время какъ ихъ слѣдуетъ направить противъ отвѣтственной за все буржуазіи и клеймитъ пусканіе въ ходъ военной силы противъ пролетаріата.**†)

20-го февраля закрылись одни только еще работавшія въ такое тяжелое время для рабочихъ каучуковыя фабрики. Наступилъ полнѣйшій параличъ всей жизни города съ 600.000 населеніемъ. Мощность городского пролетаріата сказалась здѣсь, несмотря на то, что полной подготовки къ этой стачкѣ, судя по заявленіямъ „El Socialista“ не было. . . 20 фев. весь день прошелъ въ стычкахъ съ арміей, масса раненыхъ, убитыхъ; то же послѣдовало и 21 . . . (Буржуазія начинаетъ выѣзжать изъ Барцелоны.)

„Сто убитыхъ, триста раненыхъ, пятьсотъ заключенныхъ — таковъ результатъ возстановленія мира и тишины правительствомъ (до 22 февраля)“. „Стачечниковъ въ самомъ городѣ 70.000 — въ провинціи же всей вмѣстѣ — 200.000. Цифры эти нисколько не преувеличены — послѣдствія покажутъ, что эти вычисленія очень умѣренныя. . .*†*)

Барцелона оказалась въ этотъ день изолированной отъ всего внѣшняго міра; телеграфныя и телефонныя сношенія попорчены. На всѣхъ улицахъ стоятъ отряды конницы очень напоминающіе всѣмъ русскихъ казаковъ! (Удивительное дѣло, когда хотятъ сдѣлать особый комплиментъ возмутительной манерѣ войскъ — говорятъ о русскихъ казакахъ!).

Репрессаліи, пишетъ буржуазный корреспондентъ, были болѣе дики, чѣмъ терроръ, царившій въ городѣ отъ рабочихъ. Жандармы вели себя какъ „разъяренные звѣри“. По осадному положенію они имѣютъ право убивать безъ распоряженія властей, а по своему личному произволу и этимъ правомъ они широко пользовались.

Рабочіе выходятъ изъ дома патроновъ, которымъ они дѣлали самыя миролюбивыя предложенія, — стоящій неподолеку жандармъ стрѣляетъ — одинъ изъ нашихъ товарищей остается жертвой палача на мѣстѣ. . .

„Рабочихъ убиваютъ какъ бѣшеныхъ собакъ“ — не только тѣхъ, что сопротивляются, манифестируютъ — а просто тѣхъ, кто кажется жандармамъ подозрительнымъ. Въ Красный Крестъ, подававшій помощь раненымъ, жандармы стрѣляли нѣсколько разъ.

Въ этотъ день была ко всему еще пущена въ ходъ артиллерія. Это — апогей буржуазнаго насилія, возстановленія буржуазнымъ правительствомъ спокойствія. Съ этого момента революціонное и стачечное движеніе идетъ на убыль — отчасти изъ за недостатка средствъ къ существованію стачечниковъ, отчасти изъ за неподготовленности; къ тому же стачечникамъ рабочимъ металлургическихъ заводовъ были сдѣланы требуемыя уступки: составлена комиссія смѣшанная изъ рабочихъ и представителей компаніи для разсмотрѣнія ихъ требованій.

Вотъ вкратцѣ, далеко не полный отчетъ о варварской манерѣ охраны существующаго ужаснаго порядка вещей въ Испаніи

---

*) „Berliner Tageblatt“, 24, 25 февр
**) Le „Journal“, 23 ф.
***) „Frankfurter Zeitung“.
†) „Petit Sou“, 21 ф. 1902 г.
††) „Petite Republique“ № 20/II-1902 г.
†††) „Frankfurter Zeitung“.
†*) „Petit Sou“, 20/II-1902 г.
†**) „Le Journal“ (франція), 20/II-1902 г.
*†) „L'etoile belge“, 23 февр
**†) „Petit Sou“, 21/II-1902 г.
†) „Le Journal“, 23/II-1902 г.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Полемика „Зари“ съ редакціей „Vorwärts“. Статья о Любекскомъ съѣздѣ германской соціалъ-демократіи, помѣщенная въ № 2-3 „Зари“, вызвала противъ ея автора рѣзкую полемику со стороны редакціи центральнаго органа германской соціалъ-демократіи, „Vorwärts“. Это неудивительно. Статья въ „Зарѣ“ была посвящена разсказу о подвигахъ нѣмецкихъ бернштейніанцевъ, а нынѣшняя редакція „Vorwärts“ послѣ смерти Либкнехта проявила довольно податливое отношеніе къ Бернштейну и его сторонникамъ. Изъ этого факта не слѣдуетъ, однако, заключать, что большинство германской соціалъ-демократической партіи на сторонѣ Бернштейна: достаточно много фактовъ свидѣтельствуетъ о томъ, что нынѣшняя редакція „Vorwärts“ вовсе не выражаетъ взглядовъ большинства германскаго организованнаго пролетаріата. На Любекскомъ конгрессѣ редакціи „Vorwärts“ пришлось выслушать нѣкоторня горькія истины отъ Бебеля и другихъ делегатовъ. Между прочимъ, Бебель упомянулъ и о томъ, что во время борьбы „умѣренныхъ“ и „крайнихъ“ въ французской соціалистической партіи „Vorwärts“ сообщалъ нѣмецкимъ читателямъ о событіяхъ во французской партіи очень односторонне и пристрастно. Понятно, что пристрастіе это было направлено въ пользу Жореса и его фракціи и противъ гедистовъ и бланкистовъ.

Авторъ статьи въ „Зарѣ“, съ своей стороны, охарактеризовалъ поведеніе „Vorwärts“ во французскихъ партійныхъ дѣлахъ, какъ систематическое преслѣдованіе тѣхъ французскихъ соціалистовъ, которые неуклонно стояли на классовой точкѣ зрѣнія, и пропаганду въ пользу тѣхъ изъ нихъ, которые, во главѣ съ Жоресомъ, предавали интересы пролетаріата въ интересахъ „соціалистическаго министра“ г. Мильерана. Французскій отдѣлъ въ „Vorwärts“ ведется, главнымъ образомъ, г-мъ Кричевскимъ. Поэтому соотвѣтствующее мѣсто въ статьѣ „Зари“ было направлено прежде всего противъ г. Кричевскаго.

Редакція „Vorwärts“ немедленно напала на сотрудника „Зари“, обвиняя его въ недобросовѣстной клеветѣ на Кричевскаго. „Vorwärts“ заявилъ, что Кричевскій никогда не велъ пропаганды въ пользу Мильерана и Жореса и никогда не „обливалъ помоями“ французскихъ революціонныхъ соціалъ-демократовъ. Замѣтка „Vorwärts“ была приправлена неприличной выходкой противъ „анонимности“ автора (г. г. бернштейніанцы до того „лойальны“, что, какъ видно, даже не могутъ себѣ представить, что русскій соціалистъ вынужденъ отказаться отъ чести печатать свое полное имя!) и заключали въ себѣ одно неправильное толкованіе словъ „Зари“. На эту неправильность поспѣшилъ обратить вниманіе редакціи К. Каутскій въ письмѣ, которымъ онъ, по собственному заявленію, желалъ предупредить лишнее раздраженіе въ необходимо имѣющей разгорѣться полемикѣ. Редакція „Vorwärts“ не только не захотѣла понять всю основательность разъясненій Каутскаго, но и грубо отвергла его вмѣшательство въ отвѣтѣ на его письмо. Новое письмо Каутскаго имѣло такой же неуспѣхъ и редакція сдѣлала вызовъ „Зарѣ“, чтобъ она сама объяснилась по поводу предъявленныхъ къ ней обвиненій.

Авторъ статьи въ „Зарѣ“ написалъ тотчасъ же обстоятельное письмо въ редакцію „Vorwärts“, въ которомъ многочисленными цитатами изъ прежнихъ корреспонденцій Кричевскаго доказалъ свое утвержденіе, что Кричевскій велъ пропаганду въ пользу Жореса и Милльерана и возстановлялъ нѣмецкихъ читателей противъ дѣйствительно — пролетарскихъ партій — гедистовъ и бланкистовъ. Но редакція „Vorwärts“ не захотѣла помѣщать такого письма, хотя оно было написано безъ всякой „рѣзкости“. Она заявила, что не намѣрена затѣвать принципіальной полемики по такимъ, якобы неинтересующимъ нѣмецкихъ рабочихъ вопросамъ, а потому требовала, чтобы сотрудникъ „Зари“ удалилъ изъ своего письма доказательства.

Пришлось обратиться къ правленію партіи и лишь при его посредствѣ „Зарѣ“ удалось побудить „Vorwärts“ помѣстить письмо Ignotus, но въ сильно сокращенномъ видѣ. Добрую половину цитатъ пришлось удалить, чтобъ не затягивать „торга“ съ редакціей.

Въ отвѣтъ на это письмо „Vorwärts“ разразился новой бранью и обѣщалъ побѣдоносный отвѣтъ г. Кричевскаго. Въ этомъ отвѣтѣ г. Кричевскій изумляется по поводу того, какъ де мало цитатъ изъ его статей привелъ Ignotus въ доказательство милльеранизма Кричевскаго. Пусть потолкуетъ объ этомъ г. Кричевскій съ редакціей „Vorwärts“: она ему разскажетъ, что въ подлинникѣ письма Ignotus'a этихъ цитатъ было много больше! Далѣе Кричевскій пытается показать, что онъ и въ 1899 и 1900 г. иногда критиковалъ Милльерана и Жореса. Онъ признаетъ, что умолчалъ въ своихъ корреспонденціяхъ о резолюціяхъ рабочихъ организацій противъ законопроектовъ Милльерана, но увѣряетъ, что сдѣлалъ это не изъ пристрастія къ Милльерану, но потому, что въ то время какъ разъ былъ занятъ русскими дѣлами и не могъ написать въ „Vorwärts“. Кто такъ оправдывается, тотъ самъ себя обвиняетъ.

Очевидное нежеланіе „Vorwärts“ дать ей возможность выяснить вопросъ нѣмецкой публикѣ заставляетъ „Зарю“ отказаться отъ дальнѣйшихъ разговоровъ съ редакціей этой газеты. „Заря“ можетъ быть удовлетворена тѣмъ, что по поднятому ею вопросу высказались Парвусъ (въ особой статьѣ о корреспондентѣ „Vorwärts“), Цеткина (въ рефератѣ, прочитанномъ въ Берлинскомъ рабочемъ собраніи) и органъ французской рабочей партіи „Socialiste“. Всѣ они подтвердили правоту нашего мнѣнія о позиціи, занятой корреспондентомъ „Vorwärts“ въ дѣлахъ французскаго соціализма.

Среди Французекихъ гедистовъ и бланкистовъ имя Кричевскаго, благодаря этой полемикѣ, стало очень „популярно“, что видно изъ слѣдующихъ фактовъ: одинъ бывшій гедистъ, разсорившійся съ своей партіей, издалъ прокламацію, въ которой нападаетъ на мнимую „диктатуру“ вождей партіи и провозглашаетъ полную независимостъ мѣстныхъ группъ. По этому поводу Petit Sou, органъ гедистовъ и бланкистовъ, говоритъ, что эта прокламація привела въ восхищеніе „Кричевскихъ“ международнаго поссибилизма, въ томъ числѣ и того, который пишетъ въ „Vorwärts“. Въ другомъ №Petit Sou сообщается о полномъ разложеніи министерской „соціалистической“ партіи и авторъ даетъ дружескій совѣтъ „ г. Кричевскимъ“ принять во вниманіе, что дѣла жоресизма плохи и дни его сочтены.

И, дѣйствительно, въ самое послѣднее время г. Кричевскій перемѣнилъ фронтъ. Отъ Милльерана онъ окончательно отказался уже послѣ пріѣзда Николая II въ Парижъ. Теперь же онъ сталъ открещиваться и отъ Жореса, который, въ теченіи 2-хъ послѣднихъ лѣтъ, былъ его идоломъ. Теперь онъ съ сокрушеніемъ констатируетъ то, что всѣ принципіально — устойчивые люди видѣли уже давно, — именно, что Жоресъ промѣнялъ пролетарскій соціализмъ на мелкобуржуазный демо-

кратизмъ. И теперь онъ не щадитъ своего поверженнаго кумира, не скрываетъ отъ читателей „Vorwärts“ и „Рабочаго Дѣла“ (см. № 11-12) вредной роли, которую играетъ Жоресъ и его партія во французскомъ рабочемъ движеніи. Болѣе того: теперь Кричевскій начинаетъ проявлять признаки сочувствія дѣятельности гедистовъ и бланкистовъ; послѣ того, какъ онъ въ теченіи 2-хъ лѣтъ увѣрялъ, что они — главная помѣха дѣлу объединенія французскаго пролетаріата, теперь онъ выражаетъ слабую надежду, что вокругъ нихъ-то и совершится сплоченіе французскихъ пролетарскихъ силъ. Очевидно, дѣла Жоресистской партіи совсѣмъ таки плохи: крысы начинаютъ покидать тонущее судно.

Въ добрый часъ г. Кричевскій! Лучше поздно, чѣмъ никогда! Одинъ только совѣтъ дадимъ мы вамъ цо этому поводу: если вы, дѣйствительно, рѣшились перебѣжать съ праваго фланга на лѣвый, то не мѣшало-бы въ новой позиціи сохранить больше безпристрастія, чѣмъ вы проявили на прежней. Было бы очень нехорошо, если-бъ, отрезвившись отъ упоенія жоресизмомъ, вы стали такъ же оплёвывать своихъ прежнихъ союзниковъ, какъ это дѣлали прежде съ революціонными соціалистами. Короче: въ своихъ русскихъ и нѣмецкихъ корреспонденціяхъ говорите одну правду и избѣгайте вдаваться въ „философію“, изъ которой кромѣ срама, до сихъ поръ ничего не выходило.

Само собой разумѣется, что, какъ испытанный оппортюнистъ, г-нъ Кричевскій при новомъ „историческомъ поворотѣ“ прежде всего старается замести свои слѣды. По этому въ томъ же № 11-12 „Рабочаго Дѣла“, гдѣ помѣщена его статья въ новомъ духѣ, русскимъ читателямъ разсказывается о полемикѣ „Vorwärts“ съ „Зарей“ и съ удовольствіемъ выписываются похвалы, которыя „Vorwärts“ расточалъ Кричевскому за его статьи прежняго времени и брань, которою онъ осыпалъ сотрудника „Зари“.

„Рабочему Дѣлу“ пришлись по душѣ даже тѣ рѣзкости, которыми „Vorwärts“ отвѣтилъ на дружеское письмо Каутскаго. Въ заключеніе „Рабочее Дѣло“ сообщаетъ, что отъ изложенія дальнѣйшей полемики по этому поводу оно избавитъ своихъ читателей. Ну, еще бы! Знаетъ кошка, чье мясо съѣла! Не помѣщать же „Рабочему Дѣлу“ тѣ цитаты изъ неизвѣстныхъ русскому читателю статей Кричевскаго, въ которыхъ онъ ясно вырисовывается, какъ вѣрный защитникъ не только Милльерана, но и Вальдека Руссо и даже — увы! — убійцы коммунаровъ — Галлифэ!

Мы получили слѣдующее письмо:

„Въ примѣчаніи къ корреспонденціи изъ Перми (№ 14) редакція высказывается въ томъ смыслѣ, что выговоръ корреспондента „Пермскому Краю“ слѣдовало бы направить по адресу участниковъ собранія, которые, будто-бы, изъ боязни выговора отрицали свое участіе въ собраніи. Намъ извѣстно, что присутствующіе на собраніи не отрицали своего участія въ этомъ собраніи, а отрицали только фактъ собранія въ библіотекѣ спеціально для обсужденія статьи „Гражданина“.

Поступали они такъ не изъ трусости, а не желая навлечь еще большія репрессіи на безплатную библіотеку.

Просимъ редакцію внести поправку въ этомъ смыслѣ.

Группа участниковъ собранія“.

Съ удовольствіемъ отмѣчаемъ, что съ участниковъ собранія снимается этимъ тѣнь, которая могла падать на нихъ по первому сообщенію.

Приводимъ полностью два слѣдующія, доставленныя намъ одновременно, заявленія:

(А). „Скоро исполнится годъ существованія „Искры“. Мы, невольные поселенцы одной изъ не столь отдаленныхъ губерній пользуемся этимъ случаемъ, чтобы выразить свое горячее сочувствіе „Искрѣ“ и тому дѣлу, которому она служитъ.

„Появленіе „Искры“ совпало съ эпохой перелома въ русской соціалдемократіи. 17 лѣтъ тому назадъ только-что зарождавшаяся соціалдемократія устами нашего товарища Плеханова признала свою преемственность съ партіей „Нар. Воли“, признала, что для насъ, соціалдемократовъ, остается такъ же, какъ и для „Народной Воли“ ближайшей задачей сверженіе абсолютизма. Мы должны идти другимъ путемъ къ осуществленію этой задачи. Но самая задача остается той же, и за партіей „Нар. Воли“ остается безсмертная заслуга, что она выдвинула на первый планъ борьбу съ самодержавіемъ. Къ сожалѣнію, то завѣщаніе, которое оставила намъ умирающая „Нар. Воля“, было скоро забыто частью соц.-демократовъ. Сначала дѣятельность соц.-дем. носила кружковой характеръ. Она состояла въ организаціи наиболѣе выдающихся рабочихъ. Но подобная дѣятельность не могла долго удовлетворять; отъ кружковъ отдѣльныхъ выдающихся рабочихъ нужно было перейти къ рабочей массѣ. Для того, чтобы привлечь ее къ соціалистическому дѣлу, необходимо было сперва извѣстнымъ образомъ приспособиться къ ней, необходимо было отправляться прежде всего отъ ея повседневныхъ интересовъ. Но, какъ часто бываетъ, средства для осуществленія извѣстной цѣли заслонили для значительной части соц.-демократовъ самую цѣль. Извѣстнымъ образомъ приспособляться къ рабочей массѣ необходимо было только для того, чтобы найти точку приложенія для соціалистическаго воздѣйствія, для политической пропаганды. Но скоро приспособленіе для многихъ изъ средства превратилось въ цѣль, оно само стало руководящимъ принципомъ дѣятельности. Появилось такъ-наз. „экономическое направленіе“.

Всегда и вездѣ изъ борющейся массы выдвигаются болѣе сознательныя и болѣе выдающіяся личности, которыя идутъ впереди массы, освѣщаютъ ей путь, и историческія задачи извѣстнаго класса выдвигаютъ задолго до того, когда эти задачи дѣлаются достояніемъ большинства. Всегда борьба идетъ отъ отдѣльныхъ личностей къ меньшинству съ тѣмъ, чтобы охватить въ концѣ концовъ большинство. Вмѣсто этого естественаго пути развитія представители такъ-называемаго экономическаго направленія рекомендовали рабское прислужничество большинству. Вмѣсто того, чтобы возвышать до себя большинство, они предпочитали сами принижаться до большинства; они находили возможнымъ выдвигать только тѣ задачи, которыя назрѣли уже въ сознаніи большинства. Какъ будто бы самый процессъ назрѣванія этихъ задачъ не состоялъ всегда и вездѣ въ систематическомъ воздѣйствіи меньшинства на большинство, воздѣйствіи, которое сегодня, завтра можетъ давать неудачи, но такія неудачи, которыя родятъ успѣхъ! Эта проповѣдь рабскаго поддѣлыванія подъ настроеніе большинства рядомъ съ печальной памяти „Рабочей Мыслью“ была выдвинута также, хотя и въ значительно болѣе ослабленномъ видѣ, „Рабочимъ Дѣломъ“. Рабочее движеніе разлагалось на стадіи, и въ каждой изъ подготовительныхъ стадій этого движенія соціалистической интеллигенціи и болѣе выдающимся рабочимъ предлагалось скрывать отъ массы большую или меньшую часть своихъ убѣжденій въ зависимости отъ того, созрѣло или не созрѣло для этихъ убѣжденій большинство.

Но не даромъ жили и умирали дѣятели „Народной Воли“. Ихъ завѣщаніе не пропало даромъ. Не успѣло появиться и оформиться „экономическое“ направленіе, какъ оно начало встрѣчать отовсюду протесты и оппозицію со стороны болѣе сознательныхъ слоевъ соц.-демократіи. Въ отвѣтъ на проповѣдь „экономистовъ“ началъ раздаваться изъ среды соціалдемократіи совершенно противоположный призывъ, — борьба, немедленная и непримиримая борьба съ давящимъ насъ полицейскимъ режимомъ. Не ждать, пока масса проникнется этимъ настроеніемъ, а стараться всѣми силами вызвать у нея это настроеніе. Нашими могучими союзниками являются тѣ нестерпимыя условія, въ которыхъ задыхается эта масса. Эти условія могутъ быть существенно измѣнены только съ паденіемъ самодержавія. Масса, говорите вы, еще не вполнѣ сознала это, такъ пробудите же въ ней это сознаніе, укажите ей, кто ея врагъ, пользуйтесь для этого всякимъ сколько-нибудь подходящимъ поводомъ, — вѣдь этихъ поводовъ такъ много даетъ сама жизнь. И не смущайтесь тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ ваша проповѣдь на найдетъ достаточнаго отклика или даже встрѣтитъ сопротивленіе. Не заключайте легкомысленно изъ этого, что рабочее движеніе находится на той стадіи развитія, когда неумѣстны разговоры о борьбѣ съ самодержавіемъ. Проповѣдь извѣстныхъ взглядовъ западаетъ въ душу человѣка не только тогда, когда онъ проникается этими взглядами, она пускаетъ у него глубокіе корни обыкновенно еще тогда, когда онъ оказываетъ имъ упорное сопротивленіе. И какой-нибудь новый яркій фактъ жизни, съ которымъ столкнется этотъ человѣкъ, будетъ достаточенъ для того, чтобы онъ изъ горячаго противника вашей проповѣди превратился въ ея горячаго сторонника.

За это направленіе въ соц.-демократіи говорила сама жизнь; оно отвѣчало ея назрѣвшимъ потребностямъ и оно оттѣснило. поэтому, на задній планъ представителей такъ-наз. „экономическаго направленія“ прежде, чѣмъ тѣ успѣли отвѣтить на всѣ возраженія, которыя на нихъ сыпались. Наиболѣе яркимъ и талантливымъ выразителемъ этого направленія въ соц.-демократіи является теперь „Искра“ вмѣстѣ съ „Зарей“, и мы, сторонники этого направленія, пользуемся поэтому случаемъ, чтобы выразить свое горячее сочувствіе той энергичной борьбѣ, которую „Искра“ ведетъ около года и въ которой она, встрѣчая много друзей, встрѣчаетъ не мало враговъ. При этомъ, въ виду различныхъ инсинуацій, къ которымъ начинаютъ прибѣгать враги „Искры“, мы считаемъ нелишнимъ добавить, что мы ставимъ въ особую заслугу „Искрѣ“, что она смотритъ широко на задачи соціалистическаго движенія въ Россіи, что она не только не предлагаетъ рабочему пролетаріату замкнуться въ узкія рамки чисто рабочихъ интересовъ, но предлагаетъ ему примыкать ко всякаго рода протестамъ противъ политики произвола и насилія, откуда бы эти протесты ни исходили и въ своей борьбѣ съ самодержавіемъ искать себѣ союзниковъ вездѣ, гдѣ ихъ можно найти.

Многое остается, конечно, невыясненнымъ въ этой позиціи „Искры“. Кто является наболѣе естественнымъ союзникомъ рабочаго пролетаріата въ его борьбѣ съ самодержавіемъ? въ какое отношеніе рабочій пролетаріатъ долженъ встать съ разоряющимся и голодающимъ крестьянствомъ? Эти вопросы „Искра“ только намѣтила, но не дала на нихъ отвѣта. Было бы странно, конечно, посылать „Искрѣ“ упрекъ, что она, выпустивши только нѣсколько нумеровъ, не дала исчерпывающаго отвѣта на всѣ вопросы, назрѣвшіе въ русской жизни. Единственно, что мы находимъ собѣ возможнымъ позволить — это выразить пожеланіе, чтобы „Искра“ отвела возможно больше мѣста вопросу объ отношеніи нашемъ къ крестьянству и въ виду сложности и запутанности этого вопроса дала бы возможность на своихъ страницахъ высказаться по этому вопросу представителямъ различнымъ взглядамъ въ соц.-демократіи. Но вообще говоря, мы считаемъ болѣе умѣстнымъ въ настоящій моментъ останавливаться не на томъ, чего „Искра“ еще не сдѣлала, а на томъ, что она уже сдѣлала, и въ виду предстоящаго годового юбилея „Искры“ мы шлемъ „Искрѣ“ съ далекаго сѣвера, куда насъ забросила судьба, свой горячій привѣтъ и пожеланіе смѣло и неуклонно идти по тому пути, по которому она шла до сихъ поръ, не смущаясь ни злостнымъ шипѣніемъ враговъ, ни инсинуаціями, откуда бы они ни исходили“.

(Б) „По поводу посылки адреса „Искрѣ“ Общее собраніе *** колоніи единогласно постановило не принимать въ немъ участія по слѣдующимъ соображеніямъ:

„1) Мы не имѣемъ достаточно матеріала для объективной оцѣнки заслугъ этого органа; первые же нумера (1, 2, 3, 4 и 7), съ которыми мы знакомы, производятъ такое впечатлѣніе, что прежніе вопросы трактуются тамъ поверхностно, а новый вопросъ о своевременности привлеченія крестьянъ къ революціи ставится на слишкомъ широкую почву, а № 7 даже дискредитируется указаніемъ на мѣстныя возмущенія крестьянъ изъ-за земельныхъ споровъ, какъ на признаки общаго недовольства крестьянъ современнымъ строемъ.

„2) Послать адресъ только „Искрѣ“ это значило бы выразить косвенное порицаніе „Рабочему Дѣлу“.

„3) Меньшинство мотивируетъ свое отрицательное отношеніе къ адресу тѣмъ, что чествованіе революціонныхъ органовъ печати самыми революціонерами не должно имѣть мѣста, такъ какъ оно равносильно самовосхваленію“.

Только что появилось въ свѣтъ: „ЧТО ДѢЛАТЬ“ (Наболѣвшіе вопросы нашего движенія) Н. Ленина. (Verlag J. H. W. Dietz, Stuttgart.)

Оглавленіе: Предисловіе. I. Догматизмъ и „свобода критики“; а) Что значитъ „свобода критики?“; б) Новые защитники „свободы критики“; в) Критика въ Россіи; г) Энгельсъ о значеніи теоретической борьбы. II. Стихійность массъ и сознательность соціаль-демократіи; а) Начало стихійнаго подъема; б) Преклоненіе предъ стихійностью. Рабочая Мысль; в) „Группа самоосвобожденія“ и „Рабочее Дѣло“. III. Трэдъ-юніонистская и соціаль-демократическая политика; а) Политическая агитація и ея съуженіе экономистами; б) Повѣсть о томъ, какъ Мартыновъ углубилъ Плеханова; в) Политическія обличенія и „воспитаніе революціонной активности“; г) Что общаго между экономизмомъ и терроризмомъ?; д) Рабочій классъ какъ передовой борецъ за демократію; е) Еще разъ „клеветники“, еще разъ „мистификаторы“. IV. Кустарничество экономистовъ и организація революціонеровъ; а) Что такое кустарничество? б) Кустарничество и экономизмъ; в) Организація рабочихъ и организація революціонеровъ; г) Размахъ организаціонной работы; д) „Заговорщическая“ организація и „демократизмъ“; е) Мѣстная и общерусская работа. V. „Планъ“ общерусской политической газеты; а) Кто обидѣлся за статью „Съ чего начать“?; б) Можетъ ли газета быть коллективнымъ организаторомъ?; в) Какого типа организація намъ нужна?. Заключеніе. Приложеніе: Попытка объединенія Искры съ Рабочимъ Дѣломъ. — Стр. 144. Цѣна 1 руб.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ.

Петербургъ. Громадные аресты произведены съ 6-го по 9-ое февраля. Взяты: студенты универс. Таскинъ, Райковъ, Воскресенскій, Лукьяновъ, Добровольскій, Алексѣй Ивановъ (все-старосты), Соколовъ, Сватиковъ, Вѣтровъ, Горбуновъ, Шехтеръ, Плехановъ, Лесневскій, Апполоновъ, Евлаховъ, Логиновъ, Соболевъ; технологи — Бебелинъ, Богатыревъ, Вознесенскій, Вдовскій, Гробовскій, Замараевъ, Краснуховъ, Классенъ, Кирпичниковъ, Погосовъ, Трубо, Шулыгинъ, Рыжковъ, Новаченко, Трифоновъ, Шефрановъ, Норкинъ, Лебединскій; медики — Цѣхановскій, Свѣшниковъ, Петровскій, Бочкаревъ, Ракидинъ; студ. Инст. Граж. инженер. Горенбергъ, инжен. технол. Аносовъ, г-жи Гуро, Радченко, Фортунатова, технологъ Овечкинъ и друг.

18-го февраля аресты повторились.

Москва. Въ ночь на 8-ое февраля множество арестовъ.

Л. Никифоровъ, Давыдовъ, Скворцовъ, Рудневъ и покровскій послѣ 4-хъ мѣс. заключенія сосланы въ охранномъ порядкѣ въ Сибирь на 3 года,

Въ Кіевѣ сидятъ: Гальперинъ Левъ интел., Крохмаль Викторъ интел., Гуковскій врачъ, Рыбаковъ студ. медикъ, Непомнящій (скрываетъ фамилію), Каневецъ Петерб. студ., Каневецъ Ал. интел., Голицинскій студ., Харченко интел. (привезенъ изъ Харькова), Корженевскій раб., Нетесинъ раб., Селюкъ интел. -а, Домбровская.

Въ Лукъяновской тюрьмѣ Красный Крестъ насчитываетъ 110 человѣкъ, кромѣ тѣхъ, что сидятъ въ арест. ротахъ.

Студентъ Вольскій, избитый на демонстраціи, пробывъ въ больницѣ около двухъ дней, уѣхалъ домой. Теперь тутъ сидитъ въ тюрьмѣ, обвиняется (голословно) въ нанесеніи ударовъ палкой по головѣ пристава Закусилова, когда тотъ отнималъ знамя.

По слухамъ будутъ судить сурово.

Смоленскъ. Арестованы рабочіе Журавлевъ (изъ Москвы), Виноградовъ (изъ Петерб.) и ТриФоновъ (изъ Петерб.) — всѣ поднадзорные и интеллигентъ Каганъ.

Нижній Новгородъ. Въ ночь съ 16 на 17-ое февраля взяты: студенты: Лукосѣевъ, Сѣсинъ, 2 брата Марковичъ, Корсакъ, Затинщиковъ, Рюриковъ; курсистки — О. Кольбергъ, С. Доброхотова, Синева; бывш. гимназистъ Свердловъ (3-ій разъ), бывш. реалистъ Гурвичъ, бвыш. гимназистка Соколова (2-ой разъ), учительница Покровская, фельдшерица Второва, служащ. въ Городской управѣ Пушкаревъ, столяръ Бронинъ, столяръ Комоловъ, слесарь Санаевъ.

Ярославль. Послѣ распространенія прокламаціи о введеніи усиленной охраны арестовано 20 рабочихъ.

Одесса. 8-го Февраля арестовано нѣсколько сотъ человѣкъ.

Баку. Въ началѣ января арестована Гинзбургъ.

Ростовъ на Дону. Около 19-го февраля арестованы Самойловъ и другіе.

Въ Двинскѣ большой провалъ въ февралѣ.

Въ Вильнѣ арестовано 6 офицеровъ.

Кишиневъ. 8-го февраля арестованы: бывшіе ссыльные г-жа Розенблюмъ и Капцанъ, г-жа Коганъ-Эстринъ, акушерка Баргъ (въ 3-ій разъ), Батушанскій (дантистъ), Бѣленькій (приказчикъ), Годлевскій (учитель) съ женой, Бергъ (рабочій), Аронъ (рабочій), Бронтманъ (60-ти лѣтн. старикъ) и еще нѣсколько человѣкъ. Масса обысковъ.

Иваново-Вознесенскъ. По дѣлу о майскихъ листкахъ 1900 г. приговорены: Владим. Носковъ, бывшій студ.-технологъ -4 г. Вост. Сибири, Владим. Бубновъ -3 г. Вятск. руб., виновн. Государств. Банка Постниковъ (оговаривалъ) — 3 г. Вятск. руб., Володина (рецидивистка) — 6 мѣс. тюремн. заключенія, рабочіе Жаровъ и Гаравинъ (предатели) — по 1 году тюремн. заключенія; рабочіе Киселевъ, Кирякинъ, Масловъ, Доброхотовъ, Корниловъ, Дворовъ, Макаровъ, Полянинъ, Королевъ — по 6 мѣс.; Звѣздинъ, Воронина, Блиновъ — по 4 мѣс. Соковинъ и Гарелинъ — по 3 мѣс. Всего по дѣлу привлекалось 35 человѣкъ, приговоры остальныхъ неизвѣстны.

Иваново-Вознесенскъ. Распространенный комитетомъ листокъ по поводу объявленія приговора товарищамъ, привлеченнымъ по дѣлу 1900 г., взбѣсилъ жанд. ротмистра и онъ произвелъ въ январѣ 70 обысковъ, арестовалъ 30 рабочихъ, но ничего не добился.

Кохма, Шуйск. у., Влад. губ. Въ январѣ арестовано 8 рабочихъ, ставшихъ жертвой провокатора-лавочника Черкасова, который самъ организовалъ кассу и былъ въ ней кассиромъ.

Полтава. 8-го февраля арестованы: студенты — Алексѣенко, Баумштейнъ, Берлинъ, Васильевскій, Гомеля, Иваницкій Покатиловъ, Русовъ, Рывлинъ, Шехтеръ, Эдиге (все-поднадзорные); акушерки Шамраевская, Шатуновская, Гутманъ; бывш. курсистки: Карчевская, Коршунова, Завойко, Педашенко; врачъ Е. Левинъ; кончивш. университ. Войткевичъ, служащ. въ управѣ Гедеоновская; поднадзорные: Гуревичъ, Гакъ, Иваницкая, Казарновская, Кацевалова, Панфиловъ, Столпнеръ, Шепелева, Шехтманъ; чертежникъ Ханъ; жена врача Трутовская; Марія Сыцянко, бывш. офицеръ Сухотскій, служащ. въ управѣ В. М. Черновъ, сестра милосердія Цыплакова; рабочіе Сонкинъ, Финкельштейнъ, Кононъ-Рыжій, Рудинъ, Ломашевъ; бернская курсистка Лондеръ; работница Даргольцъ; техникъ Морозовъ; 18-го февраля взятъ рабочій Петровъ.

Изъ Архангельска бѣжали сосланные сюда рабочіе Семенуха и Коротковъ, привлекавшіеся по ярославскому дѣлу (января 1901 года) съ А. П. Доливо-Добровольскимъ.

Тифлисъ. Въ ночь на 17 февраля арестовано около 30 чел., въ томъ числѣ человѣкъ 15-рабочіе. Аресты вызваны слухами о готовящейся на 19-ое фев. демонстраціи. Арестованы: Коркашвили, Сим. и Севериан Джугели, Караджевъ, Капанадзе, Климіевъ, Мегрелидзе, Лежава, Гогуа, Билановъ, Чхеидзе, Чодришвили, Окуашвили, Аракелъ и др.

Кутаисъ. Въ на чалѣ февраля въ мужской гимназіи у нѣсколькихъ гимназистовъ были обыски.

Елизаветградъ. 15-18 февраля взяты д-ръ Сощиндъ, Басистъ и г-жа Худишъ (оба послѣдніе выпущены), рабочій Янкелевичъ и еще нѣсколько лицъ.

— Въ Орловѣ, Вятской губ., окончила жизнь самоубійствомъ Кл. Ник. Приходькова, сосланная на 4 года по соц.-дем. дѣлу 1897 г. въ Петербургѣ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Отъ Сибиряковъ 200 рубл.

С. П. Б. представителемъ получено: отъ читателей 14 р. 50 к., за литерат. 5 р., отъ С. П. Б. Комитета за литературу 400 р., отъ читателей изъ Харькова 5 р., всего 424 р. 50 к.

Изъ Цюриха 53 марки; изъ Берна черезъ Рудникова 164,70 фр., въ томъ числѣ изъ консума Б. К. Ф. 52,70 фр. и съ бала 42 фр., отъ Женевской группы 32 фр., въ пользу Обуховцевъ 12 шилл., отъ „Свободы“ 90,50 фр., изъ Лозанны черезъ члена Лиги 30 фр., отъ Н. Б. 40 фр. и старый долгъ 19 фр., за литературу Кольцовымъ получено 192,60 фр. Черезъ Плеханова отъ сибирячки 10 фр. Изъ Брюсселя 33 фр.

Ъ — Корреспонденція къ этому номеру опоздала, будетъ помѣщена въ слѣдующемъ.

Ѳедорову. Корреспонденція получена, ждемъ письма.

Товарищу, писавшему „за старичка“. Пришлите скорѣе адреса для писемъ и для явки.

К. Н. Вы спрашиваете, что это за группа „Борьба“? Мы знали изъ нея нѣсколькихъ сотрудниковъ „Зари“ (двѣ статьи) и „Искры“ (3 корреспонденціи, 2 статьи и 1 замѣтка). Нѣсколько присланныхъ ими статей не было помѣщено. Теперь они выступили съ печатнымъ „объявленіемъ“, жалуясь на нашъ „недемократизмъ“ и ратуя даже .... противъ Personencultus! Какъ опытный человѣкъ, вы уже изъ одного этого, безподобнаго и несравненнаго, словечка, поймете, въ чемъ тутъ суть. А когда „Борьба“ напечатаетъ свою статью противъ „Съ чего начать“, о непринятіи которой они тоже говорятъ въ объявленіи, — тогда и совсѣмъ неопытные въ партійныхъ дѣлахъ товарищи поймутъ, почему мы не встрѣтили этихъ сотрудниковъ съ распростертыми объятіями.

На счетъ „демократизма“ см. „Что дѣлать“, IV, д: сказанное тамъ о „Рабочемъ Дѣлѣ“ относится и къ „Борьбѣ“.

Иваново-Вознесенцамъ. Въ вашей корреспонденціи сообщаются свѣдѣнія, уже помѣщавшіяся въ разныхъ изданіяхъ. Просимъ продолжать присылать.

Подолянину. Сообщите вашъ адресъ — мы его не имѣемъ; вѣроятно, затерялось письмо.

Другу Тани на Сѣверѣ. Повторите адресъ для писемъ и пишите аккуратнѣе.

Отцу Нины. Письмо получено. Дайте адресъ для писемъ, старый не годится.

Въ мартѣ мѣсяцѣ мы выпускаемъ, вслѣдствіе нѣкоторыхъ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, только одинъ номеръ Искры. Слѣдующій номеръ надѣемся выпустить къ 1 апрѣля.

Вышло иллюстрированное приложеніе къ №18 Искры — по поводу рѣчи Николая II къ представителямъ корпуса жандармовъ.

По поводу многократныхъ обращеній къ намъ съ вопросомъ о томъ, какъ сноситься съ „Искрой“ людямъ, попадающимъ заграницу, мы повторяемъ, что изъ за границы слѣдуетъ посылать всѣ и всякія письма, матеріалы и деньги на адресъ Дитца въ Штуттгартѣ:

Verl. J. H. W. DIETZ Nachfolger, STUTTGART

для редакціи „Зари“.

Редакція „Зари“ будетъ всегда немедленно пересылать намъ все, получаемое ею для „Искры“.

Убѣдительно просимъ всѣхъ, пользующихся этимъ адресомъ, на внѣшнемъ конвертѣ писать только адресъ Дитца; указаніе же о передачѣ (для ред. „Зари“) должно дѣлаться на внутреннемъ конвертѣ.

Типографія „Искры“.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ „ИСКРѢ" №18

ГАЗЕТНОЕ ИЗВѢСТІЕ:

6 Декабря Всероссійскому Деспоту благоугодно было обратиться къ представителямъ корпуса жандармовъ съ нижеслѣдующими Высокомилостивыми и знаменательными словами:

„Очень радъ васъ видѣть, господа. Надѣюсь, что связь, установившаяся сегодня между Мною и корпусомъ жандармовъ, будетъ крѣпнуть съ каждымъ годомъ".

ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“ ...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину

№ 19 — 1-го АПРѢЛА 1902 ГОДА. — № 19

ПАТРІОТИЗМЪ И ПРАВЯЩАЯ КЛИКА.

Газета „Свѣтъ“, а за нею и „М. Вѣд.“, заявляютъ ввиду нынѣшнихъ революціонныхъ волненій, что наша молодежь является безсознательнымъ орудіемъ въ рукахъ „международныхъ агитаторовъ“, устраивающихъ безпорядки въ цѣляхъ повредить могуществу Россіи.

„Международные агитаторы“ — это мы — соціалисты. Мы задались цѣлью ослабить политическое могущество Россіи и ради этой цѣли вызываемъ волненія среди рабочихъ, крестьянъ и молодежи. Неизвѣстно, платятъ-ли намъ за это деньги иностранныя державы, т. е., „Свѣтъ“ и Ко. не прочь бы заявить, что онѣ платятъ намъ деньги, но такое заявленіе было бы не совсѣмъ удобно въ виду все учащающихся фактовъ преслѣдованія русскихъ соціалистовъ со стороны европейскихъ правительствъ. Въ прошломъ году шесть русскихъ соціалистовъ было изгнано изъ Швейцаріи, недавно столько же подверглось изгнанію изъ Франціи, а затѣмъ начались высылки изъ Пруссіи. Очевидно, что о соглашеніи между западно — европейскими правительствами и „международными агитаторами“ говорить не приходится. Тѣмъ хуже для послѣднихъ. Почтенныя реакціонныя газеты могли бы еще объяснить „по человѣчеству“ денежную сдѣлку между „агитаторами“ и „враждебными Россіи державами“, но только извращенностью человѣческой природы могутъ они истолковать непонятное поведеніе агитаторовъ, которые изъ одной безконечной ненависти къ отечеству навлекаютъ на него всякія внутреннія неурядицы, играя въ руку англичанамъ, нѣмцамъ и другимъ „прирожденнымъ“ врагамъ Россіи.

Въ виду такого непатріотическаго поведенія агитаторовъ-соціалистовъ, самодержавіе спѣшитъ проявить патріотизмъ собственной своей политики. Въ то время, какъ „международные агитаторы“ губятъ отечество своей борьбой за свободное развитіе отечества, „командующіе классы“ и ихъ покровитель-самодержавіе укрѣпляютъ силу и могущество Россіи всѣми зависящими отъ нихъ средствами.

Правительство объявляетъ о предстоящемъ заключеніи новаго заграничнаго займа. 393 милліона марокъ (около 200 мил. рублей) ему обѣщали дать германскіе банкиры изъ 4%. Заключеніе этого займа составляетъ важное событіе въ исторіи финансовой политики самодержавія. Съ конца 80-хъ годовъ цѣлью этой политики было освобожденіе Россіи отъ власти германской биржи. Пресловутый франко-русскій союзъ, основанный на дураченіи французской буржуазіи, долженъ былъ послужить и, дѣйствительно, послужилъ тому, чтобы выкачивать изъ богатой Франціи сотни милліоновъ на покрытіе „недоборовъ“ въ доходахъ казны. Въ свое время „патріотическія“ газеты не находили словъ для восхваленія „истинно-русской“ политики Вышнеградскаго и Витте, которымъ удалось вывести Россію изъ того печальнаго положенія, когда при малѣйшемъ недовольствѣ Бисмарка политикой русскаго правительства, нѣмцы, въ качествѣ владѣльцевъ русскихъ государственныхъ бумагъ, производили съ бѣднымъ (тогда еще бумажнымъ) рублемъ такія операціи, отъ которыхъ вся экономическая жизнь Россіи испытывала нѣчто въ родѣ землетрясенія. Подъ управленіемъ Вышнеградскаго и Витте, говорили намъ, Россія получила возможность свободно вести свою внѣшнюю политику, такъ какъ ея кредиторъ — не „прирожденный врагъ“ Германія, но вѣрный и покорный союзникъ — Франція. Въ случаѣ войны съ „прирожденнымъ врагомъ“ Россіи не угрожаетъ уже банкротство.

Но хищническое хозяйство Романовыхъ привело уже Россію въ такое положеніе, когда и лакействующая французская буржуазія отказывается дальше ссужать своими милліонами г-на Витте. „Русскіе любятъ только занимать“, говорили французы корреспонденту „Новаго Времени“, очень огорченному такой окровенностью нашихъ „союзниковъ“. Съ большимъ трудомъ удалось г. Витте въ прошломъ году убѣдить французскихъ банкировъ содѣйствовать новому займу въ 150 милл. рублей. Чтобы размягчить толстокожаго буржуа, пришлось таки пообѣщать показать ему въ натурѣ чету Романовыхъ съ чадами и домочадцами. Тѣмъ не менѣе, несмотря на любезность царственнаго разъѣзднаго прикащика, который даже въ католическую церковъ сходилъ, заемъ удался далеко не блестяще. Къ 1 янв. 1902 г. изъ 150 милл. остались не подписанными цѣлыхъ 29 — пятая часть.

Не прошло и года, а правительство опять стало метаться въ поискахъ новыхъ займовъ. Послѣ неудачи съ „дружественной“ Франціей пришлось, скрѣпя сердце, обратиться вновь къ „врагу“ — Германіи. Пятнадцать лѣтъ „патріотической“ финансовой политики пропали даромъ. Самодержавію труденъ только первый шагъ: если нѣмцы не окажутся благоразумнѣе французовъ и не задумаются надъ тѣмъ, что послѣ политической революціи Россія, пожалуй, не захочетъ признавать долговъ, заключенныхъ Романовыми въ цѣляхъ упроченія ихъ господства и ея рабства, — если нѣмцы не закроютъ свой кошелекъ послѣ первой подачки, Россія неизбѣжно будетъ вновь подчинена царемъ берлинской биржи.*)

Къ 1-му янв. 1887 г. сумма государственныхъ долговъ Россіи составляла 4357 милл. рубл. Къ 1-му янв. 1902 г. эта сумма возросла до 6498 милл. Каждый годъ хозяйничанія Романовыхъ стоитъ Россіи накопленія долга на сумму 150 милл., каждый годъ управленія патріотической фирмы Витте и Ко. означаетъ все большее порабощеніе Россіи международнымъ финансистамъ.

Государство, въ которомъ ничтожная правящая клика подъ покровомъ народнаго безправія расхищаетъ народное достояніе, не можетъ не развивать въ своихъ чиновникахъ стремленія урвать что можно въ свою личную пользу. Оптовая торговля народнымъ достояніемъ, которою занимаются г. г. Витте, находитъ свое естественное дополненіе въ розничной торговлѣ, которой предаются отъ высшаго до нисшаго чиновники всѣхъ вѣдомствъ.

Въ „Русскомъ Инвалидѣ“ — органѣ военнаго министерства, сообщено, что служащій въ штабѣ Варшавскаго военнаго округа подполковникъ Гриммъ арестованъ за „преступленія по должности“ и сознался въ своей винѣ. О характерѣ преступленія подп. Гримма ничего не говорится и не будетъ сказано. Только шумъ, поднятый заграничной печатью по поводу этого дѣла, вынудилъ правительство напечатать свое коротенькое сообщеніе. Дальнѣйшихъ подробностей объ этомъ скандальномъ дѣлѣ публика не дождется: этого рода дѣла правительство всегда окружаетъ сугубымъ покровомъ тайны. Въ чемъ-же дѣло?

Подполковникъ Гриммъ, занимая видную должность въ штабѣ Варшавскаго округа, систематически продавалъ Австрійскому правительству планы мобилизаціи русскаго военнаго министерства, равно какъ и планы нашего „союзника“ — Франціи. Иностранныя газеты сообщаютъ, что свою торговлю Гриммъ велъ въ соучастіи съ многими офицерами, въ томъ числѣ и съ нѣкоторыми, занимающими очень высокіе посты (въ числѣ другихъ называютъ и начальника округа ген. Пузыревскаго). Вѣрны или нѣтъ эти слухи, несомнѣннымъ остается одно: это грязное дѣло ни въ коемъ случаѣ не будетъ раскрыто во всѣхъ подробностяхъ, ибо его разслѣдованіе будетъ производиться въ томъ духѣ, въ какомъ у насъ ведутся всѣ дѣла о „преступленіяхъ по должности“. Въ вѣдомствѣ, въ которомъ казнокрадство, взяточничество и протекція процвѣтаютъ въ наши дни такъ-же пышно, какъ и въ эпоху Николая I, при отсутствіи независимаго суда и свободной печати, новое дѣло о государственной измѣнѣ окончится осужденіемъ и устраненіемъ нѣсколькихъ мелкихъ сошекъ и обѣлѣніемъ главныхъ преступниковъ. Болѣе „невинныя“ дѣла недавняго времени, вродѣ южныхъ процессовъ о хищеніяхъ во флотѣ (см. коррес. № 16), показали, чего можно ожидать отъ военнаго „правосудія въ современной Россіи. И, выплачивая 300 милл. въ годъ на дѣло „обороны государства“, мы не только должны быть увѣренными, что при всѣхъ перевооруженіяхъ, при всѣхъ поставкахъ и подрядахъ громадная доля этихъ денегъ осѣдаетъ въ карманахъ высшихъ офицеровъ; мы не только должны ожидать, что въ случаѣ войны солдаты, какъ и въ 1855 и въ 1877 г., окажутся снабженными гнилой обувью и забракованными ружьями; мы не только должны быть увѣрены, что громкіе скандалы недавней Китайской экспедиціи повторятся въ крупнѣйшихъ размѣрахъ; нѣтъ, мы еще должны опасаться, что планы нашихъ командировъ окажутся заранѣе запроданными непріятелямъ.

Русская публика еще недавно проявляла самый горячій интересъ къ дѣлу Дрейфуса, въ которомъ обнаружились всѣ язвы такъ называемой „развѣдочной службы“ — этого спеціальнаго учрежденія для шпіонства за иностранными государствами, которое во Франціи оказалось въ рукахъ лицъ, продающихся этимъ самимъ государствамъ. Русская публика сочувствовала стремленіямъ честныхъ французовъ добиться очистки своего военнаго министерства, разоблаченія всѣхъ скрытыхъ въ немъ преступленій противъ отечества. Пусть же подумаетъ русская публика, какія залежи однородныхъ преступленій должны быть скрыты въ канцеляріяхъ русскаго военнаго вѣдомства, огражденнаго отъ гласности й общественнаго контроля всѣмъ нашимъ государственнымъ строемъ?

Пусть подумаетъ также публика о томъ, какъ общій строй нашей страны долженъ отражаться на „патріотическомъ“ настроеніи офицеровъ. Можетъ-ли требовать отъ офицера честнаго исполненія служебнаго долга то правительство, котораго „царственный вождь“ нагло заявляетъ, что изъ всѣхъ родовъ военнаго оружія ему милѣе.... жандармскій и что „отнынѣ тѣсный союзъ, установившійся между Мною и корпусомъ жандармовъ, будетъ крѣпнуть все болѣе и болѣе?“ Если верховный вождь русской арміи публично изъясняется въ любви къ тому отбросу общества, съ которымъ самый жалкій офицеръ считаетъ недостойнымъ вести знакомство, то какія понятія о „чести“ могутъ удержать „благонамѣреннаго“ чиновника въ военномъ мундирѣ отъ искушенія войти въ сдѣлку съ чужимъ правительствомъ (если оно лучше платитъ)?

Подполковникъ Гриммъ продавалъ интересы русскаго государства иностранной державѣ. За это онъ будетъ наказанъ. Одновременно съ открытіемъ его преступленія на другой окраинѣ — въ Батумѣ власти послали военный отрядъ ограждать интересы иностраннаго капиталиста — Ротшильда — противъ русскихъ рабочихъ.

Правительственное сообщеніе о батумскихъ событіяхъ заявляетъ, что рабочіе завода Ротшильда устроили мирную стачку. Вопреки закону, такъ называемые „вожаки“ были арестованы и для охраны ихъ поставленъ военный караулъ. На требованіе рабочихъ объ освобожденіи арестованныхъ власти отвѣчаютъ новыми арестами. Раздраженные рабочіе бросаются къ тюрьмѣ, происходитъ столкновеніе и солдаты стрѣляютъ. Правительство утверждаетъ, что солдаты защищались отъ нападенія. Насколько можно вѣрить этому утвержденію, видно изъ подсчета жертвъ: раненъ одинъ солдатъ и убито тринадцать рабочихъ. Уже давно въ Россіи не производилось такой бойни при „водвореніи порядка“ среди рабочихъ. И, словно въ насмѣшку, эта кровавая жертва принесена русскимъ войскомъ на алтарь барышей иностраннаго капиталиста, принадлежащаго, если не ошибаемся, къ той націи, которая по словамъ нашихъ „патріотовъ“, есть „прирожденный врагъ Россіи“ (Англія)!

У себя въ Англіи или вообще въ Западн. Европѣ, г-нъ Ротшильдъ, въ случаѣ стачки рабочихъ его завода, не имѣлъ — бы удовольствія видѣть руководителей движенія немедленно арестованными... Но если русское правительство систематически воспитываетъ свое войско въ убійствѣ русскихъ рабочихъ въ интересахъ международнаго капитала, то что — жъ удивительнаго, что международному капиталу удается покупать совѣсть прошедшихъ эту школу полковниковъ Гриммовъ и находить измѣнниковъ среди отличенныхъ начальствомъ офицеровъ?

Армія, воспитанная въ постоянной вооруженной защитѣ интересовъ кучки богачей и царедворцевъ противъ милліоновъ народа, не можетъ не таить въ себѣ политическаго развращенія, не можетъ не превращаться въ корпорацію честолюбцевъ, не продающихся на сторону только до тѣхъ поръ, пока свой повелитель оплачиваетъ ихъ вѣрность въ мѣру ихъ аппетитовъ. Офицерство, изъ котораго систематически изгоняютъ всѣ свободолюбивые элементы, должно стать сбродомъ содержимыхъ на счетъ народа бандитовъ.

„Патріотизму“ правящей шайки, убивающей рабочихъ ради сохраненія барышей Ротшильда, отдающей тѣмъ-же Ротшильдамъ въ видѣ процентовъ на займы распоряженіе продуктами труда будущихъ поколѣній русскаго народа и прикрывающей государственную измѣну, свившую себѣ гнѣздо среди его довѣренныхъ агентовъ, этому патріотизму самодержавія мы, „международные“ агитаторы, мы, русскіе представители международной соціалъ-демократіи, противопоставляемъ стремленіе къ избавленію родины отъ развращающаго ея политическаго строя, сдѣлавшаго ее въ глазахъ цивилизованнаго міра „пятномъ невѣжества на картѣ Европы“, стремленіе вывести ее на путь свободнаго развитія и завоевать русскому народу уваженіе передоваго человѣчества.

*) Статья была уже набрана, когда появилось извѣстіе, что заемъ удался.

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Демонстрація въ Петербургѣ 3-го марта.

Петербургскій Комитетъ Партіи и студенческія организаціи назначили демонстрацію на 3-е марта. Прокламація, призывающая явиться на демонстрацію, былъ распространена Комитетомъ въ 8000 экземплярахъ.

Къ 12 ч. утра тротуары Невскаго на протяженіи отъ Аничкова до Полицейскаго моста были запружены публикой, по преимуществу рабочей (студентовъ было очень мало). По серединѣ проспекта разъѣзжали на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ отряды жандармовъ и конныхъ городовыхъ, была масса пѣшихъ городовыхъ, дворниковъ и сыщиковъ. Войскъ совершенно не было, но по словамъ офицеровъ они стояли на готовѣ въ казармахъ.

Въ 20 минутъ перваго вдругъ у Гостиннаго двора послышались крики „ура!“ и многочисленная публика и полиція сразу хлынула по направленію къ крикамъ, гдѣ на нѣсколько минутъ показалось знамя, но было тотчасъ сорвано полиціей; послышались вопли и крики и видно было, какъ шашки жандармовъ и нагайки городовыхъ то подымались, то опускались. Арестованныхъ и избитыхъ отправили въ одинъ изъ дворовъ на Невскомъ, а публика, которая сплошь запрудила Невскій, была оттѣснена въ боковыя улицы. Въ этотъ моментъ по совершенно очищенному отъ публики Невскому проѣхалъ побѣдоносно Клейгельсъ. Затѣмъ публику стяли опять пускать и тротуары скоро снова заполнились публикой. Опять стали выдѣляться отдѣльныя кучки и съ крикомъ „ура!“, „долой самодержавіе!“ подымали знамя, но полиція скоро его срывала, а участниковъ избивала и арестовывала. Удачна была собственно одно попытка болѣе долго продержать знамя, это было на площадкѣ передъ думой, гдѣ рабочіе, благодаря хорошей позиціи могли держаться долго. Полиція окружала публику и, прижавъ ее къ стѣнѣ домовъ, избивала. Особенно страдали отъ побоевъ студенты, которые представляли для полиціи особенно притягательную силу. Раненныхъ й избитыхъ очень много. Есть въ военномъ госпиталѣ Академіи медикъ съ отрѣзаннымъ ухомъ, горнякъ съ отбитымъ кончикомъ носа, съ ранами головы и лица. Рабочіе вооруженнаго сопротивленія не оказывали, публика же, число которой къ 2-мъ часамъ значительно увеличилось, благодаря гуляющей „чистой публикѣ“, относилась въ общемъ мало активно и больше любопытствовала. На знаменахъ были надписи: долой самодержавіе, свобода, свобода печати, свобода слова и т. д. Рабочіе очень довольны этой демонстраціей; продолжалась она до 4-хъ час. Арестовано около 500 чел.

Другой корреспондентъ сообщаетъ:

„Въ публикѣ студентовъ почти не было, ибо наканунѣ полиція произвела тщательную очистку Питера отъ неблагонадежнаго элемента. Безъ обысковъ, безъ арестовъ-просто призывали въ охранку и просили убираться по добру, по здорову. Въ предупрежденіе демонстраціи полиція принимала и еще кой-какія мѣры, напр., обращалась съ просьбой къ рабочимъ на фабрикахъ не ходить на демонстрацію, обѣщая оцѣпить всѣ рабочіе кварталы и приставить къ каждой фабрикѣ стражу. Рабочіе, въ свою очередь, рѣшили во что бы то ни стало устроить демонстрацію, хотя бы даже для этой цѣли пришлось гдѣ-нибудь провести ночь подъ открытымъ небомъ. Какъ бы то ни было (полиція, кстати сказать, своихъ угрозъ относительно изолированія рабочихъ не привела въ исполненіе), но демонстрація состоялась. Въ серединѣ толпы было поднято знамя съ надписью „свобода“ и вслѣдъ затѣмъ раздался кличъ „долой самодержавіе!“ Вышло довольно внушительно. Знамя держалъ студентъ, а вокругъ него плотной стѣной стояла толпа рабочихъ. Армія полицейскихъ и дворниковъ стремительно набросилась на центръ демонстрантовъ, гдѣ развѣвалось знамя. Получилась обычная картина побоища, съ той только разницей, что натискъ полиціи былъ встрѣченъ нѣкоторымъ сопротивленіемъ и свалка продолжалась минутъ около 15, въ продолженіи которыхъ знамя продолжало развиваться и крики „долой самодержавіе!“ не смолкали. Наконецъ, полиція добралась до знамени, какой-то городовой успѣлъ выхватить его изъ рукъ державшаго его студента, завертѣлъ на рукахъ и поспѣшно удалился изъ опаснаго мѣста съ добычей. Затѣмъ, энергичнымъ натискомъ весь этотъ центръ демонстрантовъ приперли къ Гостинному двору, втиснули въ дворъ и заперли. Послѣ этого конной полиціи ничего не стоило разсѣять остальную толпу. Говорятъ, что на демонстраціи участвовало больше народу, чѣмъ въ прошломъ году 4-го марта на Казанской площади.

Хотя демонстрація и не такъ удалась, какъ этого хотѣлось бы, тѣмъ не менѣе революціонный духъ у рабочихъ не только не упалъ, а еще болѣе окрѣпъ. Утверждаютъ, что почва для новой демонстраціи хоть сейчасъ готова“.

(Изъ частнаго письма.) „Уже къ 11-ти часамъ утра 3-го марта Невскій представилъ необычную въ праздничный день картину. Вмѣсто обычной нарядной толпы преобладающимъ элементомъ были рабочіе, которые, опасаясь быть задержанными, въ большинствѣ случаевъ со 2 на 3-ье оставались ночевать въ городѣ у кого-нибудь изъ своихъ знакомыхъ. Въ толпѣ господствовало напряженное состояніе-всѣ чего-то ждали. Въ 12 час. публики уже было столько, что она не помѣщалась на панеляхъ и многіе шли по дорогѣ, а между тѣмъ народу все прибывало и прибывало. Наибольшее скопленіе было между Казанской ул. и Фонтанкой. Въ половинѣ 1-го изъ толпы, находившейся между церковью св. Екатерины и Михайловской улицей, раздалось пѣніе марсельезы и поднялся красный флагъ. Многіе изъ находящихся на противоположной сторонѣ побѣжали къ демонстрантамъ, но свободный доступъ къ нимъ продолжался всего нѣсколько мгновеній. Съ необыкновенной быстротой выскочили съ одного изъ дворовъ конные, съ обнаженными саблями, жандармы и съ крикомъ „расходитесь“, окружили всѣхъ находящихся на панели. Въ то же время пѣшіе городовые, подъ начальствомъ пристава, врѣзались въ толпу и очень быстро отняли у рабочаго флагъ (предварительно избивъ этого рабочаго). Той же участи подвергся и студентъ, выкинувшій другой красный флагъ. Скоро часть публики въ этомъ мѣстѣ была арестована, а большинство было оттиснуто въ Михайловскую улицу. Вслѣдъ за этимъ прекратилось коночное движеніе по Невскому. Всѣ перпендикулярныя Невскому улицы, вплоть до Фонтанки, были преграждены; стояли загородки также и на Аничковомъ мосту, причемъ извощикамъ и пѣшимъ можно было только двигаться съ Невскаго, но на Невскій никого не пускали. Такъ длилось 2-2½ часа. Въ это время на Невскомъ было выкинуто еще нѣсколько флаговъ, причемъ одинъ съ надписью: „долой самодержавіе“ нѣсколько времени поддерживался толпой, которая подхватила его, когда рабочій, выкинувшій этотъ флагъ, былъ схваченъ. Всѣхъ арестованныхъ отводили въ Гостинный дворъ; тамъ они нѣкоторое время были заперты. Начали развозить ихъ по частямъ часовъ съ 3-хъ. Преобладающимъ элементомъ между арестованными были рабочіе“.

Изъ листковъ Организаціоннаго Комитета Студентовъ Университета заимствуемъ слѣдующія описанія демонстраціи, сдѣланныя очевидцами:

I. „Я стоялъ на Казанскомъ мосту въ то время, какъ у Гостиннаго двора послышались возгласы „долой самодержавіе!“ „да здравствуетъ политическая свобода!“ Туда полетѣли жандармы и стали бить толпу обнаженными шашками по чемъ ни попало. Зрѣлище было ужасное. Галопомъ несущіяся лошади, звѣрскія физіономіи солдатъ, бряцаніе оружія — одно это уже нагоняло ужасъ на публику. Мы добѣжали до Михайловской площади, тутъ насъ погнали назадъ мчавшіеся обратно отъ Гостиннаго двора жандармы. Воздухъ по прежнему оглашался революціонными криками. Толпа старалась проскользнуть между галопомъ скакавшими лошадьми. Большинство было загнано на площадь передъ католическимъ костеломъ; ворота во дворъ костела оказались запертыми. Публика прижималась къ стѣнѣ и старалась

лавировать между размахиваемыми по воздуху шашками. Въ это время напротивъ, у Милютиныхъ рядовъ, конные жандармы и пѣшіе городвые окружили прижавшуюся къ стѣнѣ толпу и избивали ее шашками и кулаками. Было видно, какъ вырывались оттуда отдѣльныя лица, окровавленныя, безъ шапокъ, съ растерзанной одеждой. Я перебрался на ту сторону, полиція погнала насъ по направленію къ Гостинному двору. Здѣсь подъ арками скопилась масса народу; на углу у часовеньки дворники безпощадно колотили студентовъ. Конные городовые стали напирать сзади; толпа побѣжала подъ аркой; давка была страшная, слышались возгласы, крики „не давите“, и т. д. Мнѣ удалось перебраться на тротуаръ передъ Гостиннымъ. Здѣсь было свободнѣе, и публика хлынула сюда, но ее снова погнали и, наконецъ, мы очутились на углу Садовой. Здѣсь пѣшая полиція приготовилась оцѣплять толпу. Сначала она загнала большинство за кордонъ на Садовую и уже больше не пускала на Невскій, а потомъ изъ оставшихся вырвала безъ всякаго основанія группу въ 30 человѣкъ и арестовала ее. Потомъ я старался проникнуть на Невскій, но всѣ прилегающія улицы были загорожены дворниками и городовыми, такъ что даже на извощикахъ нельзя было проѣхать. По Невскому также прекратили всякое движеніе“.

II. Показанія студента университета: „Я очутился въ отрядѣ возлѣ Думы. Студентъ технологъ на верху лѣстницы, ведущей въ „Общество Взаим. Кредита“ развернулъ красный флагъ, призывая публику столпиться. Раздались крики: „долой самодержавіе“ и пр. Жандармерія бросилась по лѣстницѣ за краснымъ флагомъ, который былъ сброшенъ внизъ. Какой то жандармскій офицеръ бросился за нимъ, но былъ сильно избитъ публикой, преимущественно студентами. Въ этотъ моментъ устремилась конная жандармерія въ обнаженными саблями, ударяя таковыми публику по головѣ. Было много сильно окровавленныхъ. Черезъ нѣсколько времени этотъ отрядъ, привлеченный криками „да здравствуетъ свобода“ на другомъ концѣ, быстро удалился, но ему на смѣну явился новый эскадронъ конныхъ жандармовъ, доканчивавшій избіеніе нагайками. Опрокинутый на землю сильнымъ пинкомъ въ спину, я едва могъ подняться. Придя въ себя, я увидѣлъ коллегу сильно избитаго и не отдающаго себѣ очевидно отчета во всемъ происходившемъ. Доведя его до извощика, я отвезъ его домой, а потомъ и самъ пріѣхалъ домой. Изъ разспросовъ я узналъ, что коллега былъ избитъ двумя жандармами за то, что вступился за двухъ курсистокъ. На лицѣ его остался шрамъ съ кровавыми подтеками отъ удара нагайки. Собственныя впечатлѣнія. Не могу дать свѣдѣній относительно бойни самой жаркой — около Думы — туда, какъ я видѣлъ, понеслись съ обнаженными шашками конные жандармы, опишу лишь нѣсколько сценъ дальнѣйшаго избіенія публики. Отрядъ жандармовъ, подъ начальствомъ молодого офицера, вернувшись съ главнаго мѣста побоища, — прогналъ меня вмѣстѣ съ толпой съ Невскаго на мал. конюшенную. На углу зданія зубоврачебной школы офицеръ этотъ отдавалъ приказанія бить отдѣльныхъ лицъ. „Вотъ этого студента ударь“. командовалъ онъ; „удары“ сыпались на насчастнаго ... Замѣтивъ какого-то вольноопредѣляющагося здѣсь же на панели, офицеръ за шиворотъ выташилъ его изъ толпы и съ крикомъ: „Вонъ отсюда, тебѣ здѣсь не мѣсто“, поволокъ къ постовому городовому, давъ ему тумака въ шею и сбивъ шапку. Дальше по Мал. Конюшенной насъ гнали пѣшіе и частью конные городовые, сравнительно мирно, за исключеніемъ нѣкоторыхъ возмутительнщхъ сценъ. Но когда мы по Шведскому пер. выбрались на Больш. Конюшенную, то тамъ вновь насъ встрѣтилъ тотъ же жандармскій отрядъ съ тѣмъ же молодымъ офицеромъ; прогоняя насъ вглубь улицы за придворныя конюшни, отрядъ этотъ вдругъ бросился на насъ, въѣзжая галопомъ на панель и избивая людей направо и налѣво. Это было далеко отъ Невскаго, народъ двигался маленькими кучками по панелямъ и жандармы, бывшіе раньше сзади, раздѣлились по одному и другъ за другомъ скакали вдоль ианелей, прижимали публику къ стѣнѣ и тутъ доставалось буквально всѣмъ; мнѣ извѣстна сцена, когда кучка людей, напирая на запертыя ворота, выломала ихъ. За этими воротами оказались другія — желѣзныя, тоже запертыя; и вотъ въ такомъ углубленіи работали два жандарма: избили дворника, били женщинъ и опрокидывали въ какой-то подвалъ; тутъ-же попало офицеру, уткнувшемуся лицомъ въ уголъ и нѣсколькимъ штатскимъ.

III. „Я былъ свидѣтелемъ слѣдующаго возмутительнаго звѣрства: на крики „да здравствуетъ свобода“, раздавшіеся около Думы, туда бросился взводъ конныхъ жандармовъ съ шашками на голо. Окруживъ демонстрантовъ плотнымъ кольцомъ, они начали буквально мѣсить публику. Спасались только тѣ, которые проскальзывали между ногъ лошадей. Сгудентъ университета, съ окровавленной головой, безъ шапки, инстинктивно закрываясь башлыкомъ отъ сыпавшихся на него ударовъ, проскочивши межъ ногъ лошадей, бросился на другую сторону Невскаго. Одинъ изъ жандармовъ бросился за нимъ и началъ бить его по головѣ нагайкой. Я поспѣшилъ къ нему на помощь и онъ весь скровавленный безъ чувствъ упалъ ко мнѣ на руки. При помощи подоспѣвшей публики онъ былъ отнесенъ въ аптеку. Владѣльцы магазиновъ въ Гостинномъ дворѣ всѣ разсказываютъ, что забранные на демонстраціи и уведенные внутрь Гостиннаго двора подвергались тамъ жесточайшему избіенію со стороны дворниковъ и полиціи. Одинъ изъ сторожей между прочимъ разсказывалъ, какъ онъ самъ слышалъ приказъ пристава дворникамъ: „Толпы не бейте, а выхватывайте отдѣльныхъ студентовъ и колотите изо всѣхъ силъ“, что было и исполнено. Со словъ двухъ гостинодворскихъ прикащиковъ, очевидцевъ возмутительныхъ насилій 3-го марта, привожу слѣдующее: къ помощнику градоначальника г. Фриту, стоявшему у Гостиннаго двора, два дворника подвели одного студента путейца, причемъ продолжали жестоко бить его; это зрѣлище грубаго, возмутительнаго насилія повліяло даже на Фрита: „Господа! будетъ“, сказалъ онъ. На это одинъ изъ дворниковъ, ухмыляясь, отвѣтилъ: „ничего, Ваше Превосходительство, еще выдержитъ! Избіеніе, кромѣ Невскаго, происходило еще на Большой Итальянской и на Мойкѣ по направленію къ Гороховой“.

Въ заключеніе приведемъ разговоръ, слышанный случайно въ бакалейной лавкѣ, характеризующій настроеніе, вызываемое въ обывателяхъ послѣдними событіями:

Молодой человѣкъ (по виду прикащикъ или мелкій торговецъ): „Собрались въ трехъ мѣстахъ: у Казанскаго Собора, на Семеновскомъ плацу и у Николаевскаго вокзала. У Казанскаго Собора нанятый 13-ти лѣтній мальчикъ выкинулъ красное знамя, но оно развѣвалось такъ, что нельзя было прочесть надписи. Я иду по Невскому, гляжу стоитъ братъ (околоточный). „Ты что здѣсь?“ — „Да я въ нарядѣ, посмотри, что на дворахъ-во сколько набито вездѣ полиціи — бунтъ“. „Не простояли мы и полчаса, какъ студентовъ набралась большая толпа и откуда что взялось, гляжу — выкинули красное знамя на длинномъ шестѣ, и какъ это имъ удалось пронести незамѣтно длинный шестъ этотъ? Когда собралась толпа, студенты стали бросать кучами въ публику свои рекламы“. — „А что написано въ этихъ рекламахъ — вотъ бы почитать-то?“ — спросилъ хозяинъ лавки, толстый сѣдой старикъ. Написано: „Свобода и воля“. — „Да вѣдь это одно только названіе у нихъ, а что еще — то прописано тамъ?“ — „Только эти два слова „свобода и воля“ и больше ничего“. „Вѣрно, замѣчаетъ старикъ, больше имъ ничего и не надо, вѣдь они требуютъ свободы печати, чтобы обо всемъ можно было въ газетахъ писать, а то у насъ вѣдь ничего не позволяютъ ни говорить, ни писать, полиція что-бы ни сдѣлала, всегда будетъ права“. — Да, знаешь, что полиція говоритъ, сказалъ молодой субъектъ, очевидно близкій знакомый старика, полиція говоритъ: „Мы что хотимъ, то и сдѣлаемъ и не отвѣтимъ“. „Ну, да вѣдь придетъ время, что полиціи трудно будетъ справиться, та-же полиція теперь говоритъ, что эти бунты даютъ большой толчокъ впередъ силѣ студентовъ и что теперь все труднѣе и труднѣе усмирять бунтующихъ, потому что ихъ число растетъ и къ студентамъ присоединяется публика. Да и въ самомъ дѣлѣ посмотри, что у насъ дѣлается, кто что хочетъ, тотъ то и дѣлаетъ: чортъ чорта тѣшитъ“ — „Конечно“, замѣчаетъ старикъ, „мужика, нашего брата купца или еще кого можно обидѣть, ну ужъ, а его превосходительство — не тронь!“ ... „Посмотри на нашихъ министровъ“, говоритъ, раздражаясь все болѣе, молодой собесѣдникъ, — „вѣдь они дѣлаютъ, что хотятъ, засядетъ какой нибудь нѣмецъ и хозяйничаетъ, и распоряжается какъ своимъ имуществомъ и никто не смѣй ничего сказать про это. На два милліона дѣлаютъ заказы заграницей, а наши рабочіе сидятъ безъ заработка и молчать должны! Самые лучшіе участки земли въ Сибири нарѣзали дворянамъ, а мужикъ, пріѣзжающій туда, остается ни съ чѣмъ и долженъ снова голодать, хотѣлъ поправиться и попалъ въ нищету! На что это похоже? Вѣдь стоитъ студентамъ спуститься къ нисшимъ людямъ мужикамъ, тогда всѣ вмѣстѣ сильнѣе будутъ. Вѣдь мужику-то куда какъ трудно жить!“ „Да, а кому не трудно?“ „Конечно, что можетъ сдѣлать толпа въ 500-600 челов., когда противъ нихъ выходитъ не одна тысяча полиціи и дворниковъ, сейчасъ-же разогнали всѣхъ, такъ и не удалось имъ, какъ слѣдуетъ, обнародовать то, что хотѣли! Арестованныхъ много — 200-300, а то и больше, много было и женскаго элемента — курсистокъ; но вѣдь всѣ они знали, на что идутъ, знали, что ихъ арестуютъ, что посадятъ въ тюрьму и накажутъ, все знали и всетаки пошли, а пошли они требовать того, что считали нужнымъ! И еще найдутся такіе“.

„Вѣдь вотъ объ этомъ ничего не пишутъ, а почитать-бы что заграницей пишутъ про насъ!“ — воскликнулъ оживленно старикъ. „Да“, продолжаетъ другой, этого не затушишь, теперь вонъ и гимназисты и тѣ кое-гдѣ не учатся и ихъ исключаютъ, потому что нельзя имъ иначе дѣлать, какъ я самъ недавно слышалъ въ Воронежѣ отъ гимназиста, котораго исключили“.

Такъ говорятъ среди мелкой буржуазіи, а вотъ какія рѣчи слышны на самыхъ низахъ „чернаго народа“:

Ѣдетъ интеллигентъ и вызываетъ на разговоръ извощика: Что это такое дѣлается на Певскомъ?

Ивѣстно что — спокойно отвѣчаетъ извощикъ — бунтуютъ, вотъ что.

Какъ такъ бунтуютъ? Чего — же они бунтуютъ?

Правовъ хотятъ, потому, значитъ и бунтуютъ. Теперь скоро станутъ всѣ бунтовать, всѣмъ надо правовъ... А то, вишь ты, все эти самые нѣмцы (?) и жиды (??) никому житья не даютъ — ни нашему, ни вашему брату.

Какіе нѣмцы и жиды?

Извѣстно какіе: царскіе министры, чтобъ имъ...

Легенда о „нѣмцахъ“ и „жидахъ“ говоритъ о довольно таки самобытныхъ путяхъ, которыми „черный народъ“ добирается до идеи о „правахъ“. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что повсемѣстныя демонстраціи повсюду заронили эту идею.

Бутырская пересыльная тюрьма. (Письмо курсистки). Приводимъ живое и интересное описаніе февральскихъ событій въ Москвѣ, сдѣланное одной изъ участницъ сходки 9-го февр.

„Исполнительный Комитетъ рѣшилъ придерживаться въ своихъ дѣйствіяхъ 9-го февр. слѣдующей программы: вопользоваться разрѣшенной начальствомъ сходкой для того, чтобы собрать на нее побольше студентовъ, курсистокъ и интеллигенціи. По окончаніи сходки выйти изъ университета со знаменами и революціонными пѣснями, соединиться съ рабочими, которые должны были собраться въ Александровскомъ саду и его окрестностяхъ и общей толпой демонстративно пройти по главнымъ улицамъ Москвы, придерживаясь относительно полиціи такой тактики: гдѣ можно отражать ея нападенія силой, а гдѣ нельзя, разбѣгаться передъ натискомъ, но сейчасъ-же собраться снова въ другомъ мѣстѣ. Великолѣпная организація полиціи разстроила исполненіе этого плана, а подлость ректора, давшаго слово не пускать полицію въ стѣны университета и не исполнившаго этого слова, устроила намъ въ университетѣ ловушку. Послѣдняя надежда на рабочихъ также рухнула, когда оказалось, что 10 фабрикъ оцѣплены войсками и объявлены на военномъ положеніи.

Въ 12 ч. дня въ университетѣ была назначена оффиціально разрѣшенная начальствомъ сходка. Уже около 10 час. на Моховой толпились студенты, курсистки и посторонняя публика; здѣсь же былъ выстроенъ отрядъ полицейскихъ. Къ 12 ч. около 600 человѣкъ вошло въ актовый залъ университета, собранію было объявлено, что программа Исполнительнаго Комитета чисто политическая. Противъ этой программы возстала группа такъ называемыхъ академистовъ (70 ч.). Дебаты были страстные и когда оказалось, что большинство на сторонѣ политиковъ, академисты торжественно вышли изъ зала (въ ихъ числѣ 2 женщины). Потомъ узнали, что ихъ сейчасъ-же забрали сначала въ манежъ, а потомъ препроводили въ Бутырки. Въ самый разгаръ дебатовъ на кафедру взошла представительница соединенной организаціи всѣхъ женскихъ курсовъ и въ первый разъ со времени основанія университета въ стѣнахъ его раздался голосъ женщины, вышедшей наравнѣ съ мущиной на борьбу за свободу. Вотъ приблизительно ея слова: „Я удивляюсь тому, что могутъ еще возникать споры по поводу программы, которую мы должны выставить. Кажется, этотъ вопросъ давно уже и безповоротно рѣшенъ. По крайней мѣрѣ, мы, женщины, принимаемъ только политическую программу и готовы на все, чтобы добиться ея осуществленія“.... Послѣ этихъ словъ дебаты прекратились. Потомъ стали обсуждать тактику. Оказалось, что предположенной демонстраціи устроить нельзя, потому что университетъ, Моховая, Никитская и ближайшіе переулки оцѣплены войсками. Рѣшили отсиживаться въ университетѣ до слѣдующаго дня, т. е. воскресенья, надѣясь, что въ праздникъ выберутся въ Москву рабочіе и, устроивъ около университета демонстрацію, помогутъ намъ присоединиться къ нимъ. Забаррикадировали всѣ выходныя двери, а около главнаго входа поставили караулъ. Гдѣ-то раздобыли хлѣба и колбасы, но въ такомъ ограниченномъ количествѣ, что многіе остались не ѣвши. Молодежь устроила хоръ и звуки Марсельезы, Варшавянки и др. огласили старыя стѣны. Въ 6 ч. вечера была вторично созвана сходка и были прочтены принятыя утренней сходкой постановленія. Требованія слѣдующія: свобода и неприкосновенность личности, свобода слова и печати, свобода вѣроисповѣданій, свобода сходокъ, ассоціацій и организацій, допущеніе въ университетъ всѣхъ безъ различія пола и религіи, желательность и своевременность созыва учредительнаго собранія. Потомъ началось обсужденіе настоящаго положенія дѣла. Прошелъ слухъ, что въ университетъ въ 8 ч. явятся войска. Горячія головы предложили бороться (нѣсколько человѣкъ были вооружены кое-какимъ довольно жалкимъ оружіемъ) съ военной силой, но ихъ предложеніе было отвергнуто большинствомъ во избѣжаніе совершенно безполезной для дѣлаи безцѣльной бойни. Порѣшили не уходить добровольно, но подчиниться лишь силѣ. Нервы у всѣхъ были страшно напряжены, и старалисьчѣмъ нибудь заглушить все возраставшую тревогу. Опять пѣли и внизу, и въ залѣ, и на дворѣ, пѣли хоромъ и соло, кто то разсказывалъ Горбуновскія сценки, кто-то раздобылъ у сторожа самоваръ и устроили чаепитіе. Наконецъ, стали затихать. У насъ большинство дремало, сидя на стульяхъ, а нѣсколько человѣкъ улеглись на столѣ. Около 3-хъ часовъ ночи раздался крикъ: „товарищи, войска идутъ“. Многвенно всѣ были у оконъ и увидѣли такую картину: во дворъ университета входили и размѣщались пожарные съ факелами, казаки верхомъ, масса полицейскихъ и Невскій пѣхотный полкъ. Какъ ни-было серьезно наше положеніе, большинство стало смѣяться. Право, можно было подумать, что въ университетѣ сидитъ не 507 человѣкъ (изъ которыхъ 73 женщины) пылкихъ, самоотверженныхъ, но беззащитныхъ людей, а могучая, разбойничья шайка, съ которой придется выдержать цѣлое сраженіе. Въ университетъ вошелъ приставъ и потребовалъ отъ караульныхъ, чтобы университетъ былъ очищенъ — ему отвѣчали отказомъ. Тогда онъ объявилъ, что даетъ $^1/_2$ часа на обсужденіе, а черезъ $^1/_2$ часа возьметъ университетъ приступомъ. Дѣйствительно черезъ $^1/_2$ часа раздалось гиканье казаковъ и на верхъ ворвались пожарные и пѣхотинцы со штыками на перевѣсъ. На порогѣ они остановились въ удивленіи и штыки сами собой поднялись вверхъ. Въ первомъ ряду злодѣевъ, на которыхъ ихъ направили, они увидѣли совершенно спокойныя, хотя и страшно блѣдныя женскія лица. Въ 5 минутъ все было кончено: пожарные съ факелами вскочили на столы, казаки кольцемъ окружили всѣхъ и вывели сначала на дворъ университета, а потомъ въ манежъ. Идти пришлось между двойными рядами конныхъ казаковъ и пѣхоты. Войскамъ пришлось вынести много оскорбленій, но они вели себя сравнительно сдержанно, и нагайка взвилась только разъ, когда студентъ сбилъ фуражку у пристава. Малоденькій офицерикъ Невскаго полка стоялъ бѣлый, какъ мѣлъ, а ему въ упоръ бросали: „стыдно, на своихъ идете!“ Казаки поголовно были пьяны и позволяли себѣ грубыя, даже циническія замѣчанія, также и полиція, но лица пѣхотинцевъ были серьезны, даже грустны. Когда всѣ вышли изъ университета, то несмотря на протесты полиціи, грянула такая Марсельеза, которая должна была-бы разбудить всѣхъ мирныхъ Московскихъ обывателей, если-бы сонъ ихъ не былъ такъ глубокъ и крѣпокъ. Въ манежѣ всѣхъ переписали и небольшими партіями отправили въ тюрьму. Женщины шли также между двойнымъ рядомъ казаковъ и пѣхоты, въ сопровожденіи 2-хъ офицеровъ. Шли часа 2 и уже почти разсвѣло, когда мрачныя стѣны Бутырской тюрьмы открылись передъ нами. Камера, отведенная намъ, громадная, грязная, деревянныя кровати съ милліардами клоповъ и грязными, набитыми соломой, матрасами и подушками. Ѣда — помои. Теперь, впрочемъ, къ намъ приходитъ каждый день торговка, у которой можно достать все необходимое, передаютъ вещи, присылаемыя изъ дому, нѣкоторымъ разрѣшаютъ свиданія. Вообще, тюрьма оказалась совсѣмъ не такой ужасной, какой мы себѣ ее представляли по романамъ Достоевскаго и очеркамъ Мельшина. Думая, что насъ продержатъ здѣсь не мало времени, мы стараемся устроиться поудобнѣе и главное извлечь изъ нашего здѣсь пребыванія побольше пользы. Въ Бутыркахъ содержится болѣе 2000 чел. студентовъ, курсистокъ и др. политическихъ (есть рабочіе, высылаемые въ Сибирь). У насъ въ тюрьмѣ издаются 3 газеты (2 у студентовъ и 1 у курсистокъ), устраиваются литературно-музыкальные вечера для арестантовъ и арестантокъ сосѣднихъ камеръ. Мы забрали къ себѣ дѣтишекъ арестантокъ и они проводятъ почти цѣлый день въ нашей камерѣ. Семи и восьмилѣтніе карапузы уже бойко распѣваютъ Марсельезу и Дубинушку. Вообще, въ тюрьмѣ небывалое оживленіе. Во время нашихъ прогулокъ, всѣ окна заняты зрителями арестантами, которые перебили всѣ стекла, чтобы лучше слышать наше пѣніе. Вчера всѣ были особенно взволнованы привозомъ въ Бутырки извѣстнаго Тригони, одного изъ дѣятелей 1-го Марта. Онъ 20 лѣтъ провелъ въ Шлиссельбургѣ и теперь пересылается на Сахалинъ. Начальство тюремное относится къ намъ хорошо, а конвойные такъ иногда увлекаются, что начинаютъ подтягивать Варшавянку. Я увѣрена, что по городу ходятъ самые невѣроятные слухи обо всемъ происшедшемъ, и мое письмо можетъ служить фактическимъ опроверженіемъ нелѣпыхъ и грязныхъ выдумокъ. Утверждаю, что поведеніе студентовъ и курсистокъ было безукоризненно-корректно. Всѣ разговоры, пѣсни и споры носили совершенно особый характеръ и касались только злобы дня. Быть можетъ, въ нашемъ движеніи было много незрѣлости, неумѣнья (напр. Исполнительный Комитетъ не былъ своевременно освѣдомленъ о томъ, что фабрики оцѣплены), но оно, т. е. это движеніе собрало не увлекающихся или любопытныхъ, а людей глубоко убѣжденныхъ въ святости и правотѣ дѣла, за которое они борятся и которые не могли не идти, хотя бы и на вѣрную гибель. Въ университетѣ никакихъ особенныхъ безпорядковъ произведено не было. Правда, зеленые первокурсники поломали ящики и разорвали вынутыя оттуда гимназическія характеристики, поломали нѣсколько дверей, разлили воду и разсыпали уголь, когда ставили самоваръ, вообще было много грязи и сора, неизбѣжныхъ при толпѣ въ 500 чел., но храмъ науки осквернены былъ только казаками, осмѣлившимися ворваться въ него со своими позорными нагайками. У насъ получены съ воли достовѣрныя свѣдѣнія отъ родственника одного изъ офицеровъ, бывшаго въ нарядѣ въ ночь съ 9-10 февр., что нѣсколькимъ казакамъ было приказано остаться въ университетѣ послѣ вывода изъ него студентовъ и произвести тамъ всяческія безобразія (говорятъ оторвана голова у царскаго портрета) съ цѣлью свалить потомъ все на демонстрантовъ и подорвать этимъ сочувствіе въ публикѣ. Зубатовъ, придумавшій такую штуку, показалъ и на сей разъ, что онъ очень уменъ и большой знатокъ психологіи толпы. Настроеніе у большинства и теперь страшно нервное, но бодрое, полное подъема всѣхъ душевныхъ силъ. Говорятъ, что насъ сошлютъ въ Сибирь, — ну что же, люди живутъ и въ Сибири.

Среди насъ находится нѣсколько женщинъ, взятыхъ прямо съ улицы. Многія изъ нихъ даже и не знали о сходкѣ, но ихъ грубо схватили и засадили сначала въ Манежъ, а потомъ въ Бутырки, гдѣ онѣ пребываютъ уже болѣе недѣли. Двѣ изъ нихъ совсѣмъ больныя (одна - эпилептичка, 17 - лѣтній ребенокъ). Не возмутительно-ли это? Можно-ли жить въ странѣ такого произвола надъ личностью? Что-же дѣлается въ Бѣлокаменной? Неужели, она не проснется, не встанетъ грозной, могучей силой на защиту своихъ дѣтей?

Вѣрить этому не хочется. — Всѣхъ женщинъ въ Бутыркахъ 86. Педагогичекъ — 25. Съ Екатериненскихъ курсовъ — 31. Акушер.-массаж. — 6. Съ курсовъ Герье — 11. Взятыхъ на улицѣ — 13.

Всѣхъ не сослать! — Массовая фабрикація революціонеровъ. Правительственное сообщеніе повѣдало Россіи о новой массовой расправѣ съ „внутренними врагами“. Рѣчь идетъ объ участникахъ Московскихъ волненій. 668 лицъ — участниковъ сходки 9 февраля и подозрѣваемыхъ ея подготовителей предположено было сослать административно, но царь счелъ достаточнымъ сослать въ Вост. Сибирь на срокъ отъ 2 до 5 лѣтъ только (!) 95 человѣкъ изъ числа организаторовъ и просто неблагонадежныхъ лицъ. 567 лицъ будутъ подвергнуты тюремному заключенію отъ 3-хъ до 6-ти мѣс., шестеро отдано подъ надзоръ полиціи.

Правительство разсказываетъ о политическомъ характерѣ, который приняли студенческіе безпорядки и о тѣсной связи, въ которую студенты вступили съ „существующими революціонными кружками“ и съ рабочими. Ссылая 100 человѣкъ, правительство объясняетъ, что оно хочетъ поставить ихъ въ условія, наименѣе благопріятныя для революціоннаго воздѣйствія на окружающую среду. Оно только забываетъ, что примѣняемое имъ средство уже неоднократно приводило къ еще болѣе нежелательнымъ для него послѣдствіямъ. Часть ссылаемыхъ юношей, можетъ быть, вернется разбитыми людьми, но сильнѣйшая часть возвратится къ намъ уже готовыми, зрѣлыми революціонерами.

Правительство напрасно только умалчиваетъ о другой цѣли своего рѣшенія, ради которой оно и опубликовало — противъ обыкновенія — „приговоръ“, вынесенный въ административномъ порядкѣ. Эта цѣль — устрашеніе. Но послѣ того, какъ угроза солдатчины ничего не сдѣлала, что можетъ сдѣлать примѣненіе (хотя бы и массовое!) стараго средства, — столь знакомой русской интеллигенціи Сибири?

Разумѣется, расправа въ москвичами — только первая проба, за которой слѣдуютъ уже другія. Намъ пишутъ, что 9 марта въ Петерб. пересыльн. тюрьмѣ объявленъ „приговоръ“ слѣдующимъ лицамъ, взятымъ въ февралѣ, т. е. до демонстрацій:

Студ. Унив—та: Соколовъ, Корндорфъ, Дыбовскій, Абловъ; технологъ Овечкинъ и горн. студ. Плехановъ — въ Ирк. ген-губ. на 3-года, студ. Унив—та Шехтеръ, Александровъ, Григорьевъ, Воскресенскій — на 3 года въ Степное ген-губ.; студ. Унив. Тагѣевъ — въ Новый Маргелланъ на 3 г.

Технологъ Замараевъ на 2-г. въ Астрах. губ.; техн. Красноуховъ на 2-г. въ Баку, и унив. Аполлоновъ на 2-г. въ Оренбургъ.

Технологи Залевскій и Семеновъ — на 1-г. подъ надзоръ полиціи.

Р. С. Повидимому, въ видѣ отвѣта на правительств. сообщеніе послѣдовалъ 19 марта неудачный выстрѣлъ Евгеніи Алекс. Аллартъ въ москов. оберъ-полиціймейстера Трепова.

Изъ Дерпта (Юрьева) пишутъ:

„19 февраля была въ университетѣ сходка въ 320 челов.; единогласно постановили-сходку и обструкцію. Достиженіе академической свободы признано невозможнымъ при существующемъ политическомъ режимѣ; выражено глубокое возмущеніе и негодованіе чиновно-полицейскимъ произволомъ, неизбѣжно связаннымъ съ существующимъ политическимъ строемъ Россіи. Въ заключеніе былъ поставленъ вопросъ о демонстраціи; за нее высказалось только челов. 40-50. Но когда по выходѣ изъ физіологическаго института демонстранты съ пѣніемъ Марсельезы тронулись къ главному зданію ун-та, то за ними послѣдовало около половины участниковъ сходки. Остановились съ пѣніемъ передъ ун-томъ и хотѣли идти срывать лекціи, но оказалось, что ни одной не читается. Тогда съ пѣніемъ двинулись на Рыцарскую; тамъ былъ поднятъ красный флагъ, вокругъ котораго и сгруппировалась главная группа демонстрантовъ. Публики собралось масса, Рыцарская и нѣкоторыя близь лежащія улицы и площадь были заняты публикой; но отъ демонстрантовъ, которыхъ къ концу осталось не болѣе 60 челов., держались въ отдаленіи. Отъ Рыцарской пошли на Петербургскую, на Каменномъ мосту остановились; дѣлались возгласы — „мы боремся за политическую свободу, свободу слова, совѣсти, печати, собраній, союзовъ, право петицій и т. д. — да здравствуетъ конституція, Земекій Соборъ“ — покрывавшіеся дружнымъ „Ура“, и апплодисментами; „анафема царизму!“

На углу Петербургской и Ратушной демонстранты разсѣялись. Полиція бездѣйствовала и отсутствовала. Переполохъ въ городѣ страшный. 20-го по всему фронту примѣнялась въ ун-тѣ обструкція. Съ 9-ти час. утра до 6 веч. всѣ лекціи сорваны, количество обструкціонистовъ не превышало 100. Университетъ не закрытъ. Профессоръ Пассекъ предлагалъ своимъ слушателямъ услуги по части организаціи ихъ для борьбы съ обструкціонистами. Реакціонеры собираются бить обструкціонистовъ.

21-го въ актовомъ залѣ собралась масса публики по случаю чествованія Гоголя. Ждали скандала; ректоръ и инспекторъ сильно волновались. Масса педелей, переодѣтые жандармы, сыщики, были и въ студенческихъ сюртукахъ... Всѣ уже успокоились, публика пришла въ разочарованіе, — никакого скандала во время торжества не было, мирно слушали доклады, апплодировали и изрѣдка чуть-чуть шикали.

Но лишь только замолкли апплодисменты послѣ рѣчи Чижа (послѣдній докладъ), раздался рѣзкій голосъ — „проклятіе гасителямъ свободнаго слова и литературы“ — бурные апплодисменты. „Требуемъ свободы печати, свободы слова, свободы организацій и т. д....“, а затѣмъ стройное пѣніе марсельезы. Сверху сыпали прокламаціи и бюллетени „Союз. Сов.“ Съ пѣніемъ прошли черезъ университетъ и остановились передъ главнымъ входомъ. Здѣсь возгласы и пѣніе; затѣмъ прошли по Ивановской ул. и къ Ратушѣ съ пѣніемъ. По дорогѣ останавливались для возгласовъ. Слушатели удивлялись стройности и силѣ пѣнія. Остановились передъ Ратушею; снова возгласы. Моментально собралась невиданная для Дерпта толпа, всего на площади и прилегающихъ улицахъ было не менѣе 5,000 человѣкъ. Кое-кто изъ публики присоединился къ демонстрантамъ. Отъ Ратуши разсѣялись въ толпу, которая все росла. Гдѣ-то раздалась военная музыка и демонстранты снова собрались въ кучку и запѣли. Но солдаты не появились. Полиція предупредительно исчезла передъ демонстрантами. Полное бездѣйствіе властей. Очевидно за неимѣніемъ казаковъ и конной полиціи боялись усмирять пѣшей полиціей и солдатами. Возможно, что демонстранты одержали-бы верхъ: между ними были вооруженные.

Пока не было ни арестовъ, ни высылокъ. Мирный Дерптъ страшно взволнованъ. Полиція потеряла голову. Ждутъ скоро 3-ей демонстраціи, пока еще не высланы горячія головы.

Реакціонеры страшно возмущаются полиціей за бездѣятельность. Въ понедѣльникъ предполагается самая отчаянная обструкція; говорятъ, что университетъ долженъ быть закрытъ непремѣнно. Въ Ветеринарномъ Инст. была 19 сходка и примѣнялась обструкція. Кое-кто принималъ участіе и въ демонстраціяхъ“.

Въ настоящее время Дерптскій университетъ уже закрытъ.

Рига. 24 февраля и 6 марта въ здѣшнемъ русскомъ театрѣ были разбросаны прокламаціи „Къ обществу“, изданныя „Рижскимъ Комитетомъ объединенныхъ с.-д. организацій“. 6 марта полиція переписала всѣхъ находившихся на галлереѣ и забрала нѣсколько студентовъ въ залѣ.

Ростовъ на Дону. 19-го февраля въ Ростовѣ была совершена попытка произвести уличную демонстрацію. Къ 7 час. вечера среди гуляющей по Садовой улицѣ (противъ Думы) публики стали появляться группы рабочихъ; одна изъ нихъ около 8 час. начала у Соборнаго пер. пѣть „Марсельезу“; когда публика, заинтересованная этимъ небывалымъ въ Ростовѣ зрѣлищемъ, стала толпиться по тротуарамъ, демонстранты въ числѣ около 100 чел. вышли на середину улицы и съ криками „Долой Самодержавіе!“ „Да здравствуетъ свобода!“ направились на противоположную сторону. Моментъ былъ замѣчательно удобенъ для совершенія стройной и внушительной демонстраціи, публики собралось масса, полиціи не было... между тѣмъ въ средѣ демонстрантовъ, къ сожалѣнію, не было опытнаго руководителя, который съумѣлъ-бы использовать первую минуту; не было даже знамени, которое хоть отчасти пояснило-бы собравшейся публикѣ истинный характеръ сборища. Прошло минутъ 10, когда, наконецъ, появилась полиція, затѣмъ казаки. Наиболѣе публики толпилось на углахъ, особенно у Соборнаго пер.; какъ только раздавались революціонные возгласы, покрываемые криками „ура!“ полиція бросалась въ толпу и выхватывала перваго попавшагося. Такимъ образомъ было арестовано человѣкъ 6. Когда толпа пыталась было отбивать арестованныхъ, околоточный надзиратель направилъ въ толпу револьверъ, грозя размозжить голову первому, кто осмѣлится на него броситься. Толпа отступила и потомъ все время безпрекословно позволяла производить аресты. Долго еще толпилась публика, ожидая, что будетъ дальше. Къ 2 час. все успокоилось. Не смотря на неумѣлое веденіе демонстраціи, впечатлѣніе, произведенное ею на обывателей, не поддается описанію. До сихъ поръ всѣ говорятъ объ этомъ событіи, небываломъ въ Ростовѣ, и удивляются мужеству рабочихъ.

Втеченіе истекшей осени и зимы мѣстнымъ Комитетомъ распространены слѣдующія возванія: 1) по поводу закрытія „профессіональнаго общества“ мимеогр. въ количествѣ 1000 экземп., 2) о политической свободѣ — гектограф. въ колич. 200 экз. 3) по поводу Таганрогскихъ безпорядковъ, гектогр., 200 экз. 4) по поводу годовщины освобожденія крестьянъ 1000 экз.

Возникшей въ концѣ истекшаго года въ Ростовѣ „кассой для политическихъ ссыльныхъ и заключенныхъ (Краснымъ Крестомъ)“ распространены: 1) бюллетень о демонстраціяхъ въ Харьковѣ и Екатеринославѣ съ призывомъ къ сбору пожертвованій, 2) листки „Еврейск. Бунда“ къ еврейской интеллигенціи о студенческихъ безпорядкахъ, 3) Бюллетень о демонстраціяхъ въ Кіевѣ, Москвѣ и Питерѣ — съ призывомъ къ пожертвованіямъ.

Арестовано всего по дѣлу о демонстраціи 19-го февраля около 15 человѣкъ.

---

17 февраля произошла демонстрація въ Екатеринославѣ, организованная мѣстнымъ комитетомъ партіи, который созвалъ рабочихъ особымъ листкомъ, напечатаннымъ въ собственной типографіи. О самой демонстраціи разсказывается въ другомъ листкѣ комитета, изданномъ послѣ 17 февраля. Приводимъ изъ него слѣдующее мѣсто:

„Въ теченіе цѣлой недѣли у губернатора шли совѣщанія всей „стаи славной“, опоры царя и отечества: Его Сіятельство фонъ-Келлеръ, жандармскій генералъ Делло, полиціймейстеръ и просто пристава и даже помощники приставовъ, — всѣ братались какъ равные, всѣ вмѣстѣ придумывая, какъ бы получше задушить смѣлую попытку Екатеринославскихъ рабочихъ. Были приняты всѣ мѣры. Произведена была масса арестовъ и обысковъ. Солдатамъ своевременно розданы были патроны. Въ день демонстраціи, въ Воскресенье, вся Чечелевка запята была войсками и огрѣзана отъ города. Въ тотъже день, съ 2-хъ часовъдня, обыкновенно шумный и людный проспектъ представлялъ собою необычайное зрѣлище: кромѣ полицейскихъ чиновъ, на немъ ночти не видно было ни единой живой души. Всѣхъ прохожихъ буквально гнали въ шею, не давая прохода ни выхода. По временамъ только, то здѣсь, то тамъ появлялись фигуры обывателей. Масса войска стояла по дворамъ и маршировала по проспекту. Городъ очутился вдругъ на военномъ положеніи, и можно было подумать, что на насъ напали какія-то невѣдомыя вражескія полчища. Но нѣтъ, то бушевала собственная полиція, предводительствуемая губернаторомъ, разъѣзжавшимъ, какъ передъ сраженіемъ, верхомъ на конѣ. Вся стая черныхъ вороновъ дармоѣдовъ, нахлѣбниковъ у народа, имѣя за спиной сотни вооруженныхъ солдатъ, собралась во что бы то ни стало задавить этотъ самый народъ заткнуть ему глотку, не давать говорить. Но народъ сильнѣе, чѣмъ его нахлѣбники. Въ ту самую минуту, какъ графъ Келлеръ важно и самоувѣренно разъѣзжалъ по проспекту, подъ самымъ сіятельнымъ губернаторскимъ носомъ появилась дружно сомкнутая масса смѣльчаковъ заводскихъ рабочихъ и городскихъ ремесленниковъ, развернула красное знамя, на которомъ красовались слова: „долой самодержавіе!“, „да здравствует политическая свобода!“ и съ этими же криками ринулась впередъ. Но масса была безоружна. Со всѣхъ сторонъ налетѣла на нее стая хищныхъ коршуновъ: пристава, околодочные и городовые, съ шашками на голо, выхватили изъ толпы семь человѣкъ и отправили въ участокъ. Въ это же время, другая масса рабочихъ съ развернутымъ знаменемъ съ пѣніемъ рабочей марсельезы, двинулась отъ Новаго театра и прошла безпрепятственно пять кварталовъ, по Петербургской и Крестовой, сопровождаемая большимъ стеченіемъ сочувствующей публики. Одновременно съ этой второй, произошла третья демонсстрація на Троицкомъ базарѣ.“

Казань. На мѣстной фермѣ (земледѣльческое училище) ученики заявили директору, что они не могутъ выносить его прижимокъ и покровительства богатымъ ученикамъ. Директоръ немедленно собралъ совѣтъ, на которомъ рѣшено было исключить 4 учениковъ и арестовать ихъ. Для выполненія этого постановленія въ училище явилось нѣсколько полицейскихъ, но ученики вступили въ драку съ полиціей и отбили ее. Послѣ этого были приняты „энергичныя мѣры“: арестовали 40 учениковъ и разослали ихъ по мѣстамъ жительства. Остальные подали министру земледѣлія петицію съ изложеніемъ причинъ своего недовольства.

Въ университетѣ обструкція. Полиція арестуетъ студентовъ, чтобы черезъ нѣсколько дней снова выпустить. 27 фев. арестовано 30 студ.

Елизаветградъ 25 февраля. Вотъ уже четвертый годъ на исходѣ, какъ нашъ городъ былъ въ первый разъ напуганъ повальными обысками и арестомъ около 10 человѣкъ. Мѣстный жандармъ, подполковникъ Ламзинъ, увѣрлъ въ этихъ лицахъ преступниковъ, а потому и теперь еще нѣкоторые изъ нихъ отбываютъ надзоръ. Обыски и аресты очень перепугали городъ, имѣвшій смутное понятіе о „соціалистахъ“. Нѣтъ ни одного обывателя изъ „средней“, а, пожалуй и „высшей“ публики, который съ понятіемъ о „соціалистѣ“ не связывалъ бы представленія о человѣкѣ, который задался цѣлью убить царя. Никто изъ нихъ, вслѣдствіе какой то особенной психологіи, выработанной подъ вліяніемъ нашего государственнаго строя, не спроситъ себя, „зачѣмъ“ и „почему“, а ограничится однимъ фактомъ желанія убить, и конецъ. Нельзя сказать, чтобы всѣ эти 4 года у насъ было тихо. Обыватели боялись обысковъ и даже арестовъ во время всероссійскаго студенческаго движенія 1899 года, боялись также во время „смутнаго времени“, названнаго „Искрой“ бурнымъ мѣсяцемъ. Но ни арестовъ, ни даже обысковъ не было. Подоспѣла въ 1901-же году всѣмъ извѣстная „продовольственная эпопея“. Губернаторъ Оболенскій пріѣхалъ въ Елизаветградъ, объявилъ, что на основаніи его оффиціальныхъ данныхъ*), голода въ Елизаветградскомъ уѣздѣ нѣтъ, причемъ снисходительно назвалъ это явленіе „недородомъ“, а есть, де, въ Елизаветградѣ революціонная группа, съ Никольской во главѣ, которая пользуется всякимъ удобнымъ и неудобнымъ случаемъ, чтобы проникнуть въ народъ, и произвести смуту и волненіе. Всякому, конечно, извѣстно, что спасать отъ голодной смерти можетъ не только революціонеръ, но у страха глаза велики, и г. губернаторъ въ филантропіи узрѣлъ революцію. Какъ бы тамъ ни было, это событіе дало поводъ ввести въ Елизаветградѣ усиленную охрану, это „средствіе“, какъ говорилось въ № 7 „Искры“, противъ голодовокъ. Усиленная охрана произвела небывалое впечатлѣніе на обывателей. Многіе догадывались, что эта мѣра противъ „соціалистовъ“ и только немногіе знали чисто мѣстное значеніе охраны. Появились опять толки, свойственные русскому провинціальному обывателю, что теперь уже „соціалистовъ“ не будетъ, заботливое начальство позаботилось, не даромъ увеличенъ штатъ полиціи. Усиленная охрана и сопровождающія ее мѣры повели къ тому, что понятіе о соціалистѣ стало вызывать еще болѣе ужасное представленіе, и что всего прискорбнѣе, такое же представленіе о соціалистѣ было и у рабочихъ, какъ заводскихъ, такъ и ремесленниковъ. Въ ночь съ 15 на 16 февраля полиція произвела и аресты. Городъ всполошился. Обыски и аресты продолжались, какъ говорятъ, дня 4. По городу ходили самые ужасные слухи, будто въ одну ночь арестовано 30 рабочихъ, въ другую 10 и т. д. Все это, разумѣется преувеличено. Но объ обыскахъ и арестахъ зналъ весь городъ, и неудивительно, почему: обыски производились днемъ, на квартиру рабочаго Янкелевича ѣздили нѣсколько разъ и все днемъ. Въ такомъ маленькомъ городкѣ, гдѣ всѣ до того знаютъ друга, что надоѣли даже, все становится извѣстнымъ. Настроеніе рабочихъ, особенно заводскихъ, отвратительное. Жандармерія напугала и ихъ тѣмъ, что произвела обыскъ по станкамъ. Въ довершеніе всего, по городу циркулировалъ, не знаю, кѣмъ распространенный, слухъ о томъ, что 19 февраля будетъ „бунтъ“. Публика серьезно побаивалась. Мнѣ лично приходилось слышать изъ разнородныхъ источниковъ, что въ 3 часа рабочіе выйдутъ на Большую и будутъ кричать „свобода“. Я полагаю, что этотъ слухъ распространяла сама полиція. Она предупреждала торговцевъ о бунтѣ и приняла мѣры противъ такового: 19-го съ утра по городу была устроена прогулка нашей пѣхоты. Интересно, между прочимъ, отмѣтить слѣдующій фактъ: у насъ, благодаря неусыпной заботливости Николая Палкина, учреждено юнкерское кавалерійское училище. Воспитанники сего заведенія задаютъ тонъ всей нашей молодежи. Вліяніе его столь сильно, что военная разнузданность будущихъ кавалеристовъ неблагопріятно отразилась на будущихъ студентахъ и „барышняхъ“. Гимназисты и реалисты стараются перещеголять другъ друга въ пошлыхъ выходкахъ, въ дебоширствѣ, пьянствѣ, развратѣ, а гимназистки вздыхаютъ по шпорамъ. Такъ вотъ начальство сего заведенія рѣшило и для своихъ воспитанниковъ устроить прогулку по городу. Эскадроны юнкеровъ дефилировали по городу, запугивая населеніе, которое при видѣ юнкеровъ, представляло себѣ казаковъ съ нагайками. Поневолѣ приходятъ на память „криптіи“ временъ древней Греціи, когда Спартанскіе юноши посылались на невинныя упражненія, имѣвшія цѣлью перебить безпокойный элементъ рабовъ. Ну, что-жъ, ученье свѣтъ! если не теперь, г. г. юнкера, то въ будущемъ придется на законномъ основаніи истреблять безпокойный элементъ. Присматривайтесь, пріучайтесь! Разница только въ томъ, что въ Греціи были безгласные рабы, которые вспыхивали лишь стихійно, у насъ же объектомъ вашихъ упражненій будутъ люди, сознательно идущіе на борьбу. Прикиньте-ка головой, вспомните изъ исторіи той же Греціи, какъ малочисленное количество грековъ побѣдило въ 10 разъ большее количество Персовъ. Съ такимъ безпокойнымъ элементомъ вамъ справиться не такъ то легко, какъ съ рабами...

При видѣ конницы такъ и подмывало выйти на Большую и Дворцовую и крикнуть: „Да здравствуетъ свобода!“ Но какая можетъ быть демонстрація, если ни рабочіе, ни публика тебѣ не отзовутся, а еще чего добраго, станутъ открещиваться: „чуръ меня!“ Да, еще много и долго придется работать, пока публика и рабочіе смогутъ на каждый жандармскій погромъ отвѣтить протестомъ, а не прятаться подальше отъ „злодѣевъ-соціалистовъ“.

Въ другомъ сообщеніи изъ того же города разсказывается:

Наши власти совсѣмъ потеряли голову. Полиціймейстеру отъ 8 до 20 февраля были предоставлены широчайшія полномочія въ случаѣ возникновенія какихъ либо безпорядковъ. Еженочно стали дѣлать облавы и обыски, арестовывали людей, когда они собирались обсуждать самыя мирныя дѣла, потомъ выпускали ихъ и ловили другихъ и такимъ образомъ все-таки арестовали человѣкъ 10, которыхъ уже врядъ ли освободятъ.

Но интереснѣе всего было 19 февраля. Стоящій у насъ полкъ былъ раздѣленъ на роты и шатался по всѣмъ улицамъ съ барабаннымъ боемъ и пѣснями. Мирные обыватели не знали, чѣмъ объяснить это явленіе; одни говорили, что готовится еврейскій погромъ, другіе-что крестьяне хотятъ напасть на городъ, словомъ, обыватель сидѣлъ дома й боялся выйти на улицу. Въ общемъ настроеніе очень приподнятое; всѣ чего-то ждутъ, всѣ ворчатъ и доходящіе изъ разныхъ городовъ слухи о демонстраціяхъ не только смутили властей, но и обывателей, которые чего-то ждутъ и, пожалуй, не прочь бы и посодѣйствовать. Интереснѣе всего, что даже при уличномъ столкновеніи полиціи съ обывателями, толпа, несмотря на ея разношерстность, всегда солидарна противъ полиціи и выражаетъ это очень энергично, чему случай былъ у насъ на дняхъ“.

Съ своей стороны, мы можемъ только благодарить администрацію за ея посильное содѣйствіе революціонному просвѣщенію обывателя.

---

*) Интересно отмѣтить, какъ собирались эти оъфиціальныя данныя. Губернаторъ пріѣхалъ въ деревню, собралъ крестьянъ и грознымъ голосомъ приказалъ, чтобы каждый сказалъ, голодаетъ ли онъ? Мужикъ убоялся начальства и далъ губернатору оффиціальныя данныя, что „сыть по горло“.

Шлиссельбургская могила. Въ февралѣ этого года изъ Шлиссельбурга высланъ на Сахалинъ на поселеніе Мих. Ник. Тригони, осужденный въ 1882 г. Сенатомъ на 20 л. каторги по дѣлу 1 марта 1881 г. Тригони былъ близкимъ товарищемъ Желябова, и въ его комнатѣ былъ арестованъ 27 февраля 1881 г. этотъ знаменитый революціонеръ. Этого одного было достаточно правительству, чтобы приговорить Тригони къ 20 год. каторги, беззаконно держать его, вмѣсто Сибирскихъ рудниковъ, сначала въ Алексѣевскомъ равелинѣ Петропавловской крѣпости, а съ 1884 г. — въ Шлиссельбургскомъ казематѣ, и выдержать въ заключеніи всѣ 20 лѣтъ, безъ всякихъ скидокъ. Въ лицѣ Тригони изъ Шлиссельбурга выходитъ одинъ изъ немногихъ узниковъ, выдержавшихъ 2 десятилѣтія Шлиссельбургскаго заключенія. Въ августѣ 1884 года изъ Алексѣевскаго равелина было перевезено въ Шлиссельбургъ 20 человѣкъ — пятнадцать изъ нихъ умерли отъ болѣзней или разстрѣляно за ничтожные проступки (Минаковъ и Мышкинъ). Изъ этой первой партіи Шлиссельбуржцевъ Тригони — единственный, которому пока удалось выйти изъ каземата. Поливанову предстоитъ окончаніе срока осенью этого года, а Н. Морозовъ, М. Фроленко и М. Поповъ обречены на безсрочное заключеніе, которое должны раздѣлить съ ними всѣ прочіе Шлиссельбургскіе узники, прибывшіе туда позднѣе, кромѣ трехъ (В. Ивановъ и Ашенбреннеръ выходятъ въ 1904 г., а Стародворскій въ 1907 году). Безсрочными, кромѣ упомянутыхъ, остаются еще Вѣра Фигнеръ (съ 1884 г.), Г. Лопатинъ, Антоновъ, С. Ивановъ, Лукашевичъ и Новорусскій (съ 1887 г.). Всего 9 лицъ. Съ прошлаго года къ нимъ присоединился П. Карповичъ, который принесъ Шлиссельбургскимъ узникамъ первую вѣсть о новомъ подъемѣ революціонной волны.

Самодержавіе, мстительное по всѣмъ своимъ традиціямъ, не можетъ не мучить своихъ враговъ даже спустя 20 лѣтъ, послѣ того, какъ взяло ихъ въ плѣнъ. Пѣлыя поколѣнія сошли со сцены, большинство уцѣлѣвшихъ соратниковъ тѣхъ, кто былъ заключенъ въ Шлиссельбургѣ, получило свободу и возможность общественной дѣятельности, а въ судьбѣ шлиссельбуржцевъ не происходитъ серьезныхъ измѣненій къ лучшему. Даже тѣ изъ нихъ, которые отбыли свой долгіе сроки, съ утонченной жестокостью высылаются въ Средне-Колымскъ, Вилюйскъ или на Сахалинъ.

Неужели узники русской Бастиліи не выйдутъ изъ нея раньше, чѣмъ ихъ освободитъ 14-ое Іюля?

Несчастный случай съ академіей наукъ.

Императорская Академія Наукъ объявляетъ:

„Въ виду обстоятельствъ, которыя не были извѣстны соединенному собранію отдѣленія русскаго языка и словесности и разряда изящной словесности Императорской Академіи Наукъ, выборы въ почетные академики Алексѣя Максимовича Пѣшкова (псевдонимъ — Максимъ Горькій), привлеченнаго къ дознанію въ порядкѣ 1035 статьи устава уголовнаго судопроизводства, объявляются недѣйствительными“.

Несчастная Академія! Выбирая недавно Горькаго въ число своихъ почетныхъ членовъ, она не знала, что Горькій — „политическій преступникъ“, привлеченный къ жандармскому слѣдствію по обвиненію въ... „вредномъ вліяніи“ на нижегородцевъ. Теперь она объ этомъ узнала (ей сообщили свѣдущіе люди) и спѣшитъ поправить бѣду, объявивъ свое собственное рѣшеніе недѣйствительнымъ. Разумѣется, такой мудрый шагъ подниметъ въ высшей степени уваженіе публики къ сонму генераловъ отъ науки, которые такъ боятся „запачкать“ себя сосѣдствомъ съ борцомъ противъ самодержавія.

Не находитъ-ли, однако, Академія, что ни одинъ здравомыслящій человѣкъ не можетъ повѣрить разсказу о томъ, будто, выбирая Горькаго, она не знала, кого выбираетъ? Не думаетъ-ли она, что ея выборъ и русской публикой, и заграничными газетами могъ быть понятъ только, какъ сознательная манифестація въ честь Горькаго? И не кажется — ли ей, что испугавшись своего собственнаго поступка и отрекшись отъ „политическаго преступника“, она только заставитъ публику понять, что своимъ новымъ рѣшеніемъ Академія не Горькаго отрѣшаетъ отъ себя, а себя — отъ Горькаго, вообще отъ всего живого и свободнаго въ русской литературѣ?

Собраніе мудрецовъ, посѣдѣвшихъ въ служеніи..... высочайшимъ покровителямъ наукъ и искусствъ, можетъ, конечно, считать окрикъ начальства достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы рѣшиться на дерзкій вызовъ общественному мнѣнію всѣхъ тѣхъ, кто чтитъ въ Горькомъ крупную литературную силу и талантливаго выразителя протестующей массы.

Но въ Императорской Академіи на ряду съ архивными крысами и придворными одописцами засѣдаютъ и такіе люди, которыхъ публика считаетъ въ рядахъ противниковъ мракобѣсія. Сочтутъ-ли эти дѣятели для себя пристойнымъ оставаться членами или „почетными членами“ учрежденія, съ которымъ произошелъ несчастный случай?

Движеніе среди семинаристовъ. Волненіе, охватившее всю учащуюся молодежь, не прошло безслѣдно и для духовныхъ семинарій. Рядъ „безпорядковъ“ въ Рязанской, Калужской, Тульской, Казанской, Пермской, Архангельской, Иркутской и другихъ семинаріяхъ показалъ, что и въ этой части учащейся молодежи таится серьезное недовольство. Передъ нами — рядъ листковъ, изданныхъ „Временнымъ Центральнымъ Организаціоннымъ Совѣтомъ семинаристовъ“ и зовущихъ семинаристовъ къ организаціи и колективной борьбѣ за реформу учебнаго дѣла и уравненіе правъ семинаристовъ съ правами воспитанниковъ другихъ учебныхъ заведеній въ дѣлѣ продолженія образованія. Всѣ прокламаціи „Центральнаго Совѣта“ написаны весьма серьезно и обнаруживаютъ готовность семинаристовъ упорно и съ вы-

держкой отстаивать свои интересы. Въ одномъ „бюллетенѣ-циркулярѣ“ находимъ отчетъ „Центральнаго Совѣта“ о ходѣ организаціоннаго дѣла, изъ котораго знаемъ, что Совѣту удалось завязать прочныя организаціонныя связи между 22 семинаріями въ разныхъ концахъ Россіи и еще съ 19-тью ведутся переговоры. Московская и Казанская духовныя академіи относятся сочувственно къ движенію. Послѣднее привлекло уже къ себѣ вниманіе Синода, о чемъ свидѣтельствуетъ нижеслѣдующій документъ:

Довѣрительно. По имѣющимся въ Св. Синодѣ и Епархіальномъ управленіи свѣдѣніямъ, злонамѣренные люди стремятся посѣять смуту въ нашихъ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ и, къ сожалѣнію, успѣли повліять на нѣкоторыхъ легкомысленныхъ студентовъ Московской и Казанской Академіи и воспитанниковъ духовныхъ семинарій. Въ учебныхъ заведеніяхъ начали образовываться кружки, распространяющіе воззванія, будто отъ студентовъ Академіи и воспитанниковъ семинарій, никѣмъ не подписанныя. Въ этихъ воззваніяхъ они стараются укрѣпить семинарскихъ воспитанниковъ въ той мысли, что общее заявленіе, подписанное всѣми воспитанниками, можетъ оказать вліяніе на Св. Синодъ и побудить его къ выполненію предъявленныхъ ими требованій: уравненія программъ семинарскаго курса ученія съ таковыми же свѣтскихъ учебныхъ заведеній, дозволенія поступать въ университеты и другія высшія свѣтскія учебныя заведенія по окончаніи курса ученія въ IV классѣ, отмѣны пріемныхъ въ семинаріи и переходныхъ изъ класса въ классъ экзаменовъ, сокращенія богословскихъ предметовъ и усиленія свѣтскихъ, устраненія монашествующихъ лицъ отъ управленія семинаріями и полнаго измѣненія отношеній къ ученикамъ со стороны начальствующихъ и учителей. Выставляется сверхъ того требованіе, чтобы для семинаристовъ не было обязательнымъ хожденіе къ богослуженію, бытіе у исповѣди и св. причастія, а также исполненіе церковныхъ постановленій относительно постовъ. Въ случаѣ невыполненія предъявленныхъ требованій, сѣятели смутъ предлагаютъ воспитанникамъ семинарій прекратить учебныя занятія и во многихъ семинаріяхъ, къ сожалѣнію, уже произведены были безпорядки, выразившіеся въ дикихъ, нетерпимыхъ въ учебныхъ заведеніяхъ, поступкахъ, а именно: буйныхъ сходкахъ, битьѣ стеколъ и лампъ, поломѣ вещей и даже чугунныхъ перилъ на лѣстницахъ. Несомнѣнно, призывъ воспитанниковъ семинарій къ предъявленію изложенныхъ безумныхъ требованій и учиненію безпорядковъ разсчитанъ на молодыхъ людей, легкомысленныхъ, не понимающихъ что стоитъ Св. Синоду и государству призрѣніе и обученіе дѣтей духовенства, готовящихся къ служенію церкви, и какому бѣдствію подвергнутъ они себя и своихъ родителей, если за уклоненіе ихъ отъ ученія и за смуту отнимется отъ нихъ благодѣющая рука правительства.

Въ виду возникающихъ безпорядковъ, долгъ всѣхъ родителей и воспитателей въ личныхъ сношеніяхъ съ учащимися разъяснять имъ бѣдственныя эти послѣдствія безпорядковъ, а равно и предупредить, что они не должны ожидать никакаго послабленія своеволію, нетерпимому въ учебномъ заведеніи, и что тѣ изъ нихъ, кои отказываются учиться, будутъ немедленно увольняемы, въ случаѣ же прекращенія учебныхъ занятій во всемъ учебномъ заведеніи, оно подлежитъ закрытію и можетъ быть открыто при полной увѣренности въ возможность правильнаго хода учебныхъ занятій.

Что касается петицій и заявленій, къ подписанію коихъ зачинщики безпорядковъ склоняютъ и побуждаютъ неопытную и легкомысленную массу учениковъ, то подлежитъ объявленію, что всѣ такія заявленія, какъ противозаконныя со стороны учениковъ, не могутъ имѣть никакого значенія и всѣ подписавшіе такое заявленіе, какъ ослушники, будутъ подлежать увольненію.

Поручаю Вамъ въ дополненіе къ циркулярному отношенію отъ 2-го іюня 1899 года предъявить подъ росписку въ слышаніи и исполненіи въ чемъ слѣдуетъ содержаніе настоящаго отношенія тѣмъ членамъ причтовъ, подвѣдомыхъ Вамъ, сыновья коихъ обучаются въ Вологодской Духовной Семинаріи и пригласить ихъ къ дружному и единодушному содѣйствію оберегать неопытную молодежь отъ увлеченія противозаконными воззваніями и несбыточными мечтаніями людей неблагонамѣренныхъ.

Изъ Забайкалья.

Два губернатора. Въ маѣ мѣсяцѣ прошлаго года военный губернаторъ, Маціевскій, перемѣщенъ былъ въ Туркестанскій край. Сравнительно съ другими губернаторами, бывшими въ Забайкальѣ, Маціевскій не особенно злоупотреблялъ данной ему огромной властью. Онъ, напр., довольно мягко относился къ солдатамъ и къ ссыльнымъ. Но за то произволъ его по отношенію евреевъ былъ безграниченъ: преслѣдованіе ихъ онъ возводилъ въ культъ. Такъ, года два тому назадъ онъ издалъ циркуляръ, въ которомъ обязывалъ домовладѣльцевъ станицы Срѣтенской не отдавать домовъ своихъ подъ квартиры евреямъ. Благодаря его же стараніямъ, явился на свѣтъ другой циркуляръ, буквально прикрѣпляющій евреевъ Забайкалья къ землѣ. Дѣти и отдаленнѣйшіе потомки ссыльныхъ-евреевъ Забайкалья несутъ на себѣ отвѣтственность за грѣхи отцовъ, такъ какъ имъ выдаютъ паспорта только на нѣсколько дней, и больше, чѣмъ на 6 мѣс. въ году, еврей не имѣетъ права отлучаться изъ мѣста постояннаго своего жительства.

Разставаясь съ Забайкальемъ, Маціевскій говорилъ много рѣчей и служилъ молебны: онъ вообще очень любилъ играть въ солдатики и служить молебны. „Господа, — говорилъ онъ, между прочимъ, евреямъ, — вы думаете, что я самъ изобрѣтаю всякіе циркуляры? Нѣтъ, я только исполняю законъ, которому самъ подчиняюсь. Если бы сегодня изданъ былъ законъ, обязывающій насъ ходить вверхъ ногами, я первый пошелъ бы вверхъ ногами!“ Онъ, поэтому, совѣтовалъ терпѣливо ждать того времени, когда законы страны измѣнятся. „Вотъ теперь такіе законы, а черезъ сто лѣтъ могутъ быть другіе“, утѣшалъ онъ обиженныхъ закономъ людей. Вообще, это былъ человѣкъ не злой и недалекій. Онъ покровительствовалъ читинскому отдѣл. Геогр. Общ., которое, благодаря этому, кое-что сдѣлало въ культурномъ отношеніи.

Въ иномъ совсѣмъ родѣ новый властелинъ Забайкалья. До назначенія на должность губернатора, Надаровъ былъ начальникомъ интендантскаго правленія Приамурскаго края и во время китайской войны, говорятъ, не мало поживился на счетъ казны. Внѣшній видъ у него крайне грубый, фельдфебельскій. Явившись въ Читу, онъ произнесъ собравшимся встрѣтить его чиновникамъ и горожанамъ рѣчь, въ которой заявилъ, что онъ строгій сторонникъ законности и гласности. Онъ просилъ чиновниковъ доносить ему обо всемъ, что они замѣтятъ противозаконнаго, и открывалъ для всѣхъ столбцы оффиціальнаго органа: „Забайкальскія Обл. Вѣд.“ для заявленія ему о своихъ нуждахъ. Слова: „законность“ и „законъ“ у него съ устъ не сходятъ, между тѣмъ какъ въ своей дѣятельности онъ руководствуется почти исключительно личнымъ вкусомъ и административнымъ произволомъ.

Началъ Надаровъ свою дѣятельность важнымъ преобразованіемъ: онъ приказалъ полиціи снять вывѣски съ зданій Географическаго Общества — музея и буддійскаго храма — и замѣнить ихъ другими — своей редакціи, причемъ на буддійскомъ храмѣ появилась нелѣпая надпись „музей“.

Начавъ съ рѣчи о законности, онъ первый показалъ всѣмъ примѣръ самаго грубаго произвола. Въ Геогр. Общ. существуетъ Совѣтъ, къ которому онъ и долженъ былъ обратиться по этому вопросу. Но Надаровъ счелъ болѣе удобнымъ прямой путь административнаго распоряженія. Вообще, на Геогр. Общ. онъ обратилъ особенное вниманіе, ибо увидѣлъ въ немъ источникъ крамолы. Всѣ придирки вначалѣ направлялись по адресу директора музея, А. К. Кузнецова, отдавшаго лучшіе силы и годы созданію этого музея. Прикрываясь ревностью къ православію, Надаровъ искалъ случая закрыть дацанъ*). „На мѣстѣ этого дацана — сказалъ онъ однажды — давно слѣдовало открыть кабакъ“. Онъ такъ преданъ православію и такъ ненавидитъ всякое инославіе, что, по собственнымъ его словамъ, онъ „морду побилъ бы Хамбо-Ламѣ, если бы встрѣтилъ его“ (Хамбо-Лама — ворховный жрецъ у бурятъ). Онъ нашелъ горячее сочувствіе въ своихъ планахъ въ мѣстномъ архіереѣ Меѳодіи, человѣкѣ грубомъ, неразвитомъ.

Не найдя никакихъ поводовъ къ закрытію ненавистнаго ему маленькаго буддійскаго храма, мозолящаго ему глаза своими яркими красками, достойный правитель самъ изобрѣлъ предлогъ: онъ арестуетъ бурята, который направлялся въ дацанъ съ тряпками и спиртомъ чистить свохъ бронзовыхъ боговъ, обвиняя въ томъ, что тотъ совершалъ богослуженіе; онъ создалъ дѣло о тайныхъ, съ вѣдома А. К. Кузнецова, богослуженіяхъ въ дацанѣ и запечаталъ дацанъ. Скоро ему пришлось отмѣнить это распоряженіе: пріѣхавшій въ Читу путешественникъ, французъ Лабе, явился къ нему и высказалъ изумленіе по поводу такого обращенія съ научными коллекціями, и генералъ долженъ былъ вновь открыть дацанъ.

Въ редакторы „Забайкальск. Обл. Вѣдом.“ имъ назначенъ нѣкто Гороховъ, вѣрный слуга и малосвѣдущій человѣкъ. На столбцахъ оффиціальной газеты стали появляться доносы. Въ одномъ изъ нихъ говорилось о „вредномъ вліяніи“ публичной библіотеки Географическаго общества на учащихся, о „тенденціозномъ подборѣ книгъ по политической экономіи и соціологіи“. Генералъ самъ производилъ слѣдствіе по этому поводу: явившись въ библіотеку, онъ лично осмотрѣлъ шкафы и нашелъ въ нихъ слѣдующія запрещенныя книги: Сборникъ статей Д. И. Писарева изъ „Русскаго Слова“, вошедшихъ въ полное собраніе сочиненій, и журналъ „Русская мысль“.

Незаконной въ библіотекѣ оказалась и курсистка, высланная изъ Петербурга за безпорядки и исполнявшая обязанность библіотекаря. Извѣстно, что безчисленное множество доносовъ на вредную дѣятельность Географическаго Общества и библіотеки написалъ А. Ф. фонъ — Геллеръ, достойный сотрудникъ достойнаго правителя.

Черезъ нѣкоторое время послѣ осмотра библіотеки, обнаружившаго ея тенденціозность, Совѣтъ Географическаго Общества получилъ отъ губернатора запросъ: „На какомъ основаніи поднадзорный студентъ С. работаетъ въ музеѣ? На какомъ основаніи высланная изъ Петербурга курсистка К. работаетъ въ библіотекѣ? На какомъ основаніи состоящій подъ гласнымъ надзоромъ мѣщанинъ М. работаетъ въ библіотекѣ?“ Далѣе предлагалось названныхъ лицъ удалить, а незаконную библіотекаршу уволить.

Всѣмъ рѣшительно въ Сибири, въ томъ числѣ ген. Надарову, извѣстно, что добрая половина (если не больше) научнаго матеріала о Сибири собрана именно поднадзорными!

Оторванные отъ любимаго, живого и дорогого имъ дѣла борьбы за счастье своей родины, эти „поднадзорные“ свою жажду дѣятельности перенесли на окружающій ихъ міръ неизслѣдованныхъ областей, въ которыя ихъ забросилъ господствующій у насъ произволъ. Достаточно указать на цѣнные научные труды Ядринцева, Потанина, Клеменца, Богораза, Пекарскаго и другихъ извѣстныхъ и безвѣстныхъ труженниковъ. А вѣдь это все были „поднадзорные!“

Выходки Надарова по отношенію къ директору музея и директору библіотеки приняли наконецъ такой вызывающій и неприличный характеръ, что они принуждены были отказаться отъ дѣятельности. Директоръ музея, А. К. Кузнецовъ, давно уже отбывши срокъ ссылки, посвятилъ себя цѣликомъ мирной, культурной работѣ: благодаря его трудамъ и энергіи, въ Нерчинскѣ и Читѣ возникли два музея съ богатыми научными коллекціями. А. К. Кузнецовъ весь отдался этой дѣятельности, которая подъ старость осмысливала его жизнь. Директоръ библіотеки, Ц. С. Гуревичъ, принявъ на себя завѣдываніе публичной библіотекой, три года неутомимо работала въ ней, устроила книжный складъ для народа, въ которомъ, наряду съ хорошими книжками, принуждена былъ продавать житія святыхъ и книги священнаго писанія. Но вотъ въ результатѣ этой дѣятельности получилось такое къ нимъ отношеніе, какъ будто бы они посвятили это время революціонной или противо-законной дѣятельности. Этотъ случай можетъ служить наглядымъ примѣромъ того, что въ предѣлахъ существующаго у насъ произвола и безправія всякая культурная работа сводится къ нулю какимъ нибудь Держиморой... Теперь на мѣсто директора библіотеки выбрана какая то полицейская дама, назначившая для пріема библіотеки извѣстнаго доносами Геллера и помощника полиціймейстера. Отнынѣ, вѣроятно, въ библіотекѣ уже не будетъ „тенденціознаго подбора“ книгъ и „вреднаго вліянія“ ихъ на учащихся!...

Юдофобствуетъ Надаровъ не меньше своего предшественника. Къ инородцамъ, бурятамъ и др. относится вызывающе-грубо. Съ просителями обращается по генеральски — многимъ говоритъ „ты“, особенно сѣрому люду. Поднадзорныхъ ссыльныхъ (большинство ихъ изъ бывшей политической тюрьмы на Карѣ) преслѣдуетъ мелкими придирками. Недавно наприм. наложилъ административное взысканіе на ссыльнаго Ф. за то, что тотъ, получивши разрѣшеніе выѣхать въ Баргузинскую тайгу, остался въ Читѣ; Надаровъ приказалъ подвергнуть его однодневному аресту при полиціи. Недавно генералъ рѣшилъ, что въ Читѣ существуетъ „Общество распространенія нелегальной литературы въ Россіи“, (кажется, онъ получилъ по почтѣ № „Искры“). Теперь генералу Надарову мерещится, что всѣ обыватели Читы читаютъ нелегальную литературу; по крайней мѣрѣ, онъ сказалъ кое-кому о своемъ открытіи и обѣщалъ во что бы то ни стало открыть организацію. Въ началѣ этого года, безъ всякаго повода со стороны мирныхъ обывателей, для пущаго страха, распространилъ приказъ, запрещающій сходки, сборища и сходбища. Обыватели Читы въ жизни своей не думали о сходбищахъ: теперь волей-неволей подумаютъ.

Вся дѣятельность ген. Надарова, какъ начальника области, превышающей размѣрами Францію, сводится къ безцѣльнымъ разъѣздамъ по области, для того лишь чтобы получать „прогонныя“. Единственная работа мысли его заключается въ надписи на прошеніяхъ: „по закону“. Дѣлая эту надпись, онъ, какъ мы видѣли, руководствуется однимъ лишь произволомъ. Этимъ онъ напоминаетъ бывшаго въ началѣ 80-хъ годахъ губернатора Забайкалья, Ильяшевича, (въ котораго стрѣляла Кутитонская.) Когда проситель указывалъ ему на незаконность его распоряженій, онъ бралъ томъ „Свода Законовъ“, садился на него и говорилъ: „Законъ тебѣ надо? Видишь — вотъ гдѣ у меня законъ!“

Грубые, произвольные поступки Надарова нелѣпыя его распоряженія раздражаютъ всѣ слои населенія, возбуждаютъ ихъ ропотъ и недовольство.

Такое управленіе обширнымъ краемъ окаызываетъ большую услугу дѣлу революціи, — оно порождаетъ недовольныхъ среди самыхъ мирныхъ обывателей, и подготовляетъ почву, на которой можно сѣять сѣмена новаго ученія.

Новый „каторжный приговоръ“. По дѣлу о безпорядкахъ, произведенныхъ сектантами въ с. Павловкѣ (Харьк. губ.) харьковская судебная палата вынесла 49 крестьянамъ крестьянкамъ обвинительный приговоръ, при чемъ 45 лицъ осуждено на каторгу — отъ 4 до 15 лѣтъ. Павловское дѣло разбиралось при закрытыхъ дверяхъ, а потому общество имѣетъ законное право остаться при прежнихъ своихъ подозрѣніяхъ, возбужденныхъ слухами о томъ, что руководителями безпорядковъ были отцы-миссіонеры, подославшіе къ сектантамъ провокатора. Если бы дѣло было чистое, почему бы правительству закрывать для публики двери суда? Почему бы „Моск. Вѣд.“ заранѣе плакаться и говорить, что „либералы“, навѣрное, и павловское дѣло припишутъ „попамъ“?

Какъ бы то ни было, а павловское дѣло не прибавило лавровъ русскому правительству. Была-ли тутъ провокація или просто сектанты были доведены правительственными преслѣдованіями до послѣдней степени отчаянія, — въ томъ и другомъ случаѣ ихъ поступокъ (нападеніе на православную церковь) всецѣло ложится на отвѣтственность правительства. Что жестокій приговоръ еще болѣе озлобитъ сектантовъ, — понятно само собою. Правительство неуклонно толкаетъ религіозныхъ враговъ православія на путь политическаго недовольства. Вотъ какіе призывы раздаются подъ вліяніемъ этой мудрой политики изъ среды современныхъ сектантовъ:

Да не царствуетъ надъ вами
Человѣкъ грѣха, сынъ погибели.
Знайте міряне, вѣрны христіане,
Что россійскіе цари не русской крови,
Не варяжскаго роду, не Рюрикова плода
И не должно имъ быть части въ русскомъ государствѣ,
Не должно быть имъ доли въ русскомъ престолѣ.
Они, братцы, сыны смѣшанной крови,
Французско-нѣмецкой, Чухонской и Шведской,
Чуждой намъ не близкой, съ примѣсью Англійской,
Ироду подобной, христіанству злобной.
Идумейское племя, змѣиное сѣмя —
Они набираютъ, въ народъ пускаютъ
Поповъ — миссіонеровъ, злыхъ изувѣровъ;
Совѣтъ собираютъ — распять Христа искаютъ;
За слово Христово караютъ сурово;
Въ тюрьмы сажаютъ, судятъ и ссылаютъ,
Хозяйства разворяютъ, въ Сибирь, на Кавказъ гоняютъ
И тамъ безъ всего оставляютъ.
Малыя дѣтки умираютъ, матери ихъ стенаютъ.
Народъ обираютъ, идоловъ въ золото наряжаютъ
И силой принуждаютъ идолу молиться,
Дьяволу поклониться, власти антихриста покориться.
А вы, братцы, пробудитесь, вокругъ себя оглянитесь,
Промойте заспаны очи, ужъ насталъ день рабочій —
Время никого не ждетъ, разумный впередъ идетъ.
Поспѣшайте всѣ къ труду, если хотите жить въ добру.
Лучше за правду пострадать, чѣмъ въ неволѣ пребывать;
Лучше за свободу умереть, чѣмъ весь вѣкъ терпѣть.
Слышенъ съ Голгофы гласъ, слышенъ онъ для насъ:
„Мнѣ царства всѣ дьяволъ сулилъ, чтобы я народъ поработилъ,
А я крестъ понесъ за свободу и свободу далъ народу.
Въ рабствѣ живущіе — суть въ могилахъ сущіе;
Сыны Божіе свободны, сыны дьявола рабы.
Кто не за свободу, тотъ противъ меня, Іисуса Христа!“

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ
и
ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Профессіональная организація кожевниковъ.

Кожевники Литвы и Польши недавно организовали „Всеобщій соціальдемократическій федеративный Союзъ кожевниковъ“. Польскій отдѣлъ этого федеративнаго Союза входитъ, какъ автономная часть, въ Польско-Литовскую соціальдемократическую партію, а еврейская на такихъ же основаніяхъ въ „Бундъ“.

Приводимъ хорошо написанный манифестъ, изданный Союзомъ на польскомъ и еврейскомъ языкахъ (обѣщано и русское изданіе).

Манифестъ
Всеобщаго Соціальдемократическаго Федеративнаго Союза Кожевниковъ.

Еще не такъ давно въ кожевенномъ промыслѣ, раскинутомъ по всему пространству Польши, Литвы и Россіи, царила удручающая тишина. Тяжела и безнадежна была наша жизнь. Безконечный рабочій день, тянувшійся съ ранняго утра до поздняго вечера; нищенскій заработокъ, грубое, унизительное обращеніе съ нами работодателей и мастеровъ, страшная грязь, смрадный воздухъ и тѣснота помѣщеній; связанныя съ кожевеннымъ промысломъ болѣзни, вродѣ сибирской язвы, поглотившей множество жертвъ; истощеніе силъ, спѣшная работа во время сезона — и безработица и голодъ во время перерывовъ въ производствѣ, и въ придачу ко всему этому тупое равнодушіе къ своей судьбѣ и отсутствіе всякой мысли о томъ, что такой порядокъ несправедливъ и можетъ и долженъ быть измѣненъ — вотъ картина нашего положенія. Мы думали, что такова воля Бога —, а пути его неисповѣдимы, — чтобы простой народъ работалъ безъ устали на своихъ господъ, не покладая рукъ и не разгибая спины; и чтобы жилъ въ нуждѣ, грязи и униженіи, а господа-работодатели могли на его счетъ утопать въ роскоши и какъ сыръ въ маслѣ кататься. Своихъ работодателей мы считали за благодѣтелей, т. к. они даютъ намъ возможность заработка, безъ нихъ, будто бы мы перемерли бы съ голоду.

Единственнымъ лучемъ надежды на улучшеніе нашего положенія была для каждаго изъ насъ мечта сдѣлаться мастеромъ или посредникомъ, чтобы тогда имѣть возможность угнетать своихъ братьевъ — кожевниковъ. При такой темнотѣ, при такомъ слабомъ духовномъ развитіи, развѣ могли мы почувствовать и понять тяготѣющій надъ нами политическій гнетъ? Развѣ могли мы понять, что наилучшіе соки изъ насъ выжимаетъ царь съ своей многочисленной шайкой чиновниковъ; что надъ нами издѣваются, что они держатъ умышленно насъ въ темнотѣ и невѣжествѣ и всегда становятся на сторону притѣснителей. Развѣ могли мы понять, что хотя мы такіе-же люди, какъ и всѣ другіе, но не имѣемъ никакихъ правъ; что съ нами обращаются, какъ со скотами, что, безъ нашего согласія, дерутъ съ насъ подати, берутъ въ солдаты, запрещаютъ собираться для обсужденія нашихъ дѣлъ; что за нами шпіонятъ и надъ нашими головами всегда висятъ, подобно ястребу, подстерегающему добычу, нагайка, тюрьма и ссылка? Мы работали и вздыхали, принимая пощечины и брань, а въ свободныя минуты ложились спать или напивались до потери сознанія. Мрачно и горько текла наша жизнь, безъ цѣли, безъ радости, безъ надежды. Но хуже всѣхъ приходилось нашимъ товарищамъ, разбросаннымъ по маленькимъ мѣстечкамъ.

Такова была наша жизнь и жизнь другихъ рабочихъ. Но вотъ раздались удары колокола, прогремѣлъ могучій призывъ польскихъ, еврейскихъ, литовскихъ и русскихъ организацій: „Рабочіе всѣхъ странъ соединяйтесь! Пролетаріи всѣхъ національностей организуйтесь!“

Всюду, куда только долетѣлъ этотъ призывъ, рабочія массы очнулись отъ долгаго сна, протерли глаза и расправили онѣмѣвшіе члены. Они поняли свое значеніе и двинулись въ бой! Закипѣла борьба не на жизнь, а на смерть!

Каждое улучшеніе, каждую уступку приходилось отвоевывать потомъ и кровью. На одной сторонѣ стояли работодатели, располагавшіе капиталами и помощью со стороны правительства; на другой — рабочіе, располагавшіе лишь однимъ оружіемъ — единодушіемъ. Начался цѣлый рядъ стачекъ. Сознаніе необходимости тѣсной солидарности и обороны росло съ неслыханной быстротой. Классовое сознаніе, т. е. пониманіе необходимости для всего рабочаго класса уничтожить власть капитала, и сознаніе политическое т. е. пониманіе необходимости вырвать изъ рукъ нашего самодержавія его неограниченную власть — шли рука объ руку, и изъ покорныхъ, лишенныхъ правъ невольниковъ создали могучую армію пролетаріата.

Само собой разумѣется, что и мы, кожевники, не остались глухи къ голосу могучаго призыва. Всюду, а въ особенности въ болѣе крупныхъ городахъ Литвы и Польши, поднялись мы на борьбу за лучшія условія существованія, всюду началась борьба за человѣческое достоинство, за свободу и счастье. Наше пробужденіе выразилось прежде всего въ цѣломъ рядѣ стачекъ, имѣвшихъ цѣлью сокращеніе рабочаго дня и повышеніе платы. Какъ пожаръ, раздуваемый вѣтромъ, распространилось организованное стачечное движеніе на весь кожевенный промыслъ. Изъ городовъ оно сейчасъ-же передалось въ мѣстечки и глухіе закоулки. Въ Варшавѣ, Бѣлостокѣ, Сувалкахъ, Крынкахъ, Сокольцахъ, Ошмянахъ, Витебскѣ, Свисточахъ, Скирлахъ, Заблудовѣ,

---

*) Дацанъ — буддійскій храмъ. Въ 1899 г. въ Читѣ на бывшей сельско-хозяйственной выставкѣ на собранныя бурятами деньги была построена модель дацана.

Вильнѣ, Гомелѣ, Могилевѣ, Бердичевѣ, Сморгони, Динабургѣ и т. д. разыгрывались поочередно стачки кожевниковъ, оканчивавшіяся хорошими результатами.

Впродолженіи 3-4 лѣтъ рабочій день во многихъ городахъ понизился до **13-12 час. со** включеніемъ 2-хъ часовъ на обѣдъ. Во многихъ отрасляхъ производства плата повысилась вдвое. Обращеніе съ нами нашихъ работодателей измѣнилось до неузнаваемости.

И среди насъ сильно сказалась разница между положеніемъ тѣхъ рабочихъ, которые боролись и борятся, и тѣхъ, которые по какимъ — либо причинамъ стоятъ вдали отъ движенія. Напримѣръ, рабочіе, занятые при обработкѣ сырыхъ кожъ, состоящіе въ большинствѣ случаевъ изъ сельскихъ рабочихъ, не отвоевали себѣ никакихъ улучшеній и работаютъ еще обыкновенно 15-16 ч., къ тому-же при ужасныхъ гигіеническихъ условіяхъ и крайне низкой заработной платѣ. Чѣмъ сильнѣе обострялась экономическая борьба, чѣмъ больше усиливались со стороны царскихъ чиновниковъ преслѣдованія, аресты и высылки, тѣмъ упорнѣе проявлялось у лучшихъ нашихъ представителей стремленіе внести политическое воспитаніе въ среду кожевниковъ, тѣмъ ярче сказывалась потребность въ организаціонной связи не только среди кожевниковъ какого-либо города или мѣстечка, но среди кожевниковъ **всего** производства.

Все яснѣе становилось для насъ, что мы, кожевники, должны составить одинъ **союзъ**, должны имѣть общее центральное учрежденіе, которое — бы руководило нашей борьбой, объединяло ее и дѣлало-бы ее болѣе цѣлесообразной и производительной.

Наиболѣе важныя причины, вызвавшія потребность основанія общаго союза кожевниковъ, таковы:

Во-первыхъ. Кожевенный промыслъ занимается производствомъ товаровъ, которые распространяются вдали отъ мѣста производства. Спросъ на нихъ не пріуроченъ къ мѣсту, какъ это мы видимъ у ремесленниковъ, а сбываются они на крупныхъ рынкахъ. Поэтому такія условія производства, какъ длина рабочаго дня, цѣна товаровъ, прибыль капиталиста, плата работника и т. д., не могутъ значительно отличаться другъ отъ друга въ разныхъ мѣстечкакъ, вслѣдствіе чего въ какой-либо одной мѣстности нельзя добиться прочныхъ улучшеній, если въ другихъ мѣстностяхъ условія остаются безъ перемѣнъ. Отсюда вполнѣ ясно, что если мы, кожевники, хотимъ успѣшно вести борьбу, мы должны знать положеніе и условія производства въ разныхъ мѣстностяхъ, должны стараться, чтобы борьба развивалась равномѣрно, должны выбирать соотвѣтствующій моментъ и понимать, какія требованія можно выставить. Для всего этого и необходимъ **союзъ**, центральный комитетъ.

Во вторыхъ. Города и мѣстечки, въ которыхъ существуетъ кожевенный промыслъ, находятся между собою въ тѣсныхъ сношеніяхъ. Рабочіе постоянно переходятъ съ одного мѣста на другое, поработавши нѣсколько мѣсяцевъ въ одной мѣстности, идутъ въ другую. Вотъ почему рабочее движеніе такъ быстро перешло изъ городовъ въ мѣстечки. Но это-же обстоятельство легко можетъ повлечь за собою и дурныя послѣдствія, если массы не развиты и не связаны въ союзъ и не имѣютъ центральной организаціи. Когда вспыхиваетъ стачка, фабриканты легко могутъ достать рабочихъ изъ другихъ мѣстностей и такимъ образомъ одержать верхъ надъ стачечниками. Но **союзъ** не допуститъ этого, давши своевременно повсюду знать, что происходитъ стачка и что надо борботься съ штрейкбрехерами.

Въ третьихъ. Фабриканты, видя въ рабочемъ движеніи надвигающуюся на нихъ бурю, начали оказывать другъ другу всякаго рода взаимныя услуги. То фабрикантъ, у котораго рабочіе устроили стачку въ „сухомъ“ промыслѣ, посылаетъ свои полуобработанныя кожи для окончательной отдѣлки другимъ фабрикантамъ: то, во время стачки въ „сыромъ“ производствѣ, принимаетъ изъ другихъ мѣстъ полуобработанныя кожи. Такой образъ дѣйствій, понятное дѣло, затрудняетъ для стачечниковъ возможность побѣды. Но центральная организація можетъ бороться съ подобнымъ явленіемъ, сообщая рабочимъ, гдѣ имѣетъ мѣсто подобная помощь мастерамъ и предупреждая, чтобы они бросали работу.

Въ четвертыхъ. Начатая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ борьба принимаетъ формы, которыя не совмѣстимы съ интересами рабочихъ, какъ класса, т. е. несовмѣстимы съ, демократическимъ принципомъ, а являются лишь проявленіемъ узкаго эгоизма. Напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ существуетъ обычай недопущенія и выбрасыванія не мѣстныхъ рабочихъ съ цѣлью парализовать ихъ конкурренцію; гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ ради той-же цѣли не принимаютъ въ ученье даже взрослыхъ. Для того, чтобы имѣть свѣдѣнія о такого рода непригодныхъ формахъ борьбы и выяснить рабочимъ ихъ истинный характеръ и вредъ, который они приносятъ дѣлу, необходимъ союзъ, необходима центральная организація, необходимъ центральный органъ (газета) кожевниковъ.

Въ пятыхъ. Для того, чтобы поднять классовое и политическое сознаніе въ отдаленныхъ отъ городовъ глухихъ закоулкахъ, лишенныхъ образованныхъ людей и школъ и оторванныхъ отъ **общихъ** соціаль-демократическихъ организацій; чтобы снабжать ихъ своевременно нелегальной литературой, помогать имъ матеріально и поддерживать арестованныхъ и ссыльныхъ; чтобы собирать свѣдѣнія и корреспонденціи о жизни кожевниковъ и помѣщать ихъ для общей пользы въ органѣ; чтобы путемъ всеобщихъ стачекъ и всеобщихъ демонстрацій подготовить насъ къ общей, одновременной и планомѣрной борьбѣ — для всего этого необходимъ **союзъ**.

Давно ужъ наталкивала насъ на это сама жизнь, сама борьба. Уже давно соединились мы между собой, еще тогда, когда никому и въ голову не приходила мысль о союзѣ. Но этого мало. Уже много лѣтъ во многихъ городахъ и мѣстечкахъ существуетъ среди значительной части кожевниковъ союзъ, но союзъ этотъ былъ тайнымъ и не всѣ мѣстныя организаціи знали о его существованіи. Время отъ времени съѣзжались представители организацій кожевниковъ для выборовъ центральнаго комитета. Сверхъ того, дѣятельность союза проявлялась въ поддержаніи прочныхъ, тѣсныхъ сношеній, совмѣстной дѣятельности и взаимной поддержкѣ. Объединеніе крѣпло, мѣстныя организаціи дѣлались все сильнѣе, все болѣе сознательными. Движеніе разросталось вширь и вглубь. Приближалась минута, когда союзъ могъ и долженъ былъ стать во первыхъ **всеобщимъ**, во вторыхъ **явнымъ**, когда онъ могъ и долженъ былъ отъ имени объединенныхъ кожевниковъ открыто и смѣло бросить вызовъ на бой самовластному правительству и капиталистическому строю. И наконецъ минута эта настала. Осенью 1901 г. состоялся съѣздъ польскихъ и еврейскихъ кожевниковъ. Тѣми и другими были приняты одинаковыя постановленія. Постановлено было оповѣстить объ основаніи **Всеобщаго Соціаль-демократическаго Федеративнаго Союза Кожевниковъ**. Тогда-же было образовано центральное учрежденіе.

Всеобщій Союзъ Кожевниковъ! это значитъ: всѣ вы, братья кожевники, живущіе въ Литвѣ, Польшѣ и Россіи, безъ различія національности, образованія, возраста приглашаетесь присоединиться къ нашему союзу. Онъ не можетъ быть только польскимъ, только еврейскимъ или только русскимъ тамъ, гдѣ повсюду на фабрикахъ и въ мастерскихъ работаютъ бокъ о бокъ поляки, евреи, литовцы, русскіе и т. д. Ихъ интересы тѣсно связаны. Они дѣйствуютъ и должны дѣйствовать солидарно во время всякой борьбы, во время каждой стачки или демонстраціи.

Федеративный! это значитъ: кожевники каждой національности: поляки, евреи, русскіе и др. организуются отдѣльно и образуютъ отдѣльные союзы: польскій, еврейскій, русскіе и т. д., но всѣ они соединяются между собою при помощи центральнаго (федеративнаго) комитета, въ который входятъ представители отдѣльныхъ національныхъ организацій. Польскіе, еврейскіе, русскіе, литовскіе и другіе товарищи отличаются другъ отъ друга языкомъ, складомъ ума и склонностей, степенью образованія, кромѣ того подвергаются эксплуатаціи въ различной степени, вслѣдствіеи чего могутъ имѣть свой особыя задачи; нужны имъ, поэтому, различные агитаторы и различная литература. Вотъ почему каждая національность должна имѣть свою особую самостоятельную организацію. Но всѣ они должны быть соединены вмѣстѣ такимъ образомъ, чтобы каждая національная организація имѣла одинаковые съ другими права и голосъ.

Такой союзъ называется **федераціей**. Поэтому-то нашъ союзъ и называется союзомъ федеративнымъ, а Центральный Комитетъ — федеративнымъ комитетомъ.

Соціаль-демократическій! Это значитъ: наша цѣль заключаетсь не только въ томъ, чтобы облегчить кожевникамъ веденіе экономической борьбы, но также и въ томъ, чтобы наилучшимъ образомъ выполнить нашу задачу — внести въ самые отдаленные уголки свѣтъ соціаль-демократическаго ученія, выяснить всѣмъ кожевникамъ, гдѣ-бы они ни жили и какъ-бы разбросаны ни были, ту великую роль, которую имъ предстоитъ съиграть вмѣстѣ съ остальнымъ пролетаріатомъ, живущимъ въ обширномъ русскомъ государствѣ:

Сперва **свергнуть самодержавное правительство**, а затѣмъ **ввести соціалистическій строй**.

Нашъ союзъ не является какимъ либо хитрымъ изобрѣтеніемъ, плодомъ витающаго въ пространствѣ воображенія или забѣжавшей далеко впередъ мысли — онъ — конечный, естественный результатъ нашей жизни и нашей борьбы. Онъ сталъ сильнымъ, окрѣпъ и закалился въ тяжелой, неустанной борьбѣ. Вихри и бури были свидѣтелями его тайнаго зарожденія, пеленали его грубыя руки. Вспоенъ онъ потомъ и кровью, вынянченъ въ тюрьмѣ и ссылкѣ. Радость и горе, побѣды и пораженія укрѣпили его силы. Солдатскія пули, казацкія нагайки, жандармы и полиція воспитали въ Вильнѣ и Сморгони его дѣятельность. Открытому выступленію его предшествовала борьба неслыханныхъ размѣровъ. Впродолженіи какихъ-нибудь двухъ осеннихъ мѣсяцевъ 1901 г. волна стачечнаго движенія охватила Варшаву, Сокольцы, Заблудово, Свисточи, Бердичевъ, Витебскъ, Сувалки, Скирлы и Крынки. Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ вспыхнула огромная стачка въ Вильнѣ (1200 ч.).

Но вѣнцомъ всего была необычайно стойкая стачка въ Сморгони (1200 ч.), во время которой сморгонскіе кожевники выказали столько мужества и твердости, а кожевники другихъ мѣстностей столько солидарности и готовности оказать помощь.

Чесвь товарищамъ, которые своей борьбой подготовили почву для нашего Союза! Честь товарищамъ, которые потерпѣли за общее дѣло, которые пожертвовали жизнью за своихъ братьевъ!

Пусть ростетъ и процвѣтаетъ нашъ Союзъ!

Пусть будетъ онъ выраженіемъ братства и солидарности рабочихъ всѣхъ національностей и вѣроисповѣданій.

На борьбу, друзья! Всѣ за одного и одинъ за всѣхъ!

* * *

Союзъ кожевниковъ будетъ издавать періодическій органъ („Борьба“) на трехъ языкахъ: польскомъ, еврейскомъ и русскомъ. Пожелаемъ новому союзу успѣха, а кожевникамъ собственно — русскихъ центровъ — скорѣйшаго присоединенія къ профессіональной организаціи ихъ промысла.

Изъ **Москвы**: Зубатовская эпопея вступаетъ въ новую фазу своего развитія, на сцену выступила, какъ и должно было предполагать, новыя дѣйствующія лица, немного затуманивающія ясный горизонтъ полицейскаго соціализма; но объ этомъ послѣ; первые успѣхи хитрой махинаціи, затѣянной Зубатовымъ, видно, совсѣмъ вскружили ему голову; дурачить рабочихъ небольшими уступками за счетъ фабрикантовъ ему показалось мало, и вотъ, 19-го февр. одинъ изъ агентовъ Охраны — рабочій Слѣповъ произноситъ передъ своими товарищами рѣчь, въ которой раскрываетъ широкія перспективы будущаго эльдорадо для рабочихъ, если они останутся вѣрными царскому правительству: правительство, говоритъ онъ, обѣщаетъ вамъ восьмичасовой рабочій день, а потомъ... современемъ оно возьметъ въ свои руки всѣ фабрики, отдастъ ихъ Вамъ и вы будете хозяевами своего труда; для этого не нужно конституціи, наоборотъ, только царское правительство можетъ это сдѣлать! конституція нужна интеллигентамъ, а не вамъ; интеллигенты хотятъ только воспользоваться Вами, какъ грубой физической силой, захватить власть и вамъ-же сѣсть на шею; не вѣрьте ей! Въ доказательство искренности своего расположенія къ рабочимъ Охрана при помощи своихъ агентовъ возбуждаетъ стачку на фабрикѣ Муси, открыто выражаетъ сочувствіе стачечникамъ, ея агенты даже собираютъ деньги на поддержаніе стачечниковъ. Въ собраніяхъ рабочихъ механическаго производства читается даже „Искра“ съ коментаріями, долженствующими обезвредить ея содержаніе; конечно, читается съ искаженіями самого текста и для того подбираются наиболѣе съ ихъ точки зрѣнія удобныя мѣста. Вотъ до чего дошла дерзость Московскихъ провокаторовъ! Смотрѣли, смотрѣли на эту комедію Московскіе фабриканты и стали призадумываться; задумчивость ихъ скоро перешла въ раздраженіе, а раздраженіе уже стало принимать опредѣленныя формы, которыя, въ свою очередь, заставляютъ, вѣроятно, призадуматься смѣлую охрану. Фабриканты стали собираться и разсуждать о положеніи дѣлъ и пришли къ выводу, формулированному однимъ изъ ихъ видныхъ представителей такъ: правительство въ лицѣ охраны хочетъ отвлечь рабочихъ отъ политической идеи путемъ уступокъ за счетъ нашего кармана, но оно забываетъ, что антикапитализмъ есть тоже политическій вопросъ. Пожалуй, ему и потруднѣе будетъ справиться съ фабрикантомъ, чѣмъ съ рабочимъ! Возбужденіе среди фабрикантовъ особенно возросло послѣ 19-го февраля, когда приказомъ начальства было разрѣшено рабочимъ не работать въ этотъ день, и они собрались обсуждать вопросъ, платить имъ рабочимъ за этотъ день или нѣтъ. Большинствомъ все же рѣшили заплатить. Послѣдніе дни еще было собраніе, но намъ неизвѣстны подробности о немъ

Отъ **редакціи**: Сообщаемыя нашимъ корреспондентомъ свѣдѣнія какъ нельзя лучше показываютъ, что политика кокетничанья съ рабочими, являясь признакомъ достигшаго сильной степени процесса разложенія современнаго государственнаго порядка въ Россіи, въ свою очередь содѣйствуетъ еще большему его разложенію. Не можетъ быть сомнѣнія, что какъ только Зубатовцы перейдутъ отъ слова къ дѣлу, они должны будутъ оттолкнуть отъ самодержавія одну изъ его вѣрныхъ опоръ-фабрикантовъ и подвинуть ихъ на болѣе или менѣе активную оппозицію. Какъ говорятъ, Московскіе тузы уже послали къ Витте депутацію съ жалобой на поведеніе Московскихъ властей, которые, де, сѣютъ вражду между рабочими и хозяевами.

Съ другой стороны, нѣкоторые факты показываютъ, что Московскіе рабочіе начинаютъ терять терпѣніе и перестаютъ удовлетворяться обѣщаніями Зубатова и его присныхъ. Кромѣ фабрики Муси, стачки имѣли мѣсто на шелковой фабрикѣ Жиро, на Даниловской мануфактурѣ и на машиностроительномъ заводѣ Гужона. Эти стачки являются, быть можетъ, первой ласточкой новаго подъема движенія Московскихъ рабочихъ. Стиснутая между этимъ движеніемъ и оппозицией фабрикантовъ Зубатовская политика потерпитъ полное банкротство. Задача Московскихъ товарищей — энергичной пропагандой и агитацией ускорить моментъ объявленія этого банкротства, котовый будетъ имѣть громадное политическое значеніе для всего русскаго рабочаго движенія.

Петербургъ. 29-го мая 1901 года на Обуховскомъ заводѣ было образовано цѣлыхъ 3 комиссіи изъ завѣдующихъ мастерскими и другихъ лицъ заводской администраціи съ цѣлью „урегулировать заработки, опредѣлить максимумъ рабочихъ дней въ мѣсяцъ и вообще упорядочить все то, что относится къ рабочей силѣ, какъ было сказано въ особомъ приглашеніи начальника завода ко всѣмъ завѣдующимъ. Коммиссіи высказались за сокращеніе рабочаго дня до 8 час., повышеніе платы, отмѣну обысковъ и. т. п. Но возбужденіе среди рабочихъ улеглось, вождей обуховскаго возстанія осудили въ каторгу, обуховцы не протестовали, не требовали отмѣны тираническаго приговора надъ товарищами, и правительство, конечно, рѣшило опять не церемониться съ ними и положеніе ихъ по сю пору продолжаетъ оставаться такимъ же жалкимъ, рабскимъ и каторжнымъ, какъ и прежде (мѣсячный заработокъ, напр., слесарей на обуховскомъ заводѣ — 21 рубль).

Но на всемъ пространствѣ Россіи волнуется рабочій народъ, вездѣ выходитъ онъ на улицу, хоронитъ самодержавіе и готовится схватиться съ нимъ на жизнь и на смерть. Обуховское начальство озабочено, какъ бы опять не поумнѣли занятыя у него руки и опять приготовляется разыграть прежнюю комедію.

„Успокойтесь, господа, — скажетъ обуховское начальство своимъ рабочимъ, — образована особая коммиссія, она все разсмотритъ, и ваши требованія будутъ удовлетворены. Принимайтесь спокойно за работу“. Неужели-же наши обуховскіе товарищи еще разъ дадутъ себя одурачить, неужели не поймутъ они, что правительство только подъ угрозой постояннаго возстанія, постояннаго нападенія на него и только чувствуя это нападеніе дѣйствительно, а не на словахъ уступитъ требованіямъ рабочихъ.

Приводимъ документъ:

„Усердно прошу гг. завѣдующихъ отвѣтить мнѣ на слѣдующіе вопросы:

1) Можно ли и должно ли уничтожить обыскъ мастеровыхъ при выходѣ изъ завода и какія мѣры лучше предпринять для предупрежденія тайнаго выноса заводскаго имущества?

2) Возможно-ли и полезно-ли уменьшить число раб. (10 час.) часовъ въ день?

3) Можно ли признать размѣръ получаемой нынѣ платы достаточнымъ или лучше было бы повысить его огульно?

4) Возможно ли обойтись безъ экстренныхъ работъ вообще, кромѣ неизбѣжныхъ и крайнихъ случаевъ?

5) Что было бы желательно предпринять къ улучшенію быта мастеровыхъ и рабочихъ какъ во время состоянія ихъ на службѣ, такъ и по оставленіи оной?

Отвѣты желательно получить къ субботѣ 2 марта 1902 г. Начальникъ Завода Ген.-Маіоръ Власьевъ. 28-го февраля 1902 г.“

Настроеніе рабочихъ въ общемъ возбужденное, на Путиловскомъ заводѣ увольняютъ по жребію, на другихъ фабрикахъ и заводахъ тоже разсчитываютъ рабочихъ.

Иваново-Вознесенскъ. На фабрикѣ Бурылина фабричная администрація очень усердно занимается выслѣживаніемъ „неблагонадежныхъ рабочихъ“. Есть здѣсь табельщикъ Фирстовъ; какъ только придетъ на работу ночная смѣна, табельщикъ-жандармъ начинаетъ заговаривать съ рабочими о томъ, какъ тяжело работать въ ночной смѣнѣ, о скудныхъ заработкахъ рабочихъ и т. п. и вызываетъ на откровенность этихъ послѣднихъ. Вновь поступившій рабочій попадается на удочку и если въ разговорѣ такъ или иначе проявилъ себя „неблагонадежнымъ“, въ туже ночь или на слѣдующій день вызывается въ контору, гдѣ и получаетъ разсчетъ. Выслѣживаніемъ „неблагонадежныхъ“ занимаются по приказанію завѣдующаго и подмастерья. Въ отношеніи къ работѣ предъявляются невозможныя требованія: даютъ гнилой матерьялъ, а съ рабочихъ спрашиваютъ, какъ говорятъ здѣсь, „золотого товара“. Рабочихъ прижимаютъ веячески и безъ того ничтожную плату урываютъ всевозможными спасобами. Такъ мастеръ Коробовъ вызвалъ однажды одного рабочаго, показалъ ему забракованный товаръ и предложилъ получить расчетъ или написать на него 40 к. штрафу, рабочій согласился на послѣднее. Обращеніе съ рабочими страшно грубое. Табельщикъ Кочетковъ, выталкивая изъ-за машины одну работницу, ушибъ ей руку; жаловаться не пошла. Рабочіе терпятъ всѣ притѣсненія до новой забастовки.

На фабрикѣ Антона Гандурина разчитано за малую выработку 45 чел. На фабрикѣ Маракушева одинъ рабочій за нанесенное ему оскорбленіе поколотилъ хозяина.

Невозможные порядки на фабрикѣ Палушина. Рабочихъ держатъ, какъ „въ тискахъ“ и не отпускаютъ съ работы даже по болѣзни. Безмутительный и въ тоже время характерный для нашихъ фабричн. порядковъ случай произошелъ на этой фабрикѣ. Одна работница очень сильно захворала; она не одинъ разъ заявляла о своей болѣзни и просила отпуска — поправиться здоровьемъ, но получала отказъ. Когда однажды, уже совсѣмъ больная, она обратилась съ тою же просьбою, ей пригрозили разсчетомъ. На слова, что нечѣмъ кормиться, былъ короткій отвѣтъ: „чортъ бы тебя ободралъ, дохни“. Шатаясь, пошла она съ фабрики, но, задыхаясь, сѣла на лавкѣ, а минутъ черезъ пять умерла; объ этомъ доложили табельщику. Тотъ, испугавшись, тотчасъ же оповѣстилъ всю фабричную администрацію, и вотъ собравшаяся стая, съ цѣлью выгородить себя изъ этой исторіи, придумала гнусную вещь: написала отпускъ для леченья, положила его въ карманъ покойницы и отправила ее въ больницу.

Рабочихъ давятъ со всѣхъ сторонъ, придираются къ работѣ, штрафуютъ; мастера заставляютъ работницъ мыть полы и стирать бѣлье. Основы и тѣ даются со взятками, не дастъ рабочій четвертакъ, будетъ работать самые плохіе сорта и, конечно, заработаетъ менѣе того, кто дастъ взятку. Фабричн. администрація пользуется всякимъ случаемъ и урываетъ у рабочихъ скудный заработокъ.

Даниловскій уѣздъ, Ярославской губ. Есть въ Ярославлѣ кожевенный заводчикъ К. Е. Чувалдинъ или, какъ его зовутъ, Чуваша. Задумалъ этотъ Чуваша построить въ самомъ городѣ свой заводъ. Полиція не разрѣшила, такъ какъ мочение кожъ, производящееся у нашихъ кожевниковъ, болѣе, чѣмъ примитивно, должно было пустить заразу на весь городъ. Сильно вознегодовалъ Чуваша и, добравшись „до корня“ рѣшилъ, что всему виной самодержавіе; поспорилъ, поспорилъ съ полицией и удалился всетаки вонъ изъ города въ тихій уѣздъ, въ дремучіе лѣса и тамъ, чтобы заглушить свое оскорбленное достоинство принялся вмѣсто самодержавія... за крестьянъ. Въ Даниловскомъ уѣздѣ совсѣмъ не развита промышленность; самое обычное занятіе — рубка лѣса. Чуваша быстро освоился съ мѣстомъ. Построилъ заводикъ и началъ пить — ѣсть давать крестьянамъ и самъ питаться. Копѣекъ за 50 въ день рабочіе простаиваютъ у него часовъ по 12 въ отвратительной атмосферѣ. Зловоніе отъ прокисшей мочи ужасное; духъ спираетъ у непривычнаго человѣка. Шкуры же стали доставлять крестьяне; особенное-же удовольствіе у Чуваши — это кобениться надъ крестьянами. Сторгуетъ уже шкуры по дешевой цѣнѣ, бѣдный крестьянинъ вспотѣетъ, дрожитъ, чуть не слезы на глазахъ, что пришлось зарѣзать скотинку и дешево отдать. Онъ уже слышитъ дикій окрикъ старосты о недоимкѣ, но Чуваша грустно задумывается и меланхолично роняетъ: „нѣтъ, братъ, не возьму! плоха шкура то, да и много у меня ихъ! Прости, что побезпокоилъ...“ и съ истинно христіанской грустью глядитъ хищникъ на бѣднягу. Поломавшись минутъ десять, онъ наконецъ ободряетъ крестьянина: „ну, ну! ужъ такъ и быть! возьму! Моли за меня Бога!...“ И радъ крестьянинъ, получивъ деньги, бѣжитъ расплачиваться... Радостно потираетъ теперь руки Чуваша, идетъ, все ближе — ближе къ нему голодъ, скотина будетъ ни по чемъ; славно поживется... Такое же отношеніе проявляетъ этотъ „конституціоналистъ“ ко всѣмъ отъ него зависимымъ. Ту же исторію онъ продѣлываетъ съ городскими сапожниками въ Ярославлѣ, которые берутъ у него въ лавкѣ товаръ; не всегда, конечно, есть деньги у сапожника, чтобы расплатиться сейчасъ-же за кожу; приходится молить Чувашу о кредитѣ. И не приминетъ онъ въ такихъ случаяхъ подсунуть какую нибудь дрянь, въ три дорога. Но особенно изощряется „Констентинъ Егорычъ“ надъ работающими у него въ лѣсу.

Лѣсной промыселъ даетъ Чувашѣ чудовищные барыши. Лѣсъ, купленный имъ за 3-4 тысячъ на срубъ, онъ ухитряется не рѣдко сплавить за 30-40 тыс. Его недреманое око всюду слѣдитъ: слѣдитъ за барскими усадьбами, слѣдитъ за крестьянскими обществами и всюду онъ приходитъ улыбающійся, готовый помочь...

Не проходитъ ни однихъ торговъ на лѣсъ, чтобы Чуваша не подстроилъ какой нибудь штуки. Купивъ лѣсъ, онъ сейчасъ же приступаетъ къ его рубкѣ. Чувалдинъ самый крупный поставщикъ шпалъ на желѣзныя дороги нашего района. Покладистый на подложные счета, онъ любимецъ „душекъ инженеровъ“. Какъ дрова, такъ и шпалы приходится выкладывать въ ровныя мѣры: или въ сажени, или въ различной величины „кубы“. Чуть что не такъ выложатъ, Чуваша ужъ никогда не дастъ поправить, но сейчасъ же раскидаетъ кладку и велитъ дѣлать все снова; а такъ какъ, работа сдѣльная, то нерѣдко у рабочихъ пропадаютъ цѣлые дни. „И вѣдь кладешь какъ слѣдуетъ, говорятъ крестьяне, а такъ вотъ не съ той ноги встанетъ и на поди! Все разворотитъ!“ Иногда бываетъ и такъ: „Ну ладно, ты поправь, а я за половину (платы) приму!“ цинично предлагаетъ купчина. Что-же дѣлать, не терять же день? приходится соглашаться. Наругавшись, наиздѣвавшись, Чуваша ѣдетъ домой и, уплетая ватрушки, повѣствуетъ семьѣ о своихъ дѣлахъ. И всѣ сочувственно киваютъ головами: „Ахъ, и умный же у насъ Констентинъ Егорычъ!“

Изъ Тифлиса. Въ Тифлисѣ жандармерія совершенно потеряла голову, видя, что массовые аресты послѣ 1-го мая ни къ чему не ведутъ.

Рабочее движеніе развивается вширь и глубь; фабрики, заводы, типографіи и болѣе или менѣе крупныя мастерскія захватываются мѣстнымъ соціаль-демократическимъ комитетомъ, а народъ и даже интеллигенція съ особымъ удовольствіемъ читаетъ нелегальныя изданія комитета и его прокламаціи, которыми упорно наводняется нашъ городъ.

Арестуютъ людей безъ разбору, безъ видимыхъ причинъ и уликъ и, продержавъ ихъ мѣсяцевъ 4-5 въ одиночкѣ, выпускаютъ на свободу и опять тѣ же люди, не пробывши недѣлю на волѣ, увозятся снова въ тюрьму, опять освобождаются и т. д.

Тѣ слои населенія, къ которымъ комитетъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ, не имѣетъ доступа, само жандармское управленіе революціонизируетъ своими арестами.

Въ послѣднее время, особенно въ февралѣ мѣсяцѣ, произведено очень много арестовъ въ разныхъ частяхъ города и слояхъ населенія.

Баку. Здѣсь всѣ боятся „бунта“ рабочихъ. Чуть ли не каждый день новыя обязательныя постановленія; то запрещаются сходки, то ношеніе оружія. Съ 1-го марта вводятся здѣсь, по примѣру Питера, „дежурные“ дворники. — Недостаточно, оказывается, что въ каждомъ домѣ есть дворникъ — шпіонъ. Лѣтомъ, говорятъ, жандармерія обратилась въ Городскую управу съ просьбой ассигновать 17 тысячъ рублей на тайную полицію. Управа отказала. Теперь жандармерія изъ своихъ суммъ назначила — 25 тысячъ.

Искра здѣсь читается и нравится.

Кризисъ продолжается и обостряется, здѣсь половина заводовъ стоитъ. Увольняютъ рабочихъ массами. Около 10 тысячъ отправлено за послѣдніе 10 мѣсяцевъ полиціей по льготному тарифу.

Намъ сообщаютъ изъ нѣсколькихъ источниковъ, что въ январѣ въ Тулѣ солдаты, вызванные для „усмиренія“ стачечниковъ съ Овужейнаго завода, отказались стрѣлять въ рабочихъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Франція.

Съ 2-го по 6-ое марта (нов. ст.) въ г. Турѣ засѣдалъ конгрессъ той соціалистической партіи, которую принято называть „жоресистской“ и которая составилась изъ разношерстныхъ элементовъ, объединенныхъ ненавистью къ „старымъ“ рабочимъ партіямъ, стоящимъ на почвѣ классовой борьбы („гедисты“ и „бланкисты“).

Съ той самой минуты, какъ Жоресъ и его друзья стали усердно отстаивать вступленіе Милльерана въ министерство и требовать отъ пролетаріата, чтобы онъ въ этомъ шагѣ Милльерана видѣлъ приближеніе къ своей конечной цѣли — завоеванію политической власти —, съ той самой минуты они выдвинули, какъ боевой пароль своей группы, требованіе „объединенія“ всѣхъ соціалистическихъ группъ Франціи, несмотря на рѣзкія разногласія по вопросамъ программы и тактики, обнаружившіяся какъ разъ въ то время между разными фракціями. Объединеніе во что бы то ни стало, объединеніе цѣной какихъ угодно компромиссовъ! Всѣ спорные вопросы должны быть оставлены въ сторонѣ, сначала объединимся, а потомъ ужъ придетъ согласіе. Такъ говорили жоресисты и имъ, повидимому, удалось убѣдить большую часть организованнаго пролетаріата. Но объединеніе, совершившееся на конгрессѣ 1899 года, оказалось непрочнымъ. Уже со слѣдующаго конгресса, въ 1900 г., французская рабочая партія (оффиціальное названіе гедистовъ) должна была уйти, убѣдившись въ томъ, что Жоресъ и его фракція не желаютъ считаться съ рѣшеніями объединенной партіи и выше всѣхъ принциповъ ставятъ поддержку Милльерана. Бланкисты оставались въ объединенной партіи еще въ теченіе года, надѣясь побудить товарищей отказаться отъ гибельной для всего соціализма тактики. Но поведеніе большинства на Ліонскомъ конгрессѣ (1901) заставило и ихъ уйти вмѣстѣ съ нѣсколькими самостоятельными областными (департаментскими) организаціями послѣ того, какъ партія рѣшительно отказалась исключить Милльерана.

Гедисты и бланкисты съ упомянутыми областными организаціями послѣ того объединились въ одинъ „Революціонно-соціалистическій Союзъ“, который чрезвычайно быстро усиливается и обѣщаетъ объединить всѣ революціонные элементы пролетаріата. Такъ безъ шума и лишнихъ криковъ объ „объединеніи“, единственно надежнымъ путемъ подбора единомыслящихъ элементовъ, достигается дѣйствительное сплоченіе пролетарскихъ силъ. Напротивъ того, вѣчно провозглашающіе необходимость „единенія“, Жоресъ съ братіей идутъ отъ одного раскола къ другому и партія ихъ таетъ съ удивительной быстротой.

Вскорѣ послѣ Ліонскаго конгресса нѣкоторые члены „соціалистической партіи“ Жореса потребовали вновь исключенія Милльерана за его пресмыкательство передъ русскимъ царемъ во время поѣздки послѣдняго во Францію. Стараніями Жореса и его друзей это предложеніе было провалено. Въ отвѣтъ на это изъ партіи вышла фракція аллеманистовъ („рабочая партія соціалистовъ революціонеровъ“), послѣдняя изъ „старыхъ“, т. е. сколько нибудь организованныхъ фракцій, остававшаяся въ „единой“ партіи, а съ нею еще нѣсколько болѣе революціонно настроенныхъ областныхъ организацій. За Жоресомъ остались только разрозненныя и проникнутыя мѣстными интересами областныя организаціи и ихъ объединеніе носитъ, какъ выяснилось на конгрессѣ, совершенно призрачный характеръ.

Турскій конгрессъ долженъ былъ дать „единой“ партіи программу. Генеральный Комитетъ представилъ проэктъ, съ обсужденія котораго и начались засѣданія конгресса. Проэктъ показался конгрессу слишкомъ революціоннымъ и „сектанскимъ“ Бывшій марксистъ Габ. Дэвиль усиленно настаивалъ на удаленіи изъ программы всякихъ упоминаній о революціи. Слѣдуя за „великимъ“ Бернштейномъ, онъ доказывалъ, что прогрессъ капитализма ведетъ къ систематическому улучшенію положенія рабочихъ, что число собственниковъ не сокращается, а растетъ и что понятіе революціи не „научно“, а потому не должно примѣняться въ программѣ партіи.

Какъ и во всякой программѣ, такъ и въ проэктѣ, представленномъ Комитетомъ, наряду съ конечными цѣлями движенія выставлена „программа-минимумъ“, т. е. программа тѣхъ ближайшихъ требованій, которыя партія предъявляетъ къ современному порядку, которыя вполнѣ могутъ быть осуществлены при капиталистическомъ строѣ. Изъ числа такихъ требованій Дэвиль предлагаетъ удалить 8-ми часовой рабочій день и замѣнить его „мѣропріятіями, которыя подготовили-бы 8-ми час. рабочій день“; вмѣсто обычнаго требованія не только соціалистовъ, но и радикаловъ „упразднить Сенатъ*) и президентскую власть“, онъ предлагаетъ ограничиться требованіемъ, чтобы Сенатъ выбирался всѣмъ народомъ. Словомъ, какъ и всѣ оппортюнисты, Дэвиль понимаетъ подъ „ближайшими“ требованіями программы не тѣ, которыя пролетаріатъ можетъ силой вырвать у буржуазіи при современномъ строѣ, а тѣ, которыя буржуазія согласится добровольно осуществить. Русскій читатель припомнитъ подобное-же толкованіе „ближайшихъ“ требованій среди нашихъ „экономистовъ“, замѣнявшихъ 8-ми час. рабочій день 10-ти часовымъ и требованіе парламента — требованіемъ допущенія рабочихъ представителей въ департаментъ торговли и мануфактуръ.

Въ такомъ духѣ представители большинства партіи критиковали проэктъ Комитета и добились того, что онъ былъ оставленъ въ сторонѣ; взамѣнъ него Жоресъ предложилъ составленную имъ велерѣчивую и расплывчатую программу, удовлетворяющую всѣхъ и каждаго — революціонеровъ тѣмъ, что въ ней говорится часто о революціи, а умѣренныхъ — тѣмъ, что она вся пропитана бернштейніанствомъ. Программа Жореса была принята единогласно и безъ споровъ — единственный въ своемъ родѣ примѣръ. Обыкновенно партіи долго подготовляютъ, обсуждаютъ и исправляютъ программу, каждый пунктъ взвѣшивается, прежде чѣмъ быть принятымъ; тутъ же проэктъ, составленный въ 24 часа, немедленно же одобренъ конгрессомъ. Лучше нельзя было иллюстрировать слѣпое отношеніе массы партіи къ своему „императору“ (какъ выражаются гедисты и бланкисты) Жоресу. Жоресисты очень любятъ упрекать противниковъ въ „сектанской“ преданности „вожакамъ“ Гэду и Вальяну; эту преданность они усматриваютъ въ той внутренней и внѣшней дисциплинѣ, которую проявляютъ сознательные рабочіе, воспитавшіеся въ неумолимой классовой борьбѣ со всѣмъ буржуазнымъ строемъ. Если они обыкновенно единодушно слѣдуютъ за своими „вожаками“, то потому лишь, что и вожаки, и масса, въ общемъ и цѣломъ, руководятся одними и тѣми же принципами революціоннаго соціализма. Напротивъ, оппортюнисты, всегда дѣйствующіе на практикѣ въ раздробь подъ вліяніемъ случайныхъ соображеній минутной выгоды, очень склонны безъ критики принимать, въ области принципіальныхъ заявленій, все, что предложитъ тотъ или другой демагогъ, изучившій ихъ психологію.

Эти свойства оппортюнистовъ ярко иллюстрируются слѣдующими данными, которыя мы заимствуемъ изъ прекрасной статьи Р. Люксембургъ въ „Neue Zeit“ (№ 24) и которыя относятся къ голосованіямъ соціалистическихъ депутатовъ въ парламентѣ по разнымъ практическимъ вопросамъ.

Соціалистическій депутатъ Семба внесъ (2 ноября) предложеніе о томъ, чтобы Франція поддержала турецкихъ армянъ въ борьбѣ противъ угнетенія турецкаго правительства. Изъ фракціи Жореса 8 человѣкъ голосовало противъ этого предложенія, 20 за него, 4 воздержалось.

Соціалистъ Зеваэсъ предложилъ (8-го ноября), чтобы Палата немедленно издала законъ для охраны труда желѣзнодорожныхъ рабочихъ. 16 депутатовъ голосуютъ за, 13 противъ, одинъ воздерживается.

Въ тотъ же день, по тому же вопросу, голосуется предложеніе выразить довѣріе правительству (отказавшемуся помочь желѣзнодорожнымъ рабочимъ): 22 „соціалиста“ голосуютъ за, 3 противъ, 4 воздерживается.

25 ноября обсуждается заемъ для покрытія издержекъ по грабительской экспедиціи въ Китай; 2 голосуютъ за, 25 противъ, 3 воздерживается.

28 ноября вотируется поздравленіе Палаты войскамъ, вернувшимся изъ Китая, гдѣ они производили всякія безчинства: 8 за, 11 противъ, 11 воздерживается.

2 декабря вотируется бюджетъ на содержаніе колоніальной арміи; голосуютъ: 4 за, 10 противъ, 16 воздерживается.

И т. д.

Во всѣхъ этихъ вопросахъ революціонные соціалисты всегда голосовали, какъ одинъ человѣкъ, въ согласіи съ своей программой.

Что эти шатанія не являются дѣломъ случайнымъ, подтвердилось еще разъ на конгрессѣ. Здѣсь прямо былъ провозглашенъ принципъ, что депутатъ-соціалистъ за свои дѣйствія отвѣчаетъ не передъ партіей, а только передъ своими избирателями, т. е. передъ своей мѣстной группой. Этимъ самымъ навсегда освящается политика „приспособленія къ обстоятельствамъ“ и уничтожается самое понятіе организованной классовой борьбы, которую пролетаріатъ ведетъ, какъ цѣлый классъ, ставя общіе интересы движенія выше частныхъ мимолетныхъ интересовъ времени и мѣста. Этотъ принципъ „автономизма“, т. е. полной самостоятельности мѣстныхъ группъ, чрезвычайно послѣдовательно проводился на всемъ протяженіи конгресса. Организаціонный уставъ партіи былъ выработанъ такъ, что совершенно уничтожилъ власть и значеніе Генеральнаго Комитета, отвѣтственнаго передъ всей партіей; связь между отдѣльными группами осталась чисто внѣшней; на предстоящихъ выборахъ въ Палату мѣстнымъ группамъ предоставленно самимъ рѣшать вопросы о своемъ отношеніи къ буржуазнымъ партіямъ, т. е. онѣ вольны соединяться съ какой угодно буржуазной партіей на какихъ угодно условіяхъ. При нынѣшнихъ условіяхъ это значитъ, что „соціалисты“ партіи Жореса будутъ, гдѣ имъ понадобится, голосовать въ пользу „оффиціальныхъ“ кандидатовъ министерства Вальдека-Руссо, противъ соціалистовъ дѣйствительно-пролетарской партіи.

Вопросъ объ „автономіи“ мѣстныхъ группъ очень тѣсно связанъ съ вопросомъ объ оппортунизмѣ въ соціалистической партіи. Во всѣ времена и вездѣ люди, отступавшіе отъ классовой точки зрѣнія, были очень склонны раздувать мѣстный эгоизмъ и мѣстную ограниченность интересовъ и отстаивать „автономизмъ“, т. е. право поступать въ своей дѣятельности, соображаясь, главнымъ образомъ, съ мѣстными настроеніями. У насъ, въ Россіи, какъ и во Франціи и Германіи, за самостоятельность мѣстныхъ группъ ратуютъ тѣ самые люди, которые не могутъ или не хотятъ возвыситься до точки зрѣнія интересовъ классовой борьбы во всемъ ея цѣломъ. Но совершенно справедливо замѣтила одна франц. буржуазная газета по поводу новой организаціи Жоресистской партіи, что принятый ею автономизмъ есть лучшее средство превращенія каждой мѣстной группы въ клику прихвостней мѣстнаго вожака, стоящаго во главѣ не потому, чтобы онъ лучше, дѣльнѣе и серьезнѣе защищалъ общее дѣло пролетаріата, но потому, что онъ съумѣлъ ловчѣе другихъ угодить всѣмъ мѣстнымъ самолюбіямъ и приспособиться къ мѣстнымъ вкусамъ.

Вопросъ объ удаленіи изъ партіи Милльерана былъ устраненъ отъ обсужденія и партія продолжаетъ считать въ своихъ рядахъ лакея русскаго царя. Поднятъ былъ вопросъ о поведеніи деп. Журда, подписавшагося на сборъ, устроенный для поднесенія Николаю II „почетной шпаги“, но и этотъ вопросъ былъ замятъ конгрессомъ. Точно также поступили и съ другими депутатами, прославившимися подобными же поступками.

На Турскій конгрессъ не было получено ни одного привѣтствія ни отъ какой соціалистической партіи другихъ странъ. Международный соціализмъ открещивается отъ солидарности съ партіей Жореса—Милльерана. Для всѣхъ становится ясно, что эта партія представляетъ собой безсознательную часть французскаго пролетаріата, руководимую ловкими оппортюнистами, преслѣдующими одну цѣль — воспользоваться пролетаріатомъ для политическихъ интересовъ буржуазно-радикальной партіи. Чуждая международному революціонному пролетаріату, Жоресистская партія пользуется благоволеніемъ французскихъ буржуазныхъ радикаловъ, благодаря чему, вѣроятно, получитъ на предстоящихъ выборахъ не мало депутатскихъ мѣстъ. Для буржуазіи, дѣйствительно, не можетъ быть ничего пріятнѣе возможности выставить противъ классовой партіи пролетаріата такую „рабочую“ партію съ соціалистической кличкой, которая на практикѣ идетъ рука объ руку съ буржуазными партіями. Французскіе буржуазные политики дѣлаютъ тоже самое, что пытаются у насъ сдѣлать Зубатовы, что стараются постоянно дѣлать умные буржуазные политики всѣхъ странъ.

Судьба французскаго „министерскаго“ соціализма тѣмъ и интересна, что она показываетъ, какъ неизбѣжно бернштейніанство, оппортюнизмъ и отказъ отъ революціонныхъ принциповъ должны сдѣлать соціалистовъ невольными пособниками буржуазныхъ враговъ пролетаріата.

*) Французскій Сенатъ выбирается только кучкой привилегированныхъ лицъ и играетъ роль вѣчнаго тормаза, отмѣняющаго всѣ серьезныя реформы, принятыя Палатой Депутатовъ.

ИЗЪ ПАРТІИ.

„Группа Иниціаторовъ“, о которой я разсказываю въ брошюрѣ „Что дѣлать?“ стр.141, проситъ меня сдѣлать слѣдующую поправку къ изложенію ея участія въ попыткѣ примиренія заграничныхъ соціаль-демократическихъ организацій: „Изъ трехъ членовъ этой группы только одинъ вышелъ изъ „Союза“ въ концѣ 1900 года, остальные-же — въ 1901 году, лишь послѣ того какъ они убѣдились въ невозможности добиться отъ „Союза“ согласія на конференцію съ заграничной организаціей „Искры“ и „Революціонной организаціей Соціальдемократъ“, — въ чемъ и состояло предложеніе „Группы Иниціаторовъ“. Это предложеніе администрація „Союза“ сначала отвергла, мотивируя свой отказъ отъ конференціи „некомпетентностью“ лицъ, входящихъ въ составъ посреднической „Группы Иниціаторовъ“, при чемъ выразила желаніе войти въ непосредственныя сношенія съ заграничной организаціей „Искры“. Вскорѣ однако администрація „Союза“ извѣстила „Группу Иниціаторовъ“, что она послѣ появленія перваго номера „Искры“, въ которомъ напечатана замѣтка о расколѣ въ „Союзѣ“, измѣнила свое рѣшеніе и не желаетъ входить въ сношенія съ „Искрой“. Какъ объяснить послѣ этого заявленіе члена администраціи „Союза“, что отказъ „Союза“ отъ конференціи былъ вызванъ исключительно недовольствомъ послѣдняго составомъ „Группы Иниціаторовъ“? Правда, непонятно также согласіе администраціи „Союза“ на конференцію въ іюнѣ прошлаго года: вѣдь замѣтка въ первомъ номерѣ „Искры“ осталась въ силѣ, а „отрицательное“ отношеніе „Искры“ къ „Союзу“ еще яснѣе выступило въ первой книжкѣ „Зари“ и 4-омъ номерѣ „Искры“, появившихся до іюньской конференціи.“

Н. Ленинъ.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ.

Ростовъ на Дону. 4 марта днемъ взяты на квартирѣ во время печатанія прокламацій студенты Серебряковъ, Рафаловичъ и землемѣръ Шпакъ съ своей женой. При входѣ жандармовъ Серебряковъ кинулся на полков. Артемьева и началъ душить его. Произошла свалка, во время которой хозяева старались сжечь бумаги, но это имъ не удалось. — Въ тотъ же день былъ обыскъ у студ. Захарова; у него на квартирѣ взятъ студ. Ананьевъ. За нѣсколько дней до того арестованы: Полина Чайченко, ея братъ, Мелешко, рабочій Дубровинъ и другіе рабочіе.

Кишиневъ. 13 марта арестована типографія и при ней Исаакъ Риманъ съ женой и ребенкомъ и еще 2 чел.

Баку. Арест. (въ февр.) Н. М. Флеровъ (былъ дважды въ ссылкѣ).

Пермь. 1 февр. арестованы: высланный изъ Сормова рабочій Булатовъ, Глушковъ, Лихачевъ, быв. слуш. Мед. Инст. Е. А. Рогова, служащая въ город. библіотекѣ А. Н. Ягодникова, народ. учитель Ѳ. Н. Ягодниковъ; около того-же времени на Добрянскомъ заводѣ: народ. учитель Черепановъ и рабочій Коровинъ. Послѣ того въ теченіе февраля арестованы: Я. Г. Безруковъ (выпущ.), фельдшер. ученикъ Горшковъ, быв. студ. Пет. унив. Коптевскій, реалистъ VI кл. Левинъ, быв. студ. Воен. Мед. Академіи П. Н. Мостовенко, служащій жел. дор. И. М. Рутманъ, корректоръ „Пермск. Края“ А. И. Ставровскій, пом. прис. пов. В. Н. Трапезниковъ (выпущ. черезъ нѣск. дней). Наконецъ, 6 февраля усердіе жандармовъ дошло до того, что они посадили завѣдующаго стат. бюро Губ. Зем. Упр. В. А. Владимирскаго и купца, гласнаго (земствъ и думы) пароходовладѣльца Н. В. Мѣшкова.

Нижній Новгородъ. Арестованы рабочіе Панкратовъ (съ прокламаціями) и Чистовъ. Изъ прежде взятыхъ всѣ выпущены, Кромѣ студ. Сысина, рабочаго Комолова и фельдшерицы Второвой.

Пенза. При обыскѣ у быв. гимназиста Чернова взяты протоколы собраній гимназическаго кружка, слѣдствіемъ чего былъ рядъ обысковъ у гимназистовъ.

Смоленскъ. Взяты: Влад. Фриделинъ, студ. Петерб. унив., рабочіе Певзнеръ (15-16 л.) и Самуилъ Гдалинъ и статистики Турчаниновъ и Смирновъ.

Воронежъ. В. Носковъ, привлекавшійся по Иваново-Вознесенск. дѣлу и приговоренный къ ссылкѣ въ Сибирь, бѣжалъ и благополучно прибылъ заграницу.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Получено: изъ Волжской столицы 70 рубл.; отъ Н—скаго Комитета 30 рубл.; отъ инженера 15 рубл.

Отъ Парижской группы 553 фр.

Изъ Дармштата 94,25 мар.

Изъ Льежа 101 фр. (въ томъ числѣ 30 фр. отъ фабричнаго инспектора).

Изъ Лондона 20 шилл.

Отъ Б—ской группы за февраль: изъ далека 200 р. (въ томъ числѣ отъ Х—бъ 50 р.), отъ Фанни изъ Л. 105 м., черезъ Фанни изъ Л. 9 м., отъ М. изъ Л. 33 м., отъ Б. 40 м., отъ М. Д. 30 м.; за мартъ: пожертвованій 113,75 м., изъ Тверской губ. 25 р., Фанни изъ Л. 50 м., отъ М. изъ Л. 5 м., черезъ М. отъ Т. Р. И. 3 м., черезъ иностранца отъ В. В. 2 м.

По поводу многократныхъ обращеній къ намъ съ вопросомъ о томъ, какъ сноситься съ „Искрой“ людямъ, попадающимъ заграницу, мы повторяемъ, что изъ за границы слѣдуетъ посылать всѣ и всякія письма, матеріалы и деньги на адресъ Дитца въ Штуттгартѣ:

Verl. J. H. W. DIETZ Nachfolger, STUTTGART

для редакціи „Зари“.

Редакція „Зари“ будетъ всегда немедленно пересылать намъ все, получаемое ею для „Искры“.

Убѣдительно просимъ всѣхъ, пользующихся этимъ адресомъ, на внѣшнемъ конвертѣ писать только адресъ Дитца; указаніе же о передачѣ (для ред. „Зари“) должно дѣлаться на внутреннемъ конвертѣ.

Типографія „Искры“.

ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 20 — 1-го МАЯ 1902 ГОДА. — № 20

СМЕРТЬ СИПЯГИНА И НАШИ АГИТАЦІОННЫЯ ЗАДАЧИ.

Блестящая служебная карьера Сипягина неожиданно прервана. Человѣкъ, въ продолженіе тридцати мѣсяцевъ державшій въ своихъ рукахъ почти всю исполнительную власть русскаго государства и жестоко злоупотреблявшій ею, палъ жертвою своего реакціоннаго усердія. Наши „охранители“ горько оплакиваютъ его гибель и мечутъ громы негодованія на бѣдную голову его молодого „убійцы“. Имъ вторитъ значительная часть и буржуазной прессы Запада. Насъ не удивляютъ ни западные буржуа, ни русскіе „охранители“. Наша реакціонная партія твердо убѣждена, какъ извѣстно, въ томъ, что она имѣетъ право и даже обязана истреблять все живое, а всякій отвѣтъ насиліемъ на ея насилія составляетъ въ ея глазахъ великое преступленіе. Что же касается западной буржуазіи, то она давно пережила свой періодъ бурныхъ стремленій и сдѣлалась защитницей „порядка“. Русскіе студенты, поднимающіе вооруженную руку на звѣроподобныхъ опричниковъ всероссійскаго самодержца, вызываютъ въ ней не сочувствіе, а страхъ, напоминаютъ ей не Брутовъ, а Тропмановъ. Ихъ смѣлые, самоотверженные поступки представляются ей вопіющимъ нарушеніемъ правъ человѣка. Гуманная защитница этихъ правъ, она считаетъ употребленіе оружія позволительнымъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о завоеваніи новыхъ рынковъ или объ усмиреніи рабочихъ, пытающихся сбросить съ себя иго капитала. Невыносимое положеніе русской учащейся молодежи интересуетъ ее гораздо меньше, чѣмъ печальная судьба французскихъ и бельгійскихъ капиталовъ, затраченныхъ въ южно-русскихъ металлургическихъ предпріятіяхъ. Ибо гдѣ сокровище ваше, тамъ будетъ и сердце ваше...

Въ смерти Сипягина виновато прежде всего упорство той реакціонной клики, къ которой онъ принадлежалъ до конца своихъ дней и которая отвѣчала полицейскими разбоями на самыя естественныя и самыя неизбѣжныя требованія студенчества. Нравственная отвѣтственность за эти дневные и ночные разбои падаетъ главнымъ образомъ на самаго Сипягина. Онъ какъ будто задался цѣлью показать всѣмъ, имѣющимъ очи, что „сердечное попеченіе“ царскаго правительства объ учащейся молодежи есть одно изъ самыхъ „безсмысленныхъ мечтаній“ нашего коронованнаго недоросля. Онъ сдѣлался отвѣтственнымъ издателемъ почти всѣхъ репрессивныхъ мѣропріятій, направленныхъ противъ этой молодежи. Мудрено-ли, что ему и пришлось за нихъ отвѣтить?

Пусть-же реакціонные цицероны гремятъ противъ его „убійцы“. Ихъ негодующіе вопли никого не введутъ у насъ въ заблужденіе. Русское „общество“ опять переживаетъ теперь то оппозиціонное настроеніе, въ которомъ оно находилось лѣтъ двадцать тому назадъ и благодаря которому оно сочувствовало „террористической“ борьбѣ партіи Народной Воли.

Свирѣпый полицейскій „порядокъ“ до смерти надоѣлъ всѣмъ честнымъ людямъ, и ни одинъ честный и мыслящій человѣкъ не станетъ оплакивать гибель столповъ и защитниковъ этого порядка.

Killing is no murder! (умерщвленіе не убійство) писалъ одинъ англійскій публицистъ семнадцатаго вѣка, когда Кромвель захватилъ политическую власть только что завоеванную революціонной партіей. Умерщвленіе не убійство — съ полнымъ убѣжденіемъ скажутъ теперь многіе и многіе русскіе люди. Не нужно быть неукротимымъ „потрясателемъ основъ“ для того, чтобы понять, какая глубокая и широкая пропасть отдѣляетъ Карповичей и Балмашевыхъ отъ вульгарныхъ убійцъ.

Умерщвленіе не убійство! Сознаніе этой истины до такой степени распространилось теперь въ Россіи, что оно начинаетъ грозить серьезной опасностью нашему освободительному движенію. Это звучитъ парадоксомъ, но съ этимъ долженъ, будетъ согласиться всякій тотъ, кто дастъ себѣ трудъ вдуматься въ наше современное положеніе.

Жрецы полицейскаго Молоха дѣлаютъ все возможное для того, чтобы довести до самой крайней степени раздраженіе нашей свободомыслящей интеллигенціи. Когда раздраженіе достигаетъ этой крайней степени, мысль о „террористической“ борьбѣ возникаетъ, можно сказать, сама собою всюду, гдѣ соотношеніе общественныхъ силъ еще не позволяетъ думать объ открытомъ массовомъ возстаніи съ оружіемъ въ рукахъ. А гдѣ, — какъ у насъ въ настоящее время, — эта мысль уже выразилась въ нѣсколькихъ практическихъ дѣйствіяхъ, и гдѣ, — опять какъ въ современной Россіи, — такія дѣйствія встрѣчаютъ горячее сочувствіе въ широкихъ слояхъ населенія, тамъ „терроризмъ“ стремится сдѣлаться господствующимъ пріемомъ революціонной борьбы, отодвинувъ на задній планъ всѣ другіе.

Признаки такого стремленія замѣчаются теперь даже въ нашей соціаль-демократической средѣ. Нѣкоторые соціаль-демократы начинаютъ поговаривать о томъ, что демонстраціи обходятся слишкомъ дорого и что террористическія дѣйствія скорѣе поведутъ къ цѣли. Опытъ семидесятыхъ годовъ показалъ, что отъ такихъ разговоровъ не далеко и до мысли о „систематическомъ терроръ“. Но тутъ-то и заключается серьезная опасность для нашего освободительнаго движенія. Если-бы это движеніе стало террористическимъ, то оно тѣмъ самымъ подорвало-бы свою собственную силу.

Его сила состоитъ въ томъ, что идея политической свободы, увлекавшая нѣкогда одну интеллигенцію, проникла въ нѣкоторые слои рабочаго класса. Сознательная часть пролетаріата является теперь самымъ надежнымъ борцомъ за политическую свободу. Если волненія учащейся молодежи получили теперь у насъ такое большое значеніе, то это произошло именно потому, что студента сталъ поддерживать рабочій. И это очень хорошо понимаетъ сама учащаяся молодежь, которая вполнѣ сознательно сближается съ пролетаріатомъ. Ей хорошо выяснилось рѣшающее политическое значеніе рабочей арміи. Но всѣмъ извѣстно, что пріемы борьбы, употребляемые всякой данной арміей, опредѣляются ея составомъ. Составъ рабочей арміи таковъ, что для нея самымъ удобнымъ и самымъ дѣйствительнымъ пріемомъ борьбы являются демонстраціи и вообще всякаго рода массовыя уличныя движенія. Терроризмъ же доступенъ для нея лишь при самыхъ рѣдкихъ и исключительныхъ обстоятельствахъ. При нашихъ нынѣшнихъ условіяхъ онъ привелъ бы къ тому, что изъ нея выдѣлились бы и слились-бы съ террористами-интеллигентами отдѣльныя личности и группы личностей, вся-же остальная ея масса стала-бы гораздо менѣе активной, вслѣдствіе чего только замедлилось бы, — если-бы не прекратилось совершенно, — дѣло политическаго воспитанія нашего пролетаріата и надолго отсрочилось-бы паденіе абсолютизма.

Одинъ изъ наиболѣе энергичныхъ, опытныхъ и сознательныхъ представителей русскаго рабочаго класса, Степанъ Халтуренъ, былъ рѣшительнымъ противникомъ террора именно на томъ основаніи, что терроръ мѣшаетъ организаціи, а слѣдовательно и вообще политическому воспитанію рабочихъ. Правда, впослѣдствіи онъ самъ сталъ террористомъ, но онъ сталъ имъ не потому, что призналъ ошибочнымъ свое прежнее мнѣніе, а потому, что организація рабочихъ перестала казаться ему неотложнымъ дѣломъ: онъ проникся тѣмъ убѣжденіемъ, что смерть Александра II принесетъ съ собою конституцію и политическую свободу, при которой дѣло политическаго воспитанія рабочихъ двинется съ небывалой у насъ быстротою. Имѣя такое убѣжденіе, онъ могъ, не измѣняя себѣ, предпочесть террористическую дѣятельность агитаціонной. Но теперь уже невозможно раздѣлять такое убѣжденіе. Опытъ показалъ, что оно было ошибочно. Царь Александръ II погибъ; царизмъ продолжаетъ существовать. Чтобы покончить съ нимъ, необходимо разрушить его основу. А къ этой цѣли нѣтъ другого пути, кромѣ политическаго воспитанія народа и прежде всего рабочаго класса.

Говорятъ, что терроръ тоже воспитываетъ рабочую массу, возбуждая ее. Тутъ есть капля истины. Рабочіе, недовольные существующимъ порядкомъ вещей, радуются удачнымъ покушеніямъ и огорчаются неудачными. Ихъ, конечно, возбуждаютъ доходящія до нихъ извѣстія о дѣйствіяхъ террористовъ. Но такое возбужденіе не выдерживаетъ и отдаленнаго сравненія съ возбужденіемъ, вызываемыми въ рабочихъ личнымъ непосредственнымъ участіемъ ихъ въ массовыхъ уличныхъ движеніяхъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ возбужденіе располагаетъ къ самодѣятельности, между тѣмъ какъ сочувствіе къ террористамъ не только не исключаетъ пассивнаго отношенія къ общественной жизни, но даже поддерживаетъ и укрѣпляетъ его, пріучая населеніе смотрѣть на революціонную партію какъ на благодѣтельную, но постороннюю ему силу, которая сама все дѣлаетъ, сама поразитъ всѣхъ враговъ свободы и сама обезпечитъ торжество революціи. Терроризмъ изолируетъ революціонную партію и тѣмъ осуждаетъ ее на пораженіе.

Что демонстраціи стоютъ у насъ многихъ жертвъ, это, къ сожалѣнію, неоспоримо. Но, во первыхъ, ошибочно думать, что террористическія дѣйствія обходятся въ этомъ смыслѣ дешевле. Наоборотъ. Наибольшія потери причиняются революціонерамъ именно ими. А во вторыхъ безъ жертвъ невозможна никакая борьба. Жертвы были и будутъ. Все дѣло въ томъ, чтобы онѣ не приносились напрасно, и чтобы каждая демонстрація приносила нашему дѣлу всю ту пользу, которую она можетъ принести.

Въ № 14 „Искры“ мы уже указывали на то, чего не достаетъ теперь нашимъ демонстраціямъ: 1) въ нихъ участвуетъ сравнительно мало народу; 2) ихъ участники не оказываютъ организованнаго сопротивленія властямъ. Опытъ показалъ, что мы не ошибались. Возьмите хоть Кіевскую демонстрацію 2-го февраля. Ея участники проявили по истинѣ геройское мужество и самоотверженіе. Но ихъ было сравнительно немного, и полиція легко справилась съ ними. Но это не все. Даже итѣ, сравнительно небольшія силы, которыя участвовали въ демонстраціи, не были организованы, что еще болѣе ослабило ихъ сопротивленіе. А съ другой стороны посмотрите на то, что произошло въ Гельсинфорсѣ 5-го апрѣля. Здѣсь, какъ сообщаютъ иностранныя газеты, полиція встрѣтила дружный отпоръ со стороны „толпы“ и отступила, унося съ собою много раненыхъ. И это было достигнуто безъ употребленія участниками демонстраціи огнестрѣльнаго оружія, которое было-бы вредно, такъ какъ дало-бы правительству желанный поводъ для „усмиренія бунтовщиковъ“ солдатскими пулями. Мы не знаемъ была-ли организована Гельсинфорсская демонстрація 5-го апрѣля. Повидимому — да. Но какъ бы тамъ ни было, несомнѣнно то, что ея успѣхъ былъ обусловленъ дружнымъ дѣйствіемъ большой массы народа. Полиція и казаки были аттакованы со всѣхъ сторонъ. Даже изъ оконъ домовъ въ нихъ кидали камнями, дровами и бутылками, наполненными ѣдкими кислотами. Правительство поняло, что противъ него все населеніе, и уступило, отсрочивъ призывъ новобранцевъ. Въ наше время тайна политическаго успѣха заключается въ искусствѣ вызывать движеніе массы. Когда идея политической свободы овладѣетъ у насъ всей рабочей массой, — какъ овладѣла она уже нѣкоторыми ея слоями, — тогда и у насъ будутъ происходить демонстраціи, подобныя Гельсинфорсской. А чтобы эта идея овладѣла всей рабочей массой, надо распространять ее съ удесятеренной энергіей. Надо наводнить Россію листками и возваніями, обнаруживающими гнусность нашего политическаго устройства. Надо разбрасывать такіе листки и возванія въ мастерскихъ, въ трактирахъ, въ баняхъ, въ конкахъ, въ церквахъ, на постоялыхъ дворахъ, на желѣзныхъ дорогахъ, на пароходахъ, словомъ — вездѣ и всюду. Всякому уличному движенію должна предшествовать работа подготовительной агитаціи и организаціи. Тамъ, гдѣ не соблюдено это условіе, лучше воздерживаться отъ демонстрацій. Но за то тѣмъ рѣшительнѣе надо выступать тамъ, гдѣ почва для демонстраціи уже подготовлена.

Кто считалъ прошлогоднія событія „началомъ конца“, въ томъ разочарованіе понятно: конецъ пока все еще не „конченъ“. Но въ нашемъ дѣлѣ иллюзіи не менѣе вредны, чѣмъ малодушіе, съ которымъ онѣ, кстати сказать, состоятъ въ тѣсномъ родствѣ. Мы переживаемъ теперь „не начало конца, а просто начало.“ Неудивительно, поэтому, что конецъ заставляетъ себя ждать: но мы никогда не дождемся его, если оставимъ путь политической агитаціи въ массѣ и ударимся въ терроръ.

Умерщвленіе не убійство! Но оно не есть также и путь къ побѣдѣ. Карая отдѣльныхъ слугъ царя, оно не разрушаетъ царизма. Мы очень цѣнимъ самоотверженіе лицъ, подобныхъ Балмашеву и Карповичу. Но мы стремимся къ низверженію цѣлой системы. Мы стоимъ на классовой точкѣ зрѣнія. А съ этой точки зрѣнія самымъ вѣрнымъ и совершенно незамѣнимымъ средствомъ борьбы съ царизмомъ была и остается агитація въ рабочемъ классѣ для развитія его политическаго самосознанія и организація его силъ для дальнѣйшей, все болѣе и болѣе упорной, все глубже и глубже проникающей, все болѣе и болѣе плодотворной и побѣдоносной агитаціи.

Только на фундаментѣ политическаго самосознанія русскаго пролетаріата можетъ быть воздвигнуто зданіе русской политической свободы! Русское революціонное движеніе восторжествуетъ, какъ движеніе рабочей массы, или совсѣмъ не восторжествуетъ!

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

По поводу смерти Г. И. Успенскаго.

24-го марта умеръ Глѣбъ Ивановичъ Успенскій. Давно уже пересталъ онъ писать, давно замерли всякія надежды на его выздоровленіе и тѣмъ не менѣе у него найдутся, никогда лично не встрѣчавшіеся съ нимъ, читатели, на которыхъ вѣсть о его смерти произведетъ впечатлѣніе утраты близкаго человѣка, игравшаго когда-то значительную роль въ его собственной судьбѣ. Г. И. Успенскій неизмѣримо больше всѣхъ легальныхъ писателей 70-хъ и 80-хъ г. г. оказалъ вліянія на ходъ нашего революціоннаго движенія. Его деревенскіе очерки конца 70-хъ г. г., совпадая съ личными впечатлѣніями ходившихъ въ народъ революціонеровъ, содѣйствовали крушенію первоначальнаго анархически-бунтарскаго народничества. Еще большее значеніе имѣли нѣкоторыя изъ его произведеній 80-хъ г. г., въ которыхъ мыслитель, сливаясь съ художникомъ, на нѣсколькихъ страницахъ, иногда въ нѣсколькихъ строкахъ намѣчалъ самые глубокіе выводы, сообщая имъ непосредственную убѣдительность художественнаго наблюденія дѣйствительности. Первымъ русскимъ марксистамъ революціонерамъ, т. е. тѣмъ марксистамъ, для которыхъ марксизмъ былъ не только научной теоріей, а теоретической основой практической программы, эти очерки Г. Успенскаго помогали конкретно выяснять и себѣ и другимъ свою историческую теорію.

Самъ Г. Успенскій былъ и остался народникомъ въ томъ смыслѣ, что для него не было типа человѣка лучше, желаннѣе крестьянина, живущаго при натуральномъ хозяйствѣ, но глубоко правдивый художникъ и мыслитель, онъ вѣчно показывалъ намъ всю невозможность революціонной программы, пріуроченной къ этому типу, и въ то же время, какъ нельзя яснѣе, показывалъ также и безнадежность мечтаній о сохраненіи какъ любимаго типа, такъ и всего стараго быта и старыхъ крестьянскихъ учрежденій при новыхъ экономическихъ условіяхъ.

Для самаго Г. Успенскаго эти противорѣчія были безвыходно трагическими. Но для многихъ изъ его читателей они расчищали путь къ принятію новаго революціоннаго міровоззрѣнія, указавшаго выходъ.

Если-бы Г. Успенскій присутствовалъ при возрожденіи революціоннаго движенія подъ знаменемъ соціаль-демократіи, онъ не смогъ бы, вѣроятно, стать на нашу сторону. Ему помѣшала-бы безнадежная любовь къ исчезающему типу стараго крестьянина; но не смогъ бы онъ стать и тѣмъ нежелающимъ понимать, безусловно враждебнымъ противникомъ, какими оказались, въ большинствѣ случаевъ, его былые сотрудники по журнальной дѣятельности.

Во всякомъ случаѣ соціаль-демократы всегда будутъ любить и читать Г. И. Успенскаго какъ одного изъ тѣхъ глубоко искренних наблюдателей и мыслителей, которые — гдѣ бы ни была ихъ любовь въ прошедшемъ или въ будущемъ — въ силу своей великой правдивости помогаютъ все большему и большему выясненію того единственнаго пути, который идетъ черезъ соціальную революцію пролетаріата.

О Тульской полиціи. (Непріятная ошибка г-на Гартье. Удивительное самоубійство двухъ воровъ. Какъ городовой Баутинъ заплатилъ долгъ. Тульская достопримѣчательность. Застѣнокъ на улицѣ. Какъ приставъ Лавровъ Бога обокралъ. Кто выше — Богъ или Лавровъ? Родственныя чувства г-на Шлиппе. Перемѣна во взглядахъ обывателей.)

Что такое русскій полицейскій участокъ — это знаетъ всякій. Въ немъ, какъ грязная туча въ болотной лужѣ, отражается весь строй нашей жизни — безправной и беззаконной, гдѣ „особа“ можетъ дѣлать, что хочетъ, а простой человѣкъ долженъ почтительно трепетать, какъ бы съ нимъ начальство ни поступило. Наша тульская полиція служитъ прекраснымъ образчикомъ этого. Обыватель отданъ въ ея полное распоряженіе, полиція смотритъ на него, какъ на побѣжденнаго врага, съ которымъ можно дѣлать, что угодно; она обираетъ его, оскорбляетъ, истязуетъ, и все это совершенно безнаказанно сходитъ ей съ рукъ, пока... пока, зарвавшись, она по „недоразумѣнію“ не наскочитъ на „бѣлую кость“. Тогда картина мѣняется....

Года два назадъ въ легальной печати былъ опубликованъ случай съ нашимъ приставомъ Мазараки. Во время крестнаго хода одна дѣвушка „дерзко взглянула“ на него, онъ отправилъ ее въ участокъ, а въ участкѣ оказалось, что дѣвушка — мѣстная аристократка, княжна Оболенская. Приставъ поплатился арестомъ — но не за то, конечно, что потащилъ въ участокъ невиннаго человѣка, а за то, что не съумѣлъ отличить бѣлой кости отъ черной. Недавно подобное же недоразумѣніе произошло съ тульскимъ полиціймейстеромъ Гартье, прославившимся у насъ своимъ безудержнымъ мордобойствомъ и тѣмъ, что, въ бытность Крапивенскимъ исправникомъ, онъ былъ на пожарѣ жестоко избитъ мужикомъ, получившимъ отъ него затрещину. Въ декабрѣ прошлаго года шли по Кіевской улицѣ три скромно одѣтые господина и видятъ, что на улицѣ, посреди снующихъ экипажей, лежитъ мертвецки пьяный человѣкъ. Они обратились къ проходившему мимо полиціймейстеру съ просьбою распорядиться убрать лежащаго. — „Это не ваше дѣло!“ — гаркнулъ на нихъ Гартье. „Ступайте прочь!“ — „Мы васъ покорнѣйше просимъ распорядиться убрать этого человѣка“. — „А вотъ я сейчасъ распоряжусь... Городовой! Въ участокъ ихъ! — Ахъ, такъ!“ „Ну нѣтъ, погодите! Извощикъ, къ губернатору!“... Прохожіе были мѣстные вліятельные землевладѣльцы: Шатиловъ (извѣстный сельскій хозяинъ) и Воейковъ, третій — какой-то ихъ знакомый князь изъ Петербурга. Губернаторъ В. К. Шлиппе немедленно вызвалъ къ себѣ по телефону Гартье, распекъ его въ присутствіи жалобщиковъ и велѣлъ просить извиненія. Смущенный Гартье, разумѣется, разсыпался въ извиненіяхъ и увѣреніяхъ, что произошло „недоразумѣніе“. По уходѣ Гартье, губернаторъ сталъ уговаривать потерпѣвшихъ удовольствоваться

этимъ извиненіемъ (Гартье женатъ на племянницѣ губернатора). Къ стыду г. г. Шатилова и Воейкова, они „простили“ Гартье, но петербургскій князь, котораго полоціймейстеръ во время объясненія „легонько толкнулъ“ въ шею, не захотѣлъ простить, и г. Гартье долженъ былъ подать въ отставку.

Вотъ что значитъ быть у насъ княземъ и вліятельнымъ лицомъ! Но у кого нѣтъ связей, кто не знакомъ съ губернаторомъ, тотъ находится въ полной и безконтрольной власти полиціи, всѣ жалобы на которую напрасны. Простой обыватель испытываетъ къ полиціи ужасъ; у насъ есть пословица: „когда идешь въ участокъ, раньше исповѣдуйся и причастись“. Наши полицейскіе участки — это форменные застѣнки, въ нихъ постоянно творятся ужасы, отъ которыхъ дыбомъ становятся волосы. Попавшихъ въ участокъ пьяныхъ обираютъ до нитки и бьютъ, такъ, что не рѣдко ихъ вопли доносятся до улицы. Эти „каторжныя гнѣзда“ полны кровавыхъ преступленій.

Года два тому назадъ были арестованы два вора и посажены во вторую часть. Что съ ними тамъ дѣлали неизвѣстно, но на слѣдующее утро ихъ о б о и х ъ нашли въ камерѣ „повѣсившимися“. Труповъ не вскрывали и мирно похоронили.... А совсѣмъ недавно произошелъ вотъ какой случай: 10-го февраля 1902 года старшій городовой второй части Баутинъ былъ въ гостяхъ у своего земляка, Андрея Дмитріева, дворника при Сапельниковскихъ баняхъ. Дмитріевъ сталъ просить Баутина возвратить ему взятые у него взаимы 25 руб. Тотъ предложилъ ему пойти съ нимъ въ часть и тамъ получить деньги. Заведши земляка къ себѣ, Баутинъ повалилъ его на землю и сталъ бить его утюгомъ по головѣ. Дмитріевъ тутъ-же подъ ударами и умеръ. Баутинъ былъ арестованъ, но черезъ сутки, ко всеобщему изумленію, былъ выпущенъ на свободу подъ поручительство мѣстнаго подрядчика Антонова (не ссориться же ему съ полиціей!) Городовымъ второй части строжайше было приказано начальствомъ говорить, что смерть Дмитріева произошла отъ несчастнаго случая: Баутинъ и Дмитріевъ стали шутливо бороться, Дмитріевъ упалъ и ударился головою о край печки.

Впрочемъ все это дѣла обычныя; во всѣхъ русскихъ городахъ творится то-же самое. Но есть въ тульской полиціи нѣчто, даже для русской жизни необычное, есть достопримѣчательность, о которой не перестаютъ говорить въ Питерѣ и о которой всякій тулякъ можетъ вамъ поразсказать самыя удивительныя вещи. Эта достопримѣчательность — приставъ четвертой (Чулковской) части Лавровъ. Въ другихъ тульскихъ частяхъ людей бьютъ и истязуютъ въ застѣнкахъ, — Лавровъ вынесъ застѣнокъ на улицу, всю Чулковскую часть онъ обратилъ въ одинъ сплошной застѣнокъ. Запѣлъ подвыпившій мастеровой пѣсню, не поклонился онъ Лаврову, — Лавровъ съ городовыми набрасывается на него и тутъ же на улицѣ подвергаетъ избіенію; бьютъ жестоко, кулаками, ногами, иногда до безчувствія. Если какой-либо прохожій замѣтитъ Лаврову, что по закону, бить людей не полагается, Лавровъ набрасывается съ городовыми на прохожаго, вламывается за нимъ въ его квартиру и избиваетъ его тамъ, на глазахъ жены и дѣтей. Въ мартѣ прошлаго года умеръ одинъ чулковскій лабазникъ отъ побоевъ, нанесенныхъ ему Лавровымъ въ его собственномъ домѣ. На похороны этого лабазника, изъ боязни демонстраціи, никто не былъ допущенъ.... Если нѣсколько человѣкъ собирается на улицѣ вмѣстѣ, если лѣтнимъ вечеромъ уставшіе отъ работы мастеровые сидятъ на лавочкахъ у воротъ, налетаетъ Лавровъ и разгоняетъ всѣхъ нагайками (замѣтьте, что Тула даже не находится на положеніи усиленной охраны). Всѣ дома въ Чулковѣ обложены правильной данью; на ночныхъ сторожей, между прочимъ, тратится въ мѣсяцъ 120 руб., а собирается Лавровымъ около 900 р. Завидѣвъ вдалекѣ Лаврова, лавочники спѣшатъ запирать лавки, такъ какъ выгоднѣе этотъ день не торговать, чѣмъ увидѣть у себя въ лавкѣ чулковскаго „хозяина“. Сотни жалобъ подаются на Лаврова губернатору, но онѣ остаются безъ разсмотрѣнія. Чулковскіе мастеровые со стыдомъ спрашиваютъ: „Неужели среди насъ не найдется никого, кто бы избавилъ Чулково отъ Лаврова?“ Лавровъ прекрасно знаетъ о питаемыхъ къ нему населеніемъ чувствахъ и не появляется на улицѣ иначе, какъ подъ охраной нѣсколькихъ городовыхъ.

Года два назадъ много заставило говорить о себѣ въ Тулѣ слѣдующее происшествіе. Строилась въ Чулковѣ новая церковь. Лавровъ, въ качествѣ члена церковно-строительнаго комитета собиралъ на храмъ пожертвованія. На эти пожертвованія онъ купилъ плащеницу рублей въ 200-300. Но слухи ходили, что пожертвованій Лавровъ собралъ на сумму, много большую, — рублей до тысячи. Вслѣдствіе этихъ слуховъ, священникъ послалъ помощника церковнаго старосты Шкунаева поразвѣдать среди обывателей, кто сколько пожертвовалъ Лаврову. Между прочимъ Шкунаевъ зашелъ къ одному трактирщику. Тотъ отвѣтилъ, что ему нужно справиться по книгамъ, и попросилъ Шкунаева зайти за отвѣтомъ завтра. Когда на завтра Шкунаевъ пришелъ, его встрѣтилъ Лавровъ съ четырьмя городовыми, которые приняли Шкунаева на кулаки. Шкунаевъ вырвался и съ воплемъ побѣжалъ по улицѣ, преслѣдуемый Лавровымъ; онъ вбѣжалъ въ церковь, гдѣ въ то время былъ священникъ; Лавровъ вбѣжалъ за нимъ и жестоко избилъ его въ самой церкви. Священникъ доложилъ, о произведенномъ Лавровымъ святотатствѣ, архіерею; Шкунаевъ подалъ жалобу прокурорскому надзору. Прокуроръ жалобѣ ходу не далъ, а архіерей Питиримъ строжайше велѣлъ священнику молчать о происшедшемъ... Изъ всеподданнѣйшаго доклада Побѣдоносцева читатели „Искры“ уже знаютъ о томъ трогательномъ единеніи, въ которомъ казенный православный Богъ живетъ съ русской полиціей. Какъ видимъ, въ случаѣ нечаяннаго столкновенія между обоими, Богъ долженъ сторониться передъ приставомъ и молча глотать наносимыя ему обиды... Разговоры о томъ, какъ чулковскій приставъ обокралъ Бога не прекращались въ Тулѣ. Чтобъ положить имъ конецъ, губернаторъ Шлиппе приказалъ Лаврову привлечь Шкунаева къ суду за клевету. Характерно то, что ни одинъ изъ тульскихъ адвокатовъ, изъ боязни Лаврова, не рѣшился защищать Шкунаева, и защитника пришлось выписывать изъ Москвы. На судѣ раскрылись поразительныя вещи. Хранившійся у Лаврова подписной листъ оказался полнымъ подчистокъ и передѣланныхъ цыфръ; одинъ мясной торговецъ показалъ, что на предложеніе Лаврова пожертвовать на церковь, онъ попросилъ его внести въ листъ 50 руб., которые Лавровъ долженъ былъ ему за мясо. Этихъ денегъ въ листѣ не оказалось.... Шкунаевъ былъ оправданъ. Выходя изъ суда, Лавровъ громко, при публикѣ, обратился къ мяснику со слѣдующими словами: „Ты противъ меня свидѣтельствовать? погоди-же, я тебѣ покажу!“ И само собою разумѣется.... показалъ! По настоянію губернатора дѣло было перенесено въ слѣдующую инстанцію. По отношенію къ непріятнымъ свидѣтелямъ были приняты соотвѣтственныя мѣры, и во второй инстанціи Шкунаевъ былъ осужденъ.

Все это дѣло чрезвычайно взволновало благочестивую Тулу. Указывали на то, что губернаторь Шлиппе — лютеранскаго вѣроисповѣданія, что новая царица нѣмка, что православному Богу приходитъ конецъ.... Вообще тульскій обыватель еще довольно сильно склоненъ объяснять окружающія его безобразія частными случайными причинами. Такъ, поразительную, даже для русскихъ условій, безнаказанность Лаврова, которому, по общему мнѣнію, давно уже мѣсто на каторгѣ, обыватели объясняютъ тѣмъ, что губернаторъ Шлиппе долженъ ему по векселю 30 тысячъ рублей. Безнаказанность Гартье, женатаго на племянницѣ губернатора, объясняли родственными чувствами г-на Шлиппе.*) Къ счастью, такіе взгляды все больше начинаютъ смѣняться другими, болѣе широкими и люди спрашиваютъ себя: „что же это за порядокъ, гдѣ любой каторжникъ въ полицейскомъ мундирѣ можетъ сдѣлать съ тобою, что хочетъ и управы на него нигдѣ нѣтъ?“

Московскій Комитетъ Россійской Соціаль-демократической Рабочей Партіи выпустилъ слѣдующую (отъ 16-го марта 1902 года) прокламацію:

„Товарищи! Въ субботу 9-го марта происходило собраніе механическихъ рабочихъ и ткачей Рогожскаго района. На этомъ, какъ и на предыдущихъ собраніяхъ, клеймили и ругали интеллигентовъ, называли ихъ врагами рабочаго класса, проповѣдовали мирный образъ дѣйствій и совѣтовали не заниматься политикой, вредной для успѣха рабочаго дѣла. Товарищи! Никто изъ васъ, конечно, не вѣритъ этимъ Іудамъ рабочаго дѣла. Вѣдь такія рѣчи говорятъ всегда одни и тѣ-же ораторы, такія же рѣчи говорятъ и ихъ главные руководители и совѣтчики Зубатовъ и Треповъ, агенты полиціи. Никогда еще и нигдѣ въ мірѣ ни одинъ рабочій не вѣрилъ и не повѣритъ, чтобы устами полиціи говорила истина. Во всѣхъ странахъ Западн. Европы рабочимъ принадлежитъ право свободной борьбы съ капиталистами, право свободно высказывать свои иден. Не то у насъ, гдѣ всякое свободное слово давятъ. Вспомните, что всѣхъ вашихъ товарищей, высказывавшихся на вашихъ собраніяхъ иначе, чѣмъ явные и тайные агенты Зубатова и Трепова, арестовали и они еще и теперь сидятъ въ тюрьмѣ, откуда шлютъ вамъ привѣтъ и совѣтъ не вѣрить г. г. Афанасьевымъ, Красивскимъ, Слѣповымъ и др. Іудамъ, этимъ истиннымъ врагамъ рабочаго дѣла. А интеллигенты сотнями и тысячами идущіе въ тюрьмы и ссылку во имя идей правды, желаютъ вамъ добра, а не зла. Всѣмъ вамъ, товарищи, извѣстно, что въ Бутырской тюрьмѣ сидятъ до 6-ти сотъ студентовъ и курсистокъ за то, что они перестали ограничиваться студенческими требованіями и стали предъявлять требованія политическія, т. е. свободы слова, собраній, печати и т. д. Всѣхъ ихъ правительство рѣшило либо сослать въ Восточную Сибирь, либо въ Архангельскую тюрьму на 6 мѣс. Надо вамъ знать, товарищи, что они встрѣтили въ Бутыркахъ 42 товарищей рабочихъ съ Мещеринской мануфакт. привѣтствіями, устроивъ иллюминацію изъ матрацовъ. За это ихъ избили и посадили на парашу. Въ отвѣтъ на такой произволъ они объявили голодовку и вотъ уже 6 дней какъ голодаютъ. Если правительство поступаетъ такъ съ врагами рабочихъ, то почему оно такъ не расправится съ капиталистами? Или оно ихъ считаетъ вашими друзьями? Нѣтъ, товарищи, васъ правительство всѣхъ подло обманываетъ. Вспомните, что еще Петръ Алексѣевъ, нашъ товарищъ рабочій, на судѣ заявилъ, что „русскому рабочему народу остается только надѣяться самимъ на себя и ни отъ кого не ожидать помощи, кромѣ отъ одной нашей интеллигентной молодежи: она одна братски протянула намъ свою руку и отъ искренняго сердца желаетъ вытащить насъ изъ затягивающей пучины на благопріятный для всѣхъ стонущихъ путь... И они неразлучно пойдутъ съ нами до тѣхъ поръ, пока поднимется мускулистая рука милліоновъ рабочаго люда, и ярмо деспотизма, ограждаемое солдатскими штыками, разлетится въ прахъ“. Но и вы, товарищи, уже доказали на послѣднемъ собраніи свое умѣнье разбираться въ истинныхъ цѣляхъ правительства и его тайныхъ и явныхъ агентовъ — Зубатова, Трепова, Красивскаго, Афанасьева и другихъ — усыпить васъ всякими обѣщаніями и ничего для васъ не сдѣлать. Надо надѣяться, что скоро и совсѣмъ будутъ разоблачены эти Іуды рабочаго дѣла, которые свои желанія и мысли навязываютъ всѣмъ рабочимъ. Что вамъ дали ваши порайонныя собранія? Ничего, кромѣ права говорить по указкѣ Афанасьева, Красивскаго. А стоитъ вамъ уклониться отъ этой указки и вы уже попадаете въ тюрьму. Но довольно-же, дорогіе товарищи, терпѣть, чтобы среди насъ могли пользоваться вліяніемъ эти проходимцы, состоящіе на службѣ въ охранномъ отдѣленіи. Довольно намъ терпѣть, чтобы наши дѣла разрѣшались въ охранномъ отдѣленіи! Будемъ помнить, что правительство — врагъ нашъ и другъ капиталистовъ. Иначе-бы оно не подавляло всякую нашу стачку вооруженными силами. Наши товарищи, обуховцы, сосланные на каторгу, хорошо знаютъ истинныя цѣли русскаго правительства и вопіютъ о мщеніи. Будемъ-же помнить оставленные намъ завѣты ихъ и другихъ лучшихъ нашихъ товарищей бороться за святую истину, за полное освобожденіе рабочаго класса отъ рабства, за коренное измѣненіе общественнаго порядка...“

Волненія крестьянъ на Югѣ.

Въ Константиноградскомъ уѣздѣ, Полтавской губ. — бунтъ, убитъ управляющій — бунтуютъ нѣсколько деревень. Въ Карловкѣ (громадное имѣніе герцога Мекленбургскаго, въ которомъ работаетъ до 6000 рабочихъ), собраны войска — 1500 чел., — губернаторъ Полтавскій тамъ-же. Арестованъ высланный изъ Карловки студентъ Баумштейнъ, а за что неизвѣстно.

Въ Харьковской губ. тоже бунтуютъ. Это даже и „бунтомъ“ нельзя назвать, потому что это не вспышка простая. Мѣста, охваченныя возстаніемъ, оцѣплены и пройти оттуда нельзя, потому и неизвѣстно ничего.

Мы слышали, что причиной „возстанія“ является требованіе крестьянъ о выдачѣ хлѣба для обсѣмененія. На первыя попытки голодающихъ взять хлѣбъ изъ магазиновъ силой, власти отвѣтили жестокими расправами. Въ результатѣ „бунтъ“, который вызвалъ поѣздку на югъ новаго министра Плеве.

Полтава. (5-го апрѣля.)

Не успѣла Полтава успокоиться послѣ февральской исторіи (см. № 18) какъ въ среднихъ числахъ прошлаго мѣсяца появились неопредѣленные слухи объ обыскахъ у крестьянъ, о распространеніи среди сельскаго населенія прокламацій и нелегальныхъ

*) Родственныя чувства у г-на Шлиппе дѣйствительно сильны. Такъ напримѣръ, въ прошломъ году въ Тулѣ давалъ концертъ артистъ Зиссерманъ, родственникъ губернатора. Помощники приставовъ разъѣзжали по домовладѣльцамъ, предлагая имъ брать билеты на концертъ. Болѣе независимые отказывались, болѣе сѣрые, чтобы не ссориться съ полиціей, кряхтѣли и вытаскивали изъ кармановъ кошельки.

ФЕЛЬЕТОНЪ

ИЗЪ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ РОССІИ.

II.

Рабочіе на русскихъ торфяныхъ болотахъ.

I.

Я прожилъ четыре лѣта на одномъ изъ русскихъ торфяныхъ болотъ, видѣлъ всю мерзость и подлость эксплоатаціи рабочаго предпринимателемъ и теперь только имѣю возможность подѣлиться съ читателями видѣннымъ.

Что такое торфяное болото? Что это-фабрика, заводъ или еще что-либо? Этого, повидимому, не рѣшило, да и не рѣшаетъ и само русское самодержавное правительство, такъ какъ еще до сихъ поръ не существуетъ никакой регулировки этого дѣла. А дѣло серьезно, дѣло для Россіи въ настоящее время большой важности.

Торфъ прекрасное, удобное и очень дешевое топливо. Разрабатывается онъ уже лѣтъ 20-30, но особенно принялись за него лишь за послѣдніе 7-8 лѣтъ, во время угольнаго кризиса и въ то время, когда цѣна на нефть стала колебаться.

Работа на торфяныхъ болотахъ двухъ родовъ: 1) собственно выработка торфа въ видѣ кирпичей (ручная и машинная, работаютъ мущины*), и 2) сушка и уборка уже сработанныхъ торфяныхъ кирпичей (работаютъ женщины). Начинается работа въ первыхъ числахъ Мая (но не позже 10-го), кончается: выработка въ 20 числахъ Іюля, на нѣкоторыхъ болотахъ даже 6-го Августа.**) Работа женщинъ, сушка и уборка начинается въ тоже время, но кончается гораздо позднѣе: 15 Августа, 1 Сентября и даже 28-29 Сентября.

Торфяная работа, какъ собственно выработка, такъ сушка и уборка требуютъ извѣстнаго навыка и умѣнія. Кромѣ того, рабочій долженъ привыкнуть къ водѣ, невыразимой грязи къ работѣ подъ открытомъ небомъ и на совершенно открытомъ мѣстѣ. Все вмѣстѣ взятое является причиной того, что обыкновенный рабочій человѣкъ, даже простой землекопъ на эту работу не пойдетъ — онъ ее не сдѣлаетъ, да и не вынесетъ. Издавна сложилось уже такъ, что рабочіе на торфяныя болота нанимаются въ извѣстныхъ губерніяхъ, больше даже только въ опредѣленныхъ уѣздахъ. Такими мѣстами въ Россіи являются: 1) Рязанская губернія (уѣзды Скопинскій, Рязанскій, Михайловскій, Спасскій, Раненбургскій, Касимовскій и отчасти Пронскій). 2) Зубцовскій уѣздъ, Тверской губерніи, 3) Тульская губернія, уѣзды Крапивинскій и Епифановскій и 4) сѣверная часть Калужской губ. Торфяныя же болота въ Россіи находятся въ губерніяхъ: Петербургской, Рязанской, Тверской, Тамбовской и Калужской. На каждомъ болотѣ, гдѣ есть хотя одна машина, должно быть рабочихъ: мущинъ не менѣе 30 человѣхъ и женщинъ не менѣе 20. Большинство же болотъ имѣютъ отъ 5 до 12-15 машинъ.***)

Значитъ почти все населеніе указанныхъ мѣстъ, гдѣ есть работники — „торфяники“ и работницы — „торфушки“ (такъ обыкновенно онѣ называются на болотахъ) должно уходить на лѣто изъ дому. Дѣйствительно это такъ и бываетъ, и дома остаются 1-2 работника (мущины или женщины смотря по мѣстности), старики, старухи да развѣ иногда беременныя женщины, для которыхъ работа на торфяныхъ болотахъ не допустима.*)

Казалось бы, что такое отношеніе количества болотъ къ количеству рабочихъ должно было вліять на заработную плату въ дѣйствительности этого не бываетъ, развѣ только, какъ исключеніе. Происходитъ это оттого, что сами рабочіе стоятъ на нисшей ступени развитія, они поголовно всѣ во власти всякаго рода начальства и мысль ихъ забита невѣроятно. Всякое ничтожество, вродѣ урядника, попа, а тѣмъ болѣе земскаго начальника, добилось того, что въ народѣ „Рязанецъ“ стало нарицательнымъ именемъ для всѣхъ простаковъ мысли и дѣла... Ниже я укажу виды протеста, къ которымъ иногда прибѣгали обездоленные и загнанные торфяники, когда болѣе терпѣть ихъ силъ уже не хватало...

Наемъ рабочихъ производится такимъ образомъ. (Наиболѣе характеренъ наемъ мущинъ.) Въ деревню пріѣзжаетъ прикащикъ, читаетъ собравшимся мужикамъ условія, даетъ подписаться, отбираетъ паспорта и выдаетъ задатки (обыкновенно по 10 руб. на чел.). Мужики, сдавленные въ это время (октябрь и начало ноября) со всѣхъ сторонъ требованіемъ всевозможныхъ податей, царскихъ оброковъ и своею собственной нуждой, не слушая подписываютъ эти „условія“ лишь для того, чтобы поскорѣе взять задатки. Результаты этого подписыванія обнаруживаются уже послѣ, на работѣ.

Отдавши паспортъ, рабочій закрѣпощенъ. Если бы ему даже и представилось болѣе выгодное мѣсто, онъ долженъ отказаться.

Я увѣренъ, глубоко увѣренъ въ томъ, что если-бы эти несчастные закрѣпощаемые понимали всю свою силу, понимали, что не они должны кланятся кущу-предпринимателю, а онъ имъ, они могли бы добиться огромныхъ для себя уступокъ. Простой мирной стачкой они „заставили“ бы платить за работу вдвое, втрое противъ того, что имъ платятъ теперь, потому что и тогда предприниматели всетаки получили бы барыши и не маленькіе. Я приведу въ доказательство цыфры, которыя покажутъ яснѣе.

Каждый пудъ торфа обходился на болотѣ Хлудовыхъ со всѣми расходами по ремонту, жалованію служащимъ и рабочимъ, погашенію и пр. 5,5 коп. + 1,5 коп. за перевозку въ ближаишій городъ (Егорьевскъ, Рязанской губ.), а продавался по 10 коп. за пудъ. Слѣдовательно Хлудовы отъ каждаго пуда торфа получили 3 коп. чистаго барыша. Вырабатывая въ 1900 и 1901 году при 9 машинахъ ежегодно 5000 куб. сажень или 1,100000 пуд. торфа, они клали себѣ въ карманъ не больше, не меньше, какъ 33,000 рублей.... Цыфра баснословная, ужасная, ей трудно вѣрить. Но это дѣйствительно такъ, дѣйствительно еще и то, что эти 33 тысячи буквально выжаты, выдавлены изъ голодныхъ мужиковъ... Если бы предприниматель получалъ только $^1/_2$ коп. съ пуда барыша, то и тогда цыфра была бы внушительна — 5500 руб., а вѣдь это только за три лѣтнихъ мѣсяца... П. М. Соловьевъ въ своей книгѣ „Разработка торфа на топливо“ приводитъ почти такія же цыфры о барышахъ Викулы Морозова въ Орѣховѣ-Зуевѣ. Разница лишь въ томъ только, что тамъ пудъ торфа (опять таки за погашеніемъ всѣхъ расходовъ) обходился въ 5,6 коп. Значитъ Морозовъ получалъ только на 0,1 коп. меньше Хлудовыхъ, но такъ какъ свѣдѣнія г. Соловьева сообщались торфмейстерами, то весьма возможно, что цыфры не отличаются особой вѣрностью.

Если-бы этотъ огромный излишекъ въ 27,500 рублей (33,000-5,500), который получили въ 1901 году Хлудовы раздѣлить на 520 человѣкъ работавшихъ на болотѣ, это было бы почти по 53 рубля на человѣка, что для крестьянина составляетъ многое. Но конечно какое дѣло г. г. Хлудовымъ и Ко—до того, что нѣсколько сотъ рабочихъ съ утра до вечера стоятъ въ грязи, сгибаются подъ 2-хъ — 3-хъ пудовой корзинкой съ торфомъ и пр... для нихъ важно то, что они то Хлудовы ѣли, пили, имѣли содержанокъ и пр., да получали бы „тыщи“...

Этимъ я закончу первую главу моей статьи. Во второй я постараюсь показать читателямъ собственно положеніе рабочихъ на торфяныхъ болотахъ.

II.

Работа на торфяныхъ болотахъ, какъ я уже сказалъ, начинается въ первыхъ числахъ мая. Работа тяжелая... Мущины рабочіе разбиваются на артели и каждая артель выбираетъ себѣ старосту. Староста наблюдаетъ за работой, за постановкой машины, завѣдуетъ харчами и т. д. Вся артель дѣлится на три партіи, изъ которыхъ каждая знаетъ только свое дѣло, иногда впрочемъ мѣняясь мѣстами съ товарищами.

Первая партія въ 13-14 человѣкъ копаетъ торфяную массу и бросаетъ ее въ элеваторъ, который ужъ подаетъ массу въ прессъ машины. Слѣдующая партія — 4 человѣка занимается рубкой на кирпичи и пріемкой уже готоваго выработаннаго торфа. И наконецъ третья 12-13 человѣкъ отвозитъ торфяные кирпичи (по 4 штуки на особой дощечкѣ; такихъ дощечекъ на каждый вагончикъ кладутъ по 22 штуки) на мѣсто сушки и складываетъ тамъ ихъ въ извѣстномъ порядкѣ.

Чтобы объяснить нагляднѣе всю тяжесть этой работы, мы опять таки обратимся къ цыфрамъ. Самая тяжелая работа у первой партіи, которая копаетъ торфяную массу. Въ среднемъ машина въ день вырабатываетъ 30,000 кирпичей. Каждый кирпичъ по выходѣ изъ машины вѣситъ 29-30 фунтовъ. Если даже предположить, что кирпичъ вѣситъ только 25 фунтовъ и тогда тяжесть падающая на 13 человѣкъ будетъ = 18750 пудамъ, что для одного рабочаго составитъ нѣсколько болѣе 1440 пудовъ. Положимъ, такую страшную тяжесть рабочій долженъ поднять въ теченіе 14-ти часовъ и по частямъ, но надо принять во вниманіе и ту силу, которую употребляетъ онъ на то, чтобы воткнуть лопату въ массу, нагнуться, поднять, бросить и т. д. и мы увидимъ, что дѣйствительно работа громадная. Кромѣ всего этого, надо замѣтить и то, что рабочіе этой партіи всегда стоятъ въ грязи, чуть не по колѣна въ водѣ... Я не въ силахъ изобразить всего того, что я видѣлъ, всю подавляющую картину этой работы, да при томъ еще такъ скудно оплачиваемой.

Работа начинается весною въ 2-2$^1/_2$ часа утра, кончается въ 9-10 часовъ вечера; лѣтомъ (съ 1 іюля) въ 3-3$^1/_2$ начало, а конецъ въ 8-8$^1/_2$ и иногда въ 9 час. Изъ этого числа рабочихъ часовъ надо исключить 5 часовъ на завтракъ и обѣдъ. Такимъ образомъ

*) О другой выработкѣ я писать не стану, потому что мало знакомъ съ нею, да и потому, что еще, что съ каждымъ годомъ она вытѣсняется машиной. Въ настоящее время она бываетъ только на мелкихъ болотахъ.

**) На томъ болотѣ, гдѣ жилъ я въ 1898 году кончалась 6-го Августа, послѣдніе же два года 1-го Августа; работа же женщинъ различно.

***) Если не ошибаюсь у одного Викулы Морозова въ Орѣховѣ-Зуевѣ до 40 машинъ (на нѣсколькихъ болотахъ).

*) Что на всѣхъ болотахъ впрочемъ допускается. Я слышалъ отъ работницъ, что на одномъ изъ болотъ Московской губ. былъ даже случай родовъ во время работы-кладки штабеля, когда работница упала съ подмостей.

брошюръ. Послѣ 25 марта получились, наконецъ, вполнѣ достовѣрныя свѣдѣнія о броженіи среди крестьянъ и казаковъ. Управляющій Карловской экономіей Шейдеманъ и городской голова г. Полтавы Трегубовъ потребовали отъ губернатора присылки войскъ. Въ первой изъ экономіи крестьяне забрали часть картофеля, изъ второй весь хлѣбъ. Населеніе, увѣренное въ томъ, что теперь все можно, забрало въ цѣломъ рядѣ имѣній весь хлѣбъ, запасы сѣна и соломы. Крестьяне дѣйствуютъ спокойно, съ полнымъ сознаніемъ своей правоты. Чинно, со старостами и сотскими во главѣ подъѣзжаютъ они къ усадьбамъ и экономіямъ и требуютъ ключей отъ амбаровъ и складовъ. Обыкновенно владѣлецъ предупреждался за день, что у него назначенъ разборъ хлѣба. Если владѣлецъ не даетъ ключей, то замки срываются, повозки нагружаются хлѣбомъ, и всѣ разъѣзжаются по домамъ. Крестьяне объясняютъ, что „царству пановъ наступилъ конецъ“ и что „велѣно забирать по 5 пудовъ на душу“. Одинъ изъ помѣщиковъ отвѣсилъ эту пропорцію 80 крестьянамъ, явившимся къ нему, и у него больше ничего не тронули. Хлѣбъ забирается не только у помѣщиковъ-дворянъ, но и у односельчанъ богачей, особенно у тѣхъ, которыхъ народъ не долюбливаетъ. Такъ у казака Кивы и Божка забрали не только весь хлѣбъ и кормъ для скота, но и всю домашнюю утварь. Никакихъ избіеній владѣльцевъ или другихъ насилій крестьяне не производили. Каждый день приносились новыя вѣсти. Изъ экономіи Дурново въ Чутовѣ, Войновкѣ и Искровкѣ забрано до 17 тысячъ пшеницы. Районъ, охваченный движеніемъ, быстро увеличивался. Въ Полтавскомъ уѣздѣ крестьяне и казаки поднялись въ Чутовской, Васильевской, Первозванской и Руновщанской волостяхъ; въ Константиноградскомъ уѣздѣ во всѣхъ мѣстахъ, прилегающихъ къ Карловскому имѣнію, занимающему свыше 58 тысячъ десятинъ; въ Харьковской губ. въ Валковскомъ и Богодуховскомъ уѣздахъ, главнымъ образомъ въ селеніи Ивановкѣ, гдѣ крестьяне забрали съ завода Молдавскаго до 30 тысячъ пудовъ сахару. Броженіе охватило не административный районъ, а мѣстность съ одинаковыми экономическими условіями. Большую часть этого района заняли крупныя имѣнія, вродѣ Карловки, имѣній Дурново и т. д. У окрестныхъ крестьянъ ничтожные надѣлы, скудные заработки, почти полное отсутствіе выпасовъ и т. д. Процентъ безземельныхъ и малоземельныхъ чрезвычайно высокъ.

Сосѣдство большихъ экономій съ „раціональнымъ“ хозяйствомъ, съ управляющими вродѣ Шейдемана, которые ведутъ по отношенію къ сельскому населенію политику „выжиманія всѣхъ соковъ“, дѣлаетъ положеніе настолько тяжелымъ, что по выраженію крестьянъ, „хоть ложись, да помирай“. Въ экономіи Дурново, напримѣръ, крестьянинъ можетъ получить десятину подъ посѣвъ при условіи обработать и снять хлѣбъ съ трехъ десятинъ и, кромѣ того, выходить на работу по первому требованію за плату, установленную управляющимъ. Въ страдную пору, когда цѣна поднимается до рубля, окрестное населеніе должно работать по 30 коп. За выпасъ скота, мочку конопли и. т. д. взимается, разумѣется особая плата. Всѣ эти ненормальныя, крайне тяжелыя условія уже давно создали почву для глухого недовольства. Особенно тяжелымъ оказался настоящій годъ. Почти повсемѣстно урожай получился ниже средняго; кормовыя средства оказались истощенными уже въ среднихъ числахъ января. Продовольственныя и сѣмянныя ссуды, по увѣреніямъ крестьянъ, не выдавались новыми органами — уѣздными съѣздами. (Вѣроятно, чтобы не баловать народъ.) Это полуголодное жалкое существованіе не могло породить довольства существующимъ порядкомъ. Всякій слухъ, преломляясь среди невѣжественной и темной массы, принималъ своеобразный характеръ. Достаточно было пустить хотя бы самый нелѣпый слухъ, чтобы возбудить движеніе. Роль возбудителя сыграли прокламаціи и брошюры, въ которыхъ ярко и выпукло обрисовывалось положеніе крестьянъ послѣ „воли“, мошенническое „освобожденіе“ съ выкупными платежами и „нищенскими“ надѣлами и, наконецъ, современное безвыходное положеніе. Для руководства раздавалась краткая исторія великой французской революціи. Среди народа эта литература породила самые разнообразные толки, предположенія и догадки. Говорили, что царь бѣжалъ за границу и отказался отъ помѣщиковъ, что три года будетъ править наслѣдникъ, и что теперь „ихъ, мужиковъ, власть“. Во многихъ мѣстахъ составлены приговоры дѣйствовать единодушно. Среди всѣхъ слуховъ трудно разобраться. Упоминаютъ о какомъ-то „манифестѣ“ и о надѣленіи крестьянъ по 6 десят. на мужскую душу. Между тѣмъ движеніе съ каждымъ днемъ принимало все болѣе и болѣе стихійный характеръ. Никто не ожидалъ ничего подобнаго. Тревожныя извѣстія совпали съ пріѣздомъ въ Полтаву ген.-губ. Драгомирова. Послѣ отъѣзда Драгомирова, въ ночь съ 28 на 29 марта два батальона двинулись въ Карловку, въ имѣніе „свѣтлѣйшихъ князей“, и начались репрессіи. „Гуманный„ начальникъ губерніи — Бельгардъ прибѣгнулъ къ любимому средству нашихъ администраторовъ — къ жестокой и безпощадной поркѣ... Число жертвъ пока неизвѣстно. На слѣдующій день двинуты войска въ Войновку, Чутово и другія села. Но движеніе не останавливалось. Послѣ выступленія почти всѣхъ войскъ изъ Полтавы (два полка) получилось извѣстіе, что въ Ковалевкѣ, въ 12 верстахъ отъ Полтавы, забираютъ муку на мельницѣ Трепке. За отсутствіемъ другихъ властей, земскому начальнику Кованьку даны двѣ роты и неограниченныя полномочія подавить движеніе. Отнынѣ Кованько долженъ быстро пойти по лѣстницѣ возвышеній, ибо не побоялся запятнать себя братской кровью для доказательства преданности „царю и отечеству“. По разсказамъ очевидцевъ, двѣ роты къ вечеру съ двухъ сторонъ подошли къ Ковалевкѣ и окружили крестьянъ, которые нагружали на повозки муку. Дѣти, подростки и бабы во дворѣ Трепке ловили куръ, утокъ и другую живность. Кованько подошелъ къ крестьянамъ и потребовалъ, чтобы мука была снесена въ мельницу. Крестьяне продолжали свое дѣло; нѣкоторые-же окружили „земскаго“, и ему пришлось отойти къ ротамъ. Въ это время 8 крестьянъ, задержанные солдатами и оставленные въ сторонѣ подъ конвоемъ 4-хъ человѣкъ были отбиты толпой, причемъ одинъ изъ крестьянъ получилъ ударъ штыкомъ въ область желудка. На предупрежденіе, что солдаты будутъ стрѣлять, если толпа не разойдется, крестьяне отвѣтили, что нѣтъ такого закона, чтобы убивать православныхъ. Послѣ двухъ предупрежденій и выстрѣла въ воздухъ произведенъ залпъ въ толпу. Къ счастью, повозки послужили естественной защитой, иначе количество жертвъ было-бы ужасающее. Убито на мѣстѣ три человѣка и тяжело ранено два, изъ которыхъ одинъ на второй день скончался въ Полтавскомъ богоугодномъ заведеніи. У одного изъ убитыхъ оказалось 12 ранъ, такъ что его буквально изрѣшетили. Менѣе опасно ранены 4 бабы и одинъ мальчикъ. По слухамъ число раненныхъ значительно больше, но они скрываются. Слѣдуетъ отмѣтить, что ни губернаторъ, ни полиція (при одной ротѣ находился приставъ) не прибѣгли къ этой крайней мѣрѣ. Въ другихъ мѣстахъ идутъ усиленныя экзекуціи. Не довольствуясь кровавыми жертвами въ Ковалевкѣ 3-го апрѣля, тамъ же высѣкли 30 человѣкъ. Бьютъ суковатыми прутьями. Послѣ первыхъ же ударовъ цѣлость кожи нарушается. Бьютъ до потери сознанія, отливаютъ и вновь бьютъ. Бьютъ до смерти. Ударовъ не считаютъ „кто сколько выдержитъ.“ Въ Валковскомъ уѣздѣ губернаторъ Оболенскій не уступаетъ губернатору Бельгарду, который послѣ выговора за „мягкое обращеніе“ отъ опричника Сипягина, радъ показать свое усердіе и преданность... Репрессаліи въ одномъ мѣстѣ вызываютъ ужасъ и уныніе, въ другихъ — озлобленіе. Въ Карловкѣ послѣ экзекуціи крестьяне опять бросились въ экономію. Туда вытребованъ цѣлый полкъ изъ Харькова. Оттуда же прибыло въ Полтаву 500 казаковъ, такъ какъ пѣхота не можетъ угоняться за крестьянами. Одновременно съ поркой приступлено къ судебному слѣдствію, которое передано слѣдователю 1-го участка Тимофееву и тремъ кандидатамъ на судебныя должности: Васильеву, Своехотову и Антонцу-Федьяновичу. Интересно, съ какимъ чувствомъ приступятъ они къ производству судебнаго слѣдствія подъ свистъ розогъ послѣ кровавыхъ убійствъ со стороны слишкомъ ретивыхъ и вѣрноподданныхъ слугъ государя. 3-го апрѣля подъ предсѣдательствомъ вицегубернатора и при участіи городского головы Трегубова, жандармскаго полковника и др. лицъ состоялось совѣщаніе по вопросу объ охранѣ города на случай безпорядковъ. Результаты пока неизвѣстны. По слухамъ, главное вниманіе будетъ обращено на губернаторскій домъ и банки. Сегодня же, 5 го апрѣля, состоялось другое, болѣе интересное совѣщаніе, состоящее изъ всѣхъ уѣздныхъ предводителей дворянства подъ предсѣдательствомъ губернатора. Совѣщаніе должно высказаться о мѣрахъ для предупрежденія и подавленія броженія среди населенія. Говорятъ, что предположено ходатайствовать о выселеніи всѣхъ „поднадзорныхъ“ изъ Полтавы и усиленіи репрессалій. Болѣе цѣлесообразныхъ мѣръ не могли придумать представители первенствующаго сословія. Всѣ эти событія вызываютъ недоумѣнія среди самыхъ лояльныхъ слоевъ населенія. Лишь нѣкоторые изъ дворянъ-помѣщиковъ находятъ, что дѣйствія администраціи не достаточно энергичны, что необходимо вѣшать „мерзавцевъ“. На всѣ событія наброшенъ покровъ тайны, подъ защитой котораго администрація чувствуетъ себя неуязвимой. Попасть въ районъ, охваченный движеніемъ невозможно. Арестовываютъ всѣхъ подозрительныхъ, т. е. не мѣстныхъ жителей. Извѣстія передаются шопотомъ, украдкой, а между тѣмъ факты требуютъ свѣта, широкой гласности, и тогда „первенствующее сословіе“ узнало бы, что одни прокламаціи въ крестьянской средѣ не сдѣлали бы ничего и что дальнѣйшая политика репрессалій неизбѣжно должна привести къ кровавому мщенію со стороны крестьянъ... Только что получены свѣдѣнія, что движеніе захватило Диканьскую волость и перешло въ Зѣньковскій уѣздъ. Признаки броженія обнаружены въ Пирятинскомъ, Прилукскомъ, Хорольскомъ и Лубенскомъ уѣздахъ.

Къ приговору по дѣлу о павловскихъ сектантахъ.

Приговоромъ суда по извѣстному дѣлу разрушенія церкви въ селѣ Павловкахъ, 17 чел. оправдано, 49 признаны виновными. Изъ нихъ 4 приговорены къ тюремному заключенію, 45 къ каторжнымъ работамъ. Моисей Жодосіенко и Григорій Павленко на 15 лѣтъ, 37 человѣкъ на 12 лѣтъ, 5 на 8 лѣтъ и 1 на 4 года. Говорить о всѣхъ правонарушеніяхъ, беззаконіяхъ и той массѣ произвола, которымъ сопровождалось это дѣло — мы не будемъ: всякому понятно, что при нынѣшнихъ проядкахъ иначе и быть не можетъ. Намъ лишь хочется обратить вниманіе на слѣдующую подробность: защитѣ не дозволено было видѣться съ подсудимыми и только уже въ стѣнахъ суда ей было разрѣшено предложить имъ нѣсколько вопросовъ и то въ присутствіи и при контролѣ властей. Если бы мы видѣли въ этомъ фактѣ только одно лишнее правонарушеніе, одно лишнее беззаконіе, то не считали бы нужнымъ его комментировать. Мы бы просто ограничились отмѣткой этого факта для памяти, чтобы онъ не забылся къ тому времени, когда правителямъ Россіи придется пожинать плоды того, что они такой щедрой рукой теперь сѣютъ.

Но намъ кажется, что въ этомъ фактѣ есть еще и другая сторона — интересная и поучительная съ точки зрѣнія уясненія отношенія русскаго правительства къ сектанству, какъ къ политическому фактору.

Недопущеніе защиты видѣться съ павловскими сектантами ясно показываетъ, что правительство боится и всѣми силами старается не допустить ознакомленія русской интеллигенціи съ стремленіями, ожиданіями, надеждами и идеалами русскихъ сектантовъ.

Вѣдь въ настоящее время все это русской интеллигенціи не только неизвѣстно, но хуже того: въ большинствѣ случаевъ она имѣетъ обо всемъ этомъ самое фантастическое, самое ложное представленіе. Въ общихъ чертахъ представленіе интеллигенціи о сектантахъ сводится къ тому, что сектантамъ важно и нужно одно „божественное“ — „неземное“, что они люди „не отъ міра сего“.

Само собой понятно, на сколько выгодно такое представленіе для правительства, ибо оно въ корнѣ подрываетъ всякую возможность сближенія интеллигенціи съ сектантами, въ особенности революціонной интеллигенціи. Правительство знаетъ, что сектанство представляетъ изъ себя чрезвычайно благопріятную почву для воспріятія революціонныхъ идей и потому всѣми силами старается о томъ, чтобы эта истина не стала извѣстна революціонерамъ. Преслѣдованіе правительствомъ такъ-называемыхъ „толстовцевъ“ можетъ быть объяснено только съ этой точки зрѣнія. Вѣдь не за то же преслѣдуетъ правительство толстовцевъ, что они проповѣдуютъ грѣховность сопротивленія ему насиліемъ или любовь къ его членамъ? Нѣтъ, правительство преслѣдуетъ толстовцевъ потому, что боится, въ особенности боялось нѣсколько лѣтъ тому назадъ, какъ бы они не послужили связывающимъ звеномъ между сектантами и революціонерами; какъ бы черезъ ихъ посредство не произошло сближенія и единенія между тѣми и другими на почвѣ политическихъ интересовъ русскаго народа. Свободная, не стѣсненная бесѣда защитниковъ съ подсудимыми павловскими сектантами могла бы способствовать болѣе правильному отношенію къ сектанству, какъ политическому фактору. Вотъ этого и не хочетъ допустить правительство, такъ какъ отлично понимаетъ, какія это можетъ имѣть послѣдствія.

Намъ кажется, что русскимъ революціонерамъ не мѣшало бы обратить серьезное вниманіе на эти постоянныя старанія правительства и принять мѣры къ тому, чтобы эти старанія перестали увѣнчиваться тѣмъ полнымъ успѣхомъ, какимъ увѣнчивались до сихъ поръ.

Штундистъ.

чистый рабочій день весною = 14 часамъ, а лѣтомъ 13-12½..... И это не ошибка.....

Я думаю, что цыфры говорятъ за себя и читатели представляютъ себѣ нѣсколько (вполнѣ можно имѣть представленіе только на болотѣ, увидивши) работу мущинъ на торфяныхъ болотахъ. Обратимся къ работѣ женщинъ.

Работа женщинъ состоитъ въ слѣдующемъ: 1) онѣ должны просушить торфяные кирпичи, складывая ихъ въ извѣстной формы клѣтки. 2) уборка уже высушеннаго такимъ образомъ торфа — складываніе его въ „штабеля“.*) Сушка дѣлится на три періода: а) сушка въ „пяткахъ“,**) т. е. въ клѣткахъ изъ пяти кирпичей. Эту работу исполняютъ почти вездѣ малолѣтки — отъ 11 до 15 лѣтъ. При всѣхъ трехъ видахъ работы, работающимъ задаются „уроки“. На „пятки“ дается сложить отъ 7 до 8 тысячъ кирпичей на человѣка. Каждый кирпичъ надо поднять, перевернуть и уложить вмѣстѣ съ другими въ извѣстную форму, б) кладка пяти пятковъ въ „малыя клѣтки“. Работаютъ и взрослыя. Урокъ отъ 6 до 6½ тысячъ, в) кладка пяти малыхъ клѣтокъ въ одну „большую“. Урокъ отъ 5 до 5½ тысячъ. Работаютъ только взрослыя. Работа считается самою непріятною, требуетъ большой ловкости и аккуратности и потому очень продолжительна. Чтобы опять таки нагляднѣе показать работу женщинъ, укажу на работу „уборки“ торфяныхъ кирпичей въ штабеля. Кладутъ штабель 14 человѣкъ, такъ называемая рамка. Здѣсь работа распредѣляется такъ: 4 „уголки“ кладутъ стѣнки штабеля и углы (только взрослыя, требуется знаніе), 2 „середницы“ (отъ 15-17 лѣтъ) кладутъ середину штабеля и 8 таскалокъ (взрослыя) подтаскиваютъ торфъ изъ „большихъ клѣтокъ“.

Возьму для примѣра работу таскалокъ. Каждой „рамкѣ“ на урокъ дается сложить 2 штабеля. Кирпичъ даже сушеный 2 недѣли вѣситъ почти 4¼ фунта, на болотѣ онъ сохнетъ всего 9-10 дней, потому вѣсъ его надо принять minimum 6 ф. А отсюда въ 15000 кирпичахъ (штабель) вѣсу — 2250 пудовъ. Такимъ образомъ на одну „таскалку“ за день придется 2250/8 = 562½ пуда! Опять цыфра невѣроятная и опять скажу, что это дѣйствительно такъ. Работницы не замѣчаютъ этого, но сами же говорятъ, что въ штабель уходитъ корзинъ „сотъ семь съ лишнимъ“. Въ каждую корзину „таскалка“ кладетъ отъ 20 до 22 кирпичей. Двадцать кирпичей по 6 ф. = 3 пуда. 2250 : 3 = 750 корзинъ. Ошибаются онѣ только на 50 корзинъ. Грустно главнымъ образомъ то, что онѣ не знаютъ, какую работу онѣ дѣлаютъ, онѣ знаютъ, что таскать 3-хъ пудовую корзину „съ непривычки“ тяжело, но и только... Почти каждый день (штабеля начинаютъ класть съ конца мая и до „отработки“) перетаскиваютъ на себѣ 560 пудовъ, да притомъ еще половину на такъ называемые „ходы“ (подмостки на 1½ арш. отъ земли). Женщинъ работа на торфяныхъ болотахъ очень старитъ, въ 30-35 лѣтъ работница выглядитъ совсѣмъ старухой.

Слѣдовало бы этимъ работникамъ и работницамъ показать всю ту „хитрую механику“, которую продѣлываютъ надъ ними эксплоататоры, давая имъ за такую адскую работу, такую ничтожную плату.

III.

Плату разсмотримъ сначала мущинъ, а потомъ женщинъ.

Мущины работаютъ „сдѣльно“. Артель за каждую выработанную 1000 кирпичей получаетъ отъ 1 р. 35 к. до 1 р. 50 к. На болотѣ Хлудовыхъ артель въ первые года получала 1 р. 40 к. — 1 р. 50 р.; въ послѣдніе же два года установили слѣдующее. За 1000 — 1 р. 35 к. и кромѣ того 10% „награды“ всѣмъ дожившимъ до срока (1 августа). Слово „награда“ на рабочихъ подѣйствовало ошеломляюще, они всѣ стали доживать до срока (прежде изъ 9 артелей доживало 6,7), почти не догадываясь о томъ, что плата стала даже менѣе прежней. Предпринимателямъ конечно это было на руку... Вырабатывая по 35,000 въ день, рабочіе получали (на своихъ харчахъ) 51 р. 97 к. вмѣстѣ съ наградой. Даже при 40,000 выработкѣ (что бываетъ очень рѣдко) только 59 р. 40 к. на 30 человѣкъ. Полагая, что на харчи артель въ день тратитъ (при 35,000) 15 р. 97 к. (рабочіе должны при этой работѣ ѣсть сравнительно хорошо и дѣйствительно въ харчахъ они себя не стѣсняютъ) чистой выработки остается 36 руб., т. е. по 1 рублю и 10 коп. (приблизительно) на человѣка. И это плата за каторжный трудъ при 14 часовомъ днѣ!*) За всю „походку“ съ 10 Мая по 1 Августа рабочій на болотѣ Хлудовыхъ въ 1900 и 1901 году получилъ отъ 80 до 85 руб. Это считалось, да и считается „очень хорошимъ“ заработкомъ даже у рабочихъ. Дѣйствительно за чистыхъ 2½ мѣсяца (праздники исключены) 85 рублей кажется довольно, но это только кажется и кажется до тѣхъ поръ, пока не узнаешь, какая это работа. Работающіе на фабрикахъ (торфяныя болота по моему мнѣнію тѣ же фабрики) вырабатываютъ за то же время гораздо меньше, но за то ихъ работа и гораздо легче (сравнительно разумѣется) да и по времени она не такъ продолжительна.

Женщины живутъ на жалованіе. Взрослыя (беру опять болото Хлудовыхъ) получаютъ съ Мая мѣсяца до окончательной уборки торфа**) 24 рубля жалованія и 10% награды, т. е. 26 р. 40 к. на хозяйскихъ харчахъ (взрослыя), малолѣтки на тѣхъ же условіяхъ 13 и 14 рублей. Кромѣ жалованія почти на всѣхъ болотахъ бываютъ такъ называемые „денежные“ штабеля, т. е. сверхъ-урочная работа за особую плату (кладутъ ихъ послѣ дневныхъ уроковъ и по праздникамъ). За каждый денежный штабель рамка (14 чел.) получаетъ обыкновенно 2 р. 50 к., т. е. почти по 18 к. на человѣка. На болотѣ Хлудовыхъ 2 р. 64 к. (2,40 + 10%) — почти по 19 к.***) на человѣка. Это за 3-хъ часовой трудъ да еще въ праздничное время! На другихъ болотахъ, напр. у Викулы Морозова, работницы получаютъ по 5 р, въ мѣсяцъ (тоже на хозяйскихъ харчахъ). Это конечно лучше для работницъ, но дѣло въ томъ, что у Викулы Морозова и работа кончается 15-го Августа, такъ, что ему дѣйствительно выгоднѣе платить помѣсячно. Кромѣ жалованія у Морозова „даютъ“ каждое лѣто на 20 и больше рублей денежныхъ, но для того, чтобы „заложить“ 20 рублей на долю каждой работницы приходится около 100, даже болѣе сверхъ-урочныхъ штабелей, такъ что у Морозова для работницъ почти не бываетъ свободнаго времени, въ то время какъ и у Хлудова работницы послѣ 4-хъ часовъ дня уже совсѣмъ свободны.

Такъ какъ женщины вообще болѣе безсловесны, а работницы на торфяныхъ болотахъ въ особенности, то этимъ г. г. эксплоататоры пользуются очень широко. Работницы „обязаны“ кромѣ работъ по уборкѣ торфа, тушить случившіеся пожары, убирать „хозяйское“ сѣно, работать при постройкахъ зданій на болотѣ и пр. Все это дѣлается послѣ уроковъ и, разумѣется, безплатно. Въ 1901 году на болотѣ Хлудовыхъ работницы въ теченіе трехъ дней и трехъ ночей (буквально) дежурили на пожарѣ.... и не получили за это ни копѣйки. До какихъ поръ будетъ продолжаться подобное безправіе, затрудняюсь сказать, но думаю, что долго и потому долго, что среди рабочихъ очень рѣдко бываютъ протесты и вообще они наружно своею судьбою довольны... Но все же протесты бываютъ и мнѣ приходилось ихъ видѣть или отъ рабочихъ слышать о нихъ.

IV.

Рабочіе мущины живутъ, какъ я уже сказалъ, на своихъ харчахъ. Харчевая лавка держится на болотахъ или самими хозяевами, или его управляющимъ и т. п. Отпускаютъ харчи, конечно, на запись. Наживаются отъ этихъ лавокъ хозяева ихъ ужасно. Рабочіе волей неволей принуждены забирать въ „этой“ лавкѣ, потому что брать со стороны и неудобно, да и рѣдко, кто отважится отпускать въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ въ кредитъ. Г. г. владѣльцы лавокъ пользуются этимъ и назначаютъ цѣны какія имъ вздумается, конечно въ извѣстныхъ предѣлахъ. На одномъ изъ болотъ г. лавочникъ увлекся и повысилъ цѣну на капусту до невѣроятныхъ размѣровъ, увѣряя рабочихъ, что капуста въ „городѣ“ вздорожала, Рабочіе терпѣли, но къ счастью узнали, что вздорожаніе капусты въ городѣ басня сочиненія г. хозяина. Зашумѣли и потребовали немедленнаго разсчета. Лавочникъ хозяинъ испугался и сталъ отдавать капусту „себѣ въ убытокъ“, но записи за прежде взятую остались, разумѣется, тѣ же и въ общемъ убытка для него никакого не оказалось. На другомъ, болотѣ рабочимъ почти все лѣто отпускали не свѣжую говядину и солонину. Рабочіе смолчали, но при наймѣ на слѣдующій годъ „указали“ на это обстоятельство довольно энергично, и добились того, что уже больше ничего подобнаго не дѣлалось.

Еще причиною протестовъ бываетъ, по крайней мѣрѣ на Хлудовскомъ болотѣ было въ 1898 году, низкая цѣна и рабочіе дважды уходили въ самое горячее время (конецъ іюня и начало іюля) съ работы домой. Такой видъ протеста бываетъ очень ощутителенъ для предпринимателей и они его очень боятся. На Хлудовскомъ болотѣ и была придумана пресловутая „награда“ съ тою цѣлью, чтобы такъ или иначе удержать рабочихъ на болотѣ.

Женскихъ протестовъ почти не бываетъ, но я еще до сихъ поръ очень хорошо помню одинъ случай, бывшій на томъ же Хлудовскомъ болотѣ въ 1898 году, который окончился, надо сказать, очень печально и отчасти комично. Въ предыдущемъ 98-мъ году 24 іюня (праздникъ Ивана Купала у рабочихъ почитается) не работали. многія изъ работницъ жившихъ въ 98 году, пришли и въ 99 г.,

---

*) Штабель имѣетъ видъ усѣченной пирамиды. Кладется при помощи двухъ рамокъ, опредѣляющихъ его форму и двухъ шнурковъ. Величина его = 5⅓ сажень въ длину, 1½ саж. въ ширину, высота бываетъ различна, но обыкновенно не болѣе 2-хъ сажень. Въ штабель уходитъ отъ 15000 до 17000 кирпичей.

**) Въ скобкахъ названія спеціальныя, принятыя на всѣхъ болотахъ.

*) Надо еще замѣтить то, что артель въ сущности состоитъ изъ 18-20 человѣкъ, остальные у артели на наймѣ.

**) Если августъ дождливъ, то торфъ послѣдней выработки убираютъ уже въ концѣ сентября, такъ что здѣсь время работы зависитъ вполнѣ отъ погоды, что для работницъ очень невыгодно.

***) На болотѣ Хлудовыхъ денежныхъ штабелей дается класть меньше, чѣмъ на другихъ болотахъ, обыкновенно на 3-4 рубля въ лѣто для каждой работницы.

Гомель, 24-го марта. Въ нашей тюрьмѣ въ одной камерѣ сидятъ 32 человѣка, арестованные 4 мѣсяца тому назадъ на одномъ собраніи, не смотря на то, что больше 14 заключенныхъ содержать въ этой тюрьмѣ не полагается. Положеніе заключенныхъ ужасное. Отъ чрезмѣрной тѣсноты и удушливаго, спертаго воздуха почти всѣ они заболѣли, а у нѣкоторыхъ даже кровь изъ горла пошла. Шумъ и веселье, царившіе прежде въ этой камерѣ, смѣнились тоскливой тишиной. „Особенно ужасно, когда мы просыпаемся ночью, — пишутъ заключенные, — о, ужаснѣе нельзя себѣ ничего представить! Воздухъ тогда такъ удушливъ, что мы еле — дышимъ. Мы мечемся во снѣ во всѣ стороны, мы не находимъ себѣ мѣста. Одинъ стонетъ, другой кашляетъ, у третьяго — кровотеченіе изъ горла и т. д. Сердце разрывается на части отъ такихъ страданій“... Заключенные заявили начальнику тюрьмы, что ихъ жизни грозитъ опасность въ стѣнахъ этой тюрьмы; на это начальникъ отвѣтилъ, что ничѣмъ не можетъ имъ помочь и что его дѣло только стеречь ихъ и не дать имъ бѣжать. Заключенные послали прошеніе мѣстному жандармскому полковнику Власьеву, и въ случаѣ, если оно останется безъ послѣдствій, они рѣшили отправить 32 жалобы прокурору.

22-го марта (ст. ст.) ночью на одной изъ главныхъ улицъ выстрѣломъ изъ револьвера былъ раненъ мѣстный провокаторъ (виновникъ страданій вышеупомянутыхъ заключенныхъ). Пуля повредила ему лицо. Виновникъ покушенія скрылся. Полиція арестовала по этому поводу двухъ заподозрѣнныхъ ею рабочихъ.

Кто подстрекаетъ къ террору?

Изъ прокламаціи Екатеринославскаго Комитета Партіи заимствуемъ разсказъ о новой тюремной голодовкѣ, вызванной такими условіями заключенія, которыя являются неслыханными даже въ россійскихъ тюрьмахъ.

„Уже семъ сутокъ въ Екатеринославской тюрьмѣ продолжается голодовка заключенныхъ. Поймите-же всѣ, у кого мертвящее рабство не вытравило еще человѣческое чувство, поймите, что значитъ медленная, мучительная смерть людей, полныхъ силъ и надеждъ. Нѣсколько человѣкъ уже больны голоднымъ тифомъ, а сколько еще унесетъ онъ въ преждевременную могилу?

Страшно думать объ участи этихъ 75-ти самоотверженныхъ людей! А разбойники, правящіе нашей родиной нагло смѣются надъ нами и говорятъ: „зачѣмъ голодать, вѣдь тюрьма не дворецъ“. Да, тюрьма и въ Европѣ не дворецъ. Но развѣ полагается въ тюрьмахъ дѣлать заключеннымъ женщинамъ позорныя и оскорбительныя предложенія, — а у насъ въ Екатеринославѣ смотритель тюрьмы дѣлаетъ. Развѣ полагается въ тюрьмѣ не открывать форточки, — а у насъ въ Екатеринославѣ за такое требованіе конвой со штыками бросается на уголовныхъ. Развѣ въ тюрьмахѣ полагается площадная ругань заключенныхъ, говорить имъ „ты“, бить ихъ, — а у насъ въ Екатеринославѣ надзиратели и начальство ежечасно поступаютъ такъ. Развѣ полагается за каждую малость, за то, что не стоишь на вытяжку передъ начальствомъ тащить заключеннаго въ карцеръ, въ темный подвальный карцеръ, держать въ немъ человѣка по 20 дней и обливать его холодной водой, — а у насъ въ Екатеринославѣ часто случается это. Наконецъ, развѣ полагается лишать всѣхъ заключенныхъ прогулки на 2 недѣли, лишать на такое-же время права покупать хлѣбъ и чай, а у насъ въ Екатеринославѣ примѣняютъ къ нимъ это.

Вѣдь при такихъ униженіяхъ и оскорбленіяхъ заключенные все равно теряли человѣческое достоинство, все равно медленно чахли. И потому правы, тысячу разъ правы они, когда рѣшили лучше сразу умереть, чѣмъ позволить надъ собою упражняться палачамъ въ жестокости.

И вотъ лежатъ заключенные въ своихъ камерахъ съ лихорадочно блестящими глазами, въ сильномъ жару или бреду, обезсиленные, измученные страданіями отъ семидневнаго голода!

Но чаша страданій ихъ еще не испита. Къ наиболѣе стойкимъ изъ заключенныхъ самъ начальникъ тюрьмы принесъ обѣдъ и улыбаясь заявилъ: „я знаю, вы не станете ѣсть его, но хоть понюхайте, какъ вкусна пища; помучтесь, видя ее передъ собой.“ Заключенные въ негодованіи выбросили на полъ всю пищу и за это были брошены въ карцеръ. Глубоко возмущенные этимъ ихъ товарищи разбили окна въ камерахъ и порѣзали себѣ руки. Тогда здѣшній помпадуръ „герой“ 2-хъ демонстрацій, графъ Келлеръ велѣлъ принести пищу всѣмъ заключеннымъ, а когда они отказались принять ее, то сіятельный подлецъ громко высказалъ сокровенное намѣреніе правительства: „никакихъ уступокъ, смерть всѣмъ заключеннымъ.“

Всю свою жизнь боролись заключенные за свободу и счастье русскаго народа и общества; ихъ сердца были всегда переполнены страстной ненавистью къ рабству и деспотизму и вотъ награда имъ за все это. Кто поддержитъ ихъ на краю гроба, кто вырветъ ихъ изъ рукъ безчувственныхъ тирановъ! Русское общество, русскій народъ, къ вамъ обращенъ предсмертный взоръ этихъ благородныхъ борцовъ. Очнитесь отъ гипноза, который навѣенъ на васъ рабствомъ, идите на улицу, скажите смѣло и открыто какъ сказали въ Полтавѣ на демонстраціи передъ тюрьмой: „Довольно страдали, слишкомъ много, мы требуемъ человѣческаго обращенія съ заключенными, мы требуемъ освобожденія всѣхъ политическихъ заключенныхъ, мы требуемъ политической свободы!“

Екатеринославскій Комитетъ Россійской Соціаль-демократической Рабочей Партіи.“

Тюремныя голодовки происходятъ все чаще и чаще, служа показателемъ усиливающейся тенденціи властей мучить попавшихъ въ ихъ руки заключенныхъ. Кромѣ извѣстныхъ читателю „Искры“ голодовокъ въ Петербургской и Полтавской тюрьмахъ, недавно происходила еще голодовка въ Московской Бутыркѣ. Петербургская голодовка стоила, новидимому, жизни одному заключенному — врачу Соболеву, который свезенъ въ больницу въ состояніи, подававшемъ мало надежды на выздоровленіе. Но подвиги русскихъ инквизиторовъ идутъ дальше доведенія заключенныхъ до риска самоубійствомъ. Мы получили подтвержденіе сообщеннаго уже въ нелегальной печати извѣстія о томъ, что арестованный на прусской границѣ съ транспортомъ литературы нашей „Лиги“ рабочій-еврей (къ сожалѣнію, мы не знаемъ фамиліи погибшаго товарища) на второй же день по заключеніи въ тюрьму въ Вилькомирѣ найденъ повѣсившимся. Доведенъ-ли нашъ товарищъ до самоубійства жестокими истязаніями или онъ замученъ ими до смерти, а потомъ повѣшенъ, какъ это, очевидно, произошло не такъ давно съ лодзинскимъ рабочимъ Я. Пакула, — во всякомъ случаѣ, смерть его знаменуетъ новое преступленіе царской полиціи.

Дѣломъ чести всѣхъ недовольныхъ существующимъ строемъ является энергичными протестами заставить самодержавіе обуздать разнузданное рвеніе своихъ холоповъ. Не надо забывать, что истязанія политическихъ заключенныхъ сыграли въ 70-хъ годахъ большую роль въ фактѣ перехода революціонеровъ къ террористической борьбѣ. Мы, соціальдемократы, сдѣлаемъ все возможное, чтобы не допустить такого поворота въ современномъ революціонномъ движеніи, который означалъ-бы его съуженіе и грозилъ-бы ему неудачей. Но наши усилія удержать движеніе на почвѣ массового народнаго движенія могутъ увѣнчаться успѣхомъ лишь въ томъ случаѣ, если рабочіе и интеллигенція будутъ внимать призывамъ, подобнымъ тому, который сдѣланъ екатеринославскими товарищами, и покажутъ правительству. что, и не прибѣгая къ террору, революціонная Россія можетъ отстоять томящихся въ тюрьмахъ борцовъ.

Кишиневъ. Приводимъ полностью, сообщенный намъ документикъ, показывающій какъ готовилась (и можетъ быть продолжаетъ готовиться?) мѣстная администрація къ „встрѣчѣ весны“:

„Его Высокоблагородію Г—ну Ротному Командиру —скаго Пѣхотнаго Полка Отношеніе. Предлагаю В. В. назначить роту въ 32 ряда для подавленія могущихъ возникнуть въ городѣ безпорядковъ. Находиться въ вѣдѣніи г-на полиціймейстера. Выступать по приказу. Дѣйствовать рѣшительно и ни предъ чѣмъ не останавливаться. Каждому нижнему чину имѣть 15 боевыхъ патроновъ и 1 веревку. Дѣйствіе сего отношенія простирается до 1-го апрѣля с. г. Комендантъ (подпись) Кишиневъ, фев. 1902 г.“

Интересно-бы знать, сколько теперь по всей Россіи „ротъ“ и сколько „рядовъ“ стоитъ въ полной боевой готовности (съ боевыми патронами и съ веревками) для сраженія съ народомъ?

Правительственный юбилей.

Правительство праздновало недавно 100 лѣтіе присоединенія Гродненской губ. Мѣстный „Рабочій Комитетъ“ выпустилъ (на русскомъ языкѣ) по этому поводу прокламацію къ обществу, изъ которой приводимъ нѣкоторыя выдержки:

„За весь этотъ вѣковой періодъ народъ этого края остался на той-же чуть не варварской ступени экономическаго развитія, онъ до сихъ поръ ходитъ въ лаптяхъ и носитъ чуть не допотопную одежду, что онъ такъ-же грязенъ, такъ-же некультурень, такъ-же теменъ, если не принимать во вниманіе той псалтирной грамотности, отъ которой онъ не становится ни умнѣе, ни культурнѣе, такъ-же политически угнетенъ и экономически порабощенъ; край нашъ стонетъ подъ бременемъ налоговъ, военщины и исключительныхъ законовъ, что промышленное его развитіе тормозится бездной правительственныхъ стѣсненій по мобилизаціи земельной собственности, благодаря поддержкѣ отсталыхъ формъ промышленности и стѣсненію промышленной иниціативы; населеніе края деморализовано чисто восточной подкупностью и моральной низости властей, городское еврейское населеніе постепенно доводится до крайней степени обѣдненія благодаря ненормальной скученности и безправію, святѣйшія чувства оскорбляются безцеремонностью заушешій, мѣстные интересы въ полномъ пренебреженіи, благодаря нашествію совершенно постороннихъ элементовъ, чуждыхъ пониманію запросовъ края, земская жизнь нормируется еще екатериновскими законами; вынося на своихъ плечахъ тяжесть содержанія войскъ, край въ вознагражденіе за столь огромную услугу не только лишенъ даже тѣни самоуправленія, но еще будетъ подвергнутъ татарскому нашествію земскихъ начальниковъ.“

„Въ тотъ моментъ, когда презрѣнные бюрократы, чуждые пониманію мѣстныхъ интересовъ и запросовъ народа, будутъ провозглашать тостъ за прочность системы, мы тоже поднимемъ тостъ — двойной тостъ — за ея уничтоженіе и за укрѣпленіе народнаго самосознанія. Разъ правительство введеніемъ военнаго положенія признаетъ въ народѣ своего внутренняго врага, мы крикнемъ свое первое ура! съ тѣмъ, чтобы второе ура! крикнуть въ моментъ начала военныхъ дѣйствій. Время единенія царя съ народомъ миновало безвозвратно, правительство въ этомъ убѣдилось, намъ остается только оправдать предчувствія правительства и собраться въ рать великую для борьбы за уничтоженіе царизма съ чиновничествомъ и водвореніе европейскихъ демократическихъ нормъ жизни, чуждыхъ безправія, беззаконности, бездны стѣсненій и заушеній. Да здравствуетъ свобода и самоуправленіе!!!“

г. Гродно, 1-го января 1902 года.

Гродненскій Рабочій Комитетъ.

ВЪ ХРОНИКУ КУРЬЕЗОВЪ.

Приводимъ съ сохраненіемъ орѳографіи и стиля письмо солдата къ своему товарищу, учащемуся въ средне-учебномъ заведеніи.

Изъ письма унтеръ-офицера Лейбъ-Гвардіи Павловскаго полка къ своему товарищу:

... „Новаго у насъ много относительно такигъ господъ, какъ васъ. кто все законы знаетъ. Студенты разныхъ университѣтовъ, гимназисты и топорники, т е. техники 3-го сего года (въ Мартѣ) въ часъ ночи на выборгской сторонѣ С. П. Б. студенты здѣлали зверской поступокъ, взбунтовались и во время ихъ усмиренія зарѣзали одново городового, а 4-го марта въ 12 час, дня на одномъ изъ главныхъ проспектовъ петербурга т. н. Невскій у казанскаго собора собрались много стуоентовъ, когда ихъ стали просить чтобы они разошлись то они выкинули свои флаги и знамена съ надписью Освобожденіе отъ Русскаго Бѣлаго царя. Но бросились бѣжать къ гостинному двору, гдѣ путь имъ былъ загражденъ моментально прибыли казаки жандармы 2 эскадрона и Л. Гв. Павловскій полкъ начали усмирять но били безъ всякаго стесненія какъ самыхъ важныхъ преступниковъ, всего забрали 600 студентовъ. одного студента убили наповалъ, сына полковника Бѣляева, жандармъ, который убилъ шашкой отъ государя получилъ личное спасибо. да еще было раньше 8-го февраля въ одномъ изъ театровъ т. н. Народный Домъ Императора Николая II на петербургской сторонѣ. послѣ гулянія около часа ночи собралась музыка на средину низа для того чтобы играть гимнъ Боже царя храни. половина уже была сыграна, а потомъ повалились сверху 3-го этажа кумпола желѣзные столы тубаретки диваны, много поранили бѣдныхъ гулякъ, а особенно солдатищамъ попало, а постороняя публика вся выбегала раздѣтая. Напустили дворниковъ и полицію и чуть не всѣхъ изувѣчили, но они главное разбили серебряный бокалъ изъ котораго пилъ государь при открытіи театра. теперь ихъ вышибаютъ изъ университетовъ и ково куда ково въ сибирь на сахалинь въ тюрму и большому денежному взысканію штрафа и на амуръ въ солдаты, а намъ конечно обидно, неужели и мы служимъ по неволѣ и для исправленія. жестоко оскорбляютъ громкое званіе солдата и мы ругаемъ все высшее правительство.“

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ
и
ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Изъ Батума. 31-го января, въ 8 час утра рабочіе завода Манташева (около 400 человѣкъ) бросили работу изъ за того, что управляющій завода Теръ Акоповъ разсчиталъ одного рабочаго за то только, что послѣдній разговаривалъ во время работы съ товарищами. Рабочіе рѣшили, что послѣ этого каждый изъ нихъ, каждый день можетъ быть разсчитанъ. Кулакъ-управляющій призвалъ на помощь полицію. Полиція пустила въ ходъ кулаки и нагайки и арестовала 112 человѣкъ. Не смотря на это рабочіе твердо держались; не повліяли на нихъ ни угрозы, ни сладкія обѣщанія, ни нужда, которую они терпѣли — они заявили, что не пойдутъ на работу до тѣхъ поръ, пока не будутъ освобождены ихъ товарищи. Черезъ недѣлю полиція выслала цѣлую партію рабочихъ въ деревни. Но рабочіе на третій день же вернулись въ Батумъ и опять потребовали немедленнаго освобожденія своихъ товарищей. Самъ Манташевъ (хозяинъ завода), терпя большія убытки отъ забастовки, рѣшился хадатайствовать объ освобожденіи арестованныхъ. Но полиція заупрямилась, говоря, что въ такомъ случаѣ не зачѣмъ было просить объ арестѣ ихъ. 17-го февраля послѣ того, какъ пріѣхалъ фабричный инспекторъ, всѣхъ арестованныхъ освободили кромѣ двухъ. 18-го февраля рабочіе начали работать (приняли всѣхъ), такъ какъ требованія ихъ удовлетворили: обѣденный перерывъ увеличили съ одного часа до 1½ часа, управляющаго Теръ-Акопова и другихъ собакъ мастеровъ по требованію рабочихъ уволили. Кромѣ того обѣщали освободить остальныхъ двухъ рабочихъ и за все время, которое рабочіе не работали съ 31-го января по 18-ое февраля, заплатили сполна.

Въ это время на другомъ заводѣ Ротшильда рабочіе узнали, что директоръ этого завода Ванштейдъ отдалъ распоряженіе разсчитать старыхъ рабочихъ (около 420 чел.) какъ лицъ по его мнѣнію неблагонадежныхъ. Тогда 28-го февраля всѣ рабочіе этого завода (около 1500 ч.) — кромѣ рабочихъ лѣснаго заводскаго склада, гдѣ работаютъ преимущественно турки — забастовали. Второго марта рабочіе принудили бросить работу машинистовъ, кочегаровъ и рабочихъ электрическаго отдѣла и пріостановили этимъ наливъ керосина изъ резервуаровъ въ наливные проходы, которые отвозятъ керосинъ заграницу. 4-5-го числа рабочіе принудили прекратить работы въ матеріальномъ складѣ, гдѣ работаютъ татары. 6-го числа рабочихъ позвалъ для объясненія пріѣхавшій военный губернаторъ. Онъ выслушалъ рабочихъ, распорядился по военному: „если завтра не явитесь на работу, тогда приму строгія мѣры“. Рабочіе, конечно, не явились и тогда съ 7-го на 8-ое число было арестовано и посажено въ тюрьму 32 чел. Охранять заводъ пришла полиція, которую помѣстили въ склады и конторы. 8-го числа рабочіе числомъ около 600 человѣкъ собрались и въ 1 ч. дня, пошли съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ по главнымъ улицамъ города по направленію къ тюрьмѣ, гдѣ сидѣли арестованые товарищи. Дорогою къ нимъ присоединились многіе изъ публики. Придя къ тюрьмѣ, они потребовали, чтобы всѣхъ арестованныхъ освободили или, въ противномъ случаѣ, арестовать и ихъ. Полиція пыталась разогнать толпу, но безуспѣшно. Во время столкновенія одинъ рабочій былъ раненъ. Тогда полиція убѣдившись, что силою ничего не подѣлаешь, пустилась на хитрость: арестованныхъ освободили и стали просить рабочихъ возвратиться домой не черезъ городъ, а черезъ дворъ пересыльной части. Рабочіе наивно довѣрились и пошли по указанію, а тамъ въ засадѣ ихъ ждали двѣ роты солдатъ, которые, напавъ на рабочихъ, загнали ихъ въ казармы безъ сопротивленія со стороны рабочихъ. На другой день къ пересыльной части пошла толпа рабочихъ около 400 чел. Дорогою къ нимъ пристало много городской публики. Когда толпа подошла къ зданію пересыльной части, произошло столкновеніе съ солдатами. Изъ толпы, которая была ожесточена до глубины души поступкомъ съ ихъ товарищами, полетѣли въ солдатъ камни и грязь. Тогда по командѣ командира солдаты сдѣлали залпъ въ безоружную толпу. Толпа разсѣялась, но на мѣстѣ осталось одинъ убитый рабочій и 19 раненыхъ. Изъ нихъ вскорѣ умерло еще 9 человѣкъ. А сколько еще помрутъ, ибо пораненія тяжелыя — въ животъ! Изъ Тифлиса вытребованы еще 4 роты пѣхоты, 2 сотни казакъ и 2 сотни стражниковъ (чафары). Заводъ охраняется солдатами. Послѣ всего этого на всѣхъ заводахъ города и въ Русскомъ и въ Россійскомъ обществѣ рабочіе прекратили работу. Ихъ примѣру послѣдовали „дрогали“ (ломовые извощики) и другіе извощики.

Тула. Мѣстная группа соціальдемократовъ выпустила слѣдующее воззваніе, помѣченное мартомъ 1902 года:

„Ко всѣмъ Тульскимъ рабочимъ. Товарищи! Посмотрите, что дѣлается кругомъ! Со всѣхъ сторонъ несутся вѣсти о безработицѣ: по всей Россіи сокращаютъ производство, фабрики и заводы закрываются, рабочихъ разсчитываютъ и сотнями выбрасываютъ на улицу. Тысячи нашихъ голодныхъ товарищей бродятъ отъ фабрики къ фабрикѣ, не находя себѣ работы. Нужда все растетъ; и чѣмъ дальше, тѣмъ наше положеніе становится отчаяннѣе. Нищета и голодная смерть носятся въ рабочихъ семьяхъ....

Безработица и голодъ въ то время, какъ магазины ломятся отъ хлѣба, цѣлые вагоны, нагруженные съѣстными припасами, отправляются заграницу, товары не распродаются! Въ рабочихъ семьяхъ дѣти сидятъ безъ куска хлѣба, въ деревняхъ крестьяне умираютъ и пухнутъ отъ голода, а во дворцѣ Николай со своей челядью пируетъ на народныя деньги!

Причиной нашихъ страданій товарищи, является прежде всего устройство нашего общества, въ которомъ кучка богачей пользуется всѣми благами міра, ничего не дѣлая, остальные же несутъ каторжный трудъ за грошевую плату. Капиталъ — это бездушный идолъ, въ жертву которому мы приносимъ свое здоровье, свою жизнь, радость и счастье. Для фабриканта мы — машины, необходимыя для полученія прибыли. Безъ насъ фабрикантъ не можетъ существовать, но лишь только мы ему стали не нужны, насъ выбрасываютъ на улицу, какъ ненужный хламъ. Фабрикантъ не знаетъ ни жалости, ни состраданія. Товарищи! гдѣ же справедливость? Тунеядцы живутъ и наслаждаются, а мы, руками которыхъ создаются всѣ богатства, должны умирать съ голоду на улицѣ! Неужели у васъ не поднимется чувство негодованія противъ всѣхъ тѣхъ піявокъ, которые сосутъ васъ со всѣхъ сторонъ?

Фабриканты — наши враги, поработители и мучители. И если мы не хотимъ вѣчно оставаться въ рабствѣ, вѣчно жить въ нищетѣ и невѣжествѣ, мы должны бороться со своими врагами. Многіе изъ васъ, быть можетъ, скажутъ: „Такъ было, есть и будетъ — сила солому ломитъ“. Да, товарищи, вѣрно, что фабриканты — сила, для борьбы съ которой мы должны тоже противопоставить свою силу. А сила наша — въ объединеніи, въ дружномъ товарищескомъ союзѣ. Наши товарищи заграницей раньше насъ поняли это и давно уже вступили въ борьбу со своими угнетателями, соединившись въ боевые товарищескіе союзы. И своей неустанной борьбой они отвоевали себѣ лучшую долю. Нѣтъ ни одного государства въ Европѣ, кромѣ Турціи, гдѣ бы рабочему жилось такъ плохо, какъ у насъ въ Россіи. Товарищи! мы живемъ подъ двойнымъ гнетомъ; кромѣ фабрикантовъ, у насъ есть еще не менѣе злой врагъ, который не даетъ намъ сплачиваться и бороться за лучшее будущее.

онѣ разумѣется помнили про этотъ праздникъ. Прикащикъ, не ожидая конечно сопротивленія, по какимъ то ему одному извѣстнымъ причинамъ, приказалъ, наканунѣ 24 іюня 99 г., „завтра работать“. Работницы, противъ всякаго ожиданія, возмутились и рѣшили „завтра“ на работу не ходить. И дѣйствительно не пошли, нашлись среди нихъ (125 человѣкъ) энергичныя женщины, которыя уговорили другихъ болѣе робкихъ не идти. Прикащикъ бѣсился, добивался „чье это дѣло“, но безуспѣшно. Стачку впрочемъ выдержали не всѣ и одна рамка пошла “съ повинной“. Свирѣпый прикащикъ извиненій принять не пожелалъ... На другой день прибылъ управляющій сказалъ оробѣвшимъ „бабамъ“ грозную рѣчь и за строптивость и „дѣйствіе скопомъ“ лишилъ виновныхъ чаю, ситнаго и лапши*) на будущее время. Затѣмъ добавилъ, что „отнынѣ“ работы урочныя отмѣняются, а будутъ продолжаться весь день. Конечно это была нелѣпость, которую г. управляющій, что называется „сбрехнулъ“, и уроки остались тѣ же, но лапши и пр. дѣиствительно два воскресенья не выдавали. Такъ грустно кончился этотъ „бабій бунтъ“, а все-жъ могли-бы сказать онѣ: „на Ивановъ то день мы не работали, значитъ даже и мы, коли вздумаемъ, можемъ кое что сдѣлать“.

„Хозяйскіе харчи“ сплошь да и рядомъ выдаются на болотахъ работницамъ отвратительные**) и очень скудные, но Хлудовское болото въ этомъ случаѣ поступаетъ лучше другихъ, тамъ харчи хорошіе. Впрочемъ за послѣднее мною проведенное тамъ время лѣто 1901 года, я былъ свидѣтелемъ, какъ работницамъ довольно часто „сплавляли“ изъ лавки не годное къ употребленію.

Мнѣ остается сказать еще нѣсколько словъ о помѣщеніяхъ для рабочихъ и работницъ. Почти вездѣ помѣщенія не выдерживаютъ даже снисходительной критики. У Хлудовыхъ напримѣръ, въ мужскихъ и женскикъ баракахъ устроены страшно холодные и очень скверные цементовые полы. У Викулы морозова одно время женское помѣщеніе помѣщалось въ двухъ-этажномъ зданіи, причемъ на верху были спальни, а внизу кухня. Нечего и говорить, что подобное совмѣщеніе неудобно во всѣхъ отношеніяхъ и главнымъ образомъ конечно въ пожарномъ.

На этомъ я закончу. Я знаю, что мой очеркъ не полонъ, слабъ, цыфры даны приблизительно, но онъ правдивъ, какъ изображеніе вообще жизни рабочихъ, а это по моему самое важное и именно то, что я ставилъ себѣ задачей. Моею цѣлью было показать читателямъ жизнь этихъ забытыхъ тружениковъ, достигъ я это или нѣтъ судить не мнѣ. Я не даю никакихъ указаній какъ выйти изъ этого положенія, это не въ моихъ силахъ, но я все же надѣюсь, что долю извѣстнаго участія, интереса и сочувствія къ рабочимъ на торфяныхъ болотахъ я возбудилъ, а для меня и этого довольно.....

*) Эти три вещи выдавались по праздникамъ, какъ лакомство.

**) На одномъ изъ болотъ (я слышалъ это отъ работницы) хозяинъ цѣлое лѣто кормилъ „манной кашей“. Причиной этому было то, что у него откуда то скопилось много манной крупы.

Подобно китайской стѣнѣ, передъ нами стоитъ царское правительство съ его штыкомъ и нагайкой. Оно — лютый врагъ рабочаго люда, и пока мы не раздѣлаемся съ нимъ невозможна будетъ никакая успѣшная борьба за улучшеніе нашей жизни. Товарищи, безработица теперь не только въ Россіи — наши товарищи на западѣ тоже переживаютъ тяжелое время; но нигдѣ нѣтъ такой нужды, какъ у насъ. Прежде всего потому, что мы — безгласные, забитые рабы царскаго правительства. Насъ бьютъ нагайками, сажаютъ въ тюрьмы, ссылаютъ въ Сибирь за всякую попытку улучшить свое положеніе. Тысячи борцовъ за свободу — рабочихъ и ихъ друзей — томятся въ тюрьмахъ, рудникахъ и снѣжныхъ пустыняхъ Сибири; они страдаютъ только потому, что не хотѣли мириться съ своимъ безправіемъ и жить въ рабствѣ. Мы позволяемъ царскому правительству обирать насъ всевозможными налогами и поборами, а сами не знаемъ, куда идутъ наши деньги. Правительство пользуется нашей безгласностью; на наши деньги задаются пиры и балы для потѣхи царя и его опричины, содержится милліонное войско, нужное для защиты интересовъ богачей и правительства, послѣднія крохи выколачиваются изъ пухнущихъ отъ голода крестьянъ для содержанія цѣлой своры жандармовъ, шпіоновъ и полиціи. Наше безправіе дошло до того, что мы не смѣемъ заявить правительству, что намъ нечего ѣсть, и готовы лучше сидѣть по домамъ и умирать съ голоду. По всей Западной Европѣ рабочіе во время безработицы тысячными толпами выходятъ на улицу и требуютъ у правительства помощи. Правительство боится этихъ грозныхъ сборищъ безработныхъ и удовлетворяетъ ихъ требованія. Выборные отъ народа заявляютъ правительству о народныхъ нуждахъ и заставляютъ его оказывать поддержку безработнымъ. У насъ же нѣтъ выборныхъ отъ народа, а государственная власть находится въ рукахъ царя-деспота и цѣлой орды царскихъ чиновниковъ, произволъ которыхъ не знаетъ границъ.

Правительство держитъ народъ во тьмѣ и невѣжествѣ, стараясь всѣми силами не пускать лучъ свѣта въ народную массу. Оно знаетъ, что достаточно народу сознать свое безправіе, какъ рухнетъ царскій тронъ, а съ нимъ придетъ конецъ царству кнута и нагайки. Правительство не пускаетъ хорошія книги въ народъ, запрещаетъ писать правду, отчего плохо живется на Руси, запрещаетъ писать о голодѣ и безработицѣ, не пускаетъ хорошихъ людей въ деревню, искренно желающихъ помочь голодающему народу, называя ихъ бунтовщиками. Правительство желаетъ передать школы въ руки поповъ, которые умѣютъ такъ хорошо замазывать глаза народу разными баснями, ссылаясь на Бога.

Товарищи, политическая свобода для насъ есть вопросъ жизни и смерти. Она необходима намъ, какъ свѣжій воздухъ для дыханія. Только низвергнувъ царя съ его опричиной, мы сможемъ успѣшно бороться за лучшее будущее. Наши товарищи въ другихъ городахъ Россіи уже поняли свое безправное положеніе и дружно выступили на борьбу съ царскимъ правительствомъ, требуя себѣ правъ и свободы. Товарищи, примыкайте же и вы къ тѣсной семьѣ рабочихъ, заявляйте правительству, что и вы не хотите больше быть безгласными рабами, требуйте низверженія царскаго правительства, которое мѣшаетъ вамъ бороться за лучшую долю.

Товарищи, пользуйтесь теперешнимъ временемъ. Наше правительство бьетъ тревогу и прибѣгаетъ къ послѣднимъ средствамъ, чтобы оставить за собою власть, обагренную кровью. Оно издаетъ циркуляръ за циркуляромъ, старается заткнуть всѣ форточки, всѣ щели, въ которыя можетъ проникнуть свободная мысль. Правительство чувствуетъ себя непрочнымъ и хочетъ силой задавить поднимающееся со всѣхъ сторонъ возмущеніе. Негодованіе противъ царскаго правительства растетъ во всѣхъ слояхъ русскаго населенія: все живое, мыслящее, все, что способно чувствовать гнетъ и ненавидѣть произволъ — рабочіе, литераторы, студенты —, пробуждается, и близокъ тотъ моментъ, когда всѣ недовольные возстанутъ, какъ одинъ человѣкъ, и бурное пламя революціи охватитъ всю Россію. Товарищи, пользуйтесь же временемъ, чтобы предъявить свои требованія царскому правительству. Товарищи-безработные, выходите толпами на улицу и требуйте себѣ хлѣба и работы. Требуйте созыва выборныхъ отъ народа. Долой самодержавнаго царя, жандармовъ и полицію. Требуемъ хлѣба и работы. Да здравствуетъ борьба за политическую свободу"!

Заводъ Брянскій (Орловской губ.). Съ пріѣздомъ новаго директора Андерсона (въ августѣ 1901 г.) администрація нашего завода стала очень и очень экономить; начала увольнять рабочихъ, желая сберечь копѣйки, но эта скаредность сейчасъ-же очень тяжело отозвалась на рабочихъ, такъ какъ благодаря ей произошли несчастные случаи, описанные въ № 15 „Искры".

Между прочимъ несчастіе съ двумя рабочими, обваренными расплавленнымъ чугуномъ (одинъ изъ нихъ умеръ, промучавшись около сутокъ, а другой до сихъ поръ тяжко боленъ), произошло потому, что была уволена часть слесарей, занимавшихся обсѣчкой краевъ опокъ и ихъ пригонкой и вотъ при отливкѣ изложницы расплавленная чугунная масса въ 250 п. вѣсомъ, прорвавшись между неплотно пригнанными краями верхней и нижней опоки, хлынула наружу и залила двухъ рабочихъ. Рабочіе буквально плавали въ чугунѣ.

Съ февраля мѣсяца нынѣшняго года стали сбавлять расцѣнки и начали съ вагоннаго цеха, сбавивъ расцѣнки въ половину, что и заставило рабочихъ забастовать въ числѣ 400 человѣкъ.

Забастовка продолжалась со 2-го по 6-ое февраля и рабочимъ удалось на половину уменьшить сбавку. Какъ еще наивны наши брянскіе рабочіе, видно изъ того, что первымъ долгомъ послѣ уменьшенія расцѣнокъ они пошли жаловаться приставу, и этотъ господинъ, очевидно усвоившій „новый курсъ", изъявилъ полную готовность помочь рабочимъ и призывалъ всякія бѣды на голову заводской администраціи. Кончилось дѣло тѣмъ, что 70 человѣкъ изъ стачечниковъ было уволено и изъ нихъ 20 человѣкъ старыхъ рабочихъ, которые не должны-бы быть уволены, такъ какъ остались поступившіе позднѣе ихъ; очевидно разсчитаны они, какъ зачинщики.

1-го марта въ конторѣ механическаго цеха было секретное засѣданіе мастеровъ (2) и подмастерьевъ (6) этого цеха подъ предсѣдательствомъ директора. На этомъ совѣщаніи рѣшено было сбавить расцѣнки. Надо замѣтить, что двое изъ участвовавшихъ отказались сбавлять расцѣнки; одинъ изъ нихъ мотивировалъ свой отказъ тѣмъ соображеніемъ что у него „одна голова на плечахъ", а другой заявилъ, что по его мнѣнію расцѣнки и такъ низки и просилъ лучше перевести его въ рабочіе, чѣмъ заставлять уменьшать расцѣнки. Въ результатѣ этого засѣданія съ 4-го марта расцѣнки сбавили отъ 4-хъ до 40%. Въ 5 часовъ вечера въ этотъ день 200 человѣкъ рабочихъ механическаго цеха, преимущественно молодежи, бросили работу, подошли къ конторѣ и стали жаловаться на своего подмастерья завѣдывающему механической мастерской, требуя его замѣны.

Начальство струсило и очень скоро уступило, были оставлены старые расцѣнки и назначенъ новый подмастерье для производства расцѣнокъ; но старый все-таки былъ оставленъ для наблюденія за работой. Здѣсь необходимо отмѣтить, какъ легко уступаетъ наша заводская администрація какъ она труслива и какъ много, сравнительно, могли-бы добиться отъ нея брянскіе рабочіе, если бы проявили больше смѣлости, настойчивости и солидарности въ защитѣ своихъ интересовъ.

Надо сказать, что всю зиму настроеніе на заводѣ было очень тревожное. Волненіе вызывалось, съ одной стороны, увольненіемъ рабочихъ, начавшемся съ осени и продолжавшемся всю зиму. Съ другой стороны — заводская администрація*), желая вѣроятно сразу отдѣлаться отъ значительнаго числа рабочихъ, упорно распространяла слухъ, что на заводѣ будетъ бунтъ и назначала даже день 19-го марта.

Настроеніе рабочихъ было такое напряженное, что „достаточно было-бы бросить пустую бумажку, что-бы молва превратила ее въ цѣлый возъ прокламацій".

Сколько-нибудь широкій призывъ къ стачкѣ непремѣнно закончился-бы бунтомъ. Въ теченіи зимы раза три на заводѣ была разбросана брошюра „Заработная плата", каждый разъ экземпляровъ по 50.

8-го марта утромъ по мастерскимъ было разбросано до 800 экземпляровъ брошюръ „Кто чѣмъ живетъ", „Заработная плата" и номеровъ „Искры". Это страшно перепугало заводское начальство и полицію*). Начались обыски и аресты, перерыли весь Брянскъ, при чемъ преимущественно искали у евреевъ, такъ какъ на брошюрахъ была помѣтка „Бунда".

*) Между прочимъ для характеристики директора Андерсона приведемъ слѣдующій фактъ. Какъ-то къ нему пришла женщина съ мальчикомъ и просила взять его на работу, ссылаясь на свою бѣдность, на что Андерсонъ цинично замѣтилъ: „ты еще молода, я первый полтинникъ дамъ; на улицѣ любому предложи, не откажется — еще можешь заработать".

Тверь. На Вагоностроительномъ заводѣ французскаго анонимнаго общества въ концѣ февраля были волненія изъ за предполагавшагося измѣненія порядка работъ. Прежде работали отъ 7 часовъ утра до 7 часовъ вечера, а подъ праздникъ съ 7 часовъ до 5 час., при 2-хъ часовомъ перерывѣ; а передъ 1 марта директоръ завода Бѣлоножкинъ (котораго еще въ 1899 году избили рабочіе въ Екатеринославлѣ) вывѣсилъ объявленіе, что работа будетъ кончаться на ½ часа раньше, но за то и перерывъ положенъ былъ только въ 1½ часа. Руководствовался онъ при этомъ соображеніями „экономіи" на освѣщеніи огромныхъ заводскихъ зданій въ сумерки, но, какъ видно, не прочь былъ „съэкономить" и на заработкѣ рабочихъ, заставляя ихъ наканунѣ воскресеній и праздниковъ работать на полчаса больше. Но вышло не такъ, какъ ему хотѣлось: рабочіе кузечнаго и слесарнаго цеховъ поднялись, какъ одинъ человѣкъ, двинулись къ конторѣ, настояли на своемъ — и Бѣлоножкинъ уступилъ. — Теперь все тихо, но врядъ-ли такое настроеніе долго продержится: послѣ сильнаго пожара — осенью 1900 года — заводъ долго работалъ при неполномъ комплектѣ; теперь усиленно принимаютъ новыхъ рабочихъ и — сбавляютъ расцѣнки.

Въ концѣ-же февраля произошли волненія на Тверской Рождественской мануфактурѣ Берга. Началось дѣло съ того, что въ среду на масляной рабочіе всѣхъ отдѣленій фабрики заявили администраціи о своемъ нежеланіи работать въ пятницу, ссылаясь на примѣръ Морозовской фабрики, гдѣ работа кончается въ четвергъ. Директоръ отказалъ наотрѣзъ. Въ четвергъ утромъ рабочіе повторили свое требованіе и, получивъ вторичный отказъ, заволновались. Раздались жалобы и на другіе фабричные непорядки: на низкіе расцѣнки, запрещеніе пить чай въ мастерской, запрещеніе отлучаться въ рабочіе дни изъ фабрики даже въ больницу, или для вѣнчанія, или на похороны, — на дурное отношеніе къ женщинамъ со стороны директора и мастеровъ и. т. д. Рѣшили бросить работу. Сперва бросила ее часть ткачей. потомъ пристали остальные ткачи и ткачихи (всѣхъ ткачей 200 человѣкъ, ткачихъ 1300 человѣкъ), но прядильщики измѣнили уговору и остались въ мастерской. Ткачи двинулись къ прядильной, чтобы прервать работы, но у дверей ихъ встрѣтила кулаками полиція, заготовленная еще съ вечера. Била она звѣрски, а сопротивлявшихся тащила въ участокъ. Но, не смотря на ея охрану послѣ обѣда къ ткачамъ пристала половина прядильщиковъ и катушницы.

Явился г. фабричный инспекторъ; ему предъявили разныя жалобы.

Выслушивать ихъ онъ не сталъ, сказавъ, что „не въ жалобахъ дѣло, а въ томъ, что они должны опять стать на работу." Скоро ткачи опять остались одни. Подъ вечеръ небольшая ихъ кучка собралась у воротъ фабрики. Полиція немедленно стала ихъ разгонять, арестовала одного, но товарищи отбили и въ свою очередь основательно поколотили ретивыхъ царскихъ слугъ. Особенно досталось усердному не по разуму приставу Знаменскому. Вечеромъ многіе изъ ткачей разъѣхались по деревнямъ, а ночью появилось объявленіе за подписью вице-губернатора и фабричнаго инспектора, приглашавшее явиться на работу въ пятницу и грозившее увольненіемъ въ случаѣ неявки. Эти объявленія полиція ночью разносила по квартирамъ, а изъ казармъ гнала утромъ насильно на работу. Кто не шелъ, тѣхъ забирали въ участокъ. Не смотря на всѣ эти старанія изъ ткацкаго цеха вышли на работу всего 20 женщинъ, и администрація фабрики невольно принуждена была уступить: съ 8-ми часовъ фабрика остановилась на праздникъ. Кончилось дѣло тѣмъ, что почти всѣхъ ткачей разсчитали, а обратно на работу принимали только женщинъ.

При разсчетѣ въ фабричной конторѣ рядомъ съ директоромъ засѣдалъ полиціймейстеръ Кирѣевскій и на всѣ протесты рабочихъ заявлялъ неизмѣнно: „не твое дѣло разсуждать! если я тебя высылаю, то и самъ директоръ не можетъ принять тебя обратно!"

Дѣйствительно, разсчитаннымъ пришлось получить деньги и паспорта въ волости. Видно, лишній разъ хотѣли показать рабочему, что слуги царя и фабриканты всегда за одно.

На Тверской мануфактурѣ Морозовыхъ съ мая прошлаго года сбавляли расцѣнки, и, — особенно среди ткачей, шло глухое броженіе. Въ началѣ марта начали циркулировать и на фабрикѣ, и среди тверской интеллигенціи слухи о готовящейся стачкѣ. Назначали даже срокъ ея — 20-го марта. Подлежащія вѣдомства, разумѣется, всполошились и проявили чрезвычайную дѣятельность. Вездѣ зашныряли городовые и жандармы; фабричный приставъ (онъ же оберъ-сыщикъ) Подольскій приставалъ ко всѣмъ встрѣчнымъ рабочимъ съ разспросами, не знаютъ-ли они что нибудь о стачкѣ (sic!)....

Наконецъ въ ночь съ 18 на 19 марта былъ произведенъ рядъ обысковъ среди намѣченныхъ рабочихъ, но ничего не нашли. — Стачка мѣста не имѣла (по рѣшенію самихъ рабочихъ), и сейчасъ все тихо, но глухое броженіе продолжается.

Россійскія событія этого и прошлаго года не прошли безслѣдно для тверскихъ рабочихъ, и можно было-бы привести цѣнные факты, доказывающіе, что сознаніе враждебности интересовъ самодержавія и пролетаріата и необходимости борьбы за политическую свободу проникаетъ и въ здѣшнюю рабочую среду, но по „внѣшнимъ обстоятельствамъ" разсказъ объ этомъ приходится отложить до другого раза. —

*) Губернаторъ, бывшій въ это время на ревизіи въ Брянскѣ и 9-го числа собиравшійся на заводъ, отложилъ свою поѣздку.

Гомель. Недавно здѣсь была стачка 35 работницъ на тряпичной фабрикѣ Ловьянова, продолжавшаяся почти 2 недѣли. Онѣ требовали сокращенія рабочаго дня, удаленія одного прикащика и нѣкоторыхъ другихъ облегченій. Часть этихъ требованій удовлетворена.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Бельгія. Конгрессъ соціалистической партіи.

30 и 31-го марта (новаго стиля) происходили въ Бельгіи засѣданія годичнаго конгресса бельгійской соціалистической партіи (17-ый со времени основанія). Впрочемъ, еще наканунѣ (20-го марта) собрался въ Брюсселѣ-же конгрессъ кооперативныхъ обществъ. Оба эти конгресса тѣсно связаны одинъ съ другимъ, а потому я остановлюсь немного на первомъ изъ нихъ.

Кооперативное движеніе въ Бельгіи имѣетъ характеръ, совершенно отличный отъ того, который приданъ ему въ другихъ странахъ, въ особенности въ Англіи. Для англичанъ кооперація представляетъ цѣнное учрежденіе просто какъ средство улучшить положеніе рабочихъ, давая имъ возможность покупать всѣ нужные для нихъ продукты лучшаго качества и по болѣе дешевой цѣнѣ. При такомъ взглядѣ на кооперацію она не имѣетъ ничего общаго съ соціализмомъ, отвлекаетъ даже отъ соціализма, направляя все вниманіе рабочихъ на возможность улучшенія ихъ положенія путемъ образованія кооперативныхъ обществъ и чуть не обѣщая все рѣшеніе соціальнаго вопроса этимъ мирнымъ путемъ. Неудивительно поэтому, что многіе буржуазные экономисты вѣрно оцѣнили значеніе такой кооперацiи, какъ средства отвлеченія рабочихъ отъ соціализма и изо всѣхъ силъ стараются пропагандировать это движеніе.

Въ Бельгіи дѣло обстоитъ совсѣмъ иначе. Для бельгійскихъ соціалистовъ кооперативы важны главнымъ образомъ, какъ средство объединенія рабочихъ въ соціалистическую партію. Правда, помимо соціалистическихъ кооперативовъ въ Бельгіи существуетъ очень много и такихъ, которые не принадлежатъ ни къ какой партіи, которые на манеръ англичанъ видятъ въ потребительныхъ и производительныхъ обществахъ только средство, позволяющее рабочимъ и мелкой буржуазіи улучшить условія жизни, давъ имъ возможность покупать за болѣе дешевую цѣну лучшіе доброкачественные товары. Но такіе „нейтральные" кооперативы далеко не играютъ той роли, какъ соціалистическіе. Одинъ изъ первыхъ пунктовъ устава всякаго бельгійскаго соціалистическаго кооператива говоритъ, что членомъ его можетъ быть только лицо, признающее программу бельгійской рабочей (соціалистической) партіи. Всякій такой кооперативъ входитъ въ составъ партіи, уплачивая въ партійную кассу членскіе взносы за всѣхъ своихъ членовъ. Такимъ образомъ всякій членъ соціалистическаго кооператива дѣлается членомъ партіи. А такъ какъ кооперативы приносятъ своимъ членамъ много выгодъ, то число членовъ, вводимыхъ въ партію, очень значительно. Но кромѣ этого кооперативы оказываютъ другія громадныя услуги партіи. Каждый кооперативъ владѣетъ обыкновенно домомъ, спеціально предназначеннымъ для цѣлей партіи. Вокругъ такого кооператива, какъ пчелы вокругъ улья, группируются всѣ другія учрежденія партіи: рабочіе союзы, кассы взаимопомощи, рабочія лиги, кружки пропаганды и самообразованія, пѣвческія и музыкальныя общества и. т. п. Въ помѣщеніи кооператива они устраиваютъ свои собранія, тамъ же хранится ихъ знамя, ихъ архивы, тутъ же получается и вся корреспонденція на имя общества. При многихъ большихъ кооперативахъ имѣются библіотеки, доступныя для всѣхъ членовъ партіи.

Всякое соціалистическое потребительное общество управляется лицами, избранными собраніемъ членовъ и находящимися подъ контролемъ собранія. При всякой крупной стачкѣ или во время избирательной агитаціи соціалистическіе кооперативы выдаютъ всегда партіи или стачечникамъ денежныя субсидіи для борьбы. Вообще же потребительныя общества являются такимъ могучимъ орудіемъ въ рукахъ бельгійскихъ соціалистовъ, что за послѣднее время бельгійскіе католики, составляющіе самую реакціонную партію въ Бельгіи, поняли удобство этого оружія и рѣшили воспользоваться имъ сами въ борьбѣ съ соціалистами. Они также начали устраивать свои кооперативы, завлекая въ нихъ еще не доросшихъ до соціализма рабочихъ и главнымъ образомъ невѣжественныхъ крестьянъ.

Въ этихъ католическихъ кооперативахъ все завѣдываніе дѣлами находится обыкновенно въ рукахъ католическихъ поповъ, имѣющихъ большое вліяніе на крестьянъ. А если въ городахъ рабочіе и имѣютъ право избирать сами администрацію, то избраніе это совершается всегда подъ бдительнымъ надзоромъ поповъ и фабрикантовъ — католиковъ, принуждающихъ рабочихъ избирать угодное и удобное для нихъ лицо. Происходитъ нѣчто подобное тому, что творится у насъ въ Москвѣ на собраніяхъ рабочихъ механическаго производства или въ независимой еврейской рабочей партіи, гдѣ роль поповъ исполняютъ жандармы и шпіоны.

Не смотря на то, что мысль о тѣсной связи, которая должна существовать между потребительными обществами и соціалистической партіей, признавалась всѣми делегатами послѣдняго конгресса, многіе ораторы заявляли, что кооперативы должны еще больше работать въ пользу партіи, приносить ей возможно большія жертвы. „Кооперативное общество", замѣтилъ одинъ изъ ораторовъ: „должно быть прежде всего орудіемъ соціалистической пропаганды". Слова эти были покрыты единодушнымъ одобреніемъ всего конгресса.

Засѣданія конгресса партіи происходили въ такъ называемой „залѣ празднествъ" Брюссельскаго кооператива (Maison du Peuple), который наравнѣ съ Гентскимъ (Voornit) составляетъ гордость бельгійской соціалистической партіи.

Конгрессу предстояло рѣшить чрезвычайно важный вопросъ о тактикѣ въ начатой уже въ настоящее время бельгійскими соціалистами борьбѣ за всеобщее избирательное право. Важностью этихъ вопросовъ и объясняется многолюдность конгресса: участвовало около 700 делегатовъ, представлявшихъ 478 группъ партіи.

Въ самомъ началѣ конгресса делегатъ Трокле (депутатъ отъ Льежа) предложилъ конгрессу выразить свое сочувствіе и пожеланіе успѣховъ въ борьбѣ русскимъ соціаль-демократамъ, ведущимъ трудную борьбу противъ царизма. Предложеніе было принято при аплодисментахъ всего собранія. Другой делегатъ предложилъ, при всеобщемъ смѣхѣ, переслать это привѣтствіе черезъ посредство гражданина Мильерана. Наиболѣе интереснымъ и важнымъ было второе (послѣобѣденное) засѣданіе конгресса, на которомъ обсуждались вопросы о тактикѣ соціалистовъ въ борьбѣ за всеобщее избирательное право, о распространеніи избирательныхъ правъ на женщинъ и о пропорціональномъ представительствѣ при выборахъ. — До 1893 г. въ Бельгіи существовала система выборовъ, основанная на довольно высокомъ цензѣ, такъ что только небольшая часть населенія могла принимать участіе въ выборахъ депутатовъ. Послѣ долгой и упорной борьбы, сопровождавшейся цѣлымъ рядомъ манифестацій и закончившейся всеобщей стачкой, при чемъ рабочіе всѣхъ промышленныхъ округовъ двинулись было на Брюссель, чтобы тамъ силой добыть себѣ избирательныя права, реакціонное католическое министерство должно было уступить.

Между партіями состоялся компромиссъ, и въ Бельгіи была введена такъ называемая система множественныхъ вотумовъ. (Vote plural.) При этой системѣ всѣ граждане достигшіе 25 лѣтъ имѣютъ право голоса, но лица, имѣющіе недвижимую собственность, за которую платятъ извѣстный налогъ, отцы семействъ, лица, окончившіе курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, имѣютъ дополнительные голоса. Такимъ образомъ при этой системѣ громадное большинство рабочихъ, не имѣющихъ никакой недвижимой собственности, имѣетъ только одинъ голосъ, крестьяне и мелкая буржуазія имѣютъ по два голоса, крупная-же и средняя буржуазія имѣетъ даже по три голоса (а при выборахъ въ городскіе и провинціальные совѣты даже по четыре голоса). Такой порядокъ, конечно, очень невыгоденъ для рабочихъ — соціалистовъ и очень выгоденъ для католиковъ, опирающихся главнымъ образомъ на крестьянъ и на буржуазію. И дѣйствительно при первыхъ же выборахъ въ палату депутатовъ 1894 г. католики получили громадное большинство (болѣе 100 депутатовъ), соціалистамъ удалось провести 29 депутатовъ, либералы же были почти совсѣмъ вытѣснены изъ палаты: ихъ осталось менѣе 20 депутатовъ. И только введеніе пропорціональнаго представительства (въ 1899 г.) поправило ихъ дѣла. Вотъ нѣсколько цыфръ, приведенныхъ соціалистическимъ депутатомъ Вандервельдомъ въ его рѣчи въ палатѣ депутатовъ 14-го февраля при обсужденіи законопроэкта о введеніи всеобщаго для всѣхъ избирательнаго права при выборахъ въ городскіе и провинціальные совѣты.

Въ пригородахъ Брюсселя 1620 рабочихъ при выборахъ въ палату депутатовъ имѣли 1771 голосъ и 1642 не-рабочихъ имѣли 2596 голосовъ, т. е. 100 рабочихъ имѣютъ 110 голосовъ и 100 буржуа — 183 голоса. Въ „Haut-Fayt" 100 рабочихъ имѣютъ 113 голосовъ и 100 не-рабочихъ — 239 голосовъ. Въ „La Hulpe" 100 рабочихъ имѣютъ 124 голоса, 100 не-рабочихъ — 216 голосовъ и въ „Pâturage" 2466 рабочихъ имѣютъ 3319 гол. и 439 не-рабочихъ 919 голосовъ. Въ „La Louviere" 385 рабоч. имѣютъ 480 гол. и 115 не-рабочихъ 280 голосовъ.

При такой системѣ выборовъ соціалисты послѣ своей первой побѣды при выборахъ 1894 г. при всѣхъ своихъ усиліяхъ могли очень мало увеличить число своихъ депутатовъ въ палатѣ, не смотря на то, что соціализмъ сдѣлалъ съ того времени гормадные

успѣхи. Такимъ образомъ передъ бельгійскими соціалистами встала необходимость во что бы то ни стало добиться отмѣны множественныхъ вотумовъ и введенія въ Бельгіи всеобщаго и равнаго для всѣхъ избирательнаго права. Рѣшеніе это было принято ими на конгрессѣ въ Льежѣ въ прошломъ году. Соціалистамъ пришлось начать борьбу при очень неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. Прежде всего они были почти совсѣмъ одни. Ихъ союзникомъ были только прогрессисты (партія радикальной буржуазной демократіи). Всѣ же умѣренные либералы относились даже враждебно къ начатой ими борьбѣ. По всей странѣ былъ организованъ цѣлый рядъ собраній, на которыхъ ораторы-соціалисты разъясняли народу какъ несправедливъ и невыгоденъ для него существующій законъ, при которомъ одинъ богатый буржуа имѣетъ столько же силы и значенія, что 3 или 4 рабочихъ. Мало по малу имъ удалось создать въ странѣ на столько сильное движеніе въ пользу пересмотра конституціи, что скоро у нихъ стали появляться союзники въ борьбѣ. Одними изъ первыхъ присоединились къ нимъ, такъ называемые, католики — демократы: небольшая партія, пытающаяся найти рѣшеніе соціальныхъ вопросовъ въ демократическомъ толкованіи христіанства. Какъ умные и практичные люди бельгійскіе соціалисты знаютъ, что въ борьбѣ съ противниками нельзя пренебрегать никакими союзниками, а потому они и постарались всѣми силами привлечь на свою сторону либеральную буржуазію. Вначалѣ либералы и слышать не хотѣли о введеніи всеобщаго и равнаго для всѣхъ избирательнаго права, но движеніе приняло такіе внушительные размѣры, что они стали побаиваться потерять многихъ своихъ избирателей на предстоящихъ въ маѣ этого года выборахъ въ палату депутатовъ, если будутъ также враждебно или даже равнодушно относиться къ начатой соціалистами борьбѣ. Съ другой стороны уничтоженіе множественныхъ вотумовъ поведетъ за собою паденіе реакціоннаго католическаго министерства и либералы далеко не прочь принять это наслѣдство. Но не смотря на заманчивость такой перспективы либералы, скрѣпя сердце, соглашаются отказаться отъ своихъ избирательныхъ привиллегій и робко и неохотно одинъ за другимъ переходятъ въ ряды защитниковъ реформы, обставляя свой переходъ цѣлымъ рядомъ оговорокъ и ограниченій. Такая робкая, неувѣренная, полная уступчивости политика, либераловъ еще болѣе оттѣняетъ мужественную борьбу соціалистовъ, не побоявшихся, когда они были совсѣмъ одиноки, начать борьбу, въ которой, какъ они не разъ заявляли, они „пойдутъ до конца, не останавливаясь ни передъ чѣмъ“.

Этотъ великій революціонный духъ бельгійскихъ рабочихъ былъ въ прошломъ причиной ихъ побѣдъ. Онъ и въ будущемъ спасетъ ихъ отъ все сильнѣе и сильнѣе проникающаго въ партію бернштейніанства. Трудность борьбы усиливается еще тѣмъ, что въ Бельгіи въ настоящее время свирѣпствуетъ страшный промышленный кризисъ. Повсюду имѣются массы безработныхъ, что дѣлаетъ всеобщую стачку очень трудной и едва-ли возможной. И не смотря на это, на конгрессѣ делегаты отъ угольнаго округа Боринажа заявили, что они не остановятся передъ стачкой и пойдутъ въ Брюссель добывать себѣ свободу.

При такихъ трудныхъ обстоятельствахъ помощь либераловъ становится еще нужнѣе. Католики съ своей стороны употребили всѣ усилія, чтобы помѣшать соглашенію между соціалистами и либералами. Съ этой цѣлью они выдвинули на сцену вопросъ о распространеніи избирательныхъ правъ на женщинъ — реформу, которая вписана въ программу бельгійскихъ соціалистовъ, но которой рѣшительно не хотятъ либерали и прогрессисты. Бельгійская женщина до сихъ поръ стоитъ еще на очень низкомъ уровнѣ развитія, находясь почти всегда (часто даже въ соціалистическихъ и либеральныхъ семьяхъ) подъ сильнымъ вліяніемъ католическихъ поповъ. Соціалисты, правда, ведутъ пропаганду среди женщинъ, но ведутъ ее гораздо слабѣе, чѣмъ среди мущинъ и, надо сознаться, что на этой почвѣ до сихъ поръ они сдѣлали еще очень мало. На этой почвѣ католики и вздумали разъединить соціалистовъ и либераловъ. Часть католиковъ заявила что они согласятся дать Бельгіи всеобщее и равное для всѣхъ избирательное право только съ условіемъ распространенія этого права и на женщинъ, разсчитывая увлечь за собою соціалистовъ. Либералы отвѣтили, что они никогда не согласятся на такую реформу. А при этихъ условіяхъ никакое измѣненіе конституціи было бы невозможно. И вдобавокъ если-бы было принято предложеніе католиковъ, то католическое большинство въ палатѣ было бы упрочено на много лѣтъ, благодаря голосамъ женщинъ, которыя въ большинствѣ случаевъ подавали бы голоса за католиковъ. Среди соціалистовъ мнѣнія раздѣлились по вопросу о расширеніи избирательныхъ правъ на женщинъ. Одни изъ нихъ (Вандервельдъ, Дени и друг.) настаивали, что нужно поддерживать это предложеніе, такъ какъ оно внесено въ программу партіи, такъ какъ рано или поздно соціалисты привлекутъ женщинъ-работницъ на свою сторону. Другіе, указывая на реакціонное католическое министерство, говорили, что женщины помогутъ ему удержаться у власти и еще долгое время отуплять страну при помощи поповъ. Впрочемъ, скоро соціалисты поняли, что „женскій вопросъ“ возбужденъ католиками единственно съ цѣлью испугать либераловъ, вызвать расколъ среди соціалистовъ и провалить такимъ образомъ въ палатѣ предложеніе о пересмотрѣ конституціи. Выясненію этого много помогъ отказъ католиковъ дать право голоса женщинамъ при выборахъ въ городскіе и провинціальные совѣты. Въ палатѣ католики голосовали противъ этого законопроэкта, предложеннаго соціалистами. Понявъ хитрость католиковъ, соціалисты рѣшились отказаться временно отъ распространенія избирательныхъ правъ на женщинъ и сосредоточить всѣ свои усилія на достиженіе, въ союзѣ съ либералами, всеобщаго избирательнаго права для мущинъ. Либералы съ своей стороны поставили соціалистамъ условія: 1) Соціалисты должны при пересмотрѣ конституціи голосовать противъ расширенія избирательныхъ правъ на женщинъ. 2) Внесеніе въ конституцію пропорціональнаго представительства при выборахъ въ палату депутатовъ. Сверхъ того они изо всѣхъ силъ настаивали на томъ, что соціалисты не должны ни въ какомъ случаѣ прибѣгать къ революціоннымъ средствамъ въ борьбѣ за избирательную реформу. Что касается первыхъ двухъ вопросовъ, то соціалисты, послѣ долгихъ обсужденій по группамъ, рѣшили согласиться на оба требованія. Въ этомъ смыслѣ и внесъ на конгрессъ предложеніе генеральный совѣтъ партіи. Что — же касается средствъ въ борьбѣ, то они заявили, что отъ всей души желаютъ мирнаго рѣшенія вопроса, но если министерство не уступитъ, то они не отвѣчаютъ ни за что, такъ какъ при всемъ желаніи не въ силахъ удержать народъ, требующій реформъ. Конгрессу предстояло обсудить эти вопросы и высказать по нимъ окончательное рѣшеніе. Въ томъ, что необходимо сдѣлать либераламъ требуемыя ими двѣ уступки — сходились всѣ члены конгресса. Но многіе ораторы упрекали генеральный совѣтъ партіи въ томъ, что въ своемъ предложеніи онъ недостаточно оттѣняетъ прицины партіи, ея революціонность. „Мы должны показать своими преніями либераламъ“, сказалъ въ блестящей рѣчи одинъ изъ лучшихъ ораторовъ партіи Дестре: „что мы дѣлаемъ имъ громадныя уступки, взамѣнъ которыхъ мы требуемъ отъ нихъ, чтобы они не измѣнили намъ въ борьбѣ за всеобщее избирательное право. Но пусть они знаютъ, что мы не отказываемся ни отъ одной буквы своей программы. Мы только временно откладываемъ ея примѣненіе. Что же касается требованія о примѣненіи только мирныхъ средствъ, то мы должны сказать либераламъ, что обращаясь къ намъ съ такимъ предложеніемъ, они ошиблись адресомъ. Мы никогда не можемъ отказаться отъ своей революціонной тактики, въ особенности когда мы имѣемъ дѣло съ правительствомъ, вся сила котораго основана на избирательныхъ злоупотребленіяхъ. Сверхъ того пусть знаютъ либералы“, закончилъ онъ свою рѣчь: „что первой реформой, которую мы потребуемъ послѣ избирательной реформы, будетъ установленіе 8-ми часового рабочаго дня“. Принявъ предложеніе генеральнаго совѣта, конгрессъ въ закрытомъ (не публичномъ) засѣданіи приступилъ къ выработкѣ средствъ борьбы съ правительствомъ. Всѣ принятыя постановленія по этому вопросу постановлено не опубликовывать изъ конспиративныхъ соображеній. Во всякомъ случаѣ борьба начнется немедленно послѣ открытія засѣданій палаты (8-го апрѣля), и уже теперь можно предвидѣть, что борьба будетъ очень бурная. Несмотря на страшно неблагопріятныя условія (промышленный кризисъ) бельгійскіе соціалисты увѣрены, что побѣда будетъ на ихъ сторонѣ. Революціоный духъ бельгійскихъ рабочихъ представляетъ ихъ самое могучее оружіе въ предстоящей борьбѣ. Но на ряду съ этой чертой, при обсужденіи цѣлаго ряда другихъ вопросовъ можно было замѣтить и другую характерную черту бельгійскихъ соціалистовъ: это необыкновенная слабость ихъ въ теоріи. Недостатокъ этотъ былъ завѣщенъ имъ основателемъ партіи Ц. де Папомъ, прошедшимъ черезъ анархическую школу и до конца сохранившимъ многія полуанархическія воззрѣнія. Бациллы новой, „модной болѣзни“ — бернштейніанства, попадая на эту больную почву, замѣтно начинаютъ развиваться въ партіи. Завоеваніе всеобщаго избирательнаго права увеличитъ силу бельгійскихъ соціалистовъ въ палатѣ и соединенное либерально-соціалистическое министерство, о которомъ уже мечтаютъ многіе члены партіи, станетъ возможнымъ. Тогда и должна разгорѣться та борьба „Горы съ Жирондой“, этотъ „кризисъ въ соціализмѣ“, который уже раньше предсказывалъ Плехановъ въ своемъ письмѣ изъ Брюсселя („Искра“ № 15). Но въ этой борьбѣ единственнымъ оружіемъ въ рукахъ Горы можетъ быть революціонный „ортодоксальный марксизмъ“. Поэтому настоятельно необходимымъ является въ Бельгіи возникновеніе „ортодоксальной“ группы, которая поставила бы себѣ цѣлью борьбу съ все болѣе развивающимся въ Бельгіи бернштейніанствомъ и министеріализмомъ.

Отъ редакціи.

Корреспонденція была уже набрана, когда принявшее открыто-революціонный характеръ бельгійское движеніе внезапно прекращено рѣшеніемъ Генеральнаго Совѣта Партіи. Къ всеобщей стачкѣ уже примкнули 400,000 рабочихъ, но правительственное большинство въ парламентѣ не уступило этому давленію и отвергло предложеніе соціалистовъ и либераловъ о пересмотрѣ конституціи. Въ отвѣтъ на этотъ отказъ послѣдовало приглашеніе Генеральнаго Совѣта Партіи прекратить стачку и отсрочить новый штурмъ на буржуазное государство. Можно только сожалѣть о томъ, что столь блестяще начатая бельгійскими товарищами компанія закончилась такой (конечно, временной) неудачей. Откладываемъ до слѣдующихъ №№ разсказъ о ходѣ борьбы бельгійскихъ рабочихъ.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Въ органѣ Петербургскаго Комитета Партіи, „Рабочей Мысли“ въ № 13-омъ сообщенъ былъ текстъ „договора“, заключеннаго между этимъ Комитетомъ и петербургскимъ отдѣломъ „Искры“. Ко времени опубликованія въ „Рабочей Мысли“ этого договора наши петербургскіе товарищи сообщили намъ, что соглашеніе ихъ съ Петербургскимъ Комитетомъ считается ими несуществующимъ, такъ какъ Комитетъ не желаетъ выполнить тѣ условія договора, которыя не подлежатъ опубликованію и которыя, по ихъ словамъ, были оговорены во время переговоровъ о соглашеніи. Въ виду этого обстоятельства мы просили Петербургскій Комитетъ считать опубликованный имъ договоръ расторгнутымъ и не настаивать на его соблюденіи при тѣхъ — хорошо извѣстныхъ Петербургскому Комитету — условіяхъ, когда безпристрастная провѣрка всѣхъ обстоятельствъ, сдѣлавшихъ возможнымъ недоразумѣніе въ толкованіи заключеннаго договора, для нашей организаціи стала невозможной.

Въ настоящее время Петербургскій Комитетъ въ № 14 „Рабочей Мысли“ заявляетъ, что расторгаетъ пресловутый договоръ и „снимаетъ съ себя всякую нравственную отвѣтственность за послѣдствія этого расторженія“, причемъ указываетъ на тѣ спеціально — выдвинутыя нашими петербургскими товарищами требованія, неудовлетвореніе которыхъ заставило ихъ отказаться отъ организаціоннаго сліянія съ Комитетомъ. Послѣдній заявляетъ, что требованія нашихъ петербургскихъ товарищей (присоединеніе одного изъ ихъ группы въ центральный Комитетъ Союза и въ редакцію „Рабочей Мысли“) противорѣчило-бы основнымъ принципамъ всякой организаціи, почему Комитетъ не могъ ихъ одобрить.

Договоръ, заключенный между Петербургскимъ Комитетомъ и отдѣломъ нашей организаціи, подлежалъ расторженію по желанію одной изъ договаривающихся сторонъ. Слѣдовательно, съ формальной стороны петербургскіе члены нашей организаціи были вправѣ поступить такъ, какъ прступили. Поэтому, совершенно непонятна намъ апелляція Петербургскаго Комитета къ публикѣ: публика, вѣдь, не можетъ знать мотивовъ, побудившихъ петербургскій отдѣлъ „Искры“ настаивать на особыхъ гарантіяхъ того, что его сліяніе съ Комитетомъ не будетъ означать для него обязательство нести отвѣтственность за такіе шаги Комитета, которые противорѣчатъ принципамъ нашей организаціи. Всякій опытный человѣкъ знаетъ, что требованіе, кажущееся Петербургскому Комитету, столь неслыханнымъ, выдвигается только въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ надлежащей увѣренности въ полной принципіальной солидарности договаривающихся сторонъ. Направленіе организаціи „Искры“ достаточно опредѣленно и не заявило себя какими — нибудь шатаніями. Пусть Петербургскій Комитетъ проявитъ достаточно твердости и постоянства въ дѣлѣ слѣдованія принципамъ революціонной соціалъ-демократіи и онъ можетъ быть увѣренъ, что мѣстные члены нашей организаціи войдутъ въ его ряды безъ особыхъ гарантій, какъ это и бываетъ въ другихъ городахъ. До тѣхъ поръ непонятныя для постороннихъ жалобы на то, что отдѣлъ „Искры“ сначала подписалъ соглашеніе, а послѣ поставилъ новыя условія, могутъ содѣйствовать только затемненію дѣйствительнаго положенія дѣлъ и всего менѣе способствуютъ тѣмъ мирнымъ, союзнымъ отношеніямъ между работающими въ Петербургѣ членами нашей организаціи и Комитетомъ, которыя мы всегда считали и теперь считаемъ вполнѣ возможными и желательными.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ.

Москва. Выѣхала партія изъ Московской Пересыльной тюрьмы въ субботу 23-го марта въ 3 часа ночи въ количествѣ 15 чел. и одной добровольно слѣдующей за мужемъ. До утра кружили по запаснымъ путямъ. Въ 7 час. утра съ товарнымъ двинули на Тулу. Вечеромъ на ст. Протопопово прицѣпили къ поѣзду № 4, вышедшему изъ Москвы въ субботу въ 3 часа дня.

Партія состоитъ изъ:

1) Бабковъ Владиміръ, 3 года Вост.Сибири.
2) Бончъ-Асмоловскій Анатолій, 5 лѣтъ Степн.Края.
3) Бончъ-Асмоловскій Иванъ, сынъ предыдущ. 4 г. Степн.Края.
4) Вигдорчикъ Натанъ, 3 г. Вост.Сибири съ нимъ жена и дочь.
5) Волошкевичъ Сергѣй, Западн.Сибирь до приговора.
6) Гольблатъ Аронъ, 3 г. Вост.Сибири.
7) Жирмундскій Цадикъ, 3 г. Вост.Сибири.
8) Карасикъ Файвель, 3 г. Вост.Сибири.
9) Лалаянцъ Исаакъ, Вост.Сиб. до приговора.
10) Музыкантъ Берке, 3 г. Вост.Сибири.
11) Покровскій Павелъ, 3 г. Степн.Края.
12) Сладкопѣвцевъ Михаилъ Вост.Сибирь до приговора.
13) Урицкій Мойсей, 8 лѣтъ Вост.Сибири.
14) Хатьковъ Мовша, 3 г. Вост.Сибири.
15) Эпштейнъ Герша, 4 г. Вост.Сибири.

Гольдблатъ, Музыкантъ и Хатьковъ — ковенцы идутъ охраннымъ порядкомъ за стачку, малосознательные, отношенія къ революціонному движенію не имѣли, подавали на Высочайшее имя прошеніе о помилованіи.

Охраннымъ порядкомъ идутъ №№ 1, 2, 3, 6, 7, 10, 11, 14 и 15.

По Высочайшему утвержденію №№ 4, 8, 13.

Имѣютъ еще дѣло, ведущееся жандармскимъ пор. № 1, 8.

У №№ 5, 9, 12 дѣло находится въ Петербургѣ въ Мин. Юст. или въ Мин. Внутр. Дѣлъ.

Съ тѣмъ же поѣздомъ за свой счетъ ѣдетъ въ Якутскую область на 5 лѣтъ инженеръ Поповъ, Владиміръ.

Арестованы: въ Курскѣ — статистикъ Н. А. Никитинъ. Въ Щигровскомъ уѣздѣ земскій учитель Масленниковъ. По распоряженію Курскаго губернатора удалены отъ службы учителя Соловьевъ и Ахрамовскій (послѣдній послѣ обыска и незаконнаго ареста).

Кишиневъ. Изъ числа арестованныхъ 8-го февраля выпущены 2-го марта: 1) Годлевскій съ женой, 2) Кащанъ, 3) Баргъ, 4) Батушанскій, 5) Броско, просидѣвъ безъ обвиненій 3 недѣли

Остались еще: 1) Розенблюмъ (бывш. ссыльн.), 2) Маня Школьникъ (работница) рабочіе, 3) Аронъ, 4) Хаимъ, 5) Шлемка, 6) Бѣленькій (прикащикъ), 7) Бронтманъ старикъ 60 лѣтъ, 8) Баневуръ — учитель.

Говорятъ, что нѣкоторыхъ отпустятъ на дняхъ.

Сюда пріѣхалъ изъ С. Петербурга чиновникъ изъ Департамента Полиціи, чтобы разобраться въ здѣшнихъ дѣлахъ.

Брянскъ. Арестованы 10 человѣкъ, изъ нихъ называютъ: Семена Нудельмана (рабочій — выпущенъ), Степанова (конторщикъ-арестованъ 2-ой разъ), Быковцева (типографщикъ), Носоводову и Шемяцкую (швеи); обыски были у военнаго доктора Гуровича, у нѣсколькихъ гимназистокъ, у вольноопредѣляющихся (обыскали между прочимъ солдатскіе казармы) и у многихъ евреевъ ремесленниковъ.

Въ Бѣжицѣ (Брянскій заводъ — тожъ) арестованы: Тихонъ Нудельманъ (рабочій), Вас. Ив. Федосовъ (рабочій), Мелиховъ, Карасевъ (бывш. студентъ ветер.) арестованъ, кажется, главнымъ образомъ за то, что на танцевальномъ вечерѣ, устроенномъ имъ для рабочихъ, назвалъ шіономъ Ивана Николаевича Почадзе, начальника дворового цеха и оберъ-шефа всѣхъ заводскихъ сыщиковъ. Затѣмъ арестованъ К. Антоновъ (рабочій), единственная вина, кажется, та, что у него нашли и отобрали карточку Горькаго. Черезъ два дня арестованъ Марковъ (рабочій).

Въ Воронежѣ 1-го апрѣля арестованы: Карповъ, Любимовъ, Коростенковъ, Кардашевъ, Махновецъ, Бутковскій и Губарева, послѣдніе 4-го выпущены безъ вызова на допросъ.

Въ Уфѣ было 8 обысковъ, 2 ареста: Бойковъ и студ. Сазоновъ.

Въ Ярославлѣ въ ночь на 13-ое апрѣля произведено много обысковъ, нѣсколько человѣкъ арестовано, фамиліи арестованныхъ извѣстны только 3: Тучитскій, Пресениченко, Кузнецовъ: былъ обыскъ у писателя Е. Н. Чирикова.

Въ Кіевскую тюрьму привезены:

изъ Петербурга: Степанъ Радченко инженеръ, Люб. Радченко, Сокольскій инженеръ, Казанцева.

изъ Москвы: Ветеринарн. врачъ Бауманъ, Меерсонъ, Ногинъ; дѣвицы: Рукина, Уварова, Санина, Сипатовская.

изъ Вильны: портной Тарсисъ.

На границѣ арестованы: Блюменфельдъ и Фишманъ.

Въ Нижнемъ-Новгородѣ выпущены всѣ, кромѣ Сысина, но 4-го апрѣля вновь взята Софья Доброхотова; 11-12 апр. взяты: наборщикъ Гордѣевъ, Сазоновъ (швейцаръ въ ред. „Волгаря“, торговецъ Большаковъ, студ. Малицкій, Федосѣевъ и др.

Въ Херсонѣ въ ночь на 20-ое марта было 12 обысковъ, арестованы: студ. Шахъ и Привѣтовъ и раб. Линцеръ, послѣдній черезъ 2 дня былъ выпущенъ.

Въ Ростовѣ. Послѣднее время арестованы 7 чел.: Корявинъ (раб.), Коносовъ (раб.), Шпакины (мужъ и жена, съ ребенкомъ, инт.), Серебряковъ (бывш. студ.), Ананов (бывш. студ), Рафаиловъ (бывш. студ.).

Изъ села Богучаны Енисейскаго уѣзда бѣжалъ товарищъ Михаилъ Даргольцъ и благополучно прибылъ заграницу. Даргольцъ, арестованный въ мартѣ 1898 г. въ Одессѣ по дѣлу Южно-русскаго Рабочаго Союза, былъ сосланъ въ Сибирь на 4 года.

Въ Бѣлостокѣ большіе аресты въ концѣ марта.

Рига. (Отъ организаціи Латышск. соціальдем.)

Въ ночь 12-13 марта (стар. ст.) была у насъ облава. Обыскали человѣкъ сто. Изъ Латышей арестовали: студентовъ: Н. Куршевицъ, И. Гринбергъ, Е. Лекисъ, конторщикъ Анскеневицъ, писатель И. Шмитсъ, бывш. студенты: И. Азарсъ, И. Бернмансъ, А. Фрейбергсъ, Е. Бульмансъ, К. Зутисъ, Х. Розентальсъ; учительница Лекисъ, Рипасъ, лавочникъ Меднисъ.

Взято еще нѣсколько лицъ, имена которыхъ пока неизвѣстны.

Были обыски у сотрудниковъ „Deenas Lapas“: у доктора К. Баллодсъ, Видиньшъ и др.

Было взято много евреевъ, о фамиліяхъ которыхъ сообщатъ позднѣе.

Насъ просятъ огласить слѣдующій позорный фактъ:

„Просимъ огласить слѣдующій фактъ: Бѣжавшій въ 1899 г. изъ Вятской губ. Бауманъ (Ветеринарный врачъ, служившій въ Саратовскомъ земствѣ въ 95-96 г.) удачно скрывшись отъ преслѣдованій шіоновъ, попалъ случайно въ совершенно незнакомую мѣстность, село Хлѣбное, Задонскаго уѣзда, Воронежской губ. Измученный голодомъ и продолжительной дорогой пѣшкомъ, онъ рѣшилъ обратиться за содѣйствіемъ къ самому интеллигентному представителю деревни, къ земскому врачу Валеріану Вележеву. Продолжать путь пѣшкомъ не представлялось возможнымъ, такъ какъ городской костюмъ обращалъ всеобщее вниманіе, кромѣ того Бауману не удалось въ теченіе сутокъ встрѣтить человѣка, который могъ указать на ближайшую станцію желѣзной дороги. Явившись къ Вележеву, онъ разсказалъ въ какомъ затруднительномъ положеніи онъ находится, навелъ справки о желѣзной дорогѣ и попросилъ накормить. Великодушный врачъ отвѣтилъ, что обѣдъ у него будетъ только черезъ три часа и вообще выразилъ удивленіе, что къ нему обращаются съ подобными просьбами. Черезъ нѣкоторое время онъ удалился подъ предлогомъ пріема больныхъ. Вслѣдъ за этимъ явилась прислуга и потребовала, отъ имени барина, чтобы Бауманъ немедленно удалился. Вележевъ донесъ полиціи. Какъ только Бауманъ вышелъ изъ села, его арестовали и отвезли въ г. Задонскъ. Въ началѣ было рѣшено препроводить Баумана этапомъ въ Вятскую губ., въ мѣсто прежней его ссылки. Такъ онъ прослѣдовалъ до Уфы. Въ Уфѣ его задержали и отправили въ Кіевъ. Теперь онъ сидитъ въ Кіевской тюрьмѣ. Арестованъ онъ былъ 10-го февраля“.

Долгъ сослуживцевъ Вележева наказать предателя открытымъ выраженіемъ презрѣнія.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Тульской группой Соціаль-демократической Рабочей Партіи получено отъ Г. И. 100 руб.

Заграничной Лигой Русской Революціонной Соціаль-демократіи получено:

изъ Льежа 53 фр. Черезъ Кольцова: отъ Женевской группы 48 фр. 50 с.; изъ Вѣны черезъ В. 10 кр.; изъ О. (изъ головы) 5 руб.; изъ Н. отъ одного изъ I. 500 — 5 руб.; за валенки 2 рубля.

Изъ Брюсселя 44 фр.; отъ „Русскаго Соціаль-демократическаго Общества“ въ Ньюйоркѣ 15 дол. за литературу; изъ Петербурга — отъ М.О.С. — 150 руб.; спеціально пожертвовано для „Искры“ черезъ Союзъ Борьбы 50 руб.; за литературу черезъ Гом. 50 руб.; отъ Кіевскаго Комитета 100 руб.; отъ Башкирки 100 руб.; отъ О. В. 10 мар.

Цюрихской группой собрано въ пользу жертвъ всеобщей стачки въ Бельгіи 28 фр. 65 с.

Черезъ Плеханова получено 22 франка, собранныхъ на рабочемъ собраніи въ Шо-де-Фонѣ, во время реферата доктора Н. Васильева.

Письмо отъ ѣ получено. Пишите чаще.

Типографія „Искры“.

ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 21 1-го ІЮНЯ 1902 ГОДА. № 21

ПРОЕКТЪ ПРОГРАММЫ РОССІЙСКОЙ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТІИ.

(Выработанный редакціей „Искры“ и „Зари“.)

Развитіе обмѣна установило такую тѣсную связь между всѣми народами цивилизованнаго міра, что великое освободительное движеніе пролетаріата должно было стать и давно уже стало международнымъ.

Считая свою Партію однимъ изъ отрядовъ всемірной арміи пролетаріата, русская соціаль-демократія преслѣдуетъ ту же конечную цѣль, къ которой стремятся соціаль-демократы всѣхъ другихъ странъ.

Эта конечная цѣль опредѣляется характеромъ буржуазнаго общества и ходомъ его развитія. Главную особенность такого общества составляетъ товарное производство на основѣ капиталистическихъ производственныхъ отношеній, при которыхъ самая важная и значительная часть средствъ производства и обращенія товаровъ принадлежитъ небольшому по своей численности классу лицъ, между тѣмъ какъ огромное большинство населенія состоитъ изъ пролетаріевъ и полупролетаріевъ, вынужденныхъ своимъ экономическимъ положеніемъ постоянно или періодически продавать свою рабочую силу, т. е. поступать въ наемники къ капиталистамъ и своимъ трудомъ создавать доходъ высшихъ классовъ общества.

Область господства капиталистическихъ производственныхъ отношеній все болѣе и болѣе расширяется по мѣрѣ того, какъ постоянное усовершенствованіе техники, увеличивая хозяйственное значеніе крупныхъ предпріятій, ведетъ къ вытѣсненію мелкихъ самостоятельныхъ производителей, превращая часть ихъ въ пролетаріевъ, съуживая роль остальныхъ въ общественно-экономической жизни, и мѣстами ставя ихъ въ болѣе или менѣе полную, болѣе или менѣе явную, болѣе или менѣе тяжелую зависимость отъ капитала.

Тотъ-же техническій прогрессъ даетъ кромѣ того предпринимателямъ возможность все въ большихъ размѣрахъ примѣнять женскій и дѣтскій трудъ въ процессѣ производства и обращенія товаровъ. А такъ какъ, съ другой стороны, онъ приводитъ къ относительному уменьшенію потребности предпринимателей въ живомъ трудѣ рабочихъ, то спросъ на рабочую силу необходимо отстаетъ отъ ея предложенія, вслѣдствіе чего увеличивается зависимость наемнаго труда отъ капитала и повышается уровень его эксплуатаціи.

Такое положеніе дѣлъ внутри буржуазныхъ странъ и постоянно обостряющееся взаимное ихъ соперничество на всемірномъ рынкѣ дѣлаютъ все болѣе и болѣе затруднительнымъ сбытъ товаровъ, производимыхъ въ постоянно возрастающемъ количествѣ. Перепроизводство, проявляющееся въ болѣе или менѣе острыхъ промышленныхъ кризисахъ, за которыми слѣдуютъ болѣе или менѣе продолжительные періоды промышленнаго застоя, представляетъ собою неизбѣжное слѣдствіе развитія производительныхъ силъ въ буржуазномъ обществѣ. Кризисы и періоды промышленнаго застоя, въ свою очередь, еще болѣе разоряютъ мелкихъ производителей, еще больше увеличиваютъ зависимость наемнаго труда отъ капитала, еще быстрѣе ведутъ къ относительному или даже абсолютному ухудшенію положенія рабочаго класса.

Такимъ образомъ, усовершенствованіе техники, означающее увеличеніе производительности труда и ростъ общественнаго богатства, обусловливаетъ собою въ буржуазномъ обществѣ возрастаніе общественнаго неравенства, увеличеніе разстоянія между имущими и неимущими и ростъ необезпеченности существованія, безработицы и разнаго рода лишеній для все болѣе широкихъ слоевъ трудящихся массъ.

Но по мѣрѣ того, какъ растутъ и развиваются всѣ эти противорѣчія, свойственныя буржуазному обществу, растетъ также и недовольство трудящейся и эксплуатируемой массы существующимъ порядкомъ вещей, растетъ число и сплоченность пролетаріевъ и обостряется борьба ихъ съ ихъ эксплуататорами. Въ то-же время усовершенствованіе техники, концентрируя средства производства и обращенія и обобществляя процессъ труда въ капиталистическихъ предпріятіяхъ, все быстрѣе и быстрѣе создаетъ матеріальную возможность замѣны капиталистическихъ производственныхъ отношеній соціалистическими — т. е. той соціальной революціи, которая представляетъ собою конечную цѣль всей дѣятельности международной соціаль-демократіи, какъ сознательной выразительницы классоваго движенія пролетаріата.

Замѣнивъ частную собственность на средства производства и обращенія общественною и введя планомѣрную организацію общественно-производительнаго процесса для обезпеченія благосостоянія и всесторонняго развитія всѣхъ членовъ общества, соціальная революція пролетаріата уничтожитъ дѣленіе общества на классы и тѣмъ освободитъ все угнетенное человѣчество, такъ какъ положитъ конецъ всѣмъ видамъ эксплуатаціи одной части общества другою.

Необходимое условіе этой соціальной революціи составляетъ диктатура пролетаріата, т. е. завоеваніе пролетаріатомъ такой политической власти, которая позволитъ ему подавить всякое сопротивленіе эксплуататоровъ.

Ставя себѣ задачу сдѣлать пролетаріатъ способнымъ выполнить свою великую историческую миссію, международная соціаль-демократія организуетъ его въ самостоятельную политическую партію, противостоящую всѣмъ буржуазнымъ партіямъ, руководитъ всѣми проявленіями его классовой борьбы, разоблачаетъ передъ нимъ непримиримую противоположность интересовъ эксплуататоровъ интересамъ эксплуатируемыхъ и выясняетъ ему историческое значеніе и необходимыя условія предстоящей соціальной революціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, она обнаруживаетъ предъ всей остальной трудящейся и эксплуатируемой массой безнадежность ея положенія въ капиталистическомъ обществѣ и необходимость соціальной революціи въ интересахъ ея собственнаго освобожденія отъ гнета капитала. Партія рабочаго класса, соціаль-демократія, зоветъ въ свои ряды всѣ слои трудящагося и эксплуатируемаго населенія, поскольку они переходятъ на точку зрѣнія пролетаріата.

На пути къ ихъ общей конечной цѣли, обусловленной господствомъ капиталистическаго способа производства во всемъ цивилизованномъ мірѣ, соціаль-демократы разныхъ странъ вынуждены ставить себѣ неодинаковыя ближайшія задачи какъ потому, что этотъ способъ не вездѣ развитъ въ одинаковой степени, такъ и потому, что его развитіе въ разныхъ странахъ совершается въ различной соціально-политической обстановкѣ.

Въ Россіи, гдѣ капитализмъ уже сталъ господствующимъ способомъ производства, на каждомъ шагу встрѣчаются еще остатки нашего стараго, до-капиталистическаго общественнаго порядка, который основывался на закрѣпощеніи трудящихся массъ помѣщикамъ, государству или главѣ государства. Въ сильнѣйшей степени препятствуя экономическому прогрессу, эти остатки не допускаютъ всесторонняго развитія классовой борьбы пролетаріата, содѣйствуютъ сохраненію и усиленію самыхъ варварскихъ формъ эксплуатаціи многомилліоннаго крестьянства государствомъ и имущими классами и держатъ въ темнотѣ и безправіи весь народъ.

Самымъ значительнымъ изъ всѣхъ этихъ пережитковъ и самымъ могучимъ оплотомъ всего этого варварства является царское самодержавіе. По самой природѣ своей оно враждебно всякому общественному движенію и не можетъ не быть злѣйшимъ противникомъ всѣхъ освободительныхъ стремленій пролетаріата.

Поэтому, Россійская Соціаль-Демократическая Рабочая Партія ставитъ своей ближайшей политической задачей низверженіе царскаго самодержавія и замѣну его республикой на основѣ демократической конституціи, обезпечивающей:

1. Самодержавіе народа, т. е. сосредоточеніе всей верховной государственной власти въ рукахъ законодательнаго собранія, составленнаго изъ представителей народа;

2) Всеобщее равное и прямое избирательное право при выборахъ какъ въ законодательное собраніе, такъ и во всѣ мѣстные органы самоуправленія для всякаго гражданина, достигшаго 20 лѣтъ; тайное голосованіе при выборахъ; право каждаго избирателя быть избраннымъ во всѣ представительныя собранія; жалованье народнымъ представителямъ;

3) Неприкосновенность личности и жилища гражданъ;

4) Неограниченную свободу совѣсти, слова, печати, собраній, стачекъ и союзовъ;

5) Свободу передвиженія и промысловъ;

6) Уничтоженіе сословій и полную равноправность всѣхъ гражданъ независимо отъ пола, религіи и расы;

7) Признаніе права на самоопредѣленіе за всѣми націями входящими въ составъ государства;

8) Предоставленіе всякому гражданину права преслѣдовать всякаго чиновника предъ судомъ безъ жалобы по начальству;

9) Замѣну постояннаго войска всеобщимъ вооруженіемъ народа;

10) Отдѣленіе церкви отъ государства и школы отъ церкви;

11) Даровое и обязательное общее и профессіональное образованіе для всѣхъ дѣтей обоего пола до 16-ти лѣтъ. Снабженіе бѣдныхъ дѣтей пищей, одеждой и учебными пособіями за счетъ государства.

Какъ основного условія демократизаціи нашего государственнаго хозяйства, Россійская Соціаль-Демократическая Рабочая Партія требуетъ: отмѣны всѣхъ косвенныхъ налоговъ и установленія прогрессивнаго налога на доходы и наслѣдства.

Въ интересахъ охраны рабочаго класса отъ физическаго и нравственнаго вырожденія, а также и въ интересахъ развитія его способности къ освободительной борьбѣ, партія требуетъ:

1) Ограниченія рабочаго дня 8-ью час. въ сутки для всѣхъ наемныхъ рабочихъ;

2) Установленія закономъ еженедѣльнаго отдыха, непрерывно продолжающагося не менѣе 36 часовъ, для наемныхъ рабочихъ обоего пола во всѣхъ отрасляхъ народнаго хозяйства;

3) Полнаго запрещенія сверхурочныхъ работъ;

4) Воспрещенія ночнаго труда (отъ 9 ч. вечера до 5 ч. утра) во всѣхъ отрасляхъ народнаго хозяйства, за исключеніемъ тѣхъ, гдѣ онъ безусловно необходимъ по техническимъ соображеніямъ, одобреннымъ рабочими организаціями;

5) Воспрещенія предпринимателямъ пользоваться наемнымъ трудомъ дѣтей до 16-лѣтняго возраста;

6) Воспрещенія женскаго труда въ тѣхъ отрасляхъ, гдѣ онъ вреденъ для женскаго организма; освобожденіе роженицъ отъ работы въ теченіе 2-хъ недѣль до и 4-хъ недѣль послѣ родовъ.

7) Установленія закономъ гражданской отвѣтственности нанимателей за полную или частичную потерю рабочими способности къ труду, происшедшую вслѣдствіе несчастныхъ случаевъ или вредныхъ условій производства, и освобожденія рабочаго отъ обязательства доказывать, что потеря эта произошла по винѣ капиталиста;

8) Воспрещенія выдачи заработной платы товарами; установленія еженедѣльнаго срока расплаты по всѣмъ договорамъ о наймѣ рабочихъ и выдачи заработка въ рабочее время;

9) Выдачи государственной пенсіи престарѣлымъ рабочимъ;

10) Увеличенія числа фабричныхъ инспекторовъ; назначенія инспектрисъ въ тѣхъ отрасляхъ, гдѣ преобладаетъ женскій трудъ; надзора выбранныхъ рабочими и оплаченныхъ государствомъ представителей за исполненіемъ фабричныхъ законовъ а также за составленіемъ расцѣнковъ и браковкой товаровъ;

11) Надзора органовъ мѣстнаго самоуправленія, съ участіемъ выборныхъ отъ рабочихъ, за санитарнымъ состояніемъ жилыхъ помѣщеній, отводимыхъ рабочимъ предпринимателями, равно какъ за внутреннимъ распорядкомъ этихъ помѣщеній и за условіями отдачи ихъ въ наймы, — въ цѣляхъ огражденія наемныхъ рабочихъ отъ вмѣшательства предпринимателей въ жизнь и дѣятельность ихъ, какъ частныхъ лицъ и гражданъ;

12) Учрежденія правильно организованнаго санитарнаго надзора во всѣхъ предпріятіяхъ, употребляющихъ наемный трудъ и безплатной медицинской помощи для рабочихъ за счетъ предпринимателей;

13) Распространенія надзора фабричной инспекціи на всѣ отрасли народнаго хозяйства и на всѣ предпріятія, употребляющія наемный трудъ, не исключая и казенныхъ;

14) Установленія уголовной отвѣтственности нанимателей за нарушеніе законовъ объ охранѣ труда;

15) Запрещенія предпринимателямъ производить денежные вычеты изъ заработной платы по какому-бы поводу и для какого-бы назначенія они ни дѣлались (штрафы, браковка и проч.);

16) Учрежденія во всѣхъ отрасляхъ народнаго хозяйства промысловыхъ судовъ, составленныхъ поровну изъ представителей отъ рабочихъ и предпринимателей;

17) Возложенія на органы мѣстнаго самоуправленія обязанности учредить посредническія конторы по найму мѣстныхъ и пришлыхъ рабочихъ (биржи труда) во всѣхъ отрасляхъ производства съ участіемъ въ ихъ управленіи представителей отъ рабочихъ организацій.

Въ цѣляхъ же устраненія остатковъ крѣпостного порядка, тяжелымъ гнетомъ лежащихъ на крестьянахъ, и въ интересахъ свободнаго развитія классовой борьбы въ деревнѣ Партія будетъ добиваться:

1) Отмѣны выкупныхъ и оброчныхъ платежей, а также всякихъ повинностей, падающихъ въ настоящее время на крестьянство, какъ на податное сословіе;

2) Отмѣны круговой поруки и всѣхъ законовъ, стѣсняющихъ крестьянина въ распоряженіи его землей;

3) Возвращенія народу денежныхъ суммъ, взятыхъ съ него въ формѣ выкупныхъ и оброчныхъ платежей: конфискаціи съ этой цѣлью монастырскихъ имуществъ и удѣльныхъ имѣній; а равно обложенія особымъ налогомъ земель крупныхъ землевладѣльцевъ-дворянъ, воспользовавшихся выкупной ссудой; обращенія суммъ, добытыхъ этимъ путемъ, въ особый народный фондъ для культурныхъ и благотворительныхъ нуждъ сельскихъ обществъ;

4) Учрежденія крестьянскихъ комитетовъ: а) для возвращенія сельскимъ обществамъ (посредствомъ экспропріаціи или — въ томъ случаѣ, если земли переходили изъ рукъ въ руки, — выкупа государствомъ за счетъ крупнаго дворянскаго землевладѣнія) тѣхъ земель, которыя отрѣзаны у крестьянъ при уничтоженіи крѣпостного права и служатъ въ рукахъ помѣщиковъ орудіемъ для ихъ закабаленія; б) для устраненія остатковъ крѣпостныхъ отношеній, уцѣлѣвшихъ на Уралѣ, на Алтаѣ, въ Западномъ Краѣ и въ другихъ областяхъ государства;

5) Предоставленія судамъ права понижать непомѣрно высокія арендныя платы и объявлять недѣйствительными сдѣлки, имѣющія кабальный характеръ.

Стремясь къ достиженію своихъ ближайшихъ политическихъ и экономическихъ цѣлей, Россійская Соціаль-Демократическая Рабочая Партія поддерживаетъ всякое оппозиціонное и революціонное движеніе, направленное противъ существующаго въ Россіи общественнаго и политическаго порядка, рѣшительно отвергая въ то же время всѣ тѣ реформаторскіе проекты, которые связаны съ какимъ-бы то ни было расширеніемъ или упроченіемъ полицейско-чиновничьей опеки надъ трудящимися классами.

Съ своей стороны, Россійская Соціаль-Демократическая Рабочая Партія твердо убѣждена въ томъ, что полное, послѣдовательное и прочное осуществленіе указанныхъ политическихъ и соціальныхъ преобразованій достижимо лишь путемъ низверженія самодержавія и созыва учредительнаго собранія, свободно избраннаго всѣмъ народомъ.

* * *

Намъ нечего здѣсь распространяться о томъ, каково значеніе программы въ дѣятельности политической партіи. Только объединенная общей программой, партія можетъ вести планомѣрную и плодотворную работу въ интересахъ дѣла, которому служитъ; только формулировавъ въ стройной программѣ свое общее соціально-политическое міровоззрѣніе и предъявляемыя ею къ современному обществу политическія требованія, партія пролетаріата можетъ вести глубокую и успѣшную пропаганду революціоннаго социализма и внести объединяющую струю въ широкое народное движеніе противъ существующаго строя. Безъ политической программы нѣтъ еще, строго говоря, политической партіи, имѣются на лицо только элементы слагающейся партіи.

Русское соціаль-демократическое движеніе, такъ неудержимо широко разлившееся за послѣдніе годы и въ силу этой самой широты своего развитія пережившее такъ много внутреннихъ кризисовъ, — русское соціаль-демократическое движеніе уже давно стоитъ передъ неотложной задачей дѣйствительнаго партійнаго объединенія. Не рѣшивъ этой задачи, оно рискуетъ потерять уже завоеванную имъ позицію въ русской общественной жизни — къ невыгодѣ какъ для интересовъ пролетаріата, такъ и для дѣла русской свободы.

„Прежде чѣмъ объединиться, намъ необходимо сначала размежеваться“, писала „Искра“ 1½ года назадъ при первомъ своемъ вступленіи передъ читателями. Появившись въ моментъ одного изъ самыхъ глубокихъ внутреннихъ кризисовъ, переживавшихся нашимъ движеніемъ, „Искра“ и „Заря“ должны были выдвинуть на первый планъ задачу подготовленія элементовъ единства въ нашей партіи путемъ идейной борьбы за очищеніе пролетарскаго движенія отъ всѣхъ чуждыхъ, историческими судьбами привнесенныхъ въ него, элементовъ.

Поскольку упомянутый идейный кризисъ, переживавшійся движеніемъ, начинаетъ, видимо, приходить къ концу, поскольку логика революціонной борьбы сильнѣе логики печатнаго слова внѣдряетъ въ сознаніе временно-забытыя истины революціонной соціаль-демократіи, постольку мы можемъ надѣяться на близость окончательнаго объединенія партіи. И мы думаемъ, что процессъ выработки партійной программы самъ по себѣ сдѣлаетъ много для этого окончательнаго объединенія.

Программа партіи должна выражать коллективную мысль партіи. Это значитъ, что въ выработкѣ ея должны принять участіе всѣ дѣйствующія группы партіи. И обсужденіе предлагаемаго проекта въ разныхъ группахъ и кружкахъ должно послужить прекрасной школой политическаго воспитанія для мѣстныхъ дѣятелей.

Печатая свой проектъ, мы разсчитываемъ на то, что каждый соціаль-демократическій комитетъ, каждый рабочій кружокъ, каждая примыкающая къ соціаль-демократіи группа интеллигентовъ сочтутъ своимъ долгомъ обсудить его и въ той или йной формѣ опредѣлить свое отношеніе къ нему. Мы просимъ товарищей не медлить съ этимъ дѣломъ, ибо на 2-мъ съѣздѣ партіи, необходимость созыва котораго при нынѣшнихъ обстоятельствахъ можетъ представиться каждую минуту, программа партіи должна быть утверждена.

Всѣ критическія замѣчанія, проекты поправокъ, резолюціи и т. п., присланныя въ нашу редакцію, будутъ, по мѣрѣ возможности, печататься въ „Искрѣ“ или „Зарѣ“, все же, не нашедшее себѣ мѣста въ печати, будетъ нами представлено на 2-ой съѣздъ партіи.

Въ рядѣ статей въ „Зарѣ“ и въ „Искрѣ“ мы разсчитываемъ дать подробную обосновку предлагаемаго нами проекта.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ВОЗСТАНІЕ.

Есть такіе признаки, по которымъ знакомый съ исторіей человѣкъ безошибочно можетъ заключить о неминуемомъ и близкомъ наступленіи кореннаго общественнаго переворота. Для эпохи, когда старый крѣпостнически-самодержавный строй идетъ навстрѣчу своему разрушенію такимъ признакомъ являются стихійные крестьянскіе „бунты“. Когда черезъ посредство своего наиболѣе обдѣленнаго пасынка — мужика исторія предъявляетъ классовому обществу залитый кровью и слезами многовѣковой вексель, тогда вы можете быть увѣрены, что день развязки близокъ. Зарево пылающихъ дворянскихъ усадьбъ всегда предшествовало и сопутствовало буржуазной революціи, наносившей послѣдній ударъ крѣпостнически-самодержавному порядку и „красный пѣтухъ“ крестьянскаго мятежа долженъ былъ съиграть въ послѣдній разъ свою революціонную роль прежде, чѣмъ смогло на просторѣ развернуться красное знамя революціи пролетаріата.

Революція, на встрѣчу которой быстро идетъ современная Россія, будетъ буржуазной революціей въ томъ смыслѣ, что она окончательно очиститъ путь общественнаго развитія отъ всѣхъ историческихъ пережитковъ крѣпостнаго строя и дастъ полный просторъ развитію капитализма и порождаемой имъ классовой борьбѣ. Изъ всѣхъ признаковъ приближающейся революціонной катастрофы намъ до сихъ поръ не достовало только серьезныхъ взрывовъ „крестьянской войны“. Вспыхнувшее въ мартѣ широкое крестьянское движеніе въ южныхъ губерніяхъ заполнило этотъ пробѣлъ и дало возможность съ безошибочной увѣренностью подсчитать всѣ факторы надвигающагося на страну общественнаго переворота. Въ этомъ — крупное историческое значеніе недавнихъ крестьянскихъ волненій.

Правительственное сообщеніе объ этихъ волненіяхъ тщательно старается скрыть тотъ несомнѣнный фактъ, что послѣдней каплей, переполнившей чашу терпѣнія южно-русскихъ крестьянъ, была блестящая „продовольственная компанія“ Сипягина и его присныхъ, устранившихъ земство отъ заботъ по прокормленію голодающихъ. Послѣ того, какъ правительство бросило вызовъ всему обществу, отобравъ отъ земства продовольственное дѣло и запретивъ частную благотворительность,— послѣ этого ему, конечно, неудобно разоблачать тотъ фактъ, что его политика борьбы противъ помѣщичьяго земства привела къ столь непріятнымъ для помѣщиковъ послѣдствіямъ, какъ опустошеніе 80-ти съ лишнимъ имѣній. Тѣмъ усерднѣе правительственное сообщеніе старается остановить вниманіе публики на связи крестьянскихъ волненій съ революціонной пропагандой, причемъ, противъ обыкновенія, не умаляетъ значенія послѣдней, но, напротивъ, сильно раздуваетъ. Повѣрить правительственному сообщенію, такъ всѣ безпорядки и возникли-то только благодаря „книжкамъ“. Цѣль такого изображенія дѣла ясна сама собой — воспользоваться шкурнымъ страхомъ помѣщиковъ и возстановить ихъ противъ революціонныхъ партій. Ту же цѣль преслѣдуетъ и служащая какъ-бы комментаріемъ къ сообщенію статья „Московск. Вѣдом.“, озаглавленная „Плоды революціоной идеи“. Статья рисуетъ „образованнымъ классамъ“ всѣ ужасы „русскаго бунта безсмысленнаго и безпощаднаго“ и пытается, играя на струнѣ шкурнаго страха г. г. собственниковъ, убѣдить ихъ сплотиться около престола и порвать не только съ революціонерами, разжигающими соціальную борьбу, но и съ либералами, которые своими разговорами о законности и свободѣ только подрываютъ ту „соціальную дисциплину“, въ силу которой полагающіеся въ каждомъ благоустроенномъ — т. е. основанномъ на нищетѣ народа — обществѣ милліоны „варваровъ“ (на благозвучномъ языкѣ реакціонеровъ это имя означаетъ трудящуюся массу) не смѣютъ, даже будучи доведены до голода, посягать на собственность „культурныхъ людей“.

Называя крестьянскій бунтъ „безсмысленнымъ“, реакціонная газета утверждаетъ неправду. Не такъ ужъ нелѣпо что изголодавшійся человѣкъ, забывъ всякую „соціальную дисциплину“, отбираетъ хлѣбъ у тѣхъ, кому этотъ хлѣбъ служитъ средствомъ для ростовщически-кабальной эксплуатаціи. Но, можетъ быть, „Московск. Вѣдомости“ имѣютъ въ виду „безсмысленность“ стихійнаго, неорганизованнаго движенія, дающаго временный исходъ накипѣвшимъ чувствамъ, но не измѣняющаго ни на волосъ общественныхъ отношеній? Если такъ, то мы можемъ обнадежить „Московск. Вѣдомости“ ссылкой на русское рабочее движеніе. И оно нѣкогда начиналось съ „безсмысленныхъ“, т. е. неоформленныхъ движеній и въ немъ на первыхъ порахъ его развитія не было недостатка въ такихъ происшествіяхъ, какъ стихійный и разрушительный взрывъ ярости, вызванный появленіемъ первой соціалистической прокламаціи... Тѣмъ не менѣе, прошло всего нѣсколько лѣтъ и этотъ „безсмысленный“ элементъ исчезъ изъ рабочаго движенія и теперь уже каждое его крупное проявленіе означаетъ дальнѣйшее перераспредѣленіе общественныхъ силъ, усиленіе пролетаріата и ослабленіе буржуазіи и самодержавія. Исчезнетъ „безсмысленный“ элементъ и изъ крестьянскаго движенія.

Но что сказать о тѣхъ людяхъ, которые позволяютъ себѣ называтъ „безпощаднымъ“ возстаніе голодающихъ крестьянъ? Послѣ грандіозныхъ истязаній „бунтовщиковъ“, произведенныхъ кн. Оболенскимъ, послѣ разстрѣла крестьянъ подъ Полтавой только цинической насмѣшкой можетъ звучать это упоминаніе о „безпощадности“ бунта тѣхъ, кто согласно правительственному сообщенію, не совершили ни одного насилія во всемъ районѣ движенія, несмотря на то, что въ ихъ рукахъ находились жизнь и честь помѣщиковъ и ихъ семействъ. Но пусть остерегаются реакціонеры издѣваться надъ такой „безпощадностью. Послѣ Нарвскаго пораженія Петръ I благодарилъ своихъ „учителей“ шведовъ за то, что они научили его побѣждать врага. Одинъ два такихъ урока, какъ крестовый походъ князя Оболенскаго, сопровождаемый роскошными пиршествами господъ офицеровъ съ помѣщиками по случаю „побѣды и одолѣнія“ — и можно поручиться, что крестьяне усвоятъ себѣ въ совершенствѣ науку быть „безпощадными“ по отношенію къ побѣжденному врагу. Не даромъ, разсказываютъ, Воронежскіе крестьяне собрали розги, послужившія цѣлямъ возстановленія „соціальной дисциплины“, говоря, что онѣ имъ пригодятся, когда придется пороть нынѣшнихъ кнутобойцевъ.

Объ этомъ слѣдовало-бы подумать тѣмъ полтавскимъ и харьковскимъ помѣщикамъ, которые вопятъ о недостаточной свирѣпости царскихъ лакеевъ и требуютъ новыхъ и новыхъ жертвъ. Имъ не требуется большой проницательности и вовсе не нужно поступиться своими интересами, чтобы понять, что предстоящая реформа общественныхъ отношеній, которой сочувствуютъ всѣ сколько нибудь образованные слои ихъ класса, не можетъ не сопровождаться ликвидаціей всѣхъ запутанныхъ поземельныхъ отношеній, унаслѣдованныхъ отъ половинчатой „великой реформы“ 61-го года и порождающихъ всѣ тѣ поводы, которые вызываютъ и дѣлаютъ неизбѣжными всѣ большіе и малые крестьянскіе „бунты“. А разъ эта ликвидація неизбѣжна, разъ передъ Россіей ставится дилемма — или разрубить гордіевъ узелъ „крестьянскаго вопроса“, или обречь себя на вырожденіе, то политически-мыслящая часть землевладѣльцевъ поступила-бы благоразумнѣе, если-бы воспользовалась фактомъ крестьянскаго возстанія для усиленія своего натиска на правительство, для расширенія своей борьбы съ существующимъ режимомъ, вмѣсто того, чтобы молчаливымъ одобреніемъ совершенныхъ надъ крестьянами жестокостей сѣять въ побѣжденныхъ нынѣшняго дня жажду мщенія. Конечно, дѣло русской революціи и, въ частности, дѣло русскаго крестьянства обстояло-бы довольно плохо, если-бы его исходъ зависѣлъ отъ степени политическаго развитія тѣхъ классовъ, которые любятъ себя называть „образованными“ и которые въ соотвѣтствующій періодъ исторіи Западно-Европейскихъ странъ играли руководящую роль въ дѣлѣ общенаціональной борьбы за уничтоженіе сословно-крѣпостнаго и самодержавнаго режима. Къ счастью, у насъ положеніе иное. Послѣдній актъ великой исторической борьбы за превращеніе сословно-крѣпостнаго строя въ строй буржуазный разъигрывается у насъ въ такой моментъ, когда уже успѣлъ сильно подвинуться впередъ процессъ формированія того класса, который является „прирожденнымъ“ могильщикомъ этого буржуазнаго строя. Русскій пролетаріатъ уже стоитъ на ногахъ; онъ уже пріобрѣлъ значеніе важнаго фактора въ общественной жизни. 20 лѣтъ назадъ, указывая революціонерамъ на этотъ классъ, русскіе соціаль-демократы говорили: наша программа не жертвуетъ ни деревней, ни городомъ. Она указываетъ на лучшее средство для вовлеченія деревни въ русло историческаго движенія города.

Этимъ средствомъ было развитіе рабочаго движенія. И практика показала, какъ много дало это средство. То, чего не могла сдѣлать самоотверженная борьба людей 70-ыхъ г. г., то достигнуто „само собой“, какъ результатъ той „встряски“, какую задало всей Россіи рабочее движеніе, развивавшееся подъ знаменемъ программы, которая, если вѣрить ея противникамъ, „игнорировала“ деревню. Стоило только рабочему движенію охватить всѣ городскіе центры Россіи, стоило ему только революціонизировать всю окружающую городскую среду для того, чтобы и деревни коснулся пожаръ „разрушительныхъ“ идей, чтобы и деревенскій людъ услышалъ о „городской“ борьбѣ за свободу и отозвался на нее борьбой противъ своего вѣкового угнетенія. Конечно, это воздѣйствіе городской революціи на деревенскіе „устои“ — устои рабскаго смиренія и азіатской пассивности — проявляется пока слишкомъ недостаточно. Сельскому люду пока еще достаются только крохи революціонныхъ идей, распространяющихся въ городѣ. Но важно уже и то, что не отвлекая значительной части своихъ силъ на непосредственную пропаганду въ деревнѣ, рабочее движеніе все же много сдѣлало косвенно для революціонизированія послѣдней. Сознавая это, русскіе соціаль-демократы должны возможно интенсивнѣе использовать для своей агитаціи тѣ новые элементы революціоннаго броженія, которые обнаружились въ мартовскихъ „бунтахъ“.

Это не значитъ, что мы должны непремѣнно перераспредѣлить свои организованныя силы и отрядить часть ихъ въ деревню. Для этого у насъ едва-ли хватитъ силъ, а задачи дня требуютъ концентраціи главнѣйшихъ силъ на борьбѣ въ городѣ. Но въ этой послѣдней борьбѣ мы должны больше прежняго заняться „крестьянскимъ дѣломъ“. Мы должны разоблачать передъ рабочими и другими недовольными группами преступность политики царизма по отношенію къ крестьянству, должны пригвождать къ позорному столбу всякое новое насиліе надъ крестьянами, каждое новое преступленіе противъ голодающихъ. Мы должны сдѣлать извѣстными всѣмъ рабочимъ массамъ всѣ подробности недавняго крестьянскаго возстанія, всѣ ужасы правительственныхъ расправъ надъ „бунтовщиками“. Мы должны, наконецъ, всячески пропагандировать ту программу политическихъ и соціальныхъ реформъ, проведеніе которой одно только радикально излечитъ русскую деревню отъ всѣхъ язвъ, порождающихъ ея нынѣшнюю безпомощность и нищету. Разумѣется, гдѣ можно, мы должны обращаться съ этой агитаціей и прямо къ сельскому населенію.*) Такъ, комитеты тѣхъ городовъ, въ которые лѣтомъ стекаются десятки тысячъ отхожихъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, могли-бы безъ особыхъ затрудненій распространить среди нихъ рядъ воззваній и этимъ, между прочимъ, ознакомить большую массу крестьянъ съ Харьковскими и Полтавскими событіями.

Только партія пролетаріата можетъ выдвинуть противъ угнетающихъ русское крестьянство золъ сколько нибудь дѣйствительныя средства. Противъ бѣдствій, происходящихъ отъ совмѣщенія крѣпостнической, капиталистической и фискальной (казенной) эксплуатаціи, серьезно бороться можетъ лишь та партія, которой программа является по существу наиболѣе революціонной въ соціальномъ отношеніи, наиболѣе демократической въ политическомъ смыслѣ. Половинчатымъ реформамъ, которыя могутъ предложить крестьянамъ связанныя съ буржуазнымъ обществомъ либеральныя или народническія партіи, рабочая партія должна противопоставить программу коренной ломки всѣхъ „патріархальныхъ“ отношеній кабалы и опеки, программу полной демократизаціи деревенскаго строя. Читателю въ этомъ-же № предлагается проектъ соціаль-демократической аграрной программы, осуществленіе которой во всей полнотѣ сразу вырветъ крестьянство изъ обстановки крѣпостнаго варварства и создастъ для него условія нормальнаго развитія. Въ союзѣ съ революціоннымъ пролетаріатомъ крестьянство сможетъ добиться осуществленія этой программы, хотя-бы противъ него по желанію „Московск. Вѣдомостей“ — соединились всѣ силы классовъ, именующихъ себя образованными.

„Городское“ революціонное движеніе, вылившееся въ форму массовыхъ демонстрацій, поставило передъ пролетаріатомъ и примыкающей къ нему интеллигенціей вопросъ о конечномъ предѣлѣ этого движенія, о заключительномъ его моментѣ. Конечно, возможно, что самодержавіе уступитъ еще до приближенія этого заключительнаго момента. Но самая возможность такихъ уступокъ обусловливается реальностью этого момента, возможностью угрозы имъ. Такимъ моментомъ для движенія, подобнаго современному, является всероссійское возстаніе. Тѣ, кто считаютъ это послѣднее неосуществимымъ, ссылаются на мнимую непобѣдимость современнаго правительства въ уличной борьбѣ, вытекающую изъ чисто-техническаго военнаго превосходства. Но съ всероссійскимъ возстаніемъ въ городахъ, поддержаннымъ открытой революціей въ деревнѣ, едва-ли справится самодержавіе. Стоитъ только просмотрѣть описаніе событій въ южныхъ губерніяхъ, хотя-бы по правительственному сообщенію, чтобы убѣдиться, что разлившись по всей „сермяжной Руси“, крестьянское движеніе легко обезсилитъ самодержавіе и дастъ возможность нанести ему въ городѣ смертельный ударъ....

КРЕСТЬЯНСКІЯ ВОЛНЕНІЯ.

Въ дополненіе къ сообщенію, напечатанному въ № 20, приводимъ новыя письма о тѣхъ-же событіяхъ:

„Начинается крестьянская революція“, говорятъ мѣстные люди, и, право, я, какъ Вы знаете, до нѣкоторой степени скептикъ, колебался, какимъ именемъ назвать крестьянское движеніе въ Константиноградскомъ уѣздѣ, Полтавской губ. и Валковскомъ уѣздѣ, Харьковской губ. Стану описывать событія такъ, какъ я слышалъ, предупреждая, что между различными разсказами, которые мнѣ пришлось слышать, есть противорѣчія. Чтобы судить о размѣрахъ движенія, скажу только, что изъ Харькова въ бунтующія деревни вывели всѣ войска, оставивъ только небольшіе отряды для караульной службы. Губернаторъ Оболенскій изъ Харькова и Полтавскій все время на мѣстѣ въ бунтующихъ деревняхъ. По словамъ одного лица, движеніе охватило 18 волостей; Помѣщики уѣзжаютъ не только изъ деревень, но и изъ города Валокъ. Обыватели забираютъ, что могутъ, и трогаются въ путь, бросая почти все имущество. Всѣ гостинницы въ Харьковѣ переполнены пріѣзжими помѣщиками. Мнѣ удалось видѣть одно лицо, пріѣхавшее изъ Валокъ. Эта особа видѣла всѣхъ Коробочекъ, Ноздревыхъ, Собакевичей, двинувшихся со своихъ насиженныхъ мѣстъ. Какъ видите, уже по этимъ фактамъ можно судить, что явленіе это совершенно исключительное, тѣмъ болѣе, что несмотря на всѣ прилагаемыя мѣры, по словамъ нѣкоторыхъ лицъ, оно не прекращается, а правильной волной двигается съ юга на сѣверъ. Эту мѣстность поразилъ недородъ. Уже съ осени крестьяне стали чувствовать острую нужду, составляли общественные приговоры еще въ октябрѣ мѣсяцѣ и подавали по начальству. Какъ Вы знаете, по предложенію Мин. Внутр. Дѣлъ, продовольственное дѣло все было сосредоточено въ рукахъ администраціи, главнымъ образомъ въ рукахъ земскихъ начальниковъ, и всѣ единогласно признаютъ теперь, что единственная причина крестьянскаго движенія это то обстоятельство, что несмотря на всѣ ихъ просьбы и хадатайства, до сихъ поръ всѣ приговоры не получили дальнѣйшаго движенія. Изголодавшись, крестьяне, наконецъ, возстали, начали собираться огромными толпами въ нѣсколько тысячъ (это видѣли пріѣзжіе). Подойдетъ толпа къ барской усадьбѣ, вызоветъ хозяина и требуетъ, чтобы онъ со всѣмъ своимъ семействомъ сейчасъ-же уѣзжалъ: земля остается крестьянамъ, хлѣбъ и скотъ тутъ же дѣлится, все остальное имущество разламывается, а усадьба сжигается. И такъ повторяется всюду. Только одного помѣщика во всемъ Валковскомъ уѣздѣ пощадили, не тронули вовсе, потому что были съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ. Но убивать — никого не убиваютъ. Говорятъ, избили одного земскаго начальника и онъ умеръ, какого-то управляющаго, но лицо, пріѣхавшее изъ Валокъ и слышавшее непосредственно изъ устъ администраціи, утверждаетъ, что это невѣрно, что крестьяне ведутъ себя замѣчательно корректно, за нѣсколько времени до всѣхъ этихъ событій они предупреждали нѣкоторыхъ помѣщиковъ, къ которымъ не питали особенной ненависти, чтобы они уѣзжали по добру, по здорову. Какъ началось это движеніе?

Вотъ вопросъ, который я задавалъ очень многимъ и получилъ разнорѣчивые отвѣты. Какъ я уже говорилъ, все движеніе имѣетъ своимъ основаніемъ полное невниманіе со стороны бюрократіи къ насущнѣйшей нуждѣ населенія, поводомъ-же въ различныхъ мѣстахъ были разныя явленія: этимъ я объясняю разнорѣчивость, но не противорѣчіе отвѣтовъ на вопросъ, какъ началось движеніе. По времени прежде всего оно проявилось, какъ кажется, въ селѣ Карловкѣ, Константиноградскаго уѣзда, Полтавской губерніи. Земли около этого села принадлежатъ Велик. Княг. Мекленбургской. Всего земли тысячъ 150-200 десятинъ. Изголодавшись, крестьяне стали домогаться отъ управленія, чтобы оно удовлетворило ихъ нужды; все больше и больше волновался народъ, такъ что подъ конецъ пріѣхалъ исправникъ усмирять волненіе. Исправникъ повелъ политику такъ, что крестьяне видимо съ нимъ согласились и даже отслужили молебенъ. Успокоенный администраторъ уѣхалъ, а черезъ день или два крестьяне обложили экономію, разгромили сахарный, винокуренный и еще какой-то заводъ и все сожгли, пригласивъ администрацію удалиться. Хлѣбъ и скотъ они подѣлили. Въ другихъ мѣстахъ были свои поводы: отказъ въ арендѣ, увеличеніе цѣнъ хлѣба и т. д. Волна движенія все растетъ и растетъ. О вліяніи какихъ-либо „вредныхъ“ элементовъ существуютъ только догадки, хотя, говорятъ, въ Харьковъ въ тюрьму привезли какихъ-то личностей, не то студентовъ, не то просто разночинцевъ. Говорятъ, среди крестьянъ ѣздила какая-то личность въ офицерской формѣ и читала, что крестьяне должны отнять землю. Легенды я слышалъ такого рода: будто осталось завѣщаніе Александра III, что землю крестьяне должны взять себѣ. Другая легенда: Николай II бѣжалъ заграницу, теперь царствуетъ Михаилъ, который объявилъ, чтобы крестьяне добывали себѣ землю своими средствами. Остается сказать мнѣ нѣсколько словъ еще относительно способовъ усмиренія. Безпощадная бойня, какъ опредѣлилъ пріѣзжій; сѣкутъ ужаснѣйшимъ образомъ. Валкская больница завалена человѣческимъ мясомъ. Ходятъ слухи о повѣшенныхъ, объ убитыхъ, называютъ числа 6-36 и болѣе, но достовѣрно узнать что-либо нельзя. Въ этотъ уѣздъ (Валковскій) никого не пускаютъ. На станціи желѣзной дор. стоятъ жандармы и солдаты, возвращаютъ пассажировъ обратно. Иногда обыскиваютъ и арестовываютъ. Такъ арестована фельдшерица Дьяченко“.

Другой корреспондентъ пишетъ:

Недѣли двѣ какъ Полтава занята разговорами о крестьянскихъ волненіяхъ. Волненія начались съ селеній, расположенныхъ вокругъ громадной Карловской экономіи, управляющій которой захотѣлъ повысить арендную плату за землю, и мало-по-малу распространялись по сосѣднимъ селеніямъ и волостямъ, скоро охвативъ четыре волости (цѣликомъ) Константиноградскаго уѣзда. Значительный раіонъ захваченъ и въ Полтавскомъ уѣз., менѣе широкіе размѣры имѣло движеніе въ Лубенскомъ и Харьковскомъ уѣз. Настоящій „бунтъ“ однако былъ довольно оригинальнымъ: сравнительно мало было даже поджоговъ (помѣщичьихъ амбаровъ, сушиленъ и т. д.), о насиліяхъ надъ кѣмъ бы то ни было со стороны крестьянъ говорить не приходится: развѣ только въ самой Карловкѣ управляющій, бросившійся на крестьянъ съ руганью и кулаками, подвергся избіенію. Все вниманіе изголодавшихся крестьянъ обращено было на хлѣбъ, даромъ валявшійся въ громадномъ количествѣ въ амбарахъ экономіи. Они являлись къ послѣднимъ съ повозками, обращались къ помѣщикамъ или управляющимъ съ предложеніемъ отпереть амбаръ и

*) Кстати. Неизвѣстный намъ корреспондентъ сообщаетъ объ успѣхѣ, которымъ пользуется среди крестьянъ Харьковской, Полтавской и др. губерній изданная нашей организаціей брошюра „Правда о бѣдствіяхъ простого народа“.

добровольно выдать имъ часть хлѣба и только въ случаѣ отказа сами отбивали замки, наполняли свои телѣги и отвозили домой. Въ этомъ въ сущности и состоялъ весь „бунтъ“. Въ Чутовѣ, правда, были кромѣ того разбиты двѣ русскихъ лавки, но повторяю факты такого насильственнаго характера были совсѣмъ рѣдки, единичны. А, напримѣръ, помѣщика Чеснока, всегда хорошо относившагося къ крестьянамъ и постоянно помогавшаго имъ, они совсѣмъ не тронули. Въ другомъ мѣстѣ, около с. Коломака (Полт. уѣз) помѣщикъ спрашивалъ крестьянъ, когда же они къ нему придутъ за хлѣбомъ, но послѣдніе отвѣчали, что они его трогать не будутъ, т. к. онъ имъ полезенъ своими хлопотами по открытію школъ и др. просвѣтительныхъ учрежденій. Все это неподлежащіе сомнѣнію факты, опредѣленно рисующіе настроеніе крестьянъ и ихъ планъ дѣйствій.

Ну, конечно, власти всполошились и тотчасъ же вызвали войска, которыхъ настойчиво требовали перепуганные и озлобленные помѣщики. Губернаторъ, прокурорскія и жандармскія власти, большая часть полицейскаго начальства, забравъ съ собою большую половину войска, находившагося въ городѣ, покинули Полтаву и разбрелись по губерніи. Ежедневно являлись въ Полтаву новые „ограбленные“ помѣщики: они громко обвиняли губернатора въ бездѣйствіи, увѣряли, что среди крестьянъ давно ведется пропаганда — уже года два, что всѣ знали о подготовлявшемся бунтѣ, что давно уже надо было принять строгія мѣры, что и теперь, если бы съ перваго же дня приняться за стрѣльбу и сѣченіе, то бунтъ тотчасъ же бы прекратился, а не началъ распространяться.

Если бы эти помѣщики могли на минутку оказаться отъ близорукого взгляда на вещи, то въ крестьянскомъ бунтѣ они увидѣли не актъ чьей либо злой воли, а стихійное движеніе, вызванное постоянными голодовками, крайней степенью нищеты крестьянскаго населенія, безвыходностью ихъ положенія. Не даромъ же когда губернаторъ обратился къ толпѣ крестьянъ съ требованіемъ разойтись подъ угрозой стрѣльбы, эта толпа лицомъ къ лицу съ войскомъ отвѣчала: „Стрѣляйте, намъ нечего терять.“ Не даромъ на вопросъ того же губернатора о зачинщикахъ и руководителяхъ, крестьяне отвѣчали, что у нихъ нѣтъ вожаковъ, что пусть наказываютъ всѣхъ. Не даромъ, наконецъ, крестьяне, зная, что въ другихъ мѣстахъ на самомъ дѣлѣ была стрѣльба, что тамъ тоже началась порка, и порка ужасная, что и на нихъ идетъ войско, остаются совершенно спокойными и продолжаютъ увозить изъ экономій хлѣбъ, продолжаютъ „грабить несчастныхъ помѣщиковъ“, и новыя селенія назначаютъ день, когда имъ ѣхать въ еще нетронутую экономію за хлѣбомъ. Что этотъ грабежъ есть слѣдствіе просто голода, на это указываетъ и то, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне предлагали помѣщикамъ плату за хлѣбъ (правда очень низкую), — что же имъ дѣлать, если они не могутъ предложить имъ большей? Вѣдь выбирать приходится между смертью и „грабежемъ“.

А что касается до „недостатка строгихъ мѣръ“ (по словамъ г. г. помѣщиковъ), то пусть говорятъ факты: Въ Ковалевкѣ напр., когда на требованіе властей возвратить забранный хлѣбъ, со стороны крестьянъ послѣдовалъ отказъ, войску отданъ былъ приказъ стрѣлять: убиты тутъ же три человѣка, одинъ раненый двумя пулями и проколотый штыкомъ, привезенный въ Полтавскую больницу чрезъ нѣсколько часовъ умеръ; а съ другимъ тяжело раненымъ не знаю что случилось. Затѣмъ началось сѣченіе. Порка происходила и въ Васильевкѣ: лозинокъ искать некогда было, поэтому били первыми попавшимися сучковатыми вѣтвями достаточной длины и толщины и въ силу этого (пользуясь деликатнымъ выраженіемъ доктора) „цѣлость кожи у всѣхъ наказанныхъ нарушена“. Пороли такъ, что изо рта, изъ носа обильно текла кровь, — послѣ порки крестьяне вставали сплошь почернѣвшіе: иногда давали по сотнѣ и по двѣ ударовъ.

Упорно утверждаютъ — и повидимому, это такъ и есть — что нѣсколько человѣкъ, глубоко униженные сѣченіемъ, предпочли повѣситься. Порка была въ той же самой Карловкѣ, хотя и послѣ нея, по уходѣ войскъ крестьяне вновь принялись за свое. Сѣкли не всегда по назначенію: привели (въ Карловкѣ) къ губернатору старосту, котораго тотъ приказалъ тутъ же высѣчь. Послѣ экзекуціи староста спрашиваетъ, кого же хотѣли сѣчь: оказалось, совсѣмъ не то лицо. Сѣкли и женщинъ... Но все это недостаточно строго по мнѣнію помѣщиковъ. Они то и дѣло обращаются къ начальнику жандармскаго управленія, а тотъ даетъ имъ честное слово „доискаться корней“ хотя и сознается, что теперь у нихъ свѣдѣній никакихъ не имѣется. Однако, отсутствіе какихъ-либо данныхъ не помѣшало ему заключить въ тюрьму пять человѣкъ. Затѣмъ — какъ разъ наканунѣ славной смерти Сипягина — здѣшніе помѣщики послали ему одиннадцать телеграммъ, взывая о помощи. Они же собрались подъ предсѣдательствомъ кн. Эристова(предводителя) и послали на высочайшее имя жалобу. Ихъ слѣпота доходитъ до такой степени, что жена одного земскаго начальника и помѣщика г-жа Бѣлевичъ (въ театрѣ) сообщаетъ: „Знаете, поймали 25 самыхъ что ни на есть главныхъ зачинщиковъ, а губернаторъ ихъ отпустилъ; да и понятно: онъ вѣдь и самъ изъ нихъ“ (это фактъ, я его привожу, какъ одинъ изъ наиболѣе яркихъ, быть можетъ, нѣсколько каррикатурныхъ иллюстрацій безсмысленной фантазіи). Фактическая подкладка этого сообщенія такова: были арестованы сорокъ пять „зачинщиковъ“, изъ нихъ двадцать пять человѣкъ убѣжали; остальные двадцать сидятъ въ тюрьмѣ.

Вотъ, собственно говоря, все крестьянское возстаніе. Вполнѣ оно еще не закончилось, но новаго ничего, конечно, болѣе не произойдетъ. Какъ же реагировалъ на него нашъ городъ? Несомнѣнно, нѣкоторая часть очень волновалась, — безпокоилась и въ головахъ бродили неспокойныя и немирныя мысли. Но внѣшнимъ проявленіемъ такого психическаго состоянія до сего времени было только выпущенное воззваніе къ обществу, производящее, кажется, хорошее впечатлѣніе. Тамъ и сямъ поговаривали объ уличной манифестаціи, — но тѣмъ дѣло пока ограничилось, какъ ни сознавали многіе ея полезность, умѣстность и даже сравнительную легкость (въ виду отсутствія въ городѣ большей части войска и нѣкоторой растерянности властей.). Бездѣятельность эта, можетъ быть, объясняется неопредѣленностью положенія, незнаніемъ въ сущности, какъ держать себя по отношенію къ такимъ крестьянскимъ движеніямъ, въ которыхъ или совсѣмъ никакія требованія не выставляются или же выставляются требованія, вполнѣ неосуществимыя при данныхъ условіяхъ. Ясно одно только: нужно симпатизировать крестьянамъ, но что нужно дѣлать, чтобы такого рода недовольство крестьянъ не пропадало даромъ и шло на пользу революціонному дѣлу, это вызываетъ много споровъ и сомнѣній. Мнѣ кажется, что все это движеніе лишній разъ подчеркиваетъ возможность и необходимость революціонной планомѣрной работы въ деревнѣ, — лишній разъ напоминаетъ о томъ, что нужно на столбцахъ революціонной газеты отводить больше мѣста вопросамъ и нуждамъ крестьянскаго положенія.

Еще сообщеніе:

„Въ Ковалевкѣ солдатъ встрѣтили мужики. Толпѣ предложено было разойтись, крестьяне отказались это сдѣлать. Когда офицеръ Перейша, командовавшій ротою, сказалъ, что будетъ стрѣлять, крестьяне ему отвѣтили: „Нѣтъ, теперь не такое время, чтобы въ насъ стрѣлять“. А солдатамъ они сказали: „Мы васъ кормили до 21 года, а теперь вы будете убивать вашихъ отцовъ! А потомъ опять къ намъ-же придете хлѣбъ ѣсть“. По командѣ офицера раздался залпъ — трое убито, 20 ранено, изъ нихъ двое уже умерли въ больницѣ.

Полтавскій губернаторъ, пріѣхавъ въ одну изъ деревень близь Полтавы, потребовалъ къ себѣ старосту. Тотъ сидитъ у себя дома и что-то работаетъ. Ему говорятъ: „Тебя губернаторъ зоветъ“. Крестьянинъ отвѣчаетъ: „Теперь другія времена пришли; коли ему нужно, пусть ко мнѣ идетъ, я его не звалъ“. Губернаторъ, отправился въ хату и говоритъ: „Ты знаешь, кто я?“ Староста отвѣчаетъ: „Панъ“. Губернаторъ на это: „Не только панъ, но и полтавскій губернаторъ“. Староста: „А мнѣ что за дѣло. Если пришли, то говорите, что нужно — а я васъ не звалъ“. Его забрали и увезли въ полтавскую тюрьму.

Сегодня одинъ солдатъ орловскаго полка, вернувшійся въ Полтаву, разсказывалъ, что войско съ губернаторомъ Бельгардомъ во главѣ успѣло пройти 13 деревень. Когда является губернаторъ, вся деревня становится на колѣни и проситъ о пощадѣ, — говорятъ: „Студенты насъ научили“. Потомъ происходитъ порка. Сперва порятъ чиновъ сельской администраціи, потомъ „зачинщиковъ“, если таковые находятся — даютъ по 200-250 розогъ. Въ Ковалевкѣ перепороли зачинщиковъ, крестьяне поклялись убить управителя, который ихъ выдалъ. Войско, по словамъ солдата, всю Пасху остается въ губерніи.

Все стоявшее въ Полтавѣ войско ушло въ губернію, въ Полтаву перевезены драгуны изъ Харькова и сотни три харьковскихъ казаковъ.

Въ Полтаву пріѣзжаютъ на базаръ много крестьянъ изъ сосѣднихъ деревень. На вопросъ о прокламаціяхъ, распространявшихся у нихъ, одни говорятъ: „У насъ не было никакихъ прокламацій, а была бумага отъ царя, въ которой написано: по указу Его Императорскаго Величества“. Эти крестьяне разсказываютъ слѣдующее: Еще Александръ II хотѣлъ подѣлить поровну землю, но ему сначала помѣшали паны, а потомъ онъ самъ не захотѣлъ дѣлить. Позже имъ всетаки была написана бумага о дѣлежѣ земли, но Александръ III спряталъ ее. За Николая наша царица потому не хотѣла выходить замужъ, что требовала, чтобы у насъ все было подѣлено, какъ у нихъ — земли у всѣхъ поровну, но Николай этого не хотѣлъ. Теперь царь уѣхалъ на три мѣсяца заграницу и говоритъ: вы теперь все подѣлите, а я пріѣду и все оформлю. Другіе-же крестьяне разсказывали дѣло иначе: Въ прокламаціяхъ, говорятъ они, у насъ было сказано: земля должна принадлежать всему трудящемуся населенію, т. е. мужикамъ, которые трудятся. Но она несправедливо принадлежитъ панамъ. Выводъ отсюда тотъ, что нужно отнять землю у пановъ и подѣлить между трудящимся населеніемъ. Но этому будутъ мѣшать всѣ тѣ, кому это невыгодно: а невыгодно это панамъ, войсковымъ начальникамъ, министрамъ, царю. Для того, чтобы отнять землю, надо силой дѣйствовать (по другой версіи — надо ихъ всѣхъ убивать).

Относительно того, откуда имъ данъ толчекъ къ волненіямъ, одни крестьяне говорятъ: намъ царь велѣлъ, — другіе говорятъ: „намъ централъ нашъ велѣлъ“, „централка наша велѣла“. Бабы разсказывали, что видѣли, какъ студенты ходили по полямъ, раскидывали прокламаціи. Были среди крестьянъ и такіе, напримѣръ разговоры, что они ждутъ отрядъ въ 300 студентовъ на помощь.

Теперь крестьяне всѣхъ деревень, въ которыхъ производилась порка, заявляютъ, что на Пасху они сравняютъ съ землею Полтаву, Харьковъ, Кіевъ. „Казна распашетъ, а мы подѣлимъ“. Послѣ порки озлобленіе у крестьянъ повышается. Приходится слышать отъ крестьянъ и слѣдующія заявленія: „Мы будемъ праздновать 1-ое Мая, къ намъ рабочіе и студенты придутъ изъ города“.

Въ связи съ крестьянскими волненіями въ Полтавѣ арестованы студенты Баумштейнъ и Алексеенко. Баумштейнъ былъ репетиторомъ въ Карловкѣ, занимался съ сыномъ управляющаго Шейдемана. Когда начались волненія Шейдеманъ посовѣтовалъ ему уѣхать въ Полтаву. Черезъ полчаса по пріѣздѣ въ Полтаву къ нему явились власти и арестовали его. Алексеенко — сынъ богатаго помѣщика, къ которому крестьяне также явились съ требованіемъ ключей. Арестованы были еще двое поднадзорныхъ, которые изъ любопытства поѣхали въ Карловку.

Волненіемъ, характера совершенно аналогичнаго съ Полтавской губерніей, охвачены, кромѣ Харьковской губерніи, еще слѣдующія: Саратовская, Кіевская, Черниговская, Воронежская, Тамбовская, Тульская и Московская. Въ Тамбовской губерніи волненія начались раньше чѣмъ въ другихъ, но войска стоятъ тамъ еще по сію пору. Безпорядки вездѣ одного характера — крестьяне требуютъ ключи, дѣлятъ припасы, землю — же дѣлить не успѣваютъ, потому что является войско и этому мѣшаетъ“.

„Крестьянское движеніе — пишутъ намъ еще — началось у въ послѣднихъ числахъ марта 1902 г. сперва въ Карловкѣ Константиноградскаго уѣзда, Полтавской губ., гдѣ находится имѣніе великихъ князей Мекленбургъ-Стрелицкихъ (около 40.000 дес.). Незадолго передъ этимъ въ с. Карловку возвратилось 300 чел. крестьянъ, послѣ крайне неудачной попытки переселиться въ Уфимскую губ. Нечего и говорить, что положеніе обратныхъ переселенцевъ было по истинѣ ужаснымъ. Они остались почти безъ всякихъ средствъ къ жизни. Многимъ однако удалось кой-какъ устроиться и даже вспахать себѣ съ осени немного земли. Весной-же они надѣялись получить сѣмянную ссуду для посѣва... но ссуды не дождались и принуждены были на занятыя деньги покупать сѣмена для уже вспаханныхъ полей. Обратились они между прочимъ и къ управляющему великокняжескимъ имѣніемъ Шейдеману. Тотъ, пользуясь такимъ удобнымъ случаемъ, заломилъ съ нихъ страшную цѣну, а затѣмъ даже и совсѣмъ отказалъ, по неизвѣстнымъ причинамъ, продать сѣмянъ. На этой почвѣ и возникла первая попытка крестьянъ возстановить нарушенную справедливость. Они выѣхали съ плугами и запахали 2000 дес. княжеской земли и набрали себѣ изъ княжескихъ-же амбаровъ сѣмянъ для посѣва.

Затѣмъ крестьянское волненіе съ поразительной быстротой разлилось по Константиноградскому уѣзду, проникло въ Валковскій уѣздъ Харьковской губ. и охватило его почти цѣликомъ. Въ Полтавской губ. почва для такого сильнаго движенія отчасти была подготовлена ходившей среди крестьянъ нелегальной литературой. Быстрое — же развитіе волненій въ Валковскомъ уѣздѣ объясняется новой продовольственной системой. Этотъ уѣздъ, и безъ того стоящій на низкомъ уровнѣ экономическаго благосостоянія, постигъ сильный неурожай. Были составлены по волостямъ списки нуждающихся въ ссудахъ на обсѣмененіе полей, но эти списки до сихъ поръ еще лежатъ въ г. Валкахъ, хотя время посѣва давно уже прошло. Такъ ведутся въ Россіи „продовольственныя компаніи“.

Всюду крестьянскія волненія вылились въ одну форму — забиранія изъ помѣщичьихъ экономій сѣмянъ, орудій, скота и т. п. и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ разграбленія и сожженія самихъ усадебъ. Сцены происходили оригинальныя: являются мужики въ имѣніе (обыкновенно верстъ за 10-12) и безъ всякаго насилія, драки, шума начинаютъ разбирать „панское добро“, какъ-бы возвращая этимъ себѣ отнятую у нихъ прибавочную стоимость. Помѣщики-же или загодя удираютъ, или сидятъ смирно. А вслѣдъ удирающему помѣщику несутся насмѣшливые крики: тикай, панъ, тикай! Достовѣрно извѣстно о такомъ разбираніи слѣдующихъ имѣній: Воликова (Полтавск. губ.), Павлова (с. Нагорное, Полт. губ.), Глушкова (земск. нач. Валковск. уѣзда), Орлова (с. Михайловка, Валк. уѣзда), Задонскаго, Сухомлинова (близь Миньковки), Кузьминова (близь Снѣжкова), Почтеннаго (близь села Ковучъ), Корсуна (богатѣй мужикъ, близь Огульцовъ, сожжено все до тла), Духовскаго (с. Мерчикъ), Фюлера (земск. нач. около Валокъ, усадьба сожжена) сахарный заводъ, Молдавскаго (близь Коломака) паровая мельница Кузьминова (близь Валокъ), сахарный заводъ Кенига (с. Гуты, Богодуховск. у.). Списокъ этотъ во всякомъ случаѣ не полонъ, въ особенности для Полтавской губерніи. Кромѣ того, во многихъ мѣстахъ на выручку помѣщиковъ подоспѣли войска (всего изъ Харькова послано болѣе 2 полковъ и почти весь казачій полкъ). Такъ, казаки охранили имѣнія кн. Голицына и Ширкова (Стар. Водолачи), Шидловскаго (с. Знаменское); здѣсь становой до прибытія казаковъ успѣлъ поссорить „ближнихъ“ и „дальнихъ“ крестьянъ), фабрику Кузнецова (с. Буды) и нѣсколько экономій вокругъ с. Гуляй-поле (Зміевск. уѣзда). Въ имѣніи кн. Святополка Мірскаго (близь Люботина) даже стояла артиллерія.

Съ прибытіемъ войскъ картина быстро мѣняется и начинается массовое и звѣрское избіеніе крестьянъ. Казаки даже прибѣгали къ обманамъ. Явившись, напр., въ с. Знаменское они заявили что сейчасъ губернаторъ будетъ читать „манифестъ“ и чтобы крестьяне собрались для этого въ одно мѣсто. Когда мужики собрались, ихъ оцѣпили и избили самымъ звѣрскимъ образомъ. Въ селѣ Стар. Водолачѣ харьковскій губернаторъ кн. Оболенскій, пробывшій на мѣстѣ волненій болѣе недѣли, выбралъ 15 крестьянъ, болѣе виновныхъ по его мнѣнію, и велѣлъ высѣчь. Это продолжается и теперь. Отбираютъ у крестьянъ помѣщичье добро и сѣкутъ безпощадно. Иные приходили съ повинной и возвращать „награбленное“, но и ихъ не жалѣли. Теперь крестьяне ночью вывозятъ все, что нельзя спрятать, въ овраги и т. п. и бросаютъ. Вообще-же настроеніе очень приподнятое. Крестьяне сами поражены такимъ необыкновеннымъ явленіемъ въ своей жизни. Многіе успѣли передѣлать попавшіе имъ нелегальные листки въ „манифестъ“ отъ царя, написанный золотыми буквами (иначе непонятны всѣ толки и царской золотой грамотѣ, отдающей имъ всю помѣщичью землю). Но жестокости и безнаказанныя буйства казаковъ заставляютъ ихъ думать, что всѣ „начальства“ за помѣщиковъ, а не за крестьянъ. О вооруженномъ сопротивленіи войскамъ ничего не слышно. Извѣстны только 2 случая, когда застрѣлили подъ убѣгавшими крестьянами лошадей. Казаки вели себя ужасно: сами били крестьянъ, грабили ихъ, насильничали надъ женщинами. Никакія жалобы, конечно, не помогали. Да и какія тутъ жалобы, когда само его сіятельство кн. Оболенскій заявлялъ высѣченнымъ крестьянамъ: „Это вамъ, мерзавцы, по 30 плетей за то, что грабили, а еще по 30 отъ меня!“ Этотъ Оболенскій такъ зарвался, что перешелъ границы Высочайше ввѣренной ему губерніи: началъ пороть крестьянъ Полтавской губ. и высѣкъ даже одного старшину, не пожелавшаго къ нему явиться. Полтавскій же губернаторъ Бельградъ велъ себя человѣчнѣе за что, по слухамъ, будетъ смѣщенъ. По крайней мѣрѣ нѣсколько полтавскихъ помѣщиковъ послали министру Внутр. Дѣлъ телеграфную жалобу на бездѣйствіе властей. Питерскія власти всѣмъ этимъ сильно встревожены.“

Послѣ пріѣзда Плеве въ Полтаву, Бельгардъ уволенъ отъ должности (Ред.).

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Изъ Полтавы (отъ 17-го апрѣля).

„У насъ министръ (Плеве). Пока онъ еще ничѣмъ не проявилъ себя. Съ пятницы (стар. ст.) здѣсь и вице-директоръ Департ. Полиціи Поярковъ и членъ консультаціи при Министерст. Юстиціи. Происходятъ какія-то таинственныя совѣщанія въ Жандармскомъ Управленіи. По всему вѣроятію дѣло о демонстраціи въ театрѣ будетъ разрѣшено здѣсь теперь же, и нѣтъ сомнѣнія, что приговоръ не будетъ отличаться мягкостью; надо думать, что многимъ придется уѣхать отсюда. О деревнѣ ничего не слышно, войска еще тамъ, но городъ, городъ совсѣмъ на военномъ положеніи! Днемъ и ночью непрерывно ходятъ патрули. Населеніе терроризировано и клянетъ „студентовъ“. Право, по глубинѣ пониманія событій здѣшнее интеллигентное общество хуже мужиковъ. Никогда не случалось видѣть такой грязи. Вотъ, напр., въ субботу былъ пойманъ какой-то молодой человѣкъ, бросавшій ночью прокламаціи въ ящики для писемъ, пойманъ офицеромъ, который 4 ночи караулилъ съ 4-мя солдатами у дверей своей квартиры. Каковъ? Арестованный былъ побитъ городовыми и помощникомъ пристава въ части, затѣмъ отправленъ въ тюрьму. Привезли много крестьянъ и возятъ еще; всѣ въ тюрьмѣ.

Въ день пріѣзда министра правитель его канцеляріи нагрянулъ съ ревизіей въ статистическое бюро и затребовалъ списки служащихъ, регистраторовъ и проч“....

Изъ Константинограда (Полтавской губ.).

„Имѣніе Трепке разнесли и разграбили, даже постройки. Имѣніе С. И. Гриневича тоже, но построекъ не тронули. Карловку тоже. О карловскомъ управляющемъ Шейдеманѣ говорятъ разно: то, что онъ убитъ, — то, что онъ бѣжалъ и скрылся. Въ Константиноградъ вытребованы солдаты, въ Карловку тоже. Губернск. предвод. Джунковскій и вся мѣстная администрація собрались въ Карловкѣ.... Климовцы приходили къ земскому начальнику, у котораго они арендуютъ землю за совѣтомъ, что имъ предпринять. Они получили письма, что если они не примутъ участія въ бунтѣ, то Климовка 15-го числа будетъ горѣть со всѣхъ сторонъ.

На сходкахъ, не стѣсняясь говорятъ, что судовъ не будетъ, что будетъ такъ, какъ во Франціи(?) и что землю всю раздѣлятъ. Тяжелое время переживается теперь, много погибнетъ народу. Въ Карловкѣ были пущены въ ходъ ружья. Было нѣсколько убитыхъ, но, говорятъ, что это мало повліяло; говорятъ, если теперь не удастся, то когда поспѣетъ пшеница, будемъ возить ее съ экономической земли себѣ. Чернещане начинаютъ также волноваться“.....

Объ усмиреніи крестьянъ въ Валковскомъ у. Харьковской губ. разсказываютъ такія вещи:

„Губернаторъ кн. Оболенскій (русскій Китчинеръ) сжегъ деревню, три деревни пересѣкъ поголовно: и мужиковъ, и стариковъ, дѣтей и дѣвушекъ. Было нѣсколько случаевъ самоубійствъ. Пріѣхавшій съ „театра военныхъ дѣйствій“ офицеръ, говорилъ, что сѣкутъ такъ, что куски мяса отваливаются. Нѣкоторыхъ засѣкли до смерти. Сѣкутъ полицейскія власти и казаки. Солдаты расквартированы по деревнямъ. Питаются за счетъ крестьянъ. Отряды ходятъ по крестьянамъ, обыскиваютъ, отбираютъ взятый у помѣщиковъ хлѣбъ. Занимаются этимъ солдаты неохотно, иногда чисто формальнымъ образомъ.

О крестьянскихъ волненіяхъ у насъ въ городѣ ходитъ масса слуховъ. Распространеніемъ таковыхъ, между прочимъ, занимаются и жандармы. Такъ, будто-бы Плеве разсказывалъ въ присутствіи нашего ротмистра, что крестьяне, разочаровавшись въ исходѣ бунта, повѣсили 12 „агитаторовъ“,

Отъ жандармовъ-же исходятъ слухи о „генералахъ на бѣлыхъ лошадяхъ“, распространявшихъ среди крестьянъ „манифесты“ и пр.

Воронежъ. Намъ пишутъ по поводу бывшихъ недавно крестьянскихъ волненій:

Крестьяне села Новаго и Стараго Курлака при выходѣ на волю получили даровой нищенскій надѣлъ: на каждую ревизскую душу во всѣхъ трехъ поляхъ имъ было дано всего только двѣ трети десятины (20 саж. на 80 саж.). Передѣлъ земли въ этихъ селахъ не производится и потому здѣсь нерѣдко встрѣчаются многосемейные дворы, у которыхъ всего 1-2 душевыхъ надѣла, а болѣе молодыя семьи, отдѣлившіяся отъ старыхъ, сидятъ совсѣмъ безъ земли. При такомъ страшномъ малоземельѣ вполнѣ понятна та крѣпостническая зависимость, въ которой находятся эти крестьяне отъ большой экономіи Станкевича съ ея 23 тысячами десят. земли. Нужно обладать особымъ расположеніемъ и благоволеніемъ экономіи, чтобы получить небольшой клочекъ барской земли въ аренду. До нынѣшняго года у Станкевича практиковалась такая система сдачи земли: крестьянинъ получалъ въ аренду 1 десятину земли безъ денегъ и за это долженъ былъ обработать (т. е. вспахать, посѣять и убрать хлѣбъ) въ пользу Станкевича одну десятину и 13 саж. на 80 саж., т. е. почти полторы десятины. И только тогда, въ видѣ особой милости, онъ получалъ въ аренду 1-2 десят. уже за деньги: по 8-10 руб. за десятину. Теперь, съ поступленіемъ новаго управляющаго, крестьяне должны обработать за каждую десятину только одну десятину въ пользу помѣщика, но за то денежная арендная плата за каждую излишнюю десятину повышена до 12 руб. 50 коп. Такимъ образомъ выходитъ, что для Курлакскихъ крестьянъ крѣпостное право не отмѣнено: изъ каждыхъ 6-ти дней въ недѣлю они 3-4 дня должны быть заняты барской работой и только остальное время они тратятъ на себя. И въ прежнее время, при существованіи крѣпостнаго права, помѣщикъ не могъ заставлять своихъ крестьянъ работать на барщинѣ болѣе 3 дней въ недѣлю.

А между тѣмъ было время, когда Курлакскіе крестьяне были вольные люди, всѣ 23 тысячи десятинъ барской земли принадлежали только имъ, но въ 1797 г. полоумный русскій императоръ Павелъ 1-ый подарилъ крестьянъ и всю ихъ землю своему любимцу Кушелеву-Безбородко, который впослѣдствіи продалъ за безцѣнокъ Станкевичамъ эту пожалованную землю. Считая, что они пожалованы были только на сто лѣтъ, крестьяне и требуютъ теперь у Станкевича возвращенія 23 тысячъ десятинъ земли, а правительство на это требованіе отвѣтило имъ розгой и арестами... Стало быть одинъ императоръ отдалъ Курлакскихъ крестьянъ въ неволю, а теперь, съ вѣдома другого, проливается крестьянская кровь... Приведемъ нѣкоторыя подробности, касающіяся самой экзекуціи..

Первоначальный списокъ, крестьянъ, подлежащихъ экзекуціи, былъ составленъ уѣзднымъ исправникомъ Клокачевымъ,*) а затѣмъ онъ былъ утвержденъ вице-губернаторомъ Хвостовымъ. Въ качествѣ палачей были приглашены: урядникъ Алексѣй Ивановъ (живетъ въ селѣ Щучьѣ, Бобровскаго уѣзда) и городовой Григорій Кошелевъ, причемъ оба они были переодѣты въ штатское платье. Этимъ переодѣваніемъ начальство, очевидно, хотѣло избавить палачей отъ грозящей имъ народной мести, но палачи скоро были узнаны. При исполненіи своихъ гнусныхъ обязанностей особеннымъ звѣрствомъ отличался урядникъ Алексѣй Ивановъ; наоборотъ, Кошелевъ упорно отказывался отъ возлагаемаго на него порученія и даже плакалъ.

По заявленію очевидцевъ, наказывали таловыми прутьями съ плохо обрѣзанными сучками, и эти сучки причиняли страшную боль. Всѣ наказываемые, кромѣ одного, громко стонали: у всѣхъ тѣло послѣ первыхъ ударовъ дѣлалось черно-багровымъ, а у многихъ текла кровь. У несчастнаго Малахова было потомъ вынуто изъ тѣла его женою до 40 занозъ. Съ нѣкоторыми сдѣлался во время экзекуціи обморокъ, такъ что ихъ подняли потомъ на рукахъ. Какъ до экзекуціи, такъ и послѣ никто не былъ осмотрѣнъ врачемъ, хотя передъ началомъ экзекуціи одинъ офицеръ громко сказалъ, что по закону нужно предварительно всѣхъ осмотрѣть. Слова офицера произвели было замѣшательство; но стоявшій возлѣ вицегубернатора военный врачъ Черниковъръ отвѣтилъ: „нѣтъ, этого по закону не полагается“, и протестующаго офицера оттѣснили подальше отъ толпы. Понесъ-ли какую кару этотъ офицеръ за высказанное имъ участіе, неизвѣстно, но только дознано, что одинъ изъ офицеровъ потомъ 3 дня сидѣлъ въ арестанской при Курлаковскомъ Волостномъ правленіи. Во время экзекуціи одинъ изъ унтеръ-офицеровъ нѣсколько разъ говорилъ окружающимъ крестьянамъ, что солдаты стрѣлять въ народъ не станутъ. Сообщимъ кстати еще одинъ характерный фактъ: когда офицера ѣхали въ Курлакъ по желѣзной дорогѣ изъ Воронежа, то двое подвыпившихъ офицеровъ цодошли къ вице-губернатору и сказали ему заплетающимся языкомъ: „Ваше Превосходительство, мы надѣемся, что справедливость восторжествуетъ благодаря гуманности, а не жестокости!“

На другой день послѣ экзекуціи по просьбѣ крестьянъ былъ отслуженъ молебенъ на томъ мѣстѣ, гдѣ, какъ говорили крестьяне, „пролита была наша кровь“. Начальство, видя въ этой просьбѣ нѣчто въ родѣ раскаянія, разрѣшило этотъ молебенъ и только послѣ спохватилось, что молебенъ „на мѣстѣ пролитой крови“ носилъ демонстративный характеръ.

Крестьяне до сихъ поръ отъ притязаній на землю не отказываются, а предполагаютъ весною пахать барскую землю.

Войска продолжаютъ проживать въ Курлакѣ на счетъ Станкевича, который устраиваетъ въ честь начальства роскошныя пиршества. „Усмирители“ (въ особенности 17 человѣкъ офицеровъ) пьянствуютъ, цѣлый день и ночь сидятъ за картами и развратничаютъ.

Кромѣ уполномоченныхъ Я. И. Баранникова и Малахова по распоряженію вице-губернатора еще арестованы уполномоченные села Верхо-Тишанки: Варнавскій и 80-ти лѣтній старикъ Петръ Степановичъ Михѣевъ. Послѣдній долго былъ сначала волостнымъ писаремъ, а потомъ крестьянскимъ ходатаемъ; по распоряженію администраціи онъ былъ уже въ ссылкѣ за подстрекательство крестьянъ къ веденію процессовъ.

Дѣло Курлакскихъ крестьянъ теперь передано въ руки судебныхъ властей, по распоряженію которыхъ восемь человѣкъ подвергнуты предварительному заключенію въ тюрьмѣ. Такимъ образомъ теперь арестовано всего двѣнадцать крестьянъ.

Недовольство крестьянъ все болѣе увеличивается и захватываетъ все большее количество селеній.

Въ селѣ Мартынѣ, получившимъ тоже нищенскій надѣлъ, крестьяне требуютъ полнаго надѣла. Въ селѣ Старой-Тойдѣ крестьяне требуютъ возстановленія прежняго ихъ права въѣзда въ лѣсъ Хрѣнникова и т. д.

Воронежскій губернаторъ Слѣпцовъ весьма недоволенъ спокойнымъ поведеніемъ Курлакскихъ крестьянъ: ему хотѣлось-бы вызвать ихъ на сопротивленіе, чтобы имѣть возможность пустить въ ходъ оружіе. Губернаторъ говорилъ своимъ подчиненнымъ: „неужели вы не могли пожертвовать какимъ-либо урядникомъ, чтобы устроить настоящую расправу“...

ВЪ ХРОНИКУ „ЗУБАТОВЩИНЫ“.

На Московскихъ собраніяхъ рабочихъ г. г. Слѣповы, Красивскіе и Ко. продолжаютъ свою проповѣдь примиренія рабочихъ съ полиціей. Громятъ „студентовъ“ за ихъ „безбожіе“ и т. п., увѣряютъ, что „студенты“ презираютъ рабочихъ и хотятъ ихъ руками жаръ загребать, добиваясь конституціи, которая де совсѣмъ не нужна рабочимъ. Такія рѣчи велись и 14-го марта на районномъ собраніи на Зацѣпѣ (предсѣдательствовалъ Жилкинъ). На районное собраніе механическихъ рабочихъ и ткачей 22-го марта (на Бутыркахъ) была принесена книга: „Почему я пересталъ быть революціонеромъ?“ Л. Тихомірова. Предсѣдатель Соколовъ предлагалъ ее усиленно покупать. Онъ-же читалъ статью „Московскихъ Вѣдомостей“: „Низверженный кумиръ“. „На Западѣ — говорилъ онъ — уже давно бросили соціализмъ“. Замѣтимъ отъ себя, что статья или вѣрнѣе длинный рядъ статей Московскихъ Вѣдомостей подъ заглавіемъ „Низверженный кумиръ“ былъ посвященъ главнымъ образомъ изложенію взглядовъ Бернштейна, который будто-бы низвергнулъ кумиръ марксизма!! Вотъ въ какой формѣ „вошла въ народъ“ модная „критика марксизма“!...

Собраніе 22-го марта началось тѣмъ, что Соколовъ прочелъ изъ газетъ о покушеніи на жизнь Трепова и сказалъ „прочувствованное“ слово о томъ, что буржуазія подкупила такихъ лицъ, которыя хотятъ убить друга рабочихъ. На молебенъ по случаю избавленія отъ опасности этого „друга“ тутъ-же собрали съ рабочихъ около 3-хъ рублей. Особенно усердно ссылаются г. г. Соколовы и другіе зубатовцы на примѣръ рабочихъ фабрики Мусси (см. № 19 „Искры“), — примѣръ, доказывающій де заботливость полиціи о рабочихъ. „А вотъ на Мещеринской мануфактурѣ бунтовали и ничего не добились“. (На самомъ дѣлѣ мещеринскіе рабочіе шесть разъ подавали заявленія, но безуспѣшно и добились своего только борьбой, причемъ громили склады красильщики, а ткачи только бастовали). Объ этомъ происшествіи на фабрикѣ Мусси намъ сообщаютъ такія подробности:

„Рабочіе на шелковой фабрикѣ Мусси предъявили представителю этой фабрики Гужону требованіе, чтобы онъ уплатилъ имъ всѣ ихъ убытки за прошлые года, насчитавъ всего 45 тысячъ. Онъ имъ сказалъ, что съ этимъ требованіемъ они могутъ обратиться сначала къ фабричному инспектору, и если онъ найдетъ ихъ требованія правильными, пусть подаютъ въ судъ. Рабочіе заявили, что они прекращаютъ работать, а Гужонъ заявилъ, что въ такомъ случаѣ, онъ ихъ всѣхъ увольняетъ съ фабрики и написалъ увольненіе въ разсчетныя книжки 1200 ткачамъ. По правиламъ въ теченіи 2-хъ недѣль, рабочіе имѣютъ право жить на фабрикѣ и послѣ увольненія. Гужонъ позволилъ имъ жить. Не задолго до истеченія срока, Гужонъ отправляетъ Трепову бумагу, приблизительно слѣдующаго содержанія: рабочіе предъявили ко мнѣ рядъ требованій, изъ которыхъ одни я исполнилъ, другіе безъ суда исполнить отказался: такъ какъ они работать не пожелали, я уволилъ ихъ съ фабрики, предоставивъ имъ 2-хъ недѣльный срокъ для пріисканія работы и квартиръ. Срокъ подходитъ къ концу. Среди рабочихъ я замѣчаю волненіе, по двору фабрики шмыгаютъ какія-то темныя личности съ бумагами охраннаго отдѣленія. Доводя обо всемъ этомъ до свѣдѣнія В. П., имѣю честь предупредить, что за дальнѣйшее я слагаю съ себя всякую отвѣтственность. — Внизу выноска: Копія съ этой бумаги препровождается въ Министерство Финансовъ.

Треповъ, говорятъ, самъ явился на фабрику, наговорилъ Гужону дерзостей и грозилъ посадить его въ тюрьму за безпорядочное содержаніе фабрики, если онъ не уплатитъ рабочимъ 45 тыс. Гужонъ твердо стоитъ на своемъ: уплачу, если присудятъ по суду, а на дерзости пожаловался консулу. Полиція окончательно взяла рабочихъ подъ свое покровительство; Треповъ выдалъ имъ 6000 руб. Они наняли помѣщеніе для склада вещей, часть ихъ уѣхала на родину, другіе остались. Адвокаты предлагали третейскій судъ, но они отказались, сказавши, что они такого суда не знаютъ.“

Плоды „зубатовщины“.

Намъ пишутъ:

Какъ извѣстно, московская администрація въ лицѣ кн. Сергія и его присныхъ приняла сторону рабочихъ Гужона и другихъ и требовала отъ хозяевъ удовлетворенія ихъ требованій. Послѣ того, какъ жалобы отдѣльныхъ капиталистовъ въ Петербургъ не имѣли успѣха, московская биржа послала Витте заявленіе, въ которомъ говоритъ, что фабриканты принуждены будутъ закрыть фабрики, если дѣло не измѣнится. Они-де просятъ избавить ихъ отъ полицейской опеки и отъ цѣлой массы шпіоновъ и провокаторовъ, которымъ они должны платить громадное жалованье и которые только мѣшаютъ работѣ.

Для улаженія этихъ раздоровъ между полиціей и капиталистами новый министръ Плеве ѣздилъ въ Москву.

Майскій праздникъ въ Варшавѣ.

Полиція начала готовиться къ дню перваго Мая гораздо раньше самихъ рабочихъ, Уже съ ночи 3-4 апрѣля начались аресты и обыски среди польскихъ и еврейскихъ рабочихъ и интеллигентовъ, продолжавшіеся до 14-го апрѣля. Сколько было сдѣлано за это время обысковъ — сказать не могу, а арестовано около 200 человѣкъ. Большая часть арестовъ выпала на долю рабочихъ: революціонная интеллигенція здѣсь незначительна. Вскорѣ послѣ того были распространены по городу прокламаціи Польской Соціалистической Партіи, Польской Соціаль-демократической партіи, Бунда и комитетовъ Россійской Соціаль-демократической Рабочей Партіи. Съ 10-го числа стало распространяться въ громадномъ количествѣ экземпляровъ приглашеніе на демонстрацію. Оно не только попало на фабрики и заводы, но въ рабочихъ кварталахъ было разбросано и расклеено по улицамъ, а мальчишки даже прикалывали его къ одеждѣ прохожихъ. Въ виду крайне стѣсненнаго, благодаря кризису, положенія рабочихъ демонстрацію необходимо было назначить въ воскресенье, чтобы избѣжать хотя-бы и однодневной забастовки. Но слѣдующее за 1-мъ Мая воскресенье приходилось на 4-ое число, а въ этотъ день предполагалась патріатическая демонстрація по случаю годовщины польской конституціи (3-ье Мая). Поэтому демонстрація и была назначена на 14-ое апрѣля по ст. ст., т. е. въ самый день русской Пасхи. Въ этотъ день администраціей были приняты самыя энергичныя мѣры: всѣ общественные сады, выходящіе на Уяздовскую аллею (предполагаемое мѣсто демонстраціи) были закрыты для публики „по случаю ремонта“ на всю недѣлю 14-21 апр. Мокотовская застава, изъ за которой вошли въ городъ такъ удачно демонстрировавшіе два года тому назадъ рабочіе, была охраняема полиціей и за черту города изъ за заставы рѣшительно никого не пропускали; Прага точно также была отдѣлена отъ города. На всѣхъ улицахъ, пересѣкающихъ Уяздовскую аллею, стояла полиція и казаки и въ аллею пропускали только „избранныхъ“ .... Послѣ 6-ти часовъ вечера въ число этихъ избранныхъ попадали только военные.

Не смотря на всѣ эти мѣры, незначительное, впрочемъ, число рабочихъ проникло на Уяздовскую аллею, въ часть ея между площадью Св. Александра и Бенкной улицей. Въ этомъ же мѣстѣ собралась въ значительномъ количествѣ и не-рабочая публика — студенты, интеллигенты, гимназисты, женщины — сочувствовавшая демонстраціи. Не смотря на постоянныя убѣжденія высшихъ полицейскихъ чиновъ разойтись, не смотря на частые аресты отдѣльныхъ лицъ изъ числа собравшейся публики, не смотря на то, что среди нея ѣздили по-двое, по-трое казаки, безразлично, и по самой улицѣ и по папели и разгоняли публику нагайками — публика не расходилась съ 4 ч. до 7 ч. вечера. Лихачева (оберъ-полиціймейстеръ), Зейферта (полиціймейстеръ), Свинарскаго встрѣчали свистками и криками. Около 7 час. вечера на толпу были направлены чел. 50 казаковъ въ карьеръ, но почему то, не доѣзжая до толпы, свернули въ боковую Институтскую улицу и жестоко избили собравшуюся въ ней небольшую толпу человѣкъ въ 100. Вслѣдъ за ними уже прямо на толпу, собравшуюся на Уяздовской аллеѣ была направлена сотня казаковъ. Толпа, спасаясь, бросилась въ кондитерскую и ресторанъ Версаль... Казаки окружили кондитерскую и пытались верхомъ проникнуть на ея веранду, но были отбиты энергично защищавшимися чѣмъ попало осажденными. Казаки спѣшились, проникли въ кондитерскую изнутри и всѣ бывшіе тамъ (около 250 ч.) были арестованы и отведены въ кольцѣ изъ полиціи и казаковъ въ казармы Литовскаго полка. Остальную толпу стала тѣснить густая цѣпь полиціи, расположившаяся во всю ширину улицы и мало по малу вытѣснила толпу изъ Уяздовской аллеи на площадь Св. Александра. Здѣсь толпа собралась на паперти Александровскаго собора и не расходилась, не смотря на угрозы, до 9 ч. вечера. Толпа требовала, чтобы казаки не смѣли входить на паперть и поснимали передъ соборомъ шапки. Въ 9 час вечера толпа разошлась и тутъ на нее еще разъ напали съ нагайками казаки на углу улицы Новый Свитъ.

Часть рабочихъ собралась около 6 ч. вечера на углу Іерусалимской аллеи и Маршалковской улицы, собираясь идти вмѣстѣ на Уяздовскую аллею. Но здѣсь напала на нихъ полиція и казаки и всѣхъ загнали въ садъ Ульриха (противъ Вѣнскаго вокзала). Евреи рабочіе въ то же время собрались „за Желѣзной Брамой“ и пошли оттуда по Королевской улицѣ, желая проникнуть на Новый Свитъ и Уяздовскую аллею. У угла Маршалковской улицы на нихъ напали казаки и полиція и разогнали ихъ; впрочемъ нѣсколькимъ ихъ кучкамъ удалось дойти до памятника Мицкевича на Краковскомъ Предмѣстьѣ.

Въ общемъ демонстрація не удалась; толпа нигдѣ не держалась стойко, нигдѣ не давала значительнаго отпора полиціи.

Весь день, до поздняго вечера, по городу ѣздили усиленные патрули; а въ прилежащихъ къ мѣстамъ происшествій улицахъ въѣзжали на тротуары и разгоняли собравшіяся толпы.

Поздно вечеромъ всѣхъ арестованныхъ за этотъ день (14 апр,) разсортировали: около 150-170 человѣкъ задержали, а остальныхъ переписали о отпустили на свободу.

Всю Пасхальную недѣлю Варшава была неспокойна. 18-го числа снова были попытки устроить демонстраціи на улицахъ Новый Свитъ и Маршалковской. 21 и 22-го опять были попытки устроить патріотическія демонстраціи (годовщина польской конституціи) на тѣхъ-же улицахъ. Всѣ эти демонстраціи очень быстро были разсѣяны полицией и казаками, яростно пускавшими въ ходъ нагайки. Такъ, напр., 22-го на Маршалковскую улицу потребовали послѣ демонстраціи 15 каретъ скорой медицинской помощи.

Во всякомъ случаѣ неудачи этихъ дней нельзя приписать отсутствію солидарности и сознанія своихъ интересовъ среди здѣшнихъ рабочихъ. Слѣдующій случай показываетъ, наоборотъ, какъ сильно эти качества развиты: въ февралѣ мѣсяцѣ рабочіе одного изъ небольшихъ кожевенныхъ заводовъ (около 200 чел.) устроили стачку съ цѣлью повысить свой заработокъ. Разсчитывая на огромное количество безработныхъ, населяющее въ настоящее время Варшаву (работы здѣсь вездѣ сокращены почти на половину), хозяинъ разсчиталъ всѣхъ рабочихъ поголовно. Но безработные, которымъ онъ предложилъ работу, потребовали отъ него платы въ $1^1/_2$ раза больше той, которой добивались стачечники. Хозяинъ, понятно, уступилъ и принялъ назадъ своихъ прежнихъ рабочихъ, вполнѣ удовлетворивъ ихъ требованія.

Варшава, 25-го апрѣля 1902 года.

* * *

Въ Майской прокламаціи центральнаго управленія „Соціальдемократіи Царства Польскаго и Литвы“ говорится, между прочимъ:

„Рабочіе, товарищи! Никогда еще манифестація рабочаго класса въ день перваго Мая не имѣла такого значенія въ русскомъ государствѣ, какъ въ этомъ году. Наступило въ высшей степени важное время, требующее отъ васъ вполнѣ сознательнаго отношенія, всей энергіи, всего богатырскаго самоотверженія, доказательствъ котораго вы дали уже такъ много. Вѣдь приближается великій, историческій моментъ, когда предъ движеніемъ цивилизаціи и свободы рухнетъ дикій царскій абсолютизмъ. Вѣдь русскій рабочій классъ принялъ въ этомъ году настоящее революціонное крещеніе и все въ большихъ и въ большихъ массахъ вступаетъ въ борьбу съ нашимъ общимъ врагомъ — царскимъ правительствомъ....

Въ нынѣшнемъ году въ Россіи мы являемся свидѣтелями начала великой русской рабочей революціи, которая должна сперва покончить съ деспотическимъ правительствомъ, чтобы имѣть возможность потомъ справиться съ капиталистическимъ строемъ. Весь цивилизованный міръ удивляется теперь геройству русскихъ рабочихъ и революціонеровъ и ожидаетъ ихъ побѣды...

Польскіе рабочіе! Въ Россіи наступаетъ революція — и вы должны принять участіе въ этой революціи, направленной противъ правительства, которое является и вашимъ правительствомъ, въ этой революціи противъ дикости, которая свирѣпствуетъ и надъ вами, противъ гнета, который и васъ держитъ въ оковахъ! Борьба русскихъ рабочихъ должна быть и вашей борьбой, такъ какъ дѣло русскихъ рабочихъ и ваше дѣло!...

Польскіе рабочіе! Вы знаете кто вашъ врагъ и кто вашъ братъ. Вашъ врагъ — царскій абсолютизмъ и польско-русскій классъ капиталистовъ. Вашъ братъ — русскій революціонный рабочій классъ. И, какъ всегда, такъ и въ этомъ году, вы пойдете на майскую манифестацію, помня о томъ, что тамъ, гдѣ общій врагъ, — тамъ и общій лозунгъ: да здравствуетъ конституція! на здравствуетъ 8-ми часовой рабочій день! да здравствуетъ соціализмъ!“

Напротивъ того, въ прокламаціи Центральнаго Комитета „Польской Соціалистической Партіи“ нѣтъ ни слова о борьбѣ русскихъ рабочихъ, а призывъ польскихъ рабочихъ къ политической борьбѣ выраженъ словами: долой иго завоевателей (Precz z najazdem).

Изъ Вильны:

„Въ день 1-го Мая съ утра всѣ дворники дежурили у воротъ съ дубинками въ рукахъ. На каждомъ перекресткѣ въ наиболѣе оживленныхъ центрахъ, кромѣ городовыхъ, стояли также и околодочные надзиратели. Вообще весь городъ въ этотъ день принялъ какой-то особый видъ: не то праздничный, не то рабочій — словомъ, каждый какъ-бы ждалъ чего то. Интересно было наблюдать за прохожими въ этотъ день: всякій ходилъ, какъ-бы озираясь по сторонамъ; тихаго и мирнаго обывателя, повидимому, сильно смущало обиліе церберовъ и столь неожиданная бдительность полицейскихъ.

Въ $5^1/_2$ часовъ вечера Валь впереди полусотни казаковъ выѣхалъ осматривать „позиціи“. Проѣхавъ Большую и Нѣмецкую и, найдя все спокойнымъ, тутъ-же отдалъ нѣсколько распоряженій приставамъ и уѣхалъ. Демонстрація назначена была въ 8 часовъ на Нѣмецкой улицѣ; но въ виду того, что городъ былъ терроризованъ, разъѣзжавшими казаками, многіе думали, что въ этотъ день ничего ужъ не произойдетъ; тѣмъ не менѣе къ 7 часамъ стало собираться много народу.

Отправившись по Большой въ Пушкинскій скверъ и, прогулявъ тамъ нѣсколько разъ по главной аллеѣ, я къ 8 часамъ двинулся обратно на Большую. Въ скверѣ было сравнительно мало гуляющихъ, но на Большой тротуары положительно запружены народомъ. Главное — масса военщины и чиновниковъ всевозможныхъ вѣдомствъ. Полиціймейстеръ проѣзжалъ нѣсколько разъ по Большой и останавливался у сквера, но ничего пока еще не произошло. Дойдя до почты, я направился по Благовѣщенской, чтобы оттуда выйти какъ разъ во время на Нѣмецкую. Выйдя на Нѣмецкую улицу, я положительно былъ изумленъ: всѣ окна домовъ были раскрыты, балконы положительно черны отъ стоявшей на нихъ публики. Но вотъ наступаетъ $8^1/_2$ час. вечера. Полиціймейстеръ приказываетъ запирать всѣ магазины. На улицѣ показываются отдѣльные патрули (кромѣ полицейскихъ). Около Малаго театра выстраиваются человѣкъ 70 казаковъ, а за ними пѣхота. Пристава снуютъ и какъ будто разыскиваютъ кого-то.

Вдругъ изъ Еврейской улицы выскакиваютъ 3 смѣльчака. Одинъ съ краснымъ фонаремъ кричитъ: „Долой самодержавіе“, „Да здравствуетъ свобода“!

Но въ ту же минуту на него набросилось нѣсколько башибузуковъ: онъ былъ сбитъ съ ногъ и въ буквальномъ смыслѣ истерзанъ. Это послужило сигналомъ. Изъ толпы стали выходить лица съ красными флагами. Они моментально были схвачены и избиты, а затѣмъ отправлены въ полицію. Одного изъ нихъ убили: это столяръ — еврей, когда его привезли въ госпиталь Савичъ, онъ скончался. Вслѣдъ за этимъ изъ толпы стали выхватывать отдѣльныхъ личностей или просто рубили съ плеча.

Въ тотъ же вечеръ въ городскомъ театрѣ шла „Родина“. Въ серединѣ второго дѣйствія посыпались сверху въ публику разноцвѣтныя бумажки и прокламаціи съ надписями: „Поздравляемъ народъ съ праздникомъ 1-го Мая“. Публика оживленно стала собирать падавшіе сверху билетики себѣ на память. Валь былъ также въ театрѣ и къ нему въ ложу также попало нѣсколько такихъ „штучекъ“. Черезъ нѣсколько минутъ раекъ ужъ былъ оцѣпленъ и забрали человѣкъ 35.

На слѣдующій день къ тѣмъ, которые были арестованы на улицѣ примѣнили тѣлесное наказаніе. Это вполнѣ достовѣрный фактъ и это практиковалось не только у насъ, но и въ Ковнѣ, и въ Витебскѣ. Тѣ, которыхъ арестовали въ театрѣ сидятъ еще теперь въ полиціи, хотя нѣкоторыхъ уже выпустили, но по всей вѣроятности ихъ скоро всѣхъ освободятъ, такъ какъ на квартирахъ ничего не нашли. Общество сильно взбудоражено, особенно тѣмъ, что было примѣнено тѣлесное наказаніе — этимъ возмущены всѣ. Вообще поводовъ къ недовольству полицией за этотъ день было много.

Возбужденіе въ городѣ сильное. Въ общемъ при тѣхъ мѣрахъ, которыя принялъ мѣстный сатрапъ, демонстрацію можно считать удавшейся.“

* * *

Ниже читатель найдетъ сообщеніе о не менѣе возмутительномъ истязаніи рабочихъ въ Воткинскомъ заводѣ. Режимъ массоваго примѣненія розги, смѣнившій собой режимъ массоваго примѣненія казацкой нагайки, одновременно проявился на западѣ, на востокѣ и на югѣ Россіи, среди великорусскаго, малорусскаго и еврейскаго населенія...

Вполнѣ достойнымъ и при данныхъ условіяхъ неизбѣжнымъ отвѣтомъ явилось произведенное 5-го Мая покушеніе на жизнь фонъ-Валя. Радостное чувство сознанія, что безпримѣрное правительственное преступленіе не осталось безнаказаннымъ, омра-

---

*) Клокачевъ раньше былъ полиціймейстеромъ въ Воронежѣ и сейчасъ состоитъ подъ судомъ. Вотъ его дѣянія: заставлялъ писцовъ полицейскаго управленія расписываться въ полученіи большей суммы, чѣмъ выдавалъ (напр. выдавалъ 20 руб., а писцы расписывались въ 40 руб.). Полицейскихъ и пожарныхъ держалъ много меньше, чѣмъ значилось по его вѣдомостямъ, и полученную такимъ образомъ экономію, клалъ себѣ въ карманъ и. т. д.

чается у насъ только сожалѣніемъ, что покушеніе не вполнѣ удачно. Смѣлый мститель — Гиршъ Лекертъ — преданъ военному суду.

По поводу новаго подвига фонъ-Валя 4 виленскія соціалистическія организаціи издали прекрасно написанную прокламацію, въ которой разоблачаютъ имена всѣхъ негодяевъ, участвовавшихъ въ позорной расправѣ. По поводу-же покушенія на фонъ-Валя царь прислалъ „мученику“ розги сочувственную телеграмму. Цинизмъ коронованнаго идіота уже не можетъ удивлять кого-бы то ни было.

Нижегородскій Комитетъ сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія о майской демонстраціи въ Сормовѣ:

„Товарищи! Всѣ только и говорятъ о томъ, что произошло въ Сормовѣ 1-го мая. Что-же произошло тамъ? Дадимъ себѣ отчетъ въ случившемся и постараемся извлечь изъ него урокъ на будущее время. Много недовольства накопилось въ душѣ рабочихъ и не разъ это недовольство прорывалось наружу въ безпорядкахъ и разгромахъ. И на этотъ разъ дѣло не обошлось безъ разгрома. Въ 5 час. вечера толпа рабочихъ направилась къ заводской конторѣ и уничтожила тамъ разныя бумаги. Тоже произошло и въ канцеляріи пристава. Но вскорѣ на мѣсто происшествія явилась толпа сознательныхъ рабочихъ. „Что вы дѣлаете, говорили они, разгромомъ заводской конторы мы не добьемся ничего. Мы должны другими путями добиваться уничтоженія теперешняго несправедливаго порядка.“ Толпа послушались увѣщаній. Послѣ этого, сплотившись толпой, сознательные товарищи направились по Большой улицѣ съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ и съ красными знаменами, на которыхъ были выставлены требованія рабочихъ: Долой самодержавіе! Да здравствуетъ политическая свобода! Да здравствуетъ 8-ми часовой рабочій день!

Народъ сплошной толпой стоялъ по обѣ стороны улицы. Видъ демонстраціи такъ дѣйствовалъ на нее, что нѣкоторые, слыша стройное пѣніе, не могли удерживаться отъ слезъ. Были вызваны солдаты. Демонстранты вплотную подошли къ нимъ, и затѣмъ повернувшись назадъ, продолжали свое шествіе. Солдаты бросились за ними и начали разгонять толпу прикладами. Безоружные рабочіе должны были уступить. Только одинъ товарищъ остался до конца не выпуская изъ рукъ знамени. „Я не трусъ, и не побѣгу“, крикнулъ онъ, высоко поднимая знамя, и всѣ могли прочесть на немъ грозныя слова: Долой самодержавіе! Да здравствуетъ политическая свобода!

Товарищи! Кто изъ васъ не преклонится передъ мужествомъ этого человѣка, который одинъ, не боясь солдатскихъ штыковъ, твердо остался на своемъ посту. Мы никогда не забудемъ его примѣра, товарищи! И пусть всѣ твердо запомнятъ тѣ слова, что стояли на знамени. Примѣръ его возбудитъ въ насъ горячее, неудержимое желаніе до конца бороться за свободу. Выставимъ вновь наши требованія и пропоемъ свои пѣсни о свободѣ и мы твердо вѣримъ, что къ будущей демонстраціи присоединится большая часть рабочихъ. Итакъ, будемъ бороться до конца!

А пока предлагаемъ вамъ, товарищи, дѣлать сборы въ пользу арестованныхъ, пострадавшихъ за наше общее дѣло.“

Нижегородскій Комитетъ
Россійск. Соціаль-Демокр. Рабочей Партіи.

Въ самомъ Нижнемъ были 2 попытки устроить демонстрацію — обѣ неудачны.

Екатеринославъ. Въ прошлый разъ*) мы пытались охарактеризовать вамъ тотъ специфическій мѣстный колоритъ, въ какой окрасился у насъ всероссійскій усиленно-охранный режимъ, мы пытались показать вамъ, какъ цѣлое населеніе большого цвѣтущаго города очутилось беззащитнымъ на большой дорогѣ, гдѣ всякое отребье въ видимомъ или невидимомъ полицейскомъ мундирѣ, нежданно-негаданно оглушая васъ кистенемъ, васъ же волочитъ потомъ въ чащу-тюрьму за нарушеніе порядка на этой большой дорогѣ. Въ этомъ мѣстномъ колоритѣ, вполнѣ отражающемъ общій колоритъ современной россійской дѣйствительности, не доставало, однако, одного мазка.

То былъ нашъ періодъ до-демонстраціонный, а въ декабрѣ у насъ имѣла мѣсто первая открытая демонстрація, и тутъ наши мѣстные рыцари самодержавнаго кистеня, съ нашимъ сіятельнымъ губернаторомъ во главѣ, уже воочію и, такъ сказать, всенародно показали и показываютъ, что, собственно, на языкѣ самодержавія называется охраненіемъ „порядка“ и возстановленіемъ „порядка“.

Прежде всего солдатъ, отправляемыхъ на храбрый подвигъ, нашли нужнымъ подкрѣпить съ двухъ сторонъ, согласно двойной природѣ человѣка: съ одной стороны духовно-при содѣйствіи напутственной рѣчи изъ богобоязныхъ устъ православнаго попа, а съ другой матеріально, при содѣйствіи солидной чарки водки изъ царскаго кабака.

Съ своей стороны сіятельный губернаторъ нашелъ нужнымъ личнымъ примѣромъ поддержать бодрость своихъ пѣшихъ и конныхъ молодцовъ: въ его сіятельныхъ рукахъ гарцовала нагайка, ничѣмъ не отличавшаяся отъ нагаекъ „молодцевъ“ и большая публика воочію убѣдилась въ томъ кровномъ родствѣ, которое существуетъ между нагайкой и короной, будетъ ли то корона графская или царская.

Подготовительныя работы были закончены и всѣ приступили къ дѣлу. Собственно сомкнутой толпы демонстрантовъ, какъ это обыкновенно и бываетъ въ первый моментъ, не было. По бульвару проспекта, противъ губернаторскаго дома, какъ и по смежнымъ бульварамъ, въ неопредѣленномъ, но инстинктивно-напряженномъ состояніи ходила взадъ и впередъ большая толпа людей, въ которой помимо демонстрантовъ, полу-демонстрантовъ и всякаго рода робко сочувствующихъ, было много людей, которыхъ просто-на-просто заинтересовало это скопленіе солдатъ и городовыхъ съ губернаторской нагайкой во-главѣ. Когда раздалось требованіе очистить будьвары, затерроризованные обыватели сейчасъ-же, конечно, поспѣшили убраться. Но демонстранты и такъ или иначе примыкающіе элементы, инстинктивно сомкнувшись тѣснѣе, не обратили вниманія на это требованіе. Гарцнула ли раньше нагайка Келлера, а ужъ потомъ раздался многоголосый боевой кличъ „долой самодержавіе!“ причемъ надъ головами толпы развернулось нѣсколько знаменъ, или же дѣло происходило въ обратномъ порядкѣ, — установить было трудно. Во всякомъ случаѣ знакъ былъ поданъ, и средь бѣлаго дня ночная сцѣна на большой дорогѣ началась. Очевидно, по предварительнымъ наставленіямъ прежде всего оглушали студентовъ: бросится нѣсколько царскихъ мясниковъ на студента, оглушатъ его въ восемь-десять кулаковъ и выволакиваютъ за предѣлы бульвара, гдѣ лишь начинается настоящая бойня. Поднимаются вопли терзаемыхъ; толпа охваченная ужасомъ, бѣжитъ съ криками: „убили!“, но въ безпамятствѣ бѣжитъ какъ разъ въ ту сторону, гдѣ дѣйствуютъ разсвирѣпѣвшіе мясники, и получаетъ свою долю прикладовъ, кулаковъ или нагаекъ, не будучи, однако, задерживаема. Но вотъ въ этой же толпѣ показывается студентъ: его оглушаютъ и начинаютъ терзать. Вдругъ раздается нечеловѣческій визгъ какой-то женщины. Убѣгающая толпа, съ расширенными отъ двойнаго ужаса зрачками, на бѣгу же озирается назадъ и видитъ какую-то бѣгущую барышню со скрещенными на груди руками: ее хватили по груди нагайкой, которая разсѣкла теплую кофточку, платье, корсетъ и рубашку, оставивъ кровавый слѣдъ во всю грудь**). Какъ и всѣ ночныя сцены на большой дорогѣ, длящіяся для оглушеннаго путника цѣлую вѣчность все это было дѣломъ какихъ-нибудь 15-20 минутъ. Истерзанныхъ и изувѣченныхъ царскіе разбойники уволокли въ чащу-тюрьму, проспектъ обезлюдѣлъ, и „порядокъ“ былъ „возстановленъ“.

Въ городѣ тотчасъ же установилось убѣжденіе, что нѣсколько студентовъ убито. Если вы попробуете мысленно воспроизвести во всей полнотѣ бойню, о которой мы могли сказать только нѣсколько словъ, то вы поймете, что это убѣжденіе должно было показаться всѣмъ полной достовѣрностью. Къ счастью, это оказалось не такъ. Даже наиболѣе звѣрски истерзаннаго и бездыханно уложеннаго на тюремную койку студента Каргина привели въ чувство (правда послѣ неимовѣрныхъ усилій) три врача, которыхъ Келлеръ тотчасъ же прислалъ къ избитымъ въ тюремную больницу-камеру. Черезъ недѣлю его, какъ и многихъ другихъ выпустили, а недѣли черезъ три онъ совершенно оправился.

Одержавъ эту блестящую побѣду, храбрый генералъ поскакалъ въ Петербургъ за Георгіемъ, а тѣмъ временемъ въ Екатеринославъ присланы были двѣ сотни кубанскихъ казаковъ (гдѣ же тутъ, подумайте, справиться собственными силами?), которыхъ отъ времени до времени стали „проминать“ по всѣмъ улицамъ города, въ рабочихъ слободкахъ и на виду всѣхъ заводовъ: попробуй, дескать, шевельнуться. Откуда то вынырнула огромная масса ночныхъ сторожей, которыхъ снабдили дубинами въ человѣческій ростъ и которымъ вмѣнено было неукоснительно хватать всякаго „подозрительнаго“ прохожаго: это ночное по скифски организованное войско охраняетъ стѣны, заборы и просто мостовую отъ моря прокламацій и воззваній, циркулирующихъ какъ въ городѣ, такъ и въ рабочихъ кварталахъ. Одинъ-два примѣра покажутъ вамъ, какъ дѣйствуетъ эта ночная народная милиція.

Въ одинъ прекрасный день канцелярская мелюзга матеріальной службы Екат. Жел. Дор. была поражена необыкновеннымъ случаемъ: пробыло десять часовъ, а одного изъ ихъ сослуживцевъ все нѣтъ какъ нѣтъ, между тѣмъ какъ всѣмъ извѣстно, что онъ приходилъ чуть-ли не въ восемь и что даже праздничные дни онъ, звѣрски скучая дома, за своимъ правленскимъ перышкомъ проводитъ на своемъ мѣстѣ въ управленіи. Никому, конечно, и въ голову не могло прійти, что въ жизнь этого бѣднаго Акакія Акакіевича ворвалась усиленно-охранная волна, а между тѣмъ дѣло такъ именно и обстояло. Вышелъ себѣ вечеромъ сей Акакій Акакіевичъ погулять по проспекту и, охваченный быстрой пульсаціей проспектной жизни, рѣшилъ себѣ пиръ на оба пяти алтынныхъ, которые имѣлись у него въ карманѣ. Купилъ себѣ у Метцгера полфунта колбасы, купилъ въ кондиторской вкусныхъ пирожковъ, далъ и царю поторговать за осьмушку и напередъ предвкушая столь рѣдкія въ его жизни лукулловскія наслажденія направился домой, въ одну изъ окрайныхъ улицъ города (Короткая). Случаю угодно было, что-бы несовершенство человѣческой организаціи вынудило его остановиться у одного изъ заборовъ своей улицы. Моментально его шиворотъ очутился въ чьихъ-то дюжихъ рукахъ, передъ его смертельно испуганными глазами выросла огромная дубина, а въ оглушенныхъ ушахъ раздался свирѣпый окрикъ: „что дѣлаешь?“ Какъ ни ошалѣлъ бѣдняга, какъ ни давилъ его шею стянутый шиворотъ, онъ все-же сообразилъ, что это не босякъ съ пристани, а босякъ изъ ночной царской охраны. На раздавшійся свистокъ моментально прискакалъ городовой и мнимаго расклеивателя прокламацій поволокли въ участокъ, гдѣ снабдивъ его шею на ночь парой здоровенныхъ, чисто царскихъ „лещей“, его самаго бросили въ какую-то затхлую яму. Весь слѣдующій день онъ отлеживалъ свой испугъ дома, и вотъ почему его мѣсто въ канцеляріи такъ уныло и такъ непривычно пустовало въ этотъ день.

А вотъ шныряетъ босякъ по пристани цѣлый день, ничего не промыслилъ и, не солоно хлебавши, направился вечеромъ въ ночлежный домъ. Вдругъ онъ увидѣлъ на мостовой бѣлѣющій листъ бумаги, очевидно кѣмъ-то утерянный. Поднялъ босякъ бумагу и поднесъ къ ближайшему фонарю: бумага не грязная, и даже пыли на ней нѣтъ. И вотъ онъ вынулъ изъ-за пазухи свой полуисклокоченный паспортъ, тщательно укуталъ его поднятой бумагой и ехидно думаетъ себѣ: ну, теперь „идолы“ при обмѣнѣ паспорта ужъ не станутъ глумиться надъ нимъ, что, молъ, достается, видно, на пристани не только его шеѣ, но и его паспорту, что онъ всегда въ двадцати клочкахъ. Но не успѣлъ онъ еще вызвать въ своемъ воображеніи „идоловъ“, которыхъ онъ собирался оставить въ дуракахъ, какъ два дѣйствительныхъ идола оглушили его буквально тѣмъ же манеромъ, какъ и правленскаго Акакія Акакіевича. „Вашскобродъ“ докладываютъ въ участкѣ дежурному надзирателю царскіе ястребы: „вотъ... листки... бросаетъ!“ Босяка обыскиваютъ и оказывается, что паспортъ завороченъ въ прокламацію. „Тр-р-рахъ! Тр-р-рахъ! Тр-р-рахъ!“ Поблагословили, бросили въ яму, а на другое утро предали жандармамъ въ тюрьму.*) Дѣло длилось цѣлую недѣлю, абсолютно безграмотнаго босяка терзали, терзали, пока, наконецъ, и Делло увидѣлъ, что на сей разъ россійское самодержавіе внѣ опасности. Такъ чѣмъ же вы тутъ не ночью въ темномъ лѣсу подъ ежеминутными взмахами кистеня?

Въ Петербургѣ Келлеръ за свое декабрьское геройство получилъ, какъ и слѣдовало ожидать, личную царскую благодарность и поощреніе; но, вернувшись къ своему посту, узналъ между прочимъ, что въ научномъ обществѣ противъ него составился комплотъ. Нашлась тамъ группа, которая задумала освободить общество отъ его почетнаго пресѣдательства, для чего необходимо было свергнуть весь распорядительный комитетъ, съ молодымъ, но экзотически раннимъ, профессоромъ химіи (онъ же инспекторъ студентовъ) Куриловымъ во главѣ. „Посмотримъ“, сказалъ Келлеръ, и въ ближайшее засѣданіе общества наука имѣла наслажденіе увидѣть въ своей тихой пристани нетолько его самаго, но и почувствовавшихъ неодолимую жажду напиться изъ ея свѣтлаго источника приставовъ и околодочныхъ. Комплотъ, конечно, умеръ отъ апоплексическаго удара.

Приближалось 19 февраля. Въ воздухѣ и въ прокламаціяхъ опять запахло демонстраціей, и Келлеръ довольно быстро сталъ вводить что-то въ родѣ осаднаго положенія. Казаковъ уже „проминали“ раза два-три въ день, а рабочихъ все туже и туже стали держать въ ихъ рабочемъ гетто, ставя имъ всяческія препятствія проникнуть въ городъ. Когда же онъ вдругъ узналъ, что демонстрація придвинута на 17-число, то онъ уже поступилъ совсѣмъ по военному времени. 16 числа изъ Нижне-Днѣпровска черезъ днѣпровскій мостъ пропускали въ городъ только женщинъ на базаръ, а сухопутную границу (со стороны Брянскаго и другихъ заводовъ) совсѣмъ заперли конной и пѣшей полицией. Впрочемъ, кое-кто изъ Нижнеднѣпровскихъ рабочихъ напали на счастливую мысль: одѣлись бабами и проникли таки въ городъ. Полиція узнала объ этомъ и 17-го утромъ стала пропускать на базаръ бабъ только послѣ самаго безцеремоннаго „ощупыванія“. Тогда рабочіе рѣшили попытать счастья на лодкахъ. Моментально появился крейсирующій пароходикъ, съ бортовъ котораго полиція объявила, что она немедленно и даже безъ второго окрика пуститъ ко дну каждую лодку, которая осмѣлится выѣхать на рѣку.

Прибавьте къ этому, что съ 16-го на 17-ое число, Делло арестовалъ въ городѣ массу публики, и вы поймете, что, дѣйствительно, происходившія 17 и 18-го демонстраціи были до крайности урѣзаны. Не обошлось безъ бойни и эти дни, но въ памяти еще слишкомъ жива была декабрьская бойня, что-бы обратить особое вниманіе на новую. Тѣмъ удачнѣе прошла демонстрація въ прилегающей къ Брянскому заводу слободѣ, которая тоже отрѣзана была Келлеромъ отъ города. Здѣсь ряды рабочихъ со знаменами, приготовленными для шествія по городу, стройно прошлись при крикахъ „долой самодержавіе!“ передъ самимъ носомъ ошарашенной, но немногочисленной полиціи, — прошлись по всѣмъ четыремъ Чечеловкамъ (улицы) и къ нимъ безпрепятственно присоединялись выбѣгавшіе изъ своихъ квартиръ рабочіе и даже ихъ жены.

Послѣ 17 и 18-го городъ уже очутился въ настоящемъ осадномъ положеніи. Повсюду пѣшая и конная полиція, которая угрожаетъ нагайкой даже дѣтямъ, собравшимся въ кучку поиграть, и тѣ бѣгутъ, куда глаза глядятъ. Куда вы ни оглянитесь, передъ вами, словно изъ подъ земли какіе-то полуоборванные, съ совершенно дикими лицами и съ нагайками за поясомъ кубанцы способные вызвать въ васъ кошмаръ нашествія фиджійцевъ. Такъ и кажется, что вотъ-вотъ раздастся: „въ нагайки!“ и эти фиджійцы не оставятъ кости на кости. Передъ воротами двора губернскаго правленія (въ центрѣ проспекта) и въ самомъ дворѣ стоитъ кучками батальонъ солдатъ съ боевыми сумками, а въ глубинѣ двора грозно торчатъ штыки поставленныхъ въ козлы ружей. Бульвары, обыкновенно съ шести часовъ вечера кишащіе беззаботной публикой, теперь въ этотъ же часъ мертвенно пусты, а люди, нервно озираясь и словно чувствуя за спиной готовую ошарашить ихъ нагайку, пробираются по тротуарамъ и, кажется, только и думаютъ о томъ, какъ-бы поскорѣй добраться до дому. И въ такомъ тягостно-напряженномъ состояніи держали городъ всю масляную недѣлю.

А въ это время безпрерывно переливается волна обысковъ и арестовъ, причемъ даже знаменитой лапласовской головѣ врядъли бы понятны были хотя бы самыя элементарныя ихъ основанія; развѣ только остановиться на принципѣ „черезъ десятаго“.....

Если вѣрно, что для плохого правительства самый плохой моментъ наступаетъ тогда, когда оно начинаетъ исправляться (а „сердечное“ исправленіе Ванновскаго вѣдь лишній разъ подтвердило эту истину), то лучшимъ ли для него является моментъ, когда на ряду со жгучимъ негодованіемъ оно вызываетъ и невольный смѣхъ? Поживемъ — увидимъ.

Городъ Кременчугъ вполнѣ оправдываетъ на себѣ извѣстный афоризмъ Маркса: „мы страдаемъ не столько отъ развитія капитализма, сколько отъ его недостаточнаго развитія“. Крупное производство здѣсь мало развито и преобладающей формой промышленности является ремесло, если же и имѣются фабрики, то по условіямъ производства и господствующимъ на нихъ формамъ эксплоатаціи труда онѣ мало отличаются отъ ремесленныхъ заведеній. Здѣсь можно встрѣтить фабрики, на которыхъ рабочій день продолжается 14-15 час. въ сутки, заработная плата крайне низка. Въ видѣ исключенія можно упомянуть о нѣкоторыхъ табачныхъ фабрикахъ, лѣсопилкахъ, чугунно-литейныхъ заводахъ, желѣзнодорожномъ депо и паровозостроительномъ заводѣ въ посадѣ Крюковѣ, капиталистическій характеръ которыхъ обнаруживается гораздо болѣе рѣзкими чертами. До самаго послѣдняго времени мѣстное рабочее движеніе ограничивалось почти исключительно ремесленнымъ слоемъ населенія, преимущественно евреями, и внѣшними проявленіями хроника здѣшней борьбы не была богата; изрѣдка на фонѣ сѣрой дѣйствительности появлялась прокламація или возникала мелкая стачка, что нѣсколько нарушало мирный сонъ обывателей и тревожило покой нашихъ церберовъ, которые, какъ бы спросонья, начинали метаться изъ стороны въ сторону, производить повальные обыски, арестовывать ни въ чемъ неповинныхъ людей, не брезгуя даже дѣтьми.

Переживаемый въ настоящее время Россіей революціонный Sturm und Drang (буря и натискъ) отразился и на нашемъ движеніи. За послѣднее время среди здѣшнихъ рабочихъ какъ ремеслъ, такъ и фабрикъ, замѣтенъ подъемъ революціоннаго духа и развитіе политическаго самосознанія; движеніе мало по малу начинаетъ охватывать широкіе круги фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ, насчитывающихъ въ своихъ рядахъ не мало русскихъ; спросъ на легальную и нелегальную литературу растетъ очень быстро; съ особеннымъ интересомъ читаются „Искра“ и „Южный Рабочій“, всякія свѣдѣнія о происходящихъ въ послѣднее время демонстраціяхъ схватываются на лету и съ необычайнымъ энтузіазмомъ передаются другъ другу.

Мѣстное общество также начинаетъ обнаруживать нѣкоторый интересъ и сочувствіе къ революціонному движенію. Такъ напр., разосланныя здѣшнимъ Комитетомъ печатныя прокламаціи „Къ обществу“ Харьковскаго Комитета произвели большое впечатлѣніе; нѣсколько дней послѣ этого только и разговору было, что о нихъ. Въ нѣкоторыя общественныя учрежденія (Городскую Управу, Земскую Больницу) явилась полиція и потребовала у нѣкоторыхъ служащихъ (членовъ управы, врачей) выдачи прокламаціи. Многіе отказались это сдѣлать, хотя нѣкоторые и вернули ее.

Незадолго до 19-го февраля по городу разнеслись слухи о предполагающейся, будто-бы демонстраціи; многіе обыватели представляли себѣ послѣднію не иначе какъ въ видѣ бунта или еврейскаго погрома и потому въ этотъ день опасались появляться на улицѣ, пускать дѣтей своихъ въ школы и гимназіи; возбужденіе росло по мѣрѣ того, какъ становилось извѣстнымъ, что для предупрежденія или подавленія демонстраціи полиціей предпринимаются чрезвычайныя мѣры; дѣйствительно, войскамъ заранѣе были розданы боевые патроны, въ нѣкоторыхъ казармахъ офицеры разъясняли солдатамъ, какъ стрѣлять въ толпу; въ день 19-го февраля въ разныхъ концахъ города были спрятаны отряды солдатъ; по городу вплоть до конца масляницы ходили патрули, главныя улицы были сплошь усѣяны полицейскими и шпіонами; мостъ, соединяющій Кременчугъ съ Крюковымъ, былъ оцѣпленъ солдатами и сообщеніе прервано. Населеніе было крайне взволновано, и, казалось, не доставало лишь искры, чтобы вспыхнуло пламя... Тѣмъ не менѣе Комитетъ считалъ преждевременнымъ вызывать рабочихъ на демонстрацію, такъ какъ въ силу недостаточныхъ связей съ заводскими рабочими она могла носить неорганизованный характеръ и, принимая во вниманіе низкій уровень развитія большинства рабочихъ и отсутствіе интеллигенціи, могла легко принять нежелательный характеръ бунта или погрома. Въ этотъ день были лишь распространены прокламаціи Цент. Комитета объедин. организ. юга Россіи и различнаго содержанія листки. Понятно, полиція послѣ этого удвоила свою бдительность и стала всюду искать крамолу. Такъ недавно она съ шумомъ и трескомъ накрыла нѣсколько невинныхъ вечеринокъ носившихъ исключительно танцовально-увеселительный характеръ, причемъ на одной были переписаны всѣ присутствовавшія на ней, главнымъ образомъ, гимназистки 6-7 класса; что касается другой облавы, то ея исторія такова по случаю еврейскаго праздника „Пуримъ“ дѣти-подростки (12-16 лѣтъ) ставили въ частномъ домѣ пьесу Шиллера „Разбойники“. Передъ самымъ началомъ спектакля врывается полиція въ необыкновенномъ количествѣ (2 пристава съ помощниками и 6 полицейскими, а къ концу и самъ полиціймейстеръ) обыскиваютъ всѣхъ, въ видѣ вещественныхъ доказательствъ отбираютъ декораціи, оружіе, костюмы, деньги и т. д. Двоихъ изъ участниковъ конвой полицейскихъ ведетъ въ участокъ, гдѣ ихъ задерживаютъ на сутки. На слѣдующій день въ участкѣ собирается грозный судейскій трибуналъ изъ всѣхъ Кременчугскихъ держиморды, во главѣ съ полиціймейстеромъ, туда же призываются всѣ дѣти, которыя подвергаются допросу отъ 4 час. дня до 12 час. ночи; полицію крайне смущаетъ названіе пьесы (Разбойники) и найденное у артистовъ (правда деревянное) оружіе: очевидно дѣти являются агентами какой-то революціонной партіи и къ этому сводится весь допросъ, полиція то ласками, то угрозами требуетъ у дѣтей назвать эту партію. Нѣкоторыя дѣти плачутъ, но большинство держится съ сознаніемъ собственнаго достоинства; такъ напр., когда полиція врывается въ „театръ“ и приставъ обращается къ „артистамъ“ съ вопросомъ, кто изъ нихъ главный участникъ, одинъ карапузъ выступаетъ впередъ и мужественно восклицаетъ: „берите меня, я участникъ!“ Во время допроса приставъ предлагаетъ одной гимназисткѣ назвать ему фамиліи всѣхъ ея товарокъ-соціалистокъ, обѣщая въ награду за это потушить дѣло о спектаклѣ. Чѣмъ кончится весь этотъ фарсъ, неизвѣстно. „Все это было бы смѣшно, когда бы не было такъ грустно“.

13 Марта по городу были распространены въ количествѣ 1200 экземп. прокламаціи: „Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ Кременчуга и Крюкова“, боевого политическаго характера, въ которыхъ были выставлены требованія свободы слова, печати, собраній, гарантіи неприкосновенности личности и созыва народ

---

*) См. номеръ 12 „Искры“.

**) Въ послѣдствіи выяснилось, что это француженка, невѣста одного изъ студентовъ, котораго оглушили и начали терзать. Храбрая француженка было бросилась спасать своего жениха, но ее звѣрски хватили нагайкой и, наступая на нее верхами, заставили бѣжать.

*) Тамъ онъ и разсказалъ свою напасть нашимъ товарищамъ, въ камеру которыхъ онъ попалъ.

ныхъ представителей въ парламентъ. Прокламаціи произвели довольно сильное впечатлѣніе на рабочихъ; къ сожалѣнію, значительная ихъ часть попала въ руки полиціи. Недавно здѣсь произошла стачка портныхъ (18 чел.) окончившаяся полной побѣдой рабочихъ.

Профессорскіе нравы.

(Корресп. изъ Кіева).

„Профессора — не сало для мышеловокъ!“ — за эту точную, какъ математическая формула, фразу получилъ въ министерствѣ нагоняй Кіевскій профессоръ физики Шиллеръ. Однако, этотъ точный въ предѣлахъ своей науки профессоръ и его почтенные коллеги съ большимъ правомъ могли-бы выставить лозунгомъ своей дѣятельности за текущій семестръ формулу: „профессора — сало для мышеловокъ“. Что заставляло ихъ, въ самомъ дѣлѣ, читать во что-бы то ни стало лекціи и всѣми силами содѣйствовать сыску?

Поѣздка въ Петербургъ трехъ профессоровъ — „делегатовъ“ воочію доказала вздорность какихъ-либо надеждъ на „реформы Ванновскаго“. Мечты Кіевскихъ профессоровъ объ „особомъ совѣщаніи“ министра съ представителями всѣхъ университетовъ, надежды ихъ на „профессорскій съѣздъ“ разлетѣлись, какъ дымъ передъ суровой дѣйствительностью: вызваны были профессора только изъ Кіева, причемъ 2-ое изъ нихъ для выговора за ихъ несогласіе съ товарищемъ министра (теперь министромъ) Зенгеромъ, сторонникомъ политики мышеловокъ. Министръ на всѣ заявленія о необходимости автономіи университета неуклонно отвѣчалъ, что онъ — противъ автономіи*) и считаетъ необходимымъ замѣщать должность ректора по назначенію; вся причина упорства безпорядковъ заключается — де въ его — министра, неосвѣдомленности и отсутствіи у него энергичныхъ сотрудниковъ въ учебной администраціи. На замѣчаніе профессора князя Трубецкого, что автономія только въ томъ случаѣ будетъ дѣйствительнымъ средствомъ противъ студенческихъ безпорядковъ, если административныя власти будутъ лишены возможности вторгаться въ университетскую жизнь, министръ заявилъ, что всѣ полицейскія мѣры предпринимаются лишь съ его согласія; отвѣтомъ на это заявленіе послужилъ пріѣздъ черезъ 2 дня изъ Москвы того-же князя Трубецкого съ братомъ его — профессоромъ Московскаго университета, который къ изумленію генерала разсказалъ ему, какъ наканунѣ ихъ отъѣзда увезено изъ Москвы по направленію въ Вяткѣ 2 вагона съ запертыми въ нихъ 60-ю студентами. Какія безобразія учиняетъ въ томъ императорскомъ заведеніи, который называется университетомъ, самъ министръ, какія — жандармерія, трудно разобрать.

Во всякомъ случаѣ поѣздка профессоровъ имѣла два осязательныхъ результата: 1) для нихъ вполнѣ выяснилось, что обѣщанія коренной реформы съ опросомъ въ лѣтніе мѣсяцы прошлаго года совѣтовъ всѣхъ университетовъ — политическій обманъ, 2) профессора Кіевскаго университета получили право рѣшать вопросъ о закрытіи университета. Но профессора не захотѣли, закрывши университетъ, присоединиться къ требованіямъ студенчества. Они затѣяли подлую травлю своихъ болѣе честныхъ учениковъ и добились того, что университетъ закрытъ только на половину.

Университетъ по рѣшеніямъ совѣта въ теченіе февраля и половины марта открывался и закрывался, занятія не шли. Профессора съ помощью инспекціи вылавливали обструкцію, всячески препятствуя выраженію общаго мнѣнія. Профессора Политехническаго института за ихъ открытый, математически точный, образъ дѣйствій, основанный на подсчетѣ студенческаго большинства, признаннаго теперь даже „временными правилами“, подвергались не меньшей травлѣ со стороны своихъ университетскихъ коллегъ, чѣмъ студенты. Студентовъ послѣ закрытія университета впускали только по билетамъ постепенно, начиная со старшихъ курсовъ. Массовое дѣйствіе было невозможно, и въ это время инспекція ловила болѣе смѣлыхъ единичныхъ забастовщиковъ. Такъ стараніями г. г. профессоровъ въ разное время уволено около 100 студентовъ, часть которыхъ кромѣ того попала въ тюрьму за обструкцію.

Университетъ былъ закрытъ 5-го февраля, 4-го марта открытъ и въ тотъ — же день закрытъ; затѣмъ — открытъ 7-го, чтобы послѣ энергичной обструкціи ворвавшейся безъ билетовъ съ пѣснями толпы студентовъ, быть закрытымъ съ 9-го по 18-ое марта. Профессора рѣшили тутъ на дикую массовую мѣру, — исключить всѣ первые курсы — около 600 человѣкъ безъ опроса ихъ, безъ подсчета даже большинства, хотя-бы курсовыми сходками. Для вторыхъ курсовъ университетъ закрытъ до осени. Нечего и говорить, что теперь лекціи шли лишь соединенными силами „оппозиціи“, собиравшейся „изъ принципа“ со всѣхъ факультетовъ на какую-нибудь лекцію. Въ теченіе недѣли съ лишкомъ съ 18-го марта университетъ оцѣплялся полиціей, на парадной лѣстницѣ науколюбивыхъ юношей встрѣчали толпы шпіоновъ-педелей, контролировавшихъ билеты; на площади, какъ на парадѣ, дефилировали колонны городовыхъ (наряда 3-4 по 80 чел.) съ десятками околоточныхъ, прогуливались казацкіе офицеры, сотни которыхъ спрятаны были по сосѣднимъ дворамъ. Самъ полиціймейстеръ съ помощниками мобилизировали силы. Тротуары полны были студентами, освистывавшими шедшихъ на лекціи профессоровъ. Нѣкоторые изъ послѣднихъ (г. Челпановъ) уходили изъ „храма науки“ задворками. Большинство старшихъ курсовъ (юристы 4-го, медики 3-го и 4-го, естественники 4-го) рѣшили прекратить занятія, нѣкоторые изъ нихъ проводили свое рѣшеніе обструкціей, но энергія „добронравной“ оппозиціи и г. г. профессоровъ, привела къ тому, что на старшихъ курсахъ теперь уже, къ самому концу учебнаго года, лекціи идутъ. Такъ, на одномъ курсѣ поднятъ былъ четырьмя студентами вопросъ о забастовкѣ, тою-же ночью трое изъ нихъ арестованы — „по поклепу ихъ-же коллегъ“, какъ объяснилъ жандармскій офицеръ. Г. Морозовъ одинъ изъ „порядочныхъ“ до сихъ поръ въ Кіевѣ профессоровъ увелъ на дняхъ меньшинство 3-го курса медиковъ отъ обструкціи большинства и заперся съ нимъ въ другой аудиторіи на ключъ; тѣмъ временемъ забастовщиковъ переписали. Вполнѣ оправдалась, отнынѣ не менѣе знаменитая, чѣмъ самъ проф. Сикорскій, фраза его: „пусть въ университетѣ останется 25 студентовъ, а всетаки наука будетъ процвѣтать!!“ Надо было слышать подленькій, хамскій смѣхъ, которымъ сопровождалось это изрѣченіе Кіевскаго науколюбца, предсѣдательствующаго въ попечительствѣ о неимущихъ студентахъ и участвующаго во многихъ мѣстныхъ филантропическихъ обществахъ. Много подобныхъ образцовъ фарисейскаго цинизма можно было-бы привести для характеристики профессорскихъ нравовъ. Вотъ какими правдивыми и сильными словами характеризуютъ своихъ наставниковъ сами студенты: (см. прокламацію Кіевскаго Союзнаго Совѣта отъ 26-го марта). Обрисовавъ типъ студента — Молчалина и карьериста, — вполнѣ опредѣлившійся въ студенческой средѣ, Кіевскій Союзный Совѣтъ восклицаетъ: „И въ эту то трудную минуту, переживаемую студенчествомъ, профессора только разжигаютъ дикія страсти, вызываютъ низменные инстинкты. Люди изгоняются сотнями изъ университетовъ, томятся въ тюрьмахъ, ссылаются въ Сибирь, а наши наставники, нравственный обликъ которыхъ долженъ быть примѣромъ для подражанія, идутъ читать лекціи въ зловонныя (отъ вонючихъ газовъ) аудиторіи. Къ рабамъ можно относиться съ состраданіемъ, но лакей вызываетъ презрѣніе. Вашъ же поступокъ вполнѣ лакейскій: подвергаясь оскорбленіямъ, вы имѣли-бы вполнѣ основательныя причины не читать лекцій и не вызывать новыхъ жертвъ. Вы же предпочли подъ охраной нагаекъ просвѣщать своихъ достойныхъ питомцевъ. Вы трусливо забѣгаете впередъ и падаете ницъ передъ правительствомъ, осквернившемъ себя кровью замученныхъ жертвъ. Вы закрываете и открываете университетъ, чтобы парализовать наши силы, вы играете съ нами въ кошку и мышку, изобрѣтаете различные шахматные ходы, чтобъ дать намъ матъ. Тѣ подленькія чувства, которыя дремали-бы на днѣ души многихъ студентовъ изъ оппозиціи, вы вызываете къ жизни, облекаете въ плоть и кровь. Вы производите провокаторовъ и шпіоновъ среди студенчества, развиваете самыя дурныя чувства и, если нравственный уровень части студенчества понизился и понижается, то въ этомъ виноваты вы. Во что обратился университетъ? — Въ полицейскій застѣнокъ, въ отдѣленіе жандармскаго управленія. Тамъ больше шпіонятъ и провокаторствуютъ, чѣмъ занимаются. Товарищъ хватаетъ за бортъ товарища, отнимаетъ у него билетъ. Самое дѣятельное участіе въ университетской жизни принимаютъ теперь субъинспектора и педеля, и ваши-же лекціи служатъ шпіонскимъ цѣлямъ,*) чтобы можно было выловить обструкціонистовъ и отличить благонравныхъ. И послѣ этого вы смѣете говорить о чистотѣ науки! Наука, защищаемая штыками, покупаемая цѣной массовыхъ увольненій, развивающая предательство, такая наука-чистая, святая!?.. Прежде чѣмъ учить насъ о томъ, что наука должна быть свободна отъ политики, — освободите вы сами науку отъ вашей политики, — политики преступленія, позора и предательства, освободите себя отъ мелкихъ побужденій, отъ рабскихъ чувствъ, отъ полицейскихъ интересовъ, ничего общаго ни съ чистотой, ни съ наукой не имѣющихъ“.

Рвеніе г. г. профессоровъ на почвѣ умиротворенія студентовъ путемъ ихъ полицейской фильтраціи и политическаго развращенія объясняется словами проф. Сикорскаго, произнесенными также. какъ и предыдущія публично и заслуживающія того, чтобы быть опубликованными. Признавая вмѣстѣ съ проф. Морозовымъ, что „временныя правила“ Ванновскаго — „шагъ назадъ“ и, вмѣстѣ съ тѣмъ навязывая ихъ студенчеству, онъ сказалъ:

„Недовольство навѣвается на васъ извнѣ агитаторами. Соціализмъ, какъ сифилисъ, губитъ много молодыхъ людей“...

Лучшихъ слугъ, чѣмъ Кіевскіе профессора, нашему дикому, тупому самовластью, — не надо.

*) Вотъ объясненіе, которое далъ въ Петербургѣ жандармъ родственнику одного старосты: „господа старосты вели себя очень неосторожно и откровенно высказывались въ бесѣдахъ съ профессорами“ (см. изд. „Кассы Радикаловъ“ отъ 11-го марта).

*) Профессоръ Сикорскій, извѣстный типъ хамелеона, сравнивалъ передъ студентами опросъ совѣтовъ и „реформу“ Ваннов скаго съ историческимъ лѣченіемъ Алексѣя Михайловича, когда опрашивали многихъ врачей, а затѣмъ ихъ писанныя мнѣнія передавали думнымъ боярамъ, которые, уставя брады свои, и назначали лѣченіе по своему.

Академія наукъ и М. Горькій,

Намъ присланъ слѣдующій интересный документъ:

„А. Н. Веселовскому (предсѣдателю 11 Отд. Академіи Наукъ).

Глубокоуважаемый
Александръ Николаевичъ.

Въ концѣ прошлаго года я получилъ приглашеніе участвовать въ выборахъ по Отдѣл. Русскаго языка и Словесности и Разряду Изящной Словесности и, слѣдуя этому приглашенію, подалъ свой голосъ, между другими, и за А. М. Пѣшкова (Горькаго), который былъ избранъ и, какъ мнѣ извѣстно, получилъ обычное въ такихъ случаяхъ извѣщеніе о выборѣ.

Затѣмъ въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ и всѣхъ русскихъ газетахъ напечатано объявленіе „отъ Академіи Наукъ“, въ которомъ сообщалось, что, выбирая А. М. Пѣшкова — Горькаго, мы не знали о фактѣ его привлеченія къ дознанію по 1035 ст. и, узнавъ объ этомъ, какъ бы признаемъ (самй) выборы недѣйствительными.

Мнѣ кажется, что, учавствуя въ выборахъ, я имѣлъ право быть приглашеннымъ также къ обсужденію вопроса объ ихъ отмѣнѣ, если эта отмѣна должна быть произведена отъ имени Академіи. Тогда я имѣлъ бы возможность осуществить свое неотъемлемое право на заявленіе особаго къ этому предмету мнѣнія, такъ какъ, подавая свой голосъ, зналъ о привлеченіи А. М. Пѣшкова къ дознанію по политическому дѣлу (это извѣстно очень широко) и не считалъ это препятствіемъ для его выбора. Мое мнѣніе можетъ быть ошибочно, но и до сихъ поръ оно состоитъ въ томъ, что Академія должна сообразоваться лишь съ литературной дѣятельностью избираемаго, не справляясь съ негласнымъ производствомъ посторонняго вѣдомства. Иначе самый характеръ академическихъ выборовъ существенно искажается и теряетъ всякое значеніе.

Выборы почетныхъ академиковъ по существу своему представляютъ гласное выраженіе мнѣнія Академіи о выдающихся явленіяхъ родной литературы. Всякое мнѣніе, по своей природѣ, имѣетъ цѣну лишь тогда, когда оно независимо и свободно. Отмѣнѣ или ограниченію могутъ подлежать лишь формы его обнаруженія и его послѣдствія, но не самое мнѣніе, которое, по природѣ своей, чуждо внѣшнему воздѣйствію. Только я самъ могу правильно изложить мотивы моего мнѣнія и измѣнить его, а тѣмъ болѣе объявить объ этомъ измѣненіи. Всякая человѣческая власть кончается у порога личной совѣсти и личнаго убѣжденія. Даже существующіе у насъ законы о печати признаютъ это непререкаемое начало. Цензурѣ предоставлено право остановить оглашеніе того или другого взгляда, но законъ воспрещаетъ цензору всякія посторонніе вставки и заявленія отъ имени автора. Мнѣ горько думать, что объявленію, сдѣланному отъ имени Академіи, суждено, впервые, кажется, ввести прецедентъ другого рода, передъ сущностью котораго совершенно блѣднѣетъ самый вопросъ о присутствіи того или другого лица въ составѣ почетныхъ академиковъ. Если бы этотъ обычай установился, то мы рискуемъ, что намъ могутъ быть диктуемы тѣ или другіе обязательные взгляды и что о перемѣнѣ нашихъ взглядовъ на тѣ или другіе вопросы (жизни и литературы) можетъ быть объявляемо отъ нашего имени, совершенно независимо отъ нашихъ дѣйствительныхъ убѣжденій. А это — величайшая опасность въ глазахъ всякаго, кто дорожитъ независимостью (и значитъ) искренностью и достоинствомъ своего убѣжденія. Смѣю думать, что это — величайшая опасность также для русской науки, литературы и искусства.

Въ виду изложенныхъ, по моему мнѣнію, въ высшей степени важныхъ принципіальныхъ соображеній, я и считалъ необходимымъ обратиться къ Вамъ съ просьбой извѣстить меня о времени засѣданія Отдѣла и Разряда по этому поводу. Къ сожалѣнію, моя просьба запоздала и уже тогда, къ крайнему моему прискорбію, я предвидѣлъ, что мнѣ останется только сложить съ себя званіе почетнаго Академика, такъ какъ по совѣсти я не могу раздѣлить отвѣтственности за содержаніе сдѣланнаго отъ имени Академіи объявленія. Но я считаю своей нравственной обязанностью передъ уважаемымъ учрежденіемъ прежде изложить свои соображенія въ собраніи Отдѣла и Разряда, которое, быть можетъ, указало бы мнѣ другой выходъ, согласный съ моей совѣстью и достойный высшаго въ нашемъ отечествѣ научнаго учрежденія. Оставаясь при этомъ мнѣніи, я прошу Васъ, глубокоуважаемый А. Н., сообщить мнѣ, находите ли Вы возможнымъ созвать въ ближайшемъ времени собраніе Отдѣла русскаго языка и словесности и Разряда изящной словесности для выслушанія моего заявленія, которое я въ такомъ случаѣ буду имѣть честь представить“.

Примите и пр. Вл. Короленко.

6 апрѣля 1902 г.

Какъ-же думаетъ поступить Академія Наукъ?

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ
и
ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Воткинскій заводъ. (Начало апрѣля). На немъ около 5000 рабочихъ, всѣхъ же жителей около 25,000. Числа 26-го марта все населеніе Воткинскаго завода приняло праздничный видъ. Рабочіе бросили работу выкинули красный флагъ съ надписью: всѣ какъ одинъ!“ и предъявили управляющему требованія: 8-ми часовой рабочій день и повышеніе расцѣнковъ. Все было такъ хорошо организовано, что ни полиція, ни начальство и не подозрѣвало о готовящихся событіяхъ. Руководителями движенія начальство считало какихъ то двухъ рабочихъ, которыхъ звали тамъ „студентами“. Бросивъ работу, рабочіе прежде всего оборвали всѣ телеграфныя проволоки, потомъ проникли въ контору. Оттуда они вывели управляющаго и доктора, держа надъ ихъ головою красное знамя и, несмотря на долгое сопротивленіе, заставили управляющаго подписать ихъ требованія — 8-ми часовой день и повышеніе расцѣнковъ. Какой-то мелкій служащій (по слухамъ телеграфный чиновникъ) отправилъ депешу съ нарочнымъ куда слѣдуетъ. Когда на мѣсто прибылъ исправникъ, рабочіе его арестовали. Говорятъ управляющій и докторъ (большой мерзавецъ) отпрашивались у рабочихъ „пообѣдать“. Послѣдніе бросили имъ кусокъ гнилого хлѣба со словами: „покушайте-ка того, чѣмъ принуждены кормиться рабочіе“. Когда среди рабочихъ прошелъ слухъ, что ихъ „студенты“ исчезли, они кинулись къ квартирѣ станового (это было еще до пріѣзда исправника), разгромили ее, вытащили станового и начали требовать у него указанія, гдѣ „студенты“. Тотъ долго не соглашался, но, наконецъ, сказалъ: „ну, хорошо, пойдемте, я вамъ покажу“. Онъ привелъ ихъ въ камеру судьи, гдѣ дѣйствительно находились арестованные „студенты“. Рабочіе освободили ихъ. Въ концѣ концовъ управляющій ускользнулъ, а доктора и одного лѣсничаго держатъ подъ арестомъ. Теперь туда отправился вятскій губернаторъ и посланы войска изъ Казани. На дняхъ прошелъ слухъ, что къ Воткинскимъ рабочимъ присоединился и Ижевскій Казенный Заводъ. Тамъ рабочихъ до 30,000. Народъ отчаянный. У нихъ много оружія. Воткинскіе рабочіе забаррикадировали плотину своего пруда (единственный путь, ведущій къ нимъ) и поставили на немъ пушку (благо онѣ изготовляются на заводѣ).

* * *

Объ окончаніи безпорядковъ сообщаютъ слѣдующія возмутительныя подробности:

„Слѣдствіемъ, произведеннымъ губернаторомъ (вкупѣ съ Сарапульск. прокуроромъ, Вятскимъ жандармскимъ полковникомъ и Вятскимъ полиціймейстеромъ), обнаружено было, что „зачинщиками“ безпорядковъ была заводская молодежь, а вдохновителемъ ея — недавно прибывшій въ заводы (и, кажется, поступившій на нихъ въ качествѣ рабочаго) одинъ родственникъ Воткинскаго торговца нѣкто Ааронъ Зюсманъ (молодой человѣкъ, очень интеллигентный). Слѣдствіемъ этимъ установлено было также, что рабочіе въ послѣднее время устраивали сходки, что среди нихъ циркулировала нелегальная литература и т. д.

Результатами этого предварительнаго слѣдствія были: 1) арестъ и отправка въ Сарапульскую тюрьму 69 чел. рабочихъ и 2) наказаніе розгами 35 человѣкъ изъ нихъ. Наказанію розгами подвергнуты были яко-бы несовершеннолѣтніе изъ рабочихъ, но въ первую голову — Зюсманъ (человѣкъ, какъ я уже сказалъ, пришлый и интеллигентный), и рабочій Шадринъ (то же, кажется, пришлый), которому около 40 лѣтъ. Послѣдній пострадалъ за то, что хранилъ у себя и не хотѣлъ отдать губернатору подписанное Трояномъ требованіе рабочихъ.

Экзекуція происходила на базарной площади и .... „народъ безмолствовалъ“.....

Бѣжица (Орловской губ. Брянскаго уѣзда).

Положеніе на заводѣ страшно натянутое. По разсказу мѣстнаго жителя, принадлежащаго къ заводской администраціи и являющагося по отношенію къ рабочей массѣ, такъ сказать, посторонниммъ наблюдателемъ, весь заводъ находится въ броженіи. По заводскимъ улицамъ и паркамъ то и дѣло видишь кучки рабочихъ съ мрачными лицами и съ сдержанной страстностью обсуждающихъ жгучіе для нихъ вопросы о безработицѣ. Вся мѣстная буржуазія чуетъ приближающуюся грозу и страшно перепугана. До чего доходитъ страхъ видно изъ того, что всѣ причастныя къ заводской администраціи лица спѣшатъ застраховать жизнь, а нѣкоторые даже отправляютъ цѣнныя вещи на храненіе за предѣлы завода. Настроеніе рабочихъ дѣйствительно таково, что достаточно спички, чтобы запылалъ самый хаотическій пожаръ въ видѣ разгрома завода или бунта.

Такое настроеніе неудивительно при тѣхъ возмутительныхъ притѣсненіяхъ со стороны администраціи завода, которымъ, кажется, не предвидится конца. Заводское начальство повидимому хочетъ намѣренно вызвать бунтъ, чтобы разсчитать многихъ рабочихъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ возмутительнаго поведенія заводской администраціи.

1-го апрѣля въ кузнечномъ цехѣ у прессовщиковъ сбавили расцѣнку съ 80 коп. — на 50 к. за 1 тысячу заклепокъ. Кромѣ того, при учетѣ работы 45 тысячъ заклепокъ „замотали“, т. е. попросту говоря украли, не проставивши ихъ въ учетъ. Всѣ 70 прессовщиковъ послѣ такихъ возмутительныхъ фактовъ заявили, что не будутъ работать и берутъ разсчетъ. Въ виду наступающихъ праздниковъ многіе рабочіе пошли къ начальнику чугуннаго цеха Галину просить выдать плату (которую заводское начальство держитъ больше мѣсяца) нѣсколькими днями раньше назначеннаго для выдачи платы срока. Пошли просить потому, что этимъ рабочимъ буквально ѣсть нечего, и кромѣ того плату назначили выдавать въ пятницу страстной, а въ субботу все многотысячное заводское населеніе должно успѣть закупить въ мѣстномъ магазинѣ продукты къ празднику — понятно, какая неурядица должна будетъ отъ этого произойти. Галинъ просителей оштрафовалъ, а иниціаторовъ просьбы уволилъ. — Мастеръ кузнечнаго цеха Демосфеновъ проявилъ особенное усердіе въ отысканіи у рабочихъ нелегальныхъ брошюръ. Замѣтивши, кто изъ рабочихъ имѣлъ таковыя онъ набрасывался на этихъ рабочихъ, вырывалъ брошюры и билъ ими по лицу злополучныхъ читателей. А двухъ рабочихъ за чтеніе брошюръ — назначилъ къ разсчету. — Одинъ изъ приставовъ мѣстной полиціи проявляетъ свое холопское усердіе, занимаясь распечатываніемъ писемъ подозрительныхъ рабочихъ.

Терпѣніе рабочихъ отъ всѣхъ такихъ безобразій начинаетъ лопаться. Въ началѣ апрѣля они сильно избили шпіона Мартиренко, такъ что послѣдняго отправили въ больницу. Урокъ былъ хорошъ, потому что побитый агентъ говоритъ, что ни за что не останется теперь въ Бѣжицѣ. (Его колотятъ уже второй разъ; но первый разъ легко.) Недѣлей раньше побили стекла въ домѣ и самаго поколотили одного подмастерья, занимающагося провокаціей. — Къ 1-му маю хотятъ разсчитать до 3-хъ тысячъ рабочихъ. Упраздняютъ мостовой, литейный цехи и вальцовку, оставляютъ только механическій и вагонный съ комплектомъ въ 6 тысячъ рабочихъ. — На случай волненій принимаютъ мѣры: 1 роту солдатъ уже пригнали изъ Брянска и спрятали на хуторѣ. Ждутъ еще 7 ротъ.

Изъ жизни глухихъ заводкихъ угловъ.

Каменный Бродъ, Волынской губ. Фаянсовый Заводъ Зусмана съ 400 рабочихъ (евреевъ и христіанъ) расположенъ въ лѣсу среди топкихъ болотъ. Кругомъ этого завода имѣются только нѣсколько деревень, а ближайшее мѣстечко находится на разстояніи 10 верстъ.

Съ мѣсяцъ тому назадъ на этомъ заводѣ имѣлъ мѣсто слѣдующій случай: малолѣтній рабочій, „надѣвая ремень на ходу“, былъ захваченъ трансмисіоннымъ валомъ и едва не убитъ. Только благодаря тому, что тотчасъ-же былъ вызванъ врачъ, мальчика удалось привести въ чувства. Оказалось, что у него переломаны лѣвая нога и 3 ребра, вывихъ праваго плеча и значительно повреждена черепная полость. Понятно какой переполохъ поднялся на заводѣ и въ конторѣ. Особенно волновалась администрація въ виду того, что только въ прошломъ году былъ убитъ рабочій на этомъ-же заводѣ при смазываніи машины на ходу, а также въ виду того, что фабричный инспекторъ В. А. Козьминъ за послѣднее время уже написалъ нѣсколько протоколовъ и уже нѣсколько разъ оштрафовалъ, администрацію за небрежное отношеніе ко всякаго рода ограженіямъ. Дѣло

въ томъ, что фабричная инспекція строго запрещаетъ надѣваніе ремней на ходу, а такъ какъ частое пріостонавливаніе главнаго двигателя сопряжено съ сравнительно большой затратой, то на всѣхъ фабрикахъ стараются разными путями обходить этотъ законъ. На нѣкоторыхъ фабрикахъ, гдѣ завѣдующіе — люди болѣе или менѣе добросовѣстные, устраиваются такъ называемые „холостые шкивы“, но это удается устроить только тамъ, гдѣ мѣсто позволяетъ, на другихъ же фабрикахъ стараются о томъ, чтобы „шпонки“ едва выступали изъ втулки шкива и тогда надѣваніе ремня на ходу представляетъ меньше опасности. На заводѣ же Зусмана, завѣдующій Литинскій, человѣкъ необразованный, грубый, простой практикъ, рѣшилъ обойти этотъ законъ инымъ способомъ. Онъ намѣчалъ себѣ среди рабочихъ наиболѣе смѣлаго и разъ навсегда поручалъ ему надѣваніе ремней на ходу. Такой рабочій получалъ за эту обязанность конечно особую плату. Этотъ способъ практикуется Литинскимъ уже давно, но обнаружилось только теперь, послѣ этого несчастнаго случая съ злополучнымъ 15-ти лѣтнимъ рабочимъ, единственнымъ сыномъ у своихъ родителей. Теперь уже извѣстно, что этотъ мальчикъ получалъ за „надѣваніе ремней на ходу“ по 1 рублю въ недѣлю. Администрація больше всего боялась, какъ бы объ этомъ не узналъ фабричный инспекторъ Козьминъ и поэтому заставила рабочихъ свидѣтелей разсказать приставу, что несчастный мальчикъ вовсе не надѣвалъ ремень, а нагнулся за тѣмъ, чтобы поднять упавшее пальто. которое раньше висѣло на трансмисіонномъ валѣ. Не успокоившись на этомъ и еще сильно дрожа надъ своей шкурой, управляющій въ тотъ же день поѣхалъ къ судебному слѣдователю Поливодѣ, захвативъ съ собою пару роскошныхъ колоннъ съ не менѣе роскошными вазами. Поливода, которому приходится не въ первой „брать“, очень благосклонно принялъ этотъ подарокъ и посовѣтовалъ ему „соврать получше“, такъ какъ ему и за пальто (ибо вѣшать пальто на машинѣ воспрещено) можетъ влетѣть отъ фабричнаго инспектора. Прискакавъ обратно въ Каменный Бродъ, управляющій засталъ уже тамъ фабричнаго инспектора и ему трудно было уговорить всѣхъ рабочихъ врать по новому. Показанія получились противорѣчивыя изъ чего Козьминъ понялъ почти все. Дѣло пока передано суду. По закону (за надѣваніе ремня во время хода машины) Литинскій долженъ сидѣть 4 мѣсяца въ тюрьмѣ, но будетъ ли онъ въ тюрьмѣ — покажетъ будущее.

Волынецъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Изъ Франціи. (Конецъ апрѣля.)

Предстоящіе во Франціи выборы крайне знаменательны какъ по тому характеру, который приняла здѣсь партійная борьба, такъ и по отношенію соціалистовъ къ буржуазнымъ фракціямъ.

Всякій внимательный наблюдатель внутренней политики „дружественной“ страны легко замѣтитъ изъ за чего ведется споръ между двумя фракціями буржуазіи, изъ которыхъ одна называетъ себя республиканской, другая націоналистической; замѣтитъ также, какъ все болѣе и болѣе ослабѣваетъ крайній правый, монархическій элементъ въ послѣднемъ лагерѣ. Пусть Деруледъ мечтаетъ о коронѣ, пусть Дрюмонъ симпатизируетъ монархистамъ, пусть поэтъ Коппэ и критикъ Лемэтръ славославятъ престолы, пусть всѣ они будутъ въ душѣ самыми ярыми и завзятыми анти-республиканцами, фактъ тотъ, что въ своихъ публичныхъ заявленіяхъ, въ своихъ органахъ, на собраніяхъ, передъ своими сторонниками они должны выступать республиканцами, а это является самымъ лучшимъ, самымъ яркимъ доказательствомъ того, что пресловутая опасность, угрожающая буржуазной республикѣ со стороны реакціонныхъ партій — чистая фантазія, а говорить и въ особенности кричать объ этой опасности — политическій маневръ. Надо дать исходъ революціонному настроенію французскаго пролетаріата, надо отвести его громы, готовые разразиться надъ всѣмъ буржуазнымъ строемъ — и сознающая свои классовые интересы, т. е. республиканская, буржуазія пускается со всѣхъ силъ запугивать рабочій классъ призракомъ монархіи. Нѣтъ спора, между двумя частями французской буржуазіи ведется упорная борьба изъ-за экономическихъ интересовъ; то борьба торговой буржуазіи съ финансовой, промышленной съ аграрной; нѣтъ спора, въ этой борьбѣ и той и другой сторонѣ выгодно въ интересахъ побѣды привлечь на свою сторону сильный численностью пролетаріатъ; но постоянно прогрессирующее развитіе классоваго сознанія рабочихъ, значительно усилившееся за послѣдніе годы рабочее движеніе заставляютъ ту сторону, которая хочетъ опираться на рабочій классъ, быть на-сторожѣ, и пользуясь громомъ, въ то-же время отводить его.

Пусть гремитъ, пусть очищаетъ воздухъ, пусть уничтожаетъ соперниковъ, но только... не затрагиваетъ корней... Больше по поверхности и меньше въ глубь!... Такова тактика всякой буржуазной партіи по отношенію къ рабочему классу, такова его система политическаго воспитанія... Всячески угрожая, одна партія — опасностью, которой подвергается республика, другая — разореніемъ крахомъ, къ которому будто-бы идетъ Франція, благодаря республикѣ, обѣ онѣ сходятся на признаніи необходимости борьбы съ соціалистами. Одни твердятъ: мы должны бороться съ клерикалами и соціалистами; другіе варьируютъ: мы должны бороться съ франкъ-массонами и соціалистами.

Вытекающее отсюда поведеніе революціонныхъ соціалистовъ было просто и ясно.

Тщетно пытались Жоресъ, Мильеранъ, Вивьяни и Ко. уговорить пролетаріатъ, что нитка, на которой держится теперь республика, такъ тонка, что рабочіе должны временно оставить всякій соціализмъ и прійти на помощь спасителямъ республики; послѣ Турскаго конгресса многимъ, даже изъ вчерашнихъ закадычныхъ друзей упомянутыхъ господъ, стало ясно, что эти рѣчи вели не соціалисты, а чистѣйшіе представители буржуазнаго класса, правда, очень умные и знакомые съ слабою стороною французскаго пролетаріата.

Тщетно пытаются здѣшніе Зубатовы вродѣ Лануара и Бьетри, организаторовъ „желтыхъ синдикатовъ“*) удерживать рабочихъ отъ... политики (конечно, соціалистической); поведеніе „желтыхъ“, ихъ тѣсный союзъ съ такимъ буржуазнымъ политикомъ, какъ Мелинъ, ихъ слишкомъ явная умѣренная политика, ихъ борьба съ революціонерами раскрываютъ мало по малу глаза даже самымъ недальновиднымъ рабочимъ.

Объединившись послѣ прошлогодняго Ліонскаго конгресса въ одну „Соціалистическую партію“ („Союзъ соціалистовъ-революціонеровъ“), гедисты, бланкисты и нѣсколько приставшихъ къ нимъ автономныхъ федерацій выработали общій планъ дѣйствій и одинаковыя избирательныя заявленія всѣхъ кандидатовъ, выступающихъ отъ имени партіи. Впервые въ исторіи соціалистическаго движенія Франціи, партія выставляетъ кандидатовъ почти во всѣхъ 589 избирательныхъ округахъ. Партіи неважно пріобрѣсти столько-то и столько-то депутатскихъ мѣстъ; ей важно, пользуясь избирательной компаніей, вести самую широкую пропаганду своихъ революціонно-соціалистическихъ идей. Она выставляетъ своихъ кандидатовъ всюду, какъ во всѣхъ округахъ Парижа, такъ и во всѣхъ, самыхъ глухихъ и отдаленныхъ деревушкахъ, куда еще ни разу не проникалъ соціализмъ; она выставляетъ своихъ кандидатовъ одинаково какъ противъ націоналистовъ-реакціонеровъ всякихъ оттѣнковъ, такъ и противъ такъ называемыхъ, „республиканцевъ“ всѣхъ оттѣнковъ, отъ Барту и Бриссона до Жореса.

Не боясь обвиненій въ антипатріотизмѣ, партія вездѣ подчеркиваетъ свой интернаціонализмъ, заявляя себя „частью международной организованной соціаль-демократіи“.

Республиканцы въ политикѣ, кандидаты партіи хотятъ истинно демократической республики, а таковой можетъ быть только общество, построенное на соціалистическихъ основахъ; они отказываются защищать и осуждаютъ современную плутократическую республику, колѣнопреклоняющуюся передъ русскимъ царемъ, разстрѣливающую рабочихъ-стачечниковъ, заигрывающую съ папой, словомъ республику буржуазную со всей ея антидемократической политикой.

Будучи соціалистами, они выступаютъ противъ тѣхъ ничтожныхъ соціальныхъ реформъ, которыя, отнюдь не облегчая положенія рабочаго класса, напротивъ, ложатся на него тяжелымъ бременемъ. Таково пресловутое сокращеніе рабочаго дня до $10^1/_2$ часовъ, введеніе котораго съ 1-го апрѣля сопровождается всюду пониженіемъ заработной платы;**) таковъ проэктъ пенсіи старикамъ-рабочимъ, только облагающій рабочихъ новымъ налогомъ путемъ вычета изъ заработка опредѣленныхъ процентовъ въ пенсіонную кассу, и помогающій имъ въ такомъ возрастѣ,... до котораго не доживаютъ 94% рабочихъ; таковъ, напр., функціонирующій теперь налогъ на окна и двери, который долженъ въ силу закона падать на домовладѣльца, а завершился лишь повышеніемъ цѣнъ на квартиры... таковъ... но было-бы слишкомъ долго перечислять всѣ тѣ реформаторскіе миражи, которыми французская радикальная буржуазія пытается склонить на свою сторону рабочій классъ.

Революціонеры, кандидаты партіи заявляютъ себя въ рѣшительной оппозиціи ко всѣмъ буржуазнымъ партіямъ; они отказываются отъ временныхъ ничтожныхъ успѣховъ, купленныхъ цѣной компромиссовъ, и видятъ единственный исходъ изъ современнаго положенія вещей въ революціи, которою руководилъ-бы организованный и сознательный пролетаріатъ.

Ясно, что при такой постановкѣ дѣла борьба между буржуазными партіями и соціалистической будетъ горячей, и для послѣдней трудной. Соціалисты не располагаютъ ни деньгами, необходимыми для широкой избирательной компаніи, ни правительственными агентами, пускающими въ ходъ въ интересахъ своихъ кандидатовъ всѣ колеса государственнаго механизма, ни средствами давленія со стороны хозяевъ, которыми такъ широко пользуются буржуазныя партіи во время выборовъ. Недаромъ также прошелъ для партіи только что пережитый кризисъ; измѣна партіи со стороны разныхъ Жоресовъ, Мильерановъ и Ко, увлеченіе ими части рабочаго класса, дезорганизація партіи и т. д.

Особенный интересъ представляютъ теперь кандидатуры Жюль Геда и Рэнэ Шовэна. Первый борется въ Рубэ противъ всемогущаго заводчика депутата Мотта, котораго поддерживаютъ правительство, хозяева и псевдо-соціалисты Жоресовскаго лагеря. Кандидатура Шовэна (парикмахера), выставлена партіей въ 12-омъ округѣ Парижа противъ министра торговли Мильерана, сжегшаго съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ у кормила власти, все, чему поклонялся раньше.

Нѣтъ сомнѣнія, что не соціалисты выйдутъ побѣдителями изъ предстоящей схватки, побѣдителями въ смыслѣ числа пріобрѣтенныхъ мѣстъ. Матеріальная побѣда останется не за ними. Но за ними останется другая, въ тысячу разъ большая моральная побѣда: ростъ классоваго сознанія рабочихъ, пріобрѣтеніе новыхъ сторонниковъ, окончательное пораженіе оппортюнистическаго соціализма, какъ соціализма, и широкое распространеніе въ странѣ принциповъ соціализма революціоннаго.

P. S. Корреспонденція была уже набрана, когда стали извѣстны результаты выборовъ. Какъ слѣдовало ожидать не революціонные соціалисты вышли побѣдителями изъ борьбы; они сохранили позицію, которую занимали до выборовъ — и только. Жюль Гедъ палъ жертвою невѣроятнаго давленія хозяевъ и правительства. Все-же однако число голосовъ, поданныхъ за него теперь, возросло на 700 сравнительно съ тѣмъ, что онъ получилъ въ 1898 г. (тогда 7998 голосовъ, теперь 8728). Чувствительную потерю потерпѣли гедисты въ лицѣ молодого депутата и неутомимаго пропагандиста Зеваэса. За то выбранъ въ депутаты Делори, мэръ Лилля. Въ 12-мъ округѣ Парижа, въ которомъ раньше не было ни одной гедистской группы, Шовэнъ получилъ 27-го апр. 1094 голоса, тогда какъ Мильеранъ получилъ около 5000 голосовъ (въ 1898 г. онъ былъ избранъ 8000 голосовъ), и націоналистъ Пешенъ 4000 гол. Произошла перебаллотировка и прошелъ министръ Мильеранъ незначительнымъ большинствомъ. Парламентская группа „Союза революціонныхъ соціалистовъ“ будетъ состоять теперь изъ членовъ, среди которыхъ 3 гедиста: Делори, Дюфуръ, Констанъ, 6 бланкистовъ: Вальянъ, Самба, Вальтеръ, Шовьеръ, Котанъ, Аляръ и 3 изъ другихъ организацій: Дежантъ, Тиврье и Буври. Два депутата Бенезекъ и Баронъ, выставившіе свою кандидатуру какъ гедисты, намѣрены теперь войти въ группу жоресистовъ. Послѣдніе, пользовавшіеся правительственной поддержкой и заключившіе передъ перебаллотировкой союзъ съ радикалами и даже умѣренными (вродѣ Ивъ Гюйо), вышли, конечно, побѣдителями. Они потеряли нѣсколькихъ выдающихся вожаковъ, какъ Вивіани, Фурньера, Альмана, но провели за то въ палату Прессансэ, Жореса, Жеро-Ришара, Бріана и др... Если Бенезекъ и Баронъ окончательно войдутъ въ ихъ группу, у жоресистовъ будетъ въ парламентѣ 35 человѣкъ, т. е. на 6 больше, чѣмъ было въ прошлой палатѣ.

*) Такъ называютъ французскіе рабочіе тѣ организаціи, которыя буржуазія создаетъ изъ мастеровъ, надсмотрщиковъ, шпіоновъ и забитыхъ простаковъ для борьбы съ рабочимъ движеніемъ.

**) При обсужденіи этого закона соціалисты требовали одновременно введенія и минимальной заработной платы.

Всеобщая стачка въ Бельгіи.

Уже 18 лѣтъ католическая партія управляетъ Бельгіей. Всѣми средствами старается она укрѣпить свое положеніе. Не смотря на то, что эту партію поддерживаетъ меньшинство населенія, не смотря на то, что при послѣднихъ выборахъ за нее было подано на 30.000 голосовъ менѣе, чѣмъ за либераловъ, демократовъ и соціалистовъ въ совокупности (даже при настоящей системѣ выборовъ, о которой говорилось въ предъидущей корреспонденціи), она продолжаетъ управлять страною, — продолжаетъ управлять ею въ интересахъ небольшой группы капиталистовъ, опираясь на поповъ, аристократовъ и на невѣжественную, забитую массу крестьянства.

Политика этой партіи ложится прежде всего на плечи рабочаго класса. Въ Бельгіи до сихъ поръ почти нѣтъ фабричныхъ законовъ, до сихъ поръ значительная часть рабочихъ и крестьянская масса оказываются неграмотными (30% населенія), до сихъ поръ старики и больные рабочіе должны нищенствовать. Понятно, поэтому, что именно рабочая партія рѣшилась во что бы то ни стало освободиться отъ гнета правящей клики. Несомнѣнно, что только введеніемъ всеобщаго и равнаго избирательнаго права, не искаженнаго никакими компромиссами, можно подорвать силу торжествующей реакціи. XVI-ый конгрессъ рабочей партіи рѣшилъ добиваться уравненія политическихъ правъ и сосредоточить на этомъ требованіи всѣ силы партіи. Весь послѣдній годъ партія посвятила организаціи своихъ силъ въ виду этого требованія, устраивая цѣлый рядъ демонстрацій, сотни митинговъ, распространяя тысячами брошюры и воззванія.

Къ этой агитаціи сочувственно относились передовые слои буржуазіи, такъ какъ политика католиковъ вредитъ въ концѣ концовъ экономическому развитію всей страны. Либеральная и демократическая партіи присоединились наконецъ къ требованію рабочей партіи.

Къ сожалѣнію, это присоединеніе либераловъ къ соціалистамъ было связано съ компромиссомъ. Вмѣсто того, чтобы неуклонно идти своимъ революціоннымъ путемъ, привлекая къ себѣ союзниковъ изъ буржуазіи, но не подчиняясь имъ, бельгійскіе соціалисты начали съ уступокъ либераламъ, согласились отодвинуть вопросъ объ избирательномъ правѣ женщинъ, связали требованіе всеобщаго избирательнаго права съ требованіемъ пропорціональнаго представительства. И послѣдствія показали еще разъ всю гибельность этой политики подчиненія рабочей партіи либераламъ.

19-го марта было внесено въ парламентъ предложеніе пересмотрѣть конституцію, подписанное вождями всѣхъ оппозиціонныхъ фракцій.

Католическая партія не можетъ разсчитывать на то, что она сохранитъ власть въ своихъ рукахъ послѣ пересмотра конституціи. Поэтому она съ самаго начала обнаружила рѣзко отрицательное отношеніе къ новому движенію. Пользуясь большинствомъ голосовъ въ парламентѣ, она рѣшила воспротивиться всякому пересмотру.

Вождямъ рабочей партіи оставалось только обратиться къ странѣ, опереться на самихъ рабочихъ. Они обратились къ нимъ съ горячимъ призывомъ начать борьбу „за будущее рабочаго класса, за самый хлѣбъ насущный, за душу дѣтей своихъ“. Они выражали свою увѣренность въ томъ, что рабочіе, бросивъ работу на фабрикахъ, заводахъ и шахтахъ, съумѣютъ побѣдить „безумное и упорное сопротивленіе католиковъ“. На всеобщую стачку они смотрѣли, какъ на вѣрное и единственное возможное средство заставить католиковъ удовлетворить ихъ требованія. Словами „да здравствуетъ всеобщая стачка!“ они заканчивали всякое свое обращеніе къ рабочимъ, указывая имъ въ то же время на то, что средство это является вполнѣ законнымъ средствомъ борьбы.

Единодушіе рабочихъ, ихъ готовность вступить въ рѣшительный бой съ правительствомъ превзошли самыя смѣлыя ожиданія вождей партіи. Тысячи рабочихъ немедленно бросили работу во всѣхъ городахъ и вышли на улицу. Грандіозныя демонстраціи развертывались ежедневно во всѣхъ уголкахъ Бельгіи. Во главѣ демонстрантовъ двигались не только красныя знамена международной соціаль-демократіи, но и синія знамена демократіи либеральной. Число стачечниковъ быстро увеличивалось.

Правительство почувствовало смертельную опасность. Оно запрещаетъ демонстраціи, всякія сборища на улицахъ и площадяхъ, она выдвигаетъ всѣ свои силы: полицію, которую вооружаетъ спеціально для этой борьбы, жандармерію и гражданскую гвардію, состоящую изъ вооруженныхъ представителей буржуазіи. Хотя армія неоднократно выражала свое сочувствіе движенію, правительство держитъ на готовѣ и ее, созывая въ то же время въ казармы два послѣдніе класса резервовъ и выражая устами военнаго министра „убѣжденіе“, что „60.000 вооруженныхъ солдатъ исполнятъ свой долгъ“. Правительство, подавляя революціонное движеніе, рѣшило не останавливаться ни предъ какими мѣрами.

Двѣ враждебныя силы сталкиваются. Раздаются выстрѣлы, течетъ кровь. На улицахъ Брюсселя воздвигаются баррикады. Народный Домъ подвергается правильной осадѣ. Движеніе на улицахъ, прегражденныхъ батальонами гражданской гвардіи, пріостанавливается... Изъ разныхъ концовъ Бельгіи приходятъ извѣстія о раненыхъ и убитыхъ. Тюрьмы наполняются арестованными. Католическихъ депутатовъ и ихъ дома приходится охранять вооруженною силою. 12-16-го апрѣля движеніе крѣпнетъ и разливается по всей Бельгіи. Число стачечниковъ быстро растетъ, достигая небывалой цыфры 350.000.

Образъ соціальной революціи носится въ воздухѣ. Либералы, разумѣется, приходятъ въ ужасъ и требуютъ прежде всего и больше всего, требуютъ безусловно законности, отказываясь (какъ и подобаетъ представителямъ благороднаго денежнаго мѣшка) отъ борьбы за только что принятую ими программу, если эта борьба выйдетъ изъ рамокъ законности. А вожди бельгійскихъ соціалистовъ и здѣсь идутъ на уступку, принося въ жертву все движеніе интересамъ „мирной“ буржуазной... реакціи. Вожаки боятся, видете-ли, той отвѣтственности, которая можетъ лечь на нихъ въ случаѣ неудачнаго исхода борьбы (не боясь почему-то той отвѣтственности, которая уже ложится на нихъ за отказъ довести до конца начатую всѣмъ рабочимъ классомъ борьбу).

Рѣзко критикуютъ они всякое проявленіе дѣйствительно революціоннаго настроенія и, вмѣсто того чтобы организовать движеніе, выростающее на почвѣ этого настроенія, они стараются, пользуясь всею силой своего авторитета, потушить его. Они приглашаютъ продолжать лишь мирную, пассивную всеобщую стачку и совѣтуютъ стачечникамъ оставаться по домамъ, пользуясь своимъ досугомъ... для чего? — для того чтобы „копать гряды на своихъ огородахъ“, какъ выразился центральный органъ партіи.

Нѣкоторое время рабочіе все-таки выходятъ на улицу, но они не могутъ оказать организованнаго сопротивленія цѣлому ряду насилій и униженій, которому ихъ подвергаютъ: ихъ организація признаетъ только „законныя“ формы и осуждаетъ всякое сопротивленіе, не пытаясь даже выдвинуть хоть какой нибудь планъ активной борьбы.

Рабочіе сознавали, что неорганизованная борьба поведетъ только къ цѣлому ряду безполезныхъ жертвъ. Они отказывались отъ активной борьбы, скрывая въ себѣ тяжелое сознаніе своего безсилія и униженія. Улицы опустѣли.

Между тѣмъ обсужденіе предложенія о пересмотрѣ конституціи въ парламентѣ началось 17-го апрѣля. Правительство, благодаря тому, что соціалисты-депутаты не имѣли возможности примѣнить парламентскую обструкцію, уже 12 апрѣля получило нужныя ему 7/12 бюджета на 1902 годъ. Оно чувствовало, что оппозиція теряетъ всякую возможность серьезно бороться съ нимъ и съ самаго начала отказалось даже „принять къ разсмотрѣнію“ предложеніе о пересмотрѣ конституціи. Блестящія рѣчи Анселя, Вандервельда и Жансона не повели ни къ чему. 18-го апрѣля большинствомъ 20-ти голосовъ палата узаконила отказъ правительства.

Генеральный Совѣтъ рабочей партіи обратился къ рабочимъ съ предложеніемъ продолжать стачку.

Но какое значеніе могло имѣть подобное приглашеніе послѣ того, какъ самъ же Генеральный Совѣтъ постарался потушить революцію, начавшуюся уже разгораться изъ всеобщей стачки, послѣ того, какъ заявилъ о своемъ рѣшеніи ни въ какомъ случаѣ не выходить изъ предѣловъ законности? Кого могла устрашить эта, — по мѣткому выраженію Розы Люксембургъ — военная демонстрація съ разряженными передъ лицомъ врага пушками? На что разсчитывалъ Генеральный Совѣтъ? Только развѣ на .....короля, какъ показываютъ слѣдующія цитаты изъ центральнаго органа партіи: „Пусть же король со свойственною ему мудростью и мужествомъ скажетъ свое слово. Опираясь на соціальную и либеральную демократію, онъ будетъ выше всякихъ грязныхъ и подлыхъ происковъ клерикальной партіи (см. „Le Peuple“ № 108). Такого рода фразъ можно найти не мало въ официальномъ органѣ партіи, Да! вожди партіи разсчитывали, что король, распустивъ палату, дастъ возможность высказаться всей странѣ.

Бельгійскій король, со свойственною ему трусостью, за все это время не произнесъ ни одного слова.

Партія потеряла свою послѣднюю и очень хрупкую, надо сознаться, надежду, и Генеральный Совѣтъ, приглашавшій 18-го апрѣля продолжать всеобщую стачку, черезъ день, 20-го апрѣля, постановляетъ прекратить ее.... Соціалисты оказываются въ силу всей своей тактики вынужденными идти на поводу у либеральной буржуазіи, которая именно 19-го апрѣля высказалась противъ стачки (устами либеральной партіи).... И того же 20-го апрѣля происходитъ послѣдняя бойня въ Лувэнѣ, жертвами которой пало 8 рабочихъ.

Борьба за политическое равенство вообще, конечно, не кончилась и кончится только съ полнымъ удовлетвореніемъ требованій рабочихъ, — но тотъ періодъ борьбы, который мы описали окончился пораженіемъ бельгійской рабочей партіи.

Рабочіе не сразу подчинились рѣшенію Генеральнаго Совѣта своей партіи: стачечное движеніе ослабѣвало только мало по малу. Горячо протестовали противъ поведенія партіи въ этой борьбѣ рабочіи Центра и Боринажа. Многіе поняли, что необходимо преобразовать партію. Анархисты подняли голову.

Для того чтобы объяснить свое поведеніе, Генеральный Совѣтъ партіи созвалъ общій съѣздъ на 4-ое Мая. На этомъ съѣздѣ члены Генеральнаго Совѣта утверждали, что за все время борьбы они подчинялись только голосу своей совѣсти и не подвергались какому-бы то ни было давленію со стороны либеральной партіи; они старались доказать, что „Генеральный

Совѣтъ исполнилъ свой долгъ, весь свой долгъ по отношенію къ партіи", что при существующихъ условіяхъ онъ не могъ поступать иначе.

Всѣ делегаты согласились, что при существующихъ условіяхъ „всеобщая стачка" не могла окончиться побѣдой, но для многихъ было ясно, что, тѣ неблагопріятныя условія, при которыхъ велась стачка, созданы въ значительной степени самими вождями движенія. Громадное впечатлѣніе произвела рѣчь Дестрэ, делегата изъ Шарлеруа. „Въ рядахъ нашей партіи, говорилъ онъ, стоятъ другъ противъ друга представители двухъ теченій: одни признаютъ только легальныя формы борьбы, — мы же, признавая эти формы, считаемъ необходимымъ въ извѣстныхъ случаяхъ дѣйствовать революціонно. Рабочая партія, какъ партія революціонная, всегда должна быть готова силою поддержать свои права и требованія: только въ такомъ случаѣ мы можемъ ожидать уступокъ отъ правительства, только при такихъ условіяхъ мы можемъ увѣренно идти по направленію къ нашему идеалу. Намъ говорятъ, что въ настоящее время уличная борьба невозможна... Значитъ, мы принуждены будемъ сидѣть по домамъ даже тогда, когда нарушатъ права наши, арестуютъ нашихъ делегатовъ!" — Единодушные крики „нѣтъ!" „нѣтъ!" объединили, повидимому всѣхъ членовъ съѣзда.

Далѣе Дестрэ предлагалъ преобразавать Генеральный Совѣтъ партіи такъ, чтобы его настроеніе болѣе соотвѣтствовало-бы настроенію всей партіи; указывая на то, что союзы съ буржуазными партіями до сихъ поръ только ослабляли рабочую партію, онъ совѣтовалъ впредь уклоняться отъ всякихъ союзовъ съ ними; онъ требовалъ, наконецъ, чтобы объявленіе начала и конца всеобщей стачки зависѣло не отъ рѣшенія комитета партіи, а отъ рѣшенія всей партіи.

Выражая готовность въ ближайшемъ будущемъ снова приступить къ борьбѣ за политическое равенство и желая объединить всѣ свои силы въ предстоящей выборной борьбѣ, делегаты съѣзда не рѣшились выразить порицаніе комитету: но около сотни делегатовъ вотировали противъ него.

На международный соціалистическій міръ неудача бельгійскаго движенія произвела сильное впечатлѣніе; какъ говоритъ Мерингъ, она набросила мрачную тѣнь на майскій праздникъ этого года. Слѣдуетъ надѣяться, что урокъ бельгійскихъ событій не пройдетъ безслѣдно для всемірнаго рабочаго движенія. Соціалистическій пролетаріатъ увидитъ къ какимъ практическимъ результатамъ ведетъ оппортюнистская тактика, жертвующая революціонными принципами въ надеждѣ на скорый успѣхъ. Пролетаріатъ еще разъ убѣдится, что ни одно изъ примѣняемыхъ имъ средствъ политическаго давленія на врага не можетъ достигнуть цѣли, если у него нѣтъ готовности довести это средство до логическаго конца. Если вѣрно, что для политической революціи бельгійскій пролетаріатъ не имѣлъ достаточно силъ (чему противорѣчатъ многія заявленія вождей движенія на первыхъ порахъ), то не слѣдовало прибѣгать къ всеобщей стачкѣ, т. е. къ такому средству, все значеніе котораго именно въ угрозѣ революціей и съ примѣненіемъ котораго слѣдуетъ быть особенно осторожнымъ въ моментъ промышленнаго кризиса.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Насъ просятъ напечатать слѣдующій документъ:

ПРОГРАММА

Уральскаго союза соціаль-демократовъ и соціалистовъ-революціонеровъ.

„Исходя изъ принциповъ научнаго соціализма, „Уральскій союзъ соціаль-демократовъ и соціалистовъ-революціонеровъ" ставитъ своей конечной цѣлью уничтоженіе буржуазнаго строя, который характеризуется тѣмъ что орудія и продукты труда находятся въ распоряженіи господствующихъ классовъ.

Непремѣннымъ условіемъ осуществленія конечныхъ идеаловъ соціализма „Уральскій Союзъ" признаетъ завоеваніе политической власти пролетаріатомъ.

При этомъ „Уральскій Союзъ" ни на минуту не забываетъ, что по условіямъ историческаго момента ближайшимъ и главнымъ врагомъ трудящейся массы въ Россіи является самодержавіе.

Полагая, что полное политическое и экономическое освобожденіе пролетаріата можетъ быть дѣломъ только самихъ рабочихъ „Уральскій Союзъ" ставитъ своей ближайшей цѣлью революціонную организацію пролетаріата на Уралѣ и пріобщеніе его къ великой борьбѣ всемірнаго пролетаріата.

Формами борьбы во имя намѣченныхъ цѣлей являются стачки, забастовки, политическія манифестаціи и другіе виды протеста.

Примѣчаніе. „Уральскій Союзъ" не вводя въ программу терроръ, какъ средство партійной борьбы, допускаетъ однако террористическіе поступки отдѣльныхъ лицъ (хотя-бы они были и членами союза), совершаемые за ихъ собственный страхъ и рискъ.

Считаясь съ особенностями положенія рабочаго класса на Уралѣ и ведя пропаганду и агитацію на почвѣ повседневныхъ нуждъ и запросовъ мы должны всегда ставить частные случаи въ зависимость отъ общаго политическаго и экономическаго режима и съ этой точки зрѣнія освѣщать ихъ, памятуя, что мы боремся, не за палліативы, но за коренное измѣненіе существующаго строя.

Ближайшими нашими завоеваніями должны быть политическая свобода и 8-ми часовой рабочій день.

Параллельно съ этимъ должны идти требованія постояннаго повышенія заработанной платы и улучшенія условій труда.

Мѣстные рабочіе кружки, возникая на почвѣ кассъ, библіотекъ и самообразованія объединяются въ мѣстныя группы, которыя въ свою очередь объединяются въ районныя организаціи; совокупность районныхъ организацій образуетъ „Уральскій Союзъ".

Рѣшенія общаго характера вырабатываются на съѣздѣ представителей всѣхъ районныхъ организацій. Редакція общаго органа назначается съѣздомъ представителей всѣхъ районныхъ организацій. Изданіе-же мѣстныхъ агитаціонныхъ листковъ предоставляется мѣстнымъ группамъ въ духѣ общей программы".

1901 годъ.

УРАЛЬСКІЙ СОЮЗЪ

Соціалъ-демократовъ и Соціалистовъ-революціонеровъ.

Изъ настоящей программы не видно въ какомъ отношеніи стоитъ „Уральскій Союзъ" къ Россійской Соціаль-Демократической Рабочей Партіи, равно какъ не ясно, входитъ-ли онъ въ партію соціалистовъ-революціонеровъ? Невольно, поэтому, является вопросъ не означаетъ-ли появленіе такого „смѣшаннаго" союза, въ сущности, возникновенія третьей соціалистической фракціи вмѣсто того, чтобы служить предвѣстникомъ сближенія между двумя, уже существующими?

Въ самомъ дѣлѣ: „смѣшанныя" организаціи подобнаго типа возникаютъ не на одномъ лишь Уралѣ. Въ Саратовѣ дѣйствуетъ подобная-же группа, но входящіе въ нее соціаль-демократы, стоятъ внѣ существующаго въ этомъ городѣ комитета нашей партіи. О такомъ-же фактѣ сообщаютъ намъ еще изъ одного города. Такимъ образомъ, соединеніе части мѣстныхъ соціаль-демократовъ съ соціалистами-революціонерами означаетъ въ то-же время отсутствіе единства между мѣстными соціаль-демократами, которыхъ желательно видѣть соединившимися между собой прежде, чѣмъ приступлено къ соединенію съ другими фракціями.

Съ другой стороны, мы видимъ, что уральскіе соціаль-демократы, вступая въ общую организацію съ соціалистами-революціонерами, признаютъ — хотя и въ очень странной формулировкѣ — цѣлесообразность террора. Въ то же время, напр., южные комитеты партіи на своей конференціи приняли резолюцію, признающую терроръ нецѣлесообразнымъ пріемомъ борьбы. Однородное отношеніе къ террору проявили и Бундъ, и другія соціаль-демократическія организаціи. Такимъ образомъ, уральскіе товарищи, рѣшая для себя тактическіе вопросы совмѣстно съ соціалистами-революціонерами, тѣмъ самымъ отдалились въ очень важномъ вопросѣ тактики отъ большинства русскихъ соціаль-демократовъ...

А отъ всего этого въ накладѣ остается прежде всего русскій пролетарій, въ интересахъ котораго рѣшаются всѣ эти вопросы и создаются всѣ эти организаціонныя постройки. Работалъ человѣкъ на югѣ и слышалъ, что соціаль-демократія отвергаетъ террористическую борьбу, считая ее идущей въ разрѣзъ съ интересами развитія классоваго движенія. Перенесла судьба на Уралъ — и онъ слышитъ, что соціаль-демократія совѣтуетъ членамъ своей партіи практиковать терроръ „за свой собственный страхъ и рискъ".

Не пора-ли, товарищи, серьезно взяться за устраненіе причинъ, которыя создаютъ столь ненормальное положеніе дѣлъ и до извѣстной степени объясняютъ этотъ разбродъ среди соціаль-демократовъ, слишкомъ много предпринимающихъ за свой страхъ и рискъ?

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ.

Изъ Москвы пишутъ:

„Уже два мѣсяца, какъ тюрьма завладѣла всѣми нашими мыслями и чувствами. Куда ни придешь, только и слышишь: „на 6 мѣс. въ тюрьму", „на 4 года въ Сибирь" или какіе нибудь невеселые комментаріи по этому поводу. Въ концѣ концовъ все это больше похоже на какой-то ужасный, мучительный кошмаръ, чѣмъ на реальную дѣйствительность. Едва успѣли уѣхать въ Сибирь первые 95 чел. (ихъ отправили 19-го марта), какъ прилетѣли изъ Петербурга новые приговоры по дѣламъ лицъ, взятыхъ отдѣльно по домамъ, приговоры, которыхъ не могло ожидать самое пылкое воображеніе обывателей. Такъ, напр., ссылается на 3 года въ Восточн. Сибирь молоденькая и довольно безпомощная дѣвушка, уличенная лишь въ томъ, что она за нѣсколько дней до сходки пріѣхала въ Москву къ родителямъ (она арестована 6-го февраля), ее обвиняли въ томъ, что она участвовала въ сообществѣ, имѣющемъ цѣлью подготовленіе безпорядковъ, и о существованіи котораго она ничего не знала. Ссылается туда-же въ качествѣ „возможнаго руководителя" и студентъ, уѣхавшій за мѣсяцъ изъ Москвы къ больной матери (ссылается на 4 года). Сколько всего будетъ послано въ Сибирь второй серіей приговоровъ, пока не выяснилось, но, вѣроятно, ихъ не мало. Вотъ списокъ попавшихъ въ первую партію (въ немъ пропущено 13 чел.):

На 5 лѣтъ: 1) Церетелли, 2) Будиловичъ Игорь.

На 4 года: 1) Ховринъ, 2) Чулковъ, 3) Швейцеръ, 4) Сыромятниковъ, 5) Охримовичъ, 6) Будиловичъ Георгій, 7) Эбергель, 8) Батуринъ, 9) Баевъ, 10) Залыгинъ (или Зальминъ), 11) Коропачевъ Иванъ, 12) Висекъ, 13) Свѣшниковъ, 14) Теръ-Ивановъ, 15) Игнатьевъ, 16) Метальниковъ, 17) Переломовъ, 18) Боголюбовъ, 19) Бѣлоуховъ, 20) Голике, 21) Дрейеръ Николай, 22) Дрейеръ Сергѣй, 23) Добровъ, 24) Загорскій, 25) Костюнинъ, 26), Кашкаревъ, 27) Костецкій, 28) Корякинъ, 29) Лучининъ, 30) Токаревъ, 31) Мейеровичъ, 32) Половинцынъ, 33) Парновъ (или Парковъ), 34) Соболевскій, 35) Саврасовъ, 36) Соленовъ, 37) Сегеда, 38) Совковъ, 39) Тереховъ, 40) Царикъ, 41) Шебуевъ, 42) Кудрявцевъ, 43) Король, 44) Бѣловъ, 45) Котельниковъ, 46) Добровъ Вл., 47) Кожевниковъ, 48) Колокольниковъ, 49) Масалитиновъ, 50) Ратнеръ, 51) Кирѣевскій, 52) Николаева Людмила, 53) Андреевская, 54) Иковъ Вл., 55) Урисонъ Исаакъ, 56) Шугамъ Александръ, 57) Щеголевъ, 58) Сбытниковъ, 59) Барталонъ, 60) Барцевъ (или Барсовъ), 61) Батурина Ек., 62) Зайцева Анна, 63) Нейгедауеръ, 64) Второва, 65) Мечникова, 66) Панфилова (17-ти лѣтняя чахоточная дѣвушка).

На три года: 1) Орловъ, 2) Панейшвили, 3) Перьмикинъ, 4) Лазаревъ, 5) Рудневъ, 6) Турусовъ, 7) Целикманъ, 8) Волковъ Сергѣй, 9) Пикокъ (Великобританскій подданный — ему подлежитъ выборъ между Сибирью и вѣчнымъ изгнаніемъ изъ Россіи, избралъ первое; его мать — Бакунина).

На два года: 1) Коропачевъ, 2) Шалыттъ, 3) Ященко, 4) Глѣбовъ, 5) Алексѣева, 6) Позернъ.

Изъ осужденныхъ новой серіей приговоровъ пока извѣстны: на шесть лѣтъ въ Якутскую область — Богдановъ, техникъ, сынъ очень богатаго купца, на четыре года — Зильбербергъ, студентъ, сынъ богача, на три года: 1) Зотова, 2) Пинегина, 3) Устинова, 4) Новодворская, 5) Фелицына, 6) д-ца Пскуръ. Несомнѣнно, что общее число гораздо больше, это только случайныя свѣдѣнія.

Москва. Въ ночь съ 20-го на 21-ое апрѣля были обыски и аресты. Пока удалось узнать слѣдующія фамиліи арестованныхъ: Анаст. Потоцкая, Екат. Жидкова, Мелан. Жидкова, Флерова, Попова, Заварыкина, Лобачева, Боголюбовъ (стат. Губ. Земства), Гавриловъ и Никитинъ, служ. въ статист., Нейфельдъ (двѣ сестры). Были обыски и аресты среди рабочихъ.

Теофиполь, Волынской губ. Арестованы Мальцманъ съ женой и отвезены въ Кіевскую тюрьму.

Вологда. 23-го апр. арестованъ ссыльный П. Щеголевъ, содержится въ Вологдѣ. 24-го — ссыльная Третьякова, увезена въ Кострому.

Малмыжъ, Вятской губ. За майское празднество разосланы по деревнямъ ссыльные г. Малмыжа: Андреевъ, Березинъ, Величкинъ, Горбачевъ и Сверчевскій.

Нижній-Новгородъ. На 30-ое апрѣля было много обысковъ; арестованы бывш. курсистка Герингъ и Ромаренко. За демонстрацію на похоронахъ умершаго здѣсь товарища Рюрикова 12 лицъ подвергнуто аресту отъ 2 недѣль до 2 мѣс. За майскую демонстрацію въ Сормовѣ арестованы рабочіе: Петръ Заломовъ, Тимофеевъ, Совинъ, Пысинъ, Мих. и Петръ Дружкины, Шибаевъ, Самылинъ, Матвѣитевъ, Шишкинъ и еще 8 человѣкъ.

Пенза. Въ началѣ февраля арестованъ бывш. студентъ Ново-Александровск. Института Стрѣлковъ (увезенъ въ Саратовъ). Въ концѣ февраля взятъ бывшій гимназистъ Черновъ; въ началѣ марта реалистъ Найдичъ, одновременно съ этимъ обыскъ у семинариста Архангельскаго; 16-го апр. былъ обыскъ у семинариста Гумилевскаго въ пенсіонѣ семинаріи, найдена нелегальная литература; вслѣдъ за чѣмъ всѣ семинаристы обысканы. Гумилевскій скрылся. Въ тотъ же день обыскъ у техника В. Соболева. 18-го апрѣля арестованъ бывш. студентъ Харьковск. Ветеринрнаго Института Николай Студенцовъ и произведенъ обыскъ у солдатъ 5 роты резервнаго Мокшанскаго батальона. 20-го апр. обыскъ у гимназиста Соколова, 21-го у гимназиста Мушанова. Семинарія закрыта.

Пензенскій уѣздъ. Въ селѣ Безсоновкѣ въ срединѣ апрѣля произведены жандармами обыски у крестьянъ. Взята нелегальная литература.

Чембарскій уѣздъ, Пензенской губ. уѣздная полиція нашла въ нѣсколькихъ селахъ нелегальную литературу. Арестованъ ученикъ Саратовск. Земледѣльч. школы Ивановъ и съ нимъ нѣсколько крестьянъ.

Оренбургъ. Арестованъ ссыльный Доливо-Добровольскій.

Баку. Послѣ демонстраціи 21-го апр. взяты: Е. Голикова (бывш. слуш Высш. Женск. Кур), Р. Бабикова (фельдшерица), Л. Кнуньянцъ (студ. Кіевск. Политех.), Б. Кнуньянцъ (вольноопр.), Т. Кнуньянцъ (художникъ), А. Бекзадьянцъ (студ. Кіевск. Политех.), А. Инокидзе (техникъ), И. Меликъ-Іосифьянцъ (бывш. студ. технол.), Н. Казаренко, гимназисты Назарьянцъ и Чикнаворьянцъ и нѣсколько рабочихъ (фамиліи неизвѣстны). Всего сидятъ въ тюрьмѣ 31 мущ. и 3 женщины.

Пермь. 27-го апрѣля въ Мотовилихѣ произведены обыски, арестовано 11 рабочихъ (6 уже выпущено). 3-го мая арестованъ крестьянинъ Вас. Балахнинъ съ Юговскаго завода (бывшій школьный сторожъ). Тамъ-же арестованъ казанскій студентъ Шнееровъ.

Воронежъ. Кардашевъ, Рудковскій и Махновецъ, арестованные 1-го апрѣля и выпущенные черезъ недѣлю, взяты вновь и отвезены вмѣстѣ съ остальными лицами, арестованными 1-го апрѣля, въ Москву. Юлія Махновецъ содержится въ мѣстной тюрьмѣ.

Въ концѣ апрѣля арестованы: Чернышевъ, Земинъ, Рудневъ, Савинъ.

На границѣ арестованы: Квятковскій, Мальчевскій, Нарочницкая.

Во Владимірѣ — Багаевъ.

Въ Ярославлѣ — Варенцова.

Изъ Вятки отъ 27-го марта сообщаютъ:

„Здѣсь новый синій офицеръ изъ зубатовской школы навезъ провокаторовъ и шпіоновъ; одинъ провокаторъ въ формѣ студента политехника даже устроилъ порядочную сходку. На этихъ дняхъ былъ пойманъ съ поличнымъ (съ письмомъ къ полиціймейстеру) одинъ ссыльный по фамиліи Вильямсонъ. Онъ сознался во всемъ рѣшительно, до мельчайшихъ подробностей, и оказалось, что высылкой ссыльныхъ изъ Вятки, обысками и послѣдними арестами обязаны ему. За все это онъ успѣлъ получить 60 руб Ему остается до конца ссылки 2 мѣсяца, и онъ уѣзжаетъ изъ Вятки, такъ что это нужно имѣть въ виду другимъ."

Петербургъ, 7-го апрѣля 1902 г. (стар. стил.).

Передъ 19-ымъ февраля въ виду ожидавшейся демонстраціи, слухи о которой впослѣдствіи оказались ложными, въ Петербургѣ были произведены аресты. Въ числѣ прочихъ былъ арестованъ статистикъ Орловъ, жившій въ Петербургѣ и принимавшій дѣятельное участіе въ соціаль-демократической организаціи.

Всѣ арестованные были посажены въ Домъ Предварительнаго Заключенія, гдѣ о нихъ повидимому, совершенно забыли, такъ какъ не присылали слѣдователя. Въ 10-хъ числахъ марта рѣшили голодать.

Орловъ также принималъ участіе въ голодовкѣ, но по слабости здоровья не выдержалъ и заболѣлъ. Тогда тюремное начальство примѣнило къ нему искусственное питаніе, — состоящее въ насильственномъ введеніи пищи черезъ зондъ, способъ, которымъ оно нерѣдко пользуется за послѣднее время.

Неизвѣстно, это-ли было причиной или еще что-нибудь подобное повліяло на психическое состояніе Орлова, но въ ночь съ 22-го на 23-ье марта онъ повѣсился. Сейчасъ-же явился прокуроръ, слѣдователь; обѣщали разсмотрѣть дѣло, но до послѣднихъ дней никакихъ результатовъ этого обѣщанія еще нѣтъ.

Изъ Кіева. Одинъ арестованный, не желая, чтобы бумажка, на которой были записаны адреса рабочихъ, попала въ руки жандармовъ, проглотилъ ее у нихъ на глазахъ. Тогда его связали и били по всему тѣлу, а главное по животу, чтобы вызвать рвоту.

Некрологъ.

1) Въ Сольвычегодскѣ, Вологодской губ. отравился товарищъ Казиміръ Людвиговичъ Тышко....

Арестовали его въ Дерптѣ 10-го апрѣля 1899 г. въ самый разгаръ студенческаго движенія, въ которомъ онъ принималъ участіе; обвиняли въ принадлежности къ „Дерптскому Союзному Совѣту объединенныхъ землячествъ и организацій" и къ „Дептской кассѣ помощи революціонному дѣлу", продержали въ тюрьмѣ больше года и затѣмъ выслали въ Вологодскую губ. на три года. Узнавъ о приговорѣ надъ товарищемъ Езіоровскомъ, сосланнымъ въ каторжныя работы, съ которымъ онъ былъ близокъ по Варшавѣ, гдѣ былъ студентомъ до 1895 г., онъ сдѣлалъ попытку бѣжать. Потытка не удалась... Жизнь тяжело доставалась покойному. Сынъ мелкаго почтоваго чиновника изъ царства Польскаго онъ еще на классической скамьѣ долженъ былъ самъ зарабатывать себѣ хлѣбъ. Человѣкъ съ рѣзко выраженнымъ революціоннымъ темпераментомъ, пылкій и горячій, онъ всегда и прежде всего цѣнилъ въ людяхъ ихъ готовность „животъ свой положить за други своя", ихъ вѣру въ торжество революціоннаго дѣла, ихъ любовь къ нему, ихъ способность беззавѣтно отдаваться борьбѣ. И самъ онъ беззавѣтно отдавался революціонной работѣ. Отдавался и совсѣмъ мальчикомъ-гимназистомъ и юношей-студентомъ, и теперь въ ссылкѣ, гдѣ всѣ его мечты и всѣ надежды заключались въ томъ, чтобы вернуться туда, гдѣ кипитъ жизнь и борются люди. Для этого онъ и пытался бѣжать.... Ему, страстно любившему революціонное дѣло, горячо вѣрившему въ него, были вдвойнѣ и втройнѣ тяжелы угрюмые „хромоногіе" дни ссылки... Онъ хотѣлъ заглушить свою жажду жизни и борьбы книгой, научными занятіями, литературной работой и не могъ... Рукописи сжигались, тянулись тѣ же однообразные дни съ тысячью и одной пошлостью маленькаго городишки, впереди, казалось, долго, долго ничего иного не будетъ... И покойный рѣшилъ сразу покончить съ тяжелой, черезчуръ тяжелой для него — человѣка борьбы — жизнью...

„Хорошо умереть молодымъ"... сказалъ Некрасовъ. Хорошо-ли? И крестъ надъ могилой Тышко не явится-ли лишнимъ живымъ укоромъ всѣмъ знавшимъ и не знавшимъ его, тѣмъ, которые смотрятъ и не видятъ, слушаютъ и не слышатъ....

2) Въ Ростовѣ на Дону покончилъ жизнь самоубійствомъ бывшій петербургск. студентъ Георгій Поповъ, высланный послѣ демонстраціи 4 го марта 1901 г.

3) Въ Нижнемъ Новгородѣ въ концѣ апрѣля умеръ отъ разрыва сердца бывшій студентъ Казанскаго Ветеринарнаго Института Борисъ Ивановичъ Рюриковъ, арестованный въ Казани въ февралѣ 1901 г. по соціаль-демократическому дѣлу и высланный послѣ 7-ми мѣсячнаго заключенія, подорвавшаго его силы.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Заграничной Лигой Русской Революціонной Соціаль-Демократіи получено:

Отъ Зп. 4б. 100 руб., отъ Ж. Ж. — обычный годичный взносъ — 360 руб., отъ организаціи Юга 10 руб., отъ Архаровца 15 руб., черезъ Архаровца за Искру 31 руб., отъ З. Ж. 2 руб. 75 коп., отъ Кременчугскаго Комитета 25 руб., отъ В. В. 9 руб., черезъ Ъ. С. отъ Я. 25 руб., отъ рабочихъ сахарн. завода 37 руб. 25 коп., отъ Д. К. 150 мар., 118 фр. съ Волги черезъ Цюрихъ, отъ велосипедиста изъ Льежа 21 фр., изъ Женевы черезъ Г. 20 фр., съ реферата 32 фр. 50 с., за литературу 100 фр., отъ Горняковъ въ Л. 23 мар.

Черезъ А. Аксельрода: съ реферата Долина 10 фр., съ реферата Арсеньева 12 фр., за майскую литературу 13.30 фр., на изданіе Туна 10 фр., на „Искру" за апрѣль 38.30 фр., за литературу изъ гор. Л—а 50 фр.

Со всѣми требованіями на нашу литературу просимъ обращаться изъ за границы по адресу: **Herrn P. Axelrod, Zürich, Vogelsangstrasse 9/II.**

По поводу многократныхъ обращеній къ намъ съ вопросомъ о томъ, какъ сноситься съ „Искрой" людямъ, попадающимъ заграницу, мы повторяемъ, что изъ за границы слѣдуетъ посылать всѣ и всякія письма, матеріалы и деньги на адресъ Дитца въ Штуттгартѣ:

Verl. J. H. W. DIETZ Nachfolger, STUTTGART

для редакціи „Зари".

Редакція „Зари" будетъ всегда немедленно пересылать намъ все, получаемое ею для „Искры".

Убѣдительно просимъ всѣхъ, пользующихся этимъ адресомъ, на внѣшнемъ конвертѣ писать только адресъ Дитца; указаніе же о передачѣ (для ред. „Зари") должно дѣлаться на внутреннемъ конвертѣ.

Типографія „Искры".

ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 22 ІЮЛЬ 1902 ГОДА. № 22

РУССКІЙ РАБОЧІЙ КЛАССЪ И ПОЛИЦЕЙСКІЯ РОЗГИ.

День перваго мая есть день международной рабочей демонстраціи. Въ этотъ день рабочіе всѣхъ странъ выступаютъ подъ однимъ знаменемъ — подъ краснымъ знаменемъ международной соціаль-демократіи. Въ этотъ день они наглядно показываютъ всѣмъ, имѣющимъ очи, что боевой кличъ авторовъ Коммунистическаго Манифеста: „пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!“ не остался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Въ этотъ день даже очень близорукіе люди видятъ, что мыслящіе пролетаріи всѣхъ странъ дѣйствительно соединились и что число немыслящихъ, — тѣхъ темныхъ тружениковъ, которые еще не пробудились къ сознательной соціально-политической жизни, — будетъ уменьшаться именно въ той мѣрѣ, въ какой сознательные рабочіе будутъ продолжать вліять на безсознательныхъ. День перваго мая показываетъ намъ, что уже сдѣлано въ рабочей средѣ и призываетъ насъ съ новой энергіей продолжать дѣйствовать въ ней, если только наша цѣль для насъ не пустое слово и если мы не забыли, что освобожденіе рабочихъ можетъ быть лишь дѣломъ самихъ рабоихъ.

Въ этотъ великій день господствующіе классы всѣхъ странъ чувствуютъ себя очень нехорошо: онъ напоминаетъ имъ о приближающейся соціальной революціи. И вотъ почему ихъ газеты злобно издѣваются надъ демонстрантами, а ихъ охранители „порядка“ — полицейскіе всѣхъ вѣдомствъ и всякихъ наименованій, — придираются къ рабочимъ гораздо усерднѣе, чѣмъ въ обыкновенное время. *A la guerre comme à la guerre* (на войнѣ — по военному). Но война имѣетъ свои законы. Законы этой войны, которая называется борьбой классовъ, опредѣляется — по крайней мѣрѣ тогда, когда дѣло еще не дошло до окончательной развязки, — политическимъ устройствомъ тѣхъ странъ, гдѣ она происходитъ. Въ конституціонныхъ странахъ, пользующихся благами политической свободы, рабочій классъ имѣетъ право печатно защищаться отъ нападокъ враждебной ему печати, а полиція сдерживаетъ свое охранительное рвеніе въ виду того, что и на нее есть законная управа. Не то у насъ въ Россіи. Рабочій классъ лишенъ у насъ всякой законной возможности открыто обсуждать и защищать свои интересы, полиція же наша прекрасно знаетъ, что воля начальства есть для нея высшій законъ, и что нѣтъ такого безчинства, за которое ее могли бы притянуть къ отвѣтственности, если только это безчинство совершено ею по приказанію свыше.

Самодержавіе главы государства на практикѣ равносильно самодержавію администраціи, это старая истина. Но и эта истина имѣетъ свои оттѣнки. Еще Герценъ замѣтилъ, что абсолютизмъ существовалъ когда-то и на западѣ, однако на западѣ никому въ голову не пришло высѣчь Спинозу или отдать Лессинга въ солдаты, въ Россіи же непремѣнно сдѣлали бы и то и другое. До какой степени справедливо это замѣчаніе, показываетъ вся исторія русской литературы, а еще лучше показываютъ это событія послѣднихъ лѣтъ. Отдача въ солдаты цѣлыхъ сотенъ студентовъ представляютъ собой фактъ, небывалый въ исторіи западно-европейскихъ университетовъ, а слухъ о сѣченіи участниковъ майской демонстраціи кажется тенденціозной ложью даже тѣмъ изъ людей Запада, которые хорошо помнятъ подвиги западно-европейскаго абсолютизма.

Унизительныя истязанія, которымъ подверглись наши товарищи не только въ Вильнѣ, но и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ, чрезвычано ярко характеризуютъ отношеніе царизма къ рабочему движенію. Царизмъ, — основывающійся на полномъ безправіи подданныхъ, — предполагаетъ, какъ свое непремѣнное условіе, ихъ совершенное безличіе и ихъ полную безсознательность. Майская демонстрація — дѣло сознательныхъ рабочихъ — громче, чѣмъ всѣ другія демонстраціи, свидѣтельствуютъ о томъ, что въ русскую рабочую среду уже проникъ свѣтъ сознанія, что въ немъ уже пробудилось чувство собственнаго достоинства. Столкновеніе было неизбѣжно и оно приняло ту форму, которую оно должно было принять, сообразно всему характеру царскаго правительства. Этому правительству нужны рабы. Въ лицѣ демонстрантовъ передъ нимъ явились смѣлые граждане. И вотъ оно схватилось за розгу, чтобы напомнить этимъ гражданамъ, что чувства, ихъ воодушевляющія, составляютъ у насъ запрещенный товаръ, и что тѣхъ, кто его распространяетъ, ждетъ послѣдняя степень униженія.

Свистъ розогъ характеризуетъ нынѣшній нашъ политическій порядокъ несравненно лучше, чѣмъ могъ бы характеризовать его громъ выстрѣловъ. Сѣченіе — наказаніе, придуманное для рабовъ, — показываетъ, что самодержавіе царя, равносильное самодержавію администраціи, означаетъ въ то же время полное рабство пролетаріата. Оно разоблачаетъ колоссальную, по своему безстыдству, ложь зубатовской политики: чего ждать русскимъ рабочимъ отъ правительства, которое поретъ ихъ розгами за участіе въ такой демонстраціи, которая совершенно свободно совершается тамъ, гдѣ трудящаяся масса завоевала себѣ политическія права? ничего, кромѣ новыхъ цѣпей, ничего, кромѣ новыхъ униженій! Русскіе рабочіе не могутъ возлагать на него ни самомалѣйшей надежды. Русскіе рабочіе должны проникнуться самой горячей, самой непримиримой ненавистью къ царизму.

„Теперь мы достаточно знаемъ, что такое нашъ старый абсолютизмъ, — говорилъ Фердинандъ Лассаль въ одной изъ своихъ громовыхъ рѣчей. — Потому прочь всякія колебанія, прочь всякая нерѣшительность! За горло его и колѣно ему на грудь!“

Многіе и многіе изъ тѣхъ русскихъ рабочихъ, которые уже начали задумываться объ интересахъ своего класса, но которые еще не рѣшались выйти на путь революціонной борьбы съ правительствомъ, теперь, подъ вліяніемъ извѣстія о расправѣ съ участниками майской демонстраціи, навѣрно перестали колебаться, навѣрно разстались со всякой нерѣшительностью и прониклись страстнымъ желаніемъ поскорѣе положить конецъ нашему позорному политическому порядку, сдѣлавшему возможнымъ грубое издѣвательство надъ ихъ братьями рабочими. Они поняли, что первымъ крупнымъ шагомъ къ освобожденію русскаго рабочаго класса отъ его многочисленныхъ бѣдствій должно быть низверженіе царизма.

Нѣтъ, долженъ быть насилію предѣлъ!
Коль угнетенный права не находитъ,
Коль для него несносно стало бремя
. . . . . .
Когда ничто помочь ему не можетъ,
Тогда ему остался острый мечъ!..

Полицейская расправа съ участниками майской демонстраціи громко вопіетъ о мщеніи. Ни одинъ сознательный русскій пролетарій, ни одинъ искренній другъ русскаго пролетаріата не имѣютъ права успокоиться до тѣхъ поръ, пока месть не совершилась. Но какъ мстить? Кого карать? Вотъ вопросъ, настоятельно требующій отъ насъ отвѣта.

Самоотверженный Лкеертъ рѣшилъ его по своему, направивъ нѣсколько пуль въ виленскаго оберъ-палача. Вѣчная память герою. Но герой погибъ, а иго царизма попрежнему давитъ на израненныя плечи русскаго рабочаго класса, и по прежнему позоръ розги угрожаетъ всему трудящемуся населенію Россіи за самомалѣйшее проявленіе самосознанія и независимости. Какъ избавиться отъ этой угрозы, одно существованіе которой есть уже кровная обида всему трудящемуся населенію Россіи?

По нашему мнѣнію, къ этой цѣли ведетъ только одинъ путь, но за то этотъ путь вполнѣ вѣренъ и наша партія не можетъ миновать его въ настоящее время.

Если вчера Иванъ подвергнутъ былъ тѣлесному истязанію въ участкѣ, а сегодня Петръ убьетъ кого-нибудь изъ полицейскихъ, то человѣческое достоинство Ивана все таки останется поруганнымъ. Вѣра Засуличъ выстрѣлила въ Трепова, приказавшаго высѣчь Боголюбова розгами. Этотъ поступокъ сдѣлалъ честь Вѣрѣ Засулячъ, но, къ сожалѣнію, онъ не вывелъ Боголюбова изъ невыносимаго нравственнаго состоянія. Наша ближайшая практическая задача заключается не въ томъ, чтобы карать отдѣльныхъ слугъ царя, — мы все равно не въ состояніи были бы покарать каждаго изъ нихъ въ отдѣльности, — а въ томъ, чтобы вообще отбить у правительства охоту отвѣчать на демонстраціи розгами. А этого мы не достигнемъ самоотверженными дѣйствіями отдѣльныхъ лицъ; этого можно достигнуть только отчаяннымъ сопротивленіемъ со стороны всѣхъ тѣхъ, кому угрожаетъ тѣлесное истязаніе.

Администрація имѣла законное право сѣчь революціонеровъ, заключенныхъ въ Шлиссельбургскую крѣпость: она не пользовалась этимъ правомъ, она хорошо знала, что шлиссельбургскихъ узниковъ можно повѣсить, можно задушить подушками, можно заколоть штыками или убить прикладами, но нельзя наказать розгами. Она понимала, что они будутъ сопротивлятьея до послѣдней крайности и что вслѣдствіе этого вмѣсто „наказанія“ произойдетъ просто на просто изувѣченіе или даже убійство одного или нѣсколькихъ заключенныхъ — фактъ, способный надѣлать много непріятнаго шуму въ Россіи и за-границей. Отчаянная рѣшимость предохраняла шлиссельбургскихъ узниковъ отъ поруганія. Она же предохранитъ отъ него и нынѣшнихъ участниковъ демонстрацій.

И пусть не говорятъ намъ, что въ Шлиссельбургѣ заключены революціонеры, энергія которыхъ была закалена цѣлыми годами борьбы, между тѣмъ какъ въ демонстраціяхъ могутъ принимать участіе обыкновенные, „средніе“ люди, только что вышедшіе на путь протеста. Между арестованными демонстрантами, навѣрное, всегда найдется нѣсколько закаленныхъ и испытанныхъ борцовъ, способныхъ взять на себя починъ сопротивленія и увлечь за собой среднихъ людей „толпы“. Русская трудящаяся масса, — рабочій городской и сельскій, — уже пережилъ тотъ періодъ дѣтства, въ теченіе котораго онъ легко мирился съ розгой. Теперь она глубоко оскорбляетъ его нравственное достоинство, и его уже не трудно заразить примѣромъ самозащиты.

Сопротивленіе палачамъ; сопротивленіе во что бы то ни стало; сопротивленіе до послѣднихъ силъ, до послѣдняго издыханія, — вотъ необходимый теперь отвѣтъ на полицейскія розги. Благодаря такому сопротивленію, сцены „исправительнаго наказанія“ уступятъ мѣсто гораздо болѣе драматическимъ сценамъ геройской самозащиты революціонеровъ въ полицейскихъ застѣнкахъ. И если послѣ такой самозащиты, — которая, разумѣется, поведетъ за собою многія „непріятности“ и даже опасности для руководителей полицейской расправы, — если даже и послѣ нея полицейскимъ варварамъ удастся таки подвергнуть истязанію своихъ побѣжденныхъ плѣнниковъ, то изъ такого истязанія совершенно исчезнетъ элементъ „наказанія“, ломающаго волю наказуемаго и заставляющаго его, подобно рабу, покорно ложаться подъ розги побѣдителя, останется только элементъ живодерства, напоминающій тѣ мученія, которымъ краснокожіе дикари Америки подвергали своихъ враговъ. И это мучительство окажется такимъ могучимъ агитаціоннымъ средствомъ; оно покроетъ правительство такимъ позоромъ; оно вызоветъ къ нему такую жестокую ненависть во всѣхъ слояхъ населенія, что отъ него вынуждены будутъ отказаться даже самые допотопные помпадуры.

Отдѣльныя лица, способныя на самоотверженный подвигъ, бывали у насъ прежде; они есть и теперь. Но самоотверженные подвиги отдѣльныхъ лицъ не устранятъ нынѣшней нашей политической системы; а намъ нужно устранить именно всю эту систему, потому что только ея полное крушеніе, только полное политическое освобожденіе Россіи можетъ достойно отомстить за всѣ притѣсненія и за всѣ униженія, испытываемыя русскимъ пролетаріатомъ со стороны нашего полицейскаго государства. Намъ, стоящимъ на точкѣ зрѣнія пролетаріата, необходимо вдохнуть духъ героизма въ рабочую массу. И мы вдохнемъ его въ нее, потому что русскій рабочій уже не рабъ по своему настроенію, потому что онъ уже сознаетъ свое достоинство и способенъ носить съ честью „гражданина санъ“.

Итакъ, надо сопротивляться розгѣ. Но этого недостаточно. Надо умѣть также сопротивляться и арестамъ во время демонстрацій. „Искра“ давно уже указывала на то, что необходимо организовать такое сопротивленіе. Она указывала отчасти и на то, какъ можно, по ея мнѣнію, организовать его. Но этотъ послѣдній вопросъ принадлежитъ къ числу тѣхъ практическихъ вопросовъ, которые лучше всего рѣшатся на мѣстѣ соединенными силами сознательныхъ рабочихъ. Мы же скажемъ теперь одно: эти сознательные рабочіе должны помнить, что на нихъ лежитъ теперь великая обязанность: обязанность помѣшать полиціи остановить революціонное воспитаніе массы.

СОЦІАЛИЗМЪ И ЦЕРКОВЬ.

Соціализмъ и церковь.

Въ прошломъ номерѣ „Искры“ мы напечатали проэктъ партійной программы. Какъ это ни покажется удивительнымъ нашимъ читателямъ, однимъ изъ первыхъ на наше предложеніе высказаться о проектѣ, отозвался... одинъ священникъ. Вотъ что пишетъ онъ въ письмѣ въ редакцію:

М. Г. г-нъ Редакторъ!

Прошу помѣстить въ „Искрѣ“ это письмо.

Прочитавъ программу требованій „Искры“, я нашелъ, что всѣ эти требованія соотвѣтствуютъ смыслу религіи и духу православной церкви, болѣе же всего отдѣленіе церкви отъ государства.

Мы, намѣстники апостоловъ, призванные руководиться ниспосланнымъ на насъ Святымъ Духомъ и нашей совѣстью, не имѣемъ права выбирать изъ своей среды наиболѣе одаренныхъ и уважаемыхъ братьевъ, какъ нашихъ руководителей, — это право русское правительство, состоящее изъ убогихъ людей, гордецовъ, доносчикоъ и убійцъ, оставило за собой. Оставшіеся со временъ патріарховъ безъ руководителей, не имѣющіе свободы совѣсти священники, мы отъ поколѣнія къ поколѣнію забывали наши обязанности, вдались въ пороки — и слѣдствіемъ было, что многіе неразумные люди смѣшивали настоящій порядокъ вещей и дѣйствія духовныхъ лицъ, недостойныхъ своего званія, съ ученіемъ православной церкви. Воспитаніе будущихъ священнослужителей поставлено благодаря правительству изъ рукъ вонъ плохо, мы выходимъ изъ школъ, неподготовленные къ нашему высокому званію и вмѣсто служителей Бога и совѣсти мы дѣлаемся какъ бы чиновниками государства.

Мы знаемъ слова Господа Апостолу Петру, но объясняемъ сомнѣвающимся людямъ, что война — печальная необходимость; мало того, мы, призванные охранять людей отъ братоубійства, носимъ на груди около священнаго воспоминанія о кончинѣ убитаго Іисуса Христа — креста медали, которыя жалуетъ убійцамъ-солдатамъ правительство за ихъ преступленіе. Благодаря неразумію и неподготовленности мы даже помогаемъ правительству въ его преступленіяхъ (приходскія школы).

Я не буду перечислять этихъ больныхъ для меня свойствъ русскаго духовенства, но только укажу на то, что все это дѣло рукъ правительства, которому права совѣсти были неудобны (вспомнимъ Филиппа) и которое теперь, сдѣлавъ изъ своего противника — пособника, смѣетъ уже совершать свои преступленія именемъ православной церкви.

Я протестую противъ этого самозванства. Я сочувствую соціализму, какъ имѣющему цѣлью свободу совѣсти и братство людей и идущему къ ней мивнымъ путемъ безъ пролитія крови ближняго, но осуждаю отношеніе русскихъ соціалистовъ къ духовенству. Соціалисты издаютъ свободное слово къ рабочимъ, къ интеллигенціи, къ крестьянству, но для угнетенныхъ и затемненныхъ священнослужителей, которые только благодаря своему непониманію тормозятъ честное и хорошее дѣло, у нихъ не находится освѣщающаго событія и факты слова.

Я самъ читалъ воззванія къ солдатамъ, но никогда не видѣлъ обращенія къ духовнымъ лицамъ.

Я повторяю, что мы находимся въ исключительныхъ условіяхъ; чтобы изъ прежняго православнаго духовенства, защитника слабыхъ, укорителя притѣснителей, выработать такихъ затемненныхъ людей, какіе мы сейчасъ въ большинствѣ, нужны были исключительныя ухищренія и, слѣдовательно, теперь нужны исключительныя мѣры, чтобы привлечь на вашу сторону вашихъ естественныхъ союзниковъ — священнослужителей, которые противопоставятъ тогда разбойникамъ, направляющимъ оружіе на беззащитную и мирную толпу негодующій взглядъ намѣстника Христа. Передъ этимъ взглядомъ опустится оружіе и для русскихъ людей настанетъ время свободнаго самоуправленія безъ царей и ихъ наушниковъ.

Прошу другія соціалистическія газеты перепечатать это письмо.

Духовный.

С. Петербургъ іюнь 1902 года.

* * *

Съ большимъ удовольствіемъ печатаемъ мы это письмо, хотя и не можемъ согласиться со многими мыслями, изложенными въ немъ. Авторъ письма протестуетъ противъ нынѣшняго положенія православной церкви, являющейся однимъ изъ органовъ всемогущей чиновничьей машины, преслѣдующей цѣли укрѣпленія самодержавія и порабощенія народа. Совершенно справедливо онъ находитъ, что такая связь церкви съ государствомъ неминуемо развращаетъ ея служителей. Мы привѣтствуемъ откровенное заявленіе одного изъ послѣднихъ объ этомъ несомнѣнномъ фактѣ и находимъ вполнѣ послѣдовательнымъ требованіе автора объ отдѣленіи церкви отъ государства. Это требованіе должно быть написано на знамени каждой прогрессивной партіи, его должна отстаивать во что бы то ни стало партія рабочаго класса — соціальдемократія.

Мы несогласны съ авторомъ постольку, поскольку онъ, повидимому, ожидаетъ, что освобожденіе церкви отъ связи съ государствомъ превратитъ ее въ прогрессивное учрежденіе, способное отстаивать дѣло свободы и соціальнаго преобразованія, и поскольку онъ идеализируетъ прошлое православнаго духовенства которое, по его мнѣнію, было „защитникомъ слабыхъ, укорителемъ притѣснителей“ до тѣхъ поръ, пока духовенство не было подчинено правительству.

Правда, что въ прошломъ русскаго духовенства встрѣчались отдѣльные дѣятели, защищавшіе во имя христіанскихъ началъ интересы слабыхъ и притѣсненныхъ; но такіе идеалисты были рѣдкими исключеніями, въ громадномъ же большинствѣ православное духовенство, какъ и всякое другое духовенство, во всѣ времена было прихвостнемъ угнетающихъ и эксплуатирующихъ классовъ. Какъ и вездѣ, въ Россіи церковь всегда играла роль охранительной силы; какъ и вездѣ, она была врагомъ прогрессивной мысли, отстаивала приниженность человѣческой личности передъ неразгаданными тайнами природы и общественнаго порядка; какъ и вездѣ, на этой приниженности человѣка основывались ея власть и матеріальные интересы ея членовъ. И такой всегда будетъ роль церкви, какъ представительницы религіозной идеи, непримиримо враждебной знанію и истинно-человѣческой нравственности.

Соціализмъ, какъ борьба за освбожденіе человѣка отъ всякаго рабства, въ томъ числѣ и отъ рабства духовнаго, объявляетъ войну религіозной идеѣ и ея представительницѣ — церкви И если въ рядахъ служителей современнаго духовенства встрѣчаются люди, которые, несмотря на все развращающее вліяніе своей среды, проникаются симпатіей къ освободительному движенію рабочаго класса, то они — если они искренни, послѣдовательны и безстрашны — послѣ тщетныхъ попытокъ примирить дѣло религіи съ дѣломъ страждущаго человѣчества, оказываются вынуждены бросить церковь, убѣдившись въ томъ, что она служитъ интересамъ эксплуататоровъ, и войти въ ряды революціонныхъ борцовъ. Такъ поступили нѣмецкій пасторъ Гере, голландскій — Домела Ньювенгайсъ, французскій аббатъ Шарбоннель и нѣкоторые другіе. Тѣ же изъ священниковъ, которые не нашли въ себѣ силъ оторваться отъ церкви, при всей готовности работать для народа, въ концѣ концовъ остались жалкими приспѣшниками господствующихъ классовъ и врагами народнаго движенія. Такъ было съ аббатомъ Дансомъ въ Бельгіи, съ пасторомъ Науманомъ въ Германіи и съ ксендзомъ Стояловскимъ въ Галиціи.

Соціальдемократія будетъ бороться за полное отдѣленіе церкви отъ государства, за устраненіе церкви отъ руководства народнымъ обученіемъ и за полную свободу совѣсти.
Проведеніе этихъ реформъ лишитъ государство одного изъ орудій угнетенія народа и дастъ возможность свободной критикѣ бороться за освобожденіе народнаго сознанія отъ ига поддерживаемыхъ церковью предразсудковъ. При свободѣ совѣсти рвущаяся впередъ мысль народныхъ массъ не будетъ приковываться къ религіознымъ вопросамъ, какъ это бываетъ теперь (сектантство), а направится на тѣ вопросы „земной“ жизни, на которые она наталкивается всѣмъ ходомъ общественнаго развитія.

Значитъ ли это, что въ дѣлѣ борьбы за свою политическую программу рабочій классъ не можетъ ожидать поддержки со сто-

роны лучшей части русскаго духовенства? Отнюдь нѣтъ. Мертвящая неограниченная власть русскаго правительства способна вызвать протестъ среди самыхъ отсталыхъ слоевъ общества и, какъ видно изъ письма, она вызываетъ даже среди священниковъ стремленіе освободиться отъ позорной связи съ нею. Мы можемъ только привѣтствовать это стремленіе, какъ бы мы ни относились отрицательно ко всѣмъ надеждамъ на духовное возрожденіе церкви. И мы согласны съ авторомъ письма, что долгъ революціонеровъ занести пропаганду и въ эту среду. Сильно развившееся въ этомъ году движеніе среди воспитанниковъ духовныхъ семинарій показываетъ, что эта пропаганда не будетъ безплодной. Она пробьетъ брешь въ одномъ изъ устоевъ современнаго политическаго строя. Она привлечетъ къ революціонному движенію пролетаріата сочувствіе такихъ элементовъ, которые до сихъ поръ прятались въ глубинѣ вражескаго лагеря. А если она пріобрѣтетъ движенію хотя бы десятки честныхъ священниковъ, то услуги, которыя они смогутъ оказать нашему дѣлу (особенно въ деревнѣ) окупятъ затраченные на нее труды.

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Покойный егеръ-мейстеръ Сипягинъ въ роли римскаго папы, а виленскій губернаторъ фонъ-Валь въ роли епископа римско-католической церкви.

Изъ легальныхъ газетъ извѣстно, что Виленскій епископъ высланъ русскимъ правительствомъ на 5 лѣтъ въ городъ Тверь за свой циркуляръ, запрещающій родителямъ и воспитателямъ, подъ страхомъ лишенія покаянія, посылать своихъ дѣтей и питомцевъ въ русскія церковно-приходскія школы, такъ какъ въ нихъ съ нѣкоторыхъ поръ законъ Божій для католиковъ преподаютъ православные священники, которые вооружаютъ дѣтей противъ отцовской вѣры. Правительство обвинило епископа въ превышеніи власти и сослало. Епархія осталась безъ Епископа, но связанная, какъ его послѣднимъ циркуляромъ, такъ и всѣми его постановленіями, изданными за время своего правленія. Разрѣшить отъ нихъ, объявить ихъ недѣйствительными можетъ только одинъ папа, но и то, разсмотрѣвъ предварительно все дѣло и констатировавъ со своей стороны превышеніе власти епископомъ. Но такъ какъ въ данномъ случаѣ ничего подобнаго быть не могло, папа ни подъ какимъ видомъ не удалилъ бы епископа, мужественно защищавшаго исконныя права римско-католической церкви, и не нарушилъ бы его постановленія, то... (въ Россіи и невозможное возможно!) роль и право римскаго папы, съ обычной своей развязностью, взялъ на себя покойный егермейстеръ Сипягинъ. Онъ приказалъ виленскому губернатору фонъ-Валю (въ данномъ случаѣ по ходу дѣла — своему епископу), наложить запрещеніе на послѣдній циркуляръ своего удаленнаго предшественника. Фонъ-Валь 2-го апрѣля сего года разослалъ ксендзамъ приказъ, требуя отъ нихъ подписки въ томъ, что примѣнять послѣднее циркулярное распоряженіе бывшаго епископа они не будутъ. Но по смыслу законовъ своего каноническаго права, ксендзы дать такой подписки не могли. Лишь одинъ необдуманно подписался. Потомъ, сообразивъ, въ чемъ дѣло, взялъ свою подпись обратно. За это фонъ-Валь выслалъ его изъ Вильно. Казалось бы, теперь ужъ все кончено, ослушники напуганы, и повинныя подписи сами собой потекутъ въ канцелярію губернатора. Но не тутъ то было. Капелланъ Виленскаго костела св. Стефана, 60 лѣтній старикъ, прислалъ фонъ-Валю мотивированный отвѣтъ, въ которомъ подробно разъяснялъ, почему именно распоряженіе его отъ 2-го апрѣля, касающееся вопросовъ церкви, для ксендзовъ необязательно. Свое заявленіе капелланъ закончилъ словами:

...„Кто не дорожитъ единствомъ съ католической церковью, тотъ безъ затрудненія исполнитъ объявленное циркуляромъ Вашего Превосходительства требованіе бывшаго министра Вн. Дѣлъ; кому единство церкви и долгъ совѣсти дороже временныхъ выгодъ и благъ земныхъ, тотъ предпочтетъ ссылку или другое наказаніе."

Чѣмъ кончится это дѣло, — неизвѣстно. Вѣроятно начнутся длинные переговоры между римской куріей и русскимъ правительствомъ, не обойдется безъ сдѣлокъ и компромисовъ... Но фактъ остается фактомъ — наше правительство, повидимому, серьезно взялось и за религіозные вопросы... Ему мало духоборовъ, евреевъ, оно нарушаетъ уже исконные права католичества. Зачѣмъ это? Вѣроятно для того, чтобы было больше недовольныхъ.

Н. Н.

БЛЮСТИТЕЛИ ПРАВОСУДІЯ.

Ст. Тихорѣцкая. (Владикавказск. желѣзной дороги).

Въ началѣ мая здѣсь произошли крупные рабочіе безпорядки, вызванные слѣдующимъ трагическимъ происшествіемъ. Изъ Екатеринодара ѣхала въ Ростовъ какая-то дѣвушка, дочь чиновника. Она приглянулась ѣхавшему вмѣстѣ съ ней судебному слѣдователю (впрочемъ, говорятъ, что вмѣстѣ съ нимъ былъ и какой то офицеръ). Дѣло дошло до того, что г. судебный слѣдователь, ѣхавшій прямо изъ округа, гдѣ онъ представлялся по начальству, сдѣлалъ дѣвушкѣ гнусное предложеніе. Она съ негодованіемъ отвергла его. Тогда блюститель правосудія подкинулъ въ ея чемоданъ кое-что изъ своихъ вещей и сдѣлалъ на ст. Тихорѣцкой заявленіе, что спутница воровка, обокравшая его. Жандармы хватаютъ мнимую воровку, не смотря на ея протесты и требованіе телеграфировать отцу, котораго знаютъ всѣ въ Екатеринодарѣ, и препровождаютъ черезъ станичную полицію въ станичное управленіе. Здѣсь г. судебный слѣдователь былъ хозяиномъ положенія. Онъ изнасиловалъ несчастную дѣвушку, а затѣмъ предоставилъ ее въ распоряженіе чиновъ полиціи и вообще всѣхъ желающихъ. За слѣдователемъ очередъ перешла къ станичному атаману, далѣе къ станціоннымъ жандармамъ, писарямъ... Всѣ телеграммы, которыя несчастная пыталась отправить къ отцу, были задержаны на телеграфѣ, такъ какъ телеграфисты тоже приняли участіе въ этомъ дѣлѣ. Наконецъ несчастную задушили и влили ей въ горло карболки! подкупили врача, который далъ свидѣтельство, что она сама лишила себя жизни. Всѣ окружающіе были въ заговорѣ противъ одинокой дѣвушки—вся мѣстная „интеллигенція" приняла участіе въ этомъ. Неоткуда было ждать помощи. Но вотъ грянулъ громъ и надъ головами всей этой разнузданной шайки разразилась гроза. Вѣсть объ ужасахъ, творящихся въ стѣнахъ станичнаго управленія дошла до рабочихъ (на ст. Тихорѣцкой имѣются громадныя желѣзнодорожныя мастерскія). Только въ средѣ простого рабочаго люда судьба несчастной встрѣтила сочувствіе и народъ отомстилъ за поруганную честь и загубленную жизнь ея.

Всѣ рабочіе сбѣжались въ станицу и бросились преслѣдовать негодяевъ: разгромили станичное правленіе, разгромили почтово-телеграфную контору, разбили желѣзнодорожную станцію и канцелярію жандармовъ, избили страшно всю полицію и другихъ виновниковъ всей этой гнусной исторіи. Только тогда кто-то наконецъ далъ знать отцу. По его настоянію начато разслѣдованіе. Арестовано около 30 человѣкъ Начато и другое дѣло—разумѣется противъ рабочихъ. Арестовано много народу Аресты продолжаются. Всѣ фамиліи и подробности въ слѣдующій разъ.

Этотъ непосредственный и немедленный протестъ рабочихъ противъ гнусностей мѣстной жизни захолустій заслуживаетъ особаго вниманія. Онъ показываетъ, какая еще широкая область активнаго вмѣшательства пролетаріата во всю современную жизнь лежитъ передъ нами открытою. И когда пролетаріатъ, съ полнымъ сознаніемъ своей всемірно-освободительной задачи, возьмется за свое дѣло, онъ сумѣетъ найти тысячи поводовъ и тысячи новыхъ формъ для такого вмѣшательства во имя свободы, равенства и братства!

Ред.

Художники — и борьба за свободу (документъ изъ недавняго прошлаго).

Приводимъ интересную прокламацію, изданную въ Спб-ѣ „Союзомъ свободныхъ художниковъ" по поводу назначенной на 3-ье марта демонстраціи:

„Насиліе и произволъ, полиціи, санкціонируемые правительствомъ, слишкомъ рельефны, чтобы пройти безслѣдно для насъ служителей искусства.

Быть можетъ, требованіе политической свободы пугаетъ насъ, привыкшихъ безропотно подчиняться прихотямъ власть и деньги имущихъ, отдавать свои творческія силы на служеніе абстрактному искусству, чуждому общественныхъ тенденцій.

Всмотримся ближе въ нащихъ коллегъ по искусству: поэтовъ, писателей, журналистовъ. Развѣ Толстой, Некрасовъ Тургеневъ такіе узкіе служители искусства, какъ мы?

Только тогда мы будемъ друзьями народа, тогда будемъ имъ понимаемы и любимы, когда сроднимся съ нимъ и явимся выразителями общественнаго настроенія.

Не пугайтась свободы, она лишь развяжетъ намъ руки и дастъ сильное оружіе въ борьбѣ со зломъ.

Свободное общество скорѣе будетъ въ состояніи оцѣнить нашу работу, задача художника расширится.

Вмѣсто никому ненужнаго расписыванія церквей, изображенія сосны во всѣхъ видахъ и проч. явятся болѣе солидныя и болѣе нужныя публикѣ произведенія.

Свобода — нашъ братъ и сила, нужная намъ еще больше, чѣмъ врачамъ и инженерамъ.

Протестуйте противъ всякихъ оковъ и цѣпей!

Протестуйте открыто всѣми силами, не гнушайтесь демонстраціей! Это единственное средство заставить высшую власть призадуматься. Демонстрація и забастовка не простыя дѣтскія забавы. Это скрытый протестъ, вынесенный на улицу съ цѣлью сдѣлать его общимъ достояніемъ.

„Если даже и низринуто будетъ начинаніе ваше, пусть и тогда раздается побѣдная пѣснь вашей честности."

"Такъ говорилъ Заратустра."

Изъ писемъ ссыльныхъ студентовъ.

Красноярскъ 2-го апрѣля 1902года.

Еще за нѣсколько дней до нащего отъѣзда у насъ въ пересыльной чувствовалось, что насъ отправляютъ въ Сибирь. Былъ прощальный обѣдъ въ нашей камерѣ. Затѣмъ вечеромъ за нѣсколько часовъ до нашего прощанія всѣ съ разрѣшенія начальства собрались въ нашей 4-й камерѣ. Говорили стихи, пѣли. Около 10ч. пришелъ конвой. Всѣ отъѣзжающіе стали собираться, одѣлись. Начались рѣчи, прямо и безъ обиняковъ назвавшія, кто нашъ врагъ, за что мы боремся, чего желаемъ. Это все при начальствѣ и надзирателяхъ, державшихъ себя очень тактично. Затѣмъ началось тяжелое прощаніе съ товарищами на много лѣтъ. Впечатлѣніе отъ этой минуты осталось тяжелое... Выйдя за рѣшетку, раздѣлившую насъ отъ оставшихся, мы просовывали имъ руки, жали еще разъ руки людей, съ которыми боролись вмѣстѣ. Внизу стояли конвойные солдаты... начался пріемъ вещей и людей. Насъ свѣряли съ карточками, приложенными къ документамъ „политическаго ссыльнаго" такого-то. Затѣмъ поздно ночью мы столпились въ корридорѣ внизу. За рѣшеткой съ улицы пришелъ какой-то полицейскій офицеръ. Рядъ насмѣшекъ, парализовать которыя онъ уже былъ не въ силахъ (ибо мы уже были во власти конвоя, которому не было дѣла до почтеннаго полисмэна) заставилъ негодяя удалиться во свояси. Тихо запѣли затѣмъ мы какую-то пѣсню, соотвѣтствовавшую положенію. (Если погибнуть придется въ тюрьмахъ и шахтахъ сырыхъ, дѣло всегда отзовется на поколѣньяхъ живыхъ... и. т. д.) Наше, хотя и негромкое, пѣніе услыхали наверху оставшіеся товарищи и отвѣтили въ послѣдній разъ пѣніемъ „Марсельезы". Насъ стали разсаживать по каретамъ. Нѣсколько лишь курсистокъ проводили насъ у воротъ тюрьмы. Затѣмъ началось нескончаемое путешествіе по Россіи въ двухъ вагонахъ, наполненныхъ новоиспеченными „преступниками", разсаженными за рѣшетку, какъ вредные люди... По пріѣздѣ сюда (въ Красноярскъ), насъ отвели въ здѣшнюю пересыльную тюрьму. Но мы отказались жить въ той тѣснотѣ. какую нашли. Насъ поэтому отвели въ хирургическій баракъ здѣшней тюремной больницы, очистивъ его, конечно, отъ больныхъ. Одну ночь, впрочемъ, мы проспали съ больными. Москвичей здѣсь много и ихъ уже развозятъ на мѣста жительства, около 30ч. изъ нихъ отправляютъ въ якутскую область, 6 курсистокъ отправляются туда на 4 года. Поймите весь ужасъ положенія, когда каждую изъ нихъ посадятъ въ какой-нибудь, въ лучшемъ случаѣ, городъ Якутки — одну — въ глуши, гдѣ нѣтъ ни дорогъ, ни почтъ... Только здѣсь можно понять, что это значитъ. Посмотрѣли бы вы, въ какой грязи держатъ здѣсь арестантовъ. Двое изъ москвичей — одинъ студентъ и одна курсистка — заболѣли здѣсь тифомъ. Ихъ посадили въ больницу

ФЕЛЬЕТОНЪ

„ВОЗМУТИТЕЛЬНЫЙ ПО СВОЕЙ ДЕРЗОСТИ СЛУЧАЙ."

Въ редакціи получены копіи съ нѣсколькихъ документовъ относящихся до одного незначительнаго происшествія, случившагося еще въ 1898 году, при чемъ самый позднѣйшій изъ этихъ документовъ помѣченъ маемъ 1900 года, но не смотря на незначительность всей этой исторіи и ея запоздалое оглашеніе, въ ней такъ много характернаго и поучительнаго, что мы не можемъ не подѣлиться ею съ читателями. Начнемъ съ „всеподданнѣйшаго министерскаго доклада отъ 26 октября 1898 г.," вводящаго насъ прямо въ курсъ дѣла.

„Директоръ Полтавской земской школы садоводства и огородничества поручикъ запаса Налимовъ, возвратясь въ іюлѣ сего года изъ отпуска, усмотрѣлъ по вступленіи вновь въ должность нѣкоторый упадокъ дисциплины среди учениковъ и обнаружилъ запрещенную брошюру. Убѣдившись, путемъ произведеннаго имъ лично по сему поводу разслѣдованія, что виновникомъ намѣченныхъ нарушеній является сторожъ школы крестьянинъ Сѣрашъ, имѣющій на воспитанниковъ вредное дліяніе, Налимовъ устранилъ послѣдняго отъ должности. Затѣмъ, въ виду стремленія Сѣраша поддерживать сношенія съ воспитанниками и по увольненіи со службы, Налимовъ довелъ объ этомъ до свѣдѣнія начальника мѣстнаго губернскаго жандармскаго управленія, по распоряженію коего Сѣрашъ былъ обысканъ и вслѣдствіе обнаруженія у него революціонныхъ сочиненій былъ подвергнутъ аресту. Произведеннымъ по сему поводу дознаніемъ выяснено, что отобранная у воспитанника школы садоводства подпольная брошюра дана ему Сѣрашемъ, который во время службы своей при школѣ велъ среди учениковъ антирелигіозную и противоправительственнаго характера пропаганду. Вслѣдъ за увольненіемъ Сѣраша отъ должности и его арестомъ нѣкоторые служащі въ Полтавской губернской управѣ собрались въ числѣ 26 лицъ въ квартирѣ завѣдующаго музеемъ управы кандидата естественныхъ наукъ Олѣховскаго, гдѣ составили и подписали нижеслѣдующее постановленіе.

„„Мы нижеподписавшіеся, обсудивъ поступокъ управляющаго Полтавской школы садоводства и огородничества Полтавскаго губернскаго земства В. П. Налимова, заключающійся въ доносѣ жандармскому управленію на лицо, доставившее одному изъ учениковъ школы произведеніе нелегальной литературы, нашли: 1) въ распоряженіи г. Налимова, какъ управляющаго школой, имѣлся цѣлый рядъ средствъ для предупрежденія случаевъ подобныхъ указанному. Изъ этихъ средствъ г. Налимовъ выбралъ и примѣнилъ то, которое наименѣе согласуется съ требованіями элементарной порядочности: именно доносъ жандармскому управленію, слѣдствіемъ чего былъ арестъ означеннаго лица.

2) Такой образъ дѣйствій г. Налимова, не соотвѣтствуя общему представленію о порядочности, въ частности находится въ совершенномъ противорѣчіи съ лучшими традиціями земской дѣятельности, постояннымъ орудіемъ которой было и должно быть развитіе знаній, а не административное воздѣйствіе.

Усматривая въ виду изложеннаго въ поступкѣ г. Налимова ничѣмъ не оправданное нарушеніе важнѣйшихъ обязанностей каждаго порядочнаго человѣка, въ частности каждаго земскаго служащаго, налагающее пятно позора на всю окружающую среду, мы рѣшили: исключить г. Налимова изъ нашей товарищеской среды" (подписи 26 лицъ).

Постановленіе это было препровождено Налимову при письмѣ слѣдующаго содержанія за подписью тѣхъ же 26 лицъ:

„„Мы нижеподписавшіеся собравшись въ товарищескомъ кружкѣ сочли своимъ долгомъ довести до вашего свѣдѣнія, что всѣ мы глубоко возмущены вашимъ поступкомъ, которому не находимъ никакого оправданія. Мы рѣшили, что не можемъ больше считать васъ своимъ сотрудникомъ по службѣ Полтавскому губернскому земству, которое также опозорено вашимъ поступкомъ, какъ всѣ мы, считавшіеся вашими товарищами. Мы исключаемъ васъ вмѣстѣ съ этимъ изъ нашей товарищеской среды и разъ навсегда отказываемся отъ всякой солидарности съ вами, предоставляя вамъ самимъ судить о неизбѣжныхъ практическихъ послѣдствіяхъ этого исключенія"" (сѣдуетъ подписи 26 лицъ).

При этомъ означенныя лица поручили Олѣховскому потребовать отъ Налимова объясненія по поводу его образа дѣйствій, а одинъ изъ подписавшихъ вышеприведенное постановленіе старшій врачъ Полтавскихъ богоугодныхъ заведеній статскій совѣтникъ Святловскій заявилъ предсѣдателю губернской земской управы требованіе о немедленномъ увольненіи Налимова отъ должности, каковое требованіе было однако предсѣдателемъ отклонено. Послѣ того Налимовъ сталъ получать по почтѣ оскорбительныя себѣ письма, а явившись однажды въ канцеллярію управы, подвергся ескорбленію со стороны одного из сужащихъ.

Принимая во вниманіе, что вся обстановка этого дѣла, а также мотивы, изложенные въ постановленіи, представляютъ со стороны лицъ его подписавшихъ крайне дерзкое выраженіе противоправительственнаго образа мыслей, что большинство этихъ лицъ по прежней своей дѣятельности было уже замѣчено въ политической неблагонадежности и что такое коллективное заявленіе въ достаточной мѣрѣ указываетъ на крайне нежелательный духъ и нахожденіе въ составѣ служащихъ въ Полтавской губернской земской управѣ лицъ, кои тамъ терпимы быть не могутъ, я ненашелъ возможнымъ оставить этого случая безъ принятія чрезъ вычайной мѣры, почему и призналъ необходимымъ, на основаніи положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, воспретить 26 лицамъ, подписавшимъ постановленіе, а также кандидату естественныхъ наукъ Олѣховскому, въ квартирѣ коего состоялось означенное постановленіе, жительство въ предѣлахъ Полтавской губ. срокомъ на три года съ предупрежденіемъ ихъ, что они впредь ни на какую земскую службу нигдѣ приняты быть не могутъ....

Объ изложенномъ съ представленіемъ списка 27 лицъ коимъ воспрещено пребываніе въ Полтавской губерніи въ теченіи указаннаго срока всеподданнѣйшимъ долгомъ поставляю себѣ доложить Вашему Императорскому Величеству.

Подписалъ: Министръ Внутреннихъ дѣлъ Горемыкинъ"•

Распоряженіе Министра было приведено въ исполненіе, но изъ числа высланныхъ девять человѣкъ подали жалбы въ Правительствующій Сенатъ. Въ этихъ жалобахъ они заявляютъ, что ихъ неодобреніе поступка Налимова, сообщенное ему въ закрытомъ письмѣ, носило совершенно частный характеръ, что вызванное этимъ письмомъ распоряженіе министра неправильно по существу и кромѣ того нарушаетъ предписанныя закономъ формы и выходитъ за предѣлы предоставленной министру власти. Оно обосновано исключительно на двухъ статьяхъ „положенія объ усиленной охранѣ", но во первыхъ, эти статьи относятся лишь къ губерніямъ объявленнкмъ на такомъ положеніи, къ числу которыхъ Полтавская губ. не принадлежитъ, и, во вторыхъ, въ настоящемъ случаѣ не былъ соблюденъ даже узаконенный порядокъ разрѣшенія дѣлъ о высылкѣ вредныхъ для государственнаго спокойствія лицъ, на основаніи положенія объ усиленной охранѣ: ни разслѣдованія, ни представленія о высылкѣ просителей со стороны мѣстнаго губернатора вовсе не было сдѣлано и въ особомъ совѣщаніи министровъ вопросъ не разсматривался. Кромѣ того, сдѣланное министромъ предупрежденіе о томъ, что просители никогда не будутъ приняты на земскую службу, равносильное ограниченію ихъ гражданскихъ правъ, совершенно неправильно и можетъ быть наложено только по суду.

Разсмотрѣвъ эти прошенія, Правительствующій Сенатъ потребовалъ отъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ свѣдѣній и объясненія относительно заключающихся въ нихъ указаній на несогласіе его распоряженій съ закономъ. Въ своемъ отвѣтѣ министръ заявляетъ ,что высылка изъ Полтавской губ. 27 лицъ, признанныхъ имъ, министромъ, политически неблагонадежными послѣдовало по непосредственному его распоряженію, поэтому и не разсматривалась въ особомъ совѣщаніи министровъ. Въ это совѣщаніе должно вноситься лишь „представленіе подлежащихъ властей" о высылкѣ того или другого лица, но не личныя соображенія Министра Внутреннихъ Дѣлъ. Въ подкрѣпленіе этого мнѣнія онъ приводитъ то соображеніе, что постановленія особаго совѣщанія пріобрѣтаютъ законную силу лишь при условіи утвержденія оныхъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ и что слѣдовательно онъ, министръ, можетъ сослать человѣка и въ томъ случаѣ, „когда совѣщаніе встрѣтило бы какое либо затрудненіе согласиться съ представленіемъ о семъ мѣстной власти". Чтобы окончательно убѣдить, наконецъ, Правительствующій Сенатъ въ томъ, что для него, Горемыкина, законъ не писанъ и высочайшее повелѣніе 7 октября 1895 года относится лишь къ мѣстнымъ властямъ, а до него не касается, онъ сообщаетъ Сенату, что „испрашивая означенное Высочайшее Повелѣніе, Мин. Внутр Дѣлъ имѣлъ въ виду лишь упорядочить административную высылку, не умаляя собственныхъ полномочій". Такое же всевластіе признаетъ онъ за собою и по вопросу о запрещеніи тѣмъ или другимъ лицамъ земской службы. Министръ сообщаетъ при этомъ, что изъ лицъ подвергшихся означенной мѣрѣ, всѣ „принесшіе раскаяніе въ ихъ дурномъ поступкѣ возвращены на прежнее мѣсто жительства и допущены вновь на земскую службу". Такихъ раскаявшихся, какъ видно изъ другого документа, было человѣкъ 5 или 6.

Разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла, Сенатъ согласился съ просителями, какъ относительно непримѣнимости къ нимъ „Положенія объ усиленной охранѣ", такъ и относительно того обстоятельства, что въ данномъ случаѣ порядокъ административной высылки, предписываемый этимъ „положеніемъ", соблюденъ не былъ. Прзвильность толкованія Министра, признающаго предписанный порядокъ обязательнымъ лишь для дѣлъ, начатыхъ по иниціативѣ мѣстныхъ властей, а не по его личному усмотрѣнію, Сенатъ отрицаетъ. Министръ можетъ въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ нарушать всѣ предписанные порядки и принимать всѣ мѣры, какія ему заблагоразсудятся, но не иначе, какъ испросивъ на нихъ предварительно Высочайшее повелѣніе. Въ данномъ же случаѣ, хотя и довелъ о своемъ распоряженіи до высочайшаго свѣдѣнія, но повелѣнія не испросилъ, почему его распоряженіе о высылкѣ не можетъ быть оставлено въ силѣ. Превышаетъ предѣлы предоставленной Министру Внутреннихъ Дѣлъ власти также и его

но ухода за курсисткой почти не было. На ночь ее запирали на замокъ въ баракъ, лишая всякой медицинской помощи. Студентъ очень плохъ. Навѣрно, не безъ слѣда для нихъ прошла 6-ти дневная голодовка въ московской тюрьмѣ. Пищу даютъ гнилую даже больнымъ, что же даютъ здоровымъ арестантамъ? 95проц. больныхъ болѣютъ катарромъ желудка... О сибирскихъ ужасахъ распространяться не буду. Главная тема все тотъ же произволъ насиліе, беззаконіе и проч. Жизнь человѣческая не цѣнится... Что впрочемъ и говорить объ этомъ. Гдѣ все сплошь наглость и полицейскій грабежъ, чего же тамъ и ждать. На дняхъ еще партія политическихъ прибыла изъ Москвы; много рабочихъ... Съ дороги почти нельзя писать: насъ не выпускали изъ вагона. Москвичамъ же даже не разрѣшили открывать окна.

По поводу назначенія Лопухина освѣдомленные юристы сообщаютъ слѣдующее: во время пребыванія Плеве въ Харьковѣ Лопухинъ выяснилъ ему невыгоды, проистекающія отъ крайнихъ предѣловъ произвола, до которыхъ въ настоящее время дошла охрана, благодаря цѣлому ряду случайно взятыхъ безъ достаточныхъ уликъ элементовъ, искуственно расширяется контингентъ недовольныхъ. По провѣркѣ въ Петербургѣ въ Департаментѣ Полиціи выяснилось, что за послѣдній годъ черезъ охрану прошло 60,000 дѣлъ. Эта цифра показалась Плеве подозрительной и онъ, будто, рѣшилъ принять мѣры къ ограниченію дѣйствій охраны, для чего и назначилъ Лопухина, какъ лицо оріентированное въ положеніи дѣла. Эти свѣдѣнія подтверждаются теперь; дѣло Скирмунта, между прочимъ, ведется новымъ порядкомъ и прямо поступило въ жандармское отдѣленіе.

Изъ Перми. Члены Пермской Губернской Земской Управы Селивановъ, Тугариновъ и Кирпищиковъ прониклись вслѣдствіе смерти Сипягина „патріотической грустью“ и рѣшили проявить ее (ибо такія драгоцѣнныя чувства не скрываются) въ панихидѣ.*) Часть служащихъ земства, увидя приготовленія къ чему-то и ожидающихъ чего то двухъ священниковъ, догадались, что, вѣроятно, „наши инвалиды“ рѣшили не отставать отъ губернскихъ властей по части проливанія слезъ, печали и горя по столь незамѣнимой утратѣ, и, утвердившись въ истинности своихъ предположеній, порѣшили не обходить этого факта молчаніемъ, но выразить порицаніе иниціаторамъ устройства панихиды и не явиться, конечно, въ залъ на панихиду. Какъ только она началась, были сейчасъ-же закрыты двери въ нѣкоторыхъ отдѣленіяхъ Управы и работа продолжалась обычнымъ порядкомъ. Еще часть служащихъ, не рѣшившаяся присоединиться къ протесту, но не желавшая все же присутствовать на панихидѣ, ушла „отъ грѣха“ домой или въ клубъ „завтракать“.

На панихидѣ присутствовали: 3 члена управы, экономъ Луневъ, бухгалтеръ, два сторожа, и, кажется, челвѣкъ 4—5 мелкихъ служащихъ. Послѣ панихиды отправились къ членамъ Управы и выразили имъ порицаніе въ слѣдующей приблизительно формѣ: „хотя христіанскій долгъ требуетъ молиться и за враговъ своихъ, но въ данномъ случаѣ панихида, устраиваемая вами въ помѣщеніи земства, будетъ имѣть большое общественное значеніе въ смыслѣ выраженія сочувствія той внутренней политикѣ и, въ частности, нетерпимому отношенію къ земству и самоуправленію, выразителемъ которыхъ являлся покойный Д. С. Сипягинъ. Мы, близко принимающіе къ сердцу интересы земства, которому служимъ, не можемъ не выразить вамъ своего сожалѣнія по поводу столь нетактичнаго распоряженія вашего, какъ служеніе панихиды по Сипягинѣ въ помѣщеніи земства“.

Слухъ о протестѣ земцевъ распространился по городу. Дошелъ онъ и до жандармскаго управленія, которое обѣщало сдѣлать черезъ губернатора по этому поводу оффиціальный запросъ Управѣ. Былъ ли сдѣланъ запросъ, или нѣтъ, пока остается невыясненнкмъ. Если будетъ продолженіе,—сообщимъ.

*) Предсѣдатель Управы былъ въ отъѣздѣ. Оффиціальнаго предписанія служить панихиду со стороны „властей“ не было, иниціатива служить панихиду всецѣло принадлежала означеннымъ тремъ членамъ.

Смоленскъ.

Кажется, изъ всѣхъ губернскихъ городовъ только Смоленскъ остается не на военномъ положеніи. Но и у насъ далеко не спокойно. По городу разбрасываются и расклеиваются пропагандистскіе листки на злободневныя темы; такъ напр., послѣдній листокъ былъ посвященъ приговору надъ Балмашевымъ. Долго спавшій жандармскій полковникъ, Громека, встрепенулся, начались обыски, аресты, слѣжка. Арестовалъ всѣхъ высланныхъ рабочихъ и многихъ интеллигентовъ, преимущественно изъ статистическаго бюро (около 11 человѣкъ), а затѣмъ началъ „дѣло“ и почилъ на лаврахъ, мечтая о наградѣ за полное искорененіе крамолы. Какова же была его злоба, когда черезъ нѣкоторое время обнаружилось, что крамола не уничтожилась, а наоборотъ усилилась, когда на Ярцевской фабрикѣ (8000 раб.) такъ зорко охраняемой отъ заразы, былъ арестованъ съ прокламаціями поднадзорный студентъ, Герасимовичъ, и когда въ одинъ прекрасный день забастовали всѣ заготовщики, требуя сокращенія рабочаго дня, а съ ними нѣкоторыя мастерскія портныхъ и переплетчиковъ! Громека озвѣрѣлъ. Призваннаго на допросъ рабочаго Берестинскаго, который осмѣлился сѣсть въ его присутствіи, онъ схватываетъ за волосы и колотитъ головой объ полъ, приговаривая „я тебѣ покажу, мерзавецъ!“ На возраженіе „вы не имѣете права бить, а если я виновенъ въ нарушеніи закона, то судите“, онъ со словами „а, начитался!“ продолжалъ звѣрскую расправу. Вмѣшательство жандармовъ не остановило стачекъ, но озлобило рабочихъ, показавъ имъ несовмѣстимость самодержавія съ ихъ интересами. Стачка выиграна, и всѣ требованія удовлетворены. Тогда какъ раньше работали отъ 6ч. утра до 9ч. (и позже) вечера, теперь время работы установлено отъ 8ч. утра до 8ч. вечера, при чемъ соблюдается обѣденное время (2часа) Хозяева стали обращаться очень вѣжливо и улучшили пищу. Между прочимъ, ярко характеризуетъ бѣдственное положеніе здѣшнихъ рабочихъ выставленное въ одной мастерской требованіе: держать хлѣбъ не запертымъ и подавать его къ обѣду больше.

Теперь Громека посылаетъ жандармовъ по мастерскимъ переписывать стачечниковъ; очевидно, онъ рѣшилъ еще разъ перемѣнить тактику, но какую выберетъ теперь — пока неизвѣстно.

Смоленскъ наводненъ шпіонами, которыхъ очень легко узнать и которые своимъ неуклюжимъ слѣженіемъ вызываютъ хохотъ у преслѣдуемаго. Очевидно Громека ставитъ себѣ цѣлью посмѣшить здѣшнихъ крамольниковъ, такъ какъ въ подмогу этимъ медвѣдеобразнымъ шпіонамъ переодѣлъ урядниковъ и городовыхъ: они уморительно-смѣшно расхаживаютъ въ непривычномъ партикулярномъ платьѣ, и того и гляди отдадутъ подъ козырекъ офицеру.

По городу расклеены „обязательныя постановленія“, запрещающія устраивать демонстраціи, что навело на размышленія здѣшнихъ сонныхъ обывателей.

Въ здѣшней тюрьмѣ политическіе заключенные устроили голодовку, требуя ускоренія слѣдствія. На третій день голодовки уголовные устроили „бунтъ“ изъ за пищи и мыла, на которыхъ ихъ обкрадывалъ смотритель. „Бунтъ“ состоялъ въ томъ, что они вывѣсили изъ оконъ 3 флага съ надписями: „за мыло!„, „за пищу!“ и... „за свободу!“ и осыпали камнями окна квартиръ начальства.

Въ городѣ Рославлѣ рабочіе желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ толпой въ нѣсколько сотъ прошли мимо тюрьмы, въ которой были заключены политическіе съ криками „свобода“.

Въ Ельнинскомъ уѣздѣ появились прокламаціи къ крестьянамъ. Поѣздка Громеки не привела къ открытію „корней и нитей“.

Ковно.

Въ ночь на 29-ое апрѣля въ Ковенской тюрьмѣ былъ бунтъ. Поводомъ послужило слѣдующее: надзиратели вели въ карцеръ одного уголовнаго, въ корридорѣ между ними и заключеннымъ завязалась какая-то ссора, кончившаяся тѣмъ, что надзиратели набросились на него и стали наносить ему удары. Избиваемый закричалъ: „на помощь! Выручайте!“ Вмигъ дружнымъ напоромъ были высажены двери камеръ, толпа арестантовъ избила надзирателей, избила и другихъ, прибѣжавшихъ узнать въ чемъ дѣло. Затѣмъ въ какомъ то стихійномъ порывѣ арестанты стали ломать нары, высаживать окна, бить стекла... Были присланы солдаты, казаки, пріѣхалъ губернаторъ, прокуроръ.

По командѣ солдаты со штыками и казаки съ нагайками ворвались въ тюрьмы, началась расправа и арестанты были усмирены. А на другой день усмиренныхъ поодиночкѣ водили въ баню, — и сѣкли...

Москва. (Зубатовцы.)

Наряду съ „Обществомъ взаимопомощи рабочихъ механическаго производства“ въ Москвѣ образовалось за послѣднее время „Общество взаимопомощи ткачей“.

Образовалось это общество не безъ содѣйствія „Охраннаго Отдѣленія“ и предсѣдателемъ его былъ утвержденъ рабочій, Жилкинъ, изъ компаніи Афанасьева, Слѣпцова, Красивскаго и другихъ кліентовъ Зубатова.

Этотъ Жилкинъ игралъ крупную роль въ стачкѣ ткачей на шелкоткацкой фабрикѣ „Гужона и Мусси.“

Въ №19 Искры уже упоминалось об ъэтой стачкѣ, но ея подробности такъ характерны для политики Зубатова, что мы постараемся изложить ихъ возможно полнѣе.

Въ началѣ февраля ткачи фабрики „Гужона и Мусси“ заявили хозяину, что черезъ двѣ недѣли они бросятъ работу, если каждому изъ нихъ не будетъ выдано единовременно 25% заработка за весь прошлый годъ. Основаніями для такого требованія ими были выставлены: частый простой не по винѣ рабочихъ (плата сдѣльная), выполненіе работъ не входившихъ въ расцѣнокъ и обмѣриваніе при измѣреніи кусковъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ предъявленія этого требованія къ хозяину фабрики для переговоровъ явился Жилкинъ въ качествѣ предсѣдателя „Общества взаимопомощи ткачей“. Хозяинъ фабрики отказался разговаривать съ нимъ, такъ какъ Жилкинъ у него не работаетъ.

На слѣдующій день Жилкинъ снова явился, на этотъ разъ запасшись удостовѣреніемъ отъ полицеймейстера Трепова, что онъ дѣйствительно состоитъ предсѣдателемъ „Общества взаимопомощи ткачей.“

Удостовѣреніе возымѣло свое дѣйствіе, и хозяинъ фабрики согласился вступить съ нимъ въ переговоры. Поговоривъ съ хозяиномъ, Жилкинъ отправился было разговаривать и съ рабочими. Но этого стерпѣть хозяйское сердце ужъ не могло, и Жилкинъ былъ выпровоженъ за ворота.

Завѣдующій фабрикой предложилъ рабочимъ выбрать изъ своей среды представителей, чтобы совмѣстно разобрать ихъ требованія. Тѣ отказались.

Былъ на фабрикѣ и фабричный инспекторъ, опросилъ рабочихъ и нашелъ ихъ требованіе не подлежащимъ удвлетворенію,

Хозяева фабрики рѣшили не уступать ни въ какомъ случаѣ и черезъ двѣ недѣли ткачи забастовали.

Рабочіе у „Гужона и Мусси“ живутъ въ фабричныхъ казармахъ. На повторенное нѣсколько разъ требованіе хозяина выселить забастовавшихъ полиція не обращала никакого вниманія. Фабрикантъ не уступилъ, и полиція рѣшила принять иныя мѣры, чтобы склонить строптиваго къ уступчивости.

Собственниковъ фабрики вызываютъ къ Трепову, и тотъ имъ предлагаетъ удовлетворить требованія рабочихъ. Фабриканты соглашаются подвергнуть дѣло совмѣстному разбору, но Треповъ никакихъ разборовъ признавать не желаетъ и настаиваетъ, чтобы требованіе рабочихъ было удовлетворено. Тѣ отказываются.

Тогда Треповъ начинаетъ кричать на нихъ и грозитъ этимъ мирнымъ буржуа арестомъ, обѣщаетъ доѣхать ихъ санитарными осмотрами. Тѣ пострадать готовы, но уступить несогласны.

На слѣдующій же день на фабрикѣ появляется санитарная комиссія и составляетъ 3 протокола.

Хозяева фабрики посылаютъ жалобу Витте, а копію съ нея — Трепову,

Это заставляетъ Трепова признать оффиціально стачку, и на фабрику пріѣзжаетъ комиссія изъ представителей полиціи и фабричной инспекціи, опрашиваетъ рабочихъ и предлагаетъ забастовавшимъ выселиться изъ фабричныхъ казармъ.

Значительная часть рабочихъ уѣзжаетъ въ деревню, другая остается въ Москвѣ и ей Жилкинъ, изъ средствъ „Охраннаго отдѣленія“, выдаетъ по четвертаку на человѣка въ день.

Попробовали было хозяева фабрики выписать новыхъ рабочихъ. Жилкинъ пригласилъ этихъ рабочихъ въ „Охранное отдѣ-

---

воспрещеніе высланнымъ изъ Полтавы лицамъ впредь поступать на земскую службу. Поручить Полтавскому губернатору потребовать удаленія со службы въ Полтавскомъ земствѣ лицъ признанныхъ неблагонадежными онъ могъ. „Однако Министръ Внутр. Дѣлъ этимъ не ограничился, а распорядился о недопущеніи просителей и впредь на земскую службу, не испросивъ на эту мѣру, не предусмотрѣнную закономъ и ограничивающую безъ суда права просителей Выоочайшаго соизволенія порядкомъ, опредѣленнымъ въ ст. 3 положенія объ охранѣ. А потому на основаніи изложенныхъ соображеній Правительствующій Сенатъ, не входя въ существо дѣла, предложилъ: распоряженіе Министра Внутр. Дѣлъ о высылкѣ просителей изъ Полтавской губ. и о воспрещеніи имъ впредь поступать на земскую службу, какъ не основанное на законѣ, отмѣнить.“

Такимъ образомъ, разногласіе между Сенатомъ и Горемыкинымъ сводится къ тому, что по мнѣнію Сената, дѣйствуя собственной властью, Министръ обязанъ руководствоваться изданными законами, Горемыкинъ же находитъ это совершенно неумѣстнымъ. И, дѣйствительно, даже „Положеніе объ усиленной охранѣ“, изданное со спеціальной цѣлью узаконить административный произволъ, все таки стѣсняетъ, какъ всякое установленное правило. Руководствуясь имъ надо помнить, какая губернія обаявлена на положеніи усиленной охраны, какая нѣтъ и предпринимая что нибудь экстра-ординарное въ необъявленой губерніи надо предварительно распорядиться объ объявленіи. „Положеніе“ предписываетъ къ тому же нѣкоторыя формальности, правда пустыя, такъ какъ, чтобы ни говорилъ въ особомъ совѣщаніи представитель министерства юстиціи, Министръ Внутр. Дѣлъ все же можетъ разказнить кого ему угодно и за что угодно, но что за охота тратить время на выслушиваніе пустыхъ рѣчей? Къ тому же по „Положенію объ усиленной охранѣ“ приходится примѣнять однѣ и тѣ же рутинныя кары: тюрьму да ссылку, а министру можетъ придти въ голову нѣчто ординальное вродѣ запрещенія „навсегда“ земской службы 27 лицамъ, избравшимъ эту службу своей спеціальностью. Съ своей стороны, Сенатъ напоминаетъ министру, что онъ имѣетъ полную возможность оригинальничать и нарушать всѣ правила, подъ единственнымъ условіемъ дѣлать это не отъ своего имени. Всякій разъ, когда ему захочется совершить какое-нибудь экстраординарное беззаконіе, онъ долженъ „предварительно испросить Высочайшее повелѣніе“. При теперешнемъ царѣ это не представляетъ, казалось бы, никакихъ затрудненій, но Горемыкинъ не чуждъ, повидимому, нѣкотораго тщеславія. Въ своемъ отвѣтѣ онъ стремится возсіять передъ Сенатомъ во всей красѣ не фактической только, но также и формальной неограниченности своего всевластія.

Проэктъ своего опредѣленія Правительствующій Сенатъ сообщилъ для подписи Министру Внутр. Дѣлъ, который къ этому времени (май 1900 г.) успѣлъ уже смѣниться. Вмѣсто Горемыкина теперь властвовалъ Сипягинъ. Опредѣленіе Сената онъ возвратилъ не подписаннымъ при слѣдующемъ отзывѣ:

„Министръ Внутр. Дѣлъ прежде всего останавливается на томъ соображеніи, что Полтавская губ. въ 1898 г. дѣйствительно не была въ установленномъ порядкѣ объявлена въ исключительномъ положеніи. По сему и заключеніе Правительствующаго Сената о томъ, что принятыя, на основаніи означеннаго положенія, въ отношеніи просителей мѣры представляются не вытекающими изъ закона, является совершенно основательнымъ и съ его, министра, стороны какихъ либо возраженій вызвать не можетъ. Признавая преподанныя Правительствующимъ Сенатомъ въ проэктѣ опредѣленія соображенія, при обычномъ теченіи дѣлъ, безусловно обязательными къ исполненію Мин. Внутр. Дѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ присовокупляетъ, что соображенія эти и основанное на нихъ заключеніе, по его мнѣнію, не могутъ однако имѣть примѣненія къ настоящему случаю. Въ семъ отношеніи нельзя не остановиться на томъ положеніи, что, на основаніи ст. I положенія объ охранѣ, высшее направленіе дѣйствій по охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія принадлежитъ Мин. Внутр. Дѣлъ, коему независимо сего... предоставлены особыя полномочія по охраненію ввѣренной ему внутренней безопасности, въ силу коихъ онъ, при чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, вправѣ дѣйствовать всѣми ввѣренными ему способами, не ожидая высшаго разрѣшонія, но лишь донося о принятыхъ мѣрахъ и причинахъ ихъ настоятельности. Наличность такихъ обстоятельствъ въ разсматриваемомъ случаѣ Мин. Внутр. Дѣлъ въ настоящее время удостовѣрена быть не можетъ, (курсивъ нашъ) но онъ полагаетъ, что обстоятельства эти несомнѣнно существовали, ибо предмѣстникъ его Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ Горемыкинъ призналъ необходимымъ принять въ отношеніи просителей указанныя выше исключительныя мѣры, въ качествѣ мѣръ чрезвычайныхъ и въ то же время о сдѣланномъ распоряженіи довелъ до Высочайшаго Государя Императора свѣдѣнія. Его Императорское Величество не только не соизволилъ отмѣнить означенную мѣру, но собственноручно на всеподданнѣйшемъ по саму предмету докладѣ начерталъ слѣдующую резолюцію: „Возмутительный по своей дерзости случай. Желалъ бы знать, по какой причинѣ такая компанія поднадзорныхъ лицъ находилась одновременно на службѣ въ Полтавскомъ земствѣ.“

Основываясь на этой „резолюціи“, министръ заключаетъ, что распоряженіе его предшественника должно остаться въ силѣ, и прошеніе высланныхъ полтавцевъ удовлетворено быть не можетъ.

Такъ иронизировалъ Сипягинъ надъ своимъ предшественникомъ, надъ русской законностью и надъ самой высочайшей волей. Что предшественникъ нарушилъ всѣ законы, исполненіе которыхъ при обыкновенныхъ обстоятельствахъ „безусловно обязательно“, онъ согласенъ. Чтобы въ 1898 г. въ Полтавѣ были „чрезвычайныя обстоятельства“ онъ удостовѣрить не можетъ и тѣмъ самымъ удостовѣряетъ, что по его мнѣнію ничего тамъ чрезвычайнаго не было, тѣмъ не менѣе слѣдуетъ признать, что было, такъ какъ Горемыкинъ доложилъ о своей злой продѣлкѣ высочайшему усмотрѣнію и оно не только не отмѣнило ее, а еще начертало что-то тоже довольно злое, почему-то именуемое „резолюціей“.

* * *

Эта маленькая картинка пораженія Сената, пытавшагося отстоять „положеніе объ усиленной охранѣ“ въ качествѣ послѣдняго палладіума русскихъ вольностей, такъ комически рельефно обрисовываетъ всю безпардонность нашего самодержавія, что производитъ впечатлѣніе каррикатуры. Но рядомъ съ увеселительной стороной она заключаетъ въ себѣ и нѣкоторое нравоученіе, правда азбучное, но въ настоящій моментъ, пожалуй, и небезполезное.

Не отъ жандармовъ только и не отъ однихъ нововременцевъ русскимъ революціонерамъ приходится слышать по временамъ, что именно они-то и мѣшаютъ правительству вести себя прилично, что своими крайностями они препятствуютъ умѣреннымъ людямъ испрашивать умѣренныя реформы и. т. д.

Изъ всѣхъ лѣтъ, какіе, начиная съ половины девяностыхъ годовъ, переживало русское правительство, 1898г. былъ для него самымъ спокойнымъ. Такихъ благополучныхъ годнвъ — мы на это твердо надѣемся — самодержавному правитальству ужа никогда не видать. Безпокоившія столицу массовыя стачки съ начала 1897г. прекратились, а массовыхъ студенческихъ протестовъ, съ которыхъ начался новый, обостренныи періодъ революціоннаго движенія, осенью 1898г. нельзя было еще и предвидѣть. Нелегальныя изданія, продолжавшія попадаться въ руки жандармовъ, были въ большинствѣ случаевъ „чисто экономическими“ и именно въ этомъ году часть такихъ изданій приняла даже тотъ антиполитическій характеръ, который теперь, когда честная литература этого направленія почти перестала появляться, зубатовцы пытаются возродить для своихъ безчестныхъ цѣлей. И вотъ въ такое-то благополучное время 27 липъ выразили свое негодованіе сослуживцу - доносчику. Сдѣлали они это въ самой летальной и умѣренной формѣ. Не побили они Нелимова, не устроили ему публичнаго посрамленія, а только довѣрчиво извѣстили въ закрытомъ письмѣ, что не считаютъ его товарищемъ и отказываются отъ солидарности съ нимъ. Никакого выраженія „противоправительственнаго образа мыслей“ въ письмахъ нѣтъ. Подписавшіеся вовсе не отрицаютъ обязанности Налимова заботиться о томъ, чтобы нелегальныя брошюры не попадали въ руки учениковъ они утверждаютъ только, что у него были для этого средства, кромѣ доноса. Письма не выражаютъ ничего, кромѣ отвращенія къ доносчику, но это чувство такъ всеобще, что исключеніемъ являются люди, которые его не испытываютъ. Доносчикъ слишкомъ близко соприкасается съ предателемъ и его историческимъ прототипомъ Іудой, слишкомъ напоминаетъ собою шпіона, а всѣ эти званія считались и считаются позорными чуть-ли не на всемъ земномъ шарѣ,—тѣмъ болѣе въ Россіи, гдѣ доносчикъ можетъ сдѣлать своей жертвѣ всего больше зла. Царь можетъ и не знать этой элементарной истины—вѣдь ихъ такъ „дурно воспитываютъ“—и по всему вѣроятію онъ ее дѣйствительно не знаетъ, иначе не братался бы такъ торжественно съ жандармами. Но министры къ царской фамиліи не принадлежатъ и конечно знаютъ, если не по воспоминаніямъ молодости, то хоть по наслышкѣ, что отвращеніе къ доносчикамъ свойственно не однимъ революціонерамъ.

Но содержаніе письма возмутило министра, а единственно и исключительно недостатокъ страха и трепета въ Полтавцахъ, — ихъ „крайняя дерзость“, какъ онъ выражается. „Возмутительный по своей дерзости случай“ вторитъ ему самодержецъ. Именно „дерзость“—любимое словцо сердитыхъ барынь, бранящихъ прислугу. Въ своемъ стремленіи искоренить „дерзость“ и водворять трепетъ всякій деспотизмъ всегда ненасытенъ, за каждой степенью приниженности существуетъ еще большая, къ которой по самой природѣ своей онъ долженъ стремиться. Иллюстраціей къ этому можетъ служить исторія постепеннаго развращенія и приниженія учительскаго персонала нашихъ гимназій. Въ шестидесятыхъ годахъ званіе учителя гимназіи по меньшей мѣрѣ настолько же ручалось за порядочность, какъ теперь занятіе статистикой. За исключеніемъ вывезенныхъ изъ Австріи братушекъ, учителя также и въ 70-хъ годахъ были въ огромномъ большинствѣ случаевъ совершенно неспособны заниматься сыскомъ и между ними было еще не мало людей, о которыхъ ученики сохраняли самыя добрыя воспоминанія. Изъ

леніе“ и тамъ послѣ разговоровъ они исчезли изъ Москвы. *)

Эта стачка не осталась безъ вліянія на остальныхъ московскихъ рабочихъ. На многихъ фабрикахъ ткачами были предъявлемы требованія, очень схожія съ требованіемъ ткачей „Гужона и Мусси.“

Кромѣ того всѣ московскіе ткачи рѣшили передъ Пасхой заявить расчетъ и послѣ Пасхи наниматься не иначе, какъ артелями, а на тѣ фабрики, гдѣ будетъ нанятъ хоть одинъ рабочій не изъ артели, не поступать вовсе.

Такова одна сторона Зубатовской политики. Другая — массовая высылка неблагонадежныхъ. Фабриканты разсказываютъ: явится ночью полиція, заберетъ человѣкъ 50-60 рабочихъ и выпроводитъ изъ Москвы. Просто и скоро, безъ шуму и волокиты, хотя бы даже упрощеннаго административнаго производства въ охранномъ порядкѣ.

Пока Зубатовская политика возбуждаетъ въ рабочей массѣ кучу смутныхъ надеждъ и ожиданій. Среди рабочихъ носятся слухи, будто скоро царь отниметъ у хозяевъ фабрики и надѣлитъ ими рабочихъ; что рабочіе будутъ переведены на государево жалованье. Около лицъ, участвующихъ въ Зубатовской эпопеѣ, складываются цѣлыя легенды. Про Слѣцова идетъ молва, что онъ побочный сынъ Александра II и что 19 февраля произошла при всемъ народѣ трогательная встрѣча между нимъ и Сергіемъ Александровичемъ.

Но долго такъ продолжаться не будетъ. Фабриканты шлютъ Витте жалобу за жалобой и если въ настоящій моментъ возбужденія рабочихъ массъ правительство ради своей безопасности заигрываетъ съ рабочими, то — уляжется народное море, и вся сила полицейскаго самодержавія пойдетъ на защиту собственниковъ отъ „незаконныхъ“ притязаній рабочихъ.

Нижній-Новгородъ. Май.

„Послѣднее время мы, нижегородцы, живемъ нелегальными новостями. Недавно здѣсь хоронили студента-ветеринара Рюрикова. Онъ умеръ отъ разрыва сердца. Хоронили его на четвертый день, потому что на третій день не разрѣшилъ прокуроръ, боясь стеченія рабочихъ по случаю праздника (воскресенье 22-го апрѣля). Въ церкви были почти всѣ нижегородскіе интеллигенты и сочувствующіе. Одинъ изъ присутствовавшихъ прочелъ задушевное надгробное слово, называя умершаго борцомъ за свободу и высказалъ надежду на скорое свобожденіе русскаго общества отъ административнаго произвола. Почти то же было сказано кѣмъ-то на могилѣ. Когда зарывали могилу, молодежь пѣла вѣчную память и студенческія пѣсни, а по выходѣ съ кладбища — марсельезу. У церковныхъ воротъ толпу уже ожидала свора человѣкъ въ 50 полиціи. Сплотившіеся были переписаны. Теперь начались опять обыски и аресты“.

Борьба съ крамолой во флотѣ.

Чтобы бороться съ врагомъ, полезно знать и то, что врагъ о насъ думаетъ и какъ о насъ говоритъ. Мы думаемъ, поэтому, что не безъ пользы можно будетъ читать и разъяснять въ кружкахъ нижеслѣдующій документикъ:

Приказъ №27.
Старшаго флагмана Черноморской флотской дивизіи.
Апрѣля 19-го дня 1902г.

Въ послѣднее время часто находятъ разбросанными повсюду противузаконные, возмутительные листки, попадающіе иногда въ руки нижнихъ чиновъ. Эти листки клевещутъ на Правительство, призываютъ народъ къ непослушанію властямъ и самовольнымъ дѣйствіямъ. Распространять эти писанія есть самое безчестное дѣло, потому что ими сѣется смута въ умахъ, часто ведущая къ безпорядкамъ, нетерпимымъ ни въ какомъ государствѣ. Сами эти писатели и распространители листковъ, прячущіеся какъ душегубы отъ людей, выходятъ сухими изъ воды и со стороны любуются на расправу съ несчастными, поддавшимися необдуманно ихъ безбожнымъ, безсовѣстнымъ наущеніямъ. Русское государство стоитъ не со вчерашняго дня, чтобы можно было его перестроить; оно слишкомъ сильно, чтобы не терпѣть въ себѣ никакихъ смутъ, безпорядковъ и самовольства посѣянныхъ непризванными благодѣтелями — лукавыми смутьянами. — Не должно, не слѣдуетъ слушать этихъ безсовѣстныхъ проповѣдниковъ, такъ какъ мы, христіане православные, имѣемъ руководство въ жизни Божій Законъ, которому мы съ дѣтства научены, что — „всякая душа да будетъ покорна высшимъ властямъ“; ибо нѣтъ власти не отъ Бога; существующія же власти отъ Бога установлены. Потому противящіяся власти противятся Божію установленію. А противящіеся сами навлекутъ на себя осужденіе. Ибо начальствующіе страшны не для добрыхъ дѣлъ, но для злыхъ. Хочешь ли не бояться власти? Дѣлай добро и получишь похвалу отъ нея: ибо она не напрасно носитъ мечъ: онъ Божій слуга, отмститель въ наказаніе дѣлающему злое. И потому надо повиноваться не только изъ страха, но и по совѣсти. (Посл. Римл. XIII ст. 1-5). И до тѣхъ поръ пока русскій народъ будетъ вѣренъ Господу Богу своему въ церкви православной, будетъ по прежнему чтить своего Царя — Государя и слушаться поставленныхъ отъ него властей, Русское государство будетъ по прежнему же сильно, могуче въ своемъ единствѣ, которому никакой врагъ страшенъ не будетъ. Внѣшніе, заграничные враги нашей родины не дремлютъ и прилагаютъ всевозможныя старанія, такъ или иначе ослабить наше отечество: одни, чтобы Церковь Божію, главную силу Руси, выкурить изъ народа, оторвать народъ отъ нея и увлекаютъ слабыхъ въ штунду и всякія другія ереси, другіе — смущаютъ умы людей всякими беззаконными подметными листками и другими гнусными сочиненіями, при помощи нашихъ измѣнниковъ, растравляя неудовольствія и призывая прямо къ бунту противъ государственнаго порядка, обѣщаютъ свободу, но какую? Свободу разнузданности, самоуправства, непослушанія власти. Но такая свобода ведетъ къ тяжкому грѣху, нужна же свобода отъ грѣха, о чемъ непосредственно молитъ Бога Православный народъ и всячески трудится въ своей жизни, чтобы спасти душу отъ грѣха. Всѣмъ этимъ зловреднымъ людямъ, такъ настойчиво сѣющимъ смуту, нужно же жить на какія нибудь денежныя средства. Деньги же нужны и на разбрасываемые листки. Откуда же какъ не отъ заграничныхъ друзей своихъ, враговъ нашего отечества, получаются ими эти средства? Итакъ, эти смутьяны являются вѣрными слугами нашихъ враговъ, для которыхъ весьма удобно находить среди нашихъ недоучекъ и безбожниковъ измѣнниковъ своей родинѣ и при страшномъ стараніи насаждать на Руси всяческія безпорядки и беззаконія. Стыдъ и позоръ Русскимъ людямъ, что среди насъ находятся такіе гнусные измѣнники на вражескомъ содержаніи, тѣмъ болѣе гнусные, что въ своихъ преступныхъ листкахъ и тетрадкахъ представляютъ себя заботящимися о благѣ народномъ. О лицемѣры лукавые! Изъ безпорядковъ и бунтовъ, проповѣдуемыхъ ими, ничего вырости не можетъ, кромѣ нечестія и бѣдствія для самихъ бунтовщиковъ. Они-то, проповѣдники бунтовъ и непослушанія, можетъ быть и останутся цѣлы, а увлеченные ими вынесутъ на себѣ всѣ бѣдствія своего увлеченія... Иначе и быть не можетъ. Если считать ихъ измѣнниковъ — смутьяновъ десятками даже сотнями, то на каждую сотню ихъ останется сотня тысячъ честныхъ, благоразумныхъ христіанъ, которымъ тошна всякая смута ихняя, и не допуститъ къ себѣ учителями этихъ измѣнниковъ своему отечеству, отъ наученій которыхъ выростаютъ только одни бѣдствія. Слѣдовательно, всѣ тайные листки, тетрадки, книжки, что бы изъ этой пагубы не попало въ руки, представлять начальству, не читая, чтобы не грязнить своего ума этой нечистью безбожною. А если бы пришлось встрѣтить самого такого смутьяна — сейчасъ же задержать его и представить начальству въ цѣлости. Приказъ этотъ раздать по экземпляру всѣмъ нижнимъ чинамъ дивизіи; находящимся въ отсутствіи и въ командировкахъ выдать по возвращеніи ихъ въ наличіе экипажа и команды.

Вице-адмиралъ Гильтебрандтъ.

*) На что Охранка готова, чтобы привлечь къ себѣ сердца рабочихъ, показываетъ слѣдующій случай: какъ-то нѣсколько рабочихъ наскандалили. Былъ составленъ протоколъ, и мировой судья приговорилъ ихъ къ 16руб. штрафу каждаго. Адвокаты, къ которымъ обратились за помощью рабочіе, отвѣтили, что ничего не подѣлаешь — надо платить или отсиживать. Но рабочіе добрались черезъ кого-то до Охранки и та уплатила наложенный штрафъ, а околоточный, осмѣлившійся составить протоколъ, былъ переведенъ въ другую часть.

ИЗЪ ДЕРЕВНИ.

Въ Новгородской губ. крестьяне, не обращая вниманія на новый продоольственный уставъ, придуманный Сипягинымъ, самовластно разбираютъ въ настоящее время хлѣбные магазины. Такіе случаи пріобрѣли массовой характеръ въ уѣздахъ Кириловскомъ, Бѣлозерскомъ и другихъ. Около 1-го мая были такіе случаи и въ Новгородскомъ уѣздѣ (Раковской волости, деревни Сергово и Заолешье). Крестьяне этихъ послѣднихъ деревень, еще въ мартѣ ходатайствовали у земскаго начальникн Меркулова, о выдачѣ ссуды на сѣмена. Меркуловъ не разрѣшилъ и уѣхалъ въ отпускъ. Въ апрѣлѣ крестьяне, въ числѣ 150—100 человѣкъ ходили къ губернатору просить ссуду и даже вели довольно грубые и рѣшительные разговоры съ нимъ: „чего-же не даешь? Мы вѣдь не будемъ и подати платить“! говорили они. Возвратившись отъ губернатора, крестьяне потребовали ключи отъ магазиновъ у старосты. Тотъ, не имѣвъ ключей, послалъ за ними магазиннаго. Тогда крестьяне составили приговоръ и списокъ, кому сколько дать, и распредѣлили хлѣбъ сами. Чтобы прикрыть это дѣло, уѣздный съѣздъ далъ разрѣшеніе крестьянамъ заднимъ числомъ.

Въ Демьянскѣ (Новг. губ.) были расклеены прокламаціи (въ городѣ и уѣздѣ) на телеграфныхъ столбахъ, приглашавшія бить помѣщиковъ.

Изъ Обоянскаго у. Курск. губ. отъ 28 апрѣля 1902г.

...„Вѣсть о разгромленіи заводовъ несется съ удивительной быстротой (рѣчь идетъ о полтавскихъ и харьковскихъ волненіяхъ). Тутъ много толковъ. Говорятъ, что въ заводы являлись студенты, переодѣтые генералами въ орденахъ, читали царскія граматы и этимъ убѣждали народъ въ томъ, что они посланы отъ царя, чтобъ онъ поднимался. Изъ другихъ волостей идутъ слухи о полученіи тамъ какихъ-то подметныхъ писемъ и граматъ. Народъ ждетъ чего-то. „Посмотрите, вотъ черезъ пять лѣтъ, что будетъ...“ Случилось совпаденіе. Въ нашемъ уѣздѣ въ одно время была продана 4-мя помѣщиками земля крестьянамъ. Послѣдніе рѣшаютъ, что это не спроста паны землю продаютъ; „боятся...“ Среди торговаго люда такое мнѣніе, что Сипягина убилъ торговый человѣкъ, такъ какъ казна и земство всю торговлю по его милости забрали и торговцамъ ущербъ большой.... Одна старая помѣщица была очевидицеи полтавской порки и хоть она крѣпостница, но и то ужасалась, что „крестьянъ обращали въ куски мяса, которые бросали на телѣги.“ Она вѣроятно преувеличиваетъ, что по 200 розогъ давали... Яичники, коновалы и пр., которыхъ ремесло заставляетъ путешествовать, служатъ невольными распространителями вѣстей и легендъ. Говорятъ, будто въ 15 верстахъ отъ насъ провозили 2 хъ студентовъ, которые разговаривали съ народомъ и оповѣстили его, что поднявшіеся идутъ, будутъ и на нашихъ сахарныхъ заводахъ. Будто, проходя, они спрашиваютъ: „чья земля“? Если скажутъ, помѣщичья и сдается крестьянамъ, идутъ мимо, а если — „сдается подъ бураки“ — погромъ...

Изъ Льговскаго уѣзда (Курск. губ. отъ 16 мая)

„На многолюдномъ сахарномъ заводѣ близь ст. ИваниноМоск.-К.-Ворж.д., принадлежащемъ Баховскому и гр. Клейнмихелю, напряженное и томительное ожиданіе, что вотъ-вотъ разразится гроза. И рабочіе, и крестьяне, и служащіе завода въ нервномъ напряженіи. Всѣ ждутъ, что кто-то придетъ и дастъ сигналъ къ разгрому. Служащіе уложили серебро и приготовились покинуть заводъ при первой тревогѣ. Къ одному изъ администраціи приходитъ лакей, долго служившій у него, и проситъ расчета. „Почему“, удивляется господинъ. „Да неловко какъ-то служить, запинаясь отвѣчаетъ слуга, — скоро противъ васъ же придется идти...“

Изъ Обоянскаго уѣзда (Курской губ. отъ 10мая 1902г.)

... „Ждутъ съ трепетомъ (крестьяне съ трепетомъ надежды, а землевладѣльцы — страха) — „что-то будетъ?“ Подбрасываются письма, „грамоты“, устрашающія и обѣщающія... Между крестьянами циркулируютъ разныя легенды... Одно письмо обѣщаетъ нашествіе на заводъ въ нашей мѣстности на 21 мая, а также и на тѣхъ владѣльцевъ. которые отдаютъ землю подъ бураки. „Раздѣвать будутъ (слѣдуютъ прозвища помѣщиковъ)„ „разносить (именуются усадьбы)“. Одни говорятъ „придутъ студенты“, а другіе — „разбойники“ — „Ну а вы пойдете громить заводы?“ спрашиваютъ одного. „Нѣтъ, а то выпорятъ, какъ въ Полтавской губ.“. Ждутъ, что сдѣлается что-то чужими руками. Студентамъ придается какое-то мистическое понятіе, а что такое въ самомъ дѣлѣ студентъ — ровно ничего не знаютъ. Потомъ твердѣйшее убѣжденіе, что письма идутъ отъ царя, хотя ихъ находили въ лѣсу и за околицей селъ. А то ходили слухи, что „Царь за господъ, а землю хочетъ дѣлить царица“. Разсказываютъ, что кѣмъ то была поднесена икона царю, „а въ ней оказались два непріятеля захованы (спрятаны), такая большая... „И что предупредилъ объ этомъ государя святой человѣкъ и „разстрѣляли ту икону“. „Помѣщики иные такого труса празднуютъ, а также и служащіе на заводахъ, что на конюшняхъ, все равно какъ въ пожарной части, лошадей на готовѣ держатъ...“

По циркулирующимъ въ Курскѣ слухамъ въ Бѣлгородскій уѣздъ вызваны войска. На 16 мая были назначены(?) безпорядки на Глушковской суконной мануфактурѣ Рыльскаго уѣзда. Ходятъ слухи, что неспокойно въ Льговскомъ и Суджанскомъ уѣздахъ... Въ виду тревожнаго настроенія крестьянъ отправившіеся на изслѣдованіе въ Корочанскій уѣздъ статистики Земской управы по распоряженію губернатора возвращены въ Курскъ.

Курскій исправникъ разослалъ циркулярное распоряженіе сельскимъ старостамъ и волостнымъ старшинамъ, въ которомъ предписывается крестьянамъ немедленно доставлять по начальству всѣхъ лицъ, которые будутъ требовать созыва сельскихъ сходовъ, хотя бы эти лица были одѣты въ форменное платье и представляли бы документы и удостовѣренія въ правѣ своемъ созывать сходъ. Исключенія допускаются только для чиновниковъ, лично извѣстныхъ сельскимъ властямъ.

По другимъ слухамъ (изъ комп. источн.) по губерніи издано распоряженіе созывать селькіе сходы только съ вѣдома и распоряженія земскихъ начальниковъ.

Въ февралѣ текущаго года крестьяне села Майданъ Инсарскаго уѣзда Пензенской губерніи всѣ поголовно заявили сельскому начальству, что платить подати они больше не будутъ. Побудили ихъ къ этому слѣдующія соображенія. Во первыхъ, положеніе крестьянъ очень бѣдственное, вслѣдствіе чего платить установленныя для нихъ громадныя подати они не въ силахъ. Чтобы выплатить подати, крестьянамъ приходится продавать послѣдній хозяйственный скарбъ, сводить со двора послѣднюю овцу, корову. Съ другой стороны, на Руси много богатыхъ людей: помѣщиковъ, кущцовъ. Съ нихъ нужно требовать больше податей, чѣмъ съ бѣдняковъ крестьянъ. Въ дѣйствительности же они почти совсѣмъ освобождены отъ налоговъ. Такіе порядки крестьяне считаютъ несправедливыми и, поэтому, подчиняться имъ не желаютъ. Во вторыхъ, крестьяне совсѣмъ не знаютъ, куда, на какія дѣла идутъ сбираемыя съ нихъ трудовыя денежки, „можетъ быть на худыя дѣла?“

Эти соображенія были представлены крестьянами сельскому начальству, которое тотчасъ же дало знать о случившемся земскому начальнику, становому, исправнику. Послѣдніе явились, созвали сельскій сходъ и пытались на немъ сначала угрозами, а потомъ „мягкими просьбами“ убѣдить крестьянъ отказаться отъ его рѣшенія и платить подати. Но ни угрозы, ни „мягкія просьбы“ не произвели на крестьянъ никакого впечатлѣнія: они непреклонно стояли на своемъ. Тогда была послана Пензенскому губернатору телеграмма съ запросомъ, что дѣлать съ крестьянами. Губернаторъ приказалъ пустить въ дѣло силу. Становой, исправникъ собрали со всего уѣзда урядниковъ, вооружили ихъ плетками, подпоили ихъ водкой, не надѣясь, что въ трезвомъ видѣ они исполнятъ въ точности ихъ приказанія и явились съ этой шайкой въ злополучное село. Попытавшись еще разъ образумить непокорныхъ и не достигши и въ этотъ разъ своей цѣли, начальство приказало урядникамъ тузить и хлестать крестьянъ. Крестьяне не сопротивлялись. Они спокойно переносили сыпавшіеся на нихъ удары — они говорили: „мы стерпимъ, но платить подати не будемъ.“ Снова послана телеграмма губернатору, и на этотъ разъ губернаторъ явился самъ въ село съ жандармами и ротой солдатъ. Сельчане были созваны на сходъ. Губернаторъ потребовалъ, чтобы крестьяне выбрали изъ своей среды нѣсколько человѣкъ для переговоровъ, такъ какъ говорить сразу со всѣми нѣтъ никакой возможности. Крестьяне отказались сдѣлать это, заявивъ: „мы знаемъ, что Вы съ ними сдѣлаете, Вы арестуете ихъ.“ Тогда губернаторъ далъ имъ слово, что онъ не арестуетъ ихъ выборныхъ крестьянъ и будетъ бесѣдовать съ ними въ присутствіи всего схода. Крестьяне подались.,. Изъ толпы выступило нѣсколько человѣкъ, но едва они сдѣлали это, какъ на нихъ набросились жандармы, окружили и повели было въ хату. Крестьяне, видя, какъ они гнусно были обмануты, бросились на жандармовъ и освободили своихъ товарищей. Губернаторъ разсвирѣпѣлъ. Онъ приказалъ солдатамъ готовиться къ бою, а крестьянамъ заявилъ: если они не выдадутъ своихъ товарищей—зачинщиковъ и если въ знакъ этого не станутъ на колѣни, то онъ сейчасъ же прикажетъ солдатамъ стрѣлять.,. Солдаты приготовились, еще моментъ и десятки ни въ чемъ не повинныхъ людей погибли бы... Но шесть товарищей не захотѣли губить людей... Они сами, доборвольно вышли и отдались

недавнихъ разоблаченій всѣ увидѣли, до какой степени развращенія и приниженія былъ доведенъ весь составъ гимназическаго начальства въ періодъ „умиротворенія“. О протестахъ противъ изслѣдованія политической благанадежности гимназистовъ и ихъ родителей давно уже не было и рѣчи, но правительство все еще продолжало совершенствовать свое орудіе, находя уже подозрительнымъ, почти „дерзкимъ“ простое уклоненіе отъ активнаго участія въ сыскѣ. Общество всегда ненавидѣло эти гимназіи и высказывало свою ненависть, по скольку могло, не прибѣгая къ рискованнымъ средствамъ. Но въ мирныя времена ненависть „либераловъ“ къ какому нибудь учрежденію всегда служила его лучшей рекомендаціей. „Голосомъ общественнаго мнѣнія“ правительство руководствуется, да только въ обратномъ смыслѣ. Теперь господствовавшая въ гимназіяхъ система, наконецъ, разбита и послѣ цѣлаго года публичной выставки къ позорному столбу, за которой жадно слѣдили, конечно, и гимназисты всѣхъ классовъ и родители всѣхъ званій, она уже не можетъ быть возстановлена въ прежней красѣ, несмотря на угрозы высочайшаго рескрипта „подобрать въ воспитатели лучшихъ людей.“ Но вся честь этого дѣла принадлежитъ исключительно студенчеству. Смѣлостью и упорствомъ своихъ протестовъ, встрѣтившихъ поддержку въ рабочихъ, своимъ презрѣніемъ къ „легальности“, своей революціонностью, однимъ словомъ, студенты воочію доказали правительству, что всѣ его педагогическіе труды послѣднихъ десятилѣтій дали результаты какъ разъ противоположные намѣченнымъ и изъ лабораторій, спеціально устроенныхъ для приготовленія отупѣлыхъ лакеевъ, снова вышло поколѣніе безстрашныхъ борцовъ. Правительству, держащемуся по его же собственному убѣжденію, одной запуганностью населенія только и страшенъ, что ростъ безстрашія. Оно отлично знаетъ, что въ странѣ, гдѣ нѣтъ законовъ, обязательныхъ для администраціи, не можетъ быть и безопасной, легальной, оппозиціонной (въ противоположность революціонной) борьбы какъ съ правительствомъ, такъ и съ малѣйшимъ изъ его агентовъ. Вѣдь Полтавцы не нарушили никакого закона и самое большее, что могло бы ихъ постигнуть по законамъ, хотя бы и россійской имперіи—это жалоба Налимова мировому судьѣ на оскорбленіе его въ частномъ письмѣ. Изъ этого ничуть не слѣдуетъ, конечно, чтобы мы не считали полезными всякія проявленія „дерзости“ русскихъ обывателей, даже умѣренно либеральныя, къ которымъ письма Полтавцевъ мы не причисляемъ. Слѣдуетъ изъ этого другое.

Не далеко, вѣроятно, то время, когда правительство, потерявъ надежду разсажать по тюрьмамъ, запугать или истребить своихъ непрерывно умножающихся враговъ, почувствуетъ—выбирая изъ двухъ золъ меньшее—нѣкоторую склонность „прислушиваться къ голосу общественнаго мнѣнія“ и на этотъ разъ уже не для того только, чтобы сдѣлать діаметрально противуположное его требованіямъ, а чтобы, полакомивъ кое какими обѣщаніями, заставить кричать противъ крайностей революціонеровъ и прославлять „благія намѣренія правительства“.

Такъ вотъ, если „умѣренность“ къ чему нибудь „обязываетъ“, такъ именно къ тому, чтобы всегда знать, а въ такой моментъ въ особенности не забывать, что въ деспотическомъ государствѣ легальная оппозиція не можетъ имѣть ни малѣйшей самостоятельной силы, за отсутствіемъ тѣхъ законовъ, на которые она могла бы опереться; что тотъ минутный фаворъ, въ который она попала зависитъ единственно и исключительно отъ контраста съ крайней смѣлостью и стойкостью людей борящихся революціонными средствами; что еслибы замолкли революціонные голоса и умѣренность осталась наединѣ съ недобитымъ самодержгвіемъ, ея собственный голосъ тотчасъ же снова показался бы ему „дерзкимъ“ и требующимъ строгихъ мѣропріятій. А помня вре это, либеральнымъ людямъ серьезно желающимъ разъ навсегда покончить съ самодержавіемъ, пришлось бы признать, что въ интересахъ своего дѣла имъ слѣдуетъ не противуставлять себя революціонерамъ въ качествѣ самостоятельной силы, не собираться удерживать ихъ отъ „крайностей и насилій,“ а помогать имъ всѣми сообразными со своей умѣренностью средствами. Мы предполагаемъ, конечно, такую умѣренность, которая заключается не въ принципіальномъ отрицаніи правомѣрности нелегальной борьбы съ непризнающимъ законовъ правительствомъ, а въ личной неспособности къ „военной службѣ,“ къ слишкомъ опасной революціонной дѣятельности. Но въ революціонной борьбѣ, какъ и въ обыкновенной войнѣ, для успѣха военнаго дѣла нужна масса штатской работы по снабженію арміи оружіемъ, провіантомъ, квартирами и свѣдѣніями не говоря уже о красномъ крестѣ. Въ настоящее время именно эта часть освободительной работы выполняется всего хуже. По сравненію съ семидесятыми годами дѣйствующая армія выросла безконечно, а штатская помощь, уменьшающая опасность революціонной работы и увеличивающая ея производительность, едва ли достигла даже тѣхъ размѣровъ, какіе имѣла тогда.

въ руки властей... а крестьяне стали на колѣни... Такъ кончилась эта первая попытка крестьянъ бороться...

Въ селѣ Ключевкѣ Пензенской губерніи Инсарскаго уѣзда крестьяне, недовольные своимъ хищникомъ попомъ, нѣсколько разъ жаловались на него архіерею. Эти жалобы не имѣли никакого успѣха, и попъ продолжалъ сидѣть на своемъ тепломъ мѣстечкѣ и обирать крестьянъ. Тогда они рѣшили удалить его изъ села сами силою; попъ узналъ объ этомъ замыслѣ и донесъ объ этомъ земскому начальнику; послѣдній присудилъ къ трехдневному аресту при волостномъ правленіи 176 крестьянъ. — Возбужденіе въ селѣ противъ попа и начальника громадное.

Въ деревнѣ Васильевкѣ (Полт. уѣз.) проживаютъ помѣщики Чесноки — земскій начальникъ съ семействомъ. Чесноки владѣютъ имѣніемъ дес. въ 500., при чемъ землю сдаютъ въ аренду. Люди они добрые, благожелательные и пользуются уваженіемъ мѣстныхъ крестьянъ, которымъ никогда не отказываютъ ни въ помощи, ни въ совѣтѣ. Когда вспыхнуло крестьянское движеніе, Васильевцы получили подметное письмо, въ которомъ говорилось, что такого-то числа Чесноковская усадьба будетъ подвергнута разгрому. Получивъ письмо, Васильевцы немедленно подѣлились его содержаніемъ съ Чесноками, сосѣдямъ же крестьянамъ заявили: „нашего пана не троньте, его въ обиду не дадимъ; а если сунетесь, то васъ самихъ возьмемъ въ колья". Усадьба встревожилась. Хозяева метались по комнатамъ, укладывая пожитки. Пошли слезы, жалобы, истерики и пр. Самъ же Чеснокъ рѣшилъ: „Ну придутъ, такъ придутъ", и приказалъ приказчику отпереть амбаръ. Сидятъ — ждутъ. Приходятъ бунтари. Васильевцы еще разъ заявили, что громить Чесноковъ не дадутъ, какъ-то поладили съ бунтарями, и вмѣстѣ съ ними, оставивъ усадьбу въ покоѣ, пошли и разгромили лежавшее невдалекѣ отъ Васильевки цѣлое гнѣздо помѣщичьихъ усадьбъ.

Животворная картина:

Въ д. Ковалевкѣ Полтавскаго же уѣзда послѣ обѣдни крестьяне предложили священнику громогласно прочесть прокламацію. Священникъ отказался и тогда ковалевцы, вытащивъ бѣднаго пастыря изъ церкви, тутъ же въ оградѣ избили его, приговаривая: „А такъ ты за пановъ, за одно пьете нашу кровь. Нѣтъ, будетъ, довольно панствовали вы, пора и намъ пановать!" Еле еле отлежался священникъ въ больницѣ. Настроеніе крестьянъ сказывается даже въ мелочахъ:

У шлагбаума крестьянскій обозъ съѣхался съ помѣщичьимъ экипажемъ. Прежде чѣмъ пропустить помѣщика, какъ это полагается по деревенскому этикету, обозъ проѣхалъ впередъ, при чемъ возчики иронически замѣчали: „прежде вы были паны, а теперь нашъ чередъ пановать..."

Изъ Орловской губерніи.

Мѣсто дѣйствія захолустная деревня Шепелевка Кромскаго уѣзда. До освобожденія крестьянъ Шепелевкой искони владѣлъ старинный родъ дворянъ Шепелевыхъ. Не такъ давно умеръ послѣдній отпрыскъ фамиліи, и помѣщичья земля перешла къ новому владѣльцу. Въ началѣ апрѣля на сельскомъ сходѣ Шепелевцы всѣмъ міромъ постановили приговоръ: такъ какъ деШепелевской землей съ поконъ вѣку владѣли они, шепелевцы, то земля — ихъ крестьянская собственность, и новому владѣльцу землей пользоваться они не позволятъ. Губернское начальство очень встревожено этимъ фактомъ, помѣщикъ же думаетъ продать землю крестьянамъ. Кстати сказать, по слухамъ, въ Кромскомъ уѣздѣ были распространены прокламаціи.

Изъ Курской губерніи.

Въ слободѣ Николаевкѣ Суджанскаго уѣзда кѣмъ-то изъ крестьянъ была получена революціонная брошюра. Брошюра была прочитана на сельскомъ сходѣ и возбудила массу разговоровъ и толковъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что о полученіи брошюры узналъ Суджанскій исправникъ, и вотъ въ одинъ прекрасный день „хозяинъ уѣзда", въ сопровожденіи орды полиціи прибылъ въ Николаевку на розыски „преступной книжки". Послѣ долгихъ поисковъ брошюра объявилась и съ торжествомъ была отвезена въ Суджу, а огорченные мужички почесывали затылки и толковали, что видно въ книжкѣ правда написана, если самъ исправникъ пріѣхалъ за нею и поднялъ такую бучу. Потолковали да и рѣшили: надо идти къ исправнику книжку назадъ требовать. Надумали и сдѣлали: передъ временной квартирой исправника въ селѣ Николаевкѣ, въ скорости послѣ увоза книжки собирается толпа николаевцевъ человѣкъ 100-150, Выходитъ исправникъ: „Что вамъ, ребята, надо? — „Да вотъ, вашескородіе, книжку, вы у насъ взяли... Такъ мы за книжкой пришли. Отдайте намъ книжку." Принялся исправникъ урезонивать крестьянъ. „Книжка, говоритъ, лживая, если станете поступать по книжкѣ, такъ худо вамъ будетъ: пошлютъ на васъ солдатъ, станутъ васъ сѣчь, а глядишь и перестрѣляютъ малость". Не слушаютъ крестьяне исправника и стоятъ на своемъ: „Отдай книжку, а тамъ видно будетъ... Въ концѣ концовъ, исправникъ настоялъ на своемъ, и крестьяне вернулись по домамъ съ пустыми руками, еще болѣе увѣренные въ томъ, что свободное слово несетъ съ собою правду и свѣтъ, которыхъ такъ боится начальство.

Г.г. либеральные буржуа! Темные николаевцы сдѣлали попытку постоять за свободу печати.

Способны ли вы на такую попытку?

ПОСЛѢДНІЯ СОБЫТІЯ ВЪ ФИНЛЯНДІИ.

5-ое (18) апрѣля навсегда сохранитъ печальную память въ лѣтописяхъ Финляндіи, Въ этотъ день въ ея столицѣ произошло зрѣлище, немыслимое до сихъ поръ въ этой культурной странѣ, въ которой въ теченіе почти цѣлаго столѣтія вѣковая финляндская конституція сдерживала дикій произволъ россійскаго самодержавія. 5-ое апрѣля ознаменовано первымъ въ Финляндіи избіеніемъ безоружныхъ гражданъ разъяренными казаками, которые, не разбирая ни возраста, ни пола, „работали" своими нагайками во славу самодержавія такъ же усердно, какъ постоянно дѣйствуютъ у насъ въ Россіи царскіе опричники. Это азіатское побоище является самымъ краснорѣчивымъ доказательствомъ преступности всей возмртительной „обрусительной" политики русскаго правительства, которую оно ведетъ съ конца 1898 г., и оно находится въ тѣснѣйшей связи съ новымъ, такъ называемымъ, „законом" о „воинской повинности", утвержденнымъ, вопреки основнымъ законамъ, безъ согласія финляндскаго сейма царемъ-клятвопреступникомъ 29-го іюня (12-го іюля) 1901 года. Поэтому, прежде чѣмъ перейти къ описанію апрѣльскихъ событій, мы находимъ не лишнимъ въ нѣсколькихъ словахъ познакомить читателя съ отношеніемъ финскаго народа къ этому административному декрету, грубо попирающему финляндскую конституцію.

Еще чрезвычайный сеймъ 1899 г., созванный для разсмотрѣнія законопроектовъ г. Куропаткина, въ своемъ мужественномъ отвѣтѣ, который самодержцу совершенно беззаконно „было благоугодно оставить безъ послѣдствій", вполнѣ опредѣленно указалъ, что изданный административно новый законъ о воинской повинности, въ правовомъ отношеніи не можетъ быть признанъ дѣйствительнымъ, а въ глазахъ финляндскаго народа покажется лишь насиліемъ. Законные представители народа, какъ доказываютъ событія послѣднихъ мѣсяцевъ, не ошиблись. Мы не будемъ здѣсь останавливаться на самомъ „законѣ", достаточно ясно коментированномъ во внушительномъ протестѣ-адресѣ финскаго народа, который былъ опубликованъ въ № 11 „Искры". Мы укажемъ лишь, что въ силу этого незаконнаго постановленія были упразднены всѣ финскія войска, за исключеніемъ финскаго гвардейскаго баталіона, и что въ ближайшемъ будущемъ послѣдуютъ неограниченные закономъ призывы новобранцевъ въ русскія войска, въ которыхъ ихъ ожидаетъ обращеніе, какое подобаетъ не съ свободнымъ гражданиномъ, а жалкимъ рабомъ тирана. Всѣмъ извѣстно грубое отношеніе „всероссійскаго самодержца" къ благородному адресу финскаго народа, покрытому 473,363 подписями: онъ въ „неизрѣченной милости" рѣшилъ оставить этотъ могучій всенародный протестъ безъ вниманія. Такъ „милостиво" царь отнесся къ подобному адресу финляндцевъ и всѣмъ адресамъ наиболѣе выдающихся представителей науки и искуства всей Европы 1899 г. Упомянутый адресъ прекрасно характеризуетъ взглядъ финскаго народа на преступный „законъ", въ которомъ онъ вполнѣ справедливо лишь видитъ актъ насилія. Такое же отношеніе онъ встрѣтилъ къ себѣ со стороны многихъ пасторовъ, приходовъ, городскихъ и сельскихъ общинъ и, наконецъ, самихъ призываемыхъ къ отбыванію воинской повинности. 16 пасторовъ, не смотря на всякія угрозы и увѣщеванія епископа, наотрѣзъ отказались обнародовать въ кирках „законъ" клятвопреступника; теперь эти пасторы лишены въ наказаніе своего жалованья срокомъ отъ 1 до 3 мѣсяцевъ. Прихожане въ очень многихъ церквахъ не допустили обнародованія царскаго манифеста. Особенно грандіозныхъ размѣровъ этотъ народный протестъ достигъ въ маленькомъ городкѣ Ловизѣ и въ Гельсинфорсѣ, гдѣ 3-го и 10-го (16-го и 23-го) февраля попытался прочесть „законъ", отправленный архіепископомъ во всѣ кирки, въ которыхъ пасторы отказались испнлнить беззаконіе, отставной пасторъ Хальме. Въ Гельсинфорсѣ въ эти дни самымъ возмутительнымъ и вызывающимъ образомъ вела себя полиція, схватывавшая многихъ лицъ и тащившая ихъ въ участки безъ малѣйшаго повода съ ихъ стороны. Гельсинфорскій судъ приговорилъ трехъ полицейскихъ башибузуковъ къ аресту отъ 1 до 3 мѣсяцевъ, а генералъ-губернаторъ Бобриковъ выразилъ этимъ господамъ свою особую благодарность, незаконно же занимающій постъ ньюландскаго губернатора генералъ Кайгородовъ обѣщалъ въ крайнемъ случаѣ у царя выхлопотать освобожденіе отъ наказанія. Въ нынѣшнемъ году призывъ въ видѣ особой милости царя происходитъ, по наглому увѣренію правительства, согласно съ закономъ 1878 г. но это—грубѣйшая ложь, такъ какъ многія постановленія этого закона постоянно нарушаются. Въ силу „неизрѣченной монаршей милости" въ нынѣшнемъ году на активную военную служау будетъ принято всего 280 финляндцевъ, которые всѣ поступятъ въ финскій гвардейскій батальонъ. Подобныя облегченія „монархъ" обѣщалъ дѣлать въ теченіе такъ называемаго переходнаго времени. Однако и „этой „льготой" ему не удалось обмануть финскій народъ, что краснорѣчиво доказалъ, между прочимъ, отказъ городскихъ и сельскихъ общинъ (общее число которыхъ въ Финляндіи достигаетъ 513) избрать членовъ въ призывныя по воинской повинности присутствія, при чемъ не подѣйствовали угрозы губернаторовъ совершенно незаконным иштрафами. Послѣдніе прибѣгли къ такой странной мѣрѣ по секретному предписанію финляндскаго сената. Здѣсь умѣстно сказать нѣсколько словъ вообще о положеніи „финляндскаго мѣстнаго правительства". Сенатъ въ настоящее время послѣ выхода половины всего числа его членовъ въ отставку въ 1900 году вслѣдствіе отказа обнародовать беззаконные „законы" и „Высочайшаго" увольненія осенью 1900 г. 4 лучшихъ его членовъ, осмѣлившихся протестовать противъ царскато „закона" о воинской повинности, состоитъ изъ людей самыхъ слабыхъ продажныхъ и даже настоящихъ изменниковъ. Поэтому, вполнѣ понятно съ одной стороны уступчивость сената при исполненіи различныхъ „предначертаній" Николая II и его агентовъ въ Финляндіи, а съ другой стороны та ненависть и презрѣніе, которыя питаютъ къ Сенату всѣ честные финляндцы. Это славное учрежденіе въ угоду царю и его наглымъ сподвижникамъ пытается всячески обходить и нарушать финляндскіе законы. По иниціативѣ Сената состоялось „Высочайшее" постановленіе о дѣйствительности состава призывныхъ по воинской повинности присутствій и безъ выборныхъ общинами членовъ.

2-го (15) апрѣля наконецъ открыли свои засѣданія оригинальныя „присутствія". Бобриковъ заручился „правомъ" удерживать на службѣ офицеровъ и врачей упраздненныхъ финскихъ войскъ, чтобы насильно пользоваться ихъ услугами въ засѣданіяхъ этихъ присутствій. По имѣющимся за первую недѣлю свѣдѣніямъ о 40 призывныхъ присутствіяхъ, въ 8 не явилось ни одного человѣка, въ 7 общинахъ вовсе не состоялось засѣданій, въ одной общиннѣ всѣ призываемые, представивъ рѣзкій писменный протестъ, удалились. Въ большую часть присутствій явился незначительный процентъ призываемыхъ. Такъ напримѣръ, въ Гельсингфорсѣ изъ 870 оказалось въ присутствіи 57, при чемъ изъ студентовъ явилось 2 (одинъ сынъ сенатора Генетца), на медицинскій осмотръ прибыло всего 38; въ Таммерфорсѣ изъ 327 явилось всего 25, въ Бьернеборгѣ изъ 120—20 и т. п. Подобный процентъ явившихся замѣчался во многихъ сельскихъ общинахъ, что краснорѣчиво говоритъ о взглядѣ самого „народа"—крестьянъ.

Чтобы правительству не оказаться въ очень ужъ некрасивомъ положеніи, мудрые совѣтники самодержца научили его прибѣгнуть къ комическому манифесту, въ которомъ причины стойкаго поведенія призываемыхъ объясняются „ложными слухами", установленный срокъ призыва удлиняется и, наконецъ, приводится курьезная угроза: „уклоненіе отъ призыва приведетъ насъ къ убѣжденію, что установившійся въ теченіе истекшаго столѣтія порядокъ управленія Финляндіею не обезпечиваетъ спокойнаго теченія государственной жизни и повиновенія властямъ". Для такой явной лжи требуется изъ ряда выдающееся нахальство: этотъ „порядокъ" уже 4-ый годъ самодержецъ ежедневно нарушаетъ, и на него теперь онъ сваливаетъ мнимую вину!! Отъ этого порядка уже и теперь осталось крайне немного, такъ что клятвопреступнику не въ чемъ будетъ убѣждаться. Этотъ актъ насилія до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, не имѣлъ особеннаго эффекта въ Финляндіи. По полученнымъ свѣдѣніямъ съ 1 по 7-ое мая (нов. ст.) около 50 призывныхъ присутствій, въ которыхъ засѣданія происходили уже послѣ обнародованія манифеста отъ 7-го (20) апрѣля въ 15 присутствій никто не явился, въ 7 всѣ призываемые послѣ принесенія протестовъ демонстративно удалились, въ большей же части присутствій по прежнему являлся лишь незначительный процентъ. Правительство могло бы уже убѣдиться, что въ Финляндіи оно далеко не уйдетъ со своими беззаконіями.

Въ Гельсингфорсѣ 4-го и 5-го апрѣля происходили засѣданія „присутствій". За отказомъ въ помѣщеніи это присутствіе открыло свои засѣданія скромно въ гарнизонномъ манежѣ и въ казармахъ гвардейскаго батальона. Въ первый день многочисленная публика выражала свое негодованіе свистками, насмѣшливыми возгласами и пр., которыми она провожала явившихся въ присутствіе. Полиція вела себя самымъ вызывающимъ образомъ. Между прочимъ, особенно отличался приговоренный судомъ къ тюрьмѣ коммисаръ Кайтокангасъ, котораго отъ ярости публики, бросавшей въ него каменьями и кусками льда, спасъ помощникъ полицмейстера Максимовъ и бравый коммисаръ пустился въ бѣгство на извозчикѣ. 5-го апрѣля снова собралась на казарменной площади многочисленная толпа, которую въ этотъ день вывела изъ терпѣнія дикая выходка одного жандарма, начавшаго безъ всякаго повода дѣйствовать шашкой. Онъ сначала поранилъ одного финскаго рабочаго, а потомъ угодилъ въ лицо упомянутому Максимову. Между тѣмъ по Гельсингфорсу распространился слухъ, что Сенатъ наканунѣ откомандировалъ въ „присутствія" русскихъ военныхъ врачей, что является грубымъ нарушеніемъ финляндской конституціи, которая допускаетъ на финляндскія должности назначеніе однихъ финляндскихъ гражданъ. Поэтому, публика начала собираться на огромной сенатской площади и къ 3 часамъ, когда сенаторы выходятъ изъ сената, чтобы протестовать противъ поведенія этихъ измѣнниковъ. Лишь 3 сенатора осмѣлились отправиться домой. Ихъ многочисленные граждане встрѣтили свистами и криками. Толпа между тѣмъ быстро росла. На Сенатской площади полиція съ полицмейстеромъ крайне темной личностью, Карлстедтомъ во главѣ, лишь раздражала публику, не переставшую свистать и кричать. На увѣщанія Карлстедта „во имя государственнаго закона" разойтись раздались крики: „у насъ нѣтъ больше закона!" Не имѣли успѣха и нападенія полиціи съ шашками наголо на публику, встрѣтившую ее каменьями и снѣжками. Около 4-хъ часовъ вдругъ прибыла сотня Оренбургскихъ казаковъ, вызванная губернаторомъ Кайгородовымъ. Мы не будемъ подробно описывать всѣ безчинства храбрыхъ воиновъ, избивавшихъ нагайками безоружныхъ людей съ нѣкоторыми перерывами до 9 часовъ вечера. Кайгородовъ, сидѣвшій верхомъ на лошади и окруженный нѣсколькими русскими офицерами также на лошадяхъ, руководилъ этимъ побоищемъ. Казаки, по своему обыкновенію, били всѣхъ подвернувшихся имъ людей: они избили многихъ женщинъ и дѣтей, сгоняли публику нагайками со ступеней Николаевскаго собора, университета и памятника Александра III; они съ особымъ рвеніемъ истязали сбитыхъ ими съ ногъ людей, которые уже не могли обороняться. Многіе казаки даже преслѣдовали со своими нагайками лицъ, спасавшихся въ какія-либо зданія, и здѣсь продолжали свои подвиги. На просьбы нѣкоторыхъ уважаемыхъ гражданъ отослать казаковъ, Кайгородовъ давалъ самые циническіе отвѣты и, между прочимъ, сваливалъ всю вину на какого-то сенатора, вызвавшаго будто-бы казаковъ. Пока мы оставляемъ вопросъ открытымъ, виновны ли какіе либо сенаторы непосредственно въ избіеніи мирныхъ гражданъ. Избитыхъ 5-го апрѣля очень много. Въ хирургическую клинику въ этотъ день обратилось 13 человѣкъ, изъ которыхъ одинъ былъ тяжело раненъ; многимъ же оказали медицинскую помощь частные врачи. Изъ „блюстителей порядка" также ранено нѣсколько человѣкъ. Всѣ звѣрства казаковъ не могли удалить публику, которая добровольно разошлась лишь послѣ отзыва опричниковъ. Кайгородовъ вызвалъ, кромѣ казаковъ, вечеромъ 4 роты войска, которыя, однако, не были пущены въ ходъ. Возмутительная тактика губернатора, разумѣется, не могла водворить порядка въ странѣ, въ которой до послѣдняго времени всѣ граждане сами поддерживали образцовый порядокъ. Въ слѣдующіе за 5 апрѣля дни порядокъ былъ водворенъ увѣщаніями уполномоченныхъ и другихъ гражданъ, а отнюдь не угрозой Кайгородова и безсмысленнымъ вызовомъ войскъ изъ другихъ городовъ. Органъ генералъ-губернатора поспѣшилъ опубликовать ложныя „оффиціальныя„ сообщенія объ этихъ событіяхъ; также во многихъ иностранныхъ газетахъ появились, благодаря стараніямъ г. г. обрусителей, самыя нелѣпыя извѣстія. Любовь финляндцевъ къ порядку доказываетъ лучше всего слѣдующій фактъ: по предложенію городскихъ уполномоченныхъ, вызвались охранять порядокъ сотни студентовъ и рабочихъ, сумѣвшихъ водворить безъ оружія самый примѣрный порядокъ въ ночь на русскую пасху. Столкновенія публики съ полиціей по поводу засѣданій беззаконныхъ присутствій произошли въ двух-трехъ другихъ городахъ, но окончились довольно мирно, такъ какъ губернаторы тамъ не выводили своимъ нахальствомъ изъ терпѣнія гражданъ, какъ дѣлалъ Кайгородовъ. Въ демонстраціяхъ принималъ участіе самъ „народъ", а отнюдь не одна лишь интеллигенція, которая, по нахальнымъ увѣреніямъ русскаго правительства, одна будто бы только недовольна новыми порядками, тогда какъ низшіе классы будто бы благодарны монарху. Изложенныя нами событія превосходно доказываютъ необходимость постоянной, самой упорной борьбы съ самодержавіемъ за политическую свободу, которую оно всячески старается уничтожить въ свободной до сихъ поръ Финляндіи. Послѣднія финляндскія событія призываютъ всѣхъ русскихъ гражданъ къ быстрому сверженію позорнаго ига деспотизма, старающагося задушить проявленіе всякой свободной мысли и всякаго свободнаго слова.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ
и
ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

ПЕРВОЕ МАЯ 1902 Г.

Первые шаги.

(Письмо рабочаго о демонстраціи въ Баку).

Мы, бакинскіе рабочіе, чтобы не отстать отъ рабочихъ другихъ городовъ, сообща рѣшили сдѣлать первый шагъ къ святому дѣлу. Но въ виду того, что наши товарищи еще не такъ сплочены, т. е. наша организація еще очень слаба, у насъ возникъ вопросъ: быть или не быть? Мнѣнія рабочихъ были различны. Одни, напр., говорили: „если будемъ праздновать открыто, то безъ арестовъ дѣло не обойдется, и наши лучшія силы пропадутъ; тогда наше движеніе пріостановится. Не лучше ли намъ продолжать по прежнему тайную пропаганду и агитацію, пока движеніе наше усилится и глубоко пуститъ корни? Тогда и мы, какъ наши братья другихъ городовъ, смѣло выступимъ, открыто заявляя наши силы." Другіе совѣтовали собрать массу и пойти на поле праздновать тайно, чтобы не отстать отъ другихъ городовъ. Но тутъ намъ вспомнился отвѣтъ декабристовъ Пушкину: „Изъ искры возгорится пламя"... Но для того, чтобы возгорѣлось сильное пламя, нужно, чтобы наши искры разлетѣлись по всему городу, чтобы сразу вспыхнулъ большой огонь. Такъ какъ открытое празднованіе станетъ извѣстно всему городу, то безъ сомнѣнія, наши искорки западутъ не только въ души рабочихъ, но и въ души всѣхъ гражданъ нашего города (какъ потомъ и оказалось). Тутъ мы рѣшили: „быть". Стали не жалѣть силъ и времени, устраивать массовыя собранія и вести пропаганду, говорить по поводу открытаго празднованія 1-го мая. Рѣшено и сдѣлано! Но вотъ наступилъ назначенный день 21-го апрѣля! Всѣ съ охотой явились на назначенное мѣсто. Каждый въ отдѣльности поднималъ голову и глазами чего-то искалъ вверху. А сердце такъ жмется отъ радости, что вотъ настанетъ минута, когда мы будемъ чувствовать себя героями святаго дѣла и мы сможемъ сказать, что это нашъ праздникъ, и что это знамя тоже наше. А вотъ и то, что такъ жадно искали наши глаза — это наши сигнальные шары! Каждый, кто только увидѣлъ шары, сейчасъ бѣжалъ къ назначенному мѣсту, а нашъ бравый знаменоносецъ былъ настолько разгорячен, кровь въ немъ такъ закипѣла, что онъ даже не вытерпѣлъ и минутъ на пять раньше, чѣмъ пустили третій шаръ, развернулъ знамя гордо и смѣло и произнесъ: „Товарищи! Сегодня великій праздникъ, въ который мы выступаемъ противъ неправды, невѣжества и нищеты! Долой самодержавіе! Да здравствуетъ свобода!" Я долженъ замѣтить, что около знаменосца было всего человѣкъ 8—10, изъ которыхъ трое разбрасывали маленькія прокламаціи, въ которыхъ были написаны требованія: „Свобода, 8-ми часовой рабочій день" и т. п. Разбрасывая листки, всѣ крикнули: „Ура!" На ихъ крикъ раздался по всѣмъ улицамъ отвѣтъ „ура"! „Долой самодержавіе! Да здравствуетъ свобода!" Со всѣхъ улицъ громадной толпой пустились бѣжать къ „парапету", гдѣ знамя гордо развѣвалось. Постовой городовой, увидя это, до того испугался, что не зналъ, что дѣлать: отнять ли знамя или убѣжать, и какъ бѣшеный, метался во всѣ стороны и какъ разъ попалъ въ толпу демонстрантовъ. Когда онъ вырвался, онъ побѣжалъ безъ оглядки, желтый, какъ мертвецъ. Приставъ же, который здѣсь стоялъ для охраны, помчался, неизвѣстно куда. А демонстранты все прибавляются и прибавляются, а ура все усиливается и усиливается. Съ громкимъ крикомъ „ура" мы двигались вокругъ парапета, къ назначенному мѣсту; но какъ только хотѣли завернуть на Николаевскую улицу, мимо насъ проѣхали: полицмейстеръ, его помощникъ и приставъ. Молча направились они туда же, куда и мы. Но мы начали имъ угрожать кулаками съ крикомъ: „долой самодержавіе, долой полицію, долой собакъ"! А толпа тысячная кричитъ „ура"! Это ихъ задѣло, какъ видно, за живое, и они соскочили съ извозчика и подошли къ намъ, блѣдные, какъ мертвецы, они

тряслись, какъ въ лихорадкѣ. Приставъ заговорилъ телячьимъ голосомъ: „Что вы хотите?“ а полицмейстеръ заревѣлъ какъ быкъ — „разойтись!“ Но товарищи не пали духомъ и угрожали палками — „Долой самодержавіе! Долой полицію!“ а я подошелъ къ знаменоносцу и говорю: „товарищи, бросьте собакъ и вернемся обратно.“ Такъ и было: „ура“ усиливается все больше и больше. Появилась учащаяся молодежь, пожилые и дѣти съ крикомъ „ура! Да здравствуетъ свобода!“ На крышахъ и балконахъ появились люди разныхъ сословій, толстобрюхіе и т. п. господа. Мы имъ угрожали кулаками и криками: „Долой самодержавіе! Да здравствуетъ свобода!“ Но съ балконовъ и крышъ эти толстобрюхіе сочувственно отвѣтили: — „Да здравствуетъ, да здравствуетъ!“ Всѣ проходящіе съ сіяющими лицами кричали: — молодцы, молодцы! Держитесь дружно! Не робѣйте! и т. д.

Такъ мы дошли до того самаго мѣста, гдѣ начали, но тутъ опять тѣ же собаки начали кричать—„разойтись“. Мы не противились и сейчасъ же направились по Татарской улицѣ къ гимназіи; за нами бѣжала вся толпа съ криками „ура“, а знаменосецъ тутъ же сложилъ знамя и ушелъ домой. Были два маленькихъ флага: ихъ несъ какой-то мальчикъ 10-ти лѣтъ, и когда приставъ подошелъ къ нему и хотѣлъ отнять, онъ крикнулъ: „долой собакъ, подлецовъ!“ и, спрятавъ въ карманъ флаги, побѣжалъ. Я забылъ замѣтить, что когда полицмейстеръ спросилъ, что мы хотимъ, одинъ рабочій подскочилъ къ нему, развернулъ флагъ и показалъ ему, что мы хотимъ. Всю дорогу держалъ онъ знамя, чтобы вѣтеръ не скручивалъ его, такъ, что мы минутъ 20 ходили со знаменемъ, а на Гимназической мы стояли также минутъ 20 или больше (но безъ знамени) и кричали „ура“. Хотѣли пѣть, но у насъ ужъ силъ не было. Одинъ грузинъ началъ танцовать, и всѣ хлопали руками, а когда приставъ прибѣжалъ, то его освистали и прогнали. Ни одной улицы не было, чтобы не была полна народу. На крышахъ и балконахъ кричали: долой самодержавіе, да здравствуетъ свобода! и т. д. Ни одинъ ребенокъ не остался дома. Всѣ повыходили изъ домовъ. Народу было около 5,000, такъ, что крики и мертвыхъ могли бы поднять... Мнѣ невольно вспомнилась французская революція...

Постоявъ около $^1/_2$ часа близъ гимназіи, мы начали расходиться, довольные тѣмъ, что маленькая искра дѣйствительно разгорѣлась, и весь городъ закипѣлъ, зашумѣлъ...

Успѣли арестовать одного рабочаго, но парень, какъ говорится, не промахъ: будучи уже въ рукахъ злодѣевъ, самъ себѣ далъ свободу, т. е. поколотилъ двухъ городовыхъ, вырвался и удралъ. Кромѣ этого на мѣстѣ демонстраціи арестовъ не было. Потомъ мы опять всѣ направились къ парапету въ качествѣ зритлей; и нашимъ глазамъ представилось небывалое зрѣлище: громадная толпа, солдаты, казаки, вся бакинская полиція, флотскіе солдаты, пожарная команда и много разныхъ собакъ. Полицмейстеръ, какъ бѣшеный, бѣжитъ то туда, то сюда, не зная что дѣлать? разогнать ли толпу или самому уйти? а жандармскій песъ нюхалъ всюду, авось найдется добыча, но не тутъ-то было. Брандмейстеръ командовалъ пожарнымъ, а казаки уже по доброй волѣ просили публику: „разойдитесь, пожалуйста“. Разошлись не скоро. Теперь многіе рабочіе просятъ дать имъ такихъ людей, которые бы имъ разъяснили ихъ положеніе. Многіе съ нетерпѣніемъ ждутъ новой демонстраціи, и слова нашего великаго учителя Маркса: „Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!“ запечатлѣлись въ душахъ всѣхъ рабочихъ, такъ что теперь всякій говоритъ, что только „первый шагъ“ труденъ былъ, а теперь будемъ шагать прямо и смѣло! и вездѣ, гдѣ мы только будемъ, тамъ и забросимъ искру, а отъ искры возгорится пламя. Теперь я вижу, что невозможнаго нѣтъ. Когда мнѣ кто нибудь бывало скажетъ: „что мы маленькіе люди можемъ сдѣлать?„ я всегда отвѣчалъ, что изъ маленькаго зерна выростаетъ большое дерево. Теперь я вижу передъ собой, что только недавно было заброшено маленькое зерно, а теперь у насъ выросло могучее дерево; и вотъ ужъ даже нѣкоторые пользуются готовыми плодами, въ видѣ удачныхъ забастовокъ. Теперь только остается пожелать всѣмъ товарищамъ всей Россіи, начиная съ перваго шага и на всю жизнь выступать твердо и смѣло и показать всѣмъ врагамъ нашимъ, что нашу семью никто не можетъ искоренить, а наоборотъ, кто захочетъ искоренить нашу семью, тотъ останется въ дуракахъ, потому что—пролетаріи всѣхъ странъ соединились.

Харьковъ. Майская демонстрація у насъ не осуществилась, что и можно было ожидать, такъ какъ массовые аресты въ значительной степени подорвали силы партіи. За послѣдніе 2-3 мѣсяца было арестовано свыше 100 человѣкъ интеллигентовъ и рабочихъ. Тѣмъ не менѣе, день 1-го Мая ознаменовался волненіями на паровозостроительномъ заводѣ, хотя непродолжительными, но принявшими довольно обостренную форму. Дѣло обстояло такъ. Организованные рабочіе выработали на предварительныхъ собраніяхъ два плана дѣйствій.

1) Собравшись утромъ у воротъ завода, не пускать на работу.

2) Собравшись въ верхней части снарядnаго цеха, господствующей надъ частью завода, объявить рабочимъ, что бы они бросали работу и запѣть революціонныя пѣсни.

Оба эти проекта, вслѣдствіе вышеуказанныхъ причинъ, остались неосуществленными. Въ обычное время рабочіе спокойно стали на работу, но уже около 9-ти часовъ въ сборномъ цехѣ началось сильное броженіе: со всѣхъ сторонъ послышались протесты, работа бросалась, раздалось пѣніе дубинушки... Человѣкъ 15-20 отправились изъ сборнаго цеха въ котельный, чтобы тамъ поднять волненіе. Первый изъ нихъ, значительно опередившій своихъ товарищей, обратился къ котельнымъ рабочимъ съ требованіемъ бросить работу. Тогда мастеръ крикнулъ: „бейте этого мерзавца“. Нѣсколько заводскихъ холоповъ бросились на него, но онъ былъ быстро освобожденъ подоспѣвшими товарищами. Мастеръ Булгаковъ, не пользующійся популярностью среди рабочихъ, въ надеждѣ прекратить безпорядокъ, обратился къ нимъ съ увѣщеваніями и угрозами, но брошенной кѣмъ-то гайкой былъ довольно серьезно раненъ въ голову. Черезъ нѣсколько минутъ котельный цехъ уже не работалъ, а черезъ полчаса была прекращена работа на всемъ заводѣ. Всѣ рабочіе вышли на заводской дворъ. Нарядъ полиціи, пытавшійся водворить порядокъ, былъ быстро разсѣянъ разбушевавшейся толпой. Вскорѣ на мѣсто дѣйствія прибылъ отрядъ казаковъ; съ большимъ трудомъ удалось ему пробиться во дворъ и оттѣснить рабочихъ обратно въ заводъ, но здѣсь казаковъ встрѣтилъ такой градъ гаекъ и заклепокъ, что они принуждены были отступить. Одинъ казачій офицеръ и нѣсколько казаковъ получили тяжелые ушибы. Работники опять заняли дворъ. Наконецъ, появился губернаторъ свѣтлѣйшій князь Оболенскій, пріобрѣвшій всероссійскую извѣстность варварской расправой съ крестьянами Валковскаго уѣзда. Онъ произнесъ краткую, но вразумительную рѣчь, въ которой рабочимъ „стакилъ на видъ“, что во ввѣренномъ ему городѣ онъ не потерпитъ подобныхъ безчинствъ, что его трудно запугать, что въ крайнемъ случаѣ онъ соберетъ не только все Харьковское войско, но призоветъ войска со всей Россіи... Въ заключеніе онъ предложилъ рабочимъ изложить ихъ требованія. Но они на столь милостивое предложеніе отвѣтили глубокимъ молчаніемъ. Губернаторъ постоялъ, помолчалъ и уѣхалъ, а работники разбрелись по домамъ. Послѣ обѣда многіе изъ нихъ, подъ прикрытіемъ войскъ, разставленныхъ вокругъ завода, пошли опять на работу; такъ что къ вечеру работало громадное большинство. Этимъ и закончились безпорядки. Говорятъ, что за заводомъ стоялъ отрядъ казаковъ съ розгами. По „нонѣшнимъ“ временамъ этому не трудно повѣрить.

Ростовъ на Дону 25-го мая 1902 г.

Наше рабочее движеніе растетъ и ширится, несмотря на то, что въ этомъ году кризисъ сильно задержалъ ростъ его.

6-го мая прошлаго года начали сокращать количество рабочихъ на мѣстныхъ заводахъ, и въ первую голову, конечно, разсчитывались сознательные рабочіе, какъ неудобный элементъ, отъ котораго всегда стремятся избавиться хозяева и мастера. Благодаря кризису, Донской комитетъ лишился 60—70 процентовъ съорганизованныхъ рабочихъ. На ихъ мѣста явились уже новые, хотя пока еще въ меньшемъ количествѣ. Тѣмъ не менѣе движеніе по размѣрамъ превзошло прошлогоднее. Были устроены двѣ демонстраціи (19-го февраля на Садовой улицѣ и 30-го марта въ театрѣ); попытка устроить демонстрацію 18-го апрѣля окончилась неудачей.

Прокламацій распространялось огромное количество. За послѣднее время выпущены: 22-го марта—о значеніи демонстраціи (1,300 шт. печатныхъ); 30-го марта—300 прокламацій и 600—700 билетиковъ съ надписями „Долой самодержавіе,“ „Да здравствуетъ политическая свобода! „Долой Обмановыхъ“; 5-го апрѣля—на смерть Сипягина (100 шт.; эти же прокламаціи раздавались по церквамъ въ ночь подъ пасху:) 9 и 10 распространялись майскія брошюрки и прокламаціи. Выпущено 1,000 брошюрокъ (перепечатано съ измѣненіями и дополненіями изд. Южнаго Рабочаго 1901 г. о значеніи перваго мая и отрывокъ изъ исторіи австрійскаго рабочаго движенія) и 2,500 прокламацій; 18-го апрѣля распространены майскія прокламаціи въ новой редакціи—2,000 шт. и 700 плакатовъ съ призывами къ демонстраціи; 26-го апрѣля распространены прокламаціи Центральнаго Комитета—около 1,000 шт.: 3-го мая 1,000 шт. прокламацій партіи (изд. „Искры“). Кромѣ того получено 1,000 „Сонъ подъ первое мая“, но по конспиративнымъ условіямъ не могли быть распространены. Запоздали и потому не были распространены майскія прокламаціи изд. „Южнаго Рабочаго“ въ количествѣ свыше 3,000 шт.; 9-го мая распространено въ обществѣ и къ рабочимъ 2,000 прокламацій на смерть Балмашева. Благодаря такому обилію прокламацій, настроеніе во всѣхъ слояхъ общества было тревожно выжидательное. Этому также способствовали принятыя полиціей и жандармами мѣры. Аресты и обыски шли безпрерывно; на заводахъ по ночамъ оставлялись спеціальные сторожа для ловли распространителей прокламацій. У заподозрѣнныхъ рабочихъ по ночамъ взламывали станки и ящики, розыскивая тамъ прокламаціи. На вокзалѣ ж. д. нѣсколькихъ человѣкъ пріѣзжающихъ и отъѣзжающихъ арестовывали, обыскивали, записывали адреса и отпускали съ миромъ. Всѣ посылки осматривались жандармами; многія вскрывались въ тщетныхъ поискахъ транспортовъ нелегальной литературы. Наряды полицейскіе были усилены, шпіоновъ расплодилось, что навозныхъ мухъ. 14-го апрѣля на помощь мѣстной казачьей сотнѣ (173 ч.) прибыли казаки Новочеркасскаго гарнизона. Казаки эти въ полномъ вооруженіи съ пиками, ружьями, саблями и нагайками, въ теченіе трехъ дней разъѣзжали съ пѣснями по городу, терроризируя этимъ населеніе. Кромѣ конныхъ, пѣшая казачья сотня и солдаты мѣстной конвойной команды въ теченіе нѣсколькихъ дней стояли въ казармахъ въ полной боевой готовности. 18-го на демонстрацію явилось человѣкъ 500 рабочихъ; толпа собралась тысячъ въ 7-8, вся Ростово-Нахичеванская полиція и жандармерія была тутъ-же въ полномъ сборѣ. Но демонстрація не удалась, къ величайшему изумленію всѣхъ собравшихся.

Трудно объяснить эту неудачу. Донской Комитетъ 22-го апрѣля устроилъ спеціальную большую сходку рабочихъ для выясненія причинъ неудачи, но и она мало выяснила этотъ печальный случай. Дѣло въ томъ, что по конспиратвнымъ соображеніямъ очень ограниченное число лицъ знало планъ демонстраціи, что вызвало сильное замѣшательство, которое особенно усиливалось тѣмъ, что густая толпа гуляющихъ мѣшала свободному движенію и въ ней организованные рабочіе съ большимъ трудомъ находили другъ-друга. Первая группа демонстрантовъ очень хорошо начала, пропѣвъ куплетъ марсельезы и за тѣмъ, по условію, разсѣялась. Вторая же группа, долженствовавшая начать на другомъ концѣ улицы, по непонятной и не выясненной причинѣ своевременно не начала и потомъ не могла начать, такъ какъ не успѣвало сойтись 15—20 рабочихъ, какъ среди нихъ появлялось нѣсколько полицейскихъ, при которыхъ начинать было невозможно. Наконецъ уже въ новомъ мѣстѣ рабочіе подняли знамя. Но къ нему моментально подбѣжалъ шпіонъ и перервалъ его. Въ суматохѣ его приняли за „своего“, расправляющаго знамя. Шпіонъ безнаказанно удралъ, а остатки знамени были разодраны уже на рукахъ у полиціи. Случай этотъ произвелъ прямо таки ошеломляющее впечатлѣніе. Итакъ проявленіе политическаго недовольства у нашихъ рабочихъ задушили, но надолго ли?

Пока что полиція неистовствуетъ, охраняя гнилыя основы самодержавія. 5-го мая, напримѣръ, у театра собралась публика устроить овацію отъѣзжающему гастролеру Баттистини. Полиція начала разгонять собравшихся и вызвала конныхъ казаковъ. Казаки, между прочимъ, ни за что, ни про что, жестоко изколотили одного извозчика. Вокругъ города до сихъ поръ разъѣзжаютъ верховые, выискивая, не грозитъ ли что полицейскому произволу. Между прочимъ, полиціей было запрещено устройство каруселей и балагановъ за городомъ на такъ называемой „зеленой балкѣ“, что существовало издавна.

Прокламаціи Донского Комитета въ этомъ году распространялись, помимо Ростова и Нахичевани, въ Таганрогѣ, Новочеркасскѣ, заводѣ Пастухова при ст. Сулинъ, въ Александровскѣ-Грушевскомъ и окружающихъ его шахтахъ, Новороссійскѣ и Армавирѣ. Воздѣ прокламаціи вызывали, по большей части, восторженный пріемъ. Шахтари, среди которыхъ прокламаціи появились впервые, собрали между собою нѣсколько рублей на покупку „писемъ“. Въ Сулинѣ рабочіе собирались группами, читали прокламаціи и кричали „ура“. Обезпокоенный этимъ директоръ завода собралъ рабочихъ и произнесъ имъ приблизительно слѣдующую рѣчь: „Вотъ господа, въ послѣднее время вы ведете себя очень нехорошо, и отъ этого чрезвычайно огорчается хозяинъ нашъ. То вы заводъ били, а теперь читаете эти подлыя прокламаціи. Отъ этого хозяинъ нашъ дошелъ до такого огорченія, что сказалъ: „пускай они всѣ передохнутъ—я закрою заводъ, разъ они меня не цѣнятъ. Вотъ видите, до чего васъ доведутъ нѣкоторые подлецы подстрекатели. Давайте подписку, что больше у насъ ни бунтовъ, ни прокламацій не будетъ. Станемъ жить мирно и выгонять тѣхъ подлецовъ, которые мутятъ“. Въ это время кто-то, должно быть изъ „подлецовъ“, свистнулъ и толпа перестала внимать словамъ директора. Начались крики, вспоминали разныя несправедливости и браковку работы, изъ-за чего недавно бунтъ былъ. Дѣло чуть не закончилось новымъ битьемъ квартиръ администраціи.

Итакъ, несмотря на неудачу 18-го апрѣля, мы вступаемъ въ новый годъ существованія съ глубокой вѣрой въ свои силы и въ близкій конецъ ненавистнаго самодержавія.

Крымъ. Изъ Ялты сообщаютъ, что 1-го мая тамъ появились соціаль-демократическія прокламаціи, обращенныя къ ялтинскимъ рабочимъ. Прокламаціи эти въ большомъ количествѣ были распространены по городу, рабочимъ слободкамъ и въ окрестныхъ царскихъ имѣніяхъ. Такимъ образомъ, еслибы всероссійскій недоросль Ника-Милуша находился теперь въ Крыму, онъ могъ бы съ ужасомъ найти у себя во дворцѣ свободное соціальдемократическое слово. Мѣстные обыватели говорятъ, что въ Ялтѣ соціальдемократическія прокламаціи появились впервые. Прокламаціи эти были составлены въ высшей степени популярно и разсчитаны на распространеніе въ массѣ. Характеръ они носили соціалистическій съ рѣзко выраженной политической окраской. Ялтинская полиція цѣлый день рыскала по городу и слободкамъ, съ трудомъ срывая крѣпко приклеенныя прокламаціи. Въ теченіе нѣсколькихъ дней улицы Ялты кишѣли полицейщиной. Квартирующій въ Ливадіи (имѣніе царя) батальонъ былъ „на готовѣ“, въ ночь предшествовавшую 1-е мая по городу ходили солдатскіе патрули. Словомъ, царскіе холопы усердно старались подавить и запугать словно съ неба упавшую „крамолу“.

Прокламаціи произвели въ Ялтѣ громадный шумъ. Въ теченіе нѣсколькихъ дней всюду только и слышны были разговоры на эту тему. Многочисленные Ялтинскіе шпіоны шныряли по базарамъ, трактирамъ и т. д., прислушивались къ разговорамъ рабочихъ и арестовывали десятками тѣхъ, кто выражалъ сочувствіе прокламаціямъ. Въ теченіе нѣсколькихъ дней было арестовано 60 рабочихъ, но въ результатѣ полиція осталась, конечно, съ носомъ, и постепенно всѣ рабочіе были ею освобождены за полнымъ отсутствіемъ уликъ. Вѣдь нельзя же даже въ Россіи запрещать уличные разговоры на тему, интересующую весь городъ.

Желая вызавть среди мѣстнаго общества отрицательное отношеніе къ прокламціямъ, Ялтинскіе полицейскіе, шпіоны и жандармы начали распускать по городу слухъ, будто прокламаціи призывали къ грабежамъ, разгрому домовъ и магазиновъ и т. д. Эта гнусная выдумка подлыхъ царскихъ опричниковъ имѣла небольшой успѣхъ среди нѣкоторыхъ слоевъ буржуазіи, совершенно еще „невмѣняемыхъ“ въ политическомъ отношеніи. Но въ общемъ ялтинское общество, конечно, не повѣрило нелѣпой сказкѣ полицейскаго участка. Впрочемъ, полицейскій участокъ самъ поспѣшилъ опровергнуть свою глупую выдумку, набросившись съ обысками не на „грабителей“, а на Ялтинскую интеллигенцію.

Да, Ялтинскіе холопы всероссійскаго хана! Вы лишній разъ доказали воочію, что не мы, соціальдемократы, борющіеся за свободу и счастье угнетеннаго человѣчества, а вы, царскіе коршуны, вы, царскіе башибузуки, занимаетесь ночными грабежами и разбоями. Это вы втеченіе двухъ недѣль держали Ялту въ осадѣ, вы врывались по ночамъ въ квартиры мирныхъ Ялтинскихъ гражданъ, нарушая неприкосновенность семейнаго очага, залѣзая своими грязными продажными лапами въ святая святыхъ личной жизни человѣка, читая самыя интимныя письма, оскверняя самые дорогіе сувениры. Вы—разбойники, вы—грабители, вы—святотатцы!

Полицейско-жандармская сволочь произвела въ Ялтѣ цѣлый рядъ обысковъ: у Алексина (врачъ), у Гондарева (студентъ), у Петрова (рабочій), у Ветютиневой (земская фельдшерица), у Алексѣева (рабочій), у Бѣльцова (городской лаборантъ), у Рудина (художникъ), въ городской лабораторіи, въ помѣщеніи малярной артели и на квартирахъ всѣхъ рабочихъ, имѣющихъ отношеніе къ этой артели. Обыскъ увѣнчался успѣхомъ только у одного лица— у Рудина. Но какой это былъ оригинальный успѣхъ! Царскіе холопы нашли дневникъ, въ которомъ художникъ отмѣтилъ, что видѣлъ царя Николая и что у царя очень глупая и пошлая морда... Этотъ дневникъ взятъ въ жандармское управленіе, вѣроятно для наглядnаго доказательства того, что даже художники стали на Руси неблагонамѣренными!...

Объ успѣхахъ прокламаціи среди рабочихъ не будемъ распространяться по причинамъ конспиративнаго свойства. Отмѣтимъ лишь, что въ нѣкоторыхъ мастерскихъ 1-го мая работы были брошены. Ялтинское общество, испытавъ на себѣ весь ужасъ того произвола, который господствуетъ на Руси, справедливо негодуетъ на безобразія царскихъ башибузуковъ, нарушающихъ ночной покой гражданъ.

Что же гг. Ялтинцы, докажите свое негодованіе дѣломъ! Если вы не можете принять активное участіе въ революціонной борьбѣ съ гнуснымъ царизмомъ, этимъ наслѣдіемъ золотой орды, оказывайте помощь посильную, давайте адреса для конспиративныхъ цѣлей, давайте для тѣхъ же цѣлей квартиры, дѣлайте пожертвованія и сборы среди знакомыхъ! эти деньги пойдутъ на устройство тайныхъ типографій, на изданія свободнаго революціоннаго слова, на улучшеніе революціонныхъ сношеній между городами и поддержку тѣхъ борцовъ, что выбыли изъ строя и томятся въ царскихъ тюрьмахъ.

Докажите свою политическую зрѣлость! Пріобщитесь къ великому дѣлу свободы!

Шостkенскій пороховой заводъ. Черниговской губерніи. Выпущены мѣстной рабочей организаціей 3 прокламаціи мѣстнаго и общаго характера. Начальство въ смятеніи. На страстной вызванъ, помимо имѣющагося тамъ баталіона солдатъ, еще батальонъ. Настроеніе рабочихъ возбужденное. Стрѣляли въ завѣдомаго негодяя—мастера Криворученко. Арестовъ не было. Открытый характеръ организованное движеніе приняло впервые. Всего въ мѣстечкѣ жителей около 8,000 человѣкъ.

Двинскъ- 16-го апрѣля вечеромъ была демонстрація въ Двинскѣ. Началась отъ дома реальнаго училища и двигалась безпрепятственно по направленію къ синагогѣ. Полиція и войска были отвлечены на другую улицу. Принимало участіе около 3,000 человѣкъ, среди нихъ около 200 — 300 христіанъ (прошлый годъ около 2—3 десятковъ) главнымъ образомъ желѣзнодорожные рабочіе. Шествіе продолжалось около 8 мин. Было одно красное знамя съ надписями: „Да здравствуетъ демократическая конституція,“ „долой самодержавіе“, „да здравствуетъ 1-е мая“! У синагоги толпу разсѣяли. Скрывшіеся въ синагогу были арестованы (около 30 челов.) вмѣстѣ съ находившимися тамъ стариками. Всего арестовано около 100 человѣкъ. Широкая публика отнеслась сочувственно. Выпущена прокламація на 3 языкахъ (жаргонѣ, польскомъ и русскомъ).

Саратовъ. 5-го мая у насъ произошла демонстрація—явленіе до сихъ поръ здѣсь невиданное, породившее много разговоровъ, часто самыхъ нелѣпыхъ. У обывателя еще живо воспоминаніе о бывшемъ здѣсь въ 91 году холерномъ бунтѣ, и потому, первое чувство, охватившее его, было паника. Всетаки эту демонстрацію нельзя назвать неудачной. Демонстрантамъ удалось пройти съ развернутыми знаменами довольно значительное пространство, и знамена развѣвались, по крайней мѣрѣ, въ теченіе 20 минутъ. За нѣсколько дней до демонстраціи были распространены майскіе листки Россійск. Соц.-дем. Рабочей Партіи, а также соціалистовъ-революціонеровъ въ большомъ количествѣ, а наканунѣ—призывныя съ требованіями 8-ми часоваго рабочаго дня, политической свободы и отмѣны постоянной арміи, выпущенныя сообща мѣстнымъ соц-дем. комитетомъ, объединенной группой соц.-дем. и соц.- револ. и соц.-демократическимъ ремесленнымъ союзомъ, приглашающія на демонстрацію къ 12 часамъ 5-го мая на Соборную площадь. Наканунѣ была выпущена мѣстнымъ „Комитетомъ сношеній“ прокламація по поводу казни Балмашева: „Казнь Балмашева“. Полиція, конечно, знала о готовящейся демонстраціи и приняла соотвѣтствующія мѣры: во дворахъ Соборной площади и Нѣмецкой улицы была спрятана конная и пѣшая (большей частью переодѣтая — это фактъ, потвержденный многими лицами) полиція, войска также были наготовѣ. Но демонстранты очень ловко провели полицію. Вмѣсто назначенной Соборной площади, они собрались на Верхнемъ базарѣ, гдѣ ихъ никто не ожидалъ. Полиція здѣсь была представлена лишь въ лицѣ одного околоточнаго и одного полицейскаго. Правда, кое гдѣ виднѣлись подозрительныя рожи шпіоновъ. Около половины перваго кучка демонстрантовъ незамѣтно сгруп-

пировалась и выкинула два красныхъ знамени, одно съ надписью: „8-ми часовой рабочій день! Да здравствуетъ соціализмъ!“ На другомъ знамени надпись не разобрала. Какъ только были выброшены знамена, кто-то крикнулъ: Долой самодержавіе, раздался пронзительный свистъ (это шпіоны перекликнулись между собой), крикъ: „бунтъ“, торговки подхватили свои лотки и моментально разбѣжались въ разныя стороны. На минуту посреди почти опустѣвшаго базара осталась небольшая (человѣкъ въ 30) кучка демонстрантовъ. Но это продолжалось лишь нѣсколько мгновеній, скоро публика стала прибывать и демонстранты, уже значительной толпой, двинулись, пересѣкши Московскую улицу, на Театральную площадь. Полиція была застигнута врасплохъ и не знала, что предпринять, единственный городовой растерянно шелъ рядомъ съ демонстрантами. На Театральной площади было выброшено черное знамя съ надписью бѣлыми буквами: „Балмашевъ казненъ, вѣчная память герою! Долой палачей!“ Демонстранты благополучно пересѣкли Театральную площадь, прошли по Александровской улицѣ, и лишь когда завернули на Нѣмецкую улицу по направленію къ Соборной площади, на нихъ бросилась изъ дворовъ переодѣтая полиція, солдаты, шпіоны, а также добровольцы изъ обывателей Произошла ужасная свалка. Впечатлѣніе получалось такое, будто происходитъ драка среди самой публики, такъ какъ полиція въ „формѣ“ дѣйствовала довольно корректно, избіеніемъ же занималась, главнымъ образомъ, переодѣтая полиція и шпіоны. Арестовывали по указанію шпіоновъ лицъ имъ раньше извѣстныхъ „своимъ неблагонадежнымъ поведеніемъ“, а также всякаго, возмущавшагося этимъ безобразнымъ избіеніемъ. При этомъ арестовано нѣсколько обывателей. Изъ демонстрантовъ сильно избито душъ 7, нѣкоторые изъ нихъ съ сильными поврежденіями. Полиціи тоже порядочно досталось. Кучку демонстрантовъ, человѣкъ въ 50, оцѣпили и заперли во дворѣ. Когда на Театральной площади уже не было никого изъ демонстрантовъ туда прибыли войска и грозно выстроились по обѣ стороны площади. Прибыли войска и на Нѣмецкую улицу; сюда же явились полицмейстеръ и губернаторъ. Часа въ три арестованныхъ перевели въ часть на Ильинскую улицу, а ночью въ тюрьму. Публика во множествѣ, но молча провожала демонстрантоъ. Кое-гдѣ привѣтливо махали платками и раздавалось слабое ура. Чаще всего на лицахъ замѣчалось любопытство и недоумѣніе. 6-го утромъ число арестованныхъ равнялось приблизительно 68 человѣкъ. 2-хъ или 3-хъ выпустили на другой день.

Жандармы особенно доискивались знаменоносцевъ, но, очевидно, на этотъ счетъ у нихъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній, такъ какъ они чуть ли не каждому арестованному предъявляютъ подобное обвиненіе, даже случайно попавшимъ, не принимавшимъ участія въ демонстраціи. Не смотря на свои небольшіе размѣры (благодаря приглашенію на Соборную площадь, не всѣ демонстранты попали на Верхній базаръ), демонстрація произвела большое впечатлѣніе и встряхнула обывателей. (Мнѣ передавали за фактъ, что немного спустя послѣ того, какъ прошла первая группа демонстрантовъ, на Московской улицѣ появилась другая группа демонсгрантовъ съ краснымъ знаменемъ, состоявшая главнымъ образомъ изъ рабочихъ, завернула на Николаевскую улицу и направилась къ Соборной площади, гдѣ и была задержана полиціей). Разговоровъ масса, обыватели въ полномъ недоумѣніи. — „Бунтъ“ чаще всего приходится слышать. Ходятъ также нелѣпые слухи о разграбленныхъ лоткахъ, разбитыхъ магазинахъ, о намѣреніи студентовъ убить министровъ, царя и вернуть крѣпостное право. Полиція, конечно, поощряетъ ихъ.

Дворникамъ отдано строгое приказаніе слѣдить за неблагонадежными лицами, узнавать фамиліи посѣщающихъ ихъ лицъ и обо всемъ подозрительномъ доносить полиціи. Имъ внушаютъ, что это для нихъ „царская служба“, и что ихъ будутъ приводить даже къ присягѣ

Пермь. 25-го апрѣля по заводамъ Перми, Мотовилихинскомъ Озесскомъ и др. появились майскія прокламаціи. 27-го были сдѣланы обыски въ Мотовилихѣ, при чемъ арестовано 11 человѣкъ, изъ которыхъ 5 уже выпущено. При обыскахъ руководствовались указаніями управляющаго, инженера и мѣстнаго пристава. Настроеніе въ Мотовилихѣ было настолько бодро, что послѣ арестовъ черезъ 2-3 дня снова появились листки призывающіе товарищей къ поддержкѣ семей арестованныхъ. Во время арестовъ рабочіе пытались даже отбить одного товарища изъ рукъ полиціи. Рабочіе высмѣивали полицію, гукая при появленіи конныхъ и пѣшихъ полицейскихъ, называя ихъ фараонами и т. п. Большинство рабочихъ все же работало въ этотъ день. Въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ арестовано 2, изъ которыхъ одинъ уже выпущенъ.

Положеніе арестованныхъ политическихъ въ Перми далеко не завидное (ихъ теперь сидитъ до 25, — вмѣстѣ съ майскими арестованными, которыхъ послѣ допросовъ выпускаютъ). Жандармское управленіе вмѣшивается въ тѣ области тюремной жизни, которыя вовсе не подлежатъ его вѣдѣнію. Происходятъ отъ этого недоразумѣнія съ одной стороны между заключенными и тюремнымъ начльствомъ, съ другой—между жандармскимъ управленіемъ и тюремной администраціей. Начальникъ тюрьмы уже второй при политическихъ. На окна заключенныхъ заказаны щиты (за счетъ жандармск. управл.), съ отверстіемъ въ небо и землю; пища ухудшена... режимъ настолько тяжелъ, что всѣ заключенные рѣшили открыть голодовку съ 5-го мая...

12-го марта взяты помощ. прис. пов. Трапезниковъ (2-ой разъ), зуб. врачъ Эмдинъ. Въ Мотовилихѣ передъ 1-мъ мая взяты рабочіе Черновъ, Авдѣевъ, Аристовъ, Новиковъ, Коншинъ и др. служащій Канторовичъ. Въ настоящее время въ тюрьмѣ сидитъ до 20 человѣкъ.

Въ Новозыбковѣ, Черниговской губ. мѣстной соц.-демократической группой были распространены передъ 1-мъ мая воззванія, вызвавшія чрезвычайный переполохъ среди полиціи и обывателей.

По имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ, усиленная майская агитація велась еще въ Екатеринославѣ (была неудачная попытка демонстраціи), Одессѣ, Николаевѣ, Кременчугѣ, Твери и другихъ мѣстахъ.

Томскъ. (1-ое мая)

18-ое апрѣля прошло въ Томскѣ довольно спокоино, хотя полиція ждала демонстраціи и приняла мѣры. Дѣло ограничилось тѣмъ, что на Почтамтской (одной изъ главныхъ улицъ города) были выброшены два красныхъ знамени (одинъ съ надписью „долой самодержавіе“), на другихъ улицахъ еще два, да вездѣ были расклеены прокламаціи. Обыватели усердно ходили по Почтамтской, но ничего не дождались. Говорятъ, что томскій архіерей Макарій оказался навольнымъ пособникомъ преступленія: въ раздаваемыя, на ведушихся подъ его руководствоаъ духовно-нравственныя чтеніа—книжки какимъ-то чудомъ попали первомайскія прокламаціи-

Красноярскъ, Енисейск. губ. 9-го мая.

„Хочу подѣлиться съ вами своими майскими впечатлѣніями. Въ Сибири 1-е мая, по крайней мѣрѣ, насколько извѣстно мнѣ, прошло довольно спокойно. Кой-гдѣ, впрочемъ, благодаря „распорядительности“ администраціи получались довольно занимательныя картинки. Такъ, напримѣръ, въ нашемъ Красноярскѣ. Передъ 18-го апрѣля (1-е мая) въ послѣдніе 3 или 4 дня почти каждую ночь по городу и въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ появлялись прокламаціи, разъясняющія значеніе рабочаго праздника. 17-го апрѣля, какъ говорятъ, къ утру улицы города были красными отъ прокламацій (прокламаціи эти были на красной бумагѣ). Ихъ таскали ребятишки, торговки, извозчики. Передаютъ, что только полицей было собрано въ это утро 3,000 листковъ, Листки эти были небольшіе четырехугольники, на которыхъ были означены лишь первомайскія требованія. Но кромѣ того, были и большіе красные, изящной формы, въ родѣ афишъ, которыя продаютъ обыкновенно въ театрѣ. Полиція, разумѣется, была въ большой тревогѣ. За послѣднее время она здѣсь вообще очень обезпокоена, и то и дѣло производитъ набѣги. О нихъ стоитъ сказать пару словъ. 18-го появились прокламаціи Сибирскаго Союза и вотъ вдругъ полиція (уѣздная) понеслась отыскивать типографію—куда бы вы думали?! — На „Столбы“. Это большія скалы въ 12 верстахъ отъ города, въ довольно глухомъ лѣсу—мѣсто прогулокъ любителей природы. И въ результатѣ: привели 4-хъ арестованныхъ — какихъ-то любителей „столбистовъ“, воспользовавшихся пасхой и забравшихся туда въ избушку (тамъ есть такая). Привели ихъ подъ конвоемъ, посадили, продержали день и выпустили. Теперь говорятъ, что „Столбы“ взяты подъ надзоръ, ибо тамъ, на одномъ изъ неприступнѣйшихъ мѣстъ, въ прошломъ году еще—какой-то любитель начерталъ масляной краской саженными буквами ужасное слово „Свобода“.

Затѣмъ былъ арестованъ, какъ говорятъ, по доносу, прикащикъ купца Гадалова. Недавно выпущенъ на поруки. Затѣмъ обыскали нѣсколько лицъ самаго различнаго общественнаго положенія. Былъ обысканъ соборный дьяконъ за то, что нашелъ нѣсколько прокламацій и съ перепугу безъ объясненій передалъ ихъ постовому городовому, который принялъ ихъ и донесъ на дьякона, какъ на распространителя. Далѣе. (Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ!) Былъ обысканъ одинъ полицейскій чиновникъ. И наконецъ былъ заподозрѣнъ и допрашиваемъ одинъ молодой недавно поступившій желѣзнодорожный жандармъ!.. Послѣ всего этого полицмейстеръ нашъ бросился въ округъ — уѣхалъ въ Канскъ искать тамъ Комитетъ. Кстати о Канскѣ. Тамъ недавно умеръ одинъ высланный студентъ. Колонія ссыльныхъ торжественно хоронила его. Былъ вѣнокъ съ „преступными надписями“ и красными лентами. Въ результатѣ всю колонію арестовали. Теперь уже всѣ выпущены, но дѣло, кажется, не кончено. Вѣроятно, всѣхъ ихъ разошлютъ по разнымъ селамъ.

Въ апрѣлѣ сюда прибылъ транспортъ студентовъ. Для встрѣчи ихъ собралась многотысячная толпа рабочихъ и интеллигентовъ и устроила цѣлое тріумфальное шествіе отъ вокзала до острога, куда направляли бывшихъ студентоиъ.

По дорогѣ были выкинуты красные флаги съ надписями: „долой самодержавіе“, и пѣлись революціонные пѣсни.

Другая картина при прибытіи слѣдующихъ партій. За полчаса до прихода поѣзда прибыли двѣ роты казаковъ; съ прибытіемъ поѣзда онѣ окружили вагонъ со студентами, зарядивъ предварительно на глазахъ публики свои револьверы. Публика держалась на почтительномъ разстояніи.

Теперь о самомъ 18 апрѣля въ нашемъ Красноярскѣ. День былъ теплый, ясный. По главной улицѣ съ самаго утра потянулась разнокалиберная (преимущественно либеральная) публика. Всѣ, буквально всѣ говорили объ одномъ: о предстоящей демонстраціи или о „бунтѣ рабочихъ“. Я самъ слышалъ, какъ кучка чиновниковъ разсуждала, сможетъ-ли здѣшній батальонъ отразить рабочихъ, и рѣшили, что едва-ли, если всѣ рабочіе выйдутъ на улицу. По улицамъ то и дѣло скакали кучкой казаки въ полномъ вооруженіи съ винтовками за плечами (винтовки были вынуты изъ чехловъ—это боевая форма). Рота солдатъ была подъ ружьемъ. Солдатамъ было выдано по 10 боевыхъ патроновъ. Скакали пристава то верхами, то на извозчикахъ. Расхаживали и выглядывали жандармы. Ходили солдатскіе патрули. Передъ тѣмъ, среди здѣшняго военнаго начальства произвела переполохъ прокламація къ солдатамъ, которая въ массѣ была распространена по всѣмъ ротамъ. По этому случаю было экстренное собраніе офицеровъ, а потомъ — 17-го — Губернскаго Управленія. Командиръ былъ возмущенъ тѣмъ фактомъ, что почти всѣ солдаты прочли листокъ и изъ всѣхъ ротъ нашелся лишь одинъ сообщившій и принесшій начальству нѣсколько экземпляровъ листковъ (и то вольноопредѣляющійся). О впечатлѣніи, произведенномъ листками на солдатъ, передаютъ такъ: „Всѣ прочли, всѣ интересуются, нѣкоторые жалѣютъ, что мало понятно. Многіе рѣшаютъ, что если заставятъ стрѣлять въ рабочихъ, то „прицѣлъ, ребята, ставь выше“... Иные желаютъ еще листковъ, только не бѣлыхъ, а красныхъ, — тѣ примѣтнѣе, а на бѣлые не смотришь и проходишь мимо и т. п.

Такъ цѣлый день 18 апрѣля по главной улицѣ ходила публика въ „усиленномъ составѣ“ и ждала демонстраціи, развлекаемая маневрами казаковъ и полиціи. Впрочемъ, болѣе чистая и корректная часть общества предпочитала сидѣть дома. Такъ одинъ мировой судья, говорятъ, спрашивалъ своего письмоводителя: „Скажите, пожалуйста, какъ тамъ на улицѣ—ничего не видно? Мнѣ вѣдь ѣхать надо, дѣло есть. Не знаю, ѣхать-ли ужъ?!“ Кажется, не осталось ни одного уличнаго мальчишки, ни одной кухарки, которые не говорили бы о „бунтѣ рабочихъ“. Одинъ изъ „политиковъ“ былъ свидѣтелемъ такого діалога двухъ горничныхъ: „Неужели такъ таки ничего и не будетъ?— говоритъ одна.—„Видно не будетъ—отвѣчаетъ другая—главный сицилистъ уже прошелъ—я его знаю!“ На слѣдующіе дни мальчики на улицахъ перебрасывались „преступными“ восклицаніями, взятыми изъ прокламацій.

Часамъ къ 4-мъ 18-го на улицѣ показалось нѣсколько десятковъ рабочихъ, провожаемыхъ жадными взорами публики и свирѣпыми взглядами полиціи... И такъ шло до глубокой ночи. Вечеромъ 2 театра и циркъ были заполнены полиціей и возлѣ нихъ стояли казаки. Это потому, что раза два въ театрѣ были рнспространены прокламаціи—правда по немногу (Въ Христову заутреню листки были распространяемы въ Каѳедральномъ Соборѣ). На вокзалѣ, говорятъ, была также сильная охрана, ибо тамъ собралось очень много рабочихъ. Но все прошло тихо, мирно безъ нарушенія общественнато порядка и спокойствія, къ страшному разочарованію разлакомившихся отъ любопытства либераловъ. Да и странно было бы ждать. Правда, агитація была очень оживленная (10 листковъ до мая отъ Комитета и одинъ союзный, но вѣдь до сихъ поръ здѣсь всегда была „тишь да гладь, да божья благодать“.*) Кромѣ того, какъ я слышалъ, масса рабочихъ на Пасху была въ отъѣздѣ. Говорятъ, больше половины. Но агитація, несомнѣнно, оказала большое вліяніе и на рабочихъ и на городъ.

Послѣ 18-го апрѣля вышло еще три листка. Одинъ о прошедшемъ днѣ 18-го апрѣля съ призывомъ къ организаціи, другой —о двухъ предателяхъ рабочихъ, опять съ призывомъ къ организаціи, и третій, всего три дня назадъ—за № 13-ымъ—по поводу казни Балмашева (вышелъ отъ 5-го мая); и этотъ опять таки съ призывомъ къ организаціи.—Не даромъ про Красноярскъ говорятъ, что его затопили прокламаціями!...

Иркутскъ. Пролетарскій праздникъ въ далекой Сиб.

1-емая, вопреки всеобщему ожиданію, прошло тихо. А между тѣмъ по всему городу ходили слухи о предстоящихъ ужасахъ. Куда бы вы ни зашли, только и разговору было, что о нихъ. Увѣряли, что городъ будетъ подожженъ со всѣхъ сторонъ, что произойдетъ избіеніе евреевъ и т. д.

Напуганные всѣми этими страхами обыватели нашей сибирской столицы повыѣхали съ семьями на дачи, хотя у насъ далеко еще до дачнаго сезона. Гимназическое начальство предложило родителямъ въ этотъ день не посылать дѣтей въ гимназію. Но въ особенности много тревогъ пережило еврейское общество.

Всѣ эти страхи вызваны распространенными въ городѣ прокламаціями трехъ группъ: соц.-демократовъ, соц.-революціонеровъ и экономистовъ крайняго направленія (вѣрнѣе было бы сказать —анархистовъ. Ред). Нужно сказать, что всѣ эти прокламаціи пишутся такъ, какъ будто они имѣютъ въ виду интеллигентна-

*) Если не считать майской забастовки въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ въ 1900-мъ году и нынѣшнихъ проводовъ рабочими отъ вокзала до тюрьмы этаповъ съ „политическими.

го европейскаго или, по меньшей мѣрѣ, петербургскаго рабочаго. Среди иркутскихъ же жителей таковыхъ, конечно, мало, почему воззванія не могли быть правильно поняты массой.

Больше всего толковъ, хотя и крайне для нея нелестныхъ, вызвала прокламація экономистовъ. Она убѣждала массу не вѣрить революціонной интеллигенціи, которая стремится къ тому лишь, чтобы на трупахъ рабочихъ достичь собственнаго благополучія. Такова истинная цѣль всѣхъ ея „якобы“ народолюбивыхъ воззваній. Еврейская интеллигенція, стѣсняемая русскимъ правительствомъ въ своихъ вожделѣніяхъ, имѣетъ въ особенности основанія прикидываться соціалистической.

Это зубатовщина чистой воды, и можно только удивляться, что нашъ губернаторъ не приказалъ перепечатать ее въ губернскихъ вѣдомостяхъ, чѣмъ несомнѣнно какъ разъ попалъ бы въ тонъ новаго министра внутреннихъ дѣлъ.

Справедливость требуетъ, однако, сказать, что авторы этой прокламаціи люди вполнѣ честные и добронамѣренные, но, право, лучше имѣть дѣло съ умнымъ врагомъ, чѣмъ съ глупымъ союзникомъ, если только можно этихъ „экономистовъ“ считать союзниками. Они страдаютъ отсутствіемъ пониманія дѣйствительности и отчаяннымъ утопизмомъ. При этихъ дефектахъ ихъ услуги рабочимъ могутъ быть только медвѣжьими. Ихъ, напримѣръ, выходки противъ евреевъ были истолкованы въ смыслѣ призыва къ избіенію этихъ несчастныхъ людей. А одинъ торговецъ изъ этой же прокламаціи сдѣлалъ совершенно логическое заключеніе, что необходимо избивать не только „жидовъ“, но и „студентовъ“, которыхъ въ настоящее время въ Иркутскѣ не мало.

Какъ бы то ни было, тревога охватила весь нашъ городъ. До нельзя струсившая администрація своими мѣрами только подлила масла въ огонь. Къ полицейскимъ участкамъ были прикомандированы отряды солдатъ; двери колоколенъ были заколочены, чтобы не допустить набатной тревоги; батальону розданы боевые патроны, у юнкеровъ мѣстнаго училища, подозрѣваемыхъ въ неблагонадежности, отобраны тесаки, якобы для точенія; въ ночь съ 30 апрѣля на 1-е мая по городу разъѣзжали конные патрули и пр.

День 1-го мая, между тѣмъ, прошелъ совершенно спокойно, —не потому, конечно, что испугались всѣхъ этихъ мѣръ пресѣченія, а потому, что никто у насъ и не собирался ни „поджигать городъ“, ни „убивать евреевъ“. Рабочіе желѣзнодорожнаго депо еще за нѣсколько дней заявили своему начальству, что 1-го мая работать не будутъ. Благоразумное начальство отвѣтило, что ничего противъ этого не имѣетъ. Рабочіе отправились на Кою (за городъ) и, въ виду сильнаго отряда полицейскихъ, провели тамъ время въ пѣсняхъ.

Какъ видите, и у насъ въ Сибири зашевелился рабочій Въ добрый часъ!

Забайкалье. (1-го мая)

Волна рабочаго движенія перекинулась вмѣстѣ съ желѣзной дорогой черезъ Уралъ и разлилась по необъятной Сибири. Первый валъ этой волны, еше слабый, уже начинаетъ пугать нашихъ правителей. Слишкомъ уже необычная это вещь; вдали отъ культурныхъ центровъ, въ глуши Сибири, въ горахъ Забайкалья слышится революціонная пѣсня, печатаются и распространяются прокламаціи, шевелится рабочій, привыкшій къ спокойной ничѣмъ не возмутимой жизни обыватель, начальство, кучка жандармовъ, присланныхъ къ намъ для порядка — все это въ страхѣ великомъ по поводу самаго незначительнаго факта.

Я опишу вамъ, какъ у насъ губернаторъ Надаровъ сдѣлалъ революцію. На Пасхѣ среди рабочихъ желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ на ст. Чита (около 800 чел.) были распространены прокламаціи, приглашающія къ празднованію 1-го мая. Прокламаціи не были никѣмъ подписаны, на рабочихъ произвели слабое впечатлѣніе, но въ высшихъ сферахъ вызвали тревогу и опасенія.

Надаровъ распорядился приготовить.... пушки. Но Пасха прошла, рабочіе принялись за работу и страхъ глупаго правителя улегся.

Въ ночь на 24-ое апрѣля были расклеены по городу и на вокзалѣ и разбросаны по мастерскимъ прокламаціи отъ мѣстнаго комитета Сибирск. Соц. Дем. Союза, рисующія общее положеніе рабочаго въ Россіи и приглашающія рабочихъ къ организаціи. Прокламаціи произвели сильное впечатлѣніе на рабочихъ, но всего сильнѣе цодѣйствовали они на губернатора Надарова и обывателей. Въ городѣ, на рынкѣ, въ правительственныхъ учрежденіяхъ только и разговоровъ, что о прокламаціяхъ. Власти стали серьезно готовиться къ подавленію бунта, 30-го апрѣля появилась новая прокламаціія отъ Сибирск Соц. Дем. Союза — первомайская (запоздала), которая въ конецъ убѣдила начальство, что готовится „бунтъ“. Страхъ объялъ робкихъ и трусливыхъ людей: съ вокзала нѣкоторые переѣхали въ городъ, отправили туда своихъ дѣтей и просили защиты у генерала. Особенно дрожалъ отъ страха начальникъ мастерскихъ Манулевичъ, недавно укравшій 1200 руб. и сознавшійся въ этомъ, теперь исполняющій роль добровольнаго шпіона. И вотъ представьте себѣ картину: Надаровъ отдаетъ приказъ по войскамъ: выдать двумъ сотнямъ казаковъ по 5-ти боевыхъ патроновъ и отточить шашки. Приготовить пушки, вооружить двѣ роты пѣхотинцевъ и.... никакой пощады! 1-го мая утромъ погода была отвратительная и рабочіе сами не захотѣли праздновать этотъ день. Но войска все же были высланы. По улицамъ города разъѣзжали вооруженные патрули, вызывая самые невѣроятные толки и слухи въ обывательской средѣ. Человѣкъ 150 рабочихъ устроили все же маевку, отправились съ краснымъ флагомъ въ лѣсъ, съ пѣніемъ. За ними были наряжены войска, которыя напрасно ожидали бунта: никакого бунта не было. Въ результатѣ получилось слѣдующее: рабочіе страшно заинтересовались теперь вниманіемъ къ нимъ начальства. Г. Надаровъ сослужилъ очень хорошую службу дѣлу революціи. Онъ вызвалъ у рабочихъ озлобленіе — вполнѣ понятное и законное. Всѣхъ возмущаетъ это негодяйство: приказъ стрѣлять при первой возможности. Негодуютъ, но больше смѣются. Большей глупости проявить нельзя было!.. Смѣются обыватели, смѣется чиновникъ, смѣется солдатъ. Такими выходками генералъ Надаровъ создаетъ очень хорошую почву для рабочаго движенія, и намъ, революціонерамъ, приходится сказать ему спасибо.

Среди солдатъ распространена была „Солдатская памятка“ Л. Н. Толстого. Солдаты резюмировали впечатлѣніе такимъ образомъ: получили мы отъ графа Толстого письмо, и графъ намъ не велитъ убивать рабочихъ, и что они такіе же какъ и мы люди, и что въ Евангеліи запрещено убивать.

Офицеры получили „Офицерскую памятку“ Л. Н. Толстого съ воззваніемъ мѣстнаго комитета Сибирск. Соц. Дем. Союза.

Теперь только и разговоровъ объ этомъ. Характерная вещь: за нѣсколько времени Надаровъ ассигновалъ (правительство очень охотно даетъ такія ассигновки) порядочную сумму на усиленіе тайной полиціи; наняты шпіоны, усиленъ штатъ городовыхъ.

Полиція усердствуетъ и, конечно, не по разуму, подражая въ этомъ генералу Надарову. За первую прокламацію полиція заплатила 10-ть руб. за экземпляръ.

Полиймейстеръ съ важнымъ и таинственнымъ видомъ говорилъ, никакъ, знаете, нельзя безъ войска: готовится грандіозный бунтъ: хотятъ поджечь городъ... вѣроятно будутъ жертвы съ той и другой стороны... Во всемъ этомъ очень много смѣшного, но рабочіе изъ этого должны почерпнуть поучительное указаніе на то, что самый мирный даже путь проявленія ихъ чувствъ и желаній наталкивается на кулакъ нашихъ правителей и угнетателей на штыкъ, пулю и тюрьму.

Соціалистъ.

Москва. Промышленный кризисъ продолжаетъ рости и охватываетъ все новыя и новыя сферы производства.

Въ настоящій моментъ въ московскомъ районѣ особенно рѣзко онъ сказывается на ткацкомъ, механическомъ и цементномъ производствахъ. На ткацкихъ фабрикахъ, однако, до самаго послѣдняго времени дѣло не доходило до рѣзкаго сокращенія производства. Фабриканты дѣлали цѣлый рядъ попытокъ къ пониженію расцѣнковъ, что вызвало отпоръ со стороны рабочихъ въ формѣ забастовокъ: такихъ забастовокъ за минувшую зиму было много, какъ въ Москвѣ, такъ и въ уѣздахъ, особенно въ Серпуховскомъ уѣздѣ (фабрики Коншина, Рябова, Когейковой). Забастовки эти только, кажется, на одной Даниловской фабрикѣ приняли широкіе размѣры и сопровождались агрессивными дѣйствіями рабочихъ. Въ большинствѣ случаевъ они ограничивались пріостановкой работъ на день, на два и кончались большими или меньшими уступками со стороны фабрикантовъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ напримѣръ, на фабрикѣ Когейковой требованія рабочихъ были удовлетворены до начала заявленной забастовки. Послѣ пасхи владѣльцы ткацкихъ фабрикъ стали сокращать производство и уменьшать число рабочихъ: такъ на Прохоровской фабрикѣ число рабочихъ сокращено на 900, Реутовская мануфактура уменьшила число рабочихъ на 1200. Нѣкоторыя небольшія фабрики до сихъ поръ не возобновили работъ послѣ праздничной остановки, ссылаясь, между прочимъ, какъ мы слышали, на высокія требованія, которыя стали предъявлять ткачи при наймѣ. Дѣло въ томъ, что на окраинахъ Москвы есть много мелкихъ ткацкихъ фабрикъ, которыя совмѣщаютъ въ себѣ форменныя фабрики съ роздаточными конторами; часть матеріаловъ они раздаютъ рабочимъ на дома. Такъ вотъ, эти домашніе ткачи минувшимъ постомъ рѣшили произвести реформу въ строѣ взаимныхъ отношеній между фабрикантами и рабочими и вытекающихъ изъ нихъ условіяхъ найма и работы. Сравнивая условія работы и разцѣнки ихъ, домашнихъ ткачей, съ таковыми-же рабочихъ въ корпусахъ, они пришли къ заключенію, что благодаря изстари установившемуся порядку и формѣ разцѣнковъ, фабриканты много имъ не доплачиваютъ; такъ: работы ткача на современныхъ крупныхъ фабрикахъ давно уже дифференцировались и рядъ мелкихъ манипуляцій (напр., присучка и др.) оплачивается отдѣльно, тогда какъ они получаютъ за всю работу безъ добавочной платы за отдѣльныя, оплачиваемыя на современныхъ фабрикахъ манипуляціи. Въ общемъ они выработали, кажется, 12 пунктовъ требованій къ фабрикантамъ, вычислили общую сумму недоплатъ со стороны фабрикантовъ за 10 лѣтъ и предложили возмѣстить ее. За отказомъ фибрикантовъ удовлетворить это требованіе они предъявили иски судебнымъ порядкомъ черезъ присяжныхъ повѣренныхъ. Всѣ дѣла эти въ судѣ были проиграны. Они предварительно были разсмотрѣны въ особомъ совѣщаніи мировыхъ судей, къ которымъ они поступили. Среди требованій, предъявленныхъ ткачами къ хозяевамъ, попадаются и курьезныя: напр., довольно крупныя суммы сравнительно вычислены за уничтоженіе клоповъ: на крупныхъ фабрикахъ уничтоженіе клоповъ въ спальняхъ рабочихъ производится систематически за счетъ хозяина и расходъ на это дѣло доходитъ иногда до 400 руб. въ годъ. Домашніе ткачи рѣшили, что если борьба съ клопомъ лежитъ на обязанности фабриканта въ спальняхъ рабочихъ, то она должна лежать на обязанности хозяевъ и въ ихъ квартирахъ. Кромѣ предъявленія указанныхъ требованій, ткачи выработали форму условій найма и рѣшили эти условія предъявить при возобновленіи наймовъ, что обычно происходитъ послѣ пасхи. Сколько намъ извѣстно, на многихъ фабрикахъ пришлось поступиться ткачамъ нѣкоторыми пунктами, такъ какъ благодаря кризису угрозы фабрикантовъ прекратить производство во многихъ случаяхъ легко могли осуществиться. Въ цементномъ производствѣ кризисъ былъ вызванъ чрезвычайнымъ размноженіемъ заводовъ: за послѣдніе 3 года число ихъ въ Россіи почти учетверилось, между тѣмъ какъ спросъ на цементъ увеличился въ гораздо меньшей степени, получилось перепроизводство и рѣзкое пониженіе дивидентовъ, обычно очень высокихъ въ этомъ дѣлѣ. Въ Московскомъ районѣ послѣ Рождества почти всѣ заводы прекратили производство.

Одинъ изъ самыхъ крупныхъ заводовъ — Подольскій заводъ Московскаго акціонернаго общества разсчиталъ всѣ 2,000 рабочихъ, стоялъ въ теченіе почти 4-хъ мѣсяцевъ, и толко въ маѣ, т. е. къ началу строительнаго сезона, снова возобновилъ работы.

Большинство механическихъ заводовъ тѣсно связано съ ткацкими фабриками, такъ какъ главнымъ ихъ продуктомъ являются ткацкіе станки, поэтому кризисъ въ ткацкомъ производствѣ не могъ не отразиться на механическихъ заводахъ. Закрытія хотя бы временнаго механическихъ заводовъ не было за послѣдній годъ, но сокращеніе производства наблюдается на всѣхъ заводахъ.

Зубатовъ и комп. продолжаетъ свою политику по отношенію къ рабочимъ, хотя въ болѣе скрытной формѣ. Знаменитые курсы прекратились; недавно, какъ мы слышали, было административное совѣщаніе по поводу организаціи рабочихъ, на которомъ большинство высказалось за прекращеніе дальнѣйшихъ дѣйствій и прикрытіи организаціи, но князь Ходынскій и Треповъ остались при особомъ мнѣніи.

Тверь. На Залогинской ткацкой фабрикѣ, находящейся въ 2 верстахъ отъ Твери, порядки ужасные, даже сравнительно съ другими тверскими фабриками. Глухое недовольство тамъ всегда на лицо, но оно рѣдко выливается наружу. Причиной тому — крайне низкій уровень Залогинскихъ рабочихъ, среди которыхъ совершенно отсутствуетъ всякая организація.

Въ концѣ фввраля этого года было тамъ небольшое столкновеніе съ фабричной администраціей изъ за вычетовъ за простой машинъ, остановившихся по винѣ фабрики. Оно окончилось въ пользу рабочихъ. Затѣмъ все затихло вплоть до 4-го апрѣля. Наканунѣ этого дня залогинцы, выйдя вечеромъ изъ фабрики, порѣшили забастовать, выставивъ цѣлый рядъ требованій: повышеніе расцѣнковъ, уменьшеніе штрафовъ, увольненіе директора, лучшее обращеніе мастеровъ съ рабочими, введеніе возильщиковъ основъ (до тѣхъ поръ ихъ приходилось относить самимъ рабочимъ безъ различія пола и возраста, хотя вѣсятъ онѣ отъ 2-5 пудовъ) и нѣкоторыя другія. Утромъ рабочіе вышли къ фабрикѣ, но работать не пошли. Дали знать властямъ, и прямо съ панихиды по Сипягинѣ имъ пришлось ѣхать на усмиреніе бунтовщиковъ. Первымъ пріѣхалъ младшій фабричный инспекторъ Хмѣлевъ и направился прямо въ директорскій домъ. Рабочіе держались спокойно и пытались добиться того, чтобы Хмѣлевъ выслушалъ ихъ требованія. Но ни отъ него, ни отъ пріѣхавшаго вслѣдъ за нимъ губернатора, прокурора, жандармскаго генерала—они ничего не добились. Настроеніе ихъ начало повышаться, раздались голоса: „а, такъ вы къ хозяину чай пить пріѣхали, а насъ и слушать не хотите!“ — и наконецъ со стихійной силой вспыхнуло годами накопившееся раздраженіе: рабочіе бросились ломать дома, машины въ мастерскихъ, фабричную пекарню, избивать мастеровъ, полицейскихъ. Директоръ едва спасся, спрятавшись въ погребѣ, а исправникъ, сунувшійся „усмирять“, былъ сбитъ ударомъ кирпича. Осажденное въ директорскомъ домѣ начальство сидѣло ни живо ни мертво цѣлыхъ полтора часа. Наконецъ, на выручку ему явилось христолюбивое воинство. Немногихъ защищавшихся полѣньями и кирпичами рабочихъ схватили, большинство бѣжало—и „бунтъ“ былъ усмиренъ. По дѣлу этому арестовано около 35 человѣкъ (точная цифра еще неизвстѣна). Кое кого прокурорскій надзоръ, за недостаточностью уликъ, освободилъ; дѣло же остальныхъ передано судебному слѣдователю. Итакъ, въ перспективѣ новая судебная комедія...

Фабрику на праздникъ остановили, а остальныхъ рабочихъ подъ конвоемъ вызванныхъ изъ волостей понятыхъ разослали по деревнямъ. Этой мѣрой начальство хотѣло уберечь рабочихъ Тверскихъ фабрикъ отъ заразы дурного примѣра, но... въ ночь съ 8 на 9 и съ 9 на 10 апрѣля въ рабочихъ слободкахъ и на дворѣ Морозовской фабрики были разбросаны и расклеены гектографированныя прокламаціи, подчеркивающія антагонизмъ интересовъ рабочихъ и царскаго правительства, такъ ярко проявившійся въ поведеніи властей во время безпорядковъ, указывающія на причину неудачи залогинцевъ и призывающія рабочихъ къ организованной борьбѣ за лучшее будущее. Прокламаціи эти вышли за подписью „Тверской Группы Россійской Соціальдемократичсской Рабочей Партіи.“ Ими группа впервые открыто заявляетъ о своемъ существованіи.*) Онѣ произвели на рабочихъ сильное впечатлѣніе. Нѣкоторые провисѣли до 8-9 часовъ утра, и вокругъ нихъ кучками собирались, читали и говорили. Сами рабочіе передаютъ: „теперь вездѣ идутъ разговоры объ организаціи.“ Часть прокламацій, разбросанная въ одной изъ слободокъ, на слѣдующее утро оказалась расклеенной неизвѣстными добровольцами на столбахъ и заборахъ. Видѣли прокламаціи и въ деревнѣ, гдѣ онѣ читались рабочими, пришедшими на праздникъ,—своимъ односельчанамъ.

Неменьшую сенсацію прокламаціи произвели и въ полицейско жандармскомъ мірѣ. Забѣгали сыщики и жандармы, заволновался Тверской герой, полицмейстеръ Кирѣевскій, но, не смотря на страстное желаніе изловить и пресѣчь крамолу въ самомъ началѣ, данныхъ для такого подвига оказалось такъ мало, что не было даже обысковъ.

Циркулируютъ прокламаціи и среди Тверскихъ обывателей. Любопытно, что нѣкоторые экземпляры попали къ нимъ отъ лицъ, прямая обязанность которыхъ совершенно противуположнаго характера.

Еще о безпорядкахъ на Воткинскомъ зав., Вятск. губ.

Прежде чѣмъ передавать подробности, скажемъ нѣсколько словъ о самомъ заводѣ. Воткинскій заводъ принадлежитъ казнѣ, занимается изготовленіемъ паровозовъ, судовъ, сельско-хозяйственныхъ машинъ, готовитъ сталь. Ежегодное производство этихъ предметовъ милліона на 2 рублей. По количеству населенія это третій пунктъ въ губерніи послѣ Ижевскаго завода и Вятки, въ немъ 25 тысячъ съ лишкомъ жителей,—онъ представляетъ одну волость и 4 сельскихъ общества; въ немъ 3,267 дворовъ. Землепашествомъ никто не занимается, такъ какъ земли мастеровымъ при освобожденіи ихъ нарѣзано всего 836½ десятинъ съ усадьбой, слѣдовательно, на каждый дворъ не приходится и ¼ десятины.

Волненія въ заводѣ начались давно, устраивались сходки въ мастерскихъ, знали это и цеховые мастера. Возбудили движеніе: Зосманъ—интеллигентный рабочій, бывшій заграницей и работавшій раньше на югѣ, и два студента, личность котрыхъ не установлена. Помогалъ имъ одинъ изъ мѣстныхъ рабочихъ, котораго товарищи прозвали „студентомъ.“ Недовольство начальствомъ было возбуждено: 1) грубымъ, дерзкимъ обращеніемъ съ рабочими, доходящимъ до сбиванія шапки съ головы рабочаго палкой и т. п. 2) слухами о мошенничествахъ начальства, весьма крупныхъ, сходящихъ ему съ рукъ, тогда какъ рабочихъ сажали въ тюрьму по одному подозрѣнію, что кѣмъ нибудь изъ нихъ украдена полоса желѣза; 3) самовольнымъ закрытіемъ начальникомъ завода, Трояномъ, тракта, издавна существовавшаго и ведущаго на заводскую базарную площадь; 4) уменьшеніемъ заработной платы до такихъ размѣровъ, что существованіе рабочихъ не было обезпечено даже насущнымъ хлѣбомъ; 5) увеличеніемъ рабочихъ часовъ при той же платѣ.

Полиція доказывала Трояну, что рабочіе „не спокойны“, но онъ, въ твердой увѣренности, что одинъ его взглядъ можетъ заставить рабочаго уйти на три аршина въ землю, не придавалъ значенія донесеніямъ полиціи.

Въ день „бунта“, въ 7 часовъ утра, рабочіе по звонку толпой повалили къ квартирѣ управляющаго Трояна и требовали, чтобы онъ вышелъ для объясненія съ ними. Троянъ со сна, не одѣвшись, вышелъ и грозно прикрикнулъ на толпу. Рабочіе, раздраженные окрикомъ, схватили Трояна и повели его на площадь, тамъ поставили его на табуретку и послали за земскимъ начальникомъ, чтобы онъ разсудилъ ихъ съ Трояномъ. Земскій начальникъ Кудрявцевъ со страху спрятался, и его не нашли. Тогда роль судьи на себя принялъ Зосманъ. И на площади начался судъ. Толпа отворила ворота на трактъ, порвала телефоны, но „царское“ имущество не тронула; не оборвала телеграфа, а къ казначейству и складамъ приставила 300 человѣкъ рабочихъ, заявивъ Трояну, что это сдѣлано для того, чтобы господа, разворовавъ сами деньги и имущество, не свалили на народъ. Надъ стоявшимъ на табуреткѣ Трояномъ толпа (мальчишки) издѣвались, бросали въ него грязью и снѣгомъ, тыкали ему въ лицо хлѣбъ изъ гнилой муки, купленной имъ, Трояномъ, для продажи заводскому населенію и кто-то подшибъ табуретъ, отчего Троянъ ушибся. Но въ общемъ рабочіе были не пьяны и по своему корректны. Вышелъ священникъ съ крестомъ изъ собора увѣщевать толпу, но встрѣченъ былъ возгласами: „айда, уходи, бачка! не твое это дѣло—и не суйся. Ты самъ пяташникъ и обираешь насъ!“ Докторъ Спасскій выскочилъ на площадь и прикрикнулъ на толпу. Его повалили и избили. На его просьбу отпустить его обмыть окровавленное лицо, рабочіе обмазали его навозомъ, говоря: „Ты этимъ же насъ лѣчилъ“.

Пока шелъ судъ надъ Трояномъ, часть толпы побѣжала за лѣсничимъ Салалинымъ, и, найдя его спрятавшимся подъ кроватью, вытащила за ногу, его избили, выбили зубы, сломали ребра и выволокли на площадь, гдѣ поставили рядомъ вн Трояномъ и Спасскимъ подъ краснымъ флагомъ. Искали еще, чтобы избить, лѣсничаго Алябина, полицію, инженера Гуллета и Діомидовскаго, но не нашли ихъ. Избили заводскаго мастера Мокина. Зосманъ допрашивалъ Трояна по пунктамъ, при чемъ рабочіе требовали, чтобы Троянъ „хорошему человѣку“ отвѣчалъ стоя. Такъ они продержали ихъ здѣсь до ночи. Отъ Трояна отобрали подписку, что онъ соглашается на требованія рабочихъ и разошлись; при чемъ Зосманъ предупредилъ, что если его арестуютъ, то пусть рабочіе его вызволютъ.

Ночью изъ Сарапула пріѣхали и власти: прокуроръ и исправникъ и приказали становому немеденно арестовать Зосмана. Утромъ толпа отправилась къ становому, требуя отпустить Зосмана, при чемъ разгромили квартиры чиновъ полиціи. Становой сослался на распоряженіе прокурора и исправника объ арестѣ. Толпа бросилась въ номера и приступила къ властямъ съ требованіемъ выпустить Зосмана, произвела у нихъ обыскъ и кое-что разгромила. Власти испугались и убѣжали сперва за 12 верстъ, а потомъ и за 20 въ деревню Перевозную и оттуда „наблюдали“ за событіями. Потомъ все утихло. Вызваны были войска изъ Перми, пріѣхалъ губернаторъ, (изъ Вятки) жандармы, и тогда же прибыли изъ своей „штабъ-квартиры“ власти. На допросѣ Зосманъ держалъ себя героемъ, отрицалъ виновность толпы, говоря, что она была лишь его слѣпымъ орудіемъ.

Пока шла разборка, Троянъ, желая повернуть дѣло выгоднымъ образомъ для себя, отрицалъ необходимость вмѣшательства власти и войска, утверждая, несмотря на очевидныя издѣвательства и оскорбленія толпы по отношенію къ нему, — что это дѣло домашнее, заводское и что они сами между собою могутъ покончить его къ общему благополучію.

Теперь есть извѣстія, что въ заводѣ идетъ экзекуція: рабочихъ сѣкутъ и т. д. Сдѣлалось извѣстнымъ, что 9 человѣкъ выслано изъ губерніи, 40 арестовано, и 50 было наказано розгами, въ томъ числѣ первымъ наказанъ Зосманъ.

---

*) Осенью ею были распространены на Морозовской мануфактурѣ листки, но безъ подписи.

ИЗЪ ПАРТІИ.

На народномъ собраніи въ Аугсбургѣ, состоявшемся 28-го іюня товарищъ Клара Цеткинъ, неоднократно тратившая свой ораторскій талантъ на дѣло ознакомленія нѣмецкихъ рабочихъ съ нашимъ движеніемъ, прочла рефератъ, послѣ котораго собраніе (было свыше 2000 лицъ) приняло резолюцію протеста противъ „безстыднаго варварства“ царскаго правительства. „Собраніе привѣтствуетъ“ говорится въ резолюціи, „самоотверженныхъ борцовъ за политическую свободу въ царствѣ кнута, которые жертвуютъ своей личной свободой и жизнью для общаго блага, и посылаетъ имъ увѣреніе въ самой горячей симпатіи со стороны сознательнаго германскаго пролетаріата. Въ то же время собраніе выражаетъ надежду, что русская революціонная „интеллигенція“ въ своемъ стремленіи къ политической свбодѣ примкнетъ самымъ тѣснымъ образомъ къ русскому соціальдемократическому рабочему движенію, ибо только оно является надежнымъ ручательствомъ предстоящаго раньше или позже крушенія азіатскаго деспотизма въ Россіи.“

Насъ просятъ помѣстить слѣдующее сообщеніе:

С. Галленъ. 3-го мая.

Дорогіе товарищи!

На майскомъ собраніи рабочихъ въ С. Галленѣ (Швейцарія) по предложенію Вашего соотечественника, студента коммерческой академіи Г. Перситца, была принята слѣдующая резолюція:

„Собравшіеся 1 го мая рабочіе С. Галлена протестуютъ противъ русскаго абсолютизма, варварски попирающаго чувства своего народа, и, выражая полную симпатію учащейся молодежи и сознательнымъ рабочимъ, борющимся за свободу, надѣются, что въ слѣдующій майскій день красное знамя будетъ свободно развиваться и въ Россіи.“

Посылая Вамъ эту резолюцію, мы просимъ Васъ сообщить ее Вашимъ борющимся товарищамъ.

Съ товарищескимъ привѣтомъ

Президентъ Арнольдъ Тейхеръ.

Секретарь А. Шу

Московскій Комитетъ проситъ напечатать, что имъ постановлено отчислять въ кассу „Искры“ 20 проц. со всѣхъ доходовъ. Моск. Ком. собрано въ пользу „Искры“ — 20 руб. отъ Суржанова, 25 руб. отъ слабой женщины, 10 руб. черезъ рабочаго отъ лавочника.

НЕКРОЛОГЪ.

Намъ пишутъ: въ Якутскѣ застрѣлился шлиссельбуржецъ Яновичъ Привлеченный по дѣлу „Пролетаріата“, Яновичъ 11 лѣтъ просидѣлъ въ Шлиссельбургѣ, послѣ чего былъ сосланъ на поселеніе въ Колымскъ. Въ Якутскъ онъ пріѣхалъ изъ Колымска по дѣлу Ергина. Яновичъ оставилъ нѣсколько писемъ — къ товарищамъ, къ одному своему товарищу — поляку, и въ полицію. Въ письмахъ къ товарищамъ онъ говоритъ, что 18-ть лѣтъ тюрьмы и ссылки изморили его душу и что ему хочется уже отдохнуть, а отдыхъ онъ можетъ найти лишь въ могилѣ. Письмо къ товарищамъ заканчивается трогательнымъ пожеланіемъ, чтобы скорѣе наступило время, когда надъ Зимнимъ Дворцомъ взовьется красное знамя. Въ письмѣ въ полицію Яновичъ проситъ никого не винить въ своей смерти и говоритъ, что „въ сущности моимъ убійцей является русское правительство“. Нечего говорить, что смерть эта произвела на всѣхъ товарищей страшное впечатлѣніе. Это былъ человѣкъ высокой душевной красоты, котоый пользовался всеобщей любовью. Грустно и обидно, когда уходятъ такіе люди...

3-го мая казненъ въ Шлиссельбургѣ Степанъ Балмашевъ, а 27-го въ Вильчѣ — Гиршъ Лекертъ.

Оба умерли героями.

За недостаткомъ мѣста отлагаемъ хронику революціонной борьбы до слѣдующаго номера.

На дняхъ выходитъ въ свѣтъ № 4 „Зари“.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Въ виду обысковъ, имѣвшихъ въ послѣднее время мѣсто въ Германіи и въ виду другихъ конспиративныхъ соображеній нѣкоторые наши (т. е. Искры) представители въ нѣмецкихъ городахъ вынуждены ограничиться при отчетахъ въ нашей газетѣ только иниц., о чемъ представители просятъ насъ заявить.

Получено: отъ Г. С. Д. 190.86 мар., изъ Х. черезъ Г. С. Д. 170 мар., отъ Ш. (Мюнхенъ) 40мар., получено изъ Берна черезъ Рудникова 230 фр., въ томъ числѣ отъ А. В. С. 51 фр. и черезъ Б. на „Искру“ 10 фр.

Изъ Льежа: 1) отъ новаго товарища 21 фр. 10 с., 2) еще отъ велосипедиста 9 фр., 3) На изданіе Туна 10 фр. 4) литер. и сборы 44 фр. 35 с.

Отъ группы сочувствующихъ Искрѣ въ городѣ Х. 150 фр., изъ нихъ 100 фр. отъ „судьбы“.

Отчетъ Б-ской группы за апрѣль — май: непосредственно Лигой за литературу получено — отъ Бунда 10.85 м., на библіотеку частному лицу 15.25 м., отъ продажи по мелочамъ В. 20 м.; за литературу изъ кружковъ въ Б... — 124.5о, въ фр. 50, черезъ частныхъ лицъ — 25.90; пожертвованія отъ Фанни изъ Л. — 70 м., отъ Ф. — 16.50 м. отъ Р. 6 м., отъ Л. — 20 м.

Помѣщаемъ также отчетъ этой группы за январь, который былъ нами своевременно полученъ, но не напечатанъ по ошибкѣ.

За литературу изъ Бе... 137.80 м., за покупку литер. изъ Тверск. губ. черезъ Л. — 30 м., на докупку библ. изъ Сибири 19.30 м., на покупку библ. отъ вятичей — 108 м. отъ К. изъ Н. —106.82 м., изъ кассы Бе... кружка — 234.09 м.,

Черезъ „75 м.“ — 50 франковъ.

Отъ Ф. 3 фунта, изъ Лондона за литературу 2 фунта, отъ С. Ф. 50 кронъ, отъ М. П. 50 кронъ, отъ консула въ Винтертурѣ 8 фр. 33 с., изъ А. 168 руб., изъ Перми 25 р., изъ Тамбова 25 р., изъ Н. Н. 55 р., отъ Московскаго лавочника 10 р., отъ подписчика, письмо котораго не могли разобрать, 3 р.

„Изъ Петербурга черезъ тжа“ 30 рубл. „Отъ друзей изъ сѣвернаго захолустья“ 40 р. Отъ С.-Пб. Комитета за литер. 175 р., отъ подписчицы 5 р., черезъ Рош. 15 р., отъ Архаровца 37 р., отъ читательницы изъ Х. 15 р.,

4 MN. Корр. получены, дайте адресъ для писемъ и явки.

Матеріялы „Рабочей Мысли“, присланные Пет. Комитетомъ, иолучены слишкомъ поздно и будутъ использованы въ ближайшихъ №№. За недостѣткомъ мѣста отлагаемътакже кореспонденціи изъ Перми, Новозыбкова, Витебска, Харькова, Томска, и др.

Настоятельно просимъ всѣхъ пользующихся для сношеній съ нами (и пересылки денегъ) адресомъ Дитца, отмѣчать на внутреннемъ конвертѣ, что письмо (корр. или деньги) предназначено для ред. „Зари“. Въ противномъ случаѣ матеріалы и письма могутъ не попасть къ намъ.

Вышли изъ печати: Пѣсни борьбы (съ нотами), Русскій рабочій въ революціонномъ движеніи, Г. Плеханова (изданія „Искры“).

Со всѣми требованіями на нашу литерасуру просимъ обращаться изъ заграницы по адресу: Herrn P. Axelrod, Zurich, Vogelsangstrasse 9.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ИСКРѢ №. 22.

газетное извѣстіе:

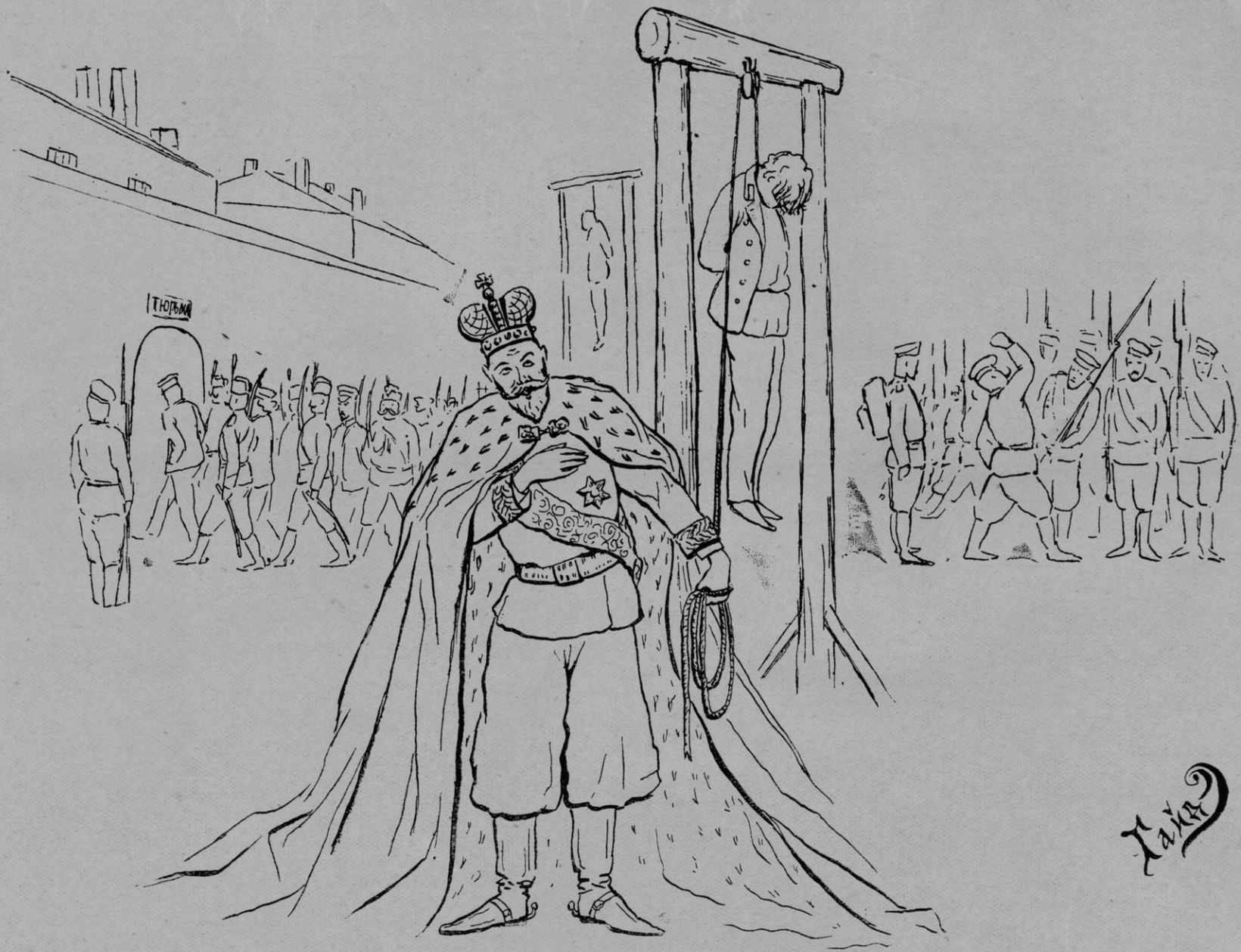
Его Императорское Величество Николай II повелѣть соизволилъ: взыскать съ сельскихъ обществъ и селеній Константиноградскаго, Полтавскаго, Валковскаго и Богодуховскаго уѣздовъ 800 тысячъ рублей въ пользу землевладѣльцевъ тѣхъ же уѣздовъ.

Гей, не дывуйтесь, добріи люде
Що на Вкраини повстало...

Царь Николай II.: А ну ка, отвали, дружище, моимъ вѣрноподданнымъ землевладѣльцамъ кусокъ свѣжаго человѣческаго мяса.
Князь Оболенскій: Царю и отечеству радъ служить до послѣдняго издыханія!
Помѣщики: Ур-рр-а-а-а!!! Да здравствуетъ царь-батюшка!! за него мы готовы стоять до послѣдней капли крови!

CFP.32 Russie

Сердечное попеченіе объ учащейся молодежи.



Высочайшій рескриптъ
на имя Зенгера:

„Родительскому сердцу Моему было отрадно узнать, что значительное большинство студентовъ въ концѣ нынѣшняго учебнаго года въ самостоятельномъ сознаніи своего долга вернулось къ учебнымъ занятіямъ и порядку...“

ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“ ...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 23 | 1 АВГУСТА 1902 ГОДА. | № 23

ПРОГРАММА РУССКИХЪ ЛИБЕРАЛОВЪ.

Подъ редакціей г-на Струве сталъ выходить въ Штутгартѣ либеральный органъ „Освобожденіе“. Послѣ 3-хъ лѣтней борьбы съ революціоннымъ марксизмомъ во имя бернштейніанства г-нъ Струве убрался, наконецъ, въ лагерь либеральной буржуазіи. Скатертью дорога!

Революціонный пролетаріатъ вынужденъ считаться съ тѣмъ, что отъ времени до времени иные захваченные волной его историческаго движенія интеллигенты отдѣляются отъ него и перебѣгаютъ въ тотъ политическій лагерь, гдѣ общественному дѣятелю легче разсчитывать на непосредственный успѣхъ его работы. И если бы эти перебѣжчики могли, уходя къ либеральной буржуазіи, внести въ ея среду хотя бы только то революціонное настроеніе, ту непреклонную ненависть къ царизму, которой одушевлены сознательный пролетаріатъ и соціалистическая интеллигенція, то мы могли бы еще, пожалуй, мириться съ фактами подобнаго дезертирства. Къ сожалѣнію, приходится констатировать, что бывшіе оппортунисты соціализма оказываются слишкомъ умѣренными, слишкомъ не-революціонными даже для того, чтобы двигать впередъ развитіе либерально-демократическихъ элементовъ.

Вотъ какъ опредѣляетъ г. Струве свою задачу, какъ литературнаго представителя либеральной партіи: „Дать этому уже готовому, уже созрѣвшему сознанію литературное выраженіе — вотъ на что мы притязаемъ. Мы были бы вполнѣ удовлетворены, если бы на нашу долю вышла лишь роль регистраторовъ свободной политической мысли въ Россіи, если бы мы здѣсь, за рубежемъ, могли только предавать тисненію идущее изъ Россіи свободное слово, являясь его простыми наборщиками и печатниками.“ И въ другомъ мѣстѣ: „Это не означаетъ, однако, что редакція отъ себя предложитъ читателямъ готовую программу, содержащую по пунктамъ рѣшеніе всѣхъ основныхъ вопросовъ необходимаго для страны коренного преобразованія. Такая программа должна быть еще выработана общественными дѣятелями нашей страны и, прежде всего, дѣятелями самоуправленія. Не дать программу имъ, а получить ее отъ нихъ — вотъ на что разсчитываетъ редакція „Освобожденія“.

Мы хорошо знаемъ, что всякая буржуазія, хотя бы и трижды либеральная, по отношенію къ своимъ „идеологамъ“ — къ политическимъ и литературнымъ представителямъ своего класса — является весьма строгимъ „хозяиномъ“, требующимъ, чтобы они были не болѣе, какъ „регистраторами“ ея „свободной политической мысли“, выражающей ея классовые интересы. Мы хорошо знаемъ, что экономическая необходимость или сила „общественнаго мнѣнія“ данной среды являются достаточно могучими средствами, чтобы достигнуть этой цѣли и превратить идеологовъ въ простыхъ „регистраторовъ“, въ простыхъ „куліевъ“ (поденщиковъ) на службѣ буржуазіи. Но объ этомъ не принято говорить. Напротивъ, принято дѣлать видъ, будто бы то, что диктуется „политической мыслью“ буржуазіи, выходитъ изъ подъ пера писателя или изъ устъ оратора, какъ свободное выраженіе его собственной политической мысли ... Быть можетъ, своеобразность положенія г-на П. Струве, какъ вчерашняго марксиста, дѣлала неизбѣжными особыя съ его стороны гарантіи того, что его политическая мысль совпадетъ съ классовыми интересами... то бишь, съ свободной политической мыслью того класса, на служеніе которому онъ нынѣ отдаетъ свои труды, свои знанія и свои таланты.

Въ статьѣ „Отъ русскихъ конституціоналистовъ“ мы находимъ ту политическую программу, которую г-нъ Струве „получилъ“ отъ русской „земской политической партіи“, какъ выражаются о себѣ авторы статьи. Г. Струве „всецѣло присоединяется“ къ этой программѣ. Два письма „земцевъ“ въ 1-мъ и 2-мъ №№ дополняютъ эту программу и даютъ намъ возможность составить себѣ довольно полное представленіе о характерѣ новаго литературно-политическаго предпріятія.

„Отличіе нашего органа отъ другихъ заграничныхъ изданій“, заявляютъ „конституціоналисты“, „заключается въ томъ, что мы предполагаемъ объединить тѣ группы русскаго общества, которыя не имѣютъ возможности найти исходъ своему возмущенному чувству ни въ классовой, ни въ революціонной борьбѣ“.

Итакъ, либералы намѣрены и впредь оставаться внѣ сферы революціонной борьбы. Не вовлечь либеральную буржуазію на путь революціонной борьбы противъ царизма, а оставить ее на томъ пути не-революціонной оппозиціи царизму, на которомъ она топчется безъ всякаго успѣха 40 лѣтъ; не двигать либеральную буржуазію впередъ, а держать ее на одномъ мѣстѣ, — вотъ цѣль „земской политической партіи“.

„Мы вовсе не желаемъ порвать съ той мирной и легальной дѣятельностью, на почвѣ которой мы, по мѣрѣ нашихъ силъ, работали до сихъ поръ“, говорятъ земцы въ №2 „Освобожденія“, а г. Струве въ редакціонномъ заявленіи съ большимъ усердіемъ защищаетъ эту позицію отъ критики тѣхъ „тенденціозныхъ“ соціалистовъ, которые думаютъ, что „мирная и легальная“ культурная дѣятельность не есть еще та политическая борьба съ царизмомъ, которая является обязанностью всякаго русскаго гражданина. „Такому движенію, говоритъ г. Струве, нельзя навязывать, въ качествѣ общеобязательныхъ, средства, пригодныя и пріемлемыя только для отдѣльныхъ крайнихъ группъ, нельзя внушать взглядовъ и настроеній, которыми оно въ цѣломъ и общемъ не можетъ проникнуться“ (курсивъ нашъ). Вмѣсто того, чтобы „глаголомъ жечь сердца“ россійскихъ обывателей, напоминая имъ, что борьба съ „національнымъ врагомъ“ — царизмомъ требуетъ „подвиговъ“ и героическихъ настроеній, вмѣсто этого имъ внушаютъ, что „выше лба уши не растутъ“ и что только „отдѣльныя крайнія группы“ могутъ стать выше жалкой „культурной“ и легальной работы въ современныхъ условіяхъ, массѣ-же позволительно застыть въ ея трусости, половинчатости и эгоизмѣ. Наши „критики марксизма“ и бернштейніанцы много старались о томъ, чтобы привить намъ, соціальдемократамъ, такое мнѣніе о правѣ рабочей массы оставаться вѣчно въ этомъ состояніи политическаго младенчества. Нашъ пролетаріатъ отказался отъ этой почетной позиціи. Неужели г. Струве будетъ имѣть больше успѣха съ той же проповѣдью, обращаемой имъ нынѣ къ массѣ либеральныхъ собственниковъ?

Какова же политическая задача новой партіи, если она такъ рѣшительно открещивается отъ задачи самостоятельной политической (т. е. при современныхъ русск. условіяхъ — революціонной) борьбы? Ни однимъ словомъ „Освобожденіе“ не даетъ намъ основанія думать, чтобы этой задачей было — содѣйствіе революціонной борьбѣ уже ведушейся, т. е. борьбѣ рабочаго класса, борьбѣ учащейся молодежи или загорающейся борьбѣ крестьянства. Задача новой партіи — „организовать политически ясное, солидарное и сильное своей сознательностью и сплоченностью общественное мнѣніе“. Очень хорошо. Но какова же будетъ роль этого организованнаго общественнаго мнѣнія? На этотъ вопросъ и отвѣчаетъ намъ статья „отъ русскихъ конституціоналистовъ“.

„Многочисленные признаки показываютъ, что разложеніе нашей государственной формы идетъ быстрыми шагами впередъ“. Революціонное броженіе въ „низшихъ слояхъ населенія“, „широко развившееся рабочее движеніе“, студенческіе безпорядки, террористическіе факты и крестьянскіе бунты — всѣ эти активныя нападенія на самодержавіе должны, по мнѣнію нашихъ либераловъ, вынудить правительство „приступить къ серьезной политической реформѣ“ и для этой цѣли обратиться къ земству. И вотъ роль „организованнаго общественнаго мнѣнія“ либеральныхъ собственниковъ сводится къ тому, чтобы подготовиться къ этому важному моменту и намѣтить программу дѣйствій для этого момента. Другими словами, либералы организуются не столько для борьбы съ царизмомъ въ настоящее время, сколько для переговоровъ съ царизмомъ въ такое время, когда послѣдній, подъ вліяніемъ ужаса передъ рабочимъ движеніемъ и другими революціонными силами, станетъ думать о „серьезной политической реформѣ“. Какія же условія поставятъ въ этотъ моментъ наши либералы?

Они потребуютъ „принципіальнаго признанія“ (путемъ царскаго манифеста) цѣлаго ряда перечисленныхъ ими „основныхъ правъ“: свободы печати, собраній и союзовъ, личной неприкосновенности, равенства передъ закономъ и права петицій*. Когда царскій манифестъ дастъ народу всѣ эти права, отмѣнитъ всякія незаконныя административныя распоряженія и дастъ амнистію осужденнымъ за государственныя преступленія, тогда царь, признавъ въ принципѣ „безсословное народное представительство“, долженъ созвать представителей отъ земствъ и крупныхъ городовъ, которые и порѣшатъ вопросъ о проведеніи въ жизнь всѣхъ вышеперечисленныхъ принциповъ, т. е. выработаютъ конституцію.

Итакъ основная задача „земской политической партіи“ до, статочно ясна: когда революціон. движеніе расшатаетъ царизмъ, она выступаетъ съ требованіемъ, чтобы ликвидація этого царизма и опредѣленіе основъ новаго свободно-конституціоннаго порядка было поручено никому иному, а представителямъ земства и городскихъ думъ т. е. извѣстной части земельныхъ собственниковъ и капиталистовъ. Стало быть, отказываясь принять участіе въ борьбѣ, направленной непосредственно на разрушеніе ненавистнаго всѣмъ порядка, наща либеральная буржуазія больше всего озабочена тѣмъ, какъ бы сдѣлать, чтобы дѣло установленія новаго порядка досталось цѣликомъ въ ея руки. Мы очень хорошо понимаемъ это стремленіе либеральной буржуазіи. Для насъ очевидно, что, отказываясь отъ участія въ классовой борьбѣ, направленной противъ царизма. она тѣмъ болѣе спѣшитъ подготовить свои силы для классовой борьбы противъ тѣхъ соціальныхъ группъ, которыя добиваются сверженія самодержавія, чтобы установить новый политическій порядокъ съ наибольшей выгодой для ихъ интересовъ. Конституціоналисты пытаются организовать либеральную буржуазію не столько для борьбы за низверженіе самодержавія, сколько для того, чтобы приготовить ее къ борьбѣ за право безраздѣльно хозяйничать въ Россіи послѣ побѣды народа надъ самодержавіемъ.

Г-нъ Струве скажетъ, что это — клевета. Онъ укажетъ намъ, что „конституціоналисты“ мотивируютъ необходимость передачи дѣлъ выработки новаго политическаго порядка земцамъ интересами... свободы. Они заявляютъ, что предоставить выработку этого новаго порядка кзкому-либо избранному для этого спеціальному собранію—внѣ земскихъ собраній—прямо-таки опасно. Кто будетъ созывать собраніе? То же самое—все еще самодержавное — правительство? Но „создать канцелярскимъ путемъ какія бы то ни было новыя избирательныя коллегіи для выбора обществомъ людей, призванныхъ осуществлять реформу, — значило бы начать съ нарушенія одного изъ самыхъ основныхъ принциповъ реформы“. Конституціоналисты готовы признать, что собраніе представителей земства можетъ оказаться недостаточно демократичнымъ, но... „во всякомъ случаѣ, такой путь вѣрнѣе и лучше, чѣмъ тотъ „скачекъ въ неизвѣстное“, который представляла бы всякая попытка выборовъ *ad hoc***), подъ неизбѣжнымъ въ такихъ случаяхъ правительственнымъ давленіемъ и при трудно — опредѣлимомъ настроеніи непривычныхъ къ политической жизни общественныхъ слоевъ“ (курсивъ нашъ). Итакъ, „Освобожденіе“ полагаетъ, что для дѣла свободы надежнѣе будетъ отдать реформу въ руки земства, такъ какъ кромѣ него на лицо будутъ только два фактора: опытная въ политическихъ мошенничествахъ бюрократія и „непривычныя къ политической жизни“ народныя массы. Такъ ли это, однако? А гдѣ же будетъ организованная сила революціонныхъ партій — авангарда народныхъ массъ? Неужели существованіе этихъ партій, которыя своей борьбой приведутъ къ паденію самодержавія, будетъ меньшей гарантіей свободы выборовъ, чѣмъ какую представятъ наши земства, отказывающіяся вести активную борьбу съ царизмомъ, чтобы „не сойти съ почвы легальной и мирной дѣятельности“? Мы полагаемъ, что въ революціонный періодъ — т. е. въ періодъ выработки новаго политическаго порядка единственно-надежной гарантіей противъ обмановъ и насилій реакціонеровъ можетъ быть только сознательность народныхъ массъ и организованность и рѣшительность тѣхъ партій, которыя вынесутъ на своихъ плечахъ дѣло освобожденія. И тотъ, кто серьезно заботится о томъ, чтобы политическій кризисъ, переживаемый Россіей, разрѣшился не новымъ правительственнымъ обманомъ, а дѣйствительнымъ политическимъ переворотомъ, тотъ долженъ, во 1-хъ, содѣйствовать политическому сознанію народныхъ массъ, а, слѣдовательно, развитію въ этихъ народныхъ массахъ интереса къ политической свободѣ, а, во 2-хъ, — способствовать усиленію тѣхъ, непосредственно борющихся съ современнымъ порядкомъ, революціонныхъ силъ, которые своимъ натискомъ свалятъ самодержавіе.

А, между тѣмъ, наши конституціоналисты не дѣлаютъ ни того, ни другого. Выступая довольно увѣренно, какъ представители всѣхъ прогрессивныхъ элементовъ въ Россіи, они до такой степени проникнуты узко классовыми интересами одной соціальной группы — помѣщичьяго земства, — что не пытаются даже связать выставленныя на ихъ знамени политическія требованія съ соціальными требованіями того рабочаго класса, который по словамъ самого г-на Струве, „проснулся къ свободѣ, требуетъ ее и возьметъ ее“. Въ числѣ „свободъ“, признаніе которыхъ въ царскомъ манифестѣ требуется конституціоналистами, не упомянута свобода стачекъ. Даже это требованіе, въ принципѣ признаваемое либеральными буржуа во всѣхъ странахъ, даже оно должно быть добыто силами самого пролетаріата и только его — наши либералы не захотѣли, хотя бы изъ приличія, написать его на своемъ знамени! Требуя „самой широкой амнистіи по всякаго рода государственнымъ преступленіямъ“, они молчатъ объ амнистіи тѣхъ, кто осужденъ за стачки, рабочіе и крестьянскіе безпорядки. Въ „открытомъ письмѣ отъ группы земскихъ дѣятелей“ (№I) о недавнихъ крестьянскихъ волненіяхъ говорится въ слѣдующихъ фразахъ, которыя заслуживаютъ быть выжженными на лбу отставного соціалиста, завѣдующаго органомъ „земской партіи“:

„Очевидно, революціонная пропаганда въ данномъ случаѣ только и могла принести плоды на почвѣ народнаго обнищанія, невѣжества, непониманія элементарнѣйшихъ основъ гражданскаго права*), безправія и разобщенности культурныхъ, мирныхъ элементовъ общества отъ народа.“

Итакъ, агитація, впервые выводящая народныя массы изъ вѣкового политическаго сна, прививается и даетъ плоды на почвѣ невѣжества! Къ крестьянскому движенію, направленному противъ тѣхъ „основъ“ русскаго „гражданскаго права“, которыя узаконяютъ первобытнѣйшія формы кабалы и безправія, относятся, какъ къ какому-то нашествію варваровъ... Неудивительно, что тѣ же земцы говорятъ объ „общей почвѣ классовыхъ и эгоистическихъ интересовъ, вздымающйся подобно ужасному вулкану, который можетъ каждую минуту совершить самыя ужасныя опустошенія“. Испугавшись этого страшнаго вулкана, который въ своемъ изверженіи, навѣрное, безвозвратно унесетъ въ область прошлаго и „аренду за отработки“ и почтительность „мужичка“ и много другихъ прелестей сельской жизни, наши свободолюбивые помѣщики обѣщаютъ содѣйствовать „устраненію правительственной и народной**) анархіи и царящихъ у насъ ужасныхъ недоразумѣній, которыя готовы толкнуть Россію на путь продолжительныхъ и совершенно излишнихъ страданій, насилій и кровопролитій“ и въ грозномъ негодованіи на „близорукую и неумѣлую бюрократію“ ставятъ ей въ вину, что она „все расшатываетъ, въ томъ числѣ и самодержавіе, которому она якобы служитъ“. Даже самодержавіе! Да, чтобы добиться себѣ нѣкоторыхъ правъ силами русскаго народа и не поступиться при этомъ въ пользу крестьянъ ни одной десятиной земли — для этого не слѣдуетъ окончательно разрывать „даже съ самодержавіемъ“!

А поступаться своими экономическими интересами гг. либеральные помѣщики, видимо, не думаютъ. Выговоривъ себѣ полномочіе устроить судьбы русскаго народа въ собраніи земскихъ представителей, они полагаютъ, что имъ въ свою программу вовсе не слѣдуетъ вводить тѣхъ „экономическихъ“ реформъ, тѣхъ мѣръ по „рабочему и аграрному вопросу“, которыя должны быть проведены послѣ политическаго освобожденія Россіи. Это — дѣло тѣхъ парламентовъ, которыми насъ наградитъ Земскій Соборъ. Въ настоящее время нужно говорить только о политическихъ вопросахъ. Но и не о всѣхъ политическихъ вопросахъ слѣдуетъ теперь говорить. Такъ, напр., вопросъ „объ избирательныхъ правахъ населенія“ — или объ отношеніи народныхъ представителей къ монарху имѣетъ несомнѣнно „не только техническое, но и принципіальное значеніе“. Но — „тѣмъ не менѣе, рѣшать эти вопросы въ томъ заявленіи, которое должно намѣтить лишь ближайшія перспективы для выполненія нашей программы, значило бы, какъ намъ кажется, дѣлить шкуру неубитаго еще медвѣдя“ (курсивъ нашъ). И въ самомъ дѣлѣ: чѣмъ „дѣлить шкуру“ политическихъ правъ съ народомъ почему бы, какъ выражается одинъ товарищъ въ присланномъ намъ письмѣ, не взять ее цѣликомъ? — Выступая въ качествѣ представителей всей Россіи, наши помѣщики не только не хотятъ связать себя обѣщаніемъ поддержать народъ въ его насущнѣйшихъ экономическихъ требованіяхъ, они не берутъ на себя даже обязательства предоставить ему политическое равенство, немыслимое, безъ равнаго и всеобщаго избирательнаго права. И эти люди думаютъ, что народъ сочтетъ передачу „дѣла реформы“ въ ихъ руки надежной гарантіей того, что проливаемая имъ въ борьбѣ за свободу кровь прольется не даромъ!

Да и какое довѣріе могутъ питать народныя массы къ политическимъ дѣятелямъ, которые, собираясь „организовать общественное мнѣніе“, не только всячески открещиваются отъ званія „революціонеровъ“, но и не отказываютъ себѣ въ удовольствіи выразить свое порицаніе тѣмъ, кто своей самоотверженной борьбой пролагаетъ путь свободѣ? „Какъ раньше, такъ и теперь, пишутъ земцы (въ №2 „Освоб.“), мы остаемся противниками всякаго насилія***), откуда бы оно не исходило, сверху или снизу“.

Кокетничанье съ тѣмъ самымъ самодержавіемъ, которому объявляется война; страхъ собственника передъ тѣмъ самымъ народомъ, во имя интересовъ котораго требуется для „земской партіи“ роль представителя „націи“; плохо прикрытая защита классовыхъ интересовъ помѣщиковъ — наряду съ громкими фразами противъ классовой борьбы — и предательскія попытки дискредитировать революціонное движеніе въ то самое время, когда всѣ разсчеты строятся на его успѣхѣ — таковы основные элементы политическаго направленія „конституціоналистовъ“.

Ни рабочій классъ, ни революціонная демократія вообще не могутъ оказать такой партіи никакого политическаго кредита.

ВЫНУЖДЕННАЯ ПОЛЕМИКА

Передовая статья 20-го № „Искры“ вызвала неудовольствіе такъ называющейся „боевой организаціи партіи соціалистовъ-революціонеровъ.“ Эта организація упрекаетъ насъ въ томъ, что мы выставили въ невѣрномъ освѣщеніи событіе 2-го апрѣля, указавъ на связь между этимъ событіемъ и реакціонной политикой правительства по отношенію къ учащейся молодежи. С В. Балмашевъ, — поправляетъ насъ эта „организація“, былъ прежде всего соціалистомъ и революціонеромъ... убійство министра внутреннихъ дѣлъ совершено имъне какъ студентомъ, а какъ членомъ боевой организаціи соціалистовъ-революціонеровъ, по ея постановленію и при ея непосредственномъ содѣйствіи... С. В Балмашевъ явился исполнителемърѣшенія боевой организаціи партіи, и мотивовъ его рѣшенія нужно искать прежде всего въ оффиціальныхъ заявленіяхъ этой организаціи, а не въ какихъ бы то ни было догадкахъ и предположеніяхъ, неизвѣстно на чемъ основанныхъ“.

Юпитеръ, ты сердишься, стало быть, ты неправъ.

Мотивовъ рѣшенія, принятаго покойнымъ С. В. Балмашевымъ, надо искать въ его собственныхъ словахъ: только обращаясь къ этому источнику, мы не рискуемъ попасть въ заблужденіе, благодаря произвольнымъ догадкамъ и „неизвѣстно на чемъ основаннымъ“ заявленіямъ.

Что же говорилъ самъ С. В. Балмашевъ?

Онъ категорически утверждалъ на судѣ, что его „единственнымъ сообщникомъ и помощникомъ было русское правительство“. Онъ ни единымъ словомъ не упомянулъ о „боевой организаціи

(* Повидимому до тѣхъ поръ, пока самодержавіе не „пожалуетъ“ имъ права петицій, наши либералы не намѣрены пользоваться даже этимъ обычнымъ средствомъ заявленія своихъ желаній. Вѣдь они „не намѣрены сходить съ легальной почвы“.

**) Для спеціальной цѣли.

*) Курсивъ нашъ.

**) Курсивъ нашъ.

***) Въ майской книжкѣ либеральнаго „Вѣстника Европы“ г-нъ Слонимскій разсказываетъ о томъ, что всеобщее избирательное право грозитъ опасностями не реакціоннымъ, но „прогрессивнымъ партіямъ“.

партіи соц.-рев.“и повидимому, ему осталось неизвѣстнымъ самое существованіе этой организаціи съ ея постановленіями.

Намъ говорятъ, что С. В. Балмашевъ былъ прежде всего соціалистомъ и революціонеромъ. Мы охотно вѣримъ тому, что онъ былъ соціалистомъ, и мы не имѣемъ ни малѣйшей охоты и рѣшительно никакой возможности сомнѣваться въ томъ, что онъ былъ революціонеромъ. Но мы не знаемъ, откуда видно, что онъ былъ „соціалистомъ-революціонеромъ“. Мы боимся, что именно это утвержденіе основано „на догадкахъ и предположеніяхъ, неизвѣстно на чемъ основанныхъ“.

Далѣе, намъ ставятъ на видъ, что убійство министра внутреннихъ дѣлъ совершено Балмашевымъ не какъ студентомъ, а какъ членомъ „боевой организаціи“. Но еслибы принадлежность С. В. Балмашева къ этой организаціи и не подлежала сомнѣнію, —а мы уже знаемъ, что она болѣе, чѣмъ сомнительна, — то и тогда наша мысль о причинной зависимости между правительственными преслѣдованіями студентовъ и выстрѣломъ 2-го апрѣля осталась бы совсѣмъ не опровергнутой. Вѣдь Балмашевъ, дѣйствительно, былъ студентомъ и онъ, дѣйствительно, испыталъ на себѣ всю тяжесть преслѣдованій, направленныхъ противъ нашей учащейся молодежи Эти преслѣдованія сдѣлали изъ него революціонера, а, сдѣлавшись революціонеромъ, онъ могъ сойтись и съ „боевой организаціей“ (чему, однако, рѣшительно противорѣчитъ его собственное заявленіе); все это было очень естественно, но все это ни мало не показываетъ, что его рѣшеніе сложилось независимо отъ „сердечнаго попеченія“ нашихъ реакціонеровъ о нашихъ высшихъ школахъ, и все это ни мало не показываетъ, что мы ошибались.

„Сипягинъ убитъ, продолжаетъ „боевая организація“, — какъ министръ внутреннихъ дѣлъ, на отвѣтственности котораго лежатъ тысячи вопіющихъ злодѣяній, злодѣяній, передъ которыми меркнутъ даже всѣ драконовскія мѣропріятія, спеціально направленныя противъ волнующихся студентовъ“.

Но мы вовсе не утверждаемъ, что С. В. Балмашевъ хотѣлъ покарать Сипягина только за студентовъ. „Боевая организація“ совершенно не поняла нашей статьи. Заряжая свой карающій револьверъ, Балмашевъ имѣлъ въ виду бѣдствія всей угнетенной Россіи, но вѣдь эти же бѣдствія имѣетъ въ виду все наше передовое студенчество, давно уже переросшее узкія требованія „академической свободы“. Между тѣмъ, никто изъ мыслящихъ людей не удивится, если мы скажемъ, что революціонное настроеніе нашего студенчества (не исключая и самыхъ передовыхъ его элементовъ) вызывается прежде всего ненормальностью его собственнаго положенія, какъ учащагося „сословія“. Боевая организація почему-то не обратила вниманія на слова: „прежде всего“. Эти слова указываютъ на гоненія, испытываемыя нашимъ студенчествомъ, какъ на ближайшую причину пробужденія революціонной мысли этого студенчества. Но разъ революціонная мысль пробудилась, то совершенно естественно, что она не останавливается на чисто академическихъ требованіяхъ. Она открываетъ причинную зависимость между положеніемъ учащейся молодежи въ частности и положеніемъ всей страны вообще; она выставляетъ политическія или даже соціально политическія требованія. Это очень ясно видно на примѣрѣ самаго Балмашева. Обвинительный актъ по его дѣлу цитируетъ слѣдующее интересное мѣсто изъ одной его рукописи: „студенты сознаютъ,... что строй, при которомъ они живутъ, поддерживается маленькою горстью людей въ ея личныхъ, глубоко эгоистическихъ интересахъ. Студенчество дождалось сильнѣйшихъ репрессій... русское правительство желало имъ самимъ установленные драконовскіе законы мѣнять на еще болѣе безчеловѣчные... Измѣненіе академич. строя возможно исключительно лишь съ перемѣной всего общественнаго строя, почему студенты и должны стремиться къ уничтженію современнаго монархическаго строя“.

Этотъ отрывокъ съ поразительной ясностью показываетъ, что именно ненормальное положеніе нашего студенчества было точкой отправленія революціонной мысли С. В. Балмашева*). „Боевая организація“ ссылается на то, что въ письмѣ къ своимъ родителямъ Балмашевъ говоритъ, что приноситъ свою жизнь „въ жертву великому дѣлу облегченія участи трудящихся и угнетенныхъ“. Это святыя слова; но и эти святыя слова ни мало насъ не опровергаютъ. Нѣмецкій студентъ Карлъ Зандъ, поразившій Коцебу въ мартѣ 1819 года, говорилъ себѣ словами тогдашней революціонной пѣсни: *Ein Christus sollst du sein*, т. е. ты долженъ быть Христомъ; ты долженъ пожертвовать своей жизнью для нуждающихся и обремененныхъ. Это какъ разъ то, что писалъ С. В. Балмашевъ. И тотъ же Зандъ, рѣшившись поразить Коцебу, вышелъ изъ студенческой организаціи, мотивируя свой выходъ тѣмъ, что онъ хочетъ стать мстителемъ за весь народъ.

Психологія Карла Занда, какъ двѣ капли воды, похожа на психологію С. В. Балмашева, а между тѣмъ давно уже даже всѣ школьники,—не исключая и самыхъ непонятливыхъ,— знаютъ, что въ смерти Коцебу виновато было прежде всего упорство той реакціонной клики, которая держала въ своихъ рукахъ судьбы тогдашней Германіи и которая отвѣчала полицейскими преслѣдованіями на самыя естественныя и самыя неизбѣжныя требованія тогдашняго нѣмецкаго студенчества.

Такъ называемая „боевая организація“ очевь плохо поняла историческій смыслъ того самаго событія, которое она взялась выставить въ истинномъ свѣтѣ. Смѣемъ думать, что мы отчасти уже выяснили ей этотъ смыслъ. Но если ей и теперь что нибудь неясно, то мы и впредь готовы къ ея услугамъ.

*) Намъ замѣтятъ, пожалуй, что составитель обвинительнаго акта могъ неправильно процитировать рукопись С. В. Балмашева. Но этотъ послѣдній не нашелъ нужнымъ ни протестовать противъ приведеннаго отрывка (что онъ непремѣнно сдѣлалъ бы, еслибы отрывокъ былъ сочиненъ самимъ обвинителемъ), ни дополнить его какими никудь поясненіями. Слѣдовательно, мы имѣемъ право предположить, что этотъ отрывокъ правильно выражалъ его мысль.

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Два земскихъ съѣзда.

Въ прошломъ году мы отмѣтили знаменательное явленіе въ жизни нашего земства: небольшой съѣздъ либеральныхъ земцевъ нѣсколькихъ губерній. Въ концѣ мая и въ іюнѣ нынѣшняго года состоялись новые съѣзды земскихъ дѣятелей при большемъ числѣ участниковъ и по болѣе широкой программѣ, чѣмъ прошлогодній. Въ занятіяхъ майскаго съѣзда принимали участіе представители 25 земскихъ губерній въ количествѣ 45—50 человѣкъ.

Занятія, продолжавшіяся 4 дня, посвящены были, главнымъ образомъ, вопросамъ, поднятымъ учрежденіемъ Особаго совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности: о составѣ Особаго Совѣщанія, объ отношеніи, въ которое должно стать къ совѣщанію земство, о правовомъ и экономическомъ положеніи крестьянства (равенство всѣхъ передъ закономъ, вопросъ объ увеличеніи крестьянскаго землевладѣнія). — Мы не считаемъ возможнымъ брать на себя починъ въ опубликованіи положительной части высказанныхъ на майскомъ съѣздѣ взглядовъ и желаній передовыхъ земскихъ дѣятелей по этимъ важнымъ и интереснымъ вопросамъ.

Что касается отрицательной, критической части разсужденій земцевъ, то „закрытыя двери“ совѣщанія развязали языкъ ораторамъ и дали возможность въ страстныхъ, порою блестящихъ рѣчахъ вылиться всей ненависти представителей земства къ самодержавно-бюрократической опричнинѣ. Въ особенности досталось С. Ю. Витте и его финансовой политикѣ. Еслибъ онъ зналъ, какъ его не любятъ! Досталось и августѣйшей маріонеткѣ русскаго правительства, убогому, бѣдному Никѣ-Милушѣ.

Іюньскій съѣздъ земцевъ (или „слетъ“, какъ не безъ остроумія называютъ они свои совѣщанія) былъ непосредственнымъ продолженіемъ майскаго съѣзда. Въ связи съ крестьянскимъ движеніемъ на югѣ говорилось о желательномъ реформированіи деревни, при чемъ въ виду разногласій между представителями сѣверныхъ губерній, которыхъ минула чаша сія—волненія крестьянъ—и южныхъ, рѣшено было вопросъ объ аграрныхъ реформахъ оставить пока что открытымъ... Въ общемъ, однако, ничего новаго ни по существу вопросовъ, поставленныхъ на обсужденіе, ни по отношенію ораторовъ къ этимъ вопросамъ и жгучимъ обшимъ вопросамъ современности этотъ съѣздъ (кстати сказать, еще болѣе многолюдный, чѣмъ майскій)—не далъ.

Изъ другихъ источниковъ намъ сообщаютъ по этому поводу: Узнавъ, очевидно черезъ шпіоновъ, всѣ подробности совѣщанія, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ доложилъ объ этомъ парю и вотъ всѣ участники совѣщанія вызываются по одиночкѣ къ своимъ губернаторамъ и выслушиваютъ отъ нихъ (устно) выраженіе монаршаго неудовольсчвія ихъ поведеніемъ. Въ бумагѣ, которую губернаторы читаютъ, не давая на руки, провинившимся земцамъ, сказано, что Его Величество выражаетъ свое неудовольствіе по поводу участія такого-то на противузаконномъ съѣздѣ и предупреждаетъ, что, въ случаѣ повторенія подобнаго проступка, виновный немедленно будетъ устраненъ отъ занимаемой имъ должности. Болѣе видные земцы, какъ напримѣръ предсѣдатель Московской губернской Управы Шиповъ, вызываются въ Петербургъ, гдѣ они подобное же внушеніе выслушиваютъ отъ Плеве.

Орловскій предводитель дворянства Стаховичъ тоже былъ вызванъ въ Петербургъ. Плеве предложилъ ему подать въ отставку и избрать постоянное мѣстожительство. Стаховичъ отвѣтилъ, что какъ подчиненный непосредственно царю, онъ подчинится только его прямому приказу. Чѣмъ кончится дѣло — неизвѣстно.

Еще секретный документъ.

М. Ф.

Главное управленіе неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей.

Канцелярія инсп. отд. I ст.

8-го мая 1902 г.

№ 897

Секретно

Циркулярно.

Г.г. Управляющимъ акцизными сборами.

Въ одномъ изъ акцизныхъ управленій произошелъ случай арестованія и заключенія въ тюрьму одного вольнонаемнаго письца, при чемъ, изъ имѣющихся въ распоряженіи Главнаго Управленія неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей свѣдѣній, усматривается, что помянутое лицо принято было на службу безъ надлежащаго снсшенія съ мѣстной администраціей отнисительно его политической благонадежности.

Приведенный фактъ наглядно указываетъ на крайнюю желательность, предварительно зачисленія лицъ на службу въ акцизныя управленія по вольному найму, имѣть о такихъ лицахъ возможно точныя данныя, дабы избѣжать на будущее время повторенія случаевъ, подобныхъ вышеизложенному.

Вслѣдствіе этого предлагаю гг. управляющимъ акцизными сборами къ непремѣнному руководству при выборѣ вольнонаемныхъ служащихъ, входить каждый разъ въ сношеніе съ надлежащими властями, для выясненія политической благонадежности и нравственныхъ качествъ лицъ, принимаемыхъ во ввѣренныхъ Вамъ Управленіяхъ въ число вольнонаемныхъ служащихъ.

Подлинный за надлежащими подписями.

Съ подлиннымъ вѣрно.

Директоръ Правленія.

Мужи науки въ роли добровольцевъ сыска.

Изъ Томска пишутъ, что ректоръ Томск. университета, Судаковъ, настрочилъ доносъ въ Мин. Нар. Пр Это — рукопись весьма почтенныхъ размѣровъ, случайно она попала въ руки публики. Почтенный ректоръ дѣлитъ томскихъ обывателей на три разряда. Первый, самый большой, это— либералы — лица, сочувствующія всякимъ протестамъ, въ томъ числѣ и студенческимъ безпорядкамъ, оказывающіе бунтарямъ всяческое содѣйствіе и преслѣдующіе истинныхъ сыновъ отечества, студентовъ, идущихъ противъ волненій. Въ число „либераловъ„ попалъ даже Томскій Губернаторъ Ломачевскій за то, что разрѣшилъ служить санитарнымъ врачемъ одному коноводу студентовъ — бунтарей (фамиліи не сообщаютъ). Конечно, продолжаетъ Судаковъ, есть и истинные вѣрноподданные, но „мало ихъ“, и либералы ихъ оттираютъ на задній планъ. Третій и самый опасный разрядъ, по мнѣнію его — это радикалы, т. сказать активно-бунтарскій элементъ, — но „холоденъ и бѣденъ нашъ языкъ“ для того, чтобы описать всю черноту замысловъ „радикаловъ“, и почтенный ректоръ въ ужасѣ замолкаетъ.

Къ доносу приложено и ходатайство профессоровъ Томскаго У-та „объ обузданіи мѣстной прессы“, во главѣ которой стоитъ „ничтожный еврей“ (Прейсманъ, редакторъ Сиб. Вѣстника), не дающій томскимъ профессорамъ покоя своими нападками. „Пробовалъ Судаковъ писать опроверженія (говорится въ ходатайствѣ), да еще хуже выходитъ“. — Кто подписался (или вѣрнѣе, кто не подписался — какъ иронически добавляетъ авторъ письма изъ Томска) подъ этимъ „ходатайствомъ“ — неизвѣстно.

Витебскъ. На послѣднемъ военномъ парадѣ, когда весь мѣстный гарнизонъ былъ выстроенъ на площади, гдѣ толпилась также жадная до зрѣлищъ публика, вдругъ раздается какая-то необычная для подобныхъ случаевъ команда: „Нижніе чины іудейскаго вѣроисповѣданія, впередъ!“ Происходитъ замѣшательство въ рядахъ войскъ; евреи-солдаты спѣшатъ выйти впередъ, еще не зная, на что ихъ требуетъ ихъ грозное „начальство“; въ публикѣ недоумѣніе и напряженное вниманіе. — „Когда вы пойдете куданибудь въ гости, — обращается корпусный командиръ Батьяновъ во всеуслышаніе къ солдатамъ — евреямъ, — или вы поѣдете домой, то передайте вашимъ единовѣрцамъ, чтобы они не вмѣшивались въ политику и противъ правительства не шли, потому что если правительство на одинъ день сниметъ съ нихъ глазъ, то не останется ни одного цѣлаго еврейскаго ребра!“

Поистинѣ трогательно отеческое отношеніе Батьянова къ евреямъ. Какъ корпусный командиръ, Батьяновъ является представителемъ военной власти, а не гражданской, и забота о спокойствіи въ городѣ и благополучіи его жителей лежитъ исключительно на плечахъ гражданскихъ властей. Батьяновъ спѣшитъ предупредить евреевъ, удержать ихъ отъ гибельнаго шага — не по долгу службы, а изъ чувства гуманности, доброжелательства и пр.

Впрочемъ, я сильно сомнѣваюсь, дѣйствительно ли въ такомъ духѣ поняло эту рѣчь еврейское общество. Этотъ крѣпковыйный народъ, не разъ уже выказавшій свою черную неблагодарность къ пекущемуся о немъ правительству, всячески охраняющему его отъ зловреднаго вліянія науки, отъ деморализаціи на государственной службѣ, отъ трудныхъ и неблагодарныхъ, при настоящихъ условіяхъ, занятій земледѣліемъ, отъ гибельныхъ для націи послѣдствій въ случаѣ разсѣянія по всей матушкѣ — Россіи и т. д., — этотъ неисправимый народъ, боюсь, и полную заботъ о немъ рѣчь Батьянова сумѣлъ перетолковать по своему: нашелъ

РЕВОЛЮЦІОННЫЙ АВАНТЮРИЗМЪ.

Мы переживаемъ бурныя времена, когда исторія Россіи шагаетъ впередъ семимильными шагами, каждый годъ значитъ иногда болѣе, чѣмъ десятилѣтія мирныхъ періодовъ. Подводятся итоги полустолѣтію пореформенной эпохи, закладываются камни для соціально политическихъ построекъ, которыя будутъ долго-долго опредѣлять судьбы всей страны. Революціонное движеніе продолжаетъ расти съ поразительной быстротой, — и „наши направленія“ дозрѣваютъ (и отцвѣтаютъ) необычайно быстро. Направленія, имѣющія солидныя основанія въ классовомъ строѣ такой быстро развивающейся капиталистической страны, какъ Россія, находятъ почти сразу „свою полочку“ и нащупываютъ родственные имъ классы. Примѣръ: эволюція г-на Струве, съ котораго революціонеры-рабочіе всего $1^1/_2$ года тому назадъ предлагали „сорвать маску“ марксиста и который уже теперь выступилъ безъ маски самъ, какъ вождь (или прислужникъ?) либеральныхъ помѣщиковъ, гордыхъ своей почвенностью и трезвенностью. Наоборотъ, направленія, выражающія только традиціонную неустойчивость воззрѣній промежуточныхъ и неопредѣленныхъ слоевъ интеллигенціи, стараются замѣнить сближеніе съ опредѣленными классами тѣмъ болѣе шумнымъ выступленіемъ, чѣмъ громче гремятъ событія. „Шумимъ, братецъ, шумимъ“ — таковъ лозунгъ многихъ революціонно настроенныхъ личностей, увлеченныхъ вихремъ событій и не имѣющихъ ни теоретическихъ ни соціальныхъ устоевъ.

Къ такимъ „шумнымъ“ направленіямъ принадлежатъ и „соціалисты-революціонеры“, физіономія которыхъ вырисовывается все яснѣе и яснѣе. И пора уже пролетаріату внимательно присмотрѣться къ этой физіономіи, отдать себѣ точный отчетъ въ томъ, что представляютъ изъ себя въ дѣйствительности люди, которые тѣмъ насотйчивѣе ищутъ его дружбы, чѣмъ ощутительнѣе становится для нихъ невозможность существовать, какъ особому направленію, безъ тѣснаго сближенія съ дѣйствительно революціоннымъ общественнымъ классомъ.

Троякаго рода обстоятельства всего болѣе посодѣйствовали выясненію настоящей физіономіи соц.- революціонеровъ. это, во первыхъ, расколъ между революціонной соц.-демократіей и оппортунизмомъ, поднимающимъ голову подъ знаменемъ „критики марксизма“. Это, во вторыхъ, убійство Балмашевымъ Сипягина и новый поворотъ къ террору въ настроеніи нѣкоторыхъ революціонеровъ. Это, въ третьихъ и главнымъ образомъ, новѣйшее движеніе въ крестьянствѣ, заставившее людей, привыкшихъ сидѣть между 2 хъ стульевъ и не имѣющихъ никакой программы, выступить *post factum* хоть съ чѣмъ-нибудь похожимъ на программу. Разсмотримъ всѣ эти три обстоятельства, оговариваясь, что въ газетной статьѣ можно только вкратцѣ намѣтить основные пункты аргументаціи и что къ болѣе подробному ея изложенію намъ еще придется, вѣроятно, вернуться въ журнальной статьѣ или брошюрѣ.

Съ принципіально теоретическимъ заявленіемъ соц.-революціонеры собрались выступить только во 2-мъ № Вѣст. Русск. Рев. въ редакціонной неподписанной статьѣ: „Міровой ростъ и кризисъ соціализма“. Мы усердно рекомендуемъ эту статью всѣмъ тѣмъ, кто хочетъ имѣть наглядное представленіе о полнѣйшей теоретической безпринципности и шаткости (а также объ искусствѣ прикрывать таковую потокомъ словъ). Все содержаніе этой высоко-замѣчательной статьи можетъ быть передано въ двухъ словахъ. Соціализмъ выросъ въ міровую силу, соціализмъ (-марксизмъ) раскалывается теперь вслѣдствіе войны революціонеровъ („ортодоксовъ“) съ оппортунистами („критиками“). Мы, соц.-революц., „конечно“, не сочувствовали никогда оппортунизму, но мы скачемъ и играемъ по поводу „критики“, оевободившей насъ отъ догмы, мы тоже беремся за пересмотръ этой догмы, — и, хотя мы еще ровно никакой (кромѣ буржуазно-оппортунистической) критики не показали, хотя мы ровно ничего еще не пересмотрѣли, но эта наша свобода отъ теоріи и должна быть вмѣнена намъ въ нарочитую заслугу. Тѣмъ болѣе должна быть вмѣнена въ заслугу, что въ качествѣ свободныхъ отъ теоріи людей мы яро стоимъ за всеобщее объединеніе, мы горячо осуждаемъ всякіе принципіально-теоретическіе споры. „Серьезная революціонная организація“—пресерьезно увѣряетъ насъ В. Р. Р. (№ 2, стр. 127) — „отказалась бы отъ рѣшенія вѣчно разъединяющихъ спорныхъ вопросовъ соціальной теоріи, что, конечно, не должно мѣшать теоретикамъ искать ихъ рѣшенія“—или, прямѣе: писатель пусть пописываетъ, читатель — почитываетъ, а мы, пока судъ да дѣло, возрадуемся по случаю освобожденнаго пустого мѣста.

Серьезно разбирать эту теорію уклоненія (по случаю собственно споровъ) отъ соціализма, разумѣется, не доводится. По нашему мнѣнію, кризисъ соціализма обязываетъ сколько-нибудь серьезныхъ соціалистовъ именно къ тому, чтобы обратить усиленное вниманіе на теорію, — рѣшительнѣе занять строго опредѣленную позицію—рѣзче отмежеваться отъ шаткихъ и ненадежныхъ элементовъ. По мнѣнію же соц.-рев.. разъ существуетъ „да же у нѣмцевъ“ расколъ да разбродъ, такъ намъ, россіянамъ, и самъ богъ велѣлъ гордиться тѣмъ, что мы сами не знаемъ, куда бредемъ. По нашему мнѣнію, отсутствіе теоріи отнимаетъ право существованія у революціоннаго направленія и неизбѣжно осуждаетъ его, рано или поздно, на политическій крахъ. По мнѣнію же соц.-рев., отсутствіе теоріи — весьма хорошая вещь, особливо удобная „для объединенія“. Какъ видите, намъ и имъ не столковаться, ибо и говоримъ то мы на разныхъ языкахъ. Одна надежда: не образумитъ ли ихъ г. Струве, который тоже (только посерьезнѣе) говоритъ объ устраненіи догмы и о томъ, что „наше“ дѣло (какъ и дѣло всякой буржуазіи, обращающейся къ пролетаріату) не разъединить, а объединить. Не увидятъ ли когда-нибудь соц.-рев., при помощи г. Струве, какое дѣйствительное значеніе имѣетъ ихъ позиція освобожденія отъ соціализма для объединенія и объединенія по случаю освобожденія отъ соціализма?

Перейдемъ къ второму пункту, къ вопросу о террорѣ.

Защищая терроръ, непригодность котораго такъ ясно доказана опытомъ русскаго революціоннаго движенія, соц.-рев. изъ кожи лѣзутъ, заявляя, что они признаютъ лишь терроръ вмѣстѣ съ работой въ массахъ и что поэтому тѣ доводы, которыми русскіе соц.-демократы опровергали (и на долгое время опровергли) цѣлесообразность такого пріема борьбы, къ нимъ не относятся. Тутъ повторяется исторія, очень похожая на ихъ отношеніе къ „критикѣ“. Мы не оппортунисты,—кричатъ соц.-рев., и въ тоже время сдаютъ въ архивъ догму пролетарскаго соціализма на основаніи одной только оппортунистической и никакой иной критики. Мы не повторяемъ ошибки террористовъ, мы не отвлекаемъ отъ работы въ массахъ,—увѣряютъ соц.-рев., и въ то же время усердно рекомендуютъ партіи такіе акты, какъ убійство Балмашевымъ Сипягина, хотя всякій прекрасно знаетъ и видитъ, что ни въ какой связи съ массами этотъ актъ не стоялъ и, по способу его совершенія, не могъ стоять,—что ни на какое опредѣленное выступленіе или поддержку толпы совершавшія этотъ актъ лица и не разсчитывали и не надѣялись. Соц.-рев. наивно не замѣчаютъ того, что ихъ склонность къ террору связана самой тѣсной причинной связью съ тѣмъ фактомъ, что они съ самаго начала стали и продолжаютъ стоять въ сторонѣ отъ рабочаго движенія, не стремясь даже сдѣлаться партіей ведущаго свою классовую борьбу революціоннаго класса. Усердная божба очень часто заставляетъ насторожиться и заподозрить

въ ней грозное напоминаніе объ ужасныхъ 80-хъ г.г. съ антиеврейскими безпорядками на всемъ югѣ Россіи и указаніе на возможность повторенія этихъ безпорядковъ теперь.

Не очень то довольно осталось рѣчью Батьянова и мѣстное христіанское общество. Оно нашло для себя унизительнымъ и несоотвѣтственнымъ съ его человѣческимъ достоинствомъ взглядъ на него „генерала“, какъ на слѣпое орудіе въ рукахъ нашего реакціоннаго правительства, готовое будто бы по первому его указанію растерзать ни въ чемъ неповинныхъ людей. Да и то сказать, почетнаго въ подобной роли дѣйствительно мало.

Этимъ похожденія Батьянова еше не закончились. Вѣрноподданная буржуазная часть евр. интеллигенціи, поверженная выходкой Батьянова въ недоумѣніе (не въ негодованіе, о нѣтъ!) сочла нужнымъ отправить къ нему делегацію для переговоровъ и объясненія, но не для выраженія протеста, конечно. Батьяновъ милостиво принялъ делегатовъ, выслушалъ и, желая, должно быть, ихъ успокоить, сказалъ, между прочимъ, что стрѣлять онъ не будетъ, но непремѣнно будетъ сѣчь (чтобы, значитъ, ни въ чемъ не отстать отъ ф. Валя). Тогда г. Ц., одинъ изъ делегатовъ, какъ юристъ близко принимающій къ сердцу интересы правосудія, дипломатично замѣтилъ, что „его превосходительство будетъ, конечно, дѣйствовать на основаніи закона“. Но Батьяновъ снисходительно улыбнулся при видѣ наивности г. Ц. и сказалъ: „Нужно умѣть читать законы между строкъ.“

Тѣмъ аудіенція и кончилась.

Рославль Смоленск. губ. (Изъ матеріаловъ „Рабочей Мысли“).

Въ началѣ этого года въ нѣсколькихъ мѣстахъ нашего уѣзда крестьяне начали отказываться платить новый налогъ въ 28 к. Въ февралѣ появилась популярно, живо и горячо написанная прокламація, призывавшая крестьянъ къ массовому отказу отъ уплаты податей и совѣтовавшая прибѣгать къ насилію противъ насилія властей. Прокламація была хорошо принята; ее даже читали на сходкахъ, какъ доказательство правоты своего дѣла. Въ нѣсколькихъ деревняхъ силой прогнали властей, явившихся описывать имущества. Власти града Рославля всполошились. Къ этому времени у нѣкоего Певзнера квартирный хозяинъ, имѣвшій съ нимъ личные счеты, замѣтилъ подозрительныя книги. Посовѣтовавшись съ нѣкіимъ дряннымъ мальчишкой, вольноопредѣляющимся Чижевскимъ, указавшимъ ему возможность насолить недругу, онъ стянулъ книги и принесъ въ полицію. Книги оказались нелегальными. Жандармы возликовали. Однако, допросъ, благодаря прекрасному поведенію Певзнера, ничего не далъ. Тогда полковникъ Громека прибѣгъ къ другой мѣрѣ: схвативъ двухъ крестьянъ, читавшихъ, не скрываясь, прокламаціи, онъ засадилъ ихъ въ кутузку и, почти не давая имъ ѣсть, съ угрозами требовалъ указать давшихъ прокламаціи. Предъ мужиками продемонстрировали всю мѣстную интеллигенцію, но, къ глубокому негодованію полковника, они упорно твердили свое: „не признаемъ“. Однако, мѣстный полицейскій надзиратель, страшный взяточникъ и оберъ-шпіонъ, Трусевичъ, какимъ-то путемъ заставилъ ихъ указать на ни въ чемъ неповиннаго столяра Павлова, который когда-то обидѣлъ г. надзирателя, пырнувъ его ножемъ въ публичномъ домѣ. Павловъ былъ арестованъ и безъ допросовъ содержится до сихъ поръ. За это время успѣла появиться новая прокламація къ обывателямъ, объяснявшая современное положеніе Россіи. Оскорбленные въ лучшихъ своихъ чувствахъ, жандармы произвели рядъ обысковъ въ наиболѣе интеллигентныхъ домахъ. Полная неудача; однако Петербургскій студентъ В. Ю. Фридолинъ арестуется „за оскорбленіе представителей власти“ (онъ заставилъ жандармовъ снова постелить разрытую ими кровать).

Между тѣмъ, неповиновеніе крестьянъ не только не прекратилось, но еще усугубилось разными слухами о передѣлѣ земли въ самомъ непродолжительномъ времени, „послѣ пасхи“. Передаютъ слѣдующій случай. Одинъ помѣщикъ подрубалъ въ своемъ саду деревья. Проходившіе мимо крестьяне, видя его усердіе, съ благодушнымъ сожалѣніемъ увѣщеваютъ его не маяться зря „на насъ“. — „Какъ такъ, такіе сякіе?“ возмущается помѣщикъ. — „Да все равно, земля-то наша вся послѣ Пасхи будетъ“, резонно объясняютъ мужики, и въ доказательство разсказываютъ о Полтавскихъ и Харьковскихъ волненіяхъ. Все это заставляетъ г. полковника наводнить городъ шпіонами, которые, однако, вели себя такъ, что были менѣе опасны, чѣмъ добровольцы-доносчики изъ обывателей. По доносу одного „батюшки“, производится обыскъ у одного купца Матренина, у котораго на пчельникѣ, по остроумнымъ соображеніямъ г. полковника, должна была находиться... типографія. Типографіи не оказалось, но оказались пчелы, изрядно покусавшія жандармовъ за безпокойство, за что, однако, арестованы не были.

Чѣмъ ближе время шло къ маю, тѣмъ больше къ опасеніямъ насчетъ крестьянъ присоединялась боязнь „бунта“ желѣзнодорожныхъ рабочихъ. Именно „бунта“ съ поджогами, убійствами и подобными ужасами. Дѣйствительно, среди рабочихъ появилось броженіе, имѣвшее своимъ исходнымъ пунктомъ пониженіе заработка, дурное обращеніе, уменьшеніе пособій въ случаяхъ похоронъ, крестинъ, но о бунтѣ и рѣчи быть не могло Въ апрѣлѣ появлялось еще нѣсколько прокламацій къ обывателямъ, рѣзко политическаго характера, и одна къ крестьянамъ по поводу убійства Сипягина. Хорошо составленныя и отгектографированныя, прокламаціи эти, разбросанныя хотя и въ небольшомъ количествѣ, производили большое впечатлѣніе на населеніе, преимущественно рабочее, у многихъ впервые вызывая сомнѣніе въ благополучіи Россіи, желаніе поближе познакомиться съ тѣми людьми, которые подписываются „ваши друзья и защитники“ и за которыми гонится жандармская свора. Подъ вліяніемъ слуховъ о какихъ-то людяхъ, которые „такъ тебѣ все какъ на ладони разскажутъ, что будто самъ ты всегда такъ думалъ“, многіе даже отсталые рабочіе искали всюду этихъ людей, чтобъ разспросить, кто на счетъ „божественнаго“ (вопросъ о Богѣ), кто—„какъ, значитъ, намъ теперь быть“. Вліяніе прокламацій было такъ велико, что начальникъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ Шепелевъ (прозванный рабочими Шпилькой) добровольно надбавилъ отчасти расцѣнки, лишь бы избѣжать „бунта“.

Наконецъ перваго мая появилась первая прокламація чисто мѣстнаго характера, обращенная къ желѣзнодорожнымъ рабочимъ. Рисуя имъ жалкое ихъ существованіе, прокламація зоветъ ихъ къ организаціи для борьбы за лучшую свободную жизнь, совѣтуя, какъ первый шагъ, стачку въ пользу большихъ расцѣнокъ и лучшаго обращенія. Прокламація, смѣло и хорошо разбросанная, попала ко многимъ рабочимъ и произвела такое сильное впечатлѣніе на рабочихъ, что вмѣсто работы 1-го мая въ мастерскихъ читалась прокламація, сопровождаемая комментаріями лучшихъ рабочихъ. Перепуганная этимъ администрація сразу сдѣлала нѣкоторыя уступки, а своимъ заискивающимъ обращеніемъ вселила рабочимъ сознаніе своей силы и довѣріе къ революціонерамъ, произведшимъ такой эффектъ.

Но не только администрація мастерскихъ была перепугана — весь городъ ждалъ бунта съ поджогами, убійствами и подобными ужасами. Намъ извѣстны случаи, когда нѣкоторые изъ простыхъ смертныхъ обывателей и даже изъ лицъ, чей гербъ состоитъ изъ метлы и собачьей головы, просили лицъ, которыхъ они подозрѣвали въ участіи въ агитаціи, защитить ихъ присныхъ отъ насилій рабочихъ въ судный день — одинъ изъ первыхъ дней мая.

Вліяніе немногихъ прокламацій было такъ сильно, что рабочіе рѣшили выразить свое сочувствіе заключеннымъ и свой протестъ противъ произвола администраціи. 11-го и 12-го мая они устроили демонстраціи у тюрьмы. Со второй взяты курсистка Марциновская и дантистка Ривкина. Въ среднихъ числахъ мая появились прокламаціи къ крестьянамъ о Полтавскихъ и Харьковскихъ безпорядкахъ. Эти безпорядки вызываютъ живѣйшій интересъ среди крестьянъ и рабочихъ даже такой отсталой губерніи, какъ Смоленская.

Какъ зубатовскіе рабочіе ораторствуютъ съ „бумагами“ отъ охраннаго отдѣленія и какъ отъ этого фабрикантскія жены разрѣшаются отъ бремени „не доносивши“.

Господину фабричному инспектору X
Съ фабрики X

Донесеніе.

„Смѣю донести Вашему Высокоблагородію, что 1-го марта сего года въ 11 ч. у. ко мнѣ во время моего отсутствія безъ всякаго предупрежденія явились въ товарное отдѣленіе моей фабрики двѣ личности. Первый назвался Красивскій и, вынувъ изъ кармана бумагу, заявилъ, что онъ, Красивскій, присланъ изъ Канцеляріи Оберъ Полицмейстера. Второй назвался фабричнымъ предсѣдателемъ рабочихъ Жилкинымъ. Въ вышеозначенномъ товарномъ отдѣленіи въ то время находились завѣдующая фабрикой во время моего отсутствія моя жена и мастеръ Г... Конечно, моя жена и мастеръ крайне растерялись, т. к. въ товарное отдѣленіе никто, исключая рабочихъ, не входитъ. „Что вамъ угодно“, спросили ихъ, а они отвѣтили, что имъ нужно поговорить. Тогда ихъ попросили въ контору, въ которой они стали выставлять свое величіе, но имъ сказали, что величіе ваше до насъ не касается. Видятъ, что въ конторѣ разговаривать съ ними больше не желаютъ. Тогда они попросили вызвать нѣсколько рабочихъ, изъ которыхъ явились М. и Р. При входѣ въ контору Р. назвавшій себя Красивскимъ сталъ ему говорить рѣчь, которая къ конторѣ не относится. Р. далъ знать, чтобы они зашли въ фабричное отдѣленіе. Каковые немедленно, безъ всякаго на то позволенія со стороны конторы, пошли на фабрику. При входѣ въ вышеозначенную фабрику приказали оставить работу, остановились посреди фабрики и начали говорить пространныя рѣчи. Жена моя, бывшая въ конторѣ, видя ихъ дерзость, самоволье и хозяйничество въ чужихъ помѣщеніяхъ, крайне разстроилась, т. к. еле таскалась на ногахъ по случаю беременности въ послѣднемъ періодѣ, ушла въ домъ и слегла въ постель, а въ 4 ч. утра на 2-ое марта разрѣшилась отъ бремени, не донося нѣсколько дней, въ страшныхъ мученіяхъ и страданіяхъ. По моему: разрѣшеніе отъ беременности, не доносивши нѣсколько дней, было сопровождено по случаю самоволія вышеозначенныхъ Красивскаго и Жилкина. Въ виду всего вышеизложеннаго, я, какъ хозяинъ фабрики и помѣщенія, прошу Ваше Высокобл. донести объ этомъ поступкѣ куда слѣдуетъ по закону и меня впредь избавить отъ такихъ предсѣдателей и ораторовъ, которые не разбирая времени, мѣста, а врываются во дворъ и направляются въ первое попавшее имъ на глаза помѣщеніе.“

X.

(Съ подлиннымъ вѣрно. Ред.)

ИЗЪ ДЕРЕВНИ.

Изъ Воронежа. Аграрныя волненія принимаютъ въ юго-восточной полосѣ Россіи эпидемическій характеръ. Въ мартѣ мѣсяцѣ этого года солдаты выѣзжали на работу въ одно имѣніе около станціи Графской, гдѣ имъ пришлось улаживать розгами гражданскій споръ крестьянъ съ помѣщикомъ. Всыпали по 20 розогъ. Никакого сопротивленія со стороны крестьянъ не было оказано. Теперь христолюбивое воинство стоитъ постоемъ въ имѣніи Станкевича (Воронежск. уѣзда), гдѣ крестьяне обратили въ свое пользованіе помѣщичій лугъ. Неподалеку отсюда въ сосѣдней Тамбовской губ. въ деревнѣ Андреевкѣ Усманск. уѣзда крестьяне подѣлили между собой землю окрестныхъ помѣщиковъ и уже засѣяли яровое поле. Они собирались подѣлить паръ, но 5 го мая къ нимъ совершилъ путешествіе Тамбовскій губернаторъ Ржевскій въ сопровожденіи свиты полицейскихъ и земскихъ начальниковъ для увѣщанія и вразумленія. Принадлежность земли той или другой сторонѣ оказалась спорный но пока судъ да дѣло, Ржевскій принялъ мѣры къ тому, чтобы 5 человѣкъ зачинщиковъ были высланы въ мѣста отдаленныя. Остальные, вѣроятно, будутъ преданы суду. Помѣщики озлоблены. Крики: драть, драть!—такъ и висятъ въ дворянскихъ гнѣздахъ. Однако, серьезнаго значенія „бунтамъ“ никто не придаетъ въ виду темноты и безсознательности массы. Крестьяне многимъ интересуются и многое слушаютъ изъ того, за что раньше стащили бы въ волость, но было бы опасно дѣлать отсюда слишкомъ поспѣшные выводы. Крестьянство, несомнѣнно, готовится стать одной изъ революціонныхъ силъ, но, чтобы оно вполнѣ стало таковой, надо много поработать надъ просвѣщеніемъ массы и внесеніемъ сознательности въ ея борьбу.

Судъ надъ Воронежскими крестьянами.

Въ № 21 „Искры“ было упомянуто о томъ, что высѣченные крестьяне села Курлакъ, Воронежск. губ., преданы въ руки судебной власти. Вотъ нѣкоторыя подробности этого судебнаго дѣла, о которомъ отчетъ напечатанъ въ „Правѣ“ (въ очень искаженномъ видѣ).

12 человѣкъ крестьянъ обвиняли по статьѣ 273 Улож. о наказ., предусматривающей предумышленное неповиновеніе властямъ. Не говоря уже о томъ, что по разъясненію Сената*) (въ 70-ыхъ гг.) лицо, однажды подвергнутое хотя бы административному наказанію, не можетъ быть вторично привлечено къ отвѣтственности за то же преступленіе, — не говоря уже объ этомъ, въ самомъ поступкѣ крестьянъ не было состава преступленія. На этомъ настаивалъ защитникъ. Въ отвѣтъ на это товарищъ прокурора, простирая руки къ судьямъ, горячо возражалъ: „Какіе могутъ быть тутъ разговоры о составѣ преступленія, когда вамъ извѣстно, гг. судьи, что губернатору то и дѣло приходится посылать солдатъ“. — Въ результатѣ судоговоренія нѣсколько крестьянъ приговорены къ 5 мѣсяцамъ тюрьмы, остальные — на меньшіе сроки.

Документъ о крестьянскомъ движеніи.

М. В. Д.

Саратовскій Губернаторъ. Секретно.
11-го Іюня 1902 г. Циркулярно.
г. Саратовъ

Въ виду происходившихъ въ послѣднее время въ нѣкоторыхъ южныхъ и юго-восточныхъ губ. крестьянскихъ безпорядковъ, сопровождавшихся нерѣдко вооруженнымъ нападеніемъ на экономіи и усадьбы землевладѣльцевъ, считаю нужнымъ напомнить, что въ циркулярныхъ предложеніяхъ на имя земскихъ начальниковъ отъ 11-го августа 98г. за №32 были преподаны указанія по вопросу о принятіи

*) Ссылаться на это разъясненіе защитникъ не могъ, такъ какъ предсѣдатель ему не позволилъ.

правдивость того, что нуждается въ крѣпкой приправѣ. И мнѣ часто вспоминаются слова: какъ божиться-то не лѣнь?—когда я читаю увѣренія соц.-рев.: мы не отодвигаемъ терроромъ работы въ массахъ. Вѣдь это увѣряютъ тѣ самые люди, которые уже отодвинулись отъ соц.-демократическаго рабочаго движенія, дѣйствительно поднимающаго массы, и которые продолжаютъ отодвигаться отъ него, хватаясь за обрывки какихъ угодно теорій.

Прекрасной иллюстраціей сказаннаго можетъ служить прокламація 3 го апр. 1902 г., изданная „партіей соц.-рев.“ Это—самый живой, близкій къ непосредственнымъ дѣятелямъ, самый аутентичный источникъ. „Постановка вопроса о террористической борьбѣ“ въ этой прокламаціи „цѣликомъ совпадаетъ“ и „съ партійнымъ воззрѣніемъ“, по цѣнному свидѣтельству Рев. Россіи (№ 7 стр. 24*).

Прокламація 3-го апр. замѣчательно аккуратно копируетъ шаблонъ „новѣйшей“ аргументаціи террористовъ. Вамъ всего прежде бросаются въ глаза слова: „мы зовемъ къ террору не вмѣсто работы въ массахъ, а именно для этой самой работы и одновременно съ нею“. Бросаются же они въ глаза потому, что набраны шрифтомъ втрое болѣе крупныхъ размѣровъ, чѣмъ остальной текстъ (пріемъ, повторяемый, конечно, и Рев. Россіей). Это вѣдь такъ просто, въ самомъ дѣлѣ! Напечатать жирнымъ шрифтомъ „не вмѣсто, а вмѣстѣ“—и всѣ доводы соц.-демократовъ, весь урокъ исторіи сразу отпадетъ. А попробуйте-ка прочитать всю прокламацію и вы увидите, что божба жирнаго шрифта всуе пріемлетъ имя массъ. — То время, „когда выйдетъ изъ тьмы рабочій народъ“ и „мощной народной волной въ куски разобьетъ желѣзныя ворота“—„увы! (буквально такъ: увы!) еще не такъ скоро наступитъ и страшно подумать, сколько при этомъ будетъ жертвъ!“ Развѣ эти слова: „увы, еще не скоро“ не выражаютъ собой полнаго непониманія массоваго движенія и невѣрія въ него? Развѣ не выдуманъ нарочно этотъ доводъ въ насмѣшку надъ тѣмъ фактомъ, что рабочій народъ уже поднимается? И, наконецъ, еслибы даже этотъ избитый доводъ былъ также основателенъ, какъ онъ на самомъ дѣлѣ вздоренъ, — то изъ него вытекала бы особенно рельефно негодность террора, ибо безъ рабочаго народа безсильны, завѣдомо безсильны всякія бомбы.

Слушайте дальше: „Каждый террористическій ударъ какъ бы отнимаетъ часть силы у самодержавія и всю эту силу(!) перебрасываетъ(!) на сторону борцовъ за свободу“. „И разъ терроръ будетъ проведенъ систематически(!), то очевидно, что наша чаша вѣсовъ наконецъ перевѣситъ“. Да, да, для всякаго очевидно, что передъ нами въ самой грубой формѣ величайшій изъ предразсудковъ терроризма: политическое убійство само собой „перебрасываетъ силу“! Вотъ вамъ, съ одной стороны, теорія перебрасыванія силы, а съ другой — „не вмѣсто, а вмѣстѣ“... Какъ божиться-то не лѣнь?

Но это еще цвѣточки. Ягодки впереди будутъ. „Въ кого бить?“ спрашиваетъ партія соц.-рев. и отвѣчаетъ: въ министровъ, а не въ царя, ибо „царь не доведетъ дѣла до крайности“ (!! откуда это они узнали??), да притомъ же „это и легче“ (буквально такъ!): “никакой министръ не можетъ засѣсть во дворцѣ какъ въ крѣпости“. И эта аргументація заканчивается слѣдующимъ разсужденіемъ, которое заслуживаетъ быть увѣковѣченнымъ, какъ образецъ „теоріи“ соц.-рев. „Противъ войны у самодержавія есть солдаты, противъ революціонныхъ организацій — тайная и явная полиція, но что спасетъ его... (кого его? самодержавіе? авторъ незамѣтно для себя отождествилъ уже самодержавіе съ тѣмъ министромъ, въ котораго бить легче!).... „отъ отдѣльныхъ личностей или небольшихъ кружковъ, безпрерывно, неизвѣстно даже другъ отъ друга(!!) готовящихся къ нападенію и нападающихъ? Никакая сила не поможетъ противъ неуловимости. Значитъ, наша задача ясна: смѣщать всякаго властнаго насильника самодержавія единственнымъ способомъ, который оставило(!) намъ самодержавіе, — смертью.“ Какія бы горы бумаги не исписали соц.-рев., увѣряя, что они своей проповѣдью террора не отодвигаютъ, не дезорганизуютъ работы въ массахъ, — имъ не опровергнуть потоками словъ того факта, что дѣйствительная психологія современнаго террориста вѣрно передается именно цитируемой прокламаціей. Теорія перебрасыванія силы естественно дополняется теоріей неуловимости, теоріей, окончательно переворачивающей верхъ дномъ не только весь опытъ прошлаго, но и всякій здравый смыслъ. Что единственная „надежда“ революціи есть „толпа“, что бороться съ полиціей можетъ единственно революціонная организація, руководящая (на дѣлѣ, а не на словахъ) этой толпой, это — азбука. Это стыдно доказывать. И только люди, которые все позабыли и ровно ничему не научились, могли рѣшить „наоборотъ“, договорившись до баснословной, вопіющей нелѣпости, что „спасти“ самодержавіе отъ толпы могутъ солдаты, отъ революціонныхъ организацій — полиція, а отъ отдѣльныхъ личностей, охотящихся на министровъ, не спасетъ ничто!!

Это баснословное разсужденіе, которому, мы увѣрены, суждено сдѣлаться знаменитымъ, вовсе не простой только курьезъ. Нѣтъ, оно поучительно тѣмъ, что смѣлымъ доведеніемъ до абсурда разоблачаетъ основную ошибку террористовъ, общую имъ съ экономистами (можетъ быть надо уже сказать: съ бывшими представителями покойнаго экономизма?) Эта ошибка состоитъ, какъ мы уже много разъ указывали, въ непониманіи основного недостатка нашего движенія. Благодаря необычайно быстрому росту движенія, руководители отстали отъ массы, революціонныя организаціи оказались недоросшими до революціонной активности пролетаріата, не способными идти впереди и руководить массами. Что такого рода несоотвѣтствіе существуетъ, въ этомъ не усомнится ни одинъ добросовѣстный человѣкъ, сколько-нибудь знакомый съ движеніемъ. А разъ это такъ, то очевидно, что теперешніе террористы являются настоящими экономистами на изнанку, впадая въ столь же неумную, но противоположную крайность. Въ такое время, когда революціонерамъ не достаетъ силъ и средствъ для руководства поднимающейся уже массой, звать къ такому террору, какъ устройство отдѣльными личностями и неизвѣстными другъ другу кружками покушеній противъ министровъ — это значитъ тѣмъ самымъ не только обрывать работу въ массахъ. но и вносить въ нее прямую дезорганизацію. — Мы, революціонеры, „привыкли робко жаться въ кучу — читаемъ мы въ прокламаціи 3-го апрѣля — и даже (№В) тотъ новый, смѣлый духъ, который повѣялъ въ послѣдніе 3-4 года, создалъ пока болѣе подъемъ настроенія толпы, чѣмъ личностей“. Въ этихъ словахъ много нечаянно сказанной правды. И именно эта правда на голову разбиваетъ проповѣдниковъ терроризма. Изъ этой правды всякій думающій соціалистъ дѣлаетъ выводъ: надо энергичнѣе, смѣлѣе и стройнѣе дѣйствовать кучей. А соц.-рев. умозаключаютъ: „стрѣляй, неуловимая личность, ибо куча, увы, еще не скоро, да и солдаты противъ кучи есть“. Совсѣмъ уже это неразумно, господа!

*) Правда, „Рев. Росс.“ и по этому пункту продѣлываетъ какую-то эквилибристику. Съ одной стороны,—„цѣликомъ совпадаетъ“, съ другой—намекъ на „преувеличенія“. Съ одной стороны, Рев. Росс. заявляетъ, что эта прокламація дѣло лишь „одной группы“ соц.-рев. Съ другой стороны, мы имѣемъ тотъ фактъ, что на прокламаціи стоитъ подпись: „изданіе партіи с.-рев.“ и кромѣ того повторенъ эпиграфъ той же Рев Росс. („въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое“). Мы понимаемъ, что Рев. Росс. непріятно касаться этого щекотливаго пункта, но мы думаемъ, что играть въ прятки въ подобныхъ случаяхъ прямо неприлично. Революціонной соціалдемократіи тоже непріятно было существованіе экономизма, но она открыто разоблачала его, не пытаясь никого и никогда вводить въ заблужденіе.

мѣръ къ предотвращенію и подавленію всякихъ насильственныхъ дѣйствій со стороны сельскаго населенія и привлеченія виновныхъ въ самоуправствѣ и насиліи къ законной отвѣтственности. Въ послѣднее время въ Полтав. губ. произошли серьезныя нарушенія крестьянскимъ населеніемъ общественнаго порядка и спокойствія, которыя вслѣдствіе недостаточно быстрыхъ и рѣшительныхъ мѣръ къ ихъ подавленію успѣли распространиться и на смежный уѣздъ Харьк. губ. Въ виду сего, и принимая во вниманіе, что подобные крестьянскіе безпорядки, угрожая правильному теченію жизни сельскаго населенія, ни въ какомъ случаѣ терпимы быть не могутъ, я признаю необходимымъ вновь обратить вниманіе на необходимость неотступнаго исполненія изложенныхъ въ вышеуказанномъ циркулярѣ указаній. Вмѣстѣ съ тѣмъ, предлагаю земскимъ начальникамъ имѣть наблюденіе за настроеніемъ мѣстнаго крестьянскаго населенія и принимать самыя энергичныя мѣры къ возможно быстрому прекращенію возникающихъ волненій. При этомъ надлежитъ съ особеннымъ вниманіемъ относиться ко всякимъ нежелательнымъ проявленіямъ въ общественной жизни мѣстнаго крестьянскаго населенія и въ случаѣ замѣчаемаго учащенія этихъ проявленій принимать мѣры къ немедленному обслѣдованію обстоятельствъ, вызывающихъ таковыя явленія, и тѣмъ устранять возможность ихъ повторенія и развитія на почвѣ волненій и безпорядковъ. На ряду съ симъ я не лишнимъ считаю сообщить для свѣдѣнія и соображеній, что въ послѣднее время въ М. В. Д. получены указанія на стремленіе злонамѣренныхъ лицъ организовать кружковую пропаганду среди крестьянскаго населенія. Съ этой цѣлью въ кружокъ выбираются ими наиболѣе развитые, даровитые и энергичные крестьяне, которымъ и сообщаются различныя научныя свѣдѣнія, преимущественно по исторіи, соціологіи и рабочему движенію, при чемъ главнымъ средствомъ ознакомленія членовъ кружковъ съ указанными свѣдѣніями является широкое распространеніе среди крестьянъ какъ тенденціозныхъ, такъ и нелегальныхъ изданій. Не касаясь того вреда, который имѣетъ для народа проникновеніе въ его среду изданій подпольной прессы, надлежитъ имѣть въ виду, что раздача сельскому населенію книгъ, даже вполнѣ легальныхъ, даетъ возможность неблагонадежнымъ лицамъ вступать въ частыя и тѣсныя сношенія съ народомъ, создаетъ между ними оживленный обмѣнъ мнѣній и сближаетъ ихъ съ крестьянами. Опредѣляя путемъ такого общенія развитіе крестьянъ даннаго села, ихъ отношеніе къ различнымъ сторонамъ общественной жизни, упомянутыя лица выбираютъ изъ среды крестьянъ наиболѣе даровитыхъ и склонныхъ къ усвоенію революціонныхъ началъ, ведутъ съ ними особыя занятія и подготовляютъ изъ нихъ вожаковъ крестьянскаго движенія. Кромѣ того, общедоступная народная литература, въ подборѣ тенденціозныхъ изданій, создаетъ искуственно политическое броженіе въ деревнѣ, такъ какъ изображаетъ различныя темныя стороны крестьянской жизни, бѣдствія и нищету народа и тѣмъ усиливаетъ въ крестьянствѣ элементы недовольства.

Затѣмъ усматривается, что неблагонадежныя лица заводятъ связи съ деревней въ большинствѣ случаевъ черезъ учащуюся молодежь духовныхъ и учительскихъ семинарій, фельдшерскихъ училищъ, учениковъ училищъ садоводства и др... Кромѣ того, преступные агитаторы для развитія пропаганды пользуются крестьянами тѣхъ селъ, гдѣ вредная ихъ дѣятельность уже окрѣпла, при чемъ для этой цѣли крестьяне разсылаются въ видѣ батраковъ, книгоношей, торговцевъ и. т. п. въ тѣ мѣстности, гдѣ предполагается посѣять противоправительственныя идеи. Давая знать объ изложенномъ, считаю нужнымъ добавить, что при всѣхъ случаяхъ проявленія безпорядковъ въ извѣстной мѣстности особенно строгое вниманіе будетъ обращено на отвѣтственность должностныхъ лицъ, на обязанности коихъ лежала ближайшая забота о предупрежденіи безпорядковъ.

Подписалъ губернаторъ Энгельгардтъ.

Скрѣпилъ управляющій канцеляріей Кнолль.

Подобный же циркуляръ, какъ намъ сообщаютъ, изданъ и по Курской губ. Обращаемъ вниманіе читателя на остроумныя соображенія Энгельгардта о томъ, какъ „вредно“ для крестьянъ узнать что-либо о „нищетѣ и бѣдствіяхъ народа“. Надо думать, что безъ „тенденціозныхъ„ книжекъ народъ никогда бы не узналъ, что онъ голодаетъ и бѣдствуетъ!

Въ селѣ Хованщинѣ Сердобскаго уѣзда Саратовск. губ. вспыхнуло народное волненіе. Здѣсь находится помѣстье дворянъ Беклемишевыхъ; за послѣднее время у крестьянъ установилось убѣжденіе, что земля Беклемишевыхъ принадлежитъ имъ, что таково рѣшеніе какой-то Московской Палаты. Документы, которые, по мнѣнію крестьянъ, удостовѣряли ихъ право на землю, находились у одного всѣми уважаемаго крестьянина и хранились у него въ особомъ ларцѣ. Услышавъ о притязаніяхъ крестьянъ, полиція рѣшила такъ или иначе познакомиться съ содержаніемъ этихъ документовъ. Она поручила старшинѣ и сотскому произвести обыскъ въ избѣ этого крестьянина, якобы по поводу случившейся кражи. Во время обыска они увидѣли, что передъ избой собирается громадная толпа. Старшина вскочилъ на дожидавшихся его ямскихъ лошадей, ударилъ кнутомъ и ускакалъ вмѣстѣ съ ларцемъ. Гнѣвъ крестьянъ обрушился на оставшагося сотскаго: его избили до полусмерти, такъ что жизнь его находится въ большой опасности. Досталось также и старостѣ, котораго тоже побили и засадили въ кутузку. Вскорѣ послѣ происшествія былъ произведенъ допросъ слѣдователемъ и товарищемъ прокурора; встрѣчены они были спокойно безъ всякой враждебности, имъ подробно разсказали ходъ событій. Затѣмъ туда прибыли Астраханскіе казаки и губернаторъ. Крестьяне объявили, что никакихъ зачинщиковъ между ними нѣтъ, что пусть судятъ ихъ всѣхъ. Крестьяне будто бы говорятъ: „пускай порютъ, пороли насъ и передъ волей.

Изъ Харьковской губ. Еще о подвигахъ кн. Оболенскаго. (Доставлено Харьк. Ком. Рос. С. Д. Р. П.)

Событія, происшедшія въ нашихъ мѣстахъ, заслуживаютъ самаго глубокаго вниманія. Они указываютъ на то, какая масса горючаго матеріала лежитъ въ нашихъ деревняхъ, матеріала, который ждетъ искры, чтобы возгорѣться въ пламя. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они показываютъ и оборотную сторону медали — недостаточность пониманія или даже полнѣйшую безсознательность. Въ имѣніи Харитоненко — Алексѣевкѣ произошло слѣдующее. Въ двухъ верстахъ отъ этого имѣнія есть небольшая деревушка — Покровское. Она со всѣхъ сторонъ окружена помѣщичьими землями. Своей земли крестьяне этои деревни не имѣютъ ни клочка. Даже выгона нѣтъ, на которомъ могли бы пастись ихъ куры и гуси. Живутъ они заработками въ ближайшихъ экономіяхъ. Бѣдность ужасная. И вотъ 2-го апрѣля утромъ часовъ въ пять, когда завѣдующіе экономіями распредѣляютъ рабочихъ и даютъ имъ работу, къ Алексѣевской экономіи явились крестьяне Покровскаго — душъ около 500. Мужчины пѣшіе, а жены и дѣти на подводахъ. На возахъ лежали пустые мѣшки, кадки, топоры, вилы. На вопросъ одного изъ служащихъ, что вамъ угодно? крестьяне отвѣтили нежеланіемъ говорить съ ними. Тогда является къ нимъ главный управляющій, и на его вопросъ они отвѣтили, что теперь, дескать, въ Россіи всѣ бѣдные крестьяне, не имѣющіе хлѣба для пропитанія, забираютъ, по приказанію царя, у богачей все, что они имѣютъ и дѣлятъ поровну между собой. Поэтому, мы просимъ отдать намъ мирно ключи отъ амбаровъ, или въ противномъ случаѣ мы все заберемъ силой. Когда управляющій пригрозилъ крестьянамъ войсками, они отвѣтили: да, дѣйствительно, царь посылаетъ теперь войска на заводы и въ имѣнія, но не для того, чтобы защищать ихъ, а чтобы во время самаго дѣлежа не произошло ссоръ и безпорядковъ между самими крестьянами. Въ такомъ случаѣ обождите, говоритъ управляющій, прибытія войскъ (казаки, извѣщенные по телефону, въ это время мчались въ имѣніе изъ ближайшей жел. дор. станціи) и тогда можете дѣлать, что вамъ угодно. Крестьяне согласились. Не успѣли окончиться эти переговоры, какъ на горѣ показались казаки. Нѣкоторые изъ крестьянъ бросились казакамъ навстрѣчу, привѣтствуя ихъ появленіе восторженными криками. Другіе же бросились въ амбары, конюшни и начали брать себѣ воловъ, коровъ и лощадей... и вообще все, что попадалось имъ подъ руку. Казаки, встрѣтивъ идущихъ съ криками имъ навстрѣчу крестьянъ, разумѣется, бросились на нихъ и начали бить нагайками. Происходитъ замѣшательство между крестьянами. Крестьяне начинаютъ разбѣгаться въ разныя стороны, но казаки успѣваютъ окружить ихъ и загоняютъ во дворъ. Тутъ является и самъ Оболенскій, Харьк. губернаторъ. „Шапки долой, на колѣни“. Губернаторъ говоритъ имъ тогда о „незаконности“ и пр. „Вы бунтовщики, вы враги царя и отечества, а для враговъ Россіи у насъ имѣются пули, штыки и нагайки. Для васъ нагайки!“ И крестьяне съ обнаженными головами, стоя на колѣняхъ, безмолвно выслушали продолжительную рѣчь губернатора. Никто изъ толпы не проронилъ ни одного слова. ни одного звука. „Въ нагайки!“ раздается команда и начинается порка крестьянъ. Замѣчательно то, что во все время экзекуціи крестьяне стояли на колѣняхъ и ни одинъ не осмѣлился сдѣлать попытки къ побѣгу. Били немилосердно и притомъ нагайки у казаковъ снаружи обтянуты проволокой, а на концѣ кусокъ свинца. Били, пока губернаторъ не приказалъ прекратить. Затѣмъ, сказавъ соотвѣтствующее слово назиданія, губернаторъ приказалъ женщинамъ и дѣтямъ уйти домой, а мужчинамъ остаться. По указанію экономической администраціи изъ этой толпы были выбраны наиболѣе зажиточные крестьяне и старики. Губернаторъ приказалъ имъ снять верхнее платье и остаться въ одномъ бѣльѣ. Снова начали пороть нагайками. Затѣмъ, когда губернаторъ удовлетворился видомъ крови, всѣмъ мужикамъ приказано было снова встать на колѣни и ожидать, а если кто попытается бѣжать, въ того будутъ стрѣлять. Самъ Оболенскій отправился затѣмъ въ квартиру главнаго управляющаго пить чай и завтракать. Экзекуція продолжалась съ 6час. до 8час. утра. Занятый своими административными дѣлами и прекраснымъ обѣдомъ (вѣроятно, съ шампанскимъ) губернаторъ пробылъ въ домѣ управляющаго до 3час. пополудни. Крестьяне, охраняемые казаками, стояли все время на колѣняхъ съ обнаженными головами во дворѣ. Наконецъ, выходитъ къ нимъ губернаторъ. Изъ крестьянъ выбираются по указаніямъ администраціи зачинщики и губернаторъ снова въ третій разъ приказываетъ ихъ пороть, но па этотъ разъ розгами, обмокнутыми въ кипятокъ съ солью. По окончаніи этой третьей экзекуціи, всѣ крестьяне были загнаны въ пустые сараи, а тамъ уже производились аресты и отправка въ ближайшія тюрьмы.

По Житомірскому шоссе. (Корресп. изъ Кіева).

То напряженное вниманіе, съ какимъ прислушивается вся Россія къ пробужденію деревни, поддерживалось въ послѣднее время въ Кіевѣ, не говоря объ оффиціальныхъ сообщеніяхъ разнаго рода, вѣстями о мелкихъ крестьянскихъ волненіяхъ, происходившихъ на дняхъ въ Кіевскомъ, Чигиринскомъ, Липовецкомъ, Винницкомъ, Уманскомъ, Каневскомъ и другихъ уѣздахъ, расположенныхъ недалеко отъ Кіева. Собственно говоря, мало-мальски серьезныхъ волненій пока что не было и волновались не столько крестьяне, сколько административныя власти, которыя видятъ въ каждомъ мелкомъ столкновеніи начало мятежа. Такъ, незначительныя волненія крестьянъ въ м. Мотыжинѣ, которыя не вылились даже въ форму сопротивленія властямъ, (слѣдователь не нашелъ состава преступленія), — составляютъ предметъ особеннаго безпокойства администраціи. Дѣло это поручено слѣъователю по особо важнымъ дѣламъ, вопросъ о высылкѣ войскъ рѣшался дважды на особыхъ совѣщаніяхъ у генералъ-губернатора и губернатора. Перепуганная Полтавскими событіями, Кіевская администрація боится присылать по просьбѣ помѣщиковъ графа Бобринскаго и Савицкаго войска, чтобы не раздражать крестьянъ; рѣшено прибѣгнуть къ войскамъ лишь въ крайнемъ случаѣ и сразу-же при первой возможности пустить въ ходъ оружіе для устрашенія. На совѣщаніяхъ ген.-губернаторъ Драгомировъ напоминалъ о томъ, что имъ уволенъ со службы полковой командиръ, приказавшій въ Полтавской губ. стрѣлять въ первый разъ холостыми зарядами и при этомъ заявилъ, что шутить съ войсками онъ не позволитъ. Отъ высылки войскъ уклоняется даже извѣстный поклонникъ розги, исполняющій теперь обязанности губернатора вице-губернаторъ баронъ Штакельбергъ, не постѣснявшійся звѣрски перепороть въ прошломъ году крестьянъ одного изъ селъ Липовецкаго уѣзда, приводя въ исполненіе рѣшеніе Судебной Палаты, которое было отмѣнено Сенатомъ черезъ нѣсколько недѣль послѣ экзекуціи. Возбужденное въ Сенатѣ дѣло о преданіи Штбкельберга суду за превышеніе власти на дняхъ закончилось ничѣмъ.

„Безпорядки“ въ перечисленныхъ уѣздахъ принимаютъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ форму бойкота: крестьяне на тайномъ сходѣ рѣшаютъ не наниматься на работы къ помѣщику ихъ села, прогоняютъ и избиваютъ нанявшихся къ нему рабочихъ. Въ нѣкоторыхъ селахъ были распространены прокламаціи и нелегальная литература, что произвело большой переполохъ среди нашихъ аграріевъ и администраціи. Такъ напримѣръ, В. А. Плесскій, помѣщикъ с. Баландино Чигиринск. уѣзда и въ то же время управляющій имѣніемъ Давыдовыхъ того-же уѣзда (историческая Каменка) — былъ на столько встревоженъ появленіемъ прокламаціи, что счелъ необходимымъ самолично привезти нѣсколько экземпляровъ ихъ Кіевскому губернатору. Что касается ближайшихъ къ Кіеву селъ, расположенныхъ по Житомірскому шоссе, то въ нихъ нѣкоторое броженіе было вызвано также прокламаціями, распространенными среди крестьянъ и расклеенными по телеграфнымъ столбамъ вдоль шоссе. Въ виду появленія прокламацій полиція за благо разсудила взять подъ подозрѣніе велосипедистовъ, разъѣзжающихъ по шоссе... Нѣкоторые изъ нихъ были даже арестованы, но вскорѣ были освобождены. Такъ, одинъ офицеръ былъ арестованъ въ с. Шпитки, куда онъ пріѣзжалъ иногда изъ Кіева на велосипедѣ. Трое велосипедистовъ были арестованы по указанію попа въ с. Копылово, куда они свернули съ шоссе, чтобы напиться молока. Вообще, въ Кіевѣ много разговоровъ о разныхъ случаяхъ такого рода и о мѣрахъ, предпринимаемыхъ администраціей дляэ пресѣченія этого своеобразнаго хожденія въ народъ. Не мало курьезовъ вызвало также распоряженіе одного изъ благочинныхъ Кіевскаго уѣзда о задержаніи всѣхъ незнакомыхъ лицъ, приходящихъ въ село и разсказывающихъ небылицы: около Макарова, напримѣръ, толпа крестьянъ задержала секретаря Кіевской Мѣщанской Управы и даже слегка поколотила его, объяснивъ священнику, явившемуся на выручку злополучнаго путешественника, свой поступокъ тѣмъ, что, молъ, благочинный приказывалъ бить всѣхъ незнакомыхъ людей, приходящихъ въ деревню. Болѣе интересныя событія произошли въ м. Мотыжинѣ. Здѣсь толпа крестьянъ воспротивилась производству межеванія и избила рабочихъ помѣщика, помогавшихъ, вопреки постановленію тайнаго схода, землемѣру при межеваніи. Прогоняя землемѣра, крестьяне заявили, что давно уже пора расправиться съ Мотыжинскимъ помѣщикомъ такъ, какъ это сдѣлали крестьяне въ Полтавщинѣ.

Какъ передаютъ, увѣщанія не оказали никакого вліянія на непокорныхъ мотыжинцевъ. Рѣчи мирового посредника они встрѣтили ироническими восклицаніями: — „не вѣримъ мы вамъ, говорили они, вѣдь извѣстно, что панъ пану, а чортъ чорту братъ!“ На его совѣтъ идти законнымъ путемъ и добиваться своего посредствомъ суда они отвѣчали отказомъ, говоря, что не хотятъ судиться съ помѣщикомъ, который больно счастливъ въ судахъ и поясняли при этомъ, что „русскій законъ то-же, что паутина: — большая муха прорвется, а малая запутается.“ Кромѣ бойкота помѣщика, тайный сходъ крестьянъ, собиравшійся ночью за мѣстечкомъ (по выстрѣлу одного изъ вожаковъ), постановилъ приговоръ, запрещающій кому-либо изъ односель-

---

Не обходится прокламація и безъ теоріи эксцитативнаго террера. „Каждый поединокъ героя будитъ во всѣхъ насъ духъ борьбы и отваги“, — говорятъ намъ. Но мы знаемъ изъ прошлаго и видимъ въ настоящемъ, что только новыя формы массового движенія или пробужденіе къ самостоятельной борьбѣ новыхъ слоевъ массы дѣйствительно будитъ во всѣхъ духъ борьбы и отваги. Поединки же, именно постольку, поскольку они остаются поединками Балмашевыхъ, непосредственно вызываютъ дишь скоропреходящую сенсацію, а посредственно ведутъ даже къ апатіи, къ пассивному ожиданію слѣдующаго поединка. Насъ увѣряютъ далѣе, что „каждая молнія террора просвѣщаетъ умъ“, чего мы, къ сожалѣнію, не замѣтили на проповѣдующей терроръ партіи соц.-рев. Намъ преподносятъ теорію крупной и мелкой работы: „У кого больше силъ, больше возможности и рѣшимости, тотъ пусть не успокаивается на мелкой(!) работѣ; пусть ищетъ и отдается крупному дѣлу, — пропагандѣ террора въ массахъ(!), подготовленію сложныхъ... (теорія неуловимости уже забыта!)... террористическихъ предпріятій“. Неправда-ли, какъ это удивительно умно: отдать жизнь революціонера за месть негодяю Сипягину и замѣщеніе его негодяемъ Плеве — это крупная работа. А готовить, напр., массу къ вооруженной демонстраціи — мелкая. Вотъ Рев. Россія въ №8 какъ разъ поясняетъ это, заявляя, что о вооруженныхъ демонстраціяхъ „легко писать и говорить, какъ о дѣлѣ неопредѣленно далекаго будущаго“, „но всѣ эти разговоры имѣли до сихъ поръ лишь теоретическій характеръ“. Какъ хорошо знакомъ намъ этотъ языкъ людей, свободныхъ отъ стѣснительности твердыхъ соціалистическихъ убѣжденій, отъ обременительнаго опыта всѣхъ и всякихъ народныхъ движеній! Непосредственную осязательность и сенсаціонность результатовъ они смѣшиваютъ съ практичностью. Требованіе нуклонно стоять на классовой точкѣ зрѣнія и блюсти массовой характеръ движенія является для нихъ „неопредѣленнымъ“ „теоретизированіемъ“. Опредѣленностью въ ихъ глазахъ является рабское слѣдованіе за каждымъ поворотомъ настроенія и... и неизбѣжная въ силу этого безпомощность при каждомъ поворотѣ. Начинаются демонстраціи — и отъ такихъ людей льются кровавыя фразы, толки о началѣ конца. Остановка демонстрацій — опускаются руки, и, не успѣвъ износить сапогъ, мы уже кричимъ: „народъ увы еще не скоро“. Новая гнусность царскихъ насильниковъ — и мы требуемъ, чтобы намъ указали такое „опредѣленное“ средство, которое бы служило исчерпывающимъ отвѣтомъ именно на это насиліе, такое средство, которое бы давало немедленное „перебрасываніе силы“, и мы гордо обѣщаемъ это перебрасываніе! Такіе люди не понимаютъ того, что одно уже это обѣщаніе „перебрасыванья“ силы является политическимъ авантюризмомъ и что ихъ авантюризмъ зависитъ отъ ихъ безпринципности.

Соціаль-демократія всегда будетъ предостерегать отъ авантюризма и безжалостно разоблачать иллюзіи, неизбѣжно оканчивающіяся полнымъ разочарованіемъ. Мы должны помнить, что революціонная партія только тогда заслуживаетъ своего имени, когда она на дѣлѣ руководитъ движеніемъ революціоннаго класса. Мы должны помнить, что всякое народное движеніе принимаетъ безконечно разнообразныя формы, постоянно вырабатывая новыя, отбрасывая старыя, создавая видоизмѣненія или новыя комбинаціи старыхъ и новыхъ формъ. И нашъ долгъ активно участвовать въ этомъ процессѣ выработки пріемовъ и средствъ борьбы. Когда обострилось студенческое движеніе, мы стали звать рабочаго на помощь студенту (Искра №2), не берясь предсказывать формы демонстрацій, не обѣщая отъ нихъ ни немедленнаго перебрасыванія силы, ни просвѣщенія ума, ни особой неуловимости. Когда упрочились демонстраціи мы стали звать къ организаціи ихъ, къ вооруженію массъ, мы выдвинули задачу подготовки народнаго возстанія. Нисколько не отрицая въ принципѣ насилія и террора, мы требовали работы надъ подготовкой такихъ формъ насилія, которыя бы разсчитывали на непосредственное участіе массы и обезпечивали бы это участіе. Мы не закрываемъ глазъ на трудность этой задачи, но мы твердо и упорно будемъ работать надъ ней, не смущаясь возраженіями, что это — „неопредѣленно-далекое будущее“. Да, господа, мы стоимъ и за будущія, а не за одни только прошлыя формы движенія. Мы предпочитаемъ долгую и трудную работу надъ тѣмъ, за чѣмъ есть будущее; „легкому“ повторенію того, что уже осуждено прошлымъ. Мы будемъ всегда разоблачать людей, у которыхъ на языкѣ война съ шаблонами догмы, а на дѣлѣ только и есть, что шаблоны самыхъ обветшалыхъ и вредныхъ теорій перебрасыванія силы, разницы между крупной и мелкой работой и, конечно, уже теоріи поединка и единоборства. „Какъ нѣкогда въ битвахъ народовъ вожди ихъ рѣшали бой единоборствомъ, такъ и террористы въ единоборствѣ съ самодержавіемъ завоюютъ Россіи свободу“. — такъ заканчивается прокламація 3-го апр. Такія фразы достаточно перепечатать, чтобы опровергнуть ихъ.

Кто дѣйствительно ведетъ свою революціонную работу въ связи съ классовой борьбой пролетаріата, тотъ прекрасно знаетъ, видитъ и чувствуетъ, какая масса непосредственныхъ и прямыхъ запросовъ пролетаріата (и способныхъ поддерживать его народныхъ слоевъ) остается неудовлетворенной. Тотъ знаетъ, что въ массѣ мѣстъ, въ цѣлыхъ громадныхъ районахъ рабочій народъ буквально рвется на борьбу, и его порывы пропадаютъ даромъ за недостаткомъ литературы, руководителей, за отсутствіемъ силъ и средствъ у революціонныхъ организацій. И мы оказываемся, — мы видимъ это, что мы оказываемся — въ томъ же проклятомъ порочномъ кругѣ, который, какъ злой рокъ, тяготѣлъ такъ долго надъ русской революціей. Съ одной стороны, пропадаетъ даромъ революціонный порывъ. недостаточно просвѣщенной и неорганизованной толпы. Съ другой стороны пропадаютъ даромъ выстрѣлы „неуловимыхъ личностей“, теряющихъ вѣру въ возможность идти въ ряду и шеренгѣ, работать рука объ руку съ массой.

Но дѣло еще вполнѣ поправимо, товарищи! Потеря вѣры въ настоящее дѣло — не болѣе, какъ рѣдкое исключеніе. Увлеченіе терроромъ не болѣе, какъ скоропреходящее настроеніе. Пусть же сомкнутся плотнѣе ряды соціаль-демократовъ и мы сплотимъ въ одно цѣлое боевую организацію революціонеровъ и массовой геройзмъ русскаго пролетаріата!

Въ слѣдующей статьѣ мы разсмотримъ аграрную программу соціалистовъ-революціонеровъ.

чанъ ходить въ церковь. Послѣднее постановленіе объясняется тѣмъ, что шаманъ-попъ, котораго не разъ уже избивали бабы и мужики за сребролюбіе и донъ-жуанство, явно держащій руку помѣщика, объяснялъ крестьянамъ въ церкви, въ воскресной проповѣди, грѣховность ихъ насильственнаго образа дѣйствій и показалъ имъ для вящей убѣдительности извѣстную комбинацію изъ трехъ пальцевъ. Смыслъ его проповѣди былъ тотъ, что, согласно святому Писанію, — „Божіе воздастся Богови, кесарево—кесареви," крестьяне же получатъ, во всякомъ случаѣ, — лишь вотъ это... тутъ онъ сдѣлалъ вышеуказанный проповѣднической жестъ.

Еще передъ этимъ общество посылало своихъ уполномоченныхъ къ Драгомірову, чтобы просить его объ отмѣнѣ межеванія. Драгоміровъ встрѣтилъ уполномоченныхъ грубой бранью и криками: прикажу перестрѣлять, бунтовщики! арестовать! и т. д. такъ что крестьяне еле спаслись бѣгствомъ, позабывъ даже свои шапки.

Въ настоящее время дѣло находится въ слѣдующемъ положеніи: подъ вліяніемъ сопротивленія, оказаннаго крестьянами, помѣщикъ былъ принужденъ отказаться отъ межеванія. Приблизительно человѣкъ 10 мотыжинцевъ административно высылаются губернаторомъ на 1-2 года за предѣлы Кіевской губ. Броженіе это—до сихъ поръ еще слабое, — благодаря такимъ мѣрамъ, внѣ всякаго сомнѣнія, лишь разовьется. Крестьянство, безсознательно протестующее противъ произвола администраціи, баззаконности и безправія, не можетъ, понятно, быть умиротворено мѣрами, которыя противорѣчатъ правовому чувству всякаго здороваго человѣка. Поэтому возникновеніе крупныхъ безпорядковъ ожидается въ настоящее время всѣми и ни для кого уже не покажется удивительнымъ. Условія, въ которыхъ приходится крестьянину жить, дѣлаютъ весьма затруднительнымъ цѣлесообразный и организованный протестъ, въ родѣ повсемѣстнаго отказа отъ платежа податей и исполненія всякихъ, въ томъ числѣ и воинской, повинностей — но духъ протеста въ немъ, все таки, живетъ и непрерывно наростаетъ.

Изъ Черниговской губерніи.

Разыгравшаяся недавно вблизи Новозыбкова драма, закончившаяся избіеніемъ 19 крестьянъ, представляетъ изъ себя еще одинъ печальный фактъ безконтрольнаго издѣвательства полиціи и въ частности Черниговскаго губернатора, Андреевскаго. Безпорядки въ деревняхъ вовсе не имѣли характера, сколько-нибудь опаснаго для помѣщиковъ, тѣмъ болѣе, что появившіяся неожиданно войска привели крестьянъ въ замѣшательство. Но губернаторъ поспѣшилъ не упустить удобнаго случая отличиться на службѣ усмиреніемъ „крестьянскаго бунта". Дѣло было такъ: крестьяне деревень — Усчернье и Теремошка (имѣніе Листовскаго, Суражскаго уѣзда) — давно уже враждуютъ съ помѣщикомъ изъ-за границъ. Земля не размежевана съ 1861 года. Но особенно рѣзкій характеръ эти споры приняли въ послѣднее время, когда крестьяне стали сильнѣе дорожить землей. Въ прошломъ году Листовскому уже пришлось прибѣгнуть къ полиціи для водворенія порядка въ Усчернѣ. Тогда же онъ обѣщалъ имъ прислать землемѣра, но не исполнилъ своего обѣщанія и крестьяне въ нынѣшнемъ году заняли спорный кусокъ земли. Теремошкинскіе крестьяне также рѣшили занять 40 десятинъ сѣнокоса, которыя они считали своими и которыя помѣщикъ хотѣлъ отдать въ аренду другимъ крестьянамъ деревни Гастенки. Они на сельскомъ сходѣ рѣшили такъ: „нужно заявить гастенцамъ, чтобы они не платили помѣщику аренды — этого сѣнокоса мы не уступимъ никому". Гастенцы, прочитавъ заявленіе и рѣшивъ, что Теремошкинскіе крестьяне хотятъ учинить бунтъ, представили это заявленіе Листовскому. Къ крестьянамъ названныхъ двухъ деревень присоединились крестьяне Синяго-колодеза (имѣніе Черниговскаго предводителя дворянства, Муханова). Изъ старинной церковной записи они узнали, что лѣтъ полтораста тому назадъ они считались вольной казацкой общиной и владѣли всѣмъ обширнымъ участкомъ земли, который теперь представляетъ изъ себя прекрасное имѣніе Муханова. Рѣшили они жаловаться сначала на помѣщика царю, а если царь не уважитъ ихъ просьбы, то подавать жалобу на царя (?). Для этой цѣли они обратились за помощью къ какому-то адвокату, Середѣ, который оказался большимъ негодяемъ и только вымогалъ у нихъ деньги. Сине-Колодезцы посылали даже ходоковъ своихъ въ Петербургъ. Послѣдніе присылали своимъ односельчанамъ письма приблизительно такого содержанія: „вотъ, молъ, мы скоро всего добьемся; познакомились уже съ 4-мя генералами, еще съ однимъ генераломъ нужно познакомиться и тогда уже до самаго царя дойдемъ". Наконецъ, они познакомились на половину съ 5-мъ генераломъ, но, по ихъ словамъ, Мухановъ все дѣло испортилъ, такъ какъ ихъ посадили въ кутузку, подержали въ ней, а потомъ велѣли ѣхать на родину. Но крестьяне далеко не оставили своей мысли. Къ тому же присоединились частыя стычки съ управляющимъ и объѣздчикомъ. Такимъ образомъ, три деревни согласились поддерживать другъ друга, не уступать помѣщикамъ, принимая въ соображеніе кромѣ всего сказаннаго еще одно основаніе: „наши батьки да дѣды служили панамъ; нехай же теперь паны насъ кормятъ". Листовскій (сынъ его земскій начальникъ), услышавъ, что происходитъ среди крестьянъ, телеграфируетъ губернатору: „крестьяне забрали мою землю и гонятъ моихъ рабочихъ; прошу принять надлежащія мѣры для прекращенія безпорядковъ". Губернаторъ, не долго думая, взялъ съ собой отрядъ пѣхотинцевъ и пять сотенъ казаковъ и нагрянулъ въ Ущернье, т. к. это село больше Теремошки и тамъ находится главное имѣніе Листовскаго. Здѣсь дѣло обошлось мирнымъ образомъ. Крестьяне, собравшись на сходъ, объявили, что они и не думаютъ бунтовать, а только требуютъ размежеванія земель. Теремошкинскіе крестьяне оказали сопротивленіе властямъ слѣдующимъ образомъ: губернаторъ, еще будучи въ Ущернѣ, послалъ въ Теремошку распоряженіе, чтобы мужики собрались на сходъ и ждали его. Поѣхавъ же, онъ засталъ въ деревнѣ однѣхъ бабъ да дѣтей — все же мужское населеніе разбѣжалось. Наконецъ, собравшіеся крестьяне устроили еще „бунтъ" въ церкви: во время богослуженія 8 крестьянъ подали губернатору прошеніе, въ которомъ просили оставить за ними ихъ землю. На вопросъ губернатора — какъ они смѣютъ бунтовать, — крестьяне этой деревни отвѣтили: „мы не хотимъ дѣлать ни какихъ безпорядковъ, но только укажите намъ нашу землю. Вся земля не размежевана, и помѣщикъ, гдѣ хочетъ, тамъ и беретъ". Губернаторъ велѣлъ арестовать 8 человѣкъ, подававшихъ прошеніе. Тогда поднялся шумъ и начали раздаваться голоса: „бери же всѣхъ, коли нашихъ взялъ! Сажай насъ въ тюрьму, а тамъ студенты сидятъ; они научатъ насъ, что дѣлать!" Забрали еще 11 человѣкъ. Деревня была оцѣплена солдатами. Экзекуція однако началась не сейчасъ, а губернаторъ поѣхалъ сначала въ Синій-Колодезъ. Собрались крестьяне и здѣсь въ церковь, а потомъ на сходъ выбрали уполномоченныхъ говорить съ губернаторомъ. Ни на чемъ не сошлись и губернаторъ велѣлъ сходу разойтись, но сходъ не расходился. Въ виду такого ослушанія губернаторъ забираетъ съ собой уполномоченныхъ и отправляется съ ними въ Теремошку, гдѣ дѣлаетъ ихъ свидѣтелями экзекуціи. произведенной надъ Теремошкинскими крестьянами. Послѣ этого „бунтъ" былъ усмиренъ, и даже Сине-Колодезскіе крестьяне отказались отъ своей мысли тягаться съ богатымъ Мухановымъ; они даже дали подписку въ томъ, что не будутъ имѣть больше никакихъ притязаній на эту землю.

При экзекуціи, кромѣ губернатора и остальной полиціи, присутствовали врачи — Бурковъ (уѣздный врачъ) и Козинцовъ (городск. врачъ) Послѣдній впрочемъ хвастается своимъ либерализмомъ, — онъ не разрѣшилъ давать болѣе 40 ударовъ.

Давали же 6-ти человѣкамъ по 75 ударовъ, а остальнымъ отъ 35 до 45.

ВѢСТИ СЪ СѢВЕРНАГО КАВКАЗА

(Сообщено Ростовской группой „Искры".)

Въ Медвѣженскомъ уѣздѣ, Ставропольской губ., крестьяне начали проявлять недовольство. Въ Бѣлой Глинѣ, большомъ 20 тысячномъ торговомъ селѣ, крестьяне начали требовать прирѣзокъ земли и новой планировки, то же самое было въ Новоселищахъ. Когда земскій начальникъ Жуковъ началъ ихъ усмирять домашними средствами, крестьяне вытолкали его въ шею со схода и заявили, что ихъ дѣло правое. Губернаторъ Никифораки поѣхалъ самолично въ эти села и бесѣдовалъ съ крестьянами, угрожая имъ нагайками и казаками. Въ с. Терновкѣ также идутъ слухи о „новыхъ правахъ". Губернаторъ ѣдетъ туда, удаляетъ волостного писаря и высылаетъ изъ предѣловъ губерніи одного крестьянина, заподозрѣннаго полиціей въ распространеніи тревожныхъ слуховъ. Жандармы и мѣстная уѣздная полицейская администрація разъѣзжаютъ по селамъ и хуторамъ всей губерніи — и ищутъ „крамолы", допрашиваютъ крестьянъ, спаивая ихъ водкой. Всѣ эти допросы, конечно, окончились ничѣмъ, а въ сосѣдней Кубанской области и Сальскомъ округѣ Астраханской губ., между тѣмъ, шли уже настоящіе безпорядки, гдѣ крестьянъ били и уродовали за то, что они отказывались работать въ экономіяхъ по низкой цѣнѣ. Въ 5-ти экономіяхъ Кубанской Области недовольство крестьянъ низкой цѣной обрушилось на земледѣльческія машины, которыя были изломаны. Также были избиты и нѣкоторые владѣльцы экономій. Въ одной экономіи возлѣ станціи Кавказской Влад. жел. дор., а также возлѣ ст. Тифлисской крестьяне и мѣстные казаки поломанныя машины бросали въ рѣку Кубанх. Крестьянъ усмиряли нещадно казаки мѣстнаго станичнаго правленія. На ст. Розовой также были въ концѣ мая безпорядки на аграрной почвѣ, но здѣсь крестьяне, когда ихъ усмиряли казацкими нагайками, заявляли: „намъ нужны порядки такіе, о какихъ пишутъ въ книжкахъ". Встревоженное начальство станицы также пыталось искать „корней и нитей", но тщетно. На подмогу станичному начальству прискакали жандармы изъ Владикавказа, но они ничего не нашли.

Въ селеніи Армакиръ послѣ побоища армянъ, въ концѣ апрѣля, устроеннаго пьяной толпой, появились въ большомъ количествѣ прокламаціи, уясняющія истинный смыслъ происходившаго и указывавшія, что не армяне, какъ нація, виноваты, а виновато правительство, гнетущее весь народъ, и что нужно организоваться и бороться противъ всего соціальнаго строя и противъ опричнины. Выяснялось и значеніе рабочаго майскаго праздника. Прокламаціи были писаны и гектографированы безъ подписи и распространялись онѣ посредствомъ рогатокъ. Привязаны онѣ были къ камнямъ и такимъ образомъ бросались въ окна домовъ всѣхъ обывателей, которые были страшно встревожены необыкновеннымъ явленіемъ. О прокламаціяхъ знали и старъ и младъ. Школьники, напр., заявляли своимъ учителямъ 1-го мая, чтобы они ихъ отпустили, такъ какъ у нихъ „сегодня праздникъ,". Прокламаціи произвели сильное впѣчатлѣніе. С. Армавиръ — одинъ изъ населеннѣйшихъ и торговыхъ пунктовъ Кубанской Области, жителей въ немъ около 20 тысячъ. Поиски за „крамолой" не привели ни къ какимъ результатамъ, хотя и хватали отдѣльныхъ мѣщанъ. Обыскивали также многихъ.

Съ Кубани. Полтавско-Харковское броженіе перекинулось и къ намъ на Кубань. Здѣсь оно приняло не особено раціональныя формы. Дѣйствующими лицами и здѣсь явились тѣ же харьковцы, затѣмъ тамбовцы, пензенцы, куряне и т. п. косари, которые въ необыкновенно большомъ количествѣ плывутъ съ центральныхъ губерній на плодоносную и богатую Кубань. Раньше они находили еще себѣ кое-какой заработокъ въ обширныхъ хлѣбныхъ „экономіяхъ" мѣстныхъ землевладѣльцевъ — Мордовцева, Петрова, Игнатьева и друг. Но нашъ вѣкъ пара и электричества произвелъ переворотъ. Чикагская фирма Макъ-Клачей за послѣдніе годы, говорятъ, милліоновъ на 10 поставила сельскохозяйственныхъ машинъ на рынокъ Сѣвернаго Кавказа. Въ этомъ году образовался особый избытокъ косарей. Вмѣсто прежнихъ 3 руб, имъ стали платить теперь 70-80 коп. Естественно, что это косарямъ пришлось не по нраву и они прибѣгли къ помощи дубины, разбивали машины, били землевладѣльцевъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ машины были свалены въ Кубань и унесены теченіемъ въ Черноморье. Движеніе охватило цѣлый районъ станицъ въ 20. Рабочихъ, принимающихъ участіе въ немъ, насчитываютъ по всему району до 10,000. Мѣстами дѣйствія, преимущественно, являются станицы, лежащія по линіи желѣзнодорожной — отъ Тихорѣцкой до Екатеринодара и Майкопа. Движеніе носитъ чисто стихійный характеръ; недовольства накопилось касса, а гдѣ корни зла — неясно.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ
и
ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Петербургъ. Положеніе рабочихъ на Невской пригородной конно-желѣзной дорогѣ. (Изъ матеріаловъ „Рабочей Мысли").

Очень худо живется у насъ машинистамъ, такъ какъ штрафы ставятъ огромные и совсѣмъ ни за что: такъ, напримѣръ, сойдетъ съ рельсовъ вагонъ, оцарапаетъ паровозъ, собьетъ-ли извозчика гдѣ, ему штрафъ рублей 15 или 30. Были такіе случаи, что, кромѣ штрафа, поставленнаго правленіемъ, приходится платить по приговору мирового (по протоколу полиціи), такъ что съ одного вола дерутъ двѣ шкуры. Не лучше живется и кочегарамъ, которыхъ заставляютъ выполнять чужія работы, работать за молотобойца, печника и т. п. Проѣздивъ смѣну, кочегаръ ложится спать или собирается гулять, какъ вдругъ прибѣгаетъ сторожъ и говоритъ, что мастеръ зоветъ; кочегаръ идетъ къ мастеру и тотъ посылаетъ его куда-нибудь по своему дѣлу: въ городъ съѣздить, либо огородъ копать, или куръ кормить или пойти на рынокъ съ женой мастера и оттуда привезти покушки,— и все это въ то время, когда кочегаръ долженъ быть свободенъ. Живутъ кочегары въ казармѣ. Тамъ очень тѣсно, грязно и сыро.

Кондуктора должны подниматься въ половинѣ шестого утра, идти въ контору за билетами и во дворъ — смотрѣть нарядъ: на какой вагонъ и съ какимъ выпускомъ ѣхать. Выходятъ поѣзда въ 7 часовъ, идутъ черезъ каждые четверть часа и вотъ кондуктора съ половины шестого до 12-ти и 1 часу ночи находятся на линіи безъ горячей пиши, да и холодную некогда ѣсть, такъ какъ вагонъ только на карточной фабрикѣ стоитъ 10 или 15 минутъ. Штрафы тоже очень часты. Кондуктора по правиламъ должны быть свободны черезъ два дня въ третій, но на дѣлѣ ѣздить приходится 4-5 дней подрядъ, а потомъ день свободенъ. За этотъ каторжный трудъ они получаютъ 30-35-40 руб. въ мѣсяцъ.

Въ механической мастерской и въ кузницѣ приходится работать въ страшномъ дыму; вентиляціи никакой нѣтъ. Лѣстницы, которыя ставятъ для смазки приводовъ, не имѣютъ верхнихъ крючковъ и нижнихъ шпилекъ, какъ слѣдуетъ по правилу.—За увѣчья у насъ не платятъ; больницы нѣтъ, хотя работаетъ около 300 человѣкъ. Работаемъ съ 6 часовъ утра до 7 часовъ вечера съ тремя перерывами (2 раза по полчаса и разъ полтора часа).

Въ малярной мастерской работаютъ 5 мальчиковъ, съ которыми страшно грубо обращается мастеръ Нуждинъ, иногда бьетъ ихъ прутьями, ремнемъ и т. д.

Главный мастеръ Петровъ прославился своимъ скотскимъ обращеніемъ съ рабочими; беретъ взятки съ машинистовъ деньгами, кочегары-же, уѣзжая въ деревню, по возвращеніи привозятъ ему и телятины, и баранины, и поросятъ и т. п.

Время проснуться ужъ, братья! Время требовать себѣ человѣческихъ правъ!

Рабочій.

Рязанская губ. Углекопы. (Изъ матерьял. „Раб. Мысли").

Довольно яркую картину того, какъ живется нашему рабочему, можно найти въ положеніи рабочихъ въ горномъ промыслѣ. Вотъ какъ, напримѣръ, живутъ рабочіе на Побѣдинскомъ рудникѣ Рязанской губерніи. Начну съ благоустройства шахтъ. Спускаться въ нихъ (30-50-60 аршинъ) приходится безъ помощи машины, такъ какъ таковая предназначена только для подъема угля и начальства. Лѣстницы — вертикальныя, деревянныя: сверху, съ боковъ течетъ цѣлыми ручьями грязь — смѣсь воды съ углемъ. Неудивительно, если, сдѣлавъ это путешествіе, окажешься достаточно измоченнымъ. Вода въ шахтѣ, вода и въ штольняхъ. По дну ихъ прорыты канавы, мѣстами до трехъ четвертей аршина, онѣ всегда наполнены водой и никогда не прикрыты. Въ нихъ часто приходится принимать холодную ванну. Такъ какъ шахты не „газовыя", то работаютъ съ простыми лампочками, отъ которыхъ идетъ страшный чадъ и дымъ, что еще бѣлѣе чувствительно, потому что вентиляція вездѣ „естественная".

Часть рабочихъ живетъ въ окрестныхъ деревняхъ въ своихъ раззоренныхъ избахъ. (Работа на рудникѣ не только не улучшаетъ жизни крестьянъ, а, напротивъ, вытягиваетъ всѣ жилы). Другая часть живетъ въ казармахъ, при чемъ на 18 кв. аршинъ одноэтажнаго зданія приходится до 100 человѣкъ жильцовъ. Является вопросъ - гдѣ же собственно лучше этому рабочему — подъ землей или на землѣ? — Никакихъ развлеченій, ни одного просвѣтительнаго учрежденія, кромѣ близлежащей „казенки". Нѣтъ даже близко школы — она стоитъ верстахъ въ семи. Въ добавленіе ко всему этому заработная плата нищенская. Забойщики (аристократія рудничныхъ рабочихъ) получаютъ за 12-ти часовой рабочій день 80 коп. зимой и 1 руб. лѣтомъ. Колебаніе платы обусловлено уходомъ части рабочихъ на лѣто домой. Этимъ же объясняется и измѣненіе количества рабочихъ: лѣтомъ ихъ 800-900, а зимой до 1500.

Немудрено, если при такихъ условіяхъ человѣкъ даже съ ничтожными потребностями, наконецъ, теряетъ терпѣніе, протестуетъ, хотя вспышками безъ надежды на выигрышъ. Такая вспышка была въ декабрѣ 1901 года. Рабочимъ выдали въ день получки плату по уменьшенной расцѣнкѣ. Моментально вспыхнуло бурное негодованіе. Рабочіе разбили лавку, снабжавшую ихъ продуктами сомнительнаго качества, контору, попортили машины; работа стала. Былъ вызванъ исправникъ, человѣкъ до извѣстной степени порядочный и только благодаря ему, быть можетъ, обошлось безъ крови. Черезъ 3 дня работы возобновились. Результатъ вспышки — 12 человѣкъ арестованныхъ во время грабежа лавки вечеромъ, когда толпа уже успокоилась.

Одесса. Рабочее движеніе въ Одессѣ съ начала нынѣшняго года приняло яркій политическій характеръ. Не говоря уже о листкахъ Южн. Рев. Гр. Соціал. дем., и въ листкахъ Комитета выдвигаются на первый планъ политическія требованія. Оживленная дѣятельность революціонной жизни вызвала соотвѣтствующія репрессіи со стороны администраціи. 8-го февраля были повальные аресты и обыски (арестовали болѣе 300 ч.). О. К. и Ю. Р. Г. С. назначили демонстрацію на 19-е февраля. Однако, вслѣдствіе непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, демонстрація была отложена на 23-е февраля. Демонстрація произошла на Екатерининской площади, гдѣ рабочими были выкинуты 2 красныхъ знамени. Произошло избіеніе публики полиціей, за которымъ послѣдовало избіеніе арестованныхъ въ участкахъ.

Въ участкахъ были избиты лица, даже непричастныя къ демонстраціи. Била полиція, били и уголовные, которымъ предлагали за каждаго избитаго по 40 к. Послѣ 23-го продолжались все новые и новые аресты; тюрьма и участки переполнены. Особенно плохо жилось арестованнымъ въ участкахъ: тѣснота, грязь, вонь и впридачу грубое обращеніе и даже побои, вотъ что ждало ихъ тамъ. Въ тюрьмѣ живется не лучше: такъ, въ концѣ февраля жандармами избитъ былъ на прогулкѣ рабочій Бродскій. Политическіе протестовали, отказывались отъ дачи показаній и прогулокъ. Въ концѣ марта опять повторилось избіеніе, при чемъ начальникъ тюрьмы, отъ котораго потребовано было составленіе протокола и привлеченіе виновныхъ къ отвѣтственности, раскричался на жандарма: „Какъ ты смѣлъ бить безъ моего позволенія" — очевидно, съ его позволенія бить можно. Многимъ рабочимъ выдавалась такъ называемая уголовная пища, жидкій супъ съ кое гдѣ плавающими крупинками; благодаря настоятельнымъ требованіямъ политическихъ, стали въ послѣднее время выдавать всѣмъ улучшенную пищу, при чемъ требовали приплаты 90 к. въ мѣсяцъ.

Тотчасъ же послѣ демонстраціи 23-го фев. Ком. и Ю. Р. Г. выпущены были листки, въ которыхъ описывались всѣ событія 23-го февраля и сообщалось объ избіеніи демонстрантовъ въ участкахъ. 1-го мая распространены были майскіе листки „конференціи". Не смотря на то, что Комитетъ отказался отъ уличной демонстраціи на 1-е мая, Ю. Р. Гр. распространила воззваніе съ приглашеніемъ явиться 1-го мая къ 7-ми час. вечера на Бульваръ. Огромная толпа народа запрудила аллеи. 1-го мая всюду слышались разговоры о предстоящей демонстраціи. Администрація также приняла свои мѣры: во всѣхъ прилежащихъ домахъ спрятаны были дворники и ночные сторожа, готовые при первой тревогѣ броситься съ дубинами въ рукахъ на беззащитную толпу. Около 8 ч. вечера начали раздаваться мѣстами отдѣльные крики: „ долой самодержавіе!", но скучиться демонстрантамъ не удалось. Полиція свирѣпствовала, при малѣйшемъ подозрѣніи, по указанію шпіоновъ, хватали и тащили въ участокъ, гдѣ опять повторилось февральское побоище. Арестовано было около 40 человѣкъ.

Комитетомъ выпущенъ былъ листокъ о крестьянскихъ безпорядкахъ въ Харьковской и Полтавской губерніяхъ: вскорѣ послѣ этого возобновились аресты, арестовано человѣкъ 10. Появились, наконецъ, въ Одессѣ. Зубатовскіе „независимые", человѣкъ 20. Недавно въ столовой одинъ изъ „независимыхъ" началъ доказывать, что рабочіе должны бороться только за улучшеніе своего экономическаго положенія, что правительство сочувствуетъ экономической борьбѣ и поддерживаетъ рабочихъ, что соціальдемократы враги рабочихъ. Какой-то рабочій, по наивности очевидно, завелъ съ нимъ споръ и вмѣстѣ съ „независимымъ" былъ арестованъ въ тотъ же день и продолжаетъ сидѣть до сихъ поръ, тогда какъ „независимый" на другой же день былъ выпущенъ.

Новозыбковъ, Черниговск. губ. Разговоры о предстоящемъ майскомъ праздникѣ начались на здѣшней Волковской спичечной фабрикѣ уже давно. Въ маленькомъ городкѣ всевозможные толки о днѣ 1-го мая вышли изъ предѣловъ фабрики и распространялись во всѣхъ слояхъ общества. Сами хозяева и фабричная администрація струсили не на шутку: когда, напримѣръ, сторожъ обратился къ управляющему Трошину съ просьбой выдать дровъ для казармы, Трошинъ отвѣтилъ: „теперь намъ не дровъ; скоро настанетъ 1-ый май — рабочіе всю фабрику разнесутъ!"

Съ 26-го на 27-ое апрѣля рабочіе разбросали въ большомъ количествѣ майскія прокламаціи. Тотчасъ-же забѣгали жандармы и городовые, фабричный дворъ наводнился „блюстителями порядка". Рабочихъ вѣжливо уговаривали возвратить найденные листки, въ противномъ случаѣ грозили тюрьмой. Нѣкоторые рабочіе изъ крестьянъ) побоялись и возвратили, другіе выдавали

товарищей, не желавшихъ отдавать листки. Но все же много осталось прокламацій и среди рабочихъ; читались также стихотворенія: „майскій праздникъ“ и „восемь часовъ“. Начались допросы; рабочихъ таскали по нѣсколько разъ каждаго. Полиція вела себя какъ нельзя лучше: очень нашумѣла и заинтересовала и безъ того относящееся съ участіемъ къ мѣстному рабочему движенію общество. Несмотря на усиленный надзоръ, на допросы и всю тревогу, которую подняла полиція на фабрикѣ и въ городѣ, 30-го апрѣля во время работъ еще больше было разбросано прокламацій „Ко всѣмъ рабочимъ Россіи“, а также поздравленій съ майскимъ праздникомъ. Листки быстро хватались и прятались. Рабочіе говорятъ, что Трошинъ почернѣлъ отъ злости. П лиція была взбѣшена; насколько могла—она усилила движеніе эти имъ очень смѣшила всѣхъ въ городѣ.

Въ городѣ прикащики тоже разбросали по магазинамъ майскія прокламаціи. Еврейскіе ремесленники, такъ какъ на нихъ очень много подозрѣній и вся вина всегда падаетъ на ихъ голову, на этотъ разъ осторожно передавали прокламаціи другъ другу. Но все же на разныхъ постройкахъ, среди желѣзнодорожныхъ рабочихъ, повсюду въ городѣ появились майскіе листки — это волковскіе рабочіе подѣлились своимъ избыткомъ — сами разбрасывали.

Въ день 1-го мая городъ имѣлъ праздничный видъ: великолѣпный день; на улицахъ движеніе: нарядные городовые и жандармы группами расхаживаютъ по улицамъ; городовые — съ нагайками; конная полаціа тоже съ нагайками. У прохожихъ отбираютъ палки. О томъ, какъ общество ожидало этого дня, можно судить по слѣдующему факту: директоръ реальнаго училища созвалъ старшихъ учениковъ (сельскохозяйственниковъ) и сказалъ имъ рѣчь, въ которой выяснилъ, чего требуютъ рабочіе: онъ отнесся сочувственно (сердечное попеченіе!) къ рабочему вопросу, но выразилъ мнѣніе, что добиваться своихъ правъ рабочіе должны легальнымъ путемъ. Затѣмъ сказалъ, что сегодня рабочіе хотятъ учинить безпорядки и предупреждалъ своихъ учениковъ, чтобы они не ходили группами и особенно не заглядывали въ городской лѣсъ.

Цѣлый день ожидали отъ „демократовъ“ какихъ то необыкновенныхъ дѣйствій. Полиція очень взбѣсилась, когда узнала, что городскіе рабочіе (ремесленники) не пошли на работу. Весь день былъ проведенъ ею въ безполезныхъ поискахъ по полямъ; объѣздили всѣ лѣса, и къ вечеру, измученные и обозленные, ни въ чемъ не успѣвшіе „блюстители порядка“, выведенные изъ терпѣнія „демократами“, стали производить аресты и обыски. Между тѣмъ, на улицахъ (особенно на Мильонной и Чугуновской) было много публики ,все еще ожидавшей демонстраціи; молодежь даже слегка пѣла революціонныя пѣсни: слышашались упреки рабочимъ, не устроившимъ демонстраціи. Аресты происходили на глазахъ у публики. Все время полиція стерегла волковскихъ рабочихъ; группами нельзя было уходить съ фабрики.

Хотя майской забастовки не было, но 1-ое мая подняло настроеніе какъ ремесленныхъ, такъ и фабричныхъ рабочихъ.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Неудачная ссылка на нашу исторію.

(Письмо въ редакцію)

Въ передовой статьѣ №8 „Революц. Россіи“, озаглавленной „Крестьянское движеніе“, авторъ, опровергая циркулирующіе слухи, будто во время послѣднихъ крестьянскихъ волненій въ Полтавской и Харьковской губ. кѣмъ-то распространялся „манифестъ“ или „царская грамота“, говоритъ. между прочимъ, слѣдующее:

„Когда еще въ 70-хъ годахъ Стефановичемъ и Дейчемъ была произведена печальной памяти попытка взволновать чигиринскихъ крестьянъ подложной „золотой грамотой“, то она была встрѣчена всеобщимъ и рѣзкимъ осужденіемъ всего революціоннаго міра. Это заставило самихъ авторовъ попытки признать свою ошибку и горько раскаяться въ сдѣланномъ ложномъ шагѣ („Рев. Рос.“, стр. 2.)“.

Къ сожалѣнію, авторъ статьи не указываетъ, откуда онъ почерпнулъ свои свѣдѣнія объ отношеніи „всего революціоннаго міра“ къ Чигиринской попыткѣ, а также и о впечатлѣніи, которое на меня и Стефановича произвело „всеобщее и рѣзкое осужденіе“ этого дѣла. Я же нахожу эти утвержденія автора несоотвѣтствующими истинѣ, что и постараюсь доказать.

Если-бы наша попытка, какъ онъ заявляетъ, дѣйствительно „встрѣчена была всеобщимъ и рѣзкимъ осужденіемъ всего революціоннаго міра“, то, несомнѣнно, такое отношеніе должно было-бы, между прочимъ, отразиться въ революціонной печати того времени. Въ годы, послѣдовавшіе за Чигиринской попыткой, кромѣ разныхъ летучихъ листковъ и нѣсколькихъ брошюръ, какъ извѣстно, выходили газеты: „Община“, „Земля и Воля“, „Народная Воля“ и „Черный Передѣлъ“. Но ни въ одномъ изъ этихъ изданій не было ничего похожаго на „рѣзкое осужденіе“ Чигиринскаго дѣла, а въ, „Черномъ Передѣлѣ“ въ №№1 и 2, за подписью Стефановича, помѣщенъ былъ даже его разсказъ объ этой попыткѣ. Устно въ указанное время тоже рѣшительно ни отъ кого изъ дѣйствовавшихъ въ то время революціонеровъ ни мнѣ, да и никому изъ моихъ товарищей, не приходилось слышать не только „рѣзкое“, но какое-бы то ни было „осужденіе“ этой попытки. Единственнымъ противникомъ примѣненнаго въ Чигир. уѣздѣ пріема явился въ эмиграціи Драгомановъ на собраніяхъ, происходившихъ въ Женевѣ зимою 1878-9г.г. Но тогда же противъ него и въ защиту Чигир. дѣла выступило нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ и П. Крапоткинъ. Каково было отношеніе дѣйствовавшихъ въ Россіи революціонеровъ къ этой попыткѣ, отчасти можетъ, мнѣ кажется, показать свидѣтельство Степняка, который говоритъ, что „одно время Стефановичъ былъ едва-ли не самымъ популярнымъ человѣкомъ въ партіи“ („Подп. Рос.“, стр. 30, изд. Ф. в. р. пр.). Если бы наша попытка „встрѣчена была всеобщимъ и рѣзкимъ осужденіемъ всего революціоннаго міра“, какъ утверждаетъ авторъ статьи, то какимъ образомъ главный иниціаторъ ея могъ быть „едва-ли не самымъ популярнымъ человѣкомъ въ партіи“, по свидѣтельству столь компетентнаго человѣка, какъ Степнякъ? У послѣдняго же мы находимъ и вѣрное объясненіе популярности Стефановича: „это была — говоритъ Степнякъ —, первая и пока единственная попытка создать народную организацію на почвѣ не общихъ теорій, а мѣстныхъ стремленій, какими были въ Чигиринскомъ уѣздѣ борьба общинниковъ противъ индивидуалистовъ — душевиковъ (тамъ же).“

Столь же невѣрно утвержденіе автора статьи, будто „всеобщее и рѣзкое осужденіе“ заставило насъ „признать свою ошибку и горько раскаяться въ сдѣланномъ ложномъ шагѣ“. Положительно недоумѣваю, откуда авторъ заимствовалъ свои свѣдѣнія? Стефановичъ и я не только печатно, но и устно никогда и нигдѣ не „признавали своей ошибки“, а тѣмъ менѣе мы „раскаивались горько“ въ ней. Даже „въ сердцахъ нашихъ“ онъ не могъ этого прочитать, потому что, оставаясь „самобытными русскими соціалистами“, — какимъ отчасти является до сихъ поръ еще авторъ цитированной статьи, — мы и не могли раскаиваться въ этой попыткѣ. Только ставъ соціаль-демократомъ, я признаю теперь ошибочнымъ пріемъ, къ которому мы прибѣгли въ Чигиринскомъ дѣлѣ, какъ и вообще отвергаю всякія мистификаціи въ революціонномъ дѣлѣ; но даже и въ настоящее время я не могу „горько раскаиваться“ въ Чигиринской попыткѣ, такъ какъ въ то время мы иначе поступить не могли.

Изъ всего вышеизложеннаго, мнѣ кажется, вполнѣ очевидно, что указанныя утвержденія автора названной статьи — исключительно плодъ его воображенія и, какъ таковой, они ничего общаго не имѣютъ съ исторической истиной, въ интересахъ которой я только и взялся за перо.

Л. Дейчъ.

Отвѣтъ Петербургскаго Комитета Партіи на запросъ батумскихъ рабочихъ.

(Петербургскій Комитетъ прислалъ намъ для опубликованія нижеслѣдующій свой отвѣтъ на запросъ, сдѣланный ему батумскими рабочими.)

Два или три мѣсяца тому назадъ товарищи изъ Батума обратились къ С. П. Б. Комитету съ предложеніемъ обсудить и высказать въ печати свое мнѣніе по тремъ нижеуказаннымъ вопросамъ. Исполняя предложеніе товарищей, С. П. К. выражаетъ свое сожалѣніе по поводу запозданія отвѣта и питаетъ надежду, что Батумскіе товарищи повѣрятъ, что запозданіе произошло по причинамъ, не зависящимъ отъ воли Комитета

Вотъ эти вопросы: „отношеніе интеллигенціи къ рабочему движенію — т. е. должна ли интеллигенція во время уличныхъ демонстрацій, районныхъ, мѣстныхъ, заводскихъ и фабричныхъ безпорядковъ и прочихъ открытыхъ протестовъ, какъ противъ эксплуатаціи капиталистовъ, такъ и противъ произвола правительства, идти впереди рабочихъ, какъ болѣе сознательная и революціонно настроенная часть населенія, или же должна ограничиться мирной кружковой пропагандой, а воодушевленіе и руководство движеніемъ предоставить самимъ рабочимъ, 2) если, по установившемуся общему мнѣнію всѣхъ комитетовъ, группъ и организацій всей Россіи единственнымъ главнымъ средствомъ протеста противъ существующаго въ Россіи произвола есть демонстрація отчасти экономическаго, но, главное, политическаго направленія, но въ томъ и другомъ случаѣ съ требованіями, предъявляемыми непосредственно къ правительству, то какъ должны вести себя демонстранты во время натиска полиціи: т. е. должны ли они сопротивляться всѣми зависящими отъ нихъ мѣрами, или же должны при первомъ натискѣ разбѣгаться. Если они должны по силѣ возможности оказывать сопротивленіе, то какъ, какимъ образомъ и какимъ оружіемъ: не должны ли они въ открытой схваткѣ пустить въ дѣло обороны огнестрѣльное оружіе, ножи и кинжалы, или же довольствоваться камнями и палками. 3) Для большей послѣдовательности, для большей цѣлесообразности рабочаго движенія Батумцы выражаютъ желаніе учредить центральную Всероссійскую организацію, съ единымъ центральнымъ руководящимъ комитетомъ во главѣ. Если же къ созданію послѣдней не представляется возможности, то хотя на время устройство болѣе скораго и вѣрнаго способа сообщенія о всѣхъ намѣреніяхъ и событіяхъ различныхъ городовъ Россіи. — Отвѣчая на первый изъ поставленныхъ вопросовъ, С. П. Б. Комитетъ исходитъ изъ положенія, совершенно отвергающаго дѣленіе соціальдемократовъ на интеллигенцію и рабочихъ, такъ какъ соціаль-демократія, какъ политическая партія, объединяетъ всѣхъ борцовъ за торжество идеи рабочаго класса независимо отъ ихъ классового или сословнаго происхожденія. Наши учителя и основатели нашего „движенія“ интеллигенты Карлъ Марксъ и Фридрихъ Энгельсъ были, конечно, не менѣе истинными соціаль-демократами и вождями рабочихъ, чѣмъ рабочіе Августъ Бебель и Игнатій Ауэръ, а наши Степанъ Халтуринъ или Петръ Алексѣевъ — въ полномъ смыслѣ слова интеллигентами. Поэтому, для П. Б. Комитета вопросъ о томъ, кто. то есть интеллигенція или рабочіе, должны вести „мирную кружковую пропаганду“, а кто — взять на себя „воодушевленіе и руководство движеніемъ“ разрѣшается очень просто, а вѣрнѣе вовсе отпадаетъ. Какъ во всякомъ вообще движеніи, разъ оно совершается сознательно и планомѣрно, роль руководителей и вдохновителей выпадаетъ на долю наиболѣе сознательныхъ, наиболѣе интеллигентныхъ представителей движенія, такъ и во главѣ нашего движенія должны стоять, да фактически и стоятъ наиболѣе сознательные, наиболѣе развитые его элементы, а происходятъ ли они изъ среды рабочихъ или изъ другихъ классовъ и сословій — это безразлично. Что касается 2-го вопроса, т. е. вопроса о томъ, какъ должны реагировать демонстранты на нападеніе полиціи, то П. Б. Комитетъ считаетъ невозможнымъ дать на этотъ вопросъ категорическій общій отвѣтъ до второго очереднаго съѣзда партіи, когда будетъ приведено въ извѣстность настоящее положеніе дѣлъ въ различныхъ уголкахъ Россіи и когда Партія на основаніи этихъ данныхъ получитъ возможность выработатъ общія формы боевой тактики. Но не рекомендуя и не осуждая вооруженнаго сопротивленія на уличныхъ демонстраціяхъ, П. Б. Комитетъ полагаетъ, что нападеніе вооруженной полиціи на демонстрантовъ можетъ быть не только сдерживаемо, но и парализуемо не только вооруженіемъ демонстрантовъ, но также ихъ организованностью. Если каждой демонстраціи будетъ предшествовать энергичная агитація, выясняющая цѣль предстоящей демонстраціи, если на демонстрацію будетъ идти не полусознательная толпа, а люди, отчетливо сознающіе всю серьезность предстоящей задачи, то наврядъ ли мысль — бѣжать при первомъ полицейскомъ натискѣ будетъ быстро овладѣвать демонстрантами, и полиція — такъ скоро очищать улицы, какъ это, къ сожалѣнію, происходитъ такъ часто въ настоящее время. Убѣдительнымъ подтвержденіемъ этого служатъ, съ одной стороны, ежегодныя майскія демонстраціи, устраиваемыя нашими польскими и еврейскими товарищами, съ другой, недавняя демонстрація въ Гельсингфорсѣ, когда невооруженная, но хорошо организованная толпа обратила въ бѣгство вооруженную казачью сотню. Наконецъ, по поводу 3-го вопроса П. Б. Комитетъ считаетъ долгомъ сообщить Батумскимъ товарищамъ, что нужда въ объединеніи дѣятельности всѣхъ рабочихъ соціаль-демократическихъ организацій является для него столь же насущной и не терпящей отлагательства, какъ и для Батумскихъ товарищей. Въ настоящее время П. Б. Комитетъ какъ разъ занятъ выработкой условій и мѣръ для возможно скорѣйшаго осуществленія указаннаго объединенія, а также и для скорѣйшаго созыва партійнаго съѣзда, на которомъ онъ надѣется встрѣтиться съ представителями и Батумскихъ товарищей.

С. П. Б. Комитетъ Р. С. Д. Р. П.

На дняхъ вышелъ въ свѣтъ № 4 „Зари“.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦ. БОРЬБЫ.

Симферополь. Въ теченіе весны здѣсь взяты: Зборовская, мать 6-ти дѣтей (вып. черезъ 40 дн.), студ. Мироновъ, стат. Васильевъ, одинъ столяръ. По дѣлу прошлогодней демонстр. сосланы въ В. Сиб.: на 4 г. статист. Громанъ (былъ въ ссылкѣ въ Вятск. губ.) и на 3 г. рабочіе Воловичъ, Каймерсъ, Эншель и Шухеръ (просидѣли по 1 г. 2 м. въ тюрьмѣ). Сверхъ того, двое раб. подвергнуты тюр. закл. на 8 м. (въ Крестѣ) и 2—на 4 м. —Были обыски у стат. Браудо, Коломійцева, Краснова и др.

Самара. Въ сред. іюня арест. К. Бауэръ (только что вернувшійся изъ Сиб.) и К. Газенбумъ. Обыски у С. и Н, Кранихфельдъ.

Полтава. Въ здѣшн. тюрьму привезены г-жа Приходько и Савиновъ изъ---Смоленска и г-жа Харикъ, взята на границѣ въ Александровѣ съ литерат.

Въ мѣстной тюрьмѣ сидятъ 26 политическихъ, въ томъ числѣ крестьяне: Тютюнникъ, Наконечный, Буцкій, Коркичка, Стороженко.

Харьковъ. Въ началѣ іюля арестованы студ. Анненковъ и инж. Хотяевъ (выпущенъ). Въ іюнѣ взятъ Ѳоминъ служащій въ бюро горнопромышленниковъ (увезенъ въ Москву). У его двухъ сослуживцевъ были обыски.

На границѣ въ разное время взяты ѣхавшіе въ Россію Флегонтовъ (увезенъ въ Петроп. крѣп.) и Безруковъ.

Донская область.

Списокъ лицъ, содержащихся подъ стражей къ 15 мая 1902г. Ростовск. тюрьма: рабочіе: Гущинъ, Терещенко, Скоробогатый, Кононовъ, Кравцовъ, обвиняются въ принадлежности къ тайнымъ сообществамъ и въ присутствіи на рабочей сходкѣ подъ новый годъ въ Нахичевани. Лиманъ обвиняется въ распространеніи прокламацій. Стуканевъ, Малицкій въ подстрекательствѣ къ демонстраціи 18-го апрѣля. Васильченко въ участіи въ театральной демонстраціи 30-го марта, въ держаніи революціонныхъ стиховъ и участіи въ тайныхъ сообществахъ. Самохинъ въ участіи въ демонстраціи 18-го апрѣля, Богдановъ въ томъ же и несеніи знамени, Мальцевъ отбываетъ приговоръ 4 мѣсяца тюремнаго заключенія, интелл: Н. Шпакъ землемѣръ, Е. Шпакъ акуш.-фельдш. въ предоставленіи конспиративной квартиры и участіи въ тайныхъ сообществахъ. А. Самойловъ въ пропагандѣ и подстрекательствѣ къ демонстраціи 19-го февраля. Мих. Чайченко учитель больн. чах., Пол. Чайченко, участвовали и подстрекали къ демонстраціи 19-го февраля и присутствовали на рабочей сходкѣ подъ новый годъ. Г. Коваленко — учитель въ участіи въ демонстраціи 19 февраля. С. Итинъ по Харьковскому дѣлу Харченко по 250ст. Я. Житомірскій, репортеръ „Пріаз. Края“, по приговору отбываетъ 2-хъ мѣсячное тюремное заключеніе.

Таганрогская тюрьма: Фумели студ., Рафаиловъ студ. въ печатаніи прокламацій, Девинкъ, ученикъ лѣсникъ въ принадлежности къ тайному сообществу. Рабочіе: Давыдовъ, Солдатовъ и Жилинъ.

Новочеркасская тюрьма: М. Серебряковъ быв. студ. въ печатаніи прокламацій и принадлежности къ тайнымъ сообществамъ. Т. Шестопаловъ агрономъприговоръ 3 года Вятской губ. С. Кулагинъ, рабочій. И. Ставскій, рабочій. М. Венгеровъ, интелл. приговоръ 3 года Восточной Сибири.

Рабочій Александръ Иноземцевъ — провокаторъ-шантажистъ.

Петербургъ. Съ 2 на 3 мая взяты Окуневичъ, д-ръ Окнова, фельдшеръ Храмовъ, земск. уч. Лаврова, уч-ца Кузнецова, двѣ Корзухины, Карановъ. Сосланы въ Сибирь: инж-тех. Селиберъ, Андреевъ, Соринъ, Петровъ, Тразовъ, Татаровъ (послѣдній по дѣлу „Раб. Знамени“), Аронъ Сольцъ (по дѣлу Раб. Библ.) сосланъ на 4-ре г. В. Сиб.

Севастополь. Въ мѣстной тюрьмѣ сидитъ 13 матросовъ и рабочихъ.

Москва. 4-го апр. на вокзалѣ Ярославск. жел. д. взятъ врачъ Ф. Гурвичъ (нел.); въ концѣ апрѣля взяты: статистикъ Хинчукъ, (былъ въ Якутск об.), Лидія Канцель (нелег.), Наумова, фельдш.; Беззубовъ, рабочій; курсистки Екатерина Попова, Мел. Жидкова, Анас. Потоцкая, Дарья Лобанова, Пр. Флерова, Нейгебауэръ, Александровская, Богаева; фельдшерицы Екат. Жидкова, Августа Селюкъ; счетчицы Елиз. Попова, Люб. Нейфельдтъ, Анна Заславская, статистикъ Боголѣповъ, вернувшійся изъ Сибири Моисей Лурье (вып.), Александръ Савенковъ, Вагинъ, Кисъ (вып.), студ. медикъ Кожухаръ, акуш. Кутузова, Фортунатова (прив. изъ Петерб.), Козыревъ; съ фабрики Бонакеръ арестованы: корресп. Викторъ Вальтеръ, конторщ. Влад. Васильевъ: съ фабрики Матвѣева: конт. Петръ Алексѣевъ, фотографъ Тим. Морозовъ, фельдшеръ Пав. Карповъ.

Ярославль. 23-го апрѣля арестованы: статистики Дебюкъ, Гаваманъ, Локтинъ, Петровъ, Трегубовъ, Трефолевъ, Новицкая и др., конторщица М. Дидрикиль. студ. Клириковъ, Гладко, Петровскій; учительница Ольга Варенцова.

Рославль, Смоленск. губ. 5-го мая арестованы врачъ М. Ривкинъ и его жена, Р. Гинзбургъ, Пав. Турчаниновъ, 1-го мая — гимназистъ Меркинъ, а 19-го — его братъ.

Харьковъ. Въ маѣ въ здѣшней тюрьмѣ было 80 заключенныхъ, изъ нихъ 49 рабочихъ.

Николаевъ. Въ апрѣлѣ арестовано 47 лицъ: Калафати (интел,) Мирскій (рабочій), Марія Певзнеръ (акушерка), двѣ сестры Вонскія, Мошковичъ (провизоръ), Берлинъ (учитель), и другіе. При распространеніи „Летучаго листка“ мѣстнаго комитета взяты работница Екатерина Зубинская и одинъ рабочій.

Тверь. Въ ночь на 3-ье мая были обыски у бывшаго студ. Казанскаго, Александровскаго, бывш. курс. Рагозиной, статистика Букина, гимназистки Николаевской, рабочихъ Спиридонова, Соболева, Чеботарь, въ имѣніи Муравьевой. 30-го апрѣля случайно арестованъ рабочій Некрасовъ. Гласный твер. земства В. Н. Линдъ отданъ подъ гласный надзоръ на два года. 12.го апрѣля арестована г-жа Бушъ.

Александръ Ергинъ за убійство засѣдателя Калашникова (см. №2 Искры) присужденъ Якутскимъ судомъ къ 4-мъ годамъ арестантскихъ ротъ.

Иваново-Вознесенскъ. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ совмѣстно съ арестами въ сѣверномъ районѣ произведены аресты и здѣсь. Арестовано 90 рабочихъ, въ ихъ числѣ Н. Н. Панинъ, бывшій рабочій Путиловскаго завода, находившійся съ 1897 по 1900 г. въ Восточной Сибири. Всего по дѣлу „Сѣвернаго Союза“ арестовано 200 человѣкъ.

Арестованные по дѣлу „Сѣвернаго Союза“, сидящіе теперь въ Москвѣ, просятъ объявить статистика Владимірскаго земства Дубровскаго предателемъ.

Въ Вологдѣ арестованы: адвокатъ Ждановъ, служащая въ Статистическомъ Бюро Броновицкая, обоихъ увезли въ Москву.

Іюль. Въ Харковской тюрьмѣ и арестномъ домѣ голодовка, вызванная тѣмъ, что многіе сидятъ ½ года почти безъ допросовъ, безъ предъявленія обвиненій. Кромѣ того, грубое отношеніе администраціи къ заключеннымъ.

НЕКРОЛОГЪ.

Въ Цюрихѣ 9-го іюля лишила себя жизни Юлія Видершаль. членъ Соц.-демократической Партіи царства Польскаго и Литвы, Покойная родилась въ 1873 году и по окончаніи курса въ Цюрихскомъ Политехникумѣ поселилась въ 1899 г. въ г. Лодзи, гдѣ и работала въ мѣстной организаціи, которой оказала громадныя услуги. На могилу умершей возложено 4 вѣнка отъ польскихъ товарищей и одинъ — отъ группы „Искры“ въ Цюрихѣ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Аркадію безпаспортному. Корресп. получили, пойдетъ въ слѣдующ. №. Адреса пока не получены.

Отъ иностранца 50 руб., за майскіе листки 885 р., изъ Поволжья 50 р., отъ СПБ. Комитета за литературу 200 р., черезъ Галю 15 р., черезъ Пѣвуна 10 р., отъ родителей 50 р., отъ О. С. черезъ Дитца 40 р., отъ Г. С. Д. 100 марокъ.

Отъ Цюрихскмго кружка на спеціальную цѣль получено 71 фр.

Отъ комитета Сибирской Кассы для отправки Енисейскимъ ссыльнымъ 44 фр. и 6руб., отъ Юлія 18 фр. 50 с. на изданіе Туна; отъ В. В. Беатенбергъ 15 фр., изъ Цюриха за литературу 44 фр. 20 с., отъ Женевской группы 23 фр., съ реферата Плеханова 76 фр. 80 с., Изъ Лозанны за литературу 85 фр. 65 с.; изъ К (б. к.) 50 марокъ, отъ Б. на литературу 183 фр.; за литературу 89 фр.

Со всѣми требованіями на нашу литературу просимъ обращаться изъ заграницы по адресу: Herrn Axelrod, Zurich, Vogelsangstrasse 9.

ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“... Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 24 1 СЕНТЯБРЯ 1902 ГОДА. № 24

ПРОЕКТЪ НОВАГО ЗАКОНА О СТАЧКАХЪ.

Намъ доставленъ новый тайный документъ: записка министерства финансовъ „о пересмотрѣ статей закона, карающихъ забастовки и досрочныя расторженія договоровъ о наймѣ, и о желательности установленія организацій рабочихъ въ цѣляхъ самопомощи“. Въ виду обширности этой записки и необходимости ознакомленія съ ней возможно болѣе широкихъ слоевъ рабочаго класса, мы издаемъ ее особой брошюрой. Теперь же изложимъ вкратцѣ содержаніе этого интереснаго документа и укажемъ на его значеніе.

Записка начинается краткимъ очеркомъ исторіи нашего фабричнаго законодательства, указаніемъ на законы 3 іюня 1886г., 2 го іюня 1897г. и переходитъ затѣмъ къ вопросу объ отмѣнѣ уголовнаго наказанія за уходъ съ работы и за стачки. М-ство фин. полагаетъ, что угроза арестомъ или тюрьмой за самовольный уходъ съ работы одного рабочаго или за прекращеніе работы по уговору многихъ рабочихъ не достигаетъ своей цѣли. Сохраненіе общественнаго порядка этимъ не обезпечивается, какъ показалъ опытъ; рабочихъ эта угроза только озлобляетъ, убѣждая ихъ въ несправедливости закона. Примѣнять эти законы очень трудно „въ виду крайней обременительности возбужденія сотни и иногда тысячи дѣлъ“ за уходъ каждаго рабочаго, а также и въ виду того, что фабриканту невыгодно остаться безъ рабочихъ, если ихъ засадятъ за стачку. Признаніе стачки преступленіемъ вызываетъ чрезмѣрно усердное вмѣшательство полиціи приносящее больше вреда, чѣмъ пользы, больше затрудненій и хлопотъ фабрикантамъ, чѣмъ облегченія. Записка предлагаетъ совершенно отмѣнить всякія наказанія за самовольный уходъ отдѣльнаго рабочаго съ фабрики и за мирную стачку (не сопровождаемую ни насиліемъ, ни нарушеніемъ общественнаго порядка и т. п.). Наказанія должны быть установлены, по образцу иностранныхъ законовъ, только „за насилія, угрозы или обезславленія(!), совершенныя кѣмъ-либо изъ работодателей или рабочихъ по отношенію къ личности или имуществу другого и имѣющія цѣлью, вопреки свободнымъ и законнымъ намѣреніямъ послѣдняго принудить его или помѣшать ему“ — вести работу на тѣхъ или иныхъ условіяхъ. Другими словами, вмѣсто уголовнаго наказанія за стачки предполагается уголовное наказаніе за помѣху „желающимъ работать“.

Что касается до обществъ самопомощи, то м-ство фин. жалуется на административный произволъ въ этомъ дѣлѣ (особенно проявившійся, де, въ Москвѣ, гдѣ общество механическихъ рабочихъ заявило даже претензію на „посредническую роль“ между рабочими и администраціей) и требуетъ проведенія въ законодательномъ порядкѣ нормальнаго устава такихъ обществъ и облегченія устройства ихъ.

Такимъ образомъ, общій характеръ новой записки м-ства фин., несомнѣнно, либеральный, и центральнымъ пунктомъ является предложеніе отмѣнить уголовное наказаніе за стачки. Мы не станемъ здѣсь подробно разбирать содержаніе всего „законопроэкта“ (это удобнѣе будетъ сдѣлать послѣ напечатанія всей записки цѣликомъ). а обратимъ вниманіе читателя на характеръ и значеніе этого либерализма. Предложеніе предоставить рабочимъ нѣкоторую свободу стачекъ и свободу организацій — не новость не только въ нашей либеральной публицистикѣ, но и въ предначертаніяхъ оффиціальныхъ, правительственныхъ коммиссій. Въ началѣ 60-хъ годовъ коммиссія Штакельберга, пересматривавшая уставы фабричный и ремесленный, предлагала учредить промышленные суды изъ выборныхъ отъ рабочихъ и хозяевъ и дать рабочимъ извѣстную свободу организацій. Въ 80-хъ годахъ коммиссія по составленію проекта новаго уголовнаго уложенія предполагала отмѣнить уголовныя наказанія за стачки. Но теперешній проектъ м-ства фин. существенно отличается отъ предъидущихъ, и это отличіе останется крайне важнымъ знаменіемъ времени даже и въ томъ случаѣ, если предложенія новаго проекта такъже останутся подъ сукномъ, какъ и всѣ прежнія. Существенное отличіе состоитъ въ томъ, что новый проектъ характеризуется несравненно большей „почвенностью“: вы чувствуете въ немъ не только голосъ немногихъ теоретическихъ передовиковъ и идеологовъ буржуазіи, а голосъ пѣлаго слоя промышленниковъ-практиковъ. Это уже не либерализмъ однихъ только „гуманныхъ“ чиновниковъ и профессоровъ, это доморощенный, отечественный либерализмъ московскихъ купцовъ и промышленниковъ. Этотъ фактъ, скажу откровенно, наполняетъ мое сердце высокой патріотической гордостью: алтынный либерализмъ купца значитъ много больше, чѣмъ пятиалтынный либерализмъ чиновника. И самыми интересными въ запискѣ являются не тошнотворныя разсужденія о свободѣ договора и о пользѣ государства, а тѣ практическія соображенія фабрикантовъ, которыя прорываются сквозь традиціонно-юридическую аргументацію.

Не въ терпежъ! Надоѣло! Не суйся! — вотъ что говоритъ русскій фабрикантъ русской полиціи устами автора министерской записки. Послушайте-ка, въ самомъ дѣлѣ, слѣдующія разсужденія:

„По взглядамъ полицейскихъ органовъ, находящимъ себѣ поддержку въ неопредѣленности и сбивчивости дѣйствующаго закона, всякая забастовка разсматривается не какъ естественное экономическое явленіе, но непремѣнно какъ нарушеніе общественнаго порядка и спокойствія. Между тѣмъ, еслибы существовало болѣе спокойное отношеніе къ фактамъ прекращенія работы на фабрикахъ и заводахъ, и забастовки не отождествлялись бы съ нарушеніемъ общественнаго порядка, то было бы гораздо легче выяснить истинныя причины таковыхъ, отдѣлять законные и справедливые поводы отъ незаконныхъ и неосновательныхъ и принимать соотвѣтствующія мѣры къ миролюбивому соглашенію сторонъ. При подобномъ, болѣе нормальномъ порядкѣ мѣры пресѣченія и подавленія принимались бы лишь тогда, когда были бы на лицо факты, удостовѣряющіе наличность безпорядка“. Полиція не разбираетъ причинъ стачки, а заботится только о прекращеніи ея, пуская въ ходъ одинъ изъ двухъ пріемовъ: либо заставляя рабочихъ (арестами, высылками и др. мѣрами „до употребленія военной силы включительно“) взяться за работу, либо побуждая хозяевъ къ уступкамъ. „Нельзя сказать, чтобы хотя одинъ изъ этихъ пріемовъ былъ удобенъ“ для гг. фабрикантовъ: первый „поселяетъ озлобленіе въ средѣ рабочихъ“, второй „укрѣпляетъ у рабочихъ крайне вредное убѣжденіе въ томъ, что забастовка есть вѣрнѣйшее средство добиться исполненія своихъ пожеланій во всякомъ случаѣ“. „Исторія забастовокъ, происходившихъ въ теченіе послѣднаго 10-тилѣтія, даетъ много примѣровъ того вреда, который является результатомъ стремленія быстраго подавленія возникающихъ осложненій какой бы то ни было цѣною. Поспѣшно произведенные аресты вызывали иногда такое озлобленіе среди совершенно спокойныхъ до сего рабочихъ, что приходилось пускать въ дѣло казаковъ, послѣ чего, конечно, не могло быть и рѣчи объ удовлетвореніи даже законныхъ требованій забастовавшихъ. Съ другой стороны, случаи быстраго удовлетворенія незаконныхъ требованій рабочихъ посредствомъ воздѣйствія на фабрикантовъ вызывали непремѣнно аналогичныя же стачки въ другихъ промышленныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ приходилось уже примѣнять не систему уступокъ, а военную силу, что бываетъ для рабочихъ совершенно непонятнымъ и поселяетъ увѣренность въ несправедливомъ къ нимъ отношеніи и произволѣ властей“... Чтобы полиція когда-нибудь удовлетворяла даже незаконныя требованія рабочихъ посредствомъ воздѣйствія на фабрикантовъ, это, конечно, увлеченіе г.г. капиталистовъ, которые хотятъ сказать, что иногда они сами, поторговавшись со стачечниками, дали бы имъ меньше, чѣмъ приходится дать подъ давленіемъ грознаго призрака „нарушенія государственнаго порядка и спокойствія“. Записка подпускаетъ шпильку м-ству внутр. дѣлъ, которое въ циркулярѣ отъ 12 авг. 1897г., „изданномъ безъ соглашенія съ м-вомъ фин.“(вотъ гдѣ собака-то зарыта!) предписываетъ и аресты и высылки при каждой стачкѣ и направленіе дѣлъ о стачкахъ въ порядкѣ охраны. „Высшія административныя власти — продолжаетъ записка излагать жалобы фабрикантовъ — идутъ еще дальше (закона) и придаютъ всѣмъ (курсивъ ориг.) случаямъ стачекъ прямо государственное значеніе... Между тѣмъ, въ сущности, всякая забастовка (конечно, если она не сопровождается насиліями) есть явленіе чисто экономическое, вполнѣ естественное и отнюдь не угрожающее общественному порядку и спокойствію. Охрана послѣдняго въ этихъ случаяхъ должна бы выражаться въ формахъ, подобно практикуемымъ во время народныхъ гуляній, торжествъ зрѣлищъ, и т. п. случаевъ.“

Это — языкъ настоящихъ либераловъ-манчестерцевъ, объявляющихъ борьбу капитала и труда чисто естественнымъ явленіемъ, приравнивающихъ съ замѣчательной откровенностью „торговлю товарами“ и „торговлю трудомъ“(въ другомъ мѣстѣ записки), требующихъ невмѣшательства государства, отводящихъ этому государству роль ночного (и дневного) сторожа. И, что особенно важно, встать на эту либеральную точку зрѣнія заставилъ русскихъ фабрикантовъ не кто иной, какъ наши рабочіе. Рабочее движеніе такъ широко разрослось, что стачки дѣйствительно стали „естественнымъ экономическимъ явленіемъ“. Борьба рабочихъ приняла такія упорныя формы, что вмѣшательство полицейскаго государства, запрешающее всякое проявленіе этой борьбы, дѣйствительно стало оказываться вреднымъ не только для рабочихъ (имъ-то оно никогда кромѣ вреда ничего не приносило), но и для самихъ фабрикантовъ, въ пользу которыхъ это вмѣшательство дѣлалось. Рабочіе сдѣлали полицейскія запрещенія фактически безсильными, — но полиція продолжала (и не могла въ самодержавномъ государствѣ не продолжать) вмѣшиваться и, чувствуя свое безсиліе, металась изъ стороны въ сторону: то военная сила, то уступки, то звѣрская расправа, то заигрыванье. Чѣмъ меньше значенія получало полицейское вмѣшательство, тѣмъ острѣе чувствовался фабрикантами произволъ полиціи, тѣмъ болѣе склонялись они къ убѣжденію, что имъ не разсчетъ поддерживать этотъ произволъ. Конфликтъ между извѣстной частью крупныхъ промышленниковъ и полицейскомъ всевластіемъ все обострялся и принялъ особенно рѣзкія формы въ Москвѣ, гдѣ система заигрыванья съ рабочими расцвѣла особенно пышно. Записка прямо жалуется на московскую администрацію, затѣявшую опасную игру съ собесѣдованіями рабочихъ и обществомъ взаимопомощи рабочихъ въ механическомъ производствѣ. Чтобы приманить рабочихъ, пришлось дать совѣту этого общества извѣстное право посредничества, — и фабриканты сейчасъ же встали на дыбы. „Сначала сей совѣтъ — пишетъ подъ ихъ диктовку записка — обращался къ чинамъ фабричной инспекціи, но засимъ, видя, что послѣдніе не признаютъ его компетенціи въ принятой на себя самовольно посреднической роли, онъ сталъ обращаться къ оберполицмейстеру, который не только принимаетъ получаемыя заявленія, но даетъ имъ законный ходъ, чѣмъ санкціонируетъ присвоенныя себѣ совѣтомъ права“. Фабриканты протестуютъ противъ частныхъ административныхъ распоряженій и требуютъ законодательнаго установленія новаго порядка.

Правда, либерализмъ фабрикантовъ не. выходитъ пока изъ очень узкихъ профессіональныхъ рамокъ. ихъ враждебность къ полицейскому произволу ограничивается отдѣльными проявленіями невыгодныхъ для нихъ крайностей, не направлялась противъ коренныхъ основъ бюрократическаго самовластья. Но о ростѣ этой враждебности, о расширеніи поводовъ для нея, о ея углубленіи позаботится экономическое развитіе Россіи и всего міра, обостряя кеассовые антагонизмы капиталистическихъ странъ. Сила пролетаріата въ томъ и состоитъ, что его численность и сплоченность увеличивается въ силу самаго процесса экономическаго развитія, тогда какъ среди крупной и мелкой буржуазіи все усиливается разрозненность и раздробленность интересовъ. Чтобы учесть это „естественное“ преимущество пролетаріата, соціальдемократія должна внимательно слѣдить за всѣми столкновеніями интересовъ среди господствующихъ классовъ, пользуясь этими столкновеніями не только въ цѣляхъ извлеченія практической выгоды въ пользу тѣхъ или иныхъ слоевъ рабочаго класса, но и въ цѣляхъ просвѣщенія всего рабочаго класса, въ цѣляхъ извлеченія полезнаго урока изъ каждаго новаго соціально-политическаго эпизода.

Практическая выгода для рабочихъ отъ предлагаемаго либеральными фабрикантами измѣненія закона слишкомъ очевидна, чтобы на ней стоило долго останавливаться. Это несомнѣнная уступка растущей силѣ, оставленіе непріятелемъ одной изъ его позицій, которая уже фактически почти отвоевана революціоннымъ пролетаріатомъ и защищать которую дальше не хотятъ наиболѣе дальновидные вожди вражеской арміи. Невелика эта уступочка, что и говорить: во 1-хъ, смѣшно и думать о возможности настоящей свободы, свободы стачекъ при отсутствіи политической свободы. Право арестовъ и высылокъ безъ суда остается у полиціи и останется у нея до тѣхъ поръ, пока существуетъ самодержавіе. А сохраненіе этого права означаетъ сохраненіе девяти десятыхъ всей той полицейской склоки, тѣхъ безобразій и того произвола, который начинаетъ претить даже и фабрикантамъ. Во вторыхъ, и въ узкой области собственно промышленнаго законодательства минитерство финансовъ дѣлаетъ очень робкій шагъ впередъ, подражая тому нѣмецкому законопроекту, который нѣмецкіе рабочіе прозвали „каторжнымъ“ законопроектомъ, оставляя особыя наказанія „за насилія, угрозы и обезславленія“, стоящія въ связи съ договоромъ о наймѣ, какъ будто бы не существовало общихъ уголовныхъ законовъ, карающихъ эти проступки! Но и маленькой уступкой русскіе рабочіе сумѣютъ воспользоваться для укрѣпленія своей позиціи, для усиленія и расширенія своей великой борьбы за освобожденіе трудящагося человѣчества отъ наемнаго рабства.

Что касается до полезнаго урока, которому насъ учитъ новая записка, то мы должны замѣтить прежде всего, что протестъ фабрикантовъ противъ средневѣковаго закона о стачкахъ показываетъ намъ на маленькомъ частномъ примѣрѣ общее несоотвѣтствіе интересовъ развивающейся буржуазіи и отживающаго абсолютизма. Объ этомъ слѣдовало бы поразмыслить тѣмъ людямъ, которые (подобно соц.-рев.) до сихъ поръ боязливо закрываютъ глаза на элементы буржуазной оппозиціи въ Россіи и твердятъ по-старинкѣ, что „интересы“ (вообще!) русской буржуазіи удовлетворены. Оказывается, что полицейское самовластіе приходитъ въ столкновеніе то съ тѣми, то съ другими интересами даже такихъ слоевъ буржуазіи, которыхъ всего непосредственнѣе охраняетъ царская полиція, которымъ непосредственно грозитъ матеріальнымъ ущербомъ всякое ослабленіе узды, надѣтой на пролетаріатъ.

Оказывается, что дѣйствительно революціонное движеніе дезорганизуетъ правительство не только прямо тѣмъ, что просвѣщаетъ, возбуждаетъ и сплачиваетъ эксплуатируемыя массы, но и косвенно тѣмъ, что отнимаетъ почву у обветшалыхъ законовъ, отнимаетъ вѣру въ самовластье даже у его кровныхъ, казалось бы, присныхъ, учащаетъ „домашнія ссоры“ между этими присными, замѣняетъ твердость и единство въ лагерѣ враговъ раздорами и шатаніями. Но чтобы достигать такихъ результатовъ, нужно одно условіе, котораго никогда не могли усвоить наши соц.-революціонеры: для этого необходимо, чтобы движеніе было дѣйствительно революціоннымъ т. е. поднимало къ новой жизни все болѣе и болѣе широкіе слои дѣйствительно революціоннаго класса, преобразовывало бы фактически духовно-политическій обликъ этого класса, а черезъ его посредство и всѣхъ тѣхъ, кто съ нимъ соприкасается. Усвоивъ эту истину, с.-р. поняли бы, какой практическій вредъ приноситъ ихъ безъидейность и безпринципность въ коренныхъ вопросахъ соціализма, поняли бы, что не правительственныя, а революціонныя силы дезорганизуютъ люди проповѣдующіе, что противъ толпы у самодержавія есть солдаты, противъ организацій—полиція, а вотъ отдѣльные террористы, смѣщающіе министровъ и губернаторовъ, по истинѣ неуловимы.

Есть и еще одинъ полезный урокъ въ новомъ „шагѣ“ фабрикантскаго вѣдомства. Этотъ урокъ состоитъ въ томъ, что надо умѣть пользоваться всякимъ хотя бы даже и алтыннымъ либерализмомъ на дѣлѣ, и надо въ тоже время „въ оба смотрѣть“, чтобы этотъ либерализмъ не развращалъ народныхъ массъ своей лживой постановкой вопросовъ. Примѣръ,—г. Струве, разговоръ съ которымъ мы бы озаглавили:—„какъ либералы хотятъ учить рабочихъ и какъ рабочіе должны учить либераловъ“, Начавъ печатаніе разобранной нами записки въ № 4 „Освобожденія“, г. Струве говоритъ тамъ, между прочимъ, что новый проектъ есть выраженіе „государственнаго смысла“, каковому смыслу врядъ-ли де пробиться черезъ стѣну произвола и безсмыслія. Не такъ это, г. Струве. Не „государственный смыслъ“ выдвинулъ проектъ новаго закона о стачкахъ, а выдвинули его фабриканты. Не потому появился этотъ проектъ, что государство „признало“ основныя начала гражданскаго права (буржуазную „свободу и равенство“ хозяевъ и рабочихъ), а потому, что отмѣна наказанія за стачки стала выгодной для фабрикантовъ. Юридическія формулировки и вполнѣ доказательныя мотивировки, которыя даетъ теперь „само“ (Осв. № 4, стр. 50) министерство финансовъ, имѣлись на лицо давнымъ давно и въ русской литературѣ и даже въ трудахъ правительственныхъ коммисій,—но все это оставалось подъ спудомъ, пока не заговорили хозяева промышленности, которымъ рабочіе практически демонстрировали нелѣпость старыхъ законовъ. Мы подчеркиваемъ это рѣшающее значеніе фабрикантскихъ выгодъ и фабрикантской заинтересованности не потому, чтобы это ослабляло, на нашъ взглядъ, значеніе предначертаній правительства, — напротивъ, мы уже сказали, что видимъ въ этомъ усиленіе ихъ значенія. Но пролетаріату въ его борьбѣ противъ всего современнаго строя надо прежде всего научиться смотрѣть на вещи прямо и трезво, вскрывать настоящія побудительныя причины „высокихъ государственныхъ дѣяній“ и неуклонно разоблачать тѣ лживыя напыщенныя фразы о „государственномъ смыслѣ“ и т. п., которыя ловкими полицейскими чинами выдвигаются по разсчету, а учеными либералами—по близорукости.

Далѣе г. Струве совѣтуетъ рабочимъ быть „сдержанными“ въ агитаціи за отмѣну наказаній за стачки. „Чѣмъ сдержаннѣе будетъ она (эта агитація) по формамъ, — проповѣдуетъ г. Струве,—тѣмъ больше будетъ ея значеніе“. Рабочій долженъ хорошенько отблагодарить бывшаго соціалиста за такіе совѣты. Эта традиціонная молчалинская мудрость либераловъ---проповѣдывать сдержанность именно тогда, когда правительство едва начало колебаться (по какому нибудь частному вопросу). Надо быть сдержаннѣе, чтобы не помѣшать провести начатую реформу, чтобы не запугать, чтобы использовать благопріятный моментъ, когда первый шагъ уже сдѣланъ (записка составлена!) и когда признаніе какимъ-либо вѣдомствомъ необходимости реформъ даетъ „неопровержимое (?) и для самаго правительства и для общества (!) доказательство справедливости и своевременности“ (?) этихъ реформъ. Такъ разсуждаетъ г. Струве о разбираемомъ нами проектѣ, такъ разсуждали всегда россійскіе либералы. Не такъ разсуждаетъ соціальдемократія. Смотрите, скажетъ она,---даже изъ самихъ фабрикантовъ кое-кто началъ понимать уже, что европейскія формы классовой борьбы лучше азіатскаго произвола полиціи. Даже самихъ фабрикантовъ мы заставили своей упорной борьбой усомниться въ всесиліи самодержавныхъ опричниковъ. Смѣлѣе же впередъ! Распространяйте шире пріятную вѣсть о неувѣренности въ рядахъ врага, пользуйтесь всякимъ малѣйшимъ колебаніемъ его не для молчалинскаго „сдерживанія“ своихъ требованій, а для усиленія ихъ. За счетъ того долга, который лежитъ на правительствѣ передъ народомъ, вамъ хотятъ отдать копѣйку изъ ста рублей. Пользуйтесь полученіемъ этой копѣйки, чтобы громче и громче требовать всей суммы долга. чтобы окончательно дискредитироватъ правительство, чтобы готовить наши силы для нанесенія ему рѣшительнаго удара.

ЕЩЕ НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ДЕБЮТИРУЮЩИХЪ ЛИБЕРАЛАХЪ.

Первое слово политическаго дебютанта интересно всегда. Первое слово либерала, слагающаго партію, интересно вдвойнѣ. Значитъ, разложеніе политическаго строя Россіи пошло далеко, если молчальникъ-либералъ прервалъ свое обычное молчаніе.

Мы живемъ въ дни великой борьбы, растущей и обостряющейся. Въ нѣдрахъ старой Россіи шевелится Россія новая. Ей тѣсно въ этихъ нѣдрахъ; ей нуженъ просторъ. Обѣимъ невмѣстно имъ жить. Старое напрягаетъ всѣ силы, чтобы раздавить это новое. Новое сбирается въ бой, клича кличъ: кто за насъ? Помогите! Врагъ силенъ, а задача громадна. Время не терпитъ. Каждый человѣкъ на счету. Нельзя молчать. Преступно быть зрителемъ. Жизнь—не циркъ, и борцы за свободу—не гладіаторы. Имъ нужна реальная помощь, не дешевое „браво“ глазѣющей публики....

И призывъ къ свободѣ услышанъ. Вѣрнѣе—онъ самъ лишь отзвукъ той бури, что скопилась въ народной груди. Россія трудящаяся, Россія обремененная, Россія всѣхъ малыхъ людей и большого страданія—бродитъ и „ставитъ своего человѣка“.

И въ это самое время раздается голосъ, именемъ либераловъ говорящій: вашъ кличъ—пустое доктринерство, призывъ въ ла-

герь борьы—напрасная претензія. Предоставьте „мирные элементы“ ихъ культурной дѣятельности, которая есть также... „борьба“. Зачѣмъ навязывать „умѣреннымъ“ непріемлемыя средства и настроенія?

„Дѣйствовать такъ значило бы—въ угоду своимъ излюбленнымъ идеямъ или въ поблажку своему темпераменту — съужать великое освободительное движеніе, ясныя и простыя цѣли котораго должны быть доступны возможно большему числу лицъ“.*)

И безъ васъ, г. Струве, борцы за свободу знаютъ, что можно требовать отъ русскаго обывателя, и чего нельзя. Путь борьбы — путь тернистый. Не всякому дано быть борцомъ. Но тому, кто провозглашаетъ себя участникомъ „національнаго освобожденія“, не пристало играть словами. Нельзя, толкуя объ „общемъ дѣлѣ“ „революціонеровъ и умѣренныхъ“, призывая къ „единой борьбѣ“, козырять—культурной работой!

Шутки прочь! Положеніе обязываетъ! Отъ человѣка, появляющагося на аренѣ политической борьбы, мы хотимъ доподлинно знать, какъ онъ думаетъ бороться. Борьба вѣдь уже кипитъ, и жертвы приносятся. Вы участвуете въ дѣлѣ „національнаго освобожденія“, вы кидаете вмѣстѣ съ революціонерами „соединенный вызовъ“ русскому правительству? Хорошо.Каково же ваше отношеніе къ другимъ участникамъ, въ чемъ же выражается ваше сотрудничество съ борцами революціи? Г. Струве дипломатично молчитъ. За него договариваютъ его присные. Мы, земцы,---говорятъ они---не можемъ „оставаться въ нашемъ выжидательномъ положеніи“. Намъ угрожаетъ, съ одной стороны, „близорукая и неумѣлая бюрократія“, съ другой---въ числѣ прочихъ бѣдъ---„общая почва классовыхъ и эгоистическихъ интересовъ“, „революціонная пропаганда“. „Убѣжденные сторонники порядка и законности“. „противники насилія, откуда бы оно ни исходило, сверху или снизу“, мы стремимся создать такую „платформу“. „на которой могли бы сойтись и войти въ соглашеніе разнообразные кружки и группы, изъ которыхъ подъ двойнымъ вліяніемъ правительственной реакціи и революціонной борьбы, имѣетъ шансы сложиться русская конституціонная партія“.

Другими словами: мы, пропагандисты „единой борьбы“ и „соединеннаго вызова“,—„въ угоду своимъ излюбленнымъ идеямъ“ (какъ идея „законности“), „въ поблажку своему темпераменту“ (трусости) и „эгоистическимъ интересамъ“ (имущихъ классовъ)—съужаемъ „великое освободительное движеніе“ до того, что скидываемъ со счета политическихъ комбинацій и возможныхъ „соглашеній“ всѣхъ тѣхъ, кто до сихъ поръ-- такъ или иначе—но представлялъ собою это движеніе. Революціонная борьба и правительственная реакція, демонстрирующая толпа и насильникъ съ нагайкой въ рукѣ---явленія для насъ одинаково стороннія и чуждыя. Мы не идемъ на штурмъ, мы занимаемъ наблюдательные посты, мы ловимъ моментъ, когда растерянный взоръ непріятеля, смущеннаго бурей революціи, остановится на насъ съ---ожиданіемъ. Мы уже теперь парламентерствуемъ---въ званіи выразителей „единогласнаго общественнаго мнѣнія“, мы предупредительно даемъ совѣты врагу, предостерегая отъ „рискованной игры“ „за счетъ верховной власти“.

Такъ дебютируемъ мы—„земская политическая партія“!

„Подъ двойнымъ вліяніемъ правительственной реакціи и революціонной борьбы“ появляется на свѣтъ---новѣйшее „пѣнкоснимательство“

Измѣна и лицемѣріе стоятъ у его колыбели.

Либералу-демократу не слѣдъ идти по стопамъ новой партіи.

Свобода не продается на базарѣ политическихъ сдѣлокъ. Ее надо отвоевать, заслужить борьбою.

Трудное дѣло—борьба, борьба революціонная. Но формы ея настолько многообразны, содержаніе настолько всеобъемлюще, необходимость настолько очевидна, что самый „умѣренный“ демократъ найдетъ себѣ мѣсто въ ней. Онъ съумѣетъ подавить свои антипатіи и принести хоть частицу своей „умѣренности“ въ жертву великой цѣли.

Русская соціальдемократія ждетъ. Она въ правѣ требовать поддержки въ борьбѣ, „гдѣ дѣло идетъ о достойномъ существованіи личности и націи“.

*) Эта и всѣ послѣдующ. цитаты взяты изъ разн. мѣстъ №№ 1 2 „Осв.“

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

„Волчья пасть и лисій хвостъ.“

Намъ пишутъ изъ Петербурга, отъ 4-го августа: я писалъ уже вамъ о „высочайшемъ нагоняѣ“ земскимъ дѣятелямъ, какъ называютъ они выговоръ Николая II за участіе въ нелегальномъ земскомъ съѣздѣ.—Со словъ лица, близко стоящаго къ министерскимъ сферамъ и съ любезнаго его разрѣшенія спѣшу подѣлиться съ вами нѣкоторыми подробностями объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ этотъ выговоръ.

Удостоиться полученія „высочайшаго нагоняя“ имѣли счастье далеко не всѣ земскіе дѣятели, принимавшіе участіе въ съѣздѣ. Получили его только тѣ, которые значились въ доставленномъ г. Плеве спискѣ присутствовавшихъ на одномъ изъ засѣданій съѣзда. Въ этомъ спискѣ, однако, фигурировали фамиліи такихъ извѣстныхъ земскихъ дѣятелей, какъ г. Шиповъ, предсѣдатель Московской Губ. Земской Управы и г. Стаховичъ, Орловскій губернскій предводитель дворянства. И вотъ г. фонъ-Плеве нашелъ, что для обузданія такихъ лицъ „высочайшаго нагоняя“ будетъ, пожалуй, недостаточно. Правда, въ бумагахъ г. министра, въ которыхъ изложено было императорское неудовольствіе на крамольниковъ-земцевъ, неудовольствіе это было редактировано такъ „неудачно“, что трудно было понять, то ли это гнѣвается царь, то ли его вѣрный министръ, тѣмъ не менѣе, послѣдній рѣшилъ, что для большаго устрашенія „конституціоналистовъ“ не худо будетъ имъ выслушать нагоняй изъ собственныхъ его высокопревосходительныхъ устъ. Шиповъ и Стаховичъ приглашаются въ Петербургъ.—Стаховичъ принятъ былъ министромъ болѣе, чѣмъ холодно. Наговоривъ предводителю дворянства много непріятныхъ вещей, которыя въ устахъ обыкновеннаго смертнаго съ полнымъ правомъ можно было бы счесть дерзостями, г. Плеве, между прочимъ, заявилъ, что онъ не представляетъ себѣ естественнымъ и законнымъ совмѣщенія въ лицѣ г. Стаховича предводителя дворянства и участника подпольныхъ совѣщаній и что въ настоящій моментъ онъ, министръ, не знаетъ еще, гдѣ будетъ находиться въ ближайшемъ будущемъ мѣстожительство его собесѣдника. Г. Стаховичъ отвѣчалъ, что онъ не считаетъ министра въ правѣ дѣлать ему, какъ предводителю, какія бы то ни было замѣчанія или выговоры и что онъ знаетъ, когда надо будетъ подать ему въ отставку, а уволенъ отъ должности онъ можетъ быть или высочайшимъ указомъ, или указомъ сената. Не смотря на столь энергичный отпоръ временщику, г. Стаховичъ покинулъ кабинетъ министра не съ видомъ побѣдителя.—Г. Шиповъ встрѣтилъ болѣе ласковый пріемъ. „Я знаю, сказалъ ему министръ, всю тяжесть положенія, въ которое поставлено въ настоящее время земство. Я придаю послѣднему важное значеніе въ жизни страны и сдѣлаю все, что отъ меня зависитъ, для того, чтобы сдѣлать земскія учрежденія менѣе зависимыми отъ мѣстныхъ правительственныхъ органовъ. Я постараюсь въ замѣнъ того приблизить ихъ къ центральнымъ учрежденіямъ имперіи и понимая важность, необходимость обмѣна мнѣній земскихъ дѣятелей по вопросамъ мѣстной дѣятельности, постараюсь въ ближайшую же сессію Государственнаго Совѣта провести законъ о періодическихъ съѣздахъ представителей губернскихъ земскихъ собраній.“ Г. Плеве до того увлекся своимъ либерализмомъ, что намекалъ даже на возможность установленія конституціоннаго режима, такъ что г. Шипову, не раздѣляющему конституціонныхъ воззрѣній, пришлось оспаривать министра самодержавнаго императора и указывать на болѣе „естественный“ выходъ изъ тѣхъ затрудненій, которыя переживаетъ правительство, именно, на возможность возвращенія къ порядку допетровской Руси, девизомъ которой былъ самодержавный царь надъ самоуправляющейся земщиной. Не знаю, указалъ ли г. Плеве, что г. Шиповъ забылъ упомянуть о необходимой спутницѣ самодержавнаго царя, о разнузданной опричнинѣ, однимъ изъ достойныхъ представителей коей онъ имѣетъ честь состоять. знаю только, что либеральный палачъ въ заключеніе бесѣды упомянулъ и о трудности своего положенія. „Таковы мои планы, сказалъ онъ, но осуществить ихъ я могу при условіи, если земство не будетъ мнѣ ставить препятствій неумѣстной и вредной для дѣла фрондой. Я не самодержецъ и мнѣ приходится работать въ сътрудничествѣ такихъ дѣятелей, какъ С. Ю. Витте. Я глубоко уважаю Серг. Юл. Онъ обладаетъ яснымъ государственнымъ умомъ и несокрушимой, не знающей устали энергіей. Но вы знаете его предубѣжденіе противъ земства. Вы знаете его взглядъ, что для блага Россіи необходимо широкое развитіе земскихъ учрежденій, но что для блага самодержавія необходимо упраздненіе земства. Нелегальные земскіе съѣзды, въ родѣ московскаго, будутъ лить воду не на мою мельницу...“

Г. Плеве ошибся, однако: С. Ю. Витте успѣлъ уже измѣнить свои взгляды, изложенные въ извѣстной секретной запискѣ его „Самодержавіе и земство“. С. Ю. Витте также не прочь сдѣлаться либераломъ. „Я всей душой сочувствую земскимъ начинаніямъ, говорилъ онъ въ бесѣдѣ съ кн. Долгоруковымъ, вызваннымъ въ Петербургъ также для полученія реприманда. Я понимаю, что покрой вашъ уѣздъ сѣтью желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ, дай вамъ еще тысячу чиновниковъ министерства финансовъ,—эти мѣры, если не будетъ обезпечено надлежащихъ условій для развитія самодѣятельности населенія, будутъ безполезны для его благосостоянія.“

Пріятные разговоры, которые велъ Плеве съ Шиповымъ не помѣшали министру закатить жесточайшій разносъ Суджанскому предводителю дворянства Евреинову, который вмѣстѣ съ предсѣдателемъ Суджанской уѣзд. земск. управы кн. Долгоруковымъ были вызваны Департаментомъ Полиціи для объясненія относительно участія ихъ въ составленіи программы Суджанскаго Уѣзднаго Комитета о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. Либеральная программа Комитета, опубликованная въ легальной прессѣ, сильно обезпокоила правящія сферы, внушивъ имъ тревогу, какъ бы въ центрѣ предстоящихъ въ присутствіи царя Курскихъ маневровъ не вспыхнула революція.

„Какъ вы могли, кричалъ Плеве на г. Евреинова, такъ дерзко истолковать Высочайшую волю о созывѣ особаго совѣщанія, такъ грубо выйти изъ предначертанной Комитету программы! Чего только не нагородили вы въ своей программѣ. Этакъ вы скоро признаете, что для пользы сельскаго хозяйства необходимо стрѣлять въ высшихъ должностныхъ лицъ имперіи!“ — Это вздоръ, пытался перекричать министра г. Евреиновъ, но не могъ, и, красный отъ гнѣва на грубые окрики, выслушалъ до конца разносъ. Вмѣстѣ съ Евреиновымъ и кн. Долгоруковымъ въ Петербургъ по тому же поводу былъ вызванъ для объясненій Суджанскій податной инспекторъ г. Пустовитовъ. Послѣдній послѣ допроса, учиненнаго ему г. Витте, былъ допрошенъ г. Плеве. Кричалъ ли послѣдній на него также, какъ на Стаховича и Евреинова, свѣдѣній не имѣю, такъ какъ лицо, со словъ котораго передаю все вышеизложенное, подъ конецъ бесѣды, устыдившись, очевидно, распущенности г.г. министровъ, поспѣшило разговоръ прекратить.

Во избѣжаніе возможныхъ нареканій, въ заключеніе считаю долгомъ оговориться, что приведенныя мною рѣчи г.г. Плеве и Витте не представляютъ, конечно, дословнаго воспроизведенія ихъ бесѣдъ съ земскими дѣятелями. Но за что я могу поручиться — это за подлинность самаго смысла рѣчей и за нѣкоторую близость ихъ формы къ той. въ которой они были выражены авторами.

Если судить по тому, что было сказано г.г. министрами, настроеніе ихъ находится въ періодѣ измѣненія Измѣняется, повидимому, настроеніе и ихъ державнаго хозяина. Авторитетъ К. П. Побѣдоносцева нѣсколько упалъ въ глазахъ Николая II. Его мѣсто какъ бы не занялъ.... князь Мещерскій. Говорятъ, издатель Гражданина, да какой-то чехъ-спиритъ Филиппъ въ настоящее время наиболѣе близки къ государю. Ника-Милуша спитъ и видитъ этого Филиппа. Растерявшись подъ натискомъ извѣстій о признакахъ надвигающейся революціи, Николай, чтобы предовратить опасность, ничего лучшаго не придумалъ, какъ прибѣгнуть къ... спиритизму*) и проводитъ дни и ночи за столоверченіемъ, вызывая духъ возлюбленнаго родителя. И вотъ, что духъ Александра III ему ни скажетъ, то Николай и сдѣлаетъ. Въ семъ полезномъ занятіи Николаю помогаютъ вышенареченный Филиппъ (медіумъ), императрица мать и Александра Ѳедоровна... Бѣдный Ника!...

Д-ръ правъ.

*) Мы слышали, что „Ника“ намѣренъ пригласить на свои сеансы нашего извѣстнаго спеціалиста по „загробнымъ“ вопросамъ, г-на Бердяева. (Ред.)

Возмутительная исторія на ст. Тихорѣцкой, о которой нашъ корреспондентъ сообщилъ въ № 22 „Искры“, продолжаетъ занимать легальную печать. Послѣ того, какъ „Пет. Вѣд.“ и другія газеты сообщили подробности этой исторіи, появилось оффиціальное опроверженіе, исходящее отъ судебныхъ властей. Въ опроверженіи заявляется, что Золотова (имя несчастной дѣвушки) была арестована по подозрѣнію въ кражѣ, что она никакимъ истязаніямъ и насиліямъ не подвергалась и неизвѣстно по какой причинѣ отравилась послѣ того, какъ первой ея попыткѣ покончить съ собой въ первый же день ареста успѣли во время помѣшать. Судебный слѣдователь Пуссепъ ни въ чемъ предосудительномъ не уличенъ произведеннымъ слѣдствіемъ.

А, между тѣмъ, легальныя газеты продолжаютъ говорить о „темной“ исторіи въ Тихорѣцкой и совершенно не обращаютъ вниманія на оффиціальное опроверженіе. Вотъ до чего дошло русское правительство: его заявленія въ защиту дѣйствій чиновниковъ не внушаютъ уже никому никакого довѣрія. Столичныя и провинціальныя газеты продолжаютъ вѣрить въ то, что на ст. Тихорѣцкой были совершены гнусныя преступленія служителями царскаго правосудія и полицейскими.

Но если общество не считается съ заявленіемъ правительства, то и правительство не считается съ мнѣніемъ общества. Въ то время, какъ всеобщее возмущеніе требуетъ наказанія негодяевъ, изнасиловавшихъ и убившихъ Золотову, власти сообщаютъ, что производится слѣдствіе для обнаруженія виновниковъ....тѣхъ безпорядковъ, которые произвели герои-рабочіе, услыхавъ о томъ, что случилось въ арестантской камерѣ. „Правосудіе“ намѣрено обрушиться не на головы преступниковъ, а на головы тѣхъ, кто посмѣлъ мужественно выразить протестъ противъ преступленія.

Русская публика не такъ давно горячо рукоплескала тѣмъ французамъ, которые смѣло боролись противъ преступленій, совершенныхъ французскими властями и судьями въ дѣлѣ Дрейфуса. Хватитъ ли у общества рѣшимости поддержать тѣхъ, кто выступилъ противъ преступленій подчиненныхъ гг. Муравьева и Плеве?

Интеллигенты и розга.

По повду корреспонденціи изъ Воронежа въ № 21 „Искры“ намъ пишутъ:

„Во всемъ этотъ сообщеніи кроется какое-то недоразумѣніе: никакого вмѣшательства со стороны офицера въ дѣло жестокой расправы съ крестьянами гражданскихъ чиновъ не было, да и не могло быть, такъ какъ войска въ подобныхъ случаяхъ присутствуютъ только какъ стража, на случай безпорядковъ, вполнѣ подчиняются гражданской власти и никакого активнаго участія въ позорномъ и жестокомъ наказаніи не принимаютъ. Военные врачи также не имѣютъ никакого права вмѣшиваться въ дѣйствія „гражданскихъ властей“, такъ какъ этимъ они нарушаютъ дисциплину и всегда получаютъ въ отвѣтъ на свое

РЕВОЛЮЦІОННЫЙ АВАНТЮРИЗМЪ.

Отношеніе соц.-рев. къ крестьянскому движенію представляетъ особый интересъ. Именно въ аграрномъ вопросѣ всегда считали себя особенно сильными и представители стараго русскаго соціализма, и ихъ либерально-народническіе наслѣдники, и тѣ многочисленные въ Россіи сторонники оппортунистической критики, которые крикливо увѣряютъ, что въ этомъ пунктѣ марксизмъ уже окончательно сбитъ съ позиціи „критикой“. И наши соц.-рев. разносятъ марксизмъ, что называется, на всѣ корки: „догматическіе предразсудки... изжитые, давно разбитые жизнью догматы... революціонная интеллигенція закрыла глаза на деревню, революціоннная работа въ крестьянствѣ запрещалась ортодоксіей“ и мн. т. п. Это нынче въ модѣ—лягать ортодоксію. Но къ какому подвиду надо отнести тѣхъ изъ числа лягающихъ, которые до начала движенія въ крестьянствѣ не успѣли даже намѣтить своей собственной аграрной программы? Когда Искра еще въ № 3 обрисовала свою аграрную программу, Вѣстн. Р. Рев. только и нашелся пробормотать: „при такой постановкѣ вопроса значительно стушевывается еще одно изъ нашихъ разногласій,“ причемъ съ редакціей В. Р. Р. случилось то маленькое несчастье, что именно постановки вопроса Искрой („внесеніе классовой борьбы въ деревню“) она абсолютно не поняла. Теперь Рев. Россія ссылается заднимъ числомъ на брошюру „Очередной вопросъ“, хотя программы и тамъ никакой нѣтъ, а есть лишь превознесеніе такихъ „знаменитыхъ“ оппортунистовъ, какъ Гертцъ.

И вотъ эти-то люди, которые до начала движенія были согласны и съ Искрой и съ Гертцемъ, — на другой день послѣ крестьянскаго возстанія выступаютъ съ манифестомъ „отъ крестьянскаго союза(!) партіи соц.-рев.“, причемъ въ этомъ манифестѣ вы не найдете ни одного звука, исходящаго дѣйствительно отъ крестьянина, вы встрѣтите только дословное повтореніе того, что вы сотни разъ читали у народниковъ, либераловъ и „критиковъ“.... Говорятъ, что смѣлость города беретъ. Это такъ, господа с.-р., но не о такой смѣлости свидѣтельствуетъ грубо размалеваннаяреклама.

Мы видѣли, что главное „преимущество“ с.-р. состоитъ въ свободѣ отъ теоріи, главное искуство ихъ—умѣнье говорить, чтобы ничего не сказать. Но чтобы дать программу, надо какъ-никакъ высказаться. Надо, напр, выкинуть за бортъ „догматъ русскихъ с. д. конца 80-хъ и начала 90-хъ гг. о томъ, что нѣтъ революціонной силы, кромѣ городского пролетаріата“. Какое это удобное словечко: „догматъ“! Достаточно извратить слегка враждебную теорію, прикрыть это извращеніе жупеломъ „догмата“—и готово дѣло!

Весь современный соціализмъ, начиная съ Ком. Манифеста, покоится на той несомнѣнной истинѣ, что единственнымъ дѣйствительно революціоннымъ классомъ капиталистическаго общества является пролетаріатъ. Остальные классы могутъ быть и бываютъ революціонны лишь отчасти и лишь при извѣстныхъ условіяхъ. Спрашивается, что же надо думать о людяхъ, которые „превратили“ эту истину въ догматъ русскихъ с.-д. опредѣленной эпохи и пытаются увѣрить наивнаго читателя, будто этотъ догматъ былъ „всецѣло основанъ на вѣрѣ въ отдаленность открытой политической борьбы“?

Противъ ученія Маркса о единственномъ дѣйствительно революціонномъ классѣ современнаго общества с.-р- выдвигаютъ троицу: „интеллигенція, пролетаріатъ и крестьянство“, обнаруживая этимъ безнадежную путаницу понятій. Если вы противополагаете интеллигенцію пролетаріату и крестьянству,—значитъ, вы понимаете подъ ней извѣстный соціальный слой, группу лицъ, занимающихъ такую же опредѣленную соціальную позицію, какъ опредѣленна соціальная позиція наемныхъ рабочихъ и крестьянъ. Но въ качествѣ такового слоя русская интеллигенція является именно буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенціей. По отношенію къ этому слою вполнѣ правъ г. Струве, называющій свой органъ органомъ русской интеллигенціи. Если же вы говорите о тѣхъ интеллигентахъ, которые еще не заняли никакой опредѣленной соціальной позиціи или уже выбиты жизнью со своей нормальной позиціи и переходятъ на сторону пролетаріата,—то тогда совершенно нелѣпо противопоставлять эту интеллигенцію пролетаріату. Какъ и всякій другой классъ современнаго общества, пролетаріатъ не только вырабатываетъ свою собственную интеллигенцію, но и беретъ себѣ также сторонниковъ изъ числа всѣхъ и всякихъ образованныхъ людей. Походъ с.-р. противъ основного „догмата“ марксизма лишній разъ доказываетъ только, что всю силу этой партіи представляетъ та кучка русскихъ интеллигентовъ, которые отъ стараго отстали, а къ новому не пристали.

Что касается до креетьянства, то о немъ сужденія с.-р. еще болѣе сбивчивы. Чего стоитъ уже одна постановка вопроса: „какіе общественные классы вообще (!) всегда (!!) держатся за существующій... (самодержавный только? или вообще буржуазный?)... порядокъ, охраняютъ его и не поддаются революціонизированію?“ Собственно говоря, на этотъ вопросъ только и можно отвѣтить вопросомъ: какіе элементы интеллигенціи вообще всегда держатся за существующій хаосъ идей, охраняютъ его и не поддаются опредѣленному соціалистическому міровоззрѣнію? Но с.-р. на несерьезный вопросъ хотятъ дать серьезный отвѣтъ. Они относятъ къ „этимъ“ классамъ, во 1-хъ, буржуазію, ибо ея „интересы удовлетворены“. Этотъ старый предразсудокъ, будто интересы русской буржуазіи настолько уже удовлетворены, что у насъ нѣтъ и быть не можетъ буржуазной демократіи (ср. В. Р. Р. № 2 с. 132-3), составляетъ теперь общее достояніе экономистовъ и с.-р. Еще разъ: не научитъ-ли ихъ уму-разуму г. Струве?

Во 2-хъ, с.-р. относятъ къ этимъ классамъ „мелкобуржуазные слои“, „интересы коихъ индивидуалистичны, не опредѣлены какъ классовые и не формулируются въ реформаторскую или революціонную соціально-политическую программу.“ Откуда сіе, Аллахъ вѣдаетъ. Что мелкая буржуазія не только не охраняетъ вообще и всегда существующій порядокъ, а, напротивъ, нерѣдко выступаетъ революціонной даже противъ буржуазіи (именно: когда примыкаетъ къ пролетаріату), очень часто—противъ абсолютизма и почти всегда формулируетъ соціально-реформаторскія программы, это извѣстпо всѣмъ и каждому. Нашъ авторъ просто сболтнулъ „пошумнѣе“ противъ мелкой буржуазіи, слѣдуя тому „житейскому правилу“, которое въ одномъ изъ своихъ „Стихотвореній въ прозѣ“ излагалъ ,со словъ „стараго пройдохи“, Тургеневъ: кричать погромче противъ тѣхъ пороковъ, которые за собой чувствуешь. И вотъ: такъ какъ с.-р. чувствуютъ, что единственнымъ соціальнымъ базисомъ ихъ позиціи между двухъ стульевъ могутъ быть развѣ лишь нѣкоторые мелкобуржуазные слои интеллигенціи,—поэтому они пишутъ о мелкой буржуазіи такъ, будто этотъ терминъ означаетъ не соціальную категорію, а просто полемическій оборотъ рѣчи. Имъ хочется также обойти тотъ непріятный пунктъ, что они не понимаютъ принадлежности современнаго крестьянства, какъ цѣлаго, къ „мелкобуржуазнымъ слоямъ“. Не попробуете ли вы дать намъ отвѣтъ по этому пункту, гг. с.-р.? Не скажете ли вы намъ, почему это, повторяя обрывки теорій русскаго марксизма (напр., о прогрессивномъ значеніи крестьянскаго отхода и бродяжничества), вы закрываете глаза на то, что тотъ же марксизмъ доказалъ мелкобуржуазный укладъ русскаго крестьянскаго хозяйства? Не разъясните ли вы намъ, какъ это могутъ „собственники или полусобственники“ въ современномъ обществѣ не относиться къ мелкобуржуазнымъ слоямъ?

Нѣтъ, не надѣйтесь! с.-р. не отвѣтятъ, не скажутъ и не разъяснятъ ничего по существу, ибо они (опять таки подобно экономистамъ) твердо усвоили тактику сказываться по части теоріи въ нѣтяхъ. Рев. Россія киваетъ на В. Р. Р. — это де, ихъ дѣло (ср. № 4, отвѣтъ Зарѣ), а В. Р. Р. разсказываетъ читателю о подвигахъ оппортунистической критики и все грозится, грозится и грозится еще пуще критику навести. Маловато этого, господа!

вмѣшательство: „Это васъ не касается, вы состоите при войскахъ и выскажете свое мнѣніе, когда у васъ его спросятъ". Когда трое изъ подлежавшихъ наказанію крестьянъ заявили о своей болѣзни, врачъ Чериковеръ, осмотрѣвъ ихъ, заявилъ, что находитъ наказаніе опаснымъ для жизни несчастныхъ и послѣдніе были пощажены. Такимъ образомъ, сообщенное въ корреспонденціи не вѣрно и факты искажены. Обращая вниманіе гг. корреспондентовъ „Искры" на это печальное „недоразумѣніе", изъ-за котораго страдаетъ доброе имя ни въ чемъ неповинныхъ людей, мы подчеркиваемъ необходимость, какъ можно тщательнѣе, провѣрить факты и въ качествѣ таковыхъ сообщать только то, что безусловно вѣрно.

Читатель „Искры".

Отъ редакціи. Вполнѣ присоединяясь къ пожеланію автора письма, чтобы корреспонденты тщательно провѣряли сообщаемыя ими свѣдѣнія, мы полагаемъ, что въ данномъ случаѣ суть дѣла была передана корреспондентомъ вѣрно. Авторъ письма отрицаетъ инцидентъ съ офицеромъ, просившимъ освидѣтельствовать всѣхъ крестьянъ, и съ врачемъ Чериковеромъ, заявившимъ, что по закону этого не требуется. Но это только мелкая подробность. Послѣ разъясненія оказывается, во 1-хъ, что осмотрѣны передъ экзекуціей всего трое крестьянъ, которые объ этомъ просили сами и во 2-хъ, что врачъ Чериковеръ просилъ и добился пощады только этихъ трехъ крестьянъ. Радуемся за трехъ крестьянъ, освободившихся отъ мученій и позора, но скорбимъ, что „доброе имя" такого „ни въ чемъ неповиннаго человѣка", какъ г. Чериковеръ, остается не возстановленнымъ, ибо фактъ его соучастія въ мученіяхъ остальныхъ крестьянъ не опровергнутъ.

Да, въ соучастіи! Городовой Алексѣй Кошелевъ (см. коррес.) „упорно отказывался отъ возлагаемаго на него порученія" сѣчь крестьянъ и „даже плакалъ", а „интеллигентъ", врачъ молча (въ лучшемъ случаѣ) присутствовалъ при жертвоприношеніи на алтарь русскаго Бога, бога стократъ проклятой розги. Бываютъ преступленія, предотвратить которыя не по силамъ одному человѣку, но и въ этомъ случаѣ на порядочномъ человѣкѣ лежитъ нравственный долгъ протестовать въ одиночку. Между жрецами розги и гражданами не должно быть ничего общаго и тотъ, кто имѣетъ печальное „мужество" безъ протеста присутствовать при видѣ наглаго торжества человѣка-звѣря, тотъ долженъ знать, что его имя будетъ поставлено рядомъ съ именами Хвостовыхъ, Клочкевыхъ и другихъ оберъ экзекуторовъ!

Между виленскимъ врачемъ Михайловымъ, опредѣлявшимъ число ударовъ, которые могутъ вынести рабочіе-демонстранты, и тѣми военными врачами (и офицерами вообще), которые присутствуютъ при экзекуціяхъ въ деревнѣ, нѣтъ большой разницы. Всѣхъ ихъ мы будемъ пригвождать къ позорному столбу, всѣхъ отдаемъ на судъ народа и просимъ читателей присылать для опубликованія, для посрамленія имена всѣхъ „молчаливыхъ" сообщниковъ царскихъ палачей.

Боимся, что автору письма такъ и не удалось „умыть руки" врача Чериковера. Бѣдная лэди Макбетъ! Бѣдный врачъ Чериковеръ! Мужицкая кровь не отмывается съ бѣлыхъ рукъ....

Изъ секретныхъ документовъ.

Секретно.

Копія отношенія Начальника Тамбово-Уральскаго Жандармскаго Полицейскаго Управленія желѣзныхъ дорогъ г. Управляющему дорогою отъ 21-го іюня 1902 г. за № 115.

До свѣдѣнія моего дошло, что служащіе на Рязанско-Уральской желѣзной дорогѣ, находя въ районѣ желѣзной дороги различнаго рода воззванія. прокламаціи и т. п. изданія преступнаго содержанія, не передаютъ таковыя немедленно, какъ бы то слѣдовало, чинамъ ввѣреннаго мнѣ Управленія, а представляютъ въ порядкѣ подчиненности начальствующимъ надъ ними лицамъ до начальниковъ службъ включительно, при чемъ прокламаціи и воззванія эти представляются не секретно, а свободно прочитываются въ конторахъ службъ и затѣмъ часто затериваются или уничтожаются.

Находя такой порядокъ совершенно неудобнымъ во многихъ отношеніяхъ, честь имѣю покорнѣйше просить васъ, Милостивый Государь, не отказать сдѣлать распоряженіе, чтобы служащія на желѣзной дорогѣ лица, находя или получая прокламаціи и воззванія преступнаго содержанія, немедленно передавали таковыя чинамъ ввѣреннаго мнѣ Управленія.

Подлинное съ надлежащей подписью.

Съ подлиннымъ вѣрно: Правитель Дѣлъ

В. Шиховъ.

Встревоженный помпадуръ.

Предписаніе, разосланное 17-го іюля 1902 г. Нижегородскимъ губернаторомъ всѣмъ земскимъ начальникамъ губерніи.

„Имѣя въ виду, что враги отечества, наводняющіе имперію, успѣли проникнуть и во ввѣренную мнѣ Нижегородскую губернію, предписываю немедленно объѣхать всѣ волости, призывая самихъ крестьянъ на борьбу съ этими врагами, такъ какъ полиція и жандармы слишкомъ малочисленны и безсильны; а потому заставить крестьянъ захватывать всѣхъ проходимцевъ, раздающихъ вредныя книжки, листки и газеты, и представлять ихъ немедленно мнѣ, при чемъ внушить крестьянамъ, что они строго отвѣтятъ, если впослѣдствіи окажется, что такіе люди проходили черезъ ихъ селенія и не были ими задержаны. Надѣюсь, что среди крестьянъ много найдется сторонниковъ порядка и благополучія и что они окажутъ содѣйствіе другъ другу въ смыслѣ лучшаго исполненія предписанія начальства".

Подписалъ губенаторъ Генералъ Лейтенантъ Унтербергеръ.

Земскіе начальники Макарьевскаго уѣзда Нижегородской губ. получили на днихъ такую телеграмму изъ Министерства Внутреннихъ дѣлъ:

„Немедленно отобрать свѣдѣнія о слухахъ, какіе ходятъ среди крестьянъ о надѣлѣ ихъ землей".

Пермь. Купецъ Мѣшковъ, арестованный 6-го февраля (см. № 19 „Искры") былъ черезъ нѣсколько дней, послѣ того какъ онъ внесъ 10 тысячъ руб. залога, выпущенъ. Арестованный 1-го февраля, благодаря проискамъ и доносу инженеровъ Мотовилихинскаго пушечнаго завода и черезъ 5 дней выпущенный, Помощ. Присяж. Пов. В. Н. Трапезниковъ, былъ 12-го февр. вновь арестованъ и находится до сихъ поръ въ тюрьмѣ. Одновременно съ обыскомъ и арестомъ въ первый и второй разъ у Трапезникова былъ произведенъ тщательный обыскъ въ редакціи газеты „Пермскій Край", въ которой Трапезниковъ былъ однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ. Также былъ произведенъ обыскъ въ типографіи, гдѣ эта газета печатается.

Арестъ Трапезникова вызвалъ безграничную радость и ликованіе среди мѣстныхъ представителей бюрократіи и капитала.

Реакціонная газета „Уралъ" съ нескрываемой радостью поспѣшила возвѣстить міру, что наконецъ-то Трапезниковъ (онъ же, какъ подозрѣвала газета, писавшій подъ псевдонимомъ Всев. Мірскаго), находится въ вѣрномъ и крѣпкомъ, по выраженію газеты, „футлярѣ". Не скрывали своей радости и г.г. инженеры пушечнаго завода, самодурство, произволъ и держимордовскія наклонности которыхъ по отношенію рабочихъ неоднократно разоблачались на страницахъ „Пермскаго Края".

Пермь. Однимъ казеннымъ заводомъ Пермскаго уѣзда получена отъ окружного инженера секретная бумага, въ которой предлагается управляющему сообщить подробныя свѣдѣнія о числѣ евреевъ, занятыхъ на заводѣ работами, характеромъ ихъ должностей и проч. Не предполагая исключительность этого завода, думаемъ, что подобныя бумаги разосланы на всѣ Уральскіе заводы. Къ сожалѣнію, намъ не представилось возможнымъ скопировать означенный циркуляръ; въ случаѣ, если такая возможность представится, не замедлимъ прислать копію.

Циркуляръ этотъ полученъ спустя нѣкоторое время послѣ грандіозной стачки на Воткинскомъ казенномъ заводѣ, Вятской губ., во главѣ движенія стоялъ молодой еврей, 18 лѣтъ. Думаемъ, что между этимъ фактомъ и разсылкой циркуляра есть причинная связь.

Изъ губернаторскихъ нравовъ.

I „Клинъ" въ Могилевъ ѣдетъ!

Товарищъ прокурора виленскаго окружного суда; полицмейстеръ Вильны — благодаря женитьбѣ на содержанкѣ своего шефа — виленскаго ген.-губернатора Троцкаго; герой извѣстной исторіи насильственнаго закрытія костела въ Крожахъ Ковенской губ., сопровождавшагося варварской бойней; вятскій губернаторъ, отличившійся борьбой съ голодающими, вытравленіемъ всѣхъ свободныхъ элементовъ изъ земства — задушеніе единственной вятской газеты „Вятскій Край" — такова карьера и главные подвиги вятскаго губ. Клингенберга, переведеннаго въ награду сначала во Владиміръ, а теперь — въ Могилевъ.

Мерзавецъ, пьяница и развратникъ онъ давилъ постоянно, систематично, съ циничнымъ презрѣніемъ къ подданнымъ Его Величества. Цѣль его правленія была — вытравить изъ обывателя даже мечту о свободномъ вздохѣ.

Цинизмъ его доходилъ до того, что, обезличивъ Вятское губ. земское собраніе введеніемъ туда своихъ клевретовъ и вытравивъ всѣ свободные элементы, онъ рѣшился похвалить его: я радъ, что теперешній составъ собранія стоитъ на высотѣ своего призванія: раньше (при Батуевѣ!) больше говорили, теперь — больше дѣлаютъ!

Въ 1898 г. онъ сажалъ подъ арестъ старшинъ, сообщавшихъ о голодѣ.

Въ 1901 г. онъ издалъ извѣстный циркуляръ къ крестьянамъ, чтобы они голодали „своими средствіями", не надѣясь на поддержку правительства: задача послѣдняго — собирать подати, а вовсе не кормить своихъ плательщиковъ!

Тогда же въ іюлѣ онъ совершилъ поѣздку по губерніи для выясненія размѣровъ недорода. Въ одномъ селѣ его встрѣтили крестьяне съ хлѣбомъ солью.

Ну, на долго-ли у васъ хлѣба хватитъ? спросилъ Клинъ. Да до Новаго года можетъ хватитъ, а тамъ ужъ не знаемъ какъ, былъ отвѣтъ. А! до Новаго года хватитъ, ну, очень радъ, что у васъ все благополучно, и вы въ помощи, значитъ, совсѣмъ не нуждаетесь, сказалъ Клинъ опѣшившимъ крестьянамъ, и не подозрѣвавшимъ, что его превосходительство можетъ сдѣлать передержку ихъ словъ, подставивъ подъ „Новый" гражданскій годъ — годъ сельско-хозяйственный!

По уѣзднымъ городамъ онъ держалъ совѣты со съѣздами земскихъ начальниковъ и земскими управами о борьбѣ противъ голодающихъ. На одномъ изъ этихъ совѣщаній какой-то земскій начальникъ заявилъ. что онъ выдалъ хлѣбъ изъ запасныхъ магазиновъ, не дождавшись распоряженія губернскаго правленія: нужно было сѣять, а денегъ не было.

Прекрасно, г. земскіи начальникъ! замѣтилъ Клинъ. Ну, а если крестьяне не внесутъ хлѣбъ въ магазины, какъ Вы думаете, кто заплатитъ за него? Тотъ въ смущеніи молчалъ. Да Вы, г. земскій начальникъ, Вы!

Въ одномъ изъ болѣе либеральныхъ уѣздныхъ земствъ былъ выработанъ проэктъ общественныхъ работъ на сумму около 300 тыс. руб. При посѣщеніи этого уѣзднаго городка Клиномъ, предсѣдатель управы явился къ нему и изложилъ этотъ проэктъ.

Прекрасно! превосходно! какъ это стройно задумано, какъ это практично! похвалилъ Клинъ. Ну, а какъ Вы думаете, откуда вы деньги достанете для проведенія этого прекраснаго проэкта? — Мы надѣемся на помощь правительства, отвѣчалъ предсѣдатель. — Напрасно! г. предсѣдатель, напрасно! Всегда нужно надѣяться только на себя, только на себя!

Но вотъ Клинъ во Владимирѣ. И онъ не уберегся отъ вліяній новой политики г. Зубатова, вдохновителя московскаго района. Увы! и ты, Брутъ, занялся соціальной политикой! И ты сталъ заботиться о меньшомъ братѣ!

Но какъ бы вы думали, въ чемъ выразилась его забота? — Онъ издалъ циркуляръ къ фабрикантамъ: по сообщеніямъ подвѣдомственныхъ ему чиновъ оказывается, не на всѣхъ фабрикахъ имѣются каталажки для вытрезвленія пьяныхъ рабочихъ, а если есть, то не соотвѣтствуютъ всѣмъ требованіямъ науки. Поэтому, онъ предлагаетъ гг. фабрикантамъ позаботиться объ устройствѣ каталажекъ и о поднятіи ихъ на должную высоту согласно по слѣднему слову науки!

Итакъ, Клинъ ѣдетъ въ Могилевъ! Берегитесь, гг. могилевцы!

II. „Либералъ" у власти.

Тяжелы были годы воеводства Клина для вятскихъ обывателей! Но вотъ судьба сжалилась надъ ними и прислала либерала: костромского помѣщика, енисейскаго вице-губернатора Хомутова.

Чѣмъ же отличается дѣятельность сознательнаго, циничнаго слуги самодержавія отъ либерально-размягченнаго исполнителя предначертаній предержащей власти? Да просто тѣмъ, что первый велъ прямо и послѣдовательно свою линію: онъ зналъ, что всѣ его укротительныя мѣры встрѣтятъ одобреніе свыше. Благодаря этому, для обывателя создавалась своего рода опредѣленность. Второй же не прочь иногда полиберальничать, повздыхать объ объединеніи власти съ народомъ, а глядишь, пока онъ вздыхаетъ — возжи то немного и поослабли! Но лишь только въ его размягченную душу вкрадывается, яко тать въ нощи, подозрѣніе: а вдругъ „наверху" объ этомъ узнаютъ? а вдругъ мной недовольны будутъ? — какъ онъ обрушивается на ничего не ожидающаго обывателя съ нелѣпыми, показывающими лишь его растерянность карами.

Особенно вятскимъ ссыльнымъ пришлось испробовать на себѣ эту систему. „Клинъ" въ концѣ этого года разогналъ всѣхъ ссыльныхъ изъ Вятки по уѣзднымъ городамъ. Но вотъ появился либеральный воевода и на радостяхъ повышенія по службѣ разрѣшилъ имъ всѣмъ вернуться въ Вятку. — „Я уважаю людей, которые имѣютъ самостоятельные взгляды, сказалъ онъ одному изъ нихъ, но зачѣмъ же навязывать ихъ другимъ? Пожалуйста воздержитесь отъ этого!" Неправда-ли, какъ мягко, какъ деликатно и либерально?

Но не долго продолжался миръ на землѣ! Изъ Питера былъ высланъ въ Вятскую губ., а Хомутовымъ опредѣленъ въ уѣздный городъ Глазовъ зубной врачъ Кершнеръ*). Его послали сюда до приговора: онъ выдержалъ двѣ голодовки (въ Предварилкѣ и Пересыльной) и добился своего освобожденія. Пріѣхалъ онъ въ Глазовъ, еще не оправившись отъ голодовокъ, желтый и разстроенный. И вотъ жилъ онъ тамъ тихо и мирно да зубы у обывателей рвалъ. Какъ вдругъ у него производятъ обыскъ и хотя ничего не находятъ, но все таки высылаютъ въ с. Уни того же уѣзда, гдѣ онъ принужденъ жить въ полномъ одиночествѣ подъ надзоромъ станового. За что же? Да по подозрѣнію, что онъ поддерживаетъ сношенія съ заграницей, гдѣ онъ жилъ нѣкогда!

Это была первая „квитанція" либерала у власти. Не замедлила послѣдовать и вторая.

Въ Малмыжѣ ссыльные, истомленные своимъ безсмысленнымъ существованіемъ, оторванные отъ жизни, принужденные варится въ своемъ собственномъ соку, но въ то же время получая отовсюду извѣстія, что въ остальной Россіи жизнь повсюду кипитъ, рѣшили хоть чѣмъ-нибудь выразить свое настроеніе, хоть чѣмъ-нибудь доказать, главнымъ образомъ себѣ, что они еще не умерли духомъ. И вотъ они рѣшили справить 1-ое мая, пройдясь по городу попарно съ красными бантами въ петлицахъ...

Демонстрація! Крамола! А ну, какъ это припишутъ мнѣ, моему либеральному образу мыслей?! Загнать ихъ туда, куда Макаръ телятъ не гоняетъ! И дѣйствительно, какъ вы уже знаете, 6 человѣкъ разослано по глухимъ деревнямъ, какъ напр. Бере-

*) Былъ арестованъ въ апр 1901г. съ листкомъ Петербургской группы „Соціалистъ".

Соц--рев. соблюли себя въ чистотѣ отъ тлетворнаго вліянія современныхъ соціалистическихъ ученій. Они сохранили цѣликомъ добрые старые пріемы вульгарнаго соціализма. Предъ нами—новый историческій фактъ, новое движеніе въ извѣстномъ слоѣ народа. Они не изслѣдуютъ положеніе этого слоя, не задаются цѣлью объяснить его движеніе характеромъ этого слоя и отношеніемъ его къ развивающемуся экономическому строю цѣлаго общества. Это все для нихъ—пустая догма, изжитая ортодоксія. У нихъ это проще дѣлается. — О чемъ говорятъ сами представители подымающагося слоя? О землѣ, прирѣзкѣ, передѣлѣ.--- Ну, вотъ вамъ и все. Вотъ вамъ „полусоціалистическая программа", „совершенно правильный принципъ", „свѣтлая идея", „идеалъ, который въ зародышевой формѣ уже живетъ въ головѣ крестьянина" и т. д. Надо только „очистить и разработать этотъ идеалъ", вывести „чистую идею соціализма". Вы не вѣрите, читатель? Вамъ кажется невѣроятнымъ, чтобы эта народническая ветошь снова вытаскивалась на свѣтъ божій людьми, которые такъ бойко повторяютъ, что имъ книга послѣдняя скажетъ? А между тѣмъ это фактъ, и всѣ процитированныя нами словечки взяты изъ заявленія „отъ крестьянскаго союза" въ № 8 Рев. Россія.

Соц.-рев. обвиняютъ Искру, что, назвавъ крестьянское движеніе послѣднимъ мятежомъ крестьянства, она рано заговорила за упокой: крестьянство, поучаютъ насъ, можетъ участвовать и въ соціалистическомъ движеніи пролетаріата. Это обвиненіе наглядно показываетъ всю путаницу мысли у с.-р. Они не разобрались даже въ томъ, что одно дѣло --- демократическое движеніе противъ остатковъ крѣпостничества, другое дѣло --- соціалистическое движеніе противъ буржуазіи. Не понявъ самаго крестьянскаго движенія, они не могли понять и того, что испугавшія ихъ слова Искры относятся только къ первому движенію. О томъ, что гибнущіе мелкіе производители (крестьяне въ томъ числѣ) могутъ и должны участвовать въ соціалистическомъ движеніи пролетаріата, Искра не только сказала въ своей программѣ, но и точно опредѣлила условія этого участія. Но современное крестьянское движеніе вовсе не является соціалистическимъ, направленнымъ противъ буржуазіи и капитализма, движеніемъ. Наоборотъ, оно объединяетъ буржуазные и пролетарскіе элементы крестьянства, которые дѣйствительно едины въ борьбѣ съ остатками крѣпостничесва. Современное крестьянское движеніе ведетъ --- и приведетъ --- къ установленію не соціалистическаго и не полусоціалистическаго, а буржуазнаго сельскаго уклада, очистивъ созрѣвшіе уже буржуазные устои нашей деревни отъ крѣпостническихъ путъ.

Впрочемъ, для с.-р. все это --- книга за семью печатями. Они даже въ серьезъ увѣряютъ Искру, что расчистка пути для развитія капитализма --- пустой догматъ, ибо „реформы" (60-хъ гг.) „и расчистили (!) полный (!!) просторъ развитію капитализма". Вотъ до чего можетъ дописаться бойкій человѣкъ, которымъ владѣетъ бойкое перо и который воображаетъ, что „отъ крестьянскаго союза" всячинка сойти можетъ: крестьянинъ не разберетъ! --- Но подумайте пожалуйста, любезный авторъ: не слыхали-ли вы когда нибудь, что остатки крѣпостничества задерживаютъ развитіе капитализма? не кажется ли вамъ, что это даже почти тавтологія? и не читали-ли вы гдѣ нибудь объ остаткахъ крѣпостничества въ современной русской деревнѣ?

Искра говоритъ, что предстоящая революція будетъ буржуазной революціей. С.-р. возражаютъ: она будетъ „прежде всего революціей политической и до извѣстной степени демократической". Не попробуютъ ли объяснить намъ авторы этого милаго возраженія, --- была-ли когда-либо въ исторіи, мыслима-ли вообще такая буржуазная революція, которая бы не была „до извѣстной степени демократической"? Да вѣдь и программа самихъ с.-р. (уравнительное пользованіе землей, перешедшей въ собственность общества) не выходитъ еще изъ рамокъ буржуазной программы, ибо сохраненіе товарнаго производства и допущеніе частнаго хозяйства, хотя бы и на общей землѣ, нисколько не устраняетъ капиталистическихъ отношеній въ земледѣліи.

Чѣмъ легкомысленнѣе относятся с.-р. къ элементарнѣйшимъ истинамъ современнаго соціализма, тѣмъ легче сочиняютъ они „элементарнѣйшія дедукціи", гордясь даже тѣмъ, что ихъ „программа сводится" къ таковымъ. Разсмотримъ всѣ ихъ три дедукціи, которыя, вѣроятно, надолго останутся памятникомъ остроты ума и глубины соціалистическихъ убѣжденій с.-рев.

Дедукція № 1: „Уже теперь большая доля территоріи Россіи принадлежитъ государству — надо, чтобы вся территорія принадлежала народу". „Уже теперь" умиленныя ссылки на государственное землевладѣніе въ Россіи набили намъ оскомину въ произведеніяхъ полицейскихъ народниковъ (а la Сазоновъ и др.) и разныхъ катедеръ-реформаторовъ. „Надо"; чтобы въ хвостѣ за этими господами поплелись именующіе себя соціалистами да еще революціонерами. „Надо", чтобы соціалисты подчеркивали мнимое всесиліе „государства" (забывая даже, что большая доля государственныхъ земель сосредоточена на необитаемыхъ окраинахъ страны), а не классовую противуположность полукрѣпостнаго крестьянства и привилегированной горсти крупныхъ землевладѣльцевъ, которые владѣютъ массой лучшихъ воздѣланныхъ земель и съ которыми „государство" всгда жило душа въ душу. Воображая, что они выводятъ чистую идею соціализма, наши с.-р. на самомъ дѣлѣ пачкаютъ эту идею некритическимъ отношеніямъ къ старому народничеству.

Дедукція №2: „Уже и теперь земля перетекаетъ отъ капитала къ труду — надо, чтобы этотъ процессъ былъ завершенъ государствомъ". Дальше въ лѣсъ — больше дровъ. Сдѣлаемъ еще шагъ къ полицейскому народничеству, будемъ призывать (классовое!) „государство" къ расширенію крестьянскаго землевладѣнія вообще. Это замѣчательно соціалистично и удивительно революціонно. Но чего и ждать отъ людей, которые покупку и аренду земли крестьянами называютъ не переходомъ земли отъ крѣпостниковъ помѣщиковъ къ сельской буржуазіи, а переходомъ „отъ капитала къ труду". Напомнимъ этимъ людямъ хотя бы данныя о фактическомъ распредѣленіи „перетекающихъ къ труду" земель: отъ 6 до 9 десятыхъ всей купчей крестьянской земли и отъ 5 до 8 десятыхъ аренды сосредоточивается въ рукахъ одной пятой доли дворовъ т. е. у небольшого меньшинства зажиточныхъ. Судите по этому, много-ли правды въ словахъ соц.-рев., когда они утверждаютъ, что на зажиточныхъ крестьянъ „мы и не разсчитываемъ", а только на „чисто-трудовые слои"?

Дедукція №3: „Крестьянинъ уже имѣетъ землю и пользуется ею въ большинствѣ случаевъ въ уравнительномъ распредѣленіи, — надо, чтобы это трудовое пользованіе было доведено до конца... и завершилось бы черезъ развитіе всякаго рода кооперацій коллективнымъ земледѣльческимъ производствомъ". — Поскребите соц.-революціонера и вы найдете г. В.В.! Какъ только дошло до дѣла, всѣ старые предразсудки народничества, преблагополучно сохранившіеся подъ прикрытіемъ увертливыхъ фразъ, выползли тотчасъ же наружу. Государственное землевладѣніе — завершеніе государствомъ перехода земли къ крестьянству — община — кооперація — коллективизмъ — въ этой великолѣпной схемѣ г.г. Сазонова, Юзова, Н.-она, соц.-революціонеровъ, Гофштеттера, Тотомianца и пр. и пр., — въ этой схемѣ не хватаетъ совсѣмъ маленькой мелочи. Въ ней нѣтъ ни развивающагося капитализма, ни классовой борьбы. Да и откуда было взяться этой мелочи въ головахъ людей, весь идейный багажъ которыхъ состоитъ изъ лохмотьевъ народничества и нарядныхъ заплатъ модной критики? Развѣ не сказалъ самъ г. Булгаковъ, что въ деревнѣ нѣтъ мѣста для классовой борьбы? Развѣ замѣна классовой борьбы „всевозможными кооперациями" не удовлетворитъ и либераловъ и „критиковъ" и вообще всѣхъ тѣхъ, для кого соціализмъ естъ не болѣе, какъ традиціонная вывѣска? И развѣ нельзя попробовать успокоить наивныхъ людей увѣреніемъ: „мы, конечно

зовскіе починки, куда можно проѣхать лѣтомъ лишь верхомъ. Произойди такая исторія въ другомъ мѣстѣ, виновники „демонстраціи“ вѣроятно отдѣлались бы мѣсяцемъ — двумя высидки, Но вѣдь это ссыльные, съ ними губернаторъ, что хочетъ, можетъ сдѣлать, и вотъ „либералъ“, дрожа за свою шкуру, наказываетъ ихъ второй ссылкой, которая не уступитъ сибирской!

Теперь намъ сообщаютъ третій фактъ. Старикъ Балмашевъ кончилъ свой надзоръ и уѣзжалъ изъ Вятки. Товарищи пошли провожать его на пароходъ и при отходѣ послѣдняго кричали обычныя дорожныя привѣтствія. Полиція донесла „либералу“: демонстрація! кричали: долой правительство!“ Губернаторъ приказалъ разослать указанныхъ полиціей мнимыхъ организаторовъ мнимой демонстраціи — Спицына, Стучку и Шульца — по деревнямъ. Но эти лица доказали ему, что никакой демонстраціи не было, либералъ смилостивился и отмѣнилъ съ перепугу отданное распоряженіе.

Таковы „квитанціи“, выданныя „либераломъ у власти“ вятскимъ ссыльнымъ. Мы надѣемся, что наши товарищи ссыльные разочтутся по нимъ: они употребятъ всѣ усилія, чтобы освѣтить и заклеймить каждый растерянный шагъ этого „либерала“ и будутъ энергичнѣе собирать и присылать намъ всѣ матеріалы по борьбѣ съ голодающими и вообще по хроникѣ общественно-политической жизни въ Вятскомъ краѣ.

Изъ Малмыжскаго уѣзда намъ сообщаютъ, что арестованъ кружокъ изъ 3 крестьянъ и 3 мѣщанъ, обвиняемыхъ въ совмѣстномъ чтеніи нелегальной литературы. Этотъ кружекъ открытъ черезъ одного парня, который былъ будто бы подкупленъ урядникомъ, протерся въ кружокъ и затѣмъ выдалъ всѣхъ.

Маріуполь. Кризисъ у насъ сказался самымъ замѣтнымъ образомъ: изъ 10,000 занятыхъ рабочихъ осталось едва 800 человѣкъ. Два крупнѣйшихъ завода бельгійскій „Никополь-Маріупольскій“ и французскій „Провидансъ“ совсѣмъ прекращаютъ свою дѣятельность. Интересна исторія ихъ возникновенія и развитія. Правительство, какъ извѣстно, проявляетъ стремленіе привлекать иностранные капиталы; для поощренія оно каждый разъ обѣщаетъ опредѣленный заказъ. Такъ, Никополь-Маріупольскому заводу былъ обезпеченъ заказъ въ 2 милліона рублей на трубы. Оборудованіе завода обошлось въ 15 милліоновъ, оборудованіе „Провиданса“—20 милл. Начинается пріемка. Придирчивая браковка приводитъ къ тому, что заказъ ничего не приноситъ. Послѣ перваго заказа, втброго не даютъ, ссылаясь на плохое исполненіе перваго и вотъ заводъ замираетъ... Неминуема ликвидація. Этого-то и ждетъ правительство. За безцѣнокъ оно беретъ заводъ „въ казну“ или же заводъ попадаетъ въ русскія руки. А въ это время тысячи голодающихъ рабочихъ выбрасываются вонъ. Такая политика правительства—общее явленіе по всему югу. Не мало голодныхъ смертей вызываетъ его любовь къ Россіи—то бишь къ русскому капиталу.

Петербургъ. Изъ числа Петербургскихъ студентовъ, приговоренныхъ по студенческимъ дѣламъ къ тюремному заключенію отъ 3—6 мѣсяцевъ, нѣсколько человѣкъ подали прошенія о помилованіи и тотчасъ же были освобождены, приняты снова въ университетъ и имъ разрѣшено было весною же держать экзамены.

Фамиліи этихъ студентовъ: 1) Бутми де Кацманъ (горн.), 2) Медвѣдевъ (унив.), 3) Пивоваровъ (техн.), 4) Куликовскій (техн.); 5) Бебешинъ, 6) Михѣевъ (горн.). Кромѣ того многіе студенты подавали прошеніе о пересмотрѣ ихъ дѣла министру или градоначальнику, и тоже были тотчасъ освобождены.

Ставрополь. (Сообщено Ростовской группой „Искры“.)

Слухи о крестьянскихъ безпорядкахъ въ Полтавской и Харьковской губ. встревожили Ставропольскаго губернатора, стараго помпадура Никифораки настолько, что онъ подъ шумокъ и со страха началъ распространять слухи о готовящихся демонстраціяхъ въ городѣ Ставрополѣ и его уѣздѣ. Дѣло дошло даже до того, что онъ завелъ въ городѣ совмѣстно съ жандармскимъ ротмистромъ ссыскное отдѣленіе, усилилъ количество городовыхъ, а въ началѣ мая задержалъ цѣлый батальонъ солдатъ мѣстнаго резерва для усмиренія яко-бы готовящихся безпорядковъ и выписалъ цѣлую сотню казаковъ. На вокзалѣ жел. дороги день и ночь сновали городовые и жандармы, своимъ видомъ тревожа искони мирнаго ставропольскаго обывателя. Всякое новое пріѣзжающее въ городъ лицо тщательно на вокзалѣ осматривалось въ виду того, что жандармы и полиція ждали „крамольниковъ“ съ вокзала... Такимъ образомъ, мирный пошехонскій городъ Ставрополь въ глазахъ напуганной администраціи явился очагомъ революціи и очутился въ осадномъ положеніи, въ которомъ его держали съ середины апрѣля до іюня мѣсяца. Помпадуры со дня на день ждали возстанія. И, дѣйствительно, Никифораки получалъ все это время угрожающія подметныя письма.

На столбахъ и заборахъ улицъ города появились угрожающія надписи, какъ напр.: „жизнь или смерть“. Среди обывателей царитъ паника, а въ предмѣстьи города Каменной Ломкѣ, сосредоточіи бѣднѣйшаго населенія города, шли толки о томъ, что нужно перебить всѣхъ чиновниковъ и баръ, что все скоро будетъ по иному и т. д. Словомъ, подъ вліяніемъ дѣйствій напуганной администраціи съ одной стороны, и подъ вліяніемъ проникшихъ слуховъ о Полтавскихъ и Харьковскихъ безпорядкахъ съ другой, издавна недовольное населеніе Каменной Ломки и Воробьевки начинало мало по малу задумываться надъ истиннымъ положеніемъ вещей... Но отсутствіе иниціативы у революціонной интеллигенціи гарантировало городу его сонное прозябаніе, хоть въ этотъ моментъ достаточно было-бы разумно брошеннаго революціоннаго слова, чтобы организовать демонстрацію.

Жандармы и полиція совмѣстно съ помпадуромъ метались, какъ угорѣлые, и дѣлали все отъ нихъ зависящее, что-бы вызвать демонстрацію. На ярмаркѣ въ концѣ мая ходили патрули солдатъ и отряды городовыхъ и всѣхъ пріѣзжающихъ на ярмарку осматривали, опрашивали и т. д., тормозили даже торговлю, такъ что ярмарка кончилась до срока и въ коммерческомъ отношеніи не удалась, чѣмъ вызвано было недовольство среди торговцевъ и крестьянъ, обыкновенно сбывающихъ на этой ярмаркѣ свой скотъ. Увеселенія ярмарочныя были отмѣнены, всякое неизбѣжное на ярмаркахъ скопленіе народа разгонялось самымъ безцеремоннымъ образомъ. Особенно въ этомъ отношеніи отличался полицмейстеръ Герценвицъ, бывшій земскій начальникъ. Онъ пускалъ въ ходъ свои кулаки и нагайку, традиціонную мѣру усмиренія недовольныхъ. Жандармы даже сдѣлали набѣги на двѣ квартиры мирныхъ обывателей, ища въ нихъ „корней и нитей“, отобрали при обыскѣ кинжалъ и палку. Но „Ставропольская революція“, созданная воображеніемъ помпадура, которому не давали спать лавры Харьковскаго помпадура, экзекутора Оболенскаго, все-таки, не проявилась. А, между тѣмъ, вмѣсто „крестовъ и орденовъ“ Никифораки получилъ нахлобучку изъ Петербурга за то, что задержалъ батальонъ солдатъ, тогда какъ онъ 1-го мая долженъ былъ уйти на маневры.

Кіевъ. Въ ясный субботній день 29-го іюня въ Голосѣевскомъ лѣсу за предмѣстьемъ г. Кіева (Деміевкой) было схвачено около 100 человѣкъ рабочихъ и нѣсколько интеллигентовъ. По словамъ одного полицейскаго, гулявшихъ въ лѣсу подъ праздникъ рабочихъ (для евреевъ суббота вмѣняетъ въ обязанность гулять подъ открытымъ небомъ) захватили какъ соціалистовъ „на собраніи“. Это „собраніе“ гулявшихъ горожанъ прослѣжено было монахомъ изъ „Голосѣевской Пустыни“ (монастырь), давшимъ знать о своихъ подозрѣніяхъ полиціи. Когда появилась въ лѣсу полиція съ солдатами, мирно гулявшіе по лѣсу горожане стали разбѣгаться въ разныя стороны, но въ виду выстрѣловъ со стороны полиціи, нѣкоторые (преимущественно женщины и близъ нихъ бѣжавшіе мущины) остановились и дали полиціи возможность окружить себя. У арестованныхъ были произведены обыски, и тѣ изъ нихъ, у кого найдено что нибудь нелегальное (а у кого по нонѣшнимъ временамъ нелегальщины не бываетъ?) задержаны и посажены въ Лукьяновскую тюрьму (14 человѣкъ). Нечего и говорить, что многіе изъ гулявшихъ въ лѣсу горожанъ, пойманные полиціей, несмотря на заявленія о своей непринадлежности къ какому-то неизвѣстному имъ „собранію“, несмотря на отсутствіе какихъ либо вещественныхъ доказательствъ ихъ виновности были арестованы, обысканы и провели не одну тревожную ночь въ отвратительныхъ условіяхъ нашихъ участковъ.

Намъ пишутъ изъ Одессы, что въ Одесскомъ уѣздѣ въ іюнѣ мѣсяцѣ былъ распространенъ среди крестьянъ гектографированный листокъ, экземпляръ котораго присланъ въ редакцію. „Каждый экземпляръ читался и перечитывался и производилъ впечатлѣніе. Полиція рыщетъ, какъ сумасшедшая, хватаетъ и держитъ ни въ чемъ неповинныхъ крестьянъ“. Большой спросъ на соціальдемократическую литературу.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ
и
ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Баку. 3-го мая. Быстро выросшій центръ нефтяной промышленности, Баку еще недавно представлялъ царство исключительныхъ интересовъ биржи и ажіотажа. Магическое слово „фонтанъ“ кружило голову всему, имѣвшему то или иное отношеніе къ нефтяной промышленности. А отношеніе имѣлъ почти всякій Бакинскій житель; прямо или косвенно всѣ были заинтересованы въ нефтяныхъ дѣлахъ, всякій надѣялся отвести въ свой каналъ что-нибудь изъ золотого дождя милліоновъ. Деньги лились рѣкой! капиталы наживались и прожигались съ американской быстротой. Напоминаніе объ общечеловѣческихъ интересахъ прозвучало бы рѣзкимъ и смѣшнымъ диссонансомъ въ этомъ царствѣ рыцарей первоначальнаго накопленія. Только жестокія звѣрства въ Турецкой Арменіи на время всколыхнули армянскую часть населенія, и революціонная національно-армянская пропаганда имѣла временный успѣхъ, поддержанный начавшейся эрой преслѣдованій армянскаго языка и національности со стороны русскаго правительства. Съ наступившимъ затишьемъ въ Турецкой Арменіи сошла съ видимой сцены и Армянская Революціонная Партія въ Россіи, какъ партія дѣйствія, сохраняя однако за собой симпатіи сознательной части армянскаго населенія. Армянскіе революціонеры имѣли въ Баку и революціонные кружки среди рабочихъ. Мы не говорили до сихъ поръ о послѣднихъ. Горячкѣ наживы на одной сторонѣ соотвѣтствовало глухое недовольство угнетеннаго рабочаго населенія, которому кромѣ нищеты, страданій да увѣчій, ничего не доставалось. Но, не просвѣтленное соціальдемократической пропагандой, недовольство выражалось въ актахъ разрушенія и мщенія, да въ бунтахъ, кончавшихся нерѣдко жестокими побоищами между христіанскими и мусульманскими рабочими. Мусульманское населеніе въ Баку самое многочисленное (по неточнымъ свѣдѣніямъ здѣсь около 70,000 мусульманъ, около 50,000 тысячъ армянъ, 30-40 тысячъ русскихъ, остальные — грузины, нѣмцы, евреи, иностранцы). Мусульмане—большей частью, персидско-подданные — пріѣзжаютъ сюда временно для заработковъ. Привыкнувъ у себя на родинѣ къ еще худшему политическому и экономическому гнету, они смотрятъ на Россію чуть ли не какъ на страну свободы и благополучія. Къ тому-же крайне низкій уровень ихъ потребностей дѣлаетъ ихъ опасными конкурентами для рабочихъ-христіанъ и служитъ постоянной причиной взаимнаго недовольства и вражды. Изъ нихъ-то состоитъ вся масса „амбаловъ„ — рабочихъ на пристаняхъ и низшихъ промысловыхъ рабочихъ. Обученныхъ рабочихъ и ремесленниковъ среди нихъ нѣтъ. Описанная духовная атмосфера въ Баку стала сильно измѣняться за послѣдніе 2 года. Нефтяная промышленность стала входить въ болѣе постоянное русло, горячка быстрой наживы стала исчезать. Разразившійся затѣмъ кризисъ нефтяной промышленности закончилъ этотъ процессъ. Средній и мелкій людъ потерялъ иллюзіи быстраго обогащенія, а печальная дѣйствительность въ видѣ разсчетовъ служащихъ, пониженія жалованья и проч. стала проявляться очень ощутительно. Въ это время (1900-1901) въ главныхъ центрахъ Россіи началась уличная агитація, и революціонное движеніе, дотолѣ скрываемое подъ спудомъ, выступило на свѣтъ божій. Гулъ революціонной борьбы донесся и до Баку, и подъ вліяніемъ толчковъ жизни бакинцы на этотъ разъ стали прислушиваться къ нему съ интересомъ и вниманіемъ. Студенческіе бюллетени, листки и вообще нелегальная литература, стали сильно циркулировать по городу. Въ то же время началась и болѣе правильная соц.-демократическая пропаганда среди здѣшнихъ рабочихъ.

Въ зиму 1901-1902 г. здѣсь имѣло мѣсто нѣсколько забастовокъ на заводахъ и въ ремесленныхъ мастерскихъ, прошедшихъ мирно и закончившихся уступками рабочимъ. Начало 1902 года ознаменовалось первыми жертвами соц.-демократической пропаганды. Въ Баку арестовано было около 30 рабочихъ и нѣсколько интеллигентовъ. Между тѣмъ, кризисъ съ его безработицей, массовыми высылками безработныхъ рабочихъ (до десятка тысячъ), пониженіе платы и проч. усиливалъ недовольство среди бакинскихъ рабочихъ и интересъ къ соц.-демократической пропагандѣ, а среди сознательной части рабочаго населенія вызвалъ стремленіе къ болѣе активной дѣятельности, укрѣплялъ убѣжденіе въ неизбѣжности открытой борьбы съ самодержавіемъ. Началась тайная агитація. Бакинскій Соц.-демократическій Комитетъ рѣшилъ выступить открыто. Осень и зиму онъ усердно распространялъ по рукамъ нелегальную литературу (брошюры и газеты „Искру“ и „Южный Рабочій“) и общерусскіе листки (о 19 февр. и проч.). По поводу мартовскихъ арестовъ въ Баку онъ выпустилъ листокъ уже за своею подписью. Въ концѣ апрѣля Комитетомъ были распространены: майскій листокъ „Искры“, собственный листокъ „Комитета“ (печатный), и воззваніе къ обществу (гектогр.) Кромѣ него, циркулировало воззваніе „къ Кавказской интеллигенціи“ (гектогр.), выпущенное группой соц.-демокр. Всѣ эти листки разбрасывались, расклеивались на заводскихъ зданіяхъ и на всѣхъ улицахъ и съ жадностью читались всѣмъ населеніемъ безъ различія положеній. Подъ вліяніемъ усиленной устной и печатной агитаціи число желающихъ участвовать въ демонстраціи среди рабочихъ стало сильно возростать и Комитетъ назначилъ ее на 21 апрѣля. Мы не станемъ повторять всѣхъ подробностей ея, описанныхъ въ корреспонденціи рабочаго-участника демонстраціи. Демонстрація вышла менѣе многочисленной, чѣмъ ожидалось: благодаря случайности, знамя развернуто было ранѣе условленнаго времени, и вмѣсто 800 человѣкъ, на которыхъ можно было разсчитывать съ увѣренностью, съ Парапета двинулось всего человѣкъ 300. Тѣмъ не менѣе, ее надо признать безусловно удавшейся. Цѣль ея достигнута: повсюду только и разговоровъ, что о демонстраціи; публика, не читавшая еще листковъ, стала усиленно искать ихъ; всѣ удивляются, что въ Баку могла удасться подобная демонстрація. Крикъ „долой самодержавіе“ разнесенъ по всему городу и повторяется каждымъ мальчишкой. Въ рабочей средѣ демонстрація произвела отличное впечатлѣніе. Она подняла духъ рабочихъ и дала имъ увѣренность въ своей силѣ. Бакинскіе рабочіе сразу поднялись въ мнѣніи своемъ и публики и этотъ ростъ тотчасъ же былъ учтенъ жизнью.

1 мая рабочіе на нѣкоторыхъ заводахъ и промыслахъ предъявили администраціи свои требованія и получили удовлетвореніе. Во многихъ же заведеніяхъ рабочіе заявляли администраціи о томъ, что не будутъ работать 1 мая.

чужды всякой идеализаціи общины“, хотя рядомъ съ этимъ увѣреніемъ вы читаете колоссальное фразерство о „колоссальной организаціи мірского крестьянства“, о томъ, что „въ извѣстныхъ отношеніяхъ ни одинъ классъ въ Россіи такъ не подталкивается къ чисто(!) политической борьбѣ, какъ именно крестьянство“, что крестьянское самоопредѣленіе(!) своими границами и компетенціей далеко шире земскаго, что это соединеніе „широкой...(до самой околицы?)... самодѣятельности“ съ отсутствіемъ „элементарнѣйшихъ гражданскихъ правъ“ „точно нарочно было придумано для того, чтобы... будить и упражнять(!) политическіе инстинкты и навыки общественной борьбы“. Не любо — не слушай, а...

„Надо быть слѣпымъ, чтобы не видѣть, насколько легче перейти къ идеѣ соціализаціи земли отъ традицій общиннаго управленія землей“. Не наоборотъ-ли, г.г,? Не являются-ли безнадежно слѣпыми и глухими тѣ, кто до сихъ поръ не знаетъ, что именно средневѣковая замкнутость полукрѣпостной общины, раздробляющей крестьянство на крохотные союзы и связывающей по рукамъ и ногамъ сельскій пролетаріатъ, поддерживаетъ традиціи косности, забитости и одичалости? Не побиваете-ли вы сами себя, признавая пользу отхода, который уже на три четверти разрушилъ пресловутую уравнительность общинныхъ традицій и свелъ эти традиціи къ одной полицейской склокѣ.

Программа-минимумъ соц.-рев., будучи основана на вышеразобранной теоріи, является настоящимъ курьезомъ. Два пункта въ этой „программѣ“: 1) „соціализація земли т. е. переходъ ея въ собственность всего общества и въ пользованіе трудящихся“; 2) „развитіе въ крестьянствѣ всевозможныхъ видовъ общественныхъ соединеній и экономическихъ кооперацій...(для „чисто“ политической борьбы?)... для постепеннаго высвобожденія крестьянства изъ подъ власти денежнаго капитала...(подъ власть промышленнаго?)... и для подготовленія грядущаго коллективнаго земледѣльческаго производства“. Какъ солнце въ малой каплѣ водъ, отражается въ этихъ двухъ пунктахъ весь духъ современнаго „соціаль-революціонаризма“. Въ теоріи — революціонная фраза вмѣсто продуманной и цѣльной системы воззрѣній, на практикѣ — безпомощное подхватываніе того или иного моднаго средствица вмѣсто участія въ классовой борьбѣ — вотъ все, что у нихъ есть. Поставить рядомъ въ программѣ-минимумъ, соціализацію земли и кооперации, для этого необходимо было, признаемся, рѣдкое гражданское мужество. Наша программа-минимумъ, съ одной стороны—Бабефъ, съ другой—г. Левитскій. Это неподражаемо.

Еслибы можно было серьезно отнестись къ этой программѣ, то намъ бы пришлось сказать, что, обманывая себя звукомъ словъ, соц.-рев. обманываютъ и крестьянина. Это — обманъ, будто „всевозможныя кооперации“ играютъ революціонную роль въ современномъ обществѣ и подготовляютъ коллективизмъ, а не укрѣпленіе сельской буржуазіи. Это — обманъ, будто какъ „минимумъ“, какъ нѣчто столь же близкое, какъ кооперации, можно ставить въ виду „крестьянства“ — соціализацію земли. Всякій соціалистъ пояснилъ бы нашимъ соц.-рев., что уничтоженіе частной собственности на землю можетъ быть теперь лишь непосредственнымъ преддверіемъ уничтоженія ея вообще, что одна передача земли въ „пользованіе трудящихся“ еще не удовлетворила бы пролетаріатъ, ибо милліоны и десятки милліоновъ разореннаго крестьянства не въ состояніи уже вести хозяйства на землѣ, даже если бы она у нихъ была. А снабженіе этихъ разоренныхъ милліоновъ орудіями, скотомъ и пр. было бы уже соціализаціей всѣхъ средствъ производства и требовало бы соціалистической революціи пролетаріата, а не крестьянскаго движенія противъ остатковъ крѣпостничества. Соц.-рев. смѣшиваютъ соціализацію земли съ ея буржуазной націонализаціей. Эта послѣдняя мыслима, говоря абстрактно, и на базисѣ капитализма, безъ уничтоженія наемнаго труда. Но именно примѣръ тѣхъ же соц.-рев. наглядно подтверждаетъ ту истину, что выдвигать требованіе націонализаціи земли въ полицейскомъ государствѣ значитъ затемнять единственно революціонный принципъ классовой борьбы и подливать воду на мельницу всякой казенщинѣ.

Мало того; соц.-рев. спускаются и до прямой реакціонности, когда возстаютъ противъ требованія проэкта нашей программы: „отмѣна всѣхъ законовъ, стѣсняющихъ крестьянина въ распоряженіи его землей“. Во имя народническаго предразсудка объ „общинномъ началѣ“ и „уравнительномъ принципѣ“ они отказываютъ крестьянину въ такомъ „элементарнѣйшемъ гражданскомъ правѣ“, какъ право распоряжаться своей землей, они благодушно закрываютъ глаза на сословную замкнутость дѣйствительной общины, они становятся защитниками полицейскихъ запрещеній, установленныхъ и поддерживаемыхъ „государствомъ“... земскихъ начальниковъ! Мы думаемъ, что не только г. Левитскій, но и г Побѣдоносцевъ не очень испугаются требованія соціализаціи земли для уравнительнаго пользованія ею, разъ это требованіе выдвигается какъ минимумъ, наряду съ которымъ фигурируютъ и кооперации и защита полицейскаго прикрѣпленія мужика къ обезпечивающему его казенному надѣлу.

Пусть послужитъ аграрная программа соц.-рев. урокомъ и предостереженіемъ для всѣхъ соціалистовъ, наглядным примѣромъ того, къ чему приводитъ безидейность и безпринципность, называемая нѣкоторыми легкомысленными людьми свободой отъ догмы. Какъ только дошло до дѣла, у соц.-рев. не оказалось на лицо ни одного изъ трехъ условій, необходимыхъ для выставленія послѣдовательной соціалистической программы: ни ясной идеи о конечной цѣли, ни правильнаго пониманія того пути, который ведетъ къ этой цѣли, ни точнаго представленія о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ въ данный моментъ и о ближайшихъ задачахъ этого момента. Конечную цѣль соціализма они только затемнили, смѣшавъ соціализацію земли съ ея буржуазной націонализаціей, спутавъ примитивную крестьянскую идею о мелкомъ уравнительномъ землепользованіи съ ученіемъ современнаго соціализма о переходѣ всѣхъ средствъ производства въ общественную собственность и объ организаціи соціалистическаго производства. Ихъ представленіе о пути, ведущемъ къ соціализму, безподобно характеризуется замѣной классовой борьбы развитіемъ кооперацій. Въ оцѣнкѣ даннаго момента аграрной эволюціи Россіи они забыли мелочь: остатки крѣпостничества, давящіе нашу деревню. Знаменитая троица, выражавшая ихъ теоретическіе взгляды: интеллигенція, и пролетаріатъ, и крестьянство — дополнилась не менѣе знаменитой „программной“ троицей: соціализація земли — кооперація — прикрѣпленіе къ надѣлу.

Сравните съ этимъ программу Искры, которая указываетъ единую конечную цѣль всему борющемуся пролетаріату, не сводя ее до „минимума“, не принижая ее ради приспособленія къ идеямъ нѣкоторыхъ неразвитыхъ слоевъ пролетаріата или мелкихъ производителей. Путь для достиженія этой цѣли одинъ и въ городѣ и въ деревнѣ—классовая борьба пролетаріата противъ буржуазіи. Но кромѣ этой классовой борьбы продолжаетъ еще вестись въ нашей деревнѣ и другая: борьба всего крестьянства противъ остатковъ крѣпостничества. И въ этой борьбѣ партія пролетаріата обѣщаетъ свою поддержку всему крестьянству, стараясь указать настоящую цѣль его революціонному порыву, направить его возстаніе противъ его настоящаго врага, считая нечестнымъ и недостойнымъ относиться къ мужику, какъ къ подопечному, скрывать отъ него, что онъ можетъ добиться въ настоящее время и немедленно только полной отмѣны всѣхъ слѣдовъ и остатковъ крѣпостничества, только очищенія пути для болѣе широкой и болѣе трудной борьбы всего пролетаріата противъ всего буржуазнаго общества.

Въ Батумѣ ликуютъ: по просьбѣ Ротшильда вызваны изъ деревень рабочіе (1500ч.), высланные въ февралѣ административнымъ порядкомъ. Вернувшись въ городъ, рабочіе предъявили требованія: освобожденіе арестованныхъ, обезпеченіе семействъ убитыхъ и раненыхъ, уплата жалованья за 3 мѣсяца, сокращеніе на полъ часа раб. дня, удаленіе шпіоновъ и взяточниковъ — приказчиковъ, увеличеніе заработной платы, сокращеніе дѣтскаго труда до 6ч. и пр. 3 недѣли вызванные рабочіе не соглашались приступить къ работѣ. 22-го іюня требованія (почти всѣ) удовлетворены. Началась стачка на заводѣ Хачатурова (300чел.). Требованія тѣ-же. Заводъ Манташева удовлетворилъ стачечниковъ еще въ мартѣ. Батумская группа (соц.-дем.) выпустила съ начала событій рядъ листковъ на грузинскомъ яз. (печатныхъ).

Симферополь, 26 іюня. За послѣднее время по всѣмъ городамъ Крыма возникаютъ новыя и возстановляются прежде существовавшія соц.-демократическія рабочія организаціи. Сравнительное обиліе интеллигенціи; сравнительно высокій культурный уровень рабочей среды; отсутствіе крупной промышленности и, слѣдовательно, массовой агитаціи; наконецъ, либеральныя традиціи въ буржуазномъ обществѣ, издавна отличавшія Крымъ,—все это указываетъ на ту спеціальную функцію, которую должны взять на себя и въ состояніи осуществить крымскія организаціи: сдѣлаться поставщикомъ для Южной Россіи передовыхъ рабочихъ-агитаторовъ и руководителей массоваго движенія. Быстро разростающееся движеніе въ большихъ городахъ въ связи съ цѣлымъ рядомъ техническихъ и случайныхъ затрудненій до крайности затрудняютъ постановку тамъ правильной пропаганды. Слѣдствіемъ является отсутствіе вожаковъ у рабочей массы, поверхностность ихъ—со всѣми вытекающими отсюда печальными послѣдствіями вродѣ пріостановки движенія изъ-за арестовъ нѣсколькихъ передовыхъ рабочихъ. Намъ недостаетъ постоянно функціонирующей „школы соціализма“, лабораторіи революціонеровъ—и Крымъ, по мѣстнымъ условіямъ, можетъ восполнить этотъ пробѣлъ. Крымскимъ организаціямъ надо только тѣснѣй сплотиться, устраняя элементъ случайности изъ своей работы, своими мѣстными силами обезпечивая правильное питаніе мѣстнаго движенія и ведя по общему плану и подъ взаимнымъ контролемъ пропаганду соціализма и „практическія революціонныя занятія“ (такъ называютъ рабочіе бесѣды объ агитаціи, о тактическихъ вопросахъ и о такихъ вопросахъ русской жизни, какъ финансовая политика или земскій вопросъ.). Думается, что при незначительности Крымскихъ разстояній и при назрѣвшей уже потребности разрѣшеніе этого вопроса не заставитъ себя долго ждать.

Пока же, въ виду того, что въ „Искрѣ“ не бывало еще корреспонденцій отъ насъ, слѣдуетъ отмѣтить, что у насъ вообще дѣлалось за послѣднее время. Въ Симферополѣ листки мѣстной организаціи были выпускаемы (въ гектографированномъ видѣ): 1) по поводу 19-го февр.—на тему о классовомъ антагонизмѣ, о силѣ народныхъ массъ и необходимости политической свободы. 2) 4-го марта объ общихъ причинахъ демонстраціи и ихъ значеніи; 3) 27-го марта—обозрѣніе и оцѣнка событій за послѣдній мѣсяцъ—выстрѣлъ Аллартъ, ссылка въ Сибирь 95 студентовъ и т. п. 4) майскій листокъ; 5) 13-го мая, по поводу казни Балмашева и выстрѣла Леккерта—за подписью „Симферопольскій Соц.-демократ. Рабочій Союзъ“. Прокламаціи распространялись обыкновенно путемъ передачи изъ рукъ въ руки (чтобы не поднимать очень большого шуму), а разбрасывались и расклеивались только 2 раза: съ 5-го на 6-е мая (200 шт.) и 13-го мая—500 штукъ.

Начальство это выступленіе наше на свѣтъ Божій „поразило въ самое сердце“ и оно приняло такія мѣры: 1) рядъ обысковъ и арестовъ, все неудачныхъ, все не по адресу организаціи. Къ нѣкоторымъ, являясь съ обыскомъ, заявляли: „дайте намъ прокламаціи и мы уйдемъ;“ 2) рядъ мѣръ для охраны улицъ на случай демонстраціи: впервые на улицахъ Симферополя появились конные и пѣшіе городовые (нагайкой они проломили голову одному рабочему); городовыхъ и шпіоновъ понаставили столько, что прямо непонятно, откуда они столько взяли, усилили штатъ жандармовъ и наконецъ—вѣнецъ всему!—жандармскій генералъ Трубниковъ, какъ онъ самъ разсказывалъ, выпросилъ у корпуснаго командира, чтобы рота солдатъ „гуляла въ публикѣ“ въ день традиціоннаго здѣсь праздника весны— съ тѣмъ, чтобы по свистку бить демонстрантовъ, буде они окажутся; 3) затѣмъ послѣ разброски прокламаціи 6-го мая, по свидѣтельству архіепископа Николая и полицмейстера Кузменко, были установлены ночные посты 60 городовыхъ и облавы по ночамъ на прохожихъ напр. на Садовой улицѣ—и несмотря на это, 13 мая было расклеено и разбросано еще 500 „варениковъ“, какъ ихъ у насъ называютъ за трехугольный видъ (съ красной ленточкой); никто при этомъ не попался, также никого не задержали и шпіоны, разставленные было (на ночь) у почтовыхъ ящиковъ (интеллигенціи прокламаціи разсылались): 4) съ 6-го мая двѣ недѣли въ казармахъ съ офицерами дежурили солдаты Литовскаго полка (двѣ роты), получившіе по 4 холостыхъ и 16 боевыхъ зарядовъ —на случай „бунта“, котораго ждали, то къ царскому рожденью, то къ царскимъ именинамъ. 5) Кромѣ этихъ мѣръ, ничѣмъ не отличающихся отъ обычныхъ мѣръ нашей бюрократіи, чувствующей себя такъ непрочно, что боится погибнуть отъ нѣсколькихъ прокламацій, у насъ г. губернаторъ выдумалъ нѣчто оригинальное. Именно, онъ обратился къ содѣйствію духовенства. 14-го мая въ Александро-Невскомъ Соборѣ о. протоіерей Тяжеловъ произнесъ полуторачасовую рѣчь, въ которой полемизировалъ... съ нашими прокламаціями. Одинъ перлъ изъ его рѣчи необходимо сохранить для потомства въ дословномъ видѣ: „не вѣрьте, сказалъ онъ, что царь—врагъ народа и что вы должны уничтожить его власть. Это все вамъ пишутъ волки въ овечьихъ шкурахъ. Вѣдь царь—помазанникъ Божій, и, еслибы онъ былъ противъ народа,—Богъ бы его не помазалъ!“ Изъ другихъ святыхъ отцовъ отличался самъ преосв. Николай, говорившій на выпускныхъ экзаменахъ въ семинаріи и гимназіи. Въ семинаріи онъ говорилъ о „нахальствѣ агитаторовъ“, дерзающихъ подъ носомъ 60 городовыхъ раскидывать свои листки и якобы закидывающихъ свои сѣти даже въ семинарію, а въ гимназіи Его Преосвященство сообщилъ, что онъ тоже читаетъ нелегальныя изданія, но только надо „относиться къ нимъ критически“. 6) Наконецъ, губернаторъ призывалъ къ себѣ ремесленнаго голову г. Петрова и просилъ его „повліять на рабочихъ“ и „присмотрѣть“ за ними. Но въ этомъ отношеніи онъ напрасно безпокоился—на нихъ успѣли уже „повліять“ прокламаціи, а ко всякимъ „присматриваніямъ“ они привыкли настолько, что какъ ни старалась жандармерія и полиція, но никого изъ рабочаго союза не заарестовали.

Не имѣя сейчасъ возможности писать также и о другихъ городахъ Крыма, упомяну только, что майскіе листки соц.-демократическихъ организацій, кромѣ Симферополя, были также въ Севастополѣ, Ялтѣ, Мелитополѣ, Евпаторіи, Ѳеодосіи и Керчи.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Изъ западно-европейскаго рабочаго движенія.

На недавно происходившемъ съѣздѣ голландской соціаль-демократической партіи, между прочимъ, была принята слѣдующая резолюція (большинствомъ 72 противъ 23 голосовъ):

„Конгрессъ выражаетъ желаніе, чтобы государство взяло на себя заботу о всеобщемъ, обязательномъ и даровомъ народномъ образованіи.

„Конгрессъ полагаетъ, что необходимо на средства государства поднять уровень преподаванія въ народныхъ школахъ и поставить ихъ подъ контроль педагоговъ-спеціалистовъ.

„Констатируя, что большая часть рабочаго класса Голландіи требуетъ для своихъ дѣтей религіознаго образованія, конгрессъ не видитъ необходимости сопротивляться этому, потому что соціаль-демократія не должна изъ-за богословскихъ споровъ разрушать экономическое единство рабочаго класса, борющагося безразлично съ вѣрующими и невѣрующими капиталистами.

„Конгрессъ требуетъ, чтобы матеріальное положеніе учителей, независимость которыхъ должна быть гарантирована государствомъ, было одинаково въ церковныхъ и свѣтскихъ школахъ и чтобы родители были свободны въ выборѣ школы.

„Только при выполненіи всей этой программы цѣликомъ конгрессъ даетъ согласіе на такія мѣропріятія, которыя будутъ имѣть своимъ слѣдствіемъ уравненіе церковной школы со свѣтской“.

Наши голландскіе товарищи, повидимому, почувствовали, что въ этой резолюціи не все обстоитъ благополучно и поспѣшили дать намъ по этому поводу свое объясненіе. Дѣло, оказалось, состояло въ слѣдующемъ: въ Голландіи давно уже идетъ борьба между либеральной крупной буржуазіей и реакціонно-клерикальной партіей, въ составъ которой входятъ мелкіе ремесленники, мелкіе и крупные землевладѣльцы. Либеральная партія, достигши власти, позаботилась объ устройствѣ хорошей народной школы. Въ 1878 году ею былъ проведенъ законъ, лишившій церковныя школы государственной субсидіи. Реакціонеры воспользовались этимъ закономъ для своей агитаціи и имъ удалось на частныя средства религіозныхъ родителей даже увеличить число церковныхъ школъ, а также число учениковъ въ нихъ. Достигши вновь власти, клерикалы опять въ 1889 году издали законъ о государственномъ пособіи церковной школѣ. Теперь голландскимъ соціаль-демократическимъ депутатамъ въ палатѣ приходилось высказаться по этому вопросу. Они обратились за совѣтомъ къ своей партіи и мы видѣли, какой отвѣтъ она имъ дала.

Наиболѣе существенный доводъ въ пользу резолюціи заключается, конечно, въ слѣдующихъ словахъ: „Соціаль-демократія не должна изъ-за богословскихъ споровъ разрушать экономическое единство рабочаго класса, борющагося безразлично съ вѣрующими и невѣрующими капиталистами“. Ставить вопросъ такимъ образомъ, значитъ не дѣлать никакого различія между политической партіей и профессіональнымъ союзомъ. Послѣдній имѣетъ другія задачи и многіе вопросы рѣшаетъ иначе, чѣмъ политическая партія. Ниже мы увидимъ, какъ данный вопросъ рѣшается профессіональными союзами. Что касается соціаль-демократической партіи, то она стоитъ передъ фактомъ разъединенія рабочаго класса, — фактомъ, не ею созданнымъ, и она обязана стремиться организовать и объединить его на почвѣ своихъ принциповъ. Никакія соображенія объ экономическомъ единствѣ между вѣрующими и невѣрущими рабочими не могутъ заставить ее отказаться отъ своего принципіальнаго требованія — отдѣленія церкви отъ государства и школы отъ церкви. Клерикалы отлично понимаютъ значеніе школы для своего политическаго вліянія и стараются удержать ее въ своихъ рукахъ, а соціаль-демократы, утверждающіе, что они стремятся къ освобожденію народа отъ всѣхъ формъ рабства, какъ экономическаго, такъ и идейнаго, заявляютъ свою готовность продлить еще на неопредѣленное время вліяніе отживающаго міросозерцанія!

Выше было сказано, что профессіональные союзы имѣютъ задачи, отличныя отъ задачъ политической партіи, и потому иначе рѣшаютъ многіе вопросы. Профессіональный союзъ имѣетъ цѣлью улучшеніе положенія рабочихъ при данномъ экономическомъ строѣ. Къ борьбѣ за сокращеніе рабочаго дня и увеличеніе заработной платы сводится наиболѣе существенная часть дѣятельности такого союза. Понятно, что цѣли профессіональнаго союза могутъ одинаково признаваться и соціалистами и ихъ противниками, людьми религіозными и невѣрующими и т. д и т. д. Болѣе того: профессіональный союзъ заинтересованъ въ привлеченіи возможно большаго числа членовъ, такъ какъ это дѣлаетъ его болѣе сильнымъ и болѣе стойкимъ. Политическая же партія имѣетъ цѣлью ниспроверженіе существующаго порядка вещей, ея члены должны быть связаны между собой общностью міросозерцанія, общностью программы. Ея вліяніе на массу больше зависитъ отъ яснаго пониманія ея членами и отъ проведенія ими на практикѣ принциповъ партіи, чѣмъ отъ количества ея членовъ. Такъ напр., въ занимавшемъ насъ выше вопросѣ всѣ члены соціаль-демократической партіи должны признавать и умѣть отстаивать тотъ пунктъ ея программы, въ которомъ говорится объ отдѣленіи церкви отъ государства; члены же профессіональныхъ союзовъ могутъ быть разныхъ взглядовъ на этотъ вопросъ. Это-то и принято называть нейтральностью профессіональныхъ союзовъ.

Однако, не всѣ одинаково понимаютъ эту нейтральность. Дѣло въ томъ, что въ нѣкоторыхъ европейскихъ странахъ профессіональное движеніе возникло сравнительно позже соціаль-демократической партіи и создано членами это партіи и благодаря ея дѣятельности въ парламентѣ и въ странѣ. Въ этихъ случаяхъ профессіональные союзы являются плотью отъ плоти соціаль-демократической партіи. Нейтральность союзовъ состоитъ въ томъ, что они принимаютъ въ число своихъ членовъ и не соціаль-демократовъ, но всѣмъ хорошо извѣстно, что союзы эти имѣютъ соціаль-демократическій характеръ: они являются для многихъ рабочихъ лишь подготовительной школой къ соціаль-демократіи, точно также какъ и наоборотъ, большинство рабочихъ, состоящихъ членами соціаль-демократической партіи, входятъ въ составъ профессіональныхъ союзовъ.

Эта взаимная связь двухъ теченій, подкрѣпляющихъ и дополняющихъ другъ друга является бѣльмомъ на глазу для тѣхъ людей, которые хотѣли бы лишить европейское рабочее движеніе его революціоннаго характера. Отсюда же исходитъ проповѣдь особаго рода нейтральности, подъ которой эти новые друзья рабочаго класса подразумѣваютъ отреченіе профессіональныхъ союзовъ отъ соціальдемократіи и созданіе организаціи, подобной англійскимъ трэдъюніонамъ, которые не занимаются политикой или вѣрнѣе занимаются ею спорадически, когда это понадобится тому или другому цеху, той или другой профессіи. Принципіальной борьбы соціаль-демократической партіи, отстаивающей интересы всего рабочаго класса, эти сторонники соціальной реформы, какъ они себя называютъ, знать не хотятъ.

На происходившемъ 16-21 іюня въ Штутгартѣ съѣздѣ германскихъ профессіональныхъ союзовъ, эти фальшивые друзья получили надлежащій отвѣтъ на всѣ свои заигрыванія: большинство ораторовъ на съѣздѣ старались подчеркнуть единство германскаго рабочаго движенія и связь профессіональныхъ союзовъ съ соціаль-демократической партіей.

Эта связь сказалась не только въ рѣчахъ, но и въ духѣ принятыхъ на конгрессѣ резолюцій. Такъ, напримѣръ, по вопросу о работѣ на дому конгрессъ высказался за желательность совершеннаго запрещенія такой работы, дающей возможность предпринимателямъ прибѣгать къ наихудшимъ формамъ эксплуатаціи преимущественно женскаго и дѣтскаго труда. Въ видѣ переходныхъ мѣръ конгрессъ требуетъ распространенія на этого рода работы всѣхъ постановленій фабричнаго законодательства, подчиненія ихъ контролю фабричныхъ инспекторовъ, запрещенія дѣтскаго труда, запрещенія работать по ночамъ, по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ, санитарнаго надзора за мастерскими и строгихъ наказаній за нарушеніе всѣхъ относящихся сюда постановленій.

Далѣе, конгрессъ высказался за необходимость болѣе интенсивной агитаціи среди работницъ и привлеченія ихъ въ общія профессіональныя организаціи. Въ особой резолюціи высказано требованіе государственнаго страхованія отъ безработицы, но предварительнымъ его условіемъ должны быть: неограниченная свобода союзовъ и стачекъ, предоставленіе профессіональнымъ организаціямъ правъ юридическаго лица и правильный періодическій подсчетъ числа безработныхъ.

Не лишено интереса, что на засѣдавшемъ въ первыхъ числахъ іюля въ Мюнхенѣ конгрессѣ христіанскихъ профессіональныхъ союзовъ высказывались совершенно противуположныя мнѣнія: „Съ христіанской точки зрѣнія нельзя желать полнаго уничтоженія работы на дому. Только мужчинамъ слѣдуетъ запретить заниматься такой работой“. „Женщины должны создавать особыя организаціи, отдѣльныя отъ мужчинъ, но подъ верховнымъ руководствомъ мужскихъ организацій“...Слѣдуетъ окончательно запретить замужнимъ женщинамъ работать на фабрикахъ“. И т. д. И т. д. Одинъ англійскій соціалистъ, присутствовавшій на Штуттгартскомъ конгрессѣ, былъ очень удивленъ, что въ Германіи существуютъ христіанскіе профессіональные союзы. „Я не могу понять — сказалъ онъ въ разговорѣ съ корреспондентомъ одной нѣмецкой соціаль-демократической газеты — какая связь существуетъ между религіей и профессіональными интересами. Вѣдь рабочіе соединяются не изъ-за церковныхъ, а изъ-за матеріальныхъ причинъ. Фабрика и церковь двѣ вполнѣ различныя вещи. Товары производятся не для протестантовъ, католиковъ и т. д., а для людей, имѣющихъ деньги“. Тѣмъ не менѣе, такіе союзы существуютъ на континентѣ въ сравнительно большомъ количествѣ, и созданы они большею частью различными политическими партіями, стремящимися сохранить свое вліяніе на рабочихъ и не дать имъ уйти въ соціаль-демократическій лагерь. Является вопросъ, какъ быть съ такими организаціями, въ какое отношеніе къ нимъ встать.

Рѣшеніемъ этого вопроса пришлось, между прочимъ, заняться международному конгрессу рабочихъ текстильной промышленности, собиравшемуся въ Цюрихѣ (2-6-го іюня). На этотъ конгрессъ явилось 3 представителя отъ христіанскихъ профессіональныхъ союзовъ, открыто враждовавщихъ и даже вредившихъ профессіональнымъ союзамъ другого направленія. Въ виду этого конгрессомъ была единогласно принята слѣдующая резолюція, устанавливающая условія допущенія на будущіе конгрессы: „Засѣдающій въ Цюрихѣ 5-й международный конгрессъ рабочихъ текстильной промышленности принимаетъ къ свѣдѣнію тотъ фактъ, что въ нѣкоторыхъ странахъ существуютъ профессіональные союзы, называющіе себя желтыми (во Франціи), христіанскими или смѣшанными (т. е. состоящими изъ предпринимателей и рабочихъ) и основанные лишь съ цѣлью затруднить чисто рабочую профессіональную пропаганду. Конгрессъ рѣшаетъ не допускать на будущіе конгрессы представителей указанныхъ союзовъ, такъ какъ они являются представителями международнаго союза рабочихъ, стоящихъ на точкѣ зрѣнія классовой борьбы. Конгрессъ приглашаетъ всѣхъ рабочихъ, каковы бы ни были ихъ религіозныя и политическія убѣжденія, создавать профессіональныя организаціи для борьбы съ произволомъ предпринимателей за свое окончательное освобожденіе“.

Укажемъ еще на нѣкоторыя другія рѣшенія этого конгреса, имѣющія общій интересъ. Рѣшено добиваться запрещенія сверхурочныхъ работъ и бороться за постепенное сокращеніе рабочаго дня до 8-ми часовъ. Постановлено учредить международный стачечный фондъ, и принята резолюція, обязывающая всѣхъ организованныхъ ткачей и прядильщиковъ при выборахъ голосовать только за такихъ кандидатовъ, которые заявятъ свою готовность поддерживать въ парламентѣ рѣшенія конгресса.

Рѣшеніе, сходное съ послѣднимъ, было принято и на международномъ(13-мъ) съѣздѣ горнорабочихъ въ Дюссельдорфѣ (16-23 мая). Одинъ австрійскій делегатъ пошелъ даже еще далѣе и требовалъ, чтобы избирали только кандидатовъ, выставляемыхъ соціаль-демократической партіей, но въ виду отсутствія въ Англіи такого единства между соціаль-демократіей и трэдъюніонизмомъ пришлось ограничиться болѣе общимъ рѣшеніемъ. А, между тѣмъ, оно имѣло въ виду, главнымъ образомъ, Англію, гдѣ еще недавно представитель рабочихъ вотировалъ въ парламентѣ противъ закона о 8-ми часовомъ рабочемъ днѣ для горнорабочихъ. Даже на самомъ конгрессѣ трое англійскихъ делегатовъ, изъ которыхъ одинъ оказался членомъ парламента, вотировали противъ распространенія закона о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ на тѣхъ горныхъ рабочихъ, которые работаютъ на поверхности земли. Неудивительно, что этотъ цеховой эгоизмъ англійскихъ треэдъюніонистовъ вызвалъ самую рѣзкую отповѣдь со стороны другихъ делегатовъ. „Еслибы — сказалъ одинъ изъ нихъ — кто-нибудь изъ нашихъ вождей позволилъ себѣ что-нибудь подобное, то онъ былъ бы выкинутъ изъ организаціи“.

Къ другимъ рѣшеніямъ Дюссельдорфскаго конгресса мы надѣемся еще вернуться.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Харьковскій Комитетъ Партіи слился съ мѣстнымъ „Союзомъ Борьбы за Осв. Раб. Класса“ и принялъ двойное названіе: Харьк. Ком. Р. С.-Д. Р. П.—Союзъ Борьбы“ и т. д. Сформировавшійся въ Полтавѣ Комитетъ Партіи выпустилъ 2 (гектогр.) прокламаціи къ рабочимъ—одну о стачечной борьбѣ, а другую—о политической свободѣ.

Тверская организація преобразовалась въ Комитетъ Партіи и издала по этому поводу слѣдующую прокламацію:

Съ 1-го мая настоящаго года Тверская Группа Рос. С.-Д. Р. П. приняла названіе Комитета. Этимъ шагомъ мѣстная организація окончательно включаетъ себя въ составъ большого организованнаго цѣлаго—Рос. Соц.-дем. Партіи, изъ чего вытекаетъ обязанность ея во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ руководиться тѣми тактическими принципами, которые получили партійную санкцію, — право автономнаго рѣшенія только тѣхъ вопросовъ, которые носятъ исключительно мѣстный характеръ. Таковы съ принципіальной точки зрѣнія послѣдствія принятія Группой формы Комитета, ячейки партійной организаціи.

Въ настоящее время русскимъ соц.-демократическимъ организаціямъ нельзя ограничиться простымъ заявленіемъ о принадлежности къ дѣйствующей въ Россіи Соц.-Дем. Партіи вообще. Неизбѣжныя въ каждомъ живомъ дѣлѣ теоретическія и практическія разногласія создали расколъ между борящимися подъ однимъ знаменемъ организаціями и ихъ литературными органами. Примирить эти разногласія, установить единую точку зрѣнія на спорные вопросы и властнымъ словомъ прекратить состояніе партійной анархіи—дѣло всей партіи и ея компетентнаго органа —съѣзда. Но пока это слово не сказано, всякая вновь возникающая въ Россіи организація должна, хотя бы въ краткой формѣ, установить то или иное отношеніе къ спорящимъ сторонамъ. Эту — и только эту — цѣль преслѣдуетъ настоящій листокъ.

Тверской Комитетъ примыкаетъ къ программѣ „Искры“ и считаетъ ея освѣщеніе современныхъ намъ событій наиболѣе правильнымъ. Задача объединенія партійныхъ силъ въ виду мобилизировавшаго всѣ свои силы самодержавія; задача созданія удовлетворяющаго и количественно и качественно потребности момента — печатнаго органа, который разнесъ бы во всѣ концы Русскои Земли искры революціоннаго пожара и стянулъ бы всѣхъ протестантовъ подъ красное знамя соціальдемократіи, короче, огромная работа — сплоченіе всѣхъ революціонныхъ силъ для рѣшительнаго натиска на русскій политическій строй и передача революціонной гегемоніи въ руки русскаго пролетаріата и его естественной руководительницы — соц.-дем. партіи — вотъ насущныя требованія переживаемаго нами момента. Внести свою долю труда должна и всякая мѣстная организація; по мѣрѣ силъ и возможности Тверской Комитетъ постарается выполнить это.

Въ своей дѣятельности среди рабочихъ Тверской Комитетъ будетъ настойчиво подчеркивать политическій моментъ. Онъ будетъ стараться использовать всякій случай, дающій возможность расширить политическій горизонтъ рабочей массы путемъ агитаціоннаго листка или летучей брошюры. Руководя рабочими въ борьбѣ за чисто-экономическія требованія, Комитетъ будетъ указывать на недостаточность одной профессіональной борьбы. Въ виду недостатка привозной нелегальной литературы и растущаго спроса на нее, Комитетъ постарается удовлетворить его путемъ собственнаго издательства.

Относительно дѣятельности другихъ оппозиціонныхъ слоевъ населенія, Комитетъ будетъ руководиться соображеніями о на-

личности необходимыхъ силъ. Онъ беретъ на себя распространеніе нелегальной литературы среди мѣстной интеллигенціи. Всякій фактъ правительственнаго насилія и произвола, происшедшій въ районѣ его вліянія, будетъ имъ оглашенъ въ своихъ и партійныхъ изданіяхъ. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда поддержка его будетъ необходима, онъ поддержитъ посильно всякую попытку протеста со стороны другихъ оппозиціонныхъ группъ.

Тверской Комитетъ обращается ко всѣмъ сочувствующимъ элементамъ общества съ просьбой о матеріальной поддержкѣ. Онъ проситъ другія организаціи перепечатать настоящій листокъ.

Тверской Комитетъ Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи.

Письмо въ редакцію.

Прошу удѣлить мнѣ нѣсколько строкъ для опроверженія одной инсинуаціи.

Два мѣсяца назадъ я случайно присутствовалъ на квартирѣ у соціалиста-революціонера N при объясненіи между однимъ представителемъ нашей „Лиги“ и г. Рубановичемъ, представителемъ Партіи Соц.-Рев. Рѣчь шла о недоразумѣніяхъ, вызванныхъ изданіемъ одной группой, примыкающей къ Лигѣ, бюллетеня на французскомъ языкѣ (*Echos de Russie*). Въ виду дошедшихъ до него нареканій на то, что „искровцы“ изданіемъ своего бюллетеня, якобы, пошли въ разрѣзъ съ начинаніями междуфракціоннаго комитета въ Парижѣ, затѣвавшаго такой же бюллетень,— нашъ упомянутый товарищъ просилъ г. Рубановича выяснить въ присутствіи моемъ и товарища N это дѣло. Изъ послѣдовавшихъ затѣмъ объясненій мы съ товарищемъ N смогли констатировать, что группа „искровцевъ“ стала издавать свой бюллетень лишь послѣ того, какъ упомянутый междуфракціонный комитетъ отклонилъ идею совмѣстнаго изданія бюллетеня, какъ предпріятія не жизнеспособнаго. Послѣ этого разъясненія товарищъ N и г. Рубановичъ признали, что поведеніе „искровцевъ“ въ этомъ вопросѣ было вполнѣ корректнымъ и что инцидентъ надо считать исчерпаннымъ.

Каково же было мое удивленіе, когда 2 мѣсяца спустя я прочелъ въ французскомъ листкѣ, изданномъ „Партіей Соц.-Рев.“ тотъ же упрекъ по адресу издателей „бюллетеня“, что они начали свое изданіе „въ то самое время, когда русскія соціалистич- и революц. группы заграницей (включая и „Искру“) искали путей и средствъ для изданія сообща безпартійнаго бюллетеня“?

Я приглашаю товарища N (котораго не могу назвать, не зная, удобно ли это для него) подтвердить въ „Рев. Росс.“ правильность передачи мной результатовъ того „разслѣдованія“, которое мы съ нимъ произвели по поводу этой инсинуаціи. Если же онъ не признаетъ эту передачу правильной, пусть объ этомъ заявитъ печатно и, если можетъ, возьметъ на себя открыто отвѣтственность за взведенное на насъ — по моему убѣжденію, ложное—обвиненіе.

Л. Сергѣевъ, членъ Лиги Рев. С.-Д.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ.

Въ Петербургѣ въ началѣ августа аресты среди рабочихъ.

Въ Курскѣ въ концѣ іюля арестованы: гимн. Лагутинъ, студ. Шекунъ и военный фельдшеръ Инютинъ; это второй случай арестовъ за нынѣшній годъ въ полку. Ради маневровъ, на которыхъ долженъ быть царь, городъ наводненъ шпіонами. Заказано 2,000 шпіонскихъ значковъ. Можно себѣ представить какой „восторженный“ пріемъ со стороны „Курскаго населенія“ встрѣтитъ царь, когда обладатели этихъ значковъ подымутъ патріотическій ревъ!—Въ цѣляхъ охраны организована коммисія въ составѣ вице-губернатора, полицмейстера, жанд. полковника и губ. архитектора для осмотра погребовъ и подваловъ.

Въ Москвѣ 11-го іюля по распоряженію СПБ. Жанд. Упр. арестов. бывшій статист. И. П. Чарушниковъ и немедленно отправленъ въ Петербургъ.

Въ Кіевѣ въ іюлѣ былъ обыскъ въ квартирѣ лаборантовъ Политехникума Кованько, Карманова и Попельскаго. Послѣдній арестованъ. Въ іюнѣ арестовано нѣсколько столяровъ за пропаганду среди солдатъ.

Въ Астрахани арестованъ юристъ Сереженковъ, обыски у Вржосека и Евреинова.

Исаакъ Лолоянцъ и Прасковья Лолоянцъ, привлекавшіеся въ 1900 г. (апрѣль) по дѣлу Екатеринославскаго Комитета и газеты „Южный Рабочій“, бѣжали и благополучно прибыли за границу: первый изъ Балаганска, Иркутской губ.; вторая изъ Воронежа. Оба были высланы до полученія приговора.

Изъ Сибири-же бѣжали въ послѣднее время: Лысикъ (по Московскому дѣлу, бѣжалъ вторично), М. Жалудская (портниха изъ Варшавы, по дѣлу „бунда“), Феликсъ Держинскій (рабочій изъ Варшавы, по дѣлу польской с.-д.-іи, былъ арестованъ нелегальнымъ послѣ побѣга изъ Вятской губ.), Р. Орлова (по Кременчуг. с.-д. дѣлу 1898 г.) и Сладкопѣвцевъ (изъ С.П.Б.). По пути въ Сибирь бѣжалъ Малиновскій, сосланный на 8 л. по дѣлу типографіи польскаго „Работника“.

Съ Ангары (Енисейск. губ.) бѣжалъ одесскій рабочій Гринштейнъ-Розенбергъ, сосланный въ 1899 году, прибылъ заграницу. Изъ части въ Екатеринославлѣ бѣжали, черезъ окно, и прибыли благополучно заграницу: 1) рабочій Бабушкинъ (арестованъ въ 1901 г. въ Орѣховѣ-Зуевѣ) и 2) Харьковскій студентъ Горовицъ (по дѣлу Харьковск. Комитета).

Латыши Эрнестъ Ролау (бывш. Моск. студ.) и Клява, арестованные лѣтомъ 1901 г. на границѣ по обвиненію въ транспортировкѣ литературы, сосланы: первый на 6, второй на 4 г. въ Восточ. Сибирь.

Въ хронику прошлаго № вкралась ошибка: фамилія засѣдателя, за убійство котораго судился А. Ергинъ, не Калашниковъ, а Ивановъ.

Изъ области жандармскихъ секретовъ:

Въ Петербургѣ 26-го іюня получена на имя Министра Земледѣлія и Гос. Имуществъ телеграмма (шифрованная) изъ Харькова, въ которой жандармскій полковникъ проситъ министра не предпринимать со своей стороны ничего противъ тайнаго съѣзда воспитанниковъ Средне-земледѣльческихъ училищъ, происходящаго въ Харьковѣ, такъ какъ онъ, жандармскій полковникъ, уже выслѣдилъ и надѣется выслѣдить до конца.

Недавно по почтовымъ учрежденіямъ разосланъ тайный циркуляръ о вскрытіи въ почтовыхъ посылкахъ переплетовъ подозрительной толщины, такъ какъ, по даннымъ полиціи, ими пользуются для пересылки революціонныхъ изданій.

Въ секретномъ циркулярѣ къ губернаторамъ и начальникамъ жандармскихъ управленій за № 4328 отъ 27-го іюня 1902 г. Департаментъ полиціи предупреждаетъ указанныхъ лицъ о циркулирующихъ по деревнямъ революціонныхъ брошюрахъ и о тѣхъ пріемахъ, которые примѣнены издателями, чтобы скрыть ихъ нелегальность (клеймо „дозволено цензурой“ и адресъ мнимаго мѣста изданія). Предписывая „самый внимательный надзоръ за изданіями, распространенными среди крестьянъ черезъ книгоношъ и черезъ сельскія библіотеки“, департаментъ обстоятельно знакомитъ своихъ чиновниковъ съ содержаніемъ четырехъ революціонныхъ брошюръ, дѣлая ссылки на страницы и довольно толково излагая основныя мысли авторовъ. „Въ послѣднее время, говоритъ циркуляръ, замѣчается особенно усиленная агитаторская дѣятельность разныхъ революціонныхъ организацій, направленная преимущественно къ воздѣйствію на крестьянское населеніе въ цѣляхъ подорвать въ немъ довѣріе къ дѣйствіямъ Правительства, а также обострить отношенія къ частнымъ землевладѣльцамъ“.

Товарищи просятъ о напечатаніи слѣдующаго сообщенія:

„Абрамъ Борухъ Капланъ, наборщикъ, арестованный 6-го марта 1901 года въ городѣ Нѣжинѣ, Черниговской губер. привезенный послѣ въ Петербургъ въ Петропавловскую крѣпость, былъ обвиненъ въ устройствѣ тайной типографіи въ г. Нѣжинѣ. Въ ноябрѣ прошлаго года на одномъ изъ допросовъ онъ выдалъ товарищей, арестованныхъ и неарестованныхъ; предложилъ даже взять его въ жандармы и подписалъ полное отреченіе отъ революціонной дѣятельности и раскаяніе.

Принимая во вниманіе, что Капланъ, какъ нелегальный, занималъ особенно важный постъ и что онъ выдалъ много лицъ, — мы признаемъ его очень вреднымъ предателемъ, предостерегаемъ и призываемъ товарищей къ полному прекращенію съ нимъ навсегда сношеній и къ оглашенію его во всѣхъ революціонныхъ изданіяхъ, несмотря на то, что онъ подавалъ прошеніе къ мин-мъ Вн. дѣлъ и Юст., въ которыхъ онъ отрекался отъ данныхъ имъ предательскихъ показаній, что онъ далъ для оглашенія нижеслѣдующій документъ, написанный собственной рукой и что получилъ онъ приговоръ — 5 л. Вост. Сибири.

ИСПОВѢДЬ ПРЕДАТЕЛЯ.

(Прилагаемая „исповѣдь“ А. Б. Каплана, можетъ дать представленіе о томъ, какой тактикой жандармы успѣваютъ иногда одурачить и довести до предательства малодушныхъ и несознательныхъ революціонеровъ. За недостаткомъ мѣста отбрасываемъ всѣ второстепенныя подробности.)

Письмо изъ тюрьмы.

„Пишу подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ только что пережитаго. Обвинялся я въ устройствѣ тайной типографіи. Слѣдствіе велось товарищемъ прокурора Трусевичемъ, при содѣйствіи товарища прокурора Бѣляева. Содержали меня въ Петропавловской крѣпости“.

Въ теченіе шести съ половиной мѣсяцевъ Капланъ отказывался отъ дачи показаній. Послѣ этого тактика жандармовъ по отношенію къ нему измѣнилась.

„Я опять былъ привезенъ въ Жанд. Упр. Я увидѣлъ общество, состоявшее изъ господъ Трусевича, Бѣляева и др. офицеровъ. Говорили всѣ, но особенно выдавался Трусевичъ. Онъ уже не сталъ мнѣ доказывать неправоту нашего дѣла. Онъ указывалъ мнѣ на безполезность революціонной борьбы, на неравенство силъ организованнаго правительства и неорганизованной горсти революціонеровъ. Распространялся о томъ, что правительство наше совсѣмъ не консервативно, что оно само видитъ недостатки настоящаго строя, но по опытности своей изъ любви къ народу не желаетъ сразу ломать вѣками утвержденнаго порядка вещей, но по немногу изыскиваетъ средства къ улучшенію положенія народа. Что русское правительство совсѣмъ не преслѣдуетъ экономической борьбы за интересы рабочихъ и даже наоборотъ, всегда принимаетъ сторону обиженныхъ. Что если бы рабочіе удалили изъ своей программы политическую борьбу, то правительство нисколько бы имъ не мѣшало въ ихъ дѣятельности. Что легальнымъ путемъ можно добиться гораздо большихъ улучшеній въ положеніи народа, чѣмъ революціонной борьбой, которая толкаетъ столько здоровыхъ людей, имѣвшихъ бы возможность на легальной почвѣ принести больше пользы обществу, на скользкій путь тайной дѣятельности, которая доставляетъ большія страданія очень многимъ, но видимой пользы никому не приноситъ...“ „...Говорили они также, что правительство наше стало смотрѣть на наказаніе политиковъ не какъ на актъ мести, а какъ на мѣру, ограждающую общество отъ дальнѣйшаго вреднаго вліянія на него лица, совершившаго преступленіе и что если какой-нибудь революціонеръ докажетъ, что онъ не намѣренъ больше принимать участіе въ революціонной дѣятельности, его немедленно освободятъ. Тогда же Трусевичъ предложилъ мнѣ сдѣлаться наборщикомъ при Жанд. Упр., основываясь на томъ, что я выразилъ сожалѣніе объ отсутствіи всякаго физическаго труда въ тюрьмѣ.“ „...Я отвѣчалъ имъ, что, насколько я помню, я имъ не давалъ никакого повода къ тому, чтобы они осмѣлились предлагать мнѣ должность жандарма. Послѣ этого меня доставили обратно въ тюрьму и больше не тревожили. — Послѣ всѣхъ этихъ споровъ мое довѣріе къ жандармамъ сильно возросло. Я еще не былъ знакомъ съ ихъ тактикой, основанной исключительно на хитрости, и придалъ цѣну увѣреніямъ господъ прокуроровъ и жандармовъ и дорого заплатилъ я за это довѣріе. Если, думалъ я въ то время, правительство наше, представителемъ котораго является въ столкновеніяхъ со мной прокуроръ, говоритъ, что экономическая борьба въ Россіи дозволена, что преслѣдуется только революціонная дѣятельность; видя и чувствуя на самомъ себѣ, что каждый шагъ нашъ впередъ обходится такъ дорого, соглашаясь съ прокуроромъ, что положеніе рабочаго класса дѣйствительно улучшается (забылъ я, однако, при этомъ размышленіи одно обстоятельство, что положеніе наше улучшается при энергичномъ сопротивленіи правительства, а не при содѣйствіи его), что составъ правительственныхъ сферъ мѣняется качественно, требуя лицъ все болѣе образованныхъ, что каждый изъ насъ при революціонной дѣятельности находится на волѣ не долго, а попадется скоро въ тюрьму или ссылку; поразмысливъ такимъ образомъ, я нашелъ, что въ самомъ дѣлѣ не стоитъ бороться съ правительствомъ столь прогрессивнымъ (по крайней мѣрѣ на словахъ); а лучше посвятить свои силы легальной дѣятельности среди рабочихъ, исключительно на почвѣ экономическихъ интересовъ. Мысль эта такъ овладѣла мною, что у меня явилось страстное желаніе выйти изъ тюрьмы и совершенно легализироваться, чтобы имѣть возможность проводить свои взгляды въ рабочей средѣ. А тутъ еще это предложеніе относительно поступленія въ наборщики! Разъ у меня явились новые взгляды на вещи, я считалъ для себя постыднымъ скрываться отъ кого-бы то ни было; и вотъ черезъ нѣсколько недѣль послѣ сдѣланнаго мнѣ предложенія я посылаю заявленіе въ Жанд. Упр., прося, чтобы меня туда вызвали. Я рѣшилъ, что принять должность наборщика при Упр. само по себѣ не составляетъ преступленія противъ совѣсти или товарищей, если оно вызвано болѣе важными соображеніями. Во всякомъ случаѣ, думалъ я, если въ этомъ кроется какая-нибудь хитрость, то я сумѣю во всякую минуту отказаться отъ роли, которую они захотятъ навязать мнѣ. Въ Жанд. Упр. я засталъ только одного ротмистра, который при предложеніи, сдѣланномъ мнѣ Трусевичемъ насчетъ работы, не присутствовалъ. Когда я ему объяснилъ, въ чемъ дѣло, онъ сказалъ мнѣ, что прокуроръ, вѣроятно, пошутилъ, но обѣщалъ мнѣ немедленно дать знать Трусевичу. Я, между прочимъ, разсказалъ ему о перемѣнѣ, происшедшей въ моихъ убѣжденіяхъ и своемъ намѣреніи при освобожденіи изъ тюрьмы начать контрреволюціонную агитацію среди рабочихъ. Онъ объ этомъ немедленно доложилъ полковнику и тотъ предсталъ передо мной со слѣдующимъ предложеніемъ: „Если вы хотите быть освобожденнымъ изъ тюрьмы и не подвергнуться взысканію за совершенное преступленіе, извольте дать откровенное показаніе насчетъ себя и всѣхъ извѣстныхъ вамъ революціонеровъ“. Я, конечно, объяснилъ ему, что перемѣна убѣжденія еще не значитъ превращеніе въ подлеца и предателя и сказалъ, что на такихъ условіяхъ я предпочитаю оставаться въ Петропавловкѣ. Онъ ушелъ. Между тѣмъ, о моемъ предложеніи былъ извѣщенъ Трусевичъ; онъ велѣлъ отвезти меня обратно и привезти на слѣдующій день. На завтра прибывъ въ Упрарленіе и найдя тамъ Трусевича и Бѣляева, я заявилъ имъ о своемъ желаніи. Они, какъ и слѣдовало ожидать, отъ своего предложенія отступились и стали доказывать мнѣ, что разъ я признаю революціонную дѣятельность излишней, я долженъ помочь искорененію ея. Правительство, говорили они мнѣ, потерпѣло отъ моихъ противозаконныхъ поступковъ и теперь совершенно справедливо требуетъ у меня вознагражденія. На что я имъ отвѣтилъ, что я совершенно согласенъ съ ними въ томъ отношеніи, что я долженъ вознаградить правительство за нанесенный ему вредъ, но было бы подло расплачиваться свободой другихъ людей. Въ знакъ своихъ легальныхъ намѣреній я даже предложилъ имъ взять меня на какой-нибудь срокъ въ жандармы, только съ тѣмъ условіемъ, что они о моемъ знакомствѣ съ революціонерами должны забыть совершенно и никогда не требовать у меня никакой подлости. Они не согласились на мое предложеніе, а стали доказывать мнѣ, что разъясненіе дѣла не есть предательство; что очень часто разъясненіе обстоятельствъ облегчаетъ участь многихъ людей, не принося вреда людямъ и безъ того скомпрометированнымъ указаніемъ на ихъ мелкіе проступки; сказали мнѣ, что дѣло нашей типографіи можетъ затянуться на неопредѣленное время оттого, что за разъясненіемъ каждаго незначительнаго обстоятельства проводятъ цѣлые мѣсяцы, по неволѣ привлекая къ дѣлу невиновныхъ лицъ и что выясненіе роли лицъ, принимавшихъ незначительное участіе въ дѣлѣ и уже привлеченныхъ къ дѣлу, является прямой обязанностью каждаго. Имъ удалось настолько убѣдить меня, что я, имѣя въ виду: 1) освѣтить роль каждаго изъ дѣйствующихъ лицъ, не предполагая, что я могу имъ этимъ принести вредъ, въ особенности же двоихъ товарищей, разъясненіе роли которыхъ могло имъ принести или даже принесло пользу и 2) желая въ интересахъ легальной экономической борьбы освободиться изъ заключенія, опутанный со всѣхъ сторонъ лживыми прокурорами и жандармами, я оговорилъ нѣсколькихъ лицъ, причемъ показанія мои часто прямо подсказывались мнѣ ими и впослѣдствіи даже оказались ложными. На послѣднихъ допросахъ ихъ тлетворное вліяніе на меня было такъ сильно и я былъ такъ хитро оплетенъ ихъ сладкими рѣчами, что я написалъ отреченіе отъ революціонной программы. Но ослѣпленіе мое, къ счастью, продолжалось недолго. Уже черезъ нѣсколько недѣль послѣ послѣднихъ допросовъ я разглядѣлъ всю фальшь и хитрость нашихъ прокуроровъ — жандармовъ и горько сожалѣлъ о многихъ словахъ, чуть не силой вырванныхъ у меня, хотя подъ маской вѣжливости, которыя, можетъ быть, отягчили участь нѣсколькихъ лицъ и не принесли желаннаго мною нѣкоторымъ облегченія. Пусть же этотъ фактъ будетъ послѣднимъ и да послужитъ онъ упрекомъ для лицъ, вѣрящихъ въ прокурорско-жандармскую справедливость и въ то, что при содѣйствіи русскаго правительства имъ удастся облегчить участь стонущаго подъ двойнымъ ярмомъ русскаго рабочаго.

Абрамъ Борухъ Капланъ.

(Отъ Петерб. Комитета Р. С. Д. Р. Партіи).

Въ С. П. Б. по Екатерининскому Каналу домъ №45 кв. 17 проживаетъ съ женой агентъ Страхового О-ва Эквитебль Абрамъ Израилевичъ Плоткинъ, онъ же Плотке, занимающійся исключительно страхованіемъ, но не отъ огня, — а отъ враговъ самодержавія. Натянувъ на себя личину противника самодержавія, очень сочувствующаго революціонному движенію, этотъ мерзавецъ разставляетъ сѣти и ловитъ жертвы. Его квартира наполнена нелегальной литературой, шрифтомъ, поддѣльными паспортами, печатками и прч.

Живетъ въ Питерѣ давно, часто бываетъ въ командировкахъ, (между прочимъ, былъ недавно въ Казани), мѣняетъ фамилію и въ адресномъ столѣ не числится. Пріѣхалъ изъ Минска, гдѣ знали его за провокатора. Вотъ его примѣты: лѣтъ ему 50, низкаго роста, лысый, лицо блѣдно-землистаго цвѣта, морщинистое. Стриженая борода, полу сѣдая, голубые глаза, постоянно мигающіе, говоритъ по русски плохо.

Здѣсь же въ С. П. Б. проживаетъ и Рубашевскій извѣстный по Кіеву провокаторъ.

ПЕРСИЦЪ.

Года три тому назадъ г. Персицъ явился въ Женеву къ Плеханову и, признавшись въ томъ, что состоялъ агентомъ Зубатова, заявилъ о своемъ раскаяніи и о своей готовности загладить свой грѣхъ*). Онъ предложилъ Плеханову свои услуги въ роли новаго Дегаева. Само собою разумѣется, что это предложеніе было отклонено Плехановымъ, который, рѣшительно не одобряя Дегаевщины въ принципѣ, находилъ къ тому же, что раскаяніе шпіона — вещь болѣе, чѣмъ сомнительная. Встрѣтивъ недовѣрчивое отношеніе къ себѣ со стороны русской Женевской колоніи, предупрежденной Плехановымъ, г. Персицъ исчезъ съ тѣмъ, чтобы вновь появиться лѣтомъ нынѣшняго года въ Женевѣ въ качествѣ члена мѣстнаго нѣмецкаго соціаль-демократическаго общества. Въ Женеву онъ пріѣхалъ на этотъ разъ изъ С.-Галлена, гдѣ онъ тоже втерся въ нѣмецкое соц.-дем. общество и откуда было послано, — по его иниціативѣ, — напечатанное въ 22 № „Искры“ привѣтствіе русскимъ соціаль-демократамъ. Г. Персицъ не понялъ, что въ виду его прошлаго всякое выраженіе имъ сочувствія русскимъ революціонерамъ можетъ быть разсматриваемо, какъ „лобзаніе Іуды“.

Когда до Плеханова и Ляхоцкаго дошли слухи о томъ, что г. Персицъ состоитъ членомъ нѣмецкаго соц.-дем. общества, они разоблачили его въ присутствіи [illegible]'а этого общества. Тогда г. Персицъ „добровольно“ вышелъ изъ ферейна. Но его бывшіе (невольные) товарищи единогласно приняли резолюцію, по смыслу которой выходитъ, что если бы г. Персицъ не поспѣшилъ выйти, то онъ былъ бы исключенъ.

Этотъ господинъ проживаетъ теперь въ Женевѣ, возбуждая справедливое негодованіе во всѣхъ тѣхъ, кто знаетъ его прошлое и кому извѣстно, какъ странно, — чтобы не сказать болѣе, — ведетъ онъ себя въ настящее время.

Предупреждаемъ всѣхъ товарищей противъ этого экземпляра изъ стаи грязной зубатовскихъ птенцовъ.

*) Подобное же признаніе было сдѣлано имъ эмигрантамъ Бирюкову и Ляхоцкому.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

С.-Петербургъ: „мы“ 4р. 50 к., еще „мы“---6р. 10 к.

Отъ С. П. Б. С. Б. 19 р. 50 к.

Отъ Б-ской группы за іюнь:

отъ кружка---100 м., изъ Л. черезъ М-ую---61 м., (въ томъ числѣ пожертвовано отъ Г. Р. И.---8 м., отъ М-ой---6 м., остальное за литературу). Отъ Фанни изъ Л---50 м, съ курорта---56 м. (въ томъ числѣ отъ Нат.-Э.---40 фр. на спец. цѣль, отъ нея-же 10 фр. для Искры, отъ З-ва 7 фр. 50 с., отъ друзей „до общей суммы въ 70 фр.“).

Изъ Льежа: 30 фр. 60 с.

Насъ просятъ помѣстить нижеслѣдующій отчетъ Комитета Сибирской кассы въ Цюрихѣ съ 12 янв. по 22 іюля 1902 г.:

Приходъ: Въ кассѣ съ 12 янв. 388 фр. 79 с.; изъ Цюриха 324.39 (членскихъ взносовъ 194.55, собрано по листк. раб.-эмигр. 20., пожертвовано 22.50, долги съ прошлаго бала—11.60, черезъ „Искру“ г-ну П. 26.50, собрано на Protestversamlung 39.24, отъ продажи карточекъ Балмашева, изданныхъ кружкомъ N и R —10 фр.); изъ Винтертура 42.50 (изъ нихъ отъ Arbeiterbildungsverein'а—10 фр.); изъ Давоса 34—; изъ Льежа 198.40 (изъ нихъ отъ харьковцевъ 50 фр.); изъ Фрейбурга 56.25; изъ Берлина 60.—; изъ Брюсселя 41.—; изъ Нью-Іорка 50.—; изъ Карлсруэ 5.—; изъ Фрейбурга черезъ „Бундъ“ 70.37. Итого 1275 фр. 70 с.

Со спектакля 100 Фр.

Расходъ: Въ Московскую тюрьму 100.—; въ Вост. Сиб. 100.70 (38 руб.); собрано по листк. раб.-эмигр. 20.—; въ Енис. губ. 66.25 (25 р.); на Сахалинъ 153.70 (58 р.); ссыльнымъ черезъ Шарлотенбургъ 66.25 (25 р.); въ Ирк. губ. ссыльному литер. 40.50 (15 р.); въ Александр. перес. тюрьм. 48.—(18 р.); отъ Искры г-ну П. 26.50; въ Митавск. тюрм. 50.---; эмигранту 30---; въ Могилевск. губ. 133---въ Одессу черезъ Берлинъ 77.45; черезъ „Бундъ“ ссыльнымъ и заключ. 220.37; въ Иркут. губ. 69.25 (25 р.); въ Енисейск. губ. черезъ Искру 60.---; почтов. расходъ 12.55. Итого 1271.07. Въ кассѣ 22 іюля 4 фр. 63 с.

Загр. Лигой Рев. Рус. С.-Д. издано: Ф. Энгельсъ Развитіе научнаго соціализма. Изданіе 2-е съ предисловіемъ Г. Плеханова.

Печатается и на дняхъ выйдетъ въ свѣтъ: Самодержавіе и стачки (Секретная записка Мин. Фин. о легализаціи стачекъ). Съ приложеніемъ статьи Л. Мартова: Новая побѣда русскихъ рабочихъ.

Печатается изданіе „Зари“: Эрфуртская программа К. Каутскаго, 2-е исправленное изданіе.

—ъ. Ваша статья помѣщена въ „Зарѣ“. Пришлите адресъ для явки, получите литературу.

„Флорѣ изъ О.:“ Изъ вашего города была въ послѣднее время только корресп., помѣщенная въ № 24, объ ней ли спрашиваете? Прокламкій, кромѣ присланной вами, не получали.

Со всѣми требованіями на нашу литературу просимъ обращаться изъ заграницы по адресу: Herrn Axelrod, Zurich, Vogelsangstrasse 9.

ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 25 — 15 СЕНТЯБРЯ 1902 ГОДА. — № 25

НОВЫЙ ЗАХВАТЪ САМОДЕРЖАВІЯ.

Учрежденная въ началѣ года правительственная коммиссія по выработкѣ плана преобразованія Петербургскаго городского общественнаго управленія приходитъ къ концу своихъ работъ. Насколько долго работаютъ правительственныя коммисіи, занятыя общеполезными культурными задачами, настолько же быстро справляются съ своимъ дѣломъ тѣ, которыя подготовляютъ проэкты „упраздненія“.

Дѣло идетъ, дѣйствительно, о новомъ упраздненіи---объ упраздненіи для г. Петербурга того подобія городского самоуправленія, которое существуетъ по городовому положенію 1892 г.

Когда въ прошломъ году реакціонная печать во главѣ съ „Моск. Вѣд.“ начала походъ противъ городского самоуправленія вообще и въ столицѣ въ особенности, она прибѣгла къ нерѣдкому въ ея практикѣ пріему: въ интересахъ бюрократіи и самодержавія спекулировать на демократическое и либеральное недовольство тѣми сторонами нашего самоуправленія, которыя проникнуты сословнымъ и классовымъ духомъ. Подобно тому, какъ по отношенію къ Финляндіи реакціонныя газеты, замахиваясь на ея свободу, подчеркивали неравноправность финскаго крестьянина и пролетарія съ землевладѣльцемъ и буржуа, такъ и по отношенію къ городскому самоуправленію Россіи нападали на узко-буржуазную и плутократическую его подкладку и требовали передачи городскихъ дѣлъ въ руки чиновниковъ во имя интересовъ безправнаго большинства городского населенія. При этомъ реакціонная печать безстыдно умалчивала о томъ, что существующее городовое положеніе 1892 г.—по сравненію съ дѣйствовавшимъ до того—сильно съузило кругъ лицъ, имѣющихъ право на участіе въ городскихъ выборахъ и перемѣстило центръ вліянія на городскія дѣла въ сторону наиболѣе богатой буржуазіи. Реакція словно нарочно лишила общественное самоуправленіе всякихъ слѣдовъ связи съ широкой массой городского населенія для того, чтобы черезъ 10 лѣтъ потребовать его упраздненія въ интересахъ этихъ широкихъ массъ.

Къ счастью, уже безвозвратно прошли тѣ времена, когда въ русскомъ обществѣ еще могли находиться люди, искренно вѣрившіе въ какія-то „демократическія“ начала во внутренней политикѣ царизма. Благодаря, главнымъ образомъ, рѣзкой критикѣ (въ просторѣчіи именуемой „непозволительной полемикой“) русскихъ соціалдемократовъ, изъ репертуара либерально-народнической интеллигенціи должны были исчезнуть всѣ вздорныя пѣсни о „демократическомъ царѣ“, ведущемъ борьбу съ капитализмомъ и буржуазіей. „Демократическія“ фразы реакціонеровъ принимаются уже всѣми за то, что онѣ есть на самомъ дѣлѣ: за безстыдную ложь, долженствующую прикрыть безнадежно-противообщественныя стремленія самодержавія.

Выводы правительственной коммиссіи, о которой мы здѣсь говоримъ, проникнуты тою же гнусной тенденціей—провести „захватные“ планы самодержавія подъ шумокъ „демократической“ критики существующихъ (самодержавіемъ же и созданныхъ) золъ буржуазнаго хозяйничанья въ городскихъ думахъ. „Гласные являются представителями интересовъ преимущественно домовладѣльческаго и промышленнаго класса населенія. Интересы же прочихъ разрядовъ столичныхъ обывателей остаются мало обезпеченными“... „Гласные, въ большинствѣ ихъ состава, относятся совершенно безучастно къ принятымъ на себя обязанностямъ и очень неаккуратно посѣщаютъ засѣданія Думы...“ исполнительные органы петербургской Думы „нерѣдко оказываются не на высотѣ своего положенія; и ошибки ихъ, хотя бы граничащія съ злоупотребленіемъ, покрываются снисходительнымъ отношеніемъ къ нимъ Думы...“—таковъ отзывъ правительственной коммиссіи о грѣхахъ нынѣшняго городскаго самоуправленія столицы.

Для исцѣленія всѣхъ золъ нынѣшняго самоуправленія коммиссія, между прочимъ, предлагаетъ: распространеніе избирательныхъ правъ на „нѣкоторые разряды квартиронанимателей“; учрежденіе особой должности предсѣдателя думы, назначеннаго высочайшей властью; признаніе гласныхъ „должностными лицами“, включеніе въ составъ думы представителей отъ правительственныхъ вѣдомствъ; замѣну постоянныхъ засѣданій думы періодическими сессіями (по образцу земскихъ собраній); „сокращеніе круга предметовъ вѣдѣнія думы путемъ сохраненія за ней лишь обсужденія городской смѣты и отчетности... съ предоставленіемъ мелкихъ дѣлъ самостоятельному вѣдѣнію городской управы; предоставленіе городской управѣ въ кругу ея непосреднаго вѣдѣнія большей, чѣмъ нынѣ, самостоятельности по отношенію къ городской Думѣ“; назначеніе городского головы, его товарищей и половины членовъ управы по выбору административной власти безъ срока и „предоставленіе администраціи права продолжать полномочіе выборныхъ членовъ управы, по усмотрѣнію своему, и на слѣдующіе сроки“; предоставленіе изданія обязательныхъ для жителей Петербурга постановленій власти министра вн. дѣлъ“ и т. д. въ томъ же родѣ.

Достаточно простого перечисленія этихъ предположеній, чтобы видѣть, какъ много мѣста самодержавіе согласно „уступить“ общественнымъ силамъ въ дѣлѣ городскаго хозяйства. Осуществленіе программы коммиссіи будетъ означать непосредственно полное уничтоженіе городского самоуправленія для Петербурга, а косвенно—и для всѣхъ русскихъ городовъ. Даже при Николаѣ I-мъ Петербургъ пользовался, по сравненію съ большинствомъ русскихъ городовъ, болѣе широкимъ самоуправленіемъ. Лишеніе жителей главнаго городского центра права самоуправленія явится, безъ сомнѣнія, первымъ шагомъ по пути къ всероссійскому упраздненію городскаго самоуправленія. Кто сомнѣвается въ этомъ—пусть припомнитъ, что реакціонная печать въ періодъ подготовительныхъ работъ упразднительной коммиссіи въ своей полемикѣ противъ городского самоуправленія козыряла доводами, заимствованными изъ думской практики не одного лишь Петербурга, а и такихъ городовъ, какъ Одесса, Кіевъ, Тифлисъ, Иркутскъ. Доводы эти сводились къ двумъ: 1) пренебреженіе интересами населенія, доходящее до систематическихъ злоупотребленій со стороны городскихъ воротилъ; 2) политическая неблагонадежность (армянская оппозиція въ Тифлисѣ и либеральная въ Иркутскѣ).

Что касается доводовъ перваго рода, то прежде всего слѣдуетъ подчеркнуть то указывавшееся уже въ нашей либеральной литературѣ и часто забываемое обстоятельство, что если мы очень часто слышимъ о думскихъ и управскихъ хищеніяхъ, злоупотребленіяхъ и т. п. „ошибкахъ“, то болѣе, чѣмъ легкомысленно было бы отсюда сдѣлать выводъ о преимущественной подкупности и развращенности тѣхъ дѣятелей, которые вѣдаютъ городскія дѣла. Было уже неоднократно указано, что сравнительно (для Россіи) широкая гласность, которою обставлено городское и земское хозяйство по сравненію съ хозяйствомъ государственнымъ, позволяютъ печати и частнымъ лицамъ гораздо чаще раскрывать и клеймить злоупотребленія земскихъ и думскихъ дѣятелей, чѣмъ злоупотребленія чиновниковъ. Вотъ почему стотысячныя хищенія городскихъ заправилъ становятся подчасъ извѣстны всѣмъ и каждому, а милліонныя хищенія Кривошеиныхъ и Сипягиныхъ остаются невыясненными, благодаря высочайшимъ указамъ о прекращеніи слѣдствія и цензурнымъ циркулярамъ, предписывающимъ газетамъ строгое молчаніе.

Не русской бюрократіи—этому воплощенію взяточничества и казнокрадства—„кивать на Петра“, на городское самоуправленіе. О томъ, какъ будетъ вестись городское хозяйство по упраздненіи нынѣшняго самоуправленія, достаточно краснорѣчиво говоритъ эпизодъ съ проэктомъ городскихъ желѣзныхъ дорогъ въ Москвѣ и Петербургѣ, взбудоражившій думскія сферы и печать обѣихъ столицъ.

Правительство--безъ согласія обѣихъ думъ и вопреки явному неодобренію съ ихъ стороны—намѣревается выдать концессію на проведеніе городскихъ желѣзныхъ дорогъ нѣсколькимъ подозрительнымъ спекулянтамъ, при чемъ особая правительственная коммисія должна „въ принципѣ рѣшить вопросъ объ отобраніи отъ города безъ его согласія принадлежащихъ ему конножелѣзныхъ дорогъ“ и объ отчужденіи—тоже безъ согласія города—городскихъ земель. И Петербургскіе, и Московскіе думцы довольно рѣзко отозвались объ этой попыткѣ „облагодѣтельствовать столицы безъ ихъ согласія“. Въ собраніи „общ. сод. русск. торг. и пром.“ извѣстный Петербургскій гласный Кедринъ разоблачалъ невыгодность для населенія тѣхъ условій, на которыхъ правительство намѣрено выдать русско-американскимъ гешефтмахерамъ концессію. Ни одинъ голосъ въ „обществѣ содѣйствія“ не высказался за проэктъ. Но правительство, не дожидаясь оффиціальнаго упраздненія городскаго самоуправленія, уже распоряжается такъ, какъ будто бы его вовсе не существовало. Петербургскія газеты недвусмысленно намекаютъ на то, что г.г. Балинскій, Вернеръ и К⁰ достигли своей цѣли — поддержки правительства—не безъ посредства „барашка въ бумажкѣ“. Поучительное предзнаменованіе для будущаго городскаго хозяйства въ рукахъ назначенныхъ правительствомъ отцовъ-командировъ!

Мы упоминали выше, что „Моск. Вѣд.“ въ числѣ прочихъ доводовъ противъ городскаго самоуправленія приводили и политическую неблагонадежность нѣкоторыхъ думъ. Едва ли, однако, правительство въ серьезъ повѣрило хоть на минуту доносамъ Страстного Бульвара. Въ заключеніяхъ „упразднительной“ коммисіи ни словомъ не упомянуто о какихъ либо „крамолахъ“ среди думцевъ. И, дѣйствительно, даже самодержавная подозрительность не могла бы отыскать въ исторіи нашего городского самоуправленія какихъ либо „политическихъ тенденцій“. Но именно потому-то нынѣшній набѣгъ самодержавія и представляется намъ особенно характернымъ: въ разгарѣ борьбы на всѣ фронты съ цѣлыми полчищами „внутреннихъ враговъ“ оно удосуживается нападать на наиболѣе мирныя общественныя учрежденія; съ рискомъ посѣять новыя сѣмена недовольства, оно стремится съузить до крайнихъ предѣловъ тѣ рамки, въ которыхъ хотя бы часть „обывателей“ могла считать себя хозяиномъ въ своемъ собственномъ дѣлѣ. Нехитрый политическій разсчетъ, казалось бы, долженъ былъ подсказать правительству, что набѣгъ его на лишенное политической окраски самоуправленіе городской буржуазіи неизбѣжно разъяснитъ этой послѣдней всю невозможность для общества „размежеванія“ съ всевластной бюрократіей. Но, очевидно, c' est plus fort que lui,*) самодержавіе не можетъ не вторгаться ежечасно въ имъ же самимъ признанныя права своихъ „подданныхъ“. Тѣмъ лучше: и слѣпые, наконецъ, увидятъ, что какія бы то ни было общественныя права могутъ быть сколько нибудь ограждены отъ захватовъ чиновничества только такимъ прочнымъ барьеромъ, какъ завоеванная революціоннымъ путемъ конституція.

Предчувствуя вспышку общественнаго негодованія, правительство желаетъ подсластить свой упразднительный проэктъ расширеніемъ круга избирателей. Въ безгласной думѣ, засѣдающей нѣсколько недѣль въ году подъ предсѣдательствомъ назначеннаго „высочайшей властью“ лица, правительству не опасны избранники нѣсколько болѣе широкаго круга населенія, чѣмъ тотъ, который теперь пользуется избирательными правами. Но само расширеніе предполагается очень мизернымъ. „Нѣкоторые разряды плательщиковъ квартирнаго налога“ т. е., плательщики высшей суммы налога,—это, въ сущности, лишь новый слой все того же класса, который нынѣ пользуется избирательнымъ правомъ. Рѣчь идетъ о лицахъ, платящихъ, во всякомъ случаѣ, не менѣе 1000 р. въ годъ за квартиру—т. е. о чиновникахъ высшихъ ранговъ, о частныхъ служащихъ съ большими окладами и о вполнѣ буржуазной части интеллигентовъ изъ „вольныхъ профессій“.

Еслибъ даже избирательное право было распространено на всѣхъ плательщиковъ квартирнаго налога, то изъ всѣхъ квартиронанимателей столицы (134.413) этимъ правомъ воспользовались бы менѣе половины (61.561), И въ то время, какъ самодержавное правительство, собираясь упразднить послѣдніе остатки самоуправленія, щеголяетъ своимъ „демократизмомъ“ въ формѣ распространенія сомнительныхъ правъ на нѣсколько тысячъ буржуазныхъ избирателей, сами дѣятели нынѣшняго буржуазнаго самоуправленія выдвигаютъ гораздо болѣе демократическій принципъ. Какъ сообщаетъ г. Д. Семеновъ въ „Нов. Врем.“. (№ 9504), приглашенные въ правительственную коммисію „городскіе дѣятели... отмѣтили въ своихъ авторитетныхъ мнѣніяхъ крайнюю настоятельность распространенія городского избирательнаго права на квартирантовъ и намѣтили различные цензы: уплату квартирнаго налога, или опредѣленный минимумъ такового или, наконецъ, наемъ квартиры независимо отъ уплаты налога.“ (Курсивъ нашъ).

Ес и упомянутые городскіе дѣятели своими заявленіями имѣли въ виду опередить правительство въ его тактикѣ заигрыванія съ нынѣ лишенными избирательныхъ правъ обывателями, то они п ступили какъ не ьзя болѣе цѣлесообразно и мы можемъ лишь реко ендовать имъ въ неизбѣжной борьбѣ за право самоуправленія держаться постоянно этой тактики. На каждый шагъ въ сторону упраздненія свободы самоуправленія они должны отвѣчать агитаціей въ пол зу рас ространенія избир тельныхъ правъ на все городское населеніе. Только при этомъ условіи ихъ борьба за свои права привлечетъ къ себѣ вниманіе и сочувствіе той „бѣдноты“, безъ которой они будутъ безсильны бороться съ завоевательными планами зазнавшейся бюрократіи. Опытъ прошлаго долженъ былъ имъ подсказать, что ни одно сколько нибудь свободное обще твенное учрежденіе не можетъ считать себя прочно утвердившимся въ странѣ самодержавнаго произвола, если оно не связало своего существованія съ интересами самыхъ широкихъ слоевъ трудящагося населенія, если на его защиту не готовы встать широкія массы самаго революціоннаго, самаго грознаго для реакціи общественнаго класса.

Свободное мѣстное самоуправленіе, организованное на основѣ всеобщаго избирательнаго права—таковъ принципъ рабочей партіи въ земскомъ и городскомъ вопросѣ. Этотъ демократическій принципъ можетъ быть осуществленъ только на развалинахъ самодержавія и именно потому рабочая партія заинтересована въ успѣхѣ борьбы каждой общественной группы противъ расширенія сферы всевластія этого самодержавія. Поэтому, либеральные элементы городской буржуазіи въ борьбѣ за права своего самоуправленія могутъ разсчитывать на сочувствіе соціальдемократіи. Но на успѣхъ своей борьбы за право общественной самодѣятельности они могутъ разсчитывать лишь постольку, поскольку поймутъ всю важность для нихъ самихъ сдѣлать вопросъ о городскомъ самоуправленіи вопросомъ о правахъ всего населенія.

*) Это ему не подъ силу.

Революціонная „беллетристика“.

Мы помнимъ время — всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ — въ кружкахъ русскихъ соц.-демократовъ шли споры о томъ, не поторопился-ли съѣздъ мѣстныхъ организацій 1898 года, полагая основаніе Рос. Соц. Дем. Р. Партіи; не слишкомъ-ли были слабы еще силы, для того чтобы называться этимъ отвѣтственнымъ именемъ. Для насъ безразлично сейчасъ, кто былъ правъ изъ споривших. Для насъ этотъ споръ — симптомъ настроенія соц.-демократіи. Расходясь въ оцѣнкѣ факта, всѣ были согласны въ томъ, что дѣло соціаль-демократіи, дѣло организаціи и просвѣтленія массъ, не выноситъ иллюзій, не терпитъ миража преувеличеній. Всегда производить точный учетъ дѣйствительности, какъ бы горекъ онъ ни былъ, и луще всего бояться мистифицировать и себя и другихъ — насчетъ собственныхъ силъ и собственной организованности! Партія, разсчитывающая исключительно на сознательность массъ и согласованность ихъ дѣйствій, не признаетъ и не можетъ признавать пріемовъ, къ которымъ такъ часто прибѣгаетъ „сознательное меньшинство“, выступая самостоятельной силой. Партія массы par excellence, соц.-демократія, уже въ силу своего характера, застрахована отъ скользкаго пути игры въ темную, отъ соблазнительнаго желанія муссировать свое значеніе передъ противникомъ и казаться въ глазахъ „общественнаго мнѣнія“ тѣмъ, чѣмъ пока еще она быть не въ силахъ.

И мы не сомнѣваемся, --- въ настоящій историческій моментъ общественнаго подъема и пробужденія массъ, когда революціонеръ, что городъ на горѣ, всѣмъ виденъ, и каждый шагъ его всенародно судится, --- вѣрная своимъ традиціямъ соціаль-демократія дастъ должный отпоръ такимъ поползновеніямъ. Положеніе слишкомъ критическое, революціонная среда слишкомъ серьезно настроена, чтобы проходить съ одной лишь усмѣшкой мимо того спектакля, которымъ подчуетъ насъ — „Рев. Рос.“ и связанныя съ ней организаціи.

Универсальные люди подносятъ каждый день по новинкѣ: вчера — „партія“, сегодня — „боевая организація“, завтра — „крестьянскій союзъ“, послѣ завтра ---- еще что-нибудь. Ихъ органъ — „Рев. Рос.“ — изнемогаетъ подъ бременемъ притекающаго матеріала:*) „мы принуждены почти вдвое увеличить размѣръ“ номера, „громадный фактическій матеріалъ, скопившійся въ рукахъ редакціи“, „много рукописей лежитъ и ждетъ очереди“ — не перестаетъ плакаться газета. Дѣло за деньгами, но и это не бѣда: „если такъ много сочувствующихъ (аграрной) Лигѣ“, то найти деньги „будетъ не такъ трудно“. „Доставка литературы поставлена“ ими „хорошо“, прокламаціи ихъ распространяются ---- „благодаря имѣющимся связямъ“ --- „очень удачно„ или „съ чрезвычайной быстротой“; результаты ихъ пропаганды въ крестьянствѣ --- „блистательны“, писанія ихъ имѣютъ ---- „большой успѣхъ“, и пишутъ они неизмѣнно талантливо: брошюра захватываетъ читателя и производитъ особенно сильное впечатлѣніе даже на самыхъ неподготовленныхъ“, „брошюра написана популярно и читается съ интересомъ“, прокламація „прекрасно составлена“ и т. д. и т. д.

Универсальные люди! Талантъ окрыляетъ ихъ, подымаетъ на высоты... беллетристики.

Знаете ли, читатель, почему Балмашевъ стрѣлялъ въ зданіи комитета министровъ? Объ этомъ вамъ разскажетъ „боевая организація“.

Онъ стрѣлялъ тамъ — „не случайно“, не потому, что для успѣшнаго выполненія своего плана нашелъ это мѣсто наиболѣе пригоднымъ, а потому, что Сипягинъ „въ этомъ Комитетѣ совершалъ свои преступленія“!..

Изъ отчетовъ о судѣ надъ Балмашевымъ намъ точно извѣстно его „послѣднее слово“. Онъ объявляетъ въ немъ убійство Сипягина своимъ единоличнымъ дѣломъ. Можно какъ угодно толковать мотивы его заявленія, но нужно обладать своеобразнымъ талантомъ для того, чтобы отвергнуть самый фактъ заявленія. И однако, это ухитрился продѣлать --- 7-й номеръ „Рев. Рос.“. Полемизируя съ „Летучимъ листкомъ“ „Петерб. Союза Борьбы“**), онъ обозвалъ эти извѣстныя намъ данныя --- „абсолютно невѣрнымъ сообщеніемъ“. Утвержденіе смѣлое, что и говорить, но понятное въ устахъ „беллетриста“. Правда „художественнаго“ произведенія для него выше подлинной правды дѣйствительности-поэма о систематическомъ террорѣ, практикуемомъ „боевой организаціей“, перевѣшиваетъ быль показаній свидѣтелей.

Искусство Балмашева, обдуманность его выступленія --- есть та почва, на которой необходимо во что бы то ни стало построить престижъ организаціи. „Актъ революціонера былъ подготовленъ тщательной предварительной работой выдвинувшей его организаціи“....„Балмашевъ явился исполнителемъ рѣшенія боевой организаціи партіи“ --- такія и подобныя имъ выраженія начинаютъ --- со смерти Балмашева --- пестрить страницы „Рев. Россіи.“

„Вотъ передъ нами Лаговскій --- человѣкъ, рѣшившійся на подвигъ самоотверженія и вынужденный стрѣлять, вмѣсто Побѣдоносцева, въ стекло окна квартиры Побѣдоносцева“...

...„Вотъ Аллартъ, револьверъ которой въ роковой критическій моментъ отказывается служить“, „вотъ Михалевичъ“...; „вотъ Гиршъ Лекертъ, который при сравнительно благопріятныхъ обстоятельствахъ достигаетъ лишь частичнаго успѣха“. Почему это? --- вопрошаютъ соціалисты-революціонеры Да потому, что за ними не стояло „боевой организаціи“. Всѣ эти факты тѣмъ ярче оттѣняютъ казнь Сипягина... казнь, которая своей организованностью, продуманностью своего плана и блестящимъ успѣхомъ производитъ глубочайшее впечатлѣніе на всѣхъ“.

И въ другомъ мѣстѣ: „не нашлось организаціи, которая бы обезпечила ихъ (т. е. Лекерта и его товарища) попыткѣ успѣхъ такъ, какъ былъ, напр., обезпеченъ успѣхъ попытки Балмашева“. Если въ одномъ случаѣ организація гарантируетъ „всѣ шансы на удачу“, то въ другомъ --- успѣхъ покушенія „можетъ быть только счастливой случайностью“.

И въ твердомъ сознаніи, что „всѣ шансы на удачу гарантированы“, что успѣхъ покушенія --- при организованномъ террорѣ --- не есть „счастливая случайность“ --- „боевая организація“ посылаетъ своего человѣка стрѣлять въ харьковскаго губернатора, кн. Оболенскаго.

Выстрѣлъ раздался. Пуля пролетѣла мимо... Не получилось даже и того „частичнаго успѣха“, котораго достигъ одиночка Лекертъ. И лишь въ видѣ символа „организованности“, „обезпечивающей всѣ шансы на успѣхъ“, остались намъ --- кровавыя слова на стѣнкахъ револьвера, пучекъ прокламацій съ напечатаннымъ на нихъ „смертнымъ приговоромъ“ Оболенскому, да „беллетристика“ сообщеній „боевой организаціи“, которыми она --- тотчасъ же послѣ событія --- возвѣщала міру о разговорахъ стрѣлявшаго съ допрашивавшей властью, и даже о чувствахъ

*) Всѣ нижеслѣдующія цитаты заимствованы изъ различныхъ №№ „Рев. Россіи“, до 9-го № включительно.

**) Какъ намъ сообщаютъ петербургскіе товарищи, этотъ листокъ лишь напечатанъ въ типографіи „Союза“, но исходитъ отъ самостоятельной группы.

его, въ самый моментъ покушенія („стрѣлявшій, опасаясь ранить стоявшую рядомъ даму, направилъ выстрѣлъ выше ея головы“).

Est modus in rebus! и у „беллетристики“ есть свои правила, которыя нельзя переступать безнаказанно. „Безмѣрный“ „беллетристъ“ рискуетъ произвести --- „антихудожественное“ впечатлѣніе.

Именно такое впечатлѣніе --- думается намъ --- получили наши нѣмецкіе товарищи, получилъ всякій сторонній наблюдатель, которому попали въ руки сообщенія „боевой организаціи“

Такъ извѣстная Leipzig. Volkszeitung, „Лейпцигская Народная Газета“, издающаяся при ближайшемъ участіи Меринга и Розы Люксембургъ, въ статьѣ отъ 27-го августа с. г. „Къ вопросу о терроризмѣ въ Россіи“, говоритъ: „Замѣтимъ еще, что одно само по себѣ второстепенное обстоятельство подтверждаетъ, повидимому, нашу точку зрѣнія (отвергающую систематическій терроръ). Это тѣ шумъ и трескъ (Brimborium), которыми русскій террористическій комитетъ обставляетъ свою дѣятельность, та шумиха заранѣе приготовленныхъ приговоровъ, которые вручаются оставшимся въ живыхъ приговореннымъ, пистолеты съ выгравированными страшными словами, поспѣшный детальный отчетъ партіи о томъ, какъ держится заключенный, доступъ къ которому такъ затрудненъ, отчетъ, производящій впечатлѣніе, что онъ составленъ просто на просто на основаніи заранѣе условленныхъ съ покушавшимся словъ и жестовъ и т. д. Мы отнюдь не желаемъ на этомъ основаніи хотя бы сколько-нибудь унизить личное мужество, убѣжденность, готовность къ самопожертвованію того русскаго революціонера, который покушался на кн. Оболенскаго. Но вся обстановка покушенія, въ особенности же сообщенія террористическаго комитета производятъ невольно впечатлѣніе какой-то игры (spielerei), игра же въ самомъ началѣ террористической дѣятельности предс авляется намъ тонкимъ, но вѣрнымъ симптомомъ ошибочности самой тактики.“*)

Центральный органъ нѣмецкой соціаль-демократіи, который — по словамъ „Рев. Рос.“ (см. №7) — „всегда подробно, со знаніемъ дѣла и съ глубокой симпатіей знакомитъ нѣмецкихъ товарищей съ перипетіями русской революціонной борьбы“, съ своей стороны замѣчаетъ (см. Vorwaert- отъ 30 авг.): „Мы не отмѣтили этихъ сообщеній („боевой организаціи“) потому. что намъ казалось, — они слишкомъ явственно носятъ печать неправдоподобія. Если существуетъ террористическій комитетъ, по порученію котораго совершаются въ Россіи политическія покушенія, то онъ будетъ тщательно избѣгать попасть въ крайне стѣснительное положеніе, распространяя подобныя сенсаціонныя сообщенія“...

Нѣтъ сомнѣнія, стремительно-хаотическій ростъ вовлекаетъ въ водоворотъ движенія накипь неразбирающихся и неразборчивыхъ элементовъ. Русскому революціонеру начинаетъ угрожать серьезная опасность — быть скомпрометтировану и лишиться того ореола довѣрія, которымъ донынѣ окружала имя его приходящая въ сознаніе масса. Безполезно замалчивать, надо бороться. Невозможно ждать до тѣхъ поръ, пока вражья рука ткнетъ перстомъ въ обнаженныя язвы.

Вотъ почему русская соціаль-демократія, не колеблясь, во всеуслышаніе скажетъ: прочь „беллетристику“! и да будетъ имъ стыдно!

КЪ ВОПРОСУ О РЕВОЛЮЦІОННЫХЪ БАЦИЛЛАХЪ.

(Размышленія на бактеріологическую тему).

Хлопотамъ науки съ микроорганизмами не предвидится конца. Страшно подумать сколько неимовѣрныхъ усилій, сколько казенныхъ денегъ, сколько хитрости, изобрѣтательности, коварства человѣческаго ума потрачено было на борьбу съ этими микроскопическими существами. „Лови микроба“ — кричали намъ на всѣхъ перекресткахъ — „лови бациллу“ и у насъ не будетъ ни голодныхъ тифовъ, ни чахотки, ни холеры, ни чумы, ни болѣзней вообще. А оправдались ли эти розовыя мечты?

Благодаря самымъ утонченнымъ ухищреніямъ бактеріологической тактики, правда, удается съ грѣхомъ пополамъ усмирить тотъ или другой видъ не особенно строптивыхъ бациллъ, но за то сколько еще остается упорныхъ, закоренѣлыхъ, живучихъ, приводящихъ въ отчаяніе самыхъ искусныхъ бактеріологовъ...

Сколько, напримѣръ, ни старались истребить революціонную бациллу, а она, злодѣйка, живетъ, развивается, растетъ, множится, разбрасываетъ по всему свѣту милліоны своихъ споръ и вызываетъ, такое, по истинѣ, грандіозное броженіе, что весь синклитъ докторовъ, магистровъ и профессоровъ полицейской бактеріологіи теряетъ голову и рѣшительно безсиленъ пріостановить быстрый ходъ разрушительнаго процесса...

Чѣмъ обусловливается специфическая энергія этихъ своеобразныхъ микроорганизмовъ, каковы ихъ физіологическія и психическія особенности и какія мѣры должны считаться наиболѣе цѣлесообразными для ихъ поголовнаго истребленія — вотъ тѣ вопросы самой животрепещущей злобы дня, которые разрабатываются теперь въ спеціальной санитарной коммисіи Департамента Полиціи подъ предсѣдательствомъ г. Плеве.

Читатели „Искры“, принадлежащіе къ категоріи самыхъ зловредныхъ ортодоксальныхъ бациллъ, надѣюсь, не будутъ на меня въ претензіи, если я предприму маленькую экскурсію въ область отечественной бактеріологіи и подѣлюсь съ ними нѣкоторыми соображеніями о новѣйшихъ теченіяхъ въ этой, нынѣ модной, наукѣ безсмертнаго Пастера.

Г. Плеве, извѣстный своими трудами по истребленію революціонныхъ бацилъ народовольческой эпохи, выпустилъ лѣтъ двадцать тому назадъ книгу подъ заглавіемъ „Русская революціонная бацилла и борьба съ нею“, посвященную спеціалистамъ, работавшимъ подъ его руководствомъ въ Департаментѣ полиціи. Очень жаль, что эта замѣчательная книга, производившая въ свое время большую сенсацію въ мірѣ бактеріологовъ, изъята теперь изъ продажи и недоступна профанамъ. Она бросаетъ яркій свѣтъ на господствующіе въ оффиціальной наукѣ взгляды, — и революціонной бациллѣ, право, не мѣшаетъ знать, что про нее пишутъ авторитеты оффиціальной бактеріологіи.

Вотъ заключительные тезисы этого ученаго трактата:

1) Жизнеспособность и живучесть нераскаявшихся революціныхъ бациллъ объясняется, главнымъ образомъ, ихъ специфическими революціонными свойствами и въ значительной степени ихъ семитическимъ происхожденіемъ.

2) Число имѣющихся въ наличности по всей имперіи настоящихъ революціонныхъ бациллъ весьма ограничено.

3) Смерть черезъ повѣшеніе каждой такой революціонной бациллы является самымъ безупречнымъ средствомъ противъ броженія вообще и потрясенія основъ въ особенности.

Не входя въ обсужденіе и оцѣнку этихъ тезисовъ, я констатирую прежде всего тотъ несомнѣнный фактъ, что эти руководящія начала въ борьбѣ съ революціонными бациллами, составлявшія квинтэссенцію оффиціальной бактеріологической мудрости начала восьмидесятыхъ годовъ, сохранилп свою полную силу вплоть до нашихъ дней. А, между тѣмъ, какъ разъ за это послѣднее двадцатилѣтіе быстрый ростъ бактеріологическихъ знаній, какъ въ Россіи, такъ и въ Западной Европѣ произвелъ такой переворотъ въ нашихъ основныхъ воззрѣніяхъ на бациллу, на ея роль въ процессахъ броженія, на среду и законы ея эволюціи и т. д., что пришлось перевернуть вверхъ дномъ все зданіе научной бактеріологіи. Никому изъ серьезныхъ бактеріологовъ нашего времени не придетъ, напримѣръ, въ голову та дикая мысль, что можно пріостановить разъ начавшееся химическое броженіе, подвергнувъ смертной казни каждую бациллу въ отдѣльности и оставляя ея питательную среду при тѣхъ же условіяхъ неустойчиваго химическаго равновѣсія, при той же воспріимчивости къ бациллярному яду и т. д.

Всякій теперь понимаетъ, что разъ среда остается та же, то достаточно малѣйшаго зародыша, чтобы процессъ заигралъ снова; что какъ ни храбрись---всѣхъ зародышей не перебьешь, что было бы болото — черти всегда найдутся и т. д. да мало ли что можно еще сказать...

Но я не имѣю ни малѣйшей охоты полемизировать съ г. Плеве и предоставляю это моему либеральному коллегѣ изъ „Освобожденія“ г. Струве, который имѣетъ въ запасѣ цѣлый букетъ самыхъ вѣскихъ аргументовъ. „И въ этомъ актѣ — пишетъ г. Струве по поводу казни Балмашева — сказалось либо опять таки полнѣйшее безмысліе, либо явно безнравственная и отвратительная задняя мысль. Смертною казнью Балмашевыхъ не устранишь и не отпугнешь отъ террористическихъ дѣйствій. Наоборотъ, такія казни только усиливаютъ общественное настроеніе, въ атмосферѣ котораго зрѣютъ террористическіе планы; эти казни не способъ устрашенія, а методъ провокаціи. И если правительство, прибѣгая къ казнямъ, дѣйствуетъ такъ не по безмыслію, а вполнѣ осмысленно, то, очевидно, оно разсчитываетъ, всячески провоцируя терроръ, вызвать общественную реакцію, и такимъ образомъ остановить освободительное движеніе.“ Это совершенно справедливо. Г. Струве отгадалъ черную заднюю мысль правительства, только напрасно онъ такъ остороженъ и нерѣшителенъ и напрасно онъ портитъ свою прекрасную формулировку правительственной мысли этими совсѣмъ неумѣстными „либо“ да „если“. Неужели его смущаетъ то обстоятельство, что эта задняя мысль „явно безнравственная и отвратительная“? Г. Плеве, повѣрьте, этимъ не смущается; эта старая полицейская крыса прекрасно знаетъ, что дѣлаетъ. Нѣтъ, онъ дѣйствуетъ не по „безмыслію“, онъ остается вѣрнымъ своему любимому основному тезису и онъ не остановится ни предъ какой провокаціей, чтобы приложить его на практикѣ... Удастся-ли этому испытанному заплечныхъ дѣлъ мастеру затормозить на время быстрый ходъ революціоннаго броженія? Не думаемъ. Многое зависитъ отъ тебя, — о, родная бацилла, — отъ ясности твоего революціоннаго сознанія, отъ правильнаго пониманія твоей роли въ процессѣ революціоннаго броженія, отъ твоей организованности, отъ твоего единодушія, отъ твоей энергичной воли...

О, я знаю, хорошіе люди и плохіе музыканты поютъ тебѣ теперь дифирамбы, воспѣваютъ твою „готовность“ пойти по пути великомучениковъ, радостно отдающихъ свою жизнь въ поединкѣ съ самодержавіемъ; я не меньше ихъ благоговѣю передъ героизмомъ твоего чистаго сердца. но не возгордись, бацилла, и твердо помни, что ты только тогда — титаническая, грозная сила, когда ты связана съ массой пробуждающагося къ жизни пролетаріата, жаждущаго героическихъ подвиговъ; изолированная, отрѣзанная отъ твоей „среды“ — ты никому не страшна...

Старый испытанный въ бою боецъ Либкнехтъ имѣлъ обыкновеніе отвѣчать анархистамъ, пристававшимъ къ нему съ вопросомъ: почему онъ, старый революціонеръ, не восхищается ихъ героическими подвигами, — слѣдующими словами: Die Faust meine Freunde, ist verteufelt nothwendig, aber der Kopf muss dabei klar sein*) О, да, боевыя организаціи чертовски необходимы, нанести смертельные удары врагу крайне нужно, но поймите же, юныя бациллы, что все это только тогда имѣетъ смыслъ, когда эти героическія дѣйствія совершаются на виду, въ присутствіи волнующейся революціонной толпы, активно поддерживающей своихъ смѣлыхъ застрѣльщиковъ. Эта революціонная толпа, къ счастью, уже появилась, и вамъ, рвущимся на бой революціоннымъ бациллamъ, ничего другого не остается, какъ внести свою боевую организацію и свою революціонную энергію въ эту самую толпу.

Проповѣдывать же теперь анархическій образъ дѣйствія---это значитъ дѣйствовать въ руку г.г. Плеве и ихъ приснымъ, боящимся пуще огня массового характера революціоннаго движенія. Это до того ясно, что революціонныя бациллы, я въ этомъ увѣренъ, не поддадутся на эту удочку.

Замѣтьте, что я не строю себѣ никакихъ иллюзій. Я прекрасно знаю, что звѣрства царскихъ опричниковъ вызываютъ съ желѣзной необходимостью и будутъ вызывать и въ будущемъ индивидуальные акты мести, но это ничего общаго не имѣетъ и имѣть не можетъ съ дѣйствіями революціонной партіи. Это не способъ борьбы, а симптомъ разлагающагося самодержавнаго строя. Борьба начинается тамъ, гдѣ выступаетъ революціонная масса, и туда будутъ направлены всѣ силы революціонныхъ бациллъ.

ЧТО ДѢЛАТЬ?

Отъ редакціи: Предлагаемое письмо петербургскаго товарища касается жгучей темы—вопроса о томъ, какъ готовиться къ внушительнымъ политическимъ демонстраціямъ. Авторъ предпослалъ своей статьѣ общее введеніе по вопросу о невозможности успѣшной экономической борьбы для русскихъ рабочихъ, которое мы не помѣщаемъ здѣсь, за недостаткомъ мѣста и въ виду самостоятельнаго интереса главной темы статьи.

Взгляды автора, въ общемъ, совпадающіе съ нашими, сводятся къ тому, что поглощеніе нашихъ организацій экономической борьбой является невыгоднымъ для партіи и что основныя условія развитія русскаго рабочаго движенія требуютъ отъ насъ сосредоточенія главнаго вниманія на борьбѣ за политическую свободу. Отъ себя прибавимъ, что такимъ образомъ мы косвенно способствуемъ и успѣху той экономической борьбы, которую приходится вести рабочимъ массамъ при всякихъ условіяхъ: уступки въ области фабричнаго законодательства и т. п. дѣлаются правительствомъ тѣмъ охотнѣе, чѣмъ болѣе грозной представляется ему опасность политическаго возмущенія рабочихъ массъ. Цѣнныя указанія, даваемыя авторомъ относительно недостаточно совершенной подготовки нашихъ демонстрацій, во многихъ пунктахъ совпадаютъ съ тѣми мыслями, которыя по этому вопросу высказаны авторомъ интереснаго очерка о Кіевской демонстраціи 2-го февраля, помѣщеннаго въ 4 книжкѣ „Зари“. Можно только привѣтствовать, какъ признакъ революціоной зрѣлости нашихъ практиковъ-соц.-демократовъ, тотъ фактъ, что частныя неудачи нашей партіи побуждаютъ ихъ еще болѣе дѣятельно работать надъ усовершенствованіемъ нашихъ боевыхъ пріемовъ, а не слѣдовать за тѣми, кто кричитъ о полной неудачѣ массовой политической борьбы и призываютъ „пополнить“ ее вредной въ настоящее время тактикой „единоборства“.

Товарищи!

Этотъ вопросъ касается только насъ, сознательныхъ рабочихъ, студентовъ и интеллигентовъ; намъ нужно приготовить людей, т. е. не всю массу, а по возможности, кто сколько можетъ, къ будущей демонстраціи. Начнемъ съ того, что у насъ, чуть ли не на каждомъ заводѣ или фабрикѣ, существуютъ кружки организованныхъ рабочихъ, которые достаютъ или получаютъ литературу и распространяютъ ее между рабочими. Въ этихъ кружкахъ каждый изъ насъ долженъ говорить, что общій нашъ врагъ есть, главнымъ образомъ, наше самодержавное правительство, что главная наша задача есть свержение самодержавія. При томъ, разъ мы довѣряемъ имъ литературу, то мы должны и сойтись съ этими людьми поближе, для того, чтобы воодушевить ихъ и постараться узнать ихъ мнѣніе, согласны ли они идти на демонстрацію; если же кто изъ нихъ откажется, то того нужно постараться убѣдить и, если онъ не соглашается ни на какіе доводы, то самое лучшее постепенно оставить его, но, конечно не сразу. Мы должны помнить слова Лассаля, перваго организатора нѣмецкой соціальдемократической партіи: „кто не за насъ, тотъ противъ насъ“. И такимъ путемъ каждый изъ насъ пусть приготовитъ для этого дѣла двоихъ или троихъ, а тѣ въ свою очередь также могутъ постараться. При этомъ тѣ изъ организованныхъ товарищей, которые состоятъ въ кружкахъ, должны приготовлять товарищей только отъ своего имени, не пріобщая къ этому другихъ кружковыхъ; собственно каждый долженъ дѣлать такъ, какъ будто одинъ такой на заводѣ или на фабрикѣ; также должны поступать и тѣ рабочіе, которыхъ вы знакомите съ этимъ дѣломъ: они, въ свою очередь, должны посвящать также только отъ своего имени и т. д. Эта предосторожность относится къ провокаторамъ. Кружковые рабочіе могутъ, конечно, время отъ времени собираться и сообщать другъ другу о своихъ знакомствахъ, въ виду того, чтобы каждый изъ кружковыхъ при случаѣ могъ послѣдить и за тѣмъ изъ рабочихъ, котораго посвящаетъ одинъ изъ товарищей кружка. И вотъ такимъ путемъ мы можемъ раньше знать наши силы. Напримѣръ, Рабочій Комитетъ за недѣлю дѣлаетъ запросъ районнымъ представителямъ: можно ли назначить демонстрацію на 20 апрѣля или на другое какое либо число или мѣсяцъ. Районные представители отнесутся съ такимъ вопросомъ къ кружковымъ представителямъ, а тѣ въ свою очередь къ товарищамъ кружка. И каждый сознательный рабочій долженъ отдать вѣрный отчетъ сколько выйдутъ съ нимъ на демонстрацію—двое или трое. Эти свѣдѣнія нужно давать вѣрно, не преувеличивать, не нужно совѣститься, что одинъ приготовилъ 8-10, а другой 1-3 или даже того нѣтъ. Помните, что отъ этого зависитъ весь нашъ успѣхъ, мы можемъ начать только тогда, когда мы вѣрно знаемъ, что у насъ есть сила, а если нѣтъ то мы лучше отложимъ на время. Помните, если мы будемъ говорить вмѣсто одного 5 и такъ вмѣсто предлагаемыхъ 200 явятся 40, что же тогда будетъ? худшій позоръ! этотъ позоръ долженъ камнемъ лечь на тѣхъ, которые изъ стыда говорили вмѣсто одного—5. Затѣмъ, когда комитетъ получитъ свѣдѣнія отъ всѣхъ организованныхъ рабочихъ о числѣ демонстрантовъ и найдетъ возможнымъ выйти на демонстрацію, тогда на нашей обязанности лежитъ: 1) выпустить прокламацію не раньше 2-хъ или 1-го дня къ призыву рабочей массы и также учащейся молодежи, выйти на демонстрацію на извѣстное мѣсто. 2) Назначить извѣстное мѣсто (уголъ или № дома) для каждаго завода или фабрики отдѣльно, если только кучка демонстрантовъ будетъ человѣкъ въ 40; если же менѣе, то можно назначить одно мѣсто для двухъ заводовъ. Каждая кучка должна знать еще одно, два мѣста на случай, если будетъ разогнана. Это, конечно, нужно передать на словахъ представителямъ, а тѣ въ свою очередь, передадутъ организованнымъ рабочимъ и т. д. Дѣленье на кучки важно потому, что каждый сознательный рабочій приходитъ въ назначенное мѣсто и видитъ своихъ товарищей, знакомыхъ по заводу, онъ видитъ въ нихъ не любопытныхъ зрителей, а своихъ единомышленниковъ, въ немъ прибавляется бодрость и сила; онъ знаетъ, что если нужно, то эти товарищи могутъ и постоять за него; затѣмъ еще потому, что такихъ кучекъ, предположимъ 10-12 полиція, во всякомъ случаѣ, не будетъ на столько освѣдомлена, чтобы сразу напасть на эти кучки. Допустимъ она нападетъ на 5, а остальныя 5 все таки будутъ держаться, когда же она бросится на остальныя 5, то первыя въ это время могутъ сойтись въ другомъ назначенномъ мѣстѣ и т. д.

Но представимъ себѣ, напротивъ, что мы оставимъ демонстрацію по старому, какъ было 3-го марта 1902 г., или 1-го мая. Напр., 3-го марта рабочихъ было много, которые сочувствовали этому дѣлу, но что они могли сдѣлать? рѣшительно ничего. Многіе изъ нихъ даже не знали мѣста, гдѣ должна была происходить демонстрація, во 2-хъ, они разрознены толпой совершенно незнакомыхъ лицъ, въ которой масса шпіоновъ, за одно слово человѣкъ долженъ попасть въ предварилку и никто за него не постоитъ, чтобы отбить его отъ полиціи, потому что каждый боится, каждый знаетъ, что онъ одинъ среди чуждой ему толпы. Также и на 1-е мая: вышли рабочіе въ довольно таки порядочномъ числѣ, погуляли съ 8-10 часовъ и ушли по домамъ ни съ чѣмъ, потому что каждый отдѣльно боялся начинать. Теперь, кажется, всѣмъ извѣстно, что рабочій Обуховскаго завода, знаменщикъ, хотѣлъ выкинуть знамя у Гостиннаго Двора, но, между прочимъ, шпіоны и полиція замѣтили это прежде, чѣмъ рабочій успѣлъ это сдѣлать, кинулись на него... онъ, было, бѣжать, но они съ криками „держи! карманникъ!“ за нимъ. Рабочіе замѣтили эту суматоху; конечно, бросились бѣжать туда съ крикомъ, со свистомъ, даже послышались крики: „ура!“ но, когда подбѣжали къ мѣсту и слышатъ крики „держи карманника!“, то сразу всѣ какъ то почувствовали себя неловко, они надѣялись увидѣть тутъ совсѣмъ другое, а не ловлю карманника. Полиція попросила разойтись, что, къ ея удовольствію, было исполнено. И такъ, рабочіе остались въ дуракахъ передъ самими собой, когда не могли воспользоваться тѣмъ, что собралась кучка и могла бы произойти демонстрація.

Такъ вотъ видите, товарищи, весь успѣхъ будущей демонстраціи зависитъ отъ нашей организаціи. Но мы, вѣдь, вполнѣ можемъ надѣяться еще на солидарность съ нами учащейся молодежи и на полное сочувствіе массы; если только мы будемъ такъ организованы, въ насъ будетъ сила, которую не въ состояніи разогнать жандармерія и полиція. Еще разъ говорю, въ насъ будетъ сила, наши десятки знаменъ будутъ развѣваться не по 10 или 20 минутъ, а по нѣскольку часовъ или по цѣлому дню. Наши требованія („долой самодержавіе!“ „8-ми часовой рабочій день и политическаясвобода“) будутъ раздаваться не 10-20 мин., а также цѣлый день и притомъ же наши знаменщики и передовые люди будутъ цѣлы. Мы не дадимъ ихъ въ руки полиціи, отобьемъ ихъ и спрячемъ между собой. И еще: при такой организованной силѣ мы можемъ требовать не только словами, но и дѣйствіемъ. Въ насъ, рабочихъ—вся сила. Мы содержимъ царя и министровъ, мы содержимъ богачей-кровопійцевъ, мы содержимъ поповъ-тунеядцевъ, мы солдатовъ,—своихъ же братьевъ,—даемъ для царя и содержимъ для нихъ генераловъ и содержимъ для ихъ же пользы цѣлую свору паразитовъ, шпіо-

---

*) Кстати отмѣтимъ еще одинъ „интересный фактъ“, подчеркиваемый авторомъ цитируемой статьи. „Въ то время какъ у насъ нѣмцевъ, — говоритъ онъ, — „ортодоксальныхъ марксистовъ подозрѣваютъ въ бланкистскихъ склонностяхъ и отыскиваютъ даже у Маркса бациллу бланкизма, — въ это время въ Россіи,— единственной странѣ, гдѣ бланкистская тактика могла бы найти практическое примѣненіе, за нее высказываются не „ортодоксальные марксисты“. Напротивъ, русская соціаль-демократія, какъ она представлена Вѣрой Засуличъ и другими, самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергаетъ для даннаго момента систематическій терроръ. Террористическая же тактика, которая во всякомъ случаѣ очень сродни бланкизму, защищается и проводится той группой русскихъ соціалистовъ, которая, подобно нашимъ нѣмецкимъ ревизіонистамъ, ведетъ освободительную борьбу противъ „марксистской догмы“.

*) Кулакъ чертовски необходимъ, друзья мои, но, кромѣ того, и въ головѣ должно быть ясно.

новъ, жандармовъ. Долой дармоѣдовъ! всѣмъ имъ сладко живется за нашей спиной. Такъ помните: въ насъ рабочихъ вся сила, такъ зачѣмъ же мы будемъ кормить дармоѣдовъ, цѣлую свору, милліонъ негодяевъ?!

Бесѣда съ „другомъ"-читателемъ.

Мы получили письмо за подписью „читателя-друга", вызванное передовой статьей № 23 „Искры" о полицейскихъ насиліяхъ надъ демонстрантами. Авторъ возмущенъ нашей статьей, которая рекомендуетъ „отчаянное сопротивленіе со стороны всѣхъ тѣхъ, кому угрожаетъ тѣлесное наказаніе."

Вотъ что говоритъ онъ по этому поводу: „Люди, которыхъ подвергли поруганію въ застѣнкѣ, были взяты на улицѣ, во время демонстраціи, ихъ истязали за ихъ стремленіе къ свободѣ, за проявленіе клас. самосозн., за солидарность съ с.-дем. партіями и ихъ органами. Ихъ дѣло—дѣло всего рабочаго класса и революціонныхъ партій; ихъ поруганіе—поруганіе всего пролетаріата, всей соціальдемократіи." Поэтому, „отвѣтъ на вопросъ „какъ мстить" долженъ былъ возложить долгъ мести на дѣйствующія организаціи, а не на самихъ и безъ того пострадавшихъ товарищей..." Искра же „не видитъ надобности вмѣшательства дѣйствующихъ организацій. По крайней мѣрѣ, она ни однимъ словомъ не обмолвилась, какъ поступать остающимся на свободѣ товарищамъ. Вся тяжесть мести и защиты своего человѣческаго достоинства возлагается на самихъ заключенныхъ..." „Господа, да, вѣдь, это похоже на издѣвательство! Вѣдь смѣшно говорить заключенному, котораго держатъ 4 дюжихъ городовыхъ: „защищайся". Если Искра не находитъ рѣшенія вопроса въ той или ино формѣ активнаго вмѣшательства организацій, если она чувствуетъ себя безсильной передъ этимъ глубоко трагическимъ вопросомъ,... то пусть она будетъ искренной, пусть броситъ красивыя, но жалкія въ данномъ случаѣ, слова о „геройской самозащитѣ," о „борьбѣ", и тогда для всякаго ясенъ будетъ единственный логическій и психологическій выводъ изъ сдѣланной „Искрой" постановки вопроса: тѣ, кому угрожаетъ тѣлесное наказаніе, должны сопротивляться... путемъ самоубійства!" „Есть, господа, вопросы, на которые та или иная организація можетъ оказаться не въ силахъ дать въ данную минуту удовлетворительный отвѣтъ, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы она имѣла нравственное право затыкать такую прорѣху первой попавшейся тряпкой. Предоставленіе арестованнымъ и истязуемымъ рабочимъ управляться, какъ они сами знаютъ, лишь бы прославлено было имя бога революціи, лишь бы можно было фактъ ихъ отчаянной борьбы использовать въ агитаціонныхъ и педагогическихъ цѣляхъ—и есть именно такое затыканіе дыръ сомнительнаго качества тряпками."

Въ этомъ письмѣ насъ особенно поразило крайне невнимательное отношеніе его автора къ нашимъ мыслямъ. Отъ „друга" мы могли бы ожидать нѣсколько большаго вниманія.

Мы сказали, что если А будетъ сегодня оскорбленъ въ участкѣ, а Б завтра, послѣзавтра или вообще впослѣдствіи убьетъ оскорбителя, то А врядъ ли почувствуетъ себя отомщеннымъ. Мы ссылались на примѣръ Боголюбова, тяжелое нравственное состояніе котораго не было, да и не могло быть разсѣяно выстрѣломъ Вѣры Засуличъ. Отсюда для насъ самъ собою слѣдовалъ тотъ практическій выводъ. что мстить покушеніями значитъ избирать наименѣе дѣйствительный способъ мести.

Если нашъ „другъ" находитъ, что наши психологическія соображенія ошибочны, то ему слѣдовало сказать и доказать это. Онъ этого не сдѣлалъ. Почему? Потому, что онъ очень невнимательно,—совсѣмъ не по „дружески,—отнесся къ нашему разсужденію и не понялъ, гдѣ лежитъ его исходная точка.

Мы снова обращаемъ вниманіе нашего „друга" на эту точку и просимъ его сказать прямо: счелъ-ли бы онъ себя отомщеннымъ, если бы, подвергшись истязанію розгами въ участкѣ, онъ услыхалъ впослѣдствіи, что его товарищи убили того или тѣхъ, по чьему приказанію истязаніе совершилось?

Мы думаемъ, что на этотъ вопросъ можно дать только отрицательный отвѣтъ. Мы увѣрены, что и самъ сердитый „другъ" нашъ.—чуточку подумавъ,—тоже отвѣтитъ на него отрицательно. А если нашъ сердитый „другъ" отвѣтитъ отрицательно, то онъ необходимо долженъ будетъ встать на нашу точку зрѣнія и... и смѣнитъ гнѣвъ на милость...

Далѣе. Если когда нибудь нашему сердитому „другу" будутъ угрожать полицейскія розги, то мы увѣрены, что онъ, не уповая ни на какія послѣдующія дѣйствія оставшихся на свободѣ товарищей, скажетъ себѣ, что ему остается именно то и только то, на что указывала „Искра", т. е. сопротивленіе палачамъ, сопротивленіе во что бы то ни стало, сопротивленіе до послѣднихъ силъ, до послѣдняго издыханія. И говоря себѣ это, онъ будетъ гораздо дальше, чѣмъ когда-либо, отъ всякой мысли объ издѣвательствѣ надъ самимъ собою. Напротивъ, сознаніе своего человѣческаго достоинства и сознаніе необходимости отстаивать это достоинство достигнутъ у него тогда высшей степени ясности.

Нашъ „другъ" думаетъ, что сопротивленіе невозможно. Онъ думаетъ такъ потому, что не знаетъ исторіи нашего движнія.

Къ лучшимъ, наиболѣе ободряющимъ страницамъ нашей исторіи принадлежитъ то сопротивленіе нашихъ арестованныхъ товарищей самодурству тюремнаго начальства, та „борьба въ тюрьмѣ," о которой говоритъ Вѣра Засуличъ въ первой книжкѣ „Зари". Издѣвается надъ товарищами не тотъ, кто совѣтуетъ продолжать эту борьбу, а тотъ, кто заговариваетъ объ ея невозможности. Неужели нѣсколькихъ пучковъ розогъ достаточно для того, чтобы разбить энергію русскихъ революціонеровъ?

Издѣвается надъ товарищами не тотъ, кто говоритъ имъ: „у васъ есть выходъ; вы можете отстоять свое достоинство энергичной борьбой,"—а тотъ, кто говоритъ имъ: „ваше положеніе безвыходно; вы ничего не можете сдѣлать для самозащиты; но на свободѣ у васъ найдутся самоотверженные товарищи, которые отомстятъ за васъ."

Пассивная толпа, покорно ложащаяся подъ розги и самоотверженные герои—мстящіе за эти розги, вотъ въ какомъ видѣ представился бы намъ составъ нашей партіи, если бы былъ правъ авторъ письма. А такъ какъ исторія дѣлается не единицами, то въ этомъ зрѣлищѣ было бы очень мало привлекательнаго. Къ счастью, нашъ авторъ жестоко ошибается: героическое настроеніе перестаетъ быть удѣломъ единицъ; масса становится все болѣе и болѣе активной, и ея арестованные полиціей представители съумѣютъ постоять за себя въ участкѣ.

Мы указывали на Шлиссельбургскихъ узниковъ, которыхъ можно было убить,—говорили мы—но нельзя наказать розгами. Нашъ „другъ" могъ не согласиться съ нами, но онъ не имѣлъ права обойти этотъ доводъ молчаніемъ. Почему же онъ обошелъ его? Онъ не вдумался въ его значеніе, онъ невнимательно,—повторяемъ, совсѣмъ не по „дружески",—прочиталъ нашу статью. И только потому, что онъ невнимательно прочиталъ ее, онъ вообразилъ, что „Искра" чувствуетъ себя безсильной передъ вопросомъ о полицейскихъ розгахъ. Какъ бы не такъ! Нашъ „другъ", очевидно, проникнутъ взглядами нашихъ противниковъ: онъ думаетъ, что если мы не рекомендуемъ террора, то значитъ мы не рекомендуемъ ровно ничего. Но отъ такого взгляда давно пора отдѣлаться, потому что еслибы такой невѣроятно узкій взглядъ сдѣлался общимъ достояніемъ нашихъ революціонеровъ, то мы никогда не пришли бы къ побѣдѣ.

А что дѣлать остающимся на свободѣ товарищамъ? что дѣлать тѣмъ организаціямъ, арестованнымъ представителямъ которыхъ придется „до послѣдняго издыханія" отстаивать свое достоинство въ участкахъ?

Имъ надо дѣлать то что они дѣлали до сихъ поръ: развивать классовое (т. е., слѣдовательно, и политическое) самосознаніе массы; способствовать росту массового движенія и въ ширь и въ глубь; всѣми зависящими отъ нихъ силами ускорять наступленіе того момента, когда одного слуха о томъ, что въ участкѣ истязуютъ арестованныхъ демонстрантовъ, будетъ достаточно для того, чтобы эти притоны полицейскихъ разбойниковъ были осаждены грозными толпами рабочаго народа; усиливать свою собственную партійную организацію до той степени, на которой она сможетъ повести эти грозныя толпы къ побѣдѣ.

Говоря это, мы, — въ интересахъ нашего невнимательнаго „друга-читателя" ставимъ точку надъ і въ нашемъ отвѣтѣ на вопросъ: какъ мстить? Раздраженный „другъ" не понялъ этого отвѣта; мы разъясняемъ ему нашу мысль и, разставаясь съ нимъ, мы говоримъ ему съ полнѣйшимъ убѣжденіемъ: указанный способъ мести есть единственный способъ, достойный тѣхъ людей, которые принадлежатъ къ серьезной политической партіи, а не составляютъ простого общества взаимнаго отмщенія.

Говорятъ, что Пугачевъ, исполняя въ арміи свою казацкую военную повинность, былъ высѣченъ по приказанію начальства и что это униженіе впервые заронило въ его голову мысль о бунтѣ. Не знаемъ, правда ли это; должно быть, это---простая выдумка. Но---se non e vero e ben trovato (если и не вѣрно, то хорошо придумано). Месть à la Пугачевъ несравненно страшнѣе, чѣмъ месть à la Лекертъ.

„Полицейскіе всѣхъ странъ, соединяйтесь".

Международно-шпіонскія услуги одного правительства другому дѣло довольно обычное. Услуги европейскихъ полицій полиціи русскаго самодержавія становятся все циничнѣе по мѣрѣ того, какъ растущая сила рабочаго класса въ Зап.-европейскихъ странахъ дѣлаетъ невозможнымъ для ихъ правительствъ систематическое преслѣдованіе собственныхъ „внутреннихъ враговъ". Воспитанные долгимъ „подборомъ", инстинкты охоты за человѣкомъ ищутъ себѣ примѣненія въ дѣлѣ добровольной травли „поддан ныхъ" того правительства, которое еще удерживаетъ въ своихъ рукахъ право неограниченнаго преслѣдованія всякой свободной мысли. Положеніе русскихъ, живущихъ заграницей, становится все болѣе необезпеченнымъ отъ полицейскаго насилія. И всего хуже обстоитъ дѣло въ Германіи.

Нельзя, впрочемъ, умолчать о томъ, что усердіемъ нѣмецкихъ полиціантовъ не всегда руководитъ одно только безкорыстное служеніе идеѣ международной солидарности шпіоновъ. Въ своихъ воспоминаніяхъ*) Л. Г. Дейчъ, подло выданный въ 1885 г. германскимъ правительствомъ Россіи, разсказываетъ о томъ, какъ нѣмецкіе чиновники, участвовавшіе въ этомъ дѣлѣ, интересовались вопросомъ о вещественной наградѣ, которую они получатъ отъ русскаго правительства.

Мы не знаемъ, кому изъ нѣмцевъ достанутся 30 серебренниковъ за выдачу бывшаго студента Калаева, арестованнаго недавно въ Мысловицахъ (Пруссія). Знаемъ только, что всѣ прежніе случаи предательскихъ услугъ германскаго правительства русскому (Дейчъ, Гр. Гуковскій, Славинскій, Владисл. Анелевскій)**) блѣднѣютъ передъ наглымъ, беззаконнымъ и истинно-русскимъ произволомъ дѣла Калаева.

Платонъ Калаевъ отправился изъ Австріи въ Берлинъ. На прусской границѣ таможенный чиновникъ подсмотрѣлъ въ его вещахъ русскія изданія. Онъ пригласилъ жандарма, который и арестовалъ Калаева. Послѣдній былъ показанъ вызванному для того жандармскому офицеру (русская граница находится вблизи отъ Мысловицъ) и затѣмъ отвезенъ къ русской границѣ, гдѣ его и приняли русскіе жандармы.

Когда германскія соціаль-демократическія газеты забили тревогу, реакціонная печать стала утверждать, что Калаевъ-де выданъ, какъ соучастникъ Балмашева. Но долго настаивать на этой лжи было невозможно и правительство поспѣшило съ полуоффиціальнымъ разъясненіемъ, представляющимъ любопытный образчикъ той смѣси цинизма и трусости, іезуитства и грубости, которой проникнута политика нынѣшнихъ германскихъ правителей.

Невѣрно, заявляется въ этомъ разъясненіи, что Калаевъ былъ „выданъ" Россіи. Для „выдачи" его не было никакихъ законныхъ основаній. Но онъ былъ задержанъ съ русскими изданіями анархическаго содержанія и, какъ анархистъ, высланъ на родину, въ Россію. Только и всего.

Не выданъ, а высланъ! Но высланъ не туда, куда онъ хотѣлъ ѣхать изъ гостепріимной Германіи, а туда, гдѣ его ждали предупрежденные о его „высылкѣ" русскіе жандармы.

Мы почтительно просимъ германское правительство назвать намъ тѣ изданія, которыя были найдены при Калаевѣ. Тогда публика увидитъ, о какомъ „анархизмѣ" идетъ здѣсь рѣчь. Съ своей стороны мы категорически утверждаемъ, что по собраннымъ нами вполнѣ достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, Калаевъ ничего общаго не имѣетъ не только съ анархизмомъ, но и съ русскимъ терроризмомъ, который, въ свою очередь, далекъ отъ анархизма. Мыутверждаемъ, что, какъ намъ теперь доподлинно извѣстно, Калаевъ — принципіальный противникъ русскаго терроризма.

Раз умѣется, фактъ выдачи русскаго соціалиста не сталъ бы менѣе подлымъ отъ того, что былъ бы примѣненъ къ сторонику террора или принципіальному анархисту. Но характерна эта ложь, употребляемая для возбужденія въ нѣмецкой публикѣ сочувствія къ проявленіямъ самаго недостойнаго пресмыкательства нѣмецкихъ правителей передъ русскимъ самодержавіемъ. И такая ложь примѣняется не впервые. Замученный 10 лѣтней пыткой несчастный Григорій Гуковскій былъ арестованъ въ Аахенѣ въ 1889г. по лживому обвиненію въ участіи въ террористическихъ предпріятіяхъ, несмотря на то, что онъ былъ соціаль-демократомъ и стоялъ въ сторонѣ отъ террористическихъ группъ.

Нащи нѣмецкіе товарищи, безъ сомнѣнія, поднимутъ въ рейхс. тагѣ запросъ о поведеніи нѣмецкихъ властей въ дѣлѣ Калаева. Намъ же только остается пожелать германскому народу поскорѣе избавиться отъ тяготѣющаго надъ нимъ ига прусскихъ дворянчиковъ — Бюловыхъ и Позадовскихъ --- которые у себя на родинѣ травятъ славянъ-поляковъ и въ то же время пресмыкаются передъ монгольско-славянскими сапожищами Романовыхъ.

*) Они будутъ изданы на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

**) Кстати замѣтимъ, что германскому правительству везетъ въ его травлѣ иностранныхъ соціалистовъ. Изъ перечисленныхъ нами лицъ студентъ Гуковскій и польскій каменьщикъ Анелевскій послѣ 5 лѣтъ тюрьмы и нѣсколькихъ лѣтъ Сибирской ссылки покончили съ собой въ 1899 году.

КЪ ВОПРОСУ О ПРОГРАММѢ.

Намъ доставлено слѣдующее сообщеніе:

Обсудивъ проэктъ программы Рос. С.-Д. Партіи, выработанный редакціей „Искры" и „Зари", группа соц.-дем. одного изъ южныхъ городовъ Россіи и лицъ, сочувствующихъ соц.-дем. (всего 15 чел.) пришла къ слѣдующимъ заключеніямъ:

С.-Д. Р. П., возникла какъ таковая, необходимо должна дать программу, ясно и опредѣленно формулирующую теоретическое обоснованіе дѣятельности этой партіи, ея конечныя цѣли и ближайшія требованія.

Необходимость такой программы вообще обусловливается потребностью партійнаго объединенія для планомѣрной совмѣстной работы. Но при наличности одновременно дѣйствующихъ революціонныхъ и оппозиціонныхъ группъ, необходимость эта усугубляется потребностью отграниченія отъ указанныхъ группъ. Такъ какъ изъ различія основныхъ положеній вытекаютъ и различія въ практической дѣятельности, то Р. С.-Д. П., дѣиствуя срели разнородныхъ революціонныхъ и оппозиціонныхъ теченій, необходимо должна присоединить къ своей общей программѣ и точно опредѣленную программу практической дѣятельности, программу тактики.

Исходя изъ этихъ основныхъ положеній, упомянутая группа лицъ находитъ, что предложенный „Искрой" проэктъ программы, удовлетворяя вполнѣ первому требованію, выполняетъ второе лишь формальнымъ образомъ, ибо даетъ только общія, неопредѣленныя указанія („соціалъ-демократія организуетъ его (пролетаріатъ) въ самостоятельную политическую партію" и т. д., отнюдь не касающіяся конкретныхъ вопросовъ практической дѣятельности, требующихъ отъ члена партій опредѣленнаго и яснаго отношенія.

Переходя къ разсмотрѣнію программы ближайшихъ требованій, группа считаетъ необходимымъ сдѣлать слѣдующее замѣчаніе:

Понятіе „ближайшія цѣли", заимствованное изъ западно-европейскихъ соціальдемократическихъ программъ, въ этихъ послѣднихъ имѣетъ извѣстный опредѣленный смыслъ и не подаетъ повода ни къ какимъ недоразумѣніямъ.

Ближайшими называются тѣ требованія, которыя непосредственно предъявляются партіей буржуазному правовому государству и могутъ быть осуществлены въ предѣлахъ его. Употребляя безъ оговорокъ тотъ же терминъ въ русской соц.-дем. программѣ, мы должны помнить, что въ этомъ западно-европейскомъ смыслѣ, перечисленныя въ проэктѣ политическія и экономическія требованія, въ цѣломъ, ближайшими названы быть не могутъ, ибо, ни въ предѣлахъ самодержавнаго строя, ни въ самый моментъ низверженія его, „послѣдовательно, полно и прочно" эти требованія осуществлены быть не могутъ, и только форма правового государства сдѣлаетъ возможнымъ предъявленіе ихъ, какъ ближайшихъ. Поэтому, для Р. С.-Д. Р. П. ближайшей политической цѣлью будетъ самое осуществленіе правового государства, въ предѣлахъ котораго и могутъ быть осуществлены минимальныя экономическія и остальныя политическія требованія до требованія демократической республики включительно, что и должно быть оговорено въ программѣ.

Что касается самихъ требованій, то не разсматривая ихъ детально, группа тѣмъ не менѣе предлагаетъ 1) дополнить ихъ пунктомъ объ амнистіи государственныхъ преступниковъ и прекращеніи всѣхъ политическихъ дѣлъ, самое возникновеніе которыхъ обязано существованію уничтоженнаго режима, и 2) вообще пересмотрѣть ихъ, пополнивъ существенные пробѣлы (напр. организаціи суда, администраціи, мѣстнаго самоуправленія и проч.).

Присоединяясь въ общемъ къ предложенной программѣ, группа особо выдѣляетъ аграрную программу. Вполнѣ признавая важное значеніе аграрной программы въ программѣ всякой русской революціонной партіи, тѣмъ болѣе въ программѣ партіи, представляющей интересы трудящихся массъ, группа полагаетъ, что и въ вопросѣ о крестьянствѣ должно руководствоваться основными научными положеніями и общими принципами соц.-демократической программы. Поэтому, націонализацію земли она признаетъ конечнымъ пунктомъ аграрной программы, какъ вообще обобществленіе средствъ производства конечнымъ пунктомъ всей соціальдемократической программы. Отдѣльныя, частичныя аграрныя мѣропріятія, идущія въ разрѣзъ съ этой цѣлью, тѣмъ самымъ группою отвергаются.

Что же касается ближайшихъ требованій аграрной программы, предложенной „Искрой" то часть ея (пункты I и II), представляющую детальное развитіе общедемократической программы (уничтоженіе сословій, равноправность всѣхъ гражданъ, прогрессивный подоходный налогъ, свобода передвиженія и промысловъ), группа вполнѣ признаетъ и считаетъ цѣлесообразнымъ особое выдѣленіе ея. Съ пунктами же 3-мъ и 4-мъ группа согласиться не можетъ, ибо лежащій въ основѣ ихъ принципъ исправленія исторической несправедливости основнымъ принципомъ революціонной партіи,—стремящейся подготовить условія будущаго, а не исправлять ошибки прошлаго,—признанъ быть не можетъ. Исходя изъ этого принципа, партія не должна бы остановиться передъ частичнымъ исправленіемъ (возвращеніемъ выкупныхъ платежей и прирѣзковъ), но потребовать возвращенія всей помѣщичьей земли, всѣхъ когда либо уплаченныхъ косвенныхъ и иныхъ налоговъ (какъ подушныя подати мѣщанства) и проч. Въ частности, проведеніе этого требованія, съ одной стороны, содѣйствовало бы укрѣпленію частной собственности (и притомъ ея наихудшаго вида—мелкой собственности), слѣдовательно, пришло бы въ противорѣчіе съ нашимъ основнымъ принципомъ; съ другой—практически явилось бы наименѣе пригоднымъ (и даже не вполнѣ справедливымъ) палліативомъ, распространяющимся не на все крестьянство и не устраняющимъ основной причины крестьянскихъ бѣдствій — малоземелья. Выставленіе этихъ двухъ пунктовъ (3 и 4) могло бы оправдываться чисто практическими соображеніями—интересами агитаціи, стремящейся найти доступъ къ крестьянину и потому избирающей въ качествѣ боевого лозунга излюбленный пунктъ его мечтаній. Но группа полагаетъ, что именно интересы соціальдемократической агитаціи заставляютъ не приспособляться къ наличной психологіи трудящихся массъ, но всячески расширять и углублять ее. Со всѣхъ этихъ точекъ зрѣнія (принципіальности, практической осуществимости и радикальности и интересовъ агитаціи) группа находитъ болѣе цѣлесообразнымъ на мѣсто 3 и 4 пунктовъ вставить приведенный ниже 3-й.

Предпосланный же перечисленію требованій текстъ группа предлагаетъ измѣнить, согласно сдѣланнымъ замѣчаніямъ. Такимъ образомъ, вся аграрная программа представится въ слѣдующемъ видѣ:

Устраненія всѣхъ остатковъ крѣпостного порядка, тяжелымъ гнетомъ лежащихъ на крестьянахъ, и всѣхъ препятствій къ свободному развитію классовой борьбы въ деревнѣ партія достигаетъ путемъ проведенія своей демократической программы, требуя въ частности:

I Отмѣны выкупныхъ и оброчныхъ платежей, а также и всякихъ повинностей, падающихъ въ настоящее время на крестьянство, какъ на податное сословіе.

II Отмѣны круговой поруки и всѣхъ законовъ, стѣсняющихъ крестьянина въ распоряженіи землей.

III Отдачи въ долгосрочную аренду крестьянскимъ обществамъ и отдѣльнымъ крестьянамъ государственныхъ удѣльныхъ и монастырскихъ земель; покупки за счетъ государства для той же цѣли частновладѣльческихъ земель; сосредоточенія операцій, какъ по покупкѣ, такъ и по раздачѣ земель крестьянамъ въ рукахъ органовъ мѣстнаго самоуправленія; установленія опредѣленныхъ условій аренды, ограничивающихъ количество государственной земли, приходящейся на отдѣльнаго арендатора, обезпечивающихъ возможность ея обработки и гарантирующихъ высокую степень культуры.

IV Устраненіе остатковъ крѣпостныхъ отношеній, уцѣлѣвшихъ на Уралѣ, на Алтаѣ, въ западномъ краѣ и другихъ областяхъ государства.

V Предоставленіе судамъ права понижать непомѣрно высокія арендныя цѣны и объявлять недѣйствительными сдѣлки, имѣющія кабальный характеръ.

Въ заключеніе группа намѣчаетъ рядъ вопросовъ тактики, которыя, по ея мнѣнію, должны быть выяснены въ программѣ тактики.

1) Дѣятельность среди городского пролетаріата: а) отношеніе къ экономической борьбѣ, б) отношеніе къ легальнымъ организаціямъ рабочихъ, с) отношеніе къ широкимъ нелегальнымъ организаціямъ, д) способы политическаго воспитанія и политической борьбы рабочаго класса (демонстраціи и пр.).

2) Дѣятельность среди крестьянъ, формы дѣятельности; отношеніе къ крестьянскимъ безпорядкамъ.

3) Дѣятельность въ арміи.

ИЗЪ
НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ
ПОБѢГЪ ИЗЪ КІЕВСКОЙ ТЮРЬМЫ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ варварскаго избіенія политическихъ заключенныхъ въ Одесской тюрьмѣ соціаль-демократіи удалось „наказать“ правительство освобожденіемъ изъ Кіевской тюрьмы 11-ти „важныхъ преступниковъ“. Побѣгъ совершился 18-го августа, черезъ 3 недѣли послѣ удачнаго освобожденія изъ подъ ареста въ Екатеринославлѣ Бабушкина и Горвица (см. №24)

Въ февралѣ нынѣшняго года, въ самый разгаръ демонстрацій, по всей Россіи были произведены сотни арестовъ. Между прочимъ, не менѣе тридцати человѣкъ, арестованныхъ въ разныхъ концахъ Россіи по дѣлу „Искры, было свезено въ Кіевскую тюрьму, такъ какъ „знаменитый“ жандармъ Новицкій былъ уполномоченъ вести слѣдствіе по дѣлу о нашей организаціи. Въ числѣ этихъ товарищей были: Левъ Гальперинъ, бывшій уже въ ссылкѣ въ Астраханской губ.; Викторъ Крохмаль, вернувшійся изъ Уфимской ссылки въ 1900 г.; Іосифъ Тарсисъ, портной, арестованный въ Вильнѣ и двое нелегальныхъ — Николай Бауманъ, ветеринар. врачъ, сосланный въ 1898 г. въ Вятскую губ. по дѣлу С.П.Б. Союза Борьбы и бѣжавшій изъ ссылки черезъ годъ, и Іосифъ Басовскій (впервые привлекался въ Одессѣ въ 1897 г.)

Въ мартѣ къ тому же дѣлу присоединенъ наборщикъ Іосифъ Блюменфельдъ, взятый на границѣ съ германскимъ паспортомъ (былъ въ 1886 г. изгнанъ изъ Россіи), а въ апрѣлѣ --- Бор. Мальцманъ, арестованный въ Теофиполѣ, Волынск. губ., гдѣ состоялъ подъ надзоромъ. Эти семь лицъ, на которыхъ концентрировались главныя обвиненія по дѣлу „Искры“, и бѣжали вмѣстѣ съ ветеринар. врачемъ Владиміромъ Бобровскимъ, обвинявшимся въ организаціи Кіевской демонстраціи 2-го февраля и еще тремя товарищами, сидѣвшими уже болѣе года (съ апр.-мая 1901 года): Маріаномъ Гурскимъ, М. Валлахъ и Болеславомъ Плесскимъ (первые двое по дѣлу Кіевскаго Комитета Партіи, а послѣдній по дѣлу Партіи Соц.-Рев.). О самыхъ подробностяхъ побѣга участники его сообщаютъ слѣдующее:

„Орудіями“ побѣга послужили сшитая изъ разрѣзанныхъ простынь лѣстница и полупудовый якорь. Какъ послѣдній очутился въ рукахъ бѣжавшихъ --- это, конечно, секретъ организаторовъ побѣга. 18-го авг. вечеромъ, когда заключенные гуляли по двору около стѣны, нѣсколько изъ нихъ напали на стоявшаго вблизи часового, забили ему ротъ и связали его по рукамъ и ногамъ. Операція продѣлана была не вполнѣ совершенно, такъ что солдатъ могъ нѣсколько разъ крикнуть: „ратуйте, ратуйте!“ Къ счастью, заглушенный крикъ его не былъ услышанъ. Пока одни возились съ часовымъ, другіе образовали „живую пирамиду“, верхній конецъ которой доходилъ почти до вершины стѣны. Отсюда нетрудно было взлѣсть на стѣну и прикрѣпить якорь, къ которому съ одной стороны была привязана лѣстница, а съ другой --- веревка, по которой спускались внизъ. Черезъ десять минутъ послѣ того, какъ благополучно спустился послѣдній изъ бѣглецовъ, изъ тюрьмы раздался выстрѣлъ, означавшій тревогу. Бѣжавшіе направились въ разныя стороны.

Немедленно во всѣ концы Россіи дано было циркулярно извѣщеніе о побѣгѣ и сообщены примѣты бѣжавшихъ. Двое изъ послѣднихъ черезъ нѣсколько дней попали было въ руки полиціи, но черезъ короткое время освободились... какимъ путемъ, объ этомъ умолчимъ, дабы не компрометировать того урядника, который, навѣрное, никому не разсказываетъ, какъ онъ упустилъ двоихъ изъ „одиннадцати“.

Не обошлось и безъ курьезовъ: двое бѣжавшихъ пролежали цѣлыя сутки въ полѣ недалеко отъ тюрьмы и имѣли удовольствіе видѣть суету, поднятую надзирателями послѣ того, какъ они хватились.

Послѣ того, какъ бѣглецы были доставлены „по назначенію“ (часть уже находится заграницей), Кіевскій Комитетъ Партіи и организація „Искры“ издали сообща (печатную) прокламацію (отъ 27 августа), изъ которой извлекаемъ слѣдующія строки:

„Сидѣніе по 2-3 года въ тюрьмѣ, долголѣтнее прозябаніе въ далекой ссылкѣ не можетъ имѣть мѣста въ настоящее время, когда все кипитъ, все волнуется, когда каждый революціонный работникъ имѣетъ передъ собой широкое поле для подотворнѣйшей дѣятельности. Побѣги изъ Сибири и тюремъ учащаются и начинаютъ принимать массовой характеръ. При чемъ бѣглецовъ вынуждаютъ къ этому не тяжести ссылки и тюремной жизни, а жажда кипучей дѣятельности, желаніе принять снова участіе въ горячей борьбѣ переживаемаго момента. И вотъ въ вечеръ 18-го августа изъ Кіевской тюрьмы былъ совершенъ чрезвычайно смѣлый и остроумный по замыслу побѣгъ 11-ти человѣкъ: (слѣдуютъ фамиліи). При этомъ организаціей были употреблены всѣ усилія, чтобы бѣгство обошлось безъ малѣйшей капли крови со стороны тюремной стражи, что, къ счастью, и увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Кромѣ средствъ, отпущенныхъ изъ соотвѣтственныхъ суммъ организаціи, было собрано съ этой спеціальной цѣлью среди общества --- 1795 руб.

Все это за крайне малый промежутокъ времени. Цѣль отовсюду вызывала живѣйшее сочувствіе и энтузіазмъ, что наиболѣе ярко указываетъ на то враждебное отношеніе, которое встрѣчаетъ русское правительство. Кіевскій Комитетъ и организація „Искры“ считаютъ нужнымъ въ особенности отмѣтить чрезвычайно цѣнное участіе общества, выразившееся въ полномъ содѣйствіи многимъ важнымъ конспиративнымъ мѣропріятіямъ настоящаго дѣла. Только при полномъ сочувствіи всѣхъ честно мыслящихъ общественныхъ элементовъ возможна побѣда надъ русскимъ самодержавіемъ, а это сочувствіе мы видимъ только на сторонѣ революціонной партіи.

Да здравствуетъ рабочее дѣло!

Кіевскій Комитетъ и организація „Искры“ Россійской Соціал-Демократической Рабочей Партіи.

Кіевъ, 27-го августа 1902 года.

Прибавимъ, съ своей стороны, что возвращеніе сосланныхъ и заключенныхъ революціонеровъ въ ряды дѣйствующей арміи потребовало отъ нашей организаціи и будетъ еще требовать большихъ денежныхъ средствъ. Читатель представляетъ себѣ, что значитъ работа „на нелегальномъ положеніи“. Организація „Искры“ надѣется, что лица, сочувствующія ея дѣятельности, дадутъ ей возможность обезпечить этой работѣ благопріятныя условія. Только при энергичной поддержкѣ со стороны всѣхъ, сознающихъ настоятельную необходимость созданія сильной революціонной организаціи, сможетъ правильно функціонировать такая организація, немыслимая безъ значительнаго числа „нелегальныхъ“.

Побоище въ Одесской тюрьмѣ.

Въ рядѣ сообщеній изъ Одессы намъ пишутъ о сценахъ, разыгравшихся въ мѣстной тюрьмѣ въ началѣ августа. Около 150 политическихъ заключенныхъ-мужчинъ постепенно примкнуло къ „голодовкѣ“, требуя, чтобы ихъ товарищъ, бывшій студентъ Кочурьянъ, заболѣвшій двустороннимъ плевритомъ, былъ перевезенъ въ больницу внѣ тюрьмы для производства операціи (на этомъ настаивалъ тюрем. врачъ Стадлицкій, но коммиссія изъ полиц. врачей постановила считать К. здоровымъ; Стадлицкій въ видѣ протеста ьышелъ въ отставку). Въ тюрьму были введены двѣ роты солдатъ, къ заключеннымъ примѣнены разныя репрессивныя мѣры. На 11-ый день голодовки нѣсколько мнимыхъ „зачинщиковъ“ были увезены въ одинъ изъ участковъ. Товарищъ Гинзбургъ (арестов. въ Елизаветградѣ въ февралѣ 1902 года) отказался пойти добровольно и его стали „тащить“. Гинзбургъ оказалъ весьма энергичное сопротивленіе: несмотря на долгое голоданіе онъ одинъ оборонялся противъ нѣсколькихъ палачей, которые наносили ему жестокіе удары. Въ глубокомъ обморокѣ онъ былъ вытащенъ въ корридоръ. Сцена въ камерѣ Гинзбурга вызвала „бунтъ“ во всей мужской тюрьмѣ: заключенные уничтожили все въ камерахъ, стучали... Въ отвѣтъ на это разъяренная свора солдатъ и надзирателей ворвалась въ одиночки и стала производить методическое избіеніе. Одному заключенному (туберкулезному) болгарину пробили ключами голову, пострадали еще Штернбергъ, И. Ройзманъ, рабочій Анисимовъ и другіе. Нѣкоторые покушались на самоубійство, но неудачно... Заключенныя женщины разбили стекла и стали звать на помощь. Все это вызвало страшное возбужденіе среди уголовныхъ арестантовъ, которые произвели разгромъ въ своихъ камерахъ и бросали тяжелыми предметами въ солдатъ и надзирателей.

Всей бойней распоряжались бывшіе въ тюрьмѣ тов. прокурора Палаты Полланъ и исп. долж. градоначальника Старковъ. Бойня была подготовлена — былъ наряженъ усиленный составъ тюремной стражи. Все это происходило 7-го августа.

Результаты этой „Варфоломеевской ночи“ таковы: 35 человѣкъ развезены по провинціальнымъ тюрьмамъ въ Ломжу, Сѣдлецъ, Вильну и Гродно, оставшимся даны нѣкоторыя „послабленія“, уголовные-же подверглись варварской поркѣ.

Въ письмѣ одного заключеннаго указывается на то, что мѣстныя организація слишкомъ поздно — уже черезъ нѣсколько дней послѣ избіенія --- издали прокламацію по этому поводу, а, между тѣмъ, общество съ самаго начала голодовки было въ напряженномъ настроеніи. Съ другой стороны, соціалисты-революціонеры въ одномъ листкѣ (Изъ матерь. „Рев. Рос.“ №74) сопровождаютъ свой разсказъ такими словами: „больные, истерзанные и униженные, они ждутъ, что рука карающая загладитъ новыя раны“. Мы думаемъ, что соц.-рев. опять „не въ то мѣсто попадаютъ“. Найдется ли карающая рука, чтобы отвѣтить за насилія „Варфоломеевской ночи“ или нѣтъ --- эти насилія останутся совершенными и повтореніе ихъ въ другомъ мѣстѣ --- одинаково возможнымъ... до тѣхъ поръ, конечно, пока будетъ продолжаться нынѣшній режимъ. Вмѣсто того, чтобы толковать о „карающей рукѣ“, слѣдовало бы подумать о томъ, почему такъ часто мѣстныя революціонныя организаціи оказываются не въ состояніи оказать поддержку акту протеста своихъ заключенныхъ товарищей? А вѣдь только при такой поддержкѣ „съ воли“ такіе акты протеста смогутъ оказать серьезное агитаціонное вліяніе и безъ такой поддержки все учащающіяся тюремныя „голодовки“ рискуютъ потерять значеніе, какъ средства вынудить у притерпѣвшагося къ нимъ начальства какія-либо уступки.

Странное дѣло: вѣчно толкуютъ намъ о возможности --- даже при террорѣ --- сохранить связь революціонеровъ съ массой, а, между тѣмъ, каждый разъ, какъ практика показываетъ „маленькіе недостатки механизма“, дѣйствующаго на массы, мы слышимъ вздыханія о „карающей рукѣ“.

Съ своей стороны, мы еще разъ скажемъ товарищамъ: развивайте организацію, усиливайте ея воздѣйствіе на широкіе слои населенія и тогда акты „борьбы въ тюрьмѣ“ станутъ тѣмъ. чѣмъ они должны быть --- эпизодами нашей борьбы „на волѣ“.

Въ окрестностяхъ Риги имѣются городскія земли, захваченные денежными тузами города. Обыкновенно эти тузы состоятъ и членами городскаго управленія. Эти земли 30 лѣтъ тому назадъ представляли изъ себя или пустыню или болото. При начинающемся промышленномъ ростѣ города и дороговизнѣ жизни рабочихъ въ городѣ являлось очень соблазнительнымъ пріобрѣсти „свой уголокъ“ неподалеку отъ мѣста работы. Это стремленіе обзавестись своимъ уголкомъ было быстро понято владѣльцами капиталовъ и городскія земли были сняты ими въ аренду на 99 лѣтъ и т. п. Уже отъ себя эти крупные владѣльцы стали сдавать эту землю рабочимъ—обыкновенно одно „пурное мѣсто“ (1/3 десятины). При полномъ отсутствіи возможности обзавестись своимъ угломъ какъ либо иначе, рабочій быстро полѣзъ въ лапы владѣльцевъ. Забыли о томъ, что земля отдана въ аренду на сроки гораздо меньшіе, чѣмъ владѣльцамъ, что по истеченіи сроковъ владѣльцы имѣютъ „законнное право“ повышать какъ угодно арендную плату, а при случаѣ просто согнать арендаторовъ рабочихъ. Началась дѣятельная работа по приведенію въ порядокъ снятыхъ участковъ. Въ настоящее время уже нѣтъ ни пустырей, ни болотъ: все сравнено, осушено, унавожено; вездѣ стоятъ домики съ огородикомъ и садикомъ. Одновременно проснулись аппетиты г.г. „владѣльцевъ“, арендная плата быстро повысилась. Земли отдавали на такихъ условіяхъ: три-четыре года безплатно, а потомъ по 6 руб. за пурное мѣсто (сами владѣльцы платятъ по 6-9 руб. за десятину). Въ настоящее время, тѣмъ у кого кончается аренда, предлагаютъ заключать новые контракты по 15-30 руб. за пурное мѣсто. Въ случаѣ несогласія процессъ очень простъ: оцѣниваютъ домъ, пріѣзжаетъ приставъ, описываютъ все и предлагаютъ убраться. При упорномъ несогласіи является полиція, домъ ломаютъ—и дѣло сдѣлано. Встревоженные рабочіе начали подавать просьбы городу, чтобы самъ городъ отдавалъ земли въ аренду. Городъ ужаснулся отсутствію законности у рабочихъ: какъ можно просить отнять у владѣльцевъ землю, заарендованную ими на 99 лѣтъ (разъ платятъ арендныя деньги). Обратились съ прошеніемъ на высочайшее имя. Увы! высочайшее имя не отозвалось (хорошо еще, не выдрало нагайками!). А время шло и никому не хотѣлось уходить съ насиженныхъ мѣстъ. Въ маѣ 1902 г. пріѣхалъ къ крестьянину Карлину судебный приставъ съ приказомъ выселиться съ земли, арендуемой г. Гакеномъ (членъ управы). Крестьянинъ, поддерживаемый сосѣдями, не уѣзжалъ. 4-го іюня явился приставъ Цитовичъ, I московскаго участка, 6 околоточныхъ надзирателей, 40 пѣшихъ и 10 конныхъ городовыхъ.. Собрались и сосѣди, человѣкъ 15; кромѣ того, собралась большая толпа народа—зрителей, явно сочувствующихъ выселяемому. На сопротивленіе полицейскіе отвѣтили силой, били нагайками, кого попало. Приставъ Цитовичъ вышелъ полнымъ побѣдителемъ изъ боя и вѣроятно, этой его заслуги не забудутъ рижскіе рабочіе.

13-го іюня предполагалось выселять крестьянина Зиверта съ земли того же владѣльца. Отличившійся приставъ естественно былъ во главѣ команды, усилившейся уже до 8 околоточныхъ, 60 пѣшихъ и 10 конныхъ городовыхъ. Явились въ 11 часовъ утра, истоптали всѣ овощи въ огородѣ, вынесли изъ дому мебель и начали ломать строеніе. Хозяина не было дома. Бревна и доски вывозили слуги Гакена въ его усадьбу. Между полиціей, насильничавшей надъ зрителями и слугами Гакена, съ одной стороны, и сосѣдями выселяемаго и публикой съ другой, поднялась драка. Былъ страшно избитъ крестьянинъ Янсонъ, ударившій вилой слугу Гакена. По приказу пьянаго уже пристава избитаго крестьянина снова приволокли, снова били и безчувственнаго отправили въ участокъ. Въ домѣ, куда спрятался этотъ крестьянинъ, былъ страшно избитъ какой-то старикъ. Побѣда въ 6 час. вечера снова за Цитовичемъ. Наступаетъ очередь конца аренды другимъ. Урокъ, данный полиціей, надѣемся, не пропадетъ даромъ. Вѣроятно, арендаторы теперь будутъ знать, что можно ждать отъ высочайшаго имени.

Отъ редакціи. Обращаемъ вниманіе читателей на то, что факты, здѣсь описанные, не представляютъ чего-либо, знакомаго

---

4) Дѣятельность совмѣстно съ другими оппозиціонными группами; формы отношеній.

5) Отношеніе къ соціалистическимъ группамъ другихъ національностей.

6) Вопросъ о террорѣ.

По всѣмъ этимъ вопросамъ группа предполагаетъ представить рядъ соображеній.“

* *

*

Поскольку товарищи, принявшіе эту резолюцію, несогласны съ нашимъ проэктомъ программы, ихъ несогласіе сводится къ двумъ пунктамъ:

1) Неправильная формулировка ближайшихъ политическихъ задачъ соціальдемократіи.

2) Непригодность §§ III и IV нашей аграрной программы.

Соображенія группы о формулировкѣ политической задачи русской рабочей партіи,—какъ задачи „осуществленія правового государства“ безъ дальнѣйшихъ опредѣленій (какъ данное нами: „республика на основѣ демократической конституціи“),—представляются намъ ошибочными.

Мы думаемъ, что въ интересахъ того „отграниченія“ отъ другихъ борющихся съ царизмомъ партій, о которомъ упоминаетъ южная группа, мы должны формулировать свою ближайшую политическую задачу достаточно опредѣленнымъ образомъ. Мы должны дать рабочимъ точный отвѣтъ на вопросъ: какой политической формой должна быть замѣнена современная государственная форма, противъ которой мы боремся? Формула: „правовое государство“ даетъ слишкомъ общій отвѣтъ и политическая агитація, которая ограничивалась бы такой формулой, не дала бы руководимымъ нами народнымъ массамъ отчетливаго представленія о тѣхъ политическихъ гарантіяхъ, которыя имъ необходимо отвоевать для свободной борьбы за свои классовые интересы. Точное опредѣленіе требуемой нами конституціи тѣмъ болѣе необходимо для соціальдемократіи, что другія политическія партіи, съ своей стороны, не ограничиваются простымъ требованіемъ устраненія самодержавія, а опредѣляютъ основныя черты желательнаго имъ „правового порядка“, при томъ съ той именно стороны, съ какой этотъ порядокъ не удовлетворяетъ законныхъ требованій пролетаріата. Такъ, „конституціоналисты“ въ газетѣ г. Струве настаиваютъ на томъ, что дѣло установленія конституціи должно быть поручено непремѣнно выборнымъ отъ земскихъ,—т. е. избранныхъ на основѣ сословнаго и имущественнаго ценза,---собраній. И они совершенно основательно указываютъ, что характеръ того правового порядка, который будетъ установленъ такимъ учредительнымъ собраніемъ, будетъ обусловленъ его составомъ, т. е., что степень демократизма конституціи, которая можетъ выйти изъ такого собранія, ограничена его классовымъ характеромъ.

Въ виду свойственной всякимъ буржуазно-либеральнымъ партіямъ склонности „смягчать“ переходъ отъ самодержавія къ правовому порядку и въ силу этого соглашаться украсить по слѣдній всякого рода „ограниченіями“ и изъятіями, ведущими къ сохраненію въ новомъ режимѣ многихъ учрежденій и пережитковъ стараго; въ виду склонности мелкобуржуазныхъ демократовъ пассовать передъ подобными стремленіями либеральныхъ буржуа, по соображеніямъ „практическаго“ оппортюнизма („не разъединять оппозицію изъ-за второстепенныхъ вопросовъ“ или, какъ это дѣлаетъ „Рев. Рос.“ въ № 9, говоря объ органѣ г. Струве: „надо брать либераловъ такими, какими они есть“), — въ виду всего этого партія пролетаріата должна пропагандировать замѣну нынѣшняго порядка послѣдовательной демократіей. Только такой пропагандой она будетъ практически бороться противъ столь милаго всякимъ буржуазнымъ политиканамъ затушевыванія непримиримыхъ противорѣчій между интересами народныхъ массъ и нынѣшними политическими учрежденіями; только выставляя требованіе послѣдовательной и всесторонней демократизаціи, она оградитъ народныя массы отъ вліянія лицемѣрныхъ друзей свободы, которые подъ видомъ „правового порядка“ будутъ рекомендовать народу позолоченный и подновленный абсолютизмъ (вродѣ лорисъ-меликовской конституціи“).

Пропагандируя республиканскую политическую программу (самодержавіе народа, всеобщее и равное избирательное право), мы тѣмъ самымъ боремся за возможность проведенія тѣхъ соціальныхъ реформъ, которыхъ осуществленіе необходимо для прочнаго успѣха политическаго переворота, долженствующаго возродить нашу родину. Чѣмъ полнѣе и рѣшительнѣе будутъ проведены эти реформы, тѣмъ менѣе возможна станетъ „контръ-революція“. А полное и рѣшительное проведеніе этихъ реформъ требуетъ не просто „правового порядка“, а именно демократическихъ республиканскихъ учрежденій. Поэтому, крайній радикализмъ въ формулировкѣ нашихъ ближайшихъ политическихъ задачъ оправдывается и практическими соображеніями объ успѣхѣ „общенаціональной“ борьбы за свободу.

Съ другой стороны, наши соціальныя требованія, предъявляемыя нами къ современному строю, должны быть формулированы такъ, чтобы требовать для своего осуществленія, какъ неизбѣжнаго условія, рѣшительнаго разрыва съ нынѣшнимъ политическимъ режимомъ. Въ противномъ случаѣ, мы всегда рисковали бы тѣмъ, что недостаточно радикальныя соціальныя реформы, пропагандируемыя нами, послужатъ въ рукахъ реакціонеровъ средствомъ отвлеченія извѣстнаго слоя народныхъ массъ отъ дѣла революціи, орудіемъ примиренія народной массы съ господствующимъ режимомъ. Руководясь основнымъ принципомъ содѣйствія развитію классовой борьбы и кореннаго устраненія всѣхъ пережитковъ крѣпостныхъ отношеній—и дѣлая изъ этого принципа всѣ выводы, мы и строимъ свою соціальную программу ближайшихъ задачъ такъ, чтобы сдѣлать ее непріемлемой ни для какого реакціонера или якобы либерала. Соціальный радикализмъ нашей программы минимумъ, такимъ образомъ, является также одной изъ гарантій успѣха борьбы за свободу.

Съ этой точки зрѣнія мы должны—совершенно безотносительно къ тому пункту нашей программы, который предполагается отмѣнить—отрицательно отнестись къ §3 въ проэктѣ аграрныхъ требованій, предлагаемомъ южными товарищами. Отдача государственныхъ земель въ долгосрочную аренду крестьянамъ и покупка государствомъ въ этихъ видахъ частныхъ имѣній,—это такія мѣры. которыя, безъ сомнѣнія, напишутъ на своемъ знамени консервативные и либеральные соціаль-реформаторы, и которыя не помогутъ ни устраненію пережитковъ крѣпостного права, ни развитію классовой борьбы въ деревнѣ.

Разбирать возраженія южныхъ товарищей на нашу аграрную программу мы здѣсь не станемъ. Защита этой послѣдней дана нами въ № 4 „Зари“, котораго товарищи не могли видѣть въ моментъ составленія своей резолюціи. Въ „Зарѣ“ мы разобрали главныя возраженія, предъявляемыя къ пункту о возвращеніи крестьянамъ „отрѣзковъ“ и, въ значительной степени, совпадающія съ возраженіями южныхъ товарищей. Замѣтимъ только, что невѣрно предположеніе, будто авторы проэкта программы въ основу ея аграрной части ставили „принципъ исправленія исторической несправедливости“ (см. „Заря“ № 4 III стр. 174). Съ другой стороны, невѣрно, будто осуществленіе требованія возвращенія отрѣзковъ и выкупныхъ платежей означаетъ „укрѣпленіе частной собственности (и при томъ ея наихудшаго вида—мелкой собственности)“, невѣрно, по крайней мѣрѣ, въ томъ смыслѣ, въ какомъ такое укрѣпленіе признается соц.-демократами реакціоннымъ стремленіемъ. „Укрѣплять“ мелкую собственность противъ развивающагося капитализма соц.-дем. не должны; освобождая эту мелкую собственность отъ тяготѣющихъ надъ ней пережитковъ крѣпостныхъ отношеній, соц.-дем, напротивъ, способствуютъ ускоренію процесса общественнаго развитія и обостренію классовыхъ противорѣчій.

Что касается желанія товарищей видѣть въ проэктѣ программы формулировку основныхъ началъ тактики партіи, то намъ кажется, что эти основныя начала даются тѣми положеніями программы, которыя говорятъ о характерѣ конечной цѣли мірового движенія пролетаріата (интернаціонализмъ его; непримиримая противоположность интересовъ пролетаріата интересамъ другихъ классовъ; необходимость соціальной революціи), о революціонныхъ методахъ достиженія этой цѣли (развитіе классового самосознанія пролетаріата—организація его въ самостоятельную политическую партію—диктатура пролетаріата) и о національной задачѣ русскаго пролетаріата (завоеваніе политической свободы, устраненіе всѣхъ пережитковъ крѣпостныхъ отношеній, поддержка всѣхъ дѣйствительно освободительныхъ движеній). Конкретныя же формы, въ которыхъ должны выразиться на практикѣ эти основныя начала, умѣстнѣе формулировать особыми резолюціями, которыхъ проэкты будутъ, безъ сомнѣнія, представлены будущему съѣзду партіи.

одной только Ригѣ. Въ массѣ русскихъ городовъ происходитъ такая же, или подобная, беззастѣнчивая спекуляція общественными землями со стороны капиталистовъ, въ руки которыхъ самодержавіе отдало завѣдываніе городскимъ хозяйствомъ. Всюду можно отыскать глухое недовольство бѣднѣйшихъ жителей города той эксплуатаціей, которая выростаетъ на этой почвѣ. Соц-дем. организаціямъ слѣдуетъ пользоваться всѣми этими поводами недовольства и развить планомѣрный протестъ безправнаго городского населенія противъ современныхъ „отцовъ города“ и противъ политической системы, на которую они опираются.

Поучительныя пренія. Въ засѣданіи Нижегородскаго Уѣзднаго Комитета о нуждахъ сельской промышленности зашла рѣчь объ отмѣнѣ выкупныхъ платежей—этой дани, которую уже 42 годъ уплачиваютъ русскіе крестьяне за полученную ими часть ихъ собственной земли. Предложеніе ходатайствовать объ отмѣнѣ было принято, однако, не безъ противодѣйствія со стороны ревнителей помѣщичьихъ интересовъ. Одинъ изъ нихъ, г-нъ Н. Н. Каргеръ заявилъ, что „отмѣна выкупныхъ платежей несправедлива по принципу“, а другой г. Н. П. Щегловъ „указалъ, что часть крестьянъ въ настоящее время уже выкупила свои надѣлы, и если остальнымъ крестьянамъ простить (курсивъ нашъ) выкупные платежи, то этимъ выкупившимся крестьянамъ внесенные ими платежи надо по справедливости возвратить“.

Цѣнныя указанія для революціонеровъ заключаются въ этихъ помѣщичьихъ заявленіяхъ. Да, это вѣрно, что отмѣна выкупныхъ платежей „несправедлива“ съ точки зрѣнія „принципа“,... принципа крѣпостного строя, того принципа, который положенъ былъ въ основу препрославленной „крестьянской реформы“ 1861 г. Этотъ крѣпостническій принципъ требовалъ, чтобы сословіе душевладѣльцевъ было вознаграждено за потерю „законнаго“ права на львиную долю труда крестьянъ. Проведенный въ положеніи 19-го февраля, этотъ крѣпостническій принципъ наложилъ свою печать на всс дальнѣйшее развитіе русской жизни и выкупные платежи до сихъ поръ служатъ какъ бы выраженіемъ этого крѣпостническаго „принципа“, принципа гражданскаго безправія стомилліонной крестьянской массы, обложенной особыми платежами, судящейся особымъ (волостнымъ) судомъ, подчиненной особымъ (земскимъ) начальникамъ, ведущей свои хозяйственныя дѣла на основаніи особыхъ законовъ. Черезъ 40 слишкомъ лѣтъ послѣ „освобожденія“ крестьянъ, послѣдніе являются въ Россіи не полноправными гражданами, а бывшими рабами и выкупные платежи являются одной изъ печатей этого вчерашняго рабства.

Но то, что представляется „несправедливостью“ съ точки зрѣнія крѣпостническаго „принципа“, то является требованіемъ справедливости съ точки зрѣнія принципа демократическаго, принципа гражданскаго равенства, принципа личной свободы. И первымъ дѣломъ освобожденной Россіи должно быть уравненіе крестьянъ въ правахъ съ остальными сословіями (слѣдовательно, уничтоженіе сословій) и окончательное освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, которая продолжаетъ сказываться, между прочимъ, и въ выкупныхъ платежахъ

Когда г-нъ Щегловъ говоритъ, что несправедливо „прощать“ крестьянамъ не выплаченную ими цѣну ихъ освобожденія отъ помѣщиковъ, онъ проговаривается очень удачнымъ словечкомъ. Да! для помѣщиковъ и помѣщичьяго правительства крестьяне все еще „виноваты“ тѣмъ, что экономическая необходимость вынудила 40 лѣтъ назадъ отказаться отъ крѣпостнаго права и, конечно, ростовщическая „справедливость“ правящихъ классовъ не допускаетъ и мысли о „прощеніи“ хотя бы гроша изъ той пени, которую они получили съ крестьянства за эту его „вину“.

Если г. Щегловъ безпокоится, что отмѣна выкупныхъ платежей будетъ несправедливымъ подаркомъ только тѣмъ крестьянамъ, которые еще не погасили ихъ, тогда какъ крестьяне, уже выплатившіе выкупъ за землю, останутся обдѣленными, то—по нашему мнѣнію—есть простое средство избѣжать этой „несправедливости“: возвратить всему сельскому населенію въ общественное пользованіе (напр., на культурныя и благотворительныя нужды деревни) всѣ суммы, собранныя государствомъ въ видѣ выкупныхъ платежей. Государство, уплатившее дворянамъ-землевладѣльцамъ въ счетъ этихъ платежей сотни милліоновъ постыднаго вознагражденія за отказъ отъ рабовладѣльческихъ правъ, съумѣетъ взыскать обратно съ этого сословія эти суммы, которыми воспользуется все нынѣшнее сельское населеніе для исцѣленія тѣхъ язвъ крайней нищеты, невѣжества и одичанія, которыя привиты ему грабительской политикой самодержавія.

Курскъ. Августъ. Въ виду ожидаемаго въ Курскѣ пріѣзда царя, принимаются экстраординарныя мѣры охраны. На главныхъ улицахъ полиція запечатываетъ подвальныя помѣщенія, (не тѣ, конечно, которыя заняты винными погребами, а гдѣ ютятся слесарныя и т. п. мастерскія). Изъ тѣхъ подваловъ, гдѣ вмѣстѣ съ мастерскими находятся и жилыя помѣщенія хозяевъ, послѣднимъ велѣно временно убраться. Запечатано, между прочимъ (если только это не шутка, пущенная въ оборотъ какимъ-нибудь юмористомъ-обывателемъ), неизвѣстно по какимъ мотивамъ и нѣсколько голубятень въ слоб. Казацкой, на территоріи которой состоится царскій смотръ войскамъ.

Жандармская коммиссія не ограничивается главными улицами, на которыхъ, кромѣ подваловъ, въ нѣкоторыхъ домахъ были осмотрѣны и квартиры верхнихъ этажей, и распространяетъ свое вниманіе и на боковыя улицы. Было произведено нѣсколько обысковъ. Между прочимъ, у административно высланной Ермоловой.

Былъ обыскъ у прислуги гостинницы Бель-Вю, одинъ изъ лакеевъ которой арестованъ по доносу.... непремѣннаго члена губ. по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія г. Вишневскаго. Дѣло было такъ. Кто-то изъ останавливавшихся въ гостинницѣ забылъ въ номерѣ нелегальную брошюру. Брошюра попала къ лакею, была прочитана, повидимому, всей прислугой гостинницы, пока не попала, наконецъ, въ руки горничной, прислуживавшей г. Вишневскому. Горничная забыла книжку на столѣ у барина, баринъ нашелъ и по долгу присяги донесъ въ участокъ. Въ результатѣ—лакей сидитъ въ тюрьмѣ, а баринъ, надо думать, радуется, что однимъ крамольникомъ меньше стало. Стыдно, г. Вишневскій!

Во время торжественнаго слѣдованія царя по Московской улицѣ изъ оконъ домовъ разрѣшено смотрѣть на процессію только тѣмъ, кто получитъ на это спеціальные билеты за подписью губернатора. Знакомыхъ въ этотъ день приглашать къ себѣ не велѣно, въ чемъ и отобраны соотвѣтствующія подписки. Еще курьезъ (не вѣдаютъ, что творятъ!): организація добровольческой охраны высокой особы царя поручена мѣстному отдѣленію общества.... покровительства животныхъ.

20-го августа состоялось засѣданіе дворянскаго депутатскаго собранія, на обсужденіе котораго былъ поставленъ вопросъ, не слѣдуетъ-ли представителямъ Курскаго дворянства, такъ или иначе, выразить свой протестъ по поводу инцидента съ Суджанскимъ предводителемъ дворянства А. В. Евреиновымъ. (Г. Евреиновъ, вызванный, какъ извѣстно, въ Департаментъ Полиціи былъ принятъ министромъ внутр. дѣлъ, отъ котораго и получилъ въ крайне грубой и рѣзкой формѣ внушеніе по поводу составленной имъ и принятой Суджанскимъ Уѣзднымъ Комитетомъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности либеральной программы работъ. По представленію того же министра, за свою программу г. Евреиновъ получилъ затѣмъ и „высочайшій выговоръ“). Формой протеста депутатскому собранію было предложено избрать заявленіе всѣхъ уѣздныхъ предводителей дворянства Курской губ. объ отказѣ отъ предсѣдательствованія въ Уѣздныхъ Комитетахъ о нуждахъ сельско-хоз. промышленности. Предложеніе это, однако, не прошло и представители дворянства ограничились лишь тѣмъ, что написали г. Евреинову коллективное письмо съ выраженіемъ соболѣзнованія и неудовольствія на неумѣстное и неприличное поведеніе г. фонъ-Плеве. Какъ слышно, предложеніе о выраженіи протеста, можетъ, и было бы принято, еслибы о немъ заранѣе не провѣдалъ губ. предводитель дворянства шталмейстеръ Дурново. Послѣдній нашелъ, что выражать протесты передъ пріѣздомъ государя неудобно Кромѣ того, царь, навѣрное, осчастливитъ представителей вѣрнаго Курскаго дворянства пожалованіемъ камергерскихъ ключей для ношенія на установленныхъ для того мѣстахъ и т. п. милостями. Въ случаѣ же выраженія протеста коллегамъ оскорбленаго А. В. Евреинова отъ надежды получить эти милости придется отказаться. „Лукавый царедворецъ“ достигъ цѣли и поруганный царскимъ слугой представитель благороднаго дворянства остался неотмщеннымъ.

Крови, крови!

Англійскій „*Times*“ сообщаетъ, что между Харьковскимъ губернаторомъ кн. Оболенскимъ и мин. юстиціи Муравьевымъ произошло столкновеніе по вопросу о приговорѣ, который долженъ постичь рабочаго, стрѣлявшаго въ князя-сѣкутора. Муравьевъ-де противъ смертной казни, князь-же за нее. „Повѣсили для фонъ-Валя, повѣсьте и для меня“, проситъ добрый князь. Въ самомъ дѣлѣ: для полнаго блеска карьеръ кн. Оболенскаго недостаетъ только висѣлицы. Пересѣчь сотни крестьянъ --- это съумѣетъ сдѣлать любой полицейскій; получить по шеѣ отъ „боевой организаціи“ --- это уже рѣдкая удача; но только трупъ революціонера можетъ поднять „престижъ власти“ на должную высоту.

Добрый Муравьевъ напрасно старается вырвать изъ рукъ харьковскаго сатрапа его „законную“ добычу. Невозможно не повѣсить одного человѣка за легкую контузію на губернаторской шеѣ, когда только что повѣсили троихъ за убійство „простого“ городового Лагутина. Повѣсили, несмотря на несовершеннолѣтній возрастъ обвиняемыхъ; повѣсили, несмотря на поданныя осужденными просьбы о помилованіи. Николай II отослалъ эти просьбы на усмотрѣніе донского наказного атамана, а послѣдній рѣшилъ, что повѣсить необходимо. Николай II рѣшительно входитъ во вкусъ человѣческой крови. Пять смертныхъ казней въ 4 мѣсяца --- такой „урожай“ былъ рѣдкимъ и для „незабвеннаго родителя“!

Романовы въ роли пріобрѣтателей.

Крымъ. Здѣсь много говорятъ о новыхъ подвигахъ великаго князя Александра Михайловича по части „округленія“ своихъ владѣній. Этотъ царственный рыцарь первоначальнаго наклоненія давно уже заглядывался на землю, смежную съ его имѣніемъ „Ай-Тодоръ“ и принадлежащую обществу Гаспринскихъ татаръ. Само собой разумѣется, что, еслибы татары были немножко болѣе „патріотами,“ они догадались бы преподнести царскому зятю предметъ его вожделѣній; но татары не оказались на высотѣ положенія. Дѣлать нечего—пришлось покупать. Однако, покупать земли по ихъ настоящей цѣнѣ (отъ 3 до 7 тысячъ за десятину) великій князь все таки считалъ ниже своего достоинства.

Старики Гаспринскаго общества были подкуплены, остальное довершили угрозы, и земля была куплена по 600 руб. десятина. Но этого еще мало. Отнявъ у татаръ землю, великій князь пожелалъ избавиться и отъ самихъ татаръ, т. е., другими словами, отъ сосѣдства цѣлаго селенія Гаспры. Вѣдь „они“ невоспитаны, живутъ грязно, среди нихъ свирѣпствуютъ разнаго рода эпидеміи, а тутъ семья, дѣти, того и гляди кто-нибудь заразится. Нѣтъ, ужъ лучше подальше отъ этихъ сосѣдей. И подобно Щедринскому дикому помѣщику, Его Высочество рѣшилъ, если не совсѣмъ истребить, то, по крайней мѣрѣ изгнать „мужика“. Попытки привести это рѣшеніе въ исполненіе были уже сдѣланы. Въ свой послѣдній пріѣздъ въ Гаспру Таврическій Губернаторъ убѣждалъ Гаспринцевъ переселиться подальше въ горы, великодушно предлагая правительственное пособіе въ размѣрѣ... 10-15 руб. на дворъ! Само собой разумѣется, что гаспринцы не соблазнились подобными „щедрыми“ посулами и въ самомъ предложеніи помощи склонны скорѣе видѣть насмѣшку, чѣмъ искреннее желаніе помочь. Но губернаторъ угрожаетъ непокорнымъ татарамъ насильственнымъ переселеніемъ. Поживемъ—увидимъ.

Въ Москвѣ произошелъ курьезный инцидентъ, показывающій къ какимъ комичнымъ случаямъ можетъ приводить полицейскій произволъ на нашей безправной родинѣ. Въ іюлѣ на одной изъ улицъ Москвы, по приказанію оберъ-полицмейстера, былъ арестованъ... кто бы вы думали, товарищи?... Подольскій губернаторъ, камеръ-юнкеръ, статскій совѣтникъ Эйлеръ. Дѣло было такъ. Губернаторъ съ дочерью шелъ по улицѣ. На встрѣчу ему мчался Треповъ. Желая быть по возможности менѣе обрызганнымъ грязью изъ подъ шинъ полицмейстерскаго экипажа, губернаторъ (бывшій, къ слову сказать, въ штатскомъ платьѣ) слегка ударилъ тростью пристяжную. Г. Треповъ въ этомъ дѣяніи усмотрѣлъ оскорбленіе собственнаго величества и ничто же сумняшеся кратко приказалъ постовому городовому: „взять“! Исполнительный городовой тотчасъ подскочилъ и потащилъ. Г. Эйлеру за 3 руб. удалось выкупить дочь (это еще недорого, г. Эйлеръ!) самъ же онъ вынужденъ былъ послѣдовать за городовымъ въ участокъ. Пришли. Какъ водится—протоколъ. „Ваше званіе?“ слѣдуетъ полный титулъ. Картина. Трясущейся рукой помощ. пристава звонитъ въ телефонъ.—Соедините съ оберъ-полицм.! Черезъ нѣсколько времени прилетаетъ смущенный, сконфуженный Треповъ.—Простите, Вашество! Ахъ, какое непріятное недоразумѣніе. — Не смущайтесь, генералъ, я вполнѣ понимаю ваше распоряженіе, но и вы, конечно, понимаете, что объ этомъ непріятномъ недоразумѣніи я не могу не довести до свѣдѣнія Его Высокопревосходительства г. министра...
Дешево отдѣлались, Ваше Превосход.! Нашъ братъ, рабочій, такъ бы легко не отвертѣлся.

Пермь. У насъ жандармы выдумываютъ дѣло за дѣломъ... 15-го іюля въ Мотовилихинскомъ заводѣ ночью была подброшена граната управляющему сборнымъ цехомъ инженеру Назарову. Вмѣсто Назарова пострадалъ ночной сторожъ; его ранило въ шею. (Теперь въ больницѣ). Арестовали проходившихъ мимо 3-хъ рабочихъ: Постоногова, Мальцева и Дудина. Сначала арестованные сидѣли въ общей камерѣ, но послѣ допроса ихъ разсадили по одиночкамъ. Значитъ,—вздумали придать дѣлу политическій характеръ.

20-го іюля въ Красноуфимскомъ уѣздѣ, въ Саранинскомъ заводѣ арестовали псаломщика Н. Г. Ряпасова и 3-хъ рабочихъ: одинъ изъ нихъ, будто бы, выдалъ Ряпасова, а двое другихъ притащили книги, данныя имъ, будто бы, Ряпасовымъ. Всѣ находятся въ Красноуфимской тюрьмѣ.

Со 2-го августа политическіе заключенные въ Пермской тюрьмѣ (изъ февр. и март. арестовъ), голодали 8 сутокъ, требуя отмѣны одиночки и совмѣстныхъ прогулокъ, т. к. слѣдствіе закончено. Общество волновалось. Обращались къ губернатору съ просьбами походатайствовать объ удовлетвореніи требованій заключенныхъ, по городу разбрасывались листки о голодовкѣ, отъ родныхъ посылались телеграммы въ Петербургъ.

Теперь голодавшіе переведены въ общую палату больницы, а на ихъ мѣсто въ одиночки посажены другіе...

10-го августа опять полетѣла жандармерія съ обысками и на этотъ разъ къ желѣзнодорожнымъ... Арестованы: Матвѣевъ, Каменевъ и Еленовъ. Причина обысковъ и арестовъ неизвѣстна. При обыскахъ ничего не нашли. Изъ сидѣвшихъ по „учительскому“ и Добрянскому дѣлу 7 выпущено въ концѣ іюля и немедленно высланы изъ Перми: Бокова, Глушковъ, Лихачевъ, Коптевскій, Мостовенко, Левинъ и Булатовъ, остальные (Рутманъ, Владимірскій, Ставровскій, Трапезниковъ и супруги Ягодниковы) сидятъ, жандармы обѣщаютъ не выпустить до приговора.

Ѳеодосія (Крымъ). 24 іюля 1902 г. въ г. Ѳеодосіи мѣстной рабочей организаціей были впервые распространены прокламаціи къ рабочимъ въ количествѣ 450 штукъ. Въ прокламаціяхъ выяснялось значеніе борьбы, въ которую вступилъ русскій рабочій съ капиталистомъ и царскимъ правительствомъ.

Прокламаціи были распространены очень удачно. По всѣмъ слободкамъ были разбросаны во дворахъ, а также расклеены на стѣнахъ многихъ зданій. На мѣстную табачную фабрику Стамболи прокламаціи были доставлены въ количествѣ 48 штукъ. Побывали также прокламаціи на механическомъ заводѣ Наделя, въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, на кирпичныхъ заводахъ (2) и пр.—всюду вызывая оживленный обмѣнъ мыслей.

На одномъ изъ кирпичныхъ заводовъ (Французск. Общ.) прокламаціи вызвали забастовку. Рабочіе добились небольшихъ уступокъ. Мѣстной же организаціей были распространены листки, перепечатанные съ изданія „Петербургскаго Союза Борьбы“, „О томъ, какъ берутъ съ насъ незамѣтно налоги“, въ количествѣ 150 шт. Объ этихъ листкахъ точно также говорилось очень много. По мнѣнію одного лодочника,—„быть сегодня бунту“. На вопросъ — почему? лодочникъ отвѣтилъ, что студенты будутъ требовать пониженія цѣнъ на продукты, которые у насъ стоятъ дороже, чѣмъ заграницей, а потому и не доступны для рабочихъ.

Листки и прокламаціи были также разбросаны на базарѣ, гдѣ они читались громогласно и обладающій листкомъ вступалъ въ пререканія съ полиціей, прежде чѣмъ отдавалъ листокъ городовому. Въ эту же ночь были распространены въ уѣздѣ (300 шт.) прокламацій къ крестьянству. Въ нихъ указывалось на бѣдственное положеніе крестьянъ, какъ слѣдствіе грабежа помѣщиковъ и правительства, которое, давши ничтожные надѣлы, стало выколачивать послѣдніе гроши изъ крестьянскаго кармана непомѣрными налогами и платежами.

Прокламаціи вездѣ читались съ большимъ интересомъ. Сосѣди собирались вмѣстѣ, вслухъ прочитывалась прокламація, а потомъ слышались возгласы—„вѣрно“, „такъ оно и есть“ и т. п.

Въ ту же ночь была разбросана „Солдатская памятка“ Л. Н. Толстого въ количествѣ 150 шт. на заднихъ рядахъ лагеря. Утромъ много солдатъ прочли и стали разсуждать о прочитанномъ. Только часовъ въ 10 или 11 было доложено дежурному офицеру, который распорядился отобрать книжки у солдатъ. Солдаты остались недовольны только тѣмъ, что брошюры не то писаны, не то печатаны (гектографировъ.).

Мѣстныя власти всполошились. Вызванъ жандармскій генералъ изъ Симферополя и жандарм. подполковникъ изъ Керчи, которые на мѣстѣ изучаютъ „дѣло“. Былъ губернаторъ, объѣзжалъ уѣздъ и говорилъ рѣчи. Было нѣсколько обысковъ, которые ни къ чему не привели. Въ городъ присланы новые шпіоны. Кстати, можно упомянуть о шпіонской системѣ, которой держится жандармерія въ Крыму. Шпіоны долго не засиживаются въ одномъ городѣ, чтобы не обратить вниманіе мѣстныхъ жителей. Передъ 1-мъ мая было 25 обысковъ въ одну ночь. Въ обыскахъ принимали участіе приставъ и полицмейстеръ.

Въ г. Ялтѣ умеръ Г. В. Зуевъ, иниціаторъ и организаторъ мѣстнаго рабочаго движенія. Смерть его вызвала много знаковъ сочувствія, какъ въ мѣстномъ обществѣ, такъ и въ періодической печати—Спб. Вѣдом., Южн. Кур. и др. газетахъ, въ которыхъ онъ сотрудничалъ. Несмотря на съѣдавшую его чахотку (отъ которой онъ и умеръ), Г. В. почти до самаго конца принималъ горячее участіе въ мѣстной работѣ, служа блестящимъ примѣромъ для всѣхъ товарищей. Пусть будетъ легка ему земля!

ИЗЪ ДЕРЕВНИ.

Изъ Путивля Курск. губ. сообщаютъ: недавно въ с. Крупецъ пріѣзжалъ Путивльскій исправникъ, который собралъ сходку и сказалъ рѣчь въ томъ духѣ, что теперь есть злые люди-студенты, которые распространяютъ „пропагонду“. „Такъ вотъ вамъ, ребята, правительство довѣрило охранять самихъ себя, и вы постойте за себя и за батюшку-царя. Вѣдь вы знаете, что мы имъ держимся и безъ него пропадемъ“. И еще говорилъ много, много въ томъ же духѣ... Однако „пропагонда“ Путивльскаго исправника достигла совершенно противоположныхъ его намѣреніямъ результатовъ. Послѣ рѣчи блюстителя порядка одинъ дѣдъ, по прозванію Корчага, такъ остервенѣлъ, что если бы самъ попъ заикнулся бы про студентовъ, то Корчага и попа бы растерзалъ.

По слухамъ изъ Полтавы, надо ожидать новыхъ крестьянскихъ волненій. Въ страдную пору, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, крестьяне поголовно отказывались отъ уборки помѣщичьяго хлѣба, не смотря на высокую плату, которая имъ предлагалась. За уборку десятины давали по 15-17 руб. „Убирайте сами, говорили крестьяне нанимателямъ. А не можете, такъ не жадничайте и сѣйте столько, сколько ваши бабы могутъ убрать“—это помѣщицы-то. Въ настоящее время полтавцы принялись, повидимому, своеобразно примѣнять свою трудовую теорію на дѣлѣ: по весьма достовѣрнымъ слухамъ крестьяне жгутъ помѣщичій хлѣбъ. Палить панскую пшеницу они обѣщали еще вскорѣ послѣ экзекуцій бывшаго губернатора Бельгарда. Теперь они сдерживаютъ свои обѣщанія.

Неспокойно и въ Суджанскомъ уѣздѣ Курск. губ. Крестьяне раздражены мѣрами, принимаемыми въ виду маневровъ. Такъ, между прочимъ, крестьянамъ велѣно довести проселочныя полевыя дороги до узаконенной ширины. Для этого пришлось скашивать еще недозрѣвшій хлѣбъ, посѣянный по краямъ дорогъ. „Ѣду я, разсказывалъ одинъ помѣщикъ, и вижу, какъ крестьяне, иные со слезами на глазахъ, косятъ зеленый хлѣбъ. — Что вы дѣлаете, спросилъ я, съ ума что ли сошли?---Что дѣлаемъ?, отвѣтилъ одинъ изъ косцовъ. А вотъ дороги прокладаемъ, по которымъ, какъ царь уѣдетъ съ маневровъ,---бунтъ пойдетъ. Дорогу, значитъ, для бунта.“

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ
и
ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Еще стачка у бѣлаго царя. Въ Ливадіи въ срединѣ августа началась стачка рабочихъ, занятыхъ малярными работами. Требованіе—повышеніе заработной платы. Стачечники держатся стойко цѣлую нѣделю. Характерно, что забастовка въ царскомъ имѣніи происходитъ теперь, какъ разъ наканунѣ пріѣзда Николая II, когда въ имѣніи идутъ самыя спѣшныя работы.

Въ Симферополѣ—въ ночь съ 8-е на 9-е августа и днемъ 9-го—произведено 11 арестовъ и много обысковъ. Взято 3 портныхъ (изъ нихъ Мышкинъ—во второй разъ, первый въ Кіевѣ), 2 столяра, 2 сапожника, 1 модистка, 1 папиросница, 1 иконописецъ, 1 массажистка. Изъ нихъ 9 человѣкъ арестовано за городомъ. Окруженныхъ 30-40 городовыми, ихъ привели въ городъ и весь слѣдующій день водили то того, то другого въ жандарм. правленіе, въ участки, въ полицейское управленіе, на квартиры для обыска и т. п. Въ любое время дня можно было натолкнуть-

ся на такую процессію. Такимъ образомъ всполошился весь городъ и даже вышла своего рода демонстрація. Сочувствіе всеобще, даже среди самаго консервативнаго еврейскаго купечества (большая часть арестованныхъ—евреи). Много пожертвованій и добрыхъ пожеланій. Изъ арестованныхъ одного выпустили на слѣдующій день, а всѣхъ остальныхъ перевели въ губернскую тюрьму. Въ общемъ, надо признать, что жанд. генералъ Трубниковъ, руководящій военными дѣйствіями противъ соціалистовъ, на этотъ разъ потерпѣлъ неудачу: 1) онъ не разбилъ и даже не нанесъ значительнаго вреда организаціи, 2) онъ упустилъ одного намѣченнаго имъ субъекта, какъ ни старался словить его: сдѣлалъ обыски въ нѣсколькихъ домахъ, между прочимъ, въ городской еврейской больницѣ, требуя выдачи ему „важнаго преступника", поставилъ спеціальныхъ шпіоновъ на всѣхъ выѣздахъ изъ Симферополя и все таки.... не словилъ его. Уже второй разъ въ этомъ году (въ маѣ и августѣ) дѣлаетъ Трубниковъ набѣги на организацію, но каждый разъ его неудачи только усиливаютъ ее нравственно и увеличиваетъ ея вліяніе.

Симф. С.-Д. Раб. Союзъ.

Одесса. Къ намъ пріѣхали члены Еврейской Независимой Раб. Партіи. Встрѣтили ихъ не очень-то дружелюбно, на другой же день по пріѣздѣ одного изъ „независимыхъ" жестоко избили. На устраиваемыя ими собранія рабочіе не идутъ, т. к., говорятъ они, съ шпіонами жандармскаго управленія и Зубатова не желаемъ имѣть сношеній. На дняхъ, „Южная Революціонная Группа Соціальдемократовъ" выпустила, по поводу пріѣзда „независимыхъ", прокламацію подъ названіемъ „Новые союзника самодержавія", которую въ громадномъ количествѣ распространила среди рабочихъ...

Въ чайной развѣсной Высоцкаго продолжаютъ разсчитывать рабочихъ мущинъ и взамѣнъ ихъ нанимаются дѣвочки-подростки съ платой 5-7 р. въ мѣсяцъ. Каждому рабочему при разсчетѣ выдается трехмѣсячное жалованье и этимъ дирекція обезопасила себя отъ стачки, т. к. оставшіеся рабочіе, изъ боязни лишиться наградныхъ денегъ при разсчетѣ, не желаютъ бастовать. Мнѣ рабочіе говорили, что посредствомъ замѣны мущинъ дѣвушками дирекція получитъ ежегодный доходъ въ 25-30000 руб. Хитроумная дирекція, разсчитавъ рабочихъ, обрекаетъ ихъ этимъ чуть ли не на голодную смерть...

Обыски и аресты продолжаются. На прошлой недѣлѣ арестовано 4 дѣвицъ и 3 мущинъ. Большинство арестованныхъ рабочіе.

Другой корреспондентъ сообщаетъ: предсѣдателемъ въ кружкѣ „зубатовцевъ" состоитъ Елизаветградскій жандарм. полковникъ. —Въ концѣ іюля бастовала табачная фабрика Бабадыглы (160 ч.): стачечники требуютъ уменьшенія рабочаго дня, повышенія заработной платы и лучшаго обращенія. — Возмутительныя условія царятъ на фабрикѣ Вальтуха (500 рабочихъ): обращеніе звѣрское; особенно отличается завѣдующій фабрикой Атливаникъ (одинъ изъ столповъ мѣстныхъ сіонистовъ) и мастера—Ройтманъ и Табачниковъ (бывшій полицейскій надзиратель).

Тифлисъ. Послѣ маевки 1901 года, когда рабочіе прошли чрезъ весь почти городъ съ развѣвающимися знаменами, революціонное настроеніе у насъ все повышается. Увѣренный въ наличности благопріятной среды, мѣстный Комитетъ Партіи развилъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ громадную организаторскую и пропагандистскую работу. Появилась — на грузинскомъ языкѣ—газета („Борьба") и нѣсколько переводныхъ брошюръ. Прекрасно написанныя прокламаціи выходили на русскомъ, грузинскомъ и армянскомъ языкахъ и заполняли всѣ кварталы Тифлиса. Ежемѣсячно выходили отчеты рабочей кассы. Вліяніе пропаганды Комитета отразилось и на другихъ общественныхъ элементахъ. Учащаяся молодежь сдѣлала попытку создать организацію, обнимавшую все, довольно большое, число Тифлисскихъ среднеучебныхъ заведеній. Въ издававшемся ею бюллетенѣ общество освѣдомлялось о ходѣ студенческихъ волненій. За подписью „Комитета Тифлисской учащейся молодежи" было выпущено нѣсколько уже отпечатанныхъ бюллетеней, касавшихся той системы забиванія личности учащагося, которою правительство думаетъ создавать себѣ рабовъ.

Жандармерія, успокоившаяся, казалось, на той добычѣ, которую она захватила весною 1901 года и которую терзаетъ до сихъ поръ (Франческо, Курнатовскій и др. сидятъ уже больше года безъ приговора), увидала, что срѣзать колосья не значитъ сдѣлать безплодной почву, на которой они выросли. Рѣшено было перемѣнить тактику. „Мы—друзья ваши: обращайтесь къ намъ," сказалъ рабочимъ-стачечникамъ одинъ изъ жандармскихъ дѣятелей. Но надо было видѣть то смущеніе и растерянность, которые охватили жандармское правленіе при видѣ сотни рабочихъ одной табачной фабрики, явившихся просить у начальства поддержки ихъ борьбы противъ эксплуатаціи... Послѣ недолгихъ переговоровъ рабочіе ушли, вѣроятно, сильно разочаровавшись въ силѣ жандармовъ.

Пользуясь смѣшаннымъ составомъ рабочихъ, особенно въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, гдѣ много пришлыхъ русскихъ, жандармы вздумали поиграть на струнѣ „національма", но и это имъ плохо удалось. Толки о „грузинскомъ царствѣ", за которое будто бы борются грузинскіе рабочіе, не могли поддѣть никого, кромѣ маленькой кучки пришлыхъ русскихъ, предводимыхъ измѣнникомъ С.

Весною, передъ 1-мъ мая, были произведены аресты. Въ тюрьмѣ сидѣло до 80 человѣкъ—рабочихъ и интеллигентовъ, въ томъ числѣ 2 гимназиста Спустя мѣсяцъ многихъ стали выпускать, но въ городѣ никого не оставили.

Потерявъ многихъ дѣятельныхъ работниковъ, организація осталась въ довольно тяжеломъ положеніи. Разросшееся въ ширь движеніе требуетъ много интеллигентныхъ силъ. Но Тифлисская организація оправилась отъ этого удара. Съ іюня Комитетъ опять началъ выпускъ бюллетеней. А жандармская тактика и аресты озлобили рабочихъ и оставили слѣдъ въ томъ смыслѣ, что съ этого времени начинается хроническое избіеніе шпіоновъ. Не проходитъ нѣсколькихъ дней, чтобы не былъ избитъ провокаторъ... Это закончилось убійствомъ въ началѣ августа мастера Платто. Ни одинъ изъ участниковъ, ни избіеній, ни убійства не найденъ. Въ озлобленіи рабочихъ виновата жандармерія, которая не довольствуясь тѣмъ, что продѣлываетъ на „волѣ", задумала мстить заключеннымъ. Она рѣшила, что слишкомъ много свѣта и воздуха льется въ камеры заключенныхъ и потому полковникъ Девилль отдалъ приказъ закрыть окна колпаками. Товарищи, изъ которыхъ нѣкоторые томятся годъ въ ожиданіи приговора, рѣщили протестовать и сбили всѣ колпаки сразу.— Тюрьма была объявлена на военномъ положеніи. Колпаки возстановлены. Заключенные, которые за недостаткомъ мѣста, сидѣли вмѣстѣ, разсажены въ одиночки, лишены выписки припасовъ, свиданія, переписки, прогулки. Изъ камеръ все вынесено, кромѣ привинченной постели.

Хлудовская мануфактура (Смоленск. губ.). Общество для борьбы съ крамолой.

Въ концѣ Великаго поста на фабрику явилось человѣкъ 20 жандармовъ и произвели обыскъ у многихъ рабочихъ. На мосту, среди бѣла дня, они арестовали бывшаго студента и жителя фабрики. Арестованный выбросилъ изъ бокового кармана пальто пачку бумаги въ рѣку. Пачка эта моментально была поймана, спустившимся туда на лодкѣ жандармомъ. Арестованный студентъ служилъ уже нѣсколько мѣсяцевъ на фабрикѣ рабочимъ и передъ арестомъ только что пріѣхалъ изъ города и передалъ фельдшерицѣ письмо ея подруги. Вслѣдъ затѣмъ былъ произведенъ обыскъ въ квартирѣ фельдшерицы, которая, увидавъ жандармовъ, испугалась, растерялась и стала звать на помощь. На ея крики прибѣжалъ коллега-фельдшеръ и сталъ кричать на жандармовъ, тѣ напомнили ему, что онъ, по закону, долженъ остаться до конца обыска. Фельдшеръ не хотѣлъ и вырвался, ударивъ одного изъ жандармовъ. Немедленно по телефону было предложено уволить фельдшера и въ 24 часа выселить съ фабрики. И только послѣ выясненія полной невинности фельдшера, администрація больницы еле упросила простить фельдшера, который все таки долженъ былъ извиниться передъ жандармомъ.

Послѣ обыска фельдшерицѣ, у которой ничего не было найдено, предложено было фабрикой немедленно удалиться, за то, что она вышла совершенно правой изъ этой исторіи. Былъ арестованъ также и одинъ прядильщикъ, который впрочемъ скоро былъ отпущенъ.

Во вторникъ на страстной недѣлѣ съ колокольнымъ звономъ изъ церкви были вынесены иконы и хоругви и передъ ними совершенъ былъ молебенъ объ избавленіи фабрики отъ грозившей напасти. При этомъ директоръ фабрики старался выяснить значеніе надвигавшейся грозы и предложилъ основать на фабрикѣ общество охраны. Попъ со слезами въ голосѣ говорилъ о святости задачъ общества. Хозяинъ фабрики со своей стороны жертвовалъ выигрышный билетъ въ пользу общества. Рабочіе громко и дружно благодарили хозяина и около 300 человѣкъ записались членами общества. Съ тѣхъ поръ на фабрикѣ усиленный надзоръ: усиленная стража при входахъ и выходахъ, ночные обходы казармъ членами общества охраны и т. д.

Херсонъ.

У насъ есть фабрика Лермана, существующая лѣтъ 35. До 97 года условія работы тамъ были прямо ужасныя: работали 14-15 часовъ въ сутки за ничтожную плату при весьма плохой гигіенической обстановкѣ. Съ 97 года введенъ 11 часовой рабочій день и, по жалобѣ рабочихъ, постепенно улучшаются гигіеническія условія. Въ 1901 году введенъ даже 10 часовой рабочій день. Зато приблизительно съ этого времени управляющимъ фабрики дѣлается 19-и лѣтній сынишка г-на Лермана, тиранъ (рабочіе такъ и зовутъ его) въ полномъ смыслѣ слова, который на каждомъ шагу оскорбляетъ и ругаетъ работниковъ, а особенно работницъ. Съ 1901 года ко всему этому прибавляется еще постепенное пониженіе разцѣнковъ многимъ рабочимъ.

Рабочіе, между тѣмъ, становились все сознательнѣе и стали все болѣе возмущаться выходками Лермана-сына. Серьезныя стычки между г-мъ управляющимъ и рабочими все учащались. Особенно много стычекъ за послѣднее время происходило по слѣдующему поводу: жара стояла тутъ невыносимая, рабочіе открывали окна, но такъ какъ отъ этого сохъ табакъ, то г. управляющій запретилъ открывать окна. Рабочіе же не слушались его и все таки открывали. Происходили также стычки изъ-за выдаваемыхъ къ работѣ мелкаго табаку и плохихъ гильзъ, которыя очень легко рвались, такъ что рабочіе должны были тратить напрасно много времени. Нужно замѣтить вообще, что больше всего стычекъ вышало на долю папироснаго отдѣленія. Болѣе крупное столкновеніе произошло недавно изъ-за попытки Лермана снова ввести $11^1/_2$ часовой рабочій день.

Рабочіе не хотѣли работать $11^1/_2$ часовъ и послали за инспекторомъ. Вмѣсто послѣдняго явился какой-то помощникъ, который сталъ убѣждать рабочихъ работать $11\frac{1}{2}$ ч. они де ничего отъ этого не потеряютъ, а если они посмѣютъ устроить забастовку (рабочіе писали инспектору, что если онъ не пріѣдетъ, то они забастуютъ), ихъ заберутъ въ острогъ. Рабочіе были возмущены инспекторомъ и стали серьезно толковать о стачкѣ.

На другой же день одинъ папиросникъ открылъ окно. Управляющій „приказалъ" закрыть, тотъ не послушался — и ему объявили разсчетъ черезъ двѣ недѣли. Тогда всѣ рабочіе стали отдавать свои книжки, чтобы и ихъ уволили въ этотъ срокъ. Въ пятницу вечеромъ было отдано болѣе 150 книжекъ (вся фабрика за исключеніемъ 4 старшихъ мастеровъ и еще двухъ рабочихъ) съ требованіемъ разсчета.

Рабочіе выработали слѣдующая 6 требованій: 1) 10 часовой раб. день; 2) надбавка: поштучнымъ по 5 к. на тысячу, а помѣсячнымъ по 2 рубля; 3) обезпеченіе работы на годъ; 4) удаленіе управляющаго, сына-Лермана; 5) выдача мужчинамъ порцій по фунта табаку въ недѣлю, и 6) гарантію на зиму опредѣленнаго минимума заработной платы. Требованія были отправлены инспектору и хозяину, но первый не явился. Надо сказать, что рабочіе рѣшили приготовлять во время 2-хъ недѣль по 5-8 сотенъ (вмѣсто 5-6 тысячъ) въ день, для того, чтобы къ началу стачки истощился у г-на Лермана весь его запасъ, который и безъ того былъ ничтоженъ.

По окончаніи 2-хъ недѣльнаго срока, началась стачка. Въ первый день никто не явился на работу. На другой день пріѣхало двое рабочихъ изъ Бессарабіи и эти вмѣстѣ со старшими мастерами пошли на работу и приготовили 5 пудовъ табаку. На 3-ій день пріѣхало еще двое рабочихъ, достали тутъ же на мѣстѣ какихъ-то работниковъ и общими силами (работали самъ хозяинъ и сынъ-управляющій) было приготовлено 15 пудовъ. Но несмотря на это, г. Л. чувствовалъ себя очень плохо: со всѣхъ сторонъ требовали табаку, за 10 папиросъ 3-го сорта брали уже 4 коп. вмѣсто трехъ, и онъ былъ принужденъ начать переговоры съ рабочими. Онъ заявилъ, что удовлетворяетъ всѣ требованія, только исключаетъ 22-хъ рабочихъ — „бунтовщиковъ". Рабочіе и слушать не хотѣли объ этомъ. На другой день онъ сдался. Всѣ требованія были удовлетворены, управляющій же остался, только обѣщано съ его стороны вѣжливое человѣческое обращеніе. Весь городъ толкуетъ о стачкѣ и выражаетъ свои симпатіи рабочимъ.

Полиція и жандармерія, вслѣдствіе того, что стачка была устроена на „законной" почвѣ, ничего не могли сдѣлать. Г. Лерманъ правда очень ужъ умолялъ жанд. полк. арестовать кого-либо, да и охота помочь ему была у жандармовъ, но ничего нельля было сдѣлать. Позвали даже двухъ трехъ рабочихъ — „сицилистовъ" въ полицію, но ничего не получилось.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦ. БОРЬБЫ.

Бѣжали: изъ Верхоленска, Иркутск. губ. Горвицъ (по польскому дѣлу) и Ципкины (изъ Вильны); изъ Котельнича, Вятск. руб. — Горбачевъ (по дѣлу Пет. Союза борьбы 1899г.); изъ Вологод. губ. Левъ Гавриловичъ Волковъ, рабочій, привлекавшійся впервые въ С.П.Б. въ 1897г., а второй разъ — въ Тифлисѣ (въ тюрьмѣ сидѣлъ 19 мѣс.); изъ Вологды Станис. Густ. Петрашкевичъ, бывш. студентъ, привлекался по дѣлу Союза борьбы въ С.П.Б. (1901г.); изъ подъ надзора въ Кишиневѣ — Полина Горленъ (недавно привлекалась въ 3-й разъ по дѣлу „Искры") и изъ Рязани бывш. студ. Евг. Тарасовъ (по дѣлу С.П.Б. Союза борьбы). Изъ тюрьмы въ Александровкѣ, Екатер. губ. бѣжалъ Наумъ Голубъ (рабочій).

Въ Полтавѣ арестованъ загран. студ. Сандомирскій — отвезенъ въ С.П.Б.

Сосланъ въ Вост. Сиб. по дѣлу типогр. „Южный Раб." Илья Виленскій (просидѣлъ 25 мѣс. въ одиночкѣ). Туда же ссылаются екатеринославскіе рабочіе Томигасъ, Кирилловъ и Лавриновичъ (всѣ сидѣли по два года) и бывш. студ. Сергѣй Харченко (просидѣлъ въ Харьковѣ 16мѣс.).

ИЗЪ ПАРТІИ.

Намъ пишутъ изъ Петербурга.

Среди наступившаго послѣ весеннихъ событій затишья вѣсть о сближеніи „Искры" съ „Союзомъ Борьбы" вызвала радостное и бодрое настроеніе среди петерб. рабочихъ. За послѣднее время „Искра" пріобрѣла среди передовыхъ рабочихъ очень много приверженцевъ — ненавистниковъ „экономизма" — и завоевала всеобщее сочувствіе рабочей массы... Еще до того момента, когда стало окончательно извѣстно, что сближеніе между „Искрой" и „Союзомъ" состоялось, рабочіе открыто заявляли, что „если нашъ комитетъ не объединится съ „Искрой", мы сами объединимся". Эти слова ясно показываютъ, по какому руслу течетъ мысль передовыхъ рабочихъ: революціонное настроеніе захватываетъ всѣ силы рабочаго люда, рабочіе рвутся на борьбу съ самодержавіемъ... Нерѣдко раздаются голоса рабочихъ на собраніяхъ, что экономическая борьба намъ ничего не дала... „Только тогда мы легче вздохнемъ, какъ свергнемъ самодержавнаго тирана..." Въ рабочихъ кружкахъ рѣдко слышны разговоры о „заработной платѣ" или о „прибавочной стоимости" — врагъ русскаго народа приковалъ все вниманіе пролетарія... Передъ первымъ мая настроеніе рабочихъ было рѣзко-революціонное: всѣ рвались на Невскій, но... полнѣйшая дезорганизація и отсутствіе прокламацій не дали возможности вылиться накипѣвшему протесту.

Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что „Раб. Мысль" не отвѣчала даже скромнымъ запросамъ массовыхъ рабочихъ, искавшихъ отвѣта на волновавшія всѣхъ событія. А само „направленіе" „Раб. Мысли" дало основаніе рабочимъ высказывать подозрѣніе, что „Раб. М." играетъ въ руку либераламъ"... Отсутствіе хорошей агитаціонной литературы, посвященной вопросамъ дня и освѣщавшей всѣ стороны русской жизни, еще болѣе усиливало этотъ крупный пробѣлъ. „Искра" безусловно могла бы уничтожить этотъ пробѣлъ, но расходясь въ очень незначительномъ количествѣ, „Искра" не могла удовлетворить назрѣвшую потребность. Но несмотря на это неблагопріятное условіе, „Искра" оказала крупное вліяніе на петербургскихъ рабочихъ.

Мнѣ хотѣлось еще указать на тѣ нападки, которыя раздавались со стороны экономистовъ, на недоступность „Искры" для рабочей массы. Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что совершенно темный рабочій, никогда ничего не читавшій, не разберется въ „Искрѣ"... Но „Искра" врядъ ли можетъ быть предназначена для такихъ рабочихъ; для этой цѣли существуетъ агитаціонная литература въ видѣ листковъ, брошюръ и т. п. Являясь руководящимъ органомъ рабочей партіи, „Искра" не можетъ и не должна „поддѣлываться" подъ пониманіе даже самыхъ темныхъ слоевъ рабочей массы, потому что для ея сознательной части „Искра" вполнѣ доступна. Наоборотъ, приходится слышать жалобы, что въ „Искрѣ" нѣтъ напр. научнаго отдѣла (конечно, по вопросамъ научнаго соціализма и т. д.). Кстати, мнѣ приходилось указывать, что этотъ недостатокъ въ избыткѣ удовлетворяется „Зарей", но... у насъ имѣются лишь единичные экземпляры. Журналъ же подобный „Зарѣ" въ настоящее время является насущной потребностью. Передовая часть рабочихъ не можетъ удовлетвориться одной лишь „Искрой" и поэтому сплошь да рядомъ прибѣгаютъ къ легальной литературѣ, въ которой безусловно царитъ буржуазное направленіе. „Заря" должна энергично противодѣйствовать вліянію этого направленія на рабочихъ. Такимъ образомъ — резюмируя все вышесказанное — мы придемъ къ тому заключенію, что въ настоящее время для русскихъ революціонеровъ насущной задачей является — регулярное распространеніе (и безусловно въ достаточномъ количествѣ), какъ газеты „Искры", такъ и журнала „Зари". Только при этомъ условіи мы можемъ разсчитывать на успѣшный ходъ нашей революціонной борьбы.

Кіевскимъ Комитетомъ за періодъ съ 1-го марта по 25-е іюня издано 12 печатныхъ прокламацій: 1) о демонстраціи 2-го февраля (въ двухъ съ половиной тысячахъ экземпляровъ); 2) О значеніи демонстрацій (въ двухъ съ пол. тыс.); 3) къ слесарямъ; 4) къ столярамъ; 5) Къ рабочимъ стеклянныхъ заводовъ; о 1-омъ мая (въ двухъ съ пол. тыс.), призывавшая къ забастовкѣ; 7) о томъ же, призывавшая къ демонстраціи (въ 3-хъ тыс.); 8) къ парикмахерамъ; 9) о крестьянскихъ волненіяхъ (въ двухъ съ половиной тыс.); 10) о казни Балмашева и Лекерта (въ двухъ съ пол. тыс.); 11) къ рабочимъ завода Гретера и 12) къ портнихамъ и модисткамъ.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ.

Въ прошломъ № мы сообщали свѣдѣнія объ Исаакѣ Персицѣ, который своимъ подозрительнымъ поведеніемъ обратилъ на себя вниманіе товарищей въ Швейцаріи. Въ настоящее время намъ доставлено печатное заявленіе отъ 22 авг. 1902г., подписанное тов. Штейномъ, Карминъ, Диттлеръ и Глико, въ которомъ сообщается, что собраніе уполномоченныхъ отъ разныхъ соціалистич. группъ въ Женевѣ разсмотрѣло объясненія Персица и признало, что „объясненія, данныя Персицемъ и разслѣдованіе объ его теперешнемъ поведеніи подтвердили, что г. Персицъ все еще остается такой личностью, которой должны остерегаться соціалистическія и революціонныя организаціи."

Примѣты Персица: 28 лѣтъ, высокій ростъ, блондинъ, свѣтлые немного косые глаза, круглое лицо, крупный и горбатый носъ, знаетъ нѣмецкій, польскій, русскій, еврейскій, французскій, итальянскій и арабскій языки.

По поводу новаго назначенія Зубатова.

Какъ извѣстно изъ газетъ, пресловутый Зубатовъ переведенъ въ непосредственную близость къ Плеве, при которомъ онъ будетъ отнынѣ состоять чиновникомъ по особымъ (особо гнуснымъ) порученіямъ. Вѣроятно, фактически Зубатовъ явится руководителемъ политической полиціи, а слѣд., и руководителемъ борьбы съ соціалистами. Слѣдуетъ ожидать, что специфическіе пріемы „зубатовской" провокаціи и болѣе тонкаго сыска станутъ примѣняться болѣе систематически по всей Россіи.

Въ виду этого обращаемъ вниманіе всѣхъ товарищей на необходимость „подтянуться" и подтянуть болѣе молодыхъ дѣятелей со стороны конспиративности постановки революціонной работы. Возможно больше осторожности съ адресами, въ выборѣ псевдонимовъ, въ устройствѣ конспиративныхъ квартиръ, въ употребленіи шифровъ! Возможно болѣе строгое отношеніе къ себѣ и къ своимъ сотрудникамъ, возможно болѣе активное воздѣйствіе на неопытныхъ товарищей со стороны болѣе опытныхъ---въ интересахъ революціоннаго воспитанія первыхъ.

Зубатовъ, конечно, не преминетъ повторить въ всероссійскомъ масштабѣ свои московскіе опыты дураченія рабочихъ. Кстати, московскіе „зубатовцы" поднесли своему патрону адресъ, въ которомъ благодарили за его „попеченіе о рабочихъ".

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Васину. Несчастный случай уничтожилъ ваше прекрасное письмо, пришлось воспользоваться только сообщенными въ немъ фактами.

Сознательному шахтеру. Послѣднюю корресп. получили; преежнія—нѣтъ.

Въ отчетѣ прошлаго № вкралась ошибка, благодаря которой 100 фр. съ вечера, полученные Лигой, занесены въ отчетъ Цюрихской кассы.

Получено: отъ Ш. (Мюнхенъ) — 25 мар. и 10 руб.; черезъ Рудникова изъ Б-а 172фр. 45с. (за литературу 32фр. 50с., отъ Б-а 34фр., отъ А.Б.С. 45фр. 95с.). Отъ родителей 50руб., отъ подписчика 5руб., съ юга черезъ Ант. 25руб., черезъ Шурку 25руб.

Изъ Льежа — 24Фр., изъ S. (за литер.) — 96фр. 65с.

Изъ Д-а: съ 21 іюня по 11 сентября получено: за „Искру" 15мар., „Зарю" 32мар., брошюры 3мар. 10пф., изъ Штуттгарта 2мар. 85пф., отъ Г.С.Д. 172мар. (изъ нихъ изъ Х. 45руб. и отъ В.Л.С. 5руб.), разный приходъ 112мар. 30пф.

Въ организацію „Искры" переданы полученные въ концѣ марта мѣстнымъ представителемъ отъ Кіевскаго Комитета 200р. съ декабря 1901г. по августъ 1902г. по 25руб., согласно напечатанному въ „Искрѣ" постановленію Комитета.

Вышла въ свѣтъ брошюра: „Самодержавіе и стачки." (Записка мин. финансовъ о стачкахъ) съ приложеніемъ статьи Л. Мартова „Новая побѣда русскаго пролетаріата". Женева 1902г. Изданіе Загр. Лиги русской революц. соціаль-демократіи.

Вышла въ свѣтъ брошюра „Революціонный авантюризмъ" (отдѣльный оттискъ изъ №№ 23-24 „Искры")

Вышелъ №3 „*L'hos de Russie*" — бюллетеня на французскомъ яз. о русск. рев. движеніи, издаваемаго группой, примыкающей къ „Искрѣ".

Со всѣми требованіями на нашу литературу просимъ обращаться изъ заграницы по адресу: Herrn Axelrod, Zurich, Vogelsang-Strasse 9

Второй годъ изданія.

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 26 | 15-го октября 1902 года. | № 26

BIBLIOTHÈQUE * MUSÉE DE LA GUERRE *

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА И ПОЛИТИКАНСТВО.

Внутреннюю политику русскаго правительства всего меньше, кажется, можно упрекнуть въ настоящій моментъ въ недостаткѣ рѣшительности и опредѣленности. Борьба съ внутреннимъ врагомъ въ полномъ разгарѣ. Врядъ-ли когда-нибудь въ прошломъ бывали до такой степени переполнены арестованными крѣпости, замки, тюрьмы, особыя помѣщенія при полицейскихъ частяхъ и даже временно превращенные въ тюрьмы частные дома и квартиры. Нѣтъ мѣста, чтобы псмѣстить всѣхъ хватаемыхъ, нѣтъ возможности, безъ снаряженія экстраординарныхъ „экспедицій“, пересылать въ Сибирь съ обычными „транспортами“ всѣхъ ссылаемыхъ, нѣтъ силъ и средствъ поставить въ одинаковый режимъ всѣхъ заключенныхъ, которыхъ особенно возмущаетъ и толкаетъ на протесты, борьбу и голодовки полный произволъ растерявшихся и самодурствующихъ мѣстныхъ властей. А высшія власти, предоставляя мелкимъ сошкамъ раздѣлываться съ пойманными уже внутренними врагами, усердно продолжаютъ работать надъ „улучшеніемъ“ и реорганизаціей полиціи въ цѣляхъ дальнѣйшей борьбы съ корнями и нитями. Это — прямая и настоящая война, которую все большія и большія массы русскихъ обывателей не только наблюдаютъ, но и ощущаютъ болѣе или менѣе непосредственно. За авангардомъ летучихъ отрядовъ полиціи и жандармеріи медленно, но неуклонно движется и тяжелая законодательная махина. Возьмите законы послѣдняго мѣсяца, — и вамъ прежде всего бросятся въ глаза новые указы, добивающіе послѣдніе остатки финляндскихъ свободъ, да еще, пожалуй, обширный законъ о дворянскихъ кассахъ взаимопомощи. Первое изъ этихъ мѣропріятій совершенно подрываетъ самостоятельность финляндскихъ судовъ и сената, давая возможность генералъ-губернатору все знать, все вѣдать, т. е. фактически превращая Финляндію въ одну изъ многихъ безправныхъ и униженныхъ русскихъ провинцій. Отнынѣ — замѣчаетъ полицейски-оффиціальная „Финляндская Газета“ — есть надежда на „гармоническую“ дѣятельность всѣхъ мѣстныхъ учрежденій... Не знаю уже, злорадная-ли это насмѣшка надъ получившимъ самый подлый и самый рѣшительный ударъ безоружнымъ непріятелемъ, или елейное пустословіе въ духѣ Іудушки Головлева.

Второй изъ названныхъ законовъ — новое дѣтище того самаго Особаго Совѣщанія по дѣламъ дворянскаго сословія, которое уже одарило отечество разграбленіемъ сибирскихъ земель („насажденіе помѣстнаго землевладѣнія въ Сибири“). Во время жестокаго торгово-промышленнаго кризиса и полнаго обнищанія деревни, когда голодаютъ, недоѣдаютъ и бѣдствуютъ милліоны рабочихъ и крестьянъ, нельзя себѣ и представить, разумѣется, лучшаго употребленія народныхъ денегъ, какъ на подачки несчастнымъ гг. дворянамъ-землевладѣльцамъ. Правительство дастъ на каждую дворянскую кассу взаимопомощи, во-первыхъ, единовременно извѣстную сумму („по усмотрѣнію государя-императора“!), а, во-вторыхъ, въ теченіе десяти лѣтъ будетъ давать по стольку же, сколько будутъ собирать и сами мѣстные дворяне. Касса будетъ помогать тѣмъ, кто затрудняется платить проценты по долгамъ. Гг. дворяне могутъ безъ стѣсненій дѣлать займы, когда указанъ такой легкій путь брать на уплату деньги изъ народнаго кармана.

И какъ бы нарочно для подведенія итоговъ этой политикѣ травли, насилія и грабежа, для ея обобщенія и освященія явились царскія рѣчи къ дворянамъ, земцамъ, крестьянамъ и рабочимъ (въ Курскѣ и СПБ.). Дворянъ царь благодарилъ за службу ему, службу „не за страхъ, а за совѣсть“, и обѣщалъ непрестанныя заботы объ укрѣпленіи помѣстнаго землевладѣнія, „которое составляетъ исконный оплотъ порядка и нравственной силы Россіи“. Земцамъ царь ровно ни слова не сказалъ ни объ оплотѣ, ни о нравственной силѣ Россіи, ни о службѣ не за страхъ, а за совѣсть. Онъ объявилъ имъ коротко и ясно, что ихъ „призваніе — мѣстное устроительство въ области хозяйственныхъ нуждъ“, и что только памятуя объ этомъ, только выполняя успѣшно это призваніе, они могутъ быть увѣрены въ его благоволеніи. Это былъ вполнѣ опредѣленный отвѣтъ на конституціонныя поползновенія земцевъ, это было прямое предостереженіе (или вѣрнѣе, вызовъ) имъ, угроза отнятіемъ „благоволенія“ въ случаѣ малѣйшаго выхода за предѣлы „мѣстнаго устроительства въ области хозяйственныхъ нуждъ“.

Далѣе, крестьянамъ царь уже прямо выражалъ порицаніе за „безпорядки“ и „разграбленіе экономій“, назвавъ звѣрское избіеніе и истязаніе возставшихъ отъ голода и отчаянія мужиковъ „заслуженнымъ наказаніемъ“ и напомнивъ слова Александра III, повелѣвавшаго „слушаться предводителей дворянства“. Наконецъ, рабочимъ царь говорилъ не больше и не меньше, какъ „о врагахъ“, его врагахъ, которые должны быть и врагами рабочихъ.

Итакъ, дворяне — вѣрные слуги и исконный оплотъ порядка. Земцы (или земскіе дворяне?) — заслуживаютъ предостереженія. Крестьяне — порицанія и приказа слушаться дворянъ. Рабочимъ ребромъ ставится вопросъ о врагахъ. Поучительныя рѣчи. Поучительно сопоставленіе ихъ, и очень было бы желательно, чтобы посредствомъ прокламацій, листковъ, бесѣдъ въ кружкахъ и на собраніяхъ возможно большее количество народа было ознакомлено и съ точнымъ текстомъ и съ настоящимъ значеніемъ этихъ рѣчей. Простыя пояснительныя замѣчанія къ тексту этихъ рѣчей могли бы послужить великолѣпнымъ матеріаломъ для агитаціи среди самой темной части самыхъ неразвитыхъ слоевъ рабочаго класса, мелкихъ торговцевъ и промышленниковъ, а также крестьянства. Но не только „темному“ народу, а и многимъ просвѣщеннымъ и образованнымъ русскимъ обывателямъ не мѣшало бы хорошенько вдуматься въ царскія рѣчи, — особенно обывателямъ изъ числа либераловъ вообще и земцевъ въ особенности. Не часто приходится слышать изъ устъ коронованныхъ особъ такое опредѣленное признаніе, подтвержденіе и объявленіе войны внутренней: войны разныхъ классовъ населенія, войны съ внутренними врагами. И открытое признаніе войны — весьма хорошее средство противъ всѣхъ и всяческихъ видовъ политиканства, т. е. попытокъ затушевать, обойти, затушить войну или попытокъ съузить и измельчить ея характеръ.

Политиканство, о которомъ мы говоримъ, проявляется и со стороны правительства и со стороны оппозиціи мирной и даже иногда со стороны революціонеровъ (правда, въ послѣднемъ случаѣ въ особой формѣ, не похожей на предъидущія). Со стороны правительства это — сознательное заигрываніе, подкупъ и развращеніе, однимъ словомъ, система, получившая названіе „зубатовщины“. Обѣщаніе болѣе или менѣе широкихъ реформъ, дѣйствительная готовность осуществить крохотную частичку обѣщаннаго, и требованіе за это отказаться отъ борьбы политической, — вотъ въ чемъ суть зубатовщины. Теперь даже кое-кто изъ земцевъ видитъ уже, что разговоры министра внутреннихъ дѣлъ г. Плеве съ г. Д. Н. Шиповымъ (предсѣдатель моск. земск. управы) есть начало „зубатовщины земской“. Плеве обѣщаетъ „болѣе благопріятно“ относиться къ земству (ср. „Освоб.“ № 7), обѣщаетъ созвать въ началѣ будущаго года совѣщаніе изъ предсѣдателей земскихъ управъ для „разрѣшенія всѣхъ вопросовъ относительно постановки земскихъ учрежденій“, требуя за это, чтобы земцы „не говорили ничего о представительствѣ въ высшихъ правительственныхъ учрежденіяхъ“. Казалось бы, дѣло яснѣе яснаго: обѣщаніе самое неопредѣленное, а требованіе таково, что при исполненіи его земскія вожделѣнія становятся неосуществимыми. Противъ этого политическаго обмана, фокусничества и разврата можетъ быть только одно средство: безпощадное разоблаченіе фокусниковъ и рѣшительная политическая, (т. е. по русскимъ условіямъ, революціонная) борьба съ полицейскимъ самодержавіемъ. Наши же земцы, насколько можно судить по „Освобожденію“, оказываются еще не на высотѣ этой задачи. На политиканство они отвѣчаютъ политиканствомъ, ихъ органъ проявляетъ полную неустойчивость. Въ № 7 „Осв.“ вы видите эту неустойчивость особенно наглядно благодаря тому, что высказывается по данному вопросу не только редакція, но и нѣкоторые сотрудники, съ которыми редакція болѣе или менѣе несогласна. Въ передовой редакціонной статьѣ то мнѣніе, что обѣщанія Плеве есть ловушка и зубатовщина, приводится лишь какъ мнѣніе нѣкоторыхъ земцевъ, причемъ рядомъ съ нимъ сообщается и мнѣніе другихъ земцевъ, которые „склонны послѣдовать указаніямъ г. министра“(!!). Редакція далека отъ мысли поднять походъ противъ земской зубатовщины. Она предостерегала земцевъ отъ „уступокъ“ правительству (въ №№ 5 и 6), но она не выступаетъ съ рѣшительнымъ осужденіемъ г. Шипова и Ко., которые послушались совѣтовъ старой полицейской лисы и выкинули изъ программы весенняго земскаго съѣзда 4-й пунктъ (указывавшій на необходимость выборныхъ земскихъ дѣятелей для пополненія состава Особаго Совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности). Редакція дѣлаетъ въ передовой статьѣ не тотъ выводъ, что земство унижено согласіемъ части земцевъ на подлыя приманки полиціи, а тотъ выводъ, что самый фактъ переговоровъ правительства съ земствомъ „доказываетъ, что земство уже и теперь есть ‚представительство‘ “(!!) и что обѣщанный г. Плеве „съѣздъ“ (г. Плеве говорилъ, кажется, только о „совѣщаніи“?) „во всякомъ случаѣ желателенъ“, ибо онъ „не можетъ не внести ясности въ отношенія между земствомъ и правительствомъ“. Редакція „твердо увѣрена, что земскіе дѣятели сумѣютъ заявить себя на немъ тѣмъ, чѣмъ они должны быть — представителями населенія, а не подручными министровъ по хозяйственной части“. Если судить только на основаніи одной передовой редакціонной статьи, то надо, наоборотъ, быть твердо увѣреннымъ въ томъ, что земцы окажутся опять „подручными“ полицейскаго вѣдомства, какъ оказались гг. Шиповъ и Ко. (пока ихъ не оттѣснитъ или не видоизмѣнитъ другое земское теченіе).

Отъ политиканства передовой статьи съ удовольствіемъ отдыхаешь на дальнѣйшихъ статьяхъ сотрудниковъ: г. Антона Старицкаго и еще болѣе земскаго гласнаго г. Т. Первый называетъ поступокъ г. Шипова и Ко. „ложнымъ шагомъ“, совѣтуетъ земцамъ „не спѣшить учесть свое первородство въ видѣ какого-то съѣзда, который оформитъ г. Плеве“, совѣтуетъ не идти на приманку и не политиканить. Редакція дѣлаетъ примѣчаніе: „мы въ общемъ согласны съ авторомъ статьи“, очевидно находя, что въ частности нельзя такъ односторонне осуждать политиканство.*)

Второй сотрудникъ прямо уже возстаетъ противъ всей позиціи „Освобожденія“, нападая на незаконченность и нерѣшительность, осуждая такія фальшивыя фразы, какъ ссылка на „народную анархію“, заявляя, что „нельзя довольствоваться полумѣрами, что необходимо рѣшиться идти до конца“, что „необходимо покончить съ рабскими полумѣрами легальной оппозиціи“... „не останавливаясь передъ жертвами“, что „не ставъ революціонерами, мы (земцы) не сможемъ сдѣлать существеннаго вклада въ дѣло политическаго освобожденія Россіи“. Отъ всей души привѣтствуемъ эти честныя и твердыя рѣчи г. земскаго гласнаго и усиленно совѣтуемъ ознакомиться съ ними всѣмъ, кто интересуется разбираемымъ вопросомъ. Г. земскій гласный всецѣло подтверждаетъ данную нами въ „Искрѣ“ оцѣнку программы „Освобожденія“. Больше того: его статья доказываетъ не только правильность нашей точки зрѣнія, но и цѣлесообразность нашего рѣзкаго изобличенія половинчатости либерализма. Оказывается, что и въ самой земской средѣ есть люди, которымъ претитъ всякое виляніе и которыхъ мы особенно должны стараться поддержать безпощадной критикой этого вилянія съ нашей точки зрѣнія.

Редакторъ „Освобожденія“, конечно, несогласенъ съ г. земскимъ гласнымъ Т. и — почтительно, но твердо — заявляетъ: „на многое мы смотримъ иначе“... Еще бы! И каковы же возраженія редакціи? — Они сводятся всѣ къ двумъ главнымъ пунктамъ: во 1-хъ, г. Струве „принципіально“ предпочитаетъ мирные пути въ отличіе, по его мнѣнію, отъ нѣкоторыхъ революціонеровъ; во 2-хъ, этихъ послѣднихъ онъ обвиняетъ въ недостаткѣ терпимости. Разсмотримъ эти возраженія.

Въ статьѣ „По поводу одного упрека“ г. Струве (статья подписана. Ред.) цитируетъ мою статью въ № 2-3 „Зари“ („Гонители земства и Аннибалы либерализма“). Ему особенно не понравились, разумѣется, слова: „еслибы народъ хоть разъ хорошенько проучилъ правительство“, то это имѣло бы „гигантское историческое значеніе“. Г. Струве, видите ли, рѣшительно и безусловно несогласенъ съ тѣмъ, что насильственная революція предпочтительнѣе мирной реформы. Самые рѣшительные русскіе революціонеры, — говоритъ онъ, — принципіально предпочитали мирный путь, и этой славной традиціи не заглушить никакими доктринами.

Трудно себѣ представить что-либо болѣе фальшивое и вымученное, чѣмъ это разсужденіе. Неужели г. Струве не понимаетъ, что возставшій рабъ вправѣ говорить о предпочтительности мира съ рабовладѣльцемъ, а рабъ, отказывающійся отъ возстанія, впадаетъ въ позорную фальшь, повторяя тѣ же слова? „Элементы революціи въ Россіи еще, къ сожалѣнію или къ счастью не созрѣли“ — говоритъ г. Струве, и эти слова „къ счастью“ выдаютъ его съ головой.

А насчетъ славныхъ традицій революціонной мысли лучше уже г. Струве помалкивать. Намъ достаточно указать на знаменитыя заключительныя слова „Ком. Манифеста“. Намъ достаточно напомнить, что тридцать лѣтъ спустя послѣ „Манифеста“, когда нѣмецкіе рабочіе были лишены частички тѣхъ правъ, которыхъ никогда не было у русскаго народа. Энгельсъ далъ такую отповѣдь Дюрингу:

„Для г. Дюринга насиліе есть нѣчто абсолютно злое. Первый актъ насилія былъ, по его мнѣнію, грѣхопаденіемъ. Вся его доктрина есть нытье по поводу того, что этотъ актъ насилія запятналъ первороднымъ грѣхомъ всю исторію вплоть до настоящаго времени, что всѣ законы природы и законы соціальные позорно извращены этимъ орудіемъ дьявола — насиліемъ. О томъ, что насиліе играетъ также въ исторіи и совсѣмъ иную роль — революціонную, о томъ, что оно, говоря словами Маркса, является повивальной бабкой всякаго стараго общества, когда это послѣднее беременно новымъ, о томъ, что насиліе является орудіемъ, посредствомъ котораго общественное движеніе прокладываетъ себѣ дорогу и разбиваетъ окоченѣлыя, отмирающія формы, — объ этомъ ни слова нѣтъ у г. Дюринга. Лишь со вздохами и стенаніями допускаетъ онъ возможность того, что для ниспроверженія эксплуататорскаго хозяйства понадобится, къ сожалѣнію, насиліе, — къ сожалѣнію, ибо всякое насиліе развращаетъ, изволите видѣть, того, кто его примѣняетъ. И это говорится послѣ того, какъ всякая побѣдоносная революція сопровождалась высокимъ моральнымъ и духовнымъ подъемомъ! И это говорится въ Германіи, гдѣ насильственное столкновеніе, къ которому народъ можетъ быть вѣдь прямо вынужденъ, имѣло бы по крайней мѣрѣ то преимущество, что вытравило бы изъ народнаго характера лакейскій духъ, внѣдренный всѣми униженіями 30-лѣтней войны. И это тусклое, дряблое, безсильное поповское мышленіе смѣютъ навязывать самой революціонной партіи, какую только знаетъ исторія!“

Перейдемъ къ второму пункту насчетъ терпимости. Нужно „взаимное пониманіе“ „полная искренность“ и „широкая терпимость“ въ отношеніяхъ разныхъ направленій,— елейно поучаетъ насъ г. Струве (подобно многимъ соц.-рев. и представителямъ публики). Ну, а какъ быть — спросимъ мы его — если полная искренность наша покажется вамъ отсутствіемъ терпимости? Если мы, напр., находимъ, что въ „Освобожденіи“ есть десница и шуйца, вредная, предательская шуйца, то не обязываетъ ли насъ полная искренность къ безпощадной борьбѣ съ этой шуйцей? Не обязываетъ-ли она насъ къ борьбѣ съ авантюризмомъ (политиканствомъ тожъ) соц.-революціонеровъ, когда они проявляютъ его и въ вопросахъ теоріи соціализма и въ отношеніи къ классовой борьбѣ во всей своей тактикѣ? Есть-ли хоть капля политическаго смысла въ требованіи обкарнать, сдѣлать дряблой эту борьбу въ угоду тому, что угодно называть терпимостью людямъ, противъ которыхъ борьба и направлена?

Пора бы бросить галантерейное наивничанье, господа! Пора бы понять ту нехитрую истину, что дѣйствительная (а не словесная) совмѣстность борьбы съ общимъ врагомъ обезпечивается не политиканствомъ, не тѣмъ, что покойный Степнякъ однажды назвалъ самоурѣзываніемъ и самозапрятываньемъ, не условной ложью дипломатическаго взаимопризнанія, — а фактическимъ участіемъ въ борьбѣ, фактическимъ единствомъ борьбы. Когда у нѣмецкихъ соц.-дем. борьба противъ военно-полицейской и феодально-клерикальной реакціи дѣйствительно становилась общей съ борьбой какой-либо настоящей партіи, опирающійся на извѣстный классъ народа (напр., либеральную буржуазію), тогда совмѣстность дѣйствія устанавливалась безъ фразерства о взаимопризнаніи. О признаніи явнаго для всѣхъ и осязаемаго всѣми факта не говорятъ (не просимъ же мы ни у кого признанія рабочаго движенія!). Думать, что настоящему политическому союзу въ состояніи помѣшать „тонъ“ полемики, въ состояніи только люди, смѣшивающіе политику и политиканство. А пока вмѣсто дѣйствительнаго участія въ нашей борьбѣ мы видимъ уклончивыя фразы, вмѣсто дѣйствительнаго приближенія къ нашей борьбѣ другого какого-либо общественнаго слоя или класса одну лишь авантюристскую тактику, — до тѣхъ поръ никакіе ни грозные ни жалкіе потоки словъ ни на іоту не приблизятъ „взаимопризнанія“.

*) Въ только-что полученномъ № 8 „Освобожденія“ мы видимъ уже болѣе рѣшительное осужденіе политиканства и ложнаго шага г. Шипова. Въ добрый часъ! Можетъ быть, случай съ симъ почтеннымъ дѣятелемъ побудитъ редакцію поискать корней „политиканства“ въ основныхъ ея взглядахъ на отношеніе либерализма и революціонныхъ направленій?

ПОСЛѢДНЕЕ СЛОВО ОБВИНЯЕМАГО.

(Посвящается тѣмъ, кто не боится грозы.)

Будетъ буря... мы поспоримъ
И поборемся мы съ ней!

По нѣкоторымъ признакамъ можно судить, что неугомонная „Искра“ снова (въ который уже разъ!) возбудила неудовольствіе многихъ читателей-друзей. Два-три протестующихъ письма, одинъ формальный протестъ, нѣсколько предостерегающихъ указаній отъ уважаемыхъ нами товарищей... при извѣстной неподвижности русскаго человѣка въ выраженіи своихъ чувствъ этого достаточно, чтобы признать, что наша газета опять напроказила и оттолкнула отъ себя тѣхъ, кто уже готовъ былъ, ну, совсѣмъ-таки былъ готовъ смѣнить старый гнѣвъ на милость и протянуть руку этой грѣшницѣ. И съ горестью приходится думать, что на этотъ разъ многіе мягкіе по природѣ люди даютъ себѣ строгій зарокъ: „ну, ужъ это въ послѣдній разъ, ужъ больше меня къ ней — къ „Искрѣ“ — и калачемъ не заманишь! впредь никакой поблажки ея нраву не полагается“.

Тяжело терять друга, съ которымъ долго шелъ рука объ руку; но въ своемъ родѣ не менѣе тяжело терять кандидата въ друзья, который не успѣлъ еще стать настоящимъ другомъ. Безспорно, старый другъ лучше новыхъ двухъ, но, принимая во вниманіе, что старый другъ отъ насъ никогда и никуда не уйдетъ, и что жадность присуща человѣческой природѣ вообще, а природѣ революціонера въ особенности, — вы поймете, что перспектива имѣть и старыхъ, и новыхъ друзей была заманчивой... Счастье было такъ близко, такъ возможно...

Но въ самомъ-ли дѣлѣ такъ близко? Вѣрно-ли, что читатель готовъ былъ уже забыть все старое огорченіе и стать подъ наше знамя, и что только неумѣренная наша драчливость его опять — свѣдующіе люди утверждаютъ, что въ послѣдній разъ — оттолкнула отъ насъ?

Одинъ за другимъ являлись къ намъ товарищи и заявляли: мы были бы съ вами, ибо мы принимаемъ вашу точку зрѣнія, но насъ отталкиваютъ ваши пріемы борьбы съ противниками, а потому... а потому... мы пойдемъ къ вашимъ противникамъ и будемъ вмѣстѣ съ ними бороться противъ васъ и вашей точки зрѣнія, которую, однако, мы считаемъ правильной точкой зрѣнія.

Признаемся, мы этого не понимаемъ. Мы, конечно, знаемъ, что въ нашъ вѣкъ общей разслабленности люди стали чрезвычайно чувствительны къ внѣшнимъ формамъ; но мы все же никакъ не можемъ повѣрить, чтобы серьезные революціонеры могли класть свою душу на борьбу съ тѣмъ самымъ дѣломъ, которое имъ представляется правымъ дѣломъ; чтобы могли такъ поступать только потому, что имъ не по душѣ форма, въ которой ведется борьба за правое дѣло. Говорятъ, Владиміръ Красное Солнышко, выбирая новую религію, остановился на православіи потому, что его прельстило благолѣпіе православной службы, но, вѣдь, такъ разсказывается только въ исторіи Иловайскаго и есть полное основаніе думать, что этого святого князя привлекла сравнительная близость между духомъ православія и языческими представленіями тогдашнихъ славянъ.

Нѣтъ, мнѣ положительно кажется, что дѣйствительный сторонникъ нашихъ взглядовъ не поссорится съ нами изъ-за несогласія о формѣ, въ которой мы ведемъ борьбу съ противниками этихъ взглядовъ; намъ кажется, что когда человѣкъ порываетъ съ нами изъ-за нашей „не-товарищеской полемики“ противъ такого-то направленія, онъ это дѣлаетъ лишь потому, что безсознательно для себя стоитъ ближе къ этому именно направленію, чѣмъ къ намъ; ему непонятна необходимость борьбы съ этимъ направленіемъ, а потому такъ болѣзненно рѣжутъ его ухо литературныя проявленія этой борьбы. Когда мы боролись съ бернштейніанствомъ, наша полемика казалась непозволительной тѣмъ, кто, самъ того не зная, стоялъ ближе къ Бернштейну, чѣмъ къ Марксу; то же было во время нашей полемики съ „экономистами“, то же происходитъ и теперь, когда ведется борьба съ терроризмомъ.

„Въ принципѣ“ всѣ согласны съ тѣмъ, что старая народовольческая тактика была бы пагубной для нашего современнаго движенія; „въ принципѣ“ всѣ соціалдемократы считаютъ нежелательнымъ развитіе терроризма и столь же рѣшительно большинство соц.-революціонеровъ признаетъ („въ принципѣ“), что всякій терроризмъ, развивающійся на счетъ массового движенія, грозитъ отдалить побѣду революціоннаго дѣла. И, тѣмъ не менѣе, всѣ соц.-революціонеры въ глубинѣ души не вѣрятъ въ жизнеспособность движенія народныхъ массъ и восторженное удивленіе передъ героическими актами отдѣльныхъ террористовъ дѣлаетъ въ ихъ глазахъ все болѣе ничтожнымъ значеніе великаго историческаго процесса революціоннаго пробужденія русскаго народа. И также безспоренъ, къ сожалѣнію, тотъ фактъ, что немалое количество соціалдемократовъ до такой степени не вѣритъ въ возможность для русскаго пролетаріата въ ближайшемъ будущемъ выступить сознательной, организованной и революціонно-непреклонной силой, что невольно склоняется къ мысли: а, можетъ быть, терроръ и вывезетъ?

Разумѣется, все это совершается безсознательно, и тѣ соц.-демократы, которые переживаютъ указанный процессъ, тщательно стараются скрыть отъ себя самихъ его значеніе. Отрицая слова, принимаютъ и признаютъ понятія, которымъ эти слова соотвѣтствуютъ; отвергая исходный пунктъ, не признаютъ логическихъ изъ него выводовъ; осуждая терроризмъ, протестуютъ противъ „слишкомъ рѣзкаго“ его осужденія. Въ № 27 „Arbeiterstimme“ — центральнаго органа „Бунда“ — редакція очень краснорѣчиво оспариваетъ тактику террористовъ. Мы боремся съ системой, а не съ отдѣльными личностями, говоритъ она. Но... у редакціи имѣется очень значительное „но“... но когда демонстрантовъ подвергаютъ тѣлесному наказанію, то партія должна отвѣчать политическимъ убійствомъ. Такіе акты мести, организованные партіей — вовсе не терроръ, ибо терроръ есть тактика политической борьбы съ даннымъ режимомъ (а розги развѣ не представляютъ собой проявленія этого режима?). Вообще говоря, терроръ вреденъ потому, что отвлекаетъ партію отъ работы въ массахъ; но организованныя партіей политическія убійства по случаю каждаго примѣненія тѣлеснаго наказанія обладаютъ, повидимому, свойствомъ не отвлекать партійныхъ силъ отъ этой работы. Органъ „Бунда“ чувствуетъ, что тутъ что-то не ладно, и старается примирить свою пропаганду террористической системы политическихъ убійствъ съ принципами соціалдемократіи и съ резолюціей послѣдняго съѣзда „Бунда“, отвергающей терроръ*). Старанія эти не дѣлаютъ точки зрѣнія редакціи болѣе убѣдительной, и мы нисколько не удивимся, если редакція органа нашихъ еврейскихъ товарищей окажется въ числѣ недовольныхъ „не товарищескими пріемами“ нашей борьбы съ терроризмомъ.

Короче говоря, мы переживаемъ моментъ нѣкотораго шатанія умовъ по вопросу о террорѣ. Недовѣріе къ возможности развить революціонную энергію пролетаріата до той степени, при которой онъ съумѣетъ дать отпоръ всякимъ проявленіямъ реакціи; сомнѣніе въ возможности создать истинно-боевую и истинно-народную революціонно-соціаль-демократическую партію при наличныхъ условіяхъ — охватили не малую часть революціонной интеллигенціи и въ этой атмосферѣ безвѣрія и сомнѣнія не всегда можетъ устоять соціалдемократическое отрицаніе безполезной и безсмысленной тактики „единоборства сознательнаго меньшинства съ самодержавіемъ“. Люди, поддавшіеся роковому вліянію этой атмосферы, не могутъ не раздражаться при видѣ рѣшительной борьбы, которую ведетъ соціалдемократическая газета противъ террористической рекламы.

Дѣло осложняется тѣмъ элементомъ легкомыслія, который вносится въ эту атмосферу существованіемъ такъ-назыв. „тушинскихъ перелетовъ“. Подъ этимъ именемъ въ смутное время (въ XVII вѣкѣ) были извѣстны тѣ бунтари этой бурной эпохи, которые перебѣгали отъ одного изъ самозванцевъ къ другому, отъ послѣдняго къ полякамъ и т. д. Современники утверждаютъ, что эти перелеты составляли сущее бѣдствіе для всѣхъ боровшихся съ тогдашней Москвой партій. Такое же приблизительно бѣдствіе представляютъ эти „перелеты“ и въ настоящее время. Мы до сихъ поръ еще не покончили со своимъ собственнымъ смутнымъ временемъ, когда параллельное сосуществованіе стараго революціоннаго міровоззрѣнія въ различныхъ степеняхъ его разложенія и новаго въ различныхъ стадіяхъ его развитія создали рядъ соблазновъ для натуръ, одаренныхъ инстинктомъ кочевника. Переходя изъ лагеря въ лагерь, не подъ вліяніемъ коренного перелома въ убѣжденіяхъ, а подъ вліяніемъ этого безпокойнаго инстинкта, эти люди въ каждомъ проявленіи опредѣленности убѣжденій усматриваютъ почти личное для себя оскорбленіе и, въ свою очередь, деморализующе дѣйствуютъ на неустановившуюся молодежь, являясь несомнѣнными сѣятелями безпринципности и „многосторонности“.

Мы упоминали выше, что получили уже одинъ формальный протестъ противъ нашего поведенія. Протестъ этотъ исходитъ отъ „саратовской объединенной группы соціалистовъ-революціонеровъ и соціалдемократовъ“. Нашъ „способъ веденія полемики“ группа признаетъ „неприличнымъ и недостойнымъ званія революціонера“. „Такая полемика создаетъ огромныя препятствія къ объединенію всѣхъ революціонныхъ силъ въ Россіи въ одну партію или союзъ партій, дружно дѣйствующихъ въ одномъ направленіи по опредѣленному, сообща выработанному плану“. Поэтому, группа объявляетъ бойкотъ нашимъ изданіямъ и обращается ко всѣмъ „чисто-соціалдемократическимъ и смѣшаннымъ организаціямъ съ приглашеніемъ присоединиться“ къ ея постановленію.

Намъ кажется, что поведеніе „смѣшанной“ группы представляетъ характерное явленіе для нашего смутнаго времени. Что соціалисты-революціонеры, участвующіе въ „смѣшанной“ группѣ, желали бы бойкотировать соціалдемократическую литературу — это мы хорошо понимаемъ: соціалисты-революціонеры весьма и весьма заинтересованы въ томъ, чтобы наша критика ихъ частью реакціонной, частью утопической программы и ихъ частью наивной, частью развращающей революціонное сознаніе тактики осталась неизвѣстна широкой публикѣ. Гораздо легче и удобнѣе отрѣзать читателя отъ писателя, чѣмъ отвѣтить ему по существу вопроса. Хорошо понимаемъ мы также, что для такой цѣли весьма и весьма удобны всякаго рода „смѣшанныя“ группы, въ которую входятъ „соціалдемократы“, не нашедшіе себѣ мѣста въ рядахъ соціалдемократической партіи. Эти „соціалдемократы“ играютъ для нашихъ противниковъ роль того „народа“, который такъ нуженъ для „обстановки“, для того, чтобы то или другое крикливое выступленіе противъ соціалдемократіи могло быть перенесено на почву внѣпартійную, на почву нравственныхъ принциповъ и „нетоварищескихъ пріемовъ“, т. е. на почву, освобождающую отъ обязанности высказываться принципіально по принципіальнымъ вопросамъ. Чего мы никогда не могли понять, — это того, какъ люди, именующіе себя соціалдемократами, могутъ согласиться играть такую, выражаясь ихъ слогомъ, „неприличную и недостойную революціонера“ роль перебѣжчиковъ?

Намъ думается, что „смѣшанная группа“, которая существуетъ уже съ годъ, должна была бы прежде, чѣмъ приглашать организаціи нашей партіи къ дружному походу противъ „Искры“, прежде всего объясниться съ ними по вопросу: что собственно она собой представляетъ? въ какой пропорціи и какъ смѣшаны въ ней элементы пролетарскаго соціализма и той смѣси, которую, въ свою очередь, представляетъ собою программа соціалистовъ-революціонеровъ?

Энергичный стиль протеста „смѣшанной“ группы можетъ служить образчикомъ того возбужденія, которое въ данный моментъ царитъ въ нѣкоторыхъ слояхъ революціонной среды по отношенію къ дерзкой „сектѣ“ революціонныхъ соціалдемократовъ, осмѣлившихся поднять оружіе критики на кумиръ нынѣшняго дня. Неудивительно, поэтому, что многіе наши единомышленники, которымъ приходится отстаивать дорогое для насъ дѣло на мѣстѣ — среди разгоряченной публики — смущены поднявшейся бурей. Нѣкоторые изъ нихъ, сами мужественно борясь съ террористической фразой, въ то же время признаются намъ, что, хотя они самостоятельно отъ насъ пришли къ характеристикѣ тактики соц.-революціонеровъ, какъ „революціоннаго авантюризма“, тѣмъ не менѣе смутились, прочитавъ въ „Искрѣ“ эту характеристику. Мы понимаемъ хорошо этихъ товарищей, но мы думаемъ, что они ходомъ борьбы придутъ къ убѣжденію, что намъ необходимо сказать то, что есть, не смущаясь подымающимися отовсюду воплями. Буря будетъ, но изъ этой бури революціонная соціалдемократія еще разъ выйдетъ окрѣпшей и чѣмъ болѣе непопулярной въ извѣстный моментъ будетъ представляться небольшая кучка „ортодоксовъ“, тѣмъ болѣе популярны станутъ тѣ идеи, въ борьбѣ за которыя она пожертвуетъ своей популярностью. За это ручается недавнее прошлое.

Маленькой „сектой“ вступили мы въ борьбу съ бернштейніанствомъ и „экономизмомъ“ въ то время, когда „общественное мнѣніе“ революціонной среды было настроено въ пользу этихъ направленій. Бурю возмущенія вызвали наши писанія. Мы объявили бернштейніанство буржуазнымъ натискомъ на рабочее движеніе — въ отвѣтъ, вмѣсто разбора нашихъ доводовъ, раздавались крики о нашей ортодоксальной нетерпимости; мы объявили русскій „экономизмъ“ попыткой съузить силу и размахъ рабочаго движенія, намъ отвѣчали обвиненіемъ въ непочтеніи къ дѣйствующимъ организаціямъ, насъ печатно упрекали въ томъ, что мы позволяемъ себѣ говорить о комитетахъ партіи... въ примѣчаніяхъ! Мы словомъ и дѣломъ пытались вывести партію изъ состоянія младенческаго „кустарничества“ — насъ обличали въ диктаторскихъ замашкахъ и въ посягательствѣ на демократическіе принципы... И хотя всѣ эти обвиненія и вопли создавали нашей „сектѣ“ большія затрудненія въ ея пропагандистской и организаціонной работѣ, тѣмъ не менѣе, самая рѣзкость нашего выступленія способствовала тому, что согласные съ нами принципіально, но не „скомпрометировавшіе“ себя „нетоварищескими пріемами“ наши товарищи могли съ меньшими трудностями проводить въ жизнь эти идеи. А вслѣдъ за нашими единомышленниками могли безвозбранно добивать нашихъ противниковъ и „тушинскіе перелеты“. Мы дожили, наконецъ, до той минуты, когда, напр., группа „Свободы“ могла заявить печатно, что пропаганда бернштейніанства и „экономизма“ была „ошибкой“, что „Искра“ „правильно“ боролась съ этими направленіями, что „Искра“ „правильно“ характеризовала тактику соц.-революціонеровъ, какъ „революціоннаго авантюризма“, что „Искра“ „правильно“ предостерегала противъ „террористическихъ увлеченій“.

Мы дожили, наконецъ, до того, что „Свобода“ заявляетъ, что „Искра“ „правильно“ предостерегала противъ „террористическихъ увлеченій“. Мы дожили, наконецъ, до того, что „Свобода“ заявляетъ, что „Искра“ „правильно“ предостерегала противъ „террористическихъ увлеченій“.

BIBLIOTHÈQUE MUSÉE DELLA GUERRE

штейніады большее оскорбленіе для революціонера, чѣмъ плевокъ въ лицо, — и эти слова, которыя за два года до того были бы объявлены кощунственными, уже не вызывали противорѣчія. Та же „Свобода“ могла заявить, что наши комитеты не больше, чѣмъ студенческіе кружки (и тутъ она, безспорно, хватила черезъ край); могла позволить себѣ издѣваться надъ тѣми, кто вѣчно увѣряетъ, что въ партіи все обстоитъ благополучно, — и „Свободу“ уже никто не рѣшился „призвать къ порядку“... ибо къ тому времени наши „нетоварищескіе пріемы“ притупили уже чрезмѣрную чувствительность читателей въ этомъ пунктѣ. Само собой разумѣется, что „Свобода“ должна была для облегченія своей задачи съ добродѣтельнымъ осужденіемъ отозваться о нашей манерѣ полемизировать*).

Мы надѣемся, что по вопросу о полемикѣ съ терроризмомъ дѣло пройдетъ черезъ тѣ же стадіи. Мы — „секта ортодоксовъ“ — должны концентрировать на себѣ все то негодованіе, которое вызываетъ необходимая въ нашемъ дѣлѣ борьба съ модными въ данный моментъ предразсудками; мы должны этого достигнуть именно для того, чтобы облегчить массѣ участвующихъ въ нашемъ движеніи распространеніе общихъ нашихъ идей на расчищенномъ полемикой полѣ... Мы должны добиться, чтобы для „широкой“ публики все смѣшное предстало въ смѣшномъ видѣ, чтобы все пошлое предстало во всей наготѣ своей пошлости и чтобы всякій зародышъ реакціонной идеи, скрытой за революціонной фразой, уже за версту отпугивалъ отъ себя человѣка массы... И когда мы этого добьемся, тогда и „тушинскіе перелеты“, обругавъ насъ за „неприличную“ полемику и за братоубійственныя наклонности, начнутъ, наконецъ, отъ всего сердца отстаивать дорогія намъ идеи; и это будетъ значить, что мы уже достигли цѣли, ибо, когда „тушинскіе перелеты“ отстаиваютъ правое дѣло, это значитъ, что правому дѣлу уже не грозитъ никакая опасность...

„Всегда въ меньшинствѣ!“ объявляли мы въ прошломъ году, когда шла война изъ-за экономизма и бернштейніанства, и этимъ заявленіемъ доводили до бѣлаго каленія тѣхъ, кто привыкъ быть всегда съ большинствомъ... Наши друзья, смущенные воплями, вызванными нашей полемикой, съумѣютъ, въ случаѣ надобности, бросить этотъ вызовъ большинству возмущенныхъ.

Для этого имъ слѣдуетъ только проникнуться пониманіемъ всей трудности переживаемаго нами момента. Самыми рискованными средствами современные террористы стараются построить популярность террора, поставить его въ глазахъ революціонной массы на такую высоту, на которой террористическая партія была бы ограждена „общественнымъ мнѣніемъ“ отъ всякой критики. Допустить это — значило бы для соціалдемократіи совершить самоубійство. Не горячась и не теряя хладнокровія, она должна противопоставлять слѣпому увлеченію свою трезвую критику и низводить съ пъедестала все то, что незаконно пытается на него взгромоздиться.

Читателю-же-„другу“, стоящему еще въ нерѣшительности передъ убѣдительностью нашихъ доводовъ, съ одной стороны, и „возмутительностью“ и пр. съ другой, — мы скажемъ подружески: мы хорошо понимаемъ, что тебѣ никакъ невозможно устоять. Гряди же съ миромъ въ станъ „протестующихъ“, ибо въ борьбѣ, нами предпринятой, не нужны (и скажемъ по секрету, даже вредны) люди твоего настроенія и твоего темперамента! Гряди-же, и съ спокойной совѣстью прими участіе въ составленіи протестовъ и резолюцій противъ насъ! Иди-же и пребывай въ состояніи негодованія до тѣхъ поръ, пока нынѣ для тебя горькія истины пріобрѣтутъ „прочность предразсудка“, и ты вернешься подъ наше знамя, не позабывъ обругать тѣхъ, кто во время бури до послѣднихъ силъ держался за его древко...

*) Недавно вышла книжка Д. Рязанова, посвященная строгой критикѣ программы „Рабочаго Дѣла“. Принимая во вниманіе, что всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ группа „Борьба“ издавшая эту брошюру, насъ упрекала (въ своемъ „Летучемъ Листкѣ“) въ томъ, что мы своей полемикой обострили существовавшія въ с.-дем. лагерѣ разногласія, — приходишь къ выводу, что одинъ фактъ появленія критики этой программы уже давно не выходящаго журнала свидѣтельствуетъ о полномъ исчезновеніи изъ вліятельныхъ круговъ нашей партіи тѣхъ идей, съ которыми мы боролись въ прошломъ году.

ПО ПОВОДУ ВѢРНОПОДДАННИЧЕСКОЙ ОПОЗИЦІИ НАШИХЪ ЗЕМЦЕВЪ.

Какъ всѣмъ извѣстно, русское правительство въ борьбѣ съ крамолой не останавливается ни передъ какими средствами. Чаще всего и больше всего оно пускаетъ въ ходъ, конечно, всякаго рода насилія и преступленія. Но за послѣднее время оно начинаетъ все больше и больше прибѣгать къ другому также излюбленному политическими деспотами способу. Сущность этого способа сводится къ тому, чтобы посѣять раздоръ въ средѣ самихъ тѣхъ, кому приходится солоно отъ нашего самодержавія, натравить одну общественную группу на другую, или, по крайней мѣрѣ, на время прикинуться, что оно беретъ подъ свое покровительство интересы какой-нибудь группы, пообѣщать ей какую-нибудь самодержавную милость и тѣмъ хотя бы на время умиротворить ее. Такую цѣль преслѣдовало правительство и по отношенію къ студентамъ своей политикой „сердечнаго попеченія“, и по отношенію къ рабочимъ въ формѣ пресловутой зубатовщины. Но въ этихъ слояхъ оно потерпѣло неудачу: и студенты, и рабочіе отвѣтили революціонными взрывами.

Теперь такую же политику правительство ведетъ по отношенію къ земцамъ и повидимому, въ этомъ случаѣ оно можетъ разсчитывать на большій успѣхъ, чѣмъ прежде. Объясняется это, конечно, тѣмъ, что сама та общественная среда, съ которой теперь заигрываетъ самодержавіе, состоитъ изъ людей, у которыхъ отвращеніе къ самодержавію въ значительной мѣрѣ ослабляется страхомъ передъ дѣйствительной революціей и, значитъ, опасеніемъ, что „шкура убитаго медвѣдя“ достанется цѣликомъ не въ ихъ руки. Въ силу этого и та оппозиція, которую проявляютъ земцы, носитъ уже слишкомъ „вѣрноподданническій“ характеръ. Земцы, желающіе освободиться отъ опеки самодержавія, дѣйствуютъ до такой степени трусливо, до такой степени не хотятъ выступить съ возможно большей рѣзкостью, что при первомъ же заигрываніи со стороны Плеве готовы тотчасъ успокоиться и дать обѣщаніе быть вѣрными слугами своего коронованнаго идіота! Уже на самомъ своемъ совѣщаніи въ Москвѣ, 23-25 мая, земцы, рѣшая протестовать противъ того, что ихъ не пригласили въ Особое Совѣщаніе о нуждахъ сельскаго хозяйства, сохраняютъ въ то же время до такой степени вѣрноподданническія чувства, что не осмѣливаются предложить управамъ совершенно отказаться отъ участія въ комитетахъ, какъ не избранныхъ земскими собраніями, а назначенныхъ отъ правительства. „Полный отказъ явился бы нарушеніемъ Высочайшей воли“, — а вѣдь это такъ ужасно!.. И это было высказано въ томъ самомъ собраніи, на которомъ сами земцы признали, что „при нашемъ государственномъ строѣ едва-ли можно говорить объ обезпеченіи устойчивости земскихъ учрежденій“. Сами земцы, такимъ образомъ, признаютъ, что прочное существованіе земства несовмѣстимо съ самодержавіемъ, но нарушить приказъ этого самодержавія для нихъ кажется совершенно недопустимымъ... Неудивительно, поэтому, что уже теперь въ средѣ земцевъ замѣтно усиливается попятное движеніе. Во главѣ этого обратнаго движенія всталъ теперь предсѣдатель Моск. губ. земской управы Шиповъ, которому Плеве обѣщалъ въ награду „за тактъ и спокойствіе“, ожидаемые имъ отъ земцевъ, засѣдающихъ въ комитетахъ, — устраивать съѣзды предсѣдателей управъ при... министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и подъ предсѣдательствомъ его, г. Плеве. Шиповъ даже не замѣтилъ, что хитрый жандармъ очень недвусмысленно желаетъ обратить предсѣдателей земскихъ управъ въ своихъ собственныхъ чиновниковъ и, такимъ образомъ, сдѣлать ихъ менѣе зависимыми и нравственно обязанными передъ избравшими ихъ земскими собраніями. Иначе говоря, если даже затѣя Плеве осуществится, то она нанесетъ сильнѣйшій ударъ самимъ земствамъ, — ихъ независимости и самостоятельности, если только эти термины сколько-нибудь приложимы къ современнымъ земствамъ. Трудно думать, чтобы Шиповъ, а вслѣдъ за нимъ и всѣ тѣ земцы, которые поспѣшили присоединиться къ его мнѣнію и тактикѣ, не понимали внутренняго смысла этого новаго фокуса нашего самодержавія. Но духъ „благоразумія“ и ничѣмъ неискоренимая маниловская увѣренность въ томъ, что „волкъ, авось... ха-ха-ха! и помилуетъ“, заставляютъ ихъ становиться постыдными отступниками, и всю земскую оппозицію превратить въ ничтожную шумиху.

Теперь тѣ господа, которые на московскомъ съѣздѣ голосовали за либеральныя постановленія, ведутъ себя въ открывшихся комитетахъ тише воды, ниже травы, постоянно испуганно озираясь по сторонамъ, „какъ бы чего не вышло“, и когда имъ приходится касаться общихъ условій современнаго строя, то они бормочатъ про себя что-то такое неразборчивое, что даже самыя тонкія и настороженныя уши не въ состояніи ничего разобрать. Теперь уже вполнѣ ясно, что ожидать какого-нибудь серьезнаго результата отъ всей этой комедіи нѣтъ никакихъ основаній, и тѣ изъ земцевъ, которые не хотятъ быть участниками въ этой комедіи и сдѣлаться жертвами новой шулерской затѣи самодержавія, уже уклоняются отъ участія въ комитетахъ. Такъ, напр., одинъ изъ старыхъ земцевъ, отказываясь отъ участія въ засѣданіи уѣзднаго комитета, пишетъ своему предводителю: „...Я не могу воспользоваться Вашимъ приглашеніемъ, ибо на склонѣ лѣтъ утратилъ вѣру въ искренность заботъ, направленныхъ якобы на общественную пользу. Не нужды сельскаго хозяйства интересуютъ высшія сферы, а упадокъ общаго благосостоянія и наша отсталость отъ всѣхъ культурныхъ народовъ. Борьба съ этимъ хроническимъ недугомъ возможна только мѣрами общаго характера, — быть можетъ, нужно создать благопріятную почву для проявленія самодѣятельности въ обществѣ и дать просторъ личной иниціативѣ. Если бы общество пользовалось хотя немного свободой сходокъ, свободой печати и свободой совѣсти, — оно тотчасъ проявило бы свою дѣятельность въ интересахъ общаго блага. Но высказанныя мною мечтанія не соотвѣтствуютъ вкусамъ высшихъ сферъ, а потому и разговоры въ комитетахъ дадутъ только возможность чиновникамъ въ Петербургѣ, которые будутъ ихъ разрабатывать, получать очень долгое время хорошіе оклады. На этомъ дѣло и кончится“.

Если бы авторъ этого письма захотѣлъ и съумѣлъ договорить свою мысль до конца и сдѣлать изъ своихъ замѣчаній надлежащій выводъ, то таковымъ могло быть только одно: пора, давно пора земцамъ перестать надѣяться, чтобы наше самодержавіе само полѣзло въ петлю; и если земцы дѣйствительно хотятъ покончить съ нимъ, то они должны присоединить свои усилія и оказать содѣйствіе тѣмъ, которые уже взяли на себя трудъ сплетенія этой петли.

Не-земецъ.

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Помпадурскія шалости или либералъ въ роли сѣкутора. За нынѣшнимъ Саратов. губернаторомъ Энгельгардтомъ установилась довольно прочная репутація „либерала“ и „просвѣщеннаго администратора“. Въ бытность архангельскимъ губернаторомъ онъ возбуждалъ противъ себя неудовольствіе департамента полиціи приличнымъ отношеніемъ къ политическимъ ссыльнымъ. Въ то время онъ проявлялъ стремленіе поднять экономическое положеніе поморскихъ рыболововъ и даже написалъ книгу объ ихъ нуждахъ. Въ качествѣ Саратовскаго губернатора онъ произнесъ рѣчь о необходимости провинціальной печати и, какъ передавали, очень волновался при видѣ избіенія демонстрантовъ полиціей 5-го мая.

Къ несчастью, губернаторствовать въ Саратовѣ Энгельгардту приходится въ такое время, когда крестьяне „волнуются“, а высшее начальство волнуется сугубо. Свыше данъ пароль—„сѣчь!“

Въ качествѣ губернатора Энгельгардтъ обязанъ распоряжаться поркой и присутствовать при этомъ неаппетитномъ зрѣлищѣ. Губернаторъ-реакціонеръ исполнилъ бы эту роль съ артистическимъ наслажденіемъ; губернаторъ-карьеристъ постарался бы „отзвонить, и съ колокольни долой“; либеральный же губернаторъ непремѣнно долженъ былъ внести въ порку элементъ „нравственнаго воздѣйствія“. Достаточно краснорѣчивый свистъ розги ему понадобилось осложнять краснорѣчіемъ либерально помпадурскаго катехизиса. Вопли истязуемыхъ должны быть дополнены слезами „искренняго раскаянія“, вызваннаго душеспасительнымъ словомъ. Высѣкъ—и сказалъ теплую рѣчь; сказалъ теплую рѣчь—и высѣкъ... А мужикамъ представляется опредѣлить, подъ какимъ соусомъ розга бьетъ больнѣе: подъ звуки „рассейской“ ругани администратора-крѣпостника или подъ журчаніе рѣчи администратора „гуманнаго“.

Энгельгардовская гуманность нашла самое полное выраженіе въ отчетахъ объ его тріумфальномъ шествіи съ розгой, печатаемыхъ въ мѣстныхъ „Губ. Вѣдомостяхъ“. Реакціонная „розга“ въ этихъ отчетахъ замѣнена гуманнымъ „наказаніемъ“. Реакціонеръ сѣчетъ, либералъ—наказываетъ. Говорятъ, тѣмъ не менѣе, что отъ „наказанія“ кожа чернѣетъ не менѣе, чѣмъ отъ розги.

Въ описаніи похода на деревню Глѣбовку, Балашовскаго уѣзда, „Вѣдомости“ сообщаютъ и о самомъ характерѣ „волненій“. Жители Глѣбовки „издавна отличались предосудительнымъ поведеніемъ“ и „позволили себѣ самоуправныя дѣйствія по отношенію къ имуществу сосѣднихъ владѣльцевъ“. Именно—о, ужасъ! —они „явились въ садъ г. Сафонова, гдѣ сбили всѣ яблоки, причемъ двое вошли въ кухню и ради озорства съѣли приготовленный обѣдъ. Другіе увезли снопы съ поля г. Кожевникова, а, проходя мимо народнаго училища, разбили въ немъ окна“.

По русскимъ законамъ все сіе—мелкіе проступки, подлежащіе вѣдѣнію волостнаго суда и земскаго начальника. Но „по нынѣшнимъ временамъ“ это—начало революціи. Въ сбитыхъ съ деревьевъ яблокахъ губернаторское око, очевидно, усмотрѣло прообразъ головъ, сбиваемыхъ съ плечъ ихъ владѣльцевъ возставшимъ народомъ. Ужасъ! ужасъ! и губернаторъ явился возстановлять порядокъ.

„Губернаторъ приказалъ задержать 15 главныхъ виновниковъ и подвергнуть ихъ наказанію, но когда, послѣ внушенія, сдѣланнаго губернаторомъ собравшимся крестьянамъ, виновные (лежа подъ розгами?) принесли повинную и выразили полное раскаяніе, а крестьяне, осѣнивъ себя крестомъ, дали торжественную клятву не повторять своихъ проступковъ, то и они были освобождены отъ наказанія“.

Такъ-то вотъ! Не знаемъ, какъ отнесется къ этому „Правительственный Вѣстникъ“, но „Русскія Вѣдомости“ и „Русь“ должны будутъ признать, что Энгельгардтъ—либералъ, который, по выраженію „Руси“, „не можетъ не сѣчь“, но сѣчетъ по-либеральному.

Что же касается до „Свободы“, то она, конечно, не можетъ не

ву, что никогда не дозволятъ себѣ никакихъ самоуправствъ,... губернаторъ снизошелъ на просьбу крестьянъ о прощеніи и приказалъ остановить наказаніе. При этомъ Его Превосходительство сказалъ крестьянамъ, что онъ вѣритъ ихъ кресту, потому что сами они понимаютъ, что тогда отвѣтятъ не передъ закономъ только, но и передъ Богомъ.

„При этомъ нужно замѣтить, говорятъ „Губ. Вѣд.“, что экономическое положеніе крестьянъ деревни Глѣбовки вполнѣ удовлетворительное“.

Не понимаемъ значенія этого укоризненнаго замѣчанія. Мы полагали до сихъ поръ, что съѣдать чужіе обѣды и питаться яблоками, взрощенными чужимъ трудомъ, запрещается только людямъ, экономическое положеніе которыхъ вполнѣ „неудовлетворительно“. При такихъ условіяхъ эти поступки называются нарушеніемъ права собственности. Со стороны же лицъ, пользующихся удовлетворительнымъ экономическимъ положеніемъ, съѣданіе чужаго обѣда и лакомство чужими яблоками принято называть „пользованіемъ плодами своего трудолюбія“, о чемъ любой сельскій батюшка съумѣетъ краснорѣчиво разсказать жертвамъ „неудовлетворительнаго экономическаго положенія“.

Въ Петровскомъ уѣздѣ нашъ либералъ произвелъ чудеса. Онъ „выяснилъ“, что на поведеніе населенія дурно вліяетъ „распущенность среди молодежи“ и по сему случаю прочелъ „предику“, въ которой заявилъ: „Смотрѣть сквозь пальцы на развратъ дѣтей—значитъ, потакать разврату... и прежде всего во вредъ самимъ же родителямъ, а затѣмъ во вредъ имъ самимъ и всему обществу.“ Рѣчь эта произвела, по словамъ лѣтописца изъ „Губ. Вѣд.“ „сильное впечатлѣніе“. Чего сильнѣе! Крестьяне тутъ же на сходѣ постановили извѣстныхъ среди нихъ „головорѣзовъ“, подвергнуть наказанію.“ Бѣдные крестьяне, какъ видно, рѣшили „откупаться“ отъ рѣчистаго помпадура опредѣленнымъ количествомъ добровольно выбранныхъ жертвъ... Они пошли даже дальше. „Затѣмъ, сами же крестьяне объяснили, что на молодежь и вообще лицъ порочнаго поведенія вредно вліяютъ разныя глупыя книги, и въ скоромъ же времени представили такія книги, изъ просмотра коихъ оказалось, что большинство ихъ по содержанію своему совершенно неподходящія къ умственному кругозору крестьянина и, дѣйствительно, легко могутъ вселять самыя превратныя понятія о жизни.“ Натурально, эти вполнѣ легальныя книги были изъяты изъ обращенія. Жаль, что лѣтописецъ не назвалъ ни одной изъ нихъ! Зато онъ обязательно пояснилъ, что „крестьяне объяснили—откуда и кѣмъ эти книги были получены ими.“ Но опять-таки умолчалъ, что сталось съ тѣми грѣшниками, которые давали крестьянамъ легальныя книги.

Дальше—больше. Крестьяне Чернышевскаго общества — 50 дворовъ!,—„на которыхъ по преимуществу падало подозрѣніе въ разныхъ противузаконныхъ поступкахъ, сознавая, что худая молва не приведетъ къ добру, стали просить губернатора, чтобъ имъ позволили переселиться въ Енисейскую губернію.“ Едва ли какой-либо реакціонный сѣкуторъ достигалъ такихъ блестящихъ результатовъ! Сами себя сѣкутъ, сами у себя дѣлаютъ обыски и выдаютъ „вредныя“ книги и, наконецъ, сами себя ссылаютъ въ Сибирь! Правъ былъ Плюшкинъ, говоря, что передъ душеспасительнымъ словомъ не устоишь!

Новый Полтавскій губернаторъ, князь Урусовъ, прибылъ въ „свою“ губернію послѣ того, какъ всѣ, подлежащіе поркѣ, были уже высѣчены „гуманнымъ“ Бельгардомъ. Князь, однако, не отсталъ въ изобрѣтательности отъ саратовскаго либерала и придумалъ себѣ оригинальную забаву: онъ разъѣзжаетъ по деревнямъ и крестьяне за версту становятся на колѣни. Князь произноситъ вразумительную рѣчь, послѣ которой возглашаетъ: пойте „Боже, царя храни!“, а затѣмъ: кричите: ура!

Заставить высѣченнаго „внутренняго врага“ спѣть гимнъ самодержавія—до этого не додумался бы никто, кромѣ развѣ князя Мѣщерскаго! Лѣтъ семь назадъ кн. Урусовъ былъ за излишнюю развязность побитъ однимъ московскимъ студентомъ-революціонеромъ С., но мы не слышали, чтобы товарищъ, примѣнившій къ князю мѣру физическаго воздѣйствія догадался послѣ этого заставить его спѣть „марсельезу“...

Новая пощечина русскому правительству. Протестъ защитниковъ на разборѣ первой серіи дѣлъ о крестьянскихъ безпорядкахъ въ г. Валкахъ, Харьк. г.

Наканунѣ перваго засѣданія Палаты защита изъ разговоровъ съ предсѣдателемъ вынесла впечатлѣніе, что ей не дадутъ возможности выяснить тѣ средства, которыми были подавлены безпорядки въ Харьк. губ. Въ день засѣданія предположенія защиты вполнѣ оправдались. Предсѣдатель запретилъ ей касаться неудобныхъ сторонъ дѣла. Одного за другимъ онъ оборвалъ нѣсколькихъ защитниковъ, пытавшихся поставить на своемъ. Тогда защита потребовала перерыва и внесла слѣд. заявленіе:

Въ Особое Присутствіе Харьк. Суд. Палаты.

Защитниковъ подсудимыхъ крестьянъ Степана Лозенка, Павла Летюка, Ѳедора Козерого и др., обвиняемыхъ по 269 ст. Улож. о наказ.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Защита убѣдилась въ томъ, что подсудимые, прежде чѣмъ были преданы суду по обвиненію въ приписываемыхъ имъ дѣяніяхъ, потерпѣли слѣдующія наказанія: 1) были подвергнуты тяжелому тѣлесному наказанію розгами, 2) въ мѣстахъ дѣятельности подсудимыхъ былъ назначенъ постой войска, при чемъ мужчины подверглись со стороны солдатъ и казаковъ побоямъ, а женщины — изнасилованію, 3) на счетъ подсудимыхъ содержались расквартированныя по селамъ и деревнямъ войска. Защита находитъ, что по основному положенію уголовнаго права никто не можетъ быть дважды наказанъ за одно и тоже; между тѣмъ, подсудимые за дѣянія, составляющія предметъ настоящаго дѣла, подверглись карамъ, которыя несравненно превышаютъ кары, налагаемыя за тѣ же дѣянія по уголовнымъ законамъ. Защита полагаетъ, что выясненіе тѣхъ наказаній, которымъ уже подверглись подсудимые, должно было бы повлечь за собой освобожденіе ихъ, въ случаѣ признанія виновнымо, отъ вторичнаго наказанія за одно и тоже дѣяніе. Значеніе наказаній, уже понесенныхъ подсудимыми по распоряженію административной власти, отчасти разъяснено и указано Правительствующимъ Сенатомъ въ рѣшеніи по дѣлу Алимова 1873 г. № 32

Защитѣ запрещено г. предсѣдателемъ касаться обстоятельствъ, клонящихся къ выясненію понесенныхъ подсудимыми наказаній; такимъ воспрещеніемъ изъ разсмотрѣнія особаго присутствія Палаты устранены доводы и соображенія, которыя должны были бы имѣть рѣшающее вліяніе на приговоръ. Это равносильно лишенію возможности защищать подсудимыхъ, а потому мы, нижеподписавшіеся, заявляемъ объ отказѣ отъ дальнѣйшаго нашего участія въ дѣлѣ въ качествѣ защитниковъ, а настоящее заявленіе просимъ пріобщить къ дѣлу.

Прис. пов. Н. Тесленко, пр. пов. Н. К. Муравьевъ, кандидатъ правъ С. Е. Кальмановичъ, пр. пов. Н. Моревъ, пр. пов. Н. Раппъ, пр. пов. А. Ф. Стааль, помощ. пр. пов. Ф. Волькенштейнъ, помощ. прис. пов. А. Бѣлоусовъ.

Подавъ заявленіе, защита удалилась, а при дальнѣйшемъ разбирательствѣ ея обязанности были выполнены кандидатами на судебныя должности. Палата сообщила о поступкѣ защиты подлежащимъ совѣтамъ прис. повѣренныхъ. Такимъ образомъ, Петербургскому, Московскому и Харьковскому совѣтамъ придется установить то или иное отношеніе къ факту, безпримѣрному въ лѣтописяхъ русскаго суда.

Поживемъ — увидимъ... А пока что — мѣстныя власти усердно инсинуировали по поводу поступка адвокатовъ. Сперва били на то, чтобы внушить обвиняемымъ мысль, что „адвокаты ихъ продали.“ Тѣмъ не менѣе, при личномъ свиданіи съ обвиняемыми защитѣ удалось объяснить имъ мотивы отказа. Тогда пошли слухи о томъ, что „адвокатовъ Палата выгнала.“

Картина „усмиренія“, которую удалось возстановить путемъ разпросовъ обвиняемыхъ — по возмутительности превосходитъ все, что можетъ себѣ представить даже избалованный въ этомъ отношеніи русскій человѣкъ. Въ то время, какъ мужчины — избитые сидѣли взаперти въ сараяхъ, цѣлые взводы солдатъ насиловали женщинъ... Были случаи самоубійства изнасилованныхъ и высѣченныхъ. Офицеры смотрѣли на все сквозь пальцы. Одному полковнику принадлежитъ такое выраженіе: „Ну, теперь мы съ мужиками покончили, теперь намъ бабъ надо!...“

Мы не узнали его фамиліи, но это безразлично: къ позорному столбу этого человѣка-звѣря, котораго вскормила проклятая русская дѣйствительность!

Какъ достовѣрный фактъ сообщаютъ, что убытковъ до сихъ поръ мѣстными помѣщиками заявлено только на 75.000. Причиной — боязнь мести со стороны крестьянъ.

Намъ нечего прибавлять къ протесту защитниковъ Харьковскихъ крестьянъ. Изъ него русское общество и весь цивилизованный міръ узнаетъ, что такое представляютъ собой тѣ строгія мѣры, которыми, по словамъ царя (въ его Курской рѣчи къ крестьянамъ), были заслуженно наказаны Валковскіе крестьяне. Послѣ словъ царя защитники имѣли полное право говорить объ изнасилованіи крестьянскихъ женщинъ, какъ о „карѣ“, которую русское самодержавіе примѣняетъ черезъ посредство своихъ слугъ къ нарушителямъ „общественнаго порядка“.

Батумскій процессъ. Намъ доставленъ обвинительный актъ по дѣлу 21 батумскихъ рабочихъ, преданныхъ кутаисскому окружному суду по дѣлу о бойнѣ, произведенной мѣстными властями 9 марта 1902 года. Согласно обвинительному акту, поводомъ къ безпорядкамъ въ Батумѣ послужило увольненіе 26 февраля 389 рабочихъ съ завода Ротшильда. Общее число рабочихъ на заводѣ равнялось 900; увольненіе столь значительной части рабочихъ объясняется „сокращеніемъ спроса на керосинъ въ жестянкахъ“. 27 февраля всѣ рабочіе завода бросили работу; „они требовали, чтобы никого не увольняли, а если работы на всѣхъ не хватитъ, то чтобы заводъ установилъ ихъ очередную смѣну, причемъ тѣ, которые были бы заняты работами, получали бы полную рабочую плату, а внѣочередные, остающіеся безъ работы, получали бы половину этой платы.“

Далѣе, обвинительный актъ сообщаетъ, что прибывшій въ Батумъ кутаисскій военный губернаторъ, собравъ стачечниковъ, пригрозилъ всѣмъ тѣмъ, которые не пойдутъ на работу, высылкой этапомъ на родину и, когда увѣщанія не возымѣли дѣйствія, полиція „по указанію администраціи завода Ротшильда“ арестовала въ ночь на 8 марта 32 рабочихъ для высылки по этапу. 8 марта толпа человѣкъ въ 400 явилась къ полицейскому управленію, требуя „освобожденія задержанныхъ товарищей“. Отъ полицейскаго управленія толпа направилась къ зданію тюрьмы, куда прибывшій за ней пом. военнаго губернатора полк. Дрягинъ вызвалъ роту 7 кавказскаго стрѣлк. батальона. Толпа требовала, чтобы или арестованныхъ выпустили, или арестовали всѣхъ. Полк. Дрягинъ исполнилъ послѣднее и, арестовавъ 348 человѣкъ, вмѣстѣ съ 32 заключенными ранѣе въ тюрьмѣ, увезъ всѣхъ въ пересыльную тюрьму. На слѣдующее утро, 9 марта „въ девятомъ часу къ пересыльной части подошла огромная толпа рабочихъ съ вожаками впереди, шествуя правильными рядами съ пѣснями, шумомъ и свистомъ“. Вышедшему навстрѣчу полк. Дрягину стоявшіе во главѣ толпы рабочіе Мих. Хиримьянцъ и Теофилъ Гогиберидзе заявили отъ имени толпы то-же самое требованіе — или освободить заключенныхъ, или арестовать всѣхъ. На этотъ разъ полковникъ отвѣтилъ приказомъ расходиться. Въ виду отказа толпы исполнить это приказаніе, Дрягинъ вызвалъ въ подкрѣпленіе къ стоявшей здѣсь командѣ крѣпостного батальона роту 7 кавказск. стрѣлк. батал. На попытку солдатъ очистить площадь отъ рабочихъ, послѣдніе отвѣтили градомъ камней. „Рабочіе пытались отнять ружья у солдатъ и слышны были крики: бей ихъ, бери ружья, они не могутъ стрѣлять“. Къ рабочимъ, бывшимъ на площади, присоединились заключенные въ пересыльной части, бросавшіе оттуда камни и подъ конецъ вырвавшіеся изъ тюремнаго двора. Въ заключеніе войска стали стрѣлять и убили 14 рабочихъ и многихъ ранили. Задержанные въ толпѣ и позднѣе — по указаніямъ полицейскихъ — 21 рабочій обвиняются въ явномъ противодѣйствіи мѣстной административной власти съ цѣлью принудить ее освободить арестованныхъ рабочихъ, причемъ Гогиберидзе (26 л.) и Хиримьянцъ (31 г.) „управляли дѣйствіями толпы“, т. е. по 13-ой, 264 и 1-ой ч. 266 ст. Улож. о Наказ.

По поводу этого обвинительнаго акта нашъ корреспондентъ пишетъ:

По показанію жандармск. полк. Зейдлица толпа, хлынувшая изъ воротъ пересыльнаго пункта, оказалась между войсками и толпой, стоявшей на улицѣ. Зейдлицъ призналъ, что еслибы вышедшіе хотѣли бѣжать, то не могли-бы этого сдѣлать, такъ какъ выхода не было. Прокуроръ въ обвинительномъ актѣ почему-то предпочелъ показаніямъ полк. Зейдлица показанія переводчика Жанд. Упр. Кякива, который, напротивъ, утверждалъ, что у толпы былъ выходъ направо отъ воротъ.

Въ другомъ случаѣ обвин. власть поступила какъ разъ обратно. Никто изъ свидѣтелей, стоявшихъ около губернатора, въ томъ числѣ и Кякива, бывшій рядомъ съ Зейдлицемъ, не видѣлъ, что Гогеберидзе, разговаривавшій съ помощникомъ губернатора, при приближеніи стрѣлковъ бросился къ нимъ съ криками навстрѣчу. Это усмотрѣлъ только Зейдлицъ и только на основаніи его показаній Гогеберидзе привлеченъ, какъ вожакъ толпы, будто бы призывавшій ее къ насилію.

Обвинительный актъ совершенно игнорируетъ обстоятельство, установленное большинствомъ свидѣтелей: помощ. губер. Дрягинымъ. жанд. полк. Зейдлицемъ, офицерами и приставами, что во время всѣхъ волненій между рабочими замѣчалась группа, настойчиво требовавшая отъ губернатора освобожденія товарищей, но въ то же время сдерживавшая толпу отъ всякихъ насилій. Къ числу этихъ лицъ принадлежали Гогеберидзе и Хиримьянцъ, которые обвинительнымъ актомъ выставляются, какъ руководители насильственнаго сопротивленія.

Наконецъ, нельзя не обратить вниманія на въ высшей степени странные пріемы слѣдственной власти для открытія виновныхъ. Не говоря уже о пользованіи агентурными свѣдѣніями, о которыхъ цинично говоритъ самъ обвинительный актъ, надо представить себѣ обстановку, при которой составлялся списокъ обвиняемыхъ. Когда 14 труповъ и десятка четыре раненыхъ были привезены съ мѣста побоища въ военный госпиталь, туда явился судебный слѣдователь Плетниковъ, который опросилъ всѣхъ раненыхъ и тѣхъ изъ нихъ, которые показали, что насиліе начато войсками, а не толпой, зачислилъ въ число обвиняемыхъ. Хорошій пріемъ для того, чтобы освободиться отъ свидѣтелей защиты, такъ какъ если они и будутъ оправданы, они не будутъ свидѣтельствовать.

О легкомысліи, съ которымъ люди привлекались въ качествѣ обвиняемыхъ, можно судить по слѣдующему. — Околодочный надзиратель Кардашевъ заявилъ, что онъ видѣлъ, какъ Гогеберидзе дрался съ солдатами. Только на этомъ основаніи послѣдній былъ первоначально привлеченъ къ обвиненію. На другой день Кардашевъ арестовалъ на улицѣ Бахтадзе и заявилъ, что дрался не Гогеберидзе, а Бахтадзе. Въ результатѣ оба на скамьѣ подсудимыхъ. Слѣдователь въ порывѣ усердія привлекъ въ качествѣ обвиняемыхъ и посадилъ въ тюрьму около 10 человѣкъ только потому, что показанія ихъ были невыгодны для администраціи. Прокурорская власть распорядилась объ ихъ освобожденіи за отсутствіемъ какихъ бы то ни было уликъ къ ихъ обвиненію.

Нахальство слѣдователя доходило до того, что онъ ссылался въ своихъ постановленіяхъ о заключеніи подъ стражу на то, что за два дня до столкновенія администрація арестовала данное лицо и потому де одному оно является солидарнымъ съ рабочими, сопротивлявшимися войскамъ.“

Изложенная въ обвинительномъ актѣ исторія того, какъ правительственныя власти вызвали „безпорядки“ и закончили ихъ хладнокровнымъ убійствомъ 14 человѣкъ, можетъ служить иллюстраціей къ агитаціонной запискѣ г-на Витте о преступномъ отношеніи самодержавнаго правительства къ профессіональной борьбѣ рабочихъ.

Послѣдствія Кіевскаго побѣга. Какъ намъ сообщаютъ кіевскій губернаторъ получилъ выговоръ за дозволеніе политическимъ заключеннымъ гулять по вечерамъ. За то-же, по слухамъ тюремный инспекторъ уволенъ отъ должности. Отъ должности уволенъ и помощникъ смотрителя Сулима, забредшій вечеромъ 18 августа, на свое несчастье, въ тотъ корпусъ, откуда имѣлъ мѣсто побѣгъ; вина его только въ томъ, что, разговаривая съ заключенными въ корпусѣ, онъ не слышалъ, что дѣлалось на дворѣ. Другой помощникъ смотрителя Федоровъ — дежурный въ этотъ день — отданъ подъ судъ. Четыре жандармскихъ офицера подъ наблюденіемъ товарища прокурора Корсака ведутъ слѣдствіе о побѣгѣ. Не знаемъ, какой изъ нихъ варварски избилъ вызваннаго для дачи показаній надзирателя Войтова (предварительно избитаго тюремнымъ начальствомъ). По Кіеву ходятъ упорные слухи о томъ, что другой надзиратель Лука Степанычъ, предвидя ту же участь, повѣсился. Слухъ этотъ не провѣренъ и опровергается однимъ изъ нашихъ корреспондентовъ.

Что касается самихъ бѣжавшихъ, то всѣ они ускользнули отъ преслѣдованія полиціи, за исключеніемъ Б. Плесскаго, который вскорѣ послѣ побѣга былъ арестованъ въ Кременчугѣ въ ночлежномъ домѣ. Плесскій отвезенъ въ Кіевъ и помѣщенъ въ крѣпость. Черезъ нѣсколько дней послѣ побѣга Кіевская полиція объявила дворникамъ, что въ случаѣ розыска І. Басовскаго, І. Блюменфельда и В. Крохмаля розыскавшій получитъ по 1000 р. за каждаго.

Курскъ. Въ теченіе недѣли нашъ городъ былъ „центромъ“ русской жизни. У насъ, или точнѣе, въ 6-ти верстахъ отъ насъ гостилъ царь, у насъ говорились „историческія рѣчи“ сословіямъ, у насъ всемогущій Плеве читалъ въ сердцахъ представителей этихъ сословій, чтобы впослѣдствіи... прописать имъ... Впрочемъ, г.г. дворянамъ онъ уже прописалъ тутъ же на мѣстѣ. — Какъ вамъ извѣстно, курскіе дворяне письмомъ на имя г. Евреинова выразили благородное негодованіе на неблагородный способъ обращенія министра Внутреннихъ Дѣлъ съ представителями „первенствующаго сословія“. Казалось бы, послѣ такого обращенія и такого письма г. Плеве не могъ разсчитывать на ласковый пріемъ со стороны курскаго дворянства. Нѣкоторые изъ дворянъ такъ именно и думали поступить и предлагали при пріемѣ государя въ дворянскомъ собраніи совершенно обойти г. Плеве и не посылать ему приглашенія.

Плеве легко разстроилъ эти козни. Узналъ ли онъ объ этомъ, почуялъ ли верхнимъ чутьемъ опытнаго сыщика, только незадолго до пріема выразилъ губернскому предводителю желаніе посѣтить дворянскій домъ. Дурново немедленно объ этомъ поспѣшилъ оповѣстить уѣздныхъ предводителей, предлагая достойно встрѣтить высокаго гостя. И они явились. Да не только они, но и самъ поруганный и обиженный А. В. Евреиновъ. Высокій посѣтитель былъ необычайно ласковъ и привѣтливъ. Хвалилъ домъ, хвалилъ дорогое убранство, на которое въ чаяніи новыхъ подачекъ не поскупились дворяне для царскаго пріѣзда (все изъ твоего кармана, товарищъ-рабочій, да на счетъ мужицкой мошны) и въ особенности остался доволенъ роскошнымъ главнымъ заломъ. — „Акустика плоха“, замѣтилъ кто-то изъ предводителей. — „Ну, у курскихъ дворянъ прекрасныя легкія,“ милостиво пошутилъ министръ, намекая на крупный и „громкій“ разговоръ, который онъ имѣлъ съ Евреиновымъ. — „Суджанскій предводитель не нуждается въ акустическихъ приспособленіяхъ для того, чтобы его слышали“... „А вы значительно поправились послѣ Петербурга, продолжалъ Плеве, обращаясь къ Евреинову, знаете... осанка у васъ... сдѣлалась какъ-то представительнѣе...“ — „Это Ал. Вл. завѣдовалъ убранствомъ,“ замѣтилъ Дурново, желая поспособствовать возстановленію репутаціи неблагонамѣреннаго коллеги. — „А! прекрасный, прекрасный вкусъ. Очевидно, вы большой знатокъ по части... эстетики.“ Ловкій человѣкъ г. Плеве! Отчиталъ въ Петербургѣ, высмѣялъ въ Курскѣ и оставилъ въ дуракахъ (простите! но не могу подыскать болѣе учтиваго выраженія) и г. Евреинова, и курскихъ дворянъ вообще.

За г. Плеве я чуть было не позабылъ о царѣ. Что дѣлать? Это обычный удѣлъ маленькаго Николая. Богъ забылъ надѣлить его разумомъ и волею — качествами, хотя и не безусловно необходимыми для человѣка въ его положеніи („самодержца полъміра“), но и не совсѣмъ лишними, — министры только потому не забываютъ, что приходится давать ему бумаги на подпись... Курская полиція, въ хлопотахъ объ охранѣ его особы, позабыла, что царь долженъ быть встрѣченъ не одними шпіонами, а какъ

Когда законы объективной логики общественнаго движенія остаются непонятными для нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ изъ числа сторонниковъ этого движенія, тогда „промахи незрѣлой мысли“ скорѣе смѣшны, чѣмъ страшны. Но когда этихъ законовъ не хочетъ или не можетъ понять значительная часть тѣхъ, которые такъ или иначе примыкаютъ къ движенію, тогда приходится признать, что дѣлу прогресса угрожаютъ тяжелыя пораженія. Это ярко подтверждаетъ исторія революціоннаго движенія въ Россіи. Въ семидесятыхъ годахъ у насъ былъ періодъ, когда революціонеры, придя къ тому убѣжденію, что террористическая борьба неизбѣжна, твердо убѣждены были, однако, и въ томъ, что „террористы“ могутъ и должны составить лишь „охранительный отрядъ“ революціонной партіи, главныя силы которой должны идти „въ народъ“. Они разсуждали такъ, какъ разсуждаетъ теперь „Свобода“ и, къ сожалѣнію, не одна „Свобода“. Этотъ ихъ взглядъ былъ очень опредѣленно выраженъ въ передовой статьѣ перваго № „Земли и Воли“. Еслибы въ то время кто нибудь сказалъ нашимъ революціонерамъ, что ихъ „охранительный отрядъ“ скоро поглотитъ всѣ ихъ организованныя силы и тѣмъ положитъ конецъ ихъ дѣятельности „въ народѣ“, то они только пожали бы плечами: „Вѣдь мы прекрасно понимаемъ,—говорили они,—что безъ поддержки народа, мы, революціонеры, не имѣемъ ровно никакого значенія“. Но прошло едва полгода послѣ появленія перваго № названнаго органа, и въ организаціи „Земля и Воля“ стало брать верхъ то „террористическое“ направленіе, сторонники котораго со страстью доказывали, что работать въ народѣ при современныхъ русскихъ условіяхъ это—тоже, что „биться, какъ рыба объ ледъ“ (см. журналъ „Народная Воля“). Люди сѣли на верхній конецъ наклонной плоскости и надѣялись удержаться тамъ, съ убѣжденіемъ, повторяя, что спуститься къ нижнему концу ея значитъ совершить самоубійство т. е. погубить все революціонное дѣло. Но объективная логика разъ принятаго положенія столкнула ихъ внизъ, незамѣтно для нихъ самихъ и вопреки ихъ, повидимому, твердому рѣшенію остаться наверху. Avis для нынѣшнихъ нашихъ сторонниковъ „охранительныхъ отрядовъ“ „эксцитативнаго террора“ „террористической мести“ и т. п.

Повторяемъ еще разъ: „терроризмъ“, — какъ и всякій другой родъ борьбы, — имѣетъ свою собственную логику. Кто сегодня „признаетъ“ терроръ лишь какъ пріемъ самозащиты или какъ способъ „мести“, тотъ завтра или послѣ-завтра станетъ—подобно Карповичу или Балмашеву,—считать его единственно возможнымъ у насъ видомъ революціонной борьбы. А тогда прощай соціализмъ! Прощай всякая, сколько нибудь основательная надежда на близкую побѣду надъ правительствомъ. Все дѣло сведется тогда къ „мести нѣсколькихъ человѣкъ нѣсколькимъ человѣкамъ“, по прекрасному выраженію „Свободы“. Мстители погибнутъ. И пусть на ихъ мѣсто появляютая временно все новыя и новыя кучки („дружины“). Такая борба не можетъ всетаки не быть безнадежной. Удары мстителей будутъ становиться все рѣже и рѣже, ихъ силы будутъ становиться все слабѣе и слабѣе, а злорадная клика реакціонеровъ, громко радуясь ихъ гибели, будетъ—по не менѣе удачному выраженію той же „Свободы“,—тоже, что и прежде, продѣлывать надъ безсознательной толпой...

Caveant consules!

BIBLIOTHEQUE DE LA GUERRE MUSEE

это не безпокойно, но и настоящимъ народомъ. Товарищъ-читатель не вѣритъ, а между тѣмъ — это фактъ. Не придавайте значенія телеграммамъ Россійскаго агентства о несмѣтныхъ толпахъ, восторженныхъ, громовыхъ кликахъ, слезахъ умиленія и пр. Все это даже не обычныя гиперболы агентства, а прямая ложь. Былъ народъ, и то не въ такомъ количествѣ, котораго можно было ожидать отъ такого города съ 50 тысячами населенія, только въ мѣстахъ остановокъ царя. Вообще же на улицахъ, по которымъ слѣдовалъ царскій поѣздъ, народу было мало, „ура" были жидки, а въ иныхъ мѣстахъ не было ни народа, ни ура... Признаюсь, мое республиканское сердце радовалось, видя такой пассажъ (отправляясь въ Курскъ на „маневры", я ожидалъ „патріотическихъ" неистовствъ). Радость мою отравляла мысль, что отсутствіе народа при проѣздѣ царя является не слѣдствіемъ антидинастическихъ чувствъ населенія, а результатомъ „мѣръ" администраціи. Послѣдняя сдѣлала все отъ нея зависящее для того, чтобы охладить вѣрноподданическій пылъ курянъ. (Сердечное спасибо ей за это!) Предо мною билетъ, подаренный мнѣ однимъ почтеннымъ гражданиномъ на память о пребываніи моемъ въ родномъ городѣ. Билетъ этотъ выданъ ни болѣе ни менѣе, какъ „на право нахожденія на улицахъ, въ домахъ и вообще въ мѣстахъ по пути слѣдованія государя-императора въ г. Курскѣ". А вы жалуетесь на отсутствіе правъ, товарищи! Какихъ еще правъ вамъ нужно. Шутка сказать: „право нахожденія на улицахъ!" „Вотъ счастье, вотъ права!"—сказалъ бы Пушкинъ. Кромѣ этихъ билетовъ, было придумано еще нѣсколько видовъ: кучерамъ и извощикамъ „на право проѣзда въ мѣстахъ пребыванія" царя и другіе, значеніе которыхъ позабылъ... Ясное дѣло, что такіе билеты могли получить сравнительно немногіе. Въ большинствѣ же слухи о билетахъ вызывали раздраженіе и боязнь, что безъ билета „царя-то не увидишь, а въ шею накладутъ." А тутъ еще повальные осмотры подвальныхъ помѣщеній, по главнымъ улицамъ запечатываніе погребовъ. Въ еврейскихъ кварталахъ, гдѣ живетъ ремесленная бѣднота, передъ пріѣздомъ производились и совсѣмъ ужъ гнусныя изслѣдованія. Изъ дома въ домъ ночью шаталась шайка жандармовъ, перерывая все вверхъ днемъ, оскорбляя чувство стыдливости женщинъ и дѣвушекъ... По отношенію къ торговымъ помѣщеніямъ были придуманы также мѣры. Съ владѣльцевъ лавокъ и магазиновъ, расположенныхъ по главнымъ улицамъ, кромѣ подписки, взятой со всѣхъ вообще хозяевъ квартиръ о недопущеніи къ себѣ въ день пріѣзда лицъ, не снабженныхъ пресловутыми билетами, отобрана была еще и другая подписка, по которой они обязывались торговли не производить, но и магазиновъ не запирать. Иначе, молъ, видъ закрытыхъ ставнями дверей и оконъ произведетъ удручающее впечатлѣніе на императора.

Наканунѣ пріѣзда администрація поняла, что въ своемъ охранительномъ усердіи зашла слишкомъ далеко и рискуетъ вмѣсто „патріотическихъ" манифестацій устроить комичное слѣдованіе царя по пустыннымъ улицамъ. И вотъ, высуня языки, помчались околодочные и пристава возвѣщать курянамъ, что царя всѣ увидятъ. Разсказываютъ, что эти благовѣстники прежде всего напали на оторопѣвшихъ и со сна (дѣло было ночью) ничего не понимавшихъ извощиковъ, справедливо полагая, что на лошадяхъ благая вѣсть быстрѣй распространится по городу. Было, однако, уже поздно, контръ-мѣры не помогли и „народныхъ массъ" не создали.

Не забыты были, конечно, и „враги порядка". Рано на зорькѣ были приглашены въ участки и тамъ задержаны до вечера: Ермолова, Фортунатова, Н. Никитинъ, Каллистратова (жена стат.) и бывш. стат. Поповъ. Къ нимъ присоединили задержанныхъ на улицѣ Воробьева (раб.) и Будякова (студ.). Въ участкахъ же сидѣло и 7 крестьянъ, задержанныхъ съ прошеніями на высочайшее имя. (Одинъ частный приставъ хвастался, что одинъ онъ отобралъ у крестьянъ болѣе 40 такихъ прошеній. Вотъ они, истинные-то самодержцы!)

Всѣхъ этихъ лицъ и задержали и выпустили самымъ безцеремоннымъ образомъ. Городовые взяли, городовые и выпустили, а за что, про что — начальство знаетъ. Глупые и смѣшные вы люди, г.г. охранители. Отъ кого вы оберегаете вашего царя? Кому онъ нуженъ, бѣдный, убогій Ника? Придетъ время мы, конечно, его уберемъ, но уберемъ безъ шума и треска выстрѣловъ, тихимъ манеромъ отправимъ на теплыя воды коротать остатки дней въ спиритическихъ гаданіяхъ да размышленіяхъ о великихъ, но невольныхъ грѣхахъ, совершенныхъ имъ передъ родиной и трудящимся людомъ. А пока пусть себѣ тѣшится, пусть себѣ катается, доказывая народу наглядно все убожество, до котораго дошло въ его лицѣ самодержавіе. Правда, это стоитъ денегъ, но даромъ ничего не дается... Курскіе мужики чешутъ себѣ въ затылкахъ, видя, какая уйма денегъ (до 16 мил., если вѣрить слухамъ) пошло на царскую поѣздку и маневры, въ которыхъ московскій дядя царя, вел. кн. Сергѣй воочію обнаружилъ, какими глупыми и безтолковыми людьми замѣщаются въ настоящее время высшія государственныя и военныя должности. Но тотъ же курскій мужикъ разсуждаетъ: „Вотъ жили себѣ тихо и царя не видали, а какъ забунтовали и царь пріѣхалъ. Къ новому году, слышь, будутъ землю дѣлить." Крестьяне, болѣе освѣдомленные о причинахъ царскаго пріѣзда и слышавшіе или читавшіе его рѣчь, разсуждаютъ не менѣе революціонно, но болѣе осмысленно. „Да, говорилъ одинъ, пріѣхалъ... „Помните, говоритъ, что богатѣютъ не захватомъ чужого добра, а отъ честнаго труда, бережливости и жизни по заповѣдямъ Божьимъ." Мы-то, братъ, видали, какъ богатѣютъ, а ты, видно, не очень въ этомъ смыслишь... Тоже, нашелъ дураковъ учить."

Не хочетъ, а учитъ, открываетъ глаза народу Ника. Пусть же себѣ ѣздитъ пока что. Мы его не тронемъ. Красный.

Архангельскъ. („Стачка" лѣсопромышленниковъ). Между управленіемъ Государственныхъ Имуществъ и мѣстными лѣсопромышленниками возникли уже давно непріязненныя отношенія, вызвавшія, наконецъ, настоящій бойкотъ у мѣстныхъ буржуа лѣсопромышленниковъ по отношенію къ казенному лѣсу. Поводомъ для бойкота послужили установленныя казной цѣны на срубленный лѣсъ Всѣ лѣсопромышленники Архангельской, а за нимъ и Вологодской губ. отказались покупать казенный лѣсъ, такъ что на зиму совершенно почти нѣтъ заготовленнаго лѣса и всѣ со дня на день ждутъ пріостановки всѣхъ лѣсопильныхъ заводовъ. Казна терпитъ весьма чувствительные убытки, особенно, если принять во вниманіе тѣ милліонные обороты, которыми ежегодно ворочаетъ лѣсопромышленность только одной Архангельской губ., не говоря уже о Вологодской.

Значительные бюджетные недоборы по Управленію Госуд. Им. сильно встревожили цербера казеннаго сундука г. Витте, и онъ теперь рветъ и мечетъ на Ермолова за то, что онъ добываетъ мало денегъ. Говорятъ, что создавшійся на этой почвѣ конфликтъ обѣщаетъ со стороны Витте переходъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ противъ Ермолова...

Но „паны дерутся, а у хлопцевъ чубы трещатъ", искуственно созданный кризисъ въ нашей лѣсопромышленности выбрасываетъ на улицу тысячи рабочихъ, занятыхъ обыкновенно въ этой промышленности и какъ разъ въ такое время, когда некуда больше дѣться. Положеніе ужасное... Что будетъ здѣсь въ предстоящую зиму, трудно себѣ представить, такъ какъ лѣсопромышленность — единственный способъ добывать хлѣбъ для голодной архангельской деревни. Кромѣ мѣстныхъ крестьянъ, на лѣсопильныхъ заводахъ въ Архангельскѣ, особенно съ проведеніемъ желѣзной дороги, работаетъ пришлый элементъ изъ центральныхъ разоренныхъ деревень. Обыкновенная заработная плата на мѣстныхъ заводахъ даже въ хорошій годъ почти нищенская, а если прибавить къ этому низкій культурный уровень здѣшняго рабочаго, не умѣющаго еще отстаивать и своихъ ближайшихъ экономическихъ интересовъ и всячески эксплуатируемаго „чумазыми" лѣсопромышленности, то картина жизни мѣстнаго рабочаго, не втянувшагося еще въ классовую борьбу, получится довольно мрачная. Во всякомъ случаѣ, этотъ годъ съ „кризисомъ", вызваннымъ бойкотомъ эксплуататаровъ, долженъ кое чему научить и здѣшняго забитаго полураба-рабочаго и создастъ довольно благопріятную почву для соціаль-демократической агитаціи и пропаганды. Попытки до сихъ поръ въ этомъ отношеніи были почти неудачны, такъ какъ онѣ волей неволей распространялись лишь на тѣсный кругъ болѣе культурнаго пришлаго рабочаго люда, масса же еще спала. Теперь же не то. Симптомовъ новаго настроенія массы здѣсь много. Недовольство распространяется и на загнаннаго и забитаго безпросвѣтной нуждой архангельскаго пролетарія.

Изъ области сыска.

М. В. Д.	Совершенно секретно.
....го Губернатора.	Циркулярно.
По канцеляріи.	Г.г. Полицмейстеру и уѣзднымъ
6-го іюня 1902 г. № 1559	исправникамъ ... губерніи

Изъ полученныхъ въ департаментѣ полиціи свѣдѣній усматривается, что въ настоящее время наиболѣе серіознымъ значеніемъ среди членовъ революціоннаго сообщества, присвоившаго себѣ наименованіе „партіи соціалистовъ-революціонеровъ" пользуются розыскиваемыя циркулярами Департамента Полиціи нижеслѣдующія лица:

1) Гершуни (онъ же Гершунъ. онъ же Гершунинъ) Григорій Андреевъ, изъ мѣшанъ гор. Шавли Ковенск. губ., врачъ бактеріологъ; подробныя свѣдѣнія о прошлой дѣятельности, о родственныхъ связяхъ, примѣтахъ изложены въ циркулярѣ отъ 22 іюня 1901 года за № 2234 и въ приложеніи къ циркуляру отъ 1 мая 1902 года за № 3362, при коемъ разослана и фотографическая карточка.

2) Василевскій Петръ Ивановъ (циркуляръ отъ 1-го апрѣля 1902 года за № 2447.)

3) Брешко-Брешковская Екатерина Константиновна, урожденная Вериго, крестьянка Забайкальской области, Селегинскаго округа, Иволкинской волости, Зуевскаго селенія (циркуляры отъ 12 октября и 12 ноября 1901 год. и 1 мая 1902 год. за №№ 3362, 3947, 3392).

Департаментъ Полиціи придаетъ первостепенное значеніе аресту названныхъ лицъ, а потому предлагаетъ принять всѣ находящіяся въ распоряженіи полиціи мѣры къ розыску ихъ и съ этой цѣлью провѣрить всѣми способами подозрительныхъ лицъ и совокупными съ чинами общей и жандармской полиціи усиліями задержать названныхъ преступниковъ, подлежащихъ препровожденію въ распоряженіе Начальника С.-Петербургскаго Губернскаго Жандармскаго Управленія.

Поставляя объ изложенномъ въ извѣстность г.г. Полицмейстера и Уѣздныхъ Исправниковъ, предписываю имъ установить чрезъ подвѣдомственныхъ имъ чиновъ полиціи самое тщательное наблюденіе за появленіемъ означенныхъ личностей и, кромѣ того, провѣрить всѣхъ вообще подозрительныхъ лицъ въ подвѣдомственныхъ имъ районахъ, — съ цѣлью выясненія, не скрываются ли у нихъ Гершуни, Василевскій и Брешковская и въ случаѣ обнаруженія ихъ такимъ путемъ, — немедленно ихъ арестовать и поступить согласно указаній Департамента Полиціи.

Вмѣстѣ съ симъ предписываю г.г. Полицмейстеру и Уѣзднымъ Исправникамъ оказывать чинамъ жандармской полиціи всякое содѣйствіе, въ видахъ обнаруженія Гершуни, Василевскаго и Брешковской, фотографическія карточки которыхъ при семъ прилагаются.

Подписалъ: Губернаторъ ....въ
Скрѣпилъ: Управляющій Канцеляріей ....ъ
Вѣрно: за Помощ. Правит. Канцеляріи (подпись неразборчива).

Е. К. Брешко-Брешковская — извѣстная пропагандистка 70-хъ годовъ, осужденная на каторгу по дѣлу 193-хъ и нѣсколько лѣтъ назадъ вернувшаяся въ Россію.

Харьковъ. Намъ пишутъ: Въ городѣ распространенъ и ходитъ по рукамъ гектографированный листокъ „Долой соц.-демократію!", подписанный „Группой независимыхъ". Листокъ распространенъ среди машиностроительныхъ рабочихъ...

Общее его содержаніе — критика дѣятельности соц.-дем. Особеннымъ нападеніямъ подвергнуты „оппортунисты" „измѣнники нашего дѣла", причемъ на ряду съ Фольмаромъ, Мильераномъ, Жоресомъ — стоятъ Бебель и Плехановъ.

„Независимые" призываютъ рабочихъ къ личной иниціативѣ, къ личному почину, организаціи на началахъ „свободной ассоціаціи безъ авторитетовъ, безъ удушливой партійной дисциплины" и приглашаютъ къ „открытому протесту, къ борьбѣ съ оружіемъ въ рукахъ съ врагами народа и тиранами." Воззваніе кончается словами: „Товарищи, будемъ же бороться, полагаясь только на самихъ себя и прочь предразсудки, прочь авторитеты. Долой деспотизмъ!"

Очевидно, „независимые" (источникъ этихъ изданій для насъ очевиденъ) выступаютъ въ новой роли — западно-европейскихъ анархистовъ.

Не прогрессъ-ли это зубатовской политики новой формаціи?!

„Сторонній".

P. S. Листокъ, въ общемъ, искусно составленный, произвелъ на читателей большое впечатлѣніе.

Ставрополь Кавказскій. 28 іюня арестованъ въ городской рощѣ мѣстный крупный землевладѣлецъ Н. Н. Безмѣновъ, живущій на хуторѣ Николина Пристань. Безмѣновъ сталъ извѣстенъ своей продолжительной борьбой съ мѣстнымъ судомъ и администраціей, возникшей на почвѣ огражденія имъ своихъ личныхъ имущественныхъ интересовъ. Въ этой борьбѣ Безмѣнову пришлось нѣсколько разъ судиться по обвиненію въ оскорбленіи должностныхъ лицъ, о чемъ онъ разсказываетъ въ изданной имъ брошюрѣ („Дѣло Безмѣновыхъ"). За нѣсколько дней до ареста Безмѣновъ судился въ Ставропольскомъ окружномъ судѣ за оскорбленіе словами товарища-предсѣдателя окружнаго суда Дадьянца и былъ присужденъ къ одному мѣсяцу ареста. Мѣстная администрація ликуетъ, а ей вторятъ тѣ обыватели, которые всегда идутъ впереди „видовъ начальства". Къ числу такихъ, повидимому, принадлежатъ заправилы мѣстной газеты „Сѣверный Кавказъ", который ополчился на Безмѣнова за то, что послѣдній вызывающе держался по отношенію къ предсѣдателю суда — этому представителю „законности" (замѣтка объ этомъ была написана въ доносительномъ духѣ). Судъ въ Ставрополѣ — безъ присяжныхъ, а потому можно себѣ представить, какую „законность" онъ выражаетъ.

Рабій духъ, одушевляющій мѣстную прессу, отличаетъ собой и мѣстную интеллигенцію. Недавно живущій здѣсь г. Кулябко-Корецкій, кричащій на всѣхъ перекресткахъ о своихъ передовыхъ взглядахъ, лобызался съ вице-губернаторомъ Ключаревымъ во время устроеннаго послѣднему прощальнаго обѣда (Ключаревъ переведенъ въ Витебскъ). Г. Кулябко-Корецкій провозгласилъ за него тостъ, какъ за „лучшаго цензора въ Россіи". Вслѣдъ за Кулябко, редакторъ „Сѣв. Кавказа", г. Евсѣевъ, старѣйшій представитель мѣстной адвокатуры, привѣтствовалъ все того же вице-помпадура. Таковы понятія о тактѣ у нашихъ мѣстныхъ либераловъ!

Неудивительно, что среди царящей здѣсь рабской тишины арестъ Н. Н. Безмѣнова долженъ былъ произвести сенсацію. Вслѣдъ за арестомъ Безмѣнова были арестованы на хуторѣ, гдѣ жилъ Безмѣновъ, двое крестьянъ. Жандармы изъ кожи лѣзутъ, чтобы во что бы то ни стало создать громкое дѣло. Крестьянъ, какъ говорятъ, хотѣли подкупить, чтобы добыть „данныя" для дѣла. За ходомъ послѣдняго всѣ власти слѣдятъ съ неостывающимъ любопытствомъ, такъ какъ всѣ онѣ заинтересованы въ томъ, чтобы какимъ-нибудь способомъ избавиться отъ неспокойнаго человѣка въ своей губерніи.

Изъ сидѣвшихъ въ мѣстной тюрьмѣ двухъ московскихъ студентовъ, отбывавшихъ наказаніе за демонстрацію, одинъ—Корде — былъ выпущенъ до срока, а другой — Захаровъ — все еще сидитъ.

Намъ пишутъ изъ Перми. 20-го августа изъ мѣстной тюрьмы выпущены и оставлены въ городѣ впредь до окончанія дѣла 9 человѣкъ, обвиняющихся въ устройствѣ вечеринокъ во время учительскаго съѣзда: вечеринки устраивались съ преступною цѣлью пропаганды среди учителей. Шесть человѣкъ сидѣло съ февраля-марта, трое—сидѣло всего лишь 10 дней. Выпущены они были послѣ голодовки, въ которой участвовало 6 человѣкъ. Поводомъ къ голодовкѣ послужило введеніе болѣе строгаго режима въ распорядки тюрьмы, такъ что требованія ихъ сводились къ требованію, напр., возстановленія общихъ прогулокъ и т. д. Голодали они 8 дней, послѣ чего ихъ требованія были удовлетворены. Одному же изъ ниxъ, — сотруднику „Пермск. Края"— Трапезникову пришлось проголодать 14 дней, т. к. къ общимъ требованіямъ онъ присоединилъ еще требованіе своего освобожденія. Свою голодовку онъ прекратилъ лишь тогда, когда ему показали бумагу о скоромъ окончаніи его дѣла. На другой день онъ вмѣстѣ со всѣми другими былъ выпущенъ. Эта голодовка произвела глубокое впечатлѣніе на городское населеніе. Были распространены воззванія къ обществу, принятыя послѣднимъ сочувственно. Вообще въ обществѣ замѣчается увеличеніе революціонной „нервозности".

Большіе толки также вызвало „покушеніе" на инженера М. Д. Назарова: въ окно его квартиры былъ брошенъ патронъ. Дѣло было вечеромъ, патронъ ударился въ косякъ, упалъ на землю, гдѣ, разорвавшись, ранилъ подбѣжавшаго ночного сторожа (теперь онъ вполнѣ выздоровѣлъ). По этому дѣлу было арестовано 3 проходившихъ случайно рабочихъ, по общему мнѣнію, не имѣющихъ къ дѣлу никакого отношенія. Сначала они сидѣли въ общей камерѣ, но затѣмъ, послѣ посѣщенія тюрьмы жандармскимъ полковникомъ, разсажены по одиночкамъ. Жандармы потираютъ отъ удовольствія руки: вѣдь чуть не террористичекое дѣло наклевывается!

А самъ г. Назаровъ поспѣшилъ поскорѣе убраться, съ соблюденіемъ извѣстной помпы. Въ знакъ благодарности за свое патріархальное отношеніе къ рабочимъ (особенно склонность пускать въ ходъ кулаки) онъ устроилъ себѣ торжественные проводы, причемъ нашелъ рабочихъ, которые согласились сказать ему благодарственныя рѣчи и сдѣлать какія-то подношенія.

Красноярскъ. Въ іюнѣ мѣсяцѣ Красн. Комитетомъ Сибир. С.-Д. Союза была распространена прокламація № 14 по поводу наказанія розгами Вилюйскихъ рабочихъ, покушенія и казни Лекерта. Эта первая печатная, съ обозначеніемъ: „Типографія Комитета". Такимъ образомъ Красн. Комитетъ въ техническомъ отношеніи прогрессировалъ даже очень успѣшно. — За 6-7 мѣсяцевъ своего существованія онъ перешелъ отъ гектографа (2 прокл.) черезъ мимеографъ (11 прокл.) до печатнаго станка.

„Столбамъ" (живописныя скалы въ 15-17 верстахъ отъ города), о которыхъ упоминалось уже въ 22 № „Искры", еще разъ суждено было сыграть роль... идіотизмометра для нашей Красноярской полиціи. 28-29 іюня поклонники и любители природы и сильныхъ ощущеній (которыя, какъ извѣстно, получаются не только отъ головокружительной высоты, но и отъ головокружительныхъ напитковъ!) порѣшили справить юбилей избушки-пріюта, возведеннаго ровно 10 лѣтъ тому назадъ самими же „столбистами". Сказано — сдѣлано. За нѣсколько дней до 29 іюня „столбисты" наши начали уже дѣлать приготовленія къ предстоящему торжеству. Полиція, пронюхавъ о какихъ-то сборахъ, имѣющихъ касаніе къ „неблагонадежной" мѣстности, постаралась, конечно, обезпокоиться и тоже стала снаряжаться въ походъ на „столбы".

Ко дню Петра и Павла на „столбахъ" кишьмя — кишѣлъ народъ. Скоро (иные говорятъ — и ранѣе) явилась туда и полиція съ жандармеріей. Недалеко отъ избушки-юбиляра былъ разбитъ непріятельскій станъ. Лазающіе по скаламъ и выпивающіе у скалъ „столбисты", настроенные хотя ужь и весело, но, однако, весьма еще мирно, — тутъ, естественно, не могли стерпѣть и вознегодовали... Синіе мундиры уже, конечно, совсѣмъ не входили въ программу празднества! И вотъ къ вечеру, когда немного стемнѣло, по адресу вражескаго лагеря понеслись со всѣхъ сосѣднихъ камней всевозможные возгласы: анафема, долой жандармерію, и даже — долой самодержавіе!

Полиціей былъ сорванъ красный флагъ съ надписью: „свобода" съ одного изъ высочайшихъ столбовъ; избушка затѣмъ оцѣплена и всѣ въ ней присутствовавшіе, человѣкъ 12-14 арестованы и подъ конвоемъ, — на крестьянскихъ повозкахъ изъ ближайшей деревни — торжественно препровождены до города въ тюремный замокъ.

Большинство изъ арестованныхъ было выпущено въ слѣдующіе же дни. Трое же, признанные почему-то за особо-опасныхъ, просидѣли 3-4 недѣли каждый. Шуму въ городѣ эта полицейски-азіатская исторія надѣлала ужасно много. Иные негодуютъ, иные смѣются. Красноярская полиція, кажется, потеряла теперь всякій кредитъ въ глазахъ даже... обывателя. Крестьяне ближайшей къ „столбамъ" деревни, принужденные нежданно-негаданно нести „подводную" повинность въ страдную пору, были порядкомъ возмущены полиціей и до сихъ поръ издѣваются надъ ней.

Енисейскъ. Въ одинъ прекрасный іюльскій день властями губернскаго города Красноярска получена была телеграмма изъ г. Енисейска, какъ говорятъ, такого содержанія: „городъ въ опасности". Въ самомъ Енисейскѣ въ этотъ день былъ изрядный переполохъ. Пришли грозные слухи, что рабочіе Неробѣловскихъ пріисковъ, (которые верстъ за 100-120 отъ города), поднявши красныя знамена, двинулись на Енисейскъ. Энергичная сибирская администрація не растерялась и, быстро приведя въ боевой порядокъ свой жалкій гарнизонъ, выставила его передъ городомъ для отраженія... непріятельской арміи. И вотъ черезъ нѣкоторое время непріятель показался... Человѣкъ 70 рабочихъ въ сопровожденіи своихъ женъ и дѣтей мирно тянулись къ городу...

Храбрый гарнизонъ мужественно преградилъ „непріятелю" дорогу и грозно вопросилъ; „Стой! Кула! Зачѣмъ?"

— „Въ городъ по начальству, жалобиться на хозяина", — отвѣчали рабочіе.

Но не смотря на такое мирное настроеніе „врага", вся „непріятельская армія" была взята храбрымъ гарнизономъ... въ плѣнъ и отправлена въ тюремный замокъ.

Скоро всѣ страхи и все это дѣло объяснилось весьма просто. Неробѣловъ, хозяинъ пріисковъ — типъ таежнаго звѣря-человѣка, на душѣ котораго, какъ говорятъ, лежитъ не мало пролетарской крови, не одна пролетарская жизнь, намѣренно устроилъ весь этотъ переполохъ. Обладая необыкновенной физической силой, этотъ звѣрь нерѣдко собственными руками жестоко расправляется съ своими рабами-рабочими. И бывали случаи, когда бѣжавшіе изъ его „каторги" исчезали безслѣдно... Вѣдь, тайга велика, темна и молчалива!

Но сей звѣроподобный субъектъ, какъ оказывается, однако, не лишенъ нѣкотораго рода „цивилизованной" сметки. Когда рабочіе, выведенные изъ себя его придирками и истязаніями, рѣшили сообща бросить работу и идти въ городъ — жаловаться, сей таежный звѣрь доказалъ, что и онъ „плодъ" современной культуры. Прослышавъ, что по Россіи за послѣдніе годы происходитъ что-то не ладное и что въ этомъ „неладномъ" не малую роль играютъ именно — „рабочіе съ красными знаменами", онъ пріѣхалъ въ городъ, обогнавъ шествующихъ рабочихъ, и перепугалъ нашихъ властей ужаснымъ заявленіемъ: „революція идетъ!" И, конечно, ловко попалъ въ цѣль. — Передъ россійской полиціей, заброшенной въ глухой таежный уголъ, всталъ грозный призракъ — невѣдомый и страшный... И въ результатѣ — вся эта комедія. Арестованные рабочіе, конечно, скоро были выпущены, а администрація г. Енисейска постаралась замять всю эту исторію. (Вице-губернаторъ изъ Красноярска, однако, ѣздилъ зачѣмъ-то въ Енисейскъ).

Одно можно сказать: у страха глаза велики!

Приближающаяся къ Россіи исполинскими шагами политическая революція даетъ о себѣ вѣсточку и къ намъ въ глухую таежную Сибирь, заставляя представителей россійской самодержавно-полицейской власти то тутъ, то тамъ выкидывать самыя идіотскія исторіи.

Иркутскъ. Въ іюнѣ и въ началѣ августа мѣстнымъ комитетомъ Сиб. Соц.-Дем. Союза были распространены 2 прокла-

мации --- № 4 и 5: № 4 по поводу маленькаго народнаго бунта, случившагося у насъ въ іюнѣ мѣсяцѣ, а № 5 по поводу покушенія на Оболенскаго. Что касается бунта, то дѣло происходило такъ. --- Одинъ мошенникъ-лавочникъ, изъ ссыльныхъ черкесовъ, обсчиталъ рабочаго (строительнаго). На требованія рабочаго онъ отвѣчалъ тѣмъ, что сталъ выгонять его изъ лавки. Началась ссора. Рабочій аппелировалъ къ присутствующимъ и къ толпѣ возвращающихся съ работы товарищей. Толпа стала грозить лавочнику, что разнесетъ все. Лавочникъ, видя, что дѣло плохо, выстрѣлилъ въ нападающихъ и всадилъ пулю въ горло одному изъ тодпы, а самъ успѣлъ убѣжать и скрыться. Тогда толпа, подкрѣпленная новыми партіями возвращающихся съ работы, вознегодовала и устроила жестокую бомбардировку изъ камней. --- Весь товаръ и самое зданіе, гдѣ помѣщалась лавка, черезъ нѣсколько минутъ представляли уже весьма жалкое зрѣлище. Народъ сбѣгался со всѣхъ улицъ сотнями. Новыя и новыя толпы вступали въ ряды разрушающихъ. Появился и нашъ иркутскій люмпенъ-пролетаріатъ, котораго здѣсь (благодаря желѣзнодрожному строительству) довольно много. Картина стала принимать видъ не только внушительный, но и грозный, --- грохотъ камней, крики, гиканье, иногда выстрѣлы въ воздухъ --- все это начинало походить далеко не на „большой скандалъ“, какъ постарались потомъ представить эту вспышку народнаго гнѣва представители полиціи.

Городовые сбѣжали со своихъ постовъ, кой-кто изъ нихъ былъ побитъ довольно основательно. Вскорѣ прибылъ и болѣе крупный представитель власти — полицейскій приставъ и, войдя въ толпу, властными жестами попробовалъ было разогнять ее. Но, — увы, — весь страхъ и почтительность толпы передъ полиціей исчезли куда-то безслѣдно... и приставъ былъ жестоко избитъ. Гиканьемъ, свистомъ и смѣхомъ были прогнаны затѣмъ еще какіе-то два представителя власти. Эти почтенные чиновники пресмѣшно улепетывали вдоль улицы! Наконецъ, явился и самъ хозяинъ города — губернаторъ... но и ему пришлось не сладко... Толпа встрѣтила его издѣвательствами и смѣхомъ. Сидя въ своей коляскѣ, обезкураженный, онъ разводилъ только руками, да растерянно бормоталъ: „Что станешь дѣлать? Войска въ городѣ нѣтъ“... (солдаты были увезены далеко на маневры) — Такъ, разводя руками, онъ и уѣхалъ.

Пригнали было для усмиренія нѣсколько пожарныхъ частей, но народъ пригрозилъ изорвать, изрѣзать рукава, если онѣ осмѣлятся разливать. И пожарныя части благоразумно покорились.

Народомъ были разбиты еще двѣ лавки, принадлежащія черкесамъ же, прославившимся своими мошенничествами и обманами. И только часамъ къ девяти (началось же съ 8 час. вечера), когда почти всѣ „бунтари“ устали и разошлись, прискакали казаки и, напрасно отискивая „непріятеля“, отхлестали по пути кой-кого изъ любопытствующихъ обывателей. Такимъ образомъ день этотъ сталъ днемъ „крещенія“ иркутскаго обывателя и черезъ православную казацкую плеть онъ былъ введенъ и причисленъ, наконецъ-то, къ сонму истинно русскихъ и православныхъ...

Вся эта баталія, надо сказать, происходила въ еврейскомъ кварталѣ города и можно было опасаться, что стихійная вспышка эта можетъ легко превратиться въ анти-еврейскіе безпорядки. Но ничуть не бывало. Лавка черкеса, разбитая вдрызгъ, находилась рядомъ въ одномъ зданіи съ лавченкой еврея-ювелира и въ этой послѣдней не были разбиты даже стекла.

Весь этотъ „бунтъ“ скорѣе всего и справедливѣе всего можно назвать анти-полицейскими безпорядками, ибо негодованіе противъ полиціи выразилось здѣсь слишкомъ ярко и ощутительно... и не только въ толпѣ „бунтарей“, но и въ массѣ любопытствующей публики. — Иркутская полиція (конечно, по отношенію къ „простому“ народу) есть нѣчто невозможное по своей наглости и алчности. Всѣ мошенники (а также, значитъ, и потерпѣвшіе лавочники) подъ ея покровительствомъ и защитой. Многіе иркутяне не сомнѣваются, что не только нѣкоторыя воровства и грабежи произошли съ вѣдома и съ помощью мѣстной полиціи, но не мало и убійствъ (а они у насъ такъ часты, что наводятъ общую панику и иногда, по вечерамъ, обыватель только въ крайности вылѣзаетъ на улицу, дрожа и крестясь...), въ которыхъ полиція нагрѣвала руки.

Въ послѣдующіе дни за этимъ „бунтомъ“ не мало было шуму по городу. Но, поговоривъ немного, особенно когда появились листки по этому поводу отъ мѣстнаго С.-Д. Комитета — обыватели скоро забыли всю эту исторію. Листокъ Комитета разъяснялъ нецѣлесообразность такихъ протестовъ, указывая на злѣйшаго народнаго врага — самодержавіе съ его полиціей и на то, какъ слѣдуетъ бороться съ этимъ врагомъ.

[Къ сожалѣнію, листокъ Комитета не совсѣмъ удачно использовалъ этотъ случай въ агитаціонномъ смыслѣ. (Таково *мое* мнѣніе!) Миновавшая эпидемія экономизма, очевидно, помимо собственной воли писавшихъ, отразилась и въ этомъ листкѣ. — Фактъ ярко-политич. характера почему-то непремѣнно понадобилось скрѣпить и связать съ повседневной экономич. борьбой Не есть ли это приниженіе и съуженіе агитаціоннаго размаха?! Наши задачи (полагаю я) пользоваться подобными фактами именно, какъ таковыми, способствуя тѣмъ самымъ высвобожденію сознанія рабочаго класса изъ узкой сферы повседневныхъ отношеній работника и хозяина. Именно только *такой способъ* использованія фактовъ внѣфабричной жизни и способенъ воспитать политическое сознаніе рабочаго класса.]

Прокламація № 5 по случаю покушенія на Оболенскаго говоритъ, между прочимъ, — что изъ нашей среды всегда найдутся мстители и, опять таки, къ сожалѣнію, не указываетъ на единственную цѣлесообразную форму борьбы — борьбу массъ...

Объ прокламаціи были распространены въ жел. дор. депо, въ депо ст. Инокентьевской, въ город. типографіяхъ и по городу.

СОБЫТІЯ ВЪ ФИНЛЯНДІИ*).

Нынѣшнія зима и лѣто ознаменованы въ Финляндіи безпримѣрнымъ массовымъ сопротивленіемъ беззаконіямъ царскаго правительства. Такого внушительнаго и вразумительнаго протеста массъ оно не встрѣчало еще нигдѣ. Николай II открылъ въ 1898 г. свой возмутительный походъ на финляндскую автономію проведеніемъ новаго устава о воинской повинности, утвержденнаго имъ 29 іюня 1901 г. *вопреки* рѣшенію чрезвычайнаго сейма 1899 г. Читателямъ „Искры“ (см. №№ 11 и 22) извѣстны суть этого т.-н. „закона“, состряпаннаго г. Куропаткинымъ, и грандіозные протесты *всѣхъ* классовъ населенія финскаго народа противъ этого грубаго насилія. Россійское самодержавіе, начавъ свою преступную „обрусительную“ политику въ Финляндіи съ вопроса, касающагося въ одинаковой степени всѣхъ слоевъ народа, сразу открыло глаза почти всѣмъ финляндцамъ на истинный характеръ своей „многосторонней“ дѣятельности и достигло ихъ быстраго сплоченія для упорной борьбы за свою конституціонную свободу, утвержденную пятью русскими царями. Дважды обращался весь финскій народъ къ жалкому клятвопреступнику съ лойяльными полумилліонными протестами-адресами, но „Его Величеству было благоугодно оставить ихъ безъ послѣдствій“; также онъ отнесся и къ представленіямъ финляндскаго Сената, единогласному рѣшенію Сейма, грандіознымъ, истинно-народнымъ демонстраціямъ во многихъ киркахъ при обнародованіи „закона“, солидарному отказу многихъ пасторовъ и большей части городскихъ и сельскихъ общинъ принять участіе въ этомъ царскомъ преступленіи, подачѣ въ отставку (въ видѣ протеста) многочисленныхъ секретарей воинскихъ присутствій и полнаго состава медицинскаго управленія и т. п. Царскіе совѣтники на все это отвѣчали однѣми лишь безсмысленными угрозами и репрессіями, исходящими отъ царскаго имени.

Второго апрѣля по всей Финляндіи открыли свои засѣданія незаконныя призывныя по воинской повинности присутствія, составленныя „съ Высочайшаго соизволенія“ впервые безъ участія выборныхъ общинами членовъ. Юноши всѣхъ классовъ общества оказались на высотѣ своего призванія — отважныхъ борцовъ за политическую свободу отчизны. Процентъ юношей, отказавшихся исполнить беззаконіе, подтвержденное приказаніемъ и угрозой клятвопреступника, достигаетъ въ Вазаской губ. внушительной цифры 85,9 и лишь въ трехъ губерніяхъ онъ ниже 50. Всего изъ 23,757 подлежавшихъ призыву молодыхъ людей явилось въ присутствія только 9753 чел. Русское правительство прилагало всѣ усилія къ тому, чтобы добиться повиновенія въ столь важномъ для себя вопросѣ, какъ военная служба, и всѣ его старанія увѣнчались полнѣйшей неудачей. А чего только ни дѣлалъ царь со своими слугами! Проведеніе его произвольнаго „закона“ сопровождалось по всей Финляндіи рядомъ грандіозныхъ мирныхъ всенародныхъ демонстрацій, продолжавшихся въ теченіе 3-4 мѣсяцевъ. Въ одномъ лишь Гельсинфорсѣ вслѣдствіе неслыханной наглости нюландскаго губернатора Кайгородова, занимающаго этотъ постъ совершенно незаконно, произошло 5 (18) апрѣля описанное нами въ прошлой статьѣ избіеніе мирной публики казаками, окончившееся въ сущности настоящимъ пораженіемъ башибузуковъ. Г. Бобриковъ поспѣшилъ имъ выразить свою похвалу и закончилъ свою резолюцію откровеннымъ признаніемъ главнаго назначенія войска въ борьбѣ съ „внутренними врагами“. „Державный“ господинъ сатрапа пошелъ еще дальше и наградилъ главныхъ виновниковъ избіенія ко дню русской пасхи; такъ, за „отличіе по службѣ“ ген. Кайгородовъ получилъ брилліантовую табакерку, негодный полицмейстеръ Карлстедтъ произведенъ въ полковники, а четыре полицейскихъ чина, присужденныхъ гельсинфорскимъ судомъ за ложное обвиненіе, ложную клятву, незаконный арестъ и т. п. къ тюрьмѣ, „всемилостивѣйше награждены“ чинами и деньгами. Николай II „оставилъ безъ послѣдствій“ жалобу гельсинфорскихъ гласныхъ и магистрата на Кайгородова и Карлстедта, объявилъ „высочайшій“ выговоръ абоскому губернатору, осмѣлившемуся вмѣшаться 5 апрѣля въ распоряженія Кайгородова по просьбѣ публики, и, наконецъ, приказалъ финляндскому Сенату немедлечно выработать проектъ реорганизаціи гельсинфорской полиціи. Гельсинфорскіе гласные отклонили составленный въ такомъ духѣ безсыднѣйшій проектъ Карлстедта, предложившаго, между прочимъ, введеніе петербургскихъ дворниковъ и сыщиковъ, домовыхъ книгъ и т. п. И вотъ полицію беретъ подъ свою „августѣйшую“ защиту самъ царь, откровенно показывая всѣмъ финляндцамъ свои жандармскіе таланты и симпатіи. Насколько мало русскій сатрапъ въ Финляндіи заботится объ общемъ поддержаніи порядка, доказываетъ его упраздненіе организовавшагося изъ студентовъ и рабочихъ, по иниціативѣ гельсинфорскихъ гласныхъ, добровольнаго отряда, съумѣвшаго безъ оружія водворить образцовый порядокъ въ ночь на русскую пасху.

Русское правительство само скоро убѣдилось въ своей ошибкѣ, но исправить ее уже было поздно. Солидарный протестъ новобранцевъ оно объяснило, разумѣется, „стараніями агитаторовъ“, однако, дѣло отъ этого не выигрывало. Массовый отказъ юношей свидѣтельствуетъ, понятно, не объ агитаціи, а о политической зрѣлости всего финскаго народа, котораго не могли сбить ни царь-батюшка своими „временными послабленіями“, ни его ревностные агенты, пускавшіе въ ходъ, дѣйствительно, „преступную“ агитацію. Если финскіе новобранцы отказались подчиниться незаконнымъ дѣйствіямъ правительства, когда „монархъ“ милостиво разрѣшилъ призвать всего 280 чел. въ финскій гвардейскій батальонъ, то какъ должны были бы они поступить, если бы ихъ безъ всякой „милости“ тысячами стали отправлять на основаніи „закона“ г. Куропаткина въ русскія войска въ Россію, гдѣ они даже не понимаютъ самого языка? А такая перспектива открывается передъ финляндской молодежью, если она не съумѣетъ во время оказать отчаяннаго сопротивленія. Агенты самодержавія были поставлены въ тупикъ мужественнымъ поведеніемъ большей части новобранцевъ. Генералъ губернаторъ еще въ іюнѣ безпомощно прибѣгъ къ изобрѣтательности финляндскаго Сената, настаивая на необходимости во-время принять энергичныя мѣры по отношенію къ неявившимся въ присутствія, чтобы внушительно повліять на благопріятный исходъ набора новобранцевъ въ 1903 г. Дѣло въ томъ, что выборгскій судъ, руководясь финляндскими законами, освободилъ отъ отвѣтственности неявившихся. Бобриковъ отлично сознавалъ преступность новаго „закона“ и потому былъ увѣренъ въ томъ, что любой финляндскій судъ поступилъ бы также. До сихъ поръ еще не состоялось никакихъ „мѣропріятій“ относительно не повинующейся молодежи. Единственный благоразумный выходъ изъ щекотливаго положенія, въ которомъ очутилось правительство, было бы „оставить безъ послѣдствій“ протестъ новобранцевъ и „временно“ отмѣнить призывы; затѣмъ поручить финляндскому сейму самостоятельно издать новый законъ о воинской повинности. Но русское самодержавіе благоразуміемъ никогда не отличалось, а потому оно и въ данномъ случаѣ измышляетъ себѣ на зло однѣ лишь репрессіи.

Въ связи съ новымъ „закономъ“ находится начавшаяся въ этомъ году „реорганизація“ финляндскаго кадетскаго корпуса— по просту постепенное превращеніе его въ русскій кадетскій корпусъ. Пока упразднены *спеціальные классы корпуса*, такъ что воспитанникамъ необходимо въ русскихъ военныхъ училищахъ заканчивать свое образованіе.*) Вообще обрусительная политика въФинляндіи теперь въ полномъ разгарѣ. Такъ, въ іюлѣ изданъ „указъ“ о новомъ порядкѣ обнародованія законовъ; цѣль этого, въ сущности, второстепеннаго постановленія--формальное уничтоженіе сената и увеличеніе престижа власти генералъ-губернатора и министра статсъ-секретаря. Этотъ постъ, который все время Плеве занималъ противозаконно, не думаетъ все еще слагать съ себя министръ-палачъ, соединяющій въ своей особѣ „временно“ два министерскіе поста. Упомянутый „указъ“ безцеремонно, между прочимъ, повелѣваетъ: „Собраніе постановленій В. К. финляндскаго“ впредь издавать *въ русскомъ оригиналѣ* съ точнымъ переводомъ на оба мѣстные языка. До сихъ поръ было наоборотъ: русскій текстъ являлся переводомъ. Однако, и всѣмъ этимъ далеко не ограничивается „плодотворная“ обрусительная дѣятельность царскаго правительства. Въ началѣ сентября финляндскій Сенатъ, безъ всякихъ протестовъ, согласился признать законами 5 указовъ, состряпанныхъ совершенно противузаконно русской коммиссіей въ Петербургѣ. Такое грубое вѣроломство, какъ новѣйшіе царскіе „законы“, возможно только со стороны русскаго правительства, т. е. шайки разбойниковъ. Наша статья и такъ ужъ затянулась, поэтому, мы укажемъ пока лишь въ нѣсколькихъ словахъ суть новыхъ беззаконій, являющихся откровеннымъ попраніемъ основныхъ финляндскихъ законовъ. Къ этимъ указамъ мы, по всей вѣроятности, вернемся въ слѣдующихъ статьяхъ. Первый указъ превращаетъ и формально и практически финляндскій Сенатъ въ учрежденіе, подчиненное волѣ генералъ-губернатора или его помощника. На всѣхъ „наиболѣе важныхъ“ засѣданіяхъ хозяйственнаго департамента они будутъ присутствовать вмѣстѣ или по одному, будутъ предсѣдательствовать и „руководить“ преніями и т. п. Новый уставъ войдетъ въ силу съ октября 1903 г., когда будетъ введенъ въ этомъ департаментѣ русскій языкъ. Сенату, между прочимъ, запрещено принимать подписанныя нѣсколькими лицами петиціи, въ которыхъ порицаются дѣйствія правительства и т. п. Словомъ, въ благодарность финляндскому Сенату за всю его уступчивость передъ беззаконіями Николая II за послѣдніе 2 года онъ фактически будетъ превращенъ въ канцелярію агентовъ россійскаго самодержавія. Такъ какъ всѣ, за немногими исключеніями, финляндскіе чиновники и судьи выказали преданность конституціи, то царь повелѣваетъ всѣхъ неудобныхъ для него чиновниковъ смѣщать *административнымъ* путемъ и представить русскимъ тѣ же служебныя права, какими до сихъ поръ пользовались финляндскіе граждане. Послѣднимъ „указомъ“ санкціонируется практика, такъ какъ съ 1899 г. русскіе чиновники назначались на нѣкоторыя финляндскія должности. Самъ Плеве положилъ начало этимъ „мѣропріятіямъ“, занявъ высшій финляндскій постъ, и съ его легкой руки посыпались подобныя назначенія.

Недавно Выборгскимъ губернаторомъ назначенъ одинъ изъ прислужниковъ Плеве Мясоѣдовъ, и впервые учреждена новая должность „гражданскаго вѣдомства“---помощникъ генералъ-губернатора, которую занялъ предсѣдатель Петербургской Судебной Палаты Дейтрихъ, одинъ изъ бывшихъ сотрудниковъ палача русскихъ революціонеровъ. Финляндскіе чиновники-граждане замѣняются покорными рабами россійскаго тирана. Наконецъ, одинъ царскій указъ запрещаетъ чиновниковъ привлекать къ отвѣтственности за злоупотребленія, совершенныя ими по должности, безъ разрѣшенія ихъ начальства. При чемъ этотъ „законъ“, какъ и указъ о смѣщеніи съ должности финляндскихъ чиновниковъ, имѣетъ и обратную силу, т. е. будетъ примѣняться заднимъ числомъ; поводомъ къ такой неслыханной доселѣ въ Финляндіи насмѣшкѣ надъ законами послужило справедливое осужденіе финляндскимъ судомъ нѣсколькихъ полицейскихъ чиновниковъ и цензоровъ-сыщиковъ, дѣйствовавшихъ во славу самодержавія. Всѣ новѣйшіе преступные указы Николая II, какъ видитъ читатель, находятся въ тѣсной связи и направлены къ уничтоженію законности и политической свободы въ Финляндіи. Они краснорѣчиво доказываютъ, насколько представители старо-фенноманской партіи заблуждались, довѣряя всякимъ обѣщаніямъ и намекамъ Плеве, который началъ заигрывать съ финляндскими близорукими оппортунистами, какъ напр., г.г. Иріо Коскиненъ, проф. Даніельсонъ, архіепископъ Іогансонъ и др. Послѣдніе, въ свою очередь, начали печатно въ своей реакціонной газетѣ „Nusi Suometar“ и устно распространять въ Финляндіи ложные слухи и надежды среди легковѣрныхъ людей. Но таковыхъ, къ счастью, оказалось сравнительно немного, тогда какъ подавляющее большинство всѣхъ слоевъ финскаго народа убѣдилось въ томъ, что ему нечего больше ожидать „милостей“ и справедливости отъ россійскаго самодержавнаго правительства. Всѣ сознательные финляндцы относятся съ истиннымъ сочувствіемъ и искренней, горячей симпатіей къ борьбѣ русскихъ революціонеровъ и пробуждающагося русскаго пролетаріата съ издыхающимъ чудовищемъ. Въ русскихъ семоотверженныхъ борцахъ за политическую свободу финскій народъ видитъ уже своихъ братьевъ, стремящихся къ той же цѣли, которую преслѣдуетъ и онъ. Для финляндцевъ дѣлается яснымъ, что его будущность связана съ судьбою всѣхъ борющихся съ однимъ и тѣмъ же врагомъ. Дни русскаго царизма, несомнѣнно, уже сочтены, и онъ самъ всячески ускоряетъ свою гибель, сѣя повсюду ненависть къ себѣ. Солидарный натискъ всѣхъ страдающихъ отъ позорнаго ига элементовъ свергнетъ русское самодержавіе.

P. S. Лѣтомъ примкнула къ Международному Соціалистическому Бюро въ Брюсселѣ Финская Рабочая Партія, число членовъ которой въ настоящее время достигаетъ приблизительно 10,000. Мы предполагаемъ вскорѣ посвятить особую статью финскому рабочему движенію.

*) Подъ этой рубрикой мы намѣрены впредь аккуратно, по возможности въ каждомъ № „Искры“, знакомить читателя на основаніи самаго точнаго и свѣжаго матеріала со всѣми наиболѣе возмутительными текущими мѣропріятіями русскаго правительства и борьбой финскаго народа за свою конституцію.

*) Разумѣется, финскіе кадеты спѣшатъ переходить въ университетъ, политехническій институтъ и въ среднія учебныя заведенія.

ИЗЪ ДЕРЕВНИ.

Льговъ, Курск. губ. Въ с. Ольшанкѣ Льговскаго уѣзда одинъ крестьянинъ, зайдя въ лавку, вступилъ въ разговоръ съ хозяиномъ и бывшими въ лавкѣ покупателями на злобу дня — о большихъ маневрахъ. „Сколько это стоитъ денегъ, сколько стоитъ! И все это съ насъ мужиковъ сдеретъ потомъ, говорилъ крестьянинъ. — Да, съ насъ-то берутъ, а намъ-то ничего не даютъ, черти проклятые“, заключилъ онъ свою рѣчь и кстати запустилъ по адресу „возлюбленнаго монарха“ крылатое слово, неудобное для печати.

Лавочникъ оказался большимъ „патріотомъ“ и немедленно донесъ на разговорчиваго мужика становому. Тотъ исправнику, и началось „дѣло“ объ оскорбленіи Величества. И вотъ въ Ольшанку нагрянули власти: становой, жандармъ, тов. прокурора. Стали судить да рядить. Мужикъ не отпирается. „Ругалъ, говоритъ, было дѣло. Да и какъ не ругать, коли кожу съ нашего брата дерутъ и конца этому дранью не видно.“ Что дѣлать съ этакимъ упорнымъ злодѣемъ? Въ другое время власти не стали бы долго думать, какъ поступить. А тутъ маневры, петербургское начальство... призадумаешься: „какъ, молъ, допустили крамолу? распустили мужиковъ!“ И надумали власти предложить Ольшанцамъ, чтобы тѣ составили приговоръ объ исключеніи изъ общества поносителя царскаго имени, какъ порочнаго члена. Предлагаютъ, а Ольшанцы отказываются: „за что-жъ исключать? Онъ мужикъ хорошій, ничего дурного за нимъ не знаемъ.“ Такъ и не дали приговора. Тогда наиболѣе изобрѣтательный товарищъ прокурора придумалъ исходъ: замять дѣло такимъ образомъ: предложили мужику подать заявленіе въ томъ смыслѣ, что, дескать, говорилъ онъ въ лавкѣ въ пьяномъ видѣ и очень можетъ быть, что по пьяному дѣлу и царя ругнуть случилось.

Ромны, Полтавской губ. Въ здѣшнюю тюрьму привезли изъ ближайшаго села политическую преступницу „Аришу“: у нея нашли нелегальную литературу. Увидѣли у одной дѣвушки брошюру, недозволенную цензурой, спросили, гдѣ достала, указала на „Аришу“. Отправились къ виновницѣ преступленія и ярко убѣдились въ вѣрности указанія, — нашли „Аришу“ съ поличнымъ. Откуда у „Ариши“ литература? Въ Кіевѣ была, барышня съѣзжала съ квартиры, приказала сжечь, а „Ариша“ рѣшила, что гораздо полезнѣе повезти въ деревню мужикамъ на „сигарки“. На вопросъ — грамотная? — „нѣтъ“ отвѣчаетъ. — Кто такая барыня? — „Не знаю“. — На какой квартирѣ? — Не помнитъ. Держатъ ее въ тюрьмѣ — все одинъ отвѣтъ. Ничего не знаю, ничего не вѣдаю, книжки привезла на сигарки мужикамъ. Рѣшили отпустить. Во время послѣдняго допроса ввели въ комнату фельдшера изъ ея деревни, она увидѣла его и лишилась чувствъ. Ее посадили опять. — Дальнѣйшая судьба „Ариши“ намъ неизвѣстна.

Въ имѣніи гр. Ламсдорфъ „Вѣтрищахъ“ были сильные крестьянскіе безпорядки. Крестьяне другого графскаго имѣнія въ Роменскомъ уѣздѣ ждутъ къ себѣ студентовъ, чтобы начать бунтовать.

На дняхъ вспыхнуло нѣсколько пожаровъ въ Роменскомъ уѣздѣ: крестьяне поджигаютъ убранный хлѣбъ у помѣщиковъ.

Съ Кавказа. Мѣсяца два тому назадъ крестьяне одного села Кутаисской губ. постановили на сходѣ: не платить попамъ установленной обычаемъ платы (по три руб. съ дома); не платить помѣщикамъ за аренду земли (большинство крестьянъ арендуетъ помѣщичьи земли) больше четверти урожая вмѣсто половины; ничего не платить помѣщикамъ за пользованіе пастбищами, лугами и лѣсомъ; не давать прислуги изъ своей среды дворянамъ и князьямъ, такъ какъ крестьяне находятъ очень унизительнымъ для себя прислуживать имъ. Очень скоро такія же требованія были выставлены почти во всемъ Озургетскомъ уѣздѣ. Крестьяне извѣстили поповъ и дворянъ о своихъ рѣшеніяхъ; тѣ сначала, конечно, и слушать не хотѣли крестьянъ и начали посылать своихъ представителей съ жалобами къ губернатору и дальше. Пріѣзжалъ губернаторъ и пробовалъ уговаривать крестьянъ отказаться отъ постановленія сходовъ, но безуспѣшно: придраться на „законномъ основаніи“ онъ не могъ и уѣхалъ ни съ чѣмъ. Тогда князья начали дѣйствовать сами, запросили еще больше арендной платы, не позволяя выгонять на свои земли скотъ и проч. Троихъ наиболѣе злыхъ князей и одного попа убили крестьяне. Губернаторъ явился вторично и арестовалъ очень много людей, между прочимъ, трехъ сельскихъ старшинъ, сельскихъ учителей, недавно выпущенныхъ изъ тифлисской тюрьмы литератора Ноя Джорданія и интеллигента Сил. Джибладзе, которые были высланы туда жандармами. По цѣлому уѣзду теперь размѣщены войска. Крестьяне упорно стоятъ на своихъ рѣшеніяхъ и не хотятъ ни въ чемъ уступить. Большинство поповъ и князей пошли на уступки и принимаютъ всѣ

BIBLIOTHÈQUE DE LA GUERRE MUSÉE

условія крестьянъ. Оживленіе большое. Батумская соц.-демократическая группа выпустила по этому поводу прокламацію на грузинскомъ языкѣ и обращеніе къ солдатамъ на русскомъ (печатное). Движеніе поражаетъ всякаго солидарностью крестьянъ и ихъ большой выдержкой.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ
и
ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Краткій очеркъ рабочаго движенія въ Бѣжицѣ.
(завѣдъ Брянскаго акціонернаго общества).

Бѣжица представляетъ собой огромный заводскій поселокъ въ 9-ти верстахъ отъ города Брянска, Орловской губ. Населеніе поселка по переписи 97-го года равнялось приблизительно 20-ти тысячамъ, рабочихъ же, работающихъ на заводѣ, считалось въ то время 10-12 тысячъ. Кромѣ того, посреди между Брянскомъ и Бѣжицей находится вагоностроительный заводъ Мальцевскаго общества, а въ окрестностяхъ стекляный заводъ того же общества и другіе мелкіе заводы, такъ что весь районъ отъ Брянска до Бѣжицы является кипучимъ рабочимъ муравейникомъ... Первая попытка со стороны „интеллигентовъ“ завязать знакомство съ рабочими была сдѣлана въ 1896 году; но это была единоличная попытка, вызванная, такъ сказать, субъективнымъ желаніемъ познакомиться съ представителями нарождающейся въ Россіи общественно исторической силы... Иначе дѣло обстояло въ 1897 году. Въ это время среди Бѣжицкихъ рабочихъ замѣчается сильное оживленіе. Создается довольно обширный основной кружокъ развитыхъ рабочихъ; образуется кассовая организація съ писанымъ уставомъ; въ организацію въ самый моментъ ея возникновенія вошло 30-50 членовъ, и затѣмъ она стала быстро расширять свое вліяніе. Одновременно съ этимъ происходили не разъ собранія рабочихъ, иногда довольно многочисленныя; на этихъ собраніяхъ говорились рѣчи и происходилъ оживленный обмѣнъ мнѣній. Нелегальная литература циркулировала среди всѣхъ причастныхъ къ организаціи на ряду съ усиленнымъ распространеніемъ хорошо подобранныхъ легальныхъ книгъ. Вскорѣ по возникновеніи организаціи, заводская администрація удалила съ завода (вся Бѣжица расположена на заводской землѣ) Б. А. Кварцева, котораго она заподозрѣла въ пропагандѣ среди рабочихъ. Однако, образовательное движеніе среди нихъ продолжало идти своимъ путемъ. Впервые настроеніе рабочихъ вырвалось наружу и всколыхнуло не только мѣстное, но и все губернское общество въ началѣ іюня 1898 года. Нужно замѣтить, что отсутствіе борьбы у Бѣжицкихъ рабочихъ съ администраціей завода въ теченіе 25 лѣтъ, на ряду съ блестящими дѣлами завода, побуждавшими послѣдній добровольно повысить заработокъ рабочаго до порядочныхъ размѣровъ (конечно, при соотвѣтствующемъ повышеніи интенсивности труда) — все это водворило на заводѣ такіе патріархальные порядки, что заводская администрація не могла даже представить себѣ возможности иначе регулировать жизнь рабочихъ, чѣмъ своимъ абсолютнымъ произволомъ. Поэтому въ веденіи работъ господствовала цѣлая масса самыхъ вопіющихъ нарушеній закона. О табеляхъ съ расцѣнками рабочіе не имѣли даже понятія; заработная плата выдаваласъ разъ въ мѣсяцъ; въ штрафахъ, конечно, полнѣйшій произволъ; дѣлались кромѣ того никому непонятные вычеты; купоны въ фабричныя лавки пользовались самымъ широкимъ распространеніемъ и пр. и пр., не говоря уже о безобразномъ обращеніи, о притѣсненіяхъ, связанныхъ съ арендой земли и вообще проживаніемъ на заводской территоріи. Въ маѣ 1898 г. заводъ праздновалъ 25-лѣтіе своего существованія. Высшее пріѣзжее начальство объявило рабочимъ, что по случаю праздника рабочимъ ассигновано 300 тыс. руб. на устройство праздника (или въ качествѣ наградныхъ: достовѣрно неизвѣстно — предполагалось-ли раздать ихъ рабочимъ или устроить празднество). Юбилей прошелъ, но никакого празднества, ни наградныхъ рабочіе не получили. 300 тысячъ канули, какъ въ воду. Уже одинъ этотъ фактъ сильно возмутилъ рабочихъ. Въ срединѣ мая по заводу были разбросаны листки съ двоякимъ содержаніемъ. Въ одномъ перечислялись всѣ тѣ беззаконія (съ указаніемъ соотвѣтствующихъ статей изъ правилъ о фабрикахъ и заводахъ), которыя дѣлала заводская администрація по отношенію къ рабочимъ, и послѣдніе призывались къ борьбѣ за свое матеріальное положеніе; другой листокъ былъ посвященъ майскому празднику; въ немъ разъяснялось значеніе 1-го мая для рабочихъ и необходимость борьбы съ правительствомъ за политическую свободу. И въ томъ и въ другомъ листкѣ были выставлены опредѣленныя требованія — въ первомъ мѣстныя экономическія, во второмъ — общія политическія. Листки произвели очень сильное впечатлѣніе на рабочую массу. Главное, она въ цѣломъ ни о чемъ подобномъ даже не слыхала. Конечно, толки эти листки вызвали самые разнообразные, но общее настроеніе стало еще болѣе приподнятымъ, потому что рабочіе почувствовали, что за ними стоитъ какая-то неизвѣстная имъ сила. Въ началѣ іюня это настроеніе разразилось хаотической бурей, такъ какъ въ цѣломъ рабочая масса въ Бѣжицѣ была еще слишкомъ сѣра. Случился инцидентъ, указывающій степень того деспотизма, который царилъ на заводѣ. Мальчикъ — сынъ рабочаго — вздумалъ подразнить собаку одного изъ заводскихъ сторожей; послѣдній послѣ одного двухъ окриковъ на этого мальчика, выхватилъ револьверъ и наповалъ убилъ имъ несчастнаго шалуна. Терпѣніе рабочихъ лопнуло. Мрачные собрались они вокругъ трупа. Сторожъ исчезъ, но явился изъ Брянска приставъ Квитницкій и велѣлъ нести убитаго въ больницу. Рабочіе сдержанно, но рѣшительно объявили, что нести въ больницу трупъ они не позволятъ, такъ какъ доктора тамъ запишутъ убійство несчастнымъ случаемъ по собственной неосторожности. Съ развязностью и пыломъ квартальнаго Квитницкій заругался по извозчичьи на рабочихъ съ приправой всевозможныхъ угрозъ. Тогда вдругъ раздался крикъ: „А, онъ еще ругаться! Бить его!“ И злополучный квартальный бросился бѣжать отъ ожесточенной толпы, забрался со страху въ попутную рабочую казарму, ухватилъ тамъ женскій костюмъ, пролѣзъ въ клозетъ и оттуда самымъ трагикомическимъ способомъ какъ-то улизнулъ во-свояси. Между тѣмъ, толпа бросилась громить лавки; разбила пивную, булочную; кто-то бросилъ при этомъ спичку или папиросу въ сѣни булочной. Булочная вспыхнула. Отъ нея загорѣлась механическая мастерская, тушить пожаръ рабочіе не позволили и перерѣзали одинъ или нѣсколько пожарныхъ рукавовъ. Пробовали разбить домъ директора. Разломали одинъ большой заводскій магазинъ. Бросились было къ потребительной лавкѣ, но ее отстояли рабочіе же, участвовавшіе въ потребительномъ обществѣ. Всю заводскую администрацію буквально охватила паника. Директоръ бѣжалъ въ Петербургъ, оставивъ весь домъ свой открытымъ. Другіе служащіе бѣжали тоже, куда попало, наскоро захватывая съ собой лишь самое необходимое изъ имущества, остальное же бросая на произволъ судьбы. Побоища не было, но не разъ дѣло обострялось настолько, что еще моментъ... раздалась бы команда: пли. Такъ, въ одномъ дворѣ рабочіе бросились къ выходу; оказалось, онъ занятъ солдатами подъ командой полковника и одного или двухъ офицеровъ. Офицеръ пустилъ въ ходъ обычное средство — самую отборную и самоувѣренную ругань. Въ этотъ моментъ какой-то рабочій изъ толпы огрѣваетъ его лопатой. Пораженный и сконфуженный, сынъ марса кричитъ команду къ прицѣлу, солдаты берутъ ружья въ плечо. Въ этотъ моментъ одинъ изъ рабочихъ обращается къ офицеру и солдатамъ съ горячей рѣчью. „Г. офицеръ! что вы хотите дѣлать; вы хотите устроить взаимное избіеніе братьевъ“. Офицеръ, взволнованный, говоритъ: „Проходите, скорѣй“! господа и открываетъ проходъ; въ то же время что-то объясняетъ полковнику. Рабочіе подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ, сохранившихъ спокойствіе, товарищей рѣшили уйти, и катастрофа была предотвращена. Въ другомъ мѣстѣ около станціи „Бѣжица“ полиція посадила въ вагонъ нѣсколькихъ арестованныхъ рабочихъ. Какъ только остальная масса узнала объ этомъ, она двинулась къ вагону-тюрьмѣ. У солдатъ, приставленныхъ къ вагону, повырывали ружья и воткнули ихъ штыками въ песокъ, которымъ нѣкоторымъ изъ солдатъ засыпали глаза. Затѣмъ отъ случившагося здѣсь же на станціи пристава (другого — не Квитницкаго) потребовали немедленнаго освобожденія товарищей. Тотъ благоразумно исполнилъ это требованіе, арестованные вышли и толпа съ криками „ура“ приняла ихъ въ свою среду. Между прочимъ, рабочіе остановили одинъ изъ пассажирскихъ поѣздовъ, думая найти тамъ бѣглецовъ, но остановка закончилась лишь переполохомъ среди пассажировъ, такъ какъ поѣзду скоро позволили ѣхать дальше. Къ ночи весь заводъ былъ оцѣпленъ солдатами; дороги въ Брянскъ тоже были заперты кордономъ солдатъ, который тянулся версты на двѣ — на три отъ Бѣжицы. Ночью боялись возобновленія разгрома, и бѣдные солдаты дрожали на своихъ постахъ, такъ какъ ихъ горсть ничего не значила передъ многотысячной толпой. Къ тому же Бѣжица очень удобный пунктъ для разгромовъ, такъ какъ заводъ окруженъ лѣсомъ и парками. Къ слѣдующему дню, однако, все стихло. Черезъ недѣлю заводская работа шла уже своимъ чередомъ. Это была внезапная, стихійная вспышка негодованія и гнѣва рабочихъ противъ безсовѣстнаго 25-ти лѣтняго гнета со стороны заводской администраціи. Какъ водится, послѣ затишья начались аресты. Арестовали сначала громадную массу, но вскорѣ оставили только около 40 человѣкъ. Это были исключительно тѣ рабочіе, которые соблазнились валявшимся по дорогѣ или брошеннымъ въ настежь открытыхъ домахъ имуществомъ заводской администраціи и попытались сбыть его въ Брянскъ. Нѣкоторыхъ обвиняли, впрочемъ, какъ подстрекателей, произносившихъ во время разгрома зажигательныя и угрожающія фразы. Въ общемъ взяли самую сѣрую простодушную публику. Только одного или двухъ (Ефимова и еще кого-то) выдѣлили въ качествѣ руководителей и подвергли административному суду. Всѣхъ этихъ 40 человѣкъ продержали цѣлый годъ въ тюрьмѣ, затѣмъ судили и осудили оченъ сурово (до двухъ лѣтъ арестантскихъ ротъ съ лишеніемъ правъ), и здѣсь сказалась вся безчестность закрытаго, короннаго суда.

На судѣ ясно было доказано и общепризнано, что „бунтъ“ былъ вызванъ самимъ заводомъ, что строго относиться къ „грабежу“ при тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ дѣйствовали обвиняемые, нельзя, и тѣмъ не менѣе послѣднихъ подвергли строгой карѣ, потому что нужно же было наказать кого-нибудь за такой безпримѣрный фактъ въ лѣтописяхъ Орловскаго суда, какъ „бунтъ рабочихъ“.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Ст. Алмазная (Екатеринославской губ. Славяносербск. у.) На нашемъ Голубовскомъ каменноугольномъ рудникѣ за послѣднее время положеніе значительно ухудшилось: по случаю кризиса штатъ мастеровыхъ и шахтеровъ сокращаютъ. Литейный совершенно сталъ и около тысячи мастеровыхъ пущены по міру. Не лучше положеніе и на Максимовскихъ шахтахъ.

У насъ рабочихъ до 3000, не считая администраціи и цеха, кузнецовъ, мастеровъ и пр. Положеніе невыносимое: работаемъ 12-13 час.; съ утра до вечера въ сырыхъ подземельяхъ темной шахты. Работа страшно изнурительная и подчасъ не подъ силу. Темно, какъ въ могилѣ, холодно кругомъ, съ потолка капаетъ; часто приходится тратить часы не на выработку угля, а на ремонтъ во время обваловъ. Бываютъ взрывы газа, особенно трудно въ боковыхъ штольняхъ. Работаемъ цѣлую жизнь, какъ кроты, и нѣтъ намъ ни надежды, ни просвѣту въ нашемъ „темномъ царствѣ“.

На нашихъ шахтахъ не велась пока систематическая пропаганда, не было организаціи, а на литературу большой спросъ. Иниціаторами соціалистической пропаганды были здѣсь безработные, пришельцы съ Юзова, Бахмута, Луганска. Нашъ народъ все неподвижный, темный, большинство орловцы, либо курскіе. Мѣстные хохлы не идутъ на эту каторжную работу.

Исторія наша бѣдна событіями. Правда, въ 90 годахъ были бунты. Въ серединѣ 90 годовъ бунты, возникшіе на почвѣ эксплуатаціи рабочаго труда, приняли грандіозные размѣры. Шахтеры поднялись, изломали вагончики, спустили машину, сбили помпы, рубили лавки, контору. Пошли по сосѣднимъ шахтамъ, потомъ по селамъ. Мѣстныя власти съ земскимъ начальникомъ Сошальскимъ во главѣ пытались прекратить „бунтъ“, но безуспѣшно. Изъ селъ повызывали вооруженныхъ крестьянъ съ дубьемъ. Произошла свалка, было много ранено и десять чел. убито, при чемъ ни одного крестьянина, а всѣ наши. „Бунтъ“ былъ усмиренъ окончательно только по прибытіи войскъ, двухъ сотенъ казаковъ и роты пѣхоты Пенз. полка, во главѣ съ губернаторомъ Мартыновымъ. Главные „бунтовщики“ подверглись экзекуціи. Потомъ былъ въ Луганскѣ судъ, и 20 обвиненныхъ въ бунтѣ и убійствѣ пошли въ Сибирь, кто на поселеніе, кто на каторгу. Злая иронія: въ числѣ осужденныхъ на каторгу оказались и четыре крестьянина изъ селъ Голубовки и Михайловки, осужденные за особое рвеніе въ выполненіи приказа начальства.

Послѣ этихъ „бунтовъ“ у насъ было ничѣмъ не нарушенное затишье.

И эта „кровавая страничка“ изъ исторіи стушевывается на общемъ сѣромъ фонѣ будничной прозаической обстановки.

Темно, нѣтъ просвѣта нигдѣ, и мы ждемъ, не дождемся, когда и у насъ будетъ праздникъ, когда проникнетъ „свѣтлый лучъ“ въ это „темное царство“. Сознательный шахтеръ.

Херсонъ. Недавно окончившаяся съ такимъ успѣхомъ стачка на табачной фабрикѣ Лермана вызвала сильное броженіе среди херсонскихъ ремесленниковъ. У насъ въ Херсонѣ насчитывается около 500 ремесленниковъ—обувщиковъ, работающихъ по заказу на обувные магазины. Эта система домашней капиталистической промышленности и въ Херсонѣ проявила всѣ свойственныя ей прелести эксплуатаціи. Мастера, непосредственно получавшіе заказы отъ владѣльцевъ магазиновъ, эксплуатировались этими послѣдними, подмастерья — мастерами. Низкая заработная плата, невозможно длинный рабочій день (отъ 14 до 18 часовъ) —все это, стало, наконецъ, не въ моготу. Успѣхъ Лермановской стачки побудилъ и обувщиковъ, обладающихъ, правда, меньшей способностью сопротивленія, благодаря своей разбросанности во многихъ мастерскихъ,—бросить работу и требовать отъ владѣльцевъ магазиновъ повышенія заработной платы. Забастовали мастера вмѣстѣ съ подмастерьями. Требованіе мастеровъ о надбавкѣ по 40 к. на каждую пару обуви было черезъ нѣсколько дней удовлетворено, и сейчасъ же солидарности мастеровъ и подмастерьевъ насталъ конецъ. Мастера взялись за работу, въ то время какъ требованія подмастерьевъ еще не были удовлетворены. Будучи стихійной и неорганизованной, стачка подмастерьевъ, при отсутствіи денежныхъ средствъ, долго продержаться не могла и окончилась скоро, добившись не для всѣхъ, а лишь кое гдѣ незначительной надбавки на каждую пару обуви. Говорятъ, что мастера теперь удлинили рабочій день подмастерьевъ и выколачиваютъ такимъ образомъ добытую нѣкоторыми подмастерьями надбавку. Этого и надо было ожидать. Полиція, узнавъ о броженіи среди обувщиковъ, сильно всполошилась. Она даже было настигла одно собраніе мастеровъ (человѣкъ 10) и привела ихъ въ полицію, но сейчасъ же отпустила. Затѣмъ, говорятъ, что разъѣзжали патрули, искавшіе за городомъ рабочихъ собраній. Возбужденіе среди ремесленниковъ сильное, и, во всякомъ случаѣ, для возникающаго херсонскаго рабочаго движенія безслѣдно не пропадетъ.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Заявленіе С.-Петербургскаго Комитета.

КОВСѢМЪ РОССІЙСКИМЪ СОЦ.-ДЕМ. ОРГАНИЗАЦІЯМЪ.

Товарищи! Неудержимо развивающееся революціонное движеніе ставитъ передъ нами каждый день все болѣе сложныя задачи, и отъ того, насколько намъ удастся выполнить ихъ, зависитъ въ значительной степени успѣхъ той освободительной борьбы, въ которой соціальдемократіи принадлежитъ передовая и самая отвѣтственная роль.

На С.П.Б. Комитетѣ тяжелѣе всего отзывались традиціи того направленія, которому присвоено было въ литературѣ названіе экономизма. И опытъ многихъ лѣтъ убѣдилъ насъ въ томъ, что мы сами себѣ связывали руки недостаточно широкой постановкой задачъ политической агитаціи и революціонной борьбы, тяжеловѣсными формами организаціи, неприспособленными къ русскимъ условіямъ. Сдѣлавъ все возможное, чтобы въ этихъ недостаточно широкихъ и недостаточно подвижныхъ рамкахъ работать надъ организаціей пролетаріата, С.П.Б. Комитетъ пришелъ къ убѣжденію, что надо закончить, выражаясь словами автора брошюры „Что дѣлать“, ликвидацію періода кустарничества, періода мѣстной раздробленности, организаціоннаго хаоса и программной разноголосицы.

Закончить эту ликвидацію тѣмъ болѣе необходимо, что всякое промедленіе въ этомъ дѣлѣ неминуемо пошло бы на пользу другимъ революціоннымъ или оппозиціоннымъ теченіямъ, дало бы имъ возможность усилиться за счетъ соціальдемократіи и тѣмъ самымъ сыграло бы въ руку интересамъ буржуазной демократіи. А между тѣмъ ни одно революціонное направленіе въ Россіи не обладаетъ и въ отдаленной степени такой революціонной теоріей и такими элементами массовой организаціи, какими обладаетъ соціальдемократія, которая упорной 10-ти лѣтней борьбой пробила первую брешь въ твердынѣ политической и общественной реакціи и которая самыми тѣсными узами связана съ наиболѣе революціоннымъ и непобѣдимымъ классомъ.

Приступая къ осуществленію намѣченныхъ выше задачъ, С.П.Б. Комитетъ заявляетъ о своей солидарности съ теоретическими воззрѣніями, тактическими взглядами и организаціонными идеями „Зари“ и „Искры“, которыя онъ признаетъ руководящими органами русской соціальдемократіи. Пусть придутъ на помощь намъ всѣ партійныя организаціи, пусть тѣснѣе сплотятся онѣ на общепартійной работѣ подъ знаменемъ революціонной соціальдемократіи. Мы не можемъ пассивно ждать одного только формальнаго возстановленія всероссійской партійной организаціи, мы должны немедленно активно взяться со всѣхъ сторонъ за ея созиданіе, чтобы оказаться на высотѣ своей задачи: руководить рѣшительнымъ натискомъ массъ на русское самодержавіе.

С.П.Б. Комитетъ Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи —
Союзъ Борьбы за Освоб. Раб. Класса.

С.-Петербургъ, іюль 1902 г.

Заявленіе Московскаго Комитета Р. С.-Д. Р. П.

„Признавая за литературной дѣятельностью Лиги Рус. Рев.С.-Д. исчерпывающее значеніе въ дѣлѣ теоретической борьбы съ многочисленными теченіями, стремящимися опошлить и исказить великіе революціонные принципы международной соціалдемократіи; раздѣляя и признавая вполнѣ отвѣчающей насущнымъ нуждамъ русскаго рабочаго движенія тѣ организаціонные планы и ту боевую тактику, убѣжденными защитниками которыхъ являются изданія Лиги и газета „Искра“; желая сблизить и объединить мѣстную работу съ общепартійными задачами и цѣлями, Моск. Ком. Рос. С.-Д. Р. П. объявляетъ:

1) Лигу своимъ заграничнымъ представителемъ,
2) „Искру“ своимъ руководящимъ органомъ“.

Южные товарищи о терроръ. Съ величайшимъ удовольствіемъ перепечатываемъ мы прокламацію, изданную группой „Южнаго Рабочаго“ — наиболѣе вліятельной въ нашей партіи южнорусской организаціи. Вѣское слово этой группы окажетъ, безъ сомнѣнія, плодотворное вліяніе на тѣхъ революціонеровъ, которые сбиты съ толку небывалымъ въ нашей исторіи — по своей крикливости — выступленіемъ представителей отжившаго революціоннаго міровоззрѣнія.

Прокламаціи предпослано слѣдующее заявленіе:

Необходимость опредѣленно и рѣзко высказаться по вопросу о терроръ въ настоящій именно моментъ, когда импонирующая, бьющая на эффектъ тактика соціалистовъ-революціонеровъ вызвала шатаніе не только среди зеленой молодежи, но и среди дѣятелей, со стороны которыхъ можно было ожидать большей устойчивости, эта необходимость заставила группу „Южн. Раб.“ выступить съ настоящей прокламаціей, правда, не исчерпывающей всѣхъ доводовъ противъ террора (что и не вмѣстимо въ рамки прокламаціи), но раскрывающей передъ читателемъ сущность того, что для многихъ соц.-рев. скрыто „за порогомъ сознанія.“ Группа „Южн. Раб.“, солидарная съ „Искрой“ по всѣмъ почти программнымъ, организаціоннымъ и тактическимъ вопросамъ, надѣется, что „Искра“ поможетъ широкому распространенію этой прокламаціи, перепечатавъ ее въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ. Группа „Южнаго Рабочаго“.

Россійская Соціальдемократическая Рабочая Партія.

О ТЕРРОРѢ.

Революціонное движеніе въ Россіи началось съ такъ называемаго хожденія въ народъ. Первые русскіе революціонеры думали, что свобода народа можетъ быть добыта только самимъ народомъ; для этого, полагали они, нужно только, чтобы народъ усвоилъ соціалистическія идеи, и народъ считался способнымъ усвоить эти идеи. Считалось, что въ „мірѣ“ и общинѣ народъ обладаетъ учрежденіями, которыя носятъ въ себѣ сѣмена соціализма, что эти учрежденія могутъ стать основами устройства общества на соціалистическихъ началахъ; революціонеры надѣялись, что и въ проповѣди западно-европейскаго соціализма народъ узнаетъ свои же чаянія, получившія только болѣе опредѣленныя, болѣе зрѣлыя формы и радостно пойдетъ навстрѣчу этой проповѣди.

Но народъ не понялъ своихъ друзей и встрѣтилъ ихъ враждебно. Оказалось, что учрежденія, зародившіяся въ рабствѣ, не могутъ сдѣлаться основаніемъ новаго строя. Оказалось, что вчерашній крѣпостной способенъ на бунты, но не способенъ на сознательную революціонную работу. Съ болью въ сердцѣ революціонеры должны были признать, что они обманулись въ своихъ надеждахъ на народъ. Вокругъ нихъ не было революціонныхъ общественныхъ силъ, на которыя они могли бы опереться, а примириться съ существующимъ строемъ насилія и рабства они не могли. И вотъ загорается послѣдняя надежда, надежда утопающаго, который хватается за соломинку: кучка героическихъ и самоотверженныхъ личностей выполнитъ сама своими собственными силами трудное дѣло освобожденія Россіи отъ гнета самодержавія. Она должна это сдѣлать, потому что кромѣ нея нѣтъ другихъ силъ, пригодныхъ къ этому дѣлу. Но въ силахъ ли она выполнить свое рѣшеніе? Этотъ вопросъ для нея почти не существовалъ. Вѣдь борьба этой кучки противъ самодержавія — это послѣднее героическое средство, на которое рѣшается врачъ, когда нѣтъ надежды на выздоровленіе больного. Единственнымъ же средствомъ, на которое могла разсчитывать героическая кучка въ своей одинокой борьбѣ съ самодержавіемъ, былъ терроръ; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ давалъ естественный исходъ непосредственному чувству, являлся реакціей противъ жестокихъ преслѣдованій правительства. Образуется партія „Народная Воля“, и міръ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ былъ свидѣтелемъ невиданнаго въ исторіи зрѣлища: ничтожная по количеству, но сильная духомъ партія „Народной Воли“ вступила въ единоборство съ могущественнымъ русскимъ правительствомъ. Ни казни, ни каторга, ни тюрьма и ссылка не сокрушили энергіи революціонеровъ: подъ ихъ выстрѣлами падали одинъ за

другимъ наиболѣе яркіе и типичные представители правительственнаго произвола и насилія; убитъ былъ, наконецъ, царь....

А многомилліонная масса крестьянства была по прежнему чужда всему этому движенію—невѣжественная, забитая, она не имѣла понятія о томъ, что какіе то чуждые ей люди жертвуютъ своей жизнью за ея благо. Рабочій классъ былъ почти таковъ же, какъ и крестьяне. Что касается культурнаго общества, оно способно было только втайнѣ рукоплескать подвигамъ революціонеровъ и... подавать рабскіе, вѣрноподданическіе адреса. Одинокая кучка самоотверженныхъ героевъ не могла замѣнить реальныхъ освободительныхъ силъ; со смертью лицъ не уничтожились ненавистныя учрежденія. Начинается царствованіе Александра III, время бе. просвѣтнаго мрака и сугубнаго гоненія на всякую свободную мысль. Партія „Народной Воли“ сошла со сцены.

Но жизнь не остановилась; зажатая въ тиски всевозможныхъ цензуръ, мысль не перестала работать. Россія независимо отъ чьей либо воли становилась все болѣе и болѣе европейскимъ цивилизованнымъ государствомъ. Потребности этого государства съ роковой необходимостью заставляли и заставляютъ правительство вызывать къ жизни враждебныя ему общественныя силы, силы, призванныя уничтожить самодержавный произволъ. По сравненію со временемъ „Народной Воли“ многое въ Россіи существенно измѣнилось: культурное общество стало болѣе зрѣлымъ, крестьянство — болѣе сознательнымъ, а главное — выступилъ на арену исторіи, какъ активная и сознательная общественная сила, рабочій классъ. Въ лицѣ рабочаго класса русскіе революціонеры пріобрѣли тотъ народъ, котораго революціонеры 70-хъ годовъ не могли найти. Въ рядѣ демонстрацій русскій рабочій классъ засвидѣтельствовалъ свою способность стать активной политической силой, свою готовность бороться не только за свои непосредственные интересы, но и за дѣло народнаго освобожденія. Въ этомъ вѣрный залогъ лучшаго будущаго нашей родины: рабочій классъ нельзя истребить ни смертными казнями, ни каторгой.

Но какъ ни далеко ушла Россія по пути прогресса, преувеличенное мнѣніе о ея революціонныхъ силахъ можетъ быть пагубно для дѣла революціи. Мы должны помнить, что пока выступили на сцену только передовые отряды рабочаго класса, первыя ласточки грядущей революціи; мы должны помнить, что дѣло революціонной организаціи рабочаго класса еще только началось, что предстоитъ еще огромная работа пробужденія могучей политической силы, дремлющей въ массовомъ рабочемъ. Для русскаго революціонера-соціалиста теперь задача ясна: это пробужденіе самосознанія въ рабочемъ классѣ и организація разрозненныхъ революціонныхъ силъ въ большую могучую политическую партію. Политическая партія, опирающаяся на рабочій классъ, непобѣдима, и передъ ней должны будутъ отступить темныя силы, какъ бы грозны и сплочены они ни были.

Но пока созидается эта партія, путь революціонера по прежнему тернистъ: ему приходится имѣть дѣло съ врагомъ-азіатомъ, вооруженнымъ для борьбы всѣмъ, что дало послѣднее слово европейской цивилизаціи. Эти жестокія преслѣдованія по свойству человѣческой природы не могутъ не оказать своего вліянія на нѣкоторую часть революціонеровъ, на тѣхъ революціонеровъ, которыхъ сильное чувство возмущенія заставляетъ забывать обо всемъ другомъ. Глаза этой части революціонеровъ подъ вліяніемъ преслѣдованій заволакиваются туманомъ, и не видятъ единственнаго пути, ведущаго къ желанной цѣли. Измученные и ожесточенные травлей правительства, они хотѣли бы забыться въ сладкомъ чувствѣ мести врагамъ. Но революціонеръ не долженъ забывать изъ-за дѣла революціонеровъ дѣла революціи. Если мы твердо вѣримъ въ правоту своего дѣла, если мы знаемъ, что побѣда неизбѣжно будетъ на нашей сторонѣ, насъ не устрашатъ преслѣдованія и не заставятъ сойти съ избраннаго единственнаго вѣрнаго пути организаціи революціонныхъ общественныхъ силъ. Въ примѣрѣ нашихъ отцовъ и старшихъ братьевъ, сложившихъ свои головы за великое дѣло свободы, мы будемъ почерпать мужество для этой борьбы. Но мы обнаружили бы неблагодарность къ ихъ памяти и оскорбили бы ихъ, если бы стали повторять ихъ способъ борьбы, какъ будто за 20 лѣтъ мы ничему не научились. Мы показали бы этимъ, что жертвы ихъ были безплодны.

Но въ работѣ по пробужденію самосознанія и организаціи партіи революціонеру приходится сталкиваться съ такими отвратительными фактами, какъ сѣченіе розгами участниковъ демонстраціи въ Вильнѣ. Неужели можно не отвѣчать на эти возмутительные факты униженія человѣческаго достоинства? У всякаго живого человѣка невольно сжимаются кулаки и сознаніемъ овладѣваетъ гнетущая мысль: да какая же планомѣрная работа возможна при такихъ условіяхъ? Но истинный революціонеръ не долженъ давать какъ нельзя болѣе понятному чувству овладѣть собою. Если мы будемъ имѣть мужество заглянуть дальше внѣшней стороны этого возмутительнаго виленскаго факта, мы должны будемъ признать, что если бы виленскіе рабочіе были вполнѣ сознательными людьми, ихъ было бы невозможно, физически невозможно подвергнуть сѣченію: арестованныхъ въ Вильнѣ сѣкли по очереди, и въ то время какъ одного сѣкли, другіе тутъ же ждали своей очереди. Этого факта не уничтожилъ выстрѣлъ Леккерта. Но пусть рабочіе станутъ развитѣе и сознательнѣе, и такіе факты будутъ невозможны. Не нужна станетъ и смерть такихъ необходимыхъ для родины людей, какъ Лекертъ. Отдѣльныхъ фактовъ насилія и формъ оскорбленія человѣческаго достоинства безграничное множество, и революціонная партія погубила бы себя, если бы увлеклась партизанской борьбой съ единичными представителями этого насилія. Мы должны всегда помнить, что насиліе есть лишь проявленіе общаго строя, а измѣнить общественный строй можно единственнымъ путемъ политическаго воспитанія массъ. Каждый актъ насилія долженъ въ рукахъ революціонеровъ служить орудіемъ пропаганды, но революціонеръ не можетъ стать ни судьей, ни палачомъ. Если оскорбляется человѣческое достоинство, то только одинъ оскорбляемый можетъ возстановить его, но никто болѣе. Другіе люди могутъ создать новыя условія, при которыхъ оскорбленіе сдѣлается невозможнымъ, но не казнью оскорбителей создадутся эти новыя условія. Тотъ же, кто не можетъ овладѣть непосредственнымъ чувствомъ, пусть поступаетъ по указанію этого чувства. Мы не осудимъ его: неприкосновенно святы для насъ люди, своей кровью запечатлѣвающіе безконечную свою преданность великому дѣлу освобожденія. Но мы со всей энергіей протестуемъ противъ попытки бюрократической организаціи этого непосредственнаго, и потому по самой своей природѣ неподлежащаго такой организаціи, чувства, мы протестуемъ противъ литературной проповѣди организованнаго террора, какъ исхода этому непосредственному чувству.

Протестуя противъ террора, мы не должны забывать, что всякая неправда, каждое насиліе, мимо котораго мы проходимъ безъ непосредственнаго протеста, подсказываемаго чувствомъ, налагаютъ на насъ все новое и новое обязательство отдавать всю свою жизнь на созданіе такихъ условій существованія, при которыхъ эта неправда и насиліе станутъ невозможными.

Группа Южнаго Рабочаго.

Нижегородскимъ Комитетомъ выпущены за послѣднее время листки: 1) къ солдатамъ, 2) къ учителямъ и учительницамъ, 3) къ крестьянамъ двухъ волостей Балахнинскаго уѣзда, 4) къ рабочимъ села Городца, 5) къ раб. зав. Теръ-Акопова, 6) къ рабочимъ зав. Добровыхъ, 7) къ сормовскимъ рабочимъ, 8) „Почему крестьяне раззоряются“? 9) Отчетъ комитета за годъ, 10) Отвѣтъ „злыхъ наушниковъ“ на „задушевное слово генерала Богдановича“, 11) о самодержавіи. Листокъ къ солдатамъ хорошо распространенъ и имѣлъ успѣхъ.

Донскимъ Комитетомъ партіи въ сентябрѣ изданы прокламаціи: 1) по поводу казни трехъ рабочихъ за убійство городового (въ 950 экз.), 2) къ рабочимъ зав. Кекишева и фабрики Максимовыхъ, 3) къ раб. цементнаго завода, 4) къ рабочимъ табачной фабрики Асмолова.

Лодзинскимъ комитетомъ „Бунда“ издана 9 сент. прокламація (на евр. языкѣ) по поводу покушенія, произведеннаго на директора одной мѣстной фабрики. Покушеніе было вызвано жестокимъ обращеніемъ директора съ рабочими. Какъ видно изъ воззванія, Лодзинскій комитетъ не раздѣляетъ точки зрѣнія, усвоенной недавней конференціей представителей „Бунда“ и выразившейся въ признаніи необходимости организованныхъ единоличныхъ актовъ насилія противъ полицейскихъ насильниковъ. Напротивъ, Лодзинскій Комитетъ протестуетъ противъ такой точки зрѣнія, говоря: (цитируемъ по переводу, помѣщенному въ № 90 „Послѣднихъ извѣстій“).

„Но достигается-ли такими средствами (обливаніе кислотой и пр.) цѣль защиты человѣческаго достоинства рабочихъ? Всякій, кто надъ этимъ поразмыслитъ, долженъ отвѣтить: нѣтъ, не достигается. Уже не говоря о томъ, что всѣхъ изверговъ, которыми кишитъ современное испорченное плутократическое общество, не уничтожишь, человѣческое достоинство еще не защищается тѣмъ, что кто-нибудь изъ-за угла отомститъ за всѣхъ рабочихъ, наоборотъ, это еще притупляетъ ихъ человѣческое достоинство, пріучая ихъ вѣрить, что другіе за нихъ отомстятъ, и они остаются столь-же равнодушными къ оскорбленіямъ, какъ прежде.“

Рекомендуя рабочимъ бороться противъ насилій массовыми протестами, воззваніе заканчивается слѣдующими словами: „Пусть каждый стоитъ за свою честь и всѣ за честь каждаго, тогда не будетъ болѣе надобности въ актахъ единоличной расправы, и мы гордо и побѣдоносно поведемъ нашу борьбу за честь и свободу рабочаго класса, за равенство всѣхъ людей.“

Нѣмецкіе соціаль-демократы о терроре. Революціонное движеніе въ Россіи, нѣтъ сомнѣнія, начинаетъ привлекать къ себѣ все въ большей степени вниманіе западно-европейской — особенно нѣмецкой — соціаль-демократіи. Прежній скептицизмъ мало по малу уступаетъ мѣсто живому интересу, появляется тщательная регистрація событій, и наконецъ --- за самое послѣднее время --- мы находимъ уже не одинъ простой отчетъ о происходящемъ, но и критику того, что происходитъ, желаніе разобраться въ теченіяхъ русской соціалистической мысли, дать оцѣнку тактикѣ нашихъ революціонныхъ организацій.

Въ прошломъ номерѣ мы отмѣтили уже тотъ пріемъ, который оказала нѣмецкая печать „беллетристскимъ“ аллюрамъ „боевой организаціи“. Сейчасъ мы обращаемъ вниманіе читателей на передовую статью Лейпцигской Народной Газеты --- „Новѣйшія теченія въ русской соціаль-демократіи“ отъ 10 октября сего года. Статья говоритъ о той „большой опасности“, которая грозитъ русской соціаль-демократіи отъ „оживленія“ въ ея средѣ „террористическихъ тенденцій“. Опасность была не велика до тѣхъ поръ, пока эти тенденціи находили себѣ мѣсто въ кругахъ, съ рабочей массой непосредственно не соприкасающихся. Другое дѣло, когда это теченіе начинаетъ обнаруживаться въ организаціи, стоящей въ тѣсномъ общеніи съ массой --- духовно и матеріально --- съ нею прочно связанной“. Рѣчь идетъ о всеобщемъ еврейскомъ рабочемъ союзѣ и о резолюціи его сентябрьской конференціи --- о „тактикѣ обезчещенія“.

Эта резолюція — говоритъ Лейпц. Нар. Газ. — „ясно показываетъ, на какой опасный путь можетъ вступить партія, удаляясь съ твердой почвы основныхъ принциповъ и становясь на точку зрѣнія временныхъ настроеній и личной психологіи. Для партіи существуютъ только мотивы цѣлесообразности, ихъ дѣйствія должны соотвѣтствовать ихъ общимъ цѣлямъ, осуществляемымъ массовымъ движеніемъ и только въ немъ находящимъ себѣ выраженіе. Месть, какъ таковая, не можетъ быть руководящимъ принципомъ борющейся партіи... Въ партійномъ движеніи такіе акты (мести) неизбѣжно либо пріостанавливаются, либо превращаются мало по малу въ средства систематической борьбы. И разъ только соц.-дем. партія, приспособившая свою организацію для политической борьбы, захотѣла бы войти въ эту атмосферу мщенія, — мщеніе же непремѣнно стало бы въ скоромъ времени ежедневнымъ и повсемѣстнымъ, разъ только партія захотѣла бы всегда розыскивать виновныхъ — а списокъ виноватыхъ начинается городовымъ и жандармомъ и кончается царемъ, — ей бы ничего другого не оставалось дѣлать, какъ уйти цѣликомъ въ эту террористическую борьбу, постепенно потерять всякое общеніе съ массами и обречь эти массы на бездѣйствіе. Это значило бы на десятки лѣтъ вырвать почву изъ подъ ногъ у соц.-дем. Опасный, ложный путь, и мы надѣемся, что организаціи на него не вступятъ. Во всякомъ случаѣ характерно то, что инициатива исходитъ отъ такой вліятельной группы, какъ центральный комитетъ евр. раб. союза, хотя, правда, точка зрѣнія его и не раздѣляется его заграничнымъ комитетомъ.

„Справились съ „экономизмомъ“, и справятся съ этимъ опаснымъ теченіемъ, какъ только уляжется возбужденіе, и русская соціаль-демократія выйдетъ изъ этихъ внутреннихъ битвъ окрѣпшей, для того чтобы со всей силой, дружно и организованно, вести массовую борьбу противъ существующаго порядка“.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Изъ западно-европейской общественной жизни.

Стачка сельско-хозяйственныхъ рабочихъ въ Галиціи обратила на себя всеобщее вниманіе. Въ этой стачкѣ одинаково приняли участіе какъ мелкіе крестьяне, такъ и настоящіе рабочіе-пролетаріи. Впрочемъ, галиційскій крестьянинъ является собственникомъ только по названію. Освобожденные отъ крѣпостной зависимости въ 1848 г., галиційскіе крестьяне за огромный выкупъ получили ровно столько земли, сколько необходимо было, чтобы гарантировать правильное поступленіе платежей и налоговъ. Такъ какъ всѣ лѣса и выгоны отошли къ помѣщикамъ, то крестьяне лишены были возможности вести сколько нибудь правильное хозяйство. Бремя налоговъ бросило ихъ въ объятія ростовщика, и скоро весь доходъ съ своего жалкаго участка стали они дѣлить между кулакомъ и казной. Имъ самимъ и ихъ семьямъ не оставалось ничего, и чтобы хоть какъ нибудь прокормиться, пришлось прибѣгнуть къ продажѣ своей рабочей силы. Покупателемъ явился живший тутъ же подъ бокомъ помѣщикъ, который не преминулъ воспользоваться своимъ положеніемъ. Длинный рабочій день, ничтожная заработная плата, плата поштучная и уплата натурою, система посредничества (сдача земли крестьянамъ, дробящимъ ее на мелкіе участки и сдающимъ ихъ болѣе бѣднымъ) и даже нѣчто въ родѣ фабричныхъ лавокъ---обязательная покупка дровъ изъ лѣса помѣщиковъ, словомъ, всѣ тонкости капиталистической эксплуатаціи были пущены въ ходъ, чтобы держать крестьянина въ матеріальной, а затѣмъ и политической зависимости. Помѣщики и попы являются полными господами этой австрійской провинціи: въ рукахъ однихъ вся власть, всѣ депутатскія мѣста, вся администрація, весь судъ; другіе завладѣли умомъ и душою крестьянина. И тѣ и другіе, и помѣщики и попы, связаны между собою крѣпкими узами — эксплуатаціей крестьянской нищеты и темноты.

Австрійская конституція не спасла крестьянина отъ раззоренія и угнетенія: права остаются на бумагѣ, пока масса не научается цѣнить ихъ и пользоваться ими. Но австрійская конституція дала возможность австрійской соціальдемократіи, выросшей и окрѣпшей при другихъ условіяхъ, въ другихъ болѣе промышленныхъ областяхъ Австріи, начать и здѣсь свою агитаціонно-организаторскую работу. Не соц.-дем. организовали стачку: она была скорѣе стихійнымъ движеніемъ, начавшимся въ одной деревнѣ и какъ бы по волшебству охватившимъ свыше 100 тысячъ человѣкъ въ 250 разныхъ деревняхъ. Но предварительная пропаганда соціальдемократіи содѣйствовала тому, что стачечники выступали съ сознаніемъ своихъ правъ, съ яснымъ пониманіемъ своихъ задачъ. Правда, этому движенію недоставало единства; въ разныхъ деревняхъ выставлялись различныя требованія относительно увеличенія заработной платы, относительно уменьшенія рабочаго дня (въ одномъ мѣстѣ требовали 1 -ти часового рабочаго дня, въ другомъ---девятичасового, а въ третьемъ---даже восьмичасового), но всѣ безпристрастные наблюдатели принуждены были отнестись съ уваженіемъ къ выдержанности стачечниковъ, ихъ чувству солидарности, проявлявшемуся даже въ мелочахъ. Товарищъ Виттикъ, много поработавшій надъ организаціей стачечниковъ, такъ описывалъ ихъ настроеніе: „всякій, вновь прибывшій въ мѣста, охваченныя стачкой, будетъ пораженъ той торжественной тишиной, какая царитъ въ деревняхъ. Такъ бываетъ только въ дни большихъ праздниковъ. Образцовая солидарность и полное спокойствіе крестьянъ приводятъ въ изумленіе даже самихъ землевладѣльцевъ. Нигдѣ никакихъ дракъ, не видно нигдѣ пьяныхъ, не слышно музыки; кабаки остаются пустыми. Солидарность и спокойствіе! таковъ лозунгъ, передающійся изъ деревни въ деревню“.

Но такъ продолжалось не долго. Было время жатвы, время горячее, и землевладѣльцамъ волей неволей приходилось уступать. И дѣйствительно въ очень многихъ округахъ побѣда осталась за стачечниками. Но наиболѣе богатые изъ пановъ считали униженіемъ уступку мужику. Надо сломить его упрямство и не дать ему возгордиться побѣдой — такъ гласила панская мудрость. Единственная надежда была на вмѣшательство правительства. Галиція была наводнена жандармами и солдатами. Жандармы получили приказаніе арестовывать, солдаты—стрѣлять. Послѣдовавшія затѣмъ сцены хорошо знакомы русскому читателю по личному опыту и вовсе не являются рѣдкостью въ стонущей подъ гнетомъ шляхты Галиціи. Успѣха, однако, эта гнусная политика запугиванія не имѣла, если не считать успѣхомъ нѣсколько десятковъ болѣе или менѣе тяжело раненыхъ и нѣсколько сотенъ арестованныхъ крестьянъ.

Съ концомъ жатвы стачка сама собой прекратилась. Такъ какъ въ большинствѣ случаевъ побѣда оставалась на сторонѣ крестьянъ, то надо думать, что стачечное движеніе возобновится и въ будущемъ году, хотя введеніе сельскохозяйственныхъ машинъ нѣсколько затруднитъ эту борьбу. Обязанность соціальдемократіи своевременно заняться необходимой для успѣха организаціей. А соціальдемократическимъ депутатамъ предстоитъ въ парламентѣ свести счеты съ правительствомъ и галиційскими помѣщиками за подлую расправу со стачечниками.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦ. БОРЬБЫ.

Петербургъ. Въ началѣ октября арестованы дантистъ А. Зельдовъ и курсистка Пантелеймонова. — Аресты въ Баку, Батумѣ и Тифлисѣ. Въ Тифлисѣ арестованъ во второй разъ Простосердовъ. — Одесса. Въ августѣ въ Холодной балкѣ арестованы: земскій врачъ Ульяновъ, женщина-врагъ Могилевская, фельдшеръ Мѣденякъ и фельдшерица Нищеретова. — Въ Кременчугѣ на вокзалѣ арестована въ концѣ августа съ литературой Инна Леманъ (нелег.), бѣжавшая изъ Вятской губ. въ 1899 г. Отвезена въ Кіевскую тюрьму.

Сосланы въ В.-Сибирь: Менкесъ (ткачъ, нелегальный, арестованъ въ 1902 г., по дѣлу „Раб. Знам.“), Кузьминъ (старый ссыльный; жилъ въ Омскѣ); врачъ Бродскій изъ Кіева; бывшій рядовой Берлинъ, обвинявшійся въ томъ, что намѣревался освободить изъ Кіевской крѣпости заключеннаго въ ней Урицкаго, на 8 лѣтъ.

Бѣжали изъ Вост. Сибири: Викторъ Вейнштокъ (изъ Забайкальской области, гдѣ былъ на поселеніи; въ 1892 г. былъ арестованъ за пропаганду въ СПБ. войскахъ и среди рабочихъ и, какъ вольноопредѣляющійся, осужденъ военнымъ судомъ на 10 лѣтъ каторги), Николай Кудринъ (сосланъ на 5 лѣтъ по уральскому с.-д. дѣлу 1899 г.); Бронштейнъ (сосланъ на 4 г. въ 1899 г. по дѣлу южно-русскаго рабочаго союза въ Николаевѣ); Стач. Полинскій (раб., арестованъ въ Варшавѣ въ 1893 г. и послѣ четырехъ лѣтъ тюремнаго заключенія сосланъ на 10 лѣтъ въ Якутскую область); Евгенія Гуревичъ (сослана по дѣлу Бунда въ 1898 г.); Бергеръ (по польскому дѣлу); Скрипникъ (петерб. технологъ); Файнъ (арест. въ СПБ. весной 1901 г.); І. Ленскій (учитель изъ Вильны).

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ.

Приговоръ по дѣлу Михаила Ивановича Гуровича (онъ же Гуревичъ), бывшаго государственнаго ссыльнаго, принимавшаго участіе въ изданіи журнала „Начало“, около 40 лѣтъ отъ роду.

Въ теченіи лѣта и осени 1901 г. въ революціонныхъ кругахъ въ Россіи возникли весьма вѣскія обвиненія противъ М. И. Гуровича въ томъ, что онъ служитъ въ департаментѣ полиціи въ качествѣ агента-провокатора. Разслѣдованіе этихъ обвиненій, по желанію какъ русскихъ товарищей, такъ и самого Гуровича, было поручено особой коммиссіи за-границей. Въ коммиссію вошли уполномоченные Заграничной лиги русской революціонной соціаль-демократіи, Союза русскихъ соц.-дем. заграницей и соц.-демократической группы „Борьба“*).

Въ теченіи продолжительнаго и тщательнаго разслѣдованія дѣла коммиссія выслушала въ рядѣ засѣданій подробныя объясненія Гуровича, какъ отдѣльно, такъ и на очныхъ ставкахъ съ двумя свидѣтелями, выслушала показанія шести свидѣтелей и разсмотрѣла письменныя сообщенія С.-Петербургскаго Комитета Рос. С.-Д. Р. Партіи и отдѣльныхъ товарищей. Всѣ добытыя этимъ слѣдствіемъ точныя и провѣренныя данныя вполнѣ подтверждаютъ предъявленныя къ Гуровичу обвиненія, вслѣдствіе чего коммиссія единогласно постановляетъ объявить М. И. Гуровича агентомъ-провокаторомъ.

Подробный мотивированный приговоръ по этому дѣлу коммиссія разошлетъ конфиденціально дѣйствующимъ въ Россіи и заграницей революціоннымъ организаціямъ.

Уполномоченные представители организацій:

Заграничной Лиги Револ. Соц.-Демократіи (слѣдуетъ подпись),
Союза Рус. Соц.-Демократовъ за-границей (слѣдуетъ подпись),
Соц.-Демократической группы „Борьба“ (слѣдуетъ подпись).
5 октября (22 сентября) 1902 года.

*) Къ участію въ коммиссіи были приглашены и представители соц.-революціонеровъ, но они отъ этого отказались.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Получено: черезъ Рудникова за литературу по 10 октября 85 фр. 40 сант:; отъ „буддиста“ 50 руб., отъ Е. А. 50 руб.; отъ друзей 50 руб., отъ Макара 506 руб.; отъ Ольги Юрь. 12 руб.; отъ Архаровца 23 руб., отъ А. 200 руб., изъ Льежа за литературу и сборы 77 фр. 36 сант.; изъ Брюсселя 25 фр. 20 сант., изъ Гейдельберга 200 мар., отъ Каца сборъ въ пользу „Искры“ 5 м., отъ Орлова для „Искры“ 20 мар., изъ Цюриха черезъ Д. Д. 368 фр., изъ Ньюкастля 1 ф. ст.; изъ М. М. 10 мар., отъ К.К.-С.Д. 150 руб. На революціонное предпріятіе („когда-бъ я былъ царемъ земнымъ“) получено 800 руб. Отъ Юлія въ сибирскую кассу 5 фр., съ Ронской долины для „Искры“ 18 фр., отъ Юлія для „Искры“ 13,50 фр., отъ кружка въ Цюрихѣ 10,70, за литературу 23,75 фр. Въ пользу бѣжавшихъ изъ Кіевской тюрьмы: изъ Льежа 59 фр. 80 сант, отъ общ. англійскихъ друзей русской свободы 11 ф. ст., отъ Гали 5 фр., отъ П. Б. Струве черезъ П. Аксельрода 10 кронъ, отъ Германна изъ Зофингена 5 фр., отъ Е. А. Л. 10 ф., отъ Каца 3 фр., изъ Винтертура 5 ф., съ Ронской долины 10 фр., изъ города. Л.: отъ Мнтн 1 фр., отъ Х. 2 фр,, отъ олдъ фрэндъ 20 фр., отъ членовъ группы взносъ 7 ф.

Въ пользу заключенныхъ въ Одесской тюрьмѣ получено отъ Сибирской кассы въ Цюрихѣ 150 фр.

Въ помѣщенномъ въ прошломъ № отчетѣ вкралась ошибка: за литературу чер. Рудникова получено не 32.50, а 92 фр. 50 с.

Зайчику. Письмо написано непонятнымъ ключемъ.

А. В. С. Прокламація Тверского Комитета не получена.

„Дневникъ Ка—ца“ полученъ.

Со всѣми требованіями на нашу литературу просимъ обращаться изъ заграницы по адресу: Herrn Axelrod, Zurich, Vogelsangstrasse 9.

Типографія „Искры“.

Второй годъ изданія.

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 27 — 1-го ноября 1902 года. — № 27

BIBLIOTHEQUE * MUSÉE DE LA GUERRE *

КЪ ЭПИЛОГУ КРЕСТЬЯНСКИХЪ БУНТОВЪ.

Съ харьковскими и полтавскими процессами закончится весь эпизодъ весеннихъ „бунтовъ“. Теперь уже всякому должно быть ясно, что чиновничья и помѣщичья Россія совершенно неправильно приписала революціонной агитаціи отвѣтственность за случившееся. Совершенно неправильно, — прежде всего потому, что, какъ ясно вытекаетъ даже изъ матеріала, собраннаго обвинительными актами по крестьянскимъ процессамъ, недавнее движеніе было непосредственно вызвано крайнимъ обостреніемъ хронической нужды систематически и безсовѣстно ограбляемыхъ крестьянъ.

Объ участіи „агитаторовъ“ въ возбужденіи крестьянскихъ „бунтовъ“ — обвинительные акты ничего не говорятъ, если не считать отмѣченнаго въ обвинительномъ актѣ по дѣлу о разгромѣ экономіи Рабича показанія подсудимыхъ крестьянъ, которые, „упоминая о своей крайней нуждѣ, высказались, что дѣйствовали по примѣру сосѣднихъ деревень Полтавской губ., гдѣ, какъ они слышали, появлялись ‚студенты‘, которые или учили народъ, — что ему дано право пользоваться имуществомъ ‚пановъ‘, или даже сами, предводительствуя толпой, производили взломы амбаровъ и приглашали крестьянъ къ ихъ расхищенію“. Нигдѣ въ актахъ нѣтъ и рѣчи о томъ, чтобы предводителями толпы при разгромахъ являлись революціонеры. Такими предводителями бывали или мѣстные же крестьяне, или прибывшіе изъ „бунтовавшихъ“ мѣстностей.

Что среди крестьянъ мѣстами велась пропаганда — въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Вѣрно и то, что вызванное крайней нуждой возбужденіе крестьянъ было значительно усилено смутными слухами о городскихъ волненіяхъ, отразившихся въ умахъ крестьянъ, какъ борьба „студентовъ“. Но все это говоритъ только о томъ, что русское крестьянство — несмотря на китайскую стѣну, которою самодержавіе его отрѣзало отъ культурной Россіи — начинаетъ, если еще не жить исторической жизнью, то уже прислушиваться къ ней. И если при этомъ вся вѣками воспитанная крестьянская темнота рѣзко даетъ себя знать въ формахъ проявленія мужицкаго недовольства, то нелѣпо отвѣтственность за эти формы взваливать на тѣ первые лучи политическаго сознанія, которые пыталась внести въ эту среду революціонная пропаганда. Не новая Россія съ ея гражданскими формами и съ ея классовымъ самосознаніемъ сказалась въ этихъ стихійныхъ вспышкахъ; въ нихъ проявила себя — вѣроятно, еще не въ послѣдній разъ — старая Россія съ ея азіатскими формами политическихъ отношеній, съ ея дореформенными политическими горизонтами, съ ея стадной импульсивностью, далекой отъ правильнаго представленія о соотношеніи между цѣлью и средствами.

Испуганному уму собственника картина расхищеній „панскаго“ имущества представляется первымъ практическимъ приложеніемъ ученій соціализма. Но это невѣрно. Соціализмъ никогда не призывалъ „дѣлить“ богатства эксплуататоровъ. „Дѣлежъ, говоритъ Каутскій (Эрфуртская программа) — это соціализмъ мелкихъ производителей, это соціализмъ такъ-называемыхъ „консервативныхъ“ слоевъ народа, это не есть соціализмъ пролетаріата крупной промышленности“. Не вышедшее еще изъ круга предразсудковъ, воспитанныхъ условіями существованія мелкаго самостоятельнаго хозяйства, крестьянство естественно видитъ свое спасеніе отъ нищеты въ раздѣлѣ тѣхъ земельныхъ богатствъ, которые захвачены помѣщиками и служатъ въ ихъ рукахъ ближайшимъ образомъ средствомъ закабаленія крестьянъ. Какъ отмѣчаетъ тамъ же Каутскій, этотъ пріемъ „дѣлежа“ захваченныхъ монополистами богатствъ крестьяне неоднократно примѣняли на дѣлѣ. „Всего только сто лѣтъ назадъ — во время французской революціи, которая такъ рѣзко подчеркивала право частной собственности, — ремесленники и крестьяне совершили раздѣлъ церковныхъ имѣній“. Этотъ раздѣлъ, какъ извѣстно, всего менѣе способствовалъ устраненію капитализма; напротивъ, онъ послужилъ однимъ изъ средствъ преобразованія феодальнаго строя въ буржуазно-капиталистическій. Не иначе отразился бы на современной Россіи и раздѣлъ между крестьянами даже всей помѣщьичьей земли. Этотъ раздѣлъ послужилъ бы сильнѣйшимъ толчкомъ къ развитію товарнаго производства, внутренняго рынка для фабричной промышленности, а, слѣд., къ дальнѣйшему разложенію крестьянской массы, росту въ ней классовыхъ противорѣчій и классовой борьбы. Въ конечномъ счетѣ онъ создалъ бы благопріятныя условія для развитія соціалистическ. движенія, но самъ по себѣ онъ былъ бы не методомъ осуществленія соціализма, а методомъ развитія буржуазнаго строя на развалинахъ вымирающаго крѣпостного. Если, поэтому, организуемое соіалдемократіей классовое движеніе пролетаріата встрѣчаетъ на своемъ пути въ современной Россіи нерѣшенный исторіей вопросъ о стремленіи многомилліоннаго крестьянства рѣшительно развязаться съ вѣковымъ гнетомъ помѣстнаго землевладѣнія; если, въ этомъ своемъ стремленіи, крестьянство не выходитъ — и въ цѣломъ еще не можетъ выйти — изъ круга по существу буржуазныхъ представленій о раздѣлѣ, равненіи и т. п., то далекая отъ священнаго трепета собственниковъ передъ такою „грубостью простонародья“, соц.-демократія одинаково далека отъ вульгарно-„соціалистической“ идеализаціи этихъ стремленій. Съ точки зрѣнія интересовъ классовой борьбы пролетаріата, — единственной борьбы, ведущей къ освобожденію человѣчества, — она взвѣшиваетъ соціальную и политическую цѣнность всѣхъ возникающихъ въ современной Россіи общественныхъ движеній, беретъ на себя поддержку всего того въ нихъ, что содѣйствуетъ общественному развитію, подхватываетъ всѣ тѣ требованія разныхъ общественныхъ классовъ, которыя таятъ въ себѣ революціонную борьбу противъ учрежденій и порядковъ, стоящихъ на пути развитія пролетарской классовой борьбы, освобождаетъ эти требованія отъ налипшаго на нихъ въ процессѣ историческаго развитія покрова мистическихъ и реакціонныхъ представленій, тѣмъ самымъ связывая эти требованія съ основнымъ великимъ „національнымъ“ требованіемъ дня — съ задачей гражданскаго и политическаго раскрѣпощенія русскаго народа, и доводитъ до логическаго конца революціонные и демократическіе элементы этихъ требованій. Она не скажетъ крестьянамъ, что осуществленіе ихъ притязаній на панскую землю будетъ началомъ конца всякаго буржуазнаго развитія, началомъ конца всякой эксплуатаціи человѣка человѣкомъ. Она не скажетъ этого, потому что сказать это — значило бы вдаваться въ демагогію и дурачить крестьянство. Напротивъ, она скажетъ ему (и рабочему, и „обществу“), что осуществленіе его стремленій къ прирѣзкѣ земли можетъ, при извѣстныхъ условіяхъ, избавить его отъ мученій докапиталистической, кабальной эксплуатаціи, но не разрѣшитъ вопроса о той общей буржуазной эксплуатаціи, которая тяготѣетъ надъ всѣми трудящимися массами и обусловливаетъ собой содержаніе соціалистическаго рабочаго движенія. Она поддержитъ крестьянскія требованія объ экспропріаціи земель, служащихъ средствомъ поддержанія кабальныхъ, полукрѣпостническихъ общественныхъ отношеній, и поможетъ раціональной формулировкѣ этихъ требованій, но она никогда не опустится до того, чтобы въ этихъ требованіяхъ признать свой соціалистическій идеалъ и чтобы питать въ крестьянствѣ вѣру въ исцѣлимость всѣхъ его соціальныхъ недуговъ примѣненіемъ этого средства.

И съ той же точки зрѣнія соціалдемократія должна отнестись къ выставленному теперь съ разныхъ сторонъ требованію „націонализаціи земли“. Въ этомъ требованіи она прежде всего усматриваетъ попытку прикрыть соціалистическимъ ореоломъ буржуазныя требованія „раздѣла“ и „равненія“, попытку дешевой цѣной откупиться отъ кажущагося противорѣчія между нашей соціалистической конечной цѣлью, требующей объединенія средствъ производства въ рукахъ общества, и ближайшими лозунгами дня, среди которыхъ всего громче раздается крестьянское требованіе о „прирѣзкѣ земли“.

Недавно, на одномъ русскомъ собраніи заграницей, ораторъ, громившій „Искру“ за ея аграрную программу, сказалъ, что въ настоящее время всякій политическій шарлатанъ, который предложитъ крестьянамъ націонализацію земли, будетъ имѣть успѣхъ. Очень можетъ быть. Но именно поэтому соціалдемократія имѣетъ всѣ основанія не спѣшить подхватывать этотъ соблазнительный лозунгъ. Мы слишкомъ отчетливо представляемъ себѣ, какіе общественные классы пріобрѣтутъ политическое господство въ Россіи на другой день послѣ переворота, за который мы боремся, чтобы восторгаться идеей о передачѣ въ руки этихъ буржуазныхъ классовъ распоряженія земельнымъ фондомъ страны. А, съ другой стороны, мы слишкомъ хорошо понимаемъ всю психологію требованія націонализаціи. Мы знаемъ, что большинство русскихъ соціалистовъ, говорящихъ о ней, не даютъ себѣ отчета, въ какомъ отношеніи это требованіе должно стоять къ конечной цѣли движенія. Сама по себѣ націонализація земли далека отъ того, чтобы быть преддверіемъ къ соціалистическому строю, подобно тому, какъ переходъ въ руки государства желѣзныхъ дорогъ или даже угольныхъ шахтъ не есть еще само по себѣ начало осуществленія соціализма. Не устраняя капиталистическихъ отношеній и порождаемой ею классовой борьбы, націонализація земли только измѣняетъ форму борьбы за владѣніе одной частью средствъ производства, превращая ее въ борьбу не съ классомъ землевладѣльцевъ, а со всѣмъ капиталистическимъ обществомъ, владѣющимъ землей (или рентой на землю). Поскольку такая перемѣна упрощаетъ механизмъ соціалистической борьбы пролетаріата, она можетъ считаться прогрессивной. Но другое дѣло, когда — а таковъ, несомнѣнно, нашъ случай — націонализація земли въ представленіи ея апостоловъ связана съ упроченіемъ и увѣковѣченіемъ мелкаго, изолированнаго крестьянскаго хозяйства, съ подмѣной пролетарскаго соціализма мелкобуржуазнымъ индивидуализмомъ или кооперативмомъ. Говоря, что націонализація обобщаетъ нынѣшнія требованія русскихъ крестьянъ о „прирѣзкѣ“ земли, наши демократы и „соц.-рев.“ тѣмъ самымъ признаются, что имъ эта націонализація нужна именно для поддержанія если не самого крестьянскаго „самостоятельнаго“ хозяйства, то, по крайней мѣрѣ, крестьянскихъ предразсудковъ объ укрѣпленіи такого хозяйства при капитализмѣ. Если же при этомъ, полемизируя противъ насъ, говорятъ, что наша ближайшая революція будетъ не буржуазной, а демократической, хотя и не соціалистической, то это несравненное возраженіе окончательно выдаетъ съ головой возражающихъ, свидѣтельствуя, что ихъ ближайшимъ идеаломъ является мелкобуржуазный укладъ крестьянскаго хозяйства, „ограничивающій“ (въ ихъ представленіи) господство капитализма, неизбѣжность дальнѣйшаго развитія какового уже не отрицаетъ ни одинъ „соц.-рев.“ Соціалдемократія не можетъ приложить своихъ рукъ къ дѣлу одурачиванія мужика увѣреніями, что ближайшій политическій переворотъ, при условіи націонализаціи земли, обезпечитъ ему безмятежную обитель въ царствѣ развивающагося капитализма. Поддерживая и помогая ему формулировать его требованія о „прирѣзкѣ“, она не станетъ скрывать ни отъ себя, ни отъ него, палліативнаго характера этихъ требованій и полной совмѣстимости съ нормами буржуазнаго строя тѣхъ методовъ „раздѣла“ и частичной экспропріаціи, которыми могутъ быть достигнуты эти прирѣзки; она не станетъ замалчивать того для нея несомнѣннаго факта, что для „трудового крестьянства“ задача соціальнаго освобожденія неразрѣшима внѣ задачи соціальнаго освобожденія пролетаріата, внѣ соціалистической революціи.

Русское рабочее движеніе начинаетъ политически формироваться въ то время, когда исторія еще не разрѣшила тѣхъ свойственныхъ до-капиталистической эпохѣ обществен-ныхъ вопросовъ, которые не могутъ быть разрѣшены безъ примѣненія такихъ — непосредственно „несоціалистическихъ“ — методовъ политической борьбы, какъ „раздѣлъ“, частичная экспропріація, какъ сословное возстаніе противъ привилегированнаго сословія тунеядцевъ, какъ „общенаціональное“ движеніе „народа“ противъ учрежденій, одновременно пригнетающихъ и буржуазные, и пролетарскіе, и промежуточные элементы этого народа. Закрывать глаза на этотъ фактъ, значило бы проявлять крайнюю близорукость. Но выбрасывать изъ-за этого факта за бортъ все то, что даетъ намъ наше соціалистическое сознаніе, было бы политическимъ авантюризмомъ. Поддерживая борьбу революціонной и оппозиціонной интеллигенціи съ самодержавіемъ, мы никогда не опустимся до того, чтобы увѣрять (или вѣрить), будто ея политическое движеніе тождественно съ борьбой противъ классового господства; руководя стачечной (профессіональной) борьбой рабочихъ массъ, мы не станемъ поддерживать предразсудка, будто эта борьба сама по себѣ приведетъ къ освобожденію рабочаго класса. И помогая крестьянству вести успѣшную борьбу съ крѣпостниками, мы не станемъ сѣять вредныхъ иллюзій о значеніи этой борьбы, не станемъ повторять за соц.-револ., будто бы объединеніе этого крестьянскаго и нашего рабочаго движенія достигнуто „навѣки нерушимо“ тѣмъ фактомъ, что рабочій-революціонеръ стрѣлялъ въ палача крестьянъ Оболенскаго. „И отнынѣ чистой кровью Ѳомы Кочуренко навѣки связана крестьянская и рабочая борьба“, повторяетъ „Народное Дѣло“ (№ 2, стр. 19). Кровь рабочихъ смѣльчаковъ, какъ Кочуръ, очень дорога намъ, но мы позволимъ себѣ все же высказать ту кощунственную мысль, что такой дешевой цѣной та связь, о которой говорятъ соц.-револ., не можетъ быть достигнута даже въ дѣлѣ завоеванія одной только свободы. Фраза „Народнаго Дѣла“ выражаетъ вздорную и вредную мысль. Не потому только, что по ея точному смыслу, если г. Плеве вздумается не казнить Кочура, а заключить его въ Шлиссельбургъ, то связь между крестьянской и рабочей борьбой нѣсколько ослабѣетъ. Мысль, выраженная здѣсь, вздорна и вредна потому, что она является порожденіемъ все той же попытки спутать и воедино смѣшать задачи соціаль-демократическаго движенія рабочаго класса и демократической борьбы придавленныхъ самодержавіемъ другихъ слоевъ народа, порожденіемъ все того же пренебрежительнаго отношенія къ политическому воспитанію, извлекаемому народными массами изъ долгой, упорной и открытой классовой борьбы. Такъ просто, какъ у соц.-револ., только „сказка сказывается“, а не дѣло дѣлается. Надъ дѣломъ же созданія крѣпкой связи между „крестьянской и рабочей борьбой“ придется поработать и крестьянству, и рабочему классу. Рабочій классъ долженъ стать во главѣ освободительнаго движенія и громче и рѣшительнѣе всѣхъ другихъ борющихся отстаивать дѣйствительно прогрессивные интересы крестьянства. Крестьянство должно открыто поддержать политическую борьбу пролетаріата. Что же касается до связи между крестьянствомъ и пролетаріатомъ въ дѣлѣ борьбы за соціализмъ, то эта связь будетъ создаваться по мѣрѣ того, какъ все большія и большія массы раззоряемаго капитализмомъ крестьянства будутъ переходить на классовую точку зрѣнія пролетаріата и сознавать, что только соціалистическій переворотъ освободитъ ихъ отъ экономическаго рабства.

ВУЛЬГАРНЫЙ СОЦІАЛИЗМЪ И НАРОДНИЧЕСТВО, ВОСКРЕШАЕМЫЕ СОЦ.-РЕВОЛЮЦІОНЕРАМИ.

Насмѣшка оказываетъ свое полезное дѣйствіе. Въ статьяхъ подъ названіемъ „Революціонный авантюризмъ“ мы выразили твердую увѣренность, что нащи соц.-рев. не пожелаютъ никогда прямо и точно опредѣлить свою теоретическую позицію. Чтобы опровергнуть сіе злостное и несправедливое предположоніе, „Рев. Россія“ начинаетъ въ № 11 серію статей подъ заглавіемъ „Программные вопросы“. Въ добрый часъ! Лучше поздно, чѣмъ никогда. Заранѣе привѣтствуемъ всѣ статьи „Рев. Россіи“ о „программныхъ вопросахъ“ и обѣщаемъ внимательно слѣдить за тѣмъ, можно-ли въ самомъ дѣлѣ вычитать изъ нихъ какую-либо программу.

Присмотримся съ этой цѣлью къ первой статьѣ: „Классовая борьба въ деревнѣ“, но сначала замѣтимъ, что наши противники паки и паки черезчуръ... „увлекаются“, заявляя (№ 11, стр. 6) „наша программа выставлена“. Невѣрно вѣдь это, господа! Никакой еще вы программы не выставили, т. е. не только не дали законченнаго и оффиціально-партійнаго изложенія своихъ взглядовъ (программы въ узкомъ смыслѣ слова или хотя бы проекта программы), но и не опредѣлили даже вовсе своего отношенія къ такимъ основнымъ „программнымъ вопросамъ“, какъ вопросъ о марксизмѣ и его оппортунистической критикѣ, о русскомъ капитализмѣ и о положеніи, значеніи и задачахъ порождаемаго этимъ капитализмомъ пролетаріата и т. д. Все, что мы знаемъ о „вашей программѣ“, это то, что вы занимаете совершенно неопредѣленную позицію между революціонной соціалдемократіей и оппортунистическимъ теченіемъ, съ одной стороны, между русскимъ марксизмомъ и русскимъ либерально-народническимъ направленіемъ, съ другой.

Въ какія безъисходныя противорѣчія запутываетесь вы, вслѣдствіе этой потуги сѣсть между 2 стульевъ, это мы вамъ сейчасъ покажемъ и на выбранномъ вами вопросѣ. „Мы не то что не понимаемъ, мы не признаемъ принадлежности современнаго крестьянства, какъ цѣлаго, къ мелкобуржуазнымъ слоямъ“ — пишетъ „Револ. Россія“ (№ 11). „Для насъ крестьянство дѣлится на двѣ принципіально отличныя категоріи: 1) трудовое крестьянство, живущее эксплуатаціей собственной рабочей силы (!??) и 2) сельскую буржуазію, — среднюю и мелкую, — въ большей или меньшей степени живущую эксплуатаціей чужой рабочей силы“. Видя „основной отличительный признакъ“ класса буржуазіи въ „источникѣ дохода“ (пользованіе неоплаченнымъ трудомъ другихъ людей), теоретики соц.-рев. усматриваютъ „огромное принципіальное сходство“ между сельскимъ пролетаріатомъ и „самостоятельными земледѣльцами“, живущими приложеніемъ собственнаго труда къ средствамъ производства. „Основой существованія тѣхъ и другихъ является трудъ, какъ опредѣленная политико-экономическая категорія. Это разъ. Во-вторыхъ, тѣ и другіе въ современныхъ условіяхъ безжалостно эксплуатируются“. Они

должны быть поэтому соединены въ одну категорію трудового крестьянства."

Мы нарочно изложили разсужденіе „Рев. Рос." такъ подробно, чтобы читатель могъ хорошенько вдуматься въ него и оцѣнить его теоретическія посылки. Несостоятельность этихъ посылокъ бьетъ въ глаза. Искать основного отличительнаго признака различныхъ классовъ общества въ источникѣ дохода, значитъ выдвигать на первое мѣсто отношенія распредѣленія, которыя на самомъ дѣлѣ суть результатъ отношеній производства. Ошибку эту давно указалъ Марксъ, назвавшій не видящихъ ее людей вульгарными соціалистами. Основной признакъ различія между классами — ихъ мѣсто въ общественномъ производствѣ, а слѣдовательно, ихъ отношеніе къ средствамъ производства. Присвоеніе той или другой части общественныхъ средствъ производства и обращеніе ихъ на частное хозяйство, на хозяйство для продажи продукта — вотъ основное отличіе одного класса современнаго общества (буржуазіи) отъ пролетаріата, который лишенъ средствъ производства и продаетъ свою рабочую силу.

Пойдемъ дальше. „Основой существованія тѣхъ и другихъ является трудъ, какъ опредѣленная политико-экономическая категорія". Опредѣленной политико-экономической категоріей является не трудъ, а лишь общественная форма труда, общественное устройство труда, или иначе: отношенія между людьми по участію ихъ въ общественномъ трудѣ. Въ другой формѣ здѣсь повторяется та же ошибка вульгарнаго соціализма, которую мы уже разобрали. Когда соц.-рев. заявляютъ: „Существо взаимныхъ отношеній между сельскимъ хозяиномъ и батракомъ, съ одной стороны, между самостоятельнымъ земледѣльцемъ и заимодавцами, кулаками, съ другой стороны, совершенно одинаково", то они цѣликомъ повторяютъ ошибку хотя бы нѣмецкаго вульгарнаго соціализма, который, напр., въ лицѣ Мюльбергера, заявилъ, что существо отношеній хозяина къ рабочему то же, что домовладѣльца къ квартиранту. Наши Мюльбергеры точно также не способны выдѣлить основныхъ и производныхъ формъ эксплуатаціи, ограничиваясь декламаціей по поводу „эксплуатаціи" вообще. Наши Мюльбергеры точно также не понимаютъ, что именно эксплуатація наемнаго труда является базисомъ всего современнаго грабительскаго строя, именно она вызываетъ дѣленіе общества на непримиримо-противоположные классы и только съ точки зрѣнія этой классовой борьбы можно послѣдовательно оцѣнить всѣ остальныя проявленія эксплуатаціи, не впадая въ расплывчатость и безпринципность. Наши Мюльбергеры, поэтому, должны встрѣтить со стороны русскихъ соціалистовъ, дорожащихъ цѣльностью своего движенія и „добрымъ именемъ" своего революціоннаго знамени, такой же рѣшительный, безпощадный отпоръ, какой встрѣтилъ Мюльбергеръ нѣмецкій.

Чтобы яснѣе показать путанность „теоріи" нашихъ соц.-рев., мы подойдемъ еще къ тому же вопросу съ практической стороны, попытаемся иллюстрировать разбираемый вопросъ конкретными примѣрами. Во-первыхъ, трудится и эксплуатируется вездѣ, всегда и повсюду громадное большинство мелкой буржуазіи. Почему бы иначе и относить ее къ переходнымъ и промежуточнымъ слоямъ? Во вторыхъ, совершенно также, какъ крестьяне въ обществѣ товарнаго хозяйства, трудятся и эксплуатируются мелкіе ремесленники и торговцы. Не хотятъ-ли наши соц.-рев. создать также „категорію" „трудового" торгово-промышленнаго населенія вмѣсто „узкой" категоріи пролетаріата? Въ третьихъ, пусть попробуютъ соц.-рев., чтобы понять значеніе столь нелюбимой ими „догмы", представить себѣ подгороднаго крестьянина, который, не нанимая рабочихъ, живетъ своимъ трудомъ и продажей всякихъ земледѣльческихъ продуктовъ. Смѣемъ надѣяться, что отрицать принадлежность такого крестьянина къ мелкой буржуазіи и невозможность „объединить" его въ одинъ классъ (замѣтьте, рѣчь идетъ именно о классѣ, а не о партіи) съ наемнымъ рабочимъ, не рѣшатся даже ярые народники. А есть-ли какая нибудь принципіальная разница въ положеніи подгороднаго торгаша-землѣдельца и всякаго мелкаго земледѣльца въ обществѣ развивающагося товарнаго хозяйства?

Спрашивается теперь, чѣмъ объяснить это приближеніе (мягко выражаясь) г.г. соц.-рев. къ вульгарному соціализму? Можетъ быть, это случайная особенность даннаго автора? Чтобы опровергнуть такое предположеніе, достаточно привести слѣдующее мѣсто изъ № 11 „Рев. Рос." „Какъ будто — восклицаетъ авторъ — здѣсь все дѣло въ размѣрахъ одной и той же хозяйственной категоріи" (крупный и мелкій буржуа) „а не въ принципіальномъ различіи" (слушайте!) „двухъ категорій: трудового и буржуазно-капиталистическаго хозяйства"! Намъ трудно было бы и представить себѣ болѣе полное и наглядное подтвержденіе сказаннаго нами въ статьѣ „Револ. Авантюризмъ": поскребите соц.-рев. и вы найдете г. В. В. Для всякаго, кто хоть сколько-нибудь знакомъ съ эволюціей русской общественно-политической мысли, позиція соц.-рев. выясняется изъ одной этой фразы. Извѣстно, что основой того блѣдно-розоваго квази-соціализма, который украшалъ собой (да и сейчасъ еще украшаетъ) господствующее въ нашемъ образованномъ обществѣ либерально-народническое направленіе, лежала идея о діаметральной противоположности крестьянскаго „трудового хозяйства" и буржуазнаго хозяйства. Эта идея, въ разныхъ оттѣнкахъ ея подробно разработанная г.г. Михайловскимъ, В. В., Ник.—ономъ и др., была одной изъ тѣхъ твердынь, противъ которыхъ направилась критика русскаго марксизма. Чтобы помочь разоряемому и угнетаемому крестьянству, говорили мы, надо умѣть отказаться отъ иллюзій и прямо взглянуть на дѣйствительность, разрушающую туманныя мечты о трудовомъ хозяйствѣ (или „народномъ производствѣ"?) и показывающую намъ мелко-буржуазный укладъ крестьянскаго хозяйства. И у насъ, какъ и вездѣ, развитіе и упроченіе мелкаго трудового хозяйства возможно лишь путемъ превращенія его въ мелко-буржуазное хозяйство. Это превращеніе, дѣйствительно, происходитъ и настоящая реальная тенденція трудового крестьянина къ мелкому предпринимательству неопровержимо доказана фактами жизни. Какъ и всякіе мелкіе производители, наши крестьяне тѣмъ самымъ подходятъ подъ категорію мелкихъ буржуа, поскольку развивается товарное хозяйство: они раскалываются на меньшинство предпринимателей и массу пролетаріата, который связанъ съ „хозяйчиками" цѣлымъ рядомъ переходныхъ ступеней полу-рабочихъ и полу-хозяевъ (эти переходныя формы существуютъ во всѣхъ капиталистическихъ странахъ и во всѣхъ отрасляхъ промышленности).

Какъ же отнеслись соц.-револ. къ этой смѣнѣ двухъ теченій соціалистической мысли, къ борьбѣ стараго русскаго соціализма и марксизма? Они просто на просто пытались уклоняться, покуда можно было, отъ разбора вопроса по существу. А когда уклоняться уже стало нельзя, когда отъ людей, пожелавшихъ создать особую „партію", потребовали опредѣленныхъ объясненій, когда ихъ принудили къ отвѣту, принудили и насмѣшкой и прямымъ обвиненіемъ въ безпринципности, — тогда они только и стали повторять старую народническую теорію „трудового хозяйства" и старыя ошибки вульгарнаго соціализма. Повторяемъ: лучшаго подтвержденія нашего обвиненія соц.-револ. въ полной безпринципности, какъ статья въ № 11, пытающаяся „соединить" и теорію „трудового хозяйства", и теорію классовой борьбы, — мы не могли и ждать.

* * *

Какъ курьезъ, отмѣтимъ еще, что въ № 11 „Рев. Рос". дѣлаются попытки „благовидно" объяснить рѣшеніе уклониться отъ принципіальной полемики. Въ статьѣ „Рев. авантюризмъ" „Искра," видите-ли, невѣрно цитируетъ. Напримѣръ? Напримѣръ, опускаетъ слово „мѣстами" (земля мѣстами перетекаетъ отъ капитала къ труду). Какой ужасъ! Опускаютъ не относящееся къ дѣлу слово! Или, можетъ быть, „Рев. Рос.", вздумаетъ утверждать, что къ вопросу объ оцѣнкѣ перетеканія земли вообще (буржуазный это процессъ, или нѣтъ) хоть какое-либо отношеніе имѣетъ слово „мѣстами". Пусть попробуетъ.

Далѣе. „Искра" прекратила цитату на словѣ „государствомъ", хотя дальше стоитъ „конечно, не нынѣшнимъ". „Искра" поступила даже еще злѣе (добавимъ отъ себя): она дерзнула назвать это осударство классовымъ. Не станутъ-ли наши „обиженные въ лучшихъ чувствахъ" противники утверждать, что въ разбираемой нами „программѣ-минимумъ" рѣчь могла идти не о классовомъ государствѣ?

Наконецъ „Искра" цитировала прокламацію 3 апр., въ которой сама „Рев. Россія" нашла оцѣнку террора преувеличенной". — Да, и мы привели эту оговорку „Рев. Рос.", но добавили отъ себя, что видимъ тутъ „эквилибристику" и неясные намеки. „Рев. Рос." этимъ оченъ не довольна и пускается въ объясненія и сообщеніе подробностей (подтверждая, такимъ образомъ, на дѣлѣ, что неясность, требующая объясненій, была). И каковы же эти объясненія? Въ прокламаціи 3 апр. были, видите-ли, сдѣланы поправки по требованію партіи. Эти поправки, однако, „были признаны недостаточными", и потому слова „отъ партіи" изъ прокламаціи были удалены. Но слова „изданіе партіи" остались, и другая („настоящая") прокламація отъ того же 3 апр. ни слова о разногласіяхъ или преувеличеніяхъ не упомянула. Приводя эти объясненія и чувствуя, что они только подтверждаютъ законность, предъявляемаго „Иск." (въ словахъ: эквилибристика и намеки) требованія объясненій, „Рев. Рос." сама задаетъ себѣ вопросъ: какъ партія могла издать въ своей типографіи прокламацію, съ которой она несогласна? Отвѣтъ „Рев. Россіи" гласитъ: „Да совершенно такъ же, какъ подъ фирмой Рос. С.-Д. Раб. Партіи печатается Р. Дѣло, Искра, Р. Мысль и Борьба". Оченъ хорошо. Но, во первыхъ, у насъ разнородныя изданія и печатаются не въ типографіи „партіи", а въ типографіяхъ группъ. Во-вторыхъ, когда у насъ выходили „Р. Мысль" и „Р. Д." и „Искра" вмѣстѣ, мы это сами же и называли разбродомъ. Посмотрите же, что отсюда выходитъ: соц.-демократія сама вскрываетъ и бичуетъ разбродъ у себя и старается его устранить серьезной теоретической работой, а соц.-рев. начинаютъ признавать свой разбродъ лишь послѣ того, какъ ихъ изобличатъ, и лишній разъ по этому случаю щеголяютъ своей широтой, позволившей имъ по поводу одного и того же политическаго событія издать въ одинъ и тотъ же день двѣ прокламаціи, въ которыхъ политическое значеніе этого событія (новаго террористическаго акта) толкуется прямо противоположно. — Зная, что изъ идейнаго разброда ничего добраго не выйдетъ, соц.-дем. предпочли „сначала размежеваться, а потомъ объединяться", обезпечивая этимъ будущему объединенію и прочность, и плодотворность. А соц.-рев., толкуя свою „программу" на разные лады „кто во что горазд"*), играютъ въ фикцію „практическаго" единства и свысока заявляютъ намъ: это у васъ только, у соц.-демократовъ, разныя тамъ „группы", у насъ же — Партія! Совершенно вѣрно, господа, но исторія учитъ насъ, что иногда отношеніе между „группами" и партіями бываетъ подобно отношенію между тощими и тучными фараоновыми коровами. Разныя вѣдь бываютъ „партіи". Была, напр., „Рабочая партія политич. освоб. Россіи", а, между тѣмъ, ея двухъгодичное существованіе прошло столь же безслѣдно, какъ и ея исчезновеніе.

*) Сравните только „Наши задачи" бывшаго „Союза соц.-рев." съ „Манифестомъ" бывшей „Партіи соц.-рев." (о немъ въ № 6 „Искры"), затѣмъ съ редак. заявленіемъ № 1 „Вѣст. Р. Рев." съ „программными" статьями №№ 7-11 „Рев. Рос." и съ брошюрой „Свобода", изданной такъ наз. „Раб. партіей политич. освобож. Россіи", о соединеніи которой съ партіей соц.-рев. недавно сообщено въ „Рев. Россіи".

„ИСТОРІЯ ПОВТОРЯЕТСЯ".

Органъ еврейскаго „Бунда", „Голосъ Рабочихъ" („Arbeiterstimme"), недоволенъ передовой статьей 22 № „Искры". Въ № 28 этого органа напечатана статья, гдѣ насъ, между прочимъ, сравниваютъ съ талмудистами.

Приведя изъ указанной статьи нашей тѣ строки, гдѣ говорится, что полицейскія расправы съ участниками майскихъ демонстрацій вопіютъ о мщеніи, и указавъ, съ другой стороны, на то, что, по нашему мнѣнію, только полное политическое освобожденіе Россіи можетъ явиться достойной местью за всѣ притѣсненія и за всѣ униженія, испытываемыя русскими пролетаріями, „Гол. Раб." замѣчаетъ: „это значитъ говорить языкомъ талмудиста, который учитъ, что Илья-пророкъ дастъ отвѣты на всѣ вопросы".

Органъ „Бунда" находитъ, какъ видно, что мы хотимъ отложить дѣло мести въ слишкомъ долгій ящикъ. Ему кажется, что это дѣло не терпитъ отлагательствъ. Онъ не хочетъ ждать. Онъ хочетъ немедленнаго отмщенія.

Такой мести хочетъ не только „Гол. Раб." Подъ вліяніемъ новой тактики борющагося за свое существованіе правительства у насъ теперь очень быстро растетъ число тѣхъ людей, которые ждать отнюдь не согласны и которые именно поэтому готовы упрекать насъ не только въ талмудизмѣ, но и въ еще гораздо болѣе тяжкихъ прегрѣшеніяхъ. Иные доходятъ до того, что, повидимому, искренно считаютъ насъ... реакціонерами. Мы говоримъ не шутя и, если понадобится, докажемъ это ссылками на нѣкоторыя, недавно вышедшія, произведенія печати.

Что отвѣтимъ мы на нападки этихъ людей?

Мы скажемъ имъ такъ:

Вы не можете ждать? Слабонервные трусы, вы должны терпѣть, пока не съумѣли вооружиться, не съумѣли внушить довѣріе народу! Вы не хотите ждать? Вы не хотите? Право? Такъ изъ-за вашего революціоннаго зуда, изъ-за вашей барской революціонной фантазіи вы бросите на карту будущность народа? Года черезъ два народъ могъ бы побѣдить; но вотъ, видите-ли, русской революціонной молодежи не втерпежъ. Надо сейчасъ, сію минуту... Нѣтъ, если бы самыя скептическія мнѣнія о васъ были вѣрны, я все-таки не вѣрю въ существованіе революціонной партіи, которая не хочетъ, не можетъ ждать минуты, когда побѣда будетъ возможна, когда побѣда будетъ вѣроятна. Только за народъ, только съ народомъ имѣете вы право идти въ бой...

Какъ вамъ нравится наша отповѣдь, читатель? Навѣрное, совсѣмъ не нравится. Да мало того, что не нравится — мы видимъ внутреннимъ окомъ, какъ вы, прочитавъ слова: „слабонервные трусы", судорожно сжимаете въ рукѣ нашу газету, а дойдя до словъ: „революціонный зудъ, барская революціонная фантазія", съ негодованіемъ бросаете эту бѣдную газету на полъ и бѣжите составлять „протестъ", стараясь присоединить къ себѣ какого-нибудь „объединеннаго" соціаль-демократа, алчущаго попасть въ „трясину популярности", и повторяя всѣмъ и каждому направо и налѣво, что „Искра" полемизируетъ не по-товарищески, что она перешла всѣ предѣлы, что она посылаетъ своимъ противникамъ оскорбленія, безпримѣрныя въ исторіи нашей революціонной печати, что она и т. д. и т. д. и т. д. и пр. и пр. и пр. Мы заранѣе знаемъ, что вашъ „протестъ" будетъ краснорѣчивъ и благороденъ, но прежде, чѣмъ вы возьметесь за перо для его составленія, обратите вниманіе вотъ на какое, далеко не маловажное обстоятельство.

Строки, вызвавшія ваше благородное негодованіе, отъ словъ: „вы не можете" включительно до словъ: „идти въ бой", принадлежатъ не намъ. Они взяты нами изъ брошюры П. Л. Лаврова „Русской соціально-революціонной молодежи", вышедшей въ 1874 г. въ Лондонѣ. Мы только по разсѣянности забыли поставить нашу цитату во вносные знаки. Стало быть, если вы опубликуете вашъ протестъ, то онъ окажется направленнымъ противъ редактора „Впередъ" и „Вѣстника Народной Воли", и всѣ ваши обвиненія пойдутъ по его адресу. А это, пожалуй, вызоветъ неудовольствіе „Революціонной Россіи", которая, если мы не ошибаемся, считаетъ себя состоящей въ нѣкоторомъ духовномъ родствѣ съ покойнымъ*). А что, если „Революціонная Россія" напишетъ протестъ противъ вашего протеста, при чемъ тоже присоединитъ какихъ-нибудь захудалыхъ соціаль-демократовъ? Вѣдь тогда пойдетъ совсѣмъ уже нелѣпая неразбериха. Такъ ужъ не лучше-ли вамъ оставить всякую мысль о протестѣ? Не лучше-ли вамъ сдѣлать видъ, что протестовать вы даже и не собирались? Что строки, взятыя нами у Лаврова, васъ ни мало не возмущали, и что въ просакъ вы ни на одну секунду не попадали? Право же, это будетъ много превосходнѣе, тѣмъ болѣе, что всѣ эти „протесты" подчасъ являются не чѣмъ инымъ, какъ замаскированнымъ покушеніемъ на свободу революціонной печати, попыткой зажать ротъ противнику.

А теперь сядемъ рядкомъ да потолкуемъ ладкомъ все о той же, не отмѣченной вносными знаками, цитатѣ.

Какъ царь Алексѣй Михайловичъ пользуется славой „тишайшаго" царя, такъ и П. Л. Лавровъ имѣетъ репутацію „тишайшаго" писателя. Но какъ Ал. Михайл., при всей своей „тихости" иногда очень круто расправлялся со своими боярами, такъ и П. Л. Лавровъ, при всей своей литературной кротости, умѣлъ очень рѣзко говорить о тѣхъ явленіяхъ въ нашемъ революціонномъ мірѣ, которыя казались ему вредными для революціоннаго дѣла. И замѣчательно, что хотя названная нами выше брошюра раздосадовала сторонниковъ Ткачева, — противъ котораго она и была направлена*), — но ни одного „протеста" она не вызвала, никто не закатывалъ глазъ по ея поводу, никто не билъ себя въ грудь, и никто не кричалъ, что она содержитъ въ себѣ выраженія, безпримѣрныя по своей рѣзкости и т. д. и т. д. и проч. и пр. Почему это? Вы скажете, пожалуй, что рѣзкость Лаврова была вызвана рѣзкостью Ткачева, который вызвалъ его на полемику? Но это не объясненіе. Развѣ нельзя было протестовать противъ обоихъ? По нынѣшнему времени это, вѣроятно, такъ бы и было.

А кромѣ того, надо помнить еще и то, что цитированное нами (безъ вносныхъ знаковъ) мѣсто относилось у Лаврова не къ одному Ткачеву, а къ цѣлому теченію въ нашей революціонной средѣ, теченію, которое, разумѣется, нельзя было дѣлать отвѣтственнымъ за рѣзкость одного Ткачева. Въ чемъ же дѣло? Почему же тогда никто не протестовалъ? Ужъ не потому-ли, что „слабонервные" люди были тогда не столь слабонервны, какъ теперь?

Но какъ бы тамъ ни было, а это — вопросъ, не лишенный интереса. Главнымъ образомъ въ виду этого интереса мы и процитировали брошюру П. Л. Лаврова. Пусть не думаютъ наши товарищи изъ „Гол. Раб.", что мы хотѣли примѣнить къ нимъ рѣзкія выраженія брошюры. Совсѣмъ нѣтъ. Мы хотѣли только поставить имъ на видъ то мнѣніе ея автора, что бываютъ обстоятельства, когда революціонеры нравственно обязаны подчинять свое нетерпѣніе доводамъ разсудка, оцѣнивающаго дѣйствія отдѣльныхъ лицъ и всей партіи съ точки зрѣнія цѣлесообразности, и когда нежеланіе „ждать" является преступнымъ. Редакція „Гол. Рабочихъ" какъ будто позабыла объ этомъ.

Позабыла она также и о томъ, что месть мести — рознь. Она несогласна съ тѣмъ, что только полное политическое освобожденіе Россіи достойнымъ образомъ отомститъ за всѣ униженія и притѣсненія, выпавшія на долю русскихъ пролетаріевъ. Но, не соглашаясь съ нами въ этомъ случаѣ, она возстаетъ противъ совершенно очевидной истины. Въ самомъ дѣлѣ, о чемъ идетъ рѣчь? О притѣсненіяхъ и угнетеніяхъ, испытываемыхъ русскими пролетаріями отъ нынѣшняго политическаго порядка. Этимъ угнетеніямъ и притѣсненіямъ нѣтъ числа, потому что они падаютъ на головы русскихъ пролетаріевъ рѣшительно на всѣхъ шагахъ ихъ тяжелой жизни: въ шахтахъ и на фабрикахъ, на поляхъ и на дорогахъ, въ тюрьмахъ и острогахъ. Неужели редакція „Голоса Раб." думаетъ, что за эти униженія и оскорбленія можно отомстить нѣсколькими „террористическими" пулями или нѣсколькими взрывами нѣсколькихъ пудовъ динамита? Думать такъ было бы верхомъ наивности; думать такъ значило бы покинуть не только точку зрѣнія рабочаго класса, но и вообще точку зрѣнія политической борьбы противъ даннаго политическаго порядка, и встать на точку зрѣнія личной мести отдѣльнымъ представителямъ этой системы. Такая месть есть все, что угодно, но только совсѣмъ не политическая борьба.

Наконецъ, позабыла редакція „Гол. Раб." еще и о томъ, что соц.-демократамъ не пристала та логика, которую Энгельсъ, вслѣдъ за Гегелемъ, называлъ метафизической, и которая характеризуется формулой: „или — или". Людямъ, придерживающимся этой логики, дѣло представляется очень просто: или полная, окончательная побѣда надъ правительствомъ, или полная невозможность отомстить ему за испытанныя отъ него обиды. Марксисты же, стоящіе на діалектической точкѣ зрѣнія, знаютъ, что борьба за политическое освобожденіе страны есть длинный процессъ, въ продолженіе котораго революціонеровъ ожидаетъ цѣлый рядъ частичныхъ побѣдъ надъ ихъ смертельнымъ врагомъ, побѣдъ, несущихъ съ собою, слѣдовательно, и мщеніе. Съ этой точки зрѣнія месть вовсе не представляется отложенной въ долгій ящикъ: нѣтъ, къ отмщенію надо приступить сейчасъ, немедленно, не теряя ни минуты и — какъ мы сказали въ своей статьѣ — не считая себя въ правѣ хоть немного успокоиться до тѣхъ поръ, пока обида не отомщена. Но, конечно, и тутъ остается нерѣшеннымъ вопросъ о томъ, что понимать подъ местью. На этотъ вопросъ нѣтъ безспорнаго отвѣта. Все зависитъ здѣсь отъ степени нравственнаго и политическаго развитія отвѣчающаго: для одного лучшая, — наиболѣе „достойная", — месть заключается въ успѣхѣ того дѣла, изъ-за котораго онъ и его близкіе подвергаются оскорбленіямъ; другой, будучи оскорбленъ, забываетъ о дѣлѣ и думаетъ только о томъ, какъ бы наказать лицо, нанесшее оскорбленіе. Различные люди мстятъ различно. Но не трудно видѣть, какой родъ мести выгоднѣе для дѣла. Возьмемъ хоть разсужденія „Гол. Рабочихъ". Правительство, устами Зубатова, говоритъ: „я васъ толкну на терроръ и потомъ раздавлю". Чтобы добиться этой цѣли, оно оскорбляетъ революціонеровъ. А революціонеры, будучи оскорблены, говорятъ устами „Голоса Рабочаго": „выступимъ же на путь террора!" Не ясно-ли, что такой мести правительство не убоится?

Мы не сомнѣваемся въ томъ, что у редакціи „Гол. Рабочихъ" очень хорошія намѣренія. Но ея логика въ данномъ спорѣ слаба, такъ слаба, что надъ ней, навѣрно, очень посмѣялись бы даже талмудисты, если бы дали себѣ трудъ ознакомиться съ нею.

*) Сторонниковъ Ткачева она не могла не раздосадовать, такъ какъ, независимо отъ рѣзкихъ мѣстъ, подобныхъ вышеприведенному, она въ заключеніе рисовала черной краской тотъ путь, на который послѣдователи Ткачева звали нашихъ революціонеровъ. „Это путь агитаціи безъ опредѣленной цѣли, безъ опредѣленной программы, — писалъ П. Л. Лавровъ. — путь, на которомъ всѣ интриганы, всѣ честолюбцы обманывали своихъ приверженцевъ" и т. д. (стр. 60). Не правда-ли, читатель, это значительно рѣзче знакомаго вамъ термина „революціонный авантюризмъ", столь сильно разстроившаго нервы нѣкорыхъ слабонервныхъ людей нашего времени?

ВСЕ О ТОМЪ-ЖЕ.

Въ № 5 гектографированнаго изданія „Впередъ", помѣченнаго „Петербургъ, 15 сентября 1902 г." и подписаннаго буквами С.-Р. (соц.-революціонеры?), мы — среди всякихъ восхваленій политическаго террора — прочли слѣд. строки:

„...За 1901-2 годъ было семь террористическихъ покушеній: на Боголѣпова, Побѣдоносцева, два на Трепова, на Сипягина, Валя и Оболенскаго. Изъ этихъ дѣлъ послѣднее только произведено „боевой организаціей". Остальныя шесть — личныя дѣйствія отдѣльныхъ лицъ. Эти шесть покушеній (сюда входятъ оба удавшихся [т. е., покушенія Карповича и Балмашева. Ред.]) — выраженіе общественнаго настроенія, выраженіе негодованія на существующій порядокъ и дѣйствія властей. Болѣе чуткіе, болѣе горячіе люди не могутъ жить въ существующихъ условіяхъ и смотрѣть равнодушно на всѣ безобразія русской дѣйствительности. Имъ душно жить, нечѣмъ дышать, а потому, умирая, терять нечего. Они берутъ револьверъ и идутъ убивать враговъ народа..." Далѣе говорится: „Предположимъ, что Зубатовъ поймалъ всѣхъ членовъ „боевой организаціи" и что вы, г. Плеве, всѣхъ ихъ уже повѣсили. Чего вы достигнете этимъ? За время погони вашей за „боевой организаціей" жизнь выставитъ рядъ Карповичей, Балмашевыхъ, Леккертовъ, дѣйствую-

BIBLIOTHÈQUE * MUSÉE DE LA GUERRE *

щихъ въ одиночку [Курсивъ вездѣ нашъ. Ред.], смѣло и рѣшительно".

Изъ этихъ строкъ читатель можетъ видѣть, что террористическій кружокъ, издающій „Впередъ", считаетъ выстрѣлъ Балмашева дѣломъ единоличнаго его рѣшенія, возникшаго, какъ выраженіе „общественнаго настроенія". Онъ говоритъ то же самое, что сказали мы въ передовой статьѣ № 20 „Искры". Мы только ближе опредѣлили это „общественное настроеніе", какъ настроеніе передовой части вовлеченнаго въ борьбу съ правительствомъ студенчества.

Рекомендуемъ „Рев. Рос." обрушиться на этихъ террористовъ, которые такъ „безпримѣрно" дерзновенны, что до сихъ поръ, вопреки всѣмъ заявленіямъ боевой организаціи, смѣютъ свое сужденіе имѣть, смѣютъ считать и называть убійство Сипягина единоличнымъ актомъ, выраженіемъ общественнаго настроенія, не болѣе того!

Наше мнѣніе по этому вопросу составилось, какъ знаетъ читатель, совершенно независимо отъ мнѣнія новаго изданія „Впередъ". „Рев. Россія" мечетъ громы и молніи противъ насъ, приглашая всю Рос. С.-Д. Раб. Партію осудить „Искру" за ея „дерзкія" мнѣнія. Мы не сомнѣваемся, что наша партія, при первыхъ же шагахъ къ возстановленію ея дѣйствительнаго единства, займется вопросомъ о партіи соц.-рев. и разсмотритъ жалобу „Рев. Россіи". Посмотримъ, удовлетворитъ-ли это разсмотрѣніе жалобщиковъ.

Отъ себя-же мы поставимъ „Р. Р." лишь такой вопросъ: не „безпримѣрно"-ли также въ исторіи русскаго революціоннаго движенія, что иностранные революціонеры вынуждены заговорить объ „игрушкѣ" и „шумихѣ" по поводу актовъ политическаго террора? О „Нар. Волѣ" такъ не говорили. И не вызываетъ-ли крикливость сама собой сомнѣнія въ томъ, въ чемъ крикливо стараются увѣрить? Замѣтимъ при этомъ, что „Искра" сдѣлала съ своей стороны все возможное, чтобы не дать публикѣ вложить персты въ эти столь некстати обнаружившіяся язвы нашего современнаго движенія. „Искра" просто игнорировала противорѣчащія очевидности заявленія „боевой организаціи", какъ продолжаютъ ихъ до сихъ поръ игнорировать террористы изданія „Впередъ". И только высокомѣрное заявленіе „боевой организаціи", требовавшее, чтобы мы приняли „безъ разговоровъ" ея объясненіе выстрѣла Балмашева, заставило насъ формулировать наши сомнѣнія.

Мы опасаемся, что „Рев. Рос." не сможетъ отвѣтить на поставленные ей выше вопросы. Вѣдь ей строго запрещено продолжать полемику съ нами — въ интересахъ благопристойности. Это запрещеніе исходитъ отъ Центр. Ком. Партіи Соц.-Рев., каковой Комитетъ этимъ самымъ актомъ проявилъ впервые свое существованіе*). Мы очень сожалѣемъ о судьбѣ нашего литературнаго коллеги, павшаго жертвой строгости Центр. Ком. Но, съ другой стороны, мы — признаться — немного завидуемъ ему. Центр. Ком. нашей собственной партіи (когда онъ будетъ созданъ), несомнѣнно, будетъ обладать меньшей проницательностью и не догадается „запретить" намъ, бѣднымъ соц.-дем. публицистамъ, продолжать полемику, если намъ — отъ чего Боже сохрани? — случится въ ней... поскользнуться.

*) Общепартійныя прокламаціи соц.-рев. подписывались до сихъ поръ просто партіей. Ультиматумы правительству послѣ террористическихъ актовъ подписаны „боевой организаціей". „Искра" чувствуетъ себя безмѣрно польщенной: для борьбы съ ней партія примѣнила ту инстанцію, по отношенію къ которой является исполнительнымъ органомъ группа, уполномоченная послѣ покушеній „истину царямъ съ улыбкой говорить".

КОМИТЕТЫ ОСОБАГО СОВѢЩАНІЯ.

(Отъ редакціи: намъ доставлено „письмо въ редакцію Искры", за подписью А. и М. Авторы письма совершенно справедливо указываютъ, что соціаль-демократамъ „пора въ качествѣ полноправныхъ членовъ, принять участіе въ политической жизни страны", что мы должны, поэтому, слѣдить за работой „Особыхъ Совѣщаній", противопоставлять ихъ программѣ свою программу и развивать эту послѣднюю детальнѣе, внося ее въ агитацію среди массъ, примѣняя ее ко всѣмъ сторонамъ общественной и политической жизни, обращаясь, въ частности, съ мотивированными резолюціями къ комитетамъ Особаго Совѣщанія и т. д., и т. д. Мы приводимъ цѣликомъ ту часть письма, которая посвящена работѣ комитетовъ, позволяя себѣ опустить замѣчанія о партійной программѣ, ибо эти замѣчанія писаны, видимо, авторами до ознакомленія ихъ съ нашимъ проэктомъ программы.)

„Особое Совѣщаніе" возникло, какъ извѣстно, вслѣдствіе того, что Министерство Финансовъ, являющееся у насъ одновременно и Министерствомъ Промышленности и Торговли, въ своемъ стараніи развить отечественную промышленность и упорядочить государственные финансы, несмотря на „магію" г. Витте, уперлось какъ въ глухую стѣну, въ острую и все растущую нищету народа.

Развить производительныя силы страны, для этого создать крупное производство, густую желѣзнодорожную сѣть и металлическое денежное обращеніе — такова была экономическая программа Министерства Финансовъ въ теченіи послѣднихъ 15 л. Сосредоточивъ, какъ и подобаетъ бюрократическому Министерству, дѣло руководства промышленной жизнью страны въ своихъ рукахъ*), занятое грюндерствомъ, финансовой магіей и борьбой за убѣгавшее изъ страны золото**), Министерство Финансовъ было въ силахъ создать однако только иллюзію быстраго экономическаго развитія страны и цвѣтущихъ государственныхъ финансовъ, иллюзію, разбившуюся о ничтожную производительность общенароднаго труда. Такимъ образомъ возникло сознаніе необходимости обратить, наконецъ, вниманіе на развитіе производительности общепароднаго труда, а, слѣдовательно, кустарнаго производства и сельскаго хозяйства, какъ основного промысла массы населенія. Отсюда кустарный съѣздъ и, въ настоящее время, „Особое Совѣщаніе" трехъ министровъ и нѣсколькихъ сановниковъ, снабженное чрезвычайными полномочіями и свидѣтельствующее, что, по сознанію самого правительства, дѣло серіозно, чтобы не сказать больше.

Для всякаго, а слѣдовательно и для иниціаторовъ Совѣщанія, должно быть ясно, что тотъ или другой уровень производительности народнаго труда есть сложный результатъ хозяйственныхъ, политическихъ и культурныхъ условій народной жизни; — что затронуть этотъ вопросъ — значитъ затронуть всѣ соціальныя и политическія проблемы современности, — а въ русскихъ условіяхъ, — прежде всего проблему самодержавія. Но это значитъ рубить сукъ, на которомъ сидишь. Отсюда — траги комическая попытка г.г. Витте и Сипягина, ограничить работу Совѣщанія сферой спеціально техническихъ вопросовъ и свести все дѣло къ разрѣшенію ряда мелкихъ задачъ: о сельскомъ кредитѣ, организаціи сельско-хоз. союзовъ, распространеніи сельско-хоз. умѣній и т. д. (Засѣданіе 2 февр.). Мотивировалось это предложеніе тѣмъ, что затрогивать вопросы общегосударственнаго значенія, хотя и связанные съ положеніемъ сельско-хоз. промышленности, значитъ нарушать прерогативы „вѣдомствъ" и лишать разборы Совѣщанія дѣлового характера. Но такъ какъ совсѣмъ обойти эти вопросы явно невозможно, то предлагалось ограничиться по нимъ составленіемъ общихъ предположеній, представляемыхъ на благоусмотрѣніе государя. — Нѣкоторую оппозицію такая постановка дѣла встрѣтила уже въ самомъ Совѣщаніи: Ермоловъ указалъ на рядъ вопросовъ общегосударственнаго значенія, — исключительно экономическихъ, правда, — настолько тѣсно связанныхъ съ судьбами сельскаго хозяйства, что разработка ихъ совѣщаніемъ и обязательность выработанныхъ имъ руководящихъ началъ для „подлежащихъ вѣдомствъ", — неизбѣжна.

Еще шире были раздвинуты рамки Совѣщанія въ губернскихъ и затѣмъ уѣздныхъ Комитетахъ. Здѣсь вопросы государственнаго значенія, — а изъ нихъ политическіе, — совершенно заслонили собой спеціальные сельскохозяйственно-техническіе; вмѣсто разработки узко спеціальной программы, составленной бывшимъ радикаломъ Ковалевскимъ, Комитеты принялись за пересмотръ всѣхъ устоевъ русской гражданской, политической и хозяйственной жизни, не касаясь, правда, центральнаго пункта — самодержавія. Оно для нихъ, видимо, — запретная область.

Потребность выйти изъ границъ, намѣченныхъ для работы Комитетовъ Совѣщаніемъ, была такъ сильна, такъ единодушно заявлена, такъ очевидна, наконецъ, что наше правительство, подъ непосредственнымъ давленіемъ многочисленныхъ запросовъ предсѣдателей Комитетовъ — губернаторовъ и предводителей дво-

*) Нормировка производства; концессіонная система разрѣшенія акціонерныхъ предпріятій и др.

**) Нашъ разсчетный балансъ въ 1899 г., несмотря на продажу заграницу процентныхъ бумагъ на сумму около 150 милліоновъ, склонялся въ пользу послѣдней и обусловилъ отливъ золота на 250 милліоновъ приблизительно; въ 1900 году по оффиціальнымъ даннымъ золотой запасъ уменьшился на 74,1 милліона, цифра несомнѣнно уменьшена. — Къ серединѣ 1901 г. золотой запасъ Государственнаго банка спустился до 694 мил., уменьшившись въ полтора года на 145 мил., въ то время какъ кредитное обращеніе возросло на 61 мил. Явно, что золото утекаетъ изъ страны.

рянства; — увидѣло невозможность противиться теченію; послѣдовало высочайшее разрѣшеніе Комитетамъ касаться всѣхъ вопросовъ, связанныхъ, по мнѣнію ихъ, съ дѣломъ сельско-хоз. прогресса; это разрѣшеніе сопровождалось кучей жалкихъ словъ о тактѣ Комитетовъ, о довѣріи къ нимъ и надеждой, что они не злоупотребятъ этимъ довѣріемъ. — Невольно спрашиваешь себя — гдѣ мы? въ Россіи-ли? слыхано-ли, чтобы съ высоты престола говорили такимъ тономъ съ какимъ-нибудь Лохвицкимъ или Кобелякскимъ парламентомъ, составленнымъ изъ уѣздныхъ гласныхъ, крестьянъ, поповъ, учителей и прочей мелкоты, одна изъ секцій котораго засѣдаетъ подъ предсѣдательствомъ административно-ссыльнаго, г. Туганъ-Барановскаго?

Еще болѣе тяжелое пораженіе понесло Особое Совѣщаніе по вопросу о личномъ составѣ губернскихъ и уѣздныхъ Комитетовъ. Подъ тѣмъ предлогомъ, что Земство было опрошено о нуждахъ сельскаго хозяйства въ 1894 г., въ связи съ учрежденіемъ Министерства Земледѣлія, — а въ сущности потому, что Земство разсматривается, какъ оппозиціонный элементъ, — Совѣщаніе устранило его отъ новаго обсужденія вопроса и ввело въ Комитеты въ подавляющемъ количествѣ высшую провинціальную администрацію, предоставивъ предсѣдателямъ право приглашать къ участію освѣдомленныхъ лицъ, — этимъ гарантируется по мнѣнію Совѣщанія чиновно-дворянскій составъ Комитетовъ. Но уже въ губернскіе, а еще въ большемъ числѣ въ уѣздные Комитеты начали поступать заявленія о томъ, что устраненіе земскихъ учрежденій неправильно*). Заявленія эти имѣли только значеніе протестовъ и кое-гдѣ послужили основаніемъ для возбужденія ходатайствъ. Фактическое же участіе Земства въ лицѣ гласныхъ осуществилось окольнымъ путемъ. Въ цѣломъ рядѣ уѣздовъ, очевидно подъ вліяніемъ логики вещей и общественнаго мнѣнія, предсѣдатели Комитетовъ пригласили поголовно всѣхъ земскихъ гласныхъ, кромѣ того, членовъ экономическихъ совѣтовъ, народныхъ учителей, земскихъ агрономовъ, крестьянъ и др. Такимъ образомъ опредѣлился составъ провинціальныхъ Комитетовъ, оказавшійся, особенно въ уѣздахъ, не дворянско-чиновническимъ, а земскимъ въ широкомъ смыслѣ слова. При этомъ численный составъ уѣздныхъ Комитетовъ часто очень значителенъ: въ Суджанскомъ — 48 чел., въ Лохвицкомъ — 60 и т. д.

Такимъ-то образомъ, вопреки предположеніямъ Особаго Совѣщанія, Россія покрыта цѣлой сѣтью маленькихъ парламентовъ, обсуждающихъ, иногда гласно и публично, вопросы гражданскаго правопорядка и экономической политики.

Какія же идеи и тенденціи сказываются всего опредѣленнѣе?

Должно замѣтить, что работы Комитетовъ только что начаты и окончатся лишь въ началѣ будущаго года (срокъ окончанія продолженъ до 1 фев. 1903 г.) — вслѣдствіе этого пока можно говорить лишь объ общихъ принципахъ и тенденціяхъ Комитетовъ. Картина, тѣмъ не менѣе, получается внушительная.

Выше мы уже указали, что въ рядѣ Комитетовъ было залвлено о правѣ Земства принимать участіе въ обсужденіи вопросовъ, имѣющихъ общенародное значеніе. — Въ связи съ этимъ стоитъ требованіе расширить кругъ земской дѣятельности; сдѣлать ее и болѣе устойчивой и независимой отъ администраціи; дать Земству право періодическихъ съѣздовъ; выслушивать его мнѣнія о всякомъ законопроектѣ, затрогивающемъ мѣстные интересы, ранѣе внесенія его въ законодательное учрежденіе; увеличить земскій бюджетъ на счетъ государственныхъ суммъ (Костромской Комитетъ). Все это старыя требованія Земствъ, много разъ высказанныя и сводящіяся къ расширенію мѣстной автономіи и компетенціи. Но одно — ново: это — требованіе обязательной передачи на обсужденіе Земскихъ собраній всѣхъ законопроектовъ, имѣющихъ мѣстное значеніе. Но какіе же не имѣютъ его? Эта попытка Земствъ пріобрѣсти политическое значеніе должна быть отмѣчена.

Довольно опредѣленно и всеобще требованіе установленія одного общаго для всѣхъ гражданскаго правопорядка. Такъ, Темниковскій Комитетъ требуетъ поднятія личности крестьянина, а, слѣдовательно, уравненія его съ другими сословіями въ личныхъ и гражданскихъ правахъ, путемъ подчиненія общей админ. и общимъ судебнымъ установленіямъ; Костромской — указываетъ на необходимость ослабить общинную и административную опеку надъ крестьяниномъ; Суджанскій и Курскій — высказываются въ томъ же смыслѣ, что и Темниковскій.

*) Такъ напр. въ Темниковскій, Лохвицкій, Костромской, Рузскій Комитеты. Рядомъ съ этимъ въ Орлѣ члены и предсѣдатели управъ нѣсколько разъ заявляли, что, не имѣя полномочій отъ земскихъ собраній, они отказываются смотрѣть на себя какъ на представителей земствъ и присутствуютъ въ Комитетѣ въ качествѣ частныхъ лицъ. Мотивировка достойная вниманія

ПРИЗНАКИ „БЕЗВЛАСТІЯ" И „ПОЛИТИЧЕСКАГО РАЗЛОЖЕНІЯ" РУССКАГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.

(Письмо изъ Кіева.)

Подосшѣло удобное время —
И въ коммиссію мрачный доносъ
На погибшее, блудное племя
Въ три пріема доносчикъ принесъ.
И вѣщалъ онъ властямъ предержащимъ:
„Многолѣтній сей трудъ разсмотри
И мечемъ правосудья разящимъ
Буесловія гидру сотри!" Некрасовъ.

Передъ нами чрезвычайно интересное литературное произведеніе: секретная докладная записка бывшаго кіевскаго цензора Б. М. Юзефовича „о мѣрахъ къ прекращенію студенческихъ волненій и безпорядковъ и къ возстановленію нарушеннаго ими нормальнаго теченія школьной академической жизни". Эта записка издана въ количествѣ 25 экз., „вмѣсто рукописи", и, какъ упорно у насъ говорятъ, на казенный счетъ; она разослана министрамъ, членамъ „Коммиссіи по пересмотру Университетскаго Устава", засѣдающей теперь въ СПБ., и, само собою разумѣется, „повергнута къ стопамъ".

Интересъ этой „записки" заключается не въ проникающемъ ее беззастѣнчивомъ духѣ ничѣмъ не прикрытаго „негодяйства". Съ этой стороны, личность г. Юзефовича черезчуръ извѣстна и, въ этомъ отношеніи ему, — автору утвержденнаго Боголѣповымъ проекта „Временныхъ правилъ" о солдатчинѣ, — ничѣмъ никого не удивить. Пристрастіе у г. Юзефовича къ партизанской войнѣ съ внутреннимъ врагомъ, видимо, врожденное и перешло къ нему отъ его отца, обезславившаго себя мерзкимъ предательствомъ Костомарова и его друзей. Дѣятельность автора „записки" также изобилуетъ подобнаго рода проявленіями вѣрноподданническихъ чувствъ. Такъ, хотя бы его недавній доносъ на директора Кіевской Конторы Государственнаго Банка, опальнаго профессора г. Афанасьева, показываетъ, какъ вѣренъ этотъ назойливый ретроградъ отцовскимъ завѣтамъ по части добровольнаго сыска. Пріѣхавъ въ прошломъ году въ Кіевъ и случайно попавъ на лекцію г. Афанасьева о Мирабо, г. Юзефовичъ телеграфировалъ немедленно Сипягину, что, по пріѣздѣ въ Кіевъ, онъ сразу наткнулся на призывъ къ революціи. Послѣдствіемъ этого доноса было запрещеніе г. Афанасьеву читать публичныя лекціи, отмѣненное лишь послѣ продолжительной переписки между министрами подъ вліяніемъ угрозъ г. Афанасьева оставить занимаемую имъ должность. Не брезгая мелкими доносами, г. Юзефовичъ занимается преимущественно писаніемъ доносовъ квалифицированныхъ, — докладныхъ записокъ, главнымъ образомъ, по университетскому вопросу. Судя по многочисленнымъ ссылкамъ въ настоящей „запискѣ" на другія подобнаго же рода произведенія его пера, они посылаются въ надлежащія учрежденія не „въ три пріема", а просто таки въ безчисленномъ количествѣ.

Однимъ словомъ, передъ нами характерная фигура профессіональнаго добровольца-доносчика, ярко очерченная Некрасовымъ:

Зналъ я старца: въ душѣ его бѣдной
Поселился паническій страхъ,
Что погубитъ насъ Западъ зловредный.
. . . . . .
На журналы, на книги бросался,
Съ карандашикомъ вѣчно въ рукахъ;
Поясненья, „записки", запросы
Составлялъ трудолюбецъ-старикъ;
Онъ на вывѣски даже доносы
Сочинялъ, если не было книгъ.

Въ данной „запискѣ" „трудолюбца-старика" наше вниманіе останавливаетъ на себѣ, повторяемъ, не беззастѣнчивость взглядовъ ея автора. Несравненно интереснѣе тѣ цѣнныя признанія, которыя дѣлаются въ ней усерднымъ защитникомъ самодержавія относительно расшатанности самодержавнаго строя, свидѣтельствуя о его безотрадномъ взглядѣ на существующее положеніе дѣлъ. Эти признанія, исходящія изъ устъ вліятельнаго „прозорливаго", по его собственному выраженію, и преданнаго самодержавію совѣтника, сами по себѣ являются симптомами разложенія и порчи правительственнаго механизма, расшатаннаго въ послѣдніе годы напоромъ живыхъ общественныхъ силъ, руководимыхъ въ борьбѣ съ правительствомъ русской соц.-демократіей. Псложеніе вещей, по мнѣнію г. Юзефовича, очень серьезно:

„Болѣзнь, угрожающіе симптомы которой стали съ особенной силой проявляться въ послѣдніе годы минувшаго XIX столѣтія, съ тѣхъ поръ сдѣлала большіе успѣхи. Микробъ лжелиберализма, или, выражаясь по русски, свободомыслія, цѣлымъ столѣтіемъ раньше начавшій свою разрушительную работу въ Зап. Европѣ, вскорѣ перенесенъ былъ и къ намъ, а въ пореформенную эпоху нашелъ для себя благодарную почву въ нашей незрѣлой печати, въ нашихъ увлекающихся неразумнымъ милосердіемъ обновленныхъ судахъ, въ нашей близорукой педагогической практикѣ, въ нашемъ лицемѣрно-пристрастномъ народолюбіи и, подъ покровомъ благодушно настроеннаго правительства, нынѣ охватилъ почти весь государственный организмъ, оставивъ болѣе или менѣе нетронутыми весьма немногіе его органы" (62 стр.).

Отмѣтивъ роль „зловреднаго Запада", г. Юзефовичъ продолжаетъ въ другомъ мѣстѣ: „Заразой охвачены почти всѣ органы государственнаго организма; разлагающій микробъ свободомыслія, эгалитаризма, атеистическихъ, анархическихъ и соціалистическихъ идей проникъ повсюду — въ школу, правящія учрежденія отъ сената до уѣздной канцеляріи включительно, въ печать, въ городскую и сельскую жизнь и даже, отчасти, въ среду нашего духовенства. Единственнымъ болѣе или менѣе здоровымъ органомъ можетъ считаться армія, въ которую, однако-же, зараза всѣми силами старается проникнуть" (63 стр.).

. . . „Явленіе это очень серіозно, симптомы разложенія становятся все болѣе и болѣе угрожающими, и, если правительство не сознаетъ необходимости примѣнить къ больному государственному организму строжайшій гигіенической режимъ и радикальную дезинфекцію, рекомендованную мною въ первой части записки, то организмъ можно считать погибшимъ — зараженіе крови и гангрена станутъ неизбѣжными" (62 стр.). „Поняло-ли это правительство — не знаю, но если поняло, то не слишкомъ-ли поздно?!" Вопросъ такъ и остается открытымъ.

Дѣлая такія откровенныя признанія въ секретной „запискѣ", г. Юзефовичъ пуще всего боится, какъ бы взгляды, подобные высказаннымъ имъ, не сдѣлались общимъ достояніемъ и съ прискорбіемъ замѣчаетъ, что... „постоянныя колебанія, слишкомъ частая смѣна наказаній и милостей, заискивающія увѣщанія со стороны начальства и т. п. окончательно деморализовали эту сбитую съ толку молодежь и вселили въ нее не столько вѣру въ милосердіе и отеческое попеченіе о ней Верховной Власти, сколько убѣжденіе въ полномъ безвластіи и безволіи правительства"... убѣжденіе, добавимъ отъ себя, раздѣляемое и г. Юзефовичемъ, какъ это ясно видно, хотя бы изъ приведенныхъ выше мѣстъ его „записки".

Что же такъ дезорганизовало наше правительство и привело его къ состоянію, столь близкому къ банкротству и столь краснорѣчиво описанному г. Юзефовичемъ?

По его мнѣнію, причинъ этому очень много: и „распространяемыя среди молодежи анархическія, соціалистическія и иныя антикультурныя ученія", и „вліяніе незрѣлой антилиберальной печати", и „неумѣренное благодушіе и долготерпѣніе Правительства", и масса другихъ болѣе мелкихъ явленій... Одного только не примѣтилъ г. Юзефовичъ, это — вступленіе въ сознательную жизнь новаго общественнаго класса, способнаго бороться за свои политическія права, оживленіе въ силу этого общественной жизни, появленіе на очереди такихъ вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ съ исторической неизбѣжностью властно выдвигается общественнымъ развитіемъ страны и разрѣшить которые наше правительство не въ состояніи. Впрочемъ, въ одномъ мѣстѣ г. Юзефовичъ упоминаетъ иронически о „либеральномъ духѣ времени", но рекомендуетъ правительству игнорировать его: . . . „если мы будемъ въ данную весьма серьезную минуту считаться съ той фикціей, которая именуется духомъ времени, то это равносильно предоставленію государственнаго организма разрушительному дѣйствію разъѣдающихъ его силъ, ибо въ этомъ-то духѣ времени и заключается инфекціонная зараза, отъ которой мы такъ тщетно искали спасенія" (стр. 64).

Упрекая правительство въ отсутствіи энергіи и рѣшительности и указывая при этомъ на англо-бурскую войну и германизацію Познани, г. Юзефовичъ рекомендуетъ ему взять примѣръ съ западно-европейскихъ правительствъ, „которыя систематически дѣйствуютъ въ духѣ намѣченныхъ ими программъ даже тогда, когда право не на ихъ сторонѣ" (стр. 18; курс. г. Юзеф.).

* * *

Значеніе, придаваемое г. Юзефовичемъ „подпольной интригѣ" въ дѣлѣ дезорганизаціи правительства такъ велико, что русскій соц.-демократъ, какъ единственный серьезный врагъ правительства, невольно долженъ почувствовать себя польщеннымъ при чтеніи „записки". Особенно большое значеніе г. Юзефовичъ приписываетъ „тайной и явной пропагандѣ" въ дѣлѣ подготовленія студенческаго движенія. Первоначальной причиной студенческихъ волненій является, по его мнѣнію, какъ мы уже упомянули выше, „распространеніе среди школьной молодежи анархистскихъ, соціалистическихъ и иныхъ антикультурныхъ ученій".

„Люди прозорливые — пишетъ онъ — давно ужъ отмѣтили это прискорбное явленіе и не скрывали опасеній своихъ относительно неизбѣжныхъ послѣдствій такой пропаганды; но благожелательное и довѣрчивое правительство, опираясь на близорукое

Достойно вниманія совпаденіе требованій мѣстныхъ Комитетовъ съ требованіями, высказанными Кустарнымъ Съѣздомъ въ непропущенныхъ правительствомъ резолюціяхъ.

Единогласно и всеобще требованіе образованія для народа и освобожденія отъ стѣсненій и опеки культурно-просвѣтительной дѣятельности.

Многіе Комитеты высказались по вопросамъ общей экономической политики правительства, характеризуя ее какъ политику покровительства меньшинству, въ ущербъ интересамъ большинства; при этомъ выражалось желаніе, чтобы въ основу податной системы легъ принципъ подоходности, а таможенная политика не служила бы цѣлямъ охраненія крупной промышленности въ ущербъ потребителю.

Таковы общія руководящія начала. Что многими Комитетами они будутъ разработаны детально, не смотря на циркулярное сообщеніе Министра Финансовъ, помѣщенное въ № отъ 10 авг. „Правительственнаго Вѣстника", — объ этомъ можно судить по тому, какъ они приступили къ работамъ. — Комитеты разбились на коммиссіи по группамъ сродныхъ вопросовъ; выработаны детальныя программы, заключающія, напр., въ Суджанскомъ Комитетѣ такіе пункты: § 4 — отсутствіе явочнаго порядка для кооперацій и союзовъ; § 15 — вопросъ о прессѣ, какъ общей, такъ и спеціальной; § 16 — о полномъ прекращеніи преслѣдованія сектантовъ; § 17 — о духовенствѣ и зависимости прихода отъ духовной Консисторіи и епархіальнаго начальства; § 20 — объ организаціи земскихъ учрежденій внѣ зависимости отъ сословныхъ соображеній; § 53 — рабочій вопросъ.

Земскимъ Экономическимъ Совѣтомъ внесено въ тотъ же Комитетъ предложеніе разработать вопросы: 1) объ устраненіи крестьянскаго малоземелья на основаніи заранѣе опредѣленной нормы земельнаго участка, необходимаго для существованія средней крестьянской семьи; 5) объ ограниченіи скопленія въ однихъ рукахъ участковъ подворнаго землевладѣнія; о правѣ крестьянъ самимъ избирать форму зелевладѣнія — общинную или подворную.

Не всѣ, конечно, Комитеты взглянули на дѣло съ надлежащей широтой. Напр., Меленковскій Комитетъ, Владимірской губ., въ составѣ предводителя дворянства, 20 земскихъ начальниковъ и 1 землевладѣльца рѣшилъ, что дѣло будетъ сдѣлано, если въ уѣздѣ будетъ не одно, а 10 сельско-хозяйственныхъ обществъ, каждое — съ инструкторомъ и субсидіей, — и если кровельное желѣзо подешевѣетъ. Но вѣдь и Россія перестала бы быть Россіей, если бы въ ней перевелись добрые люди и плохіе музыканты.

Теперь — вопросъ: эти требованія, зрѣющія теперь въ Комитетахъ и въ сознаніи русскаго общества, требованія, которыя рано или поздно осуществятся, — явятся-ли они достаточно полнымъ и достаточно соотвѣтствующимъ интересамъ соціаль-демократіи рѣшеніемъ поднятыхъ общественныхъ вопросовъ?

Съ увѣренностью можно сказать, что нѣтъ. — Вопросъ о самодержавіи едва-ли будетъ затронутъ, а, слѣдовательно, и вопросъ о гарантіяхъ того правопорядка, который признается желательнымъ и необходимымъ. Даже въ тѣхъ узкихъ предѣлахъ, въ какихъ онъ будетъ поставленъ, вопросъ объ избирательномъ правѣ и народномъ представительствѣ въ земскомъ и городскомъ самоуправленіи едва-ли получитъ демократическое рѣшеніе. Объ этомъ говорятъ слѣдующіе признаки: и въ заявленіяхъ, сдѣланныхъ въ комитетахъ, и въ статьѣ „Отъ русскихъ конституціоналистовъ", помѣщенной въ № 1 „Освобожденія", говорится только о „безсословности" представительныхъ учрежденій и нигдѣ о всеобщемъ и равномъ избирательномъ правѣ. Статья „Освобожденія" мотивируетъ это свое воздержаніе нежеланіемъ дѣлить шкуру не убитаго еще медвѣдя, но оговаривается, что „болѣе подробное опредѣленіе избирательной системы будетъ предметомъ особаго обсужденія, при которомъ нельзя обойтись безъ техническихъ деталей и принципіальныхъ споровъ". Мы хотѣли бы знать, что скрывается за этой оговоркой? Имущественный-ли цензъ? и высокій? И при томъ множественность голосовъ?... Что это — первые-ли провозвѣстники грядущихъ притязаній россійской буржуазіи и предстоящей намъ классовой борьбы за участіе въ государственномъ управленіи, или только выраженіе недовѣрія къ голосованіямъ крестьянской безграмотной массы? Такъ или иначе, но съ этимъ партіи придется считаться; скрытымъ пока врагамъ демократіи должно быть показано, что ихъ намѣренія разгаданы, и соціаль-демократическая партія должна взять на себя веденіе кампаніи въ пользу всеобщаго и равнаго избирательнаго права, какъ для органовъ мѣстнаго самоуправленія, такъ и для парламента.

Требованіе уничтоженія опеки, общинной — для крестьянъ, и административной — для всѣхъ гражданъ и органовъ самоуправленія, есть наиболѣе скромная форма требованій элементарныхъ личныхъ и политическихъ правъ. Она потребуетъ, по всей вѣроятности, расширенія и углубленія. Особое вниманіе партіи долженъ привлечь вопросъ о союзахъ и о коалиціонномъ правѣ рабочихъ, какъ фабричныхъ, такъ и занятыхъ въ земледѣліи и отхожихъ промыслахъ. Вообще, интересы рабочихъ сельско-хозяйственной промышленности совершенно не представлены въ комитетахъ, а они, между тѣмъ, разнообразны и требуютъ усиленнаго вниманія, такъ какъ положеніе землелѣльческаго рабочаго до безконечности жалко и необезпечено. Явиться выразителемъ его нуждъ можетъ только соц.-демократія. А. и М.

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

ПОЛИТИЧЕСКІЕ ПРОЦЕССЫ.

Въ отдѣльной брошюрѣ мы помѣстили обвинительные акты по политическимъ процессамъ о демонстраціяхъ мая въ Нижнемъ Новгородѣ и Саратовѣ. Какъ оказывается, третій такой же процессъ возбужденъ противъ 14 рабочихъ Сормовскаго завода (Нижегор. губ.), участвовавшихъ въ демонстраціи въ день 1 мая въ Сормовѣ. Сормовскій и Нижегородскій процессы назначены къ слушанію въ концѣ октября. Саратовскій уже назначался къ слушанію, но былъ отложенъ.

Возобновленіе судебныхъ процессовъ противъ участниковъ политическихъ демонстрацій свидѣтельствуетъ о крайнемъ озлобленіи царскаго правительства. Послѣ безсмысленной попытки подавить проявленія революціи полицейскими розгами оно схватилось за старое орудіе — подтасованный судъ*). Мы увѣрены, что наши товарищи съ честью выдержатъ новое испытаніе ихъ политической зрѣлости и используютъ въ интересахъ партіи процедуру судебнаго процесса.

Не имѣя возможности привести цѣликомъ обвинительный актъ по Сормовскому дѣлу, мы ограничимся наиболѣе характерными моментами:

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТЪ

о крестьянинѣ слободы Кошелевки Елькинской вол. Нижегородскаго у. П. А. Заломовѣ 25 л., мѣщ. г. Лукоянова А. И. Быковѣ 22 л. и М. И. Быковѣ 24 л., горнозаводскомъ мастеровомъ Воткинскаго зав. Вяткой губ. Е. Г. Наумовѣ 25 л., крестьянинѣ села Сормово Балахнинск. у. П. Д. Дружкинѣ 26 л., крест. Н.-Сергинской вол. Красноуфимскаго у. Пермской г. Н. В. Фроловѣ 28 л., горнозаводскомъ раб. Воткинскаго зав. Вятской г. М. Е. Богатыревѣ 27 л., крестьян. с. Сормова Балахнинскаго у. А. П. Лапинѣ (Буренкинѣ) 26 л., горнозаводскомъ мастеровомъ с. Выксы Ардатовскаго у. М. И. Самылинѣ 24 л., горнозаводскомъ мастер. з. Дощатаго Меленковскаго у. Владимірской губ. И. Ф. Сутягинѣ 19 л., крестьян. с. Масловки Васильевскаго у. И. Д. Шибаевѣ 24 л., крестьян. с. Пиловальки Курмышскаго у. Симбирской губ. В. Н. Солдатовѣ 29 л., крестьянинѣ с. Козина Балахнинскаго у. А. П. Барановѣ 17 л. и крестьянинѣ с. Бахаревки Курмышскаго уѣзда Симбирской губ. Я. С. Полозовѣ 25 л., обвиняемыхъ въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 252 ст. Ул. о нак.

Въ концѣ 1901 г. въ с. Сормовѣ Балахнинскаго уѣзда и на Сормовскихъ заводахъ въ различное время были найдены преступныя воззванія, обращенныя къ рабочимъ. Съ наступленіемъ 1902 г. появленіе такихъ прокламацій возрасло и особенно усилилось въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Запрещенные листки, изданные типографскимъ способомъ или воспроизведенные посредствомъ мимеографа и гектографа, разбрасывались первоначально въ чертѣ заводовъ, между 5 и 6 час. утра, послѣ окончанія ночной работы, и мастеровые находили ихъ на станкахъ и въ ящикахъ. Заводскою администраціею и полиціею было учреждено неослабное наблюденіе за цехами, вслѣдствіе чего появленіе воззваній въ нихъ прекратилось, но было замѣчено въ Сормовскомъ поселкѣ, преимущественно въ тѣхъ улицахъ, которыя идутъ къ заводу. Не ограничиваясь этимъ, неизвѣстные злоумышленники расклеивали свои произведенія на стѣнахъ заборовъ и столбахъ. Такимъ образомъ, въ заводахъ и с. Сормовѣ было найдено: 27 ноября 1901 г. нѣсколько воззваній „Нижегородскаго Ком. С.-Дем. Раб. Партіи", отъ 25 ноября „Къ вагоннымъ кузнецамъ" съ приглашеніемъ заявить требованія о введеніи порядка повышеній и объявленій расцѣнокъ и вѣжливомъ съ рабочими обращеніи мастера, при чемъ указывалось, что путемъ массовыхъ забастовокъ и бунтовъ рабочіе добились изданія законовъ о штрафахъ, расцѣнкахъ и введеніи одиннадцатичасоваго рабочаго дня. Въ этомъ же воззваніи обращается вниманіе рабочихъ на то, что имъ нечего разсчитывать на поддержку со стороны губернскихъ властей. Тамъ же обнаружена 6, 7, 8 и 9 декабря „Нижегород. Рабочая Газ.", № 1, 11 декабря воззваніе „Ко всѣмъ Сормовскимъ рабочимъ", 22 и 23 декабря 38 экз. листка, озаглавленнаго „Ко всѣмъ нижегородскимъ рабочимъ", 5 и 6 марта 1902 г. „Нижегородская Рабочая Газета, № 2", 31 марта та же газета № 3 въ количествѣ болѣе тысячи экз., 11 апрѣля та же газета № 4, а 26 апрѣля № 5 той же газеты, съ заголовкомъ „Первое мая"*). Характеръ этихъ изданій постепенно видоизмѣнялся; авторы не ограничивались только экономическими требованіями, но призывали рабочихъ къ политическимъ демонстраціямъ, имѣющимъ конечною цѣлью ниспроверженіе существующаго порядка управленія. Почти всѣ листки заканчиваются требованіями: „Долой самодержавіе!", „Да здравствуетъ политическая свобода!", „Да здравствуетъ восьмичасовый рабочій день!" Кромѣ такихъ преступныхъ подстрекательствъ, въ нѣкоторыхъ изданіяхъ помѣщены пѣсни революціоннаго содержанія: — „Дружно, товарищи, въ ногу!", „Бѣснуйтесь, тираны, глумитесь надъ нами!" — Въ № 5, озаглавленномъ „Первое мая", Нижегородскій Комитетъ Рос. С.-Д. Раб. Партіи, объясняя рабочимъ значеніе этого дня, приглашаетъ всѣхъ бросить работу, выходить на улицу и идти толпой съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ и съ красными знаменами, на которыхъ должны быть изображены перечисленныя выше дерзостныя восклицанія. Независимо отъ преступной пропаганды путемъ воззваній, на заводахъ стали распространяться слухи о готовящихся безпорядкахъ, при чемъ съ перваго января по первое мая назначались для таковыхъ тѣ или другіе дни. Всѣ описанныя дѣйствія злоумышленниковъ вызвали къ первому мая тревожное настроеніе среди рабочихъ, нѣкоторые изъ коихъ дня за три до этого числа получали приглашенія отъ своихъ товарищей, какъ напр., отъ крестьянина Алексѣя Быкова, бросить перваго мая работу. Совокупностью показаній свидѣтелей очевидцевъ (слѣдуютъ имена)... установлено, что перваго мая работы на заводѣ начались въ полномъ порядкѣ, послѣ 12 час. часть мастеровыхъ, согласно ихъ просьбѣ, по примѣру прошлыхъ лѣтъ была освобождена отъ занятій, при чемъ на работахъ оставалось около 5400 чел. До двухъ часовъ дня въ Сормовѣ все было спокойно. Часу въ третьемъ на Большой улицѣ, по направленію отъ Дарьинскихъ выселковъ и Дарьинскаго лѣса стали появляться отдѣльныя группы рабочихъ, среди которыхъ слышались игра на гармоніяхъ, брань и пѣніе фабричныхъ пѣсенъ. Бывшій въ нарядѣ полицейскій надзиратель Высоцкій пытался остановить тѣхъ изъ упомянутыхъ лицъ, которые наиболѣе шумѣли, при чемъ обратилъ вниманіе, что крестьянинъ Егоръ Наумовъ, собравъ около себя толпу рабочихъ, шелъ по названной улицѣ, играя на гармоникѣ и особенно громко выкрикивая какую-то пѣсню. Въ другой группѣ выдѣлялся кр. Осипъ Матвѣичевъ, который, находясь въ нетрезвомъ состояніи, бранился и кричалъ. Вскорѣ онъ отдѣлился отъ своихъ товарищей, послѣ чего и былъ задержанъ. При обыскѣ у Матвѣичева оказалось въ карманѣ воззваніе „Ко всѣмъ русскимъ рабочимъ", отпечатанное въ типографіи революціоннаго журнала „Искра" и заключающее въ себѣ требованіе устроить перваго мая демонстрацію. Отдѣльныя группы рабочихъ соединялись между собой, толпа стала увеличиваться и настроеніе ея дѣлалось все болѣе и болѣе возбужденнымъ. Въ толпѣ начали раздаваться крики: „Долой царя! Долой самодержавіе! Да здравствуетъ политическая свобода! Да здравствуетъ дружина соціалистовъ!" Въ рукахъ и на палкахъ появились красные платки и, по показанію полицейскаго урядника Архипова, былъ выкинутъ красный флагъ съ какою-то надписью, которую онъ не могъ разобрать, такъ какъ въ него, свидѣтеля, бросили камнемъ. Флагъ этотъ то поднимался, то опускался, и Архиповъ въ числѣ стоявшихъ около него рабочихъ замѣтилъ мастерового Михаила Самылина. Среди шумѣвшей

*) Авторъ передовой статьи въ № 9 „Освобожденія" ошибочно думаетъ, что новые политическіе процессы являются первыми со времени дѣла Софьи Гинзбургъ (1890 г.), если не считать послѣднихъ дѣлъ о террористическихъ покушеніяхъ. Хотя изрѣдка, но политическіе процессы происходили во все время 90 годовъ, являясь, конечно, рѣдкими исключеніями, только подтверждавшими общее правило „административной" расправы. Намъ извѣстно дѣло Качурихина и Архангельскаго въ Казани (1892 г.) о покушеніи на губернатора; дѣло „пролетаріатца" Славинскаго въ 1892 г. въ Варшавѣ; дѣла вольноопредѣляющихся Виктора Вейнштока и Биндера — въ СПБ. и Варшавѣ въ 1893 г.; дѣла рабочихъ Грубецкого, Клепсателя, двухъ Карчмарекъ и Циммермана — въ Лодзи въ 1895 г. и, наконецъ, 3 дѣла объ убійствѣ шпіоновъ въ Польшѣ въ 1900 году.

*) Это говорится про „Листки Нижегородской Рабочей Газеты." Ихъ было 5 номеровъ.

общественное мнѣніе, къ несчастію, слишкомъ долго лелѣяло себя иллюзіями и приписывало студенческія волненія юношескимъ увлеченіямъ, духу товарищества, недовольству нѣкоторыми распорядками школьной жизни и даже безтактности властей и педагогическаго персонала" (стр. 5).

Мѣры „предупрежденія и пресѣченія", употребляемыя правительствомъ для борьбы съ „преступной пропагандой", г. Юзефовичъ находитъ неудовлетворительными и недостаточными: „Какими путями проникаетъ въ Россію крамола, свившая себѣ въ Зап. Европѣ (опять „зловредный Западъ"!) прочныя гнѣзда, какими ловкими и искусными пріемами раскидываетъ она свои сѣти, — судить не берусь; но въ чемъ не можетъ быть сомнѣнія, это въ томъ, что для борьбы съ ней правительство не располагаетъ ни удовлетворительно организованной силой, ни достаточными средствами. Какія тому причины, чѣмъ объяснить, что правительственная власть, затрачивающая сотни милліоновъ ежегодно на предупрежденіе возможныхъ въ будущемъ столкновеній съ врагомъ внѣшнимъ, въ то же время обнаруживаетъ столь преувеличенную бережливость(!?) въ дѣлѣ борьбы съ наличнымъ и несравненно болѣе опаснымъ врагомъ внутреннимъ, — все это вопросы, на которые человѣкъ посторонній, не посвященный во всѣ тайныя пружины правительственнаго механизма, отвѣтить не можетъ. Въ качествѣ такого посторонняго лица, могу засвидѣтельствовать только одно, что организація правительственнаго надзора не только за тайной, но даже за явной пропагандой на столько неудовлетворительна, что правительству какъ будто бы невѣдомы имена и факты, которые извѣстны всякому маломальски внимательному наблюдателю русской общественной жизни. Въ нашихъ среднихъ и высшихъ правительственныхъ школахъ, не исключая даже привилегированныхъ и военныхъ, не мало педагоговъ самаго сомнительнаго направленія, беззастѣнчиво вливающихъ ядъ зловредныхъ ученій въ умы и сердца русскаго юношества, и правительство не только терпитъ ихъ, но не дѣлаетъ никакого различія между ними и ихъ благонадежными сослуживцами, а нерѣдко даже, въ силу ихъ талантовъ и знаній, выдѣляетъ ихъ надъ этими послѣдними, вопреки неоспоримой истинѣ, что люди эти тѣмъ опаснѣе, чѣмъ обширнѣе ихъ педагогическія дарованія и научный авторитетъ..." (стр. 8).

„Радикальное очищеніе нашихъ профессорскихъ кафедръ отъ опасныхъ элементовъ является насущнѣйшимъ вопросомъ нашей государственной педагогіи и должно вестись безпощадно, хотя бы для замѣщенія ихъ пришлось временно прибѣгнуть къ, можетъ быть, не вполнѣ желательному приглашенію профессоровъ изъ-за границы... Незнакомство иностранныхъ ученыхъ съ русскимъ языкомъ не имѣетъ значенія" (стр. 8). Въ чемъ, въ чемъ, а въ безстрашіи мысли г. Юзефовичу отказать нельзя!

Не менѣе любопытны взгляды г. Юзефовича на значеніе „лжелиберальной печати": „Для того, чтобы духъ анархіи и соціалистическія идеи могли водвориться въ средѣ учащейся молодежи, — необходимо было, чтобы къ тому исподволь была подготовлена почва. Эту-то задачу приняла на себя наша лжелиберальная печать". Такимъ духомъ лжелиберализма, по мнѣнію г. Юзефовича, проникнута вся наша печать: — „гдѣ въ настоящее время тѣ органы, къ которымъ могъ бы обратиться серіозный публицистъ, желающій независимо и безпристрастно обсудить любой изъ животрепещущихъ вопросовъ, затрагивающихъ нашу внутреннюю политическую жизнь и волнующихъ наше общество. Не вооружившись краснымъ знаменемъ, онъ ни въ одинъ изъ мало-мальски распространенныхъ органовъ лжелиберальной печати проникнуть не можетъ; въ лагерѣ же, такъ называемой, консервативной печати, онъ находитъ лишь „Моск. Вѣдомости" и „Гражданинъ". Объ эти газеты не удовлетворяютъ г. Юзефовича: первая „въ усердіи своемъ нерѣдко заходитъ за предѣлы того, чему можетъ сочувствовать человѣкъ, независимый въ своихъ сужденіяхъ", вторая „въ свою очередь представляетъ собою органъ личныхъ взглядовъ и убѣжденій его редактора и потому обращается лишь въ тѣсномъ кругу единомышленниковъ князя Мещерскаго". „Есть еще весьма распространенная газета „Новое Время", которая позируетъ на благонамѣренность, весьма, впрочемъ, дешевую: въ дѣйствительности же газета эта представляетъ собою работу дружно сплоченной группы публицистовъ, готовыхъ продать себя тому, кто дороже заплатитъ"... Это-ли не знаменіе времени? Даже нашъ „внимательный наблюдатель нашей общественной жизни" бросаетъ современной „Чего-изволите?" упрекъ въ продажности.

Виною такому „безотрадному положенію нашей прессы", проникнутой „тлетворнымъ ядомъ лжелиберализма", является, по мнѣнію г. Юзефовича, „узко-формальное отношеніе къ дѣлу" цензоровъ, „пропускающихъ безъ вниманія ядовитѣйшія книги и статьи, въ которыхъ между строками проводятся самыя отрицательныя ученія, разжигается національная и сословная вражда; растлѣваются нравы и подрываются священнѣйшіе авторитеты вѣры, закона, семьи и правительственной власти". Тутъ же г. Юзефовичъ проводитъ оригинальную мысль, что слабость цензуры является въ то же время и причиной упадка современной литературы и оскудѣнія ея талантами: „въ самый разгаръ мнимыхъ гоненій на русскую печать... строгая расцѣнка литературныхъ и публицистическихъ дарованій выдвинула цѣлую плеяду талантливѣйшихъ именъ, и первая половина XIX столѣтія не безъ основанія можетъ считаться самой блестящей эпохой въ русской литературѣ. Не то явила намъ вторая половина того же столѣтія... Данныя въ это время русской печати широкія вольности не оправдали возлагавшихся на нихъ надеждъ: исчезли поименованные выше свѣточи русской литературы старой школы и оскудѣла вмѣстѣ съ ними русская печать. Подъ прикрытіемъ дарованныхъ вольностей на смѣну этихъ титановъ изъ всѣхъ щелей стали выползать литературныя букашки"... (стр. 11).

Итакъ, оживить русскую литературу можно, по мнѣнію г. Юзефовича, очень просто: стоитъ только усилить(?) цензуру и „подвергать ударамъ самой рѣшительной и настойчивой правительственной репрессіи..." „все, что вноситъ въ жизнь духъ разлада и разложенія". Кромѣ того, „трудолюбивый старикъ" рекомендуетъ правительству оказать „матеріальную и нравственную поддержку" — для изданія литературнаго органа — „Русскому Собранію", вокругъ котораго сгруппировался кружокъ людей, искренно преданныхъ національной идеѣ, православію и принципу Самодержавія"...

Тогда, надо полагать, дѣло будетъ совсѣмъ въ шляпѣ!

* * *

Но особенно комичны упреки — „въ неумѣренномъ благодушіи и долготерпѣніи", посылаемые г. Юзефовичемъ по адресу правительства. Ужъ оно-ли не старается?! Г-ну Юзефовичу все кажется мало: „къ сожалѣнію, такой недостатокъ рѣшительности и настойчивости со стороны правительственной власти до сихъ поръ обнаруживается не только къ вреднымъ тенденціямъ печати, но и въ сферѣ иныхъ прискорбныхъ явленій въ русской народной жизни. То же благодушіе и неумѣренное долготерпѣніе проявляло правительство и по отношенію къ длящимся нѣсколько лѣтъ школьнымъ волненіямъ и безпорядкамъ, чѣмъ нанесенъ значительный ущербъ русскому національному просвѣщенію, вообще, и личнымъ интересамъ большинства учащейся молодежи въ частности" (стр. 17).

Недоволенъ г. Юзефовичъ и отсутствіемъ какой-либо опредѣленной системы въ дѣйствіяхъ правительства: „въ теченіи нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ мѣры строгости постоянно смѣнялись проявленіями Монаршаго Милосердія, къ которому лица, у власти стоящія, должны были бы прибѣгать съ гораздо большей осторожностью. Русскій народъ привыкъ къ тому, что всякое благо и милости изливаются съ высоты Престола, но потому-то именно со стороны ближайшихъ совѣтниковъ Царскихъ желательно, чтобы въ интересахъ законности и порядка они не обращали акты Царскаго Милосердія въ орудіе безнаказанности, влекущей за собой полную деморализацію въ средѣ кружковъ, преступившихъ законъ". „Продолжительная безнаказанность привела къ тому еще, что школьные безпорядки вошли въ привычку, обратились въ явленіе заурядное; между тѣмъ, въ среду студенческой молодежи все чаще и свободнѣе стали проникать воззванія и листки возмутительнаго содержанія, радикально измѣнившіе самый характеръ волненій и придавшіе имъ небывалый прежде духъ политическихъ возмущеній" (стр. 18). Упреки правительству въ бездѣятельности и „попустительствѣ" „антикультурнымъ" теченіямъ. Юзефовичъ заканчиваетъ совѣтомъ взять примѣръ съ Зап.-Европейскихъ правительствъ, систематически и настойчиво дѣйствующихъ „въ духѣ намѣченныхъ ими программъ даже тогда, когда право не на ихъ сторонѣ".

Одними наставленіями общаго характера г. Юзефовичъ не ограничивается и предлагаетъ правительству „для оздоровленія государственнаго организма" цѣлую программу практическихъ мѣропріятій, понятно, репрессивнаго свойства. Первымъ по важности онъ считаетъ: „значительное усиленіе рабочихъ силъ и матеріальныхъ средствъ нашей политической полиціи и организація полицейскихъ агентуръ соотвѣтственно современнымъ условіямъ борьбы съ анархіей и политическими лжеученіями". Далѣе слѣдуетъ цѣлый рядъ совѣтовъ, изложенныхъ въ 22 пунктахъ и непосредственно вытекающихъ изъ общихъ положеній его „записки".

Особенно интересны мѣры, касающіяся непосредственно университета; изъ нихъ выдѣляется совѣтъ наказывать студентовъ за участіе въ безпорядкахъ лишеніемъ аттестата зрѣлости. Совѣтъ довольно ехидный, но далеко не столь удобоисполнимый, какъ это воображаетъ г. Юзефовичъ; онъ забываетъ, что лишеніе аттестата есть одинъ изъ видовъ лишенія правъ, налагаемый на преступника, даже по русскому законодательству, лишь по суду. Мы не сомнѣваемся, что эта незаконная мѣра, въ случаѣ ея примѣненія, раздѣлитъ участь „временныхъ правилъ" Боголѣпова, предложенныхъ тѣмъ же „трудолюбцемъ-старикомъ".

Еще курьезнѣе слѣдующіе совѣты г. Юзефовича: „ввѣрить внутренній распорядокъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ

BIBLIOTHEQUE * MUSEE DE LA GUERRE *

толпы находились Никифоръ Фроловъ, приглашавшій стоявшихъ на улицѣ лицъ присоединиться, Михаилъ Богатыревъ, Петръ Заломовъ, Алексѣй Быковъ, Иванъ Сутягинъ, Иванъ Шибаевъ, который махалъ краснымъ флагомъ, прикрѣпленнымъ къ палкѣ, и кричалъ: „собирайтесь сюда!“, а также Василій Солдатовъ и Алексѣй Барановъ. Всѣ эти лица расхаживали по улицѣ съ криками: „Долой самодержавіе! Да здравствуетъ политическая свобода!“ Въ это время на Большой улицѣ собралось около 2000 чел. Старанія полиціи водворить порядокъ оказались безуспѣшными, и толпа двигалась сплошною массою. На всѣ просьбы разойтись отвѣчали бранью и бросали камни; при чемъ получилъ ударъ въ лицо жандармскій унтеръ-офицеръ Иванъ Рогалевъ. Возбужденіе толпы постоянно росло, и оскорбленія наносились не только полиціи, но даже и священнику, который, проходя съ иконой Владим. Божьей Матери, подвергся глумленію. Въ 6 час. на заводѣ окончилась денная работа, и послѣ свистка къ толпѣ примкнула значительная часть находившихся до этого на заводѣ мастеровыхъ. Участники безпорядка нѣсколько разъ прошлись по Большой ул., имѣя на палкахъ и въ рукахъ красные платки, распѣвая революціонныя пѣсни: „Собирайся народъ подъ знамя свободы“ и „Дружно, товарищи, въ ногу!“ Это пѣніе, которое, какъ удостовѣрилъ свидѣтель Рогалевъ, начиналъ Михаилъ Самылинъ, неоднократно покрывалось криками Алексѣя Быкова, Наумова и др.: „Долой самодержавіе! Долой царя! Да здравствуетъ политическая свобода!“ На углу Ал.-Невской ул., на поворотѣ къ заводу, толпа, во главѣ которой шли Ал. Быковъ, Заломовъ, Дружкинъ и Наумовъ, остановилась, повидимому, для обсужденія дальнѣйшихъ дѣйствій. Раздались требованія „настоящаго знамени“, на что Заломовъ отвѣчалъ: „успѣемъ“. Одни предлагали идти къ заводу и заявить свои требованія объ увеличеніи заработной платы и уменьшеніи рабочаго дня, а Заломовъ, Самылинъ и Мих. Быковъ, по показанію свидѣтеля Колина, уговаривали продолжать демонстрацію. Послѣ этого толпа раздѣлилась, и часть ея, чел. въ сто, съ тѣми же преступными возгласами направилась къ городской конторѣ. Среди этой части участниковъ безпорядковъ крестьянинъ Сергѣй Тихоновъ замѣтилъ красный флагъ, который несъ на палкѣ неизвѣстный человѣкъ, а рядомъ съ нимъ шли Петръ Дружкинъ и Ал. Ляпинъ, кричавшіе: „Долой царя! Долой самодержавіе!“ Въ это же время Ал. Быковъ, заподозривъ въ Швилли полицейскаго агента, ударилъ его палкой по головѣ. Незадолго передъ нападеніемъ на заводъ, полицейскій надзиратель Высоцкій и урядникъ Комаровъ, замѣтивъ, что безпорядки принимаютъ угрожающій характеръ, передали объ этомъ дирекціи завода и распорядились запереть и укрѣпить ворота и входныя двери, а мѣстный исправникъ сообщилъ начальнику губерніи о возникшей опасности, вслѣдствіе чего къ заводу былъ немедленно отправленъ 238 Клязьминскій резервный батальонъ. Не смотря на то, что Заломовъ и Самылинъ продолжали настаивать на спокойномъ объявленіи заводской администраціи своихъ домогательствъ, часть безчинствовавшихъ, съ крикомъ: „Бей! Долой самодержавіе! Да здравствуетъ политическая свобода!“, приступили послѣ 8 час. веч. къ насильственнымъ дѣйствіямъ. Въ заводской конторѣ и въ канцеляріи полицейскаго пристава были выбиты окна. Нѣсколько камней было брошено въ окна директорскаго кабинета, расположеннаго во второмъ этажѣ, и, наконецъ, безчинствовавшіе рабочіе пытались выбить ворота, но были остановлены своими же товарищами, которыхъ завѣдующій матеріальнымъ отдѣломъ Матвѣевскій и инженеръ Заварицкій успѣли собрать для защиты завода.

Несолидарность товарищей и раздавшійся барабанный бой, указывавшій на появленіе войска, подѣйствовали на толпу, которая стала разбѣгаться. Во время безчинствъ у завода большая часть манифестантовъ оставалась на Большой ул., къ ней присоединились и возвращавшіеся отъ завода рабочіе, и толпа съ криками: „Долой самодержавіе! Да здравствуетъ политическая свобода!“ подняла красное знамя, на которомъ бѣлой краской былъ написанъ тотъ же дерзостный призывъ, и съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ направилась къ Дарьинскому выселку. Знамя несъ на древкѣ Заломовъ; Алексѣй Быковъ, по показанію свидѣтеля Шмерли-Швилли, поддерживалъ другой его конецъ, чтобы яснѣе была видна надпись, около нихъ шелъ Мих. Самылинъ, а Яковъ Полозовъ выкинулъ красный флагъ меньшаго размѣра съ надписью: „Да здравствуетъ восьмичасовый рабочій день!“ Едва всѣ эти лица стали приближаться къ Дарьинской проходной, какъ показалась первая рота Клязьминскаго батальона. По командѣ ротнаго командира штабсъ-капитана Крылова, нижніе чины, взявъ ружье „на руку“, устремились на участниковъ демонстраціи, но послѣдніе съ крикомъ стали наступать на солдатъ, вслѣдствіе чего и были окружены. Вырвавъ у Заломова знамя, штабсъ-капитанъ Крыловъ задержалъ его и Дружкина, который, по показанію этого свидѣтеля, растягивалъ свободный конецъ флага, при чемъ Заломовъ сказалъ: „что вы меня держите? я вѣдь не убѣгу!“ Нижніе чины роты успѣли взять изъ толпы чел. 15-17, а остальные разбѣжались по сторонамъ. Когда рота съ арестованными двинулась дальше, въ нее были брошены три или четыре камня, изъ которыхъ одинъ попалъ въ ногу фельдфебеля. Послѣ предупрежденія, что будутъ стрѣлять, бросаніе камней прекратилось, а вмѣстѣ съ тѣмъ прекратились и самые безпорядки. Въ тотъ же вечеръ, по показанію свидѣтеля Лазарева, крестьянинъ Иванъ Шибаевъ, вернувшись домой, высказалъ удовольствіе по поводу того, что ему удалось ускользнуть отъ солдатъ и что они не всѣхъ задержали, вслѣдствіе чего онъ, Шибаевъ, и былъ арестованъ. По показанію управляющаго заводомъ инженера Мещерскаго, въ 1901 и 1902 гг. до дня безпорядковъ никто изъ рабочихъ не обращался къ нему съ требованіями объ увеличеніи заработка и уменьшеніи часовъ рабочаго дня. По удостовѣренію же свидѣтелей Старцева, Матвѣевскаго и Заварицкаго во все время безпорядковъ безчинствовавшіе рабочіе не требовали повышенія рабочей платы и не жаловались на заводскіе порядки. Событіе перваго мая не оказало никакого вліянія на ходъ работъ, такъ какъ на другой день на работу вышли всѣ люди, во всѣхъ мастерскихъ. 5 мая былъ разбросанъ листокъ, сообщающій о бывшихъ перваго мая безпорядкахъ, съ указаніемъ на вредъ, вызванный разгромомъ заводской конторы, послужившимъ поводомъ къ вызову войскъ, на доблестное поведеніе небольшой толпы, ограничившейся политической манифестаціей, и на геройское поведеніе несшаго красное знамя, который одинъ, не боясь солдатскихъ штыковъ, твердо стоялъ на своемъ посту. Сообщеніе заканчивалось выраженіемъ надежды, что примѣръ этого знаменоносца возбудитъ въ рабочихъ неудержимо твердое желаніе бороться за свободу и что къ будущей демонстраціи присоединится большая часть сормовскихъ рабочихъ, — а также призываетъ къ пожертвованіямъ въ пользу арестованныхъ.

Изъ обвиняемыхъ виновнымъ призналъ себя лишь Яковъ Полозовъ, который показалъ, что въ толпѣ демонстрантовъ были Михаилъ Быковъ, Наумовъ, Самылинъ, Богатыревъ и Заломовъ. Сверхъ того, Полозовъ показалъ, что, въ концѣ 1901 г. до него дошли слухи, что въ Сормовѣ организовалась партія соціалистовъ. Желая узнать, что у нихъ дѣлается, Полозовъ стремился попастъ въ возникшій кружокъ. Это ему удалось, и съ января 1902 г. онъ сталъ уплачивать по 2 коп. съ каждаго заработаннаго рубля, каковыя деньги, какъ онъ слышалъ отъ представителя кружка, рабочаго Дмитрія Углева, поступали къ казначею ассоціаціи Михаилу Самылину. Передъ масляной недѣлей, въ 10 час. вечера, въ деревнѣ Починкахъ, Балахнинскаго уѣзда было общее собраніе членовъ кружка: на собраніи этомъ среди другихъ лицъ присутствовали; Заламовъ, Самылинъ и Богатыревъ. Обсуждался вопросъ объ устройствѣ 1 мая въ селѣ Сормовѣ демонстраціи, причемъ было высказано желаніе, чтобы она носила „мирный характеръ“ и т. д. — Словомъ, вполнѣ „чистосердечное“ признаніе. Полозовъ, не въ примѣръ прочимъ обвиняемымъ, до суда находится на свободѣ.

Всѣ остальные обвиняемые „отрицали безусловно свою виновность“, либо отвергая фактъ своего участія въ толпѣ, либо объясняя его посторонними причинами. Обвиняемый Ляпинъ, объясняя, что былъ во время демонстраціи только зрителемъ, показалъ, что въ толпѣ демонстрантовъ видѣлъ Дружкина.

Изъ числа свидѣтелей, на которыхъ ссылались обвиняемые, отрицавшіе свое участіе въ демонстраціи, часть подтвердила эти ссылки.

Заключеніе обвинительнаго акта гласитъ:

Такіе-то подсудимые „на основаніи всего вышеизложеннаго... обвиняются въ томъ, что 1 мая 1902 г. въ с. Сормовѣ, Балахнинскаго у., съ цѣлью дерзостнаго порицанія самодержавной власти и установленнаго законами образа правленія учинили шествіе по Большой и Александро-Невской улицамъ съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ, выкинувъ красные флаги, на одномъ изъ которыхъ имѣлась надпись: „долой самодержавіе! да здравствуетъ политическая свобода!“, и дозволили себѣ, какъ во время этого шествія, такъ и при совершеніи насильственныхъ дѣйствій у Сормовскаго завода неоднократно кричать: „долой царя! долой самодержавіе! да здравствуетъ политическая свобода!“, — т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1 и 2 ч. 252 ст. Улож. о Нак. Вслѣдствіе сего и согласно 2 п. 1030 ст. Уст. Уг. Суд. всѣ вышепоименованныя лица подлежатъ суду Моск. Суд. Палаты съ участіемъ сословныхъ представителей.

Сентября 12 дня 1902 года, городъ Москва.

Тов. прок. Суд. Палаты П. Курловъ.“

БОБЧИНСКІЕ ВЪ ОППОЗИЦІИ.

Въ почтовомъ ящикѣ „Освобожденія“ (№ 9) г. Струве жалуется одному изъ своихъ корреспондентовъ на „непонятную враждебность, проявляемую нѣкоторыми ‚революціонерами‘“.

Нѣкъ слишкомъ ясенъ. Но намъ въ свою очередь непонятна „непонятливость“ г. Струве. Мы всегда указывали и готовы указать еще разъ, что наша „враждебность“ направлялась лишь на ту часть гражданской души г. Струве, которая служитъ пріютомъ филистерскому политиканству и политическому филистерству. Когда же г. Струве говоритъ голосомъ честнаго гражданина-демократа, мы всегда готовы его привѣтствовать.

Но къ крайнему ущербу для собственной политической физіономіи и къ великому вреду для дѣла, которому онъ хочетъ служить, г. Струве не находитъ въ себѣ отваги отказаться разъ на всегда отъ роли литературнаго представителя земско-политическаго Mssigkeit verein'a (общества воздержанія) и увѣренной ногой стать на единственно-возможный, т. е. революціонный путь освобожденія родины.

Г. Струве тяготѣетъ къ тяжеловѣсной земской оппозиціи. Тутъ еще нѣтъ грѣха. Но чѣмъ авторитетнѣе „Освобожденіе“ въ земскихъ сферахъ, тѣмъ обязательнѣе для его редактора выступать со словомъ рѣшительнаго осужденія въ тѣхъ случаяхъ, когда обслуживаемые имъ земскіе дѣятели пытаются упрятать свои гражданскія чувства въ расщелины междуминистерскихъ столкновеній.

Г. Струве энергично полемизируетъ съ „Моск. Вѣд.“, которыя, глумясь надъ суджанскимъ уѣзднымъ комитетомъ, уподобляютъ его дѣятелей Добчинскому и Бобчинскому. „Если г. Евреиновъ Добчинскій, — восклицаетъ г. Струве, — то что же такое объявленный ему Высочайшій выговоръ?“

Говорятъ, что истина нерѣдко открывается черезъ младенцевъ. Повидимому, иногда также и черезъ юродивыхъ злецовъ. Потому что „Моск. Вѣд.“, уподобляя г. Евреинова Добчинскому, поразительно близки къ истинѣ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно прочитать рабье посланіе „почтеннаго земскаго дѣятеля“ министру финансовъ.*)

„4 августа. Ст. Вилейки, въ ожиданіи поѣзда.

„Ваше Высокопр—ство, глубокочтимый Сергѣй Юльевичъ!

„Чтобы указать, что я не былъ голословенъ, когда говорилъ Ваш. Высокопр—ству, что при тѣхъ условіяхъ, въ которые ставитъ мѣстные комитеты Мин. Вн. Дѣлъ, невозможно работать, позвольте Вамъ послать вырѣзку изъ газеты „Рус. Вѣд.“ о засѣданіи Пензенскаго губерн. ком. и Сарат. уѣздн. Изъ этого отчета Вы изволите усмотрѣть, что губернаторы не позволяютъ поднимать общихъ вопросовъ (тоже самое было въ курскомъ губерн. ком.), и уѣзды съ ретроградами во главѣ занимаются лишь изысканіемъ мѣръ упрятывать полегче мужика въ тюрьму. Очевидно, что при такихъ условіяхъ Особое Совѣщаніе немного узнаетъ объ общихъ нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, и великое серіозное дѣло, Вами прекрасно задуманное, можетъ окончиться ничѣмъ, или очень малымъ. Мин. Вн. Дѣлъ поставилъ мнѣ въ вину, что я въ уѣздномъ комитетѣ поднялъ общіе вопросы, которые не входятъ въ виды правительства; но вѣдь общій вопросъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности поставленъ Особымъ Совѣщаніемъ и его предсѣдателемъ. Кто же эти лица, какъ не то же правительство? И развѣ Ваше Высокопр—ство не такой же представитель высшаго правительства, какъ и другія министерства, и почему Ваши требованія для насъ менѣе обязательны, чѣмъ неизвѣстныя для насъ желанія другихъ? Здѣсь кроется, очевидно, недоразумѣніе, и мы за это платимся, а намъ вмѣстѣ съ тѣмъ видно очень ясно то плачевное положеніе, при которомъ приходится жить въ провинціи. Съ одной стороны, запуганное и запугиваемое, вынужденное къ молчанію, общество, съ другой — разнузданная кучка анархистовъ, ничего не боящаяся, даже висѣлицы, и между ними мечущееся министерство внутр. дѣлъ, безплодно ведущее борьбу съ этой лернейской гидрой. Зловредной кучки мы, мирные земледѣльцы, боимся не менѣе министерства внутр. дѣлъ. Всѣ эти убійства, волненія и погромы не даютъ мирно трудиться и даже жить спокойно. И вотъ, едва на сдѣланный правительствомъ же запросъ я и нашъ уѣздъ хотѣли правдиво отвѣтить, что тормозитъ нашу жизнь и главное наше занятіе, сельское хозяйство, какъ поднялись громы и молніи на осмѣлившихся сказать правду.

Простите великодушно мою смѣлость писать Ваш. Высокопрев—ству это частное письмо, но я считалъ своимъ долгомъ подтвердить фактами мои слова.

Глубоко Васъ почитающій и искренно глубоко Васъ уважающій, преданный Вамъ А. В. Евреиновъ.“

Мы оставляемъ въ сторонѣ цинично-откровенный страхъ собственника передъ „разнузданной кучкой анархистовъ, ничего не боящейся, даже висѣлицы“... Но и во всемъ остальномъ — какая поразительная смѣсь „долга“ и личнаго „достоинства“ съ лакейской угодливостью и лестью! Какая гражданская отвага въ этомъ стремленіи торопливо укрыться отъ громовъ „Его Высокопревосходительства“ отъ внутреннихъ дѣлъ за спину „Вашего Высокопревосходительства“ отъ финансовъ! Развѣ вы не видите Петра Ивановича Добчинскаго, который пѣтушкомъ, пѣтушкомъ бѣжитъ за экипажемъ „искренно и глубоко почитаемаго и уважаемаго“ С. Ю. Витте и почтительно-торопливо докладываетъ ему, что если онъ, Петръ Ивановичъ, и прижилъ нѣкоторыя резолюціи внѣ легальнаго брака, то это ничего, „ибо все было такъ же, какъ бы и въ бракѣ“: развѣ, въ самомъ дѣлѣ, „Ваше Высокопревосходительство не такой же представитель высшаго правительства“? Развѣ Вы не наши отцы, и мы не Ваши дѣти?

О, это земское холопство и оппозиціонное лакейство!... Какія же египетскія казни, какіе россійскіе скорпіоны нужны еще для того, чтобы выпрямить, наконецъ, угодливо согнутую спину либеральнаго земца, чтобы заставить его почувствовать себя не подручнымъ „представителей русскаго правительства“, но увѣреннымъ въ себѣ работникомъ народнаго освобожденія?!

КЪ ВОПРОСУ О ПРОПАГАНДѢ ВЪ ВОЙСКАХЪ.

Военный Министръ.
Главному Военно-Судному Управленію
12 авг. 1902 г. № 236.

Копія съ копіи.
Секретно.
М. Г.
(Командующій войсками округа).

Попытки политическихъ агитаторовъ къ распространенію въ войскахъ пропаганды, составлявшія ранѣе сравнительно рѣдкое явленіе, за послѣднее время участились и сдѣлались настолько дерзкими, что вызываютъ необходимость обратить на нихъ серьезное вниманіе. — Такъ, изъ донесеній военныхъ начальниковъ и сообщеній М. В. Д. и Юстиціи видно, что въ маѣ 1901 г. были найдены покламаціи въ казармахъ 116 пѣх. Малоярославскаго полка; въ томъ же мѣсяцѣ на имя штабсъ-капитана 141 пѣх. Можайскаго полка Шереметева были присланы изъ-за границы двѣ возмутительнаго содержанія брошюры подъ заглавіемъ „Политика и офицеры“ и „Уничтоженіе постоянныхъ армій“; въ августѣ того же года всѣмъ офицерамъ 27 пѣх. дивизіи были доставлены подставными почталіонами воззванія къ „офицерамъ“ отъ „Виленской с.-д. группы“, упрекающія офицеровъ въ томъ, что они являются по приказу начальства „палачами честныхъ тружениковъ“ и призывающія ихъ „отказаться отъ этой позорной роли“; копія съ этого воззванія была затѣмъ (въ февр. 1902 г.) разослана по почтѣ офицерамъ Московскаго гарнизона и доставлена, также по почтѣ, въ офицерскую стрѣлковую школу; въ январѣ 1902 г. подпоручику 9 гренадерскаго Сибирскаго полка Шельминову было доставлено письмо противоправительственнаго содержанія, заключающее въ себѣ энергичный призывъ къ общему отказу отъ военной службы; въ томъ же мѣсяцѣ было обнаружено распространеніе, посредствомъ списыванія, и даже литографированія въ полковыхъ канцеляріяхъ, среди нижнихъ чиновъ 65 пѣх. Московскаго Его Величества 66 пѣх. Бутырскаго и 21 драгунскаго Бѣлорусскаго полковъ рукописи преступнаго содержанія подъ заглавіемъ „Солдатское отче нашъ“, возбуждающей солдатъ противъ ихъ начальниковъ; въ февралѣ и мартѣ офицерамъ Петербургскаго гарнизона разсылались прокламаціи, приглашавшія ихъ стать вмѣстѣ со студентами въ ряды политическихъ демонстрантовъ; въ апрѣлѣ офицерамъ Виленскаго гарнизона снова разсылалась по почтѣ прокламація „Рос. С.-Дем. Раб. П.“, убѣждавшая ихъ примкнуть къ „общерусскому революціонному движенію“; въ томъ же мѣсяцѣ во дворахъ казарменнаго расположенія войскъ Красноярскаго гарнизона оказались подброшенными въ большомъ количествѣ прокламаціи „Сибирск. С.-Дем. Союза“, озаглавленныя „Войскамъ Красн. гарнизона“, убѣждающія нижнихъ чиновъ „не поднимать оружія противъ своихъ братьевъ-крестьянъ и рабочихъ, борющихся за правое дѣло“; въ томъ же апрѣлѣ и въ маѣ было замѣчено распространеніе въ значительномъ количествѣ среди нижнихъ чиновъ 13 пѣх. дивизіи прокламацій подъ заглавіемъ „Къ солдатамъ“ и такъ называемыхъ „памятокъ“, призывающихъ къ неповиновенію Царю и къ сверженію правительственныхъ властей, какъ беззаконныхъ и несправедливыхъ, а затѣмъ обнаружены и попытки личнаго воздѣйствія агитаторовъ на нижнихъ чиновъ дивизіи, при чемъ среди этихъ агитаторовъ оказалось не мало нижнихъ чиновъ расположенныхъ въ Севастополѣ морскихъ командъ. Наконецъ въ мартѣ 1902 г. была открыта организованная пропаганда среди нижнихъ чиновъ лейбъ-гренадерскаго Екатеринославскаго полка, веденная уже не посторонними только арміи лицами, но и самими нижними чинами, при чемъ во главѣ этой организаціи стоялъ рядовой (изъ дворянъ) названнаго полка Альшанскій, умышленно скрывшій при призывѣ свои права на сокращенный срокъ службы, чтобы имѣть возможность дольше вести пропаганду среди нижнихъ чиновъ; за время своего пребыванія въ полку Альшанскій энергично пропагандировалъ революціонныя идеи какъ посредствомъ личныхъ бесѣдъ съ нижними чинами, такъ и посредствомъ раздачи имъ значительнаго количества брошюръ, прокламацій и т. п., причемъ нѣкоторые нижніе чины являлись прямыми сотрудниками преступной дѣятельности Альшанскаго, другіе же являлись попустителями и недоносителями. Заслуживаетъ также особаго вниманія тотъ фактъ, что въ числѣ лицъ, привлеченныхъ въ качествѣ обвиняемыхъ по дѣлу о недавнихъ аграрныхъ безпорядкахъ въ южныхъ губерніяхъ оказался подпоручикъ 133 пѣх. Симферопольскаго полка, Пасько, изобличенный и сознавшійся въ распространеніи среди крестьянъ Полтавской губ. различныхъ брошюръ и воззваній преступнаго содер-

---

высокообразованнымъ офицерамъ, установивъ въ то же время для студентовъ отвѣтственность по уставамъ военной дисциплины“... организовать студенчество въ... „школьные батальоны“, произвести массовыя увольненія „профессоровъ сомнительнаго направленія“, „современемъ, подъ предлогомъ (курсивъ мой. -ъ) подготовки воспитанниковъ среднихъ учебныхъ заведеній старшаго возраста къ предстоящей имъ лагерной службѣ, можно было бы ввести офицеровъ-инструкторовъ и въ среднюю школу“... (стр. 64). Однимъ словомъ, предъ нами стройная система утопическихъ мечтаній, представляющихъ изъ себя любопытный пережитокъ старины въ видѣ какой-то смѣхотворной отрыжки аракчеевщины. Два года тому назадъ г. Юзефовичъ предложилъ студентовъ отдавать въ казармы, теперь же онъ хочетъ казармы перенести въ университетъ. Всѣ мѣры, предлагаемыя г. Юзефовичемъ, глупы и ничтожны; пока онѣ на бумагѣ — способны вызвать лишь смѣхъ, при осуществленіи же — лишь всеобщее недовольство и взрывъ общественнаго возмущенія.

Мы совѣтуемъ г. Юзефовичу прочесть чудесную сказку Щедрина, описывающую подвиги Топтыгина, посланнаго Львомъ въ дальній лѣсъ „въ родѣ какъ бы воеводой, внутреннихъ супостатовъ усмирять“ („Новыя сказки для дѣтей изряднаго возраста“ изд. 1893 г.). Изъ этой сказки г. Ю. увидитъ, что предлагаемыя имъ мѣропріятія вовсе не новы. Въ самомъ дѣлѣ: Топтыгинъ по пріѣздѣ въ лѣсъ первымъ дѣломъ „университетъ въ полномъ составѣ разверсталъ въ линейные батальоны“..., а г. Юзефовичъ предлагаетъ отдать студентовъ въ „школьные батальоны“, „установивъ для нихъ отвѣтственность по уставамъ военной дисциплины“; Топтыгинъ Университетъ и Академію спалилъ, а „академиковъ въ дупло заточилъ, гдѣ они и поднесь въ летаргическомъ снѣ пребываютъ“, господинъ же Юзефовичъ предлагаетъ даже и при нынѣшнемъ низкомъ уровнѣ профессуры, „поднесь въ летаргическомъ снѣ пребывающей“, произвести „безпощадное“ „очищеніе кафедръ“ отъ лицъ „сомнительнаго направленія“ съ замѣной ихъ профессорами, не умѣющими говорить по русски. Топтыгинъ „забрался ночью въ типографію, станки разбилъ, шрифтъ смѣшалъ, а произведенія ума человѣческаго въ отхожую яму свалилъ; сдѣлавши это, сѣлъ, сукинъ сынъ, на корточки и ждетъ поощренія;“ --- точь въ точь то же рекомендуетъ сдѣлать г. Юзефовичъ и, повидимому, также „ждетъ поощренія“... Кромѣ этого, г. Юзефовичъ найдетъ въ чудесной сказкѣ не мало для себя поучительнаго; онъ узнаетъ тамъ, что предлагаемыя имъ мѣропріятія принадлежатъ, по терминологіи Щедрина, къ числу злодѣйствъ „срамныхъ, малыхъ, шуточныхъ“, которыя „не только Исторію въ заблужденіе не вводятъ, но и отъ современниковъ не получаютъ похвалы“. Исторія лишь „отмѣннѣйшее кровопролитіе“ цѣнитъ, а о малыхъ, каково кровопролитіе, предлагаемое г. Юзефовичемъ, „упоминаетъ съ оплеваніемъ“.

„Проклятое то время, восклицаетъ сатирикъ, которое съ помощью крупныхъ злодѣяній цитадели общественнаго благоустройства сокрушаетъ, но срамное, срамное, тысячу разъ срамное то время, которое мнитъ той же цѣли достигнуть съ помощью злодѣяній срамныхъ и малыхъ!“ Такимъ-то дѣятелемъ тысяча разъ срамного времени и является г. Юзефовичъ, — яркій выразитель процесса вырожденія консерватизма и разложенія самодержавнаго режима подъ ударами общественныхъ силъ, руководимыхъ соц.-демократіей. Ей, какъ передовому отряду прогресса, принадлежитъ будущее; темнымъ же дѣятелямъ „срамного времени“ суждено раствориться во мракѣ прошлаго. Будущее вспомнитъ о нихъ лишь „съ оплеваніемъ“. Память о дѣятеляхъ такого типа, какъ г. Юзефовичъ, будетъ увѣковѣчена лишь чѣмъ-либо въ родѣ извѣстной эпитафіи:

Здѣсь обрѣлъ даровую квартиру
Мужъ злокачественъ, подлъ и плѣшивъ.
И оставилъ въ наслѣдіе міру
Образцовыхъ доносовъ архивъ. —ъ.

*) См. бюллетень „Рев. Россіи“, № 76.

жанія. Приведенные примѣры, по всей вѣроятности, далеко не исчерпываютъ еще всѣхъ, имѣвшихъ мѣсто за послѣднее время, случаевъ проникновенія тѣмъ или инымъ путемъ пропаганды въ войска, такъ какъ есть полное основаніе предполагать, что многіе изъ такихъ случаевъ, при достаточной осторожности и скрытности дѣйствій подпольныхъ агитаторовъ, остались неизвѣстными не только высшему, но и ближайшему военному начальству. Тѣмъ не менѣе, и эти примѣры достаточно свидѣтельствуютъ о весьма настойчивомъ стремленіи революціонныхъ и соціалистическихъ кружковъ къ распространенію своихъ идей среди военнослужащихъ, какъ посредствомъ разсылки по почтѣ на имя офицеровъ и нижнихъ чиновъ и разбрасыванія въ мѣстахъ расположенія частей войскъ преступныхъ воззваній, прокламацій и т. п., такъ и посредствомъ личныхъ сношеній съ нижними чинами агитаторовъ, въ числѣ которыхъ оказались даже лица, состоящія въ дѣйствительной военной службѣ.

Признавая огражденіе арміи отъ тлетворнаго вліянія политическихъ лжеученій дѣломъ первостепенной государственоой важности и возложивъ на Главное Военно-Судное Управленіе всестороннее обсужденіе вопроса о средствахъ борьбы съ вышеупомянутымъ прискорбнымъ явленіемъ, я, вмѣстѣ съ тѣмъ, долгомъ считаю просить Ваше Высокопревосходительство сообщить мнѣ Ваше мнѣніе о томъ, какія мѣры Вы, съ своей стороны, признавали бы въ семъ случаѣ наиболѣе цѣлесообразными и необходимыми.

Подлинный подписалъ А. Куропаткинъ.

Циркуляръ разосланъ командующимъ войсками всѣхъ военныхъ округовъ.

„Неблагопріятные слѣды“ правительственной мудрости

Командиръ ... армейскаго корпуса.
Сентября .. дня 1902 г.
№ ...

Копія. Конфиденціально.
(Командирамъ тѣхъ полковъ, въ которыхъ отбывали солдатчину студенты по временнымъ правиламъ.)

По имѣющимся въ М. В. Д. свѣдѣніямъ, пребываніе въ войсковыхъ частяхъ студентовъ, зачисленныхъ на службу на основаніи временныхъ правилъ (указъ по Воен. Вѣд. 1899 г. № 297) оставило неблагопріятные слѣды во всѣхъ вообще войскахъ, гдѣ названные лица служили. Независимо сего обнаружено, что одинъ изъ студентовъ, пользуясь будто бы, благодаря проявленной къ нему командиромъ полка слабости, большою свободой, вредно вліялъ не только на нижнихъ чиновъ, но даже и на офицеровъ полка; по увольненіи отъ службы означенный студентъ имѣлъ будто бы переписку, неполитическаго, впрочемъ, содержанія, какъ съ офицерами, такъ и съ нижними чинами той части войскъ, гдѣ онъ состоялъ на службѣ. Вслѣдствіе запроса по сему предмету, за Воен. Министра Начальника Гл. Штаба Командующій Войсками Округа проситъ собрать и доставить самыя тщательныя свѣдѣнія о томъ, не наблюдалось-ли подобныхъ явленій во ввѣренномъ Вамъ полку.

Шемякинъ судъ въ Валкахъ.

Валки, Харьк. губ., 1 октяб. Харьковская Судебная Палата, въ особомъ присутствіи которой разсматривалось дѣло Валковскихъ крестьянъ, лишній разъ обнаружила холопскую зависимость нашего „скораго, праваго и милостиваго суда“ отъ велѣній свыше. Н. В. Муравьевъ (надо отдать ему дань удивленія) съ большимъ искуствомъ и знаніемъ человѣческой природы подобралъ личный составъ высшихъ судебныхъ учрежденій. Благодаря умѣлому выбору г. министра юстиціи, продѣланнымъ имъ и его предшественникомъ „исправленіямъ“ судебныхъ уставовъ, „исправленіямъ“, которыя въ значительной степени поколебали независимость и несмѣняемость нашихъ судей, послѣдніе, въ настоящее время, за весьма рѣдкими исключеніями, мало отличаются отъ прочей чиновничьей челяди и въ рукахъ самодержавныхъ министровъ являются такимъ же послушнымъ орудіемъ произвола и беззаконія, какъ какой-нибудь городовой или урядникъ. Валковскій процессъ можетъ послужить недурной иллюстраціей этой печальной и далеко не новой истины.

Къ дѣлу было привлечено 1090 обвиняемыхъ и около 500 свидѣтелей. Можно было бы, конечно, обойтись и безъ свидѣтелей, засадивъ ихъ также на скамью подсудимыхъ. Я думаю, что г.г. слѣдователи такъ бы и поступили, еслибы не вынесли изъ стѣнъ университета понятія о формальномъ различіи между судебнымъ процессомъ и административной расправой. Такъ какъ имъ велѣно было творить судъ, а не расправу, они и выдѣлили изъ поруганной, избитой крестьянской массы свидѣтелей и обвиняемыхъ. Раздѣляя участниковъ на овецъ и козлищъ, г.г. слѣдователи руководствовались, очевидно, количествомъ и качествомъ знаковъ, оставшихся на тѣлѣ привлеченныхъ къ дознанію, послѣ экзекуцій князя Ивана.

У кого тѣлесныхъ поврежденій было меньше, тотъ попалъ въ свидѣтели, у кого больше — въ обвиняемые. Я такъ смѣло говорю это потому, что въ числѣ послѣднихъ оказались завѣдомо невинные люди. Очевидно, что г.г. слѣдователи бросали въ тюрьму перваго встрѣчнаго, всякаго, кто попадался подъ руку. Ставить имъ это въ особую вину, конечно, нельзя: всѣ принимали участіе въ безпорядкахъ, сѣкли также всѣхъ, не разбирая, кто „разграбилъ“ помѣщичьи запасы, и кто „съ преступнымъ попустительствомъ“ смотрѣлъ на расхищеніе панскаго добра, не принимая въ немъ непосредственнаго участія. Такъ рѣшили и Плеве и великій государь: всѣ виноваты, на всѣхъ наложить дань. При томъ же необходимо было спѣшить для того, чтобы показать вышедшему изъ повиновенія народу и волнующемуся обществу, что свирѣпый князь Иванъ — это такъ, для порядка, и что, кромѣ него, есть на Руси скорый и милостивый судъ.

Подобно слѣдователямъ, дѣйствовали и судьи. Когда защитники обвиняемыхъ на судебномъ слѣдствіи попытались было выяснить обстоятельства, при которыхъ совершалось „возстановленіе порядка“ въ охваченныхъ волненіями селеніяхъ, т. е., по просту говоря, вывести на чистую воду всѣ гнусности и жестокости, совершенныя Оболенскимъ и его присными надъ крестьянами и напомнить суду исконное судебное правило — „не отмстиши дважды за едино“, — судъ рѣшительно запретилъ имъ касаться этой стороны дѣла. Да и, конечно, зачѣмъ? зачѣмъ волновать умы? (Судьи не очень полагаются на закрытыя двери своихъ залъ). Зачѣмъ напрасно смущать человѣческія сердца картинами нечеловѣческой расправы надъ безоружнымъ покорнымъ народомъ? Зачѣмъ раскрывать гнойныя язвы страны, истерзанной бѣшеными собаками самодержавія? До нихъ нѣтъ дѣла суду! Это „внутренняя политика“, которой должны быть чужды „безстрастные“ слуги закона!...

Защитники поняли, что оставаться дольше среди этихъ лакеевъ Муравьева, значило бы участвовать въ гнусной судебной комедіи, которую такъ цинично разыгрывала Харьковская Судебная Палата. Они поняли, что ихъ пѣсня спѣта и ихъ долгъ отказаться отъ защиты. Такъ они и поступили. Удалившись въ совѣщательную комнату, черезъ нѣсколько минутъ они вынесли оттуда заявленіе, прошедшее черезъ закрытыя двери суда и разлетѣвшееся по всей Россіи.*)

Смущенный, поблѣднѣвшій предсѣдатель принялъ это заявленіе, и защитники покинули судебное засѣданіе. Этимъ въ сущности закончился судебный процессъ, такъ какъ дальше уже началась ничѣмъ не прикрашенная, упрощенная судебная расправа. Говорилъ обвинитель. „Передъ вами, г.г. судьи, сказалъ онъ въ своей рѣчи, не бунтовщики, не революціонеры, а такіе же, какъ и мы, вѣрноподданные русскаго царя, только сбитые съ толку, обманутые врагами народа.“ Въ виду этого прокуроръ не настаивалъ на тяжеломъ наказаніи. Судъ отнесся къ подсудимымъ, по россійскимъ законамъ, довольно мягко и присудилъ ихъ подвергнуть годичному тюремному заключенію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, судъ постановилъ ходатайствовать передъ верховной властью о сокращеніи заключенія до 6 мѣсяцевъ. Какъ видите, очень мягко, очень милостиво. Сначала раззорили, искалѣчили нравственно и физически, а въ заключеніе милостивое царское рѣшеніе — полгода тюремнаго сидѣнья...

Обвинитель говорилъ объ обманѣ темнаго народа. Да, дѣйствительно, его обманули. Но обманули его не мы, революціонеры, и въ частности, не мы, соціаль-демократы. Обманули его вы, „защитники правды и порядка“, обманула его безпросвѣтная тьма, въ которой держите вы его и изъ которой не даете выбиться ему къ свѣту науки и правды.

Въ настоящее время не подлежитъ уже никакому сомнѣнію, что всѣ слухи и толки о генералахъ, о подложныхъ манифестахъ — совершенная чепуха и ложь, первоисточника которой надо искать въ головахъ ошалѣвшихъ отъ злобы и страха г.г. помѣщиковъ и въ застѣнкахъ жандармскихъ управленій. Ни одинъ изъ привлеченныхъ къ дѣлу крестьянъ ни словомъ не обмолвился о такомъ обманѣ.

Со словъ потерпѣвшихъ (вотъ настоящее имя для Валковскихъ „бунтовщиковъ“), мотивы, заставившіе ихъ „разбирать панскія экономіи“, какъ довольно точно называютъ они форму, въ которую вылилось крестьянское движеніе, заключаются въ слѣдующемъ: стали ходить по народу листки и книжки, въ которыхъ говорилось о томъ, что земля должна принадлежать трудящемуся люду, а не панамъ-дармоѣдамъ. Въ этихъ листкахъ говорилось и о многомъ другомъ: о неправильномъ распредѣленіи налоговъ, о невыносимомъ бремени податей, объ иномъ, не самодержавномъ, государственномъ строѣ, при которомъ народу легче будетъ выбиться изъ сѣтей пауковъ-помѣщиковъ и капиталистовъ, но это другое не могло воспринять большинство не привыкшей мыслить крестьянской массы. Всѣ думы и чувства мужика сосредоточились на одномъ, на необходимости земли и идея національзаціи земли, своеобразно преломившись въ крестьянскомъ сознаніи, одна запала въ умы, одна осталась въ нихъ изъ всѣхъ мыслей, которымъ были посвящены прокламаціи и брошюры. Если принять во вниманіе, что свободное печатное слово непосредственно было воспринято сравнительно немногими, до большинства же дошло въ перетолкованномъ и дополненномъ крестьянской фантазіей видѣ, то совершенно станетъ понятно, откуда взялось „разрѣшеніе разбирать панскія экономіи“, и какимъ образомъ прокламаціи, призывавшія крестьянъ свергнуть царя-самодержца, превратились въ „росписки“, въ которыхъ крестьянамъ этимъ самимъ царемъ давалось это разрѣшеніе. Однако сами по себѣ листки и книжки врядъ ли натолкнули бы валковскихъ крестьянъ начать свой, толко въ Россіи возможный, „бунтъ“. Какъ указывалось въ свободной прессѣ, революціонное сѣмя упало на подготовленную почву. — Шутка сказать — на душу крестьянскаго населенія валковскаго уѣзда приходится въ среднемъ не болѣе одной десятины! При этомъ полное отсутствіе энергіи, глубокая косность и рутина. На заработки крестьяне почти не ходятъ. „Куда идти? Отцы не ходили и намъ не велѣли“.

Но, быть можетъ, несмотря на наличность этихъ тяжелыхъ условій, сами валковцы не двинулись бы въ помѣщичьи усадьбы, если бы не слухи о томъ, что поднялась полтавщина. Эти слухи окончательно взбудоражили валковцевъ и явились первой искрой, отъ которой запылалъ пожаръ въ уѣздѣ. Я не стану описывать самаго процесса „разбора“ экономій, такъ какъ объ этомъ достаточно говорилось въ печати. Скажу только, что разборъ совершался въ замѣчательномъ порядкѣ и чинился по самой строгой справедливости. Къ амбарамъ подходили голова въ голову, такъ, какъ это дѣлается передъ билетными кассами театровъ или желѣзнодорожныхъ вокзаловъ. Кому не хватало зерна, того вознаграждали чѣмъ-либо другимъ, равноцѣннымъ. Безлошадныхъ надѣляла лошадьми, безкоровныхъ — коровами. Въ самыхъ усадьбахъ отчуждали, въ большинствѣ случаевъ, только полы (очевидно считали, что это излишняя роскошь), утвари же, вообще говоря, не трогали, оставляя дома со всей движимостью, кромѣ хозяйственныхъ вещей, и „15 десятинъ“ въ пользованіе владѣльца.

Изъ всего сказаннаго явствуетъ, что крестьяне отнюдь не думали, что совершаютъ уголовно наказуемыя дѣянія. Въ ихъ глазахъ „разборка экономій“ было такимъ же законнымъ, правомѣрнымъ дѣломъ, какъ передѣлъ полей и разверстка луговъ. Даже солдатъ на первыхъ порахъ они приняли не какъ усмирителей, а какъ военную силу, посланную наблюдать, чтобы при дѣлежѣ панской земли и добра не было бы между ними ссоръ и напрасныхъ пререканій. Скоро на своихъ спинахъ они поняли ошибку и немедленно покорно стали исправлять свой грѣхъ передъ царемъ. И усмиреніе было тѣмъ возмутительнѣе, что въ немъ не было никакой надобности. Сѣкшіе крестьянъ солдаты подъ руководствомъ офицеровъ (это фактъ!) сѣкли ихъ не въ цѣляхъ прекращенія движенія, а потому, что надо было наказать бунтовщиковъ, чтобы въ другой разъ они не посмѣли осуществлять своихъ мечтаній. Сѣкли ужъ тогда, когда крестьяне добровольно возвращали взятое у пановъ добро и хлѣбъ, обнаруживая этимъ полное и явное сознаніе ошибочности своихъ дѣйствій.

Къ 200-лѣтію присоединенія Шлиссельбурга. 11 октября Шлиссельбургъ былъ мѣстомъ историческаго торжества: высочества, преосвященства и превосходительства праздновали двухсотлѣтіе того дня, когда Петръ I, взявъ „зѣло жестокій орѣхъ“ (Нотебургъ или Орѣхъ-городъ), поздравилъ подданныхъ „сею викторіею“. Съ тѣхъ поръ Шлиссельбургъ служитъ одновременно и „окномъ въ Европу“ и... важнѣйшей государственной тюрьмой.

Празднуйте, празднуйте, господа — сегодня вы еще хозяева положенія. Увы! Кто поручится за завтрашній день?

Но спокойно-ли вы пировали въ виду тюремныхъ камней, которые впитали въ себя трагическую повѣсть одинокихъ героевъ, павшихъ въ борьбѣ съ самодержавіемъ?

Не раскрылъ-ли вамъ очей страхъ предъ зловѣщимъ для васъ завтрашнимъ днемъ? Если такъ, то вы должны были видѣть, что по крѣпостнымъ стѣнамъ Шлиссельбурга до сего дня бродятъ неотомщенныя тѣни замученныхъ вами рыцарей свободы. Онѣ взываютъ о мести, эти страдальческія тѣни. Не о личной, но о революціонной мести. Не о казни министровъ, а о казни самодержавія.

Сколько негодованія будитъ въ груди это „патріотическое“ празднество, этотъ букетъ „высокихъ“ негодяевъ, эти лицемѣрныя рѣчи, эти лицемѣрные клики — на проклятомъ островѣ, который былъ мѣстомъ казни Минакова, Мышкина, Рогачева, Штромберга, Ульянова, Генералова, Осипанова, Андреюшкина и Шевырева, — въ виду каменныхъ мѣшковъ, въ которыхъ Клименко удушилъ себя веревкой, Грачевскій облилъ себя керосиномъ и сжегъ, Софья Гинсбургъ заколола себя ножницами, — подъ стѣнами, въ которыхъ Щедринъ, Ювачевъ, Коношевичъ, Похитоновъ, Игнатій Ивановъ, Аранчикъ и Тихановичъ погрузились въ безысходную ночь безумія, а десятки другихъ погибли отъ истощенія, цынги и чахотки.

Предавайтесь же патріотическимъ вакханаліямъ, ибо сегодня вы еще господа въ Шлиссельбургѣ!

Черниговъ. „Умѣренность обязываетъ“, заявляетъ „Освобожденіе“, обращаясь къ россійскимъ либераламъ, или, какъ оно выражается, къ „отцамъ и умѣреннымъ“. У насъ, въ Черниговской губерніи, умѣренность, повидимому, нисколько не обязываетъ противиться царящему произволу... Среди черниговскихъ либераловъ не только нѣтъ и рѣчи о томъ, чтобы „бросить на вѣсы исторіи свои политическія дѣйствія, свое гражданское мужество“, тутъ даже не умѣютъ отстаивать и тѣ, по истинѣ, нищенски жалкія права, которыя значатся въ законѣ...

Существуетъ 286 ст. Общ. Губ. Учрежденія, которою должны руководствоваться и земства, и губернская администрація въ дѣлѣ приглашенія (функція земскихъ управъ) и утвержденія (функція губернаторовъ) служащихъ въ земствѣ. Въ силу этой статьи, губернаторъ обязанъ въ теченіи двухъ недѣль отвѣтить данной земской управѣ, встрѣчается-ли со стороны администраціи препятствіе къ пріему даннаго служащаго на мѣсто или нѣтъ? Никакія отсрочки или условные отвѣты закономъ не предусматриваются и, слѣд., не разрѣшаются. Но, какъ говорятъ остряки, если по закону всегда ходить, то его можно истоптать, и тогда закона вовсе не останется. Держась этого мнѣнія и памятуя, что онъ является въ Черниговской губ. представителемъ фирмы „Ника-Милуша“ и Ко.“, губернаторъ Андреевскій всякими способами доѣзжаетъ земство или, вѣрнѣе, тѣхъ его представителей, которые не отвѣчаютъ видамъ правительства. Представляетъ, напр., какая-нибудь земская управа губернатру на утвержденіе какой-нибудь „третій элементъ“. Губернаторъ или отвѣчаетъ только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ — иногда даже черезъ 5 мѣс. — или отвѣчаетъ, хотя бы и черезъ двѣ недѣли, но условно, въ такомъ родѣ: „пріостановить съ назначеніемъ Х. впредь до особаго распоряженія“. Что губернаторъ поступаетъ такимъ образомъ, — въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: губернаторъ не былъ бы губернаторомъ, если бы онъ вздумалъ поступать по закону. Но едва-ли приличествуетъ представителямъ земства отказываться отъ правъ, уже предоставленныхъ имъ самимъ Николаемъ II. Чтобы защищать эти права, не приходится „бросать на вѣсы исторіи свое гражданское мужество“, нужны только самыя простыя, или, если угодно выразиться языкомъ „Освобожденія“, самыя „умѣренныя“ дѣйствія — въ данномъ случаѣ такія: данная земская управа посылаетъ губернатору „третье лицо“ на утвержденіе и если, по прошествіи двухъ недѣль, его превосходительство не соизволило дать никакого на это отвѣта, или дало отвѣтъ незаконный (напр., „пріостановить съ назначеніемъ впредь до особаго распоряженія“), она должна немедленно же — на основаніи 286 ст. — считать это „третье лицо“ утвержденнымъ и немедленно же допустить его къ исполненію своихъ обязанностей. Кажется, просто? Вѣдь нужно только „мужество“ дѣйствовать по статьѣ закона, спеціально на данный предметъ существующей и неотмѣненной... И однако же — ни одна изъ 16 земскихъ управъ Черниговской губ. (15 уѣздныхъ и одна губернская) такъ не поступаетъ!! Представители земствъ Черниговской губ. предпочитаютъ не раздражать законностью мѣстнаго царька-губернатора.

Разумѣется, въ случаѣ конфликта на этой почвѣ, губернаторъ, въ концѣ концовъ, поставилъ бы на своемъ. Но, вѣдь, важенъ здѣсь не „практическій“ результатъ, важно то, чтобы ни одинъ актъ произвола и насилія, учиняемый представителями самодержавія, не оставался безъ протеста, безъ отвѣта... Протестъ — вотъ вполнѣ реальный результатъ отъ предлагаемаго нами въ данномъ случаѣ способа дѣйствія. Черниговскіе же земцы предпочитаютъ покорно подчиняться нахальнымъ распоряженіямъ губернатора. Разскажемъ такой случай.

Приглашаетъ однажды губернская земская управа прежняго состава (съ января этого года дѣйствуетъ новая управа) нѣкоего Х. для завѣдыванія складомъ. Проходятъ двѣ недѣли — отвѣта нѣтъ отъ губернатора; проходитъ еще время — все нѣтъ и нѣтъ. Управа рѣшается вызвать приглашенное лицо въ Черниговъ, думая — и вполнѣ на законномъ основаніи, — что теперь неблагопріятнаго отвѣта отъ губернатора быть не можетъ. Х. пріѣзжаетъ, но... вдругъ отъ губернатора бумага: „не нахожу возможнымъ и т. д.“ Какъ тутъ быть? Сдвинули человѣка съ мѣста, гдѣ онъ, между прочимъ, оставилъ казенную службу (въ Мин. Земл. и Гос. Им.)... Куда же теперь дѣть Х.? Управа въ нерѣшительности. „Умѣренность“ никакъ не выручаетъ, но „обязываетъ“... молчать, отчего Х. нисколько не легче. Наконецъ, помощью какихъ-то протекцій, удалось добиться отъ губернатора разрѣшенія допустить Х. ко всѣмъ должностямъ, исключая службы въ книжномъ земскомъ складѣ. Чрезъ нѣкоторое время въ губернской управѣ открывается мѣсто дѣлопроизводителя, на которое и приглашается Х. Казалось бы, въ виду только что упомянутаго общаго распоряженія губернатора, не было никакой надобности дѣлать спеціальное представленіе объ Х. Но.. ласковое телятко двухъ матокъ сосетъ — и представленіе дѣлается. Дѣлается такое же представленіе о томъ же Х., когда онъ вздумалъ перейти на другую должность въ томъ же земствѣ; дѣлается еще разъ представленіе о немъ же, когда онъ хотѣлъ занять должность секретаря „Земскаго Сборника“. Вотъ сколько разъ была взвѣшиваема благонадежность Х.! Но въ послѣдній разъ дѣло окончилось нѣсколько иначе: прошло болѣе двухъ недѣль со времени представленія губернатору, а отвѣта никакого не было... Тогда управа нашла въ себѣ „рѣшимость“ назначить Х. на службу. Вдругъ, черезъ нѣкоторое время послѣ того, губернаторъ соизволилъ отвѣтить отказомъ. И опять „умѣренность „обязала“... вытереть губернаторскій плевокъ, какъ говорится, неморгнувши... Х. былъ переведенъ на прежнюю службу

Крымъ. Ялта. Въ половинѣ сентября сюда, въ царскую резиденцію ожидали пріѣзда гг. Обмановыхъ. Еще задолго до пріѣзда царя его свора, какъ мѣстная, такъ и наѣхавшая сюда въ массѣ, принялась очищать городъ отъ всякаго „неблагонадежнаго“ элемента. Какъ это всегда случается, царскіе лакеи и тутъ слишкомъ ужъ переусердствовали. Высылались не только поднадзорные, но и люди, завѣдомо не имѣющіе никакого отношенія къ революціонной дѣятельности, люди, которыхъ одинъ видъ прокламаціи приводитъ въ содроганіе. Вотъ нѣсколько курьезовъ этого чрезмѣрнаго старанія царской челяди. Одинъ изъ мѣстныхъ коренныхъ обывателей, бывшій редакторъ „Крымскаго Курьера“ г. Безчинскій былъ призванъ спеціально пріѣхавшимъ въ Ялту для очистки генераломъ Шмаковымъ. Можно себѣ представить крайнее недоумѣніе г. Безчинскаго, когда ему было предложено въ теченіе мѣсяца выѣхать изъ Ялты. А и всято вина его состоитъ въ томъ, что утромъ 1-го мая, идя по улицѣ, онъ встрѣтилъ мѣстнаго исправника съ кипой прокламацій подъ мышкой и полюбопытствовалъ узнать, что это такое.

А вотъ еще курьезъ: призываетъ тотъ же генералъ Шмаковъ проживающаго въ Ялтѣ бывшаго студента Кузьминскаго и объявляетъ ему, что онъ долженъ выѣхать изъ Ялты въ двѣ недѣли. Очевидно, царскіе холопы находятъ достаточной причиной его знакомство съ поднадзорной интеллигенціей. Мотивировку своимъ произвольнымъ дѣйствіямъ, какъ и всегда, они находятъ совершенно излишней. Весь этотъ штатъ опричниковъ еще болѣе встревожился послѣ похоронъ одного интеллигента Зуева, умершаго въ нашемъ городѣ. Дѣло въ томъ, что гробъ его несли рабочіе и, несмотря на то, что память умершаго почтила своимъ присутствіемъ и тайная и явная полиція, провожая его до могилы,—одинъ изъ несшихъ гробъ рабочихъ сказалъ рѣчь, въ которой назвалъ интеллигента товарищемъ-другомъ рабочихъ. Нѣкоторыхъ изъ провожавшихъ рабочихъ послѣ похоронъ призывали въ участокъ. Смерть этого интеллигента совпала съ слѣдующимъ инцидентомъ. Въ одну изъ мѣстныхъ типографій (Вахтипаза) явилась дама и заказала надпись на красной лентѣ такого содержанія: на одномъ концѣ ленты: „Даромъ ничто не дается... Судьба жертвъ искупительныхъ проситъ!“ на другомъ: „Такъ не спите жъ силы новыя, встаньте, храбрые бойцы!“; въ мѣстѣ прикрѣпленья ленты было напечатано: „У могилы дорогого товарища.“ Полиція, узнавъ о заказѣ, воспретила выдачу уже напечетанной ленты и, связавъ этотъ инцидентъ съ похоронами Зуева, произвела обыскъ въ типографіи.

Мѣстные обыватели и пріѣзжая „курортная“ публика тоже не остаются безъ „отеческихъ“ заботъ и „сердечныхъ“ попеченій царскихъ прислужниковъ. Попеченія эти выражаются въ томъ, что въ Ялту нагнали цѣлую армію шпіоновъ и сыщиковъ, усилили штатъ жандармеріи, проэктируется увеличить штатъ портовой полиціи; словомъ, охрана, достойная самаго главнаго жандарма Николая II. Угодничающая челядь, не довольствуясь рабскою покорностью подданныхъ русскаго царя, старается развить въ нихъ и полицейскія наклонности. Такъ, нѣкоторыхъ мѣстныхъ „благонамѣренныхъ“ обывателей призывали въ участки, гдѣ просили каждаго изъ нихъ съорганизовать человѣкъ 10-15 для охраны царской особы, уговаривая ихъ такими словами: „надо же послужить отечеству и царю-батюшкѣ.“ Роль всѣхъ этихъ добровольныхъ полицейскихъ должна заключаться въ томъ, чтобы стоять шеренгой въ первомъ ряду толпы вдоль тротуара той улицы, по которой проѣдетъ царь въ день пріѣзда. Кстати, всѣ подвалы по этой улицѣ были тщательно осмотрѣны царской полиціей.

*) См. № 26 „Искры“.

BIBLIOTHÈQUE * MUSÉE * DELA GUERRE

Самара. По требованію администраціи уволенъ завѣдующій оцѣночно-статистич. бюро Пѣгѣевъ. Вышли въ отставку предс. управы Карамзинъ и два члена управы, не желающіе подчиниться этому произвольному распоряженію. За образцовымъ завѣдующимъ-товарищемъ ушли и всѣ 18 статистиковъ.

Письмо изъ Вятки. Съ весны въ Вяткѣ начинаетъ чувствоваться сильнѣе, чѣмъ прежде, нѣкоторое политическое возбужденіе. По поводу Воткинской исторіи появились прокламаціи, расклеенныя по городу; затѣмъ появились прокламаціи по поводу смерти Сипягина. Часть прокламацій разсылалась и по губерніи. — По городу циркулировала масса слуховъ, которые усиленно поддерживались и распространялись полиціей. Одинъ обыватель чуть не умеръ отъ огорченья, найдя на воротахъ своего дома приклеенную прокламацію: „опозорили меня, говоритъ, да и только“. Полиціи не удалось ничего открыть: съ перепугу ей стали мерещиться всякіе ужасы, ей уже казалось, что въ Вяткѣ будутъ демонстраціи. Къ первому мая были приняты даже чрезвычайныя мѣры охраны, вызвали всѣхъ становыхъ и урядниковъ въ городъ. Урядниковъ размѣстили на заводѣ (подъ самымъ городомъ), а становые сидѣли въ номерахъ Ильина и ждали только сигнала. Въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ тоже были приняты усиленныя мѣры и чуть ли не сама полиція разъясняла, что будетъ демонстрація.

Въ маѣ же происходило въ Вяткѣ посвященіе въ архіереи. Полицмейстеръ предупреждалъ, что соборъ будетъ взорванъ и т. п. Еще большій переполохъ вызвала полиція въ день 21 мая. Въ этотъ день изъ Вятки въ село Великая-Рѣка ходитъ крестный ходъ, къ которому стекается народъ со всей губерніи. По пути слѣдованія процессіи были распространены прокламаціи двоякаго рода: однѣ изъ нихъ обращались къ крестьянамъ, другія — къ крестьянамъ и рабочимъ. Обѣ начинались словами: „православные христіане!“, а одна даже имѣла въ заголовкѣ крестъ и кончалась словами „аминь“. Въ прокламаціяхъ выставлены требованія отмѣны недоимокъ и выкупныхъ платежей и возврата хлѣбныхъ ссудъ пудъ за пудъ. Распространеніе было совершено настолько чисто, что полиціи не удалось захватить ни одного распространителя. Прокламаціи инымъ попадались цѣлыми пачками и поднявшіе иногда догадывались пустить ихъ въ продажу. На обратномъ пути крестнаго хода была выставлена чуть ли не охранная цѣпь. Получилась для крестьянъ новая натуральная повинность: отъ волости назначили человѣкъ по 8 на стражу: „листки тамъ какіе-то, такъ вотъ смотрѣть, кто бросать будетъ“. Десятскіе — безъ бляхъ — были расположены между богомольцами, чтобы оттуда смотрѣть, кто будетъ бросать. Прокламаціи урядники, дѣйствительно, пособрали, а распространителей такъ и не открыли. Когда потомъ икона Николая должна былъ двинуться изъ Вятки по городамъ, по тракту были разставлены пикеты изъ крестьянъ.

Въ началѣ августа въ Уржумскомъ уѣздѣ арестовали помощника волостного писаря, у него что-то нашли; жандармы скоро добились отъ него, кто ему далъ литературу; въ результатѣ арестованъ статистикъ Кислицынъ. Оба сидятъ въ Вяткѣ.

У страха глаза велики: въ Малмыжскомъ уѣздѣ власти, перепуганныя крестьянскими толками о раздѣлѣ земель мѣстныхъ богачей, отправили въ уѣздъ мѣстную команду, которая съ барабаннымъ боемъ обошла деревни.

Спросъ на нелегальную литературу значительный, особенно на литературу для крестьянъ.

Для многихъ изъ нашихъ товарищей событія послѣдняго времени явились большой неожиданностью. По отношенію къ вопросамъ, выдвинутымъ крестьянскимъ движеніемъ, приходится наблюдать всѣ переходныя ступени отъ полной растерянности и капитулированія предъ нимъ до вѣрнаго пониманія значенія этого движенія. Вообще, около этого вопроса вертятся споры и въ этомъ направленіи работаетъ мысль. Къ сожалѣнію, соц.-дем. литературы здѣсь всего меньше. Благодаря этому, въ понятіяхъ мѣстной радикальной публики царитъ сумбуръ, полное смѣшеніе всѣхъ программъ. Мѣстная молодежь формируется подъ вліяніемъ несоц.-демократическихъ идей и скорѣе склоняется къ соціал-революціонизму именно потому, что для послѣдняго ясность программы, дальнѣйшія перспективы не важны, важенъ ближайшій эффектъ.

ИЗЪ ДЕРЕВНИ.

Воронежская губ. Среди нашихъ земскихъ начальниковъ нерѣдко попадаются люди, лишенные самой обыденной добропорядочности. Такъ, напр., въ Землянскомъ уѣздѣ нашей губерніи въ теченіе 10 лѣтъ былъ земскимъ начальникомъ нѣкій Матвѣевъ, который бралъ взятки „съ живого и мертваго“, причемъ не брезговалъ даже курами и яйцами. Въ одномъ селѣ, по поводу передѣла земли, отношенія между крестьянами обострились на столько, что образовались двѣ враждующія партіи. Тогда одна партія стала открыто собирать деньги „на земскаго“ и вручила Матвѣеву 400 руб.; оказывается, что другая партія въ это время также не дремала: съ своей стороны собрала 400 руб. и передала ихъ тому же Матвѣеву черезъ его письмоводителя... Всѣ эти поборы въ теченіе 10 лѣтъ страшно возмущали крестьянъ, которые приносили много жалобъ на Матвѣева, но всѣ эти жалобы, какъ водится, не имѣли никакого успѣха. Наконецъ, крестьяне отправили своихъ уполномоченныхъ въ Царское Село, гдѣ они вручили свою жалобу наслѣднику. Послѣ этого уже нельзя было прикрывать Матвѣева: ему предложено было выйти въ отставку, но за его усиленные труды по собиранію взятокъ ему дана увеличенная пенсія въ 1100 руб. въ годъ, вмѣсто 500 р. Такъ награждаетъ правительство даже такихъ негодяевъ, какъ Матвѣевъ.

Другой земскій начальникъ въ Землянскомъ уѣздѣ, Богдановичъ, не только обираетъ крестьянъ, но даже надулъ предводителя дворянства Алехина. Богдановичъ продалъ по частной росписке свое имѣніе Алехину, а затѣмъ, получивъ съ него деньги, продалъ это же имѣніе другому лицу по крѣпостному документу. Когда Богдановичу послѣ этого замѣтили, что Алехинъ будетъ на него жаловаться, то Богдановичъ сказалъ: „Алехинъ не посмѣетъ жаловаться, у него самого рыльце въ пушку“. Дѣйствительно, Алехинъ, какъ говорятъ, много „хапнулъ“, когда возводилъ церковь на доброхотныя даянія.

Отношенія между крестьянами и помѣщиками все болѣе обостряются. Въ селѣ Петровскомъ Землянскаго уѣзда крестьяне просили владѣльца экономіи Стрижевскаго сдать имъ землю, но Стрижевскій не исполнилъ этой просьбы и сдалъ свое имѣніе въ одни руки какому-то арендатору. Вскорѣ послѣ этого загорѣлись сначала надворныя постройки, а потомъ черезъ нѣкоторое время сгорѣлъ громадный барскій домъ. Теперь арендаторъ уже самъ отказывается отъ аренды.

Въ настоящее время всѣ земскіе начальники Воронежской губерніи получили отъ своего губернатора секретное предписаніе: объѣхать свои участки и внушить крестьянамъ, что они не должны надѣяться на какія-либо нарѣзки земли или на передѣлы, что равнымъ образомъ крестьяне не должны слушаться „злонамѣренныхъ“ лицъ, распространяющихъ среди нихъ „вредныя“ книги и листки, а должны этихъ людей представлять по начальству!

Крестьянскія настроенія (изъ Чернигова). Передъ зданіемъ уѣзднаго съѣзда собралась толпа крестьянъ въ ожиданіи „праваго суда“. Среди одной группы какой-то грамотѣй громко читаетъ курскую рѣчь царя къ крестьянамъ, которую мѣстный помпадуръ издалъ отдѣльнымъ приложеніемъ къ „Губ. Вѣд.“ и распространилъ чрезъ полицію въ большомъ количествѣ экземпляровъ. „Ты впередъ нагодуй (т. е., ты впередъ накорми!)“, раздается вдругъ голосъ одного крестьянина. „Да вінъ-же на кінці обіщае“..., иронически вторитъ какой-то другой слушатель...

Въ одномъ мѣстечкѣ Козелецкаго уѣзда во время Полтавскихъ событій сходъ рѣшилъ: подождемъ три недѣли... побачимъ, якъ буде въ Полтавской губ., а тади и сами начнемъ“... Въ другомъ селѣ того-же уѣзда, по поводу знаменитаго высочайшаго повелѣнія о наложеніи на крестьянъ контрибуціи, мѣстные мужики выражались такимъ образомъ: „де-жъ тутъ справедливость?! облагать тыхъ, котори маютъ землю и не бунтовали! За такую справедливость треба бунтовать... Це — разбой“. А вотъ что намъ пришлось услышать отъ одного крестьянина Переяславскаго уѣзда Полтавской губ., съ которымъ намъ случилось недавно бесѣдовать. Мой собесѣдникъ говорилъ, что тяжелое положеніе крестьянъ создается малоземельемъ, и на мой вопросъ, какъ думаютъ крестьяне жить дальше, отвѣтилъ буквально такъ: „А будетъ то, что за кѣмъ будетъ сила, за тѣмъ будетъ и право“. На замѣчаніе же наше, что одна сила вызываетъ другую силу — штыки, пули, нагайки, крестьянинъ, не задумываясь, отвѣтилъ: „чего намъ бояться смерти?! Все равно, вѣдь, и такъ придется помирать отъ голода“.

Въ одномъ мѣстечкѣ того же Козелецкаго уѣзда были обыски у нѣкоторыхъ крестьянъ, окончившихъ (при содѣйствіи мѣстной интеллигенціи) разныя учебныя заведенія (фельдшерскую школу, учительскую семинарію и т. п.). По поводу этихъ обысковъ крестьяне громко, прямо на базарѣ, выражались такимъ образомъ: „жандармы обыскиваютъ тѣхъ изъ насъ, которые вышли въ люди... Имъ не нравится, что нашъ братъ становится паномъ“. Въ той же мѣстности имѣется попъ-доносчикъ. Съ нимъ у крестьянъ такая вражда, что однажды крестьяне чуть не вытащили его изъ алтаря. Противъ „зачинщиковъ“ возбуждено дѣло. Недавно тотъ же священникъ въ церкви, во время произнесенія имъ проповѣди, былъ ошиканъ народомъ.

Изъ Пермской губ. намъ пишутъ: Въ августѣ арестовано 100 чел. крестьянъ Ильинской вол. Пермскаго уѣзда за сопротивленіе властямъ. Администрація находящейся въ этой мѣстности дачи гр. Строганова начала принимать усиленныя мѣры противъ порубокъ въ лѣсахъ. Эти мѣры, въ концѣ концовъ, такъ возмутили крестьянъ, что громадной толпой они двинулись въ лѣсъ и произвели порубку. Явившаяся лѣсная стража была разогнана. Въ результатѣ — дѣло; 18 чел. сидятъ въ Перми, остальные по уѣзднымъ тюрьмамъ.

Къ заботамъ о голодающихъ (изъ Вятской губ.). Голодъ и въ этомъ году грозитъ посѣтить нѣкоторые изъ нашихъ уѣздовъ, напр., Вятскій и Глазовскій: рожь почти совсѣмъ не уродилась. Особенно плохъ урожай въ послѣднемъ уѣздѣ: даже по разсчету земскихъ начальниковъ нужно выдать населенію болѣе милліона пудовъ. Рожь для посѣва страшно запоздала и частью пришла уже по истеченіи времени сѣва. Рожь доставлялась съ пристани Левшино на Камѣ; отправкой завѣдывалъ уполномоченный м-ва фин. Турбинъ. Турбинъ телеграфировалъ вятскимъ властямъ: „провѣрка вѣса не требуется; принимайте по счету мѣшковъ“. Но увы! Когда принимавшіе, по собственному, вѣроятно, опыту зная, какъ легко прилипаетъ къ рукамъ хлѣбъ для голодающихъ, отнеслись недовѣчиво къ такому заявленію и начали пріемку по вѣсу, то оказалась въ каждомъ вагонѣ нехватка — въ 70 пуд., а всего не хватило около 15000 пуд.! Теперь очевидно, почему „нашъ обожаемый монархъ“ не совѣтовалъ въ своей Курской рѣчи къ крестьянамъ грабить чужое добро: эту профессію онъ монополизировалъ, видно, въ пользу свою и своихъ чиновниковъ.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ
и
ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ ВЪ БѢЖИЦѢ.

(Заводъ Брянскаго акціонернаго общества).

(Окончаніе).

II.

Въ средѣ самихъ рабочихъ „бунтъ“ 1898 г. остался всетаки нѣкоторымъ свѣтлымъ событіемъ, очевидно, потому, что здѣсь, хотя и въ грубой формѣ, рабочій далъ впервые почувствовать заводу свою личность. Во всякомъ случаѣ этотъ „бунтъ“ нисколько не обезкуражилъ рабочихъ и не прекратилъ рабочаго движенія на Брянскомъ заводѣ. Послѣдующіе факты ярко доказали это. Въ октябрѣ того же года, т. е. всего черезъ 4 мѣс. послѣ „бунта“, рабочіе нѣсколькихъ цѣховъ забастовали и выставили опредѣленныя требованія къ заводу. Стачка продолжалась около 8 дней; проведена она была очень единодушно и выдержанно и почти всѣ требованія рабочихъ удовлетворены. Былъ смѣненъ начальникъ механической мастерской, отличавшійся своими подлостями, Мускинъ; вывѣсили табель съ расцѣнками, хотя очень оригинальную: въ ней были расцѣнки для какого-нибудь десятка работъ, указанныхъ въ самой общей формѣ, такъ что реальнаго значенія эти табели никакого не имѣли. Плату стали выдавать два раза въ мѣсяцъ и т. д. Вскорѣ послѣ этой стачки былъ выпущенъ на заводѣ листокъ, въ которомъ подводились итоги стачкѣ и рабочіе приглашались продолжать удачно начатую борьбу съ хозяевами.

Въ началѣ сентября въ Орлѣ былъ арестованъ интеллигентъ Родзевичъ; затѣмъ изъ Москвы были привезены Русановъ и Островъ; далѣе въ Орлѣ былъ арестованъ Ильинскій, затѣмъ Квиткинъ, Смирновъ и Кварцевъ (привезенъ изъ Сумъ). Кромѣ того постепенно были привезены въ Орловскую тюрьму рабочіе Ефимовъ, Лавриновичъ и Жмуркинъ. Интеллигенты всѣ были арестованы по разнымъ дѣламъ, не имѣвшимъ отношенія къ дѣламъ Бѣжицы. Но затѣмъ у Родзевича было установлено какое-то отношеніе къ Брянскимъ рабочимъ. Тогда слѣдователи рѣшили изъ всѣхъ арестованныхъ создать одно сообщество, на которое и возложить отвѣтственность за брянскія дѣла. Арестованныхъ терзали нелѣпыми вопросами, ничѣмъ необоснованными подозрѣніями и выпустили приблизительно въ мартѣ 1899 г., не приведши дѣло ни къ какому результату.

Между тѣмъ движеніе въ Бѣжицѣ вступило въ старую колею — кружковой пропаганды, кружкового развитія. Спросъ на нелегальную литературу сильно возрастаетъ, но достаютъ ее рабочіе съ большимъ трудомъ. Рабочіе собираютъ между собой деньги на покупку книгъ и заводятъ довольно большую легальную библіотеку. Изрѣдка собираются большими компаніями и читаютъ сообща или бесѣдуютъ. Весь 1899 г. прошелъ въ такомъ постепенномъ и тихомъ развитіи. Въ январѣ 1900 г. дѣлаютъ обыскъ у трехъ интеллигентовъ въ Орлѣ: Квиткина, Острова и Русанова, и затѣмъ черезъ день Квиткина арестуютъ. Вскорѣ въ Орелъ изъ Бѣжицы увозятъ нѣсколькихъ рабочихъ (Жмуркина вторично, Ранкевича, Мишанова, Лосицкаго, Худосовцева, Сычева и др.). Оказывается одинъ изъ молодыхъ рабочихъ, у котораго при обыскѣ что-то нашли, испугался угрозъ брянскаго ротмистра Петрова и многое поразсказалъ.

Но съ этими арестами самостоятельное движеніе среди рабочихъ не прекращается. Оно вылилось въ опредѣленную нами форму и въ такомъ видѣ продолжалось въ теченіи 1900 г. Въ концѣ 1900 г., передъ Рождествомъ, были выпущены въ небольшомъ количествѣ маленькіе листки по поводу неуплаты администраціей завода заработанныхъ денегъ въ срокъ. Листки произвели свое дѣйствіе: рабочая плата была немедленно выдана.

Весь 1900 г. настроеніе рабочихъ прогрессивно обострялось. Промышленный кризисъ сказался и на Брянскомъ акціонерномъ обществѣ — этой одной изъ самыхъ прочныхъ акціонерныхъ компаній. Собственно при большей энергіи и дѣловитости администраторовъ компанія всегда могла обойтись безъ сокращенія производства. Но привычка получать огромные барыши (въ одномъ изъ отчетовъ общества, которые лежатъ на столѣ Бѣжицкаго клуба, было указано при валовомъ оборотѣ въ 56 мил. (валовой доходъ — 4 мил. чистой прибыли) при полной халатности побудила заводскую администрацію пополнять уменьшеніе кушей обычнымъ давленіемъ на рабочихъ: начались небывалые штрафы, небывалыя браковки; расцѣнки страшно упали; и наконецъ, стали распускать рабочихъ. Температура рабочей массы отъ всѣхъ этихъ стѣсненій поднималась. Рабочіе представляли изъ себя порохъ, въ который достаточно было бросить одинъ горячій „листокъ“, чтобы взорвать весь заводъ на воздухъ. Но листковъ не появлялось, и рабочіе терпѣли. Только стремленіе къ самообразованію проявлялось все сильнѣе, все лихорадочнѣе. Въ половинѣ апрѣля 1901 г. на заводѣ произведены были обыски и арестовано и отвезено въ Орелъ 6 человѣкъ рабочихъ: Степановъ, Самойловъ, Мишановъ (2 разъ); Лосицкій (2 разъ), Ранкевичъ (2 разъ), Сычевъ (2 разъ), одновременно съ этимъ были арестованы въ Орлѣ интеллигенты: Квиткинъ (3 разъ), Колышкевичъ (2 разъ), Русановъ (3 разъ) и Островъ (4 разъ). Обыски произведены были на основаніи временныхъ правилъ объ усиленной охранѣ въ виду ожидавшихся 1 мая повсемѣстныхъ рабочихъ демонстрацій. Поэтому арестованные черезъ 4 недѣли были выпущены, кромѣ Степанова, Самойлова и Острова, которые обвинялись по новому дѣлу, и Сычева, оставленнаго отбывать наказаніе по предыдущему дѣлу. Новое дѣло состояло въ томъ, что у Самойлова нашли нелегальную литературу и онъ выдалъ Петрова, Степанова и затѣмъ Острова, а также запачкалъ и другихъ. Былъ установленъ фактъ сношеній Острова съ рабочими и распространеніе имъ среди нихъ нелегальной литературы. Дѣло опять было оформлено. Такимъ образомъ 1901 г. закончился обысками и арестами.

Въ общемъ, если окинуть бѣглою всю исторію рабочаго движенія на Бѣжицѣ, начиная съ 1897 г., то это движеніе представится намъ въ видѣ медленнаго развитія рабочихъ путемъ пропаганды и отчасти неширокой устной агитаціи. Какихъ-либо крупныхъ организованныхъ демонстрацій въ Бѣжицѣ не было. Но одно можно отмѣтить въ этой исторіи: для наблюдателя, который видѣлъ рабочую Бѣжицкую массу въ 1897-98 г. и затѣмъ въ 1901-902 г.г., рѣзко замѣтенъ подъемъ сознательности этой массы, широкое распространеніе среди нея всѣхъ общественно-политическихъ запросовъ, которые возникали въ 90 годахъ лишь въ головахъ немногихъ рабочихъ. Безусловно, что въ настоящій моментъ Бѣжицкіе рабочіе представляютъ изъ себя чрезвычайно пригодный матеріалъ для воспріятія самыхъ широкихъ политическихъ идей...

Смоленскъ. Рабочее населеніе Смоленска — это преимущественно евреи изъ мелкихъ мастерскихъ ремесленнаго типа съ 2-3, рѣдко съ 8-10 рабочими. Большинство этихъ мастерскихъ работаетъ на магазины, что, конечно, сильно отражается на положеніи рабочихъ, такъ какъ изъ одной и той же шкуры приходится выдѣлывать двѣ шубы: одну — хозяину-посреднику, а другую — оптовому торговцу-заказчику. Особенно тяжело положеніе работницъ въ женскихъ мастерскихъ, гдѣ къ обычной эксплуатаціи труда присоединяются еще невозможно тяжелыя квартирныя условія и весь такъ-наз. „отеческій“ режимъ: почти всѣ работницы живутъ на квартирахъ хозяевъ, вмѣстѣ съ ихъ семьями. О заработной платѣ и говорить, конечно, нечего: она „ниже всякаго минимума“, по выраженію одного рабочаго. Что касается рабочаго дня, то въ послѣдніе годы было нѣсколько попытокъ свести его къ законной десятичасовой нормѣ. Первая попытка относится къ 1898 г. Затѣмъ, въ 1900 г. рабочіе подавали губернатору коллективное заявленіе о тяжелыхъ санитарныхъ условіяхъ въ большинствѣ мастерскихъ и о рабочемъ днѣ. Въ результатѣ этого заявленія былъ устроенъ черезъ полицію осмотръ мастерскихъ и опросъ рабочихъ, но при осмотрѣ, конечно, многаго не разглядѣли, а при опросѣ большинство рабочихъ, особенно женскихъ мастерскихъ, было такъ запугано предварительно хозяевами, что не рѣшилось указать истинное положеніе дѣлъ, а для полиціи, конечно, чего же лучше, если „все обстоитъ благополучно“! Такъ изъ этого ничего и не вышло. Только съ прошлаго 1901 года здѣсь начинается болѣе или менѣе осмысленное движеніе среди евреевъ-ремесленниковъ, хотя оно все-таки напоминаетъ болѣе суетню, чѣмъ дѣйствительное движеніе. Съ того времени было нѣсколько стачекъ, но за исключеніемъ двухъ-трехъ, всѣ онѣ были столь незначительны какъ по содержанію, такъ и по количеству участниковъ, что для нихъ слишкомъ громко даже названіе стачки. Требованія не выходили изъ обычныхъ границъ — рабочій день, плата, помѣщенія, обращеніе хозяевъ и т. п. Большинство еврейскихъ рабочихъ — народъ молодой, юноши и даже дѣти. Наиболѣе важными тормазами для развитія сознательнаго движенія является почти поголовное незнаніе рабочими русской грамоты — это во-первыхъ, а во-вторыхъ — безобразныя квартирныя условія: рабочіе почти все время проводятъ на глазахъ хозяина и его семьи, а хозяева даже къ чтенію обыкновенной книжки относятся съ большой подозрительностью, не говоря уже о нелегальныхъ изданіяхъ. Есть мастерскія со смѣшаннымъ составомъ рабочихъ — но русскіе ремесленники стоятъ еще ниже еврейскихъ — большинство изъ нихъ пьетъ горькую и до сихъ поръ проявляетъ мало склонности къ болѣе осмысленной жизни. Это роняетъ ихъ въ глазахъ евреевъ-рабочихъ и нерѣдко создаетъ взаимную вражду. Впрочемъ, нужно сказать, что за послѣднее время и въ этомъ отношеніи замѣтенъ нѣкоторый успѣхъ: на бывшемъ здѣсь мирномъ первомайскомъ праздникѣ можно было видѣть и русскія физіономіи. Изъ болѣе крупныхъ заведеній съ исключительно почти русскимъ составомъ рабочихъ можно указать только на два: бабиночную фабрику Гергарда съ 200 рабочихъ и кафельный заводъ Будникова съ 150 раб. Но уже по самимъ техническимъ условіямъ этихъ производствъ уровень развитія рабочихъ не можетъ быть сколько-нибудь высокимъ. Это — по большей части полурабочіе-полукрестьяне, не порвавшіе еще довольно тѣсной связи съ деревней. Поставляютъ рабочихъ на эти фабрики ближайшія деревни, разбросанныя ок. Смоленска верстахъ въ 3-5.

Изъ другихъ элементовъ пролетарскаго типа можно указать на торговыхъ прикащиковъ, заявившихъ недавно, хотя и въ очень слабой степени, о своемъ существованіи. Трудно, конечно, ожидать, чтобы прикащичье движеніе приняло сколько-нибудь солидные размѣры, по крайней мѣрѣ, въ ближайшемъ будущемъ, такъ какъ это какъ разъ та именно среда, гдѣ мѣщанство въ самыхъ свирѣпыхъ его формахъ свило себѣ наиболѣе прочное гнѣздо. Лѣтомъ этого года было нѣсколько стачекъ прикащиковъ (въ магазинахъ Якобсена, Ланина, Англійскомъ и др.) съ тѣми же требованіями, что и у ремесленниковъ.

Изъ наиболѣе интересныхъ событій мѣстной жизни послѣдняго времени нужно отмѣтить образованіе соц.-демократической группы, выпустившей въ августѣ и сентябрѣ этого года двѣ прокламаціи — одну къ прикащикамъ, а другую — къ обществу по поводу насилій надъ заключенными въ здѣшней тюрьмѣ. Подписаны онѣ были „Смоленскимъ соц.-демократ. комитетомъ“. Существеннымъ ихъ недостаткомъ была ихъ неудобочитаемость и крайне жалкій внѣшній видъ, вслѣдствіе чего онѣ совершенно не могли импонировать обывателю. Но надо надѣяться, что въ дальнѣйшей своей дѣятельности молодой комитетъ справится съ техническими затрудненіями.

Въ Нѣжинѣ, Черниговской губ., была стачка 65 чел. портныхъ ремесленниковъ (дамскихъ и мужскихъ). Требуютъ: одни сокращенія рабочаго дня до 12 и до 14 часовъ въ сутки, другіе — увеличенія поштучной платы. Четверо рабочихъ уже арестовано.

Астраханъ. Въ нашемъ городѣ уже нѣсколько лѣтъ замѣчаются проявленія рабочаго движенія. Пока это движеніе носитъ стихійный характеръ: стачки происходятъ безъ всякаго заранѣе обдуманнаго плана, безъ руководства. Такія забастовки были устроены въ прошломъ году на лѣсныхъ пристаняхъ чернорабочими и грузчиками. Всего забастовало около 200 чел. Было выставлено требованіе увеличенія платы. Продержались около дня, и можно сказать, что выиграли. Хозяева не обращались къ полиціи и постарались сами уладить дѣло. Такая же забастовка была и на пристани Демботъ. Пароходъ съ баржами были готовы, а команда отказалась идти на баржи. Въ этотъ разъ забастовало чел. 30-40. Въ виду того, что убытки отъ простоя паро-

хода подъ парами огромны, администрація уже согласна была уступить, но нагрянула рѣчная и городская полиція и силой принудила рабочихъ пойти на баржи и занять свои мѣста. Рабочіе Дембота не выставляли никакихъ требованій улучшенія своего положенія, домогаясь окончательнаго разсчета. Слѣдуетъ замѣтить, что фирма Дембота въ отношеніи обиранія рабочихъ перещеголяла здѣсь всѣ другія. Такое грубое обираніе, какъ у Дембота, рѣдко встрѣтишь, если не считать мелкихъ пароходчиковъ, о которыхъ мы поговоримъ въ другой разъ. Какъ всегда бываетъ, эти случайныя и стихійныя забастовки заставили призадуматься многихъ рабочихъ. Призадумались и предприниматели и стали все чаще и чаще страховать рабочихъ, чтобы свалить съ своихъ плечъ на страховыя общества плату за увѣчья и прочіе несчастные случаи. Задумалась и администрація съ фабричнымъ инспекторомъ (изъ „либераловъ"). Задумалась и полиція, и въ результатѣ своихъ размышленій обратилась въ городскую думу съ предложеніемъ ассигновать извѣстную сумму на содержаніе нѣсколькихъ тайныхъ агентовъ и одного главнаго, въ виду того, что полиція больше не въ силахъ уже справляться съ врагами. Говорятъ, что лѣтомъ, проѣздомъ, былъ у насъ „самъ" архишіонъ Зубатовъ и оставилъ здѣсь на время свой хвостикъ, главныя же свои „силы" онъ направилъ на гастроли въ Тифлисъ и Баку.

Интересный случай имѣлъ этимъ лѣтомъ мѣсто среди бондарей на форпостѣ. Въ бондарныхъ заведеніяхъ работаютъ по 200 и болѣе чел. Все это ужъ болѣе или менѣе „чистые" пролетаріи, но ряды ихъ постоянно пополняются выходцами съ верховьевъ Волги, элементомъ довольно коснымъ. Большимъ вліяніемъ пользуются старики. Проникнуть въ эту среду чрезвычайно трудно. Книга здѣсь тоже не въ ходу. Но хищническая эксплуатація, энергично охраняемая фабричнымъ инспекторомъ и полиціей, „раскачиваетъ" и эту среду. Хозяева бондарныхъ заведеній нанимаютъ своихъ рабочихъ на два срока: отъ 1 октября до 1 марта, на зимнія работы, и отъ марта до октября, на лѣтнія. Разница въ цѣнѣ бываетъ постоянно очень значительна. Но въ этомъ году, въ виду того, что было много наготовленнаго товара, въ рыбныхъ же дѣлахъ произошла заминка, крупные хозяева не стали дѣлать прибавокъ на лѣто. Рабочіе сначала отказались заключать условія, но нужда заставила пойти на уступки. Къ тому же они надѣялись, по примѣру прежнихъ лѣтъ, получить значительные задатки. Оказалось, однако, что фабричный инспекторъ распорядился задатковъ не выдавать. Это ужъ превысило мѣру долготерпѣнія, и 28 іюля бросили работу на четырехъ заводахъ, всего чел. 250-300. Продержались они до 31 іюля. На одномъ заводѣ добились прибавки. „Побѣдители", ободренные своимъ успѣхомъ, стали подговаривать своихъ товарищей тоже бросить работу. Нашлось нѣсколько десятковъ смѣльчаковъ изъ молодыхъ (кто говоритъ, что ихъ было чел. 50-60; другіе, — что болѣе ста), которые прошлись съ музыкой по главной улицѣ и требовали пріостановки работъ. Первый день прошелъ тихо, но на второй хозяева дали знать уѣздной полиціи и земскому начальнику. Полиція почему-то воздержалась отъ репрессалій (помнитъ, вѣроятно, „холерный бунтъ" 1892 г.), но за нарушеніе тишины было взято 11 чел. Изъ нихъ 10 чел. приговорены земскимъ начальникомъ къ аресту на семь сутокъ, а одинъ, за оскорбленіе городового, на три недѣли.

Красноярскъ. 13 сентября нашъ городъ былъ пораженъ невиданнымъ зрѣлищемъ: черезъ весь городъ. отъ мастерскихъ до губернскаго правленія, прошли желѣзнодорожные рабочіе въ полномъ составѣ (полторы тысячи человѣкъ). Дѣло въ томъ, что по правиламъ „получка" въ здѣшнихъ мастерскихъ должна происходить два раза въ мѣсяцъ, 12 и 27 числа. Обыкновенно же платятъ 15-17 и 1-2; это всегда раздражало рабочихъ, и они не разъ уже выражали свое неудовольствіе, но на это не обращали вниманія. 11 сентября рабочіе напомнили начальнику мастерскихъ о предстоящей уплатѣ, и онъ обѣщалъ уплатить 13-го; утромъ 13 онъ подтвердилъ свое обѣщаніе, а часовъ въ 10 объявилъ, что получки не будетъ. Сейчасъ же раздался свистокъ къ прекращенію работъ; рабочіе заволновались и послѣ совѣщаній, увѣщаній, а въ нѣсколькихъ случаяхъ и зуботычинъ, всѣ поголовно отправились къ губернатору. Попытки полиціи задержать шествіе (ограничивались увѣщаніями) окончились безуспѣшно, и процессія прибыла къ Губернскому Правленію. Здѣсь ее встрѣтилъ полиціймейстеръ и предложилъ рабочимъ избрать депутатовъ для переговоровъ; они отказались. Тогда полиціймейстеръ самъ выбралъ четырехъ человѣкъ, а остальнымъ предложилъ разойтись. Рабочіе не уходили, пока депутаты не вышли изъ Губ. Правленія и не предложили имъ уйти къ мастерскимъ и тамъ ждать отвѣта. Изъ Губ. Правленія депутаты были приглашены къ губернатору. Здѣсь былъ составленъ протоколъ о случившемся, причемъ вся вина возложена на администрацію мастерскихъ; затѣмъ губернаторъ просилъ депутатовъ успокоить товарищей и обѣщалъ, что съ 3 час. начнутъ уплату, при чемъ этотъ день не будетъ вычтенъ. Сейчасъ же былъ вытребованъ къ губернатору начальникъ мастерскихъ; губернаторъ далъ ему 6.000 руб. и предложилъ немедленно принять мѣры, чтобы всѣ рабочіе получили плату. Съ 3 час. началась уплата. На другой день появилась прокламація Комитета и еще одна, безъ подписи, гектографированная, по содержанію мало отличающаяся отъ комитетской.

Лѣтомъ здѣсь были убиты два ночныхъ сторожа. Вице-губернаторъ (и. д. губернатора) вошелъ съ докладомъ, чтобы убійцъ судили военно-полевымъ судомъ, такъ какъ убитые были чинами полиціи при исполненіи своихъ обязанностей. Ходатайство это уважено; 19-го убійцъ судили и приговорили къ смертной казни черезъ повѣшенье! Осужденные — молодые люди 22-24 лѣтъ.

Намъ пишутъ изъ Сибири: 16 августа на ст. Еланское Енисейской губ. въ депо забастовали всѣ рабочіе, 93 чел., требуя удаленія монтера. Начальникъ тяги явился и сказалъ, что не можетъ ихъ удовлетворить. Однако, къ слѣдующему же дню дано было знать рабочимъ, что ихъ требованіе исполнено. Каково же было возмущеніе рабочихъ, когда, явившись на работу, они узнали, что десять ихъ товарищей удалены изъ депо. Всѣ снова бросили работу; стачка продолжалась еще три дня. Но къ 19-му были приглашены рабочіе запасные изъ Красноярска, и болѣе малодушные уступили, а за ними пошли работать и остальные. Въ результатѣ 27 чел. уволено, а 13 сами ушли.

ИЗЪ ПАРТІИ.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ОТЪ ГР. „ЮЖНАГО РАБОЧАГО"

Шатаніе въ области теоріи, хаосъ и разрозненность въ дѣятельности, господствующіе въ настоящее время среди дѣйствующихъ въ Россіи товарищей, никогда еще не давали себя такъ сильно чувствовать, никогда еще не проявлялись такъ рельефно, какъ въ данный моментъ. Если изолированная, ограниченная кружковая дѣятельность начала девяностыхъ годовъ и примитивныя формы рабочаго движенія середины тѣхъ же девяностыхъ годовъ по своей опредѣленности и несложности могли мириться съ подобнымъ состояніемъ дѣйствующихъ силъ, то въ настоящій моментъ, когда соціалдемократія можетъ и должна развернуть всю свою сложную дѣятельность, устраненіе подобной дезорганизованности является главнѣйшей и насущнѣйшей задачей, передъ которой блѣднѣетъ все остальное. Партія, долженствующая сыграть роль крупной общественной силы въ рѣшеніи будущности Россіи, такая партія не можетъ довольствоваться господствующимъ кустарничествомъ; она должна сложиться въ прочную, строго солидарную, централизованную и объединенную общей программой организацію, группирующуюся вокругъ извѣстнаго духовнаго ядра, дающаго общее направленіе дѣятельности. Только подобное оединеніе можетъ дать партіи возможность выполнить всю ту сложную задачу, которую она на себя беретъ. Нельзя сказать: „пусть устроятся мѣстныя дѣла, тогда позаботимся объ общихъ". Подобный взглядъ представляетъ упрощеніе дѣятельности. Необходимо проникнуться убѣжденіемъ, что не могутъ быть мѣстныя дѣла въ настоящее время внѣ общихъ, что пока не будутъ рѣшены общіе вопросы, пока не будетъ покончено съ нашей дезорганизованностью, всякая работа будетъ топтаніемъ на мѣстѣ. Но для этого недостаточно одного лишь призыва къ объединенію. Необходимо подойти къ вопросу болѣе конкретно, болѣе активно. Для этого прежде всего необходимо каждому дѣятелю, каждой группѣ, каждой организаціи, точно опредѣлить свое отношеніе къ цѣлому ряду вопросовъ, волнующихъ вотъ ужъ почти три года дѣйствующихъ товарищей.

Пора покончить съ неопредѣленностью. Пора каждому опредѣлить свое мѣсто, высказать въ недвусмысленной формѣ все, чего онъ хочетъ, къ чему стремится, и провести это на практикѣ. Мы думаемъ, что въ настоящее время достаточно рѣзко опредѣлились различныя теченія. Кто не смогъ разобраться въ нихъ до сихъ поръ, кто изъ-за внѣшней шелухи и личныхъ недоразумѣній, не видитъ сущности, тотъ, вѣроятно, уже не увидитъ ея. Не къ нимъ мы обращаемся. Мы обращаемся ко всей массѣ тѣхъ товарищей, которые горячо жаждутъ скорѣйшаго и прочнѣйшаго, не бумажнаго, но реальнаго объединенія силъ, которые глубоко чувствуютъ весь вредъ современной смуты.

Съ своей стороны, мы дѣлаемъ шагъ въ этомъ направленіи. Признавая организацію „Искры" единственной за послѣдніе два года организаціей, съумѣвшей при господствующихъ спутанности и шатаньи сохранить строгую принципіальность и безстрашно бороться противъ всякихъ теченій, стремившихся свернуть такъ блестяще начавшееся революціонное движеніе съ единственно правильнаго пути, мы, солидарные съ этой организаціей въ вопросахъ программы, тактики и организаціи, присоединяемся всецѣло къ ней, обязуясь работать совмѣстно надъ дѣломъ фактическаго возстановленія Россійской соц.-демократ. рабочей партіи.

Во избѣжаніе недоразумѣній, мы считаемъ своимъ долгомъ заявить, что мы далеки отъ мысли утверждать, что за два года во всей той громадной работѣ, которую выполнила за это время организація „Искры", не было никакихъ ошибокъ и пробѣловъ. Мы только думаемъ, что эти ошибки не на столько важны, чтобы онѣ могли служить препятствіемъ къ соединенію, что онѣ легко устранимы, если необходимость объединенія глубоко проникнетъ въ сознаніе всѣхъ дѣйствующихъ товарищей, и дѣло, предпринятое „Искрой" за свой страхъ и рискъ, станетъ нашимъ общимъ дѣломъ.

Группа „Южнаго Рабочаго".

Изданы прокламаціи: Кіевскимъ Комитетомъ — къ кіевскимъ слесарямъ (отъ 16 сент.); Одесскимъ Ком. — „къ новобранцамъ" (печ.); Екатеринославскимъ Ком. — „Ко всѣмъ гражданамъ Екатеринослава (по поводу тюремныхъ насилій) и 2) Къ кондукторамъ и вагоновожатымъ трамвая (обѣ печатныя); Красноярскимъ Ком. — къ раб. жел.-дор. мастерскихъ (отъ 14 сент., печ.); Харьковскимъ Ком. — 1) о судѣ надъ крестьянами (въ 1.100 экз.) и 2) къ раб. жел.-дор. мастерск. (по поводу несчастнаго случая съ двумя рабочими), обѣ гектогр.; Нижегородскимъ Ком. — 1) „Почему русскому рабочему нужна политическая свобода?" (печ.), 2) Ко всѣмъ рабочимъ (августъ), 3) О солдатчинѣ (къ крестьянамъ и рабочимъ), 4) По поводу назначенія фон-Валя, 5) Къ рабочимъ и работницамъ Куликовской фабрики въ гор. Васильсурскѣ; Донскимъ Ком. — Ко всѣмъ раб. главн. мастерскихъ Владикавказской ж. д. (отъ 3 октября, гектограф.); Кишиневской объединенной соц.-демокр. орган. — „Ко всѣмъ рабочимъ" (печ.).

Одесскимъ Комит. изданъ № 2 газ. „Раб. Слово" (15 окт.); печатано въ тип. Комитета.

Нижегородскимъ Комит. изданъ отчетъ за первые восемь мѣсяцевъ его дѣятельности (1 окт. 1901 г. по 1 іюня 1902 г.). Заимствуемъ изъ него слѣдующія подробности объ агитаціонной дѣятельности Комит.: „Руководясь въ своей настоящей дѣятельности основными принципами революціонной соц.-демократіи, Комитетъ началъ массовую агитацію среди самыхъ широкихъ слоевъ рабочихъ Н.-Новгорода и нѣкоторыхъ заводовъ Нижегородской губерніи. Въ послѣднее же время Комитетъ роспространяетъ агитацію и на крестьянскіе слои населенія губерніи и солдатъ... Всего было распространено различныхъ прокламацій къ рабочимъ разныхъ заводовъ и къ крестьянамъ — 1515 экз., напечатанныхъ, главнымъ образомъ, въ собственной типографіи".

„Нижегородская Раб. Газ. (№ 1) была издана въ 350 экз. Затѣмъ газета была превращена въ „Лист. Ниж. Раб. Газ.", который печатался все въ большемъ количествѣ экз. (№ 2 1200, № 3 2000, № 4 2400, № 5, майскій, 3000). „Кромѣ того, Ком. распространялись газ. „Искра" и „Раб. Мысль" и прокламаціи нѣкоторыхъ организацій, какъ напр., „Искры", „Пет. Союза„ и „Бунда" За восемь мѣсяцевъ бюджетъ Комитета былъ: прих. 1135 р. 40 к., расходъ 1330 р. 95 к.

Въ № 5 „Жизни" напечатана и ею же издана въ видѣ брошюры статья тов. Плохоцкаго; „Взаимныя отношенія польскихъ и русскихъ соціалистовъ". Авторъ обвиняетъ насъ, русскихъ соц.-дем., „въ „прискорбномъ незнакомствѣ съ самимъ польскимъ движеніемъ и его условіями". Онъ думаетъ, что именно это незнакомство порождаетъ среди насъ „рядъ странныхъ взглядовъ, совершенно напрасно нарушающихъ гармонію между двумя братскими по самому своему существу лагерями". Эти „странные взгляды" сводятся къ оцѣнкѣ той постановки вопроса о національной независимости Польши, которая дается въ программѣ „Польской соц. партіи".

Мы надѣемся, что въ недалекомъ будущемъ намъ удастся по существу разсмотрѣть вопросы, поднятые тов. Плохоцкимъ. Пока замѣтимъ, что можно только радоваться прямому обращенію польскихъ соціалистовъ къ русскимъ. Изъ брошюры тов. Плохоцкаго русскіе соціалдемократы смогутъ ближе познакомиться съ взглядами старѣйшей партіи польскихъ товарищей. Слово теперь за товарищами изъ польской соц.-демократіи, которая, какъ извѣстно, держится въ вопросахъ программы взглядовъ, отличныхъ отъ П. С. П.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦ. БОРЬБЫ.

Въ Петербургѣ арестованъ учитель гимназіи Эккъ. — Въ Перми 12 сентября были обыски у служащихъ въ губ. зем. упр.: Крысина, Вошевой, Житковой и Дубровинскаго. Крысинъ и Дубровинскій арестованы. 3 окт. былъ обыскъ у учителя Очерскаго зав. (Оханскаго уѣзда) Высотина и у волостного писаря Пашихина. Высотинъ арестованъ. Арестованный въ Красноуфимскомъ уѣздѣ 17 августа агрономъ Мальцевъ все еще сидитъ; псаломщикъ Рябасовъ выпущенъ. Взятые съ ними крестьяне тоже сидятъ. — Въ Севастопольской тюрьмѣ сидятъ съ іюня рабочіе Бубновъ, Фирсовъ, Горкуновъ, Евтушенко, Братуха, Зубаревъ, Вороновъ, Копецъ, Грибовскій, Стефановскій, Тамбовцевъ, Черновъ, Бабенко, Чернышевъ и еще двое; кромѣ нихъ вольноопредѣляющійся Крюковъ, нѣсколько солдатъ и матросовъ и одинъ студентъ. Студентъ Щепетевъ перевезенъ въ Симферополь. — Верхоленскъ (Ирк. г.). Арестованъ раб. Залкиндъ (ссыльный). — Въ Нижегородской тюрьмѣ, кромѣ 21 обвиняемыхъ по дѣламъ о демонстраціи, сидятъ студентъ Сысинъ, техникъ Гусевъ, семинаристъ Никольскій, бывш. гимназистъ Даниловъ, сормовскіе рабочіе Углевъ и Рогалевъ и курсистка Софья Доброхотова. Изъ демонстрантовъ — 13 раб., 4 интел. и 4 курсистки. Въ Одессѣ 17 сент. арестованы рабочіе Хмельницкій, Дубъ и Надворный; 24-25 сент. фотогр. Шварцъ и уч. зубоврач. школы М. Львовичъ. — Самара. 15-16 окт. произведено 20 обысковъ, между прочимъ, въ аптекѣ Волянскаго (при этомъ кто-то арестованъ), въ табачномъ магазинѣ Габай, у управскаго служащаго Иванова, желѣзнодорожныхъ служашихъ Барыбина и др. Арестованы: желѣзнодорожный служащій Зиссеръ, бывшіе статистики Евтимовичъ и Акромовскій, нѣкій земскій техникъ, одинъ гимназистъ и семинаристъ. Въ уѣздѣ тоже были обыски, арестована одна земская учительница. Наши синіе мундиры проявляютъ большое самодурство: за отказъ давать показанія или же за нежеланіе выдать товарищей они мстятъ заключеннымъ отказомъ въ пропускѣ съѣстныхъ припасовъ и запрещеніемъ свиданій. — По дѣлу о безобидной прошлогодней вечеринкѣ мнимые ея устроители: бывш. студ. Кузнецовъ и учредитель курсовъ бухгалтеріи Севрукъ сосланы въ Вятскую губ. Барышни, танцовавшія на вечеринкѣ, заключены въ тюрьму.

Сосланы въ Восточную Сибирь: токарь Юзефъ Венхъ (изъ Олькуша, Кѣлецк. губ.) на 3 года; Влад. Вербицкій, хлѣбн. торг. (изъ Николаева), на 3 года; Яковъ Борисовъ, городской учитель (изъ СПБ., по дѣлу раб. орган.), до приговора; Залманъ Роякъ, чернораб. (изъ Кайданъ, Минской губ.), на 2 г.; Сем. Вейсбремъ, студ.-полит. (изъ Риги) на 3 г.; Викторъ Ногинъ, раб., и Сергѣй Антроповъ, быв. студ. (оба нелегальные, изъ СПБ.), до приговора; Конкордія Захарова и болгаринъ Закубанскій (по одесскому дѣлу), до приговора. — Въ Вологодскую губ.: Влад. Куницкій, инжен.-химикъ (изъ Домброва) и Дав. Самойловъ (изъ СПБ.), оба на 3 г.

Бѣжали: изъ Вятской губ. Рерихъ (студ.-лѣсникъ, сосланъ по дѣлу СПБ. Союза Борьбы 1901 г.); изъ Восточной Сиб., кромѣ упомянутыхъ въ прошломъ номерѣ, еще въ началѣ года изъ Олекминска, Якутской обл., Марія Розенбергъ (сослана по Уральскому дѣлу 1899 г.).

Предательство Н. К. Паули. Читатели помнятъ о впечатлѣніи, произведенномъ на революціонную среду слухомъ о предосудительныхъ сношеніяхъ эмигранта Н. К. Паули съ русской политической полиціей, распространившимся года полтора тому назадъ. Всѣ революціонеры ожидали результатовъ разслѣдованія по этому дѣлу, производившагося „Аграрно-соціалистической Лигой." Появившееся въ концѣ прошлаго года заявленіе упомянутой Лиги о дѣлѣ Паули не могло удовлетворить этихъ ожиданій. Лига нашла, что попытка Паули „была съ его стороны лишь плодомъ крайне ложнаго и безусловно вреднаго взгляда на способы революціонной борьбы, а не чего-либо иного." Лига даже не исключила Паули изъ числа своихъ членовъ*), а лишь сообщила, что „Н. К. Паули больше членомъ ея не состоитъ" и никакого формальнаго предложенія другимъ революціоннымъ организаціямъ о судѣ надъ обличеннымъ ею Паули не сдѣлала. Такимъ образомъ, вопросъ объ обязательномъ для всѣхъ вообще революціонеровъ отношеніи къ новому Дегаеву не былъ поставленъ и не получилъ должнаго рѣшенія.

Въ виду этого, редакція „Искры" (см. № 15 „Развратъ въ революціонной средѣ") сочла необходимымъ, въ согласіи съ принципами, раздѣляемыми нашей организаціей, указать на недостаточность рѣшенія Аграрной Лиги и квалифицировать поведеніе Н. К. Паули, какъ „возмутительное и позорное." Въ то время наше заявленіе было многими признано излишне-жестокимъ по отношенію къ старому революціонеру, какимъ былъ Паули. Мы считали необходимымъ рѣзко высказаться, между прочимъ, для того, чтобы сдѣлать невозможными для Паули попытки вступленія въ какую либо новую группу, такъ какъ доступъ въ революціонную организацію ему не былъ закрытъ тономъ и содержаніемъ заявленія Лиги.

Эта предосторожность оказалась нелишней. Попавъ какимъ то образомъ въ руки русской жандармеріи, Н. К. Паули, какъ это намъ достовѣрно извѣстно, даетъ въ настоящее время самыя предательскія показанія въ духѣ Гольденберга. Этими показаніями предатель даетъ жандармамъ богатый матеріалъ о революціонныхъ дѣлахъ, въ которыхъ онъ принималъ участіе, какъ членъ Агр. Лиги: такъ напр., имъ даны показанія о лицахъ, подозрѣваемыхъ въ сношеніяхъ съ Карповичемъ. По указаніямъ Паули арестованы уже, повидимому, нѣкоторыя лица (называютъ московскаго издателя Чарушникова). Но, вѣроятно, лица, имъ оговоренныя, не будутъ немедленно арестовываться, а послужатъ отправной точкой для разставленія шпіонской сѣти (таковъ методъ Судейкина-Плеве). Поэтому, мы настоятельно приглашаемъ всѣхъ товарищей, имѣвшихъ революціонныя сношенія съ Паули, проявить самую крайнюю осторожность и, во всякомъ случаѣ, предупредитъ всѣхъ соприкасающихся съ ними лицъ о томъ, что такія сношенія у нихъ были. Поступивъ такъ, эти товарищи смогутъ оградить себя отъ справедливыхъ упрековъ въ случаѣ, если окажется, что жандармы, заручившись цѣнными для нихъ указаніями Паули, готовятъ „основательный" разгромъ революціонныхъ организацій.

Пользуемся случаемъ, чтобы еще разъ указать, что въ дѣлахъ, подобныхъ дѣлу Паули, неумѣстна никакая снисходительность. Суровый (вполнѣ заслуженный) приговоръ надъ Паули не оградилъ бы насъ, конечно, отъ окончательнаго его паденія, но онъ бы лучше обезпечилъ неприкосновенность чести революціонныхъ организацій.

*) Въ настоящее время „Рев. Рос." (№ 12) сообщаетъ, что Паули былъ исключенъ изъ „Аграрной Лиги". Если такъ, то почему въ прошлогоднемъ сообщеніи Лиги объ этомъ не было прямо сказано?

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Насъ просятъ помѣстить слѣдующее заявленіе:

Въ № 3 „Раб. Знамени", вышедшемъ въ прошломъ году, была помѣщена такая замѣтка: „Къ позорному столбу! Арабажинъ — петербургскій литераторъ и редакторъ. Выгораживаетъ себя въ глазахъ полиціи, выдавая неповинныхъ подчиненныхъ ему служащихъ".

Эта замѣтка, повидимому, относилась къ ходившему въ то время въ литературныхъ кругахъ опредѣленному слуху о томъ, что г. К. Арабажинъ (быв. издатель „Сѣв. Курьера") прикрылся именемъ одного изъ своихъ сотрудниковъ для того, чтобы избѣгнуть отвѣтственности передъ полиціей за участіе въ одномъ невинномъ литературномъ собраніи.

По просьбѣ нѣкоторыхъ знакомыхъ г. Арабажина, мы разсмотрѣли доставленные ими документы и пришли къ заключенію, что содержащееся въ вышеприведенной замѣткѣ обвиненіе основано на недоразумѣніи и что въ инцидентѣ, о которомъ упомянуто выше, г. Арабажинъ ничего предосудительнаго не совершилъ

В. Засуличъ. Г. Плехановъ. Л. Мартовъ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Получено: Черезъ моск. представ. отъ *** 400 руб., черезъ. Бл. 200 р., отъ буддиста 125 р., чер. секретарей 30 р., отъ стараго друга 700 мар., отъ лондонскаго соц.-дем. кружка 1 ф. ст., отъ сочувствующаго чер. Л. 2 фр. 20 сант., изъ К—а 10 руб., чер. Вас. Ник. отъ своихъ 200 руб., чер. Кольцова: за литерат. изъ Женевы 106 фр. 85 сант. и 81 фр. 85 сант., изъ Лозанны 12 фр., отъ лозанской группы 40 фр., отъ проѣзжаго 20 фр., за литературу 11 руб., изъ Льежа 80 фр., изъ Цюриха за литературу 32 ф., за чтеніе отъ радикала А. 50 фр., отъ стараго соц.-демократа 50 ф., изъ Москвы черезъ Мюнхенъ 50 фр.

Вышла въ изд. „Искры" новая брошюра: „Демонстранты передъ судомъ" (обвинительные акты по дѣл. о саратовской и нижегородской майской демонстраціяхъ, съ пред. редакціи).

Со всѣми требованіями на нашу литературу просимъ обращаться изъ заграницы по адресу: Herrn Axelrod. Zurich, Vogelsangstrasse 9.

Типографія „Искры".

Второй годъ изданія.

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 28 15-го ноября 1902 года. № 28

„МЕРТВЫЙ ХВАТАЕТЪ ЖИВОГО“.

(LE MORT SAISIT LE VIF.)

Соціалисты-революціонеры, стараясь убѣдить насъ въ спасительности политическихъ убійствъ для предохраненія демонстрантовъ отъ розогъ и нагаекъ, ссылались на „времена ‚Народной Воли‘“. Въ тѣ времена, говорится, напр., въ программной статьѣ № 7 „Рев. Рос.“, „правительство не осмѣливалось на такую наглость, какъ порка десятками своихъ политическихъ противниковъ“. Оно „втайнѣ боялось и уважало ихъ“. Ничего убѣдительнаго, положимъ, въ этой исторической ссылкѣ не было. Вѣдь во времена „Народной Воли“ не было и тѣни какихъ-нибудь открытыхъ проявленій народнаго недовольства, связанныхъ съ политикой. Даже начинавшія входить въ обычай демонстраціи на похоронахъ совершенно прекратились во времена террора. При народныхъ же „безпорядкахъ“ въ городахъ или деревняхъ, при всякихъ проявленіяхъ недовольства со стороны толпы, не принадлежащей къ „несѣкомымъ“ (какъ называлъ Герценъ наше привилегированное сословіе), національная розга гуляла на просторѣ во времена „Народной Воли“, какъ и во всѣ другія.

Теперь политика проникаетъ даже въ деревню, а въ городахъ нельзя представить себѣ „безпорядковъ“, совсѣмъ не связанныхъ съ политикой. Здѣсь народное недовольство слилось, срослось съ политикой, и въ этомъ именно заключается величайшее пріобрѣтеніе современнаго движенія и залогъ несомнѣнной побѣды. Положеніе не то, что иное, а прямо противоположное тому, что было во времена „Нар. Воли“. Но если ссылка на эти времена по поводу демонстрацій и не была убѣдительной, она, по крайней мѣрѣ, не находилась въ прямомъ противорѣчіи съ истиной. Во времена „Нар. Воли“ политическихъ заключенныхъ били кулаками, топтали ногами, изрѣдка колотили прикладами, но ни розгами, ни нагайками дѣйствительно не били. Теперь при проповѣди террора мѣсто демонстрацій заняли у соц.-рев. столкновенія въ тюрьмахъ, въ особенности же самое крупное изъ нихъ, одесское. Подробности этого жестокаго дѣла извѣстны нашимъ читателямъ.

Уже въ № 11 „Рев Рос.“, по его поводу, говорилось о необходимости „карающей руки“. Теперь передъ нами пріуроченное къ этой же исторіи воззваніе „Партіи ссц.-рев.“, озаглавленное: „Что дѣлать?“ и отвѣчающее, разумѣется, на этотъ вопросъ призывомъ къ террору*). Въ этомъ воззваніи опять имѣется ссылка на времена „Н. Воли“, на этотъ разъ находящаяся въ діаметральной противоположности съ истиной.

Въ тѣ времена, говоритъ прокламація, правительство „никогда, въ минуты самыхъ яростныхъ разгромовъ и ужасающей реакціи, не рѣшалось оскорблять достоинство своихъ противниковъ. Отправляя въ ссылку, на каторгу и висѣлицу, оно все же вынуждено было держать себя такъ, какъ держатъ съ противникомъ, котораго хотятъ уничтожить, но котораго боятся. Правительство знало, что за малѣйшее оскорбленіе чести революціонеровъ оно отвѣтитъ жестоко передъ ихъ товарищами. И это сознаніе передъ дѣйствующей партіей сдерживало разнузданность властей. Теперь этой разнузданности данъ широкій просторъ. И если мы хотимъ охранить нашихъ товарищей отъ насилія и оскорбленій и поддержать честь и достоинство революціонной партіи, мы должны“... заняться терроромъ. „Пусть эти палачи, отдающіе приказы объ избіеніи, выполняютъ приказы верховной власти. Но пусть они знаютъ, что за каждое выполненіе надъ революціонерами, ихъ ждетъ смерть. И пусть они тогда выбираютъ“.

Итакъ, во времена „Нар. Воли“ правительство не рѣшалось на насилія надъ заключенными. Оно не позволяло себѣ оскорбленій по ихъ адресу, и изъ этого слѣдуетъ, что посредствомъ политическихъ убійствъ можно предохранить нашихъ товарищей отъ повторенія насилій того рода, какія произошли въ Одессѣ. Что это? умышленное-ли игнорированіе во славу террора ужасающаго мартиролога заключенныхъ революціонеровъ во времена „Н. В.“, или незнаніе „писанія“ той самой религіи, которая такъ усиленно проповѣдуется?

Въ этомъ „писаніи“ засвидѣтельствовано, что съ того момента, какъ терроръ начинаетъ систематизироваться, онъ вызываетъ со стороны правительства все новыя и новыя жестокости въ тюрьмахъ, сопровождаемыя систематическимъ третированіемъ, умышленными оскорбленіями заключенныхъ. Это не мы говоримъ, объ этомъ вопіетъ вся народовольческая литература того времени. Въ „Вѣстн. Нар. Воли“, напр., въ статьѣ „Надгробное слово Александру II“, подробно разсказано, какъ за каждое, буквально за каждое политическое убійство или покушеніе накладывались все новыя, жестокія наказанія на заключенныхъ въ Новобѣлгородской центральной тюрьмѣ. По этимъ жестокостямъ они узнавали, что на волѣ что-то сдѣлано. Вмѣстѣ съ тѣмъ и обращеніе съ заключенными становилось все болѣе наглымъ и оскорбительнымъ, а малѣйшій протестъ вызывалъ дикія насилія.

Заключенные въ централкахъ не были террористами, но и несомнѣннымъ народовольцамъ въ Алексѣевск. равелинѣ свой „страхъ и уваженіе“ правительство выражало еще энергичнѣе. Тамъ систематическая грубость и цинизмъ по отношенію къ заключеннымъ превосходили всѣ предѣлы, а содержали ихъ такъ, что изъ 14, привезенныхъ туда по процессу А. Михайлова, въ первый же годъ умерло шестеро, а всѣ остальные были въ цынгѣ, истощены, совсѣмъ больны, чего начальство упорно „не замѣчало“, а докторъ, тыча въ ихъ распухшія ноги, говорилъ: „это еще пустяки“. Въ Шлиссельбургъ ихъ привезли потомъ, по выраженію Волькенштейнъ, „полусгнившими“.

Въ наиболѣе дикой и звѣрской формѣ разыгралось правительственное бѣшенство въ 1882 г. на Карѣ, при чемъ и тутъ также главное заключалось въ „канальскомъ третированіи“ заключенныхъ, „въ преднамѣренныхъ оскорбленіяхъ, въ звѣрскомъ и безчеловѣчномъ обращеніи съ больными“. Во время этой оргіи, — всюду, кромѣ Кары, гдѣ не было одиночекъ, — заключенные болѣли и умирали безъ всякаго ухода, въ полномъ одиночествѣ, запертые на замокъ въ тѣхъ же камерахъ, въ которыхъ жили. Такого систематическаго оскорбленія, третированія и вымариванія заключенныхъ какъ во времена „Н. Воли“, ни раньше, ни позже не практиковалось.

Мы никогда не приводили этого обстоятельства въ качествѣ аргумента противъ террора; не приводили потому, что, по нашему убѣжденію, революціонная соц.-демократія не можетъ и не должна руководствоваться предполагаемыми чувствами правительства. Она не должна добиваться ни его уваженія, ни снисходительности, ни бѣшенства, не должна позволить ему ни мягкостью, ни жестокостью вліять на свою тактику ни въ ту, ни въ другую сторону. Но когда насъ увѣряютъ, что „если мы хотимъ охранить нашихъ товарищей отъ насилій и оскорбленій“, то мы можемъ это сдѣлать посредствомъ политическихъ убійствъ, и при этомъ ссылаются на ту самую исторію, которая доказываетъ какъ разъ обратное, мы не имѣемъ права промолчать. Возможность помочь заключеннымъ товарищамъ такъ привлекательна, что для всѣхъ тѣхъ, кто на слово повѣрилъ бы соціал.-революц., эта возможность была бы лучшимъ аргументомъ въ пользу террора. Но на дѣлѣ и было и не могло не быть какъ разъ обратное. Личный страхъ, личное бѣшенство, вызываемыя покушеніями, могутъ еще внушить стремленіе задабривать (чтобы потомъ надуть) предполагаемыхъ попустителей-либераловъ, но ужъ никакъ не прямыхъ враговъ — революціонеровъ.

„И пусть они тогда выбираютъ“, говоритъ „Пар. соц.рев.“

Въ такія времена, когда сверху идутъ экстраординарно жестокіе приказы, „выборъ“, или вѣрнѣе, „подборъ“, дѣйствительно происходитъ. Робкіе люди выходятъ въ отставку или ихъ смѣщаютъ. То же случается съ людьми сравнительно порядочными, какъ Кононовичъ, отказавшійся играть роль палача при казни карійцевъ за покушенія, происходящія въ Петербургѣ. Ихъ мѣста занимаютъ проходимцы, способные на нѣкоторый рискъ, вознаграждаемый большими выгодами.

* * *

„Р. Рос.“ желала бы, чтобы мы судили о взглядахъ „Парт. с.-рев.“ только по ея „программнымъ“ статьямъ. Такая статья о террорѣ (въ № 7) написана очень осторожно, старается не бить посуды, все оставить на мѣстѣ и только прибавить отдѣленную отъ этого всего, „боевую организацію“, заинющуюся „казнями“. Но у террора своя логика, заставляющая соц.-рев., говоря о немъ, постоянно противорѣчить своей „програмѣ“ и выяснять постепенно самую сущность ихъ разногласій съ нами по этому вопросу.

Среди этихъ противорѣчащихъ „програмѣ“ статей и заявленій въ высшей степени характерными являются упомянутая уже нами прокламація и передовая статья въ № 12 „Рев. Рос.“. Эта прокламація начинается съ описанія одесскаго побоища и перечисленія ряда другихъ полицейскихъ безобразій, и затѣмъ объявляетъ, что во всемъ этомъ виноваты именно мы тѣмъ, что „въ теченіе 15 лѣтъ мы какъ бы старались убить въ себѣ духъ прежняго революціонера. Мы вытравляли въ себѣ и другихъ всякій протестъ и своимъ послушаніемъ дошли до какого-то непротивленія злу... Мы никогда не давали отпора... Мы только бумажными жалобами отвѣчали на всѣ мерзости и гнусности полиціи и жандармеріи.... Мы перестали быть въ ихъ глазахъ революціонерами, которые съ оружіемъ въ рукахъ готовы раньше всего защищать свое достоинство и честь, и насъ перестали бояться“.

Та же картина нашего ужасающаго нравственнаго паденія, отъ котораго насъ можетъ спасти только терроръ, рисуется и въ передовой статьѣ № 12 „Рев. Рос.“ Не отвѣчая единичными политическими убійствами на тюремныя безобразія, мы развиваемъ въ себѣ „рабью психологію“, подвергаемъ партію опасности „полной деморализаціи“.

Въ такомъ видѣ представляется соц.-революціонерамъ современное движеніе, если исключить изъ картины нѣсколько выстрѣловъ.

А мы убѣждены, что только за послѣдніе десять лѣтъ въ Россіи и началось настоящее революціонное движеніе.

Въ глазахъ соц.-рев. революціонно только дѣйствіе оружіемъ и, пока сраженія на улицахъ еще не начались, — только террористическіе факты, а мы именно потому-то и противъ террора, что онъ не революціоненъ, что его породила и вспоила въ концѣ 70-хъ годовъ не сила, а безсиліе революціонеровъ сдѣлать хоть что-либо для приближенія революціи. Террористы были, конечно, революціонерами, но жили въ ту нереволюціонную эпоху, когда выработавшійся въ революціонера студентъ постепенно убѣдился въ невозможности для него выйти за предѣлы все того же студенчества и соединиться съ народомъ. Вся его вѣра, всѣ надежды пріурочивались къ крестьянству, а въ результатѣ многолѣтнихъ страстныхъ усилій оказался только одинъ можности вліять на крестьянъ. Революціонерамъ, оставшимся до мозга костей революціонерами и убѣдившимся, что упорствовать въ стремленіи сдѣлать хоть что-нибудь для приближенія народной революціи, значитъ „биться какъ рыба объ ледъ“, собственно говоря, ничего и не оставалось, какъ сосредоточить всѣ свои помыслы на себѣ самихъ, на мести за товарищей, на томъ, какъ подороже продать свою жизнь при арестахъ.

Революціонеръ это человѣкъ, готовый раньше всего съ оружіемъ въ рукахъ защищать свое достоинство и свою честь, говоритъ „Партія соц.-рев.“; онъ долженъ убѣдить правительство, что въ его лицѣ оно имѣетъ дѣло не съ подданнымъ... Онъ долженъ стараться о томъ, чтобы правительство его боялось...

„Раньше всего“ и на первомъ планѣ все это можетъ стоять у революціонера лишь въ такое время, когда нѣтъ растущаго и развивающагося движенія, и вся революція „сводится на борьбу между полиціей и конспираторами“, какъ говоритъ Андрей Кожуховъ въ романѣ Степняка.

Когда поле движенія непрерывно расширяется, когда работы, направленной на это расширеніе, больше, чѣмъ возможно передѣлать, революціонеръ „раньше всего“ постоянный работникъ движенія, онъ его должностное лицо, отдающее работѣ всѣ свои силы. Въ качествѣ революціонера (а не частнаго лица), его „достоинство“ всецѣло сливается съ достоинствами его работы, а революціонная честь въ томъ, чтобы сдѣлать какъ можно больше. Ему нѣтъ никакого дѣла до чувствъ къ нему правительства. Уже болѣе ста лѣтъ, какъ это правительство постоянно боится революціонера, даже тогда, когда его почти нѣтъ и выражаетъ избытокъ страха въ усиленіи жандармеріи и избыткѣ всякихъ жестокостей. Это у него хроническая болѣзнь съ неизмѣннымъ лѣченіемъ. Этотъ страхъ намъ ни въ чемъ не поможетъ — нуженъ иной, дѣйствительно спасительный.

Для революціонера дѣло совсѣмъ не въ томъ, чтобы убѣдить правительство въ своемъ персональномъ неподданствѣ ему, а въ томъ, чтобы безпрерывно уменьшать количество его подданныхъ, но ужъ никакъ не единичными убійствами, которыми, даже забросивши всякую другую дѣятельность, можно истребить лишь десятки, а разливомъ революціонной мысли и революціоннаго настроенія въ тысячахъ, пока они не превратятся въ милліоны.

Вѣра молодежи 60-хъ и 70-хъ годовъ въ близкую возможность крестьянскаго возстанія основывалась на незнаніи: чтобы сохраняться, ей нужно было оставаться слѣпою; отъ близкаго соприкосновенія съ дѣйствительностью она исчезала. Только теперь, когда въ Россіи началось дѣйствительное броженіе, распространяющееся во всѣ стороны, возникло впервые и серьезное убѣжденіе въ возможности революціи, въ ея неизбѣжности. И это убѣжденіе, выйдя далеко за предѣлы учащейся молодежи, распространяется все шире и шире, питаясь именно впечатлѣніями дѣйствительности. Оно побѣждаетъ скептиковъ, захватываетъ даже трезвенныхъ либераловъ (съ прибавленіемъ, конечно: „если раньше не будетъ дано конституціи“) и когда проникнетъ въ среду правительственныхъ слугъ, оно вызоветъ, наконецъ, тотъ спасительный страхъ, который ослабляетъ удары. Широкое распространеніе убѣжденія въ близости революціи — это уже само по себѣ половина побѣды.

Что терроръ тѣсно связанъ съ отчаяніемъ революціонеровъ въ возможности работать для приближенія революціи это какъ будто чувствуютъ сами писатели „Партіи соц.-рев.“. Только этимъ можно объяснить ихъ судорожныя (быть можетъ, безсознательныя) усилія создать атмосферу отчаянія также и вокругъ теперешняго бодраго а полнаго вѣры въ себя движенія. Позоръ, позоръ, позоръ! кричали они про демонстраціи. Партія обезчещена, унижена, оплевана, и какъ тамъ еще! Даже красное знамя, и то опозорено тѣмъ, что его отнимаетъ полиція, которая, на ихъ страницахъ, все хохочетъ, да хохочетъ, — ужь такая смѣшливая! Аналогичное употребленіе дѣлаютъ они теперь и изъ тюремныхъ исторій. Что наша полиція вещь въ высшей степени дикая и звѣрская, а тюрьма очень непріятна — это что и говорить! Что голодовки въ высшей степени вредны для здоровья — это болѣе, чѣмъ вѣрно, и революціонерамъ слѣдуетъ серьезно подумать объ этомъ слишкомъ распространившемся способѣ тюремнаго протеста, подрывающаго силы, которыя слѣдуетъ беречь для работы. Но для соц.-рев. изъ тюремныхъ исторій и голодовокъ вытекаетъ такой вопросъ: „да стоитъ-ли отдаваться живыми въ руки, если въ тюрьмѣ, быть можетъ, ждетъ медленная смерть?... Зачѣмъ безсильно умирать медленною смертью въ рукахъ торжествующаго врага, зачѣмъ замучивать себя самого въ порывѣ отчаяннаго протеста? Коли смерть, такъ ужъ лучше смерть съ оружіемъ въ рукахъ, смерть, которая обходится не дешево и врагу!“ („Рев. Рос.“, № 12)

На такой отчаянный вопросъ простымъ отвѣтомъ служитъ переполненіе тюремъ, которое теперь происходитъ. Вѣдь не то что записного революціонера — трудно найти теперь просто порядочнаго человѣка, который не посидѣлъ бы разокъ-другой въ тюрьмѣ. Слишкомъ вульгаризировалось теперь политическое гоненіе, чтобы вселять такой ужасъ, въ особенности же „сильнымъ и мужественнымъ натурамъ“, у которыхъ, по увѣренію „Рев. Рос.“, возникаетъ вышеприведенный роковой вопросъ. Слишкомъ много теперь для такихъ натуръ конкретной работы, дающей осязательные результаты, чтобы онѣ могли предпочитать немедленное удаленіе въ иной міръ — жизни въ этомъ, хотя бы и съ перспективой тюремныхъ исторій и даже побоевъ за сопротивленіе. Чтобы такой вопросъ пришелъ въ голову „сильному и мужественному“ революціонеру, надо, чтобы его охватила, черезъ то или другое посредство, нравственная атмосфера былыхъ, безнадежныхъ, къ счастью навѣки миновавшихъ временъ, когда революціонеру ничего не остава-

*) Кстати, въ томъ же воззваніи говорится, что „Искра“ „рекомендуетъ... сопротивленіе самими заключенными всѣми способами палачамъ и насильникамъ“, что это сопротивленіе влечетъ за собою дикія насилія, приводящія къ самоубійствамъ, — доказательствомъ чему служатъ ужасы, разыгравшіеся въ одесской тюрьмѣ, и, поэтому, партія не можетъ „не клеймить попытку возвести самоубійство въ систему“.

Это не болѣе, какъ попытка возвести на „Искру“ ложное обвиненіе. Она совѣтовала оказывать сопротивленіе наказанію розгами, съ которыми въ Россіи связанъ специфическій условно унизительный смыслъ. Сопротивленіе можетъ, несомнѣнно, отнять у него этотъ смыслъ, превращая „наказаніе“ въ простое избіеніе, которое является большимъ злодѣйствомъ, все же ничего унизительнаго для потерпѣвшаго въ себѣ не заключаетъ. Но „Искра“ никогда не совѣтовала оказывать сопротивленіе во всѣхъ случаяхъ тюремной жизни, хотя бы при переводѣ въ другую тюрьму или даже при перемѣщеніи въ карцеръ. Если въ такихъ

ШУЛЕРА СЛАВЯНОФИЛЬСТВА.

Если у васъ, читатель, недурное обоняніе, вы должны были обнаружить въ нашей атмосферѣ присутствіе подозрительныхъ токовъ „всеславянской“ политики...

Снова, о россійскій обыватель, дѣлается попытка открыть предохранительный клапанъ оффиціознаго славянофильства, чтобы дать выходъ избытку твоихъ гражданскихъ чувствъ. Снова, какъ двадцать пять лѣтъ тому назадъ, газетные подрядчики патріотизма извлекаютъ изъ своихъ архивовъ временно сданныя туда, на предметъ востребованія, идеи всеславянскаго братства и съ шумомъ и звономъ пускаютъ ихъ въ оборотъ...

Недавно Болгарія была мѣстомъ „шипкинскихъ“ юбилейныхъ празднествъ. Редакціямъ безцензурныхъ изданій былъ разосланъ циркуляръ, который предлагалъ представителямъ русской печати, какъ вообще русскимъ подданнымъ, которые будутъ присутствовать на означенныхъ торжествахъ, — „воздержаться отъ произнесенія рѣчей или тостовъ“, въ виду того, что эти права „предоставлены лишь Е. И. В. Вел. Кн. Николаю Николаевичу и ген.-адъютанту гр. Игнатьеву“... тому самому Игнатьеву, который, по наглому увѣренію „Нов. Вр.“, выступалъ въ Болгаріи исключительно, какъ частное лицо.

Графъ Игнатьевъ держалъ себя на юбилейныхъ празднествахъ съ дипломатическимъ искусствомъ агента-провокатора, который каждую минуту готовъ предать того, кого ему удалось завлечь своими рѣчами. Въ настоящее время „С.-Петерб. Вѣд.“ — газета, у которой много хорошихъ намѣреній, но обидно мало политическаго смысла — говорятъ: „Странно до нѣкоторой степени слышать мнѣніе о томъ, будто бы шипкинскія торжества толкнули Македонію на путь возстанія“... (курсивъ нашъ). Странно — только до нѣкоторой степени? Значитъ, „до нѣкоторой степени“ все-таки — понятно? Того же мнѣнія и мы. Правда, графъ-провокаторъ выразилъ ту мысль, что для освобожденія Македоніи еще не наступилъ благопріятный „психологическій моментъ“, — но тутъ же онъ указалъ, что „Россія — духовный и вещественный щитъ славянства. Въ ней живутъ еще великіе идеалы. Она способна еще на новый „крестовый“ походъ, какимъ была война 77-78 годовъ.“ Ораторъ-монополистъ, подъ лицемѣрно-двусмысленными словами котораго, по увѣренію „Нов. Вр.“ „подпишется всякій русскій человѣкъ“ (тотъ самый русскій человѣкъ, которому циркуляромъ за № 7784 предложено „воздержаться“ отъ рѣчей), гр. Игнатьевъ, сыгравъ свою провокаціонную роль, выразилъ затѣмъ въ особой телеграммѣ „сожалѣніе“ по поводу „напрасныхъ жертвъ македонскаго возстанія“: очевидно, нетерпѣливые болгары опередили „психологическій моментъ“.

Какъ же держатъ себя въ этомъ случаѣ наши газетные балканскихъ дѣлъ мастера?

Мы оставляемъ въ сторонѣ всеславянскую болтовню „СПБ. В.“, въ виду абсолютной невмѣняемости консервативно-либеральной газеты князя Ухтомскаго. „Бирж. В.“, которыя въ смыслѣ „отзывчивости“ и „впечатлительности“ стараются соперничать съ „Н. В.“, въ нѣсколько дней замѣтно измѣнили тонъ своихъ статей о балканскихъ дѣлахъ. Только вчера онѣ рѣзко отзывались о македонскомъ возстаніи, какъ о несвоевременной и безумной авантюрѣ. Сегодня онѣ говорятъ уже такія рѣчи: „Менѣе, чѣмъ гдѣ-либо у насъ допускаютъ мысль о какихъ-либо аггрессивныхъ планахъ противъ Турціи, но нѣтъ также страны въ Европѣ, гдѣ вопли и стоны Македонскихъ христіанъ отзываются болѣе мучительнымъ эхо, чѣмъ въ Россіи. Политика, упорно не желавшая считаться съ естественнымъ сочувствіемъ Россіи къ ея единовѣрцамъ, всегда оказывалась губительной для имперіи османовъ“.

„Не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, — іезуитствуетъ на ту же тему „Нов. Вр.“ — что каждый сознательный русскій искренно желаетъ мира... Но кто же можетъ не знать, что шипкинскіе [illegible] и укрѣпляютъ въ насъ ничѣмъ не поколебимую рѣшимость остаться навсегда вѣрнымъ завѣтамъ, въ нихъ содержимымъ, поддерживать и продолжать дѣло, за которое страдали и гибли чествуемые нами“.

На похоже-ли, читатель, на то, что разбитной газетной братіи заказано сверху изготовить „психологическій моментъ“? Но чему послужитъ этотъ „моментъ“? Дѣлу македонскаго освобожденія? Или эксплуатаціи „славянскихъ“ чувствъ въ цѣляхъ укрѣпленія позицій самодержавной бюрократіи? Вопросъ, у котораго можетъ быть только одно рѣшеніе.

Поэтому, какое бы сочувствіе ни возбудило въ насъ македонское возстаніе, мы не можемъ не отнестись отрицательно ко всякому движенію въ пользу его активной поддержки со стороны русскаго общества, лишеннаго тѣхъ органовъ, черезъ которые оно могло бы провести свою коллективную волю. Всякое національное движеніе, какъ только оно перестаетъ быть платоническимъ, неминуемо проходитъ у насъ черезъ грязныя руки царскаго правительства, которое съ собственнымъ народомъ обращается, какъ съ презрѣнной райей. Нельзя ни на минуту забывать, что „турецкіе порядки въ Россіи въ теченіи всего XIX в. были лучшею опорою турецкаго господства въ Константинополѣ“ (Драгомановъ, „Турки внутренніе и внѣшніе“).

Турки пытаютъ македонскихъ болгаръ въ казематахъ, истязуютъ ихъ въ домахъ, насилуютъ ихъ женъ, ихъ дочерей, ихъ сестеръ, избиваютъ ихъ дѣтей, грабятъ ихъ имущество... Долго-ли это можетъ продолжаться? негодующе спрашиваютъ „СПБ. Вѣд.“

Но почему же вы молчите, господа, когда ваши домашніе курды выполняютъ ту же турецкую программу на вашей несчастной родинѣ? Развѣ наши тюрьмы лучше турецкихъ? Развѣ тамъ не истязаютъ государственныхъ заключенныхъ, — нравственно, а въ послѣднее время и физически? Развѣ наши солдаты-усмирители не насиловали женъ и дочерей полтавскихъ крестьянъ? Развѣ они не грабили ихъ имущества? Почему же не призываете вы къ „крестовому“ походу противъ бусурманъ царизма?

Графъ Игнатьевъ имѣлъ нахальство сказать чествовавшимъ его представителямъ оффиціальной Болгаріи: „Устройте ваши внутреннія дѣла, — и симпатіи Россіи будутъ съ вами“. Эти изумительно наглыя слова были сказаны, читатель, въ 1902 г. Въ томъ самомъ 1902 г., когда русское правительство, устроя „внутреннія дѣла“, вѣшало своихъ гражданъ, выражавшихъ ему недовѣріе при помощи пистолетныхъ выстрѣловъ, сражалось на улицахъ съ рабочими, заполняло тюрьмы и Сибирь своими студентами и пороло своихъ мужиковъ.

И это самое правительство парадируетъ въ тогѣ освободителя. А „руководящія“ русскія газеты создаютъ благопріятный „психологическій моментъ“ этимъ политическимъ шулерамъ, спекулирующимъ во внутренней политикѣ на македонскую кровь.

Тѣ изъ возставшихъ болгаръ, которымъ нужна свобода, а не замѣна турецкаго ягатана всероссійской нагайкой, поймутъ наше отношеніе къ ихъ дѣлу, какъ и мы вполнѣ понимаемъ слова генерала Цончева: „Возстаніе будетъ потоплено въ крови... Но встанетъ новый мститель, и освобожденный македонецъ сможетъ сказать, что онъ обошелся безъ помощи, которая часто стоитъ такъ дорого...“

Вотъ почему друзья свободы должны употребить всѣ усилія, чтобы славянофильское шарлатанство правящей клики и ея газетныхъ молодцовъ было оставлено революціонными и оппозиціонными силами нашего общества „безъ послѣдствій“.

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

ВЪ ТЮРЕМНЫХЪ ЗАСТѢНКАХЪ.

Изъ разныхъ мѣстъ приходятъ новыя и новыя вѣсти о возмутительныхъ насиліяхъ, которымъ подвергаются политическіе заключенные. Нѣтъ никакой возможности помѣщать въ газетѣ всѣ описанія дикихъ беззаконій царскихъ холоповъ. Мы ограничиваемся, поэтому, для этого номера, двумя сообщеніями — изъ Александровска, Екатерин. губ., и изъ Гродно.

Бѣшенство, проявляемое нашими врагами по отношенію къ плѣннымъ, не можетъ, само собой разумѣется, служить достаточнымъ основаніемъ для перемѣны нашей партійной тактики. Но всѣ факты дикаго произвола политической и общей полиціи должны въ рукахъ нашихъ организацій послужить средствомъ агитаціи въ рабочихъ массахъ и въ обществѣ. Исчерпывающій отвѣтъ на бросаемые намъ врагами вызовы мы имъ дадимъ тогда, когда начнется разрушеніе народной толпой русскихъ Бастилій. Это время не за горами. Нашъ долгъ приблизить его наступленіе.

I. Истязаніе тов. Голуба въ Александровскѣ.

(Разсказано съ его словъ.)

30 апрѣля Голубъ пріѣхалъ въ Екатеринославъ и, оставивъ чемоданъ у Каплана, былъ арестованъ на улицѣ городовымъ по указанію шпіоновъ и препровожденъ во 2-й участокъ. При обыскѣ у Каплана, въ чемоданѣ, оставленномъ Голубомъ, оказались 844 первомайскихъ прокламацій. На вопросъ исправника, откуда и кому онъ это привезъ, Голубъ сказалъ, что будетъ отвѣчать только жандармскому офицеру. Исправникъ не ожидалъ такого отвѣта, а потому разразился цѣлымъ потокомъ нецензурныхъ ругательствъ. Видя, что и эта мѣра ни къ чему не приведетъ, надзиратель Поручко, послѣ непродолжительнаго совѣщанія съ исправникомъ Бернадскимъ и достойнымъ помощникомъ Анфиловымъ, обращается къ Голубу, предлагая ему немедленное освобожденіе и 100 руб. денегъ отъ исправника, если только онъ скажетъ, гдѣ онъ взялъ прокламаціи и кому привезъ.

„Слишкомъ дешевый способъ, Вы предприняли, Милостивый Государь, съ улыбкой отвѣтилъ ему Голубъ, повторяю, что показанія буду давать только жандармскому офицеру“. Квартиру осаждала толпа любопытныхъ. Голуба отправили въ Полицейское Управленіе.

Въ полиціи, послѣ новаго отказа Голуба отвѣчать на вопросы, его избили. Били исправникъ Бернадскій, помощникъ его Анфиловъ и надзиратель Поручко, по лицу и головѣ кулаками; когда же и эта мѣра не привела ни къ чему, Анфиловъ, проявлявшій усердіе въ этомъ дѣлѣ больше всѣхъ, велѣлъ принести нагайку, говоря, что теперь Голубъ станетъ посговорчивѣе.

Голуба раздѣли до нага, положили на скамейку; городовымъ: Гуртовскому и Киріенко и др. велѣно было держать голову и ноги. На этотъ разъ били только Анфиловъ и Поручко, Бернадскій же допрашивалъ. Истязанія длились часа два. При пощечинѣ Голубъ ступилъ было шагъ впередъ къ Анфилову, но сзади на него навалилось шесть городовыхъ и связали ему руки.

На требованіе Голуба о вызовѣ врача для освидѣтельствованія отвѣтили смѣхомъ.

3 мая былъ у насъ товарищъ прокурора Рейхеръ. Выслушавъ жалобу Голуба, онъ что-то записалъ у себя въ книжку и сдѣлалъ распоряженіе объ освидѣтельствованіи его. На слѣдующій день прибылъ городовой (полицейскій) врачъ, М. Л. Гаръ, освидѣтельствовалъ Голуба, но не нашелъ слѣдовъ истязаній(!), такъ, по крайней мѣрѣ, сказано въ протоколѣ освидѣтельствованія, тѣмъ не менѣе, Гаръ прописалъ Голубу лѣкарство.

II. Письмо рабочаго изъ Гродненской тюрьмы.

Намъ передаютъ, что въ Одессѣ циркулируютъ невѣрные слухи о жестокой администраціи нашей тюрьмы, что тамъ не знаютъ, вѣрить или не вѣрить этимъ слухамъ, которые представляются прямо таки чудовищными. Мы спѣшимъ настоящимъ письмомъ повѣдать товарищамъ дѣйствительное положеніе заключенныхъ въ гродненской тюрьмѣ. Насъ, 18 человѣкъ, послѣ 12 дневной голодовки въ Одесской тюрьмѣ, выслали въ Гродно. Уѣхали мы, не простившись съ родными, безъ платья, бѣлья, сапогъ и безъ денегъ на дорогу. Правительство, боясь сочувственныхъ демонстрацій со стороны товарищей во всѣхъ городахъ при встрѣчѣ съ нами, велѣло переправить насъ въ Гродно какъ можно поскорѣе и секретнѣе. Вслѣдствіе этого намъ не дали извѣстить родныхъ объ отъѣздѣ. Никакіе протесты и требованія не помогли. Жестокость этого поступка станетъ яснѣе, если мы примемъ во вниманіе, что большинству высланныхъ предстоитъ изъ Гродно отправиться въ Сибирь.

Во исполненіе приказанія „свыше“ — перевезти насъ безъ шума, — намъ не было объявлено, куда насъ отправляютъ. Узнали мы это только въ двухъ станціяхъ отъ Гродно. Въ конторѣ гродненской тюрьмы насъ начали поодиночкѣ обыскивать. Обыскивали въ присутствіи начальника въ отдѣльной комнатѣ. Вызвали первымъ товарища С. Р. Вскорѣ мы услышали шумъ изъ той комнаты, куда вошелъ Р. Мы подошли къ дверямъ и начали прислушиваться. Оказалось, что начальникъ вздумалъ обращаться съ товарищемъ на „ты“, послѣдній протестовалъ противъ этой грубости. Увидя, что мы возмущены и возбуждены его дерзостью, начальникъ шепнулъ что-то на ухо старшему надзирателю, и тотъ вышелъ. Черезъ четверть часа къ намъ въ контору вошло 20 вооруженныхъ солдатъ и надзирателей „на всякій случай“.

Р. увели. Мы въ тотъ моментъ думали, что его повели въ камеру, но, какъ оказалось впослѣдствіи, его прямо изъ конторы потащили въ карцеръ на 7 сутокъ. И это послѣ 12 дневной голодовки и 2 суточной ѣзды по желѣзной дорогѣ въ душномъ и тѣсномъ вагонѣ. Несмотря на то, что у насъ слѣдствіе у всѣхъ давно кончилось, и въ Одессѣ мы сидѣли въ общихъ камерахъ и гуляли вмѣстѣ, насъ здѣсь размѣстили по одиночнымъ камерамъ и постарались разорвать всякія сношенія между нами. Всякій революціонеръ, вступая въ движеніе, заранѣе знаетъ, что въ случаѣ ареста ему нечего ожидать себѣ пощады отъ царскаго правительства. Онъ знаетъ, что царскіе опричники постараются дать ему почувствовать всю тяжесть силы, орудующей штыками и нагайками. Знаетъ онъ также и то, что, попадая въ тюрьму, революціонеръ вынужденъ продолжать ту же тяжелую борьбу со своимъ заклятымъ врагомъ — правительствомъ, которую онъ ведетъ на свободѣ. Такая борьба ведется въ настоящее время во всѣхъ тюрьмахъ Россіи. Но успѣшна она бываетъ только тогда, когда она ведется дружными и общими силами. Примѣромъ такой доблестной борьбы можетъ послужить одесская тюрьма, которая за два года превратилась изъ ада въ „гостинницу“, какъ ее называютъ тѣ, которые сидѣли при ея строгомъ режимѣ. Неуспѣшность нашей борьбы въ гродненской тюрьмѣ объясняется сильнѣйшимъ физическимъ истощеніемъ послѣ 12 дневной голодовки и полнѣйшимъ невѣденіемъ объ участи другихъ товарищей. Бороться пришлось каждому въ отдѣльности, а потому было очень легко съ нами „сладить“.

А бороться было противъ чего.

Начать хотя бы съ того, что насъ лишили табаку, давали самую отвратительную пищу, сырой хлѣбъ, перемѣшанный съ пескомъ, вызывавшій такую тошноту, что многіе изъ насъ предпочитали ѣсть его разъ въ два дня, а остальное время голодать. Койку на цѣлый день закрывали, не смотря на то, что всѣ еле держались на ногахъ отъ страшной слабости послѣ голода. Но всѣ эти лишенія кажутся незначительными въ сравненіи съ наглымъ обращеніемъ начальника тюрьмы съ нами. Мы теперь приведемъ нѣсколько примѣровъ такого обращенія. На другое утро по прибытіи въ гродненскую тюрьму большинство изъ насъ сидѣло по карцерамъ за нежеланіе подчиниться приказанію надзирателя сойти съ оконъ. Наказывали насъ, не предупреждая о „проступкахъ“, влекущихъ за собой наказаніе. Обыкновенно это происходило слѣдующимъ образомъ:

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ПРОПАГАНДИСТА.

I. Борьба.

Я пытаюсь намѣтить типъ рабочаго „книжника“, „идеалиста“. У меня было нѣсколько друзей въ этомъ родѣ. Двое изъ нихъ, насколько я знаю, находятся именно въ томъ положеніи, которое я описываю. Ужасное положеніе, хуже всякой „Якутки“. Хорошо, если они сохраняютъ возможность писать или получать время отъ времени по нѣсколько рублей отъ „Краснаго Креста“. Нерѣдко, къ сожалѣнію, эти люди теряютъ всѣ связи.

Авторъ.

„И одинъ въ полѣ воинъ.“

Съ далекаго неба на сонную землю снова спустилась ласковая короткая весенняя ночь, накинувшая легкое прозрачное покрывало и на широко раскинувшійся лугъ, и на всплескивающую сквозь сонъ рѣчку, и на холмы, убѣгающіе вплоть до самаго горизонта и кое-гдѣ чернѣющіе таинственно затихшими перелѣсками. Послѣдняя, почти потухшая заря медленно подвигалась къ сѣверу. Чуткій воздухъ жадно подхватывалъ каждый звукъ: и торопливый посвистъ перепела, и настойчивый самоувѣренный крикъ коростеля. Съ рѣки благоговѣйно тянулись къ небу бѣлыя прозрачныя тѣни; онѣ нагибались къ берегу, наплывали на лугъ и медленно таяли въ воздухѣ.

Стреноженныя лошади, пофыркивая, щипали бѣлѣющую отъ росы траву. Пріѣхавшіе въ ночное ребята уже спали вокругъ дымившагося костра. Не спалъ только высланный изъ Петербурга ткачъ Василій, да дежурившій эту ночь молодой, здоровый мужикъ Степанъ, который обходилъ лошадей, и высокая фигура котораго мелькала въ прибрежномъ туманѣ.

Василій пристально смотрѣлъ на угли догоравшаго костра, и блѣдное, худое лицо его казалось еще блѣднѣе въ полусвѣтѣ сѣверной ночи. Онъ былъ еще молодъ: рѣдкая короткая бороденка слабо оттѣняла продолговатое лицо его, — но выраженіе серьезныхъ, впавшихъ глазъ и очертаніе безкровныхъ крѣпко сжатыхъ губъ ясно говорили о томъ, что ему пришлось пережить уже много тяжелыхъ дней, что жизнь не баюкала его, какъ мать, колыбельною пѣснью и не заглядывала любовно въ душу его, а какъ злая мачиха толкала его, рвала и метала его въ разныя стороны. Что-то скорбное, придавленное и безконечно усталое отражалось на этомъ лицѣ, которое на первый родственника, которая косилась на его полугородской костюмъ, враждебно слѣдила за каждымъ его шагомъ, считая завистливо каждый кусокъ, достававшійся на его долю. Отъ хозяйства отца давно не осталось ни кола, ни двора, а землю на полторы души уже лѣтъ пятнадцать держалъ „за подати“ этотъ самый родственникъ, который круглый годъ перебивался съ хлѣба на квасъ. Опасаясь за „полторы души“, которыя онъ давно уже привыкъ считать своими, онъ только и думалъ о томъ, какъ бы ему избавиться отъ неожиданно навязаннаго ему „барчука“. Василій никогда раньше въ деревнѣ не жилъ и не умѣлъ даже рукъ приложить къ деревенской работѣ. Отношеніе хозяина сдѣлалось прямо злобнымъ, когда онъ понялъ, что слабосильный, слабогрудый „барчукъ“ является рѣшительно ненужнымъ въ его хозяйствѣ. Василій живо чувствовалъ всю унизительность своего положенія, а мелкія придирки и насмѣшки, самое названіе „барчукъ“ часто выводили его изъ себя. Весь строй его жизни рѣзко измѣнился, и онъ до сихъ поръ не могъ привыкнуть къ тому, что въ карманѣ его никогда не было ни копѣйки своихъ денегъ: пришлось отказаться даже отъ махорки, приходилось привыкать къ лаптямъ. Но хуже всего было то, что онъ не видѣлъ кругомъ себя ни одного человѣка, съ которымъ онъ могъ бы перекинуться душевнымъ словомъ; онъ чувствовалъ себя глубоко одинокимъ и затерянным въ глухой деревушкѣ, къ которой былъ приписанъ его отецъ. Все это дѣлало его жизнь въ деревнѣ совершенно невыносимой, и онъ часто съ тоскою и сожалѣніемъ вспоминалъ о томъ времени, когда онъ изо дня въ день долженъ былъ задыхаться на пыльной фабрикѣ и на Петербургской квартирѣ, биткомъ набитой фабричными.

У костра снова выросла фигура Степана съ рваннымъ армякомъ на плечахъ и съ смятымъ картузомъ на затылкѣ. Онъ поправилъ костеръ, подложилъ нѣсколько хворостинъ въ огонь, взялъ заскрузлыми пальцами уголекъ и закурилъ „цыгарку“, освѣтивъ на минуту сильно загорѣлое и изрытое оспою лицо. Онъ еще разъ оглянулся на широкій лугъ, который подъ туманной дымкой раздвинулся, казалось, чуть не до самаго горизонта, и глубоко вздохнулъ: „эхъ, простору-то, простору-то сколько! Благодать!“

„Ты чего, барчукъ, не спишь?“ обратился онъ къ Василію. „Чего тебя нынче урядникъ опять облаялъ? а?“ прибавилъ онъ, разстилая армякъ и растягиваясь на немъ во всю длину.

Василій зашевелился. „Урядникъ-то? сволочи! медленно, словно черезъ силу, проговорилъ онъ: за письмо; письмо, вишь, начальству не понравилось...“

„Братишка у меня въ Питерѣ остался. Мальцу девятый годъ пошелъ. Малый съ мозгомъ: все какъ есть понимаетъ...“

„Мать-то, какъ помирала, на меня оставила, — какъ сейчасъ помню, — Господомъ Богомъ молила... Ему тогда третій годъ

„Я съ мальцомъ, какъ съ сыномъ роднымъ: грамотѣ обучалъ и все... Ласковый былъ мальченка: обѣдъ мнѣ на фабрику таскалъ, чулки штопать обучился...“

„Бывало, соберутся ребята потолковать, сидишь до поздней ночи, никогда не уснетъ: слушаетъ. Какъ съ обыскомъ пришли, полѣзъ городовой къ нему подъ подушку, онъ городовому палецъ-то и укусилъ. Въ протоколъ занесли: „при исполненіи служебныхъ обязанностей“...

„Да! — И забрали малаго въ какой-то пріютъ, для исправленія. (Шибко, говорятъ, порютъ ребятъ тамъ.) Окромя его, у меня и родныхъ почитай и нѣту. Сердце у меня объ немъ каждый день болитъ: изуродуютъ, гляди, малаго: либо изъ него лакея, либо жандарма сдѣлаютъ, А я матери обѣтъ далъ. Ну, и нѣтъ мнѣ больше покою, — ни день, ни ночь...“

„И написалъ я ему, стало быть, письмо: помни, молъ, о нашихъ разговорахъ и на свою башку надѣйся, и знай, что обманывать тебя много будутъ. Письмо это и попадись по начальству: не понравилось! Уряднику безпокойство, онъ и норовитъ въ зубы. Ну, а я тоже виды видалъ...“

Василій замолчалъ.

„Пороть тебя, слышь, будутъ!“ — сквозь зубы пробурчалъ Степанъ.

Василій привсталъ и нервно запахнулъ свой армякъ. Усталое скорбное выраженіе исчезло съ лица, глаза оживились, а губы трогала насмѣшливая улыбка. „Насчетъ этого у васъ, дѣйствительно, просторно, — проговорилъ онъ совсѣмъ другимъ голосомъ, — только нѣтъ! — убить меня вы можете, а насчетъ тѣлеснаго наказанія... нѣ-ѣтъ! — посторонись...“

Онъ отодвинулся отъ огня и быстрымъ движеніемъ сдвинулъ картузъ на затылокъ.

„Просторно у васъ, что и говорить, — только благодать-то отъ простора этого не на васъ нисходитъ! Захотѣлъ писарь корову со двора свести — сведетъ! Приглянулась становому баба — изволь! Потому просторъ и препятствій никакихъ не полагается... Не понравился старичкамъ твой обычай, — ставь ведро очищенной! Надоѣла хозяину жена старуха, — а возжи на что? — бей, сколько влѣзетъ! Просторно — благодать!“

„А только у меня отъ этого простору вашего душа вся измаялась... На три версты человѣка не сыщешь, листа печатнаго съ огнемъ не найдешь! Либо бѣжать мнѣ отъ простору вашего, либо руки на себя наложить... Вотъ!“

Василій снова опустился на землю. Голосъ его сдѣлался ровнѣе и гуще, точно прямо изъ груди выходили слова.

„Тѣсно у насъ тамъ было, что и говорить. На квартирѣ народу напихано, — не продыхнешь. А только всѣ мы тамъ сгрудились, всѣ заодно. — И въ тѣснотѣ мы, и въ обидѣ, а только въ тѣснотѣ этой правда слышится... Слышь, Степанъ, правда...

BIBLIOTHÈQUE DE LA GUERRE

Заключенный стоитъ у окна и разговариваетъ съ товарищами. Открывается дверная форточка и надзиратель кричитъ: „слѣзай съ окна"!.. Слѣдуетъ отвѣтъ: „не хочу!"

Форточка захлопывается, и черезъ десять минутъ входитъ начальникъ въ сопровожденіи цѣлой толпы надзирателей, и непокорнаго тащатъ на 7-8 сутокъ въ душный, темный карцеръ, гдѣ воздухъ — за отсутствіемъ какой бы то ни было вентиляціи — весь отравленъ міазмами и гдѣ приходится питаться одной только вонючей водой, которая приносится одинъ разъ въ два дня, лежать на голомъ полу безъ одѣяла и пальто, отдавая себя на съѣденіе крысамъ, которыя покрываютъ твое тѣло и грызутъ его.

Начальникъ ведетъ себя при этомъ самымъ возмутительнымъ образомъ. Входя въ камеру, не снимаетъ фуражки. Заключенный требуетъ, чтобы онъ ее снялъ — „Не тебѣ учить меня" — отвѣчаетъ онъ.

Выслушавъ такой отвѣтъ, товарищъ одѣваетъ демонстративно свою фуражку. За такую „дерзость" его сейчасъ же наказываютъ „лишеніемъ переписки съ родными на цѣлый мѣсяцъ". Вообще нужно замѣтить, что начальникъ очень „компетентенъ" (какъ онъ самъ сказалъ одному товарищу) и изобрѣтателенъ на всякія іезуитскія наказанія. Лишеніе прогулки, выписки провизіи изъ лавочки, письменныхъ принадлежностей и переписки съ родными и т. д. и т. д. служатъ ординарнымъ средствомъ для наказанія непослушнаго. Заходитъ онъ къ одному товарищу, чтобы наказать его за „перестукиваніе" съ сосѣдомъ, обращается при этомъ на „ты" по обыкновенію. — „Я требую, чтобы вы говорили мнѣ „вы", а не „ты", заявляетъ ему оскорбленный товарищъ. — „Я твой начальникъ, а ты мой подчиненный, поэтому не тебѣ учить меня", возражаетъ зарвавшійся опричникъ. Несмотря на тяжелое состояніе духа, товарищъ не можетъ удержаться отъ смѣха при мысли, до какихъ чертиковъ доходятъ „царскіе слуги" въ своихъ отношеніяхъ къ представителямъ „крамолы". Начальникъ, уже выходя изъ камеры, добавилъ: — „притомъ ты развѣ князь или графъ, что требуешь вѣжливаго обра-

По недосмотру, при версткѣ 6-ой стр. (2-ой столбецъ, статья „Соц.-демократія и терроръ") были пропущены слѣд. строки (непосредственно слѣдующія за словами: „никакая организація")-

(будь это „боевая орган." или „исполн. ком.") не можетъ взять на себя исключительную роль мстителя за попранную личность революціонера. Здѣсь, скажемъ, раздѣленіе труда и предварительный уговоръ противны человѣческой природѣ; здѣсь мы находимся исключительно въ области аффекта, не допускающаго никакой регламентаціи.

Въ виду всѣхъ приведенныхъ соображеній, группа рѣзко и категорически высказывается противъ террора, признаетъ вредными всякія попытки къ возрожденію его и призываетъ организацію „Искры" и „Зари" и всѣ прочія соц.-дем. организаціи открыто высказаться противъ террора и всѣми возможными средствами бороться противъ него..."

Прокламація Нижегородскаго Комитета, помѣченная октябремъ н. г. и посвященная назначенію фон-Валя товарищемъ министра, заканчивается слѣдующими словами:

„Молодой, честный, самоотверженный Леккертъ не могъ совладѣть съ чувствомъ омерзѣнія при видѣ палача и явился мстителемъ за товарищей, рѣшивъ истребить вреднаго, ненавистнаго всѣмъ человѣка. Кто рѣшится осудить самоотверженнаго Леккерта и его праведный гнѣвъ? Но, вѣдь, и все русское правительство, со всѣми министрами и царемъ во главѣ, вмѣстѣ является жестокимъ палачемъ по отношенію ко всему народу Не лежатъ-ли на немъ тысячи преступленій и убійствъ, можетъ быть. тысячи и десятки тысячи человѣческихъ жизней? А если такъ, то можетъ-ли обезвредить его уничтоженіе одной вредной личности? Мы убѣждены, что, вмѣсто уничтоженія отдѣльныхъ личностей, гораздо скорѣе можно обезвредить правительство, отнявъ силою его власть. На эту цѣль, товарищи, надо направить всю нашу энергію и всю самоотверженность".

BIBLIOTHÈQUE DE LA GUERRE MUSÉE

...ской тюрьмѣ. Рабочій.

P. S. Почти у всѣхъ заключенныхъ анемія мозга, самъ авторъ настолько разбитъ и слабъ, что даже вспомнить всего еще не въ силахъ. Потомъ только обнаружатся всѣ страданія, пережитыя товарищами, посланными по распоряженію г. Поллана на „исправленіе" гродненскому начальнику.

Протестъ защитниковъ. Кромѣ заявленія, помѣщеннаго въ № 26 „Искры", другими защитниками крестьянъ въ Валкахъ были поданы нѣсколько иныя заявленія:

I.

Въ Особое Присутствіе Харьк. Судебной Палаты присяжныхъ повѣренныхъ Г. Г. Гонтарева и В. П. Куликова

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Правительствующій Сенатъ по Уголовному Кассаціонному Департаменту въ рѣшеніи 1873 г. № 32 по дѣлу Алимова разъяснилъ, что въ случаѣ, если подсудимые до суда понесли наказаніе за судимое дѣяніе въ иномъ, не судебномъ (дисциплинарномъ или административномъ) порядкѣ, то это послѣднее принимается судомъ во вниманіе при опредѣленіи судебной кары.

Изъ разъясненій, данныхъ намъ, какъ защитникамъ, подсудимыми, мы убѣдились, что они несудебное наказаніе уже претерпѣли въ формѣ сѣченія. Это обстоятельство мы считаемъ, по указаннымъ выше основаніямъ, настолько существеннымъ для дѣла, что въ безусловный долгъ себѣ поставляемъ принять къ полному выясненію его на судебномъ слѣдствіи всѣ мѣры, преподанныя Уст. Угол. Суд. Имп. Александра II. Принимая же затѣмъ во вниманіе, что этого долга защитниковъ мы не можемъ выполнить вслѣдствіе категорическаго запрещенія г. предсѣдателя касаться при допросѣ свидѣтелей этого важнѣйшаго съ нашей точки зрѣнія предмета, мы не находимъ возможнымъ лишь формально занимать мѣсто защиты, не исполняя ея священнѣйшей обязанности — принимать всѣ законныя мѣры къ облегченію участи подсудимыхъ, почему и считаемъ себя нравственно обязанными оставить залу засѣданія.

II.

Въ Особое Присутствіе Харьковской Суд. Палаты.

Бывшихъ защитниковъ крестьянъ Карловской волости Андрея Тарона и др. прис. повѣр. Н. Н. Переверзева и пом. прис. пов. М. Б. Ратнера, М. В. Шейнмана и Б. Г. Барта

ПРОШЕНІЕ.

...ніи Особ. Прис. Харьк. Суд. Палаты въ г. Констан... октября 1902 г., по дѣлу объ обвиненіи крестьянъ ...на и друг. по 269 ст. Ул. о нак. прис. пов. Н. Н. ...отъ имени насъ всѣхъ, бывшихъ защитниковъ, за... ...казѣ нашемъ отъ защиты подсудимыхъ. Въ виду ...жности для насъ этого момента судебнаго за... ...имѣемъ честь почтительнѣйше просить Особ. Прис. ...протоколу по вышеозначенному дѣлу точный текстъ ...ѣланнаго отъ нашего имени Н. Н. Переверзевымъ: ...словъ подсудимыхъ и изъ показаній свидѣтелей, ...удѣ, пришла къ убѣжденію, что обвиняемые совер... ...похищеніе чужого движимаго имущества на сумму ..., т. е. дѣяніе, предусм. 769 и 170 стт. Ул. о нак., ...мировыми судьями, далѣе, что дѣяніе это было со... ...удимыми въ предѣлахъ ихъ волости и, какъ тако... ...17 ст. Врем. правилъ о волостныхъ судахъ, под... ...ству волостного суда. Съ другой стороны, защитѣ ...удимыхъ извѣстно, что за совершенныя ими дѣя... ...аспоряженію губернатора, подвергнуты были тяже... ...мъ наказаніямъ, далеко превосходящимъ высшую ...ній, налагаемыхъ по приговору волостныхъ судовъ ...розогъ. Въ виду этого, защита, руководствуясь ...и 1 44 Ул. о нак., рѣшеніями Правительствующаго ...ламъ Керьянова (1867 г. № 347), Алимова (1873 г. ...ркова (1871 г. № 1312) и въ силу основного прин... ...го права, что никто не можетъ быть дважды на... ...и то же дѣяніе, считаетъ необходимымъ выяснить, ...димыхъ и въ какой мѣрѣ былъ подвергнутъ тѣлес... ...іямъ и просить Палату дополнить судебное слѣд... ...іемъ этихъ обстоятельствъ", и послѣ того, какъ ...твующимъ изложенное ходатайство защиты было ...Н. Переверзевъ, отъ имени насъ всѣхъ, заявилъ ...какъ обвиняемые признали себя виновными въ ...изъ экономіи Карловки и такъ какъ это сознаніе ...одтверждается обстоятельствами настоящаго дѣла, ...триваетъ единственное средство, могущее служить ...участи подсудимыхъ въ указаніи на то обстоятель... ...понесли уже за свои дѣянія наказаніе, далеко пре... ...ру ими содѣяннаго. Но Вы, г. предсѣдательству... ...ли намъ касаться этого. Считая это запрещеніе ...аконныхъ правъ защиты и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ли... ...твеннаго средства, которое осталось въ нашихъ рукахъ для огражденія интересовъ этихъ несчастныхъ (защитникъ указалъ на подсудимыхъ), мы вынуждены заявить Особ. Прис. Харьк. Суд. Пал., что, не находя возможности съ настоящаго момента исполнить, согласно требованію закона и нашей совѣсти, обязанности наши по отношенію къ подсудимымъ, мы отказываемся отъ ихъ защиты". Прис. пов. Н. Н. Переверзевъ и пом. прис. пов. М. Б. Ратнеръ, М. В. Шейнманъ и Б. Г. Бартъ.

Духовенство старается. Копія.

Предложеніе духовенству херсонской епархіи. Конфиденціально.

Въ циркулярѣ херсонскаго губернатора отъ 22 мая сего года, напечатанномъ въ газетѣ „Югъ", находится слѣдующее сообщеніе: „По имѣющимся у меня свѣдѣніямъ за послѣднее время въ предѣлахъ Херсонской губерніи въ селахъ и деревняхъ стали появляться злонамѣренныя лица съ цѣлью возбужденія крестьянъ къ аграрнымъ безпорядкамъ. Въ народѣ распространяются нелѣпые слухи о какомъ-то надѣленіи землей, возбуждаются превратные толки о значеніи частной собственности, а бывшіе безпорядки въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ возводятся чуть-ли не на степень подвига крестьянъ, получившихъ будто бы при этомъ большія выгоды". — Такое опасное положеніе крестьянъ, конечно, не должно, да и не можетъ оставаться въ неизвѣстности для приходскихъ пастырей, которые, какъ ближайшіе приставники, благодатью Божіею призваны быть учителями народа и долгомъ своей священной службы обязаны предотвращать во ввѣренныхъ имъ приходахъ всякія неблагопріятныя, а тѣмъ болѣе преступныя, вліянія своевременнымъ разъясненіемъ ихъ незаконности, вразумленіемъ заблуждающихся и нравственнымъ умиротвореніемъ совѣсти совращенныхъ съ мирнаго пути общественной жизни. Для этого духовный пастырь, внимательный къ своему долгу и заботливый о нравственной пользѣ своихъ прихожанъ, можетъ воспользоваться церковною проповѣдью и внѣ-богослужебными собесѣдованіями и частными съ каждымъ изъ прихожанъ сношеніями, соблюдая однако-жъ при этомъ крайнюю осторожность, чтобы, разъясняя преступность и гибельность противообщественнаго направленія, преждевременно не ознакомить черезъ это людей, еще не зараженныхъ имъ, и, вмѣсто отклоненія отъ угрожающаго зла, не ввести ихъ въ соблазнъ и искушеніе, такъ какъ все запрещаемое, по нравственной порчѣ человѣка, сильно влечетъ къ себѣ, особенно если еще при этомъ имѣется разсчетъ на какія-нибудь матеріальныя выгоды или мнимое улучшеніе условій общественной жизни. Священникъ съ тѣмъ большимъ удобствомъ можетъ подмѣтить среди своихъ прихожанъ какое-либо недоброе направленіе, обусловливаемое ложными слухами или же тайными внушеніями разныхъ проходимцевъ, чѣмъ ближе онъ себя поставитъ къ нимъ не только въ служебныхъ (оффиціальныхъ) отношеніяхъ, но и въ самой жизни, когда будетъ стараться для нихъ быть внимательнымъ къ ихъ духовнымъ и тѣлеснымъ нуждамъ наставникомъ и руководителемъ, добрымъ отцомъ, пекущимся объ ихъ благѣ и во всякое время готовымъ раздѣлить съ ними радость и горе. То довѣріе и даже любовь, которыя онъ возбудитъ къ себѣ въ прихожанахъ своею близостью къ нимъ и обходительностью, дадутъ пастырскому его слову не только твердость и убѣдительность, но и такую духовную силу, противъ которой не возмогутъ успѣшно дѣйствовать никакія подпольныя внушенія людей злонамѣренныхъ. Въ случаяхъ особенныхъ, когда или слово пастыря окажется безсильнымъ для нравственнаго воздѣйствія на заблуждающихся или вредныя внушенія глубоко пустятъ корни въ приходскую среду, священникъ обязанъ совершенно секретно доложить о томъ архіерею, обстоятельно изложивъ сущность дѣла и подробно описавъ положеніе своего прихода, присоединивъ къ сему и то, какія мѣры онъ самъ употребилъ къ исполненію лежащей на немъ обязанности духовнаго просвѣщенія своей паствы. Такимъ образомъ, при помощи свыше, возникающее зло, если уже не будетъ искоренено, по крайней мѣрѣ, будетъ, насколько возможно, ограничено въ своемъ распространеніи и ослаблено въ своей силѣ. И на насъ всѣхъ — пастыряхъ духовнаго стада Христова — не сбудется грозное слово Господа, реченное черезъ пророковъ (Іезекіиля 34 гл., Іереміи 23 гл., Захарія 11 гл.). — Іюня 11 дня 1902 г.

Іустинъ, архіепископъ херсонскій и одесскій.

Надо думать, что архіереи станутъ препровождать доносы священниковъ „совершенно секретно" въ соотвѣтственныя учрежденія, которыя будутъ ссылаться уже не на 34 гл. отъ Іезекіиля, а на подобающую статью „Уст. о пресѣч. и предупр. прест."

Вильно. Въ ноябрѣ прошлаго года, въѣзжая въ Вильно, фонъ-Валь въ своей „программной" рѣчи отрекомендовался „слугой царевымъ", обѣщая показать инородцамъ, что значитъ твердая власть. Задача выполнена блистательно. Теперь, въ вѣнцѣ изъ окровавленныхъ розогъ и ореолѣ висѣлицы, получивъ 16 тыс. рублей на лѣченіе ранъ, возведенный въ товарищи Плеве и сдѣланный начальникомъ жандармовъ, — онъ выѣхалъ изъ Вильны, оставивъ городъ и губернію на положеніи усиленной охраны. Передъ отъѣздомъ, однако, этотъ нравственный калѣка, вошедшій во вкусъ человѣческой крови, еще разъ потѣшилъ себя поркою: онъ приказалъ высѣчь 20 мальчугановъ-сиротъ, питомцевъ „Воспитательнаго Дома Младенца Іисуса" (sic!) за оскорбленіе смотрителя. Врачъ заведенія, Андреяшевъ, отказавшійся санкціонировать экзекуцію, отстраненъ отъ должности.

15 октября, при открытіи дѣйствій городского присутствія по набору новобранцевъ, военный врачъ Ерофеевъ отказался принять руку, протянутую ему сподвижникомъ Валя городовымъ врачемъ Михайловымъ, и заявилъ о нежеланіи знакомиться съ подобнымъ господиномъ; проглотивъ оплеуху, этотъ врачъ-городовой побѣжалъ къ военному начальству съ жалобой, въ резуль-

---

раньше жилъ, и какъ до нынѣшняго положенія дошелъ, и какъ жить будетъ, и какъ жизни новой добиваться надобно. Попадется книжка хорошая, --- духъ захватываетъ, -- и начинаешь это понимать, что и какъ, --- словно просвѣтлѣніе тебя охватитъ, -- геніальность твоя просыпается, слаще меду это показывается. И чуемъ мы силу въ себѣ, чуемъ силу промежду себя. Сегодня промолчимъ, завтра промолчимъ, а тамъ какъ одинъ человѣкъ поднимемся. И всякій это очень хорошо понимаетъ: и рабочій, и хозяинъ, и полиція... Ну, нахальники то и опасаются..."

„Толстая книжка есть, — трудно понимать, — а стараешься, понимаешь. Ночи сидишь — допытываешься. А прочиталъ одну книжку, другую, --- пріобыкнешь и начинаешь это до корня все понимать. И ничего-то, ничего сладостнѣе этого и придумать невозможно..."

„Сложились мы: кто гривну, кто полтинникъ. Люди есть, которые и книжку тебѣ укажутъ, и растолкуютъ, ежели что. И поднимается душа твоя и человѣкомъ ты себя понимаешь. А потомъ настоящую книжку принесутъ, запрещенную, гдѣ она, правда, такъ вся и выписана."

„Накопилась у насъ этакъ цѣлая горка... книгъ то... И пришли они, и забрали... Все забрали до послѣдняго листочка, -- и дозволенное, и недозволенное... Ничего не осталось, все пропало... Все разбили, все смяли... Всѣхъ разослали, --- кого куда... Камня на камнѣ..."

Слезы подступили къ горлу Василію, и онъ уткнулся лицомъ въ мокрую траву. Онъ старался сдержать накопившіяся въ груди рыданія, судорожно хватаясь за траву и вырывая ее клочьями изъ земли.

Степанъ неподвижно лежалъ на армякѣ, закинувъ руки за голову, и смотрѣлъ на блѣднѣющія звѣзды. Ни одинъ мускулъ не двигался на его нахмуренномъ лицѣ. „Боятся они васъ, народъ-то вы того, самоувѣренно и тихо сказалъ онъ, --- все мину, слышь, подводите подъ нихъ".

Василій быстро подвинулся къ Степану, слова котораго поразили его своею неожиданностью. Двѣ слезы остановились на его блѣдныхъ щекахъ, но плакать ему болѣе не хотѣлось.

„Мину? Какую мину?! Мы и думать-то объ минѣ не думали".

„И не насъ они боятся: сегодня мы здѣсь, а завтра и нѣту никого. Идеи они нашей боятся, правды нашей. Ты пойми..." Онъ вплотную придвинулся къ Степану; настойчиво, упрямо онъ передавалъ ему фразу за фразой, отчеканивая каждое слово, всю душу свою вкладывая въ свои рѣчи. „Вы вотъ здѣсь стоите и никакого пониманія не имѣете, и не видите, какъ они паутиной то васъ кругомъ опутали, — хитро и очень даже остроумно"...

„Заслониться совсѣмъ отъ правды, какъ отъ солнца, не могутъ, — ну, и пиши ты объ ней такъ, чтобы и понять-то нельзя было, пиши толстыя книжки, да мудреныя, да дорогія, чтобы и подступу къ нимъ нашему брату не было. А напишешь попросту, и печатать не дадутъ, да и самого утопятъ. И топятъ, топятъ они людей"... Василій волновался все больше, все настойчивѣе разсказывалъ онъ, какъ „они" душатъ мысли и людей, — вездѣ: и въ городѣ, и въ деревнѣ, и въ деревенской школѣ, и въ академіи, и въ церкви, и въ театрѣ. „На каждое слово смраду напустятъ, надъ каждымъ человѣкомъ надсмѣются, надругаются".

„Свободы они боятся... вотъ! Отъ свободы смерть имъ... Для себя просторъ-отъ берегутъ, чтобы помѣхи имъ не было, чтобы имъ, толстопузымъ, безобразить вольготнѣй было. И безобразятъ они, и нахальничаютъ, и безобразному нахальству ихъ конца-краю не видно".

„Такъ пойми ты: вѣдь нужно ихъ нахальничанью предѣлъ положить? Нельзя, пойми, нельзя, силы нѣту это терпѣть! Ты пойми..." Онъ нагнулся къ Степану, крѣпко схватилъ его за армякъ; онъ старался заглянуть ему въ самые глаза, въ самую душу.

Степанъ приподнялся и грубо, злобно отбросилъ его въ сторону: „А ты не напирай! Чего навалился?"

Слова застряли въ горлѣ ткача, и онъ опять опустился на траву.

Мертвая тишина охватила ихъ. Послѣдніе звуки исчезли: затихъ даже неугомонный перепелъ. Вся природа съ изумленіемъ смотрѣла на эту страстную борьбу двухъ людей; точно понимала она, какая важная, огромная борьба ведется здѣсь, точно она внимательно слѣдила за этой борьбой и, затаясь, съ нетерпѣніемъ ждала исхода. Только туманъ по прежнему волнами поднимался съ рѣки и подвигался все ближе и ближе, да какая-то на смерть перепуганная пичуга съ тревожнымъ щебетомъ промелькнула надъ костромъ и снова исчезла въ темномъ воздухѣ.

Василій снова приподнялся Нервная холодная дрожь пробѣгала по его тѣлу. Душа его, какъ птица, билась въ темнотѣ и искала выхода. Ему нужно было, чтобы кто-нибудь понялъ его, ему нужно было завоевать себѣ товарища: иначе (это было ему ясно) — иначе чувство одиночества и затерянности задушило бы его.

„Господи! и отчего вы не понимаете? (голосъ его звенѣлъ). Ты, Степанъ, глянь только, сколько обиды кругомъ, — сколько обиды кругомъ, сколько издѣвки. Вѣдь васъ, какъ скотину, обратали, хомутъ вамъ на шею надѣли: ворочай, гни, сѣй... изо дня въ день, изъ году въ годъ... А у васъ, какъ у скотины вашей, только ребра наружу. Сѣли вамъ на шею и кнутомъ погоняютъ — и десятскій, и сотскій, и земскій, и панъ: тащи, мужикъ, въ казну, тащи, мужикъ, въ кабакъ! Вѣдь и мысли всѣ ваши связали, и глотку грязью заткнули, и въ навозѣ васъ вываляли... А вы... а вы... а вы понимать не хотите, а вы понять не можете. И подходу къ вамъ нѣту: загородились... захоронились..." Его напряженный звенящій голосъ долго еще звучалъ среди ночной тишины.

Изъ-за костра приподнялась маленькая высохшая фигура старика съ желтымъ и сморщеннымъ, какъ выжатый лимонъ, лицомъ, съ маленькими злыми глазами и съ жесткой, рѣдкой, какъ у китайца, бородой. Казалось, онъ поднялся изъ-подъ земли, и земля прилипла и на согнутыхъ пальцахъ его, и между глубокими морщинами его лица. Онъ уставился глазами на Василія, и губы его быстро жевали. Черная, какъ смоль, бороденка клиномъ шевелилась, точно живая.

„Да! и въ навозѣ вываляли, и раззорили насъ... Это такъ! прошамкалъ онъ. А ты кто такой объявился, понятливый! Проповѣдь-то отчитываешь, а въ Бога не вѣруешь. Мимо храма Божьяго идешь, шапку на затылкѣ бережешь. По твоему, кто его, Бога-то, выдумалъ, а? Пор-р-роть тебя, парень, надыть, — вотъ что!"

Степанъ медленно поднялся на ноги и, не глядя на Василія, злобнымъ, измѣнившимся голосомъ сказалъ ему: „А ты не напирай! Навалился, какъ медвѣдь на козу. Не напирай, дай срокъ!"

Онъ медленно пошелъ къ рѣкѣ, и фигура его быстро потонула въ бѣломъ туманѣ, только черный слѣдъ остался на росистой травѣ.

„Вотъ! слышалъ, что тебѣ малый сказалъ? продолжалъ старикъ: не напирай — вотъ! А то плохо тебѣ, парень, будетъ: дай срокъ"...

„А ты, старая ворона, громко отвѣтилъ Василій, въ чужую борозду не лѣзь, своей придерживайся!"

Онъ быстро съ головою закутался въ армякъ и легъ на землю.

„Дай срокъ! дай срокъ!" ворчалъ старикъ, укладываясь въ свою очередь.

И природа перевела духъ: пахнуло вѣтеркомъ, гдѣ-то заквакала лягушка. Костеръ еле дымился.

Когда Василій проснулся, солнце уже торжественно поднималось надъ горизонтомъ. Ребята, громко перекликаясь, ловили лошадей. Степанъ угрюмо и сосредоточенно распутывалъ своего сѣраго мерина. Положивъ на него армякъ, онъ неуклюже взобрался на спину мерина и подъѣхалъ къ Василію.

„Вставай, Васька, день!" громко сказалъ онъ и, нагнувшись и глядя Василію прямо въ глаза, таинственно прибавилъ: „А ты не напирай: сроку дай. Да при старикахъ остерегись: бѣды наживешь. Снохачи!" прибавилъ онъ какъ бы въ поясненіе и ударилъ мерина веревкой. Мимо пронеслись съ топотомъ и криками возвращавшіеся домой ребята.

Василій глубоко вдохнулъ свѣжій воздухъ. Еще не высохшій лугъ весь сіялъ и переливался въ солнечныхъ лучахъ, гдѣ-то въ небѣ радостно трепеталъ жаворонокъ, а вдали звонко ржалъ отбившійся отъ табуна жеребенокъ.

Василій удивленно смотрѣлъ на все это, онъ какъ будто въ первый разъ замѣтилъ, сколько жизни розлито кругомъ, и онъ чувствовалъ, что и въ немъ прибыло и жизни, и вѣры, что и онъ не будетъ болѣе себя чувствовать такимъ одинокимъ среди зеленѣющихъ полей. Измученное лицо Василія нѣсколько оживилось.

Н. Л. К.

BIBLIOTHÈQUE DE LA GUERRE

Заключенный стоитъ у окна и разговариваетъ съ товарищами. Открывается дверная форточка и надзиратель кричитъ: „слѣзай съ окна“!.. Слѣдуетъ отвѣтъ: „не хочу!“

Форточка захлопывается, и черезъ десять минутъ входитъ начальникъ въ сопровожденіи цѣлой толпы надзирателей, и непокорнаго тащатъ на 7-8 сутокъ въ душный, темный карцеръ, гдѣ воздухъ — за отсутствіемъ какой бы то ни было вентиляціи — весь отравленъ міазмами и гдѣ приходится питаться одной только вонючей водой, которая приносится одинъ разъ въ два дня, лежать на голомъ полу безъ одѣяла и пальто, отдавая себя на съѣденіе крысамъ, которыя покрываютъ твое тѣло и грызутъ его.

Начальникъ ведетъ себя при этомъ самымъ возмутительнымъ образомъ. Входя въ камеру, не снимаетъ фуражки. Заключенный требуетъ, чтобы онъ ее снялъ — „Не тебѣ учить меня“ — отвѣчаетъ онъ.

Выслушавъ такой отвѣтъ, товарищъ одѣваетъ демонстративно свою фуражку. За такую „дерзость“ его сейчасъ же наказываютъ „лишеніемъ переписки съ родными на цѣлый мѣсяцъ“. Вообще нужно замѣтить, что начальникъ очень „компетентенъ“ (какъ онъ самъ сказалъ одному товарищу) и изобрѣтателенъ на всякія іезуитскія наказанія. Лишеніе прогулки, выписки провизіи изъ лавочки, письменныхъ принадлежностей и переписки съ родными и т. д. и т. д. служатъ ординарнымъ средствомъ для наказанія непослушнаго. Заходитъ онъ къ одному товарищу, чтобы наказать его за „перестукиваніе“ съ сосѣдомъ, обращается при этомъ на „ты“ по обыкновенію. — „Я требую, чтобы вы говорили мнѣ „вы“, а не „ты“, заявляетъ ему оскорбленный товарищъ. — „Я твой начальникъ, а ты мой подчиненный, поэтому не тебѣ учить меня“, возражаетъ зарвавшійся опричникъ. Несмотря на тяжелое состояніе духа, товарищъ не можетъ удержаться отъ смѣха при мысли, до какихъ чертиковъ доходятъ „царскіе слуги“ въ своихъ отношеніяхъ къ представителямъ „крамолы“. Начальникъ, уже выходя изъ камеры, добавилъ: — „притомъ ты развѣ князь или графъ, что требуешь вѣжливаго обращенія? Ты вѣдь мѣщанинъ, а потому я буду обращаться съ тобой грубо и буду говорить тебѣ „ты“.

Въ другой разъ съ тѣмъ же товарищемъ приключился сильный припадокъ отъ долгаго сидѣнья въ карцерѣ и отъ сильнаго истощенія организма, вслѣдствіе питанія черезъ день сырымъ хлѣбомъ. Медицинской помощи не давали, и онъ въ конвульсіяхъ бился въ теченіи двухъ часовъ на холодномъ полу.

Пришелъ начальникъ и, видя, что больной не встаетъ, толкнулъ его ногой съ крикомъ: „встать, сказано вѣдь тебѣ, что нельзя валяться на полу“... Послѣдній очнулся, и вся его ненависть, все его негодованіе къ своимъ мучителямъ-тиранамъ вылилось въ одинъ душу раздирающій крикъ: „не мучьте меня, негодяи!..“

И онъ впалъ въ безпамятство... „Тащите его“, послѣдовалъ отвѣтъ палача-начальника. И его потащили въ карцеръ...

Карцеры постоянно были переполнены. Захотѣли насъ насиловать — стричь подъ машинку № 1. Мы протестовали и не хотѣли идти въ контору, гдѣ находится цирульникъ; насъ посадили въ карцеръ и остригли.

Приказали на прогулкѣ вести себя чинно, т. е. не разговаривать, не смѣяться и складывать руки на груди и не размахивать ими; не соглашаемся --- карцеръ.

Нужно замѣтить, что вершителемъ судебъ въ Гродненской тюрьмѣ является исключительно начальникъ. Никакія жалобы не ведутъ ни къ чему, отовсюду слѣдуетъ одинъ отвѣтъ --- „нужно слушаться начальника“. Начальникъ заявляетъ: „мнѣ приказано васъ исправить“.

Мы закончимъ это краткое письмо упоминаніемъ о тюремномъ докторѣ. Этотъ господинъ является поистинѣ апокалиптическимъ чудовищемъ. Онъ не вѣритъ ни въ какія болѣзни. Зоветъ его одинъ товарищъ, страдающій порокомъ сердца. Докторъ беретъ его руку, смотритъ на нее и заявляетъ, что „еще ничего“ и для такого пустяка очень глупо было его „безпокоить“.

Другому на его заявленіе, что онъ страдаетъ невральгіей, слѣдствіемъ чего у него бываютъ частые припадки и обмороки, этотъ мужъ отвѣчаетъ, что онъ при его припадкахъ не присутствуетъ, а потому ничѣмъ ему не можетъ помочь --- тутъ же велитъ надзирателю „подать себѣ другого“. Посѣщаетъ онъ тюрьму одинъ разъ въ недѣлю, а то и разъ въ три недѣли. Въ остальные дни умирай --- не умирай, а медицина въ лицѣ своего служителя находится въ отсутствіи.

Таково въ краткихъ словахъ положеніе заключенныхъ въ Гродненской тюрьмѣ.

Рабочій.

P. S. Почти у всѣхъ заключенныхъ анемія мозга, самъ авторъ настолько разбитъ и слабъ, что даже вспомнить всего еще не въ силахъ. Потомъ только обнаружатся всѣ страданія, пережитыя товарищами, посланными по распоряженію г. Поллана на „исправленіе“ гродненскому начальнику.

Протестъ защитниковъ. Кромѣ заявленія, помѣщеннаго въ № 26 „Искры“, другими защитниками крестьянъ въ Валкахъ были поданы нѣсколько иныя заявленія:

I.

Въ Особое Присутствіе Харьк. Судебной Палаты
присяжныхъ повѣренныхъ Г. Г. Гонтарева и В. П. Куликова

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Правительствующій Сенатъ по Уголовному Кассаціонному Департаменту въ рѣшеніи 1873 г. № 32 по дѣлу Алимова разъяснилъ, что въ случаѣ, если подсудимые до суда понесли наказаніе за судимое дѣяніе въ иномъ, не судебномъ (дисциплинарномъ или административномъ) порядкѣ, то это послѣднее принимается судомъ во вниманіе при опредѣленіи судебной кары.

Изъ разъясненій, данныхъ намъ, какъ защитникамъ, подсудимыми, мы убѣдились, что они несудебное наказаніе уже претерпѣли въ формѣ сѣченія. Это обстоятельство мы считаемъ, по указаннымъ выше основаніямъ, настолько существеннымъ для дѣла, что въ безусловный долгъ себѣ поставляемъ принять къ полному выясненію его на судебномъ слѣдствіи всѣ мѣры, преподанныя Уст. Угол. Суд. Имп. Александра II. Принимая же затѣмъ во вниманіе, что этого долга защитниковъ мы не можемъ выполнить вслѣдствіе категорическаго запрещенія г. предсѣдателя касаться при допросѣ свидѣтелей этого важнѣйшаго съ нашей точки зрѣнія предмета, мы не находимъ возможнымъ лишь формально занимать мѣсто защиты, не исполняя ея священнѣйшей обязанности — принимать всѣ законныя мѣры къ облегченію участи подсудимыхъ, почему и считаемъ себя нравственно обязанными оставить залу засѣданія.

II.

Въ Особое Присутствіе Харьковской Суд. Палаты.
Бывшихъ защитниковъ крестьянъ Карловской волости Андрея Тарона и др.
прис. повѣр. Н. Н. Переверзева и пом. прис. пов. М. Б. Ратнера, М. В. Шейнмана и Б. Г. Барта

ПРОШЕНІЕ.

Въ засѣданіи Особ. Прис. Харьк. Суд. Палаты въ г. Константиноградѣ 5 октября 1902 г., по дѣлу объ обвиненіи крестьянъ Андрея Тарона и друг. по 269 ст. Ул. о нак. прис. пов. Н. Н. Переверзевъ отъ имени насъ всѣхъ, бывшихъ защитниковъ, заявилъ объ отказѣ нашемъ отъ защиты подсудимыхъ. Въ виду особенной важности для насъ этого момента судебнаго засѣданія, мы имѣемъ честь почтительнѣйше просить Особ. Прис. пріобщить къ протоколу по вышеозначенному дѣлу точный текстъ заявленія, сдѣланнаго отъ нашего имени Н. Н. Переверзевымъ: „Защита со словъ подсудимыхъ и изъ показаній свидѣтелей, данныхъ на судѣ, пришла къ убѣжденію, что обвиняемые совершили тайное похищеніе чужого движимаго имущества на сумму менѣе 50 руб., т. е. дѣяніе, предусм. 769 и 170 стт. Ул. о нак., налагаемыхъ мировыми судьями, далѣе, что дѣяніе это было совершено подсудимыми въ предѣлахъ ихъ волости и, какъ таковое, на основ. 17 ст. Врем. правилъ о волостныхъ судахъ, подлежитъ вѣдомству волостного суда. Съ другой стороны, защитѣ со словъ подсудимыхъ извѣстно, что за совершенныя ими дѣянія они, по распоряженію губернатора, подвергнуты были тяжелымъ тѣлеснымъ наказаніямъ, далеко превосходящимъ высшую норму наказаній, налагаемыхъ по приговору волостныхъ судовъ — 20 ударамъ розогъ. Въ виду этого, защита, руководствуясь стт. 135, 153 и 1 44 Ул. о нак., рѣшеніями Правительствующаго Сената по дѣламъ Керьянова (1867 г. № 347), Алимова (1873 г. № 32) и Кучеркова (1871 г. № 1312) и въ силу основного принципа уголовнаго права, что никто не можетъ быть дважды наказанъ за одно и то же дѣяніе, считаетъ необходимымъ выяснить, кто изъ подсудимыхъ и въ какой мѣрѣ былъ подвергнутъ тѣлеснымъ наказаніямъ и просить Палату дополнить судебное слѣдствіе выясненіемъ этихъ обстоятельствъ“, и послѣ того, какъ предсѣдательствующимъ изложенное ходатайство защиты было отклонено, Н. Н. Переверзевъ, отъ имени насъ всѣхъ, заявилъ слѣд.: „Такъ какъ обвиняемые признали себя виновными въ кражѣ сѣна изъ экономіи Карловки и такъ какъ это сознаніе ихъ вполнѣ подтверждается обстоятельствами настоящаго дѣла, то защита усматриваетъ единственное средство, могущее служить къ облегченію участи подсудимыхъ въ указаніи на то обстоятельство, что они понесли уже за свои дѣянія наказаніе, далеко превышающее мѣру ими содѣяннаго. Но Вы, г. предсѣдательствующій, запретили намъ касаться этого. Считая это запрещеніе стѣсненіемъ законныхъ правъ защиты и, вмѣстѣ съ тѣмъ, лишенные единственнаго средства, которое осталось въ нашихъ рукахъ для огражденія интересовъ этихъ несчастныхъ (защитникъ указалъ на подсудимыхъ), мы вынуждены заявить Особ. Прис. Харьк. Суд. Пал., что, не находя возможности съ настоящаго момента исполнить, согласно требованію закона и нашей совѣсти, обязанности наши по отношенію къ подсудимымъ, мы отказываемся отъ ихъ защиты“. Прис. пов. Н. Н. Переверзевъ и пом. прис. пов. М. Б. Ратнеръ. М. В. Шейнманъ и Б. Г. Бартъ.

Духовенство старается. Копія.

Предложеніе духовенству херсонской епархіи. Конфиденціально.

Въ циркулярѣ херсонскаго губернатора отъ 22 мая сего года, напечатанномъ въ газетѣ „Югъ“, находится слѣдующее сообщеніе: „По имѣющимся у меня свѣдѣніямъ за послѣднее время въ предѣлахъ Херсонской губерніи въ селахъ и деревняхъ стали появляться злонамѣренныя лица съ цѣлью возбужденія крестьянъ къ аграрнымъ безпорядкамъ. Въ народѣ распространяются нелѣпые слухи о какомъ-то надѣленіи землей, возбуждаются превратные толки о значеніи частной собственности, а бывшіе безпорядки въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ возводятся чуть-ли не на степень подвига крестьянъ, получившихъ будто бы при этомъ большія выгоды“. — Такое опасное положеніе крестьянъ, конечно, не должно, да и не можетъ оставаться въ неизвѣстности для приходскихъ пастырей, которые, какъ ближайшіе приставники, благодатью Божіею призваны быть учителями народа и долгомъ своей священной службы обязаны предотвращать во ввѣренныхъ имъ приходахъ всякія неблагопріятныя, а тѣмъ болѣе преступныя, вліянія своевременнымъ разъясненіемъ ихъ незаконности, вразумленіемъ заблуждающихся и нравственнымъ умиротвореніемъ совѣсти совращенныхъ съ мирнаго пути общественной жизни. Для этого духовный пастырь, внимательный къ своему долгу и заботливый о нравственной пользѣ своихъ прихожанъ, можетъ воспользоваться церковною проповѣдью и внѣ-богослужебными собесѣдованіями и частными съ каждымъ изъ прихожанъ сношеніями, соблюдая однако-жъ при этомъ крайнюю осторожность, чтобы, разъясняя преступность и гибельность противообщественнаго направленія, преждевременно не ознакомить черезъ это людей, еще не зараженныхъ имъ, и, вмѣсто отклоненія отъ угрожающаго зла, не ввести ихъ въ соблазнъ и искушеніе, такъ какъ все запрещаемое, по нравственной порчѣ человѣка, сильно влечетъ къ себѣ, особенно если еще при этомъ имѣется расчетъ на какія-нибудь матеріальныя выгоды или мнимое улучшеніе условій общественной жизни. Священникъ съ тѣмъ большимъ удобствомъ можетъ подмѣтить среди своихъ прихожанъ какое-либо недоброе направленіе, обусловливаемое ложными слухами или же тайными внушеніями разныхъ проходимцевъ, чѣмъ ближе онъ себя поставитъ къ нимъ не только въ служебныхъ (оффиціальныхъ) отношеніяхъ, но и въ самой жизни, когда будетъ стараться для нихъ быть внимательнымъ къ ихъ духовнымъ и тѣлеснымъ нуждамъ наставникомъ и руководителемъ, добрымъ отцомъ, пекущимся объ ихъ благѣ и во всякое время готовымъ раздѣлить съ ними радость и горе. То довѣріе и даже любовь, которыя онъ возбудитъ къ себѣ въ прихожанахъ своею близостью къ нимъ и обходительностью, дадутъ пастырскому его слову не только твердость и убѣдительность, но и такую духовную силу, противъ которой не возмогутъ успѣшно дѣйствовать никакія подпольныя внушенія людей злонамѣренныхъ. Въ случаяхъ особенныхъ, когда или слово пастыря окажется безсильнымъ для нравственнаго воздѣйствія на заблуждающихся или вредныя внушенія глубоко пустятъ корни въ приходскую среду, священникъ обязанъ совершенно секретно доложить о томъ архіерею, обстоятельно изложивъ сущность дѣла и подробно описавъ положеніе своего прихода, присоединивъ къ сему и то, какія мѣры онъ самъ употребилъ къ исполненію лежащей на немъ обязанности духовнаго просвѣщенія своей паствы. Такимъ образомъ, при помощи свыше, возникающее зло, если уже не будетъ искоренено, по крайней мѣрѣ, будетъ, насколько возможно, ограничено въ своемъ распространеніи и ослаблено въ своей силѣ. И на насъ всѣхъ — пастыряхъ духовнаго стада Христова — не сбудется грозное слово Господа, реченное черезъ пророковъ (Іезекіиля 34 гл., Іереміи 23 гл., Захарія 11 гл.). — Іюня 11 дня 1902 г.

Іустинъ, архіепископъ херсонскій и одесскій.

Надо думать, что архіереи станутъ препровождать доносы священниковъ „совершенно секретно“ въ соотвѣтственныя учрежденія, которыя будутъ ссылаться уже не на 34 гл. отъ Іезекіиля, а на подобающую статью „Уст. о пресѣч. и предупр. прест.“

Вильно. Въ ноябрѣ прошлаго года, въѣзжая въ Вильно, фонъ-Валь въ своей „программной“ рѣчи отрекомендовался „слугой царевымъ“, обѣщая показать инородцамъ, что значитъ твердая власть. Задача выполнена блистательно. Теперь, въ вѣнцѣ изъ окровавленныхъ розогъ и ореолѣ висѣлицы, получивъ 16 тыс. рублей на лѣченіе ранъ, возведенный въ товарищи Плеве и сдѣланный начальникомъ жандармовъ, — онъ выѣхалъ изъ Вильны, оставивъ городъ и губернію на положеніи усиленной охраны. Передъ отъѣздомъ, однако, этотъ нравственный калѣка, вошедшій во вкусъ человѣческой крови, еще разъ потѣшилъ себя поркою: онъ приказалъ высѣчь 20 мальчугановъ-сиротъ, питомцевъ „Воспитательнаго Дома Младенца Іисуса“ (sic!) за оскорбленіе смотрителя. Врачъ заведенія, Андреяшевъ, отказавшійся санкціонировать экзекуцію, отстраненъ отъ должности.

15 октября, при открытіи дѣйствій городского присутствія по набору новобранцевъ, военный врачъ Ерофеевъ отказался принять руку, протянутую ему сподвижникомъ Валя городовымъ врачемъ Михайловымъ, и заявилъ о нежеланіи знакомиться съ подобнымъ господиномъ; проглотивъ оплеуху, этотъ врачъ-городовой побѣжалъ къ военному начальству съ жалобой, въ результатѣ которой...

раньше жилъ, и какъ до нынѣшняго положенія дошелъ, и какъ жить будетъ, и какъ жизни новой добиваться надобно. Попадется книжка хорошая, --- духъ захватываетъ, --- и начинаешь это понимать, что и какъ, --- словно просвѣтлѣніе тебя охватитъ, -- геніальность твоя просыпается, слаще меду это показывается. И чуемъ мы силу въ себѣ, чуемъ силу промежду себя. Сегодня промолчимъ, завтра промолчимъ, а тамъ какъ одинъ человѣкъ поднимемся. И всякій это очень хорошо понимаетъ: и рабочій, и хозяинъ, и полиція... Ну, нахальники то и опасаются...“

„Толстая книжка есть, — трудно понимать, — а стараешься, понимаешь. Ночи сидишь — допытываешься. А прочиталъ одну книжку, другую, --- пріобыкнешь и начинаешь это до корня все понимать. И ничего-то, ничего сладостнѣе этого и придумать невозможно...“

„Сложились мы: кто гривну, кто полтинникъ. Люди есть, которые и книжку тебѣ укажутъ, и растолкуютъ, ежели что. И поднимается душа твоя и человѣкомъ ты себя понимаешь. А потомъ настоящую книжку принесутъ, запрещенную, гдѣ она, правда, такъ вся и выписана.“

„Накопилась у насъ этакъ цѣлая горка... книгъ то... И пришли они, и забрали... Все забрали до послѣдняго листочка, -- и дозволенное, и недозволенное... Ничего не осталось, все пропало... Все разбили, все смяли... Всѣхъ разослали, --- кого куда... Камня на камнѣ...“

Слезы подступили къ горлу Василію, и онъ уткнулся лицомъ въ мокрую траву. Онъ старался сдержать накопившіяся въ груди рыданія, судорожно хватаясь за траву и вырывая ее клочьями изъ земли.

Степанъ неподвижно лежалъ на армякѣ, закинувъ руки за голову, и смотрѣлъ на блѣднѣющія звѣзды. Ни одинъ мускулъ не двигался на его нахмуренномъ лицѣ. „Боятся они васъ, народъ-то вы того, самоувѣренно и тихо сказалъ онъ, --- все мину, слышь, подводите подъ нихъ“.

Василій быстро подвинулся къ Степану, слова котораго поразили его своею неожиданностью. Двѣ слезы остановились на его блѣдныхъ щекахъ, но плакать ему болѣе не хотѣлось.

„Мину? Какую мину?! Мы и думать-то объ минѣ не думали“.

„И не насъ они боятся: сегодня мы здѣсь, а завтра и нѣту никого. Идеи они нашей боятся, правды нашей. Ты пойми...“ Онъ вплотную придвинулся къ Степану; настойчиво, упрямо онъ передавалъ ему фразу за фразой, отчеканивая каждое слово, всю душу свою вкладывая въ свои рѣчи. „Вы вотъ здѣсь стоите и никакого пониманія не имѣете, и не видите, какъ они паутиной то васъ кругомъ опутали, — хитро и очень даже остроумно“...

„Заслониться совсѣмъ отъ правды, какъ отъ солнца, не могутъ, — ну, и пиши ты объ ней такъ, чтобы и понять-то нельзя было, пиши толстыя книжки, да мудреныя, да дорогія, чтобы и подступу къ нимъ нашему брату не было. А напишешь попросту, и печатать не дадутъ, да и самого утопятъ. И топятъ, топятъ они людей“... Василій волновался все больше, все настойчивѣе разсказывалъ онъ, какъ „они“ душатъ мысли и людей, — вездѣ: и въ городѣ, и въ деревнѣ, и въ деревенской школѣ, и въ академіи, и въ церкви, и въ театрѣ. „На каждое слово смраду напустятъ, надъ каждымъ человѣкомъ надсмѣются, надругаются“.

„Свободы они боятся... вотъ! Отъ свободы смерть имъ... Для себя просторъ-отъ берегутъ, чтобы помѣхи имъ не было, чтобы имъ, толстопузымъ, безобразить вольготнѣй было. И безобразятъ они, и нахальничаютъ, и безобразному нахальству ихъ конца-краю не видно“.

„Такъ пойми ты: вѣдь нужно ихъ нахальничанью предѣлъ положить? Нельзя, пойми, нельзя, силы нѣту это терпѣть! Ты пойми...“ Онъ нагнулся къ Степану, крѣпко схватилъ его за армякъ; онъ старался заглянуть ему въ самые глаза, въ самую душу.

Степанъ приподнялся и грубо, злобно отбросилъ его въ сторону: „А ты не напирай! Чего навалился?“

Слова застряли въ горлѣ ткача, и онъ опять опустился на траву.

Мертвая тишина охватила ихъ. Послѣдніе звуки исчезли: затихъ даже неугомонный перепелъ. Вся природа съ изумленіемъ смотрѣла на эту страстную борьбу двухъ людей; точно понимала она, какая важная, огромная борьба ведется здѣсь, точно она внимательно слѣдила за этой борьбой и, затаясь, съ нетерпѣніемъ ждала исхода. Только туманъ по прежнему волнами поднимался съ рѣки и подвигался все ближе и ближе, да какая-то на смерть перепуганная пичуга съ тревожнымъ щебетомъ промелькнула надъ костромъ и снова исчезла въ темномъ воздухѣ.

Василій снова приподнялся Нервная холодная дрожь пробѣгала по его тѣлу. Душа его, какъ птица, билась въ темнотѣ и искала выхода. Ему нужно было, чтобы кто-нибудь понялъ его, ему нужно было завоевать себѣ товарища: иначе (это было ему ясно) — иначе чувство одиночества и затерянности задушило бы его.

„Господи! и отчего вы не понимаете? (голосъ его звенѣлъ). Ты, Степанъ, глянь только, сколько обиды кругомъ, — сколько обиды кругомъ, сколько издѣвки. Вѣдь васъ, какъ скотину, обратали, хомутъ вамъ на шею надѣли: ворочай, гни, сѣй... изо дня въ день, изъ году въ годъ... А у васъ, какъ у скотины вашей, только ребра наружу. Сѣли вамъ на шею и кнутомъ погоняютъ — и десятскій, и сотскій, и земскій, и панъ: тащи, мужикъ, въ казну, тащи, мужикъ, въ кабакъ! Вѣдь и мысли всѣ ваши связали, и глотку грязью заткнули, и въ навозѣ васъ вываляли... А вы... а вы... а вы понимать не хотите, а вы понять не можете. И подходу къ вамъ нѣту: загородились... захоронились...“ Его напряженный звенящій голосъ долго еще звучалъ среди ночной тишины.

Изъ-за костра приподнялась маленькая высохшая фигура старика съ желтымъ и сморщеннымъ, какъ выжатый лимонъ, лицомъ, съ маленькими злыми глазами и съ жесткой, рѣдкой, какъ у китайца, бородой. Казалось, онъ поднялся изъ-подъ земли, и земля прилипла и на согнутыхъ пальцахъ его, и между глубокими морщинами его лица. Онъ уставился глазами на Василія, и губы его быстро жевали. Черная, какъ смоль, бороденка клиномъ шевелилась, точно живая.

„Да! и въ навозѣ вываляли, и раззорили насъ... Это такъ! прошамкалъ онъ. А ты кто такой объявился, понятливый! Проповѣдь-то отчитываешь, а въ Бога не вѣруешь. Мимо храма Божьяго идешь, шапку на затылкѣ бережешь. По твоему, кто его, Бога-то, выдумалъ, а? Пор-р-роть тебя, парень, надыть, — вотъ что!“

Степанъ медленно поднялся на ноги и, не глядя на Василія, злобнымъ, измѣнившимся голосомъ сказалъ ему: „А ты не напирай! Навалился, какъ медвѣдь на козу. Не напирай, дай срокъ!“

Онъ медленно пошелъ къ рѣкѣ, и фигура его быстро потонула въ бѣломъ туманѣ, только черный слѣдъ остался на росистой травѣ.

„Вотъ! слышалъ, что тебѣ малый сказалъ? продолжалъ старикъ: не напирай — вотъ! А то плохо тебѣ, парень, будетъ: дай срокъ“...

„А ты, старая ворона, громко отвѣтилъ Василій, въ чужую борозду не лѣзь, своей придерживайся!“

Онъ быстро съ головою закутался въ армякъ и легъ на землю.

„Дай срокъ! дай срокъ!“ ворчалъ старикъ, укладываясь въ свою очередь.

И природа перевела духъ: пахнуло вѣткомъ, гдѣ-то заквакала лягушка. Костеръ еле дымился.

Когда Василій проснулся, солнце уже торжественно поднималось надъ горизонтомъ. Ребята, громко перекликаясь, ловили лошадей. Степанъ угрюмо и сосредоточенно распутывалъ своего сѣраго мерина. Положивъ на него армякъ, онъ неуклюже взобрался на спину мерина и подъѣхалъ къ Василію.

„Вставай, Васька, день!“ громко сказалъ онъ и, нагнувшись и глядя Василію прямо въ глаза, таинственно прибавилъ: „А ты не напирай: сроку дай. Да при старикахъ остерегись: бѣды наживешь. Снохачи!“ прибавилъ онъ какъ бы въ поясненіе и ударилъ мерина веревкой. Мимо пронеслись съ топотомъ и криками возвращавшіеся домой ребята.

Василій глубоко вдохнулъ свѣжій воздухъ. Еще не высохшій лугъ весь сіялъ и переливался въ солнечныхъ лучахъ, гдѣ-то въ небѣ радостно трепеталъ жаворонокъ, а вдали звонко ржалъ отбившійся отъ табуна жеребенокъ.

Василій удивленно смотрѣлъ на все это, онъ какъ будто въ первый разъ замѣтилъ, сколько жизни розлито кругомъ, и онъ чувствовалъ, что и въ немъ прибыло и жизни, и вѣры, что и онъ не будетъ болѣе себя чувствовать такимъ одинокимъ среди зеленѣющихъ полей. Измученное лицо Василія нѣсколько оживилось.

Н. Л. К.

татѣ чего Е. устраненъ и замѣненъ другимъ, болѣе подкладистымъ. Это заявленіе элементарной порядочности трактуется либеральной частью общества, какъ актъ величайшаго гражданскаго мужества; всѣ рады, что нашелся хоть одинъ человѣкъ, плюнувшій въ лицо этой гадинѣ; но открыто выразить сочувствіе и солидарность съ Е. не рѣшился до сихъ поръ никто даже изъ врачей. О, мудрые, дряблые либералы!!

Воронежъ (изъ частнаго письма). „У насъ тутъ въ Воронежѣ разыгралась недавно цѣлая исторія. Здѣшній уѣздный комитетъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности составилъ докладъ, гдѣ говорится о необходимости развитія мѣстнаго самоуправленія, и во главѣ его „всероссійское земство“ съ правомъ избирательной иниціативы; затѣмъ, о необходимости гарантій личной свободы, свободы совѣсти, печати, слова, собраній, о націонализаціи земли и т. д. На засѣданіи комитета одинъ членъ его, С. В. Мартыновъ, уѣздный гласный и земскій врачъ, предлагалъ комитету признать себя некомпетентнымъ органомъ для рѣшенія вопроса о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, такъ какъ составъ комитета случайный, зависящій отъ благоусмотрѣнія администраціи и юридически не пользующійся никакими правами. Но, рекомендуя признать себя некомпетентными, Мартыновъ предлагалъ, въ виду крайне ненормальнаго положенія не только Воронежской губерніи, но и всей страны, рекомендовать правительству созвать совѣщаніе изъ выборныхъ отъ всего населенія, гарантировавъ выборнымъ неприкосновенность ихъ личности за все то, что они будутъ говорить въ представительномъ собраніи. Другой членъ комитета, гласный и извѣстный педагогъ Бунаковъ, предлагалъ комитету разойтись, такъ какъ положеніе страны настолько безотрадно, что безъ радикальныхъ перемѣнъ всего политико-экономическаго строя Россіи, говорить о частичныхъ агрикультурныхъ мѣропріятіяхъ не только безполезно, но и вредно, такъ какъ это только отвлекаетъ отъ насущныхъ вопросовъ. Комитетъ не согласился съ мнѣніями Мартынова и Бунакова и выработалъ упомянутый выше докладъ, принятый комитетомъ единогласно. Затѣмъ докладъ былъ переданъ, въ числѣ прочихъ, въ губернскій комитетъ, гдѣ его должны были обсуждать, такъ какъ губернаторъ допустилъ его въ число докладовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію губернскаго комитета. Все это происходило въ сентябрѣ и октябрѣ мѣсяцахъ. Публика, сразу заинтересовавшаяся всѣми этими вопросами, помаленьку приходила въ норму и стала уже забывать... какъ вдругъ, въ самыхъ послѣднихъ числахъ октября, губернаторъ получилъ запросъ, кто отвѣтственное лицо за докладъ Воронежскаго комитета. Алисовъ, уѣздный предводитель дворянства, предсѣдательствовавшій въ комитетѣ, сказалъ, что всю отвѣтственность онъ принимаетъ на себя. Губернаторъ, только-что получившій двухъмѣсячный отпускъ за-границу, скачетъ къ Плеве въ Ливадію. Оттуда телеграммой вызываютъ Алисова. 26 окт., по телеграммѣ изъ Питера, дѣлаютъ обыскъ у Бунакова и Мартынова. Отъ Бунакова берутъ подписку о немедленномъ выѣздѣ въ СПБ., а Мартынова арестуютъ и везутъ туда-же. 1 ноября пріѣхалъ сюда тов. мин. вн. дѣлъ Зиновьевъ для разслѣдованія всего этого дѣла. Губернаторъ уволенъ. Всѣ члены коммиссіи, составлявшей докладъ комитета, приглашены быть 1 и 2 ноября въ Воронежѣ для бесѣды съ Зиновьевымъ....“

Херсонъ. Давно уже (съ самаго 1899 г.) стало замѣчаться среди старшихъ гимназистовъ Херсонской гимназіи броженіе.

Учителя, эти продажные и омертвѣвшіе въ своей рутинѣ чиновники-педагоги, не на шутку встревожились: кружки, чтеніе литературы, живой обмѣнъ мыслей, идеальныя общественныя стремленія стать на защиту угнетенныхъ—вѣдь это такъ не похоже на то, что они привыкли сами создавать въ своихъ питомцахъ, такъ чуждо имъ. Отъ этого вѣетъ такимъ свѣжимъ, честнымъ и новымъ, что единственнымъ отношеніемъ „бывшихъ людей“ къ этимъ новымъ явленіямъ могла стать только травля, самая безстыдная и наглая травля. Учителя начали шпіонить за учениками, выпытывать ихъ убѣжденія, читать цѣлымъ классамъ о безсмысленности студенческихъ волненій, о злонамѣренныхъ людяхъ, о наказаніяхъ, которыя повлечетъ за собой малѣйшая замѣченная связь между учениками и поднадзорными и т. д. Зимою этого года одинъ изъ гимназистовъ 8-го класса въ пьяномъ видѣ (а надо сказать, что гимназисты рѣзко дѣлятся на меньшинство—серьезныхъ и мыслящихъ, и большинство—кутилъ, шпютовъ и будущихъ карьеристовъ) безъ всякаго намѣренія прострѣлилъ портретъ нашего Николая, и вѣдь экая шальная пуля: попала прямо въ сердце! Представьте себѣ переполохъ среди учителей и инспекціи. Въ этомъ фактѣ они увидѣли политическое преступленіе, учиненное неблагонадежнымъ гимназистомъ. Сейчасъ же всѣ восьмиклассники были призваны въ кабинетъ директора и самымъ строгимъ образомъ допрошены: кто и съ какой цѣлью совершилъ такой ужасный и дерзкій поступокъ. Директоръ ничего не добился и, такъ какъ онъ, очевидно, самъ сильно струсилъ, то рѣшилъ прикрыть это дѣло, приказавъ ученикамъ никому не говорить о случившемся. Прострѣленный портретъ былъ замѣненъ новымъ—и дѣло, кажется, обѣщало этимъ кончиться. Но вотъ пріѣхалъ къ намъ новый помпадуръ-губернаторъ. Узнавъ, по доносу отъ какого-то усерднаго обывателя, о случившемся въ гимназіи, онъ предписалъ директору и всему педагогическому персоналу учинить форменный допросъ. И вотъ весь сонмъ учителей обратился въ форменныхъ жандармовъ. Во главѣ съ директоромъ, весь педагогическій персоналъ допрашивалъ учениковъ 8-го класса, каждаго поочередно, стараясь выпытать, кто прострѣлилъ. Пріемы допроса носили поистинѣ жандармскій характеръ. Учителя старались сбить учениковъ перекрестными вопросами, убѣждая выдать своего товарища, такъ какъ, дескать, уже и такъ извѣстно, кто стрѣлялъ. Усердно допытывались, не участвовали-ли въ кружкахъ, не читали ли соціалистической литературы, не носили ли ее въ классъ и т. п. Всѣ показанія записывались и подписывались учениками. Кончилось тѣмъ, что нѣсколько учениковъ-собутыльниковъ стрѣлявшаго выдали его. Въ видѣ наказанія, стрѣлявшій получилъ 4 за поведеніе въ аттестатѣ, а всѣ „неблагонадежные“ — дурныя характеристики. Итакъ, наши учителя, воспитатели молодежи, съ покорностью, готовностью и ревностью прозелитовъ, взялись за новую службу царю и отечеству—службу жандармовъ и сыщиковъ. До большаго позора, продажности и своего „я“, кажется, дойти нельзя. Какими словами заклеймить это гнусное, мерзкое дѣло нашихъ учителей?

Позорное усердіе. (Изъ Чернигова). Бесѣда между черниговскимъ губ. Андреевскимъ съ предсѣдателемъ Глуховской земской управы Аммосовымъ:

Губернаторъ: У васъ тамъ есть фельдшерица Алексѣева... Присмотрите за нею... Ея отецъ былъ письмоводителемъ въ Шостенскомъ пороховомъ заводѣ и теперь обвиняется въ государственномъ преступленіи. Сынъ его также человѣкъ политически неблагонадежный. Такъ вотъ и за дочкой нужно бы присматривать...

Аммосовъ отвѣчаетъ, что онъ не можетъ исполнить эту просьбу, объяснивъ этотъ свой отказъ не нежеланіемъ играть роль шпіона, а просто техническою трудностью для него выполнять эту миссію. „Вотъ если бы В. П. дали мнѣ предписаніе уволить Алексѣеву со службы, это я бы мигомъ выполнилъ...“

Губернаторъ: Къ сожалѣнію, такого предписанія я Вамъ дать не могу... нѣтъ для этого у меня никакихъ основаній... Но я очень былъ бы доволенъ, если бы Вы сами уволили Алексѣеву со службы...

Аммосовъ: Если такъ... я готовъ...

Алексѣева была немедленно уволена... Неправда-ли, интересная картинка?! Губернаторъ не находитъ основаній увольнять Алексѣеву, а вотъ г. предсѣдатель уѣздной земской управы, представитель уѣзднаго земства... находитъ... Но нашъ земецъ захотѣлъ еще дальше пойти: слѣдуя, вѣроятно, завѣту стараго Іеговы („на васъ и дѣтей вашихъ“...) Аммосовъ рѣшилъ насолить и другой дочери того же Алексѣева: онъ хотѣлъ помѣшать ей получить стипендію отъ губ. земства на фельдшерскіе курсы; на вопросъ губ. управы, на какомъ основаніи глуховская у здная земская управа отклоняетъ просьбу Алексѣевой, земецъ грубополицейски отвѣтилъ, что онъ не считаетъ нужнымъ объяснять это... — Чтобы читатель составилъ себѣ болѣе полное представленіе о личности предсѣдателя глуховской земской управы, мы разскажемъ о немъ слѣдующую исторію. Службу свою престолу Аммосовъ началъ еще на студенческой скамьѣ. Когда умеръ Александръ III, онъ вздумалъ собрать среди студентовъ деньги на вѣнокъ. Денегъ ему собрать не удалось. Тогда онъ купилъ вѣнокъ на свои деньги и повезъ его въ Москву — возложить на гробъ, гдѣ оффиціально заявилъ, что пріѣхалъ возложить вѣнокъ по порученію и отъ имени кіевскаго студенчества. Эта архи-подлая уловка надѣлала такого шума среди кіевскаго студенчества, что Аммос. предпочелъ убраться изъ университета.

„Черный кабинетъ.“

М. Ф. Секретно

Нач. Одес. почт.-телегр. окр. Гг. начальникамъ почтово телеграфныхъ и почтовыхъ учрежденій одесскаго округа.
Іюля 1902 г. № 75.

И. Д. Директора Департамента Полиціи увѣдомилъ меня, что что за послѣднее время усилилась пересылка по почтѣ изъ-заграницы революціонныхъ изданій на имя разныхъ лицъ. Вслѣдствіе этого и на основаніи предписанія г. Начальника Главнаго Управленія Почтъ и Телеграфовъ отъ 19 іюня сего года за № 197 подтверждаю Вамъ о неуклонномъ исполненіи данныхъ по сему предмету правилъ (циркуляръ 6 іюня 1895 г. за № аа), при чемъ слѣдуетъ обращать особое вниманіе на международную корреспонденцію, адресуемую въ сельскія мѣстности на имя крестьянъ. Нач. Окр. Маевскій, дѣлопроизводит. Пѣтуховъ.

И такъ, г. начальникъ почтово-телеграфнаго округа Маевскій состоитъ въ непосредственныхъ дѣловыхъ сношеніяхъ съ директоромъ департамента полиціи! Какими законами это предусмотрѣно?

Результаты травли ссыльныхъ. Якутскъ. 20 авг. разбиралось здѣсь въ окружномъ судѣ, при закрытыхъ дверяхъ, дѣло политическаго ссыльнаго Николая Лузина (сосланъ изъ Тифлиса), по обвиненію его въ покушеніи на убійство верхоянскаго исправника въ февралѣ этого (1902) года (ст. 9 и 1 ч. 1454 Ул. о нак.). Послѣ судебнаго слѣдствія и рѣчи прокурора, требовавшаго наказать „безъ послабленія“ (отъ 12 до 15 лѣтъ каторжн. работы), Лузинъ сказалъ дословно слѣдующее:

„Объясняя причину своего покушенія на жизнь верхоянскаго исправника, — какъ на слѣдствіи предварительномъ, такъ и судебномъ, — я указалъ, что покушеніе это есть актъ открытой мести, вынужденный у меня произволомъ существующаго правительства. Произволъ этотъ мнѣ пришлось переносить на себѣ въ теченіе болѣе чѣмъ двухъ лѣтъ ссылки и особенно весной 1901 г., когда якутская администрація производила надо мною чуть-ли не истязанія. Такъ какъ это послѣднее обстоятельство не можетъ не быть извѣстнымъ каждому изъ присутствующихъ, то распространяться о немъ я нахожу излишнимъ (см. „Искру“ № 9); замѣчу только, что оно послужило послѣднимъ толчкомъ, вызвавшимъ мое покушеніе.

Верхоянскій исправникъ сдѣлался объектомъ моей мести только потому, что, живя въ Верхоянскѣ, я не имѣлъ возможности встрѣтить болѣе виднаго представителя администраціи.

Развивая свои показанія, я могъ бы доказать, что на покушеніе я былъ именно вынужденъ насиліемъ властей, — что въ этомъ случаѣ я дѣйствовалъ, подчиняясь лишь голосу справедливости, — и что, слѣдовательно, на самомъ дѣлѣ виновенъ не я, а существующее правительство. Суду пришлось бы, такимъ образомъ, оправдать меня, тѣмъ самымъ осудивъ правительство, вынуждающее на преступленія!

Но я знаю, что коронный судъ этого сдѣлать не можетъ ни въ какомъ случаѣ. Являясь органомъ того же правительства, онъ не имѣетъ даже права разсматривать дѣла между частнымъ лицомъ и правительствомъ, а если онъ это беретъ на себя, значитъ, ему нужно не выясненіе истины, а мое осужденіе во что бы то ни стало. При такихъ условіяхъ всякая защита явилась бы безплодной, — и мнѣ остается только одно: принять молчаливо какой бы то ни было обвинительный приговоръ суда, какъ насиліе, передъ которымъ безсильно слово истины“.

Судъ приговорилъ Лузина къ четыремъ годамъ каторжныхъ работъ. Апелляціи отъ Лузина не поступило. 3 сент. приговоръ объявленъ въ окончат. формѣ, а 17 вошелъ въ законную силу.

Нами только недавно полученъ слѣдующій документъ, изданный Нижегородскимъ Комитетомъ Партіи въ іюнѣ сего года:

Адресъ Виленскимъ рабочимъ—полякамъ и евреямъ — по поводу звѣрствъ, совершенныхъ надъ ними нашимъ царскимъ правительствомъ:

Виленскіе товарищи, еврейскіе и польскіе рабочіе! Въ маѣ сего года нами, сормовскими рабочими, были получены извѣстія о вашей майской демонстраціи, девизъ которой былъ „политическая свобода“. Изъ этихъ же извѣстій мы, сормовцы, узнали, какъ звѣрски съ вами, товарищи, расправились наши деспоты, какъ васъ — борцовъ за свободу и честь угнетеннаго пролетаріата, — въ присутствіи представителя губерніи, изверга барона фонъ-Валя, сѣкли; какъ небывало-жестоко надъ вами издѣвались, причиняя вамъ физическія и нравственныя страданія, безконтрольно власть имущіе люди. Поэтому мы, сормовскіе рабочіе, слыша объ издѣвательствахъ надъ нашими братьями-рабочими поляками и евреями, и сознавая, что только объединяясь безъ различія націй и религій, подъ знаменемъ международнаго соціализма, мы, пролетаріи, будемъ способны сбросить рабство капитала и царство кнута и нагайки, — мы, сормовскіе рабочіе, спѣшимъ выразить свое горяче сочувствіе нашимъ братьямъ-рабочимъ, евреямъ и полякамъ, храбро борющимся и жертвующимъ своей жизнью за дорогую для всѣхъ угнетенныхъ свободу. Да будетъ вѣчная память герою-мстителю за оскорбленную честь пролетаріата — еврею Лекерту, павшему отъ рукъ палачей! Привѣтствуемъ васъ, товарищи, уже раздавшимся въ Сормовѣ 1 мая крикомъ: „долой самодержавіе,“ „да здравствуетъ политическая свобода!“, „да здравствуетъ международное братство.“

Организація Сормовскихъ рабочихъ.

Къ адресу присоединяется и Нижегородская Раб. Организація.

ИЗЪ ДЕРЕВНИ.

Изъ Озургетскаго уѣзда (Кутаисской губ.). Не прошло и нѣсколькихъ мѣсяцевъ послѣ полтавскихъ и харьковскихъ событій, какъ наше забитое общество явилось свидѣтелемъ пробужденія крестьянской массы, на этотъ разъ на далекой окраинѣ, въ Закавказьѣ.

Довольно поздно вступила наша страна на путь революціоннаго движенія. Всего 5-6 лѣтъ тому назадъ у насъ ни о чемъ не было слышно. Но разъ вступивъ на этотъ путь, горячій южанинъ далеко и быстро разноситъ новыя идеи, даже въ деревенскую глушь, находя вездѣ и всюду, особенно среди молодежи, горячій пріемъ. Примѣромъ можетъ служить Озургетскій уѣздъ. Онъ давно считается у насъ бѣднѣйшимъ въ Закавказьѣ. Недостатокъ земли у крестьянъ сдѣлалъ невозможнымъ ихъ экономическое благосостояніе. Но это и вызвало сильное культурное поднятіе деревни. Не находя способовъ удовлетворенія потребностей на мѣстѣ, крестьяне бѣжали изъ деревень въ города въ наемные рабочіе и на разные другіе отхожіе промыслы. Такимъ образомъ, крестьянинъ приходилъ въ столкновеніе съ цивилизованнымъ міромъ, и всѣ выгоды культурныхъ пріобрѣтеній въ жизненной борьбѣ становились для него ясны. Это и вызвало въ деревнѣ насажденіе школъ, библіотекъ и т. п. просвѣтительныхъ учрежденій. Благодаря этому, Озургетскій уѣздъ очень рано поднялся въ культурномъ отношеніи, и онъ давно слыветъ у насъ передовымъ.

Къ этому присоединилось одно важное обстоятельство, которое окончательно встряхнуло крестьянъ. Въ мартѣ н. г. распоряженіемъ губернской администраціи, послѣ знаменитой стачки, изъ Батума были высланы въ деревни болѣе 300 раб., преимущественно изъ крестьянъ Озургетскаго уѣзда. Эти-то рабочіе и явились піонерами революціоннаго движенія въ деревнѣ. Такимъ образомъ, близорукость правительства, какъ весьма часто случается, послужила на пользу революціи. Рабочіе привнесли новыя идеи въ среду крестьянства, взбудораженнаго убійствами „христолюбивымъ воинствомъ“ 15 рабочихъ. Тотчасъ же крестьяне выступили противъ двухъ сословій, землевладѣльцевъ и духовенства.

Чтобы понять положеніе вещей, нужно обратить вниманіе на земельныя отношенія, существующія въ Озургетскомъ уѣздѣ. Болѣе трехъ-четвертей всей площади земли находится въ рукахъ крупныхъ и мелкихъ землевладѣльцевъ-дворянъ. Остальная часть населенія — огромная масса крестьянства — испытываетъ крайній недостатокъ въ землѣ, такъ что принуждена пользоваться помѣщичьей землей на арендныхъ условіяхъ. Землевладѣльческій классъ не преминулъ выжать послѣдніе соки изъ крестьянъ. Крестьянинъ-арендаторъ принужденъ треть, иногда даже половину урожая отдавать землевладѣльцу, при чемъ, что хуже всего, обязанъ доставлять на домъ помѣщику или его управляющему, хотя бы приходилось перевозить на разстояніе 30 верстъ и болѣе. Но главное зло въ томъ, что за единицу принимаются всегда обильные урожаи, хотя бы въ данномъ году совсѣмъ не было урожая, такъ что крестьянинъ въ такихъ случаяхъ обязанъ дать помѣщику изъ собственныхъ средствъ треть предполагаемаго урожая. Но зло и этимъ не ограничивается. У крестьянъ нѣтъ выгона для скота. Землевладѣлецъ, пользуясь этимъ, часто получаетъ за право выгона не меньше половины всей стоимости животнаго, не считая того, что часто помѣщики и ихъ управляющіе захватываютъ животныхъ, бьютъ, держатъ цѣлыми днями безъ корма и т. д. Однимъ словомъ, крестьянинъ закабаленъ землевладѣльцу. Добавить къ этому обычное притѣсненіе духовенства, тяжесть государственныхъ налоговъ и различныхъ сельскихъ повинностей, — и станетъ ясна картина бѣдственнаго положенія крестьянства.

Еще въ маѣ мѣсяцѣ крестьяне отказались обрабатывать помѣщичью землю, если земельная рента не будетъ понижена до одной шестой, а по мѣстамъ даже до одной десятой съ урожая, и не будутъ уничтожены всѣ злоупотребленія по выгону скота. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ поговаривали и объ уничтоженіи какихъ-то „драмовыхъ денегъ“, платимыхъ духовенству подымно въ размѣрѣ 2 руб. ежегодно. Но вдругъ разносится вѣсть о полтавскихъ и харковскихъ событіяхъ. Крестьяне съ радостью привѣтствовали своихъ новыхъ товарищей. Это еще болѣе ободрило по мѣстамъ еще безмолствовавшихъ крестьянъ, такъ что постепенно крестьяне цѣлаго уѣзда начали предъявлять вышеуказанныя условія, отказываясь, въ противномъ случаѣ, обрабатывать землю, и отказались платить „драмовыя деньги“ духовенству.

Разумѣется, и администрація не спала. Ей все мерещился „бунтъ“ противъ правительства, хотя нужно сказать, что крестьянская масса противъ правительства рѣдко что говорила, взваливая всю вину своего бѣдственнаго положенія на низшую администрацію, которая якобы не сообщаетъ высшему начальству о нуждахъ крестьянства и т. п.

На помощь администраціи явилась цѣлая свора добровольныхъ шпіоновъ изъ среды духовенства и дворянства, рѣшившихъ во что бы то ни стало не уступать „голышамъ“. Впрочемъ, бывали примѣры уступокъ со стороны какъ дворянъ, такъ и духовенства, примѣры, строго наказываемые администраціей. На это крестьянство въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отвѣтило убійствами и поджогами: возгорѣлась гражданская война.

Администрація — губернаторъ, помощникъ губернатора, уѣздный начальникъ, пристава — принялись искоренять „крамолу“, наказывать „зачинщиковъ“, требуя выдачи послѣднихъ отъ крестьянскихъ сходовъ при разъѣздахъ по деревнямъ. Получая отказъ, они арестовывали и арестовываютъ всѣхъ и всякаго. Арестовывали и арестовываютъ всѣхъ „приличныхъ“, по ихъ выраженію, людей хотя бы только что прибывшихъ изъ города или другого мѣста и совсѣмъ не знакомыхъ съ крестьянскими дѣлами. Въ своихъ стремленіяхъ устрашить крестьянство, администрація не различала больныхъ и здоровыхъ, арестовывая кого попало. Такъ, 8 сентября арестованъ фельдшеръ Ан. Рамишвили при 40° темп., въ злокачественной лихорадкѣ, не встававшій съ постели болѣе двухъ недѣль. Цѣлыми партіями — часто въ 60 чел. и болѣе — арестованные доставляются въ Озургеты, Батумъ и Кутаисъ, а за послѣднее время даже и въ Тифлисъ, при чемъ помѣщаются такими же партіями въ душной и небольшой камерѣ... Во многихъ селеніяхъ свирѣпствуетъ экзекуція. Закрыты всѣ библіотеки въ уѣздѣ.

Но все это послужило на пользу крестьянству. Оно лицомъ къ лицу столкнулось съ полиціей, жандармеріей и губернской властью; оно прежде и представить себѣ не могло, что правительство защищаетъ несправедливыя требованія землевладѣльцевъ и духовенства. Теперь, по крайней мѣрѣ, передовая часть крестьянства знаетъ, что главный его врагъ, — это царское самодержавіе, гнетущее „обывателя“.

Недовольный.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ
и
ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Скопинъ. Скопинъ, нѣкогда крупный центръ хлѣбной торговли, прогремѣвшій по всей Россіи Рыковской панамой, въ настоящее время небольшой пятнадцатитысячный городокъ. Онъ пережилъ и свое торговое значеніе, благодаря проведенію по сосѣдству желѣзныхъ дорогъ, оттянувшихъ отъ него хлѣбные грузы, пережилъ, можно сказать, и свою славу, отъ которой остался только милліонный долгъ, всей тяжестью падающій на городской бюджетъ. Верстъ за 15 отъ него самыя крупныя каменноугольныя копи московскаго бассейна съ пятьюстами рабочихъ-крестьянъ; принадлежатъ онѣ французской анонимной кампаніи. Лѣтъ 16 тому назадъ въ „шахтахъ“ былъ большой бунтъ, но съ тѣхъ поръ до прошлаго года рабочіе ничѣмъ себя не заявляли.

Прошлый годъ прошелъ неспокойно: въ небольшой промежуткѣ времени „шахты“ были разгромлены два раза; готовился и третій бунтъ, но почему-то не состоялся. Любопытно, что наивность нѣкоторыхъ крестьянъ шла такъ далеко, что въ свои планы они посвящали даже земскаго начальника. Разгромы быстро подняли настроеніе рабочихъ: броженіе среди нихъ не прекращалось и къ сентябрю весьма обострилось.

На ряду съ этимъ начинаетъ проявляться сознательная революціонная работа. Къ первому мая текущаго года многіе мѣстные ремесленники, рабочіе и приказчики получили письма, раскрывающія передъ ними всю безвыходность положенія разрозненной трудящейся массы и призывающія къ объединенію и борьбѣ; къ письмамъ была приложена и прокламація на первое мая. И письма, и прокламація были безъ подписи, гектографированныя. Прокламаціи были разбросаны по всему городу также въ ночь на 19 апрѣля. Среди приказчиковъ въ настоящее время возникло движеніе, направленное на ограниченіе часовъ торговли. Въ думѣ уже разъ обсуждалась ихъ коллективная просьба; для окончательнаго рѣшенія вопроса дума постановила пригласить въ свое засѣданіе представителей отъ приказчиковъ.

Первое мая прошло, вообще говоря, тихо. Отказались отъ работы и праздновали маевку лишь рабочіе каретной мастерской Мызникова, силой принуждая присоединиться къ нимъ попавшихся на дорогѣ плотниковъ, да въ типографіи Благихъ работы были остановлены къ полудню.

Въ маѣ же мѣсяцѣ, по настоянію жандармской власти, въ квартирующемъ здѣсь Зарайскомъ полку былъ произведенъ пого-

ловный обыскъ солдатъ, при чемъ у одного изъ нихъ были найдены нелегальныя изданія. Ходятъ слухи, что при допросѣ перепугавшійся солдатъ оговорилъ одного изъ восьми студентовъ, отбывавшихъ здѣсь на основаніи временныхъ правилъ воинскую повинность.

Лѣтомъ возникли „осложненія“ въ крестьянствѣ. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ едва не были разобраны запасы въ хлѣбныхъ магазинахъ. Состоятельные крестьяне заявляли, что если правительство хочетъ кормить бѣдныхъ, пусть кормитъ на свой счетъ, а не на ихъ. Крестьяне упорно не соглашались также ссужать своими хлѣбными запасами другіе магазины, однако, въ концѣ концовъ, принуждены были уступить. Лѣтомъ же, въ одной изъ деревень, при покупкѣ у помѣщицы земли, благодаря юридическимъ недоразумѣніямъ, возникло весьма серьезное броженіе. Въ деревню послали полицію, которая успокоила крестьянъ угрозой казацкаго постоя.

Дабы выяснить воспріимчивость крестьянства къ агитаціи, въ сентябрѣ мѣсяцѣ были распространены въ 15 деревняхъ Скопинскаго, Пронскаго и Ряжескаго уѣздовъ прокламаціи, составленныя въ весьма умѣренномъ тонѣ. Вотъ ихъ содержаніе вкратцѣ: Благосостояніе крестьянства — основа благостостоянія всей Россіи, положеніе же крестьянъ въ настоящее время крайне тяжело. Испытаннымъ исторически средствомъ въ такихъ затрудненіяхъ является не самовольный раздѣлъ чужого имущества, не насиліе: примѣръ полтавскихъ и харьковскихъ безпорядковъ показываетъ всю негодность такихъ мѣръ. Собраніе народныхъ представителей у трона, участіе народа въ дѣлѣ правленія — вотъ къ чему прибѣгали въ трудные моменты русскій народъ и его цари. Въ этомъ и послѣдняя, до сихъ поръ невыполненная воля царя-Освободителя Александра II(?!). Крестьяне призываются отправить 19 февраля къ государю депутацію (ходоковъ) съ ходатайствомъ о призваніи къ дѣлу правленія народныхъ избранниковъ.

Искоренители крамолы крайне встревожены и озадачены невидимымъ врагомъ. Остроумнѣе всѣхъ оказался мѣстный предводитель дворянства Гологуановъ, рѣшившій, что крамолу куетъ его родственникъ и однофамилецъ, 12 лѣтъ уже занимающій постъ земскаго начальника. Дворянская честь, передъ которой преклоняется руководитель благороднаго сословія, не помѣшала ему отправить губернатору соотвѣтствующій доносъ, глубоко возмутившій мѣстное общество. Не смотря на энергичное отпирательство Гологуанова, авторство его, какъ утверждаютъ, было выяснено документально. Губернаторъ находится, повидимому, въ совершенно естественномъ недоумѣніи, какимъ образомъ одно и то же лицо 12 лѣтъ охраняло государственный порядокъ и... крамольничало. Чѣмъ кончится вся эта курьезная исторія, еще не извѣстно. — Въ сентябрѣ же мѣсяцѣ не далеко отъ Скопина былъ пойманъ прохожій, весьма неуважительно отзывавшійся о царѣ и его правительствѣ. Конечно, немедленно онъ былъ переданъ въ руки жандармской власти.

Екатеринославъ. Заготовщики устроили стачку, требуя 12-часовой рабочій день, увеличеніе платы. Послѣ четырехъ дней хозяева уступили, но только по той причинѣ, что наступали еврейскіе праздники, когда много работы. Но требованія ихъ не совсѣмъ точно выполнялись. Рабочіе снова объявили стачку, которая продолжалась три недѣли, при полномъ спокойствіи. Наконецъ, хозяева согласились признать 13-часовой рабочій день и увеличеніе платы.

Въ Новочеркасскѣ въ маѣ были разбросаты впервые маіскіе листки. Появились они въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, на желѣзодѣлательномъ заводѣ Отто и Миненкова и въ другихъ заведеніяхъ. Другіе листки около того же времени распространены въ мѣстной воинской командѣ. Листки вызвали переполохъ; въ юнкерскомъ училищѣ произвели обыскъ, но ничего не нашли. Теперь (въ сентябрѣ) начальникъ жандармскаго правленія вызывалъ къ себѣ для допроса о листкахъ хозяина слесарной мастерской Фесслера, управляющаго Неске и казаковъ мѣстной команды. „Разслѣдованіе“ не дало никакихъ результатовъ.

Изъ подмосковнаго района. На машиностроительномъ заводѣ Струве въ Коломнѣ идутъ волненія рабочихъ; заводъ падаетъ и, какъ говорятъ, съ новаго года вовсе закроется.

Очень ничтожны заработки на фабрикѣ Балашева (станція Куровская). Ткачи вырабатываютъ не болѣе 10 руб.

Не лучше дѣло и въ Егорьевскѣ. Рязанск. губ. Рабочее населеніе, доходящее здѣсь до 16,000 человѣкъ, еще крайне несознательно и враждебно иногда встрѣчаетъ попытки пропаганды. Нѣтъ здѣсь никакихъ просвѣтительныхъ учрежденій, масса живетъ въ полной темнотѣ. Въ апрѣлѣ этого года были здѣсь безпорядки на Хлудовской фабрикѣ. Причина — сокращеніе числа рабочихъ и отмѣна грошевой награды. Къ сожалѣнію, масса не слушалась совѣтовъ лучшихъ людей своей среды, а била окна и грабила. Тѣмъ не менѣе, кое-какія требованія были удовлетворены.

Въ Иркутскѣ въ 20 числахъ сент. распространенъ Иркутскимъ Комитетомъ Сиб. Соц.-демокр. Союза прокламація по поводу забастовки и демонстративнаго шествія красноярскихъ рабочихъ. Прокламація сначала подробно излагаетъ самое событіе, а затѣмъ, пользуясь имъ, указываетъ на необходимость объединенія, какъ на ту силу, которая всегда приведетъ къ побѣдѣ, какъ къ борьбѣ съ капиталистами-хозяевами, такъ и въ борьбѣ съ самодержавіемъ.

Черезъ 4-5 дней послѣ появленія этой прокламаціи (замѣчу въ скобкахъ, что составлена она очень неудачно) мѣстная жандармерія и полиція рѣшили сдѣлать и сдѣлали нашествіе.

Ночью было обыскано человѣкъ 8-10, главнымъ образомъ, высланные сюда студенты. Одинъ студентъ и одна старушка, тетка одного изъ студентовъ, приеланная сюда изъ Москвы яко-бы за пособничество своему племяннику, были арестованы и, переночевавъ въ участкѣ, выпущены. Племянникъ же этой старушки, у котораго предполагался обыскъ, по оплошности полиціи, не былъ найденъ въ эту ночь, ибо полиція попала совсѣмъ не въ ту квартиру, гдѣ онъ жилъ. При обыскахъ, — у одного неарестованнаго студента найдена была нелегальная книжка, у арестованнаго — кое-что списанное его рукой изъ нелегальныхъ источниковъ; у старушки же — прокламація соц.-рев. „Ко всѣмъ подданнымъ русскаго царя“, — „явно противоправительственнаго содержанія“, — какъ записано въ полицейскомъ протоколѣ. Въ городѣ много толковъ объ этомъ случаѣ.

Результаты поѣздки „шефа“ начинаютъ сказываться. Изъ Департамента Полиціи получена бумага, освобождающая отъ ссылки и гласнаго надзора нѣкоторыхъ изъ студентовъ. Каждый получающій такую амнистію разѣваетъ ротъ и неудомѣвающе спрашиваетъ: почему же именно меня, а не другого-кого?! Повидимому, правительство, не получивъ отъ „шефа“ никакихъ особыхъ данныхъ, торопится освободить просто „каждаго десятаго“, лишь бы выказать передъ встревоженнымъ духомъ русскихъ отцовъ и матерей свою заботливость и добросердечіе и тѣмъ успокоить солиднаго русскаго обывателя. Но... изъ овечьей шкуры предательски торчитъ волчья пасть!...

Харьковъ. Первое мая на Паровозостроительномъ заводѣ*). Съ утра заводъ имѣлъ свою обычную физіономію. Дымились заводскія трубы, стучали молота, и далеко-далеко разносился грохотъ станковъ. Глухо стучали удары клепальщиковъ по котламъ, сливаясь въ безконечный гулъ, наполнявшій воздухъ. Рабочіе стали въ свое время на работу, и казалось, что сегодня, какъ всегда, пройдетъ безконечно длинный рабочій день. Но если внутри мастерскихъ, гдѣ за станками сосредоточенно стояли рабочіе, вы не могли бы узнать, что сегодня первое мая, то за то у подъѣзда конторы вы сразу увидѣли бы, что сегодняшній день — далеко не обычный заводскій день. Тамъ, въ мастерскихъ, стоялъ грязный, изнуренный рабочій, проклиная въ душѣ тотъ гнетъ, который не даетъ ему даже отпраздновать рабочій праздникъ; здѣсь, у подъѣзда, собралась полиція, разодѣтая въ блестящіе мундиры, лакированные ботфорты и бѣлыя перчатки, въ ожиданіи „бунта“. На улицѣ, сопровождаемый сыщиками завода, шнырялъ директоръ, отдавая приказанія полиціи и разставляя посты городовыхъ. И какъ мило выглядѣло это единеніе директора завода, человѣка самовластнаго, не терпящаго вмѣшательства постороннихъ въ заводскія дѣла, съ околодочнымъ надзирателемъ! Но чего не сдѣлаетъ первое мая, чего не сдѣлаетъ страхъ передъ силой трехъ тысячъ рабочихъ!

Уже 9 час. утра. Полиція торжествуетъ. Вотъ что значитъ полиція! Рабочіе боятся и потому продолжаютъ тянуть лямку. Но это только съ одной стороны. Съ другой стороны, нѣсколько жалко. Вѣдь если бы рабочіе забунтовали, можно бы себя показать! Она-ли не съумѣетъ усмирить рабочихъ! Конечно, нѣсколько боязно, но можно отличиться: получить орденокъ, благодарность, можно угощаться на счетъ завода. Впрочемъ, они это дѣлаютъ сейчасъ же, не дожидаясь бунта. Да оно и лучше. Храбрость полиціи растетъ пропорціонально числу выпитыхъ бутылокъ...

Но что за дьявольщина! Слышатся крики, шумъ; бѣгутъ рабочіе. До гудка еще далеко. Гудокъ дается въ 12 час., а теперь только половина десятаго. Группа рабочихъ съ крикомъ бросается по всѣмъ мастерскимъ, требуя пріостановки работы. „Что же, праздновать, такъ праздновать! Бросай, братцы!“ Тутъ и тамъ образуются группы рабочихъ. Около паровозной мастерской столпились выходящіе рабочіе. Туда спѣшитъ завѣдующій этой мастерской; онъ спѣшитъ увѣщевать рабочихъ, но въ это время пальная гайка, брошенная изъ толпы, попадаетъ ему прямо въ бровь и разрѣзываетъ ее почти до глаза, оставляя на всю жизнь глубокій шрамъ. Въ другомъ уголку рабочіе бьютъ монтера, обвиняемаго въ предательствѣ. Въ механической мастерской въ завѣдующаго бросаютъ шрапнелями; онъ спѣшитъ убраться, но въ это время встрѣтившійся рабочій полосой желѣза разрѣзываетъ ему кожу на верхней части черепа. Въ другихъ мастерскихъ рабочіе бросаются на мастеровъ, но послѣдніе ускользаютъ.

Не дремлетъ и полиція. Галопомъ несутся казаки. Широко раскрываются передъ ними ворота завода, и казаки съ остервенѣніемъ бросаются на толпу. Какъ велико это остервенѣніе! Намъ кажется, что было бы оскорбительно для голоднаго звѣря сказать, что онъ бросается на добычу съ такимъ же остервенѣніемъ, какъ казаки на толпу. Гдѣ ужь тамъ голодному волку взять такую свирѣпость! Лошади ржутъ, казаки гикаютъ, а нагайки свистятъ и свистятъ. Рабочіе бросаются въ разсыпную. Только часть рабочихъ забирается въ мастерскую, и когда казаки хотятъ ее очистить, отстрѣливаются гайками. Послѣ нѣсколькихъ попытокъ проникнуть въ мастерскую, попытокъ, во время которыхъ казацкій офицеръ исчерпалъ всѣ военныя хитрости, предписываемыя и тактикой, и стратегіей, казаки отступили. Результатъ стычки — раненная лошадь и нѣсколько раненныхъ казаковъ.

Вскорѣ на заводъ прибыла пѣхота и была разставлена по всему двору постами.

Часовъ около десяти на заводъ, сопровождаемый эскортомъ казаковъ, прибылъ харьковскій губернаторъ князь Оболенскій. Принявъ рапортъ отъ полицмейстера и полковника, онъ направился во дворъ, гдѣ помѣщаются мастерскія. Здѣсь передъ небольшой кучкой рабочихъ онъ произнесъ рѣчь. Вотъ приблизительно эта рѣчь:

„Кто бунтуетъ, это все люди, находящіеся на содержаніи у иностранцевъ, это они мутятъ. Гдѣ лучше? Нѣмцы сюда ѣдутъ кормиться... Вездѣ есть богатые и бѣдные. Такъ ужъ Богомъ положено, вездѣ... Покажите страну, гдѣ этого нѣтъ... А? не покажете! Я могу стрѣлять, но не хочу стрѣлять, на мнѣ крестъ (показываетъ на шею). Пойдите работать. Вы должны работать. Всѣ должны работать... Если не пойдете, то ужъ придется сдѣлать такъ, какъ требуютъ отъ меня долгъ и присяга“.

Губернаторъ этой рѣчью не ограничился и передъ другой кучкой рабочихъ произнесъ вторую рѣчь:

„Кто мутитъ, это все жиды, находящіеся на откупу у иностранцевъ... Это они... А вы, бараны, тоже за ними. А гдѣ лучше? Нѣмцы сюда ѣдутъ кормиться... Вездѣ есть бѣдные и богатые. Такъ ужъ Богомъ положено... Я не хочу стрѣлять... На мнѣ крестъ... Я крестьянъ сѣкъ, они ничего не понимаютъ, но вы сами можете разобрать... Вамъ я этого не хочу дѣлать... Вы читаете всякія прокламаціи. Я тоже читалъ и ничего не понялъ... Я не понялъ, значитъ, вы навѣрно не понимаете... Я могу стрѣлять, я не буду стрѣлять, на мнѣ крестъ. . Идите работать. Чего вы молчите? Я прибѣгну къ тѣмъ мѣрамъ, которыя найду нужными. Гдѣ бунтовщики?“

Вскорѣ, благодаря усиленнымъ хлопотамъ полиціи и заводской администраціи, среди глубокой тишины, царившей на заводѣ, уныло завертѣлись нѣкоторые станки. Послѣ полудня на заводѣ работало человѣкъ 50 изъ трехъ тысячъ. Черезъ день на работу стали почти всѣ рабочіе. Въ ночь на первое мая и перваго мая было арестовано много рабочихъ.

Если сравнить то, что было въ 1900 г., съ тѣмъ, что было въ этомъ году, то приходится констатировать фактъ, что въ то время какъ въ 1900 г. рабочіе выказали полнѣйшее спокойствіе и полную солидарность, въ этомъ году они обнаружили излишекъ стремительности и полную дезорганизованность. Оно и понятно. Въ 1900 г., когда промышленный застой еще не чувствовался, когда, наоборотъ, все предвѣщало пышный расцвѣтъ промышленности, рабочій себя чувствовалъ хозяиномъ положенія. Перваго мая, въ 8 час. утра, заводъ сталъ, какъ одинъ человѣкъ. Рабочіе выставили требованія и вели себя совершенно спокойно. Не то въ этомъ году. Заводы не дорожатъ рабочими. Промышленный застой заставляетъ заводы сокращать число рабочихъ, рабочая масса угнетена и физически, и морально. Она не можетъ устроить организованную стачку. За то она вымещаетъ свою злобу и ненависть на мастерахъ, монтерахъ и, при случаѣ, накидывается на нихъ, а въ пылу раздраженія рабочіе готовы и на разрушеніе.

*) Отъ редакціи. Помѣщаемъ этотъ запоздалый разсказъ о маевкѣ нынѣшняго года въ Харьковѣ, какъ содержащій нѣ-

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

СТАЧКА АМЕРИКАНСКИХЪ УГЛЕКОПОВЪ.

22 октября пронзительные свистки нарушили мирную тишину, царившую въ поляхъ Пенсильваніи впродолженіе болѣе пяти мѣсяцевъ. 150.000 углекоповъ прекратили свой вынужденный покой и, опять отозвавшись на зовъ свистковъ, спустились въ кромѣшный адъ подземныхъ копей. Эта только-что кончившаяся великая стачка поучительна во многихъ отношеніяхъ.

Когда она около пяти мѣсяцевъ тому назадъ началась, трудно было предположить, что по своему развитію и исходу она будетъ чѣмъ-нибудь отличаться отъ многихъ другихъ крупныхъ стачекъ, которыя такъ часто здѣсь повторяются.

Интенсивный процессъ концентраціи капиталовъ и развитія трэстовъ, расширяющій съ головокружительной быстротой базисъ производства, хотя и увеличиваетъ въ такой же степени размѣры профессіональной организаціи рабочихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сильно уменьшаетъ ихъ шансы на успѣхъ въ экономическихъ схваткахъ съ крупными капиталистами. Послѣдніе не стѣсняются обыкновенно никакими средствами, и для нихъ „политика“ въ этой борьбѣ такъ же хороша, какъ и „экономика“.

Въ началѣ стачки директоръ каменно-угольнаго трэста, г. Бэръ, слѣдующимъ образомъ характеризовалъ ходъ этого рода столкновеній: „Стачка, вѣроятно, скоро кончится, говорилъ онъ, желая успокоить общественное мнѣніе. Мы найдемъ достаточно рабочихъ, чтобы работы не прекратились совершенно; тѣмъ временемъ стачечники, изнуренные голодомъ и разными лишеніями, раздраженные присутствіемъ скэбовъ (замѣщающихъ стачечниковъ) [illegible]

рабочихъ“. Это откровенное заявленіе г. Бэра очень характерно. Оно ясно и рельефно обнаруживаетъ методы, къ которымъ въ такихъ случаяхъ прибѣгаютъ обыкновенно капиталисты. Но на этотъ разъ г. Бэръ ошибся. Углекопы не пожелали доставить ему удовольствіе и не давали повода для кровопролитія.

Милиція, правда, была вызвана, но, при всемъ ея стараніи пресловутый порядокъ не нарушался, хотя углекопы упорно отстаивали свои интересы и не сдавались. Это тѣмъ болѣе удивительно, что въ этомъ отношеніи организація углекоповъ находится въ менѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ всѣ другія рабочія организаціи.

Одно изъ самыхъ главныхъ условій веденія крупной стачки, несомнѣнно — организованность, солидарность и, вообще, тѣсная связь между рабочими, составляющую армію борцовъ. Создать такую связь среди углекоповъ до сихъ поръ трудно удавалось. Въ погонѣ за дешевой рабочей силой и рабами, которыхъ можно было бы съ успѣхомъ противупоставить строптивымъ американцамъ, владѣльцы угольныхъ копей привлекали въ свои районы мало культурные элементы со всѣхъ концовъ земли. Въ результатѣ оказалось, что большинство углекоповъ — иностранцы, которые въ культурномъ отношеніи не только ниже американцевъ, не только не понимаютъ ихъ потребностей, привычекъ и обычаевъ, но не знаютъ и ихъ языка. Какъ тутъ объединить въ одну сильную организацію эти разнобразнѣйшіе элементы, когда поляки не понимаютъ венгерцевъ, венгерцы — итальянцевъ, послѣдніе — словаковъ, а всѣ вмѣстѣ не понимаютъ американцевъ, ихъ вождей и организаторовъ? Въ этомъ отчасти лежала причина почти постоянныхъ пораженій, которыя терпѣли углекопы въ борьбѣ за лучшія условія жизни. И если теперь „союзъ углекоповъ“, несмотря на такое разнообразіе составляющихъ его элементовъ, одержалъ блестящую побѣду надъ могущественнымъ трэстомъ, то главная заслуга въ этомъ по праву принадлежитъ президенту союза, энергичному вождю углекоповъ, Джону Митчелю.

Насколько можно видѣть изъ отчета, представленнаго секретаремъ на послѣднемъ конгрессѣ (1901 г.) этого союза, въ 1898 г. (когда Митчель былъ избранъ президентомъ) платящихъ членовъ организаціи было не болѣе 50.000, но съ 1898 г. по 1901 число это возросло до 250.000. Въ этотъ союзъ входятъ рабочіе каменноугольныхъ и антрацитныхъ копей. Съ хозяевами первыхъ рабочіе живутъ сравнительно въ мирѣ. Благодаря тому, что хозяева признаютъ союзъ, рабочіе въ этомъ районѣ добились сравнительно болѣе сносныхъ условій какъ въ отношеніи платы, такъ и въ отношеніи рабочаго времени. Не то въ районѣ антрацитовыхъ копей, лежащихъ, главныхъ образомъ, въ штатѣ Пенсильваніи. Могучій трэстъ, владѣющій почти всѣми копями, упорно не признавалъ организаціи рабочихъ, предпочитая вести переговоры съ каждымъ изъ нихъ въ отдѣльности. Не смотря на болѣе тяжелыя условія труда въ антрацитовыхъ копяхъ, рабочіе получали меньшую плату и имѣли болѣе длинный рабочій день. Всѣ старанія союза добиться какихъ-нибудь улучшеній кончились ничѣмъ. Рабочіе, теряя терпѣніе, рвались на борьбу, и если бы не энергичное противодѣйствіе Митчеля, стачка началась бы еще въ прошломъ году. Но Митчель требовалъ мира не для мира. Какъ талантливый организаторъ и дальновидный человѣкъ, онъ хотѣлъ мира, чтобы выиграть время для приготовленій къ войнѣ. Онъ зналъ силу и могущество своего предшественника; онъ зналъ, что отъ него онъ не можетъ ждать пощады. Когда позже состоялось рѣшеніе начать борьбу, углекопы были вполнѣ къ ней готовы.

Прежде, чѣмъ начать стачку, рабочіе передали свои требованія владѣльцамъ копей, предлагая имъ предоставить обсужденіе ихъ конференціи, составленной изъ выборныхъ трэста и союза. Капиталисты, конечно, на отрѣзъ отказались. Тогда рабочіе предложили имъ передать рѣшеніе спорнаго вопроса третейскому суду. Капиталисты и этого не захотѣли. Послѣ этого стачка была формально объявлена.

Рабочіе требовали, главнымъ образомъ: введенія 8-мичасоваго рабочаго дня, увеличенія платы на 20 проц. и точнаго взвѣшиванія количества угля, доставляемаго каждымъ углекопомъ. До сихъ поръ уголь принимался въ вагонеткахъ, наполненныхъ до верху. Капиталисты, конечно, ужъ заботились о томъ, чтобы содержащагося въ нихъ угля было вдвое больше требуемыхъ по уговору трехъ тоннъ. Требуя болѣе точнаго взвѣшиванія угля, рабочіе хотѣли также, чтобы при вѣсахъ находились ихъ представители, оплачиваемые изъ ихъ собственной кассы, которые слѣдили бы за тѣмъ, чтобы количество взвѣшиваемаго угля точно регистрировалось.

Стачка съ перваго же момента приняла крайне рѣшительный характеръ. Ни одна изъ сторонъ не проявляла склонности просить или давать пощаду. Во главѣ трэста стоялъ Бэръ, не только жестокій и неразборчивый въ средствахъ эксплуататоръ, но и принципіальный и непримиримый врагъ рабочихъ организацій. „Божественная премудрость, говорилъ онъ какъ-то разъ, снабдила капиталистовъ достаточными средствами, чтобы самимъ заботиться о своихъ рабочихъ“.

Вождемъ рабочей арміи былъ Джонъ Митчель. Еще молодой, но полный энергіи и силъ человѣкъ, онъ, по всей вѣроятности, будетъ играть очень крупную роль въ здѣшнемъ рабочемъ движеніи. Самъ углекопъ, онъ испыталъ на себѣ всю тяжесть условій этого труда и лучше всякаго знаетъ нужды и потребности углекоповъ.

Выше было указано, какъ благотворно его дѣятельность повліяла на ростъ союза углекоповъ; но его организаторскій талантъ и способности вождя проявились только во время описываемой стачки.

Какъ разумный тактикъ, онъ зналъ, что отъ рѣшительности и быстроты перваго натиска зависитъ, главнымъ образомъ, дальнѣйшее развитіе и, пожалуй, исходъ стачки; поэтому, не тратя времени на дипломатическіе переговоры съ хозяевами, не разбивая своей арміи на небольшіе отряды, какъ это дѣлалъ Шэферъ въ стачкѣ рабочихъ по обработкѣ стали, онъ сразу вызвалъ болѣе 100.000 рабочихъ на стачку, оставивъ лишь машинистовъ и рабочихъ при насосахъ. Если бы послѣдніе сразу присоединились къ стачкѣ, копи наполнились бы водой Митчель оставилъ ихъ на время, надѣясь, что капиталисты сдадутся. Но они не сдавались; мало того: они разослали агентовъ по всей странѣ нанимать рабочихъ; они выписали тысячи частно-наемныхъ полицейскихъ, вооруженныхъ съ ногъ до головы, якобы для обереганія ихъ собственности, но на самомъ дѣлѣ — для обереганія скэбовъ и провоцированія стачечниковъ.

Митчелю ничего другого не оставалось, какъ вызвать и остальныхъ рабочихъ на стачку, что онъ немедленно и сдѣлалъ.

Борьба стала разгораться все болѣе и болѣе. 150.000 рабочихъ, какъ грозная армія, стояли въ поляхъ Пенсильваніи, рѣшившись преодолѣвать и голодъ, и холодъ, и всяческія другія лишенія, чтобы добиться признанія своихъ правъ и улучшенія своего положенія. Ихъ противниками были только нѣсколько магнатовъ, но эти магнаты обладали несмѣтными богатствами и крупнымъ политическимъ вліяніемъ. Послѣдніе старались всякими способами дискредитировать рабочихъ передъ общественнымъ мнѣніемъ, они распространяли ложные слухи о буйствахъ, грабежахъ, пьянствѣ и т. д. Чтобы внести расколъ въ ряды стачечниковъ, они наводнили ихъ лагерь „рабочими газетами“, въ которыхъ поносились ихъ вожди, — но все было напрасно, и ихъ старанія ни къ чему не привели.

Въ стачку начали вмѣшиваться, какъ это всегда бываетъ здѣсь въ подобныхъ случаяхъ, филантропы и разные другіе господа, ищущіе популярности, предлагая свое посредничество. Все безуспѣшно. Стачка затягивалась. Углекопы начали поговаривать о генеральной стачкѣ. Какъ я выше замѣтилъ, въ организацію углекоповъ входили рабочіе не только антрацитовыхъ, но и каменноугольныхъ копей. Стачка охватывала лишь антрацитовый районъ; съ хозяевами другихъ копей рабочіе жили въ мирѣ. Для обсужденія вопроса о генеральной стачкѣ углекоповъ былъ

вопросъ о генеральной стачкѣ былъ рѣшенъ отрицательно. Для этого были у углекоповъ очень серьезныя основанія. Лишь послѣ продолжительной и упорной борьбы рабочимъ удалось заставить хозяевъ каменноугольныхъ копей признать союзъ и заключить съ нимъ договоры, сравнительно очень выгодные для рабочихъ. Начни теперь рабочіе этого района стачку, это означало бы нарушеніе контракта со стороны союза, что сильно подорвало бы его авторитетъ въ глазахъ капиталистовъ. Послѣдніе воспользовались бы этимъ въ борьбѣ противъ организаціи рабочихъ.

Рабочіе всей Америки съ большимъ интересомъ и участіемъ слѣдили за ходомъ этой борьбы. Никогда раньше не проявляли они такой солидарности, какъ теперь. Чуть-ли не во всѣхъ городахъ Америки организовывались комитеты изъ представителей разныхъ рабочихъ организацій, которые собирали деньги для стачечниковъ. Сотни тысячъ долларовъ отсылались въ ихъ кассу. Дѣло углекоповъ стало дѣломъ всего организованнаго пролетаріата Сѣв. Америки.

Чѣмъ дольше затягивалась стачка, тѣмъ больше стали чувствовать ея послѣдствія. Несмотря на постоянныя кичливыя увѣренія директоровъ трэста, что у нихъ есть достаточно рабочихъ, чтобы доставить на рынокъ сколько-угодно угля, нужда въ немъ начала сильно чувствоваться, и цѣна на тонну отъ 5 съ чѣмъ-то долларовъ дошла до 25-30 дол., да и за эту цѣну не всегда можно было достать уголь въ нужномъ количествѣ. Многіе торговцы угля въ большихъ городахъ должны были закрыть свои склады. Много фабрикъ и заводовъ должны были прекратить производство. Положеніе становилось все болѣе и болѣе серьезнымъ. Къ счастью, погода стояла теплая, но со дня на день ждали наступленія холодовъ, а тогда возмущенію и бунтамъ не было бы конца.

А борющіяся стороны сохраняли свои позиціи и не думали объ уступкахъ.

По иниціативѣ нѣсколькихъ мэровъ (городскихъ головъ) состоялся съѣздъ представителей многихъ городовъ Америки для обсужденія положенія, вызваннаго стачкой, и средствъ помочь ей. Характерно, что съѣздъ этотъ, состоящій изъ самыхъ благонамѣренныхъ гражданъ, солидныхъ буржуа, очень далекихъ отъ „разрушительныхъ“ тенденцій соціалистовъ, не могъ придумать ничего другого, какъ захватъ государствомъ всѣхъ угольныхъ копей.

Заволновались также политиканы всѣхъ партій и фракцій. Имъ нужно было такъ или иначе выяснить свое отношеніе къ стачкѣ. Приближался день выборовъ — 4 ноября — и всѣ понимали, что стачка будетъ центральнымъ пунктомъ политической агитаціи всѣхъ партій. Въ виду этого, положеніе республиканцевъ было особенно критическое. Ихъ считали болѣе всего отвѣтственными за вызванное стачкой положеніе вещей не только потому, что они случайно въ данный моментъ господствующая партія въ странѣ, но, главнымъ образомъ, потому, что она партія крупнаго капитала вообще и партія трэстовъ, въ частности. Республиканцы прекрасно понимали, что если ими не будутъ приняты энергичныя мѣры, чтобы прекратить стачку, то 4 ноября принесетъ имъ такое пораженіе, отъ котораго имъ, быть можетъ, впослѣдствіи долго ужъ не оправиться. И вотъ начинается компанія политикановъ.

Прежде всего пенсильванскій губернаторъ и пенсильванскіе члены конгресса стали оббивать пороги магнатовъ трэста; къ нимъ присоединились скоро губернаторъ и крупные политиканы Нью-Іорка. Но всѣ ихъ конференціи, переговоры и совѣщанія ни къ чему не привели — стачка и возбужденіе продолжалось по прежнему. Оставалось одно средство и они рѣшили его испробовать: уговорить президента Соед. Штатовъ повліять на спорящія стороны.

Президентъ пригласилъ въ Вашингтонъ вождей рабочихъ и директоровъ трэста и обратился къ нимъ съ горячимъ воззваніемъ, указывая на то, что отъ стачки, кромѣ спорящихъ сторонъ, терпитъ еще третій элементъ — публика, въ интересахъ которой стачка должна прекратиться. Онъ аппелировалъ къ чувству патріотизма и человѣколюбія капиталистовъ. Въ отвѣтъ на это г. Бэръ заявилъ, что не капиталисты отвѣтственны за стачку и ея послѣдствія, а власти, которыя не исполняютъ своихъ обязанностей. Они могли бы де имѣть сколько угодно рабочихъ и добывать сколько угодно угля, если бы въ районѣ стачки было достаточно войска для охраны желающихъ работать отъ угрозъ и нападеній со стороны стачечниковъ. Митчель тутъ же назвалъ заявленіе Бэра полной ложью, такъ какъ солдатамъ некого было бы охранять, — у капиталистовъ нѣтъ рабочихъ.

На сколько сильна власть плутократіи въ современномъ государствѣ и на сколько услужливы власти, ясно видно изъ слѣдующаго обстоятельства.

Казалось, что президентъ послѣ такого рѣзкаго и возмутительнаго отвѣта Бэра, полнаго упрековъ ему, покажетъ свою власть господамъ капиталистамъ, или, во всякомъ случаѣ, не будетъ помогать имъ. Но увы! — не успѣла конференція разойтись, какъ губернаторъ Пенсильваніи вызвалъ всю милицію штата, и генералы, распредѣляя войска, отдали приказъ: слѣдить зорко, чтобы порядокъ не нарушался и, гдѣ надо, стрѣлять и убивать. Эта мѣра, поразившая всѣхъ своей безсмысленностью и неожиданностью, на стачку не имѣла никакого вліянія. Стачечники держались дружно и безукоризненно, а въ копяхъ по прежнему все оставалось мертво и безжизненно. Митчель былъ правъ: Бэръ, очевидно, лгалъ, когда говорилъ, что подъ сильной военной охраной нашлось бы достаточно углекоповъ, чтобы продолжать работы въ копяхъ.

Нужда въ углѣ тѣмъ временемъ все усиливалась. Всѣ ждали отъ президента рѣшительныхъ мѣръ, чтобы прекратить стачку.

Въ это время явился въ Нью-Іоркъ Рутъ, правая рука президента Рузевельта, министръ въ его кабинетѣ, для переговоровъ съ П. Морганомъ, однимъ изъ самыхъ крупныхъ финансовыхъ тузовъ Америки. Онъ имѣетъ безграничное вліяніе на биржѣ и связанъ со многими крупными трэстами. Всѣ знали, что одного слова Моргана было бы достаточно, чтобы заставить магнатовъ угольнаго трэста подчиниться требованію публики. О чемъ совѣщались Рутъ съ Морганомъ, публикѣ осталось неизвѣстнымъ. Но результатъ конференціи былъ ясенъ: капиталисты согласились на предложеніе президента — передать спорный вопросъ третейскому суду.

Они пытались, правда, ограничить свободу президента въ выборѣ суда; но Митчель категорически заявилъ, что онъ согласится на третейскій судъ лишь въ томъ случаѣ, если президентъ съумѣетъ выбрать членовъ суда не подъ диктовку капиталистовъ.

На это президентъ ему отвѣтилъ, что онъ совершенно свободенъ въ этомъ отношеніи, и передалъ ему списокъ лицъ, которыхъ онъ думаетъ пригласить. Тогда Митчель созвалъ представителей углекоповъ, которые послѣ непродолжительныхъ дебаловъ санкціонировали дѣйствія Митчеля.

Такимъ образомъ, эта громадная стачка окончилась блестящей побѣдой. Если даже не всѣ требованія рабочихъ будутъ удовлетворены судомъ, побѣда рабочихъ все таки громадна, въ виду того, что капиталисты, согласившись на третейскій судъ, косвенно признали союзъ углекоповъ.

Крупная промышленность развивается въ Америкѣ съ неимовѣрной быстротой. Трэсты и крупныя комбинаціи капиталистовъ возникаютъ вездѣ, овладѣвая одной отраслью ея за другой. Рядомъ и параллельно съ этимъ происходитъ процессъ все большаго сплачиванія рабочихъ массъ. Борьба, даже стачечная, принимаетъ все болѣе и болѣе характеръ борьбы двухъ классовъ. Почти въ каждой крупной стачкѣ затрогиваются интересы съ одной стороны, всего рабочаго класса, а съ другой — класса капиталистовъ. Каждая такая стачка не только нарушаетъ мирное развитіе экономической и политической жизни страны, но также напоминаетъ, какъ подземный гулъ передъ изверженіемъ вулкана, приближеніе соціальной катастрофы. Буржуазные и вполнѣ благонамѣренные представители городовъ, застигнутые Когда рабочіе по обработкѣ стали пойдутъ въ стачку, государству надо будетъ захватить въ свои руки стальной трэстъ и т. д. Но это одна сторона вопроса. Съ другой стороны, — рабочіе въ этой стачкѣ могли ясно видѣть, что государство — очень крупный факторъ для рѣшенія такъ называемаго рабочаго вопроса, и еще до захвата ими различныхъ отраслей промышленности рабочимъ не можетъ быть безразлично, кто владѣетъ государственной машиной. Сенаторы, губернаторы, самъ президентъ бѣгали, волновались, но ничего не могли сдѣлать по той простой причинѣ, что ничего существеннаго и не хотѣли сдѣлать. И республиканская и демократическая партіи — политическія организаціи капиталистовъ. Политиканы оказались въ такомъ безпомощномъ положеніи потому, что, съ одной стороны, хотѣли показать рабочимъ, что они ихъ друзья, но такъ, чтобы, съ другой стороны, интересы капиталистовъ не пострадали.

Рабочіе могутъ разсчитывать на государство лишь въ томъ случаѣ, если машина его будетъ въ ихъ рукахъ.

Соціалисты также не бездѣйствовали во время стачки. Въ то время, какъ республиканскіе и демократическіе политиканы фиглярничали передъ рабочими, притворяясь ихъ друзьями, соціалистическіе ораторы съ большимъ успѣхомъ агитировали въ районѣ стачки. Никогда еще соціалистическія собранія не посѣщались такими массами въ тѣхъ мѣстахъ; никогда тамъ слова соціалистовъ не вызывали такого энтузіазма! На сколько агитація соціалистовъ была успѣшна, видно изъ петиціи, которую филадельфійскіе купцы подали губернатору. Прося его, чтобы онъ употребилъ всю свою власть и вліяніе, чтобы прекратить стачку, они, между прочимъ, тамъ говорятъ: „Если стачка не прекратится немедленно, слѣдующіе выборы ознаменуются такимъ радикализмомъ, подобнаго которому нашъ штатъ никогда еще не видѣлъ. Соціалистическая партія сдѣлалась могущественнымъ факторомъ въ политикѣ нашего района.“

ИЗЪ ПАРТІИ.

СОЦІАЛЬДЕМОКРАТІЯ И ТЕРРОРЪ.]

Слѣдующая резолюція о терроръ принята одной изъ соц.-дем группъ на югѣ Россіи.

„По вопросу о терроръ*) группа, которая представила критику проекта программы „Искры“ и „Зари“, полагаетъ, что

1) Рос. Соц.-Дем. Раб. Партія, признавая единственнымъ средствомъ ниспроверженія существующаго въ Россіи политическаго строя революціонную борьбу массъ, тѣмъ самымъ исключаетъ изъ своей программы-тактики терроръ, какъ средство борьбы. Не устраненіе того или иного представителя власти, не запугиваніе правительства является въ ея глазахъ средствомъ осуществленія ея политической задачи, но противопоставленіе силѣ правительства другой силы, болѣе грозной и могучей, силы сознательныхъ революціонныхъ массъ и общественныхъ слоевъ. Нигдѣ въ Зап. Европѣ терроръ не сыгралъ роли средства осуществленія государственнаго переворота. Поэтому, въ самомъ появленіи террора въ программахъ русскихъ революціонеровъ группа видитъ признакъ слабости и невольное признаніе неподготовленности почвы для политическаго переворота. Если масса и общество подготовлены условіями историческаго развитія къ выполненію ихъ исторической миссіи, если они доросли до пониманія необходимости для нихъ политической свободы, то они ее завоюютъ, если же они не въ состояніи оправдать возлагаемыхъ на нихъ надеждъ, то никакіе террористическіе акты не могутъ помочь дѣлу революціи. Удачный выстрѣлъ можетъ напугать малодушнаго самодержца, но не самодержавіе, которое опирается на силу, слишкомъ серьезную, чтобы его можно было вспугнуть бомбами. Сила эта кроется, главнымъ образомъ, въ опредѣленномъ складѣ сознанія массъ. Преобразовать это сознаніе въ его противоположность, превратить вѣрноподданныхъ въ враговъ самодержавія — вотъ средство борьбы съ нимъ.

2) Но отрицая за терроромъ значеніе средства непосредственной борьбы, мы тѣмъ самымъ его вовсе исключаемъ изъ программы-тактики, такъ какъ побочной роли въ дѣятельности какой-бы то ни было партіи онъ играть не можетъ. Терроръ — слишкомъ чрезвычайное средство; онъ, какъ признаютъ сами сторонники его, „противенъ человѣческой природѣ“ (см. рѣчи Желябова, Балмашева, прокламацію „боевой организаціи“ отъ 3 апр. 1902 г.) и, поэтому, примѣненіе его можетъ быть оправдано лишь крайней необходимостью, безвыходностью и отсутствіемъ какихъ-либо другихъ мѣръ, а это исключаетъ возможность введенія террора въ программу, какъ побочнаго, второстепеннаго средства (эксцитативнаго, воспитательнаго и проч.). Кромѣ того, терроръ по самой своей сущности долженъ дезорганизовать всякую партію. Доступный лишь незначительному меньшинству избранниковъ, онъ принижаетъ дѣятельность всѣхъ остальныхъ революціонеровъ, такъ какъ въ сравненіи съ геройской, смѣлой и самоотверженной борьбой террориста, происходящей у всѣхъ на виду, всякая иная революціонная дѣятельность представляется жалкой, мелкой и ничтожной. Это приводитъ къ тому, что лучшія силы уходятъ въ эту бездонную пропасть, а всѣ остальные виды революціонной работы, гораздо болѣе важные и необходимые, постепенно падаютъ, глохнутъ и исчезаютъ. Вниманіе всѣхъ всегда сосредоточивается на кучкѣ борцовъ, водворяется атмосфера фантастическихъ мечтаній, подрывающая энергію работниковъ повседневной, упорной и самой главной революціонной работы. Послѣ сказаннаго группа считаетъ лишнимъ критиковать самую пригодность террора для тѣхъ побочныхъ цѣлей, для которыхъ онъ рекомендуется.

3) Но терроръ защищается еще, какъ естественная реакція противъ приниженія человѣческаго достоинства, приниженія, съ которымъ революціонеру приходится встрѣчаться особенно часто въ послѣдніе годы. По мнѣнію группы, въ такой постановкѣ вопроса кроется глубокое недоразумѣніе. Революціонеръ, прежде всего, человѣкъ, и на униженіе своего достоинства и достоинства близкихъ ему лицъ отвѣчаетъ, какъ всякій человѣкъ, т. е. согласно степени сознанія своего достоинства, темпераменту и условіямъ момента. На истязанія Сигиды карійцы отвѣчаютъ самоубійствомъ, на наказаніе розгами Боголюбова В. Засуличъ отвѣчаетъ выстрѣломъ. Могутъ быть самыя разнообразныя формы отвѣта, никакая партія не можетъ вносить въ свою программу пунктъ, обязывающій отвѣчать именно на всякое частное проявленіе насилія опредѣленнымъ образомъ, никакая организація“

*) [illegible]

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Мы, Харьковскій Комитетъ, въ качествѣ представителя соц.-демократической организаціи, главной своей задачей считаемъ защиту классовыхъ интересовъ пролетаріата; всякая дѣятельность въ духѣ профессіональныхъ, „чисто-рабочихъ“ интересовъ массы, а не класса, а также въ духѣ терроризма затемняетъ истинный смыслъ революціоннаго движенія и ослабляетъ его: поэтому, попытки такого рода должны вызвать рѣзкій протестъ съ нашей стороны. Особенности нашего положенія въ государствѣ съ самодержавно-бюрократическимъ устройствомъ и полицейскимъ произволомъ требуютъ, чтобы нами на первый планъ были выдвинуты широкія политическія задачи низверженія самодержавія и провозглашенія демократической республики. Осуществленіе этихъ основныхъ цѣлей можетъ быть возложено на партію, группирующую около себя всѣхъ сознательныхъ революціонеровъ соц.-демократовъ и ведущую работу по опредѣленному, строго обдуманному плану. Необходимость такого объединенія ощущается въ данный моментъ всѣми дѣйствующими группами. Практическое исполненіе этого возможно только путемъ группировки всѣхъ единомыслящихъ около одного принципіально выдержаннаго органа, руководящаго всѣмъ соц.-демократическимъ движеніемъ. Изъ этихъ основныхъ посылокъ ясно наше отношеніе къ органу „Искра“: и принципіальность ея позиціи, ея рѣзкая критика узкаго экономизма и терроризма, ея борьба съ кустарничествомъ, ея стремленіе объединить дѣйствующія организаціи около широкихъ политическихъ задачъ и выработка плана для этого объединенія, — все это побудило насъ заявить о своей солидарности съ „Искрой“ по вопросамъ принципіальнымъ, тактическимъ и организаціоннымъ. — Желательно, чтобы и другіе комитеты партіи высказали свое отношеніе къ „Искрѣ“, такъ какъ такое заявленіе способствуетъ объединенію. Заявляя о своей солидарности съ „Искрой“, мы всѣми силами будемъ оказывать этому органу и его объединительнымъ попыткамъ матеріальную и духовную поддержку.

Харьк. Ком. Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи.

Кіевскимъ Комитетомъ изданы въ октябрѣ прокламаціи: 1) Къ новобранцамъ (съ приложеніемъ „Солдатской памятки“ Толстого) и 2) Ко всѣмъ кіевскимъ рабочимъ — по поводу суда надъ харьковскими и полтавскими крестьянами (съ приложеніемъ заявленія защитниковъ). — Кишиневской объединенной организаціей выпущена прокламація „Къ новобранцамъ“ (печ.).

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦ. БОРЬБЫ.

Въ Петербургѣ 30 октября арестованы, между прочимъ, студенты Горнаго Инст. Гербаненко, Константовъ и Кострыкинъ, студ. Унив. Прорвичъ (выпущ.), Н. Полянская.

Вильна. 7 октября на вокзалѣ арестованъ рабочій литовецъ Матвѣй Батулайтисъ съ 3 пудами литературы.

Москва. Въ сентябрѣ арестованъ литераторъ Мамалыжскій.

Въ московскихъ тюрьмахъ сидятъ изъ арестованныхъ по дѣлу Сѣвернаго Союза: учит. Ольга Варенцова, статистики Алек. Локтинъ, Ольга Дидрикиль, Новицкая, оконч. курсъ Лѣс. Инст. Евгеній Дюбюкъ, рабочій Глазуновъ, студ. Лицея Кедровъ, нелегальный (взятъ съ подлож. пасп.) Зараковичъ — всѣ изъ Ярославля; затѣмъ: стат. Ал. Заваринъ, семинаристъ Вас. Заваринъ, рабочіе Дм. Катковъ. Ив. Александровъ и Морозовъ, служащая въ статистикѣ Софья Загайная и нелегальный Григорій Вейсманъ („Александръ Порфирычъ“) — всѣ изъ Костромы; статис. Вал. Рудковскій — изъ Воронежа; раб. Мих. Багаевъ и агрономъ Дубровскій — изъ Владиміра; нелегальный (рабочій) Ник. Панинъ — изъ Иванова-Вознесенска; раб. Яшинъ изъ Харькова; врачъ Федоръ Гурвичъ (нелег.), взятый въ Москвѣ на вокзалѣ и Тагановъ, арестованный на границѣ.

Въ ночь на 1 ноября надъ Саратовымъ разразилась жандармская гроза — сразу произведено около 100 обысковъ и арест. 34 чел. и, кромѣ нихъ въ уѣздѣ, Николаевскій Городокъ, 17 чел. Въ Саратовѣ арестованы: изъ земской статист.: Серебряковъ, старш. пом. зав., Россовъ, пом. зав., Норбековъ, статист., Обуховъ, стат., Рыковъ, вр. служ., б. студ., Сорокинъ, вр. служ., ветер. врачъ; изъ городск. упр.: Булановъ, столон. гор. управы, Оболдуевъ, гор. вет. вр.; изъ жел.-дор. упр.: Попова, Шиллеровъ, Васильевъ; ученицы фельдш. шк.: Сдобнова, Устюгова (бывшая Фейдина) съ ребенкомъ, Костылецкая. Затѣмъ арест.: Корниловъ, пом. пр. пов. и б. зав. ред. „Сар. Дн.“, Старынкевичъ и его жена, Мартыновскій — быв. карійцы, вернувшіеся изъ Сиб. въ началѣ лѣта, Полянскій, б. гимн.. Мокруевъ, Огневъ, Мировичъ, Горѣлинъ, Морозовъ, Потаповъ, Гусевъ, Максимовъ, Каревъ, Ивановъ, Рейтлингъ, рабочіе. Арест. и освоб.: домовлад. Софинскій и акуш. учен. Кирьякова. Въ Никол. Гор.: изъ Маріинск. земледѣльч. уч.: механ. Григорьевъ, кузнецъ Шнейдеръ, служ. Столяровъ, и 10 уч. (Кузнецовъ, Пискаревъ, Ткаченко и др.) и четыре крестьянина.

Въ Костромѣ въ апрѣлѣ были арестованы, кромѣ поименованныхъ выше: завѣдующій статистикой Тихонъ Поповъ, статистики: Марья Александрова, Алексѣй Загайный (за расклейкой прокламацій), Анна Третьякова, Сем. Колокольцевъ (рецив.); подназорные: бывшіе студенты Ник. Масляниковъ и Ник. Богдановъ, хозяинъ мастерской Василій Буяновъ (въ 7-ой разъ), раб. Потѣхинъ и Кирсановъ (старикъ 70 лѣтъ), чиновн. контрольной палаты Вас. Лебедевъ. Алексѣй Загайный взятъ по доносу статистика Кондратьева, который былъ арестованъ для виду, но черезъ пять дней выпущенъ. Въ августѣ арест. раб. Морозовъ, Петровскій и Галочкинъ; въ сентябрѣ 5 семинаристовъ: Краснухинъ, Невзоровъ, Чудецкій (выдавалъ) и еще двое. При апрѣльскомъ разгромѣ произведено 200 обысковъ (у статистиковъ Граціонскаго, Мушенко, Гинзбургъ, Сабанѣева, г-жи Шредеръ, учителей Виноградова, Смирнова, Виленской, Граціанской, завѣдующей земскимъ книжн. складомъ Лапотниковой, вдовы офицера Стратилатовой, продавщ въ винной лавкѣ Сперанской, банковскаго чиновника Бѣляева, у многихъ учителей въ уѣздахъ, въ нѣкоторыхъ усадьбахъ и у многихъ рабочихъ). Провокаторъ (по дѣлу 1901 г.) техникъ Врублевскій нынѣ состоитъ шпіономъ при костромск. губ. жанд. упр. Примѣты не обнаруженнаго провокатора по дѣлу Сѣв. Союза: высокаго роста, полный, лѣтъ 30-35, блондинъ, сѣрые глаза, имѣетъ видъ ученый. Явился подъ именемъ Ивана Алексѣевича и выдавалъ себя за нелегальнаго и делегата отъ „Южнорус. Раб. Союза“. Обращаемъ вниманіе товарищей на то, что въ настоящее время этотъ субъектъ, по слухамъ, находится въ томъ же сѣверномъ районѣ. — Въ Таганрогѣ 11 сентября на вокзалѣ, по пріѣздѣ харьковскаго поѣзда, арестованъ нѣкто Сапетовъ. Въ ту же ночь было около 12 обысковъ и арестовано еще двое рабочихъ. — Въ станицѣ Каменской въ серединѣ октября по телеграммѣ изъ СПБ. былъ обыскъ у г-жи Кунделековой. — Въ Екатеринодарѣ арестованы Як. Вас. Борисовъ (бывш. инспекторъ моск. студ. школы садоводства), въ Москвѣ по тому же дѣлу взяты ученики этой школы Ал. Никифоровъ, Вл. Медвѣдковъ, Н. Крыловъ-Барановъ, а пять учениковъ исключено. — Въ Воронежѣ арест. 12 окт. завѣдующій ветерин. бюро Грюнеръ.

Сосланы — Николай Богдановъ, бывш. ст. Лѣс. Инст. въ СПБ. — въ Вологод. губ. на три года (по Пет. и Кост, дѣламъ).

Бѣжали: Доливо-Добровольскій (Яросл. дѣло) изъ Оренбурга; бывш. Моск. студ. Радусъ-Зенковичъ изъ Балаганска.

О нижегор. демонстр. по частнымъ свѣдѣніямъ слышно слѣд.: по сормовск. дѣлу нѣсколько чел., признанные дѣйствовавшими сознательно, присуждены на поселеніе въ Вост. Сиб.; по дѣлу городскихъ демонстрантовъ высшая мѣра наказ. — 1 годъ тюрьмы.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Уральскому Союзу соц.-дем. и соц.-рев. „Протестъ“ полученъ. Отвѣтъ смотрите въ №№ 26 и 27, особенно въ статьяхъ „Послѣднее слово обвиняемаго“ и „Все о томъ же“. Мы вполнѣ понимаемъ, что самый сильный пунктъ въ позиціи соц.-рев. (да и вашей тоже) это тотъ, что ихъ „обидѣли“ и что они могутъ горько „жеваться“ „на обиду“ всѣмъ и каждому, даже совсѣмъ не понимающему дѣла, человѣку.

NNN. Письмо и корреспонденціи получены.

Рязань. А. С. Получено и пойдетъ. Пишите.

Отвѣтъ Л. Дейча на статью „Подложныя Грамоты“ въ № 12 „Рев. Рос.“, въ виду ея размѣровъ, отложенъ.

Получено: Изъ Л. въ пользу бѣжавшихъ 175 фр., отъ Х. 32 фр., за литер. 18,40 фр., съ реф. Ленина 64,60, всего 290 фр. Изъ Женевы съ реф. Инсарова 39,40 фр. Изъ Цюриха: черезъ Берлинъ изъ Россіи въ пользу бѣжавшихъ изъ кіевской тюрьмы 100 р., отъ тов. изъ Линде у Берна 50 фр., изъ мертваго города 26 р., тоже для закл. въ Москвѣ 15 р., тоже для того же чер. Казанца 16 р., изъ Гейдельберга для Красн. Кр. 13,53 фр., изъ Л. отъ М--ой въ пользу бѣжавш. изъ Кіева 40 фр., изъ Нью-Іорка отъ гр. одесскихъ товарищее для заключен. въ одесской тюрьмѣ 100 р. Изъ Парижа 100 фр. Въ Ліежѣ собрано 218 фр.

Со всѣми требованіями на нашу литературу просимъ обращаться изъ заграницы по адресу: Herrn Axelrod, Zurich, Vogelsangstrasse 9.

Второй годъ изданія.

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 29 — 1-го декабря 1902 года. — № 29

BIBLIOTHEQUE DE LA SOCIÉTÉ * MUSÉE *

НОВЫЯ СОБЫТІЯ И СТАРЫЕ ВОПРОСЫ.

Повидимому, непродолжительное „затишье“, которое отличало послѣдніе полгода или три четверти года нашего революціоннаго движенія — по сравненію съ предшествующимъ быстрымъ и бурнымъ развитіемъ его, — начинаетъ приходить къ концу. Какъ ни кратко было это „затишье“, какъ ни очевидно было для всякаго внимательнаго и свѣдущаго наблюдателя, что отсутствіе (на такое небольшое время) открытыхъ проявленій массового возмущенія рабочихъ не означаетъ нисколько прекращенія роста этого возмущенія и вглубь и вширь, тѣмъ не менѣе среди нашей интеллигенціи, настроенной революціонно, но не имѣющей зачастую ни прочной связи съ рабочимъ классомъ, ни крѣпкихъ устоевъ опредѣленныхъ соціалистическихъ убѣжденій, стали раздаваться многочисленные голоса унынія и невѣрія въ массовое рабочее движеніе, съ одной стороны, а съ другой — голоса въ пользу повтсренія старой тактики отдѣльныхъ политическихъ убійствъ, какъ необходимаго и обязательнаго въ настоящее время пріема политичсской борьбы. За тѣ нѣсколько мѣсяцевъ, которые прошли со времени демонстрацій прошлогодняго сезона, у насъ успѣла уже образоваться „партія“ „соц.-революціонеровъ“, громко заговорившая объ обезкураживающемъ впечатлѣніи демонстрацій, о томъ, что „народъ, увы, еще не скоро“, что о вооруженіи массъ легко, конечно, говорить и писать, а теперь надо взяться за „индивидуальный отпоръ“, не отговариваясь отъ настоятельной необходимости единоличнаго террора избитыми ссылками все на ту же, одну и ту же (скучную и „неинтересную“ для интеллигента, свободнаго отъ „догматической“ вѣры въ рабочее движеніе!) задачу агитаціи среди массъ пролетаріата и организаціи массового натиска.

Но вотъ вспыхиваетъ въ Ростовѣ-на-Дону одна изъ самыхъ обыкновенныхъ и „будничныхъ“, на первый взглядъ, стачекъ и приводитъ къ событіямъ, которыя показываютъ во-очію всю нелѣпость и весь вредъ предпринятой соц.-революціонерами попытки реставрировать народовольчество со всѣми его теоретическими и тактическими ошибками. Охвативъ многія тысячи рабочихъ, стачка, начатая изъ-за требованій чисто-экономическаго характера, быстро вырастаетъ въ политическое событіе, несмотря на крайне недостаточное участіе въ ней организованныхъ революціонныхъ силъ. Толпы народа, доходившія, по свидѣтельству нѣкоторыхъ участниковъ, до 20-30 тыс. чел., устраиваютъ поражающія своей серьезностью и организованностью политическія собранія, на которыхъ читаются и комментируются съ жадностью соц.-демократическія прокламаціи, говорятся политическія рѣчи, разъясняются самымъ случайнымъ и неподготовленнымъ представителямъ трудящагося народа азбучныя истины соціализма и политической борьбы, преподаются практическіе и „предметные“ уроки обращенія съ солдатами и обращенія къ солдатамъ. Администрація и полиція теряютъ голову (можетъ быть, отчасти вслѣдствіе ненадежности войска?) и оказываются не въ силахъ помѣшать устройству въ теченіе нѣсколькихъ дней невиданныхъ на Руси массовыхъ политическихъ сходокъ подъ открытымъ небомъ. И когда, наконецъ, пускается въ ходъ военная сила, толпа оказываетъ ей отчаянный отпоръ, и убійство товарища служитъ поводомъ для политической демонстраціи на другой день надъ его трупомъ... Впрочемъ, соц.-рев. дѣло представляется, вѣроятно, въ иномъ свѣтѣ, и, съ ихъ точки зрѣнія, было бы, должно быть, „цѣлесообразнѣе“, если бы шестеро убитыхъ въ Ростовѣ товарищей отдали свою жизнь на покушенія противъ тѣхъ или иныхъ полицейскихъ изверговъ?

Мы же думаемъ, что только такія массовыя движенія, связанныя съ наглядно выступающимъ передъ всѣми ростомъ политическаго сознанія и революціонной активности рабочаго класса заслуживаютъ названія дѣйствительно-революціонныхъ актовъ и способны внушить дѣйствительное ободреніе тѣмъ, кто борется за русскую революцію. Мы видимъ тутъ не пресловутый „индивидуальный отпоръ“, связь котораго съ массами состоитъ только въ словесныхъ заявленіяхъ, въ напечатанныхъ приговорахъ и т. п. Мы видимъ дѣйствительный отпоръ толпы, и неорганизованность, неподготовленность, стихійность этого отпора напоминаетъ намъ, какъ неумно преувеличивать свои революціонныя силы, какъ преступно пренебрегать задачей внесенія вотъ въ эту, настоящимъ образомъ борющуюся у насъ на глазахъ толпу большей и большей организованности и подготовленности. Не создавать посредствомъ выстрѣловъ поводы для возбужденія, матеріалъ для агитаціи и для политическаго мышленія, а научиться обрабатывать, использовать, брать въ свои руки тотъ матеріалъ, котораго слишкомъ достаточно даетъ русская жизнь, — вотъ задача, единственно достойная революціонера. Соц.-рев. не могутъ нахвалиться тѣмъ, какъ велико „агитирующее“ дѣйствіе политическихъ убійствъ, о которыхъ шушукаютъ такъ много и въ либеральныхъ гостиныхъ и въ простонародныхъ кабачкахъ. Для нихъ ничего не стоитъ (благо, они свободны отъ всякихъ узкихъ догмъ сколько-нибудь опредѣленной соціалистической теоріи!) замѣнить (или хотя бы даже дополнить) политическое воспитаніе пролетаріата произведеніемъ политической сенсаціи. Мы же считаемъ способными имѣть дѣйствительно и серьезно „агитирующее“ (возбуждающее), и не только возбуждающее, но и (это гораздо болѣе важно) воспитывающее дѣйствіе только событія, въ которыхъ дѣйствующимъ лицомъ является сама масса, которыя порождаются ея настроеніемъ, а не инсценируются „съ спеціальной цѣлью“ той или иной организаціей. Мы думаемъ, что цѣлой сотнѣ цареубійствъ не произвести никогда такого возбуждающаго и воспитывающаго дѣйствія, какъ это одно участіе десятковъ тысячъ рабочаго народа въ собраніяхъ, обсуждающихъ ихъ насущные интересы и связь политики съ этими интересами, нимающей новые и новые „непочатые“ слои пролетаріата къ болѣе сознательной жизни, къ болѣе широкой революціонной борьбѣ. Намъ говорятъ о дезорганизаціи правительства (вынужденнаго смѣнять господъ Сипягиныхъ господами Плеве и „подбирать“ себѣ на службу самыхъ гнусныхъ проходимцевъ), а мы убѣждены, что отдавать одного революціонера хотя бы за десять проходимцевъ значитъ дезорганизовывать только свои собственные ряды, которые и безъ того рѣдки, такъ рѣдки, что не поспѣваютъ за всей работой, „спрашиваемой“ отъ нихъ рабочими. Мы думаемъ, что настоящей дезорганизаціей правительства являются такіе и только такіе случаи, когда дѣйствительно организуемыя самой борьбой широкія массы заставляютъ правительство растеряться, когда законность требованій передовыхъ людей рабочаго класса выясняется уличной толпѣ и начинаетъ даже выясняться части войска, призываемаго для „усмиренія“, когда военнымъ дѣйствіямъ противъ десятковъ тысячъ народа предшествуетъ колебаніе властей, не имѣющихъ никакой реальной возможности опредѣлить, до чего доведутъ эти военныя дѣйствія, — когда въ убитыхъ на полѣ гражданской войны толпа видитъ и чувствуетъ своихъ товарищей, своихъ сочленовъ и накопляетъ въ себѣ новый запасъ ненависти и желаніе болѣе рѣшительной схватки съ врагомъ. И не отдѣльный проходимецъ, а весь современный строй выступаетъ уже здѣсь врагомъ народа, противъ котораго ополчаются мѣстныя и петербургскія власти, полиція, казаки и войско, не говоря о жандармахъ и судахъ, дополняющихъ и завершающихъ, какъ всегда, всякія народныя возстанія.

Да, возстанія. Какъ ни далеко было отъ „настоящаго“ возстанія начало этого, повидимому, стачечнаго движенія въ далекомъ провинціальномъ городѣ, а его продолженіе и его финалъ невольно наводятъ на мысль именно о возстаніи. Обыденность повода къ стачкѣ, мелкій характеръ выставленныхъ рабочими требованій особенно сильно оттѣняютъ и могучую силу солидарности пролетаріата, увидѣвшаго сразу, что борьба желѣзнодорожныхъ рабочихъ есть его общее дѣло, и воспріимчивость его къ политическимъ идеямъ, къ политической проповѣди, и готовность отстаивать грудью въ прямомъ сраженіи съ войсками тѣ права на свободную жизнь, свободное развитіе, которыя успѣли уже стать общимъ и элементарнымъ достояніемъ всѣхъ мыслящихъ рабочихъ. И тысячу разъ правъ былъ Донской Комитетъ, который въ прокламаціи, цѣликомъ воспроизведенной нами ниже, говорилъ „всѣмъ гражданамъ“ о ростовской стачкѣ, какъ объ одномъ изъ приступовъ къ общему подъему русскихъ рабочихъ съ требованіемъ политической свободы. На событіяхъ такого рода мы дѣйствительно наблюдаемъ во-очію, какъ всенародное вооруженное возстаніе противъ самодержавнаго правительства созрѣваетъ не только какъ идея въ умахъ и программахъ революціонеровъ, но также и какъ неизбѣжный, практически-естественный, слѣдующій шагъ самого движенія, какъ результатъ растущаго возмущенія, растущаго опыта, растущей смѣлости массъ, получающихъ такіе цѣнные уроки, такое великолѣпное воспитаніе отъ русской дѣйствительности.

Неизбѣжный и естественный шагъ, сказалъ я — и спѣшу оговориться: если только мы не позволимъ себѣ ни на шагъ уклониться отъ надвигающейся на насъ, нависшей надъ нами задачи помочь этимъ поднимающимся уже массами подняться смѣлѣй и дружнѣй, дать имъ не двухъ, а десятки уличныхъ ораторовъ и руководителей, создать настоящую боевую организацію, способную направлять массы, а не такъ-называемую „боевую организацію“, которая направляетъ (если направляетъ) неуловимыхъ личностей. Трудна эта задача, что и говорить, но мы съ полнымъ правомъ можемъ видоизмѣнить такъ часто и такъ неудачно приводившіяся въ послѣднее время слова Маркса и сказать! „каждый шагъ дѣйствительнаго движенія важнѣе дюжины“ индивидуальныхъ покушеній и отпоровъ, важнѣе сотни только-интеллигентскихъ организацій и „партій“.

Наряду съ ростовской битвой выдвигаются на первый планъ изъ политическихъ фактовъ послѣдняго времени каторжные приговоры надъ демонстрантами. Правительство рѣшило запугивать всячески, начиная отъ розги и кончая каторгой. И какой замѣчательный отвѣтъ дали ему рабочіе, рѣчи которыхъ на судѣ мы приводимъ ниже, — какъ поучителенъ этотъ отвѣтъ для всѣхъ тѣхъ, кто особенно шумѣлъ по поводу обезкураживающаго дѣйствія демонстрацій не въ цѣляхъ поощренія къ дальнѣйшей работѣ на томъ же пути, а въ цѣляхъ проповѣди пресловутаго индивидуальнаго отпора! Эти рѣчи — превосходный, отъ самихъ глубинъ пролетаріата исходящій комментарій къ событіямъ вродѣ ростовскихъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, замѣчательное заявленіе („публичное оказательство“, сказалъ бы я, еслибы это не былъ специфическій полицейскій терминъ), вносящее бездну бодрости въ длинную и трудную работу надъ „дѣйствительными“ шагами движенія. Замѣчательно въ этихъ рѣчахъ простое, доподлиннно-точное изображеніе того, какъ совершается переходъ отъ самыхъ повседневныхъ. десятками и сотнями милліоновъ повторяющихся фактовъ „угнетенія, нищеты, рабства, униженія, эксплуатаціи“ рабочихъ въ современномъ обществѣ къ пробужденію ихъ сознанія, къ росту ихъ „возмущенія“, къ революціонному проявленію этого возмущенія (я поставилъ въ кавычки тѣ выраженія, которыя мнѣ пришлось употребить для характеристики рѣчей нижегородскихъ рабочихъ, ибо это — тѣ самыя знаменитыя слова Маркса изъ послѣднихъ страницъ перваго тома „Капитала“, которыя вызвали со стороны „критиковъ“, оппортунистовъ, ревизіонистовъ и т. п. столько шумныхъ и неудачныхъ попытокъ опроверженія и изобличенія соц.-дем. въ томъ, что они говорятъ неправду).

Именно потому, что говорили эти рѣчи простые рабочіе, вовсе не передовые по степени ихъ развитія, говорили даже не въ качествѣ членовъ какой-либо организаціи, они не на ихъ личныя убѣжденія, а на факты изъ жизни каждаго пролетарія или полупролетарія въ Россіи — такое ободряющее впечатлѣніе производятъ ихъ выводы: „встъ почему мы сознательно шли на демонстрацію противъ самодержавнаго правительства“. Обыденность и „массовидность“ тѣхъ фактовъ, изъ которыхъ они дѣлали этотъ выводъ, ручается за то, что къ этому выводу могутъ придти и неизбѣжно придутъ тысячи, десятки и сотни тысячъ, если мы съумѣемъ продолжить, расширить и укрѣпить систематическое, принципіально-выдержанное и всестороннее революціонное (соціалдемократическое) воздѣйствіе на нихъ. Мы готовы идти на каторгу за борьбу противъ политическаго и экономическаго рабства, разъ мы почувствовали дуновеніе свободы, — говорили четверо нижегородскихъ рабочихъ. Мы готовы идти на смерть — какъ бы вторили имъ тысячи въ Ростовѣ, отвоевывая себѣ на нѣсколько дней свободу политическихъ сходокъ, отбивая цѣлый рядъ военныхъ аттакъ на безоружную толпу.

Симъ побѣдиши — остается намъ сказать по адресу тѣхъ, кто имѣетъ глаза, чтобы видѣть, и уши, чтобы слышать.

ЗАКОННАЯ ОППОЗИЦІЯ БЕЗЗАКОННОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ

Иностранныя газеты сообщаютъ, что фон-Плеве надоѣли широкія благопожеланія уѣздныхъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ, и онъ предложилъ губернаторамъ обуздать зарвавшуюся земскую мысль и не позволять губернскимъ комитетамъ выходить за предѣлы... сравнительной оцѣнки методовъ удобренія. Въ такомъ „цыцъ!“, брошенномъ съ высотъ министерскаго трона, нѣтъ ничего неожиданнаго. Предполагалось, что комитеты оправдаютъ „драгоцѣнное довѣріе, имъ съ высоты престола оказанное“. Комитеты не „оправдали“. Имъ предложено замолчать. Все послѣдовательно.

Въ сущности, съ первыхъ же засѣданій уѣздныхъ комитетовъ стало ясно, что, вмѣсто „оправданія довѣрія“, произойдетъ судъ земствъ надъ политикой бюрократическаго абсолютизма. Но — такова одна изъ ненормальностей нашей политической жизни — подсудимый оказался въ роли предсѣдателя, который вправѣ закрыть засѣданіе суда въ любой моментъ. Конечно, подсудимый воспользовался своимъ правомъ.

Крайне поучительно отношеніе къ комитетамъ тѣхъ газетъ, которыя отражаютъ „взгляды“, излучающіеся изъ министерскихъ канцелярій. „Гражданинъ“ объявилъ комитеты „очагами оппозиціонной болтовни“. „Моск. Вѣд.“, съ годами не теряющія остроты взора, нашли среди комитетовъ лишь немногихъ праведниковъ, которые не вверглись въ „дебри самохвальства и либеральничанья“. Но комитеты нашли вліятельнаго покровителя въ лицѣ старой гетеры русской журналистики, А. С. Суворина. Правда, и „Новое Время“ признало, что большинство комитетовъ можно упрекнуть въ „нѣкоторой горячности охватить слишкомъ широко каждый вопросъ“. Но — оппозиція? недоумѣнно спрашиваетъ почтенная рептилія, — гдѣ? и кому? Просто „мѣстные дѣятели работаютъ потому, что имъ это поручено“. А оппозицію имъ дѣлать не поручено, значитъ, о ней не можетъ быть и рѣчи. Конечно, не обходилось безъ „болтовни“. Были и безтактности, вродѣ „недовольства порядками, указанными Особымъ Совѣщ.“ Было и либеральничанье и самохвальство. Но „въ громадномъ большинствѣ случаевъ на болтовню такихъ дѣятелей никто не обращаетъ вниманія“. „Съ какою замѣчательной деликатностью и съ какимъ политическимъ тактомъ, умиляется газета, обсуждались, напр., вопросы въ предварительномъ совѣщаніи предсѣдателей земскихъ управъ Моск. губ. Все, что могло подать лишь малѣйшій поводъ къ упреку, что земцы чего-либо домогаются отъ Особ. Совѣщ., тотчасъ было исключено изъ резолюція“ (курсивъ нашъ). Деликатные, почтительные, милые земцы! Добрая, снисходительная рептилія!

Точка зрѣнія „Нов. Вр.“, берущаго подъ свою опеку земцевъ, угнетаемыхъ Мещерскимъ и Грингмутомъ, можетъ быть формулирована такъ: Не бѣда, господа, что либеральный земецъ поиграетъ, это онъ отъ избытка преданности. Если онъ при этомъ слегка созоруетъ, то и это „по порученію“. Надо же застоявшемуся земцу дать время отъ времени политическій моціонъ. Опасаться нечего: вѣдь всѣ мы прекрасно знаемъ, что поступковъ отсюда никакихъ не произойдетъ.

Мы не утрируемъ. Въ № 9560 чернымъ по бѣлому напечатано: „чѣмъ больше шансовъ, что такъ или иначе работа будетъ оставлена безъ вниманія петербургскими канцеляріями, тѣмъ болѣе чести труженникамъ, которые не страшатся подобной перспективы, а дѣлаютъ свое дѣло“. И ту же мысль, съ восхитительной наивностью, переходящею въ самодовольную наглость, высказываетъ значительная часть нашей провинціальной либеральной прессы.

Такимъ образомъ, предполагается, что сами земцы знаютъ заранѣе о полной практической безрезультатности ихъ дебатовъ и резолюцій, но, „не страшась подобныхъ перспективъ“, съ достоинствомъ упражняются въ самодовлѣющей гражданской гимнастикѣ. Такъ-ли это, милостивые государи?

Мы хотѣли бы, мы страстно хотѣли бы думать, что это не такъ. Мы хотѣли бы вѣрить, что они, эти „милостивые государи“ земской оппозиціи, не позволятъ себя убаюкать тѣмъ изболтавшимся либеральнымъ публицистамъ легальной прессы, которые награждаютъ ихъ аттестатами гражданской зрѣлости въ утѣшеніе за ихъ безсиліе... Мы хотѣли бы надѣяться, что они съумѣютъ потребовать у „петербургскихъ канцелярій“ вниманія и уваженія къ своему оппозиціонному голосу.

Въ уѣздныхъ комитетахъ они старались сжаться въ комокъ, они наряжали свои нелойальныя желанія въ мундиръ полицейской легальности, они придавали своимъ конституціоннымъ требованіямъ абстрактную до безсодержательности форму, — и они достигли того, что „Нов. Время“ не замѣчаетъ въ ихъ „оппозиціонныхъ“ резолюціяхъ ничего, кромѣ похвальной вѣрноподданности. Что, если фон-Плеве и г. Витте тоже „не замѣтятъ“ ихъ замаскированной оппозиціи? Найдутъ-ли они въ себѣ — они должны найти — достаточно рѣшимости, чтобы членораздѣльной политической рѣчью объявить агентамъ самодержавія, „какого они духа суть“?

Какой тактики они намѣрены держаться въ губернскихъ комитетахъ? Будутъ-ли они покорно идти на возжахъ у гг. губернаторовъ? Простятся — не въ первый и не въ послѣдній разъ — съ „безсмысленными мечтаніями“ и примутся за трезвенную оцѣнку удобрительныхъ матеріаловъ? Вновь оправдаютъ „довѣріе, съ высоты престола оказанное“, и заодно ужъ докажутъ, что заслужили тѣ покровительственные подзатыльники, которыми по-

данами, а не школьниками? Рѣшатся внести на обсужденіе губернскихъ комитетовъ и земскихъ собраній точно формулированную политическую программу? Съумѣютъ открыть засѣданія послѣ того, какъ губернаторы ихъ закроютъ, и подъ предсѣдательствомъ ими избранныхъ, а не имъ навязанныхъ лицъ, не убоятся оправдать довѣріе, имъ съ высоты исторіи оказанное?

Можно было бы отвѣтить утвердительно, если бы мужественное политическое поведеніе уѣзднаго воронежскаго комитета не оставалось пока безпримѣрнымъ, и если бы „Освобожденіе“, рабски старательно отражающее господствующій тонъ земской среды, не ставило бы тактику оппозиціи въ зависимость отъ столкновеній фон-Плеве съ г. Витте, претендующимъ, по земской характеристикѣ, на амплуа русскаго Неккера (см. № 10).

Можно съ увѣренностью сказать, что если бы русская свобода должна была родиться отъ оппозиціоннаго земства, она никогда не увидѣла бы свѣта. Но къ счастью у нея есть болѣе надежные „предки“: во-первыхъ, это революціонный пролетаріатъ, во-вторыхъ, это внутренняя, пожирающая себя логика русскаго абсолютизма.

* * *

Кто выигралъ отъ „прискорбныхъ явленій нашей жизни“? спрашиваетъ нѣкій публицистъ. И мужественно отвѣчаетъ: „Увы! выигралъ одинъ только мнимый другъ русскаго самодержавія, русскаго народа и русской свободы — централизующій бюрократизмъ, который росъ, подъ всѣми предлогами, пропорціонально ослабленію правильной и нормальной общественной жизни, подъ предлогомъ противодѣйствія эксцессамъ либерализма, подъ предлогомъ умаленія общественной и личной иниціативы (хорошъ „предлогъ“!), подъ предлогомъ экономическихъ кризисовъ, росъ и все шире захватывалъ въ свои сѣти всѣ свободныя функціи народной жизни“.

Это не изъ заграничныхъ брошюръ г. Шарапова. Это не изъ послѣднихъ рѣчей г. Стаховича. Это и не со словъ конституціоналистовъ „Освобожденія“. Нѣтъ и нѣтъ! Это редакторъ „Гражданина“, конкуррентъ мага Филиппа, неутомимый князь Точка, безкорыстный (казенныя объявленія не въ счетъ) стражъ государственныхъ завѣтовъ Семибоярщины, взалкалъ свободы...

Скоро, читатель, настанетъ день на святой Руси. Ибо что же будетъ завтра, если ужъ сегодня самъ князь Мещерскій, старый пѣтухъ реакціонной полуночи, начинаетъ сбиваться и испускать чуть ли не „конституціоналистскія“ ноты!

А вѣдь только вчера „Гражданинъ“ грозилъ охранительнымъ перстомъ сельско-хозяйственнымъ комитетамъ, этимъ очагамъ „оппозиціонной болтовни“! Только вчера князю Мещерскому являлся въ кошмарно-патріотическомъ снѣ призракъ „образованнаго либеральнаго купца“, опошляющаго вопросы русской государственности. А сегодня...

Что случилось, князь? Публицистическій lapsus (описка)? Резиньяція (покорность) передъ духомъ времени? Отошли-ли казенныя объявленія?

Или же и ты, старая крыса, замѣтила непоправимую течь въ кораблѣ русскаго самодержавія? Если такъ — торопись, торопись, ибо завтра, пожалуй, будетъ ужъ поздно...

Но мало того, что редакторъ „Гражданина“ самъ становится на защиту „свободы“ противъ бюрократическаго централизма, — онъ и Александра III превращаетъ въ тайнаго воздыхателя по свободѣ. Оказывается, что „великій Гатчинскій Отшельникъ“ — да будетъ ему тяжела земля! — только и мечталъ объ освобожденіи Россіи „отъ гнета бюрократизма и централизаціи“. Вотъ гдѣ иногда скрываются политическіе единомышленники!

„Благодаря мнимымъ союзникамъ Самодержавія — думалъ тайный коронованный конституціоналистъ — бюрократіи и централизаціи, ихъ всезахватывающая волна снизу все возноситъ къ верху, въ зародышѣ туша всякую свободу на мѣстѣ: не лучше-ли тихой волнѣ идти сверху книзу и приносить свободу для каждой плодотворной мысли, для каждаго жизненнаго труда?“

Въ самомъ дѣлѣ, — не лучше-ли абсолютизмъ, сочетавшійся со свободой морганатическимъ бракомъ? Нагайка, завернутая въ пергаментъ Великой Хартіи Вольностей?

Что значитъ „свобода“ на публицистическомъ жаргонѣ князя Мещерскаго, мы разбирать не станемъ. Можетъ быть, это паточная славянофильская „свобода“ отъ всякихъ „бумажныхъ“, т. е. правовыхъ гарантій, роль которыхъ выполняетъ благожелательная деспотическая воля, „тихою волною“ изливающаяся „сверху книзу“? Другими словами, можетъ быть, это просто свобода... отъ политической свободы? Вопросъ темный. Ясно одно: въ интересахъ самодержавія, а значитъ (у князя — значитъ!) и народа централизація и бюрократизмъ должны уступить мѣсто общественной самодѣятельности. Эту самую ноту — о самодержавіи, опирающемся на самодѣятельность гражданъ — вотъ ужъ нѣсколько десятилѣтій усердно тянутъ наши народнически-либеральные и славянофильски-либеральные публицисты. И усердіе ихъ по истинѣ самоубійственно! Вмѣсто того, чтобы демонстрировать на каждомъ общественномъ фактѣ ту несомнѣнную истину, что самодержавіе не по недоразумѣнію, но по своему внутреннему политическому содержанію есть не что иное, какъ властная, всезахватывающая и всепопирающая бюрократія, наши либеральные недоросли систематически развращали общественную мысль, отрицая противоположность интересовъ абсолютизма и земскаго самоуправленія. Одни дѣлали это по врожденному недомыслію, другіе — въ надеждѣ „обойти“ самодержавіе двумя-тремя хитроумными силлогизмами. Но какъ политическая простота первыхъ, такъ и политиканская вороватость вторыхъ составляютъ самыя позорныя страницы въ исторіи нашей публицистической мысли. Никакія „независящія обстоятельства“ не могутъ тутъ служить оправданіемъ. Не засорять обывательское сознаніе фикціями свободолюбиваго деспотизма и конституціоннаго кнута, но очищать это сознаніе отъ идеологическихъ переживаній патріархальной государственности, — вотъ задача, единственно достойная политическаго дѣятеля!

И надо сказать, что самодержавіе, дошедшее до самоотрицанія въ лицѣ князя Мещерскаго, до самопожиранія въ лицѣ Зубатовыхъ и Плеве, Оболенскихъ и Валей, само облегчаетъ нашу задачу. Нужно только, чтобы мы сами не отдалили часа своей побѣды, измѣняя планы оппозиціонныхъ и революціонныхъ кампаній въ зависимости отъ настроеній правительственныхъ сферъ. И мы увѣрены, что соц.-демократія пребудетъ вѣрна себѣ.

Въ этой политикѣ нервныхъ зигзаговъ, въ этой сутолокѣ административныхъ „единоборствъ“, оппозиціонныхъ колебаній и революціонной растерянности, въ этомъ хаосѣ теченій и настроеній, которымъ кратковременность ихъ существованія не позволяетъ превратиться въ направленія, одна только партія революціоннаго пролетаріата, имѣетъ великое счастье сознавать прочность своей политической позиціи.

Заигрыванія бреттеровъ самодержавія такъ же мало способны бросить ее въ зубатовскія объятія, какъ издѣвательства самодержавныхъ камаринскихъ мужиковъ — въ азартную игру политическаго террора. И на предательскія заигрыванія и на бѣшенныя преслѣдованія она отвѣчаетъ однимъ и тѣмъ же: расширеніемъ и углубленіемъ своей революціонной работы. Смѣнится много политическихъ курсовъ, появится и исчезнетъ много „партій“, претендующихъ на усовершенствованіе соц.-демократической программы и тактики, — но историкъ будущаго скажетъ: и эти курсы, и эти партіи были лишь незначительными, отраженными эпизодами великой борьбы пробужденнаго пролетаріата. Революціонный по своей общественной природѣ, но никакъ не вслѣдствіе преслѣдованій, всегда революціонизирующій и всегда революціонизирующійся, вѣрный своему классовому естеству при всякой политической конъюнктурѣ, онъ неизмѣнно шелъ тяжелыми, но вѣрными шагами по пути къ политическому и соціальному освобожденію.

ДВѢ КОМЕДІИ „ПОМИЛОВАНІЯ“.

Ѳома Кочуръ, стрѣлявшій въ харьковскаго губернатора, присужденъ военнымъ судомъ къ смертной казни и затѣмъ „помилованъ“ царемъ по просьбѣ самого князя Оболенскаго и приговоренъ къ безсрочной каторгѣ. Объ этой просьбѣ упомянуто спеціально въ оффиціальномъ сообщеніи о приговорѣ суда, а затѣмъ самое прошеніе кн. Оболенскаго опубликовано въ газетахъ. Князь Оболенскій, его жена, мать и двѣ дочери просятъ царя не допустить, чтобы князь, хотя бы косвенно, послужилъ причиной смерти другого человѣка. Такъ говорится въ прошеніи.

Все это звучитъ наглой фалшью въ устахъ человѣка, еще недавно засѣкавшаго крестьянъ съ утонченной жестокостью новѣйшаго Аракчеева. Конкуренту фонъ-Валя въ дѣлѣ кнутобойства не приходится останавливаться передъ лишнимъ трупомъ. Не остановился же передъ трупомъ Лекерта фонъ-Валь. Вся эта комедія съ ея рекламнымъ финаломъ имѣетъ лишь одинъ смыслъ: при помощи ея правительство пытается выйти изъ противорѣчиваго положенія. Съ одной стороны, новая висѣлица должна вызвать новое возмущеніе; съ другой, — въ эпоху Плеве — нельзя обнаруживать „колебаній“ въ дѣлѣ расправы съ врагами. Едва-ли, однако, кого-нибудь собьетъ съ толку эта комедія. Правовое чувство политически-развитыхъ слоевъ русскаго народа, — вопреки всякимъ „помилованіямъ“, — будетъ возмущаться тѣмъ фактомъ, что исключительный судъ на основаніи исключительныхъ законовъ приговариваетъ къ смерти и отправляетъ въ безсрочную каторгу тѣхъ, кто пытается единолично протестовать противъ такихъ преступленій царскихъ слугъ, за которыя въ свободной странѣ князю Оболенскому и фонъ-Валю грозила бы каторга.

Не успокоитъ этого возмущеннаго правового чувства и вѣсть объ освобожденіи изъ сибирской ссылки лицъ, арестованныхъ за участіе въ московскихъ и петербургскихъ прошлогоднихъ волненіяхъ (главнымъ образомъ, петерб. и моск. студентовъ). Послѣ того, какъ бывшій командиръ корпуса жандармовъ кн. Святополкъ-Мирскій потерпѣлъ позорное пораженіе въ своей попыткѣ личнымъ объѣздомъ склонить студентовъ къ подачѣ прошеній о помилованіи; послѣ того, какъ громадное большинство сосланныхъ отказалось построить самодержавію золотой мостъ для неизбѣжнаго отступленія и отвѣтило на заигрыванія жандарма съ подобающимъ его званію презрѣніемъ, — правительству пришлось — дабы отнять у студенчества поводъ къ непосредственному продолженію прошлогоднихъ безпорядковъ — „помиловать“ студентовъ безъ всякихъ условій. Чтобы скрыть скандалъ своего пораженія, правительство не обошлось безъ обычнаго пріема дѣленія на овецъ и козлищъ: постановленіемъ императора всѣ сосланные въ Сибирь за участіе въ волненіяхъ прошлой зимы раздѣлены на три категоріи: въ первую вошли лица (14 мужч. и 3 женщ.), которыя теперь же освобождаются отъ всякаго надзора полиціи и лишь до 1 іюля 1903 г. имъ запрещено жительство въ столицахъ. Второй категоріи (32 мужч. и 8 женщ.) предстоитъ остаться подъ гласнымъ надзоромъ полиціи до 1 іюля 1903 г. съ тѣмъ, однако, что они могутъ избрать себѣ жительство въ Евр. Россіи внѣ университетскихъ городовъ, если „по семейнымъ и родственнымъ отношеніямъ, а также по условіямъ матерьяльнаго обезпеченія (??) переводъ ихъ представляется возможнымъ“! Наконецъ причисленные къ третьей категоріи (50 мужч. и 7 женщ.) освобождаются изъ Сибири 1 іюля 1903 г., съ оставленіемъ подъ гласнымъ надзоромъ полиціи на срокъ до 1 марта 1904 года.

„Освободительная“ царская грамота, между прочимъ, сообщаетъ, что „тов. мин. вн. дѣлъ поручено было собрать свѣдѣнія о поведеніи этихъ (т. е. сосланныхъ въ Сибирь) лицъ на мѣстѣ ихъ пребыванія и личнымъ ихъ опросомъ опредѣлить, насколько наложенныя на нихъ административныя взысканія соотвѣтствуютъ учиненнымъ ими проступкамъ.“ Эти золотыя слова какъ нельзя лучше характеризуютъ царящую у насъ гнусную систему административной замѣны суда. Черезъ полгода послѣ того, какъ 114 лицъ по приказамъ царя сосланы въ Сибирь, туда отправляется чиновникъ изслѣдовать, заслужили ли они — съ точки зрѣнія самого правительства — эту расправу. Этими несравненными словами правительство само признаетъ, что ссылало, не разбирая, праваго и виноватаго, что оно дѣйствовало въ своей борьбѣ съ общественнымъ движеніемъ, какъ шайка разбойниковъ, сбросившихъ съ себя послѣдній фиговый листокъ „законности“. Эти слова должны заставить призадуматься каждаго самаго умѣреннаго обывателя о томъ, можно ли еще терпѣть то правительство, которое не стѣсняется при случаѣ разсказать, что оно сначала наказало, а потомъ разобрало!

Намъ соціаль-демократамъ приходится во всемъ этомъ эпизодѣ привѣтствовать лишній разъ услугу, оказанную правительственными мудрецами дѣлу русской революціи. Вынужденное путешествіе студентовъ въ Сибирь весною этого года обратилось въ сплошное торжество въ честь революціи: ссылаемыхъ демонстративно встрѣчали на пути ихъ слѣдованія въ ссылку. Черезъ полъ года они возвращаются съ запасомъ опыта достойной и мужественной политической борьбы возвращаются не какъ „помилованные“ побѣжденные, но какъ нравственно побѣдившіе люди, заставившіе правительство выпустить ихъ изъ плѣна, несмотря на ихъ отказъ просить объ этомъ, несмотря на заявленія многихъ изъ нихъ, что они будутъ продолжать въ Россіи прежнюю борьбу, Въ добрый часъ! И пусть возвращенные не забываютъ, что ихъ возвращеніе не было бы столь скорымъ, если бы самодержавіе не имѣло всѣхъ основаній опасаться, что дальнѣйшее пребываніе ихъ въ Сибири вызоветъ новыя волненія среди всѣхъ слоевъ общества и особенно въ пролетаріатѣ. Пролетаріатъ своимъ вмѣшательствомъ въ послѣднія событія заставилъ правительство серьезно бояться новыхъ поводовъ къ революціоннымъ протестамъ. Пусть же революціонное студенчество проникнется убѣжденіемъ, что его первый политическій долгъ въ настоящее время помогать партіи пролетаріата въ ея работѣ надъ революціонизированіемъ и организаціей широкой массы пролетаріата.

ОПРОВЕРЖЕНІЕ ИЛИ ОТСТУПЛЕНІЕ?

„Если бы Л. Дейчъ просто заявилъ, что нѣкоторыя наши выраженія, напр., о „всеобщемъ осужденіи“ преувеличены и если бы доказалъ такое свое заявленіе фактами, очень возможно, что мы съ нимъ охотно согласились бы“, — такъ разсуждаетъ авторъ статьи „Подложныя грамоты“ въ № 12 „Рев. Рос.“. Въ своемъ письмѣ, помѣщенномъ въ № 23 „Искры“, я говорилъ всего о двухъ выраженіяхъ — о „всеобщемъ осужденіи“ и о нашемъ „горькомъ раскаяніи“, слѣд., мнѣ невозможно было заявить о „нѣкоторыхъ“ изъ двухъ! Но далѣе, такъ какъ я не „заявилъ просто“ и не „доказалъ этого фактами“, то, значитъ, „Рев. Рос.“ остается при прежнемъ своемъ утвержденіи. Но въ слѣдующей же строкѣ авторъ говоритъ: „мы заявляли ?) и продолжаемъ утверждать, что подавляющее большинство русскихъ революціонеровъ и какъ разъ наиболѣе видные и авторитетные, отнеслись безусловно отрицательно къ принципу, на которомъ была построена чигиринская попытка“.

Гдѣ и когда „Рев. Рос.“ раньше заявляла это, мнѣ неизвѣстно. Въ № 8, какъ мы знаемъ, она утверждаетъ, что „весь революціонный міръ“ отнесся съ „рѣзкимъ осужденіемъ къ чигиринской попыткѣ“, а теперь она „заявляетъ“ уже о „подавляющимъ большинствѣ“, хотя бы и состоявшемъ „изъ наиболѣе видныхъ и авторитетныхъ революціонеровъ“, отнесшемся отрицательно къ „принципу“, что уже далеко не одно и то же.

Этимъ, полагаю, авторъ самъ признаетъ, что онъ впалъ въ „преувеличеніе“ въ № 8, когда говорилъ о „всемъ революціонномъ мірѣ“. Такимъ образомъ, „огурецъ“ оказывается уже не

Нижегородскіе рабочіе на судѣ.

Перепечатываемъ рѣчи нижегородскихъ рабочихъ съ литографированнаго листка, изданнаго Нижегородскимъ Комитетомъ Россійской Соц.-Демократической Рабочей Партіи. Прибавлять что-либо къ этимъ рѣчамъ значитъ лишь ослаблять впечатлѣніе, производимое этимъ безхитростнымъ разсказомъ о бѣдствіяхъ рабочихъ и о ростѣ среди нихъ возмущенія и готовности къ борьбѣ. Нашъ долгъ теперь — приложить всѣ усилія, чтобы эти рѣчи были прочтены десятками тысячъ русскихъ рабочихъ. Примѣръ Заломова, Быкова, Самылина, Михайлова и ихъ товарищей, геройски поддержавшихъ на судѣ боевой кличъ: „Долой самодержавіе!“, воодушевитъ весь рабочій классъ Россіи для такой же геройской, рѣшительной борьбы за свободу всего народа, за свободу неуклоннаго рабочаго движенія къ свѣтлому соціалистическому будущему.

РѢЧИ ОБВИНЯЕМЫХЪ ЗА УЧАСТІЕ ВЪ ДЕМОНСТРАЦІЯХЪ 1 И 5 МАЯ, ПРОИЗНЕСЕННЫЯ ПЕРЕДЪ СУДОМЪ МОСКОВСКОЙ СУДЕБНОЙ ПАЛАТЫ 28-31 ОКТ. 1902 Г.

Рѣчь сормовскаго рабочаго Заломова,

Я сознательно примкнулъ къ демонстрантамъ, но виновнымъ себя не признаю, потому что считалъ себя вправѣ участвовать въ демонстраціи, посредствомъ которой былъ выраженъ протестъ противъ тѣхъ законовъ, которые, защищая интересы привилегированнаго класса богачей, не даютъ рабочимъ возможности улучшать условія своей жизни. А условія эти настолько ненормальны, что рабочіе принуждены во что бы то ни стало бороться съ препятствіями, стоящими на ихъ пути, хотя бы эта борьба и была сопряжена съ потерей свободы и даже жизни. Я съ ранняго дѣтства чувствовалъ непосильную тяжесть, взваленную на трудящійся классъ. Благодаря преждевременной смерти отца, потратившаго всѣ свои силы на непосильную работу, нашему семейству пришлось вести полуголодное существованіе. Впослѣдствіи я самъ сталъ рабочимъ, самъ сталъ затрачивать свои силы и здоровье, содѣйствуя этимъ накопленію богатствъ въ рукахъ немногихъ людей. Я видѣлъ, что и членамъ моего семейства, если бы я пожелалъ имѣть таковое, грозитъ та же участь, что и мнѣ. Отсутствіе всякаго свѣта и пониманія дѣйствительности, осуждающее рабочихъ на вѣчное рабство, невозможность для рабочихъ не только жить, но и мечтать о культурной жизни, отсутствіе всякой возможности удовлетворить свои духовныя потребности, — все это, вмѣстѣ взятое, заставляло меня искать выхода изъ такого положенія. Я не видѣлъ выхода, приводилъ меня въ отчаяніе. Безсмысленность подобной жизни заставляла меня страстно мечтать о самоубійствѣ, какъ объ единственно возможномъ выходѣ изъ невозможнаго положенія. Но знакомство съ исторіей другихъ народовъ, трудящіеся классы которыхъ, благодаря неустанной борьбѣ, выбились изъ положенія, одинакового съ нашимъ, привело меня къ мысли, что такая борьба возможна и у насъ. Возможность хотя бы въ отдаленномъ будущемъ поднять экономическій и нравственный уровень трудящейся темной массы, дала мнѣ богатый запасъ жизненныхъ силъ. Я видѣлъ, что тяжела будетъ борьба для рабочихъ, трудно бороться съ безпросвѣтнымъ мракомъ невѣжества, въ которомъ насильственно держатъ рабочихъ и крестьянъ, что много, много будетъ жертвъ съ нашей стороны. Но какой человѣкъ, у котораго не вставленъ въ грудь камень вмѣсто сердца, котораго не удовлетворяетъ чисто животная жизнь, за дѣло своего народа не отдастъ свободы, жизни и личнаго счастья. Изъ личнаго опыта, вынесеннаго за 10 лѣтъ жизни по заводамъ, я пришелъ къ заключенію, что рабочій единичными усиліями не въ состояніи добиться нормальныхъ условій жизни, эксплуатація принуждаетъ его довольствоваться положеніемъ вьючнаго животнаго. Многіе думаютъ, что, благодаря задѣльнымъ работамъ, рабочіе имѣютъ возможность при стараніи заработать больше. Дѣйствительно, рабочій можетъ усиленно работать, но это ведетъ лишь къ преждевременному истощенію силъ, потому что невозможно до безконечности усиливать напряженность труда, а удержать на извѣстной высотѣ заработокъ возможно только при этомъ условіи, такъ какъ большій заработокъ, вызванный усиленнымъ трудомъ, ведетъ къ сбавкѣ расцѣнковъ, сбавлять же расцѣнки никогда не устанутъ. Дѣло сводится къ тому, что рабочіе, благодаря задѣльной платѣ и сбавкамъ расцѣнковъ, лишаются послѣдняго отдыха, будучи принуждены работать по ночамъ и по праздникамъ, сверхъ обычной денной работы, не имѣя въ то же время возможности при самомъ непосильномъ трудѣ заработать средства, необходимыя хотя бы для сносной жизни. Точно также не можетъ рабочій единичными усиліями поднять уровень расцѣнковъ и заработка до высоты, необходимой для удовлетворенія настоятельныхъ потребностей. А потребности эти все увеличиваются, такъ какъ просвѣщеніе, хотя и медленно, но все же проникаетъ въ народныя массы. Рабочіе всѣми силами стараются дать своимъ дѣтямъ образованіе. Народныя библіотеки могутъ доказать, насколько сильна жажда знаній среди рабочихъ. Во многихъ библіотекахъ, не смотря на то, что большинство полезныхъ книгъ запрещено, число подписчиковъ превышаетъ число книгъ. Рабочихъ не удовлетворяютъ грязныя, засаленныя тряпки, замѣняющія имъ одежду. На сколько сильно у рабочихъ желаніе прилично одѣваться, видно изъ того, что многіе отказываютъ себѣ даже въ пищѣ ради приличія ютятся и въ коморкахъ, не удовлетворяющимъ самымъ примитивнымъ требованіямъ гигіены. Понимаютъ также рабочіе, что питательная пища и болѣе продолжительный отдыхъ лучше возстановляютъ затраченныя на тяжелый трудъ силы. Вообще рабочіе нуждаются въ культурныхъ условіяхъ жизни, и не видѣть этого могутъ только люди, нарочно закрывающіе глаза. Несоотвѣтствіе условій, въ которыхъ приходится жить рабочимъ, съ запросами, предъявляемыми къ жизни, заставляетъ ихъ сильно страдать и искать выхода изъ ненормальнаго положенія, въ которомъ они находятся, благодаря несовершенству существующаго порядка. На гуманность предпринимателей разсчитывать нельзя, такъ какъ они, признавая сами себя людьми, на рабочаго смотрятъ не какъ на человѣка, а какъ на орудіе, необходимое для личнаго обогащенія, и чѣмъ короче срокъ, въ который можно выжать всѣ соки изъ рабочаго, тѣмъ для нихъ выгоднѣе. Для болѣе успѣшной эксплуатаціи труда рабочихъ предприниматели соединяются въ акціонерныя общества. Для того, чтобы удержать на желательной высотѣ цѣны на продукты, производимые трудомъ рабочихъ, но принадлежащіе предпринимателямъ, образуются союзы и синдикаты, напр., союзы сахарозаводчиковъ и нефтепромышленниковъ. Для этой же цѣли предприниматели добиваются и запретительныхъ пошлинъ на ввозимые въ Россію болѣе доброкачественные и дешевые иностранные товары. Отдѣльный рабочій, защищаясь отъ эксплуатаціи, не можетъ оказать предпринимателямъ большаго сопротивленія, чѣмъ кусокъ свинца давленію гидравлическаго пресса. Отдѣльный рабочій не можетъ не соглашаться на условія труда, предлагаемыя предпринимателемъ, такъ какъ безъ работы онъ существовать не можетъ. И даже соединенными силами, при отсутствіи благопріятныхъ условій, рабочіе не могутъ противостоять предпринимателю, которому отъ временной пріостановки производства не грозитъ голодъ, какъ рабочимъ. Рабочіе не могутъ добиться участія въ прибыляхъ, получаемыхъ отъ ихъ труда, не соединившись всѣ вмѣстѣ въ одинъ братскій союзъ. Но и этого единственнаго выхода они лишены, такъ какъ законъ, разрѣшая предпринимателямъ эксплуатировать рабочихъ, запрещаетъ послѣднимъ защищаться отъ эксплуатаціи, преслѣдуя союзы и стачки. Чтобы добиться болѣе культурныхъ условій жизни, рабочимъ необходимо имѣть право устраивать стачки противъ предпринимателей, имѣть право организовать союзы, имѣть право свободно печатать и говорить на сходкахъ о своихъ нуждахъ и, наконецъ, черезъ своихъ выборныхъ принимать участіе въ законодательствѣ, такъ какъ всякая побѣда рабочихъ надъ предпринимателями можетъ быть прочной лишь послѣ ея узаконенія. Въ силу всѣхъ изложенныхъ причинъ, считая рабочихъ вправѣ добиваться за свой трудъ лучшихъ условій жизни, я сознательно примкнулъ къ демонстрантамъ. Узнавъ о предполагаемой демонстраціи, я

„съ гору“, а только „съ домъ“, но и „домъ“ этотъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, таковъ, что въ него „двоимъ за нужду взлѣзть и то ни стать, ни сѣсть“.

Кропоткинъ говоритъ въ письмѣ, что „большинство чайковцевъ было противъ нихъ, но среди болѣе боевыхъ группъ, особенно на югѣ, Дейчъ и Стефановичъ имѣли не мало сторонниковъ“. Авторъ статьи, очевидно, не соглашается съ П. Крапоткинымъ; онъ, повидимому, думаетъ, что „болѣе боевыя группы“ не составляли тогда „большинства“, и среди нихъ не были „наиболѣе видные и авторитетные революціонеры“. Между тѣмъ, лицамъ, знакомымъ съ исторіей нашего движенія, извѣстно, что въ то время къ этимъ группамъ принадлежало преобладающее большинство кружковъ: на югѣ кружки Ив. Ковальскаго (въ Одессѣ и Херсонѣ), Виттенберга и Гобста въ Николаевѣ, Брантнера и Глушкова въ Харьковѣ, а въ Кіевѣ, какъ извѣстно, дѣйствовали В. Осинскій, Мих. Фроленко и др., принимавшіе самое активное участіе въ освобожденіи насъ изъ тюрьмы. На сѣверѣ, въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, по Волгѣ и Дону раскинула свою дѣятельность организація „Земля и Воля“, къ которой тогда принадлежали: Ал. Михайловъ, Ал. Квятковскій, Баранниковъ, Абалешинъ, Ольга Натансонъ, Мих. Поповъ, Г. Плехановъ и нѣкот. другіе. Эта организація не только не была противъ чигиринской попытки, но, главнымъ образомъ, на ея средства была совершена послѣдняя, а послѣ нашего побѣга изъ тюрьмы, лѣтомъ 1878 г., „Земля и Воля“ предложила Стефановичу и мнѣ отправиться въ ея поселенія, чтобы попытаться создать тамъ тайныя общества. Еще въ живыхъ Г. Плехановъ, „землеволецъ“, написавшій воспоминанія, и лицо, передавшее намъ значительную сумму денегъ для чигиринской попытки. Что же, всѣ эти кружки составляли тогда ничтожный контингентъ, а перечисленныя мною лица принадлежатъ къ наименѣе „виднымъ и авторитетнымъ“?

Но авторъ статьи имѣетъ „свидѣтельство тов. Е. Лазарева“, что „петербургскій кружокъ ‚радикаловъ‘ (прод. кружка чайковцевъ), въ которомъ участвовали Клеменцъ, Перовская, Степнякъ и др., подавляющимъ большинствомъ отклонилъ предложеніе оказать Стефановичу даже простую денежную помощь для осуществленія его проекта“. Все это — сплошной вымыселъ. Въ описываемое мною время, т. е. до нашего ареста (осенью 1877 г.) никакого кружка „радикаловъ (продолжатели кружка чайковцевъ)“ не было; Клеменцъ и Степнякъ были за-границей и не входили ни въ какой изъ дѣйствовавшихъ въ Россіи кружковъ. „Большинство“ же чайковцевъ, о которыхъ упоминаетъ П. Крапоткинъ, въ Россіи составляли: С. Перовская, А. Корнилова, Сердюкова, Чарушина и Л. Синегубъ — и только. Онѣ не представляли изъ себя никакого революціоннаго кружка, и все ихъ вниманіе было сосредоточено на оказываніи помощи заключеннымъ въ тюрьмахъ. Какъ „большинство“ это отнеслось къ чигиринской попыткѣ, мнѣ неизвѣстно, но что касается С. Перовской, то, на сколько я могъ заключить изъ разговоровъ съ нею осенью 1879 г., она сама готова была примкнуть къ новому предпріятію, если бы его затѣялъ Стефановичъ. Объ этомъ именно говорится въ концѣ ея біографіи, изд. загр. отд. Кр. Кр. Нар. В. (стр. 21-23).

Далѣе, этотъ же „свидѣтель“ Е. Лазаревъ заявляетъ еще, что среди сидѣвшихъ по дѣлу 193 „не раздалось ни одного голоса въ защиту операціи съ подложными манифестами“. Это заявленіе столь же правдиво, какъ и вышеуказанное. Сидя въ тюрьмѣ, зимой 1877-78 гг., мы переписывались съ Е. Брешковской, которая сообщала намъ, что ея товарищи — Коваликъ, Войноральскій, Муравскій и др. — съ большимъ сочувствіемъ относятся къ чигиринской попыткѣ. При этомъ она пересылала намъ письма ея друзей, и ни въ одномъ изъ нихъ не было ничего похожаго на отрицательное отношеніе. Е. Брешковская и С. Коваликъ еще живы.

Сославшись на неимѣніе №№ выходившихъ въ то время революціонныхъ изданій, — о чемъ могу лишь пожалѣть, — авторъ все же пытается покрѣпить свое утвержденіе печатными источниками. Онъ указываетъ на воспоминанія Дебагорія-Мокріевича, печатавшіяся въ „Вѣст. Нар. Воли“, но въ срединѣ 80-хъ гг., — а не въ концѣ 70-хъ, что надо было бы автору для подкрѣпленія своихъ утвержденій, — и на статью Драгоманова въ „Общ.“, будто бы направленную противъ чигиринской попытки. Въ дѣйствительности же было слѣдующее. Въ отвѣтъ на напечатанный Стефановичемъ въ „Общ.“ разборъ малорусскихъ произведеній Драгоманова, котораго онъ упрекалъ за отрицательное отношеніе ко всему русскому революціон. движенію, Драгомановъ помѣстилъ тамъ же свою статью, въ которой, между прочимъ, сказано: „что же касается, въ частности, до нашего мнѣнія о такихъ вещахъ, какъ прибѣганія тѣхъ или другихъ изъ „русскихъ революціонеровъ“ къ молебнамъ и къ другимъ подобнымъ пріемамъ для возбужденія къ себѣ вниманія „народа“, напр., къ самозванству, подложнымъ грамотамъ отъ царя и т. п., то мы и послѣ возраженій Стефановича остаемся при томъ же своемъ мнѣніи, что во всемъ этомъ мы видимъ, примиреніе съ тѣмъ, съ чѣмъ слѣдуетъ бороться‘“ („Общ.“ № 8-9, стр. 55). Драгомановъ, какъ извѣстно, одинаково нападалъ на устройство демонстраціи на Казанской площади 6 дек. 1876 г., какъ и на убійство Мезенцева „изъ-за угла“, и на многое другое, если не сказать — на все русское революціонное движеніе. Но нужно полное незнаніе нашего прошлаго или очень богатое воображеніе, чтобы ссылаться на приведенный даже Драгомановымъ только примѣръ, какъ на доказательство, что въ изданіяхъ конца 70-хъ годовъ была, молъ, статья Драгоманова противъ чигиринской попытки!

Столь же удачны и вѣрны рѣшительно всѣ ссылки и доводы нашего автора. Такъ, онъ приводитъ кое-что изъ заявленія редакціи „Черн. Перед.“, гдѣ говорится, что она „не думаетъ пропагандировать тѣхъ средствъ, которыя практиковались въ чигиринскомъ дѣлѣ“. Но что въ этомъ заявленіи не заключается „рѣзкаго осужденія“ чигиринскаго дѣла, видно уже изъ отзыва посторонняго человѣка, историка нашего движенія, проф. Туна, который прямо упрекаетъ редакцію „Черн. Перед.“ въ томъ, что она „ни единымъ словомъ не высказала своего порицанія“ и что „оправдываетъ“ (entschuldigt) прибѣганіе въ этомъ дѣлѣ къ царскому авторитету (Gesch. d. rev. Bew., стр. 137).

Совершенно таковъ же, какъ и редакціи „Черн. Пер.“, былъ мой и Стефановича взглядъ на эту попытку: мы рѣшительно стояли противъ пропаганды „авторитарнаго принципа“, — мы говорили только, что при сложившихся въ чигиринскомъ уѣздѣ условіяхъ, во время происходившихъ тамъ волненій (1875-76 гг.), инымъ способомъ намъ нельзя было тамъ дѣйствовать. Это, думаю, подтвердитъ, и П. Кропоткинъ, теперь утверждающій, что онъ тогда уже указывалъ на другіе способы и пріемы.

Но далѣе. Нѣсколькими вырванными изъ общей связи фразами изъ „Подп. Россіи“ авторъ желаетъ увѣрить читателя, что Степнякъ относился „безусловно отрицательно“ къ чигиринскому дѣлу. Нѣкоторыя рѣзкія выраженія, встрѣчающіяся въ книгѣ Степняка, на ряду съ восторженными, по поводу чигиринской попытки, объясняются тѣмъ, что онъ писалъ свои „профили“ много лѣтъ спустя, а главное, что онъ предназначалъ ихъ первоначально для иностранной публики и лишь въ 1893 г. выпустилъ ихъ по русски. Глава о Стефановичѣ составлена къ тому же изъ частей, писанныхъ въ разныя эпохи. Но что въ концѣ 70-хъ годовъ Степнякъ не относился къ чигиринской попыткѣ, какъ къ „безсовѣстной мистификаціи“, знаютъ находящіеся въ живыхъ друзья его. Наоборотъ, они смогутъ „засвидѣтельствовать“, что отношеніе его тогда было скорѣе — восторженное и что онъ самъ просилъ Стефановича привлечь и его къ дѣлу созданія гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ организаціи среди крестьянъ.

Еще болѣе вѣски и убѣдительны доводы, приведенные въ доказательство того, что мы со Стефановичемъ „горько раскаивались“. Для этого авторъ ссылается на еще ненапечатанное сообщеніе одного „Землевольца“, заявляющаго, что Стефановичъ отказался отъ „авторитарнаго принципа“. Допустимъ, что на этотъ разъ нашъ авторъ вполнѣ вѣрно цитируетъ находящуюся у него лишь въ рукахъ рукопись, по его словамъ, „одного изъ редакторовъ ‚Земли и Воли‘“, каковымъ, къ слову, „Землеволецъ“ написавшій записки, никогда не былъ. Что изъ этой цитаты слѣдуетъ? Только то, что и я выше сообщилъ, а именно, — Стефановичъ вовсе не стоялъ за „авторитарный принципъ“. Къ тому же изъ чигиринской попытки онъ вынесъ знаніе и опытъ, какъ взяться за устройство организаціи среди крестьянъ, уже не пользуясь именемъ царя. Но нужно обладать воображеніемъ „дворянина“ или „князя“, возвратившагося изъ „дальнихъ странствій“, чтобы, на основаніи сообщенія „Землевольца“, утверждать, что Стефановичъ „горько раскаялся въ своемъ ложномъ шагѣ“.

Второй доводъ въ доказательство нашего „горькаго раскаянія“ еще лучше указаннаго: одинъ, видите-ли, будто бы участникъ чигиринской попытки, Дебагорій-Мокріовичъ, говоритъ, что, попавъ въ тюрьму, онъ „чувствовалъ себя передъ крестьянами, какъ провинившійся мальчишка“. Но Дебагорій-Мокріевичъ къ числу участниковъ чигиринской попытки не принадлежалъ; онъ впервые узналъ о ней уже послѣ ареста насъ троихъ — меня, Стефановича и Бохановскаго, котораго авторъ почему-то упорно обходитъ молчаніемъ. По порученію Стефановича, переданному изъ тюрьмы, Дебагорій-Мокріевичъ поѣхалъ разыскивать одного скрывавшагося крестьянина, и въ этомъ состояло все его прикосновеніе къ нашей попыткѣ. Можно было выразить удивленіе или даже восхищеніе по поводу впечатлительности Мокріевича, почувствовавшаго себя виноватымъ за чужія дѣянія, но сдѣлать изъ его словъ заключеніе, что, слѣд., Стефановичъ и Дейчъ „горько раскаивались“, совершенно аналогично извѣстному силлогизму: „въ огородѣ бузина, а въ Кіевѣ дядька“.

Мнѣ слѣдовало бы еще остановиться на чудесной ссылкѣ на Бакунина — „духовнаго отца, отказавшагося отъ своихъ дѣтей“, надо полагать, отъ насъ, чигиринцевъ, что онъ сдѣлалъ, конечно, съ того ужъ свѣта, такъ какъ онъ умеръ въ іюнѣ 1876 г., а чигиринская попытка была затѣяна Стефановичемъ лишь зимой 1876-1877 гг.; я могъ бы кое-что сказать и о вольномъ комментаріи письма П. Кропоткина, будто бы находившаго лишь „смягчающія“ нашу вину „обстоятельства“; не мѣшало бы, наконецъ, показать автору, что онъ обнаруживаетъ полнѣйшее незнакомство съ „народничествомъ“, когда докторальнымъ тономъ поучаетъ читателей, что я, будто бы, желаю взвалить вину „отдѣльныхъ лицъ или незначительнаго кружка на все ‚народничество‘“; но мой отвѣтъ ужъ и безъ того черезчуръ растянулся. Скажу лишь, что рѣшительно ни одинъ изъ приведенныхъ авторомъ доводовъ не подтверждаетъ ни прежнихъ утвержденій, сдѣланныхъ въ № 8 „Рев. Рос.“, ни новаго его заявленія. Мало того, статья „Подложныя Грамоты“ переполнена сплошь массой совершенно неосновательныхъ и вполнѣ произвольныхъ утвержденій.

Я, поэтому, увѣренъ, что нашему автору придется сдѣлать еще одну уступку и признать, что въ новомъ его утвержденіи о „подавляющемъ большинствѣ“ имѣются также „нѣкоторыя преувеличенія“, и заявить, что, молъ, „были отдѣльныя лица и, въ лучшемъ случаѣ, незначительные кружки“, къ тому же состоявшіе изъ наименѣе „боевыхъ“, революціонныхъ членовъ, которые, въ концѣ 70-хъ годовъ, отнеслись отрицательно къ чигиринской попыткѣ. А если онъ къ тому же прямо признаетъ, что лишь на основаніи ложныхъ посылокъ и неправильныхъ сообщеній сдѣлалъ свою „аналогію“ о моемъ и Стефановича „горькомъ раскаяніи“, то и я „охотно соглашусь“ въ этомъ случаѣ съ нимъ.

Л. Дейчъ.

БОРЬБА РОСТОВСКИХЪ РАБОЧИХЪ.

Грандіозная борьба вспыхнула въ Ростовѣ-на-Дону 2-4 ноября обнаруживъ еще и еще разъ, въ назиданіе всѣмъ маловѣрнымъ какая громадная революціонная энергія накоплена рабочимъ классомъ и какъ глубоко проникли сѣмена соц.-дем. пропаганды.

Приведемъ прежде всего сообщеніе нашихъ донскихъ товарищей.

„4 ноября, въ 10 час. утра, въ главныхъ мастерскихъ Влк. ж. д., въ которыхъ работаетъ около 4000 чел., вспыхнула стачка, въ которой приняли участіе всѣ рабочіе, почти безъ исключенія. Стачка была подготовлена. Въ этотъ день появилась прокламація мѣстнаго Комитета съ призывомъ къ стачкѣ, которая произвела сильное впечатлѣніе. Съ утра началось броженіе, но рабочіе не могли начать. Въ 10 час. утра въ мастерскія ворвалось нѣсколько человѣкъ, не работающихъ въ мастерскихъ, съ крикомъ: „Бросай работу!“ Рабочіе нѣсколькихъ цѣховъ съ крикомъ „стачка“ высыпали на дворъ. Заранѣе подготовленный отрядъ организованныхъ рабочихъ бросился въ машинное отдѣленіе и далъ тревожный свистокъ. Инженеръ Голоцуцкій и кочегаръ, пытавшіеся воспротивиться этому, были избиты. Высыпавшимъ во дворъ послѣ гудка рабочимъ была прочитана прокламація. Произнесено нѣсколько краткихъ рѣчей. Рабочіе приняли всѣ требованія, выставленныя въ прокламаціи, именно: 1) 9-часовой рабочій день; 2) прекращеніе работъ по субботамъ и наканунѣ праздниковъ въ 2 ч. дня; 3) повышеніе жалованья на 20 проц.; 4) повышеніе расцѣнковъ, чтобы они составляли не менѣе 50 проц. жалованья; 5) полная отмѣна штрафовъ за неявку на работу; 6) удаленіе мерзавцевъ мастеровъ Вицкевича и Чернявскаго; 7) вѣжливое обращеніе мастеровъ; 8) устройство школы для дѣтей рабочихъ; 9) вывѣшиваніе табели расцѣнковъ во всѣхъ цѣхахъ. Къ этимъ основнымъ требованіямъ потомъ была прибавлена масса требованій второстепенныхъ, всего 25 пунктовъ. Въ виду того, что рабочіе являются сторонниками сдѣльныхъ работъ, Комитетъ долженъ былъ отказаться отъ агитаціи противъ сдѣльныхъ работъ. Стачкой предполагается воспользоваться для широкой политической агитаціи. Настроеніе среди рабочихъ хорошее; всѣ говорятъ, что будутъ держаться до конца. Власти поражены умѣлымъ поведеніемъ рабочихъ: не слышно ни одного ругательства, не разбито ни одного окна.“

На присланной намъ (печатной) прокламаціи отъ 4 ноября Донской Комитетъ добавляетъ слѣд.:

„5 ноября къ стачкѣ присоединились рабочіе депо, 6 ноября рабочіе завода Пастухова (400 чел.) бросили работу и присоединились къ стачкѣ. Возлѣ мастерскихъ собирается толпа въ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Произносятся рѣчи интеллигентами и рабочими. Ораторовъ выносятъ на рукахъ. На сходки рабочіе приходятъ всѣмъ семействомъ — съ женами и дѣтьми. До сихъ поръ (7/XI) ни одного ареста. Полиція и жандармы боятся дразнить голодающую толпу. На всѣхъ заводахъ страшное броженіе. Ожидаемъ всеобщей стачки. Прокламаціи выходятъ по двѣ въ день“.

6 ноября Донской Ком. обратился со слѣд. прокламаціей Ко всѣмъ гражданамъ:

„Первый снѣгъ, — и вмѣстѣ съ нимъ первый отдаленный раскатъ надвигающейся революціи. Рабочіе владикавказскихъ мастерскихъ бросили работу и выставили свои требованія. Въ нихъ нѣтъ ничего политическаго, но самый фактъ такой крупной стачки своимъ могучимъ напоромъ рветъ старыя заржавленныя средневѣковыя цѣпи самодержавія. И не дождемся мы, быть можетъ, будущаго „перваго снѣга“, какъ тѣ же рабочіе стройной тысячной толпой пройдутъ подъ красными знаменами соц.-демократіи съ громкимъ крикомъ; „Долой самодержавіе! Да здравствуетъ свобода!“, пройдутъ по улицамъ Ростова, которыя еще никогда не слышали вольныхъ криковъ свободы. Они — и только они — въ силахъ разрушить смрадное зданіе проклятаго самодержавія, они — и только они — въ силахъ дать свободу задушенной, голодной Руси.

„Придите же къ нимъ на помощь въ ихъ первыхъ трудныхъ шагахъ борьбы. Придите вы, втайнѣ ненавидящіе запятнанное кровью гнуснѣйшихъ преступленій самодержавіе, придите вы, втайнѣ болѣющіе за вымирающій отъ голода народъ; придите вы, втайнѣ робко мечтающіе о свободѣ. Придите на помощь, чѣмъ можете. Окажите борющимся хоть матеріальную поддержку!

„Проснитесь же, граждане!“

„Да здравствуетъ соціаль-демократія!“ на одномъ, „Да здравствуетъ восьмичасовой рабочій день!“ на другомъ и „Долой самодержавіе! Да здравствуетъ политическая свобода!“ на третьемъ. Знамена, съ которыми я пошелъ на демонстрацію, оказались очень кстати, такъ какъ у демонстрантовъ таковыхъ не имѣлось, и они выражали свой протестъ лишь криками: „Долой самодержавіе!“, „Да здравствуетъ политическая свобода!“ и пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ. Я зналъ, что за участіе въ демонстраціи грозитъ каторга. Наказаніе страшное, въ моихъ глазахъ хуже смерти, такъ какъ человѣческая личность тамъ совершенно уничтожается и безчеловѣчно унижается на каждомъ шагу. Но надежда на то, что, жертвуя собой, причесешь хоть микроскопическую пользу своимъ братьямъ, даетъ полнѣйшее удовлетвореніе за всѣ страданія, которыя пришлось и придется перенести. Личное несчастіе, какъ капля въ морѣ, тонетъ въ великомъ горѣ народномъ, за желаніе помочь которому можно отдать всю душу. Мелкими протестами рабочихъ до сихъ поръ не удалось добиться чего-нибудь существеннаго, начальство и общество сквозь пальцы смотритъ на злоупотребленія и на явное нарушеніе законовъ со стороны предпринимателей. Слѣд., требуется что-нибудь изъ ряду вонъ выходящее, чтобы обратить вниманіе общества на ненормальное положеніе рабочихъ и на игнорированіе ихъ интересовъ правительствомъ. Рабочіе, создавая богатства и защищая своей грудью общество отъ внѣшнихъ враговъ, всѣ свои силы отдаютъ государству, но имъ не дано никакихъ правъ, такъ что всякій, обладающій капиталомъ и покладистой совѣстью, можетъ обратить человѣка, не имѣющаго возможности жить безъ работы, въ рабство. Я видѣлъ, что существующій порядокъ выгоденъ лишь для меньшинства, для господствующаго правящаго класса; что пока самодержавіе не будетъ замѣнено политической свободой, дальнѣйшее культурное развитіе русскаго народа невозможно: что рабочіе въ борьбѣ съ предпринимателями на каждомъ шагу наталкиваются на ихъ союзниковъ въ лицѣ самодержавныхъ порядковъ; что самодержавіе является врагомъ русскаго народа. И вотъ почему я написалъ на своемъ знамени: Долой самодержавіе и да здравствуетъ политическая свобода!

Рѣчь сормовскаго рабочаго Алексѣя Быкова.

Я не признаю себя виновнымъ, но вышелъ на Большую дорогу, гдѣ была демонстрація, сознательно, присоединился и заявилъ свои требованія. Отецъ мой всю жизнь провелъ въ весьма бѣдномъ положеніи. Насъ было четыре сына, онъ насъ не могъ даже воспитать, а не только дать намъ какое-нибудь маленькое образованіе. Когда отецъ отдалъ меня работать, то я увидалъ со стороны заводской администрація одни только притѣсненія. Не только завѣдующіе цѣховъ, а даже нижніе чины, которымъ я былъ отданъ рабомъ, всѣ меня били за каждую малость и давали самую грубую работу, которую я не въ состояніи былъ выполнить. Потребности, которыя касались моихъ душевныхъ силъ, я никогда не могъ удовлетворить. Я видѣлъ массу обирательствъ со стороны заводской администраціи, которыя касались нашего матеріальнаго положенія, существованія нашей жизни. Работалъ я на четырехъ заводахъ и ни на одномъ заводѣ нѣтъ честныхъ правилъ и честныхъ людей со стороны администраціи и вездѣ только сбавляютъ расцѣнки и стараются только оштрафовать, да лишній часъ заставить проработать — это нѣтъ слаще для хозяина. Я работалъ подъ управленіемъ Николая Леонидовича Мануилова. Мнѣ приходилось нѣсколько разъ просить повышенія расцѣнковъ и поденнаго жалованья, но онъ не обращалъ на всѣ наши просьбы никакого вниманія, отвѣчалъ всегда грознымъ голосомъ и говорилъ, что если будешь требовать и смущать людей, то я тебя отправлю въ полицію или разсчитаю. И я сталъ опять работать за такую же плату, какая была предложена, чтобы не остаться безъ куска хлѣба. Послѣ этого я проработалъ два мѣсяца. Этимъ не я одинъ былъ обиженъ, а всѣ и каждый. Собрались рабочіе и пошли къ конторѣ просить повышенія заработка. Завѣдующій обратился къ нимъ и сказалъ: если вы не будете за эту плату работать, я пойду скажу полиціи, что вы бунтуете, и васъ арестуютъ и посадятъ въ тюрьму. А рабочіе сказали, что мы не бунтуемся, а просимъ свое, которое добывается нашимъ потомъ и кровью. „Если вы не будете работать, то я приведу полицію“. Они побоялись и стали работать. „А того человѣка, какъ Быкова, я отправлю къ мѣстному приставу, откуда будетъ онъ отправленъ въ первый тюремный корпусъ“. Когда я обратился къ нему и сталъ просить, то онъ за это меня постановилъ на тяжелую работу и на маленькое жалованье Когда я проработалъ одинъ мѣсяцъ и нашелъ прокламацію, въ которой было извѣстно про первое мая, то я не могъ дождаться этого дня. Когда дождался этого дня, пошелъ на Большую дорогу, гдѣ увидѣлъ партію демонстрантовъ и три знамени, на которыхъ было написано: „Долой самодержавіе!“, „Да здравствуетъ политическая свобода!“ и „Восьмичасовой рабочій день!“, и присоединился къ этой группѣ сознательно и кричалъ: „Да здравствуетъ политическая свобода, да здравствуетъ восьмичасовой рабочій день!“

Рѣчь сормовскаго рабочаго Самылина.

Въ 1896 г. я работалъ на заводѣ Курбатова. Здѣсь изъ молодежи образовался кружокъ, имѣющій цѣлью самообразованіе, и носилъ чисто экономическій характеръ. Нашъ кружокъ кто-то выдалъ и меня посадили въ тюрьму. Пока я сидѣлъ въ тюрьмѣ, семья моя страшно бѣдствовала... дойдя до степени нищеты. Я былъ старшимъ въ семьѣ, оставшейся безъ отца, состоявшей изъ пяти человѣкъ, и всѣ средства къ существованію добывалъ только я. Мать принуждена была ходить на поденную работу. А что можетъ заработать женщина [illegible] кій грошъ. И вотъ за то, что я участвовалъ въ экономическомъ кружкѣ, меня продержали 15 мѣс. въ тюрьмѣ и выслали изъ Нижняго въ мѣсто приписки на годъ, выбросивъ меня на улицу незнакомаго мѣста, гдѣ я, лишенный работы, ходилъ положительно голодный. Когда я сидѣлъ въ тюрьмѣ, у меня родилась мысль, что если за то, что человѣкъ хочетъ защитить себя отъ насилія фабрикантовъ и старается пополнить свое образованіе совмѣстнымъ чтеніемъ, его сажаютъ въ тюрьму, то ясно, что фабрикантамъ покровительствуетъ кто-то свыше, и, что интересы промышленнаго класса не чужды правительству... Когда я пріѣхалъ изъ ссылки сюда въ Нижній и поступилъ работать на Сормовскій заводъ, здѣсь полиція стала являться подъ различными предлогами ко мнѣ на квартиру и высматривала, нѣтъ-ли чего подозрительнаго на моей квартирѣ. И достаточно было появленія на заводѣ или на улицѣ Сормова прокламацій, какъ полиція являлась съ обыскомъ ко мнѣ на квартиру. И хотя не находила ничего преступнаго, но это не мѣшало ей придти во второй и третій разъ и, можетъ быть, продолжала бы ходить и еще, но меня заперли въ тюрьму. При обыскѣ у меня, находя научныя книги, спрашивали: „для чего вы имѣете у себя эти книги и тратите на нихъ деньги, не библіотека-ли у васъ какая?“.. А развѣ рабочій не долженъ пополнять своего скуднаго образованія чтеніемъ книгъ? Развѣ рабочему не нужно образованіе? Развѣ ему не нужно знать, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ?.. Работая на Сормовскомъ заводѣ, я видѣлъ, что крупныя промышленныя предпріятія эксплуатируютъ рабочаго еще больше, чѣмъ мелкія. Всякія притѣсненія со стороны администраціи, взяточничества со стороны мастеровъ доходятъ до наглости. Помню одинъ случай съ подаркомъ. Мастеръ той мастерской, въ которой работалъ и я, ввелъ въ правило, чтобы рабочіе подносили ему подарокъ въ день ангела. Деньги собирали старшіе рабочіе. Когда же одинъ рабочій воспротивился этому, то мастеръ, придравшись къ нему, разсчиталъ его съ завода, какъ бунтовщика, который подбиваетъ рабочихъ. Хотя эта исторія и дошла до фабричнаго инспектора, но все осталось по старому.

Когда я узналъ за нѣсколько дней до перваго мая, что въ Сормовѣ будетъ демонстрація, то вышелъ на Большую дорогу и сознательно примкнулъ къ демонстрантамъ, потому что считалъ себя въ правѣ протестовать противъ насилія надъ личностью. И, чтобы обратить вниманіе правительства на рабочихъ, нужно выходящее изъ ряда вонъ событіе — рѣзкое и энергичное.

Рѣчь столяра Михайлова.

Я пришелъ на демонстрацію сознательно, потому что хотѣлъ вмѣстѣ съ другими показать, что я недоволенъ нашими порядками и хочу ихъ измѣненія. Я, будучи еще 12-ти лѣтъ, былъ избитъ нагайками казаковъ. Въ то время я работалъ на вин-

„Приводимъ тѣ изъ многочисленныхъ сообщеній о событіи, которыя наиболѣе полно рисуютъ картину борьбы и впечатлѣніе, производимое ею:

„Ростовъ переживаетъ теперь тревожные дни. Онъ вышелъ, наконецъ, изъ своей спячки. 2 ноября началась стачка въ мастерскихъ Владикавказской жел. дор. Бросили работу котельщики, предполагалось это дѣло замять, но въ понедѣльникъ 4-го бросили и остальные цѣхи, 5-го вышли прокламаціи отъ Донск. Комитета съ программой дѣйствія и съ требованіями (требованія до 25 параграфовъ). Полиція пока бездѣйствуетъ, и 6-го происходитъ грандіозный митингъ. На дворѣ мастерскихъ (Вл. ж. д.) сошлось болѣе трехъ тысячъ однихъ рабочихъ, не считая пришлыхъ. Не взирая на присутствіе переодѣтыхъ и непереодѣтыхъ жандармовъ, начальника ихъ, жандармскаго полковника Артемьева и пр. и пр., произносятся громовыя рѣчи, поддерживаемыя громкими криками собравшихся. На 7-ое назначается новая сходка. Въ 12 часовъ на томъ же дворѣ, на прилегающихъ къ нему пустыряхъ собирается еще большее количество народу, т. к. наканунѣ были разбросаны и расклеены прокламаціи къ обществу и въ тотъ же день неизвѣстно по какимъ причинамъ вспыхнулъ пожаръ на заводѣ Пастухова. Зрѣлище было еще болѣе сильное. Рѣчи не умолкали, крики свободные тоже. Пока еще не предпринимаютъ ничего. На завтра назначена опять сходка, на которую ожидаются рабочіе другихъ заводовъ. Донской Комитетъ открылъ свою типографію и выпустилъ къ новобранцамъ массу прокламацій. Въ то же время обнаружилось странное и еще небывалое явленіе: въ учебныя заведенія были присланы прокламаціи отъ Южнорусской группы учащихся среднихъ школъ. Одна изъ такихъ прокламацій попала въ руки инспектора гимназіи, но онъ еще ничего не предпринялъ“...

„Къ рабочимъ Вл. ж. д. присоединились рабочіе завода Панина (жел. зав.); забастовали пекари. На ст. Тихорѣцкой Влад. ж. д. тоже побросали работу. Въ продолженіе пяти дней, рабочіе въ количествѣ 3-4 и болѣе тысячъ собираются за городомъ, разбрасываютъ прокламаціи, которыя тотчасъ же прочитываются, затѣмъ говорятъ рѣчи, прежде всего убѣждающія рабочихъ продолжать стачку и не сдаваться. Сегодня за городомъ, кромѣ рабочихъ Бл. ж. д. въ числѣ 4 тысячъ пришли съ другихъ фабрикъ и заводовъ, толпа собралась не меньше 10 тысячъ. Собрались въ предмѣстьи Темерникѣ на возвышеніи. Началъ говорить одинъ бывшій рабочій: говорилъ, что унизительно уступить капиталистамъ, толпа прокричала, что не пойдетъ на уступки, потомъ онъ говорилъ, что рабочіе въ отдѣльности не должны вести переговоры съ хозяевами, потому что рабочій обыкновенно не сможетъ ясно формулировать свои требованія, его убѣжденія не настолько ясно сложились, чтобы онъ могъ выложить все, что желаетъ, для этого необходимо дѣйствовать цѣлой массой, посредствомъ печатно выраженныхъ требованій, потомъ сообщилъ, какіе рабочіе на другихъ заводахъ забастовали, и сказалъ, что администрація очень труситъ, потому что забастовка Влад. ж. д. мастерскихъ грозитъ раздвинуться дальше и весь Ростовъ будетъ охваченъ стачечнымъ движеніемъ; онъ передалъ, что наказный атаманъ сказалъ, что если стачка еще продолжится 2 дня, то рабочіе будутъ удовлетворены. Это онъ узналъ изъ достовѣрныхъ источниковъ. Во все продолженіе этой рѣчи ему не мѣшали ни полиція, ни жандармы. Вотъ уже 5 дней, какъ у насъ свободно говорятъ обо всемъ, ободряютъ стачечниковъ и убѣждаютъ ихъ держаться стойко, и жандармерія даетъ собираться народу и обсуждать его интересы. Когда говорилъ другой ораторъ, понемногу стали наѣзжать казаки съ нагайками и пиками. Ораторъ, увидя, что начальство все больше приближается къ народу и тѣмъ пугаетъ людей, собравшихся не для какихъ-либо преступныхъ цѣлей, а мирно обсуждающихъ свои дѣла, спросилъ, зачѣмъ здѣсь жандармерія. Въ толпу въѣхалъ подполковникъ и сталъ читать рабочимъ отвѣтъ министра путей сообщенія Хилкова: требованія рабочихъ не могутъ быть удовлетворены, и если рабочему не нравятся условія найма и заработной платы, пусть беретъ разсчетъ и если чѣмъ-нибудь недовольны — обращается въ судъ. Ораторъ спросилъ, соглашаются-ли на это рабочіе, тѣ закричали: нѣтъ!!

„Полковникъ велѣлъ разойтись. Толпа, подстрекаемая ораторомъ, осталась на мѣстѣ. Тогда прискакали казаки и стали объѣзжать толпу, для запугиванія. Народъ велъ себя очень сдержанно, спокойно и слушалъ оратора, который говорилъ, что толпу не имѣютъ права трогать, потому что это мирная стачка, рабочіе не буйствуютъ и никого не оскорбляютъ. Начальство все больше убѣждало разойтись, но толпа не двигалась, а казаки все больше приближались къ ней. Ораторъ обратился къ казакамъ, говоря, что развѣ подъ ихъ мундирами не бьется человѣческое сердце? что они сами вышли изъ тѣхъ же крестьянъ и, окончивъ службу, попадутъ на фабрики и заводы, они не посмѣютъ избивать ни въ чемъ не повинныхъ людей, добивающихся только сносныхъ условій труда. Потомъ ораторъ закричалъ: пока казаки не удалятся, народъ не разойдется. Казакамъ велѣно было удалиться и народъ понемногу разошелся. Назначена сходка на завтра, на томъ же мѣстѣ“...

„По улицамъ встрѣчаются кучки рабочихъ, которыя горячо толкуютъ о стачкѣ. Пройдя Темерницкія ворота, поднимаемся на гору, со всѣхъ сторонъ идутъ рабочіе. Все пространство площади было раздѣлено на двѣ части рвомъ. На одномъ краю его стояла масса рабочихъ, тамъ и сямъ читались прокламаціи, рабочіе, слушая ихъ, все болѣе возбуждались. Вдругъ всѣ закричали: товарищъ идетъ! и зашевелились; пришелъ вожакъ, всѣ очищали передъ нимъ дорогу и оживились. Онъ остановился на другой сторонѣ на площадкѣ, масса двинулась за нимъ и заняла собою оба откоса и громадное пространство на днѣ рва. Народъ все прибывалъ. Было около 8 тысячъ рабочихъ и около полуторы тысячъ женщинъ, наконецъ пришли ораторы и стали говорить рѣчи. Толпа слушала очень внимательно и единодушно отвѣчала на вопросы ораторовъ. Они рѣшили продолжать стачку и 13 числа взять получку за прошлый мѣсяцъ.

„Во время рѣчей толпа: рабочіе, учащіеся и публика, сидѣли на землѣ. Многія женщины сѣли на краю рва и невозмутимо сидѣли, несмотря на то, что на нихъ почти наѣзжали казаки. Оказалось, что казаки не уѣхали совсѣмъ, а только скрылись въ сторонѣ. На завтра назначена сходка въ 12 час. дня“...

„Ростовъ-на-Дону, 13 ноября. ...Сообщаю новыя подробности ростовскихъ „ноябрьскихъ дней“. Здѣсь творится нѣчто небывалое еще въ Россіи. Какъ только вспыхнула стачка въ мастерскихъ влд. ж. д., на всѣхъ фабрикахъ и заводахъ началось невиданное броженіе. Во многихъ мѣстахъ рабочіе бросали работу и опять ее начинали, уходили съ работы смотрѣть, что дѣлается „на стачкѣ“, и потомъ приходили обратно. Забастовала и предъявила требованія по-настоящему только фабрика Токарева (свыше 300 чел.). Требованія эти удовлетворены, и 11 ноября на фабрикѣ началась работа. Теперь, кромѣ мастерскихъ ж. д., бастуютъ: плугостроительный заводъ „Аксай“, цементный „Союзъ“ и табачная фабрика Асмолова; предъявленныя требованія, въ общемъ, сходны съ требованіями желѣзнодорожниковъ. Не работаютъ на табачной фабрикѣ „Работникъ“, на плугостроительномъ Григорьева и Ко., на желѣзодѣлательномъ и чугунолитейномъ зав. Дутикова. Не работаетъ много мелкихъ мастерскихъ и отдѣльныхъ рабочихъ всевозможныхъ производствъ. Всѣ забастовавшіе и масса любопытныхъ стекаются къ одному центру — желѣзнодорожникамъ. Съ перваго дня стачки начались сходки, на которыхъ говорятъ два постоянныхъ оратора — интеллигентъ и рабочій. Рѣчи эти исключительно ярко политическаго характера. 4, 5 и 6 ноября сходки, вѣрнѣе митинги, происходили во дворѣ мастерскихъ ж. д., но когда количество участниковъ этихъ сборищъ превысило десять тысячъ человѣкъ, и дворъ мастерскихъ не могъ вмѣстить всѣхъ интересующихся, митинги были перенесены „на балку“, — въ огромный крутой оврагъ, находящійся между Ростовомъ и ст. Гниловской. Въ четвергъ, 7-го, было уже тысячъ 15 слушателей, и ораторы говорили съ горы къ народу, не смущаясь присутствіемъ войскъ. Въ четвергъ же въ Ростовъ прибыли еще войска, вмѣстѣ съ атаманомъ и всей областной администраціей. Вообще административная жизнь области какъ-то замерла: въ полиціи цѣлую недѣлю почта не вскрывается и не разсматривается. Срочныя бумаги лежатъ безъ исполненія, тогда какъ всѣ чины полиціи усердно посѣщаютъ митинги. Въ пятницу, 8-го, рабочимъ была прочитана телеграмма министра путей сообщенія, который призналъ всѣ требованія рабочихъ не заслуживающими удовлетворенія. Прочитавъ эту телеграмму, жандармскій полковникъ Артемьевъ приказалъ толпѣ разойтись и больше не собираться скопомъ. Тотъ же самый приказъ повторилъ и самъ войсковой наказный атаманъ и пригрозилъ рабочимъ разными бѣдами за непослушаніе. Поднимается тогда ораторъ и, не смущаясь присутствіемъ грознаго начальника области, спрашиваетъ: „Господа, боимся мы атамана?“ — Нѣтъ, не боимся, отвѣчаетъ толпа. — „Станемъ мы слушаться его приказаній?“ — Нѣтъ, не станемъ, ревутъ въ отвѣтъ тысячи голосовъ. — „Ну, тогда оставайтесь на мѣстѣ и будемъ продолжать наши разговоры“.

„Само собою разумѣется, казакамъ данъ былъ приказъ разогнать толпу нагайками. Но избіеніе на этотъ разъ не состоялось, благодаря замѣчательному маневру оратора. Онъ приказалъ всѣмъ сѣсть, и нѣсколько тысячъ человѣкъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, усѣлись на землю и смиренно ожидали своей участи. Казаки опѣшили и остановились въ недоумѣніи. Бить сидячаго съ сѣдла крайне неудобно, и казаки, погарцовавъ немного, прекратили это глупое занятіе. Въ серединѣ толпы встало нѣсколько человѣкъ и подняли на плечи оратора, который обратился съ рѣчью къ казакамъ. Тогда толпѣ объявили, что дальнѣйшія сходки запрещаются и съ участниками ихъ будутъ поступать по всѣмъ строгостямъ закона. Казаковъ убрали, и толпа разошлась.

„Въ субботу казаки заняли балку, но стачечники собрались недалеко отъ нея. Видя, что толпа велика и что съ нею трудно справиться, стачечникамъ объявили, что атаманъ разрѣшаетъ имъ на этотъ разъ сходку для того, чтобы они выбрали депутацію къ нему. Депутація была избрана, и политическій митингъ продолжался своимъ чередомъ. Характерно, что когда депутація явилась къ атаману, этотъ глупый бурбонъ заявилъ, что онъ не желаетъ съ ними разговаривать и соглашается ихъ выслушать въ видѣ особой милости. Депутаты держались солидно и съ большимъ достоинствомъ отвѣтили на эту нелѣпую выходку.

„Въ воскресенье атаманъ разрѣшилъ собраться только для выслушанія отвѣта депутатовъ. Тѣмъ не менѣе, митингъ продолжался отъ 11 до 3 час. дня. Народу собралось видимо-невидимо; мы опредѣляемъ толпу въ 25-30 тыс. чел. Торжественное, неслыханное еще въ Россіи зрѣлище представлялъ этотъ митингъ. Стояла прекрасная погода и солнце освѣщало многотысячную толпу, въ которой, тѣсно прижавшись другъ къ другу, стояли представители буквально всѣхъ слоевъ общества. Даже крупные буржуа на собственныхъ рысакахъ пріѣзжали взглянуть на своего пробуждающагося врага. Какъ и въ предыдущіе дни, рѣчи носили ярко политическій характеръ. Въ одной изъ нихъ сопоставлялось развитіе христіанства съ развитіемъ соціализма. Одна рѣчь была посвящена арміи, ея роли и значенію въ капиталистическомъ государствѣ вообще и въ Россіи въ частности. Комментировалось это примѣрами изъ китайской войны. Въ виду того, что значительная часть рабочихъ относится все еще крайне враждебно къ политической агитаціи, а часть стачечниковъ даже угрожала стать на работу, если ихъ будутъ „запутывать въ политику“, — было произнесено нѣсколько рѣчей на тему: „Почему мы произносимъ политическія рѣчи“. Рѣчи эти произвели очень сильное впечатлѣніе на толпу. Дисциплина и порядокъ на митингахъ — образцовые, толпа повинуется каждому слову ораторовъ. Митингъ сопровождался возгласами массы: „Да здравствуетъ политическая свобода, свобода стачекъ, сходокъ и собраній, слова и печати. Мы требуемъ справедливыхъ законовъ и равенства всѣхъ передъ закономъ“. Несмотря на категорическое запрещеніе атамана, толпа рѣшила собраться на слѣдующій день. Въ этотъ же день было расклеено по городу обязательное постановленіе о воспрещеніи носить оружіе, останавливаться на улицахъ и т. д. Кромѣ того, было изданъ напечатанное крупнымъ шрифтомъ новое постановленіе, по которому всякія сходки безусловно воспрещаются, зачинщики будутъ немедленно арестованы, а войска будутъ безъ всякихъ церемоній дѣйствовать оружіемъ. Въ тотъ же день состоялось, подъ предсѣдательствомъ атамана, экстренное совѣщаніе чиновъ администраціи и представителей ж. д. Управляющій дороги готовъ былъ сдѣлать всѣ уступки, за исключеніемъ 9-часоваго раб. дня и отмѣны штрафовъ, но атаманъ возсталъ противъ этого, говоря, что тогда другіе рабочіе не успокоятся, пока не получатъ того же. Совѣщаніе рѣшило во что бы то ни стало арестовать ораторовъ и не допустить новой сходки, не останавливаясь даже передъ самыми крутыми мѣрами.

„Въ понедѣльникъ съ утра казачьи нагайки начали дружно дѣйствовать. Казаки напали на толпу женщинъ, шедшихъ на сходку, и начали ихъ колотить. Женщины героически защищались, отняли у казаковъ четыре пики, и все-таки явились на сходку. Въ самой балкѣ, едва только успѣла собраться небольшая толпа рабочихъ, какъ на нее напали казаки. Стачечники сѣли на землю, но и этотъ маневръ не удался: казаки скакали прямо на сидящихъ. Тогда рабочіе поднялись и оказали сопротивленіе. Камнями имъ удалось отбить казаковъ (во время свалки три казака съ лошадьми были сброшены въ оврагъ и казачій офицеръ пораненъ) и перейти на Темерикъ, гдѣ на перекресткѣ двухъ наиболѣе широкихъ улицъ собралась по-прежнему громадная толпа рабочихъ и кучка интеллигенціи. Рѣшили не расходиться. Вскорѣ сюда явились солдаты и казаки, и началось сраженіе. Толпа разобрала нѣсколько заборовъ, выдергивала колья во дворахъ, ломала деревья, крыши и „слеги“ (для вывѣшиванія флаговъ), и вооружилась всѣмъ этимъ. Въ нѣсколько минутъ были наворочены цѣлыя груды камней. Рабочіе взбирались на крыши домовъ, накладывали тамъ груды камней и обстрѣливали ими казаковъ. Толпа вырывала у казаковъ пики и ломала ихъ. Всадниковъ стаскивали съ лошадей, отбирали у нихъ сабли и ружья, отнимали пики и нагайки. Шесть разъ войска нападали на толпу и отступали съ большимъ урономъ. Градъ камней обращалъ въ бѣгство казачьихъ лошадей А толпа все прибывала и становилась свирѣпѣе. Наконецъ, казаки окончательно отступили, и началась сходка. Съ обѣихъ сторонъ много раненыхъ; одну женщину страшно искололи пиками. Сходка продолжалась до двухъ часовъ дня, и толпа рѣшила разойтись съ тѣмъ, чтобы завтра сойтись на томъ же мѣстѣ. Въ половинѣ четвертаго, когда уже осталось совсѣмъ мало народа, мальчишки насмѣшками разозлили солдатъ, и тѣ бросились избивать ихъ. За мальчиковъ вступились взрослые и очень скоро обратили солдатъ въ бѣгство. Тогда въ толпу по командѣ данъ былъ залпъ, безъ предупрежденія. На мѣстѣ осталось 6 чел. убитыхъ наповалъ, 12 чел. тяжело раненыхъ: есть еще раненые, но число ихъ не установлено. Слухъ о выстрѣлахъ страшно наэлектризовалъ весь городъ. На улицахъ замѣтно было значительное оживленіе. Толпы людей ходили и громко выражали свое возмущеніе. Можно было ожидать какого-нибудь взрыва. По улицамъ вездѣ были разставлены усиленные наряды городовыхъ и патрули казаковъ (въ понедѣльникъ же былъ раненъ жандармскій полковникъ Артемьевъ и еще нѣсколько офицеровъ). Казаки съ пѣснями и гиканьемъ разъѣзжали по всѣмъ направленіямъ — на страхъ врагамъ. Перепуганная администрація ночью экстренно отпечатала и облѣпила весь городъ брошюрою Богдановича: „Русскимъ рабочимъ душевное слово“. Но русскіе рабочіе срываютъ „душевное слово“, не дочитавъ даже перваго столбца.

„Во вторникъ на сходку толпа шла вооруженная; всѣ ожидали страшнаго кровопролитія. Ночью прибыло изъ Екатеринослава 2000 солдатъ и масса кубанскихъ казаковъ. Комитетъ, какъ и въ первые дни, находилъ, что если администрація не допуститъ митинга, то стремиться прорвать цѣпь войскъ и идти въ городъ на демонстрацію. Войска преградили доступъ на Темеринскую сторону ростовскимъ и нахичеванскимъ рабочимъ. По Доломановскому пер. и Темеринскому проспекту много дворовъ было запружено войсками. Особенно много ихъ было во дворахъ фабрики Панченко и мельницы Филонова. Всѣ переѣзды черезъ Темерикъ были заняты войсками, но рабочіе все-таки умудрились перебраться черезъ замерзшую рѣчку. На мѣстѣ сходки народу собралось больше прежняго. Толпу выстрѣлы только озлобили, администрацію они испугали. Послѣ торжественныхъ обѣщаній, письменныхъ и устныхъ, ни за что не допустить сборища, — на мѣстѣ сходки не было ни одного городового. Произносились по прежнему политическія рѣчи. Въ толпѣ лежалъ трупъ одного изъ разстрѣленныхъ, котораго не выдали полиціи. Хотѣли-было идти съ этимъ трупомъ демонстративно въ городъ, но потомъ отказались.

„14-го была новая сходка, на которой по прежнему не было полиціи. Войска со всѣхъ сторонъ стягиваются въ городъ. Среди казаковъ растетъ недовольство атаманомъ; прокламаціи къ войскамъ не удается распространить. Нѣсколько дней уже закрыты всѣ винныя лавки, виноторговли, ренсковые погреба, даже увеселительное заведеніе „Палермо“. Торговыя операціи города страшно сократились. Торговцы просятъ атамана успокоить рабочихъ, фабриканты настаиваютъ на укрощеніи и подавленіи.

„Ежедневно выходятъ прокламаціи (печатныя) въ количествѣ 1500-2500 штукъ. Больше не успѣваетъ изготовлять типографія за ночь. Количества этого не хватаетъ, такъ какъ толпа набрасывается на прокламаціи съ большей жадностью, чѣмъ голодные на хлѣбъ. Распространяются они на виду у полиціи и жандармовъ. Въ началѣ, прокламаціи бросались въ толпу, но это вызывало слишкомъ большую суматоху. Тогда рѣшили ихъ раздавать, но и тутъ результаты не вполнѣ удачны. Одного распространителя чуть не задушили, на другомъ разодрали пальто. Изъ-за прокламацій происходятъ цѣлыя свалки.

„На сходкѣ и вообще на Темеринкѣ не осмѣливаются никого арестовать, за то на улицахъ прямо-таки хватаютъ заподозрѣнныхъ лицъ. Производится масса обысковъ. Въ понедѣльникъ исчезъ одинъ изъ главныхъ ораторовъ. Вѣроятно, онъ арестованъ на улицѣ и увезенъ въ какую-то тюрьму. Во вторникъ въ двухъ случаяхъ толпа отбивала у полиціи арестованныхъ. Въ пользу стачечниковъ собрано уже 1300 руб.

„Повторяю, событія наши изобилуютъ массою любопытнѣйшихъ подробностей, но теперь буквально не въ состояніи описать ихъ. Событія на меня сильно повліяли, и я все время страдаю безсонницей, такъ что едва вожу перомъ по бумагѣ..

номъ заводѣ въ городѣ Бѣжецкѣ, и когда рабочіе стали просить съ хозяина прибавки жалованья, тотъ имъ отказалъ, а когда они прекратили работу, то хозяинъ обратился за полиціей къ правительству. Прислали сотни полторы дикихъ казаковъ, и прежде, чѣмъ приняться за дѣло, хозяинъ ихъ напоилъ водкой, и потомъ уже спустилъ на рабочихъ. На моихъ глазахъ одной дѣвицѣ вышибли глазъ, а другой перешибли руку. Дальше я не помню, что было, потому что меня ударили два раза и я упалъ въ обморокъ. Многихъ разсчитали, а я и другіе немногіе остались, ожидая улучшенія, но ничего не было и я тоже ушелъ. Я пришелъ въ Нижній, чтобы и здѣсь найти, чѣмъ кормиться, но долго шлялся безъ куска хлѣба и однажды утромъ взялъ у ночного сторожа жестяный чайникъ, который хотѣлъ продать и купить хлѣба, но сторожъ замѣтилъ, и меня забрали и отправили въ Колонію. Жить тамъ было плохо, съ воспитанниками обращались скверно, да и пища была плохая, мальчики изъ за этого дѣлали у себя въ погребахъ и амбарахъ кражи, чтобы быть сытыми, и другіе, какъ ястреба, бѣгали изъ колоніи въ деревню и ломали замки, а за то ихъ арестовывали и они сидѣли въ тюрьмѣ. Воспитаніе тоже въ колоніи было скверное. Работать заставляли много, а кормили плохо. Вотъ, чтобы избавиться отъ Колоніи и отдохнуть, воспитанники часто бѣгали изъ Колоніи, а другіе, чтобы попасть въ больницу, нарочно толкли стекло и имъ засыпали себѣ глаза, а другіе, какъ Мишуковъ, ошпаривали себѣ кипяткомъ ноги и руки. Часто за всякіе пустяки сажали въ карцеръ. Я сидѣлъ часто въ карцерѣ, всего 17 разъ, не меньше 7 дней и не больше 16. Одинъ мальчикъ изъ за плохого карцера хотѣлъ покончить съ собой черезъ поджогъ, но его удалось спасти. Передъ моимъ выходомъ былъ бунтъ изъ за того, что директоръ изъ экономіи не выдавалъ теплой одежды. Насъ хотѣли силой гнать на ужинъ и для этого прислали рабочихъ, которыхъ мы встрѣтили камнями и табуретками: тогда они ушли и больше не приходили. Мы такъ провели ночь и полъ дня; къ вечеру насъ стали осаждать по приказанію директора камнями. Многимъ моимъ товарищамъ проломили головы, и когда мы совсѣмъ изнемогли, насъ всѣхъ перевязали и отправили, кого въ карцеръ, кого въ овинъ и въ баню. Въ овинѣ привязали, стоя къ столбамъ, назадъ руки и такъ продержали цѣлыя сутки и не давали ѣсть. Меня же положили на скамейку, а руки и ноги завязали подъ скамейкой и тоже продержали сутки голоднымъ, а потомъ перевели въ сушилку и продержали тамъ 16 дней, и все время давали лишь кусокъ небольшой хлѣба и стаканъ воды. Когда я вышелъ изъ карцера, директоръ меня наказалъ — безъ горячей пищи на двѣ недѣли. Я не захотѣлъ этого исполнить и меня опять посадили въ карцеръ на четыре дня, но скоро совсѣмъ меня выпустили изъ колоніи и почти голаго оставили на улицѣ осенью въ Нижнемъ и даже не дали мѣста, тогда какъ другихъ ставили на мѣста и одѣвали при выходѣ, но съ меня еще и свои заработанныя деньги вычли за бунтъ. Я началъ работать, но и хозяинъ меня притѣснялъ и плохо платилъ жалованье и, кромѣ того, часто штрафовалъ. Однажды пришли изъ ремесленной управы чиновники и стали всѣмъ выдавать разсчетныя книжки. Книжка стоитъ 1 р 25 к. Я отказался ее взять, говоря, что когда я былъ маленькій и ходилъ безъ куска хлѣба и мерзъ, меня никто не видѣлъ, но когда теперь я могу работать, ко мнѣ тянутъ руки купецъ и чиновники въ лицѣ правительства и начинаютъ обирать, но на это не обратили вниманіе и вычли больше, чѣмъ слѣдуетъ, — 4 р. Я сталъ думать, неужели же я созданъ для того, чтобы содержать людей, а самому вѣчно биться изъ-за куска хлѣба... Я однажды нашелъ листокъ, и тамъ говорилось, что правительство собираетъ съ народа сотни милліоновъ съ табаку, спичекъ, керосина и вина, и эти деньги идутъ на армію и флотъ, никому ненужные, только для защиты своихъ мундировъ. Я часто находилъ листки и все болѣе сталъ убѣждаться въ произволѣ правительства. Потомъ и съ самимъ былъ случай: изъ деревни прислали бумагу, чтобы я заплатилъ подати, но я отказался, говоря, что отецъ мой не пахарь, а земли принадлежитъ пахарю, а я столяръ, и мнѣ нуженъ верстакъ. Но вотъ, когда я поступилъ къ другому хозяину, хотя и небогатому, но честному человѣку, по донесенію шпіоновъ разъ ночью ворвались жандармы и полиція и, ничего не найдя, хозяина увели въ тюрьму, и я долженъ былъ содержать его семью, но жандармы мнѣ не велѣли, потому что такъ пришлось бы скорѣе разориться и идти шляться, но я этого не сдѣлалъ, и хозяина черезъ полтора мѣсяца выпустили. Наконецъ, я понадобился и въ солдаты, но и здѣсь я отошелъ кое-какъ отъ службы изъ-за маленькаго брата. Къ намъ часто въ мастерскую привозили мужички лѣсъ и жаловались, что у нихъ описываютъ послѣдніе самовары и даже у невѣстъ приданое. Конечно, испытавъ самъ много горя, я остался недоволенъ насиліемъ правительства и ждалъ случая, чтобы высказать свой протестъ. И вотъ передъ первымъ мая 1902 г. я нашелъ листокъ, гдѣ звали желающихъ на демонстрацію, и я пошелъ, но въ этотъ день ничего не было, а было 5 мая, и я взялъ красное знамя и пошелъ на назначенное мѣсто, но ничего не было. Я прошелъ на откосъ, гдѣ увидѣлъ группу людей и сталъ пѣть пѣсни, потомъ, когда окружила полиція, выкинулъ красное знамя и крикнулъ: „Долой самодержавіе, да здравствуетъ политическая свобода и восьмичасовой рабочій день!“.

* * *

На вопросъ предсѣдателя палаты, кто ему далъ знамя, Михайловъ отвѣтилъ, что это его тайна, и онъ не желаетъ объяснять.

„Какъ бы ни кончилась стачка, воспитательное значеніе ея колоссально, и ужъ сейчасъ явился огромный спросъ на нелегальную литературу. Нужны буквально десятки пудовъ литературы, и заграничныя организаціи нравственно обязаны теперь же посылать сюда транспорты".

Приводимъ еще одно письмо отъ 13 ноября въ нѣсколько сокращенномъ видѣ и опуская фамиліи ораторовъ: „На другой день (4 ноября) всѣ рабочіе (ж. д. мастерск.) не работали и собрались на дворѣ для совѣщанія. Одинъ рабочій сказалъ рѣчь на тему о силѣ единодушія, онъ пробовалъ указать и на политическую сторону стачки, но старики отнеслись неодобрительно. Къ этому дню вышла уже вторая прокламація, которая замѣчательно быстро расходилась. Городъ наводненъ жандармами и шпіонами, атаманъ съ 4 сотнями донскихъ казаковъ тамъ же. Недавно прибыли кубанскіе и терскіе казаки числомъ до 1000. Рабочіе хотѣли пройти по городу съ краснымъ знаменемъ, но старики протестовали. На слѣдующій день уже было до 8000 человѣкъ, масса рабочихъ съ другихъ фабрикъ и заводовъ, а также много интеллигентовъ и учащихся (несмотря на строгое запрещеніе посѣщать сходки). На этой сходкѣ нашелся новый ораторъ — интеллигентъ. Ясностью и пылкостью рѣчи онъ приковалъ вниманіе всѣхъ, такъ что ему удалось указать на политическую сторону, и его послѣдніе слова „долой самодержавіе" были приняты дружными одобрительными возгласами толпы. Съ каждымъ днемъ бастуютъ все новые и новые рабочіе, даже булочники и переплетчики мелкихъ мастерскихъ. Сходки ежедневно отъ 11 утра до 5 вечера съ рѣчами указанныхъ ораторовъ. Полиція боится трогать ораторовъ на сходкахъ, но такъ рыщетъ по всѣмъ угламъ, а сыскать ихъ не можетъ.

„Слѣдующая сходка, которая была еще многолюднѣй, состоялась въ балкѣ за Темерникомъ, ибо во дворѣ было мало мѣста. Приставъ заявилъ, что атаманъ проситъ къ себѣ депутатовъ. На слѣдующій день количество народу на сходкѣ достигло до 20,000 ч. Ораторъ-рабочій объявилъ результаты переговоровъ съ атаманомъ: оказывается, что атаманъ не просилъ депутатовъ, онъ былъ грубъ и предложилъ выдать ораторовъ: тогда де онъ сдѣлаетъ уступки. При этомъ ораторъ заявилъ, что если народъ вѣритъ обѣщаніямъ атамана, то онъ и товарищи его сейчасъ, на глазахъ рабочихъ, отдадутся въ руки полиціи. Эти слова были заглушены единодушнымъ крикомъ: „не выдадимъ!" (нѣкоторые изъ рабочихъ плакали). Уже вся 20,000-ная толпа подхватывала крикъ: „долой самодержавіе!" Ораторы указывали на крестьянскія голодовки и истязанія и на тихорѣцкую драму. Послѣ рѣчи былъ устроенъ сборъ денегъ и было собрано 342 р. 80 к., но многіе не ожидали сбора и пришли безъ денегъ; на дняхъ въ обществѣ собрано свыше 1000 руб.; во время сходки разбрасывались прокламаціи. Чернь со времени Нерона не бросалась такъ на хлѣбъ, какъ присутствующіе на прокламаціи. Происходила ужасная давка. Одинъ рабочій, чуть не плача, кричалъ: „хоть одну прокламашку". ...Описавъ слѣдующую сходку, рѣчь къ казакамъ, отраженіе ихъ аттаки и выстрѣлы въ толпу, авторъ заключаетъ: „Полиціей были вывѣшены объявленія о наказаніи за присутствіе на сходкахъ, но публика и рабочіе срывали ихъ, такъ что городовые не подпускали къ нимъ никого.

„9-го хотѣли устроить демонстрацію въ театрѣ: шли „Мѣщане", но атаманъ велѣлъ эту піесу снять.

„Ожидаютъ тов. министра вн. дѣлъ Мясоѣдова-Иванова. На дняхъ было совѣщаніе атамана, жандармовъ, фабрикантовъ и заводчиковъ. Послѣдніе хотѣли уступить, но атаманъ протестуетъ, особенно противъ 9-часового рабочаго дня. Онъ говоритъ: „Я ихъ нагайками заставлю работать!" Хозяева предлагаютъ деньги на выписку войскъ. — Общество возмущено избіеніемъ рабочихъ и всецѣло сочувствуетъ имъ. Настроеніе бодрое и стойкое. Было получено сообщеніе, что въ Ростовъ идутъ шахтеры изъ Таганрога."

Вотъ еще выдержка изъ письма:

„Уже восьмой день насъ треплетъ нервная лихорадка. Стачка продолжается; каждый день происходятъ собранія на Темерникѣ. Вчера было шесть конныхъ аттакъ на толпу. Били нещадно нагайками, саблями и пиками — масса раненныхъ. Однако толпа держалась стойко. Всѣ аттаки были встрѣчены градомъ камней и отбиты. Когда толпа уже начала расходиться, пришли пѣхотинцы и данъ былъ залпъ безъ всякихъ предостереженій. 7 чел. остались на мѣстѣ убитые, 15 сильно ранены и отвезены въ больницу. Убитыхъ толпа не дала подбирать. Несмотря на это, сегодня толпа опять собралась. Полиція не препятствовала, только устроила кордонъ вокругъ рѣки Темерника, желая воспрепятствовать толпѣ, если она двинется въ городъ. Обысковъ еще не было, но аресты были. Арестовали одного оратора и переодѣтаго гимназиста. По улицамъ разъѣзжаютъ и расхаживаютъ цѣлые отряды казаковъ. Пріѣхалъ атаманъ, кто-то изъ министерства Путей Сообщ. и многіе другіе."

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Н.-Новгородъ. ...„Сообщу, прежде всего, окончательную судьбу здѣшнихъ судебныхъ процессовъ: по сормовскому дѣлу шесть человѣкъ лишены всѣхъ правъ состоянія и ссылаются пожизненно на поселеніе въ отдаленныя мѣста Сибири: Заломовъ, Самылинъ, Алексѣй Быковъ, Дружкинъ, Ляпинъ, Фроловъ. Остальные семь оправданы.

По Нижегородскому дѣлу двое — Кислова и Георгіевскій — оправданы, двое — Моисеевъ и Лубоцкій — лишены всѣхъ правъ состоянія и ссылаются пожизненно на поселеніе въ отдаленныя мѣста Сибири, остальные пять — Доброхотова, Синева, Лѣнивова, Михайловъ, Дертовъ — съ лишеніемъ всѣхъ правъ въ не столь отдаленныя мѣста. Михайлову всего 21 г., Лубоцкому 16.

Всѣ обвиняемые держались, какъ говорятъ, геройски, не только не отрицали своего участія, но говорили рѣчи, въ которыхъ открыто признавали себя революціонерами, и говорили, что таковыми всегда останутся. Особенное впечатлѣніе произвели рѣчи Заломова, Самылина и Моисеева. Они, да и всѣ остальные, говорили, какимъ путемъ пришли къ своимъ убѣжденіямъ.

Всѣ держались на общей почвѣ; во второмъ процессѣ почти ничего не говорили о самомъ фактѣ 5 мая. Защитникамъ малочто оставалось говорить; нѣкоторые даже жаловались, что обвиняемые такъ хорошо говорили, что трудно сказать лучше, да и опасно говорить лучше — самимъ можно попасть на скамью подсудимыхъ, хуже же говорить было бы стыдно.

Главная роль защитниковъ состояла въ поддѣваніи и уничтоженіи свидѣтелей. Надо имъ отдать справедливость, дѣлали они это артистически.

Теперь по городу масса анекдотовъ: напр., спрашиваютъ одного свидѣтеля, повидимому, сыщика; онъ отвѣчаетъ на всѣ вопросы все, какъ слѣдуетъ, кончаетъ, и предсѣдатель спрашиваетъ: „можете еще что-нибудь сказать, свидѣтель?" и свидѣтель отвѣчаетъ: „нѣтъ, больше начальство не приказало".

Поддѣли здорово также директора сормовскихъ заводовъ. Онъ хвастался, какъ хорошо живется рабочимъ, заводъ устроилъ больницу, школу. На одну школу тратится 3000 руб. въ годъ. Защитникъ спрашиваетъ, правда-ли, что съ жалованья рабочихъ берется опредѣленный процентъ. Директоръ успокоиваетъ, что процентъ не великъ, всего копѣйка съ рубля, жалованья же рабочимъ въ мѣсяцъ выдается очень много, слишкомъ 30 тысячъ. „Такъ вы думаете, что заводъ на свои средства содержитъ школу?" спрашиваетъ защитникъ...

Обвинены всѣ по 252 ст., только со смягченіемъ на 2 степени.

Говорятъ, рѣчь прокурора была очень коротка и странна; во второмъ процессѣ онъ сказалъ, что обвиняемые столько насказали о себѣ, на столько себя обвинили, что ему нечего прибавить. — На сколько свободно давали высказываться обвиняемымъ, показываетъ тотъ фактъ, что Моисеевъ кончилъ свою рѣчь словами: ‚Долой самодержавіе!"...

Саратовъ. Такихъ массовыхъ арестовъ, какъ въ ночь на 1 ноября здѣсь не запомнятъ. Очевидно, саратовское отдѣленіе Его Жандармскаго Величества предполагало ко дню суда надъ демонстрантами (4/XI) очистить городъ отъ „неблагонадежныхъ" элементовъ. Однако, старанія его не увѣнчались успѣхомъ. Погромъ мало затронулъ Комитетъ, и онъ продолжаетъ выпускать листокъ за листкомъ.

Судъ надъ демонстрантами (4-7/XI) прошелъ тихо. Безлюдно (если не считать за людей шнырявшихъ въ массѣ шпіоновъ и полицейскихъ) было на улицахъ вокругъ суда, какъ безлюдно было въ самой залѣ суда, — присутствовали одчѣ женщины, матери и жены подсудимыхъ: воля монарха закрыла двери суда даже для членовъ палатъ и предсѣдателя окружнаго суда. Обвиняемые заранѣе предвидѣли, что судъ окажется трагикомедіей съ заранѣе предписаннымъ рѣшеніемъ, и нѣкоторые изъ нихъ отказались отъ защиты (Воеводинъ, Ефимовъ, Фофановъ, Ошанина). И въ своемъ приговорѣ, въ своемъ отношеніи къ подсудимымъ, судъ оправдалъ это предвидѣніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ передъ нимъ словно носился призракъ грядущей революціи и заставлялъ его выказывать возможную нелицепріятность. Это особенно проявилось при допросѣ свидѣтелей обвиненія. Жандармское дознаніе, признанное судебнымъ слѣдствіемъ, на судѣ было окончательно уничтожено и даже изобличено въ подлогѣ. Судья Лазаревскій, подавшій потомъ голосъ за оправданіе подсудимыхъ, заставилъ свидѣтелей-полицейскихъ признаться во лжи и подтвердить, что приказанія „разойтись" не было. Единственно это избавило товарища Ефимова отъ каторги. Одинъ изъ свидѣтелей обвиненія заявилъ, что его весеннія показанія были сочинены жандармомъ Зубовымъ. Всѣ свидѣтели обвиненія были изобличены въ прямомъ прикосновеніи къ сыску; ни одинъ не далъ тѣхъ же показаній, что весною, ни одинъ не призналъ въ лицо тѣхъ обвиняемыхъ, противъ которыхъ лжесвидѣтельствовалъ.

И тѣмъ не менѣе, большинство членовъ суда (Стельмаковичъ, Ухтомскій, Арсеньевъ) высказалось за обвиненіе. Позорно велъ себя предсѣдатель суда, лишившій подсудимыхъ послѣдняго слова. Лишь только тов. Фофановъ, излагая мотивы своей дѣятельности, началъ свою рѣчь: „я соц.-демократъ...", какъ сейчасъ же былъ прерванъ предсѣдателемъ: „мы знаемъ, что вы соц.-демократъ". Ошанина была оборвана предсѣдателемъ послѣ двухъ-трехъ фразъ. Все это настолько возмутило всѣхъ подсудимыхъ, что Ефимовъ вскричалъ: „Я презираю эту судебную трагикомедію", а Архангельская рѣзко протестовала противъ поведенія предсѣдателя и заявила о своемъ сочувствіи и солидарности съ товарищами. За это именно она и идетъ на вѣчное поселеніе, — изъ слѣдствія явствуетъ, что Архангельская не была на демонстраціи.

Говорить удалось одному только тов. Воеводину. „Два года тому назадъ, сказалъ онъ, когда я работалъ въ Екатеринославѣ, меня арестовали по причинѣ, которая и до сихъ поръ мнѣ неизвѣстна, и выслали подъ надзоръ полиціи въ чужой для меня городъ — Саратовъ. Здѣсь, терпя голодъ, холодъ и всяческія лишенія, тщетно выпрашивая работу и всякій разъ теряя ее вслѣдствіе настоянія полиціи, испытывая униженія отъ любого городового и всякихъ другихъ прислужниковъ царскаго правительства, я 16-ти лѣтъ впервые понялъ, что моя бѣда лишь частица общаго горя и гнета, которые тяготѣютъ надъ всей рабочей массой, что наши враги — капиталисты, выжимающіе изъ насъ соки, царское правительство, всецѣло стоящее на ихъ сторонѣ и мѣшающее вести борьбу за наши интересы. Мнѣ, какъ и всему рабочему классу, не оставалось ничего другого, какъ выйти на улицу и кричать: „Долой капиталистовъ, долой самодержавіе!" Участвуя въ демонстраціи, я исполнилъ свой долгъ, поэтому я требую для себя полнаго оправданія".

Изъ рѣчей защитниковъ замѣчательна пылкая рѣчь спб. прис. пов. Волкенштейна. Указавъ на растущее сознаніе народныхъ массъ, на все учащающіяся проявленія народнаго протеста, на всю политику самодержавія, заставляющую бороться съ нимъ всѣхъ сознательныхъ людей, защитникъ сказалъ: ...„здѣсь, на скамьѣ подсудимыхъ, сидятъ люди, принадлежащіе къ партіи, которая спасетъ Россію!"

Приговоръ: 1) Архангельская Надежда, б. курсистка, 2) Бочкаревъ, ветер. врачъ, 3) Ефимовъ Василій, раб., 4) Косовичъ, б. студ., 5) Ошанина, б. фельдш. 6) Губаровская Анисья, б. фельдш. и 7) Фортунатовъ, стат., — къ лишенію всѣхъ правъ и ссылкѣ на вѣчное поселеніе; 8) Бударина, фельдш. и 9) Воеводинъ, раб. — 2½ г. тюрьмы; 10) Сарапулова — 3½ г. тюрьмы. Григорьева, Дьякова, Фоминыхъ и Штейнбергъ — освобождены.

Горько и тяжело здѣсь у всѣхъ на душѣ отъ этого приговора, но вмѣстѣ съ тѣмъ, весь этотъ судъ — и самый способъ суда, и эти закрытыя двери, все поведеніе ссылаемыхъ товарищей, защитниковъ и самихъ судей невольно заставляетъ убѣждаться, что это „вѣчное" поселеніе не будетъ такимъ. Пусть самодержавіе прячется за закрытыми дверями судовъ, пусть оно въ послѣдней агоніи ссылаетъ и вѣшаетъ борцовъ за свободу, — наемной шайкѣ лживыхъ и гнусныхъ шпіоновъ, какая дефилировала въ судѣ, мы противопоставимъ сознательную и солидарную армію рабочаго класса, и раскроются, наконецъ двери всероссійской тюрьмы. Что приговоръ не запугаетъ, а лишь заставитъ съ еще большей энергіей бороться всякаго, въ комъ работаетъ мысль и живетъ чувство, — это слишкомъ ясно. И если теперь выхваченные жандармами изъ толпы демонстранты показали яркій примѣръ нравственной мощи, то близко уже время, когда большинство сознаетъ, что это его дѣло сказать послѣднее и рѣшительное: „Долой самодержавіе!"

Исключеніе подтверждаетъ правило. Мы не разъ уже высказывались по поводу уѣздныхъ комитетовъ и недостаточности ихъ законной оппозиціи беззаконному самодержавію. Тѣмъ болѣе необходимымъ считаемъ мы отмѣтить отрадное „исключеніе" и привести цѣликомъ присланные намъ докладъ Мартынова и рѣчь Бунакова, которые нашли въ себѣ элементарное мужество высказать прямо и откровенно свои давнія, затаенныя убѣжденія. Проходитъ уже, къ счастью, такое время на Руси, когда затаенныя убѣжденія можно было считать дѣйствительными убѣжденіями...

„Докладъ въ Воронежскій Уѣздный Комитетъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности члена Комитета С. Мартынова: Современное критическое положеніе сельско-хозяйственной промышленности и громадное значеніе этой отрасли народнаго хозяйства, какъ основы сельско-хозяйственной жизни Россіи, побудило правительство передать вопросъ о нуждахъ ея на обсужденіе мѣстныхъ полуоффиціальныхъ учрежденій и допустить къ участію въ послѣднихъ различные и случайные элементы общественные. Само собою разумѣется, что общество должно отнестись къ этому факту съ надлежащей осмотрительностью и не брать на себя такихъ задачъ, которыхъ оно при современныхъ условіяхъ выполнить не въ состояніи. Правительство уже одинажды использовало этотъ путь, когда въ 1894 г. обратилось за выясненіемъ нуждъ с.-хозяйственныхъ къ земскимъ учрежденіямъ, и послѣднія, при помощи своихъ стат. и с.-хоз. организацій, собрали и представили по этимъ вопросамъ огромный матеріалъ, громадная цѣнность котораго, какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніи, нашла себѣ надлежащую оцѣнку въ рѣчи, произнесенной бывшимъ мин. вн. дѣлъ въ первомъ засѣданіи Особ. Сов. Такимъ образомъ, фактическое положеніе дѣлъ въ настоящее время извѣстно правительству. Тѣмъ не менѣе, послѣднее нашло необходимымъ дополнить этотъ огромный фактическій матеріалъ, и въ инструкціяхъ мѣстнымъ комитетамъ указало, что, кромѣ спеціальныхъ вопросовъ, предложенныхъ на ихъ обсужденіе, комитеты могутъ имѣть сужденіе также и объ общихъ вопросахъ, имѣющихъ отношеніе къ с.-хоз. промышленности. Такимъ образомъ, правительство само пришло къ убѣжденію, что нужды сельскаго хозяйства такъ тѣсно переплетаются съ вопросами общегосударственными и до такой степени зависятъ отъ того или иного рѣшенія послѣднихъ, что отдѣлить ихъ другъ отъ друга невозможно, съ другой стороны, что огромный фактическій матеріалъ, собранный земствами, все-таки не даетъ ключа для разрѣшенія многихъ вопросовъ с.-хозяйствен. промышленности именно потому, что послѣдніе разсматривались изолированно, безъ отношенія къ современному политическому и финансовому положенію страны. Современный упадокъ с.-хоз промышленности отнюдь не является случайнымъ или мѣстнымъ. Хроническія голодовки населенія, уничтожающія огромныя количества сельскихъ хозяйствъ, захватывающія изъ года въ годъ огромные районы въ различныхъ полосахъ Россіи, а также аграрныя движенія, вспыхивающія со стихійной силой въ различныхъ, отдаленныхъ другъ отъ друга, мѣстностяхъ, доказываютъ, что причины с.-хоз. кризиса лежатъ глубоко въ основахъ современнаго политико-экономическаго строя страны и, завися въ незначительной степени отъ мѣстныхъ условій, не могутъ быть устранены мѣстными, случайными мѣропріятіями. Такимъ образомъ при обсужденіи нуждъ с.-хоз. промышленности, въ комитетахъ неизбѣжно должны возникнуть и обсуждаться вопросы общегосударственные, а затѣмъ уже частные, спеціальные вопросы. Между тѣмъ, ни составъ мѣстныхъ комитетовъ, ни юридическія полномочія ихъ не могутъ дать ни правительству, ни обществу достаточной гарантіи въ томъ, что эти огромной важности вопросы будутъ поставлены и обсуждены съ надлежащей полнотой и всесторонностью. Благодаря устраненію выборнаго начала при составленіи комитетовъ и пополненію ихъ лицами, занимающими извѣстное административное положеніе, члены комитетовъ отнюдь не являются законными и уполномоченными представителями нуждъ мѣстнаго населенія, и потому, конечно, не могутъ взять на себя проектированіе частныхъ мѣропріятій, полезность которыхъ для мѣстнаго населенія можетъ оказаться въ значительной степени проблематичной. При своемъ случайномъ составѣ, въ значительной степени зависящемъ отъ благоусмотрѣнія администраціи, мѣстные комитеты, не располагая организаціей земскихъ учрежденій, не имѣютъ ни времени, ни возможности собрать и дополнить фактическій матеріалъ, который въ свое время былъ собранъ и представленъ земскими учрежденіями, а устраненіе выборнаго крестьянскаго элемента изъ состава комитетовъ лишаетъ ихъ прочной связи съ мѣстнымъ земледѣльческимъ населеніемъ, нужды котораго они призваны выяснять. Наконецъ, при современныхъ условіяхъ, члены комитета не имѣютъ элементарныхъ гарантій личной безопасности для свободнаго и объективнаго обсужденія вопросовъ общегосударственнаго характера. При такихъ условіяхъ дѣятельность Воронежскаго уѣзднаго комитета не можетъ дать никакихъ плодотворныхъ результатовъ для выясненія нуждъ сельскаго хозяйства Воронежскаго уѣзда, а потому необходимо высказаться передъ правительствомъ за неотложность передачи вопроса о нуждахъ с.-хоз. промышленности и неразрывно связанныхъ съ нимъ общихъ вопросовъ правового и экономическаго благоустройства страны на обсужденіе законнаго всероссійскаго и всесословнаго представительнаго учрежденія съ тѣмъ, чтобы входящимъ въ составъ его выборнымъ людямъ была гарантирована закономъ необходимая для обсужденія государственныхъ вопросовъ свобода слова и личная безопасность. Подано 26 августа 1902 г. Гор. Воронежъ".

Рѣчь Н. Ѳ. Бунакова: „Я хотѣлъ бы сказать нѣсколько словъ о предлагаемыхъ намъ занятіяхъ съ общей точки зрѣнія, но сказать искренно, откровенно. Думаю, что это и нужно въ настоящее время. Просматривая программу возложенныхъ на уѣздные комитеты занятій, я вижу, прежде всего, въ этой программѣ почти исключительно только частные практическіе вопросы о тѣхъ или другихъ мѣропріятіяхъ для поднятія въ Россіи погибающей с.-хоз. промышленности. Изъ этого ряда вопросовъ, болѣе или менѣе детально обнимающихъ всѣ стороны с.-хоз. промышленности, видно, что у насъ, наконецъ, сознали печальное положеніе этой промышленности и предвидятъ его угрожающіе результаты, но, къ сожалѣнію, безъ достаточнаго вниманія относятся къ причинамъ, вызвавшимъ это положеніе. А это очень жаль, потому что безъ устраненія этихъ причинъ никакими частными мѣропріятіями нельзя поправить дѣла и предупредить надвигающіяся грозныя послѣдствія его современнаго положенія. Вѣдь упадокъ с. хоз. промышленности въ Россіи только одинъ изъ симптомовъ общей отсталости нашего отечества отъ другихъ странъ, т. е. явленіе не самостоятельное, а необходимо вызываемое общимъ неудовлетворительнымъ строемъ русской жизни, государственной и народной, чуждымъ всей Европѣ, кромѣ развѣ Турціи: полное безправіе личности, подавленность всѣхъ общественныхъ силъ, отсутствіе свободнаго слова и независимой печати, антагонизмъ, даже вражда и взаимное недовѣріе сословій*), жалкое положеніе школы и ужасающее невѣжество массы. Болѣе четверти вѣка мы упорно стоимъ на одномъ мѣстѣ, а то и пятимся назадъ, когда вокругъ насъ все и всѣ стремительно идутъ впередъ по пути освобожденія личности, расширенія общественной самодѣятельности, просвѣщенія и очеловѣченія народныхъ массъ. При этомъ общемъ стремительномъ движеніи впередъ уже и стояніе на одномъ мѣстѣ равносильно движенію назадъ. Общій застой русской жизни, какъ понятно само собой, не можетъ не сопровождаться и обѣднѣніемъ народа, и упадкомъ народной нравственности, и многими другими печальными явленіями, а между прочимъ, и упадкомъ с.-хоз. промышленности. При такихъ условіяхъ думать и толковать о какихъ-то частныхъ мѣропріятіяхъ, вродѣ учрежденія с.-хоз. инструкторовъ и кооперацій, опытныхъ полей, укрѣпленія овраговъ и т. п. — дѣло безплодное, скорѣе вредное, нежели полезное, потому что оно будетъ только отводить глаза отъ настоящаго дѣла. Понятно, что честные спеціалисты на такое предложеніе отвѣтятъ: „чего тутъ толковать о замкахъ и ватерклозетахъ, когда домъ валится. Надо его разобрать, да строить заново". То же самое и въ нашемъ дѣлѣ: надо думать и толковать не объ инструкторахъ да опытныхъ поляхъ, а о коренномъ измѣненіи всего строя русской жизни. На мой взглядъ прежде всего необходимо немедленное возстановленіе въ полной мѣрѣ всѣхъ освободительныхъ начинаній, которыми ознаменовалась первая половина царствованія Имп. Алекс. II, которыя остались незаконченными въ свое время, а потомъ подверглись печальнымъ измѣненіямъ и урѣзкамъ. Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ хоть освобожденіе крестьянъ: развѣ оно было закончено, безъ достаточнаго земельнаго надѣла, безъ гарантированнаго крестьянскаго самоуправленія, благоустроенной народной школы, даже безъ избавленія отъ тѣлеснаго наказанія... Предсѣд. Я прошу васъ, Н. Ѳ., держаться ближе къ с.-хоз. промышленности. Бунаковъ. Ее-то я и имѣлъ въ виду. Возьмемъ-ли нашъ новый судъ: что осталось въ немъ въ настоящее время отъ идеала, начертаннаго въ Суд. Уставахъ Александра II? Предсѣд. Я все-таки прошу васъ держаться ближе къ с.-хоз. промышленности. Бунаковъ. Возьмемъ-ли мы наши земскія учрежденія: какія черты истиннаго, а не призрачнаго самоуправленія сохранились въ настоящее время въ этихъ учрежденіяхъ, связанныхъ по рукамъ и ногамъ, отданныхъ въ полное распоряженіе административнаго произвола... Предс. Я, какъ предсѣдатель... мнѣ приходится руководить преніями, потому прошу васъ не уклоняться... Бунаковъ. Затѣмъ столь же необходимо неотложное и послѣдовательное развитіе тѣхъ освободительныхъ начинаній въ смыслѣ полнаго проведенія ихъ въ жи[illegible]ь въ законченномъ видѣ, въ смыслѣ возбужденія личной иниціа[illegible]ы и привлеченія свободныхъ общественныхъ силъ ко всѣмъ сторонамъ народной жизни, чтобы въ Россіи создалось истинное, а не призрачное самоуправленіе. Тогда у насъ поправится сама собой и с.-хоз. промышленность. Пока мы рѣшительно и безповоротно не двинемся впередъ въ этомъ направленіи, до той поры русскимъ честнымъ людямъ приходится укло-

*) Антагонизмъ и вражда „сословій", а тѣмъ болѣе классовъ, не чужда свободной Европѣ. Ораторъ, какъ и всѣ русскіе либералы, стоитъ на точкѣ зрѣнія буржуазной демократіи. Онъ хочетъ свободы, воображая или мечтая, что она расчиститъ дорогу для примиренія и гармоніи интересовъ „сословій", а вѣрнѣе: классовъ. Соціалистическій пролетаріатъ борется за свободу, зная, что, уничтожая или подрывая сословныя перегородки, она обострить классовую борьбу, и желая не затушить эту борьбу, а сдѣлать ее болѣе широкой, болѣе открытой, болѣе сознательной.

Ред.

няться отъ всякихъ совѣщаній о разныхъ частныхъ мѣропріятіяхъ, оставаться въ безотрадномъ положеніи зрителей постепеннаго, но неизбѣжнаго обѣднѣнія и увяданія отечества. Это очень тяжело, очень грустно, но что же дѣлать: какъ въ старину говаривали русскіе люди, „противъ рожна трудно прати“.

Это все, что я хотѣлъ сказать.“

Лицо, приславшее намъ докладъ Мартынова и рѣчь Бунакова, добавляетъ: „Засѣданіе комитета было бурно; рѣчь Бунакова произвела сильное впечатлѣніе. Говорятъ, былъ очень хорошъ и докладъ Управы. Въ результатѣ „боевого натиска“ земцевъ получилось слѣд.: Бунаковъ арестованъ и отправленъ въ Питеръ; Мартыновъ арестованъ; Щербинѣ и какому-то гласному запрещенъ выѣздъ изъ Воронежа; у 12 гласныхъ произведены обыски; предсѣдатель Алисовъ, предводитель дворянства, смѣщенъ съ должности; губернаторъ Слѣпцовъ тоже. Устраненіе отъ должности предводителя Алисова возмутило другихъ предводителей, и большинство изъ нихъ подаетъ въ отставку. Говорятъ, что одинъ предводитель поѣхалъ въ Ливадію, чтобы побывать у государя, но жандармерія вернула его съ дороги.“

* * *

Дополненіе. Мы только что получили извѣстіе о финалѣ расправы съ воронежскими „крамольниками“: С. В. Мартынова продержали двѣ недѣли въ тюрьмѣ и выслали на три года въ одинъ изъ уѣздовъ Архангельской губ., Н. Ѳ. Бунаковъ высланъ на 3 года въ Новгородскую губ. Все воронежское дѣло разъигралось по доносу г. Бехтѣева, задонского гласнаго.

Избавленіе студентовъ отъ Сибири или, вѣрнѣе, Сибири отъ студентовъ. „Секретно.

„Во исполненіе Высочайшихъ указаній для выясненія степени возможнаго облегченія участи лицъ, подвергнутыхъ высылкѣ подъ гласный надзоръ полиціи въ предѣлѣ Азіатской Россіи за участіе въ безпорядкахъ, происшедшихъ весной 1902 г. въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Петербурга и Москвы, товарищу Мин. Внутр. Дѣлъ Святополку Мирскому поручено было собрать свѣденія о поведеніи этихъ лихъ на мѣстѣ ихъ пребываній и личнымъ опросомъ опредѣлить, насколько наложенныя на означенныхъ лицъ административныя взысканія соотвѣтствуютъ учиненнымъ ими проступкамъ.

По Всеподданнѣйшему докладу Мин. Внутр. Дѣлъ представленныхъ Святоп. Мирскимъ свѣдѣній, Государь Импер. въ 13-й день сего сентября Всемилост. повелѣть соизволилъ: I. студентовъ С. П. Унив.: Аблова, Дыбовскаго и Таскина, студ. М. У. Тер. Авакова, В. Добросмыслова, С. Дрецера, А. Игнатьева, Кошкарева, В. Корякина, А. Фовицкаго, М. Переломова и Шальетъ, студ. М. Сельск. Ин. Ад. Мосалитинова, дв. Яценко, фельдш. Ф. Голякъ, А. Пинегину и дом. учит. М. Фелицину — освободить отъ гласнаго надзора полиціи и предоставить имъ повсемѣстное въ имперіи жительство, ограничивъ лишь доступъ въ обѣ столицы по 1 іюня 1903 г., если ранѣе на жительство въ этихъ городахъ не послѣдуетъ разрѣшеніе мѣстнаго начальства.

II. Студ. С. П. У. И. Соколову, студ. С. П. Тех. Инст. И. Китаеву, студ. Горн. Инст. В. Половникову и Глѣбу Бокію, студ. М. Ун. И. Урысону, Костецкому, Костюкевичу, В. Макарову, Л. Мееровичу, В. Ополовникову, В. Орлову, Л. Пересу, Г. Пиккоку, Г. Праздникову, Л. Саврасову, Соболевскому, П. Селенову, М. Терехову, Царику, Позерну, В. Гарбузову, А. Сыромятникову, Л. Залыгину, В. Савкову и Н. Сегеди, студ. М. Тех. Уч. Ю. Балталону, В. Добровольскому и В. Котельникову, студ. М. Сельск. Инст. В. Колокольникову, студ. Лазар. Инст. С. Кирѣевскому слуш. Моск. Кур. Е. Найгебауеръ, В. Зотовой, Е. Второвой, А. Зайцевой, Л. Пекуръ, фельдш. Н. Устиновой, двор. Н. Новодворской и Андреевской, помощн. прис. пов. Волкову, мѣщан. В. Икову, крестьян. В. Глѣбову — сократить гласный надзоръ полиціи съ таковымъ разсчетомъ, чтобы срокъ онаго истекалъ 1 іюля 1903 г., освободивъ ихъ отъ водворенія нынѣ же въ Сибирь, если по семейнымъ и родственнымъ отношеніямъ, а также по условіямъ матеріальнаго обезпеченія, переводъ ихъ въ одну изъ мѣстностей Евр. Россіи, за исключеніемъ универ. городовъ, Риги, Екатеринослава, Ярославля и Новой Александріи, представляется возможнымъ.

III. Студ. С. П. У. Ад. Корндорфу, ст. С. П. Техн. Инст. Н. Богатыреву и И. Трубѣ, студ. М. У. И. Церетелли, В. Абрамовичу, И. Баеву, В. Волгину, В. Бибергалю, Ю. Будиловичу, И. Борисову, Л. Зильбербергу, Камрокову, Касаткину, Б. Бѣлоусову, А. Лосеву, Е. Первухину, Свѣшникову, А. Ховрину, Г. Чулкову, М. Швейцеру, А. Шугаму, Г. Щеголеву, Н. Алфееву, В. Боголюбову, И. Вейнштоку, А. Гейну, Н. Голике, П. Дрейеру, М. Киселеву, Л. Кушену, Н. Метальникову, К. Михееву, В. Нанейшвели, В. Пермикину, Радуа-Зенковичу, В. Рудневу, А. Соколову, А. Туманову, А. Турусову, У. Целикману, Е. Засореному, ст. М. Тех. Уч. С. Сбитникову, Н. Столыпину, Н. Бѣлову, И. Грабовникову, И. Ильину, И. Королю, И. Н. Кудрявцеву, ст. М. Сельск. Инст. И. Кожевникову, И. М...., студ. Моск. Инж. Уч. И. Ратнеру, слуш. М. Курс. А. Барсовой, А. Мечниковой, Л. Николаевой и К. Панфиловой, дом. учит. А. Поллякъ и Е. Алексѣевой, фельдш. А. Лосевой — разрѣшить съ 1 іюля 1903 г. переселиться въ Евр. Россію въ избранныя для жительства мѣста, помимо универ. городовъ, Риги, Ярославля, Екатеринослава и Новой Александріи, съ оставленіемъ ихъ подъ надзоромъ полиціи до 1 марта 1904 г.

О таковомъ Высочайшемъ Повелѣніи имѣю честь увѣдомить Ваш. Превосх. въ дополненіе къ телеграммѣ отъ 16 сент. с. г. для зависящихъ распоряженій и объявленія вышеуказаннымъ лицамъ, присовокупляя, что по вопросу о возможности представленія перевода въ Евр. Россію лицамъ, указаннымъ въ категоріи II, Мин. Внутр. Дѣлъ, войдетъ въ обсужденіе о каждомъ лицѣ особо, по полученіи соотвѣтствующихъ заявленій отъ ихъ родителей или родственниковъ и надлежащихъ свѣдѣній.“

Мы слышали, что наше министерство вн. дѣлъ, озабоченное изысканіемъ мѣръ по обезпеченію полнаго политическаго воспитанія учащейся молодежи, рѣшило отнынѣ всегда отправлять „бунтовщиковъ“ изъ ея среды на полгода или на годъ въ такія мѣста, гдѣ есть достаточное количество „политическихъ преступниковъ“.

Казань. Полиція зачѣмъ-то изъ кожи лѣзетъ, чтобы раздразнить студентовъ. Про нѣкоторыя ея продѣлки въ этомъ отношеніи намъ пишутъ: „Недѣли три тому назадъ здѣсь отравилась дѣвица Акшаева, невѣста захваченнаго въ тюрьму студента-технолога. Студенты и нѣкоторые профессора университета оказали большое участіе въ подготовкѣ ея погребенія. Но полиція узнала все это, утромъ рано взяла трупъ ея изъ клиники и похоронила его сама. Когда извѣстіе объ этомъ дошло до студентовъ, послѣдніе рѣшили отправиться на могилу и возложить вѣнокъ. Процессію встрѣтила полиція. Приставъ, предупредивъ, что не можетъ этого допустить, предложилъ передать вѣнокъ ему. Студенты отвѣчали, что имъ впервые приходится встрѣчаться съ фактомъ, гдѣ бы погребальный вѣнокъ возлагался не на могилу, а на благополучно здравствовавшаго полицейскаго чиновника. Въ это время изъ сараевъ и сторожки кладбища выбѣжали городовые, оцѣпили студентовъ и отправили въ часть.

5 ноября въ университетѣ былъ актъ. Полицмейстеръ приказалъ закрыть рестораны и пивныя. Вечеромъ было столкновеніе студентовъ съ полиціей; послѣдняя забрала въ часть 70 ч. универсантовъ, ветеринаровъ и штатскихъ. На другой день часть арестованныхъ была выпущена, а другая — 20 чел. сидятъ еще и теперь.

9 ноября, послѣ окончанія опернаго спектакля въ пользу студ.-ветеринаровъ, было ожесточенное столкновеніе студентовъ съ полиціей. Были пущены въ ходъ нагайки, многихъ избили и подавили лошадьми. Особенно безчеловѣчно избили одного студ.-ветеринара. Было арестовано 50 чел., среди которыхъ попались: прис. пов. Петропавловскій съ женой, два военныхъ врача и мн. др. 8 студ.-ветеринаровъ задержали, остальныхъ выпустили. Повѣреннаго и военнаго врача оштрафовали — перваго на 100 р., втораго на 50 р. Что будетъ съ остальными, — неизвѣстно.

Казань. 14 ноября 1902 года.“

„Къ учащимся среднихъ школъ“ обращается слѣдующее, недавно вышедшее на югѣ воззваніе:

„Товарищи! Все сильнѣе и сильнѣе разгорается борьба за освобожденіе нашей родины отъ гнетущаго ее ига самодержавія. Все громче и громче раздается могучій кличъ пролетаріата, созывающаго подъ свои красныя знамена всѣхъ честныхъ и мыслящихъ гражданъ Россіи... Борьба разгорается... Движеніе разростается вглубь и вширь, захватывая все новые слои общества: крестьянство, студенчество, земство. Не могли ему остаться чуждыми и мы, учащіеся въ среднихъ школахъ. Въ послѣдніе годы, годы ожесточенной борьбы съ самодержавіемъ, учащіеся среднихъ школъ всей Россіи признали неотложною необходимостью организацію всѣхъ силъ школы. Въ мартѣ 1901 года появляются на югѣ Россіи три „письма къ учащимся среднихъ школъ“, выясняющія необходимость борьбы за политическую свободу, излагающія ходъ революціоннаго движенія и призывающія къ всестороннему изученію соціальнаго вопроса. Въ Петербургѣ и Тифлисѣ образуются „Комитеты средне-учебныхъ заведеній“, обращающіеся къ учащимся и обществу съ воззваніями, указывающими на положеніе нашей родины, на господствующую тенденцію въ дѣлѣ нашего средняго образованія и на ходъ революціоннаго движенія. Въ началѣ мая въ одномъ изъ южно-русскихъ городовъ было положено основаніе новому союзу учащейся молодежи — южнорусской группѣ учащихся среднихъ школъ. Образовавшись въ концѣ учебнаго года, она успѣла выпустить только одно воззваніе къ выпуску 1902 года. Все лѣто прошло въ живой агитаціонной работѣ, — и въ концѣ августа группѣ удалось созвать съѣздъ изъ представителей среднихъ школъ нѣсколькихъ южныхъ городовъ. Послѣ оживленныхъ преній съѣздомъ были приняты слѣдующія резолюціи: 1) съѣздъ признаетъ, что наша средняя школа не можетъ удовлетворить самымъ скромнымъ требованіямъ молодежи, жаждущей знанія, не даетъ ей ничего живого, бодрящаго душу, ничего не дѣлаетъ для пробужденія въ ней высшихъ интересовъ, для ея умственнаго и нравственнаго развитія; для подготовки ея къ общественной дѣятельности; — болѣе того, — она забиваетъ въ своихъ питомцахъ стремленіе къ свѣту и истинѣ, къ серьезному научному познанію. Съѣздъ признаетъ, что только собственными силами можетъ учащаяся молодежь достигнуть того, что должна была бы дать ей школа. 2) Съѣздъ видитъ коренную причину ненормальнаго положенія нашей средней школы въ соціально-политическомъ строѣ самодержавной Россіи, при которомъ интересамъ монархической власти приносятся въ жертву интересы народа вообще, интересы народнаго образованія въ частности. Съѣздъ считаетъ невозможнымъ коренную реформу средней школы безъ измѣненія всего соціально-политическаго строя Россіи. 3) Видя назначеніе интеллигенціи въ служеніи народу, съѣздъ считаетъ необходимымъ подготовить къ нему учащуюся молодежь. Съѣздъ признаетъ насущною задачею россійской интеллигенціи внесеніе въ среду трудящихся классовъ русскаго народа пропаганды соціалистическихъ принциповъ. 4) Признавая, что сила молодежи не только въ сознаніи, но и въ единеніи и считая пока неосуществимою мысль о созданіи всероссійской организаціи учащихся среднихъ школъ, съѣздъ признаетъ необходимымъ созданіе единой организаціи для всѣхъ южнорусскихъ среднихъ школъ. Съѣздъ признаетъ необходимою организацію Центральнаго Комитета группы, который вѣдалъ бы всѣ дѣла группы и сношенія ея мѣстныхъ комитетовъ. Съѣздъ поручаетъ Центральному Комитету вступить въ товарищескія сношенія съ другими порайонными организаціями учащихся среднихъ школъ. 5) Съѣздъ признаетъ необходимымъ изданіе журнала, посвященнаго нуждамъ и интересамъ учащейся молодежи. Съѣздъ поручаетъ изданіе журнала Центральному Комитету.

Къ началу октября Центральный Комитетъ окончательно съорганизовался и начинаетъ интенсивную революціонную работу. Широкая культурная работа, — организація кружковъ самообразованія, библіотекъ и читаленъ, которыя доставляли бы учащимся здоровую духовную пищу; — изданіе печатнаго органа, посвященнаго изученію соціальнаго вопроса, дающаго научное обоснованіе соціальнаго движенія; ознакомленіе учащихся съ ходомъ этого движенія, разъясненіе имъ соотношенія движущихъ его силъ, посредствомъ распространенія въ широкой массѣ учащихся нелегальной литературы, какъ своего изданія, такъ и обще-русской соціаль-демократической — вотъ основные пункты программы дѣятельности южнорусской группы и ея Центральнаго Комитета.

Центральный Комитетъ призываетъ всѣхъ товарищей-учащихся, въ комъ растлѣвающій режимъ средней школы не успѣлъ еще заглушить душу живую, оказать содѣйствіе начинаніямъ группы. Тѣхъ изъ нихъ, которые уже признали необходимость борьбы съ произволомъ и насиліемъ онъ призываетъ все болѣе и болѣе работать для ниспроверженія существующаго строя, занимаясь всестороннимъ изученіемъ соціальнаго вопроса и внося посильную лепту въ дѣло освобожденія нашей родины. И когда мы выйдемъ, наконецъ, изъ стѣнъ средней школы, не давшей намъ ни воспитанія, ни образованія, ни развитія, — когда мы вступимъ, наконецъ, въ новую жизнь, жизнь, полную борьбы съ могущественными и грозными врагами, — мы сможемъ смѣло, безъ страха и сомнѣній, вступить въ ряды активныхъ борцовъ святого воинства свободы, подъ гордо развѣвающіяся красныя знамена Россійской Соціаль-демократіи! Центральный Комитетъ южнорусской группы учащихся среднихъ школъ“.

* * *

Привѣтствуя отъ всей души энергичный починъ учащихся, мы со своей стороны дадимъ имъ такой товарищескій совѣтъ. Старайтесь сдѣлать главной цѣлью своей организаціи самообразованіе, выработку изъ себя убѣжденныхъ, стойкихъ и выдержанныхъ соц.-демократовъ. Отдѣляйте возможно болѣе строго эту крайне важную и необходимую подготовительную работу отъ непосредственной практической дѣятельности. Старайтесь при вступленіи (и до вступленія) въ ряды дѣйствующей арміи завязывать самыя тѣсныя (и самыя конспиративныя) сношенія съ мѣстными или обще-русскою соц.-дем. организаціями, чтобы вамъ не пришлось приступать къ дѣлу въ одиночку, чтобы вы могли начинать уже не сначала, а продолжать сдѣланное раньше, становиться сразу въ ряды и шеренги, двигать впередъ движеніе, поднимать его на высшую ступень.

Продѣлки зубатовцевъ. (Разсказъ рабоч.). С.-Петербургъ. ...„Въ мое отсутствіе приходитъ ко мнѣ на квартиру молодой человѣкъ и спрашиваетъ меня. Хозяйка знала, что меня дома нѣтъ, и спросила пришедшаго фамилію. Онъ отвѣтилъ: „Коноплевъ меня не знаетъ, но у насъ есть общіе знакомые, я пріѣзжій, тороплюсь, зайти сюда больше не могу, а повидаться со мной можно въ Юсуповскомъ саду: въ такой-то день и часъ пусть приходитъ въ садъ съ подвязанной бѣлымъ платкомъ щекой“. Хозяйка передала слова незнакомца и обрисовала мнѣ его наружность. Въ условленный часъ и день прихожу въ садъ, сажусь на скамейку съ подвязанной щекой. Подходитъ молодой человѣкъ и спрашиваетъ: „Вы будете Коноплевъ?“ — Я. — „Позвольте съ вами познакомиться, я отъ такихъ-то; пришелъ предупредить васъ, что у меня въ девять часовъ будетъ литература“. — Хорошо, сказалъ я. — „Какъ у васъ отзываются о смерти Сипягина?“ спрашиваетъ мой новый знакомый. — У насъ всѣ говорятъ: „туда ему и дорога“. — „Какъ у васъ въ массѣ движеніе рабочихъ?“ и еще нѣсколько вопросовъ въ этомъ духѣ. Не называя своихъ знакомыхъ, я сказалъ, что масса возбуждена. „Пойдемте ко мнѣ на квартиру,“ пригласилъ онъ меня. Мы отправились. На квартирѣ онъ знакомитъ меня съ товарищемъ (черный, какъ цыганъ). Тотъ начинаетъ разговоръ на тѣ же темы. Нѣсколько минутъ спустя, черный господинъ выходитъ, предупредивъ, что сейчасъ вернется. Минутъ черезъ пять является уже въ формѣ жандармскаго полковника. „Молодой человѣкъ, вы слишкомъ довѣрчивы, началъ жандармъ. Довѣряться такъ нельзя, видите, вы попали въ просакъ“. — Я говорилъ все прямо, какъ оно есть, а если вы меня обманули, то можете арестовать. Они были со мной очень любезны и даже не угрожали, что меня арестуютъ, а только пригласили куда-то поѣхать. Взяли извозчика и пріѣхали въ охранное отдѣленіе.

Тамъ со мной былъ уже только одинъ черный господинъ и былъ такъ любезенъ, что у него для меня явились и папиросы, и ужинъ и комната (съ дубовой дверью и съ рѣшеткой). — „Это васъ мутитъ все подпольная интеллигенція, началъ онъ, она всему виной... Вы ей довѣряете, но знайте, что вы отъ этого ничего не выиграете; она васъ вводитъ въ заблужденіе“. Продолжая въ такомъ же родѣ, жандармъ почти не давалъ мнѣ говорить. „Ну, пусть интеллигенты хлопочутъ, о чемъ знаютъ, но рабочимъ вовсе не къ чему мѣшаться въ эти дѣла. Правительство для рабочихъ сдѣлаетъ все: и восьмичасовой рабочій день и подыметъ заработную плату. Но вдругъ: „долой самодержавіе!“ это ужъ никуда не годится. Все время боролись за повышеніе заработной платы, и вдругъ ни съ того ни съ сего: „долой самодержавіе!“ Интеллигенцію мы знаемъ, какъ пальцы на рукахъ, и, если какой интеллигентъ идетъ въ рабочіе кварталы, то это намъ всегда извѣстно, но вѣдь рабочихъ выслѣживать трудно“. Это мы знаемъ и безъ васъ, замѣтилъ я. — „Знаете, бросьте все это, всю эту чушь, а мы вамъ дадимъ мѣсто, куда вамъ вздумается, вы дайте слово, что не будете больше распространять литературы“. Я отказался. Разговоръ продолжался до 12 час. ночи съ шести час. вечера, а на другой день опять тоже до четырехъ часовъ вечера.

Показывали „Искру“ и картинку „пирамиду“: „мы царствуемъ надъ вами, мы правимъ вами, мы морочимъ васъ“. Пирамидѣ давали такое объясненіе: „Видите, какъ далека масса народная отъ государя, а вѣдь, ему надо удовлетворить поочереди, сначала дворянство, поповъ, купцовъ и потомъ уже и рабочихъ“. Я отвѣтилъ: не лучше ли, чтобы маленькая кучка зависѣла отъ большой, а не большая отъ малой, т. е. не лучше-ли перевернуть вверхъ ногами эту картину?... Говорили потомъ и про Западную Европу и про парламентъ въ Германіи и о многомъ другомъ. „Если хотите, говоритъ потомъ, читать литературу, то можете брать у насъ, какую угодно. Мы получаемъ всегда раньше рабочихъ. Но только съ условіемъ: никогда не распространять“.

Усердно предлагали папиросы и еще усерднѣй давали понять, чтобы поступилъ къ нимъ на службу... Прямо, конечно, не говорили, что желаютъ имѣть своимъ коллегой, а понять давали.

Рязань. Наша монотонная провинціальная жизнь ничѣмъ не нарушается... революціонная дѣятельность, которую было проявили наши „соціалисты-революціонеры“ среди городской интеллигенціи, учащейся молодежи и заводскихъ рабочихъ, временно заглохла — многіе рабочіе, пріѣхавшіе сюда изъ Москвы, Иваново-Вознесенска, Ярославля, разбрелись въ разные концы Россіи въ поискахъ за работой — кризисъ все время даетъ знать о себѣ.

Положеніе мѣстныхъ заводовъ очень печальное — дѣла здѣсь идутъ очень плохо. На заводѣ „Рязанскаго товарищества“ осталось сто съ небольшимъ мастеровыхъ изъ всего числа около 400 человѣкъ. На заводѣ Антоновича положеніе дѣлъ не лучше: недавно сгорѣла котельная мастерская, такъ что контингентъ безработныхъ увеличился на новые десятки...

На заводъ Полякова и Ко. назначенъ новый управляющій Левонтинъ (бывшій начальникъ узко-колейной Тульской ж. д.) Этотъ господинъ слыветъ за яраго сіониста, участвуетъ на еврейскихъ собраніяхъ, гдѣ читаетъ рефераты „къ исторіи еврейства“, былъ на конгрессѣ сіонистовъ — однимъ словомъ „образованный и гуманный еврей“, успѣвшій уже зарекомендовать себя тѣмъ, — что былъ побитъ за свои продѣлки рабочими узко-кол. ж. д. Пока еще на заводѣ ничего новаго не предпринимаетъ. На заводѣ Полякова работаютъ $10^1/_2$ часовъ въ день, за послѣднее время была введена сдѣльная работа.

Благодаря прижимкамъ со стороны администраціи на заводѣ часто происходили волненія — мѣстная „соц.-дем. группа“ вела дѣятельную агитацію, распространяла среди заводскихъ рабочихъ соц.-дем. литературу, прокламаціи. Но послѣ январскаго провала 1900 года, дѣятельность соц.-демократовъ была парализована, многіе сознательные рабочіе уѣхали изъ Рязани и движеніе на долго замерло. Послѣдніе годы агитація и пропаганда велась „соціалистами-революціонерами“.

Группа эта выпустила въ теченіе прошлаго года нѣсколько прокламацій „къ обществу“, „къ рабочимъ Полякова и Ко.“, „ко всѣмъ русскимъ рабочимъ“, призывая рабочихъ къ политической борьбѣ и возбуждая къ стачкамъ и волненіямъ, — но воззванія эти, благодаря своей отвлеченности и абстрактному характеру, не имѣли вліянія на рабочихъ и не вызвали сколько-нибудь серьезнаго движенія.

Въ мѣстныхъ соціалистическихъ кружкахъ, на рабочихъ собраніяхъ много говорилось о „терроръ“, „анархизмѣ“, „Народной Волѣ“, — но мало удѣлялось вниманія насущной пропагандистской работѣ, — что особенно вредно отзывалось на молодомъ рабочемъ движеніи, не имѣющемъ опытныхъ руководителей, — а „кружки“ обыкновенно послѣ каждыхъ арестовъ и погромовъ прекращали окончательно свою дѣятельность, не имѣя глубокихъ корней въ рабочей массѣ.

Такъ мы можемъ видѣть это въ дѣятельности „соц.-револ.“: — эпидемія прокламацій, литературы, боевой агитаціи, волненій быстро смѣнилась, съ арестами 2-3 руководителей, всеобщей апатіей, и рабочее движеніе, начавшее было разростаться, надолго пріостановилось. Желаемъ отъ души нашимъ товарищамъ соц.-демократамъ избѣгать такихъ „ошибокъ“ и побольше удѣлять вниманія насущной работѣ среди пролетаріата

Что касается жизни „общества“, то посторонняго наблюдателя поражаетъ общая печальная картина — спячки, апатіи... оживленіе „мартовскихъ дней“ смѣнилось, кажется, долгимъ, непробуднымъ сномъ.

Такъ здѣсь недавно было земское уѣздное собраніе, на которомъ было постановлено: ежегодно устраивать съѣзды народныхъ учителей и учительницъ Рязанскаго уѣзда.

Первый съѣздъ происходилъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ, — понятно, что съѣздъ этотъ не имѣетъ права ничего „постановлять“, а лишь „высказываться“. Вотъ рѣшенія, къ которымъ онъ пришелъ: устройство безплатнаго пансіона-общежитія для дѣтей бѣдныхъ сельскихъ учителей, учащихся въ гимназіи, и устройство въ сельскихъ школахъ воскресныхъ вечернихъ занятій. А вотъ къ курьезамъ нашихъ съѣздовъ. Учителямъ былъ предложенъ вопросъ: желательно и возможно-ли устроить при земскихъ школахъ сберегательныя кассы для дѣтей. Всѣ учителя единогласно высказались противъ. Тогда всталъ инспекторъ народныхъ училищъ Дроздовъ (онъ же и предсѣдатель съѣзда) и заявляетъ, что собственно нечего разбирать, желательно это или нѣтъ, такъ какъ „у насъ есть циркуляръ объ обязательномъ устройствѣ кассъ“, нужно лишь высказаться въ томъ смыслѣ, при какихъ школахъ это возможно устроить теперь. Бѣдные „земцы“, принужденные разыгрывать жалкую комедію депутатовъ въ земскомъ собраніи, и лишенные права „смѣть“ свое сужденіе имѣть!

Такъ же безцвѣтна и буднична обстановка и въ мѣстной военной средѣ. Въ учебн. командѣ офиц. Петровъ нѣжинскаго полка, обучая солдатъ, въ числѣ которыхъ было много вольноопредѣляющихся, нѣкоторые бывшіе студенты, — давалъ, между прочимъ, наставленія, какъ должны поступать рядовые, при выполненіи своихъ обязанностей, съ „внутренними врагами“. — Офицеръ Петровъ причисляетъ къ „внутреннимъ врагамъ“ „студентовъ, рабочихъ, разную сволочь... и еще дѣвченокъ — называющихся курсистками“. Говоря о курсисткахъ офицеръ разразился рядомъ циничныхъ, пошлыхъ замѣчаній по ихъ адресу, и, сообщая о расправѣ, которую производятъ надъ ними казаки нагайками, онъ давалъ рядъ совѣтовъ, сопровождая соотвѣтственными тѣлодвиженіями, выходящими по своему грязному цинизму изъ всякаго предѣла. Такихъ негодяевъ, какъ Петровъ, особенно много въ нашемъ провинціальномъ городѣ и они, конечно, никого не удивляютъ своей наглой безстыдностью, даи

можно-ли ожидать иного отношенія къ „внутреннему врагу“, отъ постояннаго завсегдатая кабака и публичнаго дома!

Въ нашей тюрьмѣ содержатся въ настоящее время окончившій гимназію Виноградовъ и двое семинаристовъ по политическимъ дѣламъ — сидятъ, какъ обыкновенно, въ одиночкахъ-башняхъ.

Виноградовъ взятъ въ Сапожкѣ и, пробывъ нѣсколько времени подъ арестомъ, — перевезенъ въ Рязанскій тюремный замокъ.

Либава. Насъ просятъ помѣстить слѣдующее заявленіе:

Въ № 6 „Листковъ Жизни“ и во многихъ другихъ нелегальныхъ русскихъ изданіяхъ было напечатано или перепечатано сообщеніе изъ Либавы, что тамъ арестованныхъ на собраніи за городомъ 18 апрѣля 1902 г. женщинъ-работницъ подвергли медицинскому освидѣтельствованію и выдали имъ желтые билеты. Откуда взяли корреспонденты это сообщеніе, не знаю. Знаю только, что ничего подобнаго, ни освидѣтельствованія, ни желтыхъ билетовъ, ни даже намековъ на это, не было. Арестованныя были частью, сейчасъ же по приходѣ въ участокъ, освобождены, частью высланы на мѣсто жительства этапнымъ порядкомъ, а двѣ (одна акушерка, другая портниха) просидѣли — первая мѣсяцъ, а вторая отъ 2-3 мѣсяцевъ.

ИЗЪ ДЕРЕВНИ.

Изъ Тверской губ. Значительная часть тверскихъ рабочихъ не порвала окончательно связи съ деревней. Жители ближайшихъ къ городу волостей идутъ домой почти каждый праздникъ; многіе рабочіе, поставивъ за себя „смѣнщика“, уходятъ въ деревню на мѣсяцъ-два на полевыя работы. Въ лицѣ рабочихъ этого типа городское міровоззрѣніе пріобрѣтаетъ цѣнныхъ пропагандистовъ. Зачастую освоившіеся съ кругомъ тѣхъ „вредныхъ идей“, которыми такъ богата теперь жизнь даже провинціальныхъ городовъ, они не потеряли ключа къ пониманію жизни деревни, ея горя и радостей, ея запросовъ и потребностей, — и отрицательное отношеніе къ современному порядку вещей, и положительныя требованія, выработанныя городомъ, тысячами неуловимыхъ нитей идутъ въ деревню, и деревня чутко прислушивается къ тому, что говоритъ ей городъ, и начинаетъ шевелиться по-немногу и въ той или иной формѣ высказывать свое сочувственное отношеніе къ вѣяніямъ, идущимъ изъ города. Таково впечатлѣніе лицъ, близко стоящихъ къ деревенскому люду. Учесть безъ остатка огромную духовную работу, которая совершается въ деревнѣ, вывести непогрѣшимо точное обобщеніе, пока, при скудости фактовъ, имѣющихся въ нашемъ распоряженіи, невозможно. Намъ придется ограничиться нѣсколькими примѣрами.

Использованная въ городѣ литература постоянно течетъ въ деревню, и не только брошюрки и газеты, но и такая специфически городская литература, какъ прокламаціи тверского Комитета по поводу стачекъ на той или иной фабрикѣ. Рѣдкій рабочій не уноситъ съ собой листка или книжки, и при встрѣчахъ съ рабочими передъ праздниками интеллигентамъ постоянно приходится слышать просьбу: „дайте для деревни что-нибудь почитать“. Неизвѣстные добровольцы часто раскидываютъ и расклеиваютъ городскія прокламаціи на телеграфныхъ столбахъ, воротахъ, колодцахъ. Такое распространеніе прокламацій вызвало даже набѣгъ голубыхъ мундировъ на одну деревню. Они поголовно всѣхъ допрашивали, но уѣхали ни съ чѣмъ. Нѣкоторые листки находятъ читателей; такъ, напр., майскіе (конференціи и тверского Комитета) охотно читались по деревенскимъ чайнымъ, и къ обладателямъ листковъ приходили съ просьбой дать на прочтеніе. Но вообще крестьяне противъ такихъ листковъ: „о насъ пишите, говорятъ они, а изъ-за этихъ листковъ только въ полицію тягаютъ“. Комитетомъ была сдѣлана попытка удовлетворить потребность деревни въ своихъ листкахъ; была издана листовочка: „Какъ царскіе слуги заботятся о крестьянахъ“. Въ одной деревнѣ ее прочитали на сходѣ, и крестьяне много толковали о ней. „Но чего же комитетъ о насъ не пишетъ, спрашивали они (въ листкѣ говорится о расправѣ съ тамбовскими и саратовскими крестьянами), вѣдь и насъ помѣщики притѣсняютъ за потравы“. За то отлично шли и идутъ изданія Аграрно-Соціалистической Лиги и многія произведенія городской нелегальной литературы, Случайно попавшій въ деревню экземпляръ „Ткачей“ Гауптмана шелъ буквально на расхватъ. Бойко шли переизданныя (подъ давленіемъ нужды въ литературѣ для деревни) на гектографѣ „Пауки и Мухи“ Либкнехта, „Стачка Лжи“, „Хитрая Механика“. Огромнымъ успѣхомъ пользуются „Пѣсни борьбы“. Нерѣдко въ деревнѣ можно услышать хоровое пѣніе пѣсенъ изъ этого сборника. Случается встрѣтить крестьянъ, цитирующихъ изъ него цѣлыя страницы. Лишній разъ приходится убѣдиться, какое могучее средство воздѣйствія имѣетъ на массу революціонная пѣсня. Она всегда проложитъ дорогу листку, брошюрѣ, книгѣ... Любопытно отмѣтить, что иногда нелегальная литература развиваетъ вкусъ къ хорошей легальной книжкѣ. Одно лицо, близко стоящее къ деревнѣ, разсказывало намъ о крестьянинѣ Андронѣ Т., который побывалъ въ Питерѣ извозчикомъ и вынесъ оттуда пристрастіе къ лубочнымъ изданіямъ. Попали ему въ руки „Пѣсни борьбы“ и нѣкоторыя другія вещи. Теперь онъ съ презрѣніемъ отзывается о своихъ прежнихъ литературныхъ вкусахъ и требуетъ хорошей, „заправской“ книжки.

Вотъ еще нѣсколько эпизодовъ изъ деревенской жизни. Въ одномъ изъ селъ во время богослуженія на дверь церкви была прибита извѣстная картина „На чемъ держится самодержавіе?“, и народъ тѣснился и комментировалъ ее до тѣхъ поръ, пока ее не убрали. Въ одномъ изъ селъ Х-ой волости нашей губерніи о. благочинный рѣшилъ вступить въ борьбу съ идейнымъ развратомъ, вносимомъ фабричными въ деревню. Въ воскресенье, послѣ обѣдни, онъ произнесъ проповѣдь на тему о грѣховности стачекъ (дѣло было въ „эру волненій“). „Будьте кротки и смиренны, говорилъ онъ собравшимся прихожанамъ, и довольствуйтесь малымъ“. — „А ты бы, батюшка, тоже малымъ довольствовался, бралъ бы за вѣнчаніе полтора рубля, вмѣсто пяти!“ раздался изъ толпы чей-то непочтительный голосъ. Бѣдный благочинный такъ растерялся, что, даже не кончивъ проповѣди, ушелъ въ алтарь... Въ одномъ изъ селъ южной части тверского уѣзда недавно возникло „политическое“ дѣло. Крестьянинъ въ трезвомъ видѣ въ клочки изрѣзалъ царскій портретъ. Туда ѣздили жандармы и арестовали, по слухамъ, 8 чел.

До чего заразительно вліяніе города, видно изъ того, что деревня начинаетъ реагировать на свои домашнія злобы дня своеобразными „прокламаціями“. Въ одномъ селѣ въ двухъ-трехъ экземплярахъ было расклеено юмористическое стихотвореніе, направленное противъ попа и богатѣевъ. Вкусы деревни тоже своеобразны: стихи эти изобиловали „крѣпкими“ словечками, но имѣли успѣхъ.

О разныхъ другихъ происшествіяхъ, о недородѣ, положеніи и настроеніи крестьянъ напишемъ въ другой разъ.

СОБЫТІЯ ВЪ ФИНЛЯНДІИ.

Русское правительство продолжаетъ посредствомъ беззаконій и насилія водворять въ Финляндіи самодержавіе и уничтожать всѣ слѣды вѣковой конституціи и политической свободы. Словомъ, оно вводитъ въ свободной до сихъ поръ странѣ именно тотъ разбойническій режимъ безцеремоннаго насилія и полнѣйшаго безправія „обывателей“, противъ котораго ведутъ отчаянную и самоотверженную борьбу всѣ сознательные русскіе граждане.

Въ сентябрѣ правительство опубликовало совершенно беззаконные царскіе указы о смѣщеніи финляндскихъ чиновниковъ и судей административнымъ путемъ, о превращеніи финляндскаго сената въ канцелярію русскаго сатрапа въ Финляндіи, объ увеличеніи власти губернаторовъ, о предоставленіи русскимъ чиновникамъ правъ государственной службы въ Финляндіи и о запрещеніи привлеченія чиновниковъ къ судебной отвѣтственности за проступки, совершенные ими по службѣ, безъ разрѣшенія ихъ начальства. Эти манифесты извѣстны читателямъ изъ русской легальной печати; кромѣ того, въ послѣдней нашей статьѣ мы выяснили уже ихъ значеніе. Эти царскія беззаконія являются грубымъ нарушеніемъ не только финляндскихъ основныхъ законовъ, но даже и пресловутаго манифеста 3 февраля 1899 г., который въ сущности отмѣнилъ финляндскую конституцію. Въ концѣ сентября Николай II, по представленію финляндскаго сената, „всемилостивѣйше“ уволилъ въ отставку безъ пенсіи двѣнадцать высокопоставленныхъ чиновниковъ, отказавшихся признать преступный новый уставъ о воинской повинности закономъ и исполнить требованіе сената, относившееся къ примѣненію этого царскаго „закона“. Нынѣшній вѣроломный финляндскій сенатъ „радъ стараться“ по указаніямъ гг. Плеве, Бобрикова и Ко и спѣшитъ проводить на практикѣ ихъ „благія преднадчертанія“. Неслыханный до временъ Николая II разгромъ честныхъ финляндскихъ чиновниковъ-гражданъ коснулся, главнымъ образомъ, высшихъ судовъ: изъ каждаго изъ трехъ гофгерихтовъ уволено по три члена. Агенты россійскаго самодержавія на первыхъ же порахъ столкнулись съ неподкупными финляндскими судьями, отказавшимися плясать по ихъ дудкѣ. Бобриковъ предлагалъ даже уменьшить число этихъ судовъ, а въ сентябрьскихъ указахъ говорится о предстоящихъ „реформахъ“ судебнаго вѣдомства въ Финляндіи. Вообще, г. Плеве оказался энергичнымъ „реформаторомъ“.

Не смотря на страшный голодъ въ Финляндіи, царь недавно приказалъ совершенно незаконнымъ образомъ отчислить два милліона марокъ изъ финляндскаго казначейства русскому военному министерству для покрытія издержекъ, связанныхъ съ проведеніемъ новой „военной реформы“ въ Финляндіи Николай II привыкъ со своими опричниками грабить русскій народъ; теперь онъ вздумалъ расширить поле своей „благотворной“ дѣятельности.

Въ концѣ лѣта еще Плеве издалъ секретный циркуляръ о вскрываніи писемъ въ присутствіи адресата. Это распоряженіе было вызвано тѣмъ, что „неблагонадежныя лица пользуются почтой для распространенія періодическихъ изданій и другихъ произведеній печати противоправительственнаго содержанія“. Однако, до сихъ поръ мудрая „реформа“ русскаго опричника остается лишь проектомъ, такъ какъ немыслимо заставить честныхъ финляндскихъ чиновниковъ совершать тяжкое преступленіе, за которое законъ караетъ тюремнымъ заключеніемъ до двухъ лѣтъ.

Старанія Бобрикова, его недавно назначеннаго помощника Дейтриха, Кайгородова и прочей братіи обрусить мирную культурную страну не имѣютъ границъ. Бобриковъ не утвердилъ программы торжественнаго открытія памятника извѣстному собирателю финской народной поэзіи Э. Лепроту, такъ какъ онъ запретилъ пѣть финляндскій національный гимнъ, который поется въ Финляндіи постоянно съ 1848 г. Во время оно Александры II и III слушали его, стоя съ обнаженной головой. Времена мѣняются. Финское литературное общество отказалось отъ всякихъ торжествъ. Самое открытіе 6 октября не состоялось, но „Нашъ край“ демонстративно распѣвался цѣлый день у памятника недовольной публикой.

Весь финскій народъ, за исключеніемъ все уменьшающейся консервативной старо-фенноманской партіи, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе убѣждается въ необходимости сверженія самодержавія въ Россіи и совмѣстной борьбы съ русскими революціонерами за политическую свободу. Начавъ свой преступный походъ на Финляндію, россійское самодержавіе само ускоряетъ свою неминуемую погибель.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ
и
ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Петербургъ. Въ началѣ текущаго года военный министръ запросилъ мнѣнія начальниковъ всѣхъ военныхъ заводовъ и мастерскихъ, поскольку они считаютъ нужнымъ и возможнымъ введеніе 8-часового рабоч. дня въ подвѣдомственныхъ имъ заведеніяхъ. На этотъ запросъ вѣдомства инженерное и артиллерійское отвѣтили, что проведеніе этой мѣры въ ихъ мастерскихъ и заводахъ считаютъ невыполнимымъ, такъ какъ громадное большинство занятыхъ у нихъ рабочихъ работаютъ отъ подрядчиковъ, и обязать этихъ послѣднихъ нормой рабочаго дня, значило бы сильно повысить цѣну подрядовъ, на что у нихъ не имѣется кредитовъ отъ министерства. Только отъ интендантскаго вѣдомства, гдѣ наемъ рабочихъ производится безъ посредниковъ и гдѣ слишкомъ широко и планомѣрно организовано расхищеніе казенныхъ денегъ, чтобы отъ нововведенія можно было опасаться личнаго ущерба, — полученъ былъ, хотя и съ оговорками, утвердительный отвѣтъ. И вотъ опубликованный въ октябрѣ мѣсяцѣ приказъ по военному вѣдомству вводитъ 8-час. раб. день (чистой работы) для рабочихъ интендантскихъ мастерскихъ. Служатся молебны о здравіи Царя, явившаго новое доказательство милостиваго попеченія о благѣ народа, произносятся рѣчи о томъ, какъ употребить свободное время, какъ остерегаться соціалистовъ, посѣщать храмы божіи и пр. Сколько же „народу“ облагодѣтельствовалъ новый приказъ? Ровнымъ счетомъ 600 человѣкъ изъ 100 тыс., всѣхъ занятыхъ въ военномъ вѣд. рабочихъ!! Вотъ ужъ, поистинѣ, гора мышь родила. Упрямаго вояку, Куропаткина, не обезкуражилъ, однако, полученный имъ отъ артиллеристовъ и инженеровъ афронтъ: на дняхъ онъ снова разослалъ секретный (и благодѣтельствовать надо съ осторожностью!) циркуляръ къ тѣмъ же начальникамъ, въ которомъ „съ Высочайшаго соизволенія“, озабочиваясь выработкой коренныхъ мѣръ къ прочному улучшенію положенія рабочихъ проситъ самыя подробныя и точныя данныя объ условіяхъ работы въ ихъ заведеніяхъ по предлагаемой имъ программѣ: о продожительн. раб. дня, о высотѣ зараб. платы, о гигіеническихъ условіяхъ труда, о томъ, что сдѣлано для удовлетворенія духовныхъ интересовъ рабочихъ и пр., и о желательныхъ реформахъ въ этомъ направленіи, при чемъ неоднократно напоминаетъ, что слѣдуетъ имѣть въ виду не кажущіяся и палліативныя улучшенія, а коренное и прочное измѣненіе положенія рабочихъ. Въ заключеніе министръ сообщаетъ, что необходимые для реформы кредиты испрошены имъ на шесть лѣтъ.

Мы уже видѣли, какъ дебютировалъ съ „приказами“ коллега г. Куропаткина въ роли „коренного“ преобразователя нашего учебнаго строя, и что изъ этого вышло; теперь другой военный же мин. взялся за „коренныя“ измѣненія, только въ уже болѣе солидной и трудной области соціальныхъ задачъ. И во всякомъ случаѣ нельзя отказать русскимъ военнымъ министрамъ въ рѣшительности. Помѣщенный въ № 27 „Искры“ другой циркуляръ того же г. Куропаткина объясняетъ намъ источникъ его соціально-реформаторскихъ начинаній: въ его патріархальной, когда-то военной семьѣ, за послѣдніе годы частенько обнаруживаются случаи „преступной“ пропаганды; пріятно-ли родительскому сердцу при этакихъ условіяхъ видѣть въ своей семьѣ такого страшнаго урода, какъ рабочій, находящійся съ солдатомъ въ постоянномъ общеніи по условіямъ работы.

Что гг. интенданты найдутъ тысячу средствъ, чтобы свести къ нулю значеніе введенной реформы, — въ этомъ сомнѣваться не приходится. Но громадное агитаціонное значеніе начатой г. Куропаткинымъ компаніи не нуждается въ какихъ-либо доказательствахъ, и несомнѣнно, что дѣйствующія организаціи должны широко использовать эту новую правительственную попытку легализаціи рабочаго движенія.

Керчь, 16 октября. Какъ ни трудна работа въ маленькомъ провинціальномъ городѣ, но отсутствіе строгаго жандармскаго надзора позволило мѣстной интеллигенціи образовать рабочую организацію, дѣйствовавшую безъ перерыва съ самаго начала возникновенія въ Керчи металлургическаго завода. Даже полное прекращеніе производства на заводѣ, вызванное общимъ промышленнымъ кризисомъ, не могло пріостановить дѣятельность молодой рабочей организаціи, вынужденной, благодаря закрытію завода, перенести дѣятельность въ другую среду, менѣе благопріятную и доступную для массовой агитаціи. Въ періодъ этой работы рабочая организація, помимо образованія многихъ пропагандистскихъ кружковъ, успѣла выпустить девять прокламацій, въ которыхъ откликалась на важнѣйшіе вопросы, какъ мѣстные, такъ и вообще русской жизни. Такому успѣху дѣятельности рабочей организаціи, считавшей всего три года своего существованія и не располагавшей особенными средствами и силами, способствовало индиферентное отношеніе мѣстной жандармеріи, не произведшей за это время не только ни одного ареста, но даже и обыска. Это обстоятельство возбуждало недоумѣніе въ обществѣ, окружая имя подполковника Николаева нѣкоторой таинственностью. „Ужъ не служитъ-ли жандармъ революціи?“ спрашивали себя мѣстные Колупаевы и Разуваевы. Но вотъ въ ночь съ 14 на 15 октября жандармомъ Николаевымъ были произведены обыски среди мѣстныхъ обывателей, преимущественно изъ интеллигентной среды. Было произведено десять обысковъ, результатомъ которыхъ явился арестъ трехъ лицъ, и то арестованныхъ по какому-то странному недоразумѣнію. Такъ, рабочій Афанасовъ (на землечерпательномъ караванѣ) былъ признанъ неблагонадежнымъ и арестованъ за найденное у него стихотвореніе П. Я. „Восемь часовъ“! У бывшаго студента Москаленко найдено стихотвореніе „Богъ“ Беранже и басня по поводу отлученія Льва Толстого отъ церкви, и у третьяго, К. Верле, служащаго въ городскомъ банкѣ, найдено два разныхъ номера „Искры“. Вотъ и вся добыча послѣ десяти обысковъ, изъ-за которыхъ была поднята на ноги вся полиція и даже присланы жандармы-гастролеры изъ Симферополя. Обыску подверглись: бывш. студ. Гуссовъ, учитель соборной школы Зеленкевичъ, служащій въ городской управѣ Зубовъ, служ. на землечерпат. караванѣ И. Коганъ, учитель ремесл. училища Марьяненко, служ. въ городской управѣ Суворовъ и бывш. студ. И. Шикъ. У всѣхъ этихъ явно предосудительнаго ничего не оказалось. Такъ неудачно закончилось первое покушеніе на спокойствіе обывателей.

Съ юга. Дѣла на югѣ не блестящи. Металлургическіе заводы продолжаютъ сокращать работы или же пріостанавливаются совсѣмъ. Толпы голодныхъ безработныхъ рабочихъ высылаются на родину, на утѣшеніе и безъ того голодающихъ деревень. Что же — пусть голодаетъ лучше въ деревнѣ; въ городѣ безработный рабочій — горючій матеріалъ, въ деревнѣ не то: въ деревнѣ рабочій можетъ „спокойно“ издохнуть отъ голода.

И какая злая иронія судьбы надъ существующимъ строемъ! Имѣются фабричныя зданія, доменныя печи, станки, есть чугунъ, желѣзо, каменный уголь, въ странѣ есть излишекъ хлѣба, излишекъ русскаго сахара продается за границей за безцѣнокъ, толпы рабочихъ шатаются безъ дѣла, есть всѣ необходимые элементы для производства, — это съ одной стороны; съ другой, страна нуждается въ желѣзныхъ дорогахъ, въ орудіяхъ земледѣльческаго труда, — вмѣсто дорогъ болота, вмѣсто плуговъ деревяшки, потребности есть, но все мертво; печи разрушаются, станки ржавѣютъ, рабочіе издыхаютъ съ голоду, а крестьянинъ продолжаетъ себѣ пахать первобытной сохой, а питаться мякиной вмѣсто хлѣба. Что за дѣло капиталисту и современному государству до того, что есть потребности! Пока еще можно было драть съ крестьянина, государство расточало свои деньги на заказы частнымъ заводамъ, платя за все втридорога. Но Китайская война поглотила много милліоновъ, русскій флотъ, наша армія — довольно прожорливыя животныя, а всѣ десять шкуръ съ мужика содраны; остаются одни кости да кожа. Конечно, правительство не побрезгаетъ и послѣдними остатками, но давать, какъ прежде, заказы — дѣло трудное. Все-таки на югѣ надѣются на полученіе заказовъ. Финансовый геній Витте найдетъ средства на временныя подачки заводчикамъ. На долго-ли, однако, всего этого хватитъ?

ИЗЪ ПАРТІИ.
АГИТАЦІЯ СРЕДИ НАРОДНЫХЪ УЧИТЕЛЕЙ.

Починъ въ распространеніи соц.-дем. агитаціи на учительскую среду взялъ на себя нашъ Нижегородскій Комитетъ, агитаціонная дѣятельность котораго, вообще, отличается чрезвычайной разносторонностью (въ нашемъ распоряженіи имѣются его листки къ фабричнымъ и заводскимъ рабочимъ, къ ремесленникамъ, къ крестьянамъ, къ офицерамъ, солдатамъ и т. д.). Приводимъ полностью изданную имъ въ іюнѣ этого года прокламацію къ учителямъ, надѣясь, что другіе Комитеты воспользуются ею для того, чтобы, съ своей стороны, обратиться къ этому важному слою общества.

КЪ НАРОДНЫМЪ УЧИТЕЛЯМЪ И УЧИТЕЛЬНИЦАМЪ.

Нижегородскому Комитету еще впервые приходится обращаться съ воззваніемъ къ вамъ, народные учителя и учительницы. Онъ дѣлаетъ это съ глубокой вѣрой въ то, что въ настоящій моментъ такое обращеніе слишкомъ своевременно, чтобы его можно было откладывать еще, и что въ васъ, народныхъ учителяхъ, онъ найдетъ друзей и единомышленниковъ.

Господа, та конечная и тѣ ближайшія цѣли, за которыя борется русская соціаль-демократическая рабочая партія, не могутъ и не должны быть чужды вамъ. Русскіе соціаль-демократы, какъ и соц.-демократы всего міра, ставятъ передъ собой, какъ конечную цѣль, торжество соціалистическаго строя, и какъ ближайшее и въ то же время единственное средство къ достиженію конечной — политическую свободу, самодержавіе русскаго народа. Русскіе соц.-демократы, какъ и соц.-демократы всего міра, борются и будутъ бороться за права, свободу и счастіе всего обездоленнаго пролетаріата, будь то пролетаріатъ фабрично-заводскій, сельскій, торговый или интеллигентный. Вы — такіе же пролетаріи, какъ и тѣ рабочіе или крестьяне, сыновей которыхъ вы учите, вы — родные братья ихъ, ваши интересы и ихъ интересы одинаковы и нераздѣльны. Вотъ почему торжество соціалистическихъ началъ должно въ то же время быть и вашимъ торжествомъ. Интеллигентные пролетаріи, — вы не можете не сочувствовать уничтоженію частной собственности и передачѣ земли и всѣхъ орудій производства въ руки всего общества, которые должны смести съ лица земли, съ одной стороны, нищету, голодъ и униженіе, съ другой стороны, праздное тунеядство и наглое измываніе надъ человѣческой личностью, которые должны создать общество равныхъ въ правахъ и обязанностяхъ тружениковъ. Вы не можете не сочувствовать такому общественному строю, при которомъ только и возможно главенство духовнаго начала надъ матеріальнымъ и полное развитіе духовной стороны человѣческой природы.

Но къ этому строю ведетъ сознательная политическая дѣятельность, которая возможна лишь при конституціонной формѣ правленія. И до тѣхъ поръ, пока въ Россіи не будетъ политической свободы, вы, какъ и весь русскій пролетаріатъ, будете рабами не только капиталистическаго строя, но и самодержавнаго правительства. Ниспроверженіе самодержавія — вотъ первая,

Получая 20-25 руб. въ мѣсяцъ. а иногда и того менѣе, Вы, особенно семейные изъ васъ, должны влачить полуголодное существованіе. То самое правительство, которое сотни милліоновъ рублей бросаетъ каждый годъ на армію, флотъ, полицію, явную и тайную, тратитъ на народное просвѣщеніе жалкія и ничтожныя до смѣшного крохи. Обирая населеніе при помощи тяжелыхъ налоговъ, стѣсняя земскую и крестьянскую самодѣятельность и устанавливая трехъ-процентную норму для земскаго обложенія, оно тѣмъ самымъ подрываетъ ваше матеріальное благополучіе. Когда же Вы хотите помочь своей нуждѣ организаціей общества взаимопомощи, оно уже заранѣе подозрительно смотритъ на ваше намѣреніе и дѣятельность вашихъ обществъ подвергается полицейскимъ стѣсненіямъ. Оно запрещаетъ столь необходимое для успѣха дѣла объединеніе обществъ взаимопомощи, запрещаетъ съѣзды ихъ представителей и вообще учительскіе съѣзды.

Вы, земскіе учителя, только по имени являетесь земскими, ибо въ дѣйствительности правительственные чиновники владѣютъ правомъ казнить и миловать васъ. Вы окружены плотнымъ кольцомъ всевозможныхъ инспекторовъ и директоровъ, которые играютъ по отношенію къ вамъ роль явныхъ шпіоновъ. Они слѣдятъ за направленіемъ вашей педагогической дѣятельности, а кстати и за вашей личной жизнью, за вашими личными убѣжденіями, симпатіями и антипатіями. Вы въ буквальномъ смыслѣ слова принуждены плясать по ихъ дудкѣ, ибо съ перемѣной начальства вы обязаны мѣнять ваши педагогическіе пріемы. Вамъ запрещаютъ собираться другъ у друга (недавній случай въ Твер. губ.), слѣдятъ за чтеніемъ вами книгъ, за вашей перепиской. Но правительство не только смотритъ на васъ, какъ на несовершеннолѣтнихъ гражданъ, а на себя, какъ на вашего опекуна; при помощи своей опеки оно хочетъ сдѣлать васъ орудіемъ своей противонародной, эксплоататорской политики. Стоя у источника знанія, вы, по его плану, должны играть позорную и преступную роль развратителей народнаго сознанія: оно требуетъ отъ васъ, чтобы вы давали народу то, что нужно ему, правительству, а не то, что нужно самому народу; оно требуетъ отъ васъ, чтобы вы скрывали отъ народа истинные источники знанія и просвѣщенія и воспитывали его въ духѣ покорности и тупого послушанія самодержавной коронѣ. Однако для этой цѣли однихъ явныхъ шпіоновъ оказывается недостаточно. И вотъ за вами имѣютъ еще неусыпный надзоръ чиновники „другихъ вѣдомствъ“: урядники, становые, земскіе начальники, попы-доносители и прочіе добровольцы. Васъ, учителей и учительницъ, весь этотъ сбродъ ставитъ ни во что и считаетъ долгомъ подвергать васъ всяческимъ униженіямъ и оскорбленіямъ. Иногда сторожъ вашей школы играетъ большую роль, чѣмъ вы сами. Созданная для васъ правительствомъ обстановка сказывается и на отношеніи къ вамъ частныхъ лицъ — разныхъ деревенскихъ богатѣевъ и сосѣднихъ дикихъ помѣщиковъ. Ваше положеніе поистинѣ является безпразднымъ и тяжелымъ.

Какъ народнымъ учителямъ, вамъ дорого дѣло народнаго просвѣщенія. Между тѣмъ, это дѣло ежедневно и ежечасно распинаетъ и казнитъ русское правительство. Спеціальныя цензуры для народныхъ и школьныхъ библіотекъ и читаленъ, а также для вашихъ учительскихъ, нелѣпый надзоръ за народными чтеніями, требованіе разрѣшеній по начальству во всякомъ пустякѣ и мелочи, наконецъ предпочтеніе, оказываемое правительствомъ церковной школѣ, — все это создано и существуетъ за тѣмъ именно, чтобы истинное знаніе не могло какъ-нибудь проникнуть въ народную среду черезъ ваше посредство. И нѣтъ сомнѣнія, что удайся только правительству уничтожить земство, оно уничтожитъ и васъ вмѣстѣ съ нимъ.

Итакъ выводъ изъ сказаннаго ясенъ: и духовныя и матеріальныя условія вашей жизни могутъ измѣниться къ лучшему тогда и только тогда, когда падетъ довлѣющее себѣ самодержавіе русскаго правительства. Съ его паденіемъ падутъ съ народа и тѣ путы, которыя истощаютъ его матеріально и препятствуютъ ему насытить свой духовный голодъ. Да, рабочіе и крестьянскіе слои русскаго общества уже давно просятъ духовной пищи и, освобожденные отъ правительственной опеки, они съумѣютъ обставить ваше существованіе благопріятно и съ матеріальной и съ нравственной стороны. Нравственное и матеріальное благополучіе низшихъ слоевъ русскаго народа есть въ то же время и ваше благополучіе.

Но мы призываемъ васъ на борьбу съ правительствомъ не только ради вашихъ собственныхъ интересовъ. Поступать такъ — значило бы слишкомъ низко оцѣнивать васъ. Мы зовемъ васъ подъ красныя соціаль-демократическія знамена во имя интересовъ всего русскаго пролетаріата, промышленнаго и сельскаго, во имя всего угнетеннаго русскаго народа. Жадная свора царствующихъ, правительствующихъ, карающихъ и пресѣкающихъ усердно работаетъ на благо свое и благо крупныхъ собственниковъ. Рабочіе и крестьяне въ потѣ лица трудятся на капиталистовъ, дворянъ и правительство; съ нихъ же это послѣднее собираетъ обильныя денежныя суммы въ видѣ всевозможныхъ налоговъ и, ничего не возвращая имъ обратно, тратитъ все на себя и буржуазію. Для крестьянъ же и рабочихъ оно держитъ многочисленные тюрьмы и суды, которые осуждаютъ людей низкаго званія и оправдываютъ людей „сверху“ (высочайшія помилованія проворовавшихся чиновниковъ и офицеровъ; Мамонтовъ и проч.). Такова современная система, несомнѣнно стройная и цѣльная, разсчитанная на самую удобную и беззастѣнчивую эксплуатацію трудящихся классовъ общества.

Но всему бываетъ конецъ. Приходитъ конецъ и этой стройной системѣ, ибо она сама пожираетъ себя. Ограбленное крестьянское населеніе обнищало въ настоящее время въ такой степени, что голодъ сталъ обычнымъ фактомъ деревенской жизни. Этотъ голодъ — повторяемъ — вызванъ не климатическими, но соціальными условіями, и даже длинный рядъ хорошихъ урожаевъ не могъ бы возстановить надорванныхъ силъ деревни. Но голодъ деревни ведетъ къ кризису въ обрабатывающей промышленности, ибо крестьянину не на что покупать товаровъ. Промышленный же кризисъ ведетъ и къ голоду фабрично-заводскихъ рабочихъ. Съ другой стороны, привыкшіе къ запретительнымъ пошлинамъ, русскіе фабриканты совершенно не въ состояніи бороться съ промышленнымъ застоемъ. И вотъ правительство старается помочь имъ, торопливо захватывая восточные рынки. Но эти захваты съ оружіемъ въ рукахъ ведутъ къ огромнымъ расходамъ, а между тѣмъ обнищавшее населеніе отказывается уже платить подати, и недоимки все растутъ. Такъ правительство быстрыми шагами приближается къ краху. Современное положеніе дѣлъ въ Россіи въ сильной степени напоминаетъ предреволюціонное время въ западной Европѣ.

Неспособное ничему помочь и никого удовлетворить, русское правительство начинаетъ вызывать уже недовольство самой промышленной буржуазіи. Съ недовольствомъ помѣщиковъ ему приходится считаться давно, ибо уже давно госпожей положенія считается буржуазія. Въ настоящее время земская оппозиція несомнѣнно растетъ (выступленіе дворянскихъ собраній въ защиту земствъ, земскій районный съѣздъ). О недовольствѣ интеллигенціи (студенческіе безпорядки), о борьбѣ рабочихъ распространяться не приходится. Только деревня — казалось — остается спокойною. Но событія, имѣвшія мѣсто въ Полтавской и Харьковской губ. прошлой весной, показали, что среди крестьянъ существуетъ глухое недовольство, и что оно уже прорывается наружу.

Вовлеченіе же деревни въ революціонную борьбу имѣетъ огромное значеніе для успѣха всего революціоннаго дѣла. Оно должно разбить силы правительства и потому въ конецъ обезсилить его. Въ Полтавской и Харьковской губ. волновались всего лишь два уѣзда, и однако для усмиренія ихъ пришлось послать почти всѣ войска изъ Харькова и Полтавы. Отсюда видно, какую огромную роль должно сыграть возстаніе крестьянъ въ моментъ рѣшительной битвы съ правительствомъ. Благодаря этому возстанію, городу нетрудно будетъ захватить правительственную власть въ свои руки.

борьбѣ, то возникаетъ вопросъ, въ какую форму должна вылиться эта борьба и выработалась-ли уже эта форма. Полтавскіе и харьковскіе крестьяне забирали себѣ помѣщичій хлѣбъ и помѣщичью землю присоединяли къ своей. Иначе — ихъ борьба носила экономическій характеръ, а не была направлена противъ правительства. Мы склонны поставить ее рядомъ съ стихійнымъ движеніемъ фабричныхъ рабочихъ, съ такъ называемыми фабричными погромами. Но какъ рабочее движеніе очень быстро достигло высшей формы — стачечной борьбы, точно также и крестьянское движеніе, поскольку имѣть въ виду экономическую борьбу, можно и должно направить въ эту сторону: въ сторону стачекъ за повышеніе заработной платы, за пониженіе арендныхъ цѣнъ и пр. Но гораздо важнѣе для крестьянскаго движенія выработать форму политической борьбы. Рабочее движеніе уже выработало ее: это демонстраціи и въ концѣ вооруженное возстаніе. Для крестьянскаго движенія также не трудно указать соотвѣтствующую форму: это отказъ всей деревней, волостью, или болѣе крупной единицей отъ уплаты государственныхъ податей. Такой отказъ будетъ самымъ непосредственнымъ и самымъ ощутительнымъ образомъ бить по правительству. Онъ окончательно подорветъ его силы, поставитъ его въ безвыходное положеніе, заставитъ его растеряться, ибо, повторяемъ, государственная касса находится и безъ того въ печальномъ состояніи. Если же правительство вздумало бы поправить свои дѣла обложеніемъ промышленной буржуазіи, оно тотчасъ вызоветъ взрывъ недовольства среди нея, какъ вызвало въ Москвѣ ея недовольство заигрываніе съ рабочими.

Господа! Вы вынуждены жить въ деревнѣ, и потому Нижегородскій Комитетъ считаетъ своимъ долгомъ обратиться къ вамъ. Вы можете быть истинными просвѣтителями, истинными учителями народа. Ежедневно соприкасаясь съ нимъ, вы можете сѣять въ его средѣ мысль о политической борьбѣ и о формахъ ея. Вы можете распространять въ деревнѣ нелегальную литературу, столь необходимую для выработки единства дѣйствій и сознанія въ крестьянской массѣ. Черезъ ваше посредство можетъ создаться живая связь между отдѣльными районами губерніи. Вы можете руководить крестьянами въ ихъ повседневныхъ столкновеніяхъ съ мѣстной администраціей и мѣстными кулаками и помѣщиками. Вы можете, наконецъ, собирать богатый матеріалъ экономическаго и юридическаго характера для агитаціи на почвѣ мѣстныхъ интересовъ — опыты такой агитаціи уже были сдѣланы Нижегородскимъ Комитетомъ. Вынужденный до настоящаго времени въ силу недостатка силъ и средствъ сосредоточиваться на агитаціи среди городского пролетаріата, Комитетъ приложитъ теперь всѣ старанія къ тому, чтобы развить широкую агитацію также въ деревнѣ. И, приступая къ ней, мы еще разъ обращаемся съ призывомъ къ вашему содѣйствію и къ вашей помощи. Мы убѣждены, что при желаніи всегда будутъ найдены пути для обращенія къ нашему Комитету.

Кончая свое обращеніе къ вамъ, мы повторяемъ еще разъ: во имя собственнаго блага и блага того народа, дѣлу просвѣщенія котораго вы хотѣли бы служить, становитесь подъ знамена международной соціаль-демократіи, ибо, повторяемъ, — вы пролетаріи. Предоставьте либераламъ всѣхъ оттѣнковъ отъ умѣренныхъ до крайнихъ, накладывать заплаты на рубище современнаго общественнаго строя, предоставьте имъ филантропію и скромную культурническую дѣятельность. Вашъ же долгъ не просто бороться съ правительствомъ, но бороться въ рядахъ соціаль-демократіи, и мы выражаемъ глубокую увѣренность въ томъ, что мы найдемъ въ васъ нашихъ друзей, единомышленниковъ и помощниковъ.

Іюнь 1902 года. Нижегородскій Комитетъ
Росс. Соц.-Демократ. Раб. Партіи.

Ив.-Вознесенскъ. Весной привлекалось по дѣлу мѣстнаго Комитета Р. С.-Д. Р. П. 57 чел., въ томъ числѣ нелег. Ник. Ник. Панинъ. Найдена литература; на допросахъ нѣкоторые рабочіе „болтали“, особенно некрасиво вели себя рабочіе изъ Питера, Оед. Семенухинъ и Ив. Коротковъ, привлекавшіеся въ 1901 году въ Ярославлѣ, — они, мало того, что разсказали все, что имъ было извѣстно о дѣлѣ, но уговаривали, ссылаясь на свой прошлый опытъ, еще и другихъ давать показанія, — тогда, дескать, скорѣе выпустятъ, и нѣкоторыхъ имъ удалось убѣдить. Предлагаемъ товарищамъ прервать съ Семенухинымъ и Коротковымъ всякія сношенія, тѣмъ болѣе, что противъ Семенухина имѣется еще болѣе тяжелое обвиненіе, но опубликовать его не считаемъ возможнымъ до полученія нѣкоторыхъ справокъ и подтвержденій. Въ связи съ ив.-вознесенскими арестами находится и арестъ Доливо-Добровольскаго въ Оренбургѣ, сосланнаго туда въ 1901 г. по ярославскому дѣлу; въ маѣ Д.-Добровольскій и Панинъ, первый изъ Владиміра, второй изъ Покрова (Владим. губ.) перевезены въ Москву и присоединены къ дѣлу Сѣв. Раб. Союза. Во Владимірѣ по этому же дѣлу 24 апр. арестованы: статистики Панкратовъ, Дубровскій, Багаевъ, земскіе служащіе Александровъ, Перегаръ, Аеиногеновъ — фельдш., Черный — агрон. Былъ обыскъ у члена земской управы Смирнова(?). Всѣ семеро арестованныхъ черезъ недѣлю перевезены въ Москву; изъ нихъ четверо послѣднихъ сравнительно скоро освобождены. Дубровскій вслѣдъ за обыскомъ на допросѣ заявилъ, что нелегальную литературу („Искру“, большое количество экз.) получилъ отъ Багаева; объ этомъ своемъ показаніи онъ сейчасъ же сообщилъ и Багаеву, объясняя его желаніемъ выгородить третье лицо Какая наивность!

Пора бы не только революціонерамъ, но и широкимъ слоямъ оппозиціонной публики, часто теперь попадающей въ тюрьмы, усвоить себѣ ту азбучную истину, что при современномъ застѣночномъ веденіи слѣдствія по политическимъ дѣламъ, давать какія-либо показанія значитъ играть на руку жандармамъ; въ лучшемъ случаѣ, если никого прямо не подведешь, все же даешь лишній матеріалъ для подтасовокъ гг. слѣдователямъ-сыщикамъ. Полный отказъ отъ показаній долженъ стать основнымъ правиломъ для каждаго политическаго арестанта. Этотъ принципъ входитъ уже въ нашу практику, чѣмъ дальше, тѣмъ полнѣе. Изъ лицъ, привлеченныхъ, по дѣлу Сѣв. Раб. Союза очень многіе принципіально отказались дать какія бы то ни было показанія, (нѣкоторые отказались даже ѣздить на допросы), что поставило жандармерію въ затруднительное положеніе. Всего арестовано было по этому дѣлу въ разныхъ городахъ чел. 60, всѣ они были свезены въ Москву. Дѣло создано провокаторомъ, у большинства арестованныхъ ничего не найдено. Слѣдователь, жандармскій ротмистръ Герарди, и тов. прокурора Поляковъ, оба порядочные мерзавцы, пустили въ ходъ Судейкинскій маневръ деморализаціи арестованныхъ. Съ чисто жандармскимъ безстыдствомъ они упорно каждому допрашиваемому въ той или иной формѣ предлагали выдачу товарищей, увѣряя, что остальные даютъ показанія: „намъ все уже извѣстно, о вашихъ же показаніяхъ никто не узнаетъ“. Этими честными представителями русскаго правительства были пущены въ ходъ и угрозы (многолѣтнимъ содержаніемъ въ одиночкѣ), и заманчивыя обѣщанія немедленной свободы съ предоставленіемъ возможности жить гдѣ угодно, даже въ Москвѣ. Предлагали и деньги... Коса нашла на камень. Возмущенные наглой гнусностью Герарди, сѣверяне въ серединѣ іюля объявили голодовку; первымъ пунктомъ ихъ требованій являлось огражденіе политическихъ отъ подобнаго обращенія при допросахъ, затѣмъ требовалось ускореніе слѣдствія (почти три мѣсяца держали безъ допросовъ) и смягченія драконовскихъ порядковъ Таганки — лучшаго обращенія со стороны тюремной администраціи (преслѣдованія за разговоры приводили ежедневно къ рѣзкимъ стычкамъ). Черезъ пять дней явился тов. прокурора и обѣщалъ исполнить всѣ требованія: слѣдствіе кончится черезъ шесть мѣсяцевъ, Герарди „исправится“, за разговоры не будутъ преслѣдовать. Дѣйствительно, обращеніе въ жандармскомъ управленіи измѣнилось къ лучшему, тюремная „прижимка обмякла“, Герарди былъ переведенъ вовсе изъ Москвы, а веденіе слѣдствія передано полковнику Бобчинскому, знакомому, вѣроятно, нашимъ кіевскимъ товарищамъ. Скоропалительный переводъ Герарди жандармскомъ управленіи, рядомъ жалобъ прокурору Моск. Суд. Палаты на Герарди, гдѣ перечислялись всѣ пріемы его воздѣйствій на обвиняемыхъ для полученія показаній, подтверждающихъ всѣ провокаторскія басни. Стойкій, послѣдовательный отказъ отъ показаній привелъ къ тому, что слѣдователь признавался многимъ, что у нихъ уликъ нѣтъ, и буквально просилъ давать какія-нибудь показанія: „ну, что для Васъ выгодно, а на другіе вопросы не отвѣчайте“; но и на эту удочку онъ не поймалъ сѣверянъ; если бы всѣ привлекавшіеся, въ общемъ державшіе себя на допросахъ хорошо, совершенно отказались отъ показаній это обезкуражило бы жандармовъ и вырвало бы изъ-подъ нихъ и ту колеблющуюся почву, на которой они стояли.

Товарищи! Всегда и всѣ безъ исключенія отказывайтесь отъ показаній. Пусть, кромѣ шпіонскихъ свидѣтельствъ, у нихъ не будетъ ни слова. Такой тактикой мы заставимъ ихъ перейти къ судебному разбирательству политическихъ процессовъ.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦ. БОРЬБЫ.

Въ московскихъ тюрьмахъ сидятъ изъ арестованныхъ по дѣлу Сѣвернаго Союза: учит. Ольга Варенцова, статистики Алек. Локтинъ, Ольга Дидрикиль, Новицкая, оконч. курсъ Лѣс. Инст. Евгеній Дюбюкъ, рабочій Глазуновъ, студ. Лицея Кедровъ, нелегальный (взятъ съ подлож. пасп.) Зараковичъ — всѣ изъ Ярославля; затѣмъ: стат. Ал. Заваринъ, семинаристъ Вас. Заваринъ, рабочіе Дм. Катковъ, Ив. Александровъ и Морозовъ, служащая въ статистикѣ Софья Загайная и нелегальный Григорій Вейсманъ („Александръ Порфирычъ“) — всѣ изъ Костромы; статис. Вал. Рудковскій — изъ Воронежа; раб. Мих. Багаевъ и агрономъ Дубровскій — изъ Владиміра; нелегальный (рабочій) Ник. Панинъ — изъ Иванова-Вознесенска; раб. Яшинъ изъ Харькова; врачъ Федоръ Гурвичъ (нелег.), взятый въ Москвѣ на вокзалѣ и Тагановъ, арестованный на границѣ.

Въ ночь на 1 ноября надъ Саратовымъ разразилась жандармская гроза — сразу произведено около 100 обысковъ и арест. 34 чел. и, кромѣ нихъ въ уѣздѣ, Николаевскій Городокъ, 17 чел. Въ Саратовѣ арестованы: изъ земской статист.: Серебряковъ, старш. пом. зав., Россовъ, пом. зав., Норбековъ, статист-Обуховъ, стат., Рыковъ, вр. служ., б. студ., Сорокинъ, вр. служ., ветер. врачъ; изъ городск. упр.: Булановъ, столон. гор. управы, Оболдуевъ, гор. вет. вр.; изъ жел.-дор. упр.: Попова, Шиллеровъ, Васильевъ; ученицы фельдш. шк.: Сдобнова, Устюгова (бывшая Фейдина) съ ребенкомъ, Костылецкая. Затѣмъ арест.: Корниловъ пом. пр. пов. и б. зав. ред. „Сар. Дн.“, Старынкевичъ и его жена, Мартыновскій — быв. карійцы, вернувшіеся изъ Сиб. въ началѣ лѣта, Полянскій, б. гимн.. Мокруевъ, Огневъ, Мировичъ, Горѣлинъ, Морозовъ, Потаповъ, Гусевъ, Максимовъ, Каревъ, Ивановъ, Рейтлингъ, рабочіе. Арест. и освоб.: домовлад. Софинскій и акуш. ячен. Кирьякова. Въ Никол. Гор.: изъ Маріинск. земледѣльч. уч.: уехан. Григорьевъ, кузнецъ Шнейдеръ, служ. Столяровъ, и 10 уч. Кузнецовъ, Пискаревъ, Ткаченко и др.) и четыре крестьянина.

Тула. За послѣднее врема арестованъ раб. Кисловъ (сидитъ), раб. Синявинъ (выпущенъ), Дроновъ (воен. оруж. мастеръ, въ сумасшедшемъ домѣ). Кромѣ того сидитъ Иваницкая, съ 21 апр., всего человѣкъ 7-8. Харьковъ. 6 ноября въ Харьковѣ арестованъ Владиміръ Цедербаумъ, а нѣсколько дней раньше Доброхотовъ, съ товарищемъ, жившимъ съ нимъ на одной квартирѣ — фамилія неизвѣстна. — Самара. 15 и 16 окт. въ Самарѣ было 20 обысковъ. Арестованы желѣзнодорожный служащій Зиссеръ, два бывшихъ статистика Акромовскій и Евтимовичъ, какой-то гимназистъ и семинаристъ, земскій техникъ. Были обыски въ аптекѣ Волянскаго, кто-то взятъ, въ табачномъ магазинѣ Габай, у управскаго служащаго Иванова, желѣзнодорожнаго служащаго Барыбина и др. Обыски захватили и уѣздъ: оттуда жандармы привезли одну земск. учительн. Псковъ. Арестованъ стат. Лепешинскій, было много обысковъ. — С.-Петербургъ. Было много обысковъ. Арестованъ врачъ Краснуха, служившая у него фельдшерица, фельдш. Кожевникова и др. — Нижній-Новгородъ, 10 октября. Въ тюрьмѣ на дняхъ была голодовка. Голодали мужчины 6 дней изъ-за того, что посадили въ карцеръ одного сормовскаго рабочаго. Голодовка удалась вполнѣ. — Пермь. Во второй половинѣ августа всѣ политическіе, арестованные въ февралѣ, мартѣ и августѣ этого года, были выпущены. (Фамиліи ихъ: Ставровскій, Владимірскій, Ягодниковы, супр., Трапезниковъ, Рутманъ, Каменевъ, Еленевъ и Матвѣевъ; остальные были выпущены раньше). Всѣ поименованныя лица оставлены до приговора въ Перми. Дѣло ихъ передано въ Казанскую Судебную Палату. 12 сентября были произведены новые обыски. Обысканы служащіе Губернской Управы; Вошева (бывш. лесгафт.), Крысинъ (бывш. медикъ), Дубровинскій и Житкова (слуш. жен. мед. инст.), причемъ Житкова и Дубровинскій 2 раза; Крысинъ арестованъ. Ровно черезъ недѣлю, 19 сентября, былъ снова произведенъ обыскъ у Дубровинскаго. При обыскѣ опять ничего не найдено, но Дубровинскій арестованъ. Обыскъ произведенъ былъ въ отсутствіе послѣдняго и домой онъ пущенъ не былъ, а прямо изъ Управы увезенъ сначала въ Жандармское управленіе, а потомъ въ тюрьму. 3 ноября былъ произведенъ обыскъ у учителя Очерскаго завода (Оханск. у.) Высотина и у волостного писаря изъ того же завода Пашихина. При обыскѣ, говорятъ, ничего не нашли, но Высотинъ арестованъ и привезенъ въ Пермскую тюрьму. Псаломщикъ Рѣпасовъ, арестованъ въ Красноуфимскомъ уѣздѣ 20 іюля, теперь выпущенъ. Агрономъ Мальпевъ, арест. въ томъ же уѣздѣ 17 авг., сидитъ. Изъ арестьянъ тоже никто не выпущенъ. Недавно въ Красноуф. уѣздѣ были произведены 2 обыска.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Другу. № 1 не знаемъ, дѣло поручено Моск. Комитету.

М. У. Р. изъ Сибири. Зашифрованное письмо и шифръ получили, но до сихъ поръ не могли прочесть, такъ какъ никакъ не можемъ достать указанной книги. Кромѣ перваго, получены еще два письма. Спасибо за присланное.

Эдуарду Шмидту. Планъ и статья не получены, наше письмо, посланное по новому адресу, вѣроятно, пропало. Повторите еще разъ адресъ.

Иркутская г. В-л-к-н. Воспользуемся. Благодаримъ. Пишите.

1900. Сообщите адресъ для писемъ Вамъ, нельзя отвѣтить въ двухъ словахъ.

Флоръ изъ О. Корреспонденція получена. Не помѣщаемъ ее потому, что въ ней разсказъ останавливается на концѣ октября, а въ другихъ подпольныхъ изданіяхъ есть уже извѣстія о дальнѣйшихъ событіяхъ. Но когда Вы пришлете обѣщанное „полное изложеніе“, мы имъ воспользуемся для тѣхъ „комментарій“, о желательности котор. говорили Вамъ участники исторіи.

Комитетъ Сѣв. Союза горячо благодаритъ товарищей, оказавшихъ ему въ тяжелыя минуты существенную матеріальную помощь въ размѣрѣ 1000 руб. Также доводитъ до ихъ свѣдѣнія, что, согласно ихъ желанію, другая тысяча передана въ редакцію „Искры“. Извиняемся за позднее увѣдомленіе.

Получено: Отъ С. Д. Г. В. 10 р., Ж. Ж. Ж. 150 р., отъ Скидки 20 р., отъ одного изъ сиб. ком. 30 р., отъ брянскаго ком. на организац. дѣла „Искры“ 250 р., чер. Сѣв. Союзъ отъ Гр. В. 1000 р., отъ Гр. В. 25 р., отъ Е. А. 100 фр., изъ Лѣжа 117.55 ф., изъ Брюсселя 10 ф., изъ Женевы: за лит. 56,85 ф. и чер. Щура изъ Вильно 25 р.; изъ Нью-Іорка: отъ мѣстной гр. 25 дол., въ пользу бѣжавшихъ изъ кіевской тюрьмы 10 дол.; изъ Берна 200 ф., за лит. въ Лондонѣ 23 шил., изъ Цюриха: съ реф. въ К. 13,90 мар., изъ Л. съ веч. у К. С. для Красн. Кр. 30 ф. Отъ московскаго представителя старый долгъ 100 руб., за чтеніе „Искры“ 25 руб., отъ студентовъ 18 руб. СПБ.: черезъ Георгину 58 руб., черезъ Тону 12 руб., черезъ Жана 10 руб., черезъ Пѣвуна 7 руб., отъ Саши 15 руб.

Со всѣми требованіями на нашу литературу просимъ обращаться изъ заграницы по адресу: Herrn Axelrod. Zurich, Vogelsangstrasse 9.

Отдѣльный оттискъ изъ № 29 „Искры“.

НИЖЕГОРОДСКІЕ РАБОЧІЕ НА СУДѢ.

Перепечатываемъ рѣчи нижегородскихъ рабочихъ съ литографированнаго листка, изданнаго Нижегородскимъ Комитетомъ Россійской Соц.-Демократической Рабочей Партіи. Прибавлять что-либо къ этимъ рѣчамъ, значитъ лишь ослаблять впечатлѣніе, производимое этимъ безхитростнымъ разсказомъ о бѣдствіяхъ рабочихъ и о ростѣ среди нихъ возмущенія и готовности къ борьбѣ. Нашъ долгъ теперь — приложить всѣ усилія, чтобы эти рѣчи были прочтены десятками тысячъ русскихъ рабочихъ. Примѣръ Заломова, Быкова, Самылина, Михайлова и ихъ товарищей, геройски поддержавшихъ на судѣ боевой кличъ: „Долой самодержавіе!“, воодушевитъ весь рабочій классъ Россіи для такой же геройской, рѣшительной борьбы за свободу всего народа, за свободу неуклоннаго рабочаго движенія къ свѣтлому соціалистическому будущему.

25 ноября 1902 года.

РЕДАКЦІЯ „ИСКРЫ“.

Рѣчи обвиняемыхъ за участіе въ демонстраціяхъ 1 и 5 мая, произнесенныя передъ судомъ Московской Судебной Палаты 28-31 октября 1902 года.

Рѣчь сормовскаго рабочаго Заломова.

Я сознательно примкнулъ къ демонстрантамъ, но виновнымъ себя не признаю, потому что считалъ себя вправѣ участвовать въ демонстраціи, посредствомъ которой былъ выраженъ протестъ противъ тѣхъ законовъ, которые, защищая интересы привилегированнаго класса богачей, не даютъ рабочимъ возможности улучшать условія своей жизни. А условія эти настолько ненормальны, что рабочіе принуждены во что бы то ни стало бороться съ препятствіями, стоящими на ихъ пути, хотя бы эта борьба и была сопряжена съ потерей свободы и даже жизни. Я съ ранняго дѣтства чувствовалъ непосильную тяжесть, взваленную на трудящійся классъ. Благодаря преждевременной смерти отца, потратившаго всѣ свои силы на непосильную работу, нашему семейству пришлось вести полуголодное существованіе. Впослѣдствіи я самъ сталъ рабочимъ, самъ сталъ затрачивать свои силы и здоровье, содѣйствуя этимъ накопленію богатствъ въ рукахъ немногихъ людей. Я видѣлъ, что и членамъ моего семейства, если бы я пожелалъ имѣть таковое, грозитъ та же участь, что и мнѣ. Отсутствіе всякаго свѣта и пониманія дѣйствительности, осуждающее рабочихъ на вѣчное рабство, невозможность для рабочихъ не только жить, но и мечтать о культурной жизни. — весь этотъ заколдованный кругъ, изъ котораго я не видѣлъ выхода, приводила меня въ отчаяніе. Безсмысленность подобной жизни заставляла меня страстно мечтать о самоубійствѣ, какъ объ единственно возможномъ выходѣ изъ невозможнаго положенія. Но знакомство съ исторіей другихъ народовъ, трудящіеся классы которыхъ, благодаря неустанной борьбѣ, выбились изъ положенія, одинакового съ нашимъ, привело меня къ мысли, что такая борьба возможна и у насъ. Возможность хотя бы въ отдаленномъ будущемъ поднять экономическій и нравственный уровень трудящейся темной массы, дала мнѣ богатый запасъ жизненныхъ силъ. Я видѣлъ, что тяжела будетъ борьба для рабочихъ, трудно бороться съ безпросвѣтнымъ мракомъ невѣжества, въ которомъ насильственно держатъ рабочихъ и крестьянъ, что много, много будетъ жертвъ съ нашей стороны. Но какой человѣкъ, у котораго не вставленъ въ грудь камень вмѣсто сердца, котораго не удовлетворяетъ чисто животная жизнь, за дѣло своего народа не отдастъ свободы, жизни и личнаго счастья. Изъ личнаго опыта, вынесеннаго за 10 лѣтъ жизни по заводамъ, я пришелъ къ заключенію, что рабочій единичными усиліями не въ состояніи добиться нормальныхъ условій жизни, эксплуатація принуждаетъ его довольствоваться положеніемъ вьючнаго животнаго. Многіе думаютъ, что, благодаря задѣльнымъ работамъ, рабочіе имѣютъ возможность при стараніи заработать больше. Дѣйствительно, рабочій можетъ усиленно работать, но это ведетъ лишь къ преждевременному истощенію силъ, потому что невозможно до безконечности усиливать напряженность труда, а удержать на извѣстной высотѣ заработокъ возможно только при этомъ условіи, такъ какъ большій заработокъ, вызванный усиленнымъ трудомъ, ведетъ къ сбавкѣ расцѣнковъ, сбавлять же расцѣнки никогда не устанутъ. Дѣло сводится къ тому, что рабочіе, благодаря задѣльной платѣ и сбавкамъ расцѣнковъ, лишаются послѣдняго отдыха, будучи принуждены работать по ночамъ и по праздникамъ, сверхъ обычной денной работы, не имѣя въ то же время возможности при самомъ непосильномъ трудѣ заработать средства, необходимыя хотя бы для сносной жизни. Точно также не можетъ рабочій единичными усиліями поднять уровень расцѣнковъ и заработка до высоты, необходимой для удовлетворенія настоятельныхъ потребностей. А потребности эти все увеличиваются, такъ какъ просвѣщеніе, хотя и медленно, но все же проникаетъ въ народныя массы. Рабочіе всѣми силами стараются дать своимъ дѣтямъ образованіе. Народныя библіотеки могутъ доказать, насколько сильна жажда знаній среди рабочихъ. Во многихъ библіотекахъ, не смотря на то, что большинство полезныхъ книгъ запрещено, число подписчиковъ превышаетъ число книгъ. Рабочихъ не удовлетворяютъ грязныя, засаленныя тряпки, замѣняющія имъ одежду. На сколько сильно у рабочихъ желаніе прилично одѣваться, видно изъ того, что многіе отказываютъ себѣ даже въ пищѣ ради приличнаго платья. Разумѣется, не ради своего удовольствія рабочіе ютятся и въ коморкахъ, не удовлетворяющимъ самымъ примитивнымъ требованіямъ гигіены. Понимаютъ также рабочіе, что питательная пища и болѣе продолжительный отдыхъ лучше возстановляютъ затраченныя на тяжелый трудъ силы. Вообще рабочіе нуждаются въ культурныхъ условіяхъ жизни, и не видѣть этого могутъ только люди, нарочно закрывающіе глаза. Несоотвѣтствіе условій, въ которыхъ приходится жить рабочимъ, съ запросами, предъявляемыми къ жизни, заставляетъ ихъ сильно страдать и искать выхода изъ ненормальнаго положенія, въ которомъ они находятся, благодаря несовершенству существующаго порядка. На гуманность предпринимателей разсчитывать нельзя, такъ какъ они, признавая сами себя людьми, на рабочаго смотрятъ не какъ на человѣка, а какъ на орудіе, необходимое для личнаго обогащенія, и чѣмъ короче срокъ, въ который можно выжать всѣ соки изъ рабочаго, тѣмъ для нихъ выгоднѣе. Для болѣе успѣшной эксплуатаціи труда рабочихъ предприниматели соединяются въ акціонерныя общества. Для того, чтобы удержать на желательной высотѣ цѣны на продукты, производимые трудомъ рабочихъ, но принадлежащіе предпринимателямъ, образуются союзы и синдикаты. Напр., союзы сахарозаводчиковъ и нефтепромышленниковъ. Для этой же цѣли предприниматели добиваются и запретительныхъ пошлинъ на ввозимые въ Россію болѣе доброкачественные и дешевые иностранные товары. Отдѣльный рабочій, защищаясь отъ эксплуатаціи, не можетъ оказать предпринимателямъ большаго сопротивленія, чѣмъ кусокъ свинца давленію гидравлическаго пресса. Отдѣльный рабочій не можетъ не соглашаться на условія труда, предлагаемыя предпринимателемъ, такъ какъ безъ работы онъ существовать не можетъ. И даже соединенными силами, при отсутствіи благопріятныхъ условій, рабочіе не могутъ противостоять предпринимателю, которому отъ временной пріостановки производства не грозитъ голодъ, какъ рабочимъ. Рабочіе не могутъ добиться участія въ прибыляхъ, получаемыхъ отъ ихъ труда, не соединившись всѣ вмѣстѣ въ одинъ братскій союзъ. Но и этого единственнаго выхода они лишены, такъ какъ законъ, разрѣшая предпринимателямъ эксплуатировать рабочихъ, запрещаетъ послѣднимъ защищаться отъ эксплуатаціи, преслѣдуя союзы и стачки. Чтобы добиться болѣе культурныхъ условій жизни, рабочимъ необходимо имѣть право устраивать стачки противъ предпринимателей, имѣть право организовать союзы, имѣть право свободно печатать и говорить на сходкахъ о своихъ нуждахъ и, наконецъ, черезъ своихъ выборныхъ принимать участіе въ законодательствѣ, такъ какъ всякая побѣда рабочихъ надъ предпринимателями можетъ быть прочной лишь послѣ ея узаконенія. Въ силу всѣхъ изложенныхъ причинъ, считая рабочихъ вправѣ добиваться за свой трудъ лучшихъ условій жизни, я сознательно примкнулъ къ демонстрантамъ. Узнавъ о предполагаемой демонстраціи, я рѣшилъ принять въ ней участіе и сдѣлалъ знамена съ надписями „Да здравствуетъ соціаль-демократія!“ на одномъ, „Да здравствуетъ восьмичасовой рабочій день!“ на другомъ и „Долой самодержавіе! Да здравствуетъ политическая свобода!“ на третьемъ. Знамена, съ которыми я пошелъ на демонстрацію, оказались очень кстати, такъ какъ у демонстрантовъ таковыхъ не имѣлось, и они выражали свой протестъ лишь криками: „Долой самодержавіе!“, „Да здравствуетъ политическая свобода!“ и пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ. Я зналъ, что за участіе въ демонстраціи грозитъ каторга. Наказаніе страшное, въ моихъ глазахъ хуже смерти, такъ какъ человѣческая личность тамъ совершенно уничтожается и безчеловѣчно унижается на каждомъ шагу. Но надежда на то, что, жертвуя собой, причесешь хоть микроскопическую пользу своимъ братьямъ, даетъ полнѣйшее удовлетвореніе за всѣ страданія, которыя пришлось и придется перенести. Личное несчастіе, какъ капля въ морѣ, тонетъ въ великомъ горѣ народномъ, за желаніе помочь которому можно отдать всю душу. Мелкими протестами рабочихъ до сихъ поръ не удалось добиться чего-нибудь существеннаго, начальство и общество сквозь пальцы смотритъ на злоупотребленія и на явное нарушеніе законовъ со стороны предпринимателей. Слѣд., требуется что-нибудь изъ ряду вонъ выходящее, чтобы обратить вниманіе общества на ненормальное положеніе рабочихъ и на игнорированіе ихъ интересовъ правительствомъ. Рабочіе, создавая богатства и защищая своей грудью общество отъ внѣшнихъ враговъ, всѣ свои силы отдаютъ государству, но имъ не дано никакихъ правъ, такъ что всякій, обладающій капиталомъ и покладистой совѣстью, можетъ обратить человѣка, не имѣющаго возможности жить безъ работы, въ рабство. Я видѣлъ, что существующій порядокъ выгоденъ лишь для меньшинства, для господствующаго правящаго класса. Что пока самодержавіе не будетъ замѣнено политической свобо-

дой, дальнѣйшее культурное развитіе русскаго народа невозможно. Что рабочіе въ борьбѣ съ предпринимателями на каждомъ шагу наталкиваются на ихъ союзниковъ въ лицѣ самодержавныхъ порядковъ. Что самодержавіе является врагомъ русскаго народа. И вотъ почему я написалъ на своемъ знамени: Долой самодержавіе и да здравствуетъ политическая свобода!

Рѣчь сормовскаго раб. Алексѣя Быкова.

Я не признаю себя виновнымъ, но вышелъ на Большую дорогу, гдѣ была демонстрація, сознательно, присоединился и заявилъ свои требованія. Отецъ мой всю жизнь провелъ въ весьма бѣдномъ положеніи. Насъ было четыре сына, онъ насъ не могъ даже воспитать, а не только дать намъ какое-нибудь маленькое образованіе. Когда отецъ отдалъ меня работать, то я увидалъ со стороны заводской администраціи одни только притѣсненія. Не только завѣдующіе цѣховъ, а даже нижніе чины, которымъ я былъ отданъ рабомъ, всѣ меня били за каждую малость и давали самую грубую работу, которую я не въ состояніи былъ выполнить. Потребности, которыя касались моихъ душевныхъ силъ, я никогда не могъ удовлетворить. Я видѣлъ массу обирательствъ со стороны заводской администраціи, которыя касались нашего матеріальнаго положенія, существованія нашей жизни. Работалъ я на четырехъ заводахъ и ни на одномъ заводѣ нѣтъ честныхъ правилъ и честныхъ людей со стороны администраціи и вездѣ только сбавляютъ расцѣнки и стараются только оштрафовать, да лишній часъ заставить проработать — это нѣтъ слаще для хозяина. Я работалъ подъ управленіемъ Николая Леонидовича Мануилова. Мнѣ приходилось нѣсколько разъ просить повышенія расцѣнковъ и поденнаго жалованья, но онъ не обращалъ на всѣ наши просьбы никакого вниманія, отвѣчалъ всегда грознымъ голосомъ и говорилъ, что если будешь требовать и смущать людей, то я тебя отправлю въ полицію или разсчитаю. И я сталъ опять работать за такую же плату, какая была предложена, чтобы не остаться безъ куска хлѣба. Послѣ этого я проработалъ два мѣсяца. Этимъ не я одинъ былъ обиженъ, а всѣ и каждый. Собрались рабочіе и пошли къ конторѣ просить повышенія заработка. Завѣдующій обратился къ нимъ и сказалъ: если вы не будете за эту плату работать, я пойду скажу полиціи, что вы бунтуете, и васъ арестуютъ и посадятъ въ тюрьму. А рабочіе сказали, что мы не бунтуемся, а просимъ свое, которое добывается нашимъ потомъ и кровью. „Если вы не будете работать, то я приведу полицію“. Они побоялись и стали работать. „А того человѣка, какъ Быкова, я отправлю къ мѣстному приставу, откуда будетъ онъ отправленъ въ первый тюремный корпусъ“. Когда я обратился къ нему и сталъ просить, то онъ за это меня постановилъ на тяжелую работу и на маленькое жалованье Когда я проработалъ одинъ мѣсяцъ и нашелъ прокламацію, въ которой было извѣстно про первое мая, то я не могъ дождаться этого дня. Когда дождался этого дня, пошелъ на Большую дорогу, гдѣ увидѣлъ партію демонстрантовъ и три знамени, на которыхъ было написано: „Долой самодержавіе!“, „Да здравствуетъ политическая свобода!“ и „Восьмичасовой рабочій день!“, и присоединился къ этой группѣ сознательно и кричалъ: „Да здравствуетъ политическая свобода, да здравствуетъ восьмичасовой рабочій день!“

Рѣчь сормовскаго рабочаго Самылина.

Въ 1896 г. я работалъ на заводѣ Курбатова. Здѣсь изъ молодежи образовался кружокъ, имѣющій цѣлью самообразованіе, и носилъ чисто экономическій характеръ. Нашъ кружокъ кто-то выдалъ и меня посадили въ тюрьму. Пока я сидѣлъ въ тюрьмѣ, семья моя страшно бѣдствовала... дойдя до степени нищеты. Я былъ старшимъ въ семьѣ, оставшейся безъ отца, состоявшей изъ пяти человѣкъ, и всѣ средства къ существованію добывалъ только я. Мать принуждена была ходить на поденную работу. А что можетъ заработать женщина на поденной работѣ? Жалкій грошъ. И вотъ за то, что я участвовалъ въ экономическомъ кружкѣ, меня продержали 15 мѣс. въ тюрьмѣ и выслали изъ Нижняго въ мѣсто приписки на годъ, выбросивъ меня на улицу незнакомаго мѣста, гдѣ я, лишенный работы, ходилъ положительно голодный. Когда я сидѣлъ въ тюрьмѣ, у меня родилась мысль, что если за то, что человѣкъ хочетъ защитить себя отъ насилія фабрикантовъ и старается пополнить свое образованіе совмѣстнымъ чтеніемъ, его сажаютъ въ тюрьму, то ясно, что фабрикантамъ покровительствуетъ кто-то свыше, и, что интересы промышленнаго класса не чужды правительству... Когда я пріѣхалъ изъ ссылки сюда въ Нижній и поступилъ работать на Сормовскій заводъ, здѣсь полиція стала являться подъ различными предлогами ко мнѣ на квартиру и высматривала, нѣтъ-ли чего подозрительнаго на моей квартирѣ. И достаточно было появленія на заводѣ или на улицѣ Сормова прокламацій, какъ полиція являлась съ обыскомъ ко мнѣ на квартиру. И хотя не находила ничего преступнаго, но это не мѣшало ей придти во второй и третій разъ и, можетъ быть, продолжала бы ходить и еще, но меня заперли въ тюрьму. При обыскѣ у меня, находя научныя книги, спрашивали: „для чего вы имѣете у себя эти книги и тратите на нихъ деньги, не библіотека-ли у васъ какая?“.. А развѣ рабочій не долженъ пополнять своего скуднаго образованія чтеніемъ книгъ? Развѣ рабочему не нужно образованіе? Развѣ ему не нужно знать, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ?.. Работая на Сормовскомъ заводѣ, я видѣлъ, что крупныя промышленныя предпріятія эксплуатируютъ рабочаго еще больше, чѣмъ мелкія. Всякія притѣсненія со стороны администраціи, взяточничества со стороны мастеровъ доходятъ до наглости. Помню одинъ случай съ подаркомъ. Мастеръ той мастерской, въ которой работалъ и я, ввелъ въ правило, чтобы рабочіе подносили ему подарокъ въ день ангела. Деньги собирали старшіе рабочіе. Когда же одинъ рабочій воспротивился этому, то мастеръ, придравшись къ нему, разсчиталъ его съ завода, какъ бунтовщика, который подбиваетъ рабочихъ. Хотя эта исторія и дошла до фабричнаго инспектора, но все осталось по старому.

Когда я узналъ за нѣсколько дней до перваго мая, что въ Сормовѣ будетъ демонстрація, то вышелъ на Большую дорогу и сознательно примкнулъ къ демонстрантамъ, потому что считалъ себя въ правѣ протестовать противъ насилія надъ личностью. И, чтобы обратить вниманіе правительства на рабочихъ, нужно выходящее изъ ряда вонъ событіе — рѣзкое и энергичное.

Рѣчь столяра Михайлова.

Я пришелъ на демонстрацію сознательно, потому что хотѣлъ вмѣстѣ съ другими показать, что я недоволенъ нашими порядками и хочу ихъ измѣненія. Я, будучи еще 12-ти лѣтъ, былъ избитъ нагайками казаковъ. Въ то время я работалъ на винномъ заводѣ въ городѣ Бѣжецкѣ, и когда рабочіе стали просить съ хозяина прибавки жалованья, тотъ имъ отказалъ, а когда они прекратили работу, то хозяинъ обратился за полиціей къ правительству. Прислали сотни полторы дикихъ казаковъ, и прежде, чѣмъ приняться за дѣло, хозяинъ ихъ напоилъ водкой, и потомъ уже спустилъ на рабочихъ. На моихъ глазахъ одной дѣвицѣ вышибли глазъ, а другой перешибли руку. Дальше я не помню, что было, потому что меня ударили два раза и я упалъ въ обморокъ. Многихъ разсчитали, а я и другіе немногіе остались, ожидая улучшенія, но ничего не было и я тоже ушелъ. Я пришелъ въ Нижній, чтобы и здѣсь найти, чѣмъ кормиться, но долго шлялся безъ куска хлѣба и однажды утромъ взялъ у ночного сторожа жестяный чайникъ, который хотѣлъ продать и купить хлѣба, но сторожъ замѣтилъ, и меня забрали и отправили въ Колонію. Жить тамъ было плохо, съ воспитанниками обращались скверно, да и пища была плохая, мальчики изъ за этого дѣлали у себя въ погребахъ и амбарахъ кражи, чтобы быть сытыми, и другіе, какъ ястреба, бѣгали изъ колоніи въ деревню и ломали замки, а за то ихъ арестовывали и они сидѣли въ тюрьмѣ. Воспитаніе тоже въ колоніи было скверное. Работать заставляли много, а кормили плохо. Вотъ, чтобы избавиться отъ Колоніи и отдохнуть, воспитанники часто бѣгали изъ Колоніи, а другіе, чтобы попасть въ больницу, нарочно толкли стекло и имъ засыпали себѣ глаза, а другіе, какъ Мишуковъ, ошпаривали себѣ кипяткомъ ноги и руки. Часто за всякіе пустяки сажали въ карцеръ. Я сидѣлъ часто въ карцерѣ, всего 17 разъ, не меньше 7 дней и не больше 16. Одинъ мальчикъ изъ за плохого карцера хотѣлъ покончить съ собой черезъ поджогъ, но его удалось спасти. Передъ моимъ выходомъ былъ бунтъ изъ за того, что директоръ изъ экономіи не выдавалъ теплой одежды. Насъ хотѣли силой гнать на ужинъ и для этого прислали рабочихъ, которыхъ мы встрѣтили камнями и табуретками: тогда они ушли и больше не приходили. Мы такъ провели ночь и полъ дня; къ вечеру насъ стали осаждать по приказанію директора камнями. Многимъ моимъ товарищамъ проломили головы, и когда мы совсѣмъ изнемогли, насъ всѣхъ перевязали и отправили, кого въ карцеръ, кого въ овинъ и въ баню. Въ овинѣ привязали, стоя къ столбамъ, назадъ руки и такъ продержали цѣлыя сутки и не давали ѣсть. Меня же положили на скамейку, а руки и ноги завязали подъ скамейкой и тоже продержали сутки голоднымъ, а потомъ перевели въ сушилку и продержали тамъ 16 дней, и все время давали лишь кусокъ небольшой хлѣба и стаканъ воды. Когда я вышелъ изъ карцера, директоръ меня наказалъ — безъ горячей пищи на двѣ недѣли. Я не захотѣлъ этого исполнить и меня опять посадили въ карцеръ на четыре дня, но скоро совсѣмъ меня выпустили изъ колоніи и почти голаго оставили на улицѣ осенью въ Нижнемъ и даже не дали мѣста, тогда какъ другихъ ставили на мѣста и одѣвали при выходѣ, но съ меня еще и свои заработанныя деньги вычли за бунтъ. Я началъ работать, но и хозяинъ меня притѣснялъ и плохо платилъ жалованье и, кромѣ того, часто штрафовалъ. Однажды пришли изъ ремесленной управы чиновники и стали всѣмъ выдавать разсчетныя книжки. Книжка стоитъ 1 р 25 к. Я отказался ее взять, говоря, что когда я былъ маленькій и ходилъ безъ куска хлѣба и мерзъ, меня никто не видѣлъ, но когда теперь я могу работать, ко мнѣ тянутъ руки купецъ и чиновники въ лицѣ правительства и начинаютъ обирать, но на это не обратили вниманіе и вычли больше, чѣмъ слѣдуетъ, — 4 р. Я сталъ думать, неужели же я созданъ для того, чтобы содержать людей, а самому вѣчно биться изъ-за куска хлѣба... Я однажды нашелъ листокъ, и тамъ говорилось, что правительство собираетъ съ народа сотни милліоновъ съ табаку, спичекъ, керосина и вина, и эти деньги идутъ на армію и флотъ, никому ненужные, только для защиты своихъ мундировъ. Я часто находилъ листки и все болѣе сталъ убѣждаться въ произволѣ правительства. Потомъ и съ самимъ былъ случай: изъ деревни прислали бумагу, чтобы я заплатилъ подати, но я отказался, говоря, что отецъ мой не пахарь, а земля принадлежитъ пахарю, а я столяръ, и мнѣ нуженъ верстакъ. Но вотъ, когда я поступилъ къ другому хозяину, хотя и небогатому, но честному человѣку, по донесенію шпіоновъ разъ ночью ворвались жандармы и полиціи и, ничего не найдя, хозяина увели въ тюрьму, и я долженъ былъ содержать его семью, но жандармы мнѣ не велѣли, потому что такъ пришлось бы скорѣе разориться и идти шляться, но я этого не сдѣлалъ, и хозяина черезъ полтора мѣсяца выпустили. Наконецъ, я понадобился и въ солдаты, но и здѣсь я отошелъ кое-какъ отъ службы изъ-за маленькаго брата. Къ намъ часто въ мастерскую привозили мужички лѣсъ и жаловались, что у нихъ описываютъ послѣдніе самовары и даже у невѣстъ приданое. Конечно, испытавъ самъ много горя, я оставался недоволенъ насиліемъ правительства и ждалъ случая, чтобы высказать свой протестъ. И вотъ передъ первымъ мая 1902 г. я нашелъ листокъ, гдѣ звали желающихъ на демонстрацію, и я пошелъ, но въ этотъ день ничего не было, а было 5 мая, и я взялъ красное знамя и пошелъ на назначенное мѣсто, но ничего не было. Я прошелъ на откосъ, гдѣ увидѣлъ группу людей и сталъ пѣть пѣсни, потомъ, когда окружила полиція, выкинулъ красное знамя и крикнулъ: „Долой самодержавіе, да здравствуетъ политическая свобода и восьмичасовой рабочій день!“.

* * *

На вопросъ предсѣдателя палаты, кто ему далъ знамя, Михайловъ отвѣтилъ, что это его тайна, и онъ не желаетъ объяснять.

Типографія „Искры“.

Второй годъ изданія.

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 30 — 15-го декабря 1902 года. — № 30

Expedition der „Iskra“ für das Ausland
Axelrod
ZÜRICH IV

BIBLIOTHEQUE DELA GUERRE MUSEE

ОСЕННІЕ ИТОГИ.

Лѣто и осень самодержавіе посвятило судебнымъ расправамъ со своими политическими врагами. Шесть процессовъ противъ виновниковъ террористическихъ покушеній (Балмашовъ, Леккертъ, Чепегинъ, Качуръ, Ергинъ и Лузинъ), три процесса противъ участниковъ рабочихъ безпорядковъ (Батумъ, Сулинъ Донской обл. и дѣло о волненіяхъ на Залогинской фабрикѣ въ Твери), безконечное количество процессовъ противъ южныхъ крестьянъ и, наконецъ, — три судебныхъ дѣла о политическихъ демонстраціяхъ. Давно уже самодержавное „правосудіе“ не работало съ такой интенсивностью.

И давно уже это „правосудіе“ не оказывало такой услуги революціонному дѣлу развѣнчанія всѣхъ „святынь“ современнаго политическаго строя. Буржуазные идеологи посвоему правы, видя въ уваженіи къ судебнымъ учрежденіямъ страны залогъ устойчивости общественнаго порядка. Масса населенія готова многое простить своимъ правителямъ, если вѣритъ въ „безпристрастіе“ и законный образъ дѣйствій суда — хранителя закона. И, поистинѣ, безнадежно положеніе той политической системы, которая для своего поддержанія вынуждена неустанно развѣнчивать свое собственное „правосудіе“, примѣняя его для своихъ полицейскихъ цѣлей.

Новое „политическое“ выступленіе россійской юстиціи ознаменовалось рядомъ скандаловъ для самодержавія. Присужденіе къ смерти несовершеннолѣтняго Балмашева, окруженнаго ореоломъ всеобщаго сочувствія; присужденіе къ смерти Леккерта, который нанесъ легкую рану фон-Валю; присужденіе къ смерти Качура, который вовсе промахнулся; 20 лѣтъ каторги для Чепегина, несчастнаго юноши, который, изголодавшись, вздумалъ „убить“ кого-нибудь изъ представителей буржуазіи и напалъ на отставного генерала съ тупымъ перочиннымъ ножикомъ, не повредившимъ и генеральской шинели... Эти скандальные приговоры счастливо дополнялись скандальнымъ поведеніемъ суда въ харьковскихъ крестьянскихъ процессахъ, гдѣ съ цинической откровенностью запрещалось защитникамъ разспрашивать свидѣтелей о подвигахъ кн. Оболенскаго при „усмиреніи“ обвиняемыхъ крестьянъ. Знаменитые протесты адвокатовъ впервые заклеймили публично этитъ цинизмъ посѣдѣвшихъ въ попраніи закона россійскихъ чиновниковъ отъ правосудія. Этотъ смѣлый шагъ, который давно пора было сдѣлать представителямъ адвокатуры, не долженъ остаться безслѣднымъ для дѣла освобожденія Россіи отъ царящей надъ нами азіатчины. Дѣломъ чести всѣхъ, выступающихъ защитниками въ процессахъ, гдѣ фактическимъ преступникомъ является правительство, будетъ слѣдовать примѣру харьковскихъ защитниковъ, и на каждое насиліе надъ правомъ отвѣчать презрительнымъ протестомъ. Это, по нынѣшнимъ временамъ, единственно возможный для адвокатуры способъ служить дѣлу дѣйствительнаго правосудія, дѣлу освобожденія суда отъ властной опеки самодержавной бюрократіи.

Если крестьянскіе процессы разоблачили лишній разъ характеръ судебнаго слѣдствія въ процессахъ, устраиваемыхъ противъ „внутреннихъ враговъ“ самодержавія, то процессы противъ саратовскихъ и нижегородскихъ демонстрантовъ показали всю жестокость русскихъ карательныхъ законовъ. Хотя судъ и примѣнилъ одну изъ низшихъ мѣръ наказанія, тѣмъ не менѣе болѣе десятка мирныхъ демонстрантовъ оказались присужденными къ лишенію всѣхъ правъ и ссылкѣ на поселеніе въ отдаленныя мѣста Сибири. Только современный россійскій режимъ, безстыдно парадирующій своей свободой отъ европейскихъ „предразсудковъ“, можетъ еще выносить такіе приговоры. Дѣяніе, которое, по европейскимъ понятіямъ, является неотчуждаемымъ правомъ гражданина — коллективное выраженіе своего политическаго мнѣнія, по русскимъ условіямъ немыслимое иначе, какъ сборищемъ на улицѣ, — это дѣяніе карается лишеніемъ гражданскихъ правъ и безсрочной ссылкой, на ряду съ весьма тяжкими уголовными преступленіями! Двадцать почти лѣтъ правительство остерегалось примѣнять эти варварскіе законы о политическихъ „преступленіяхъ“, законы, позволяющіе примѣнять каторгу и висѣлицу за дѣянія, которыя по ту сторону Вержболова во всемъ цивилизованномъ мірѣ признаются законнымъ дѣломъ или, въ худшемъ случаѣ, причисляются къ мелкимъ полицейскимъ проступкамъ. Почти двадцать лѣтъ правительство, посредствомъ широкаго примѣненія административной ссылки и административнаго тюремнаго заключенія, уклонялось отъ необходимости каждымъ „законнымъ“ приговоромъ внушать обывателю идею: если то, что во всемъ цивилизованномъ мірѣ совершается безпрепятственно, у насъ карается самыми тяжкими уголовными карами, — стало быть, нашъ политическій режимъ никуда не годенъ. И такова иронія судьбы: — въ тотъ именно моментъ, когда широкія массы обывателей впервые проснулись къ политической жизни, когда всякое злодѣяніе государственной власти весьма чувствительно воспринимается недавно еще равнодушной частью населенія, — именно въ такую минуту самодержавіе спѣшитъ живымъ примѣромъ напомнить обывателю объ азіатскомъ характерѣ своихъ карательныхъ законовъ.

Врядъ-ли вѣря серьезно въ устрашительную силу приговоровъ на поселеніе и на каторгу, самодержавіе, чтобы только порисоваться политикой „сильной власти“, доставляетъ своимъ врагамъ случай къ новой демонстраціи — къ демонстраціи со скамьи подсудимыхъ. И новые его революціонные враги — соціалдемократы — не преминули уже воспользоваться этимъ новымъ поводомъ.

Показавши себя въ тогѣ „судьи“, самодержавіе спѣшитъ начать зимній сезонъ въ испытанной роли палача. 11 ноября въ Ростовѣ н. Д., а 17 въ станціи Тихорѣцкой оно снова выступило въ наиболѣе современномъ изъ доступныхъ ему положеній — въ качествѣ наемнаго убійцы на службѣ у капитала.

Послѣ Ярославля — Домброво, послѣ Риги — Маріуполь, послѣ бойни на Выборгской сторонѣ въ СПБ. — сильнѣйшая — на Шлиссельбургскомъ трактѣ; и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ Батумскихъ разстрѣловъ — на протяженіи одной недѣли два новыхъ преступленія во славу божка-капитала.

Громадная по размѣрамъ, замѣчательная по выдержкѣ рабочихъ, исключительно-удачная въ смыслѣ организованности участниковъ, руководимыхъ нашимъ Донскимъ Комитетомъ и безпримѣрная по рѣшительности господствовавшаго въ ней политическаго настроенія, — стачка ростовскихъ рабочихъ какъ нельзя лучше открываетъ боевую кампанію соціалдемократіи въ текущемъ году и — слѣдуетъ надѣяться — явится лишнимъ яркимъ доказательствомъ того, что единственно серьезнымъ революціоннымъ дѣломъ въ наше время является дѣло организаціи такъ быстро развивающагося, такъ блестяще доказывающаго свою революціонную зрѣлость русскаго пролетаріата.

Почти десять лѣтъ назадъ, зимой 1893-94 г., жел.-дор. рабочіе мастерскихъ Ростовско-Владикав. ж. д. умѣло проведенной стачкой обратили на себя вниманіе революціонеровъ, которые въ то время въ своей массѣ еще не выяснили себѣ всего значенія начинавшагося рабочаго движенія. Ростовская стачка 1893-94 гг. была первымъ, сколько намъ извѣстно, крупнымъ проявленіемъ массового рабочаго движенія 90-хъ гг., руководимаго соціалистами (въ числѣ многочисленныхъ жертвъ ея былъ, между прочимъ, извѣстный Мосеенко — бывшій организаторъ знаменитой Морозовской стачки, сосланный по ростовскому дѣлу въ третій разъ на три года). Послѣ этой стачки правильная революціонная работа въ Ростовѣ н. Д. временно оборвалась, и лишь съ 1898 г. подъ руководствомъ Донского Комитета она ведется систематически и все съ большимъ успѣхомъ. Въ ноябрскихъ событіяхъ съ ихъ громадными рабочими „митингами“ и впечатлѣніемъ, произведеннымъ ими на общество, — мѣстные товарищи могутъ видѣть достойный результатъ своихъ усилій.

На эту-то дисциплинированную, сознательную и стойкую массу правительство выпустило своихъ янычаровъ. Само правительственное сообщеніе, въ сущности, признаетъ, что бойня вызвана казаками, что стремленіе властей разогнать спокойную сходку рабочихъ явилось причиной столкновенія, въ результатѣ котораго нѣсколько человѣкъ убито. То же сообщеніе признаетъ, что и столкновеніе на Тихорѣцкой провоцировано казаками. Новые разстрѣлы стачечниковъ-рабочихъ являются новой краснорѣчивой иллюстраціей къ такъ-наз. „зубатовской“ политикѣ. Вчерашніе поощрители „экономической борьбы“ въ Москвѣ выступаютъ сегодня въ роли вульгарныхъ охранителей капиталистическихъ барышей, когда эта „экономическая“ борьба организована самими рабочими, безъ участія шпіоновъ-„легализаторовъ“. Только вчера г. Витте свидѣтельствовалъ о чудовищной несправедливости вмѣшательства правительственныхъ властей въ столкновенія труда съ капиталомъ. И уже сегодня правительство разоблачаетъ лживость всѣхъ этихъ разговоровъ и тщету всякой попытки нашихъ самодержцевъ внушить рабочему классу довѣріе къ монархіи. Работайте же дальше въ этомъ направленіи, господа! Пролитая въ честномъ бою пролетарская кровь не пропадетъ даромъ и въ предстоящемъ рѣшительномъ столкновеніи монархіи съ народомъ первая встрѣтитъ въ рядахъ своихъ враговъ такую силу, передъ которыми окажутся одинаково безсильными и „твердая рука“ г. Плеве и лживый языкъ г. Витте.

На яркой сценѣ классовой пролетарской борьбы съ особенной рельефностью выступаетъ поразительная сѣрость того политическаго движенія „солидныхъ“ круговъ общества, центромъ котораго являются уѣздные и губернскіе „комитеты Особаго Совѣщанія“. Выразившаяся въ этихъ комитетахъ земская оппозиція пришла въ настоящее время къ тому пункту, за которымъ дальнѣйшая игра въ „лояльность“ становится невозможной. На первые разговоры о Земскомъ Соборѣ Плеве отвѣтилъ арестомъ и привлеченіемъ къ жандармскому дознанію представителей земства. И вѣрное эхо умѣренной земской оппозиціи — „Освобожденіе“ — не замедлило тотчасъ же отразить то политическое возмущеніе, которое охватило „вѣрноподданныхъ“ либераловъ при слухѣ объ этомъ насиліи.

Правда, г. Струве и на этотъ разъ старается во что бы то ни стало остаться позади своихъ сотрудниковъ-либераловъ. Въ то время, какъ послѣдніе все опредѣленнѣе ставятъ вопросъ о несовмѣстимости „законности“ съ существованіемъ самодержавія, г. Струве (№ 11 „Освоб.“) въ редакціонной замѣткѣ снова двусмысленно повторяетъ, что требованіе созыва Земскаго Собора „не противорѣчитъ само по себѣ существующему государственному строю“*). Тѣмъ не менѣе, и г. Струве почувствовалъ въ фактѣ жандармскаго набѣга на воронежскихъ либераловъ поводъ для болѣе рѣшительнаго нападенія на самодержавіе. Если, пишетъ онъ, правительство отвергнетъ требованія о созывѣ Земскаго Собора, то кличъ: „долой самодержавіе!“ неизбѣжно и окончательно станетъ всеобщимъ лозунгомъ національнаго освобожденія. Необычайнаго, конечно, нѣтъ ничего въ арестѣ г. Мартынова и въ обвиненіи его за умыселъ измѣнить существующую форму правленія. Абсолютная идея „права“, съ точки зрѣнія которой г. Струве не прочь „разносить“ „относительность“ нашихъ соціалистическихъ идей, разумѣется, оскорблена нынѣшнимъ произвольнымъ арестомъ г. Мартынова нисколько не въ большей мѣрѣ, чѣмъ она была поругана въ лицѣ хотя бы того же г. Мартынова, когда онъ (въ 80-хъ гг.) по соціалистическому дѣлу былъ арестованъ и сосланъ безъ суда въ Сибирь. Вѣроломство, проявленное нынѣ правительствомъ по отношенію къ членамъ уѣздныхъ комитетовъ, которые приглашались высказаться о мѣстныхъ нуждахъ и за открытое выраженіе своихъ нуждъ подвергаются арестамъ, — это вѣроломство (съ точки зрѣнія идеи „права“) ничѣмъ не гнуснѣе того, которое проявлялось самодержавіемъ безчисленное множество разъ по отношенію къ делегатамъ, выбиравшимся рабочими-стачечниками по приглашенію властей и потомъ подвергавшимся аресту по приказу тѣхъ же властей, или по отношенію къ выбраннымъ по приглашенію начальства студенческимъ „старостамъ“, когда послѣдніе „въ первую голову“ отправлялись въ Сибирь. „Поруганное и возмущенное чувство справедливости“, о которомъ говоритъ г. Струве, какъ о стимулѣ къ началу „политическихъ дѣйствій“, уже такъ давно привыкло къ подобнымъ заушеніямъ и оплеваніямъ, что врядъ-ли само по себѣ можетъ побудить „умѣренную“ оппозицію къ чему-нибудь, напоминающему „политическія дѣйствія“. Есть нѣчто другое въ воронежскихъ событіяхъ, что можетъ и должно расшевелить земскую оппозицію, — это явное свидѣтельство растерянности самодержавнаго правительства, полной его неспособности разсчитать заранѣе результаты своихъ дѣйствій, рѣшительнаго и окончательнаго банкротства обычныхъ методовъ его политики.

Созывъ мѣстныхъ комитетовъ имѣлъ совершенно опредѣленную и ясную цѣль — отвлечь вниманіе болѣе „солидныхъ“ круговъ общества отъ все сильнѣе разгорающейся борьбы болѣе радикальныхъ слоевъ его съ самодержавіемъ. На первые робкіе шаги земцевъ, намекавшіе на возможность ихъ присоединенія къ общему лозунгу: „долой самодержавіе!“, правительство отвѣчало приглашеніемъ „сѣсть рядкомъ и потолковать ладкомъ“ о „мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ“. Спекулируя на „умѣренность“ и „трезвенность“ земскихъ дѣятелей, правительство разсчитывало потопить ихъ растущее возбужденіе въ грудахъ коммиссіонныхъ докладовъ и игрой въ парламентъ занять ихъ въ то время, пока на улицахъ и въ застѣнкахъ будетъ г-омъ Плеве совершаться расправа съ гидрой революціи. Планъ былъ самъ по себѣ недуренъ, и инциденты съ гг. Шиповымъ и Евреиновымъ показали, что самодержавіе хорошо изучило русскаго либерала. Но самодержавіе не могло разсчитать одного фактора — той скорости, съ которой прогрессируетъ его собственное разложеніе. Планъ г. Плеве самъ по себѣ былъ остроуменъ, но онъ для своего успѣха предполагалъ сильную дозу самообладанія со стороны его авторовъ. Надо было — до поры, до времени — открыть шлюзы для либеральныхъ словопреній. Увы! въ виду колоссальнаго развитія революціоннаго движенія это самообладаніе не могло имѣть мѣста. Приближающаяся гигантскими шагами русская революція не даетъ самодержавію „ни отдыха, ни срока“ для приведенія въ дѣйствіе его іезуитскихъ плановъ. И, забывъ о всякой „государственной мудрости“, оно бросается, очертя голову, въ политику приключеній, однимъ грубымъ ударомъ сводя на нѣтъ плоды своей предшествующей работы. Казалось бы, весь ходъ работъ въ мѣстныхъ комитетахъ долженъ былъ подготовить правительство къ тому моменту, когда будетъ сказано это ужасное слово „земскій соборъ“. Казалось бы, правительству смотрѣть бы и радоваться тому, что это слово произносится либералами съ обычными оговорками о своей лояльности, съ проклятіемъ и осужденіемъ по адресу такъ-наз. „кучки анархистовъ“. Но самодержавіе уже не способно холодно разсчитывать. Оно способно только судорожно реагировать. И обрушиваясь всей силой полицейской репрессіи на мирныхъ либераловъ, открывшихъ ротъ, чтобы сказать первую букву своей политической азбуки, оно тѣмъ самымъ вынуждаетъ ихъ — во что бы то ни стало — пойти дальше.

Въ этой растерянности правительства либералы должны найти силу отрѣшиться отъ собственной своей „наслѣдственной“ растерянности. Въ борьбѣ между старой и новой Россіей нѣтъ мѣста никакимъ сантиментальнымъ соображеніямъ. Если врагъ началъ явно шататься, — самое время участить удары и увеличить ихъ силу. Не дожидаться, пока онъ найдетъ себѣ новую точку опоры, а нападать и нападать, чтобы каждымъ мѣткимъ ударомъ увеличить смятеніе его духа!

Требованіе земскаго собора должны, какъ справедливо указываетъ г. Струве, подхватить всѣ уѣздные и губернскіе комитеты. Но этого мало. Арестомъ стоявшихъ на легальной почвѣ либераловъ правительство показало, какое призрачное значеніе имѣетъ при русскихъ условіяхъ сама легальность. Пусть же и либералы спѣшатъ разбить рамки легальности! Пусть не отгораживаются по прежнему китайской стѣной отъ того „внѣлегальнаго“ народнаго движеніе, которое только и сдѣлало возможнымъ ихъ собственное выступленіе и которое выбило уже самодержавіе изъ его главныхъ позицій. И если земскіе комитеты уже превратились въ обвинительныя камеры по дѣламъ о многочисленныхъ преступленіяхъ самодержавія, то пусть въ раздающихся тамъ обвинительныхъ рѣчахъ мы услышимъ, наконецъ, о тѣхъ злодѣяніяхъ, которыя самодержавіемъ совершаются надъ рабочимъ классомъ, надъ крестьянской массой, надъ революціоннымъ студенчествомъ! Нельзя долѣе молчать объ этихъ злодѣяніяхъ, когда каждый день приноситъ новыя извѣстія о „каторжныхъ“ приговорахъ, о массовыхъ поркахъ, о разстрѣлахъ безоружной толпы на улицахъ! Только заговоривши открыто объ этихъ событіяхъ, либеральные земцы покажутъ, что они поднялись на высоту тѣхъ историческихъ задачъ, которыя стоятъ передъ всѣми, серьезно работающими надъ освобожденіемъ нашей родины отъ позора самодержавія.

---

*) Передовая статья того же №, подписанцая Senex, напротивъ, рѣзко высказывается о „славянской монархич. идилліи“ совмѣщенія самодержавія съ земскими соборами. Отчего бы г. Струве не высказать разъ навсегда свое отношеніе къ взглядамъ, развиваемымъ болѣе радикальными изъ его сотрудниковъ? — Кстати, г. Струве остался въ долгу передъ читателемъ: въ примѣчаніи къ статьѣ земскаго гласнаго въ № 7 „Освобожденія“ онъ обѣщалъ выяснить, въ чемъ расходится съ этимъ авторомъ въ вопросѣ объ отношеніи къ революціонной борьбѣ. Этого обѣщанія г. Струве все еще не выполнилъ.

ЗУБАТОВЩИНА ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Хожденіе правительства „въ народъ“ продолжается. Самодержавіе, въ лицѣ нѣкоторыхъ своихъ агентовъ, какъ извѣстно, разочаровалось въ административномъ террорѣ, какъ единоспасающемъ средствѣ противореволюціонной борьбы, и рѣшилось — не вмѣсто террора, а вмѣстѣ съ терроромъ — вести систематическую работу развращенія рабочихъ массъ.

Въ петербугской газетѣ „Свѣтъ“, находящейся въ интимномъ общеніи съ полицейской преисподней, напечатано слѣд. сообщеніе:

„За послѣднее время, по иниціативѣ столичныхъ заводскихъ рабочихъ: В. И. Пикунова, С. А. Горшкова, И. С. Соколова, С. Е. Устюжанова, Д. В. Старожилова, Г. Н. Солодовникова, А. И. Егорова, Е. Ф. Пахомова, С. С. Семенова, А. И. Кузьмина и Н. А. Одинцова, въ мѣстномъ фабрично-заводскомъ населеніи получила распространеніе мысль о возможности очень серьезнаго улучшенія въ жизненныхъ условіяхъ рабочей среды путемъ развитія въ ней сословной самодѣятельности и взаимной помощи.

„Съ вѣдома столичной администраціи, 10 ноября, въ трактирѣ „Выборгъ“, на Финляндскомъ проспектѣ, иниціаторы дѣла имѣли по этому предмету частное собесѣдованіе съ нѣсколькими товарищами, а 13 ноября ими было подано прошеніе г. исправляющему должность с.-петербургскаго градоначальника камергеру В. Э. Фришу о разрѣшеніи товарищескаго собранія. Со стороны послѣдняго рабочіе встрѣтили внимательное и сочувственное отношеніе къ своей просьбѣ и получили обѣщаніе, что онъ окажетъ зависящее отъ него содѣйствіе для удовлетворительнаго разрѣшенія предпринятаго ходатайства. Ободренные пріемомъ г. исправляющаго должность градоначальника и успѣшнымъ началомъ своего дѣла, рабочіе отправились въ департаментъ полиціи министерства внутреннихъ дѣлъ, чтобы выяснить отношеніе министерства къ задуманному ими дѣлу. Директоръ департамента, статскій совѣтникъ А. А. Лопухинъ, выразилъ имъ свое сочувствіе и готовность помочь осуществленію ихъ намѣреній.

„Вслѣдствіе этого, въ воскресенье, 17 ноября, въ томъ же трактирѣ „Выборгъ“ состоялось первое въ Петербургѣ оффиціально-разрѣшенное собраніе рабочихъ, а 21 числа, въ 10 часовъ 30 мин. утра, рабочіе имѣли честь быть приняты г. министромъ внутреннихъ дѣлъ, который выслушалъ благодарность рабочихъ за данное имъ разрѣшеніе собираться на товарищескія собесѣдованія по вопросамъ ихъ жизненнаго обихода и высказалъ свое намѣреніе поощрять ихъ дѣятельность въ усвоенномъ ими направленіи“.

Съ своей стороны, „Свѣтъ“ обѣщаетъ своимъ читателямъ, что „ходъ предпринятаго рабочими начинанія, а также и всестороннее обсужденіе рабочаго вопроса, въ чисто русскомъ духѣ, найдутъ на страницахъ газеты самое широкое мѣсто“.

Давно уже извѣстно, что „чисто русскій духъ“, патентъ на который выдается изъ департамента полиціи, включаетъ въ себѣ три составныя части: полицейское самодержавіе, полицейское православіе и полицейскую народность. Въ приведенномъ сообщеніи ничего не говорится о роли петербургскаго духовенства („православія“) въ этомъ трогательномъ примиреніи полицейскаго насильничества („самодержавіе“) съ „сословной самодѣятельностью и взаимной помощью“ петербургскаго пролетаріата („народность“?). Надо думать, что при современномъ настроеніи рабочихъ массъ попъ, даже въ глазахъ „высшихъ сферъ“, является слишкомъ устарѣлой и скомпрометтированной фигурой, чтобы направлять его съ пальмовой вѣтвью „соціальнаго мира“ въ рабочіе кварталы. Агенты г. Зубатова тутъ гораздо болѣе умѣстны. Они будутъ говорить рабочимъ не о смиреніи и покорности, а о „сословной самодѣятельности и взаимной помощи“. Къ зубатовскимъ агентамъ примкнетъ нѣсколько предателей и нѣсколько глупцовъ (смотри выше ихъ перечень), и разрѣшеніе рабочаго вопроса „въ чисто русскомъ духѣ“ будетъ на мази. И въ СПБ., какъ раньше въ Москвѣ, начнутся „легальныя“ раб. собранія, на которыхъ зубатовцы будутъ, съ одной стороны, примирять непримиримое (самодержавіе и пролетаріатъ), а съ другой — выслѣживать тѣхъ рабочихъ, которые станутъ высказываться не въ „чисто-русскомъ духѣ“. Пренія, начавшіяся на легальной сходкѣ, будутъ заканчиваться для рабочихъ-революціонеровъ въ Охранномъ Отдѣленіи. Такимъ образомъ, всѣ эти перечисленные выше Пикуновы, Горшковы, Соколовы и пр. будутъ, по примѣру своихъ московскихъ единомышленниковъ, играть роль агентовъ-подстрекателей въ рукахъ Зубатова. И тѣ изъ нихъ, которые не продали ему своей души, а попали къ нему лишь по недомыслію, должны понять, что быть безкорыстнымъ провокаторомъ ничуть не менѣе позорно, чѣмъ наемнымъ, — только гораздо глупѣе.

Наши петербургскіе товарищи будутъ, разумѣется, внимательно слѣдить за развитіемъ этого нечистаго предпріятія, которое встрѣтило „внимательное отношеніе“ и „готовность помочь“ со стороны такихъ испытанныхъ „друзей“ рабочаго класса, какъ петербургскій градоначальникъ и директоръ Департамента Полиціи. Правильно и широко освѣдомлять рабочихъ о причинѣ, цѣли и ходѣ этихъ полицейскихъ заигрываній значитъ уничтожить въ самомъ началѣ возможность хотя бы временнаго ихъ успѣха: подобныя авантюры разсчитаны исключительно на наши политическіе сумерки, въ которыхъ врагу подчасъ легко сойти за друга.

Мы не знаемъ еще, нашелъ-ли Зубатовъ и въ Петербургѣ профессоровъ, которые вступили бы съ нимъ въ сотрудничество въ цѣляхъ мирнаго профессорско-полицейскаго разрѣшенія соціальнаго вопроса. Думаемъ, что нѣтъ, — не потому, чтобы морально-политическій цензъ профессорской корпораціи въ Петербургѣ былъ выше, чѣмъ въ Москвѣ, а потому, что партія революціоннаго пролетаріата уже заклеймила въ глазахъ общественнаго мнѣнія эту форму „сотрудничества“, какъ позорное политическое предательство.

Если, тѣмъ не менѣе, петербургское Охранное Отдѣленіе отъ полиціи найдетъ откликъ въ петербургскомъ Охранномъ Отдѣленіи отъ науки, — мы надѣемся, что революціонное студенчество съумѣетъ — въ краткой, но выразительной формѣ — преподать своимъ профессорамъ элементарный курсъ гражданской нравственности.

КАКЪ СОЦ.-ДЕМ. „ПОВОРАЧИВАЮТЪ“ КЪ НАРОДНИЧЕСТВУ

Недавно на югѣ образовалась новая русская организація, назвавшая себя „Южнымъ Революц. Союзомъ соц.-демократовъ“. Въ первомъ же воззваніи этой организаціи говорилось, что она „безусловно раздѣляетъ направленіе ‚Искры‘“. Какого же было наше удивленіе. когда въ № 13 „Рев. Россіи“ мы прочитали, что новый „союзъ“ посрамилъ „Искру“ своимъ отношеніемъ къ аграрному вопросу, что данная имъ постановка этого вопроса „показываетъ, что готовъ рухнуть, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ части соц.-демократіи, одинъ изъ тѣхъ барьеровъ, которые раздѣляютъ русскихъ революціонеровъ на двѣ враждебныя фракціи и что отвѣтъ „союза“ на этотъ вопросъ „опрокидываетъ множество эфемерныхъ теоретическихъ преградъ, которыя досужіе люди понастроили между двумя фракціями соціально-революціон. арміи“ („По поводу одной прокламаціи“, „Рев. Россія“ № 13)! Необычайная „Ворошиловская“ развязность, характеризующая цитируемую статью, сама по себѣ достаточно говоритъ о томъ, насколько читатель можетъ довѣрять открытіямъ, сдѣланнымъ ея авторомъ. Въ такомъ тонѣ могутъ писать только очень невѣжественные и очень самодовольные люди. Бѣдный авторъ, конечно, и не догадывался, что редакція на 14 стр. того же № напечатаетъ корреспонденцію изъ Одессы, въ которой этотъ самый „союзъ“ характеризуется упомянутыми выше словами, какъ ‚безусловно раздѣляющій направленіе ‚Искры‘“. Какъ же это „безусловно“ солидарные съ нами товарищи въ прокламаціи къ крестьянамъ посрамили нашу соц.-демократическую точку зрѣнія? Слушайте: Во первыхъ, прокламація адресована „ко всему трудящемуся люду“ (курсивъ „Р. Рос“.), причемъ развязный авторъ дополняетъ это обращеніе своимъ собственнымъ объясненіемъ: „какъ къ одному классу, связанному общими интересами трудовой жизни.“ О принадлежности пролетаріевъ и собственниковъ къ одному „классу“ прокламація ничего не говоритъ и все сюда относящееся относится къ „беллетристикѣ“ „Рев. Россіи“. Во вторыхъ, прокламація заявляетъ: „весь трудящійся людъ — и крестьянъ, и рабочихъ, — и всѣхъ честныхъ людей мы зовемъ на кровавый бой съ царемъ“. Курсивъ опять принадлежитъ „Рев. Рос.“. Послѣдняя, повидимому, не слыхала, что на „бой съ царемъ“, на политическую борьбу за сверженіе самодержавія, мы, соц.-демократы, всегда звали и рабочихъ, и крестьянъ, и „всѣхъ честныхъ людей“. Что же новаго заключается въ южной прокламаціи? И какъ смѣхотворенъ — въ виду этой цитаты — выводъ автора: „нигдѣ въ соціаль-демократич. литературѣ общность соціалистическихъ (курсивъ „Р. Рос.“) интересовъ рабочихъ и крестьянъ не выражена такъ сильно и ярко, какъ въ этой прокламаціи.“ Прокламація южной организаціи явно говоритъ объ общности демократическихъ интересовъ всѣхъ „честныхъ людей“, а соц.-рев. превращаютъ эти демократическіе интересы въ „соціалистическіе“. Лишнее доказательство того, что для нихъ соціализмъ является только фразой, которою замазывается фактъ классового антагонизма между собственниками и пролетаріями.

Въ третьихъ. Прокламація говоритъ: „Мы въ то же время боремся со всѣми врагами трудящагося народа, со всѣми грабителями народнаго труда... Мы требуемъ, чтобы земли, фабрики и заводы были отданы всему русскому народу, всѣмъ трудящимся людямъ.“ Вотъ онъ, отказъ соц.-демократовъ отъ „узкой“ пролетарской точки зрѣнія! Вѣдь, соц.-демократы доселѣ, повидимому, требовали, чтобы фабрики и земли были отданы не всѣмъ труженикамъ, а только фабричнымъ рабочимъ! Вѣдь, соц.-демократы, очевидно, до сихъ поръ боролись не со всѣми „врагами трудящагося народа“! Мы не рѣшаемся посовѣтовать бѣдному автору прочитать „Эрф. программу“, — это чтеніе будетъ для него слишкомъ утомительно, но, напр., изъ брошюры „Кто чѣмъ живетъ“ онъ узнаетъ, что соц.-демократы не нуждались въ „поворотѣ“ къ народничеству, чтобы написать на своемъ знамени передачу всѣхъ средствъ производства всѣмъ трудящимся.

Мы не знаемъ ничего о новой южной группѣ, кромѣ того, что дается ея немногими воззваніями. Въ этихъ послѣднихъ мы не усмотрѣли до сихъ поръ никакой „ереси“, которая шла бы въ разрѣзъ съ принципами нашей партіи. Но публика, не освѣдомленная объ истинномъ положеніи дѣлъ, можетъ, пожалуй, повѣрить развязнымъ людямъ, сочиняющимъ басни о небывалыхъ скачкахъ соц.-демократовъ въ сторону мелкобуржуазной благонамѣренности. Пора положить конецъ этимъ злоупотребленіямъ правомъ перетолковывать по произволу наши заявленія. Долгъ новаго союза отвѣтить на оскорбительно-дружеское похлопываніе по плечу, допущенное по отношенію къ нему „Р. Рос.“ Мелкобуржуазные революціонеры, пытающіеся создать несуществующій антагонизмъ между отдѣльными группами соц.-дем., должны услышать въ отвѣтъ: „руки прочь!“

БОРЬБА НАПРАВЛЕНІЙ — ПОЖИВА ДЕМАГОГАМЪ.

Среди петербургскихъ товарищей снова произошелъ расколъ, являющійся однимъ изъ послѣднихъ эпизодовъ заканчивающейся тамъ долголѣтней борьбы между революціоннымъ и оппортунистическимъ (бернштейніанскимъ тожъ) теченіями въ с.-демократіи.

Въ силу причинъ, на которыхъ здѣсь не мѣсто останавливаться, внутренній кризисъ, пережитый нашей партіей во второй половинѣ 90-хъ годовъ, съ особенной силой сказался въ СПБ. На развивающееся пролетарское самосознаніе сильнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, здѣсь давили безсознательныя и сознательныя вліянія буржуазно-демократической интеллигенціи, систематически внушавшей организованнымъ пролетаріямъ и ихъ товарищамъ-интеллигентамъ идеи, послѣдовательное усвоеніе которыхъ неизбѣжно должно было бы сдѣлать наше рабочее движеніе простымъ придаткомъ къ либерально-демократической буржуазіи, руководимой гг. Струве и Ко. На пути къ этому финалу многолѣтняя работа оппортунистовъ съумѣла затормозить революціонное развитіе спб. раб. движенія и втиснуть его въ такія организаціонныя формы, въ которыхъ оно задыхалось, не видя себѣ выхода. Въ то время, какъ мѣстныя организаціи другихъ городовъ, работавшія при гораздо менѣе благопріятныхъ условіяхъ, все же двигались впередъ въ дѣлѣ революціонизированія и воспитанія массъ, петербуржцы въ періодъ 1898-1902 гг. безпомощно топтались на мѣстѣ — отъ провала до провала.

Но подъ вліяніемъ обострения борьбы съ самодержавіемъ и разгорѣвшейся въ с.-дем. печати идейной борьбы за принципы революціоннаго соціализма спб. соц.-демократы начали освобождаться отъ кошмара, нависшаго надъ ними въ періодъ безраздѣльнаго господства бернштейніанства и „экономизма“.

Послѣ длиннаго промежутка упорной внутренней борьбы Петербургскій Комитетъ Партіи пришелъ къ сознанію необходимости рѣшительно покончить со всѣми пережитками экономизма и стать на путь революціоннаго соц.-демократизма.

Необходимымъ условіемъ для этого перехода являлась коренная реформа мѣстной организаціи, совершенно непригодной для цѣлей руководства революціоннымъ движеніемъ пролетаріата.

Необходимо было, во-первыхъ, освободиться отъ громоздкой организаціи, нелѣпо совмѣщавшей въ себѣ задачи политической борьбы съ задачами профессіональнаго (цехового) движенія; необходимо было очистить политическую организацію отъ всякой игры въ „демократизмъ“, т. е. отъ „широкаго выборнаго начала“, которое должно было вести и вело къ ослабленію конспираціи. При указанномъ же смѣшеніи задачъ организаціи это „выборное начало“ ставило — по „уставу“ — ходъ ея работъ въ зависимость отъ воли наименѣе сознательныхъ участниковъ рабочаго движенія. А такъ какъ на практикѣ соображенія конспираціи не позволяли исполнять „уставъ“ во всей строгости, то на самомъ дѣлѣ произволъ и случай играли рѣшающую роль въ ходѣ мѣстной работы, и организація не давала своимъ членамъ того политическаго воспитанія, которое одно только можетъ выработать изъ рабочихъ дѣйствительныхъ руководителей.

Необходимо было, наконецъ, уничтожить нелѣпое раздѣленіе между „рабочимъ“ комитетомъ и комитетомъ партіи („интеллигентскимъ“). Раздѣленіе это, сложившееся во времена господства „экономизма“, вполнѣ соотвѣтствуетъ бернштейніанскимъ представленіямъ о задачахъ рабочаго движенія: рабочей группѣ надлежитъ заниматься „чисто рабочимъ“ движеніемъ, т. е. экономической борьбой, высшая же политика должна остаться въ рукахъ „интеллигентовъ“, которые тѣмъ смиреннѣе признаютъ себя простыми „слугами“ пролетаріата, чѣмъ болѣе на самомъ дѣлѣ они являются фактическими хозяевами движенія. А таковыми они неизбѣжно должны быть, когда въ соц.-дем. движеніи царитъ „экономизмъ“, когда рабочихъ тщательно оберегаютъ отъ всего, воспитывающаго ихъ политическую зрѣлость, когда ихъ (чтобы, сохрани Боже, не испортить) не знакомятъ съ ведущейся въ социалистическихъ органахъ идейной борьбой по вопросамъ программы и тактики, когда ихъ, при помощи льстивыхъ фразъ объ ихъ самодержавіи въ вопросахъ „мѣстной работы“, систематически держатъ въ сторонѣ отъ общихъ задачъ движенія.

СПБ. Комитетъ, приступивъ къ реорганизаціи мѣстнаго движенія, началъ съ уничтоженія своего раздѣленія на „рабочую“ и „не рабочую“ часть. Въ передовыхъ спб. рабочихъ онъ встрѣтилъ полное сочувствіе въ этомъ дѣлѣ. Впрочемъ, если не ошибаемся, отъ нихъ и исходилъ починъ въ этомъ вопросѣ.

Въ результатѣ реформы самого комитета явилось то воззваніе „Ко всѣмъ соц.-демократическимъ организаціямъ“, которое закрѣпило окончательный переходъ петербургскаго движенія подъ знамя революціонной соц.-демократіи.

Приступая къ реформѣ, петербургскіе товарищи, конечно, понимали, что она вызоветъ возмущеніе всѣхъ тѣхъ, кто еще стоитъ на отжившей точкѣ зрѣнія, осужденной событіями, — всѣхъ тѣхъ, кто еще способенъ тѣшиться игрой въ „демократизмъ“; тѣхъ, кто долженъ былъ остаться обойденнымъ при этой организаціонной реформѣ, потребовавшей повышенія, такъ сказать, организаціоннаго ценза; всѣхъ тѣхъ, наконецъ, кто по своимъ партійнымъ интересамъ не можетъ не видѣть въ каждомъ шагѣ на пути къ революціонному объединенію партіи пролетаріата ущербъ для своего собственнаго дѣла. Было ясно, что помощью всякаго рода демагогическихъ средствъ всѣ эти недовольные постараются вызвать смуту въ СПБ., чтобы затормозить дѣло Комитета. Не менѣе ясно было, что въ ходъ будетъ пущено старое орудіе натравливанія несознательныхъ рабочихъ противъ интеллигентовъ.

Соединеннымъ усиліямъ всѣхъ, кровно обиженнымъ Петерб. Комитетомъ, удалось вызвать раздѣленіе, и часть рабоч. группъ СПБ. отдѣлилась отъ Комитета. Во главѣ этихъ отдѣлившихся стоитъ новый (заново отдѣланный) „Комитетъ Раб. Организаціи“. Изъ двухъ (очень сдержанныхъ по формѣ) его заявленій (см. отд. „Изъ партіи“) слѣдуетъ, во-первыхъ, что онъ не признаетъ рѣшеній Комитета Партіи, опубликованныхъ въ воззваніи „Ко всѣмъ соц.-дем. организаціямъ“; во-вторыхъ, что онъ желаетъ, чтобы „Освобожденіе рабочихъ было дѣломъ самихъ рабочихъ“, т. е., какъ выяснила практика нашихъ „экономистовъ“, чтобы „интеллигенты“ не совались въ „чисто рабочія“ дѣла.

Эти объявленія новаго Комитета послужили главной темой для новой книжки, выпущенной группой „Свобода“. Книжка эта называется „№ 1-й приложенія къ соц.-демократической (??) газетѣ-журналу ‚Отклики‘“. Ни газеты, ни журнала, ни газеты-журнала съ такимъ именемъ мы еще не видали и не слышали, чтобы нѣчто подобное вышло въ свѣтъ. Не слыхали мы и о томъ, чтобы „революціонно-соціалистическая“ группа „Свобода“ перешла въ лагерь соц.-дем. Послѣднее, между прочимъ, и не требуется: чтобы издавать „для рабочихъ“ „с.-демократическую“ газету, по нынѣшнимъ временамъ, вовсе и не нужно принадлежать къ рабочей соц.-дем. партіи: достаточно нѣкоторой развязности и готовности надѣть на свою физіономію террористическаго авантюриста соц.-демократическую маску. А маска эта нужна для успѣха заигрыванія съ петербургскими сознательными рабочими, которые съ „рев.-соціалистическими“ группами террористовъ не пожелаютъ, пожалуй, и разговаривать.

Около половины книжки „Откликовъ“ заняты петербургскимъ расколомъ, вѣрнѣе, заняты демагогическимъ раздуваніемъ происшедшаго раскола. Раздуваніе это производится съ такой поспѣшностью и цинизмомъ, которые не позволяютъ читателю ни на одну минуту усумниться, что мы имѣемъ дѣло съ тѣмъ, что нѣмцы называютъ попыткой „сколотить себѣ политическій капиталецъ“. „Дождались!“ кричитъ „Свобода“ въ заголовкѣ статьи, занятой петербургскимъ заявленіемъ о расколѣ, предварительно подготовивъ читателя другою статьею къ представленію объ этомъ расколѣ, какъ о возстаніи мускулистой руки рабочаго противъ „командировъ“ — интеллигенціи. Заявленія „Комитета Раб. Организаціи“, заключающія голый протестъ противъ рѣшеній партійнаго Комитета, „Отклики“ называютъ „очень важными документами, показывающими въ слишкомъ некрасивомъ свѣтѣ дѣйствія Петербургскаго интеллигентскаго Комитета“ (стр. 19), вину за расколъ они голословно взваливаютъ на „интеллигентовъ“ (стр. 26), при чемъ ни слова нигдѣ не говорится о томъ, на какой почвѣ происходитъ расколъ, и нигдѣ не видно, чтобы гг. Надеждинъ и Ко. имѣли какое-нибудь представленіе о томъ, что имѣло и имѣетъ мѣсто въ СПБ. Да и зачѣмъ ему это знать: достаточно, вѣдь, ловкихъ инсинуацій, имѣющихъ цѣлью разжечь въ дѣятеляхъ-рабочихъ низменные инстинкты, которыми всегда пользуются политическіе авантюристы, достаточно посильнѣе замутить воду, чтобы половить въ ней рыбу.

Разговаривать съ гг. Надеждинымъ и Ко. намъ не приходится: его группа слишкомъ чужда нашей партіи, чтобы въ серьезъ считаться съ его попыткой вмѣшаться въ ея внутреннія дѣла*). Мы отмѣтимъ только двѣ любопытныя черточки въ новѣйшемъ изданіи двусмысленной группы. Во-первыхъ, укажемъ на то, что, расписавши въ самомъ черномъ свѣтѣ неизвѣстныя ему дѣянія петербургскихъ „интеллигентовъ“ (среди которыхъ имѣются и подлинные рабочіе) и наговоривъ кучу жалкихъ словъ объ обидахъ, чинимыхъ вообще рабочимъ интеллигенціей, авторъ вслѣдъ затѣмъ проливаетъ крокодиловы слезы по поводу готовности рабочихъ обобщить свои претензіи, распространивъ ихъ на всю революціонную интеллигенцію. Онъ объясняетъ петербургскимъ рабочимъ, что имъ тоже не обойтись безъ интеллигентовъ (они понадобятся для „составленія программы“, для „изданія газеты“). Короче говоря, послѣ рѣшительнаго „разноса“ всѣхъ дѣйствующихъ въ партійныхъ комитетахъ интеллигентовъ, послѣ прямого призыва, обращеннаго къ рабочимъ другихъ городовъ — бороться съ интеллигентами (стр. 27), авторъ ставитъ свою собственную кандидатуру на должность того „бѣлаго вѣрона“, которые, по увѣренію блаженной памяти „Раб. Мысли“, встрѣчаются среди „черной“ интеллигенціи. Прелестно. И въ заключеніи — „хочется и намъ, съ своей стороны, предложить вамъ посильную помощь... Если вы считаете неизбѣжнымъ существовать въ качествѣ отдѣльной организаціи отъ Петербургскаго Комитета... группа „Свобода“ предлагаетъ вамъ воспользоваться ея литературными, денежными (курсивъ нашъ) и транспортными средствами, поскольку она сама располагаетъ всѣмъ этимъ“ (стр. 28). Работающіе на мѣстахъ товарищи, знающіе по опыту дѣйствительную обстановку нерѣдкихъ распрей рабочихъ съ интеллигентами, поймутъ безъ лишнихъ словъ, почему мы цитированную фразу считаемъ верхомъ политическаго неприличія.

Второе любопытное мѣсто въ „Откликахъ“ — замѣтка подъ названіемъ: „А дальше что?“. Она начинается характерными словами: „Сію секунду нами получено коротенькое письмо изъ Н.-Новгорода“. Падкая на сенсацію редакція не могла, конечно, за одну секунду, прошедшую отъ момента полученія письма до написанія статьи по ея поводу, отнестись критически къ ея содержанію. Этимъ, очевидно, объясняется тотъ фактъ, что въ замѣткѣ „А дальше что?“ шустрые „Свободовцы“ напечатали возмутительную клевету на нижегородскихъ товарищей-демон-

---

*) Какъ гг. „революціонеры-соціалисты“ относятся къ разбору разногласій по существу, видно изъ слѣдующаго. Въ брошюрѣ „Что дѣлать?“ Ленинъ сдѣлалъ „Свободѣ“ прямой вызовъ, предлагая опровергнуть то положеніе, что „организація революціонеровъ“ необходима для распространенія и укрѣпленія работы въ массахъ. Тамъ же г. Надеждину обстоятельно разъяснялись весь вредъ и неприличіе теоретическаго легкомыслія, программной вертлявости („революціонеръ-соціалистъ“ и почитай-что соціалдемократъ вмѣстѣ съ тѣмъ!), тактическаго шатанія между революціонизмомъ и экономизмомъ, между терроризмомъ и классовой борьбой пролетаріата. Тамъ прямо указывалось и доказывалось, что „Своб.“ опускается до демагогіи. Г. Надеждинъ предпочелъ уклониться отъ прямого вызова. Вмѣсто открытой войны съ поднятымъ забраломъ сей благородный вояка предпочелъ дѣйствовать изъ-за угла организаціонной распри. Въ „журналѣ для рабочихъ“ (??) группа „Свобода“, не разъясняя своихъ взглядовъ, только шипитъ, науськивая „массы“ противъ „организаціи революціонеровъ“ и увѣряя ихъ, что „Искра“ рубитъ „здоровый стволъ“ экономизма. Спорить по существу — это, вѣдь, только интеллигентская затѣя. А для „массъ“ достаточно воплей противъ „командирства“ и прибаутокъ — о „голодномъ брюхѣ и святомъ духѣ“, о „вредномъ сапогѣ съ гвоздями“, о „свиньяхъ и мѣдныхъ лбахъ“, о „разслабленныхъ мозговыхъ желудочкахъ“ и „пятачкахъ на хрюкалѣ“, о „шиворотной и зубодробительной части“ и т. д. (см. „Отклики“, стр. 30-55). „Массовую“ литературу наши г-да революціоны-соціалисты и соціалисты-революціонеры продолжаютъ принижать до лубочной литературы, и за эту свою заслугу они требуютъ себѣ права сѣять разбродъ и развратъ во всѣхъ серьезныхъ партійныхъ вопросахъ. Программа — двойная бухгалтерія, тактика — двойная бухгалтерія, практическая дѣятельность — демагогія, вотъ вамъ портретъ „револ.-соціалистической“ группы „Свобода“.

BIBLIOTHEQUE * MUSEE DE LA GUERRE *

странтовъ. На основаніи „коротенькаго письма“ они утверждаютъ, что сормовскіе рабочіе, за двумя исключеніями, недостойно вели себя на судѣ, и по сему поводу опять обрушиваются на интеллигентовъ, — на этотъ разъ за то, что они не съумѣли воспитать изъ рабочихъ такихъ дѣятелей, „за которыхъ никому не придется краснѣть“ (стр. 64).

Опубликованныя нами рѣчи Заломова, Самылина, Михайлова и Быкова и появившіяся въ различныхъ нелегальныхъ изданіяхъ подробности о достойномъ поведеніи сормовцевъ на судѣ показываютъ достаточно, за кого „приходится краснѣть“ въ этомъ случаѣ. Какъ это часто бываетъ, распинающіеся передъ несознательными рабочими „барчуки“ обнаружили свое отношеніе сверху внизъ и тайное недовѣріе къ несознательнымъ рабочимъ, легкомысленно напечатавъ полученное „сію секунду“ обвиненіе, которое они никогда не позволили бы себѣ пустить въ свѣтъ, не дождавшись его подтвержденія, если бы оно относилось къ революціонерамъ-интеллигентамъ.

Попытка гг. Надеждиныхъ эксплуатировать петербургскій расколъ не остановитъ нашихъ товарищей во взятой ими на себя трудной задачѣ революціонизированія мѣстнаго движенія. Совершающаяся повсюду въ Россіи работа по возстановленію единства нашей партіи будетъ, конечно, еще наталкиваться на всякіе подводные камни. И все-таки она будетъ доведена до конца. Объединенію русскихъ соц.-демократовъ подъ знаменемъ революціоннаго марксизма не смогутъ помѣшать никакіе демагоги, никакіе бернштейніанцы, прячущіеся за спинами „рабочихъ комитетовъ“. Ихъ попытки затормозить это объединеніе приведутъ только къ ихъ собственному политическому банкротству, къ которому уже пришли ихъ предшественники въ дѣлѣ дезорганизаціи русской соціалдемократіи. И тѣ самые несознательные рабочіе, съ которыми эти господа такъ неприлично заигрываютъ, скоро уже поймутъ, чего имъ ждать отъ тѣхъ „интеллигентовъ“, которые, натравливая рабочихъ на интеллигенцію, систематически стараются не дать этимъ рабочимъ никакой серьезной умственной пищи, могущей сдѣлать ихъ способными исполнять, когда понадобится, работу интеллигентовъ; к-рые кормятъ ихъ манной кашицей особыхъ „журналовъ для рабочихъ“; к-рые въ книжкахъ для „интеллигенціи“ пропагандируютъ терроръ, а для рабочихъ издаютъ (не будучи соц.-демократами) „соц.-демократическія“ газеты и которые тѣмъ больше твердятъ о развитіи самодѣятельности массъ, чѣмъ успѣшнѣе развращаютъ они нашу молодежь, отвлекая ее отъ работы въ массахъ къ авантюризму террористическихъ покушеній. Рабочіе уже начинаютъ понимать цѣну этихъ расшаркиваній передъ „мускулистымъ кулакомъ“ и не далеко то время, когда господа, навострившіеся въ искусствѣ говорить „со слезой“ объ обидахъ, чинимыхъ рабочимъ ихъ товарищами-интеллигентами, услышатъ внушительный отвѣтъ: „намъ не надо лакействующихъ“.

НОВЫЙ „БЕЗПРИМѢРНЫЙ“ ПОСТУПОКЪ „ИСКРЫ“.

„‚Искра‘,какъ извѣстно, рѣдко бросаетъ свой критическій взоръ на Бундъ, но когда это случается, вы можете быть заранѣе увѣрены, что тутъ дѣло не обойдется безъ нѣкотораго — парламентарно выражаясь — логическаго кунстштюка, обязывающаго читателя къ сугубой осторожности“. Такими словами Загран. Ком. Бунда открываетъ № 96 своего бюллетеня („Послѣднія извѣстія“ отъ 26 ноября 1902 г.). Затѣмъ слѣдуетъ рядъ „доказательствъ“ непозволительнаго поведенія нашей газ. по отношенію къ Бунду.

„Голосъ Рабочихъ“ („Arbeiterstimme“, № 27) развивалъ ту мысль, что на полицейскія насилія революціонеры должны отвѣчать терроромъ. „Искра“, передавая эту мысль, выразила ее словами: „партія должна отвѣчать политическ. убійствами“. З. К. Б. видитъ „введеніе читателя въ заблужденіе“ въ этой замѣнѣ слова „революціонеры“ словомъ „партія“. Къ сожалѣнію, мы и сейчасъ не понимаемъ, въ чемъ состоитъ наше преступленіе. Неужели „Гол. Раб.“ давалъ указаніе революціонерамъ чужой партіи, а не своей собственной? Не вѣрится.

Говоря о резолюціи V конференціи Бунда, „Искра“ „нигдѣ не приводитъ ея текста“. Не приводитъ, это вѣрно. Но „Искра“ и не подрядилась приводить тексты всѣхъ резолюцій, представляющихся ей противорѣчащими задачамъ соц.-дем. Ставить ей это „умолчаніе“ въ укоръ можно было бы лишь въ томъ случаѣ, если бы „Искра“ невѣрно толковала содержаніе резолюціи. Этого, однако, З. К. Б. не пытается утверждать. Онъ только говоритъ, что, не приведя текста, „Искра“ „оставляетъ, такимъ образомъ, мѣсто самымъ дикимъ предположеніямъ относительно ея содержанія, въ родѣ того, что въ ней рекомендуется, между прочимъ, экономическій терроръ“. Удивительно проницательные люди — редактора „Посл. Извѣстій“. Въ „Искрѣ“ прямо сказано, что резолюція Бунда „санкціонируетъ точку зрѣнія ‚Гол. Раб.‘“, а эта точка зрѣнія опредѣлена тамъ же, какъ систематическія убійства въ отвѣтъ на розги. Гдѣ же тутъ „мѣсто“ для „экономическаго террора“? И не стыдно-ли редакторамъ „Посл. Изв.“ такъ неумно изворачиваться, чтобы доказать прямую неправду — будто бы „Искра“ умышленно исказила характеръ послѣднихъ событій въ партійной жизни Бунда?

Далѣе, „Искра“ „умалчиваетъ, что резолюція необязательна, а составляетъ предметъ свободной дискуссіи въ Бундѣ“. Да, но „Искра“ „умолчала“ и о противоположномъ, т. е. она не утверждала, чтобы резолюція была обязательной. Указавъ, что резолюція принята „конференціей“, т. е. совѣщаніемъ, „Искра“ тѣмъ самымъ исключила возможность предположенія, что рѣчь идетъ объ обязательномъ рѣшеніи. Наконецъ, „Искра“ назвала конференцію „конференціей комитетовъ Бунда“, а между тѣмъ „V конференція была только частнымъ совѣщаніемъ изъ членовъ Бунда, по выбору Ц. К., и комитеты, какъ таковые, въ ней не участвовали“. Мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ возможности знать внутреннія дѣла Бунда настолько хорошо, чтобы безошибочно отличать совѣщанія членовъ комитетовъ отъ совѣщанія представителей комитетовъ. Думаемъ, что, поскольку идетъ рѣчь о необязательной для Бунда резолюціи, это отличіе и не существенно. Если оно важнѣе, чѣмъ мы думаемъ, то въ такихъ случаяхъ среди порядочныхъ людей принято фактической поправкой выяснять неточность передачи дѣла,а не вышивать по этому поводу узоры „кунстштюковъ“, „введенія въ заблужденіе“ и т. п.

„А вотъ еще примѣръ“, приберегаетъ свой самый сильный ударъ ред. „Посл. Изв.“. Рѣчь идетъ о статьѣ въ № 27 „Искры“ „Исторія повторяется“, вѣрнѣе, о „фокусъ-покусѣ“, продѣланномъ „Искрой“ по ея поводу. „Искра“ привела слѣд. цитату изъ № 28 „Гол. Раб.“: „сказать, съ одной стороны, что полицейская расправа съ участниками майской демонстраціи громко вопіетъ о мщеніи, и, съ другой стороны, что только полное политическое освобожденіе Россіи можетъ достойно отомстить за всѣ притѣсненія, униженія и т. д. — это значитъ говорить языкомъ талмудиста, который учитъ, что Илья-пророкъ дастъ отвѣтъ на всѣ вопросы“. Слова, подчеркнутыя курсивомъ, по мнѣнію ред. „Посл. Изв.“, „присочинены ‚Искрой‘ и намѣренно вплетены ею въ цитату для того, чтобы имѣть возможность вывести пикантный узоръ для полемики съ Бундомъ“.

По мнѣнію ред. „Посл. Изв.“, словамъ, отмѣченнымъ курсивомъ, въ еврейскомъ текстѣ „Гол. Раб.“ соотвѣтствуетъ фраза, вполнѣ тождественная съ слѣдующей затѣмъ частью цитаты („Илья-пророкъ“ и т. д.). Сначала фраза сказана на древне-еврейскомъ языкѣ, а затѣмъ данъ ея переводъ на жаргонѣ. Совершенно вѣрно. Но вѣрно также и то, что эта древне-еврейская фраза представляетъ обычный отвѣтъ Талмуда на хитросплетенные вопросы. Вопреки утвержденію „Посл. Изв.“, эта древне-еврейская фраза вовсе не есть „обычный способъ выраженія у евреевъ безотносительно къ талмуду“, это — обычный способъ, которымъ талмудъ отдѣлывается отъ неразрѣшимыхъ вопросовъ, и нашъ переводчикъ имѣлъ полное основаніе, при передачѣ цитаты на русскій языкъ, тотъ оттѣнокъ, который „Голосъ Раб.“ вносилъ вплетеніемъ древне-еврейскаго выраженія въ жаргонную рѣчь, выразить словами: „говоритъ языкомъ талмудиста, который учитъ“ и т. д. Говорить по поводу этого, вполнѣ законнаго объясненія читателямъ неизвѣстнаго имъ изреченія о „сочиненіи“ и „намѣренномъ вплетеніи“ — могутъ только люди, которымъ во что бы то ни стало хочется излить свое раздраженіе.

Предлагаемъ читателю судить, насколько раціонально было со стороны Загр. Комитета Бунда возбужденіе полемики по поводу отдѣльныхъ выраженій. По существу дѣла — З. К. Б. отлично знаетъ это — „Искра“ была права, возставъ противъ террористическаго теченія въ Бундѣ. И мы надѣемся, что это теченіе исчезнетъ тѣмъ скорѣе, чѣмъ усерднѣе гг. соц.-рев. будутъ демонстрировать на своемъ примѣрѣ, какъ поступать не слѣдуетъ.

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Вопросъ объ „отрѣзкахъ“ въ Елецкомъ уѣздномъ комитетѣ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Внесенное въ нашъ проектъ программы требованіе о возвращеніи крестьянамъ земель, отрѣзанныхъ отъ ихъ хозяйства такъ-называемой „великой реформой“ 1861 г., вызвало, какъ извѣстно, много возраженій. Въ числѣ прочихъ доводовъ противъ этого требованія намъ пришлось слышать, что оно является плодомъ кабинетной мысли, далекой отъ дѣйствительной жизни (см. № 13 „Рев. Рос.“)! На сколько знакомы съ дѣйствительной жизнью наши критики, видно изъ того, что такіе несомнѣнные „практики“, какъ члены уѣздныхъ комитетовъ, начали уже подходить къ этому якобы „кабинетному“ вопросу.

И подошли они къ нему вплотную, какъ только серьезно занялись вопросомъ о регулированіи арендныхъ отношеній.

Объ арендныхъ отношеніяхъ заговорили въ Елецкомъ комитетѣ. Было констатировано, что въ черноземной полосѣ громадный процентъ (чаще большинство) крестьянъ арендуетъ помѣщичьи земли и что сплошь и рядомъ арендныя цѣны превосходятъ чистый доходъ съ арендуемой земли. Такъ, въ Задонскомъ уѣздѣ, при среднемъ чистомъ доходѣ съ десятины въ 10 р. 46 к., средняя арендная плата (съ десятины) 14 р. 52 к. Въ Землянскомъ уѣздѣ доходъ — 16 р. 03 к., плата — 18 р. 53 к Для противодѣйствія этому ростовщическому вздуванію арендныхъ цѣнъ елецкіе земцы предлагаютъ „обязательный выкупъ тѣхъ земель, которыя необходимы крестьянамъ и въ то же время не имѣютъ никакого хозяйственнаго значенія для землевладѣльцевъ“. Таковы такъ-называемыя „отрѣзныя“ земли, прогоны, разные клинья и т. п. участки и клочки, безъ арендованія которыхъ крестьяне не въ состояніи обойтись“ („Нов. Вр.“ № 9597 отъ 21 ноября).

Понятно, что, не имѣя для помѣщиковъ „хозяйственнаго“ значенія въ смыслѣ производительнаго использованія, эти „отрѣзки“ являются источникомъ кабальной, принудительной эксплуатаціи крестьянъ. Пользованіе именно этими землями придаетъ хозяйству нашихъ помѣщиковъ крѣпостническій характеръ, а ихъ самихъ дѣлаетъ господами надъ личностью „освобожденнаго“ крестьянина. „Совершенно справедливо, говоритъ корреспондентъ „Нов. Вр.“, что эти именно отрѣзки, прогоны и клинья идутъ всего дороже въ аренду, потому что крестьянское хозяйство прямо нельзя вести безъ нихъ. Снимай во что бы то ни стало, снимай въ прямой убытокъ... но снимай, потому что безъ нихъ ‚дохнуть нельзя‘“.

Мысль объ обязательномъ выкупѣ отрѣзковъ отстаивалъ въ Елецкомъ комитетѣ А. А. Стаховичъ. „Цѣлый рядъ сельскихъ хозяевъ“ во главѣ съ А. Д. Полѣновымъ возсталъ противъ обязательнаго выкупа. По мнѣнію Полѣнова, „обязательное отчужденіе ‚отрѣзковъ‘ должно примѣняться только въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ ‚общественной пользы‘“. „Нов. Вр.“ находитъ, что „съ этимъ умѣреннымъ и благоразумнымъ взглядомъ нельзя не согласиться“ и предлагаетъ выкупить отрѣзки при помощи крестьянскаго банка, какъ „миролюбиваго посредника между обѣими сторонами“.

Возвращеніе отрѣзныхъ земель и связанное съ нимъ урегулированіе арендныхъ цѣнъ представляютъ единственно возможныя средства нанести сильный ударъ крѣпостнически-кабальнымъ отношеніямъ въ деревнѣ — этому источнику нашей экономической, соціальной и культурной отсталости. Но обставлять эту необходимую реформу какой-нибудь „выкупной операціей“ и проводить ее методами „полюбовной сдѣлки“, — значило бы, пожалуй, еще больше запутать и безъ того сложную сѣть, въ которой бьется русскій крестьянинъ-собственникъ. Развивающійся капитализмъ со всѣхъ сторонъ напираетъ на мелкое крестьянское хозяйство, и процессъ его приспособленія къ создаваемымъ капитализмомъ условіямъ затруднятся чрезвычайно, если освобожденіе отъ послѣднихъ остатковъ крѣпостного права наградитъ крестьянина новыми платежами и повинностями. Только радикальное — безвозмездное, повсемѣстное и обязательное — отчужденіе отрѣзковъ можетъ принести крестьянамъ-собственникамъ замѣтное облегченіе.

И только рабочая партія, чуждая и оппортунистической трезвенности буржуазныхъ реформаторовъ и утопизма романтиковъ-революціонеровъ, воображающихъ, что, наклеивъ этикетку соціализма или „полусоціализма“ на дюжинныя реформы, они создадутъ для крестьянства выходъ изъ теперешней нищеты внѣ широкой колеи классовой борьбы, — только рабочая партія сможетъ энергично агитировать въ пользу этой радикальной, необходимой и истинно революціонной мѣры, только она одна сможетъ собрать силы, необходимыя для ея проведенія въ жизнь.

Поднимаемые въ засѣданіи земскихъ комитетовъ важные общественные вопросы показываютъ всю настоятельную необходимость для нашей партіи поскорѣе выработать и утвердить свою программу, могущую служить опорнымъ базисомъ для воздѣйствія соц.-демократическихъ организацій на общественное мнѣніе страны.

Кострома. Присмирѣла наша Кострома: съ самой весны у жандармовъ никакъ не наклевываются „дѣла“. Но связанныя вынужденной праздностью силы ищутъ себѣ исхода. И вотъ нашъ полковникъ Кемпе предстаетъ передъ нами въ роли любителя искусствъ... Въ СПБ. есть нѣкій жандармскій офицеръ изъ дѣлающихъ хорошую карьеру, Яновъ. Женѣ этого Янова, пѣвицѣ, вздумалось совершить артистическое турнэ. Въ маршрутъ этого турнэ включили и нашъ городокъ. Расклеили афиши, тамъ, гдѣ ихъ „полагается“ расклеивать, а затѣмъ... тамъ, гдѣ ему совсѣмъ не подобало бы бывать, — въ гостиныхъ мѣстчыхъ либераловъ появился Кемпе съ билетами въ рукахъ. Странныя рѣчи раздались въ либеральныхъ гостинныхъ! Онъ не спроста пришелъ съ билетами... О, нѣтъ! онъ хочетъ доказать „внутреннимъ врагамъ“, какимъ сочувствіемъ общества пользуется его, Кемпе, дѣятельность. Нашимъ обывателямъ пришлось пережить непріятныя минуты. Они отнѣкивались, придумывали разные предлоги, но... большею частью брали билеты, и сборъ былъ почти полный. Треть чистаго сбора съ этого жандармскаго концерта пошла на дѣла благотворительности.

17 ноября въ мѣстномъ техническомъ училищѣ праздновали юбилей основателя, Чижева. Въ числѣ прочихъ прибылъ на юбилей и душеприказчикъ Чижева, извѣстный всей Россіи аферистъ Савва Мамонтовъ. Юбилей, какъ водится, закончился обѣдомъ съ обильными возліяніями. Въ самый разгаръ пира, когда затуманились уже буйныя головы гостей, явился нашъ новый „общественный“ дѣятель — Кемпе. Мамонтовъ привѣтствовалъ его рѣчью о „подводныхъ камняхъ“, угрожающихъ „кораблю жизни“, и предложилъ тостъ за него, какъ за одинъ изъ этихъ „камней“. Кемпе имѣлъ достаточно наивности или такта, чтобы принять тостъ благосклонно, но... больше никто тоста не поддержалъ. Хорошо же вышколенъ русскій обыватель, если онъ не отзывается даже на застольную шутку, мало-мальски щепетильную!

Впрочемъ, какъ видно, не всѣ у насъ довольны поведеніемъ общества. Недавно вышла прокламація „группы свободомыслящихъ“, авторы которой, рѣзко клеймя дѣятельность Кемпе и тов. прок. Масальскаго, приглашаютъ общество бойкотировать ихъ.

Тоже недавно вышла другая прокламація „старыхъ земцевъ“, подписанная „Группа Освобожденія“. Въ этомъ воззваніи, разосланномъ гласнымъ костромского губернскаго собранія и гласнымъ нѣкоторыхъ другихъ городовъ, земскіе люди приглашаются — въ виду политическаго кризиса, переживаемаго Россіей, — перейти къ новымъ пріемамъ борьбы. Рекомендуется выставить лозунгомъ пресловутый четвертый пунктъ программы майскаго съѣзда земцевъ въ Москвѣ. Пунктъ этотъ содержалъ требованіе участія въ Особомъ Совѣщаніи выборныхъ земскихъ представителей и былъ вычеркнутъ Шиповымъ послѣ его разговора съ министромъ. Авторы предвидятъ, что „въ большинствѣ земскихъ собраній такое требованіе не будетъ допущено до обсужденія, — среди предсѣдателей губернскихъ собраній Стаховичей, къ сожалѣнію, немного“. Но тогда остается еще одинъ путь: „легальный протестъ“, и такой протестъ долженъ вылиться въ формѣ забастовки. Исполнимость доказывается примѣр. студ. и рабочихъ; возраженіе, что все земское хозяйство остановится при отказѣ отъ разсмотрѣнія смѣтъ, опровергается доводомъ о возможности вести его по прошлогодней смѣтѣ. Какъ ни какъ, — эта прокламація симптомъ броженія и въ земской средѣ. Чтобы охарактеризовать строй мыслей ея авторовъ, приведемъ слѣдующую выдержку. Рѣчь идетъ о признакахъ политическаго кризиса, „значеніе котораго неоцѣнено въ надлежащей его полнотѣ ни одной изъ существующихъ нашихъ партій. Самые факты, однако, указывающіе на существованіе кризиса, неоспоримы. Эти факты — непрерывно бѣднѣющее крестьянство съ явными признаками вырожденія, накопленіе въ городахъ громадныхъ массъ безнадежно безработныхъ, глубоко проникшее во всѣ слои недовольство, крайняя изнервленность и взвинченность всего общества, энергическая, вызываемая отчаяніемъ(?) дѣятельность крайнихъ партій, колебаніе дисциплины въ войскахъ и, наконецъ, самое важное — глухое броженіе среди народныхъ массъ, грозящее каждую минуту перейти въ открытое возстаніе, которое можетъ вмѣстѣ съ абсолютной монархіей смести и самый принципъ монархіи, вмѣстѣ съ злоупотребленіями частной собственности смести и самый принципъ (ого! Ред.) этой собственности“.

Въ августѣ мѣсяцѣ въ „глухихъ мѣстахъ“ нашей губерніи, по р. Вычугѣ, былъ большой переполохъ. Одинъ рабочій, пріѣхавшій изъ Н.-Новгорода, привезъ съ собой нѣсколько штукъ прокламацій. Онѣ быстро пошли по рукамъ, но скоро попали къ уряднику, а потомъ къ Кемпе. Голубые нагрянули и обыскали чел. 20. Виновника тоже обыскали и при немъ нашли двѣ прокламаціи, но такъ какъ онъ лежалъ въ больницѣ, его не арестовали. Около этого же времени усердно, но безуспѣшно искали одного интеллигента, нѣкоего Щеколдина.

Мѣсто это дикое, и подобныхъ исторій тамъ не бывало испоконъ вѣку. Теперь всѣ отъ мала до велика объ этомъ заговорили. Среди хозяевъ паника: „вотъ, молъ, и къ намъ крамола забралась!“, а сѣрый народъ начинаетъ шевелиться и думать. Спасибо голубымъ „агитаторамъ по неволѣ“!

Самара городъ большой, но, какъ и за большими собаками, за ней смѣло могла бы сохраниться репутація отмѣнной тишины и спокойствія. Къ ней приложима та же характеристика, какую одинъ составитель образцоваго учебника по русской исторіи даетъ всей Россіи: чиновники тутъ управляютъ, купцы торгуютъ, рабочіе работаютъ, фабриканты и заводчики собираютъ барыши, учащіе учатъ, учащіеся учатся, интеллигенты совершенствуются въ саморазвитіи, словомъ, каждый занятъ своимъ дѣломъ, никто никому не мѣшаетъ и всѣ въ общемъ благоденствуютъ. Единственнымъ диссонансомъ въ общей гармоніи интересовъ и всякаго благополучія является самарская полиція, которая, наскучивъ сидѣть безъ дѣла, волнуется и интригуетъ, провоцируетъ, словомъ, всячески добивается приложенія своихъ силъ, создаетъ почву. Послѣ злополучнаго выстрѣла Логовскаго она упорно старается поддерживать въ высшихъ сферахъ взглядъ на Самару, какъ на очагъ всяческаго революціоннаго броженія.

Городъ, въ которомъ несмотря на безобразныя условія работы на заводахъ: низкій заработокъ, рабочій день, удлиняемый подъ видомъ добровольныхъ сверхурочныхъ работъ до 15-17 и 18 часовъ, полное отсутствіе мѣръ предосторожности (напр. въ экипажномъ заведеніи Флеккелъ пилы безъ деревянныхъ ручекъ), нахальное нарушеніе законовъ о штрафахъ (на заводѣ Лебедева рабочихъ, не потрафившихъ хозяину, разсчитываютъ вмѣсто 8 дней за 5 дней; тамъ же рабочаго, выработавшаго на сдѣльной работѣ нѣсколько больше, хозяинъ обзываетъ мошенникомъ и разсчитывается съ нимъ поденно); городъ, въ которомъ за нѣсколько лѣтъ не было ни единой стачки, не говоря уже о какой-либо болѣе серьезной вспышкѣ, административная фантазія обращаетъ въ очагъ революціи. Каждую весну богобоязненные обыватели со словъ знакомыхъ околодочныхъ разсказываютъ объ имѣющихъ быть въ томъ или другомъ мѣстѣ демонстраціяхъ. Въ извѣстныя числа солдатъ не выпускаютъ изъ казармъ, ожидая чего-то. Проходитъ весна, лѣто, осень, а на Шипкѣ все спокойно. И вотъ наша жандармерія нашлась. Изъ пустой вечеринки прошлаго года она съумѣла создать дѣло, сославъ въ Вятскую губ. двухъ якобы устроителей ея — Кузнецова, бывш. ветерин. студента и учредителя курсовъ бухгалтеріи — Севруха и посадивъ въ тюрьму барышенъ, повинныхъ лишь въ танцахъ на этой вечеринкѣ.

15 и 16 окт. этого года она вновь предприняла походъ, устроивъ до 20, по нѣкоторымъ извѣстіямъ до 35 обысковъ. Арестованы желѣзнодорожный служащій Зиссеръ, два бывшихъ статистика Акромовскій и Евтимовичъ, какой-то семинаристъ и гимназистъ, земскій техникъ, были обыски въ Аптекѣ Волянскаго, кто-то взятъ въ ней, и въ табачномъ магазинѣ Габай, у управскаго служащаго Иванова, желѣзнодорожнаго служащаго Барышина (мѣстнаго послѣдователя Левицкаго) и др.

Обыски захватили и уѣздъ; оттуда жандармы привезли одну земскую учительницу. О причинахъ обысковъ говорятъ разное. Одни говорятъ, что это результатъ введенія въ Саратовѣ охраннаго отдѣленія, другіе, что сыръ-боръ загорѣлся изъ-за невиннаго произведенія пригородной музы соціалистовъ-революціонеровъ, попавшей въ наши заповѣдныя палестины. Въ произведеніи этомъ ставится на видъ, кому слѣдуетъ, что авторъ неудачнаго покушенія на харьковскаго губернатора принадлежитъ къ кругу заводскихъ рабочихъ и предлагается по этому поводу рабочимъ требовать себѣ фабрикъ, а крестьянамъ землю. Кстати, нельзя не упомянуть о проявляемомъ нашими синими мундирами самодурствѣ: за отказъ давать показанія или же за нежеланіе выдать товарищей они морятъ заключенныхъ отказомъ въ пропускѣ съѣстныхъ припасовъ и свѣдній. Прокурорскій надзоръ, повидимому, считаетъ это въ порядкѣ вещей.

Послѣдствія кіевскаго побѣга. Дѣло о побѣгѣ передано суд. слѣд. по важнѣйшимъ дѣламъ. Помощникъ начальника Сулема сидитъ въ крѣпости. Тюремное начальство предрекаетъ каторгу Плесскому и тѣмъ участникамъ побѣга, которые будутъ вновь пойманы. Извѣстіе о самоубійствѣ тюремнаго привратника Луки подтверждается. Жандармы пытались „доказать“, что побѣгъ вовсе не совершенъ помощью лѣстницы, что этотъ привратникъ по одному выпустилъ бѣглецовъ черезъ ворота, лѣстницу же послѣ поставило тюремное начальство.

Курскъ. На земскомъ собраніи раздавалась гектографированная прокламація за подписью „Голосъ изъ публики“, обращенная къ „Господамъ гласнымъ Курскаго губернскаго земства“ съ эпиграфомъ: „Рожденный ползать — летать не можетъ“ (Пѣснь о соколѣ). Приводимъ главныя мѣста этой прокламаціи:

„Возмущенная публика, собравшаяся въ большомъ количествѣ на открытіе земскаго собранія, не можетъ обойти молчаніемъ Вашего пассивнаго отношенія къ позорному событію — устраненію князя П. Д. Долгорукова отъ земской дѣятельности...“

Обрисовавъ эту дѣятельность, прокламація продолжаетъ:

...„Трудно прикрываться при данныхъ условіяхъ своею лояльностью, невозможно оправдываться тѣсными рамками закона, когда одна трусость, одинъ шкурный вопросъ соединилъ всѣхъ

въ этой безучастности, въ этомъ почти индиферентномъ отношеніи къ самому факту дикаго произвола, царящаго у насъ на Руси. Высочайшія соизволенія, какъ извѣстно, находятся всецѣло въ рукахъ нахальнаго временщика, г. Плеве; на докладахъ министра синимъ карандашемъ ставится царемъ буква „С“, т. е. „согласенъ“; одинъ почеркъ пера отставляетъ отъ должности предсѣдателя управы, другой подписываетъ тому же лицу почетное гражданство. Не знать это губернскимъ гласнымъ, по меньшей мѣрѣ, наивно. Отрезвленные послѣдними катастрофами, совершившимися въ земской жизни (аресты Бунакова, Мартынова, смѣщеніе уѣздн. пред. двор. воронежскаго у. Алисова и т. п.), губернское земство должно было бы протестовать, и свой протестъ рѣзко и достойно заявить, чтобы съ поддержкой другихъ земствъ сбросить съ себя давящее иго министерскаго произвола. Вы робко поддержали робкое предложеніе г. Бѣлявскаго о выраженіи благодарности кн. Долгорукову; не было произнесено ни одной рѣчи, въ которой была бы сдѣлана достойная оцѣнка дѣятельности ушедшаго товарища. Наконецъ, Вы даже не поддержали предложеніе г. Жекулина послать князю сочувственную телеграмму — самая трусливая и безопасная форма протеста. Вы молча согласились на это, покорно выслушавъ запрещеніе Вашего „законнаго“ дворянскаго вождя, не смотря на его незаконныя требованія. Мы не будемъ говорить о гг. Суковкиныхъ, Романовскихъ, Исаковыхъ, Касаткиныхъ-Ростовскихъъ, Шпановыхъ, Говорухо-Отрокахъ, Мухановыхъ и т. п., но даже такіе, какъ гг. Евреиновъ, Якушкинъ, Рутценъ, Ширковъ, Раевскій, Шагаровъ, Влигенгеймъ, Овсяннико-Куликовскій и др., за которыми публика слѣдила съ напряженнымъ вниманіемъ, думая, что они спасутъ честь земскаго собранія, — остались безмолвны.

„Теперь администрація будетъ совершенно покойна: земскихъ гласныхъ можно напугать, они послушны, а такихъ бояться нечего. Не думайте, гг. гласные, что публика ушла съ хоръ, испугавшись неистоваго звонка предсѣдателя!! Нѣтъ! Громадное большинство удалилось вслѣдствіе того негодованія, которое испытывалъ каждый, присутствуя на одномъ изъ позорныхъ засѣданій Курскаго Губернскаго Земства“.

* * *

Обращаемъ вниманіе всѣхъ товарищей на эту, заслуживающую подражанія и развитія, попытку открытаго и организованнаго воздѣйствія на господъ „цензовыхъ“ представителей „земли“ со стороны свободныхъ представителей общественнаго мнѣнія вообще и мнѣнія рабочаго класса въ особенности. Ред.

Еще о студентахъ въ Сибири. Намъ пишутъ:

...„По вопросу о томъ, какъ отнестись къ предлагаемому сокращенію сроковъ и возвращенію въ Россію, студенческая публика сильно раскололась; сказать въ точности, за что стоитъ большинство, трудно. Первая категорія почти цѣликомъ уѣхала; часть второй стоитъ за возвращеніе, часть противъ. Теперь одна группа взяла на себя иниціативу опросить всѣхъ, подсчитать голоса и тогда, если будетъ большинство, послать отказъ. Этимъ путемъ надѣются добиться сравненія II и III категорій и возвращенія всѣхъ.

„Ссылка и рядъ вопросовъ, связанныхъ съ ней (отношеніе къ правительственнымъ актамъ, возвращеніе и пр.), все это обнаружило рядъ совершенно различныхъ группъ въ средѣ сосланнаго студенчества: часть выдѣлила себя совершенно, заявивъ, что ей до студенчества въ массѣ нѣтъ дѣла; другіе заявили, что хотя они себя и вычеркиваютъ изъ студенческой среды, но по чувству товарищества присоединяются къ рѣшенію и пр.

„У нѣкоторыхъ студентовъ замѣтна тенденція смотрѣть на сосланную группу, какъ на какой-то авангардъ студенческо-политической партіи (на одномъ изъ собраній былъ даже заданъ вопросъ: „признаютъ-ли присутствующее студенчество партіей?“)“...

Мы получили также слѣдующее „письмо къ товарищамъ-студентамъ“, подписанное „группа ссыльныхъ студентовъ въ Сибири“ и свидѣтельствующее объ иныхъ взглядахъ:

„Изъ далекой Сибири. Письмо къ товарищамъ-студентамъ.

„Товарищи! Передъ нами — начало великой исторической драмы. Правительственная политика послѣднихъ лѣтъ — это не что иное, какъ предсмертныя конвульсіи умирающаго чудовища. Не по днямъ, а по часамъ растетъ та грозная сила, которой суждено стать его могильщикомъ. Это — русскій рабочій классъ, проснувшійся и уже расправляющій свои могучіе члены, какъ сказочный богатырь... А за нимъ и вмѣстѣ съ нимъ ожила и вся русская жизнь, ожили всѣ честныя и лучшія силы Россіи. Даже темное крестьянство — темнотой своей издавна служившее надежнѣйшей опорой русскому деспотизму — вдругъ заколебалось и потеряло свою прочность и надежность.

„Чувствуя приближеніе конца, русское самодержавіе растерянно кидается отъ одного средства къ другому, напрасно ища спасенія. Вѣрно почуявъ, съ какой стороны грозитъ ему неминучая гибель, гдѣ тотъ непобѣдимый противникъ, „мускулистая рука“ котораго подымется и „ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится въ прахъ“, правительство наше испробовало уже не мало мѣръ и средствъ — подлыхъ и предательскихъ, — чтобы вновь усыпить проснувшагося богатыря. Но — напрасно. Пришлось бросить всѣ хитрыя уловки, какъ безполезныя. И самодержавное чудовище, принужденное скинуть съ себя фальшивую маску, явилось передъ всѣмъ русскимъ обществомъ — имѣющимъ очи и видящимъ — во всей своей отвратительной наготѣ. Пули, нагайки, висѣлицы, розги и море крови были отвѣтомъ рабочему классу на его первые шаги по пути самосознанія.

„Точно также и къ намъ — студентамъ, послѣ цѣлаго ряда безнадежныхъ помаховиній хвостомъ и неудачныхъ „сердечныхъ“ заигрываній, примѣнена была „мѣра пресѣченія“, столь откровенно-циничная по своей беззаконности, столь грубо безцеремонная, что съумѣла вызвать нѣчто вродѣ ропота даже изъ устъ вѣчно замкнутыхъ и трепещущихъ...

„Скорый и правый“ судъ, произведенный надъ студентами царскимъ самодержавіемъ, расшевелилъ даже нашу, всегда столь благоразумную и осторожную обывательщину.

„Ссылка въ Сибирь — безъ излишнихъ разсужденій и промедленій, — эта грубая и жестокая расправа, не прикрытая даже и комедіей законности, растревожила, наконецъ-таки, и этого корректнаго, безчувственно-осторожнаго раба съ заячьей душой и съ сердцемъ пигмея. И поистинѣ надо признать, что это было послѣднее „героическое усиліе“ русскаго самодержавія: не оставить ни единаго уголка нашей обширной родины, не забросивъ туда искры недовольства и справедливаго гнѣва къ его собственному беззаконію. Дальше идти уже некуда. Единственными искренними друзьями русскаго царизма остались теперь развѣ шпіоны, жандармы и полиція.

„Но вотъ, совершивъ пакость, самодержавіе, — по старой своей привычкѣ, вдругъ спохватилось и... для „успокоенія умовъ“ порѣшило выкинуть свою старую испытанную штуку: подсластить совершенное преступленіе. Вѣдь русскій обыватель глупъ и довѣрчивъ.

„И что же? Къ намъ въ Сибирь нежданно-негаданно является фон-Плевевскій посланникъ — жандармскій шефъ Святополкъ-Мирскій съ цѣлью... совершить милосердіе, „облегчить участь“ сосланныхъ студентовъ.

„Подумайте только. Царское правительство шлетъ въ далекую Сибирь самого товарища министра (нынѣ, какъ извѣстно, уступившаго свою почетную должность достославному мерзавцу фон-Валю), и при томъ шефа жандармовъ, чтобы оказать свою „справедливость“ и свое добросердечіе Высокопоставленный жандармъ мягкимъ, отеческимъ тономъ говоритъ о „пересмотрѣ дѣла“, предлагаетъ раскаяться, обѣщаетъ всепрощеніе и за всѣ эти „милости“ требуетъ лишь одного маленькаго честнаго слова: отказаться быть порядочнымъ человѣкомъ и сдѣлаться свиньей (комментируемъ: Святополкъ-Мирскій предлагалъ многимъ изъ товарищей дать слово не участвовать ни въ какой нелегальной дѣятельности).

„Но представьте себѣ: эти „крамольники“-студенты, эти „нераскаянные злодѣи“, всѣ, какъ одинъ, отказываются пойти на встрѣчу царскому заигрыванію. Мало того: нѣкоторые изъ нихъ въ „непозволительно-дерзкомъ“ тонѣ заявляютъ свое нежеланіе вступать въ какія-либо бесѣды съ царскимъ посланникомъ...

„Да, товарищи, мы не пошли на позорную сдѣлку. Мы рѣзко отвергли жандармское предложеніе. Пусть знаютъ всѣ, что мы вступили въ борьбу сознательную и безповоротную, въ которой нѣтъ мѣста соглашеніямъ съ врагомъ.

„Какое впечатлѣніе произвела эта поѣздка жандарма на общество, мы не знаемъ, но нѣтъ сомнѣнія, что безвозвратно прошло то время, когда русское правительство способно было „подавать надежды“ и порождать „безсмысленныя мечтанія“ своимъ жалкимъ заигрываніемъ у кого бы то ни было... Поздно. Теперь иное время. Близка уже развязка, кодда захлебнувшееся въ крови русское правительство дастъ отвѣтъ за всѣ свои обманы, пытки и преступленія передъ возставшимъ народомъ. Всѣ жалкія заплаты-реформы, которыми оно растерянно силится умиротворить то возмущенія рабочихъ, то бунтъ крестьянъ, то студенческія волненія, теперь никого не прельстятъ уже болѣе.

„Мы, студенты, не хуже другихъ знаемъ теперь всю цѣну хитрымъ и гнуснымъ уловкамъ. Русское самодержавіе, обезкураженное безостановочнымъ ростомъ революціоннаго движенія, бросается съ одного пути на другой, отъ одной крайности въ другую и, можетъ быть, еще не разъ русское студенчество испытаетъ на себѣ его тяжелую лапу — то заигрывающую, то звѣрски карающую... Но мы всегда и твердо будемъ помнить, съ кѣмъ имѣемъ дѣло. Мы всегда должны знать и помнить, что плодотворная научная работа, что истинная наука несовмѣстима съ царскимъ самодержавіемъ, какъ огонь и вода.

„Въ самодержавномъ государствѣ наука можетъ прозябать, но не процвѣтать.

„Пусть сколько угодно твердятъ намъ „ученые“ прихвостни самодержавія, что „политика“ не наше дѣло, что наше дѣло, заткнувъ уши, сидѣть и зубрить, мы съ презрѣніемъ отвернемся отъ нихъ. Нѣтъ, товарищи, мы не только учащіеся, не только студенты, мы прежде всего люди, и какъ люди, мы не можемъ примириться никогда съ нашимъ полнымъ безправіемъ, съ ежедневнымъ издѣвательствомъ и насилованіемъ всѣхъ добрыхъ порывовъ, всѣхъ честныхъ стремленій... Прежде всего намъ необходимо стать гражданами, а не жить рабами, ежечасно рискующими быть униженными, опозоренными, втоптанными въ грязь. Тогда, и только тогда сможемъ мы думать о мирной и спокойной научной работѣ. Теперь же такое спокойствіе мы объявляемъ преступленіемъ. Въ то время, когда родина наша стонетъ и истекаетъ кровью подъ варварскимъ игомъ царизма, въ то время, когда то здѣсь, то тамъ славной смертью гибнутъ борцы за свободу; въ то время, когда проснувшійся богатырь, русскій рабочій классъ, скованный двойною цѣпью — самодержавія и капитализма — возсталъ на безпощадную борьбу и трупами своими усѣиваетъ путь, — мы... станемъ сидѣть за ретортой, копаться со скальпелемъ или, забившись въ аудиторіи, слушать лепетъ „ученыхъ“ чиновниковъ... Нѣтъ, товарищи, тысячу разъ нѣтъ. На борьбу, на безпощадную борьбу должны мы пойти. Тамъ наше мѣсто, тамъ теперь мѣсто и всѣхъ честныхъ русскихъ людей. Бываютъ въ жизни народа моменты, когда лишь одна наука — наука борьбы — обязательна для каждаго. И такой-то именно моментъ переживаетъ теперь наша родина. Борцамъ за свободу нечего бояться неудачъ и горькихъ разочарованій. Ихъ ждетъ вѣрная побѣда: за современнымъ революціоннымъ движеніемъ — все экономическое и культурное развитіе Россіи. Съ 80-хъ годовъ это развитіе сдѣлало исполинскій шагъ впередъ и выдвинуло на историческую сцену новую, еще невиданную доселѣ и могучую силу, армію русскаго пролетаріата, сконцентрированную и сплоченную безостановочнымъ ростомъ капитализма. И только онъ, этотъ новый, непобѣдимый борецъ, способенъ совершить многотрудное дѣло освобожденія; только онъ — этотъ носитель великой идеи соціализма, воодушевленный славной задачей, выпавшей на его долю — сотретъ съ лица земли позорное иго Россіи.

„Съ каждымъ днемъ растетъ самосознаніе русскаго рабочаго класса, съ каждымъ днемъ близится гибель царизма.

„Нашъ долгъ, товарищи, наша святая обязанность пойти на помощь къ этому проснувшемуся великану-освободителю, къ этому побѣдоносному борцу и могильщику самодержавія. Къ нему, къ рабочему классу, должны мы снести всѣ крохи своихъ знаній; ему, и только ему, должны мы отдать всѣ свои силы и самихъ себя. Тамъ, въ его рядахъ, въ рядахъ пролетаріата, воодушевленнаго великой идеей соціализма, мы должны найти и мы найдемъ себѣ мѣсто. И вмѣстѣ съ нимъ, подъ краснымъ знаменемъ революціонной соціалдемократіи, съ негодованіемъ оттолкнувъ всякія „ласки“ и заигрыванія самодержавія, смѣло и дружно двинемся впередъ на подгнившую, расшатанную крѣпость русскаго царизма.

„На борьбу же, товарищи! Къ вѣрной побѣдѣ! Долой царское самодержавіе! Да здравствуетъ соціалдемократическое движеніе!

„Сентябрь 1902 г.

Группа ссыльныхъ студентовъ въ Сибири.

Французъ, какъ защитникъ русскаго „престола и отечества“. Въ московской 4-ой мужской гимназіи учитель франц. языка, вмѣсто преподаванія ученикамъ своего предмета, занимается пропагандой антиреволюціонныхъ идей и является защитникомъ монархическаго образа правленія. Ведетъ онъ свои занятія систематически съ учениками послѣднихъ классовъ, особенно съ выпускнымъ классомъ, и нельзя сказать, чтобы занятія его были совсѣмъ неудачны: есть образчики его вліянія и его успѣховъ въ этомъ дѣлѣ. Такъ, онъ приноситъ въ классъ и даетъ читать ученикамъ сочиненія Горькаго и „Воскресеніе“ (заграничное изданіе) Л. Толстого, третируя и ругая ихъ какъ идіотовъ, болвановъ и бездарныхъ писателей, искажающихъ дѣйствительность и приносящихъ вредъ настоящему образу правленія. Доказываетъ ученикамъ, что Горькій чуть-ли не анархистъ; что онъ защищаетъ всѣхъ пьяницъ, воровъ и бездѣльниковъ, потакая ихъ пьянству и бездѣльничанью; что всѣ эти хитровцы — пьяные бездѣльники, не желающіе работать, и что оттого-то они и голодаютъ, что хотятъ все получить въ даровщину; что крестьяне бунтуютъ подъ вліяніемъ „злой пропаганды революціонеровъ“, что они вовсе не голодаютъ, а хотятъ лишь ограбить помѣщиковъ и воспользоваться, не трудясь, ихъ благосостояніемъ; что революціонеры изъ-за своихъ личныхъ выгодъ хотятъ восользоваться крестьянами и рабочими, какъ пушечнымъ мясомъ. Личная же выгода революціонеровъ состоитъ въ томъ, чтобы, воспользовавшись бунтами, самимъ захватить всѣ видные и богато оплачиваемые посты и сдѣлать такимъ легкимъ путемъ себѣ карьеру, сдѣлать же ее честнымъ путемъ у нихъ-де не хватаетъ способностей, да и нѣтъ желанія работать на пользу отечества. Въ такомъ же духѣ онъ проповѣдуетъ имъ и о студенческихъ безпорядкахъ, что все это, дескать, происки бездарныхъ лѣнтяевъ, которые хотятъ кончить университетъ, не трудясь; не трудясь честно, создать себѣ карьеру. Въ доказательство своихъ разглагольствованій онъ приноситъ въ классъ нелегальные листки и брошюры (вѣроятно, изъ охраннаго отдѣленія), стараясь опровергать ихъ содержаніе. На учениковъ онъ производитъ сильное впечатлѣніе, они отъ него въ первый, можетъ быть, разъ слышатъ разговоры на политическія темы, а запросъ, конечно, у нихъ есть, и вотъ они, вмѣсто скучной зубристики неправильныхъ французскихъ глаголовъ, слышатъ разглагольствованія на столь животрепещущія темы; свободно могутъ задавать ему вопросы, слышать отвѣты, обсуждать совмѣстно ихъ и, подъ его предсѣдательствомъ, вырабатывать себѣ „трезвые“ взгляды. Ученики, 15-16-лѣтніе мальчуганы, уже хвастаются, что они-де въ университетъ вступятъ уже созрѣвшими людьми съ опредѣленной, трезвой точкой зрѣнія на всѣ вопросы.

Вотъ еще примѣръ той разлагающей атмосферы, подъ вліяніемъ которой воспитывается наше юное поколѣніе. Въ женской гимназіи г-жи Пуссель (что на Покровкѣ, въ Москвѣ же) практикуется систематическое преслѣдованіе всѣхъ учащихся дѣвочекъ-евреекъ; русскія дѣвочки рѣшили во что бы то ни стало выжить ихъ изъ гимназіи: онѣ съ ними не играютъ, не ведутъ знакомствъ, подстраиваютъ всякія шалости и обвиняютъ въ нихъ евреекъ, наконецъ, кляузничаютъ, доносятъ на нихъ. Все это проводится съ молчаливаго согласія школьнаго начальства. Были случаи, когда дѣвочкамъ-еврейкамъ становилось не втерпежъ дальнѣйшее пребываніе въ гимназіи, всѣ эти издѣвательства и насмѣшки и прямо-таки преслѣдованіе каждаго шага и слова — и онѣ уходили изъ гимназіи. Есть такіе же случаи и въ мужскихъ гимназіяхъ; не особенно давно былъ случай, когда такимъ же способомъ выжили изъ гимназіи одного поляка. Здѣсь ужъ мальчуганы ухищрялись не только издѣваться, но прямо колотить его, чуть-ли не всѣмъ классомъ...

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ
и
ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Ростовъ на Дону. Мы можемъ теперь сообщить опущенныя въ № 29 имена ораторовъ на ростовскихъ рабочихъ сходкахъ: интеллигентъ Брагинъ (арестованъ) и рабочій Ставскій. Послѣдній, вмѣстѣ съ нѣкоторыми своими товарищами, счастливо спасся отъ полиціи и находится теперь заграницей. Онъ прислалъ намъ подробное описаніе всей стачки, которое мы, въ виду его размѣровъ, намѣрены издать отдѣльной брошюрой (вмѣстѣ съ собираемыми дополнительными матеріалами о стачкѣ).

Приводимъ корреспонденціи объ окончаніи стачки, о впечатлѣніи, производимомъ ею, и о событіяхъ въ Тихорѣцкой и Новороссійскѣ.

„Ростовъ-на-Дону, 20 ноября 1902 г. Послѣдніе пять-шесть дней очень трудно было получить какія-нибудь свѣдѣнія съ „поля дѣйствія“. Полиція творила нѣчто невозможное. Пріѣхала масса войскъ, въ это же время нѣкоторыя фабрики удовлетворили незначительныя требованія, выставленныя рабочими, и послѣдніе пошли на работу; осталось забастовавшихъ рабочихъ около трехъ тысячъ, которые, конечно, ничего не могли сдѣлать съ ордой полиціи; поэтому, не смотря на всѣ старанія, общія сходки не могли состояться, переносили ихъ въ разныя мѣста, но полиція находила и разгоняла. Городъ имѣлъ видъ завоеваннаго какими-нибудь дикарями. По главнымъ улицамъ цѣлыми днями ходили огромные патрули казаковъ, у разныхъ учрежденій стояли конные казаки, городъ былъ оцѣпленъ казаками, равно какъ и таможенные входы и выходы. На вокзалъ публику не пускали безъ вещей и лишь изъ дрожекъ. Нѣсколько рабочихъ Влдкавказс. ж. д. взялись за работу, но были избиты товарищами; вмѣшалась, конечно, полиція, и было опять много раненыхъ. На улицахъ казаки хватали подмастерьевъ, непричастныхъ къ дѣлу, если они вели громко разговоръ о событіяхъ, и арестовывали ихъ. Пишущій эти строки видѣлъ третьяго дня передъ вечеромъ, какъ нѣсколько сильно выпившихъ (а моно польки закрыты!) конныхъ казаковъ выѣхали на троттуаръ и ударили нагайками нѣсколькихъ дѣвочекъ подростковъ изъ работницъ за то, что онѣ будто бы ихъ дразнили. На улицѣ буквально невозможно стало ходить, чтобы не натолкнуться на какую-нибудь гадость. Полицмейстеръ расклеилъ очень „разумныя“ прокламаціи, гласящія, что если у кого-либо найдены будутъ на дворѣ или въ домѣ камни, то онъ будетъ строго наказанъ. Дворники тоже за этимъ слѣдятъ. Третьяго дня полицмейстеръ объявилъ рабочимъ, что велитъ гудѣть къ работѣ; если они за работу не встанутъ, то онъ ихъ моментально вышлетъ на родину. Гудки третьяго дня гудѣли, и вчера тоже; рабочіе явились и спросили, удовлетворены-ли ихъ требованія, и получивъ отрицательный отвѣтъ, ушли во-свояси. Вчера арестована масса рабочихъ, и уже началась ихъ высылка; вчера по главной улицѣ видна была масса женщинъ, стоявшихъ кучками, — это жены арестованныхъ.

„Сборы въ послѣднее время идутъ лучше, даютъ почти всѣ, ходятъ собирать по домамъ, въ учрежденіяхъ служащіе даютъ проценты съ жалованья. Сочувствіе необыкновенное, всѣ только о стачкѣ и говорятъ. Получаются вѣсти изъ Тихорѣцкой; тамъ происходило нѣчто ужасное; насчитываютъ болѣе 30(?) убитыхъ и 100 раненыхъ. Говорятъ, полиція врывалась въ дома зажиточныхъ людей, грабила (нашли у полиціи массу краденныхъ вещей), колотила нагайками женщинъ и дѣтей. Говорятъ, полиція предана суду. Отсюда отправлено туда много войскъ. Въ ростовскихъ рабочихъ, особенно владикавказскихъ, замѣтно желаніе бороться до послѣдней капли крови.

„Весь городъ проклинаетъ полицію, которая своимъ поведеніемъ многихъ разозлила. Магазины пустѣютъ, пріѣзжихъ купцовъ совершенно нѣтъ, въ театрахъ пусто; запретили пока ставить „Мѣщане“, — боятся тамъ демонстраціи. Собираютъ деньги даже среди маленькихъ гимназистокъ, въ разговорѣ которыхъ слышатся слова: забастовка, сходка, требованія и т. п. Праздно гуляющихъ на улицахъ очень мало.

„24 ноября. Вчера уже рабочіе и Владикав. ж. д. принялись за работу. Атаманъ, бывшій вчера нѣсколько часовъ здѣсь, сказалъ одному знакомому: „Да, если бы не сочувствіе публики, давно все кончилось бы, вотъ, если бы поймать тѣхъ, кто деньги давалъ, оштрафовалъ бы во сто разъ больше“.

„24 ноября вечеромъ. Сейчасъ уже точно извѣстно, что рабочіе начали работать. Главный управляющій сказалъ, что почти всѣ требованія будутъ удовлетворены (онъ имъ ручается своею жизнью), если они немедленно примутся за работу. Говорятъ, будто Хилковъ хочетъ. чтобы они первые взялись за работу, а потомъ требованія будутъ удовлетворены“.

Вотъ также въ дополненіе нѣкоторыя выдержки изъ частнаго письма одной „мирной ростовской дамы“:

„Ростовъ-на-Дону, 12 ноября. ...Сочувствіе къ рабочимъ въ городѣ необыкновенное среди всѣхъ классовъ; нѣсколько прикащиковъ вчера говорили: „молодцы-ребята, что отстаиваютъ свое, не хорошо только сицилисты черезъ-чуръ много болтаютъ неприличнаго“. Сегодня одинъ извощикъ сказалъ такъ: „Мы не допустимъ, чтобы рѣзали, какъ въ Петербургѣ“...

„...Говорятъ въ банкахъ, театрѣ, дома только лишь объ этомъ, горячо сочувствуютъ рабочимъ, хотя сочувствіе у всѣхъ только пока въ душѣ. До чего теперь говорятъ объ этомъ, можно судить по тому, что одна маленькая дѣвочка сказала своей матери, которая собиралась уходить: „не ходи, голодовые и тебя засѣкутъ...“

„14 ноября. Сегодня удалось говорить съ женой забастовавшаго рабочаго, живущей на Темерникѣ. Женщина, 17 лѣтъ, поразила своимъ сознательнымъ отношеніемъ къ событіямъ. „Какое право имѣютъ въ насъ стрѣлять, вѣдь мы собрались, чтобы потолковать о нашихъ нуждахъ, вѣдь каждый самъ за себя не въ силахъ постоять“. Въ восторгѣ они всѣ, по ея словамъ, отъ рѣчей: „кажется, и сама это думаешь, а не выскажешь такъ...“

„...Много раненыхъ въ желѣзнодорожной больницѣ говорятъ врачамъ: „скорѣй подымайте насъ, насъ ждутъ товарищи“...

„...Цѣлыми днями замѣтно сильное движеніе къ Темернику кучками, горнорабочіе, босяки и т. п. Извощикъ сегодня, обернувъ спину, сказалъ: „Знаешь, куда идутъ все?“ и засмѣялся. Сборъ денегъ теперь идетъ гораздо лучше, нѣсколько богачей русскихъ (это особенно интересно) фабрикантовъ дали по 100 и по 50 руб. Воспитательное значеніе этихъ событій въ Ростовѣ необыкновенное. Они создаютъ не одного революціонера, пробуждаютъ мысль и готовность хоть чѣмъ-нибудь служить. Это не выстрѣлъ, который дѣйствуетъ на чувство, который быстро забывается. Люди, которые совершенно ничѣмъ не интересовались, цѣлыми днями объ этомъ говорятъ, ни о чемъ другомъ невозможно думать. Молодцы-комитетцы, ихъ можно теперь смѣло поздравить и пожелать въ дальнѣйшемъ успѣха“.

Интересно также слѣд. сообщеніе (изъ одного частнаго письма), провѣрить которое мы не имѣли еще возможности. „На первой сходкѣ было постановлено: не пить водки во время забастовки, и это постановленіе свято всѣми исполняется“.

Послѣднее наше извѣстіе изъ Ростова гласитъ:

„Здѣсь происходитъ безпощадная высылка рабочихъ: мужчинъ отрываютъ отъ семей и отправляютъ поѣздомъ верстъ за сто, а потомъ выпускаютъ на всѣ четыре стороны — доходи самъ до родины пѣшкомъ. — Брагинъ (ораторъ на сходкахъ) сидитъ въ тюрьмѣ на ст. Каменской. Арестовано пока много рабочихъ. Около 300 чел. выслано. Въ пятницу, 29 ноября, взятъ, по доносу родственника, С. Мелешко, а 2 декабря выпущенъ послѣ допроса, выяснившаго всю лживость доноса. — Съ 1 по 19 ноября Донской Комитетъ выпустилъ 17 разныхъ прокламацій, — числомъ 30 тысячъ штукъ! Собрано денегъ 2200 руб.

„Сюда ожидается фон-Валь, а съ нимъ новые обыски, аресты и высылка поднадзорныхъ. По квартирамъ учащихся рыщутъ инспектора и директора и производятъ обыски. Гимназистъ 7 кл. Долженко, арестованный вмѣстѣ съ Брагинымъ, выпущенъ.

„Въ ж. д. мастерскихъ удалили двухъ мастеровъ; остальныя требованія пока не удовлетворены. Докторъ подалъ въ отставку. Пришлые казаки уже уѣхали изъ города“.

Тихорѣцкая. „Здѣсь вышло такъ: 15-го бросили работу; требованія тѣ же, что и въ Ростовѣ. 16-го явились казаки съ Маламою (атаманъ изъ Екатеринодара) во главѣ. 17-го созвали рабочихъ и приказали идти на работу. Когда тѣ настаивали на своихъ требованіяхъ, Малама приказалъ напасть на толпу. Рабочіе сѣли и поснимали шапки. Но казаки, съ обнаженными шашками и съ нагайкали, врѣзались въ лежащую груду людей, давя ихъ копытами и рубя направо и налѣво. Рабочіе голыми руками пытались защищаться, но все было напрасно: на мѣстѣ бойни осталась масса отрубленныхъ частей тѣла, куча раненыхъ. Въ бѣгущую толпу дано нѣсколько залповъ. 5 убито на мѣстѣ, 17 тяжело ранено. Двое убиты такъ: одинъ рабочій несъ на коромыслѣ два ведра воды домой: казакъ прицѣлился въ несчастнаго и убилъ его наповалъ, а затѣмъ и жену, выбѣжавшую спасать мужа. Затѣмъ начался грабежъ. Малама скомандовалъ очищать ж.-д. казармы, въ которыхъ жили рабочіе; казаки стали выкидывать на улицу все имущество рабочихъ, разбивать сундуки и грабить. „У васъ недавно была получка, давайте деньги!“, кричали озвѣрѣвшіе башибузуки. Одна женщина пыталась оборонить свое добро: ей разсѣкли шашкой животъ... Что дальше творилось, неизвѣстно“.

„Казаки неистовствовали, какъ звѣри, врывались въ дома рабочихъ, били всѣхъ — дѣтей, женщинъ, стариковъ. Женщинъ и дѣвушекъ насиловали, имущество грабили. Въ одной квартирѣ на полу найденъ ребенокъ, пригвожденный кинжаломъ. Убитыхъ и раненыхъ отправляютъ въ разныя мѣста. Въ Новороссійскъ отправлено 18 чел., изъ которыхъ шестеро умерли въ дорогѣ. Такъ расправляются царскіе башибузуки съ рабочими. Звѣрства дошли до того, что рабочіе послали въ Ростовъ телеграмму управл. дорогой: ‚защитите насъ отъ казаковъ‘“.

Новороссійскъ. Вѣсть о ростовской стачкѣ сильно взволновала рабочихъ гор. Новороссійска. На приглашеніе принять участіе и поддержать товарищей они отвѣтили полнымъ согласіемъ. 17 ноября, послѣ завтрака, рабочіе стали звонить въ колоколъ, давать гудокъ и т. п. Бросили работать всѣ, работающіе въ мастерскихъ (около 600 чел.), и пошли толпой по пристани и заводамъ. Работа пріостановилась всюду: на мелкихъ заводахъ, на элеваторахъ и на пристани, а на цементномъ заводѣ администрація, испугавшись погрома, сама выпустила рабочихъ и — „вмигъ ворота на запоръ“. Къ сожалѣнію, между рабочими не было опытнаго человѣка, который руководилъ бы толпой. Всѣ, однако, держали себя тихо и спокойно. На слѣдующій день пріѣхалъ на сходку вице-губернаторъ, появилась полиція и жандармы. Въ отвѣтъ на глумленія вице-губернатора изъ толпы выступилъ юноша лѣтъ 16, быв. гимназистъ Калинскій, и повелъ съ нимъ бесѣду въ такомъ духѣ: Вице-губ. Что вы заступаетесь за рабочихъ и требуете увеличенія платы! Они, вѣдь, и такъ ее пропиваютъ. Кал. Рабочій получаетъ 25-30 руб. въ мѣсяцъ и иногда большую часть пропиваетъ. А вы получаете десятки тысячъ и тоже пропиваете или проигрываете въ карты. И т. д. На рабочихъ его рѣчь произвела наилучшее впечатлѣніе. Они предъявили властямъ писанныя требованія, однородныя съ ростовскими, къ которымъ были добавлены еще мѣстныя. Сперва ихъ не хотѣли принять, но потомъ приняли и обѣщали отвѣтъ на завтра, 19 ноября, въ 3 часа дня. Въ назначенный срокъ рабочіе собрались около мастерскихъ. Тутъ же стояли казаки, числомъ около 500 чел., полиція, жандармерія. Администрація объявила, что требованій удовлетворить не можетъ. Кто не желаетъ работать, получитъ разсчетъ и будетъ высланъ на родину. Жандармы пытались арестовать Калинскаго, но толпа не дала... Были и прокламаціи (гектографир.)... Но настроенія рабочихъ хватило не надолго. Узнавъ, что въ Ростовѣ стали уже работать, въ субботу 23 ноября новороссійскіе рабочіе тоже пошли на работу. Все же маленькія уступки были сдѣланы. На цементномъ заводѣ немного увеличена плата за нагрузку, а въ мастерскихъ рабочимъ предоставлено вырабатывать неограниченное количество сдѣльной платы. По городу ѣздятъ казаки, которые не допускаютъ новыхъ собраній. Теперь производятся аресты, главнымъ образомъ, среди рабочихъ. Калинскій скрылся...

Новочеркасскъ. Въ маѣ въ здѣшнихъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, на желѣзодѣлательномъ заводѣ Отто и Миненкова, въ слесарно-механической мастерской Фаслера, Ѳ. Х. и немного по городу были разбросаны и расклеены майскіе листки (первый разъ). Разговоровъ по ихъ поводу было много. Приблизительно въ то же время листки (другіе) были и въ мѣстной воинской командѣ, но тамъ ихъ скоро отдали начальству (уряднику). Переполоху было много. Въ мѣстномъ юнкерскомъ училищѣ весной былъ обыскъ, но ничего не найдено. 28 сент. начальникъ мѣстнаго жандармскаго управленія Тихановичъ вызывалъ хозяина слесарно-механической мастер. Фаслера, Ѳ. Х. и управляющаго Ѳ. Ѳ. Неске для разговоровъ о майскихъ листкахъ. Приблизительно въ то же время вызывали туда же и казаковъ мѣстной команды, у которыхъ нашли листки. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ ничего не добились.

Сибирь. Съ проведеніемъ жел. дор. въ Сибири и съ возникновеніемъ соц.-дем. комитетовъ рабочее движеніе здѣсь растетъ и растетъ и изъ стихійнаго начинаетъ уже превращаться въ болѣе организованное, сознательное. Особенно знаменательнымъ временемъ въ исторіи сибирскаго рабочаго движенія нужно признать осенніе мѣсяцы нынѣшняго года. Такъ, въ концѣ сентября въ г. Красноярскѣ забастовали рабочіе ж.-д. мастерскихъ вслѣдствіе того, что имъ во-время не выдали разсчета (см. объ этомъ № 27 „Искры“). 9 октября въ г. Иркутскѣ произошла подобная же исторія. Тамъ тоже въ назначенный срокъ не выдали разсчета рабочимъ ж.-д. депо. Эти рабочіе поступили такъ же, какъ ихъ товарищи — красноярцы: бросили работу и толпой — чел. въ 200 — пошли по разнымъ ж.-д. „службамъ“, въ поискахъ причинъ невыдачи имъ разсчета. Не добившись никакихъ результатовъ, они въ этомъ же количествѣ направились къ губернатору, который, видимо, тоже по примѣру своего красноярскаго товарища, перетрусилъ и сейчасъ же телефонировалъ начальнику депо, чтобы разсчетъ былъ произведенъ. Требованіе было выполнено. (Форма протеста, пишетъ по этому поводу другой корреспондентъ, совершенная копія красноярской. Очень возможно, что листки иркутскаго комитета, оповѣщавшіе о происшедшемъ въ Красноярскѣ и незадолго до этого распространенные, возымѣли въ данномъ случаѣ дѣйствіе.). По поводу красноярской и иркутской забастовокъ какъ мѣстными комитетами, такъ и томскимъ были выпущены соотвѣтственныя прокламаціи (прокламація иркутскаго комитета, какъ сообщаетъ намъ третій корреспондентъ, помѣчена № 10).

9 сентября начальникъ Сиб. ж. д. отдалъ приказъ за № 192, по которому „низшимъ агентамъ, слесарямъ мастерскихъ и депо и рабочимъ вообще“, не приглашеннымъ съ другихъ дорогъ или вообще изъ Россіи, а нанятымъ на мѣстѣ работъ, проѣзднихъ билетовъ и нарядовъ совсѣмъ не будутъ давать. Если же кто-нибудь изъ этой категоріи лицъ будетъ приглашенъ съ Сиб. на другую дорогу, то билетъ и наряды выдаетъ ему та дорога, которая приглашаетъ, а не Сиб., какъ это дѣлалось раньше. Относительно же тѣхъ, которымъ слѣдуетъ выдать билетъ и наряды, какъ приглашеннымъ Сиб. ж. д., будутъ наводиться предварительныя справки о мѣстѣ ихъ приписки, постояннаго жительства.

Этотъ приказъ не объявлялся сразу, а вводился постепенно. И когда онъ, благодаря практическому примѣненію, обнаружился во всей своей цѣлости, рабочіе красноярскихъ мастерскихъ не замедлили дать ему дружный отпоръ. Съ 1 ноября они устроили стачку и стали требовать отмѣны новаго приказа. Стачка эта была подготовлена, главнымъ образомъ, красноярскимъ соц.-дем. комитетомъ. Протестъ свой рабочіе, между прочимъ, выражали и въ томъ, что не пускали на поѣзда бригады и задерживали станціонныхъ сторожей, такъ что начальнику станціи Красноярскъ пришлось дать телеграмму такого содержанія: „въ виду бунта рабочихъ и ихъ воздѣйствія на поѣздныя бригады, я слагаю съ себя отвѣтственность въ случаѣ пріостановки движенія“. Къ несчастію, дольше восьми дней красноярскіе рабочіе не продержались, такъ какъ у нихъ истощилась касса. Были и аресты, но о нихъ послѣ.

8 ноября въ омскихъ мастерскихъ по поводу того же приказа рабочіе тоже забастовали. Они цѣлыми массами (всѣхъ ихъ тамъ болѣе 3000 чел.) ходили по станціи и даже отцѣпили паровозъ у стоявшаго на станціи почтоваго поѣзда, охладили этотъ паровозъ и угнали его въ депо; затѣмъ выгнали со станціи телеграфистовъ (ходятъ слухи, что тамъ „дѣйствовали“ казаки, но точными данными это еще не подтверждено*). Этимъ рабочимъ пришлось не долго бастовать, потому что 11 числа по всей Сиб. ж. д. была дана телеграмма такого содержанія: „По распоряженію мин. путей сообщенія приказъ за № 192 отмѣняется“.

На станціи Нижне-Удинскъ Сиб. ж. д. въ депо тоже готовилась по поводу этого же приказа стачка рабочихъ, но, видимо, запоздала.

Эти удачи очень приподняли настроеніе сиб. раб. и заставили ихъ относиться съ особеннымъ довѣріемъ и къ мѣстнымъ соц.-демократическимъ комитетамъ.

Томскій комитетъ, кромѣ злободневныхъ прокламацій, выпускалъ еще бюллетени съ выдержками изъ статей „Искры“, „Зари“, со своими предисловіями или же собственныя статьи.

По поводу изложенныхъ выше фактовъ другой корреспондентъ пишетъ:

Почва для плодотворной дѣятельности сиб. соц.-дем. комитетовъ — создана. Широкая и всесторонняя политическая агитація теперь — болѣе, чѣмъ когда-либо прежде — является настоятельной необходимостью. Чтобы рабочее движеніе не застыло на своей первой ступени, надо вдохнуть въ него душу живую, — вдохнуть сознаніе необходимости революціоннаго свержения самодержавія для свободнаго развитія пролетаріата. Каждая забастовка, каждый протестъ, каждая вспышка недовольства должна быть использована въ этомъ смыслѣ. Только въ такомъ случаѣ всякая стачка, всякій протестъ, всякая вспышка возмущенія послужатъ могучимъ средствомъ для революціоннаго воспитанія рабочей массы.

Въ половинѣ октября, пишетъ тотъ же корреспондентъ, въ стѣнахъ красноярской тюрьмы были повѣшены четыре человѣка, убившіе двухъ „пикетчиковъ“ (ночныхъ караульныхъ). Не мало нашихъ красноярскихъ чиновниковъ усиленно добивались „счастья“ присутствовать при совершеніи казни. И нѣкоторые добились своего. Послѣ казни они явились въ свои учрежденія и съ развеселымъ видомъ, пересыпая шутками и прибаутками, разглагольствовали о полученномъ „сильномъ ощущеніи“...

Ярославль. 1902 г. прошелъ въ Ярославлѣ крайне бурно, аресты продолжались весь годъ. Тотчасъ же по объявленіи усиленной охраны передъ Рождествомъ въ городѣ были расклеены прокламаціи соц.-рев.; по этому поводу были произведены обыски у студ.-костромичей и арестованъ студ. Захаровъ. Въ январѣ послѣ разброса листковъ Ярославскаго Ком. Р. С.-Д. Р. П. были произведены массовые аресты студентовъ, причемъ раб. Калининъ оказался провокаторомъ. Затѣмъ было взято нѣсколько наборщиковъ и слѣд. лица: служащіе въ ред. газ. „Сѣв. Край“: Яшновъ, Лаптевъ, Леоновъ и Смирновъ, студ.: Першачевъ (плохо держался на допросахъ), Рабиновичъ и Локтевъ, раб.: Потѣхинъ и Григорій Глазуновъ, Залманъ Захаровичъ, который проживалъ подъ подложнымъ видомъ. Великимъ постомъ были новые аресты среди рабочихъ, которыхъ было всего взято около ста человѣкъ. Въ февралѣ, кромѣ листковъ с.-дем. Ком., стали выходить еще прокламаціи студ. Ком. Одна изъ нихъ была обращена къ офицерамъ и, говорятъ, имѣла среди нихъ большой успѣхъ. По студенческому дѣлу въ февралѣ были взяты трое лицеистовъ: Кедровъ, Зезюлинскій и Покровскій, по доносу инспекціи, но скоро выпущены. Въ апрѣлѣ были грандіозные обыски и аресты по дѣлу Сѣв. Раб. Союза и Студ. Орган. Изъ арестованныхъ извѣстны слѣд. лица: Ольга Варенцова, учительница, статистики: Ольга Дидрикиль, Ек. Новицкая, Ал. Локтинъ, Бор. Трефолевъ, Гаваманъ, Трегубовъ, Леонидъ Петровъ, Флеровъ и Евг. Дюбюкъ, окончившій Лѣсн. Институтъ, Марія Дидрикиль, служ. въ ред., студ.: Клириковъ, Завадскій, Прѣснѣченко и Алексинскій. Лѣтомъ были арестованы юрьевскій студ. Крыловъ и чел. 30 семинаристовъ; Кедровъ арестованъ въ концѣ августа подъ Москвой. Арестованные сѣверяне въ маѣ перевезены въ Москву.

29 августа, во время народнаго гулянья, рабочіе сильно побили завѣдующаго сыскной полиціей пристава Петровскаго и нѣкоторыхъ шпіоновъ и городовыхъ. Для усмиренія рабочихъ были вызваны войска (фанагорійцы), но дѣло обошлось безъ кровопролитія.

Москва. Въ концѣ октября вышелъ приговоръ арестованному перваго мая за разбросъ прокламацій ж.-дор. машинисту Якову Иноземцеву — 7 мѣс. тюрьмы. Въ концѣ сентября арестованы ученики земледѣльческаго училища: Медвѣдковъ, Никифоровъ, Барановъ и Яблоновскій и раб. Прохор. ман. Кречетовъ. Лѣтомъ отравился волостной старшина Мелитопольской волости Московскаго уѣзда, потому что былъ замѣшанъ въ политическія дѣла, а волостной писарь и его помощникъ успѣли скрыться до прибытія жандармовъ. Въ Таганскую тюрьму привезенъ техникъ Романовскій, присужденный къ 1 г. 8 м. тюрьмы, какъ уголовный, за Маріупольскую стачку на зав. „Провидансъ“.

Вологда. Массовые обыски и аресты, производившіеся въ въ этомъ году по всей Россіи, не миновали и нашей мирной Вологды. Все лѣто въ ней то и дѣло шли обыски и аресты. Весной была арестована по костромскому дѣлу жена ссыльнаго Анна Третьякова и ссыльный Щеголевъ, быв. петерб. студ. Послѣдній былъ взятъ по полтавскому дѣлу и безъ всякихъ допросовъ продержанъ три мѣсяца въ вологодской тюрьмѣ, а затѣмъ освобожденъ. Лѣтомъ были арестованы и увезены въ Москву: адвокаты Ждановъ и Шенъ и служ. въ стат. Брановицкая. Затѣмъ были обыски у ссыльныхъ Ник. Малинина (изъ Саратова) и Саммера (изъ СПБ.); противъ послѣдняго возбуждено дѣло, такъ какъ у него нашли литературу. Кромѣ того, были привлечены, какъ обвиняемые, ссыльный Поморцевъ, техникъ изъ Кунгура и бывш. студ. изъ Нов. Александріи Шемякинъ. Поводомъ къ этому послужило то обстоятельство, что при перестройкѣ на одной изъ вологодскихъ улицъ мостковъ плотники нашли подъ послѣдними нелегальную литературу и письма, изъ которыхъ выяснилось, что къ этой находкѣ имѣли отношеніе Поморцевъ и Шемякинъ. Затѣмъ мѣстная жандармерія возбудила еще дѣло, довольно комичнаго характера, противъ стат. Зюкова, основаніемъ для чего послужилъ доносъ. Въ октябрѣ былъ обыскъ у ссыльнаго Савенкова (изъ СПБ.). Вообще за послѣднее время усиленъ надзоръ за ссыльными, у воротъ многихъ квартиръ по вечерамъ торчатъ шпіоны.

Крымъ. Ялта. Въ одной изъ мѣстныхъ аптекъ Левентонъ-Гофшнейдеръ, служащими этой аптеки была устроена небольшая стачка. За нѣсколько дней до 1 сент. фармацевты потребовали для улучшенія пищи, выдачи кормовыхъ денегъ. Черезъ двѣ недѣли требованіе было удовлетворено.

*) Мы тоже слышали, что въ Омскѣ было цѣлое сраженіе войска съ рабочими, что убитые и раненые были съ обѣихъ сторонъ и, конечно, въ неизмѣримо большемъ числѣ со стороны рабочихъ. Подробныхъ сообщеній еще не имѣемъ. Ред.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

СТАЧКА ФРАНЦУЗСКИХЪ УГЛЕКОПОВЪ.

Еще въ прошломъ году французскіе углекопы пытались начать всеобщую стачку. Но въ то время г. Мильеранъ былъ еще министромъ, а его друзья, оппортунисты партіи Жореса, только-что начали закрѣплять свою дружбу съ буржуазными партіями, и въ ихъ разсчеты такая стачка не входила. Въ ходъ пущено было все возможное, чтобы не дать разгорѣться стачкѣ. Хотя большинство углекоповъ высказалось за немедленное объявленіе стачки, хотя національный комитетъ уже назначилъ срокъ общаго прекращенія работы, — стачка не состоялась. Сѣверные синдикаты, находящіеся подъ вліяніемъ депутата Бали, — бывшаго нѣкогда рудокопомъ и ставшаго называть себя соціалистомъ съ тѣхъ поръ, какъ соціалисты типа Жореса стали вульгарными радикалами, — заявили, что не оставятъ работы; политиканствующіе оппортунисты грозили призракомъ разгрома, неудачи, несочувствія общества, сулили широкія реформы, добытыя законодательнымъ путемъ.

И въ самомъ дѣлѣ, палата депутатовъ вскорѣ приступила къ разбору двухъ существенныхъ требованій рудокоповъ: сокращенія рабочаго дня и пенсіи престарѣлымъ углекопамъ. Назначены были даже коммиссіи, и „дѣло“ углекоповъ изъ-подъ зеленаго сукна Палаты перешло подъ зеленое сукно коммиссій... Углекопамъ отъ этого легче не становилось, а въ это время компаніи обогащались. Акціи повышались, дивиденды росли.

Чистая прибыль акціонерныхъ обществъ, владѣющихъ угольными копями, поднялась съ 26 мил. фр. въ 1897 г. до 35,5 мил. фр. въ 1898 г., 55 мил. фр. въ 1899, 97 мил. въ 1900 и, наконецъ, до 110 мил. фр. въ 1901 г. Такой колоссальный ростъ прибыли происходилъ не на счетъ увеличенія количества добываемаго угля, а на счетъ повышенія цѣны его. Одна тонна угля стоила въ 1897 году 10,84 фр., въ 1898 г. 11,22 фр., въ 1899 г. 12,41фр., въ 1900 г. 14,95 фр., въ 1901 г. 15,1 фр. Каждый занятый рабочій добывалъ компаніямъ угля: въ 1897 г. на 184 фр., въ 1898 г. на 238 фр., въ 1899 г. на 370 фр., въ 1900 г. на 600 фр., въ 1901 г. на 635 фр. Такимъ образомъ, производительность каждаго рабочаго возрасла за 4 года на 450 фр., а жалованье не возрастало, если даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не уменьшалось. Отъ 1877 г. до 1901 средняя заработная плата углекопа поднялась всего съ 6,20 фр. до 6,35, т. е. на 15 сант.

Понятно, что такое положеніе вещей не могло не вызывать ропота среди углекоповъ. Правда, частичными стачками или мирными переговорами съ отдѣльными компаніями, владѣльцами рудниковъ, кое-гдѣ удавалось добиться повышенія заработной платы, но повышеніе это держалось не долго. Въ наиболѣе благопріятномъ положеніи находились сѣверные синдикаты, которымъ удалось добиться повышенія заработной платы на 40% выше средней нормы. Въ апрѣлѣ текущаго года, однако, истекъ срокъ контракту, въ силу котораго компаніи обязались повысить заработную плату. Компаніи воспользовались этимъ истеченіемъ срока, чтобы понизить ее на 10%. Теперь запротестовали и сѣверные синдикаты, и рѣшили присоединиться къ общему теченію.

Стачка становилась неминуемой, и волей-неволей Жоресу, Бали и Ко. пришлось склониться передъ единодушно-выраженнымъ желаніемъ массъ. Они склонились, но не помирились съ характеромъ движенія. Послѣдовательные оппортунисты, они сдѣлали все возможное, чтобы — хотя бы цѣною неудачи движенія — лишить его политической окраски. А таковую, какъ мы уже видѣли, стачка неизбѣжно носила. Помимо двухъ уже вышеуказанныхъ требованій (государственныя пенсіи и закономъ установленный рабочій день), выставлено было еще одно — третье требованіе: закономъ установленный минимумъ заработной платы.

Замѣтивъ, что единодушно начатая стачка (въ одинъ день забастовало до 160 тыс. углекоповъ) грозитъ принять характеръ широкаго соціально-политическаго движенія, Бали и находящіеся подъ его вліяніемъ сѣверные синдикаты заявили, что они намѣрены настаивать исключительно на третьемъ требованіи и, какъ только оно будутъ удовлетворено, примутся за работу, хотя бы другіе районы и продолжали еще бастовать. Такое заявленіе и послѣдовавшее вслѣдъ за нимъ поведеніе сѣверныхъ синдикатовъ съ самаго начала уже подкашивало цѣльность и успѣшность движенія. Слѣдуетъ замѣтить, что именно третье требованіе, сведенное, въ концѣ концовъ, къ простому требованію повышенія заработной платы, помимо того, что оно носитъ чисто экономическій характеръ, менѣе всего способно объединить углекоповъ разныхъ районовъ, такъ какъ уровень заработной платы различенъ. Есть районы, гдѣ рабочіе имъ довольны, въ другихъ онъ слишкомъ низокъ. Между тѣмъ, первыя два требованія и третье требованіе въ первоначальномъ его видѣ (минимумъ заработной платы) одинаково заинтересовываютъ углекоповъ всѣхъ районовъ.

Мало того. Въ то время, какъ національный комитетъ всѣхъ синдикатовъ началъ въ интересахъ цѣльности движенія переговоры съ центральнымъ для всей Франціи бюро акціонерныхъ компаній, владѣющихъ угольными копями, сѣверные синдикаты и синдикаты района Кармо, находящіеся подъ вліяніемъ Жореса, начали вести переговоры отдѣльно со своими компаніями. Такимъ образомъ, движеніе мало-по-малу теряло характеръ солидарности и цѣльности. Компаніямъ оставалось только торжествовать, присутствуя при этомъ зрѣлищѣ разноголосицъ и разъединенности въ средѣ стачечниковъ. Стачка начата была въ такой моментъ, когда угольный рынокъ былъ переполненъ заказами, когда компаніи должны были рано или поздно уступить требованіямъ рабочихъ. Только недостаточно развитое классовое сознаніе въ средѣ углекоповъ и использовавшее это обстоятельство политиканство оппортунистовъ могли погубить такъ хорошо начатое движеніе.

Что могъ сдѣлать національный комитетъ при такихъ обстоятельствахъ? Тщетно призывалъ онъ къ порядку, напоминалъ о дисциплинѣ бунтующимъ синдикатамъ, тщетно угрожалъ исключеніемъ изъ федераціи, — уже въ самыхъ рядахъ его начинались разногласія. За сѣвернымъ и кармоскимъ синдикатами вскорѣ послѣдовали и другіе синдикаты.

Борьба велась въ одиночку. Делегаты углекоповъ вели переговоры съ делегатами компаній. На сѣверѣ делегатъ углекоповъ измѣнилъ своимъ поручителямъ и призналъ вмѣстѣ съ хозяевами требованія рабочихъ неосновательными. Сѣверъ заволновался, запротестовалъ; цинично обманутый, онъ обратился уже за помощью къ другимъ организаціямъ, но стачечники, измученные голодомъ, изнуренные, разочарованные, начали мало-по-малу приниматься за работу. Въ Луарѣ, гдѣ делегатомъ углекоповъ былъ жоресистъ Аристидъ Бріанъ, выбранный обѣими сторонами третейскій судья (предсѣдатель кассаціоннаго суда) высказался за незначительное повышеніе заработной платы. Въ Кармо переговоры ведутся еще до сихъ поръ; тамъ делегатомъ рабочихъ является Ренэ Вивіяни, бывшій секретарь Милльерана.

Всеобщая стачка закончилась неудачей. Тщетно проливала республиканская „демократія“ крокодиловы слезы надъ горькою участью черныхъ труженниковъ, тщетно обѣщала она стачечникамъ побѣду и реформы, если они не выйдутъ только за предѣлы экономическихъ организацій и экономическихъ требованій... Въ то время, какъ Жоресъ съ компаніей убѣждали стачечниковъ относиться съ довѣріемъ къ этой республиканской „демократіи“, послѣдняя показала буржуазіи, что она умѣетъ поддерживать „порядокъ“ обычными „мѣрами насилія“. Въ Терръ-Нуарѣ жандармъ застрѣлилъ стачечника, и это глупое, безсмысленное убійство чуть-было не разстроило всей съ такимъ трудомъ созданной фикціи правительственнаго попеченія о рабочемъ классѣ. Горькой ироніей звучали послѣ этого убійства слова мин. Комба о священной свободѣ стачекъ... Дружно проваливаетъ республиканская демократія въ палатѣ резолюцію революціонныхъ соціалистовъ. Она гласила: „Палата депутатовъ осуждаетъ вооруженное вмѣшательство, которое, подъ предлогомъ защиты свободы труда, всецѣло направлено противъ стачки и стачечниковъ; Палата приглашаетъ правительство немедленно удалить всѣ военныя силы и полицію изъ областей, гдѣ углекопы прекратили работу, и рѣшаетъ немедленно заняться разсмотрѣніемъ и рѣшеніемъ вопросовъ, выдвинутыхъ требованіями стачечниковъ“. Вмѣсто этой резолюціи „демократическое“ большинство Палаты приняло другую резолюцію, подписанную представителями всѣхъ буржуазно-республиканскихъ группъ Палаты, въ томъ числѣ и Жоресомъ: „Принимая во вниманіе заявленіе предсѣдателя совѣта министровъ, гласитъ резолюція, что онъ поторопитъ въ обѣихъ палатахъ обсужденіе и голосованіе реформъ въ пользу рабочихъ-углекоповъ, Палата депутатовъ вполнѣ полагается на твердость и благоразуміе правительства для одинаковой охраны — какъ свободы труда, такъ и свободы стачекъ“. Жандармъ-убійца можетъ быть спокоенъ: убивъ стачечника, онъ только охранялъ ту священную свободу труда, о которой такъ пекутся Жоресъ и Комбъ.

ИЗЪ ПАРТІИ.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОЦІАЛИСТИЧЕСКІЙ КОНГРЕССЪ 1903 г. ВЪ АМСТЕРДАМѢ.

Обращаемъ вниманіе товарищей на нижеслѣдующій циркуляръ международнаго секретаріата. Всѣмъ комитетамъ, группамъ и организаціямъ Рос. С.-Д. Раб. Партіи слѣдуетъ немедленно и энергично приняться за подготовку докладовъ о ходѣ и успѣхахъ движенія съ 1900 по 1903 годъ. Въ виду нашихъ русскихъ условій желательно бы возможно аккуратнѣе (и хотя бы по частямъ) переправлять эти доклады за границу. Надо также заблаговременно подумать о серьезномъ представительствѣ на конгрессѣ. Что касается до вопросовъ, поднимаемыхъ западно-европейскими соціалистическими партіями и группами, то они могли бы послужить темами для очень полезныхъ собесѣдованій въ рабочихъ кружкахъ и собраніяхъ.

Международное Соціалистическое Бюро

Секретаріатъ: Maison du Peuple Брюссель, 30/XI 1902 г.
(Народный Домъ) Брюссель.

Международный Соціалистическій Конгрессъ въ Амстердамѣ.

Международный Соціалистическій Секретаріатъ, засѣдающій въ Брюсселѣ, получилъ нижеслѣдующія предложенія для включенія ихъ въ порядокъ дня Международнаго Соціалистическаго Конгресса, который соберется въ Амстердамѣ въ будущемъ годѣ, 16 августа (новаго стиля):

Отъ „Федеративной Уніи Центра“ (Франція): 1) всеобщая стачка; 2) уничтоженіе постоянныхъ армій; 3) расширеніе международнаго секретаріата въ соотвѣтствіи съ современнымъ положеніемъ; 4) ограниченіе рабочаго дня девятью часами въ странахъ, гдѣ это ограниченіе не существуетъ.

Отъ „Соціалистической Партіи Франціи“ (Соціалистско-революціонная унія): 5) международныя правила соціалистич. политики.

„Соціалистическая Партія Аргентинской Республики“ ставитъ на разсмотрѣніе Конгресса вопросъ: 6) національное и международное законодательство объ эмиграціи и иммиграціи.

„Національный Союзъ женщинъ-соціалистокъ въ Австріи“ предлагаетъ, чтобы: 7) избирательное право женщинъ — фигурировалъ въ порядкѣ дня Конгресса.

„Фабіанское Общество“ (Англія) предлагаетъ вниманію Конгресса слѣд. вопросы: 8) обязательные третейскіе суды; 9) законодательный минимумъ заработной платы; 10) трэдъ-юніонизмъ и политика; 11) муниципальная торговля спиртными напитками.

„Независимая Рабочая Партія“ (Англія) ставитъ въ порядокъ дня вопросъ: 12) соціализмъ и муниципальная дѣятельность.

Чешскіе соціалисты Австріи предлагаютъ включить въ порядокъ дня слѣдующій пунктъ: 13) поведніе международнаго пролетаріата въ національномъ вопросѣ.

„Голландская Соціалистическая Партія“ предлагаетъ внести вопросъ: 14) пенсія старикамъ и инвалидамъ труда.

„Французская Соціалистическая Партія“ (Федерація Жиронды) проситъ обсудить слѣдующій предметъ: 15) желательно, чтобы корреспондены иностранныхъ соціалистическихъ журналовъ избирались изъ среды активныхъ членовъ конституированныхъ соціалистско-революціонныхъ организацій или были ими аккредитованы, и во всякомъ случаѣ поставлены подъ ихъ контроль.

Мы просимъ всѣ соціалистическія организаціи разсмотрѣть возможно скорѣе эти многочисленные и важные вопросы и доставить намъ заблаговременно доклады по нимъ.

Мы приглашаемъ равнымъ образомъ соціалистическія партіи всѣхъ странъ прислать намъ до 1 мая слѣдующаго года докладъ о рабочемъ и соціалистическомъ движеніи, объ успѣхахъ партіи данной страны со времени парижскаго интернаціональнаго соціалистическаго конгресса 1900 г. Секретарь Викторъ Серви.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ РАСКОЛЪ.

Въ Петербургѣ произошелъ расколъ между соц.-демократами, сторонниками „Искры“ (С.П.Б. Комитетъ Рос. С.-Д. Р. П.), и сторонниками стараго, болѣе или менѣе близкаго къ экономизму направленія. Послѣдніе привлекли на свою сторону часть рабочихъ и теперь выступаютъ отъ имени „Комитета Рабочей Организаціи“. Намъ доставленъ одинъ листокъ этого Комитета (октябрьскій), но если вѣрить „революціонно-соціалистической“ группѣ „Свобода“ (см. выше ст. „Борьба направленій — пожива демагогамъ“), то былъ еще сентябрьскій листокъ слѣд. содержанія:

„С.П.Б. Союзъ борьбы за освобожденіе рабочаго класса.

„Комитетъ Рабочей Организаціи протестуетъ противъ всякихъ постановленій, сдѣланныхъ безъ его вѣдома — въ томъ числѣ противъ постановленія о признаніи „Искры“ и „Зари“ руководящими органами, о чемъ объявлено въ прокламаціи отъ имени С.П.Б. Союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса „Ко всѣмъ россійскимъ соціаль-демократическимъ организаціямъ“, помѣченной іюлемъ мѣсяцемъ 1902 года. Мы въ настоящее время ни одинъ изъ существующихъ органовъ не можемъ признать выражающимъ наше направленіе и желаемъ переорганизоваться и выработать собственную программу и уставъ. С.П.Б. Сент. 1902 г.

Комитетъ Рабочей Организаціи.“

Замѣтимъ по поводу этого, что прокламація С.П.Б. Комитета выпущена была Организаціонной Коммиссіей его, которая была избрана съ самыми широкими полномочіями и въ составъ которой входили делегаты и отъ Рабочей Организаціи. Мы можемъ заявить самымъ положительнымъ образомъ, на основаніи сообщеній одного изъ членовъ вышеупомянутой Орган. Коммиссіи, что въ іюнѣ мѣсяцѣ на одномъ изъ загородныхъ собраній въ Петербургѣ, на которомъ присутствовали рабочіе-представители всѣхъ пяти районовъ рабочей организаціи (составлявшіе высшую инстанцію тогдашней „Рабоч. Организаціи“), — были поставлены два вопроса: 1) о двухъ направленіяхъ въ русской соціаль-демократіи, о старомъ (экономическомъ), которое господствовало до тѣхъ поръ въ Петербургѣ, и о революціонномъ, какъ оно представлено „Искрой“ и „Зарей“, и 2) о принципахъ организаціи (такъ наз. демократизмъ или „организація революціонеровъ“). По обоимъ вопросамъ всѣ рабочіе единогласно высказались противъ „экономизма“ и „демократизма“ и за направленіе „Искры“. Послѣ этого рѣшенія тутъ же были выбраны двое рабочихъ въ Орган. Коммиссію, учрежденную для проведенія въ жизнь вышеуказанныхъ принциповъ. Прокламація Комитета о солидарности съ „Искрой“ и была заявленіемъ о приступѣ къ работѣ на этихъ началахъ. Новый „Комитетъ Раб. Организаціи“ имѣетъ право быть недовольнымъ чѣмъ угодно, и становиться на чью угодно сторону, но „протестовать“ противъ прокламаціи С.П.Б. Комитета онъ совершенно не въ правѣ.

Полученный нами листокъ слѣдующаго содержанія:

„Союзъ борьбы за освобожденіе рабочаго класса. Освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ. (Уставъ интернаціонала). Признавая, что самымъ важнымъ условіемъ развитія рабочаго движенія и успѣха нашей борьбы является самодѣятельность рабочаго класса, мы находимъ, что отнынѣ Рабочая Организація во главѣ со своимъ Комитетомъ должна имѣть руководящее значеніе въ дѣятельности Союза Борьбы, — и съ настоящаго момента мы всѣми силами будемъ стремиться провести въ жизнь этотъ нашъ взглядъ. Отлагая подробное изложеніе нашей программы до выхода слѣдующаго номера газеты, мы пока ограничимся слѣдующимъ: По основнымъ своимъ убѣжденіямъ и цѣлямъ мы — соціаль-демократы: мы стремимся подготовить рабочій классъ къ соціальной революціи. Ближайшей цѣлью мы считаемъ завоеваніе политической свободы, — съ тѣмъ, чтобы рабочій классъ воспользовался всѣми правами, плодами своей побѣды, и добился возможно большихъ правъ въ будущей конституціонной Россіи. Мы требуемъ всеобщаго, равнаго, прямого, тайнаго избирательнаго права и стремимся теперь же пробудить въ рабочемъ классѣ ясное сознаніе тѣхъ его правъ, которыя должны быть осуществлены законодательнымъ путемъ непосредственно за введеніемъ конституціи. Всѣхъ, кто считаетъ правильной такую постановку дѣла, мы просимъ оказать намъ посильное содѣйствіе и помощь, особенно цѣнныя теперь, когда приходится исправлять недостатки прошлаго. Всякія заявленія, рукописи, книги, деньги и пр. просимъ направлять непосредственно для Рабочей Организаціи и требовать отчета за подписью ея Комитета. С.П.Б. Октябрь. 1902 г.

„Комитетъ Рабочей Организаціи.“

Какое негодованіе вызвалъ этотъ послѣдній листокъ среди работающихъ не вдали отъ Петербурга и близко интересующихся петербургскими дѣлами соціаль-демократовъ, — видно изъ слѣдующаго, полученнаго нами, заявленія, писанное, очевидно, въ пылу возмущенія подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ событія:

„Россійская Соціаль-Демократическая Рабочая Партія.“

„На съѣздѣ 1898 г. было положено основаніе Рос. С.-Д. Р. П., но, къ сожалѣнію, ея дальнѣйшій ростъ и развитіе были задержаны цѣлымъ рядомъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ и только въ послѣднее время, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ разброда и шатаній, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ господства экономизма и революціоннаго кустарничества въ русской соціаль-домократіи, снова поставленъ вопросъ о созданіи единой общероссійской партійной организаціи: желѣзная логика жизни привела русскихъ соц.-демократовъ къ сознанію ея необходимости и полнѣйшей непригодности прежней тактики и прежнихъ методовъ организаціи. Событія послѣднихъ лѣтъ ясно показали всю неподготовленность нашей партіи къ ея исторической миссіи — быть руководителемъ народа въ его борьбѣ съ царизмомъ, — она была захвачена въ расплохъ бурнымъ движеніемъ 1901 и 1902 г.г. и оказалась не въ состояніи использовать его въ надлежащихъ размѣрахъ. Русскій пролетаріатъ въ лицѣ своихъ передовыхъ слоевъ далъ блестящее доказательство тому, что онъ выросъ изъ узкихъ рамокъ борьбы за мелкія требованія, „сулящія осязательные релультаты“, что она не можетъ удовлетворить проснувшихся въ немъ запросовъ, что ему нужно болѣе широкое поле дѣятельности. Результатомъ этого явился рѣшительный поворотъ русской соціаль-демократіи. Голоса экономистовъ, почти безраздѣльно господствовавшихъ въ 1898-1900 г.г., начинаютъ стихать; теорія стадій сдается въ архивъ; на первый планъ выдвигается вопросъ организаціи соц.-демократической партіи, не партіи „экономической борьбы съ фабрикантами и правительствомъ“, а партіи широкой политической борьбы. (Не послѣднее мѣсто занимаетъ здѣсь дѣятельность организаціи „Искры“, не мало содѣйствующей дѣлу объединенія наличныхъ революціонныхъ силъ и подготовляющей для него почву своей энергичной всероссійской агитаціей). И въ этотъ моментъ, когда русская соціаль-демократія стоитъ наканунѣ окончательнаго созданія и укрѣпленія партійной организаціи, когда на обязанности каждой соц.-дем. группы лежитъ посильное содѣйствіе дѣлу объединенія, Комитетъ Рабочей Организаціи выступаетъ отъ имени Петербургскаго Союза Борьбы съ программнымъ заявленіемъ, носящимъ совершенно противоположный характеръ. Авторы этого заявленія ни словомъ не упоминаютъ о своей принадлежности къ партіи, хотя Петербургскій Союзъ, отъ имени котораго они выступаютъ, какъ извѣстно, былъ однимъ изъ основателей ея и принялъ названіе Мѣстнаго Комитета. Въ настоящее время, когда самой жизнью поставленъ вопросъ о завершеніи начинаній съѣзда 1898 г., когда начинаютъ оживать и поднимать голову несоціаль-демократическія революціонныя организаціи, когда все въ обществѣ находится въ состояніи броженія, — въ высшей степени важно и необходимо сплоченіе всѣхъ русскихъ соц.-демократическихъ группъ вокругъ девиза Рос. С.-Дем. Раб. Пар., въ настоящее время уже нельзя ограничиваться общимъ заявленіемъ, что „по основнымъ убѣжденіямъ и цѣлямъ мы — соц.-демократы“, какъ это дѣлаетъ Комитетъ Рабочей Организаціи; теперь русскій соц.-демократъ обязанъ рѣзко и опредѣленно заявить о своей принадлежности къ партіи, и умалчивая объ этомъ, ограничиваясь въ своемъ заявленіи заголовкомъ „Союзъ Борьбы за освобожденіе раб. класса“, Комитетъ Раб. Организаціи тѣмъ самымъ, можетъ быть и невольно, отказывается отъ нея, подчеркиваетъ, что не принадлежитъ къ ней. Въ то время, когда передъ русской соц.-демокртіей стоитъ задача созданія политической партіи, которая взяла бы на себя гегемонію въ борьбѣ съ самодержавіемъ и высшее руководство борьбой пролетаріата противъ „всѣхъ формъ національнаго и политическаго угнетенія“, въ это время Ком. Раб. Орг. признаетъ, „что самымъ важнымъ условіемъ развитія рабочаго движенія и успѣха нашей борьбы является самодѣятельность рабочаго класса“ и находитъ, „что Рабочая Организація во главѣ со своимъ Комитетомъ должна имѣть руководящее значеніе въ дѣятельности Союза Борьбы“. Очевидно авторы заявленія ничего не забыли и ничему не научились; для нихъ совершенно безслѣдно прошелъ тяжелый періодъ всеобщаго разброда и шатаній, періодъ съуженія революціоннаго размаха партійной дѣятельности и борьбы революціонныхъ элементовъ партіи съ оппортюнизмомъ; для нихъ, какъ и для печальной памяти авторовъ „Credo“ — соціаль-демократія не революціонная политическая партія, а трэдъ-юніонистское бюро, обслуживающее исключительно нужды рабочаго движенія. Высшій принципъ „самодѣятельность“! Высшее учрежденіе „Рабочая Организація“!“ И это въ моментъ обостренія революціонной борьбы, когда рабочія массы рвутся на бой за свободу, когда по всей Россіи то и дѣло раздаются раскаты грома народнаго негодованія и до боли ощущается отсутствіе и необходимость крѣпкой революціонной организаціи, которая могла бы явиться руководителемъ этого всенароднаго движенія! Комитетъ Раб. Орган. забываетъ, что задачи нашей Партіи по существу революціонны и слѣдовательно во главѣ ея должна стоять не Раб. Орган., а организація революціонеровъ; что именно на обязанности соц.-демократіи — поднять рабочее движеніе съ узкаго русла трэдъ-юніонистской политики и направить на широкій путь соціаль-демократической борьбы противъ всего существующаго строя.

Выдвигая, какъ руководящій принципъ „самодѣятельность рабочаго класса“, отождествляя Раб. Орган. съ организаціей революціонеровъ, — онъ воскрешаетъ традиціи самаго грубаго экономизма и въ высшей степени вредное дѣленіе соц.-демократовъ на рабочихъ и интеллигентовъ. Ограничивая въ настоящее время свое воздѣйствіе на пролетаріатъ пробужденіемъ „въ рабочемъ классѣ яснаго сознанія тѣхъ его правъ, которыя должны быть осуществлены непосредственно за введеніемъ конституціи“ и умалчивая о тѣхъ „правахъ“, которыя не могутъ быть осуществлены въ ближайшемъ будущемъ, авторы заявленія тѣмъ самымъ выдвигаютъ пресловутую теорію стадій „сѣрой повседневной борьбы за требованія, сулящія осязательные результаты“ и ясно показываютъ, что совершенно всуе называютъ себя соц.-демократами. И они еще находятъ возможнымъ говорить объ исправленіи „недостатковъ прошлаго“! Какіе недостатки хотятъ они исправлять? Ужъ не отказъ-ли русской соц.-демократіи отъ программы „Credo“ считаютъ они подлежащимъ исправленію недостаткомъ?

Не возвратъ къ изжитымъ, самой жизнью отвергнутымъ методамъ тактики и организаціи, не преклоненіе передъ стихійнымъ движеніемъ полусознательныхъ массъ, а созданіе крѣпкой революціонной организаціи и пробужденіе въ рабочемъ классѣ всесторонняго классового сознанія, т. е. пріобщеніе его къ международному соціалистическому движенію, — такова задача русской соц.-демократіи, и всякія попытки совлечь ее съ этого широкаго пути на узкую тропинку трэдъ-юніонизма и борьбы „за требованія, сулящія осязательные результаты“ являются вредными и потому подлежащими самому строгому осужденію.

На основаніи этого, принимая во вниманіе: 1) что умалчивая о своей принадлежности къ партіи, Ком. Раб. Орг. тѣмъ самымъ отказывается отъ нея, и что такое отношеніе къ ней является совершенно недопустимымъ для людей, называющихъ себя соціаль-демократами; 2) что въ виду этого Ком. Раб. Орган. не имѣлъ права выступить отъ имени Петербургскаго Союза Борьбы, который до сихъ поръ принадлежитъ къ партіи и не объявлялъ о своемъ уходѣ изъ нея; 3) что К. Р. О. является выразителемъ самаго грубаго и узкаго экономизма, принижающаго соц.-дем. до трэдъ-юніонизма; 4) что такое толкованіе задачъ соц.-демократіи является крайне вреднымъ и недопустимымъ съ точки зрѣнія революціоннаго марксизма и совершенно противнымъ принципамъ Манифеста Рос. С.-Д. Р. П.; 5) что выступленіе Ком. Раб. Орг. съ такимъ толкованіемъ этихъ задачъ, заключая въ себѣ сѣмена новаго разлада и разъединенія, особенно вредно въ настоящее время, когда самой настоятельной потребностью русской соціаль-демократіи является созданіе общероссійской революціонной организаціи, мы считаемъ своимъ долгомъ выразить нашъ протестъ и самое рѣшительное осужденіе тактики и принципіальныхъ и организаціонныхъ взглядовъ Ком. Раб. Орг., поскольку они выразились въ его программномъ заявленіи.

Да здравствуетъ революціонная международная соц.-демократія!

Да здравствуетъ революціонная Рос. С.-Д. Р. П.!

Представители Комитета Латышской С.-Д. Организаціи въ Прибалтійскомъ краѣ и Русская С.-Д. группа.“

Намъ прислано слѣдующее заявленіе:

„Нижегородскій Комитетъ, заявляя о своей солидарности съ „Искрой“ по вопросамъ программы, тактики и организаціи, признаетъ ее своимъ руководящимъ органомъ и желалъ бы видѣть ее общепартійнымъ органомъ.“

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦ. БОРЬБЫ.

Таганрогъ. Вечеромъ 11 сентября въ г. Таганрогѣ на вокзалѣ, по пріѣздѣ харьковскаго поѣзда, былъ арестованъ К. М. Сопетовъ. Въ ту же ночь были обыски (приблизительно 12) и арестовано еще два рабочихъ. — Въ станицѣ Каменской около середины октября по телеграммѣ изъ Питера былъ произведенъ обыскъ у г-жи Кунделековой. При обыскѣ, кажется, найденъ только одинъ дневникъ. Прокуроромъ предложено ей было 48-49 вопросовъ. — На границѣ въ Александровѣ арест. студентъ Кириченко, ѣхавшій изъ Берлина.

Бѣжали за посдѣдніе два мѣсяца изъ Вятской губ.:

1) Петерб. студ. Горбачевъ (изъ Котельнича), 2) Петерб. лѣсникъ Рерихъ, 3) дантистъ Кержнеръ изъ Глазова, 4) Моск. студ. Величкинъ изъ с. Слудскаго, Орл. уѣзда. Въ СПБ. арест. инженеръ Сокольскій, Шапошникова, бестужевка Левицкая, рабочіе Петровъ и Гроздинскій.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Лаврушка. Получаемъ, пишите.

Изъ Цюриха: 1) за литературу 39 фр. 90 с., черезъ М-ую изъ Л.: отъ Маруси „Искрѣ“, созидающей Р. С.-Д. Р. П. 20 м., съ реферата 12 мар., для бѣж. изъ кіев. тюр. 7 м., для Сибир. кассы 3 м. 50 пф.; 2) Отъ Б-го кружка черезъ С. 10 р.; 3) изъ Ліон. кол. для Крас. Креста 25 фр. 80 с., 4) отъ Фанни 62 фр.; 5) изъ Л. черезъ М-ую 100 мар.; 6) собрано цюрихск. групп. въ пользу семей убитыхъ и ранен. въ Ростовѣ 78 фр. 66 с.; 7) изъ Берна отъ Х. Р. въ пользу семей убитыхъ и ранен. въ Ростовѣ 15 фр.; 8) изъ Мюнхена 300 мар.; 9) отъ одес. тов. въ Нью-Іоркѣ для одес. арест. и ссыльн. 70 р.; Съ „реферата Ма“ 42 фр. Изъ Берна; за литературу 87 фр. 75 с. и отъ А.В.С. 12 фр. 30 снт. Изъ Льежа: отъ группы уральс. соц.-дем. 52 р., отъ студентовъ-поляковъ въ Льежѣ для бѣж. изъ кіев. тюр. 20 фр. Изъ Женевы: съ реферата Ленина 151 фр. 40 с., отъ спектакля 148 ф., за литературу 73 ф. 25 с., по подпис. лис. 15 фр. и член. взносы мѣст. группы 6 фр. Изъ Парижа; сборъ съ веч., по подпис. лис. и за литерат. 615 фр.; изъ Южн. Африки отъ С. И. К. 15 фр. За лит. изъ Лонд. 10 ш. 8 п. Въ № 27 „Искры“ пропущ. 25 дол. за лит. изъ Н.-Іорка. Чер. Г. С. Д. 420 м. 84 п. изъ нихъ для бѣжавш. 37 м., для ростовц. 92,30 м. Отъ Харьковск. Ком. 125 р. Съ предпріятія 100 р. Отъ сибиряка В. 15 р. Въ Берлинѣ гр. „Искры“ собрано въ пользу ростовцевъ и отправлено въ Донск. Ком. 28 м.

Вышла вторымъ изданіемъ брошюра Н. Ленина „Задачи русскихъ соціаль-демократовъ“ съ предисловіями П. Б. Аксельрода (къ первому изданію) и автора (ко второму изданію).

Печатается брошюра К. Каутскаго: „Соціальная революція“ (I. Соціальная революція и соціальная реформа. II. На другой день послѣ соціальной революціи). Переводъ съ нѣмецкаго.

Въ нѣмецкомъ соціаль-демократическомъ журналѣ „Die Neue Zeit“ напечатана въ двухъ номерахъ (№№ 11 и 12) статья В. И. Засуличъ: „Террористическое теченіе въ Россіи“. Мы надѣемся познакомить съ этой статьей и русскихъ читателей.

Со всѣми требованіями на нашу литературу просимъ обращаться изъ заграницы по адресу: Herrn Axelrod. Zurich, Vogelsangstrasse 9.

Типографія „Искры“.